

ПОЭТИЧЕСКІЯ  
**ВОЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ**  
НА  
ПРИРОДУ.

**ПОЭТИЧЕСКІЯ**  
**ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ**  
**НА**  
**ПРИРОДУ.**

**ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДАНІЙ  
И ВѢРОВАНІЙ, ВЪ СВЯЗИ СЪ МИФИЧЕСКИМИ СКАЗАНІЯМИ ДРУГИХЪ  
РОДСТВЕННЫХЪ НАРОДОВЪ.**

**А. АФАНАСЬЕВА.**

**ТОМЪ ВТОРЫЙ.**

*Издание К. Солдатенкова.*

**МОСКВА.**

—  
**1868.**



## ХV.

### ОГОНЬ.

Въ земномъ огнѣ древнѣйшія арійскія племена видѣли стихію, родственную съ небеснымъ пламенемъ грозы: огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, точно также прогоняетъ нечистую силу тьмы и холода и уготовляетъ насущную пищу, какъ и молніи, разбивающія темныя тучи, дарующія землѣ теплые и ясные весенніе дни и урожай; и тотъ, и другія равно наказуютъ пожарами. Такое сходство ихъ существенныхъ признаковъ отразилось и въ языкѣ, и въ мифѣ. Однимъ изъ прозваній бога-громовника въ Ведахъ было Агни—наше огонь (огнь, лит. ugnis, летт. uguns, лат. ignis)—имя, въ которомъ впоследствии стали видѣть самостоятельное, отдѣльное отъ Индры божество огня. Въ гимнахъ Ригъ-Веды златозубый и златобородый Агни призывается, какъ богъ грозового пламени; ему присвоиваются блестящія молніи и громкомычащія черныя коровы (тучи); онъ разитъ и пожираетъ злыхъ демоновъ, въ видѣ златовласой змѣи (молніи) отверзаетъ небо и низводитъ дождевые потоки; по быстротѣ его сравниваютъ съ вихремъ, по блеску — съ сіяніемъ утренней зори <sup>1)</sup>. И Индра и Агни одинаково олицетворялись въ образѣ сильнаго быка и одинаково назывались водорожденными—сыновьями или внуками воды, т. е. дождеваго облака <sup>2)</sup>. Въ

---

<sup>1)</sup> Orient und Occid. 1863, II, 233—8.—<sup>2)</sup> Die Götterwelt, 67, 296.



Эддѣ оговь — существо божественное, братъ воды и вѣтра; отъ великана Форниотра (For-niotr — der alte iotr- iðunn), т. е. тучи, родилось трое сыновей: Hlêr (вода), Logi (Loki — огонь, молнія) и Kagi (вѣтръ, воздухъ). Локи признавался за искуснаго кузнеца и владыку карликовъ — представленія, нераздѣльныя съ громовникомъ; датская поговорка: «Locke dricker vand» (trinkt wasser) означаетъ не только: огонь сушить воду, но и молнія проливаетъ (пьетъ изъ облака) дождь; ютландское выраженіе о парахъ, поднимающихся отъ земли въ знойный день: «Lokke driver idag med sine geder» (Локи выгоняетъ сегодня своихъ козъ) приписываетъ ему выгонъ на небо лѣтнихъ облаковъ, извѣстныхъ подъ именемъ барашковъ и Торовыхъ козъ <sup>1)</sup>).

Славяне называли огонь Сварожичемъ, сыномъ неба-Сварога <sup>2)</sup>. Объ этомъ божествѣ находимъ такое свидѣтельство у Дитмара, епископа межиборскаго († 1018 г.): «въ землѣ редарей есть городъ по имени Riedegost (Riedegast), треугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое ворота могли входить всѣ, а третьи, что на востокъ, меньшія и никому недоступныя, ведутъ къ морю. Въ городѣ нѣтъ ничего, кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева... Стѣны его извнѣ украшены чудесною рѣзьбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшно-одѣтые въ шлемы и панцири; на каждомъ нарѣзано его имя. Главный изъ нихъ Сварожичъ; всѣ язычники чтутъ его и поклоняются ему болѣе прочихъ боговъ» <sup>3)</sup>. Тутъ-

<sup>1)</sup> D. Myth., 220—2. Русская поговорка: „огонь — царь, вода — царица, воздухъ — господинъ“ (Послов. Даля, 1029). — <sup>2)</sup> Лят. рус. лит., т. IV, отд. 3, 89. 92; Оп. Румян. Муз., 228. — <sup>3)</sup> „Interius autem dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis, galeis atque loriceis terribiliter vestiti, quorum primus Zuarasiei (имя это встрѣчается и въ писмѣ епископа Вруна къ Генриху II) dicitur, et prae ceteris a cunctis gentilibus honoratur et collitur“.

же хранятся и священныя знамена. По мнѣнію г. Срезневскаго тотъ-же самый храмъ, только позднѣе и можетъ быть — перестроенный, описываютъ Адамъ Бременскій и Гельмольдъ. У перваго читаемъ: «знаменитый городъ редарей, Ретра—столица идолопоклонства; въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Redigast. Въ городѣ девять воротъ и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ; входить въ него по деревянному мосту, но это позволено только тѣмъ, которые желаютъ принести жертву или получить отвѣтъ»<sup>1)</sup>. Слово Редиго(а)стъ, приводимое Дитмаромъ, какъ названіе города, г. Срезневскій считаетъ за прилагательное Редиго(а)щъ<sup>2)</sup>; онъ принимаетъ этотъ Редигостовъ городъ за Ретру, а Редиго(а)ста и Сварожича — за два имени одного божества. Въ глоссахъ Вацерада Radihost приравнивается Меркурію (=Гермесу), въ которомъ чтится молніеносный богъ. Согласно съ этимъ значеніемъ, и Сварожичъ и Редигостъ представляются распорядителями войнъ; хроники и топу, и другому даютъ священнаго коня, по поступку котораго славяне гадали объ исходѣ своихъ общественныхъ предпріятій<sup>3)</sup>. Имя Ради-гостъ до сихъ поръ остается необъясненнымъ; оно, очевидно, — сложное и первую половину своею стоитъ въ сродствѣ съ названіемъ рад-уница (рад-онница, рад-овница) — праздникъ обновляющейся весною природы<sup>4)</sup>, издревле получившій значеніе времени, посвященнаго чествованію усопшихъ; ибо съ воскресеніемъ природы отъ зимней

<sup>1)</sup> Ч. О. И. м. Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 45—46; Макуш., 83.—<sup>2)</sup> Сравн: Быдгощъ отъ Быдгостъ, вѣщъ (вѣщій) отъ вѣсть в др. — <sup>3)</sup> Ж. М. Н. П. 1846, VII, 55—57; Рус. Вес. 1856, I, 20—22. Ходаковский (Р. И. Сб., III, 161) указываетъ урочище Радгостъ (новг. губ.) и пустошь Редбужу; въ Моравіи есть гора Radgost (Радгостъ)—Рус. Вес. 1857, IV, 75; Рус. прост. правда., I, 134; Нар. zpiewanku, I, 397.— <sup>4)</sup> Радунница бываетъ или на Красную Горку или въ слѣдующіе дни Ожиной недѣли.

смерти соединилась мысль о пробужденіи умерших, объ освобожденіи ихъ изъ мрачныхъ затворовъ ада (см. гл. XXIV). Корень рад означаетъ блестящій, просвѣтленный; сравни лат. *radio* — блистать, сіять, *radius* — лучъ; весна, приводящая свѣтлые дни, называется красною. Слово гость (пол. *gość*, нл. *goost*, чеш. *host*, готск. *gasts*, англос. и др.-нѣм. *gast*, лат. *hostis* — чужестранецъ, непріятель), по мнѣнію Боппа и Миклошича, происходитъ отъ санскр. *ghas* — *edere* (*hostia* — жертва); а Пикте указываетъ на корень *ghash* — *laedere*, *interficere*. Въ санскритѣ гость — *gōghna*, буквально: тотъ, который убиваетъ быка или корову, или для котораго убивается это животное. Обычай древнихъ пастушескихъ народовъ требовалъ убивать для гостя жирнаго тельца; греч. *ξένος*, *ξείνος* — гость отъ *τείνω* — убивать <sup>1)</sup>. Отъ понятія о пришельцѣ, посѣтителѣ, слово гость перешло къ обозначенію всякаго чужеродца, иноземца и торговаго человѣка: какъ на Руси первостепенныхъ купцовъ называли въ старину гостями, (гостинный дворъ, гостинецъ — большая проѣзжая дорога), такъ въ томъ-же смыслѣ употребляются хорутан. *gost*, *gostnik* и чеш. *hosták* <sup>2)</sup>. Радигость слѣдовательно молніеносный богъ, убійца и пожиратель тучъ (небесныхъ коровъ), и вмѣстѣ свѣтозарный гость, являющійся съ возвратомъ весны. Земной огонь, какъ то-же пламя, которое возжигается Перуномъ въ облакахъ, признавался сыномъ Неба, низведеннымъ долу, въ даръ смертнымъ, быстролетною, падающею съ воздушныхъ высотъ молніею, и потому съ нимъ также соединилась идея почетнаго божественнаго гостя, пришельца съ небесъ на землю. Русскіе поселяне доселѣ чествуютъ его именемъ гостя (см. ниже, стр. 10). Вмѣстѣ съ этимъ онъ получилъ характеръ бога-оберегателя всякаго иноплеменика

<sup>1)</sup> Пикте, II, 45—46. — <sup>2)</sup> Мысли объ истор. рус. яз., 138.

(гостя), явившагося въ чужой домъ и отдавашагося подъ защиту мѣстныхъ пенатовъ (т. е. очага), бога-покровителя прѣхавшихъ изъ дальнихъ странъ купцовъ и вообще торговли (см. ниже).

Древніе мноы приписываютъ происхожденіе огня—и наведенію или похищенію его съ неба. По индѣйскому сказанію, одаренный божественными свойствами *Mātarisvan* добылъ огонь изъ облачной пещеры и ссудилъ его одному изъ старѣйшихъ жреческихъ родовъ *Bhrgu* или первому человѣку *Manu*, почему ученые видятъ въ немъ другаго Прометея; самому Агни дается прозваніе *Mātarisvan*, и это прямо свидѣтельствуешь за нихъ первоначальное тождество. Греческій Прометей, похитившій съ неба огонь, какъ теперь положительно доказано, есть никто иной, какъ самъ громовникъ, возжигатель грозового пламени и метатель молніеносныхъ стрѣлъ съ высокаго неба на дольную землю <sup>1)</sup>. У нѣмцевъ ему соответствуетъ *Lothi*, котораго уже Я. Гриммъ съ свойственнымъ ему ученымъ ясновидѣніемъ сближалъ съ Прометеемъ и Гефестомъ; подобно Гефесту, онъ былъ низринутъ съ неба и также представляется хромоногимъ <sup>2)</sup>; подобно Прометею, прикованному къ скалѣ (=тучѣ) за похищеніе небеснаго огня, *Локи* былъ заключенъ въ цѣпи за свое лукавство (см. т. I, стр. 756). Судорожныя движенія окованныхъ *Локи* и Прометея равно производитъ землетрясеніе (=громъ <sup>3)</sup>). О распространяющемся пламени пожара нѣмцы выражаются: «es (feuer) los werde, ausbreche, auskomme» — какъ-бы разорвалъ цѣпи <sup>4)</sup>. Древнѣйшій способъ добыванія огня у индѣйцевъ, персовъ, грековъ, германцевъ и литовско-славянскихъ племенъ былъ слѣдующій: брали обрубокъ изъ мягкаго дерева, дѣлали въ

<sup>1)</sup> Кунъ, 5—8, 17.— <sup>2)</sup> О хромой ногъ, какъ одномъ изъ существенныхъ признаковъ молніеноснаго бога, см. гл. XXII.— <sup>3)</sup> D. Myth., 221, 225.— <sup>4)</sup> Ibid., 569.

немъ отверстіе, и вставляя туда твердый сукъ, обвитый сухими травами, веревкою или паклею, вращали до тѣхъ поръ, пока не появлялось отъ тренія пламя; вмѣсто деревяннаго обрубка, употреблялась и втулка отъ стараго колеса. Такъ какъ гроза, разбивая мрачныя тучи, выводитъ изъ-за нихъ ясное солнце и какъ-бы возвращаетъ ему свѣтъ; то отсюда естественно возникла мысль, что богъ-громовникъ возжигаетъ свѣтильникъ весенняго солнца, потушенный демонами зимы и мрака <sup>1)</sup>. Тотъ-же способъ добыванія огня, къ которому привыкъ человѣкъ въ своемъ быту, видѣлся ему и въ небѣ: въ глубочайшей древности создавалось вѣрованіе, что богъ-громовникъ вращаетъ, какъ буравъ, свою молніеносную паллицу въ ступицѣ колеса-солнца (I, 207—212) или въ деревѣ-тучѣ, и чрезъ то вызываетъ пламя грозы. Рядомъ съ этимъ, изъ представленія души—горящимъ свѣточемъ (см. гл. XXIV), изъ связи весеннихъ грозъ съ идеею оплодотворенія, и наконецъ изъ того уподобленія, какое проводила фантазія между добываніемъ огня черезъ треніе и антоиъ соитія и между дождемъ и плотскимъ сѣменемъ, возникли сказанія, что первый человѣкъ созданъ и низошелъ въ этотъ міръ въ молніи (см. гл. XIX) и что имъ-то принесенъ огонь съ неба на землю. Стремительная, «окрыленная» молнія олицетворялась обыкновенно въ образѣ быстролетныхъ птицъ орла и сокола; тотъ-же образъ придавался и богу Агни; отсюда—мнѣ, что златокрылый соколъ или самъ Агни въ видѣ этой птицы принесъ на землю искру небеснаго пламени <sup>2)</sup>. Въ одномъ изъ старинныхъ

<sup>1)</sup> Объ Ильѣ-громовникѣ одно поученіе на Ильинъ день говорить: „нынѣ свѣтозарное солнце небеснаго круга шествія огненныхъ нонъ свѣтлостію просвѣщается радостію пресвѣтлыя памяти огненоснаго пророка Іліи“ (Щаповъ, 14. 18). Возжигаемое въ тучахъ, солнце представлялось какъ-бы вновь нарождающимся, и потому летты называютъ его дочерью Перкуна — Germ. Mythen, 142—3 — <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 53, 61—62.

апокрифовъ находимъ любопытный отголосокъ преданія о происхожденіи огня; на вопросъ: «какъ огонь зачася?» здѣсь сказано: архангелъ Михаилъ (замѣна воинственнаго громовника архистратигомъ небесныхъ силъ) возжегъ его отъ зеницы божіей, т. е. отъ всевидящаго ока-солнца (I, стр. 166), и принесть на землю; точно также огонь, похищенный Прометеемъ, былъ возженъ имъ отъ солнечной колесницы. Въ Литвѣ въ эпоху язычества истуканъ Перкуна стоялъ подъ дубомъ, а передъ нимъ на жертвенникѣ горѣлъ неугасимый огонь, охраненіе котораго возлагалось на жрецовъ и вейделотокъ <sup>1)</sup>. Густинская летопись говоритъ: «ему же (Перкуну), яко богу, жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно палаху; аще бы случилось за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, такового іерея безъ всякаго извѣста и милости убиваху» <sup>2)</sup>. Хотя неугасимый огонь чтлся литовцами, какъ особое божество, подъ именемъ Зича [срѣвн: зной, зіять или зіяать — блестятъ (сіять), зніяать — пылать, пахнуть гарью, зноить ся — дымиться, зноить — отъ сильнаго жара принимать красный цвѣтъ <sup>3)</sup>]; но что поклоненіе ему принадлежало къ культу громовника — это очевидно изъ самаго возженія священнаго пламени при истуканѣ Перкуна. Въ Литвѣ до сихъ поръ рассказываютъ, что ижегда Перкунъ, вѣстѣ съ богомъ преисподней, странствовалъ по землѣ и наблюдалъ за людьми: сохраняютъ ли они священный огонь? и при этомъ надѣлалъ богиню жать, т. е. Землю, неуздаемой юностью (силою плодородія <sup>4)</sup>. У бѣлоруссовъ (минск. губ.) удѣлѣно такое преданіе: Жыжъ (отъ жечь, жгу, малор. жі́жа — огонь <sup>5)</sup>) постоянно расхаживаетъ подъ землею <sup>6)</sup>, испуская изъ себя пламя; если онъ хо-

<sup>1)</sup> Черты литов. нар., 9.—<sup>2)</sup> П. С. Р. Л., II, 257.—<sup>3)</sup> Обл. Сл., 70—71; Доп. обл. сл., 68.—<sup>4)</sup> Рус. Сл. 1860, V, 12.—<sup>5)</sup> Старосв. Бавд., 324.—<sup>6)</sup> О молвіяхъ, тающихъ въ тучахъ, много выражает-

дѣтъ тихо, то согрѣваетъ только землю; если же движенія его быстры, то производитъ пожары, истребляющіе дѣса, сѣнокосы и нивы. Поговорка: «жыжъ уна́дзвися» означаетъ: стали частыя засухи или пожары <sup>1)</sup>). Римляне чтили неизсякающій огонь богини Весты, охраняемый дѣвами-весталками; если неожиданно онъ погасалъ — это считалось бѣдственнымъ предзнаменованіемъ для всего государства, и такое печальное событіе требовало чрезвычайныхъ жертвоприношеній; чтобы возжечь погасшій огонь, для этого требовалось новое, чистѣйшее пламя, которое добывали чрезъ соединеніе въ одну точку солнечныхъ лучей или чрезъ треніе священнаго дерева, и такимъ образомъ какъ-бы сводили его съ неба. Веста изображалась или подлѣ пылающаго очага, или съ горящимъ свѣтильникомъ въ рукѣ. Въ греческой мифологіи богинѣ этой соотвѣтствуетъ *Ἑστία*, которая чествовалась, какъ охранительное пламя очага. На Лемносѣ, куда по преданію Зевсъ забросилъ Гефеста и гдѣ потому особенно развился культъ бога-огневластителя, было въ году время, когда на девять дней гасили всѣ старые огни и въ замѣнъ ихъ привозили на кораблѣ новый съ Аполлонова жертвенника изъ Делоса <sup>2)</sup>).

Множество доселѣ-живущихъ въ народѣ примѣтъ, повѣрій и обрядовъ свидѣтельствуютъ о старинномъ поклоненіи огню, какъ стихіи божественной и эмблемѣ грозоваго пламени. Зажигая вечеромъ лучину, ночникъ или свѣчу, простолоудины крестятся; если же огонь долго не вздувается, то приговариваютъ: «святѣй огонѣшекъ! дайся намъ». Будетъ ли внесена въ темную комнату зажженная свѣча, ее встрѣчаютъ съ крестнымъ знаменіемъ, точно также, какъ существуетъ обычай креститься при ударахъ грома и

---

си, какъ о небесномъ огнѣ, заключенномъ въ горахъ и подъ землею (см. ниже).— <sup>1)</sup> Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 93—94.— <sup>2)</sup> D. Myth., 577.

блескъ молніи <sup>1)</sup>). Чехи, о которыхъ еще Козьма Пражскій за-  
жѣтилъ: «*hic ignes colit*», называютъ огонь божьимъ —  
*boží oheň* <sup>2)</sup>). Плевать на огонь — величайшее нечестіе: за  
такое оскорбленіе свѣтыни — на губахъ и языкѣ виновнаго  
высыпаютъ прыщи, называемые въ областныхъ нарѣчіяхъ  
огникъ и жыжка; дѣтямъ обыкновенно говорятъ: «не плюй  
на огонь, а то огникъ выскочитъ!» <sup>3)</sup>). Не должно кидать  
въ огонь ничего нечистаго — ни соплей, ни калу; поршѣ на тѣ-  
лѣ приписывается дѣйствию огня, наказующаго за подобные  
проступки. Поляск. *swąd, swędzieć* означаютъ: угаръ и  
зудъ, вонять гарью и зудить <sup>4)</sup>). Если замѣтить, что кто-нибудь  
не у мѣста испражняется, то берутъ изъ печи раскаленные  
уголья и бросаютъ на пометъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что  
послѣ этого задъ у виновнаго непременно опоршится <sup>5)</sup>).  
Гордущую лучину или свѣчу должно гасить благоговѣнно: пла-  
мя задувать губами, нагаръ снимать пальцами, а уцѣлѣвшій  
остатокъ бережно класть на мѣсто; погасить же огонь какъ  
попало, т. е. ударить лучину объ полъ или затоптать ее но-  
гою — считается большимъ грѣхомъ, за который раздраженная  
стихіи отплатить пожаромъ въ домѣ нечестивца <sup>6)</sup>). Когда ме-  
тутъ печь вѣшникомъ, и онъ загорится — то не слѣдуетъ за-  
таптывать пламя ногами, а залить водою <sup>7)</sup>). Кто разводитъ  
въ печи огонь, тотъ, по литовскому повѣрью, обязанъ совер-  
шать это молча и не оглядываясь; не то огонь, караи за нару-  
шеніе должнаго благоговѣнія, выйдетъ изъ печи и зажжетъ

<sup>1)</sup> Ворон. Г. В. 1851, 10; Записки Андѣев., 128. Въ архангель-  
ской губ. думаютъ, что зажигать свѣчу днемъ, когда и безъ того  
свѣтло, — грѣхъ. — <sup>2)</sup> Громаниъ, 41. — <sup>3)</sup> Херсон. Г. В. 1852, 17;  
Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 94; Beiträge zur D. M., I, 235. Персы  
признавали проказу и шелуди — наказаніемъ, наслыаемымъ за пре-  
ступленіе противъ солнца — Геродотъ, кн. I, гл. 138. — <sup>4)</sup> Запи-  
ски Археологич. общ., XIII, 240, 248—9; Потебн., 26. — <sup>5)</sup> Запи-  
ски Андѣев., 301. — <sup>6)</sup> Этн. Сб., II, 126. — <sup>7)</sup> Цебрик., 264.



избу <sup>1)</sup>. Въ тверской губ. у кого загорится изба, того не пускаютъ въ другіе жилые дома; напротивъ, овъ долженъ бѣжать какъ можно далѣе отъ жилья, чтобы отвести за собою пламя, которое такимъ образомъ представляется преслѣдующею его, живую и мстительною стихією. Народъ даетъ огню апитетъ живаго и видитъ въ немъ (какъ ясно свидѣтельствуя различные преданія) существо вѣчно-голодное и всепожирающее. По указанію галицкой пословицы, «огонь святыи мстителъ, якъ го не шануешь»; у сербовъ есть клятва: «тако не живи 'оган(ъ) не сажегао!» <sup>2)</sup>. Между крестьянами самарской губ. донынѣ удерживается суевѣріе, что тушить пожары (чѣмъ бы ни были они вызваны) — грѣшно <sup>3)</sup>; въ другихъ же мѣстностяхъ мнѣніе это прилагается только къ строеніямъ, зажженнымъ ударомъ молніи. Литовцы, когда случится пожаръ, обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія кусокъ освященнаго хлѣба, и потомъ бросаютъ его въ пламя, чтобы умилостивить гнѣвную стихію и приостановить ея разрушительное дѣйствіе <sup>4)</sup>. Въ черниговской губ. выносятъ при пожарахъ квашню, кладутъ на нее хлѣбъ-соль, ставятъ тутъ же икону и молятся о помилованьи. На Волынѣ, вмѣсто квашни, выносятъ небольшой столъ, накрытый чистою скатертью; на столѣ кладется хлѣбъ-соль и ставится святая вода; съ этимъ столомъ знахарка обходитъ кругомъ загорѣвшагося дома и шепчетъ слѣдующее любопытное заклятіе: «ой ты, огню пожаданный, изъ неба намъ зосланный! не реходься ты, якъ дымъ, бо такъ приказавъ тоби Божій Сынъ» или: «витаю (привѣтствую) тебе, гостю! заговляю тебе, гостю»

---

<sup>1)</sup> Черты литон. нар., 98. У римлянъ запрещалось принасять къ огню мечемъ (Проппен, IV, ст. Брюнова, 12). — <sup>2)</sup> Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл., 44; Сри. и. посл., 298. — <sup>3)</sup> Самар. Г. В. 1854, 43. — <sup>4)</sup> Черты литов. нар., 94.

тъ! иорданскою водою заливаю тебе, гостю! Пришовъ Господь въ міръ — міръ ёго не познавъ, а святыи огонь слугою своимъ назвавъ; Господь на небо вознесся, за Господомъ и слуга (его) святыи огонь понесся-<sup>1)</sup>. Въ старину бросали хлѣбъ-соль въ пламя пожара, какъ это доселѣ дѣлается у чеховъ<sup>2)</sup> и въ Литвѣ. Во время грозы крестьяне наши, чтобы охранять домъ, людей и животныхъ отъ ея карающей силы, зажигаютъ въ избахъ восковыя свѣчи — крещенскія<sup>3)</sup>, четверговыя или вѣнчалныя. Съ именемъ Іоанна Крестителя слились древнія вѣрованія въ дождащаго Перуна; четвергъ былъ день, посвященный громовнику, и особенное почтеніе воздается этому дню на страстной недѣлѣ, какъ предшествующей празднику весенняго воскресенія природы; вотъ почему свѣчи крещенская и четверговая получили въ народныхъ обрядахъ символическое значеніе молніеноснаго пламени, возжигаемаго Перуномъ. Тоже значеніе придаю и вѣнчалной свѣчѣ, такъ какъ въ лѣтнихъ грозахъ совершался брачный союзъ бога-громовника съ облачною дѣвою. Вечеромъ въ чистый четвергъ приносятъ изъ храма зажженные свѣчи и коптятъ ими на притолкахъ и матицахъ кресты, что по общему убѣжденію предохраняетъ домъ отъ удара молніи<sup>4)</sup>. Сочетаніемъ этому, въ Германіи вѣрятъ, что молнія ни за что не ударитъ въ домъ, на очагѣ котораго пылаетъ огонь; потому во время грозы разводятъ въ печи огонь, или берутъ топоръ (символъ громовой палицы) и вонзаютъ его въ дверной косякъ<sup>5)</sup>. Четверговыя и крещенскія свѣчи зажигаются и въ томъ случаѣ, когда вспыхнетъ гдѣ-нибудь вблизи пожаръ: дѣлается это съ цѣлію отстоять свой домъ отъ угро-

<sup>1)</sup> Волыи. Г. В. 1859, 17. — <sup>2)</sup> Громанъ, 41. — <sup>3)</sup> Особенно тѣ, которыя были пригнаны къ чашѣ съ водою, при совершеніи водосвятія. — <sup>4)</sup> Ворон. Г. В. 1851, 11; Саратов. Г. В. 1851, 29. —

<sup>5)</sup> D. Myth., 568; Zeitsch. für D. M., IV, 297.

жающей ему бѣды. Но что особенно знаменательно — свѣчи эти (иногда и подвѣсочную) зажигаютъ во время трудныхъ родовъ, чтобы облегчить страданія родильницы <sup>1)</sup>; обычай, уназывающій на ту плодородящую силу, какая соединялась съ молніями, посылающими дожди, а отъ нихъ небеснаго пламени перенесена и вообще на огонь. Молодые, возвращаясь домой послѣ вѣнца, переѣзжаютъ черезъ разложенные въ воротахъ и зажженные снопы соломы — для будущаго счастья и плодородія <sup>2)</sup>; въ нѣкоторыхъ деревняхъ заставляютъ ихъ на другой день брака прыгать черезъ огонь, и первую кудель, за которую примется молодая, нарочно зажигаютъ ей родичи и знакомые <sup>3)</sup>. Еще нагляднѣе выражается эта тождественность огня съ грозовымъ пламенемъ въ слѣдующихъ повѣрьяхъ о вліяніи его на земные урожан. На Срѣтенье, праздникъ, которому въ западныхъ губерніяхъ присвоивается названіе «Громиницъ», каждый хозяинъ освящаетъ для себя восковую свѣчу и хранитъ ее въ анбартѣ; во время посѣвовъ и жатвы свѣча эта выносится на поля (вѣтебск. губ.). Существуетъ примѣта: если въ чистый четвергъ свѣчи, разносимыя изъ церкви по домамъ, не гаснутъ на воздухѣ, то это предвѣщаетъ большой урожай яровыхъ хлѣбовъ. Въ тѣ дни, когда выѣзжаютъ унаваживать и пахать землю, крестьяне ни за что не даютъ изъ своего дома огня; они убѣждены, что у того, кто ссудитъ чужаго человека огнемъ, хлѣбъ не уродится, и наоборотъ — у того, кто выпроситъ себѣ огня, урожай будетъ хорошій <sup>4)</sup>. И во всякое другое время крестьяне неохотно даютъ огонь, опасаясь неурожая и скотскаго падежа; если же и дадутъ, то не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы взятые горя-

<sup>1)</sup> Саратов. Г. В. 1851, 29. — <sup>2)</sup> Абев., 44—45. — <sup>3)</sup> Р. И. Сб., III, 199. Это возженіе кудели стоитъ въ связи съ представленіемъ грозовыхъ облаковъ пряжею (см. гл. XXIII). — <sup>4)</sup> Вѣст. Р. Г. О.

чіе угля, по разведеніи огня въ домѣ, были немедленно возвращены назадъ. Кто никогда не отказывается своимъ соседямъ въ горячихъ угляхъ, у того отыщется счастье и хлѣбъ въ полѣ не простоятъ безъ поправки <sup>1)</sup>). Чтобы очистить просо отъ сорныхъ травъ и предохранить отъ порчи, всѣ зерна, назначенныя къ посѣву, перепускаются черезъ поломя, т. е. сквозъ дымъ зажженной соломы, или передъ самымъ началомъ посѣва вкидываютъ горсть проса въ огонь, и вѣрятъ, что оно уродится «чистое якъ золото» <sup>2)</sup>). Болгары, выѣзжая пахать или сѣять, посыпаютъ около повозки пепломъ и горячими углями <sup>3)</sup>). Итакъ огонь — божество, творящее урожанъ; погашеніе его и отдача въ чужой домъ — знакъ безплодія и перехода изобилія въ постороннія руки. Когда пекутъ хлѣбы, то наблюдаютъ: куда наклонятся они головами (верхушками): если внутрь печи — это предвѣщаетъ прибыль, а если къ устью (къ выходу) — убытокъ <sup>4)</sup>). Ради этой связи огня съ плодородіемъ и указаннаго выше сближенія его съ золотомъ (I, 200), — съ стихіей этой нераздѣльно понятіе о даруемомъ ею богатствѣ и семейномъ благосостояніи; народъ даетъ огню названія: богачъ, богатъ <sup>5)</sup>). Отсюда объясняется, почему домашній очагъ получилъ значеніе пената (домоваго), оберегающаго имущество домохозяина и умножающаго его доходы.

Кромѣ вліянія на плодородіе, огню приписываются тѣже очистительныя и вѣсть цѣлебныя свойства, что и молніи. Противодѣйствуя яраку и холоду, онъ прогоняетъ и де-

---

1853, III, 6; Нар. сл. раз., 163; Совр. 1852, I, сивъ, 122; Beiträge zur D. Myth., I, 76: въ западной Европѣ существуетъ обычай бѣгать по засѣянныимъ полямъ съ возженими факелами. — <sup>1)</sup> Вти. Сб., II, 126; Beiträge zur D. M., I, 236; Громаничъ, 42, 146 — <sup>2)</sup> Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовъ, 77. — <sup>3)</sup> Поназадецъ Раковск., 52. — <sup>4)</sup> Записки Авдѣевъ, 141. — <sup>5)</sup> Обл. Сл., 4.

моновъ всякихъ бѣдъ и болѣзней, въ которыхъ первобытные народы видѣли порожденіе темной, нечистой силы. Съ возженіемъ огня издревле соединялась мысль о возрождающейся жизни, а съ его погашеніемъ — мысль о смерти (см. гл. XXIV). Огонь есть самая чистая—свѣтлая, и въ этомъ смыслѣ святая стихія (I, 96), нетерпящая ничего омрачающаго, въ переносномъ смыслѣ: ничего злаго и грѣховнаго. Считая за величайшее нечестіе сорить хлѣбомъ, вѣнцъ «даромъ божіимъ», крестьяне тщательно собираютъ разсыпанныя крошки и бросаютъ ихъ въ пламя очага, какъ въ святилище всесовершенной чистоты; также поступаютъ они и съ крошками паша, и съ остатками другихъ освященныхъ яствъ <sup>1)</sup>. Однимъ изъ обыкновенныхъ прозваній бога Агни было очиститель <sup>2)</sup>; сик. ровака—огонь образовалось отъ рѹ—очищать: это первоначальное, коренное значеніе сохранилось въ латинскомъ *rigus*, тогда какъ греч. *πῦρ* (др.-в.-вѣм. *fiur*)—огонь (см. I, 310). Согласно съ олицетвореніемъ огня у классическихъ народовъ въ женскомъ образѣ, свѣтоносная чистота богини Весты возбудила нравственное представленіе о ея вѣчной, незапятнанной дѣвственности; почему и служить этой богинѣ, смотрѣть за ея священнымъ пламенемъ могли только цѣломудренныя дѣвы (весталки <sup>3)</sup>). Очагъ требуетъ отъ людей цѣломудрія; соединеніе половъ должно быть скрыто отъ него; дѣло, физически или нравственно нечистое, наноситъ ему оскорбленіе, и человѣкъ, сознающій за собою вину, уже не можетъ приблизиться къ родному очагу, пока не совершитъ покупительнаго обряда. Обращаясь къ его пламени, люди испрашивали не только богатства, но и чистоты сердца, умѣренности, здравія душевнаго и тѣлеснаго<sup>4)</sup>. Увидать нечаянно огонь

<sup>1)</sup> Малакъ, XI, 18; Громанъ, 41.— <sup>2)</sup> Ж. М. Н. П. 1845. XII, 137.— <sup>3)</sup> Sonne, Mond u. Sterne, 95.— <sup>4)</sup> Ф. Кулакъ, 33—34, 133—4.

ночью признается на Руси за добрую примету: больному это предвѣщает выздоровленіе, а здоровому — счастье <sup>1)</sup>. Когда у ребенка случится «родимецъ» или «веснуха», то для прогнанія болѣзни зажигаютъ страстную (четверговую) свѣчу; отъ головной боля заказываютъ сдѣлать свѣчу длиною по мѣркѣ, снятой съ головы, и ставятъ ее въ церкви передъ иконою, или првѣщаютъ къ омовенію водою, въ которую напередъ опускаются горячіе уголья, и прв этомъ причитываютъ: «ой, гулькѣ вода! бусь вода! крещи огню, жени бѣду!» <sup>2)</sup>. Вода — символъ дождя, горячій уголь — молніи, которую Перунъ выстѣкаетъ изъ кремня. Чтобы очистить тѣло отъ показавшейся сыпи, берутъ кремень, кресало, и выстѣкаютъ надъ болячками искры (I, 204); а красноватыя и синія пятна «сибирки» выжвгаютъ раскаленнымъ желѣзомъ, которое въ глубочайшей древности принималось за эмблему Перуновой палицы. На Крещенье зажженою въ церкви свѣчею подпаливаютъ у себя виски, чтобы волосы росли густые и красивые, голова бы просвѣтлялась разумомъ, а самъ бы человекъ былъ счастливъ <sup>3)</sup>; въ илленской губ. жгутъ на головѣ волоса срътенскою свѣчею — на счастье и здравіе. Отъ лихорадки лѣчатъ такъ: берутъ освященную вербу (см. ниже въ гл. XVIII — о представленіи молніи прутомъ или вѣткою), дѣлаютъ на ней столько нарѣзокъ, сколько было параксизмовъ, и затѣмъ кладутъ въ затопленную печь; когда верба сгоритъ, должно взглянуть на оставшійся пепелъ и положить три земныхъ поклона <sup>4)</sup>: вмѣстѣ съ уничтоженными огнемъ нарѣзками пропадаетъ и самая лихорадка. Въ случаѣ «сглаза» стараются до-  
стать доскутъ одежды или клочъ волосъ отъ того, кто

<sup>1)</sup> Этн. сб., II, 57.—<sup>2)</sup> Учен. зап. моск. универс. 1834, IV, 150.—

<sup>3)</sup> Матвѣ, XVII, 44—45.— <sup>4)</sup> Ворон. лнт. сб., 384.

заподозрѣтъ виновникомъ болѣзни, и сожигаютъ на горячихъ угляхъ. Большой при этомъ спрашиваетъ: «что куришь?» Ему отвѣчаютъ: «курю уроки, призорыки, лихіе оговоры!»—Кури да гораздо, чтобы вѣкъ не было! <sup>1)</sup>). Если какое животное или птица испугаетъ ребенка, то у первого вырываютъ клокъ шерсти, а у второй нѣсколько перьевъ, и этою шерстью или перьями окуриваютъ испуганнаго, чтобы предотвратить несчастныя послѣдствія <sup>2)</sup>). Отъ дѣтской болѣзни, извѣстной подъ названіями стѣнь, сухотка и собачья старость, лѣчатъ такъ: когда придетъ время печь хлѣбъ, то, посадивъ первую ковригу, посыпаютъ лопату мукою, кладутъ на нее ребенка и до трехъ разъ всовываютъ въ устье истопленной печи; при этомъ одна баба стоитъ подъ окномъ и спрашиваетъ другую, которая держитъ лопату: «что печешь?»—Стѣнь пеку, сушець запекаю! <sup>3)</sup>). Тотъ-же обрядъ совершается противъ грыжи и гнетеницы: это называется перепекать болѣзнь. Южные славяне страдающихъ «воспаленіемъ» поджариваютъ, словно барашка на вертелѣ: они устанавливаютъ два большихъ камня, обвертываютъ больнаго въ толстые ковры, привязываютъ его къ шесту и кладутъ на камни, по обѣимъ сторонамъ которыхъ разводятъ огонь; послѣ того начинаютъ повертывать больнаго — такъ, чтобы жаръ об-

---

<sup>1)</sup> Карман. книжка для любит. землед., 318—320; Записки Авдѣев., 139—140.— <sup>2)</sup> Полт. Г. В. 1846, 41.— <sup>3)</sup> Хлѣбъ и мука — символы жизни, здоровья: безплодныхъ женъ и больныхъ окуриваютъ артусомъ, пасхою и свадебнымъ короваемъ. Названіе болѣзни «собачьей старостью» дало поводъ класть, вмѣстѣ съ ребенкомъ, въ печь щенка; вслѣдъ за тѣмъ топятъ щенка въ водѣ и думаютъ, что вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ и самый недугъ—Сахаровъ, I, 39; О. З. 1848, т. LVI, 202; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 10; въ томской губ. обмазываютъ ребенка сметаною и даютъ облизать собаку — Этн. Сб., VI, 130. Иногда мѣряютъ ниткою тѣнь больнаго (нѣрочно, по созвучію съ словомъ стѣнь), и закатавъ ее въ хлѣбъ, даютъ съѣсть собацѣ.

хватилъ его вездѣ <sup>1)</sup>). Обыкновеніе класть хворыхъ дѣтей въ печь извѣстно и въ Германіи <sup>2)</sup>). Отъ насморка в головной боли окуриваютъ пряжею; когда ребенокъ страдаетъ безсонницею, то берутъ длинныя пряди льну, шѣряютъ у дитяти руки, ноги и ростъ, затѣмъ кладутъ пряди на печную заслонку, зажигаютъ и держатъ больного надъ дымомъ: такимъ образомъ болѣзнь смѣривается и сожигается на очагѣ <sup>3)</sup>). На Благовѣщенье и 30-го сентября (по окончаніи уборки хлѣба) сожигаютъ соломенные постели и старые лапти, скачутъ черезъ разведенное пламя и окуриваютъ свою одѣжу отъ болѣзней и чаръ; наканунѣ Иванова дня съ тою-же цѣлью сожигаютъ въ лѣсу старыя сорочки и прыгаютъ черезъ костры <sup>4)</sup>), о чемъ упоминаетъ уже Коричая книга 1282 года: «нѣщии предѣ храмы своиши... или предѣ враты домовъ своихъ, пожаръ запаливши, прескакають по древнему нѣкоему обычаю» <sup>5)</sup>). Въ курской губ. если въ какой-нибудь семьѣ умираютъ новорожденные дѣти, то мать купается на дровосѣкѣ, рубить топоромъ снятую съ себя сорочку и тутъ-же сожигаетъ ее <sup>6)</sup>). Топоръ — эмблема молніи, вода — дождя. Въ древнѣйшихъ поэтическихъ представленіяхъ облака уподоблялись небеснымъ покроямъ (тканьямъ), волосамъ, шерсти и пряжѣ, и потому въ указанныхъ нами обрядахъ предаются огню именно эти символическіе предметы: съ ихъ сожженіемъ пропадаетъ и болѣзнь, подобно тому, какъ въ пламени весеннихъ грозъ гибнетъ не-

<sup>1)</sup> О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 84.— <sup>2)</sup> D. Myth., 1118.—

<sup>3)</sup> Мать больного — одинъ изъ древнѣйшихъ обычаевъ (см. D. Myth., 1116—7).— <sup>4)</sup> Сахаров., II, 18—19, 36, 59.— <sup>5)</sup> Историч. Христон. Вул., 384. Татары варили, что огонь противодействуетъ злымъ умышлямъ и отымаетъ силу у ядовитыхъ снадобій; иноземныхъ пословъ и русскихъ низзей проводили въ шатеръ хана между двумя разложенными ножами (Собр. путешествій къ татарамъ, Плато-Карпини, 19; Исторія Солов., III, 179.—<sup>6)</sup> Этн. Сб., V, 92—93.



чистая сила мертвящей зямы <sup>1)</sup>. Отъ огня цѣлебныя свойства перенесены на золу в пепелъ. Отъ лихорадки и другихъ болѣзней даютъ пить воду или вино (метафоры дождя), смѣшанныя съ золою, которую берутъ изъ печи или изъ церковнаго кадила <sup>2)</sup>. Въ Польшѣ <sup>3)</sup> вокругъ постели больного посыпали пепломъ изъ сита (о связи сита съ дождемъ см. I, 570—2).

Но особенно-важное значеніе приписывалось огню, добываемому треніемъ изъ дерева, такъ какъ подъ тѣмъ-же образомъ древнѣйшій мифъ представлялъ возженіе богомъ-громовникомъ небеснаго пламени грозы. Такой огонь называется на Руси древеснымъ, лѣснымъ, новымъ, живымъ, лѣкарственнымъ или царь-огонь <sup>4)</sup>, у сербовъ ватра (въ старину—молнія) жива, живи огань, у чеховъ boží oheň, — точно также, какъ дождь, льющійся изъ тучи, пробуравленной палицею Перуна, назывался живою водою. Пламя это признается спасительнымъ противъ всякихъ заразительныхъ и поваральныхъ болѣзней. Огонь, бывшій до того въ людскомъ употребленіи, не считается годнымъ для такого священнаго дѣла; какъ вода, предназначаемая для лѣченья, должна быть непочатая, только что почерпнутая изъ родника, такъ и огонь требуется новый, неслужившій еще человѣческимъ нуждамъ. Живымъ огнемъ возжигаются купальскіе костры, черезъ которые перегоняютъ поселяне скотъ и сами прыгаютъ — въ полномъ убѣжденіи, что это надѣляетъ здоровьемъ. Но сверхъ того къ пособію живаго огня прибѣгаютъ

---

<sup>1)</sup> Наоборотъ, если достать рубаху или одежду съ здороваго человѣка и повѣсить въ горячемъ воздухѣ, то нѣтъ съ нею испытать (исхудаетъ и умретъ) и ея хозяинъ (литовское повѣрье — Рус. Сл. 1860, V, 27). — <sup>2)</sup> Статист. опис. саратов. губ., I, 66; Украин. велодін Маркенича, 107. — <sup>3)</sup> D. Myth., 1117. — <sup>4)</sup> Рус. въ св. посл., IV, 93; Р. И. Сб., III, 199.

всякой разъ, какъ скоро обнаружится сильная смертность между населеніемъ или скотскій падежъ. Въ первомъ случаѣ крестьянская община приглашаетъ священника совершить молебствіе и обойти съ иконами и хоругвями вокругъ села. При этомъ добываютъ новыи огонь треніемъ одного дубоваго полѣна о другое — также дубовое; добытымъ огнемъ зажигаютъ кадило и свѣчи передъ иконами въ церкви: думаютъ, что такая жертва особенно пріятна Богу. Изъ церквей огонь этотъ разносится по избамъ, гдѣ и собирается, какъ вѣрнѣйшее средство противъ мора. Если случится скотскій падежъ, то служатъ въ полѣ общественный молебенъ съ водосвятиемъ, роютъ канаву, и наполнивъ ее навозомъ, кожаными обрѣзками, шерстью и сухими костями, все это зажигаютъ живымъ огнемъ; потомъ перегоняютъ черезъ канаву деревенское стадо и кропятъ его святою водою. Иногда, вмѣсто канавы, прорываютъ отверстіе въ ближайшемъ изъ окрестныхъ пригорковъ — такъ, что верхній пластъ земли остается нетронутымъ, и сквозь эти ворота прогоняютъ стадо, окуривая его можжевельникомъ, зажженнымъ отъ живаго огня; въ смоленской губ. окуриваютъ тѣми травами, съ которыми стояли въ церкви на Троицынъ день. Замѣчательно, что при совершеніи этого обряда старый огонь вездѣ гасится, и при топкѣ печей и освѣщеніи вѣбъ другого огня никто не употребляетъ, кромѣ добытаго треніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, чтобы прекратить моръ, крестьяне разводятъ вокругъ села курево, поджигая сложенные тамъ и здѣсь кучи живымъ огнемъ; отъ «сибирской язвы» курево разводится при самомъ вѣздѣ въ селеніе <sup>1)</sup>. Болгары 24 декабря (когда на небѣ снова возжигается свѣтильникъ солнца) и въ день св. Пантелеймона (о

<sup>1)</sup> Этн. Сб., I, 54, 163; II, 28; Иллюстр. 1846, 262; Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 105; Сибир. Г. В. 1853, 48; Послов. Даля, 1055.

связи этого святаго съ древнимъ Перуномъ см. т. I, 479) тушатъ во всѣхъ избахъ огонь, а вечеромъ берутъ два сухія полѣна, трутъ одно о другое, и вызванное такимъ треніемъ пламя называютъ божій или святой огнець и разносятъ по домамъ; въ этотъ день поселяне не работаютъ изъ боязни, чтобы гроза не сожгла хлѣба <sup>1)</sup>. У германскихъ племенъ живой огонь извѣстенъ подъ именемъ *das wilde feuer* или *notfeuer* (стар. *notfiur*). т. е. огонь, въ которомъ чувствуется настоящая потребность (*not*—*necessitas*) и который добывается въ случаѣ всеобщей нужды — заразы. Рядомъ съ этимъ объясненіемъ, какое возникло въ періодъ сравнительно-позднѣйшій, когда былъ затерянъ настоящій корень слова, Я. Гриммъ указываетъ на другое, древнѣйшее: въ словѣ *notfiur* (*nodfiur*) онъ подозреваетъ старинное *hnōt(d)fiur* отъ *hniudan*, др.-вер.-нѣм. *hniotan*, сканд. *hniodha* — *quassare, terege, tundere*, т. е. огонь, добываемый треніемъ. Въ Германіи огонь этотъ употреблялся на исцѣленіе больного скота: коровъ, лошадей и свиней. Когда нападала на домашнихъ животныхъ чума, то крестьяне возжигали *notfeuer*. Въ назначенный день во всѣхъ печахъ погашали огонь, такъ что въ цѣлой деревнѣ не оставалось ни единой искры. Изъ каждаго дома приносили паклю, солому, хворостъ и дрова; затѣмъ вбивали въ землю твердый дубовый обрубокъ и сверлили въ немъ отверстіе; въ это отверстіе вставляли деревянный шестъ, обвитый соломой и обмазанный дегтемъ, и до тѣхъ поръ вращали его, пока не показывалось пламя. Вызванное наружу пламя принималось на солому, сухіе листья и хворостъ, и тотчасъ же возжигался устроенный между двумя загородами костеръ, черезъ который перегоняли два или три раза все

---

<sup>1)</sup> Каравел., 248; Московская Газета 1866, стат. Каравелова: „Святки у болгаръ“.

большое стадо <sup>1)</sup>. Иногда вбивали въ землю двѣ дубовыя сваи, фута на полтора одну отъ другой; въ верху ихъ дѣлались углубленія, въ которыя вставлялась поперечная балка, толщиною въ руку, обмотанная по краямъ паклею и старымъ засаленнымъ тряпьемъ; поперечникъ этотъ обвивался веревкою, за длинныя концы которой схватывались поселане и съ быстротою двигали его то въ одну, то въ другую сторону, пока не являлся огонь и не разгорались тутъ-же набросанныя кучи хворосту и соломы, послѣ чего спѣшили перегонять стадо черезъ пылающій костеръ. Вмѣсто поперечной балки, терли сваи и просто пеньковою веревкою. По окончаніи обряда, всѣ присутствующіе бросались на костеръ, и каждый домохозяинъ запасался священнымъ огнемъ, чтобы возжечь его на своемъ очагѣ; взятыя съ собою горячія головки они гасили въ водѣ и клали ихъ въ ясли, изъ которыхъ кормилась домашняя скотина. Сохранились свидѣтельства (1605 г.), что живой огонь добывался чрезъ треніе колеса: брали тележное колесо, вставляли въ его втулку дубовую ось и вращали ее съ помощію веревки; костеръ разводился въ воротахъ, въ которыя и выгонялось зараженное стадо. Что происхожденіе описанныхъ обрядовъ относится къ глубочайшей древности — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; уже въ 842 году Карломанъ запрещалъ эти «богопротивныя» огни. Но важнѣе всѣхъ письменныхъ свидѣтельствъ — то, что обряды возженія живаго огня равно совершались у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, не исключая ни кельтовъ, ни греко-римской отрасли. Римскіе пастухи перегоняли скотъ черезъ весенніе костры Палилій (Palilia), зажигаемые въ честь Палесы (Pales), богини-охранительницы стадъ <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Перегоняли также и гусей. — <sup>2)</sup> D. Myth., 570—9; Die Götterwelt, 198—9.

Такое очистительное значеніе огня, прогоняющаго темную, демоническую силу и вѣсть съ нею все грѣховное, нравственно-нечистое, побудило отдаленнѣйшихъ предковъ нашихъ соединить съ сожженіемъ мертвыхъ мысль, что усопшіе, сгорая на кострѣ, очищаются отъ всякаго зла и неправды, и просвѣтленные божественнымъ пламенемъ водворяются въ странѣ вѣчнаго блаженства. Руссы объяснили арабскому путешественнику Ибнъ-Фоцлану, что они сожигаютъ трупы съ цѣлю доставить умершимъ невозбранный доступъ въ райскія обители <sup>1)</sup>. Вѣрованіе это въ сказаніяхъ о концѣхъ міра сливается съ мнѣстескимъ представленіемъ о той огненной рѣкѣ, которая потечетъ въ послѣдній страшный день и въ которой, по словамъ Кирилла Туровскаго, «подобаетъ всякому роду человѣческому пройти сквозь огонь», да искушенные огнемъ очистятся всѣ племена и просвѣтятся тѣлеса ихъ, аки солнце <sup>2)</sup>. По всему вѣроятію, здѣсь-же скрывается: во 1-хъ, зародышъ католическаго ученія о чистилищѣ, гдѣ души усопшихъ освобождаются дѣйствіемъ огня отъ грѣховной нечистоты, и во 2-хъ, корень старовѣрскаго догмата о самосожженіи, которое раскольники называютъ «вторымъ или огненнымъ крещеніемъ», т. е. по ихъ мнѣнію оно также очищаетъ человѣка отъ содѣянныхъ имъ грѣховъ, какъ крещеніе — отъ грѣха первороднаго <sup>3)</sup>.

Вслѣдствіе естественныхъ, фізіологическихъ условій, опредѣлившихъ первоначальное развитіе младенческихъ племенъ, славянннхъ по преимуществу былъ добрымъ и домовитымъ семьяниномъ. Въ кругу семьи или рода (который былъ тою-же семьей, только разросшеюся) проходила вся его жизнь, со

---

<sup>1)</sup> Ibn-Fozzlan's und anderer Araber Berichte, 21. — <sup>2)</sup> Памят. XII в., 100—1. — <sup>3)</sup> Полн. историч. извѣстіе о старообр., 105—6. Въ этому воззрѣнію, впрочемъ, примѣшивается и мысль о вольномъ мученичествѣ за старую вѣру.

всѣмъ ея обиходѣмъ и родственными торжествами; въ ней сосредоточивались самые живые ея интересы и хранились самыя заветныя преданія и вѣрованія: «имяху бо законъ отецъ своихъ и преданья» <sup>1)</sup>. Свидѣтельствуя о древнѣйшемъ бытѣ славянъ, Несторъ говоритъ, что они жили родами: каждый родъ на своемъ мѣстѣ — особѣ, т. е. разъединенно. Отдѣльный родъ представлялся сожитіемъ вѣстѣ нѣсколькихъ семей, связанныхъ кровными узами родства и властью одного родоначальника. Поздніе остатки такого патріархальнаго быта до сихъ поръ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ славянскихъ племенахъ, мало или вовсе неиспытавшихъ вліянія цивилизаціи. Родичи помѣщались въ одной избѣ, или если слишкомъ размножались — въ нѣсколькихъ холодныхъ срубахъ (клѣткахъ), построенныхъ вблизи теплой избы и даже примкнувшихъ къ ея стѣнамъ. Во всякомъ случаѣ очагъ оставался единый для всѣхъ, а приготовляемая въ немъ пища составляла общую трапезу. Явленіе это весьма знаменательно. Въ отдаленное время язычества огонь, разведенный подъ домашнимъ кровомъ, почитался божествомъ, охраняющимъ обиліе дома, миръ и счастье всѣхъ членовъ рода; вокругъ него создавалась семейная жизнь. Отъ огня, возжигаемаго на очагѣ, обоженіе должно было перейти и на этотъ послѣдній: оба эти понятія дѣйствительно слились въ одно представленіе родового пената <sup>2)</sup>. Каждый родъ имѣлъ своего пената, которымъ былъ единый для всѣхъ очагъ — знаменіе духовнаго и матеріальнаго единства живущихъ при немъ родичей. Если же родъ дѣлался слишкомъ великъ и распадался на части, то такое раздробленіе видимымъ образомъ выражалось въ устрой-

<sup>1)</sup> П. С. Р. Л., I, 6. — <sup>2)</sup> Народная загадка, означающая печь, огонь и дымъ, всѣ эти понятія изображаетъ въ родственной связи: «мать толста, дочь красна, сынъ храбрѣе — подъ облака ушелъ» — Терещ., VII, 165.

ствѣ новаго, особаго очага; одно или нѣсколько семействъ, отрѣзняясь отъ главнаго рода, выселяясь на другое мѣсто и основывали свое собственное жилье, свой отдѣльный очагъ.

Въ этомъ значеніи очага кроется объясненіе нѣсколькихъ названій, важныхъ для бытовой археологіи славянскаго племени. Создаваясь въ эпоху образованія языческихъ вѣрованій, слово запечатлѣло въ себѣ характеристическія черты стародавнихъ воззрѣній. Скипское божество огня и домашнего крова *Tabiti* происходитъ отъ санскр. *tap* (*tapati*)—угре, *calefacere* (зэнд. *tap*—тоже, *tafu*—угрс, перс. *taftan*—сожигать, *tapidan*, *tabidan*—теплѣть, лат. *tereo*, греч. *θάρτω*—сожигать мертвыхъ, англос. *thefian*—разгорячаться, нрл. *tebhot*—жаръ, тепло, слав. топить, теплыѣ—топлыѣ); отъ того же корня *тап* (ским. *таб*), топ образовалось и русс. изба, у Іоанна экзарха болгарскаго истѣба, въ Несторовой лѣтоп. истѣба, истопѣка, чешс. *gistba*, *gizdba*, пол. *izdebka*, вид. *jispa*, луж. *jsra*, *sra* <sup>1)</sup>. Старинная форма «истопка» (=истопа, истопникъ, истопить) донынѣ употребительна въ различныхъ областныхъ говорахъ <sup>2)</sup>. Итакъ славянинъ далъ своему жилищу названіе отъ того священнаго въ глазахъ язычника дѣйствія, какое совершается на очагѣ. До сихъ поръ названіе избы присваивается преимущественно той части жилья, въ которой поставлена печь, въ отлѣченіе отъ свѣтлицы или клѣти; послѣдняя ставится всегда черезъ сѣни, противъ избы, и строится холодною—безъ печи и зем-

---

<sup>1)</sup> Пикте, II, 507; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бусл., 41; П. С. Р. Д., I, 24.— <sup>2)</sup> Истопка, истопокъ, истобокъ—чердакъ избы, изобка, изобочка—небольшая изба, истоппе, истопка—березня дровъ, достаточное для топки печи; послѣднее слово означаетъ также двѣ жерди надъ челомъ русской печи, гдѣ сушатъ лучину и другія вещи (Обл. Сл., 74, 76), и небольшой срубъ съ печью безъ трубы (новг. губ.).

левой насыпи надъ потолокомъ <sup>1)</sup>. Точно также слово дымъ у Нестора и даже теперь въ нѣкоторыхъ деревняхъ употребляется въ значеніи (очага, дома, жилища <sup>2)</sup>; огнище (серб. и др.-болг. огниште, чеш. ohnisko, луж. ognisko), употребляемое во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ горна, очага, <sup>3)</sup> въ лужицкомъ и польскомъ означаетъ сверхъ того домъ, жилье; слѣдовательно огнищанинъ, названіе, встрѣчающееся въ Русской Правдѣ, есть владѣтель очага, дома, глава рода; потому за убійство его взыскивалась двойная вира <sup>4)</sup>. Готское aihns — печь (др.-швед. ogn, ofn = ofen, новонв. ugn) Гриммъ сближаетъ съ словомъ agni—огонь<sup>5)</sup>; Шлейхеръ даетъ другое объясненіе: у древнихъ аріидевъ очагъ состоялъ изъ нѣсколькихъ камней, сложенныхъ посреди жилища; почему др.-ннд. aṣtan-tam — печь, чеш. камна (тоже, что рус. каменка) и гот. aihns предполагаютъ основную форму aknas (aṣnas — aṣtan, слав. камы) — камень <sup>6)</sup>. Это названіе, данное очагу, наводило мысль на молніеносный камень громовника (I, стр. 253) и повело къ поэтическому изображенію грозовой скалы — тучи пылающею печью (см. гл. XXVI).

---

<sup>1)</sup> Терещ., I, 166, 192; Этв. Сб., II, 16; Зап. морск. оенцера, I, 241; Маякъ, V, статья: „О старин. расположеніи домовъ въ сѣв. краяхъ Россіи“. — <sup>2)</sup> П. С. Р. Д., I, 7; Обл. Сл., 52; дымница — деревня (Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 95); оен. курѣха (отъ курить) — домъ (Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 59): названія, любопытныя по своей живописующей мѣткости, такъ какъ крестьянскія избы и доселѣ большею частію куриныя (безъ трубъ — Терещ., I, 162—4; Пут. зап. Пассека, 146—8; Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 9—10). „Любить тепло — терпѣть дымъ“ (перм. губ.) — <sup>3)</sup> У насъ огнище — огонь, разведенный на землѣ, и мѣсто, гдѣ выжженъ лѣсъ; огнища — расчищенное изъ-подъ лѣсу мѣсто, тоже что палъ, палы (отъ палить) — Обл. Сл., 137. — <sup>4)</sup> Мысли объ истор. рус. яз., 150; Эверсъ: Древн. рус. право, 365—6. — <sup>5)</sup> D. Myth., 595. — <sup>6)</sup> У. З. А. Н. 1865, I, 44.



Обожаніе пламени, возженного на домашнемъ очагѣ, было общимъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Индусы чествовали его подъ именемъ Агни, признаваемого главнымъ хозяиномъ дома и господиномъ семьи (*gr̥haratī, viśrati*); непрерывный спутникъ человека, онъ устрояетъ его семейный бытъ, печется объ умноженіи его богатствъ, даруетъ вседневную пищу и подъ сѣнію домашняго крова поддерживаетъ дружество, миръ и счастье<sup>1)</sup>. Древніе персы устраивали въ своихъ жилищахъ алтари, на которыхъ поддерживался вѣчный огонь и предъ которыми совершались ежедневныя молитвы; они клали на уголья сухое облущенное дерево, намазывали его жиромъ, поливали масломъ и раздували огонь опахаломъ; кто раздувалъ огонь губами или бросалъ въ него что-нибудь мертвое, грязное и нечистое—тотъ наказывался смертію<sup>2)</sup>. У грековъ ἑστία (=санскр. *vastyā*, лат. *Vesta* отъ *vas*—*habitare*; сик. *vasi, vāsa, vasta, vastyā, vāstu*—домъ, обиталище; перс. *wastā*—огонь, *washtī*—красота, *washī*—красить<sup>3)</sup>) означало очагъ и богиню возженного на немъ огня, и въ тоже время было почетнымъ титуломъ хозяина дома (*ἑστία δέσποινα*); иногда и весь домъ назывался гестіей. Богиня Гестія была первою наставницею въ домохозяйствѣ, геніемъ—хранителемъ всѣхъ живущихъ при ея святилищѣ, представительницею этического и нравственнаго единства семьи; ей посвящалась одна изъ комнатъ въ срединѣ дома, гдѣ обыкновенно пылалъ на очагѣ священный огонь. «Поддержаніе этого огня днемъ и ночью вѣнялось въ обязанность каждому домохозяину. Горе тому дому, гдѣ бы онъ потухъ. Всякій вечеръ прикрывали уголья пепломъ, чтобы не дать имъ совершенно сгорѣть; ут-

<sup>1)</sup> Пинте, II, 384.— <sup>2)</sup> Ч. О. И. и Д. 1864, II, 72 (Страбонъ.—

<sup>3)</sup> Пинте, I, 157; II, 238; можно съ вѣроятностію допустить, что корни *vas* — обитать и *vas* — свѣтить первоначально роднились между собою.

решъ, при пробужденіи, первою заботою семьи было возобновить огонь. Онъ потухалъ только при гибели цѣлаго семейства; потухшій огонь, угасшая семья — были у древнихъ выраженія однозначущія.» Въ старо-греческомъ языкѣ семья обозначалась словомъ ἐπίσπιον, что въ буквальномъ переводѣ значитъ: находящееся близь очага <sup>1)</sup>. Но религиозное почитаніе очага не ограничивалось у грековъ только тѣснымъ кругомъ домашней жизни. Отъ понятія объ отдѣльномъ семейномъ и родовомъ божествѣ значеніе Гестіи расширилось до представленій, которыя сочетали съ нею охранительное и связующее начало всякой политической общины и всего еллинскаго народа. Въ честь ея создавались по городамъ особыя зданія (пританеи), въ которыхъ ставился общественный, государственный очагъ съ вѣчно-пылающимъ огнемъ; тамъ хранились законодательные уставы и союзные договоры; у этого очага народные правители (пританы) обязаны были во все время, пока оставались на службѣ, совершать ежедневную трапезу. Колоніи, выселявшіяся въ другія страны, брали съ собою огонь съ общественнаго очага и возжигали его на мѣстѣ новаго своего поселенія, въ чемъ и выражалась наглядно та тѣсная родственная связь, которая соединяла ихъ съ метрополіей. Общій для всѣхъ еллинскихъ племенъ очагъ былъ въ Дель-огахъ, и съ нимъ нераздѣльна была въ сознаніи грековъ мысль о ихъ народномъ единствѣ <sup>2)</sup>. Подобное значеніе у римлянъ принадлежало Вестѣ, о которой Овидій говоритъ, какъ о «живомъ пламени» и которая признавалась такимъ-же охранительнымъ божествомъ въ отношеніи цѣлаго государства, каковымъ для отдѣльной семьи былъ домашній очагъ. Весталкамъ, приставленнымъ наблюдать за огнемъ Весты, поручалось и

---

<sup>1)</sup> Ф. Куланжъ, 24, 50. — <sup>2)</sup> Прехлеръ: Griechische Mythologie, I, 329—333.

храненіе пенатовъ римскаго народа; сами онѣ пользова-  
лись величайшими почестями, и молитвамъ ихъ приписыва-  
лась чрезвычайная сила въ умилоствленіи разгнѣванныхъ  
боговъ. Погашеніе огня Весты почиталось предзнаменованіемъ  
страшнаго бѣдствія, которое должно пасть на все государство;  
ибо вѣстѣ съ тѣмъ, какъ угасало ея свѣтлое пламя, народъ  
лишался покровительства вѣчно-бодрствующей, дружелюбной  
ему богини. Въ частныхъ домахъ римлянъ древнѣйшей эпохи  
очагъ стоялъ въ передней комнатѣ (atrium) и служилъ для  
двухъ цѣлей: на немъ приготавлиали пищу и на немъ-же помѣ-  
щали пенатовъ и ларовъ—боговъ, покровителей и защит-  
никовъ дома и семейства; иногда лары хранились гдѣ-нибудь  
подлѣ или позади его — въ нишѣ, откуда вынимали ихъ въ  
праздничные дни, ставили на пылающемъ очагѣ и совершали  
жертвенныя приношенія и возліянія <sup>1)</sup>. У скиновъ очагомъ  
служили два или три камня, которые они, кочуя съ мѣста на  
мѣсто, всюду возили съ собою, и этотъ подвижной очагъ  
имѣлъ такое-же священное значеніе, какъ и у народовъ клас-  
сическихъ; онъ почитался защитникомъ домашняго крова,  
семьи, рода и цѣлаго племени; именемъ Tabiti назывался и  
родъ, живущій сообща, нераздѣльно, и весь скинскій народъ.  
Верховный владыка—царь или князь скиновъ въ отношеніи  
къ подвластному ему народу являлся отцемъ среди огромнаго  
семейства, а принадлежащій ему очагъ былъ общимъ божес-  
твомъ для всего племени; потому клятва царскимъ очагомъ  
была у скиновъ самою торжественною и великою, какъ у гре-  
ковъ клятва Гестіей, а у римлянъ — Вестой <sup>2)</sup>. Нарушившій  
ее былъ преступникомъ противъ самаго божества Табити, и  
по народному убѣжденію (какъ свидѣтельствуется Геродотъ),  
царь, а съ нимъ разумѣется—и всѣ его подданные несли на

<sup>1)</sup> Проппен, IV, 27.— <sup>2)</sup> Одиссея, XIV, 158—9.

особѣ тяжкую отвѣтственность за такое преступленіе до тѣхъ поръ, пока не былъ отысканъ и подвергнутъ наказанію виновный<sup>1)</sup>. Тоже воззрѣніе, расширившее культъ домашнему очагу до предѣловъ народнаго союза, было присуще и германскому племеню, какъ очевидно изъ указаннаго Бергманномъ сближенія скинскаго Tab(v)iti (огонь, очагъ, семья, племя) съ кельт. teuta и готск. thioth, theuth — племя, сканд. thiodh и др.-вер.-нѣм. diot (=deut-sch) — народъ<sup>2)</sup>. У древнихъ латовцевъ въ каждой избѣ былъ свой священный огонь, постоянно-поддерживаемый въ охрану отъ всякихъ бѣдъ; но кромѣ того были и мѣста общественнаго его чествованія. Такъ святость мѣста Ромова основывалась на уваженіи народа къ неугасимому огню, который горѣлъ тамъ при неусыпномъ надзорѣ жрецовъ, обязанныхъ поддерживать его дубовыми вѣтвями и обрубками изъ священной рощи. Когда пруссы подчинились владычеству крестоносцевъ, въ собственной Литвѣ образовался отдѣльный религіозный центръ съ своимъ общественнымъ огнемъ (Зничемъ), который пылалъ въ храмѣ, построенномъ въ Вильнѣ, и былъ погашенъ только съ принятіемъ христіанства<sup>3)</sup>. Согласно съ указанными върованіями, огонь сдѣлался знаменіемъ всякаго радостнаго событія въ семейной, общинной и государственной жизни, что видимъ еще теперь въ возженіи иллюминаціонныхъ огней въ дни семейныхъ торжествъ, народныхъ побѣдъ и царскихъ праздниковъ.

Слѣды древняго поклоненія очагу находимъ и между славянами. На Руси существуетъ пословица: «на печкѣ сидѣлъ, ирпичамъ молился»<sup>4)</sup>; у сербовъ: «ко није

<sup>1)</sup> Геродотъ, кн. IV, гл. 68.—<sup>2)</sup> Лѣт. рус. лѣт., кн. I, 129, 136.—

<sup>3)</sup> Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 23, 46.— <sup>4)</sup> Сравни въ Посл. Давл. 651: „жилошъ жить, не чѣму (очагу) молиться“.

виѣео цркве (или: ко олтаря не виде), и пеѣи се кляѣа<sup>1)</sup>. Не менѣе интересны сербскія клятвы очагомъ, дышашіа глубочайшей древностію: «тако ми се огъниште мојом крва(ь)у ве угасило!» — «тако ми се огъниште на крсно име мојијем пуиѣм неуга смя!» — «тако ми шл(ь)оѣе на огъниште не пануло!» — «тако своје куѣе жиѣе не видно!»<sup>2)</sup> Когда хотѣлось бы сказать то, что запрещаетъ приличіе, малоруссы говорятъ: «сказавъ бы, да печь у хати!»<sup>3)</sup> — выраженіе, указывающее на особое уваженіе къ печи; въ великорусскихъ деревняхъ нескромнаго разскащика останавливаютъ замѣчаніемъ: «для твоей рѣчи не выносить печи!» Плевать на печь и на лежащія въ ней горячіе уголья считается грѣхомъ; если рассыпаются сложенные въ печи дрова или выпадетъ изъ нея кирпичъ — это предвѣстіе большой бѣды домохозяину<sup>4)</sup>. У нѣмцевъ сохранились свидѣтельства о колѣнопреклоненіи предъ очагомъ, о мольбахъ и жалобахъ, обращаемыхъ къ нему несчастными скитальцами<sup>5)</sup>; у насъ же уцѣлѣлъ заговоръ, произносимый у печнаго чела: «ахти мати-бѣлая печь! не знаешь ты себѣ ни скорби, ни болѣзни, ни щипоты, ни ломоты; такъ и рабъ божій (имярекъ) не зналъ бы ни хитки, ни притки, ни уроковъ, ни призороковъ....»<sup>6)</sup> Здѣсь мольба шлетъ къ печи, какъ цѣлительницѣ болѣзней; слѣдоват. ей

---

<sup>1)</sup> Переводъ: кто не видалъ церкви или алтаря, тотъ и печи молится — Срп. и. послов., 150 — 1; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 26, 116. — <sup>2)</sup> Переводъ: да не погаснетъ мое огнище отъ моей крови! (или отъ моего вина, которое пьется на крестное имя); чтобы не палъ вѣсѣ на мое огнище! чтобы ниѣе не видать живыхъ родимой избы! — Срп. и. послов., 305—9. — <sup>3)</sup> Номис., 116; тоже соблюдается и бѣлоруссами — Приб. въ Из. Ак. Н., I, 67. — <sup>4)</sup> Маякъ, XIV; Пузин., 164. Не должно садиться на печь, когда пекутся въ ней хлѣбы — Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 10. — <sup>5)</sup> D. Myth., 595; Сказ. Грин., II, стр. 21, 38. — <sup>6)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отд. 6, 51.

придается таже цѣлебная, очистительная сила, какъ и вообще огню. Это свидѣтельствуется и многими другими народными обрядами (см. выше стр. 16); такъ отъ лихоманокъ въ простонародьи лѣчатъ больного передъ печью, окуривая его дымомъ и приговаривая: «з' хати димомъ, з' двора витромъ!» или: «нехай иде (все недоброе) з' чадомъ та з' димомъ з' нашой хати!» <sup>1)</sup> Иногда даютъ хворому выпить и умыться наговоренной воды, смѣшанной съ печной золою и угольями; тою-же водою смываютъ у дверей притолки и косяки, чтобы не могли войти въ избу лихоманки и другія болести. Прибѣгаютъ еще къ слѣдующему суевѣрному средству: больной лихорадкою выносить изъ хаты кочергу (ожогъ — символъ разящей молніи, см. I, 257) и оставляетъ ее на перекресткѣ <sup>2)</sup>. Въ курской губ. въ случаѣ легкой боли въ горлѣ трутся имъ о край печи; отъ испуга выливаютъ такъ называемый «переполохъ» <sup>3)</sup> на печномъ шесткѣ, при чемъ больного ставятъ противъ печи <sup>4)</sup>; отъ простуды привосятъ съ берегу рѣки камень и бросаютъ въ печь съ приговоромъ: «какъ камень на берегу у рѣчки былъ сухъ, такъ бы у меня раба божьего ноги были сухи, не боялись ни стужи, ни морозу, ни мятелицы, и сколь онъ теперь горячъ, такъ будьте и вы, ноги, горячи!» Тотчасъ, послѣ родинъ, нарѣченная кума должна взять изъ печи уголь, выйти на перекрестокъ и перебросить его черезъ себя: это предохранитъ новорожденного ребенка отъ сглазу <sup>5)</sup>. Для того, чтобы водилась смотина, вновь-народившагося теленка приносятъ въ избу и прикладываютъ къ печкѣ (орловск. губ.). Воротившись съ похоронъ, должно приложить ладони къ печи, или отодвинувъ заслонку, заглянуть въ ея устье, для

<sup>1)</sup> Новик., 161. — <sup>2)</sup> Изв. Ак. Н., III, 207. — <sup>3)</sup> Т. е. топятъ олово и по формѣ его угадываютъ, что именно было причиною испуга. — <sup>4)</sup> Эпн. Сб., V, 89, 91 — <sup>5)</sup> Маргевич., 89.

охраны себя отъ губительнаго вліянія Смерти <sup>1)</sup>. Очагъ есть источникъ всякаго обилія, плодородія и богатства (см. т. I, 200—о горячихъ угляхъ, какъ метафорѣ золота). Съ цѣлію сберечь скирды и стога отъ мышей, знахарь вынимаетъ изъ нихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ по снопу или по клоку сѣна, кладетъ все это въ печь и зажигаетъ раскаленною кочергою; зола, полученная отъ сожженныхъ сноповъ или сѣна, высыпается въ скирды и стога съ заклятіями <sup>2)</sup>. Чтобы куры несли больше яицъ, бабы выгребаютъ въ чистый четвергъ изъ печей золу, приносятъ въ курятники и тамъ посыпаютъ (курск. губ.), или съ тою-же цѣлью курятъ на печномъ шесткѣ хлѣбными и отрубями, смѣшивая ихъ съ золою, и заставляютъ птицу нюхать это курево <sup>3)</sup>. Гряды, назначенныя для посадки капусты, осыпаютъ золою, собранною изъ печи въ чистый четвергъ и въ Свѣтлую седмицу, и вѣрятъ, что это предохранитъ капусту отъ червей (тамбов. губ.). Въ Малороссіи принято сѣять огородные овощи тотчасъ послѣ того, какъ истопится хата, чтобы гряды были также полны, какъ полны въ то время стояшіе въ печи горшки <sup>4)</sup>. Въ Германіи при посадкѣ капусты хозяйка должна вспрыгнуть на очагъ и произнести: *«häupter wie mein kopf, blätter wie mein schürz und dorschen wie mein bein!»* (сравни т. I, стр. 34 <sup>5)</sup>). Если вылезетъ изъ горшка поставленная въ печь каша, то наблюдаютъ: въ какую сторону она вышла? если къ задней сторонѣ печи—это предвѣщаетъ счастье, а если къ устью (къ выходу)—бѣдность и разореніе;

---

<sup>1)</sup> Иллюстр. 1846, 171; Геогр. Извѣстія 1850, III, 338; О. З. 1848, т. LVI, 205; Моск. Вѣдом. 1854, 131: тѣхъ, которые несли мертвеца, осыпаютъ пепломъ; Иличъ, 314—5: тѣ, которые зарывали усопшаго, должны умыть свои руки и бросить черезъ себя горячій уголь.— <sup>2)</sup> Сахаровъ, II, 9; Ворон. Г. В. 1851, 12.— <sup>3)</sup> О. З. 1848, V, сѣнь, 152.— <sup>4)</sup> Рус. Бес. 1856, I, 66.— <sup>5)</sup> D. Myth., 1189.

гоже повѣрье распространяется на хлѣбы и святочные куличи, смотря по тому, куда они наклонились верхушками — къ задѣ или устью печки <sup>1)</sup>. Въ Славоніи хлѣбныя зерна, назначенныя для ностѣва, посыпаютъ пепломъ и кропятъ водою <sup>2)</sup>. По пламени очага, по расположенію горящихъ на немъ полѣньевъ, по искрамъ, разлетающимся отъ удара кочергой, по золѣ, дыму и зажженнымъ лучинамъ гадаютъ о будущемъ плодородіи и счастіи. Въ числѣ суевѣрныхъ примѣтъ, исчисляемыхъ старинными памятниками, были наблюдаемы слѣдующія: «огнь бучить, огнь пищать, искра изъ огня прыгнетъ... дымъ высоко въ избѣ ходитъ» <sup>3)</sup>. По свидѣтельству Саксова-грамматика, славянскія женщины, сидя у очага, проводили на обумъ по пеплу черты, потомъ сосчитывали ихъ, и если выходилъ четъ — то ожидали счастія, и наоборотъ; Дитмаръ также упоминаетъ о гаданіи у славянъ по пеплу <sup>4)</sup>. Въ настоящее время дѣвушки насыпаютъ золой башмаки и ставятъ на ночь подъ кровать, а поутру смотрятъ: на чьихъ башмакахъ больше золы — той и счастье будетъ полѣнье <sup>5)</sup>. Когда уйдетъ изъ стада и заблудится домашняя скотина, то хозяева зовутъ ее въ дымовую трубу, и вѣрятъ, что на такой окликъ она непременно воротится домой: голосъ, раздающійся изъ трубы, есть какъ-бы призывъ самаго очага — пенатовъ, оберегающихъ родовое имущество.

Семья была самымъ священнымъ союзомъ у древѣйшихъ племенъ; живя подъ однимъ отческимъ кровомъ, она имѣла свое, исключительно ей принадлежащее божество и свою отдѣльную, семейную религію. Божество это было свѣтлое пламя, возжигаемое на домашнемъ очагѣ, а религія состояла въ поклоненіи ему, жертвенныхъ приношеніяхъ и постоянныхъ

<sup>1)</sup> Абев., 218; Записки Авдѣев., 140—2; Иллюстр. 1846, 333 —

<sup>2)</sup> Илличъ. 183. — <sup>3)</sup> Іоаниъ, экзархъ болгар., 212; Оп. Румян. Муз. 551—2 — <sup>4)</sup> Макушев., 102—3. — <sup>5)</sup> Терещ., VII, 266.



заботахъ, чтобы не погасалъ священный огонь. Пылающій очагъ почитался собирателемъ семьи, охранителемъ жилья и принадлежащихъ къ нему владѣній, защитникомъ брачныхъ и родственныхъ связей; онъ скрѣпляетъ супружескія узы, даруетъ дѣтей, покой и счастье, словомъ является представителемъ всего нравственнаго міра, заключеннаго въ стѣнахъ дома. У индѣйцевъ женихъ могъ получить невѣсту только изъ рукъ бога Агни, подъ покровомъ котораго она возросла и воспиталась, и не иначе, какъ приобщивъ себя духовно къ фамиліи, съ которой вступалъ въ родство, черезъ рядъ жертвъ ея прародительскому очагу; являясь въ домъ жениха, невѣста трижды была обводима вокругъ очага при произнесеніи молитвенныхъ благословеній. Къ Агни возсылались и гимны о дарованіи дѣтей: «продли, Агни, на вѣкъ тому пищу, кто молить тебя; да будетъ у насъ сынъ, да будетъ наше имя (нашъ родъ) далеко-развѣтвленное!»<sup>1)</sup> У грековъ и римлянъ приведенная въ домъ жена и купленный рабъ вступали въ религію своего мужа и господина, отрѣшаясь отъ всякой зависимости отъ прежнихъ пенатовъ; приобретеннаго раба подводили къ очагу, окропляли святою водою и давали вкусить хлѣба и плодовъ: такимъ образомъ онъ становился участникомъ родового культа своего господина, что значительно должно было смягчать суровый институтъ рабства. Даже по освобожденіи рабъ продолжалъ оставаться въ подчиненномъ отношеніи къ своему господину, какъ кліентъ къ патрону, ибо и отпущенный на волю онъ имѣлъ съ нимъ одни засага. Новорожденного младенца кормилица обносила вокругъ домашняго очага, и только чрезъ это онъ посвящался въ сочлены рода и получалъ право на наслѣдіе отцовскаго имущества. Гестіи

<sup>1)</sup> Точно также Индра почитался богомъ супружескихъ и семейныхъ союзовъ, охранителемъ дома, очага, племени—German. Mu-then, 129, 131—2.

поручила умирающая Аальцеста своихъ малолѣтнихъ дѣтей: «о богиня! охраняй моихъ дѣтей и пошли одному милую жену, а другой честнаго мужа; да не умрутъ они преждевременно, какъ ихъ мать, но да живутъ въ счастіи и довольствѣ подъ отчею кровлею» <sup>1)</sup>). По древне-германскому обычаю, невѣсту трижды обводили вокругъ пылающаго очага той семьи, куда она выходила замужъ; тоже самое дѣлали и со вновь-принятыми слугами и даже съ народившимися домашними животными: и тѣхъ, и другихъ три раза обводили кругомъ очага. Въ ночь на новый годъ, когда обыкновенно гадаютъ о грядущей судьбѣ, въ Германіи дѣвцы заглядываютъ въ печь, надѣясь увидѣть тамъ образъ своего суженаго <sup>2)</sup>); новая служанка, поступаая въ домъ, прежде всего должна заглянуть въ печной горшокъ <sup>3)</sup>). Въ Литвѣ невѣста въ послѣдній день своей дѣвичьей жизни, оплакивая разлуку съ роднымъ кровомъ, обращалась къ очагу: «о мой милый святой Огонь! кто будетъ тебѣ дрова носить, чтобы отца и мать на старости согрѣвать?» и т. дал. Во время этого врѣчитанья подруги подводили ея къ печкѣ и вторили ей заунывными пѣснями. Въ день брака, когда невѣста прибавлялась къ женихову дому, на встрѣчу ей выбѣгалъ дружка, держа въ одной рукѣ зажженную головню, а въ другой чашу съ ливомъ; трижды обѣгалъ кругомъ невѣстиной возозки и громко произносилъ: «какъ ты берегла огонь у отца - у матери, такъ береги и въ домѣ мужа!» Какъ скоро невѣста вступала въ домъ жениха, ее подводили къ печи и осыпали на счастье и плодородіе зерновымъ хлѣбомъ; по другимъ извѣстіямъ, она трижды должна была обойти вокругъ зажженнаго на очагѣ огня. Это былъ ввѣдъ но-

<sup>1)</sup> Ф. Кулавицъ, 26—27, 30, 67, 162—5.— <sup>2)</sup> Въ Литвѣ всѣ желающіе узнать свое будущее смотрятъ наканунѣ новаго года въ печь.—<sup>3)</sup> Die Götterwelt, 196.

ваго члена въ среду семьи, посвященіе невесты въ религію жениха и врученіе ея—защитѣ родового божества <sup>1)</sup>. У славянъ при самомъ сватовствѣ невесты считаютъ необходимымъ обращаться къ ея семейному очагу, и такъ сказать—отъ него получать разрѣшеніе на выводъ избранной дѣвицы. По болгарскому обычаю, свать, вступивъ въ избу невесты, прежде всего загребаеъ въ печи уголья, почему и узнаютъ о дѣли его посѣщенія <sup>2)</sup>. На Руси сваха, приходя съ брачнымъ предложеніемъ къ родителямъ невесты, подступаетъ къ печи, и въ какое бы время года это ни случилось—грѣетъ свои руки, чтобы задуманное дѣло пошло на ладъ, и затѣмъ уже начинается самое сватовство <sup>3)</sup>; въ курской губ. свать берется рукою за печной столбъ. Въ Малороссіи, когда идутъ переговоры о сватовствѣ, невеста садится у печки и колукаетъ глину, выражая тѣмъ свое желаніе выйти замужъ. Въ черниговской губ. она влѣзаетъ на печь, а сваты упрасиваютъ ее сойти внизъ; если она спустится съ печи, то этимъ выразитъ свое согласіе на бракъ, т. е. заявить свою готовность покинуть семейный очагъ и перейти въ домъ жениха <sup>4)</sup>. У сербовъ молодая, по возвращеніи отъ вѣнца, обходитъ трижды кругомъ очага, и

---

<sup>1)</sup> Рус. Сл. 1860. V, ст. Костом., 26, 38—39. — <sup>2)</sup> Письмо г. Булаева во II т. Исторіи Рос. Соловьева, 43. — <sup>3)</sup> Рус. Старина Корниловича, 303; Москв. 1853, XIII, внутр. изв., 11. Въ вятской губ. сваха поворачиваетъ три раза ступу (о значеніи ступы, какъ эмблемы плодотворящей грозы, см. т. I, стр. 291), съ приговоромъ: „какъ не упрямятся ступа, такъ бы не упрямялась дѣвица!“ Потомъ идетъ въ домъ невесты, подступаетъ къ печкѣ и грѣетъ свои руки, причитывая шопотомъ: „какъ заслонъ печи горячъ, такъ бы горѣло у дѣвицы (имирекъ) по жениху сердцѣ!“ (Русск. Инвал. 1848, 64.) — <sup>4)</sup> Черняг. Г. В. 1855. 20. Когда дѣло сдѣлается, родные невесты собираются въ назначенный день въ хату жениха, гдѣ угощаютъ ихъ искрошеннымъ на печной заслонкѣ саломъ.

каждый разъ, приостанавливаясь, беретъ въ руки зажженное полѣно и потрясаетъ имъ, такъ что сыплются искры; послѣ того свекровь обвязываетъ ее поясомъ, который служить символическимъ знакомъ прикрѣпленія ея къ новому роду <sup>1)</sup>. Соответствующій на Руси обычай требуетъ, чтобы новобрачная, вступая въ домъ мужа, бросала поясъ на печь, т. е. вѣряла бы эту эмблему супружескихъ узъ защитѣ очага <sup>2)</sup>. У чеховъ невеста и служанка, вступая въ новый домъ, должны поклониться его очагу; первая обязана бросить въ огонь три волоса изъ своей косы, а послѣдняя заглянуть въ дымовую трубу и посыпать свои ноги пепломъ <sup>3)</sup>. Заговоры на любовь, по свидѣтельству народной былинны, были произносимы передъ затопленной печью: «какъ жарко дрова разгорятся, такъ разгоралось бы по мнѣ сердце молодецкое!» (I, стр. 455.) Въ тверской губ. на другой день свадьбы ѣздить по улицамъ ряженые съ помеломъ и печною заслонкою; а въ курской губ. передъ началомъ сватовства отецъ жениха или избранный имъ сватъ связываетъ кочергу съ помеломъ, чтобы дѣло пошло на ладъ и связался предполагаемый союзъ: кочерга—эмблема молніеносной палицы бога Агни, помело — вихря, раздувающего грозное пламя. Отголосокъ древнѣйшаго вѣрованія, что дѣти суть плодъ благодатнаго вліянія Агни, слышится въ сербской эпической формулѣ, которою выражается мать о своемъ ребенкѣ: «моје благо у пещелу расте!» <sup>4)</sup> О старикахъ, у которыхъ рождаются дѣти,

<sup>1)</sup> Письмо Бусл. по II т Истор. Росс., 43.— <sup>2)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1853. V, 54. У славонцевъ новобрачная должна войти въ избу съ хлѣбомъ и заглянуть въ дымовую трубу или бросить въ разведенный на очагѣ огонь монету — Иличь, 66. У чувашей молодня, входя въ домъ мужа, прежде всего подходитъ къ печкѣ и дѣлаетъ ей низкій поклонъ—Сбоев., 36.— <sup>3)</sup> Громанъ, 122, 145. Въ одной чешской пѣснѣ (Эрбенъ, 326) молодая проситъ да умоляетъ мужа передъ прежнимъ ея домомъ, такъ какъ она разлучается съ своимъ младыкомъ богомъ.— <sup>4)</sup> Срп. н. посл., 182.

бѣлоруссы отзываются: «и въ старой печи огонь хорошо горитъ». Желая остановить нескромныя рѣчи въ присутствіи дѣтей, они замѣчаютъ разсказчику: «печь у хачъ!»<sup>1)</sup> Въ Малороссіи о счастливыхъ людяхъ говорятъ: «у печурцѣ родився!»<sup>2)</sup>. По мнѣнію бѣлорусскихъ крестьянъ, если при самомъ рожденіи ребенка нечаянно погаснетъ огонь — это знакъ, что новорожденный будетъ злодѣемъ (разбойникомъ<sup>3)</sup>). Въ курской губер. купленную корову хозяйка въ первый день, по приводѣ ея на дворъ, кормитъ хлѣбомъ-солью на печной заслонкѣ<sup>4)</sup>. Когда кто-нибудь изъ членовъ семьи отправляется въ дорогу, то при самомъ выходѣ его со двора открываютъ въ печи заслонку, а въ избѣ двери, для того, чтобы онъ съ успѣхомъ совершилъ предпринятую поѣздку и счастливо воротился домой: теплое вѣяніе очага какъ-бы слѣдуетъ за странникомъ и оберегаетъ его въ чужой сторонѣ, и родное жилище всегда готово принять его въ растворенныя двери (нижегор. губ.). Изъ собранныхъ нами данныхъ понятно, почему въ глазахъ древняго человека потомство должно было являться благословеніемъ божества, а среда семейная установленною имъ формою общежитія; напротивъ отсутствіе потомства принималось за кару раздраженнаго божества, а своевольный выходъ изъ семьи — за страшный грѣхъ. У сербовъ существуютъ клятвы безплодіемъ: «такъ ми се не закаменило дѣте у жени, теле у крави, јагље у овци, свако сјеме у баштини!» «такъ ми се не ископала три сјемеи: л(ь)удско, скотско и земал(ь)ско!»<sup>5)</sup> У насъ въ древности изгойство (выходъ изъ семьи на вольную, бродячую жизнь) почиталось смертельнымъ грѣхомъ<sup>6)</sup>.

Съ поклоненіемъ огню связывается происхожденіе жер-

---

<sup>1)</sup> Записки Р. Г. О. по отдѣл. этнографіи, I, 216, 399, 426. — <sup>2)</sup> Старосв. Бянд, 213. — <sup>3)</sup> Записки Р. Г. О. по отдѣл. этнографіи, I, 310. — <sup>4)</sup> Этн. Сб. V, 85. — <sup>5)</sup> Срп. и. послов., 305. — <sup>6)</sup> Архивъ юст.-юрид. свѣд., I, стат. Калачова, 63.

твенныхъ обрядовъ. на что прямо указываетъ и самое слово жертва (старин. жрътва, пол. *żagzużna*) отъ жръти = грѣть, горѣть <sup>1)</sup>; санск. корень *ghr* — сіять, *ghagma* — жаръ=гарь) и жертва <sup>2)</sup>. У римлянъ жрецы назывались *flamines* (отъ *flam* та — огонь, пламя) и носили на головахъ уборъ, которому придавали видъ пламени, возжигаемаго или на алтаряхъ боговъ <sup>3)</sup>. Такъ какъ пылающій огонь, охватывая дерево и другія вещества, быстро уничтожаетъ ихъ, подобно жадному, голодному звѣрю, терзающему свою добычу; то отсюда глаголъ «жръти» получилъ значеніе поѣдать, какъ это явствуетъ изъ донинѣ-сохранившейся въ употребленіи формы жрать. Въ Ипатьевской лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: «и пойдоша (полки противъ враговъ) кличуче, яко по жрети хотяще» <sup>4)</sup>. Народныя загадки говорятъ объ огнѣ: «бѣлое ѣстъ, черное (т. е. уголь) теряетъ» <sup>5)</sup>; «естъ тра бѣгата родные: одиный ѣстъ-не наѣстся (огонь), другой пьетъ-не напьется (земля), третій гуляетъ-не нагуляется (вода)»; «жую-не жую, а жмишь та пожираю: вся жистъ моя у тмиъ, а з' голоду умираю»; «звонъ жретъ, а лѣтомъ спитъ» (печь <sup>6)</sup>). Согласно съ этимъ, жертва стала обозначаться словомъ покормиъ, какъ засвидѣтельствовано пѣснями Кракедворской рукописи: «*dat' pokrm bohovomъ*», «*ni w sumrku iim* (богамъ) *dawati ięsti*», хотя въ томъ-же памятникѣ встрѣчаемъ выраженіе: *paliti obiet* <sup>7)</sup>. Такіе обороты рѣчи, возникшіе изъ поэтически-образныхъ представленій народнаго ума, нечувствительно вели его къ олицетворенію снѣщенной

<sup>1)</sup> Ипатьев. лѣт., 188: «и богомъ своимъ жряше»; Мат. сравн. слов., IV, 254: «жръте богомъ»; жръць=жрецъ. — <sup>2)</sup> Мат. сравн. слов., I, 443. Смягченіе звука *g* въ *gh* очень обыкновенно въ славянскихъ языкахъ: гонть=жить, горло=жерло и проч. —

<sup>3)</sup> Проппелен, IV, 12. Лат. *kuriejis*—прозваніе Перкуна, солнца и жреца (Изв. Аи. Н., I, 115). — <sup>4)</sup> П. С. Р. Л., II, 118. — <sup>5)</sup> Варіантъ: «чернымъ сереть». — <sup>6)</sup> Этн. Сб., VI, 87, 92; Номис., 299. — <sup>7)</sup> Ж. М. Н. П. 1840, XII, 130—3.

стихию огня въ видѣ человѣка или животнаго. Преданія изображаютъ огонь существомъ вѣчно-голоднымъ и прожорливымъ, съ золотыми зубами и палящими языками, которыми онъ грызетъ и лижетъ свою несчастную жертву; выраженіе: «*пламя лижетъ своими языками*» до сихъ поръ остается у насъ общеупотребительнымъ (см. т. I, стр. 728); огонь, по пословицѣ, хуже вора: «*тотъ хоть стѣны оставитъ, а пожаръ все пожираетъ*»; народная загадка называетъ его разбойникомъ, разорителемъ <sup>1)</sup>. Вотъ почему съ одной стороны слова, означающія сильный голодъ и жажду, сближаются съ понятіемъ горѣнія (срвни пол. *pragnąć*, *pragnienie*, *prążyć*, малорус. *прягти*, *пряжить* — жарить; «*голодомъ таяти*» в «*затаили*, т. е. заглав, свѣчу воску яраго»; слова жадный, жажда, старослав. *жадати*, можетъ быть, сродны съ корнемъ жег: «*ѣсть и пить хочется, ажъно душу выжгло*» <sup>2)</sup>; а съ другой слово «жертва» стало употребляться для обозначенія всего, что попадаетъ подъ гнѣтъ страшнаго насилія (жертва злобы, ненависти). Самое солнце, жаркіе лучи котораго испаряютъ влагу и палятъ землю утомительнымъ зноемъ, въ народныхъ сказкахъ нерѣдко представляется готовымъ пожрать тѣхъ сказочныхъ героевъ (представителей весеннихъ грозовыхъ тучъ), которые являються къ нему съ вопросами и мольбами. Такъ въ чешской сказкѣ Солнцева мать говоритъ одному страннику: «*můj syn je sice dobrá duše; ale když přijde na večer hladový domů, mohlo by se lehko stat, žeby tě upekl a snědl k večeri. Je to prazd- na kad', priklopim ji na tě*» <sup>3)</sup>. И когда Солнце воротилось домой, то первымъ словомъ его было: «*я чую челоуѣчыє мясо!*» <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> «Двое стоячихъ (небо и земля), двое ходячихъ (солнце и мѣсяцъ). да два разбойника-разорителя (огонь и вода)» — Сахаров., I. 103. — <sup>2)</sup> Потебн., 10. — <sup>3)</sup> Переводъ: «Мой сынъ — добрая душа; но какъ придетъ вечеромъ домой голодный, то легко можетъ стать — исчезнетъ тебя и съѣстъ за ужиномъ. Вотъ порожняя кадъ, дай покрою тебя —» <sup>4)</sup> Эрбенъ, 4—5.

Въ вариантахъ этой сказки, сохранившихся у другихъ славянъ, Солнцева мать сажаетъ гостя подъ мѣдное или золотое корыто, чтобъ воротившееся Солнце не сожгло его <sup>1)</sup>. Нѣмецкая сказка распространяетъ подобное воззрѣніе и на мѣсяцъ: «da kam es (Mädchen) zur Sonne, aber die war zu heiss und furehterlich, und frass die kleinen Kinder. Eilig lief es weg und lief hin zu dem Mond, aber der war gar zu kalt und auch grausig und böse, und als er das Kind merkte, sprach er: ich rieche, rieche Menschenfleisch!» <sup>2)</sup> О туманѣ, исчезающемъ при выходѣ солнца, нѣмцы выражаются: «die sonne frisst ihn auf». Какъ съ одной стороны солнце, закрываемое тучами, представлялось пожираемымъ облачными великанами; такъ съ другой оно само, подобно демоническому змѣю и великанамъ, сосетъ дождевую воду. Когда солнечные лучи прорѣзываютъ облака свѣтлыми полосами, чехи говорятъ: «slunce vodn táhne», а нѣмцы: «die sonne lässt wasser», т. е. по народному воззрѣнію, жаркое солнце точно также вытягиваетъ изъ облачныхъ источниковъ дождь, какъ испаряетъ и сушитъ оно земныя воды. Что касается мѣсяца, то злобный характеръ приданъ ему, какъ представителю ночи и приводимыхъ ею темныхъ силъ. На этихъ основаніяхъ фантазія породнила солнце и мѣсяцъ съ поѣдучими великанами: sonnen- und mond-giesen <sup>3)</sup>. — Огонь на домашнемъ очагѣ можно поддерживать только приношеніемъ ему разныхъ сгораемыхъ матеріаловъ; пожирая ихъ, онъ живетъ, но тотчасъ-же погасаетъ (= умираетъ), какъ скоро они превратятся въ пепелъ. Такъ сама собою, простымъ и естественнымъ путемъ, возникла жертва огню. Что у славянъ были жертвоприношенія очагу — это прямо можно допустить, зная существованіе ихъ у другихъ народовъ индоевропейской семьи; но сверхъ того мы можемъ указать на свидѣтельства преданій и старинныхъ обрядовъ.

<sup>1)</sup> Нар. сл. раз., 112. — <sup>2)</sup> Сказ. Грим., I, стр. 159. — <sup>3)</sup> Sonne, Mond u. Sterne, 136—8; Ганушъ: Baba a Děd, 62.



У чеховъ въ обычаѣ — отъ каждой яствы полагать часть въ огонь; пренебреженіе этою обязанностью влечетъ за собою опасность пострадать отъ огня; когда пекутъ хлѣбы изъ новой ржи, то въ разведенное пламя бросаютъ кусокъ тѣста, дабы не пригорѣлъ ни одинъ хлѣбъ<sup>1)</sup>. Чтобы предохранить домъ отъ пожара, въ Каринтіи кормятъ огонь, т. е. бросаютъ въ затопленную печь свиное сало и другія яства<sup>2)</sup>. Истрийскіе славяне кормятъ возженный на Ивановъ день чурбанъ, обсыпая его хлѣбными зернами<sup>3)</sup>. При зимнемъ поворотѣ солнца, сербы зажигаютъ въ домашней печи дубовый обрубокъ (баднякъ), а въ разведенное пламя бросаютъ деньги, сыплютъ хлѣбныя зерна, муку и соль, льютъ вино и масло, и молятъ о плодородіи въ стадахъ и жатвахъ и изобиліи въ домѣ. Ударяя кочергою по горящему полѣну, они приговариваютъ: «сколько искръ, столько бы коровъ, коней, козъ, овецъ, свиней, ульевъ, счастья и удачи!» Возженіе бадняка извѣстно и въ Черногоріи, и у болгаръ, и вездѣ оно сопровождается семейнымъ пиршествомъ; у насъ же уцѣлѣла только обрядовая трапеза, совершаемая наканунѣ Рождества (см. ниже въ главѣ о народн. праздникахъ), по окончаніи которой выносятъ на дворъ опорожненные горшки и разбиваютъ ихъ объ землю, чтобы прогнать изъ дому всякой недостатокъ<sup>4)</sup>. Сходно съ сейчасъ-указаннымъ сербскимъ причитаніемъ, въ архангельской губ. въ заключеніе свадебнаго стола, когда будетъ съѣдена каша, кидаютъ пустой горшокъ въ печь, съ приговоромъ: «сколько черепья, столько молодыхъ ребятъ!»<sup>5)</sup>. Древніе греки и рим-

<sup>1)</sup> Громаннъ, 41, 103. — <sup>2)</sup> Roggenwolf und Roggenhund, 3. — <sup>3)</sup> Терещ., V, 54. — <sup>4)</sup> Ibid., VII, 63—64. — <sup>5)</sup> Арханг. Г. В. 1843, 34. Праздникъ родовымъ пенатамъ, вотяки пекутъ блины; дохозяинъ зажигаетъ восковую свѣчу, ставитъ ее въ передній уголь, беретъ со свовороды блины, и испрашивая себя и всему семейству здоровья, прибыли въ скотинѣ, урожая въ хлѣбѣ, разрываетъ блинъ на части и бросаетъ въ пылающую печь; то же дѣлаетъ онъ съ мясомъ

ляне обѣдали подлѣ домашняго очага, и прежде, чѣмъ приступали къ приготовленнымъ на немъ яствамъ, домовладыка приносилъ въ жертву очагу первыя части пищи и дѣлалъ на него возліаніе, въ честь родовыхъ пенатовъ. Такое соединеніе двухъ различныхъ дѣйствій — священнаго и житейскаго не уменьшало благоговѣнія въ душѣ язычника, не унижало религіи, а напротивъ освящало обычное дѣло всеневной жизни (обѣдъ) и породило къ нему особенное благочестивое уваженіе; ибо въ той-же трапезѣ, которую приготовлялъ для себя человекъ, участвовало и самое божество. Никто не сомнѣвался, что оно дѣйствительно ѣсть и пить; и въ самомъ дѣлѣ, «не видѣлъ ли каждый, что пламя разростается, какъ-бы насытись принесенною ему пищею? Такимъ образомъ трапеза дѣлалась между человекомъ и богомъ; это былъ религіозный обрядъ, чрезъ который они вступали во взаимное общеніе <sup>1)</sup>. На Руси столъ, за которымъ обѣдаетъ и ужинаетъ крестьянская семья, стоитъ въ переднемъ углу подъ образами («божницею»); передъ вкушеніемъ пищи поселане молятся Богу и въ нѣкоторыхъ деревняхъ умываютъ себѣ руки чистою водою: этотъ послѣдній обычай преимущественно соблюдается между старовѣрами <sup>2)</sup>. За обѣдъ и ужинъ, по народному убѣжденію, должно приступать благословясь, сидѣть тихо и скромно, ногами не болтать, не смѣяться, пустошныя рѣчи не говорить и тѣмъ «бѣса не тѣшить» <sup>3)</sup>. Приготовлять опару для хлѣба и всякія яства должно какъ нѣкое священнодѣйствіе — съ благоговѣніемъ и благословясь; гдѣ стряпаютъ безъ соблюденія этихъ условій, тамъ въ обѣдѣ принимаютъ участіе нечистые духи,

---

и со всѣми другими яствами; наконецъ плещетъ въ оговъ кумышвою (напиткомъ, приготовляемымъ въ праздникѣ), и затѣмъ уже садятся за столъ — Совр. 1856, IX, 71. У евреевъ хозяинъ прежде, чѣмъ посадитъ въ печь хлѣбы, беретъ небольшою кусокъ тѣста и бросаетъ въ огонь — Обряды еврейск., 119.— <sup>1)</sup> Куланжъ, 28. — <sup>2)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1853, V, 14—15. — <sup>3)</sup> Обл. Сл., 19; Записки Авдѣя., 128.

распѣвая срамныя пѣсни в предаваясь буйнымъ пляскамъ; къ благословеннымъ же яствамъ они в приступитъ не смѣютъ. На этомъ вѣрованіи создались многія интересныя легенды <sup>1)</sup>. Лубочная картина изображаетъ двѣ трапезы: «трапезу благочестивыхъ людей, ядущихъ со благодареніемъ: ангелъ господень предстаетъ, благословляетъ, а бѣсы прогоняетъ, христовою силою помрачаетъ» и «трапезу неблагодарныхъ людей, празднословцевъ, кощуновъ, скверноглаголющихъ, ядущихъ безъ благословенія; ангелъ господень отврати лице свое отъ нихъ, отъиде — стоя плачетъ, яко видить: бѣсы веселящися съ ними». Гдѣ бываетъ свадьба или пиръ, тамъ и нечистые: придутъ и засядутъ на печкѣ, а какъ станутъ хозяева подавать на столъ, неблагословенное кушанье, они тотчасъ подхватятъ то блюдо къ себѣ, все наготовленное съѣдятъ, а вмѣсто тѣхъ накладываютъ на блюдо всякой погани. Тоже бываетъ и съ питьемъ: вино ли, медъ ли подадутъ неблагословясь — нечистые опорожняютъ посудину, да и нальютъ туда чего хуже выдумать нельзя <sup>2)</sup>.

Предавая жертвы всепожигающему пламени, древній челоуѣкъ вѣровалъ, что творить пріятное своимъ стихійнымъ богамъ и что всѣ они охотно принимаютъ участіе въ этихъ приношеніяхъ. Объятая пламенемъ, жертва превращается въ дымъ и пары, возносится къ небу и тамъ свидѣлствуетъ о набожномъ настроеніи и благоговѣйныхъ чувствахъ смертнаго; боги, творцы и податели всякихъ благъ, каратели зла и неправды, питаются восходящими къ нимъ парами и благоклонно выслушиваютъ людскія мольбы. Потому у всѣхъ

<sup>1)</sup> Н. Р. Лег., 18, 20, 21: Перм. Сборн., II, 177—8. — <sup>2)</sup> Н. Р. Лег., стр. 164. Со столовъ крестьяне соединяютъ ту-же мысль о плодородіи, что и съ хлѣбомъ, который, по старинному обычаю, долженъ постоянно лежать на немъ: жениха и невесту обводятъ вокругъ стола для счастья, беременную женщину — для легкихъ родовъ (нижегор. губ.); две столы на столѣ скатерти вдвое, не то родится двойники (Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 11).

древнѣйшихъ народовъ огонь признавался проводникомъ жертвоприношеній посредникомъ между людьми и богами, обитающими на высокомъ небѣ; а домашній очагъ былъ первымъ жертвенникомъ, на которомъ чествовались безсмертные владыки. Какимъ бы богамъ не предназначались жертвенныя яства, вмѣстѣ съ ними необходимо соотрапезовалъ и Огонь. Въ гимнахъ Ригъ Веды божеству Агни даются названія: владыка дома (очага), возникшій жертвъ, жрецъ, посолъ и вѣстникъ людей и другъ боговъ; ибо онъ зоветъ боговъ къ жертвеннымъ яствамъ, приноситъ и предлагаетъ имъ пищу, и тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ человѣческому роду, онъ—основатель богослужебнаго обряда и ходатай за людей передъ богами <sup>1)</sup>. У персовъ всякое жертвоприношеніе начиналось прославленіемъ огня <sup>2)</sup>; у грековъ и римлянъ воззваніе къ богинѣ очага (Гестіи, Вестъ) было началомъ и концомъ всякой молитвы и жертвеннаго обряда; изъ дома фламмы и съ алтаря боговъ римляне не могли брать огня для обыкновеннаго употребленія, а только для возженія жертвы <sup>3)</sup>. Но мы уже объяснили, что Агни первоначально было особеннымъ прозваніемъ Индры, что въ огнѣ, разводимомъ на очагѣ, чествовалось низведенное на землю небесное пламя грозы, и что поэтому въ обстановкѣ и характерѣ поклоненія огню отразился культъ бога-громовника. Именно въ этомъ тождествѣ бога огня съ громовержцемъ,

---

<sup>1)</sup> Orient und Occid., годъ 1, I, 20; III, 386, 397—8; IV, 576—8; годъ 2, II, 235.— <sup>2)</sup> Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 336.— <sup>3)</sup> Проппен, IV, ст. Крюкова, 12; Ф. Кулавицъ, 31—32: „При всѣхъ жертвоприношеніяхъ, даже тѣхъ, которыя совершались въ честь Зевса или Аполлона, прежде всего призывался всегда очагъ. Въ Олимпіи первая жертва, которую совершала собравшаяся Греція, приносилась очагу, вторая Зевсу. Точно также и въ Римѣ первую молитву всегда обращали къ Вестъ... Подобнымъ же образомъ мы читаемъ въ гимнахъ Ригъ-Веды: „прежде всѣхъ подобно призывать Агни. Мы произнесемъ его священное имя прежде имени всѣхъ прочихъ безсмертныхъ. О Агни, кто бы ни былъ богъ, которому мы поклоняемся, совершая жертву, всегда она принадлежитъ тебѣ“

тождествѣ, принадлежащемъ древнѣйшей эпохѣ аріевъ, кроется объясненіе всего существеннаго въ жертвенномъ обрядѣ. У германцевъ првносимыя жертвы освящались молотомъ, какъ эмблемою молніевоснаго орудія Тора; такимъ образомъ владыка небесныхъ грозъ какъ-бы самъ возжигалъ жертвенное пламя своими громовыми стрѣлами. Вѣчно-неугасимый Зинчъ древнихъ лѣтовцевъ горѣлъ на жертвенникѣ передъ истуканомъ Перкуна, и на Руси, когда св. Владиміръ приказалъ уничтожить идоловъ, именно Перунъ вызвалъ (по свидѣтельству лѣтописи) насмѣшливый упрекъ въ пожираниіи жертвъ: «иде пидбѣляиниъ рано на рѣку, хота горнеци везти въ городъ; оли Перунъ (брошенный въ Днѣпръ) приплы къ берви (вариантъ: къ берегу къ бервы <sup>1)</sup>), и отрину ѣ шестомъ: ты, рече, Перунище! досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣча поплочи прочь <sup>2)</sup>». Какъ на высокомъ небѣ Индра и Агни разятъ своими палицами тученосныхъ птицъ и облачные стада коней, быковъ, коровъ, козъ, овецъ, оленей, вепрей, и пожирая ихъ въ грозовомъ пламени, проливаютъ на землю живую воду дождя; такъ думали, что и отъ благочестія человека ожидаютъ они и другіи содѣйствующія имъ божества (= вѣтры, раздувающіе пламя грозы; весеннее солнце, приводящее съ собою дождевыя облака; земля, упивающаяся дождемъ, и т. дал.) подобныхъ же приношеній Животное, избранное въ даръ богамъ, закалалось острымъ ножомъ (=символомъ разящей молніи), обрызгивалось водою и предавалось сожженію. Первоначально принесеніе жертвъ немислимо было безъ огня и возліанія, ибо и верховный жрецъ Агни, священнодѣйствуя въ грозѣ, возжигаетъ молніи и проливаетъ дождь. На римскихъ монетахъ Веста изображалась съ горящимъ факеломъ въ одной рукѣ и съ чашею воды

<sup>1)</sup> Польск. *berma*, нѣмец. *berme*—уступъ у городской стѣны. —

<sup>2)</sup> П. С. Р. Л., III; 207. V, 121.

въ другой. «Запретить кому-нибудь огонь и воду» (*aquae et ignis interdictio*), одно изъ самыхъ тяжкихъ наказаній во времена римской республики, означало: объявить осужденное лицо вѣтъ законовъ, лишить его участія въ культѣ боговъ и ихъ священнаго покровительства <sup>1)</sup>). Отсюда объясняется доселѣ-существующій въ Германіи обычай, въ силу котораго хозяйка каждый вечеръ обязана выметать печь и ставить въ ней котелокъ чистой воды <sup>2)</sup>). Галицкая пословица утверждаетъ, что «огонь мститъся, якъ го не шануешь» <sup>3)</sup>). Смыслъ ея раскрывается изъ слѣдующаго разсказа, сохранявшагося между литвинами и жмудью: въ какомъ-то околѣдѣ жило двое хозяевъ. Жена одного постоянно ставила въ печь, въ даръ Огню, горшокъ съ водою, а другая пренебрегала этимъ обычаемъ. Первой изъ нихъ случилось разъ подслушать на дворѣ слѣдующій разговоръ двухъ Огней. «Ну, братъ! сказалъ одинъ Огонь, на будущую ночь я истреблю свой очагъ и перенесу свое хозяйство на новое мѣсто, потому что я иссохъ здѣсь; ниѣ никогда еще не поставили и капли воды!» — Какъ заешь! отвѣчалъ другой, только на твоей печкѣ стоитъ взятая у насъ лоханка; не сожги ее, моя хозяйка — добрая!» Ночью всныхнулъ у недоброй бабы пожаръ и истребилъ все дѣлеста; осталась на печелищѣ только одна лоханъ нетронутою <sup>4)</sup>). Подобный разсказъ существуетъ и въ Малороссіи, только причина пожара мотивирована иначе. Было двѣ сѣдѣки: одна заметала печь чистою тряпичею, а другая грязнымъ

<sup>1)</sup> Прописки. IV, 11. Тоже воззрѣніе на огонь и воду, какъ на стихіи, необходимыя при жертвенномъ обрядѣ, встрѣчаемъ и между дикими племенами инородцевъ—см. сочин. г-жи Фуксъ о чуваш. и черемисахъ, 20—22, 77, 216. Совр. 1836, II, 186 (о вотякахъ); Сибирск. Вѣст. 1822, кн. VIII, 41—42 (о тунгусахъ).— <sup>2)</sup> *Beiträge zur D. Myth.* Вольфъ, II, 394.— <sup>3)</sup> Старосв. Банд., 193.— <sup>4)</sup> Семеновск., 116—7; Иллюстр. 1848, № 28.

вѣтникомъ; по народному же повѣрью, замечать въ печи чѣмъ-нибудь грязнымъ — большой грѣхъ. Въ полночь сошлись Огни, говорили между собой, и вслѣдъ за тѣмъ у непочтительной хозяйки сгорѣла хата. Въ старинномъ поучительномъ словѣ (по рукописи новгородскаго Софійскаго собора), въ числѣ другихъ суевѣрій, осуждается и слѣдующій обычай: «и на печь льюще въ бани» <sup>1)</sup>). Кромѣ воды, возліянія, согласно съ различными метафорическими названіями, придаваемыми дождю, дѣлались и молокомъ, масломъ, виномъ, пивомъ (брагою), медомъ и кровью <sup>2)</sup>). Кашубы считаютъ необходимымъ плеснуть въ огонь парнымъ молокомъ, чтобы оно не испортилось <sup>3)</sup>). Баднякъ деселѣ поливается виномъ и масломъ; обсыпаніе его зерновымъ хлѣбомъ стоитъ въ связи съ мнѣстическимъ представленіемъ дождевыхъ капель ниспадающихъ съ небесъ стѣнами (см. I, 571). Тоже значеніе имѣетъ и обрядъ посыпанія молодой четы зѣрнами, чтобы надѣлать ее силою чадородія (см. гл. XXIX). Въ старину, при произнесеніи клятвенныхъ обѣтовъ, лили на огонь вино и молили боговъ: да прольютъ они также кровь нарушителя клятвы! Такъ какъ въдревле въ составъ опьяняющаго напитка входили медъ и ячменный сокъ, то у народовъ классическихъ жертвенные обряды сопровождались приношеніемъ толченаго ячменя, смѣшаннаго съ водою и солью, и лепешками, намазанными медомъ. На Руси еще недавно лошади, приносимой въ даръ водяному, обмазывали голову медомъ. Болгары до сихъ поръ въ честь св. Георгія закаляютъ барашка, съ соблюденіемъ обрядовъ, которые несомнѣнно указываютъ на жертвенное зна-

<sup>1)</sup> Лат. рус. лит., т. IV, 108. — <sup>2)</sup> По свидѣтельству Страбона, персы, закаляя у рѣкъ, озеръ и источниковъ бѣлыхъ коней, сожигали ихъ при пѣніи священныхъ гимновъ и дѣлали на землю возліянія древеснымъ масломъ, смѣшаннымъ съ молокомъ и медомъ. —

<sup>3)</sup> Этн. Об., V, 75.

ченіе такого закланія; этому барашку мажутъ ротъ медомъ, а подъ горломъ его ставятъ чашку, куда и стекаетъ кровь: не одна капля ея не должна пролиться наземь. Сбранною кровью мажутъ дѣтямъ лобъ, щеки и подбородокъ крестообразно; употребляютъ ее также на лѣченіе домашнихъ животныхъ къ взрослыхъ людей отъ оспы, коросты и другихъ сыпучихъ болѣзней. Чехи обрызгиваютъ народъ кровью пѣтуха, закалаемаго при жатвенномъ и храмовомъ праздникахъ <sup>1)</sup>. У насъ, для унятія зубной боли, совѣтуютъ мазать десна кровью чернаго пѣтуха <sup>2)</sup>. У литовцевъ и германцевъ было принято окроплять жертвенною кровью всѣхъ соучастниковъ въ священномъ обрядѣ. Кровь эта, въ глазахъ язычниковъ, обладала тою-же очистительною силою, какая приписывалась живой водѣ дождя <sup>3)</sup>. Издревле кровью приносили въ жертву животныхъ брызгали на разведенное пламя и вкушали ее, какъ напитокъ, надѣляющій высшими духовными дарованіями. Гельмольдъ рассказываетъ, что, по закланіи жертвы, жрецъ пилъ ея кровь, чтобы обрѣсти божественный даръ предвѣщаній. Съ тою-же цѣлью древніе германцы пили медъ и пиво, примѣшивая къ нимъ жертвенной крови <sup>4)</sup>. Итакъ крови этой придавалось точно такое-же вѣщее, одушевляющее значеніе, какъ и нектару и чудному напитку, созданному изъ крови Квасира. Изъ запрещенія новгородскаго епископа Нифонта вкушать кровь птицъ и звѣрей можно заключать, что подобное обыкновение имѣло мѣсто и между русскими славянами: «рѣхъ вамъ ѣсти мяса, а кровь всякаго живота прелеи на землю; аще ли

---

<sup>1)</sup> Громаничъ, 75.— <sup>2)</sup> Зубная боль останавливается также прикосновеніемъ пальца, омоченнаго кровью рта.— <sup>3)</sup> По нѣмецкому повѣрью, кровь дитяти и невинной дѣвicy исцѣляетъ отъ коросты — D. Myth., 1125.— <sup>4)</sup> Ibid., 49.



ѣи ю — противникъ еси Богу» <sup>1)</sup>; принятое же свидѣтельство находимъ въ словѣ митрополита Иларіона (XI стол.), который, восхваляя ново-принятую вѣру, говоритъ: «и уже не жертвенныя крове вкушающе погибаемъ, но Христовы пречистыя крови вкушающе спасаемся» <sup>2)</sup>.

Сила нечистая, демоны поварьныхъ болѣзней и богиня смерти, по самому характеру связываемыхъ съ ними представлений, казались вѣчно-голодными, жадно-пожирающими все живое; они постоянно требовали уничижительныхъ жертвъ. Но, какъ объяснено ниже (см. гл. XXII), нечистые духи болѣзней и смерти въ сознаниіи первобытнаго народа вовсе не были олицетвореніемъ-отвлеченныхъ понятій, а напротивъ сливались съ помирающими небо черными тучами, несущими разрушительныя бури, градъ, стужу, неурожай и повѣтріе (моровую язву). Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія богъ-громовникъ обратился въ божество адское, обитающее, вмѣстѣ съ толпою подмастныхъ ему духовъ, въ мрачныхъ подземельяхъ облачныхъ скалъ и вертеповъ. Потому и жертвы, имъ приносиныя, предавались сожженію; зарываніе въ землю есть сравнительно болѣе поздняя форма жертвеннаго обряда, возникшая при забвеніи настоящаго смысла древнихъ метафорическихъ выраженій, когда адскіе духи, пребывающіе въ темныхъ пещерахъ тучъ, были призваны за дѣйствительныхъ жильцовъ подземнаго міра. Подобно тому, жертвы задушеніемъ въ водѣ (потопленіемъ) возникли уже тогда, когда «дождящій» Перунъ обособился въ самостоятельное божество морей и рѣкъ и когда обоженіе отъ небесныхъ, дождевыхъ источниковъ перенесено было на земныя воды.

<sup>1)</sup> Памяти. XII в., 190—1. Въ поученіи митрополита Фотія (1416 г.) о извѣщеніи удавленныи сказано: «кровь бо вмѣсто души въ безсловесныхъ нѣмѣтъ слуху» — Ах. Ист., I, 22. — <sup>2)</sup> Ч. О. И. в Д., годъ 3, VII, 32.

Какъ домашній, родовой очагъ былъ первымъ жертвенникомъ, такъ домовладыка, глава рода, былъ первымъ жрецомъ, первымъ служителемъ боговъ. Такое явленіе необходимо усложнялось патриархальнымъ бытомъ первобытныхъ племенъ и ихъ религіозными воззрѣніями, въ силу которыхъ съ пламенемъ, возженномъ на домашнемъ очагѣ, соединялось представленіе о богѣ-охранителѣ родственнаго союза и семейнаго счастья. Тѣ-же лица, которыя заведывали очагомъ, разводили на немъ огонь и приготавливали пищу, были и совершителями священныхъ обрядовъ; такія хозяйственныя и религіозныя обязанности лежали на старшихъ въ родѣ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ и полною властію распоряжаться въ домѣ <sup>1)</sup>. Какъ служитель очага, домовладыка носилъ у славянъ имя огнищанина; по выраженію сербовъ, «безъ стара папа сиротно огниште» <sup>2)</sup>. Отъ хозяйки, по русской народной поговоркѣ, должно пахнуть дымомъ <sup>3)</sup>; а, вмѣсто названія старшѣй, въ нѣкоторыхъ деревняхъ выражаются о домохозяйкѣ: дымная шапка; дымничать означаетъ: смотрѣть житье-бытье жениха или невесты, тоже самое, что выраженіе: «смотрѣть печь или шестокъ» въ домѣ родителей невесты <sup>4)</sup>. Доселѣ уцѣлѣвшіе народные обычаи живо свидѣлствуютъ за то богослужебное значеніе старшаго, какое при-

<sup>1)</sup> Кулавъ, 117—8: «Всѣхъ ближе къ очагу отецъ; онъ зажигаетъ его и заботится о немъ; онъ его верховный жрецъ. Во всѣхъ религіозныхъ службахъ онъ исполняетъ высшую обязанность: онъ закладываетъ жертву; его уста произносятъ молитвенную формулу, которая должна списать ему и его домашнимъ покровительство боговъ».—<sup>2)</sup> Безъ стараго папа сиротѣть огнище—Срп. и. посл., 12.—

<sup>3)</sup> Рус. изъ св. посл., II, 59. У грековъ и римлянъ мать семейства (*materfamilias*, *отходѣлница*) пользовалась большимъ почетомъ; на ней лежала забота, чтобы очагъ не потухалъ. Греки считали несчастіемъ «жить очагъ, лишенный супруга»; а у римлянъ жрецъ, омовшись, терилъ свой жреческій санъ—Кулавъ, 136—7.—<sup>4)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 28; Терещ., II, 610.

надлежало ему нѣкогда въ средѣ рода. Въ Малороссіи до сихъ поръ наканунѣ Нового года хозяинъ исполняетъ тотъ-же «законный» обрядъ, какой, по свидѣтельству Саксона-грамматика, совершалъ въ старину жрецъ во время Святovitова праздника: онъ садится за столъ, уставленный всякаго рода печеньями, и послѣ обычнаго замѣчанія домохозяевъ, что его не видно изъ-за приготовленныхъ яствъ, молить объ урожаѣ будущаго года: «дай же, Боже, щобъ и на той рокъ не бачили!» (см. гл. XXVIII.) У болгаръ домовладыка напоминаетъ о своемъ древне-жреческомъ характерѣ — въ большіе праздники (наприм. въ «бадній вечеръ» — предъ Рождествомъ), когда онъ, окруженный всѣми родичами, беретъ кадильницу, кладетъ въ нее ладонъ и кадитъ семейнымъ иконамъ <sup>1)</sup>; на Юрьевъ день онъ рѣжетъ жертвеннаго ягненка. Въ Сербіи кутьи старѣшина является съ тѣмъ-же характеромъ въ своемъ семействѣ: «над се моле Богу, он почине и свршује» <sup>2)</sup>. Въ тверской губ. въ день похоронъ хозяинъ дома ставитъ на столъ кипу блиновъ, зажигаетъ свѣчу предъ иконами, беретъ въ руки кадильницу и молча кадитъ во всѣ углы, а потомъ покойнику и всѣмъ присутствующимъ въ избѣ <sup>3)</sup>. По указанію колядской пѣсни, закланіе въ жертву козла совершалось старикомъ; въ другой старинной пѣснѣ, которую поютъ при «опахиваньи», сказано: «кипятъ котлы кипучіе, вокругъ котловъ стоятъ старцы старые; поютъ старцы про смерть, про животъ, всему міру сулятъ годы долгіе, а на злую Смерть кладутъ проклятіе великое» (см. I, 566—7). До сихъ поръ наибольшой въ семьѣ угощаетъ Морозъ киселемъ и кутьею (см. I, 319), и вообще всѣ участвовавшіе отъ старины обломки жертвенныхъ и богослужебныхъ обрядовъ главнымъ

---

<sup>1)</sup> Каравел., 277; Истор. Росс. Соловьева, I, 49. — <sup>2)</sup> Срп. рјечник, 713. — <sup>3)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 105.

образомъ совершаются стариками и старухами. Изстари родовачальники назывались у славянъ князьями, которые и соединяли въ своихъ рукахъ власть правительственную вмѣстѣ съ религіозною. Слово «князь», первоначальный смыслъ котораго указываетъ на отца, основателя рода (см. гл. XXIX), донынѣ въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ удерживаетъ значенія господина, правителя, сельскаго старосты и священника: пол. *ksiądz*, чешск. и лужиц. *knez* — попъ, священникъ, *predni knez* — епископъ, *knezstwo* (слов. *knázstwo*) — духовенство, *czerno-knezik* — чародѣй, *czerno-knezstwo* — чародѣйство; въ чешскомъ переводѣ евангелія X вѣка архіеремъ называлъ *spaezi popsti*, а въ евангеліи XIV в. *knieszata porowa*; согласно съ этимъ, по литовски *kunig's* — не только вообще господинъ, но и духовный сановникъ, *kunigene* — попадья <sup>1)</sup>; на Руси же священниковъ называютъ батюшка, батювка <sup>2)</sup> и отецъ (съ прибавленіемъ собственнаго имени, напр. отецъ Иванъ, отецъ Петръ); старослав. *попъ*, которое встрѣчается уже въ памятникахъ XI вѣка, имѣетъ тоже значеніе: сравни: *pater*, *papa*, нѣм. *pharrh*. Когда, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общественнаго быта славянъ, отдѣльные роды стали сливаться въ племенные союзы, а племена группироваться въ одно гражданское общество («народъ»), когда вмѣстѣ съ тѣмъ расширился и объемъ власти князя, поставленнаго во главѣ соединившихся племенъ, — и въ это сравнительно позднѣйшее время онъ не утратилъ своего теократическаго характера. Подобно тому, какъ на ряду съ

---

<sup>1)</sup> О вліян. христ. на сл. яз., 170; Р. И. Сб., I, 82—89; III, 150—1. Ходяковский указываетъ на множество урочищъ, названія которыхъ образовались отъ слова князь, и замѣчаетъ, что они всегда расположены въ извѣстномъ разстояніи отъ городищъ, а гдѣ подобныхъ названій не встрѣчается, тамъ находилъ онъ имена, образовавшіяся отъ слова попъ. — <sup>2)</sup> Обл. Сл., 8.

родовыми очагами возникает представление о племенномъ и всенародномъ очагѣ, пламя котораго чувствуется равно всѣми отдѣльными семьями и родами; такъ рядомъ съ домовладыками, охранителями семейнаго единства и служителями отеческихъ боговъ въ тѣсномъ кругу родичей, великій князь пользуется правами верховнаго жреца, служителя предъ алтаремъ того священнаго огня, который былъ видимымъ знаменіемъ народнаго единства. При совершеніи общественнаго богослуженія онъ является впереди, какъ пастырь народа. Лѣтописецъ Несторъ ни разу не упоминаетъ объ особенныхъ жрецахъ, а напротивъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо должны бы дѣйствовать жрецы, если бы существовали они, какъ отдѣльный классъ, говорить о князѣ и боярахъ: в. кн. Владимиръ ставитъ кумиры въ Кіевѣ, возлѣ своихъ теремовъ, а дядя его Добрыня—въ Новгородѣ <sup>1)</sup>. Послѣ побѣды надъ ятвягами, Владимиръ творилъ потребу кумирамъ съ людьми своими; и сказали старцы и бояре: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него-же падеть — того зарѣжемъ богомъ.» Съ боярами и градскими старцами разсуждаетъ этотъ князь о перемѣнѣ отческой вѣры и принятіи христіанства; по его велѣнію падаютъ идолы и создаются церкви: «повелѣ кумиры испроврещи, овы остьчи, а другія огнени предати, Перуна же повелѣ привязати коневѣ къ хвосту... Повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василѣя на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребности князь и

---

<sup>1)</sup> «И вача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму виѣ двора теремнаго... Володимеръ же посади Добрыню уя своего въ Новгородѣ, и пришедъ Добрыня Ноугороду, постави кумира (вар. кумиръ Перуна) надъ рѣкою Волховомъ, и яраху ему людье ноугородстѣи чини богу».

людей<sup>1)</sup>. Итакъ важнѣйшіе религіозные вопросы рѣшались  
вмѣстѣ съ боярами и старцами—общей ихъ думою и  
приговоромъ. У чеховъ, по свидѣтельству Крашевской ру-  
кописи, жреческія обязанности лежали на старшихъ въ ро-  
дѣ—на отцахъ семействъ и военачальникахъ, предводителяхъ  
племенной рати. Такъ Честиниръ, передъ походомъ на Власта-  
ва, самъ приноситъ жертву богамъ; другой вождь Веймиръ  
исполняетъ тоже самое, а Забой въ своихъ жалобахъ на вра-  
говъ, разорившихъ священныя рощи, замѣчаетъ:

Kamo otčik dāwāše krmie bobóm,  
Kamo k niem hlasat chodivaše,  
Posiekachu wše drva  
I rozhrušichu wše bohy<sup>2)</sup>.

По указанію старыхъ саксонскихъ писателей, славянскіе вла-  
дѣтели за р. Одромъ соединяли съ своей свѣтскою властію и ду-  
ховную<sup>3)</sup>, точно также, какъ нынѣ удерживаетъ за собою объ-  
власти черногорскій владыка. Такое явленіе не есть исключи-  
тельное, принадлежащее только славянамъ; оно неразлучно съ  
патріархальнымъ строемъ первобытныхъ человѣческихъ об-  
ществъ. Въ эпоху Гомера греческіе цари и полководцы были  
и жрецами; такъ поэтъ рассказываетъ о жертвоприношеніи,  
совершонномъ въ честь Аены Несторомъ<sup>4)</sup>. У скифовъ обя-  
занности главныхъ жрецовъ отправляли царь и племенные на-  
чальники, и потому на нихъ падала отвѣтственность за все  
бѣдствія, какія постигали народъ; тамъ, гдѣ власть переходила  
въ руки царицы, она совершала и общественное богослуже-  
ніе, и при ней состояли дѣвы, обязанныя прислуживать при

<sup>1)</sup> П. С. Р. Л., I, 34—35, 45—46, 50—51.— <sup>2)</sup> Переводъ: гдѣ  
отецъ давалъ богамъ яства (кормы), куда ходилъ возглашать къ  
нимъ — тамъ враги порубили все деревья и разрушили всехъ бо-  
говъ (т. е. идолов)—Ж. М. Н. П. 1840, XII, 130, 145.— <sup>3)</sup> Р. И.  
Сб., I, ст. Хомаковск., 84.— <sup>4)</sup> Одис., пѣснь III.

жертвенныхъ обрядахъ <sup>1)</sup>). Примѣръ княгини Ольги и чешское преданіе о Любушѣ доказываютъ, что и въ славянскомъ мірѣ въ извѣстныхъ случаяхъ старѣйшинство могло переходить на женщину, а вмѣстѣ съ нимъ переходили на нее и религіозныя обязанности. Въ этомъ образованіи княжеской и царской власти изъ власти древняго патриарха, представителя родственнаго союза и прародительскаго культа, кроется объясненіе, почему съ древнѣйшихъ временъ съ саномъ верховнаго правителя соединялась идея таинственнаго освященія. Происхожденіе царственной автократіи терялось въ физиологическихъ основахъ, положенныхъ самою природою, и для племенъ, нравственныя убѣжденія которыхъ воспитаны были на живомъ, всепроникающемъ чувствѣ крови, она являлась установленіемъ самаго божества. Какъ лица, священнодѣйствующія предъ алтарями пенатовъ и потому состоящія въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ міромъ боговъ, старцы-родоначальники и вел. князь повѣдали ихъ непреложную волю и устанавливали на землѣ правду; въ силу этого, самый судъ получилъ религіозное значеніе и совершался предъ священнымъ пламенемъ, обличающимъ кривду (см. ниже о «божьихъ судахъ»). Понятія суда, управы и домашняго хозяйства, стряпни у очага поставлены въ языкѣ въ близкую связь: рядъ — общественное устройство, судъ, законодательный уставъ («Рядъ права земскаго» — сборникъ старинныхъ чешскихъ законовъ; урядить землю, рядная запись, разрядъ — правительственное мѣсто, тавтологическая формула: судить рядить, на-рядъ въ извѣстномъ выраженіи летописи: «земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да помѣйте княжить и владѣти нами»); обрядъ — введенный закономъ или обычаемъ порядокъ, внѣшняя обстановка какого ли-

<sup>1)</sup> Лѣт. рус. лѣт., кн. I, 139.

бо дѣйствія, церемонія; обряды—всякое занятіе по кухвѣ, стряпня, обряднаха — хозяйка, стряпуха, обрядна — порядокъ въ домашнемъ обиходѣ, обрядиться—приготовить кушанье, обрядить корову — снять съ нея кожу и вынуть внутренности <sup>1)</sup>; стряпчій, стряпческія дѣла и стряпать—готовить яства, стряпуха — кухарка. Почти у всѣхъ языческихъ племенъ жрецы были и судьями и распорядителями общественныхъ дѣлъ. У насъ существуетъ примѣта, связывающая съ стихіей огня представленіе о власти и пренушествѣ: во время вѣнчанія совѣтуютъ невѣстѣ держать свою свѣчу выше жениховой, чтобы впоследствии «имѣть надъ мужемъ болѣе шину» (тверск. губ. <sup>2)</sup>).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общинное устройство болѣе и болѣе брало перевѣсъ надъ разрозненностію родовъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ велико-княжескаго управленія на болѣе широкихъ основаніяхъ, необходимо начинаетъ развиваться и публичный характеръ богослуженія, религіозныхъ игръ и празднествъ. На игры и празднества роды сходятся «межи селы» и совершаютъ ихъ сообща; избранныя для этого мѣста—прибрежья рѣкъ и озеръ, лѣса и горы мало по малу получаютъ въ глазахъ окрестнаго населенія особенную святость: здѣсь воздвигаются жертвенники (требища) для сожженія приносимыхъ народомъ жертвъ; здѣсь же, для общаго поклоненія, поставлены и кумиры боговъ. Идолы и жертвенники создаются также и въ мѣстахъ главныхъ поселеній, огражденных крѣпкими стѣнами отъ набѣговъ непріятеля (въ «городахъ»), гдѣ живутъ властители-князья и куда сходятся на вѣчевыя сходни

---

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 135.— <sup>2)</sup> Въ народныхъ сказкахъ (Н. Р. Сл., V, 53; VI, 61 и стр. 300; Рыбник., II, 274; Эрленвейнъ, 93) избраніе новаго дари происходитъ такимъ образомъ: по рѣшенію думныхъ людей, всякой долженъ войти въ церковь, со свѣчею въ рукахъ; у кого свѣча загорится сама собою — тотъ и царь.



старѣйшины отъ всѣхъ подвластныхъ имъ родовъ. Впослѣдствіи эти святилища начинаютъ обнесить оградами и завѣшивать покрывами, чтобы защитить ихъ отъ разрушительнаго вліянія непогоды и святотатственныхъ покушеній, и такимъ образомъ возникаютъ изысканіе храмы. Въ это время дѣлается необходимымъ, чтобы изъ общей массы народа выдѣлились почетныя, всѣми уважаемыя лица, которымъ можно-бъ было вѣрить надзоръ за чистотою святилищъ и охраненіе кумировъ и ихъ достоянія; чувствуется нужда въ людяхъ, которые бы исключительно посвятили себя дѣлу религіи. Къ тому-же ведетъ и осложненіе мнѣческихъ сказаній и образованіе цѣлой системы различныхъ обрядовъ. Прежде, въ отдаленную старину, сказанія о богахъ были общедоступны, и самый языкъ молитвенныхъ возношеній болѣе или менѣе для всякаго понятенъ. Но когда божества изъ стихійныхъ явленій природы облакаются въ животвенныя и человѣческія формы, получаютъ субъективныя страсти и побужденія, тогда естественно — и тѣ выраженія, которыя понятны въ приложеніи къ престолу явленію природы, дѣлаются загадочными въ отношеніи къ его олицетворенію; каждая метафора, коренной смыслъ которой затерянъ, служитъ зервомъ, изъ котораго вырастаетъ мнѣческое сказаніе или обрядъ; возникаетъ множество трудне-согласныхъ между собою представленій, басней, повѣрій, примѣтъ и чаръ, составляющихъ сущность изыскаго вѣроученія. Сберечь это богатое наследіе предковъ въ теченіи долгихъ лѣтъ сила семейнаго преданія оказывается недостаточною. Знать разнообразныя мѣны, помнить закланія и сложную обстановку обрядовъ, употребляемыхъ при религіозныхъ очищеніяхъ, врачеваніяхъ, жертвахъ, гаданіяхъ и судебномъ разбирательствѣ, понимать указанія примѣтъ и смыслъ загадокъ могутъ уже не всѣ, а только избранные, отдавшіеся священному вѣдѣнію. Мало по малу начинаютъ выдвигаться изъ на-

рога люди, одаренные большими способностями: умомъ, бойкимъ словомъ, поэтическимъ одушевленіемъ, в потому пользующіеся между своими соотечественниками значительнымъ вліяніемъ. Дѣйствуя подъ религіознымъ увлеченіемъ, они становятся народными учителями, глашатаями воли боговъ и прорицателями будущаго: имъ извѣстны древнія преданія, они въ силахъ разгадать и объяснить небесныя знаменія, таинственныя притѣты и сновидѣнія, они знаютъ цѣлебныя свойства травъ и другихъ снадобій, въ памяти ихъ хранится обильный запасъ заговоровъ и заклятій, чародѣйною силою которыхъ можно управлять божественными стихіями и обращать ихъ на добро и зло. Это — волхвы, кудесники, колдуны и колдуньи, чародѣи и чаровницы, люди вѣщіе; къ нимъ, въ случаѣ нужды, прибѣгали за совѣтомъ и помощью, и они совершали жертвенные и очистительные обряды, читали заклятія, гадали, лѣчили и давали предсказанія <sup>1)</sup>. Въ древнеславянскомъ языкѣ извѣстно и слово жрецъ; въ Іоакимовской лѣтописи находимъ даже указаніе, которое повидимому противорѣчитъ общепринятому мнѣнію, что у русскихъ славянъ жреческія обязанности несли князья и родоначальники: «вышній же надъ жрецы славянъ Богомилъ, сладкорѣчія ради нареченъ Соловей, велми прети люду покоритися» (принять христіанство <sup>2)</sup>). Думаемъ, что противорѣчіе это легко можетъ быть устранено; жрецъ здѣсь тоже, что волхвъ, кудесникъ, и вліяніе Богомила на народъ и его враждебное отношеніе къ христіанству

---

<sup>1)</sup> По всему вѣроятію, вѣщіе мужи выходили изъ среды тѣхъ же старѣйшинъ, которые заправляли родовымъ культомъ. Народное повѣрье приписываетъ колдовство преимущественно старикамъ и старухамъ; существуетъ даже убѣжденіе, что тайная наука волшебства хранится постоянно въ нѣкоторыхъ семействахъ, передаваясь наследственно изъ рода въ родъ — отъ отца къ сыну (Вережанинъ: Очерки архангел. губ., 187; D. Myth., 1060 — <sup>2)</sup> Истор. Росс. Татищева, I, 39.

совершенно сходны съ вліяніемъ и дѣйствіями волхвовъ XI столѣтія. Допустить у восточныхъ славянъ существованіе особаго класса жрецовъ не позволяютъ всѣ достовѣрныя извѣстія о нихъ бытіи. Жрецъ, волхвъ, кудесникъ суть слова синонимическія (см. гл. XXVI); изъ нихъ названіе «жреца» было избрано, при переводѣ ветхаго завета на славянскій языкъ, для обозначенія языческихъ священнослужителей, такъ какъ оно яснѣе другихъ указывало на сожженіе жертвенныхъ приношеній. Именно это и усвоило за нимъ тотъ смыслъ, какой придается ему въ современной рѣчи. Впрочемъ и слово «волхвъ» употребляется иногда въ старинныхъ памятникахъ съ тѣмъ-же значеніемъ; такъ въ одномъ поучительномъ словѣ читаемъ: «волхвовъ, дѣти моя, удаляйтесь! Боленъ былъ царь Охозія... послалъ къ идолу Ваалу и къ жрецомъ его спросити: буду ли живъ или умру? Посланные шли спросить волхвовъ...»<sup>1)</sup>. Въ хорутанскомъ же нарѣчій понятіе жречества соединяется съ словомъ «колдунъ» (калдованецъ — см. гл. XXVI). Толпы кудесниковъ, чародѣевъ, волхвовъ встрѣчаемъ у всѣхъ грубыхъ, неразвитыхъ племенъ, и вездѣ они являются, какъ избранники, посвятившіе себя тайнамъ религіи и служенію боговъ<sup>2)</sup>. Нѣтъ сомнѣнія, что, при болѣе окрѣпости публичнаго богослуженія у восточныхъ

---

<sup>1)</sup> Москв. 1851, VI, 129—130.— <sup>2)</sup> См. Лѣт. рус. лѣт., кн. I, 131—о скифахъ; Сбоева, 50—51—о финскихъ племенахъ. Новгородскій архіепископъ Макарій писалъ о язычникахъ водской пятинны: «и проста челоуѣка у себя держажу и почитаху, яко священника, его — же варицаху арбуемъ (колдуномъ): сей вся приносящая совершенія (привоженія совершая) по своей прелести, и дѣтемъ имена вариця» — П. С. Р. Д., V, 73. Отецъ Іоакимъ началъ шаманства относить къ тому времени, когда еще не знали ни храмовъ, ни особаго класса жрецовъ. Служеніе шамановъ состоятъ въ приношеніи жертвъ, возгласеніи молитвъ и врачеваніи. Въ Китаѣ шаманы уже составляютъ жреческое сословіе (О. З. 1839, XI, 73—81).

славянъ, нѣкоторые изъ вліятельныхъ вохвовъ могли бы усвоить себѣ исключительное жреческое значеніе и образовать отдѣльный іерархическій классъ; но такой процессъ не успѣлъ завершиться, какъ было водворено христіанство. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что конечное развитіе на Руси язычества, по отношенію къ культу, представляется въ тѣхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо свидѣлствуютъ о его переходномъ состояніи изъ религіи отдѣльныхъ родовъ въ племенъ въ религію общинную, всенародную.

Отъ домашнего очага, у котораго священнодѣйствовалъ представитель рода, и вся изба получила въ глазахъ язычника религіозное значеніе. Какъ кровь, свидѣтельствующій о бытѣ предковъ, какъ мѣстопробываніе родового пената, изба должна была пользоваться благоговѣйнымъ уваженіемъ отъ всѣхъ родичей. Большій или меньшій почетъ, воздаваемый различными ея частямъ, условливается болѣе или менѣе близкою связью ихъ съ очагомъ; самый же очагъ, на которомъ пылалъ огонь, охраняющій цѣлость и счастье родственнаго союза, былъ главною святынею. Поэтому изба для славянина была не только домомъ въ обиходномъ смыслѣ этого слова (жилищемъ, пристанищемъ), но и храмомъ, въ которомъ обитало свѣтлое, дружелюбное божество и совершались ежедневныя жертвоприношенія и мольбы <sup>1)</sup>. Кромѣ постоянного присутствія Агни, она освящалась и таинственнымъ низхожденіемъ въ нее другихъ боговъ. Такъ какъ жертвы не иначе дѣлаются достояніемъ боговъ, какъ только при посредствѣ возженнаго пламени; то съ очагомъ соединилось представленіе пиршественнаго стола, за которымъ сходятся трапезовать безсмертныя владыки. Призываемые своими поклонниками,

---

<sup>1)</sup> Храмы и хоромы, хранива (домъ, жилье) — слова буквально-тождественныя.

они оставляютъ небо и незримо являются у домашняго очага вѣнчать отъ жертвенныхъ яствъ, и въ возданіе за то благосклонно выслушиваютъ просьбы молящихся, надѣляютъ ихъ щедрыми дарами и помогаютъ имъ въ несчастіяхъ. Въ народныхъ заговорахъ донинѣ повторяются такіе призывы, обращенные къ небеснымъ свѣтиламъ: «Мѣсяцъ ты красный! сойди въ мою клѣтъ; Солнышко ты привольное! взожди на мой дворъ» или: «сойди ты, Мѣсяцъ, сними мою скорбь, унеси ее подъ облака» <sup>1)</sup>).

Поклоненіемъ очагу легко объясняется и славянское гостепріимство. Всякой странникъ, иноплеменникъ, входя подъ яровъ извѣстнаго дома, вступалъ подъ защиту его пенатовъ; садясь подлѣ очага, отдаваясь подъ охрану разведеннаго на немъ огня, онъ тѣмъ самымъ дѣлался какъ-бы членомъ семейства, — подобно тому, какъ невѣста, приводимая въ домъ жениха, только тогда сопричислялась къ его родственному союзу, когда трижды обходила вокругъ затопленной печи (см. стр. 34-36). «Кто сидѣлъ на печи, говоритъ русской простолюдинѣ, тотъ уже не гость, а свой». <sup>2)</sup> Не принять странника, обидѣть гостя значило: нарушить уваженіе къ святынѣ очага и къ кровнымъ, семейнымъ связямъ — грѣхъ самый ужасный по понятіямъ патріархально-воспитаннаго человека. Отъ того гостепріимство вовсе не составляетъ исключительной принадлежности славянъ, а есть черта, общая всѣмъ первобытнымъ народамъ. Теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей сѣверной Америки и кавказскихъ горцевъ, продолжающихъ жить въ родовомъ бытѣ, какъ прежде хвалили за то скифовъ <sup>3)</sup>. На Кавказѣ еще недавнею гостію передавались права старшаго въ семьѣ; за обиду, нанесенную ему, угро-

---

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 22, 24. — <sup>2)</sup> Послов. Даля, 866. — <sup>3)</sup> Лат. рус. лит., кн. I, 130.

лама мѣсть цѣлаго аула и самые родичи съ презрѣніемъ отступались отъ виновника такого нечестиваго дѣла <sup>1)</sup>). По греко-римскому обычаю чужеземецъ, являясь просителемъ, садился на печь домашняго очага, и чрезъ это пріобрѣтала право на защиту и помощь домохозяина. Нарушить долгъ гостопріимства признавалось за оскорбленіе Зевса; по свидѣтельству Одиссея,

Мстять за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный  
Кроніонъ,  
Богъ-гостелюбецъ, священнаго странника вождь и  
заступникъ <sup>2)</sup>).

Не одинъ народъ, говоритъ Тацитъ, не бываетъ такъ внимателенъ къ гостямъ, какъ германцы; отказать кому-либо отъ своего дома считается безчестіемъ; каждый угощаетъ пришельца, смотря по своему состоянію, а въ случаѣ недостатка ведетъ его въ сосѣдній домъ, гдѣ ихъ обоихъ принимаютъ съ радушіемъ, не различая знакомаго отъ незнакомаго; пожелаетъ ли гость получить что-нибудь въ подарокъ, просьба его не можетъ быть не исполнена. Юлій Цезарь замѣчаетъ о галлахъ, что они считаютъ беззаконіемъ оскорбить гостя; особа его священна, ему всадъ доступъ, и все, что только припасено въ домѣ, отдается на его угощеніе. Тѣже обычаи соблюдались и славянами; у нихъ, по словамъ Гельмольда, позволительно было даже украсть — для того, чтобы достойно уподчивать гостя; напротивъ обиды, причиненная гостю, влекла за собою общественную мѣсть: сожженіе дома <sup>3)</sup>). На Руси, во многихъ отдаленныхъ отъ торговыхъ путей деревняхъ, принимаютъ странниковъ съ благо-

<sup>1)</sup> Москв. 1835, XXIII—IV, 45. — <sup>2)</sup> Проппен, II (изд. 3), 55; Одис., VII, 146—153; IX, 264—271; XXII, 334—6. — <sup>3)</sup> Ч. О. И. и Д. 1847, I, стат. Суровецкаго, 66—67; Учен. зап. моск. уни-верс. 1833, II, 258—9; Иличъ, 91—92: у лужичанъ всегда накрытъ столъ для странниковъ.

гостѣйнымъ уваженіемъ; ибо, по народному повѣрью, Богъ посылаетъ за это уро жай; брать съ прѣѣзжихъ и путниковъ деньги за обѣдъ или ужинъ признается тамъ за грѣхъ: кто поступаетъ вопреки этому мнѣнію, у того не будетъ спорыньи въ домѣ <sup>1)</sup>. Доселѣ почетныхъ и дорогихъ гостей встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью, и въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что странникъ, вкусившій нашего хлѣба-соли, уже не можетъ питать къ намъ непріязненныхъ чувствъ, становится какъ-бы родственнымъ намъ человѣкомъ: «хлѣбъ-соль не бранится», «хлѣбъ-соль не попуститъ на зло!» Вѣрять, что виѣстѣ съ странникомъ является самъ Господь испытывать людское милосердіе <sup>2)</sup>. Бѣлоруссы говорятъ: «госѣць у домъ, Богъ у домъ» <sup>3)</sup>; «не гонице Бога въ лѣсъ, коли въ хату влѣзъ» <sup>4)</sup>, т. е. не прогоняй гостя. Последняя поговорка употребляется и тогда, когда хотятъ укорить зажиточнаго хозяина, который жалуется на свою минимую бѣдность. Богъ домашнего очага, всеедрый податель насущнаго хлѣба и всякаго богатства, приводитъ подъ свой гостепріимный кровъ странныхъ и убогихъ, и на ихъ долю ниспосылаетъ домохозяйну избытокъ плодовъ-земныхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи существуетъ обычай оставлять, во время жатвы, часть хлѣба на корню въ пользу бѣдныхъ. Непринятіе странника, отказъ въ гостепріимствѣ точно также оскорбляетъ божество, какъ и напрасная жалоба на бѣдность при дѣйствительномъ изобиліи; за такую скупость и недовольство дарованными благами оно наказуетъ неурожаями и отнятіемъ спорыньи. Вотъ почему и о гостяхъ, и о будущемъ плодородіи гадаютъ передъ затопленной печью: если сыплются изъ печи

<sup>1)</sup> Успенскаго: Опытъ о рус. древност., I, 45; Рус. въ св. посл., II, 93—94.— <sup>2)</sup> Статистич. опис. саратов. губ., 67.— <sup>3)</sup> Приб. къ Изв. Ак. Н., II, 178.— <sup>4)</sup> Ibid., I., 56; Послов. Даля, 737: «не гони Бога въ лѣсъ, коли въ хату влѣзъ».

искры и горячіе уголья — это вѣрный знакъ хорошаго урожая и прибытія гостей; въ архангельской губ. по числу и величинѣ выпавшихъ угольевъ дѣлають заключенія о числѣ в значительности самыхъ гостей; упадетъ ли головня на шестокъ, погасятъ ли ненарокомъ лучину или свѣчку — будетъ печальный гость <sup>1)</sup>. Чехи, лужицане и нѣмцы также знаютъ эти примѣты <sup>2)</sup>. Малоруссы ожидаютъ гостя, если «искра з' вѣчи до покути спалнула» <sup>3)</sup>, — такъ какъ покутъ есть именно то почетное мѣсто, куда усаживаютъ гостя. У черногорцевъ — тоже обыкновеніе сажать гостя въ передній уголь подъ образа, передъ которыми зажигаютъ свѣчку; жена или невестка хозяина умываетъ ему ноги, и всѣ вообще стараются ему прислуживать. Гостепріимство почитается въ Черногоріи такъ свято, что если бы кто пришелъ въ домъ своего заклятаго врага (явился онъ даже къ отцу убитаго имъ юнака) — и тогда остается въ немъ совершенно безопасенъ <sup>4)</sup>. Подобно тому, у кавказскихъ племенъ убійца, случайно-зашедшій подъ кровъ обиженнаго имъ рода, принимается съ обычнымъ почетомъ, не смотря на то, что долгъ требуетъ кровавой мести; но когда онъ оставитъ саклю — вдали отъ нея гостепріимныхъ стѣнъ его настигаетъ пуля местника. Подъ влияніемъ этихъ воззрѣній храмы и жертвенники, устроенные на

---

<sup>1)</sup> Записки Авдѣев., 140—2. Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавк., 9—10; Этн. Сб., II, 57; Иллюстр. 1846, 333. Если упадетъ полѣно изъ охапки дровъ, взятой для топлива, если распадутся сложенные въ печи дрова — будутъ гости (чужеродцы). Отъ гостей ожидаютъ новостей, слуховъ; этимъ объясняются примѣты: если отъ свѣчи отскакиваютъ искры, то скоро получатся вѣсти; если свѣча нагорѣла, то вѣсти будутъ съ той стороны, куда наклонился нагаръ — Пузин., 159. — <sup>2)</sup> Громаничъ, 42; Volkslieder der Wenden, II, 261; D. Myth., 1090; см. также Совр. 1854, XI, смѣсь, 3. — <sup>3)</sup> Никс., 230. — <sup>4)</sup> Путеш. въ Черногорію А. Попова, 13; Зап. морскаго оендера, Броневск., I, 189—191, 277.



ціональнымъ богамъ, сдѣлались охранными мѣстами, куда удалялись преступники, чтобы быть неприкосновенными для родовой и государственной мести. Въ среднія вѣка такими убѣжищами признаны были христіанскія церкви.

Итакъ всякой нераздѣльный, живущій подъ одною кровлею родъ имѣлъ своего бога-покровителя, своего пената. Священный огонь очага былъ провидѣніемъ извѣстной общины и не имѣлъ ничего общаго съ огнемъ сосѣдней семьи. Каждый очагъ покровительствовалъ своимъ и отвергалъ чужихъ; *dii gentiles, θεοὶ γένεθλων* не принимали молитвъ отъ чужеродцевъ <sup>1)</sup>. Это подтверждается и русскими народными пословицами: «гдѣ жить, тѣмъ богамъ и молиться», «чужихъ боговъ шукае, а своихъ дома мае», «на що ты другаго бога зываешь, коли своего маешь». При водвореніи христіанства двоевѣрный народъ сочеталъ свои старинныя представленія съ семейными образами, которые принято между простонародьемъ называть богами и божиньками. Поселяне наши вѣрятъ, что у всякаго семьянина есть свой божичъ, свой святой, особенно ему покровительствующій <sup>2)</sup>; у сербовъ каждый родъ избираетъ себѣ патрона изъ святыхъ угодниковъ: икона его закладывается въ фундаментъ дома, и день, посвященный его памяти, (свечар) празднуется какъ-бы именины самаго дома <sup>3)</sup>. Тотъ святой, во

<sup>1)</sup> Буланжъ, 42, 132, 145: „подъ господствомъ религіи очага, человѣкъ не молился своему божеству о прочихъ людяхъ; онъ призывалъ его только для себя и своихъ. Еще во времена Плутарха говорили вгонисту: ты служишь своему очагу—*εστὶν ὅσις*. Это значило: ты чуждаешься своихъ согражданъ, живешь только для себя.“— <sup>2)</sup> Рус. въ св. послов., I, 161; II, 29; IV, 17; Ж. М. Н. П. 1842, XXXIII, 109; Номис., 93. Въ орловской и псковской губ. выражаются объ иконахъ, приносимыхъ изъ церкви на домъ: „боги ходять“—Ч. О. И. въ Д. 1865, II, 23.— <sup>3)</sup> Срп. рјечник, 306; Иличъ, 31, 77.

ния котораго выстроена сельская церковь, признается на Руси патрономъ дѣлаго селенія; храмовой праздникъ обыкновенно чествуется общиннымъ пиршествомъ, а передъ иконою святаго покровителя возжигается большая свѣча, покупаемая на мірскую складчину (см. гл. XXVIII).

Въ силу того-же закона, по которому всѣ стихійные боги облеклись въ человѣческія формы, огонь, хранимый на домашнемъ очагѣ, былъ олицетворенъ въ пластическомъ образѣ дѣдушки домоваго. Это доказывается донинѣ-ущѣлѣвшими обрядами и преданіями. При переходѣ на новоселье хозяинъ топить печь въ старомъ донѣ; какъ только прогорятъ дрова, она выгребаешь весь жаръ въ чистый горшокъ и со словами: «милости просимъ, дѣдушка, на новое жилье!» переноситъ горячіе уголья въ новую избу, гдѣ и высыпаетъ ихъ въ печурку (см. ниже). Въ этомъ обрядѣ видимъ мы прямое указаніе, что первоначально подѣ «домовымъ» разумѣлся самый огонь, разводимый на очагѣ. На то же значеніе домоваго указываетъ и другой обрядъ, совершаемый ежегодно въ генварѣ-мѣсяцѣ: 28 числа, послѣ ужина, оставляютъ для домоваго на загнеткѣ горшокъ каши, который обкладывается вокругъ горячими угольями <sup>1)</sup>. Прежде, безъ сомнѣнія, клали зѣрва (кашу) прямо на огонь. Въ Польшѣ домовый называется выгорше (отъ горѣть, выгорать; сравни: огнище), а у бѣлоруссовъ—падпечка: «кабъ тебѣ падпечка!»—чтобъ тебѣ домовый привидѣлся! <sup>2)</sup> Въ великорусскихъ областяхъ думаютъ, что домовый живетъ за пѣчю подѣ печкою, и кладутъ туда для него маленькіе хлѣбцы <sup>3)</sup>. У нѣкоторыхъ хозяевъ въ обычаѣ ставить за ужиномъ особый приборъ домовому и откладывать для него небольшую

<sup>1)</sup> Сахаров., II, 8.— <sup>2)</sup> Приб. къ Изв. Ак. Н., II, 181.— <sup>3)</sup> Записки Авдѣев., 144—5.

долю отъ всякаго кушанья: когда всё уснутъ, онъ приходитъ и ужинаетъ; если позабудутъ это сдѣлать—домовой гнѣвается и опрокидываетъ ночью столы и лавки (харьковск. губ.). По разсказамъ поляковъ, домовый, не желая покидать дома, въ которомъ первоначально поселился, остается на его печелищѣ даже и въ томъ случаѣ, когда сгоритъ все строеніе, и продолжаетъ проживать въ обгорѣлой печи. Въ Польшѣ употребительна поговорка: «w starym piecu djabel pali», а въ Галиціи: «и въ старій печи дѣдько топить» <sup>1)</sup>. Согласно съ этимъ, русская пословица утверждаетъ: «въ пустой хороминѣ либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана», т. е. домовый, причисленный въ христіанскую эпоху къ толпѣ нечистыхъ духовъ. Названіе дѣдько равно прилагается и къ домовому, и къ чорту <sup>2)</sup>. Слѣдующія поговорки указываютъ на связь домового съ очагомъ и на смѣшеніе его съ дьяволомъ: «Богу—свѣчку, чорту—ожогъ», «ни Богу свѣчка, ни чорту ожогъ» (кочерга, головешка), «нечѣмъ чорту играть, такъ угольемъ» <sup>3)</sup>. У галичанъ существуетъ разсказъ о «чорти у печи»: была хата, въ которой никто не хотѣлъ жить; у всякаго, кто только селился въ ней, умирали дѣти, и потому стояла она пустою. Выискался бѣднякъ, пришелъ въ хату и сказалъ: «добры день тому, кто је въ сему дому!»—Чого тобі треба? отозвался дидько.—Я убогой; нѣтъ у меня ни двора, ни крова, жаловался пришлецъ.—Живи здѣсь, сказалъ дидько; только скажи своей жиннѣ, что бы каждую недѣлю вымазывала печь заново, да при-

---

<sup>1)</sup> Архивъ ист.-юр. свѣд., кн. II, ст. Бус., 26, 169; Старосв. Банд., 168; Zagrysu domowe, III, 190.—<sup>2)</sup> Обл. Сл., 47.—<sup>3)</sup> Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 60; Послов. и притчи Снегирева, 296; Собрание 4291 др. рус. послов., 136. У чеховъ есть поговорка: «dábel strouwíje na o žeh powesil».—Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бус., 7.

снатиравай за дѣтьми, чтобы не лазили на печку. Поселился бѣднякъ въ той хатѣ и зажили въ ней спокойно со всею семьею; однажды вечеромъ, когда жаловался онъ на свой невзлету, дядько досталъ изъ печки и подарилъ ему цѣлый котелъ денегъ <sup>1)</sup>. На Руси вѣрятъ, что отъ домашнего можно получить неразмѣнный серебряный рубль <sup>2)</sup>. Есть еще другой рассказъ, известный въ Галиціи и Польшѣ, о слугѣ-невидимкѣ, который, нанявшись къ одному хозяину, поселился въ печи и назывался Iskrzyski (Искрицкій); онъ усердно исполнялъ всѣ домашнія работы и зорко смотрѣлъ за хозяйствомъ <sup>3)</sup>. Наконецъ близкое отношеніе домашнего къ очагу подтверждается повѣрьемъ, что онъ не боится морозовъ и чаще всего принимаетъ на себя видъ трубочиста <sup>4)</sup>. Кромѣ избы, домашней поселяется и въ баняхъ, овинахъ и на винокурняхъ, словомъ—ездѣ, гдѣ устроена печь; поэтому ему придаются названія баннаго (банника), подовника или гуменика (отъ гумно). Банникъ живетъ за печкою или подъ полкомъ, откуда часто раздаются его свистъ, хохотъ и вой. Крестьяне не остаются въ банѣ слишкомъ поздно, потому что банникъ не любитъ тѣхъ, кто парится по ночанъ, и душитъ такихъ смѣльчаковъ, особенно если они творятъ омовеніе безъ молитвы; точно также рѣдкій согласится переночевать въ овинѣ, боясь быть задавленнымъ во время сна. Въ смоленской губ., всходя на полкъ париться, приговариваютъ: «хрещеный на полкъ, не-

---

<sup>1)</sup> Изъ матеріаловъ, собран. редакціей журнала „Основа“. — <sup>2)</sup> Ворон. Бесѣда, 191 нужно: въ чистый четвергъ налить миску борща съ нашею, взять хлѣбъ и все это отнести на чердакъ; если домашней воспользуется предложеннымъ ему угощеніемъ, то въ уплату оставить неразмѣнный рубль. — <sup>3)</sup> Семеновъ, 148—9; Загзу дошове, III, 189; Пом. и пред., 136. — <sup>4)</sup> Иллюстр. 1845, 76—78.

хрещеный съ полка! а выходя въ бани, оставляютъ ведро воды и вѣнникъ для домового, чтобы и онъ могъ омыться и выпариться. О гуменникѣ рассказываютъ, что онъ дружному съ нимъ мужику доставляетъ изобиліе въ хлѣбѣ <sup>1)</sup>. Въ старину понятія овина и бани сливались во едино съ понятіемъ избы, которая служила для всѣхъ житейскихъ нуждъ человека; еще до сихъ поръ крестьяне моются и парятся, вѣзая внутрь избыной печи; на ней-же просушивается и всякое зерно. Въ лѣтописной повѣсти о мщеніи Ольги сказано: когда вел. княгиня приказала изготовить мовь, то слуги ея «перезгоша истопку» <sup>2)</sup>. Слово овинъ родственно съ нѣмец. *ofen*. Еще Ульмла (IV в.) для обозначенія греческаго *κλίβανος* (Матѳ. VI, 30) употребилъ слово *aihnas*, которому въ Остромировомъ евангеліи соответствуетъ печь. Овинъ—обыкновенно вырытая землянка съ топкою для просушки зернового хлѣба; а въ древнѣйшемъ быту для самаго домашняго очага служили не только сложенные камни, но и вырытая въ землѣ яма, что свидѣлствуется исторіей языка. Въ болгарскомъ наречіи XII вѣка слово печь употреблено въ смыслѣ ямы <sup>3)</sup>. Когда желаніе большихъ удобствъ заставляло строить отдѣльныя бани и овины, тогда и домовый получилъ новыя прозванія, которыя породили представленіе объ особенныхъ духахъ, завѣдующихъ этими служебными постройками.

Такъ какъ въ пламени очага чтили небесный огонь Перуна, то поэтому вся мнѣшеская обстановка бога-громовника и подвластныхъ ему грозovýchъ духовъ болѣе или менѣе была усвоена и домовому. Такъ бѣлоруссы даютъ ему названіе *цмока* (=змѣя, въ образѣ котораго олицетворялась молнія,

<sup>1)</sup> О. З. 1848, т. LVII, 148; Доп. обл. сл., 189; Цебриков., 275.—

<sup>2)</sup> П. С. Р. Л., I, 24.—<sup>3)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Вусл., — 27.

см. гл. XX). Домовой цмокъ (цмокъ-домови́къ) носить своему хозяину деньги, дѣлаетъ его нивы плодородными, а коровъ дойными, обильными молокомъ, и вообще наблюдаетъ за домашнимъ порядкомъ; за такія заботы цмока-домовика хозяинъ съ своей стороны обязанъ каждый день ставить ему на кровлѣ дома сковороду яшницы, или по крайней мѣрѣ въ извѣстные дни года чтить его этимъ приношеніемъ, выставляя яшницу на гумнѣ; въ противномъ случаѣ онъ разгнѣвается и сожжетъ весь домъ <sup>1)</sup>. Сожженіемъ избы мститъ домовый свои обиды и по великорусскому и литовскому повѣрью <sup>2)</sup>. Онъ рѣдко показывается человѣку, и болѣею частію бываетъ это передъ какими-нибудь несчастіемъ, чтобы предостеречь хозяевъ. Однажды работница, проснувшись поутру, затопила печь, и пошла за ведрами, чтобы воды принести; хватъ—а ведръ-то нѣту! Видно, думаетъ, сосѣдъ взялъ; бросилась къ рѣкѣ, и видитъ: домовый — маленькій старичокъ въ красной рубашѣ черпаетъ ея ведрами воду, чтобы гнѣдуку напоить, а самъ такъ и уставился на работницу — глаза словно калѣные уголья горятъ! Испугалась баба, побѣжала назадъ, а на дворѣ бѣда: всю избу пламенемъ обняло! Рассказываютъ, что домовый не любитъ по ночамъ оставаться въ потьмахъ, высѣкаетъ для себя огонь, съ помощію кремня и огнива, и съ зажженными восковыми свѣчами обходитъ дозоромъ хлѣва и конюшни <sup>3)</sup>. Припомнимъ, что богъ-громовникъ представлялся высѣкающимъ свои молніи изъ камня (I, 255); заботы Перуна о небесныхъ стадахъ и его поѣзды на мнѣстескихъ коняхъ по воздушнымъ пространствамъ—въ сказаніяхъ о домовомъ перенесены на домашнихъ

<sup>1)</sup> Приб. въ Ж. М. Н. П. 1846, 22—23. — <sup>2)</sup> О. З. 1848, т. LVII, стрѣс, 133—4; Москв. 1846, XI—XII, 251. — <sup>3)</sup> Сопр. 1856, XI, стрѣс, 10.

животныхъ: лошадей, коровъ, ковъ и овецъ, составлявшихъ у народа пастушескаго его главнѣйшее богатство; почему домовому даютъ названія хлѣвника, сарайника, конюшника, табунника <sup>1)</sup>; бѣлоруссы называютъ его вазилоу в баганомъ. Вазила (отъ глагола возить) есть духъ-покровитель лошадей; его представляютъ въ человѣческомъ образѣ, но съ конскими ушами и копытами. Всякой домохозяинъ нѣтъ своего вазилу, который живетъ въ конюшнѣ (сараѣ), заботится, чтобъ водились лошади, оберегаетъ ихъ отъ болѣзней, а когда они ходятъ въ табунъ—удаляетъ отъ нихъ хищнаго звѣря. За стадами же рогатаго скота смотритъ баганъ (сравни: богачъ, богатые — огонь); онъ охраняетъ ихъ отъ болѣзненныхъ припадковъ и умножаетъ приплодъ, а въ случаѣ гнѣва своего творитъ самокъ безплодными, или убиваетъ агнать и телятъ при самомъ ихъ рожденіи. Бѣлоруссы отдѣляютъ для него въ коровьихъ и овечьихъ хлѣвахъ особое мѣсто и устриваютъ маленькіе ясли, наполненные сѣномъ: здѣсь-то и поселяется баганъ. Сѣномъ изъ его яслей они кормятъ отелившуюся корову, какъ цѣлебнымъ лѣкарствомъ <sup>2)</sup>. Чтобы пособить заболѣвшей скотинѣ, въ ярославской губ. знахарь отводитъ на дворѣ мѣсто домовому. Это дѣлается такъ: въ какомъ-нибудь углу двора огораживается колышками небольшое мѣсто и кладется туда пирогъ или хлѣбъ-соль; знахарь произноситъ заклинаніе, называя домового «родимымъ кормильцемъ и батюшкою», и беретъ пирогъ себѣ. Въ чистый четвергъ и на Свѣтлое Воскресенье можно видѣть домового въ хлѣвѣ или коровникѣ, гдѣ онъ сидитъ, притаившись въ углу <sup>3)</sup>. Если кто между крестьянами разбогатѣеть отъ торга скотомъ,

<sup>1)</sup> Доп. обл. сл., 291; Послов. Далъ, 1042.— <sup>2)</sup> Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 6—7, 85—87.— <sup>3)</sup> Терещ., VI, 128; Иллюстр. 1845, 76—78; Ворон. Г. В. 1851, 10; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 7.

те все увѣрены, что ему помогаетъ домовой <sup>1)</sup>). Народное поверье приписываетъ домовому особенную страсть къ лошадямъ; по ночамъ онъ любитъ разбѣзжать верхомъ, такъ что нередко поутру видитъ лошадей въ мытѣ: тоже самое, какъ мы знаемъ, записано въ старинной хроникѣ о Сватовитѣ (см. т. I, 134). Въ некоторыхъ уѣздахъ воронежской губ., когда куплена новая лошадь, ее приводятъ на дворъ и пускаютъ безъ узда — съ слѣдующими словами: «нехай уже домовый самъ найде для ней мѣсто!» Гдѣ лошадь остановится, тамъ домовый и желаетъ помѣстить ее; случается, что ради этого переноситъ конюшню на новое мѣсто <sup>2)</sup>). Въ другихъ губерніяхъ, вводя купленную животину въ стойло, низко кланяются, обращаясь къ каждому изъ четырехъ угловъ хлѣва, и произносятъ: «вотъ тебѣ, хозяинъ (домовой), мохнатый звѣрь! люби его, пой да корми» или: «дѣдушко-атаманушко! полюби моего чернышка (или пестрышка, смотря по шерсти), пой-корми сыто, гладь гладко, самъ не шути, и жены не спущай, и дѣтей унимаи.» Веревку, на которой купленное животное приведено на дворъ, вѣшаютъ у кухонной печи <sup>3)</sup>). У домового всегда есть любимая лошадь, которую онъ холитъ, чиститъ, подсыпаетъ ей больше другихъ овса, приглаживаетъ ей шерсть и заплетаетъ хвостъ и гриву. Подобно скандинавскому Тору, домовый охотно ѣздитъ на козлѣ, котораго потону и держать при конюшняхъ. Такъ какъ, по древне-арійскому воззрѣнію, грозовыя тучи уподоблялись косматымъ шкурамъ, то отсюда домовый можетъ не только принимать различныя животныя формы (превращаться собакою, конкою и т. дал. <sup>4)</sup>), но даже и въ человѣческомъ своемъ олицетво-

<sup>1)</sup> Ворон. Г. В. 1830, 16. — <sup>2)</sup> Ворон. Бесѣда, 191. — <sup>3)</sup> Карман. книжка для любителей земледѣд. 1848, 313; Памятн. книжка арханг. губ. на 1864 г., 20. — <sup>4)</sup> Этн. Сб., VI, 147; D. Myth., 483. Финны рассказываютъ, что домовый является бѣлою мышкою, которая



реніи представляется покрытымъ шерстью, и тѣмъ самымъ сближается съ воздушными и облачными духами (лѣшими и чертами). Простонародье вѣритъ, что домовый весь обросъ густою шерстью и мягкимъ пушкомъ; даже ладони и подошвы у него въ волосахъ, только лицо около глазъ и носа — голое. Мохнатая подошвы его обозначаются зимою на снѣгу; а ладонью домовый гладитъ по ночамъ сонныхъ, и тѣ чувствуютъ, какъ шерститъ его рука. Если онъ гладитъ мягкою и теплою рукою—это предвѣщаетъ счастье и богатство, а если холодною и щетинистою—то быть худу. Въ чистый четвергъ домовый показывается или мохнатымъ—къ добру, или голымъ—къ худу <sup>1)</sup>. Есть примѣта: у кого руки, ноги и грудь обросли густыми волосами, тому жить богато; въ деревняхъ дѣвицы ходятъ гадать на скотный дворъ <sup>2)</sup>: если первая пойманная овца—мохнатая, то женихъ будетъ богатый, а если стриженая, то бѣдный («голь какъ соколъ!» Сравни т. I, 689—690).

Съ культомъ домашнего очага тѣснѣйшими узами связывалось поклоненіе душамъ усопшихъ предковъ. По вѣрованію, общему всѣмъ аріискимъ племенамъ, души умершихъ представлялись существами стихійными—дѣухами, шествующими въ грозныхъ тучахъ, какъ быстро-мелькающіе огни (молніи) или дующіе вѣтры. Рядомъ съ этимъ, созданіе первой четы людей приписывалось мною бгу-громовнику: онъ призывалъ ихъ къ бытію (=возжегъ въ нихъ пламя жизни, вдунулъ безсмертное дыханіе), даровалъ имъ силу плодородія, и такимъ образомъ положилъ основаніе семьѣ, роду и племени (см. гл. XIX и XXIV). Въ этихъ воззрѣніяхъ, принадлежащихъ глубочайшей древности, кроется объясненіе, почему души усопшихъ предковъ сливались для потомковъ съ священной стихі-

освящаетъ собою всю нѣбу — Вост. Евр. 1828, XIII, 9.— <sup>1)</sup> Ворон. Г. В. 1851, 10.— <sup>2)</sup> Ibid. 1850, 19.

сю домашняго огня, почему домовой—представитель очага принимался за праотца-основателя рода и чествовался именовъ дѣда. Въ сущности и именъ о происхожденіи огня, и сказаніе о началѣ человѣческаго рода были тождественны: богъ-громовержецъ (Агни) послалъ съ неба молнію, возжегъ ею на землѣ огонь и устроилъ первый очагъ; въ томъ-же молніеносномъ пламени онъ низвелъ на землю и душу перваго человѣка, во дворилъ его при очагѣ и установилъ семейный союзъ, домохозяйство и жертвенный обрядъ. Значеніе священнаго огня и домовладыки въ средѣ семьи, рода, подъ сѣнію прародительскаго крова, было до такой степени равносильно, что возведеніе праотцевъ въ домовыя пенаты было самымъ необходимымъ и естественнымъ результатомъ нравственныхъ убѣжденій человѣка. Огонь на очагѣ былъ признанъ за семейное, родовое божество, которое охраняло счастье дома и родичей, умножало ихъ имущество и устроило внутренній порядокъ; тоже охраненіе семейнаго мира и благосостоянія, тѣже заботы о домохозядахъ, верховная власть надъ ними и хозяйственный надзоръ принадлежали старшему въ родѣ. Названіе жреца равно приносилось и огню, и родоначальнику, обязанному служить при его жертвенникѣ. Умирая, предки не покидали потомковъ совершенно, не разрывали съ ними связей окончательно; они только сбрасывали съ себя тѣлесныя формы, сопричитались къ стихійнымъ духамъ, и какъ геніи-хранители продолжали незримо слѣдить за своими потомками, блюсти ихъ выгоды и помогать имъ въ житейскихъ невзгодахъ. Индусы называли усопшихъ *pitaras* — отцы, предки, и приписывали имъ такое-же участіе въ грозовыхъ явленіяхъ природы, какъ и самому Индрѣ <sup>1)</sup>. У нашего простонародья принято покойни-

<sup>1)</sup> Ниши отцы, читаемъ въ гимнахъ Ведъ, пѣніемъ и возгласеніемъ (метафора завывающей бури и громовыхъ раскатовъ) разрушають крѣпкіе города и скалы (=тучи); они открываютъ

ковъ называть родителямъ, и названіе это употребляется даже и тогда, когда вспоминаютъ объ умершихъ дѣтахъ <sup>1)</sup>). На связь усопшихъ съ домашнимъ очагомъ указываетъ слѣдующее повѣрье: въ нижегородской губ. не дозволяется разбивать кочергою головешекъ въ печи—на томъ основаніи, будто бы черезъ это «родители» проваливаются въ пекло. Поселяне убѣждены, что покойники, въ вознагражденіе за поминки, совершаемыя въ ихъ честь, ниспосылаютъ на дома своихъ родичей на вѣки нерушимое благословеніе <sup>2)</sup>). Въ пензенской и саратовской губ., между мордовскимъ населеніемъ, сохранился весьма знаменательный обрядъ; тамъ родственники приносятъ умершему яйца, масло, деньги, и при этомъ говорятъ: вотъ тебѣ, Семенъ (имя покойника), на! это принесла тебѣ Марѳа (хозяйка), береги у нея скотину и хлѣбъ; когда я буду жать, корми цыплятъ и гляди за домомъ <sup>3)</sup>). Такимъ образомъ на усопшаго возлагаются тѣ же заботы, какія присвоены и дѣду-домовому <sup>4)</sup>). Бѣлоруссы называютъ покойниковъ дзѣды, поляки—dziady; а въ горахъ Галиціи рассказываютъ о дѣдкахъ, обитающихъ у семейнаго очага (на припечкѣ), какъ о домовыхъ, которые принимаютъ постоянное участіе въ хозяйствѣ <sup>5)</sup>). Чехи до XIV столѣт. подъ именемъ dědu, dědku разумѣли домашнихъ боговъ, и теперь еще многіе вѣрятъ, что dědku оберегаютъ поля, стерегутъ скотину, помогаютъ на охотѣ и въ рыбной ловлѣ; за нарушеніе съ ними договора они гнѣваются и подымаютъ въ домѣ беспокойный шумъ. Другое названіе, даваемое

---

намъ путь къ великому небу, обрѣтаютъ день и солнце, свѣтъ и морозъ" (т. е. прочищаютъ небо отъ зимнихъ тумановъ, выводятъ весеннее солнце и дождевыя облака)—Orient und Occid., годъ 1, У, 600.— <sup>1)</sup> Дѣт. рус. лѣт., кн. I, 138; Обл. Сл., 191.— <sup>2)</sup> Терещ., III, 123.— <sup>3)</sup> Ibid., 84.— <sup>4)</sup> Въ нѣкоторыхъ губер. домашнего называютъ постѣянъ — слово, означающее въ областныхъ говорахъ: тѣвъ отъ человека (Обл. Сл., 173, 219); сравни съ выраженіемъ: тѣянъ усопшихъ.— <sup>5)</sup> Мавкъ, XI, 47.

ниъ—*hospodářicky* (хозяева, домовладыки). По чешскому повѣрью, умершій хозяинъ, тотчасъ послѣ похоронъ, обходитъ по ночамъ свой домъ и заботливо присматриваетъ, чтобы не случилось какой бѣды съ его наследниками <sup>1)</sup>. У черногорцевъ въдогоня—не только души усопшихъ, но и домовые гени, оберегающіе жилье и имущество своихъ кровныхъ родичей отъ нападенія воровъ и чужеродныхъ въдогоней <sup>2)</sup>. Подобно тому, и римляне въ своихъ семейныхъ пенатахъ (*penates*) и ларахъ (*lares familiares*) чтли отшедшихъ предковъ <sup>3)</sup>. Въ качествѣ пенатовъ души усопшихъ участвовали во всѣхъ жертвенныхъ приношеніяхъ, сжигаемыхъ на домашнемъ очагѣ; и ничего такъ не боялись древніе, какъ бездѣтства, ибо съ окончательнымъ вымираніемъ рода погасаетъ и его очагъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и души умершихъ предковъ лишаются обычныхъ жертвъ, остаются безъ пищи. У Эсхила сынъ названъ «спасителемъ отеческаго очага» (σωτήρ ἑστ(α)ς πατρὸς); въ законахъ Ману онъ — «тотъ, который рожденъ для исполненія долга; съ его помощію отецъ уплачиваетъ свой долгъ относительно предковъ и самому себѣ обезпечиваетъ безсмертіе». Отсюда, съ одной стороны, безбрачіе признавалось тяжкимъ грѣхомъ, преступленіемъ, а съ другой—возникъ обычай, въ случаѣ безплодія мужа, призывать одного изъ ближайшихъ родственниковъ для возстановленія его сѣмени: отсюда-же и стремленіе бездѣтныхъ усыновлять чужеродцевъ, при чемъ эти послѣдніе вступали въ культъ своего названнаго отца и обязывались заботиться о его родовомъ очагѣ <sup>4)</sup>. Души усопшихъ

---

<sup>1)</sup> Громанъ, 17, 193.— <sup>2)</sup> Путеш. въ Черногорію А. Попова, 221 — <sup>3)</sup> Ф. Куланжъ, 23, 35—36. Виргилій ставитъ безразлично то очагъ вмѣсто пенатовъ, то пенатовъ вмѣсто очага. Слово *lar* употреблялось и для означенія дома, семьи и жертвенника.— <sup>4)</sup> Ф. Куланжъ, 60—71: „При неплодіи жены у древнихъ всегда признавалось право развода. Въ Индіи религія предписывала, чтобы не-

относились съ любовью къ тѣмъ, кто доставлялъ имъ пищу, и заботливо оберегали ихъ отъ всякихъ несчастій. Латинскимъ названіямъ: *lar familiaris* и *penas* въ древне-нѣмецкомъ языкѣ соответствовали: *hûsing* и *stetigot—genius loci*, въ шведск. *tomtekarl*, *tomtegubbe* ( $\equiv$  *der alte im gehöfte*, старшій во дворѣ, домовый дѣдъ); они имѣли непосредственное отношеніе къ домашнему очагу, подъ которымъ былъ скрытый ходъ въ ихъ подземное жилище и возлѣ котораго они постоянно появлялись. Имъ придавались еще слѣдующія названія: *gutgesell*, *nachbar*, *liber nachbar* (на Руси домового также называютъ сусѣдою, т. е. обитатель дома, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ семьей домохозяина <sup>1)</sup>), въ Нидерландахъ *goede kind*, въ Англіи *ruck*—слово, сближаемое Я. Гриммомъ съ датск. *rog* (*junge*), швед. *pojke*, сканд. *rûki* (*puer*) и финск. *poiea* (*filius*); наконецъ отъ XIII столѣтія донынѣ употребительно названіе *kobold* (см. стр. 98). Кодолады—домовые духи, подобные эльфамъ и карликамъ; народныя саги даютъ имъ красные волосы, красныя бороды и такія-же шапочки; они малы, какъ дѣти, но сильны и крѣпки, склонны къ танцамъ и музыкѣ, по собственно-

---

плодная жена была черезъ восемь лѣтъ замѣнена другою. Если бракъ былъ безплоденъ по винѣ мужа, то все таки семья должна была продолжаться. Въ такомъ случаѣ братъ или другой родственникъ мужа заступалъ его мѣсто и жена была обязана ему отдаться. Дѣтя, отъ нихъ родившееся, считалось сыномъ мужа и продолжало его культъ. Таковы были правила древнихъ индусовъ; мы встрѣчаемъ ихъ и въ законахъ Аѳинъ и Спарты.— „Тотъ, кому природа не дала сына, можетъ усыновлять пріемыша, дабы не прекратились надгробныя поминанія, гласитъ древній законодатель индусовъ. Такъ какъ усыновленіе оправдывалось единственно необходимостью предупредить гибель культа, то оно дозволено только тому, кто не имѣлъ собственного сына. Законъ индусовъ исполнѣнъ безусловенъ въ этомъ отношеніи—также, какъ и законъ аѳинскій.“— <sup>1)</sup> Обл. Сл., 222.

ну желанію могутъ быть в видимы и незримы для чело-  
вѣка, владѣютъ большими сокровищами и быстролѣтною  
обувью (сапогами-сороходами) в носятея по ночамъ  
синимъ огонькамъ. Кобольды поселяются или въ самой из-  
бѣ, обыкновенно возлѣ очага, <sup>1)</sup> или на дворѣ семьянина — въ  
ковиюшняхъ, овинахъ, хлѣвахъ и погребѣхъ, и являются дру-  
желюбными и ласковыми помощниками челоуѣка; особенно же  
услужливы на кухнѣ и въ конюшняхъ. Они принимаютъ уча-  
стіе въ занятіяхъ слугъ и тайно исполняютъ часть ихъ ра-  
ботъ: чистятъ лошадей, расчесываютъ имъ гривы, задаютъ  
скоту кормъ, иногда таскаютъ сѣно изъ яслей, чтобы подло-  
жить своему любимому коню, накачиваютъ изъ колодезь во-  
ду и поятъ домашнихъ животныхъ, подчищаютъ навозъ, слу-  
жанкамъ колятъ и приносятъ на кухню дрова, разводятъ огонь  
и полощутъ посуду; свое пристрастіе къ хозяину дома они  
(подобно нашему домовому) простираютъ подчасъ такъ да-  
леко, что воруютъ сѣно и солому изъ конюшенъ и сараенъ  
сосѣдей и приносятъ на свой дворъ. Пребываніе кобольдовъ  
въ домѣ предохраняетъ его отъ пожара и доставляетъ семьѣ  
счастіе и благословеніе; удаленіе ихъ изъ дома отымаетъ и  
то, и другое. Кобольды наблюдаютъ, чтобы все по хозяйству бы-  
ло въ порядкѣ; въ противномъ случаѣ доброе расположеніе ихъ  
измѣняется и переходитъ въ охоту дразнить и мучить: лѣни-  
вая и неряшливая челядь много терпитъ отъ ихъ проказъ. Хо-  
зяева, желающіе быть съ кобольдами въ добрыхъ отношеніяхъ,  
откладываютъ для нихъ въ особенную чашку часть изготов-

---

<sup>1)</sup> Кобольдъ Eitel жилъ въ дымовой трубѣ и часто высовывалъ  
оттуда свою голову; кобольдъ въ Бишдорфѣ цѣлый день сидѣлъ на  
очагѣ и бесѣдовалъ съ хозяйкою; der rothe kleine kerl in Gyseg-  
hem сидѣлъ въ углу каминна; другіе полудремаютъ около возжег-  
шаго пламени и сами разводятъ въ печи огонь въ тѣ ночи, когда  
не свѣтитъ луна (Beiträge zur D. Myth., II, 334).

денныхъ яствъ, что бываетъ однажды въ недѣлю или въ праздничные дни и свидѣтельствуешь о древнихъ жертвахъ, приносимыхъ этимъ духамъ. Какъ вѣрный слуга, кобольдъ разделяетъ съ семьяниномъ, которому разъ отдался, и радость и горе, и связь эта не можетъ быть разорвана, даже еслибъ пожелалъ того самъ домохозяинъ <sup>1)</sup>. Ясно, что въ кобольдахъ соединились представленія о домовыхъ геніяхъ и душахъ усопшихъ съ представленіями о карлахъ (*zwerg, däumling*), мифическихкихъ спутникахъ грозы. Быстромелькающія молніи, по древне-арійскому воззрѣнію, олицетворялись крохотными, могучими карликами, обитающими въ мрачныхъ подземельяхъ (= горахъ-тучахъ). То же олицетвореніе было усвоено и душамъ усопшихъ, которыя представлялись то летучими огоньками, то рѣзвыми, неуловимыми малютками (дѣтьми); а такъ какъ души почившихъ предковъ отождествлялись съ пламенемъ, возженномъ на домашнемъ очагѣ, то отсюда въ каждой семьѣ, въ каждомъ родѣ явился не одинъ, но многіе охранительные домовые геніи. Сродство кобольдовъ съ грозowymi карликами несомнѣнно; оно доказывается цѣлымъ рядомъ признаковъ, одинаково приписанныхъ тѣмъ и другимъ (см. гл. XXI). Красными волосами своими кобольды напоминаютъ Тора, а принадлежащія имъ скороходная обувь и шапка-невидимка суть метафоры летучаго облака, въ нѣдрахъ котораго скрывается молнія; въ Швабіи кобольду даютъ названіе *porrele*, въ другихъ мѣстностяхъ—*porrel, rörrel* (последнее слово употребляется и для означенія темной тучи), что указываетъ на существо, окутанное облакомъ (= одѣянное облачною шкурою); по мнѣнію Я. Гримма, и латин. *lagva* (маска, личина, привидѣніе, блуждающій мертвецъ) соприкасается съ *lages* <sup>2)</sup>. Нѣмецкимъ кобольдамъ у литовцевъ со-

<sup>1)</sup> D. Myth., 467—470, 476—480, 865.— <sup>2)</sup> Ibid., 473, 865; Beiträge zur D. Myth., II, 336—7.

отвѣтствуютъ каукъи (kaukas <sup>1)</sup>)—домовые гении, приносящіе своимъ члителямъ изобиліе, рожь, деньги и другіе дары; ростъ ихъ не болѣе одного фута. Хозяйки готовятъ для нихъ маленькіе нитяные плащи и закапываютъ въ землю яодъ угломъ избы; науки одѣваются въ эти плащи, и съ того времени дѣлаются дружелюбными помощниками владѣтеля дома. Въ пользу его они похищаютъ у зажиточныхъ сосѣдей разные припасы и переносятъ ихъ подъ родную кровлю. Если же ихъ разгнѣваютъ чѣмъ-нибудь, или не почтутъ обычными приношеніями яетвъ, то они сожигаютъ избу <sup>2)</sup>. Кашубы и поляки слѣдуютъ тому-же представленію: въ своихъ семейныхъ, домовыхъ духахъ они видятъ маленькія вѣло-подобныя существа. Кашубскіе кроснята (карлики)—совершенно тоже, что кобольды: они живутъ подъ поломъ избы или хлѣва, носятъ красныя шапочки, ходятъ лошадей и кормятъ скотину, а если прогнѣваются на хозяина, то отбираютъ у коровъ и лошадей кормъ и заставляютъ ихъ худѣть, чахнуть и умирать <sup>3)</sup>. На Руси въ лицѣ домового чувствуется начальный основатель рода, первый устроитель семейнаго очага, и потому понятіе о немъ не дробится на множество однородныхъ духовъ: въ каждомъ домѣ одинъ домовой <sup>4)</sup>. Впрочемъ у него (какъ и подобаетъ праотцу, главѣ родственнаго союза) есть жена в дѣти; дочери его также юны и прелестны, какъ нимфы (= облачныя дѣвы), но любовная связь съ ними гибельна для смертнаго <sup>5)</sup>. Кромя дѣда домового, въ избахъ поселяются еще малютки-шары, въ образѣ которыхъ представленіе о грозovýchъ духахъ сливается съ тѣнями усопшихъ (см. стр. 100). Самъ домовый, по свидѣтельству преданій, доселѣ сохранившихся въ нѣко-

<sup>1)</sup> Имя это остается необъясненнымъ—см. Пикте, II, 639.— <sup>2)</sup> Черты литов. вар., 89; Москв. 1846, XI—XII, 251.— <sup>3)</sup> Семенск., 89—90; Этн. Сб., V, 68.— <sup>4)</sup> Совр. 1856, XI, 9.— <sup>5)</sup> О. З., т. LVII, смѣсь, 135—6; Совр. 1856, XI, смѣсь, 10.



торых мѣстностяхъ, принадлежить къ породѣ карликовъ. Въ малмыжскомъ уѣздѣ вятской губ. рассказываютъ, что домовой показывается людямъ старикомъ, ростомъ съ пятилѣтняго ребенка, всегда въ красной рубашкѣ, опоясанной синимъ кушакомъ; лицо у него сморщенное, борода бѣлая, волосы на головѣ желто-сѣдые, а глаза словно огонь горять <sup>1)</sup>. Въ Сибири представляютъ домового въ видѣ маленькаго, косматого старичка, съ длинной бородою, и думаютъ, что онъ проживаетъ въ печуркѣ. Въ другихъ областяхъ русскаго царства знаютъ домового плотнымъ, малорослымъ старикомъ, въ короткомъ сизомъ зипунѣ или синемъ кафтанѣ, съ алымъ поясомъ, иногда въ одной красной рубахѣ; у него сѣдая, всклокоченная борода, волосы косматы и застилаютъ лицо, голосъ суровый и глухой; онъ любитъ ворчать, браниться, и употребляетъ при этомъ выраженія чисто-народныя, крѣпкія <sup>2)</sup>. У лужичанъ домовой называется *bože sedleško* (или *sadleško* — божье сѣдалище — очагъ) и представляется въ образѣ прекраснаго ребенка, который ходитъ въ бѣлой одеждѣ и своими жалобными стонами предвѣщаетъ грядущую бѣду. Когда понадобится вылить вскипяченную воду, то прежде, чѣмъ это будетъ исполнено, говорятъ: «*bože sedleško! dži přeš, zo će nesparju*» (божье сѣдечко! иди прочь, чтобы тебя не опарить). Кто забываетъ дѣлать подобное предостереженіе, тотъ будетъ наказанъ сыпью и прыщами по тѣлу, которые принимаются за обжогъ, за кару оскорбленнаго домового. Чтобы излѣчиться отъ такой болѣзни, мажутъ устье печи масломъ, приговаривая: «*bože sedleško! ja će mazat; zahoj me, ty sy me sparilo*» (божье сѣдечко! я тебя мажу; заживи мои болячки, ты же самъ меня обжегъ); потомъ снимаютъ съ кипящаго горшка пѣну и мажутъ ею больныя мѣста <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Ibidem. — <sup>2)</sup> Записки Авдѣев., 145; Иллюстр. 1845, ст. Даля, 76—78; Ворон. Бесѣда, 190. — <sup>3)</sup> Volkslieder der Wenden, II, 269—270

Такъ какъ ни одинъ домъ не можетъ стоять безъ охраны его стѣнъ родовымъ пенатомъ, а такъ какъ съ представленіемъ послѣдняго связывалась мысль о духѣ родоначальника-вредка, обитающемъ у домашнего очага, то отсюда возникло слѣдующее вѣрованіе: новопостроенное жилье тогда только будетъ прочно, когда умретъ глава поселившейся въ немъ семьи, когда слѣдовательно въ душѣ усопшаго домъ получитъ своего генія-хранителя, своего домового. Въ нашемъ народѣ существуетъ примѣта, что постройка новаго дома влечетъ за собою смерть хозяина <sup>1)</sup>, и другая, что тотъ изъ родичей умретъ раньше, кто прежде всѣхъ войдетъ въ новый домъ (по требованію стариннаго обряда, первымъ входитъ старшій въ родѣ). Тоже повѣрье существуетъ въ Греціи: кто первый вступитъ на мѣсто, гдѣ положенъ основной камень, тотъ умретъ въ продолженіи года; чтобы предотвратить это, на указанномъ мѣстѣ убиваютъ ягненка или чернаго пѣтуха <sup>2)</sup>. Любопытно, что, по народнымъ разсказамъ, домовый охотитъ всего принимаетъ видъ хозяина или одного изъ умершихъ членовъ семьи; а гробъ въ областныхъ картчинахъ называется домъ, домовина, домовѣ, домовище <sup>3)</sup>. Поселяне убѣждены, что домъ не иначе можетъ быть выстроенъ, какъ на голову одного изъ тѣхъ, которые будутъ жить въ немъ; желая, чтобы смерть не коснулась семейства строителя, они убиваютъ при закладкѣ дома какое-нибудь животное, зарываютъ его въ землю и кладутъ на томъ мѣстѣ первое бревно (арханг. губ.).

<sup>1)</sup> Быть подоянъ, II, 51; Самар, Г. В. 1854, 2.— <sup>2)</sup> Карман. книжка для любит. земледѣд., 314; Записки Авдѣев., 145; D. Myth., 1096.— <sup>3)</sup> Обл. Сл., 49; Ч. О. И. и Д., годъ 2, IX, ст. Макарова, 49. Въ воронежской губ. простолюдины не говорятъ: иду домой, а иду ко двору; „идти домой“, по ихъ мнѣнію, равносильно выраженію: „идти въ могилу“.

Въ курской губ. съ этою цѣлю, при переходѣ на новоселье, отрубаютъ у курицы голову и порогъ новой избы и отрубленную голову закладываютъ подъ переднимъ угломъ; мясо обезглавленной курицы въ пищу не употребляется <sup>1)</sup>. Въ другихъ мѣстностяхъ, приступая къ постройкѣ дома, плотники при самыхъ первыхъ ударахъ топоромъ назначаютъ голову скотины или птицы, на которую закладывается зданіе, и вѣрятъ, что такое обреченное животное непремѣнно изсохнетъ и падѣтъ въ скоромъ времени; пока дѣлается срубъ, крестьяне боятся какъ-бы не оскорбить плотниковъ, и охотно ихъ угощаютъ, чтобы они не заклали дома на голову хозяина или кого изъ домохозяевъ <sup>2)</sup>. Болгары думаютъ, что въ одно жилое строеніе не можетъ держаться безъ таласама, и потому при постройкѣ дома стараются смѣрить ниткою ростъ или тѣнь кого-нибудь изъ прохожихъ, и мѣрку эту закладываютъ въ фундаментъ; человекъ, съ котораго снята мѣрка и положена въ основу зданія, вскоре умретъ и станетъ являться по ночамъ въ новопостроенномъ домѣ: это привидѣніе и есть таласамъ. Если не удастся снять мѣрки съ человека, то снимаютъ ее съ животного, которое тутъ-же и предается смерти <sup>3)</sup>. Итакъ для утвержденія стѣнъ новаго жилища необходимо, чтобы умеръ кто-нибудь изъ родичей, или по крайней мѣрѣ чтобы основаніе дома было орошено кровью пѣтуха (курицы), ягненка или другого животного. Это послѣднее условіе указываетъ на тѣ жертвенныя приношенія, какія совершались въ старину, при закладкѣ дома, въ честь богини Земли — да потерпѣть она воздвигаемое на ней зданіе, и въ честь родовыхъ пенѣтовъ — да охраняютъ они его и поддерживаютъ свою благодатною силою. Выше ука-

<sup>1)</sup> Этн. Сб., V, 84. — <sup>2)</sup> Маякъ, VII, 81. — <sup>3)</sup> Ж. М. Н. П. 1846, XII, 204.

мно, что не только отдѣльные роды, но и цѣлыя племена и основанные ими города имѣли своихъ охранительныхъ пошатъ; вотъ почему повѣрье, соединяемое болгарами съ постройкою обыкновенной избы, у сербовъ распространяется на стѣны городскихъ укрѣплений: они до сихъ норъ убѣждены, что ни одинъ значительный городъ не можетъ стоять, если при возведеніи его укрѣплений не закладутъ въ стѣну живаго человѣка или хотя тѣнь его; человѣкъ, тѣнь котораго заложена въ стѣну, также неминуемо и скоро умираетъ, какъ и тотъ, который самъ замурованъ. Отсюда создается трогательное поэтическое сказаніе про «зиданье Скадра»: король Вукашинъ и двое его братьевъ три года трудились надъ постройкою города, но никакъ не могли вывести основанія. Чтобы утвердить стѣны, они должны были рѣшиться на великую жертву: у каждаго изъ нихъ было по вѣрной женѣ; которая утромъ принесетъ мастерамъ обѣдъ, ту и слѣдовало заложить въ основаніе башни. Договоръ этотъ они скрѣпили клятвою и обязались сохранять его въ тайнѣ. Но старшіе братья предупредили своихъ женъ, и тѣ притворились больными, а обѣдъ понесла младшая невестка, любимая жена Гойка. И вотъ, когда на утро явилась она съ обѣдомъ, два девера тотчасъ схватили ее, кликнули мастеровъ и зодчаго, и стали закладывать прекрасную Гойковицу бревнами и камнемъ <sup>1)</sup>. Подобное-же преданіе извѣстно было на Руси о Новгородѣ: когда Славенскъ запустѣлъ и понадобилось срубить новый городъ, то народные старшины, слѣдуя древнему обычаю, послали передъ солнечнымъ восходомъ гонцовъ во все стороны, съ наказомъ захватить первое живое существо, какое имъ встрѣтится. На встрѣчу попалось дитя; оно было взято и положено въ основаніе крѣпости, которая потому и названа Дѣ-

<sup>1)</sup> Срп. в. пјесме, II, 115—124.

тинцемъ <sup>1)</sup>). По нѣмецкимъ преданіямъ, обстоятельно указаннымъ у Я. Гримма <sup>2)</sup>, въ основаніе городовъ, мостовъ и замковъ закладывались люди (преимущественно дѣти); если не дѣлалъ этого, то зданія не могли удержаться, распадались и проваливались сквозь землю <sup>3)</sup>).

Такое отождествленіе усопшихъ предковъ съ домовыми пенатами заставило признать за ними божественный характеръ. По мнѣнію древнихъ, всякой усопшій, какими бы свойствами онъ не отличался при жизни, былъ богъ. Греки называли мертвыхъ святыми, блаженными и нерѣдко подземными богами, а римляне — богами-манани; на гробницахъ они вырѣзывали надпись: *Dis Manibus*, *Θεοῖς χθονίοις*, и ставили передъ ними алтари для жертвоприношеній, какъ передъ храмами <sup>4)</sup>. Наши простолюдины называютъ покойниковъ святыми родителями <sup>5)</sup> и ставятъ имъ приношенія (блины, горячій хлѣбъ и напитки) на божницѣ—въ чашкахъ и сосудахъ, къ которымъ прилѣплены зажженные восковыя свѣчи. Успѣхъ въ предпріятіяхъ и счастливое избавленіе отъ опасности въ лѣтописяхъ приписываются, кромѣ милости божіей, и молитвамъ скончавшихся предковъ; такъ, описывая торжество Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: «и поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду, отца и дѣда его молитва и прадѣда его» <sup>6)</sup>. Въ старину кланись костями и прахомъ родителей: «овъ присягы костями чловѣчани творить» (т. I, 30); тому, кто понапрасну божитъ

---

<sup>1)</sup> Досуги или собр. сочин. Попова, I, 191—2.— <sup>2)</sup> D. Myth., 1095—7.— <sup>3)</sup> Объ Ахенскомъ соборѣ разсказываютъ, что его строилъ нечистый на томъ условіи, чтобъ ему отдана была душа перваго, кто войдетъ въ это зданіе.— <sup>4)</sup> Ф. Куланжъ, 19—20.— <sup>5)</sup> Есть указаніе, что домовыхъ въ старину называли у божьими— Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, предислов. къ сочин. Михалова Липвина, стр. II.— <sup>6)</sup> Ист. Росс. Соловьева, III, 145.

ся, говорятъ съ укоромъ: «не шведи даромъ костями родителскими!» <sup>1)</sup>). Отсюда понятны то особенное уваженіе и та любовь, съ которыми относится русскій народъ къ домовому; понятно, почему рядомъ съ тѣмъ, какъ время и вліяніе христіанства рушили многія языческія вѣрованія, — преданія о домовомъ до сихъ поръ съ замѣчательною свѣжестью удерживаютъ свои старинныя краски.

Въ типическомъ образѣ домового соединены всѣ главные, характерныя черты домовитаго хозяина-патріарха. Онъ — самое старшее и почетное лицо въ семьѣ домовладыльца, къ которой и принадлежитъ по восходящей линіи, какъ праотецъ (дѣдъ), положившій основаніе очагу и собранному подъ единый кровъ союзу родичей: эта родственная связь для первобытныхъ племенъ нисколько не казалась искусственною, напротивъ — ей глубоко вѣрили, ее чувствовали. Собственно обладателемъ дома, верховнымъ въ немъ распорядителемъ признавался дѣдъ-домовой; а настоящій, обрѣтающійся въ живыхъ, глава рода былъ не болѣе, какъ его представитель — владыка, поставленный, по старинному выраженію, вмѣсто старшаго. Отъ того на Руси домового прямо называютъ хозяиномъ, хозяинушка, и даже существуетъ убѣжденіе, что домовый всегда «словно вылитъ въ хозяина дома» — такъ на него похожъ! Онъ обыкновенно носитъ и хозяйскую одѣжу, во всякой разъ успѣваетъ положить ее на мѣсто, какъ скоро она понадобится наибольшему въ семействѣ <sup>2)</sup>). Въ самомъ дѣлѣ, домовый есть идеалъ хозяина, какъ его понимаетъ русскій чело-вѣкъ: онъ видитъ всякую мелочь, неустанно хлопочетъ и заботится, чтобы все было въ порядкѣ и наготовѣ — заѣсъ подсобить работнику, тамъ поправить его промахъ; по ночамъ слышно, какъ онъ стучитъ и хлопаетъ за разными подѣлака-

<sup>1)</sup> Труды О. Н. и Д., VI, 197. — <sup>2)</sup> Совр. 1856, XI, 10; Иллюстр. 1846, 384.

ни; ему приятенъ приплодъ домашнихъ птицъ и животныхъ; онъ не терпитъ излишнихъ расходовъ и сердится за нихъ, оловомъ домовою склоненъ къ труду, кропотливъ и расчетливъ. Если ему жаль по душѣ придется, то онъ служить домочадцамъ и ихъ старѣйшимъ, ровно въ кабалу пошелъ: смотритъ за всѣмъ домою и дворомъ «пуще хозяйскаго глаза», блюдетъ семейные интересы и радѣтъ объ имуществѣ «пуще заботливаго мужика», охраняетъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ и свиней. Будучи бережливъ и расчетливъ, домовою не считаетъ грѣхомъ таскать изъ чужихъ сѣноваловъ и закромовъ корнѣ для своей скотины. Онъ надзираетъ и за домашнею птицею (особенно курами), за овинами, огородами, конюшнею, хлѣвомъ и амбарами <sup>1)</sup>. Когда водяному приносятъ въ жертву гуся, то напередъ отрываютъ гусиную голову и приносятъ на птичій дворъ: тамъ вѣшаютъ ее для того, чтобы домовою не узналъ въ гусяхъ убыли и не разсердился <sup>2)</sup>. Домовою не даетъ и лѣшему потѣшиться въ хозяйскомъ саду, и вѣдьмѣ не позволяетъ заданить хозяйскихъ коровъ; онъ устраняетъ всякой убытокъ и противодействуетъ замысламъ нечистой силы. Мужикъ, который сумѣетъ угодить домовому, удача за удачею: покупаетъ онъ дешевле всѣхъ, продаетъ съ прибылью, рожь его неѣдетъ не вредно—въ то самое время, какъ у сосѣдей побита градомъ, и т. дал. <sup>3)</sup>. Домовою сочувствуетъ и семейной радости, и семейному горю. Когда умираетъ кто-нибудь изъ домочадцевъ, онъ воеетъ ночью, выражая тѣмъ свою непритворную печаль; смерть самого хозяина онъ предвѣщаетъ тяжелыми вздохами, плачемъ <sup>4)</sup> или тѣмъ, что, садясь за его работу, покрываетъ свою

<sup>1)</sup> Сахаров., II, 19; Абев., 190; Терещ., VI, 38; Иллюстр. 1845, 77 и дал.; Цебриков., 275 — <sup>2)</sup> Сахаров., II, 57.—<sup>3)</sup> О. З., т. LVII, смѣсь, 137.— <sup>4)</sup> Послов. Даля, 1033.

голову шапкою <sup>1)</sup>). Передъ чужой, пожаромъ и войною домовые выходятъ изъ села и коуютъ на выгонахъ. Если идетъ неожиданная бѣда — домовый извѣщаетъ о ея приближеніи стукомъ, вѣчными поѣздками, истомяющимися лошадью, и приказомъ сторожевымъ собакамъ рыть среди двора ямы въ выть на всю деревню. Желая предупредить соннаго хозяина о какомъ-нибудь несчастіи, напр. о началѣ пожара или о ворѣ, который забрался на дворъ, домовый толкаетъ его и будитъ <sup>2)</sup>). Дѣятельность домового ограничивается владѣніями той семьи, съ которою связанъ онъ священными узами родства и культа; онъ заботится только о своемъ домѣ, о своемъ дворѣ, и потому его называютъ домовымъ или дворовымъ <sup>3)</sup>: въ этихъ названіяхъ указывается пространство, въ предѣлахъ котораго чтится его власть и приносятся ему жертвы. Кромѣ того, его называютъ: а) жировикъ (отъ глагола жить; жира — привольное, богатое житье), т. е. духъ, обитающій въ человѣческомъ жилищѣ и надѣляющій его изобиліемъ и довольствомъ <sup>4)</sup>; б) клѣцъникъ (бѣлорус.) — хранитель домовыхъ клѣт и кладовыхъ <sup>5)</sup>).

Сдѣланные нами выводы подтверждаются еще слѣдующими соображеніями. Въ народныхъ русскихъ преданіяхъ и заклинаніяхъ уцѣлѣло воспоминаніе о древнемъ именномъ существѣ Чурѣ. Въ санскритѣ чуръ означаетъ: жечь; слову этому въ русскомъ языкѣ соответствуетъ: кур-ить (звуки ч и к въ

<sup>1)</sup> Смыслъ этого пошрѣя для насъ неясенъ. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай: когда умереть кто-нибудь изъ допочадцевъ, то хозяинъ до самаго погребенія не надѣваетъ шапки; дѣлается это съ цѣлю предотвратить въ семьѣ дальнѣйшую смертность — Малъ, VII, 79. — <sup>2)</sup> Иллюстр. 1845, 77—78; Абев., 191; Украин. мелодіи Маркевича, 152. — <sup>3)</sup> Другая форма: домовикъ, дворовикъ; въ области говорахъ: дворникъ а — хозяинъ. — <sup>4)</sup> Обл. Сл., 45, 49, 57; Сахаров., II, 65. — <sup>5)</sup> Приб. къ Изв. Акад. Н. 1853 г., 175: „бердѣй да клѣцъника, калѣ грошей нѣмѣ.“



славянскихъ нарѣчіяхъ взаимно смѣняются: чадить и ка-  
дить, почить и покой, и т. п.) Отъ искр. ѿг образован-  
лись слова: чурка, чуракъ (чурбакъ, чурбанъ) — об-  
рубонъ дерева, толстое полѣно, съ помощію котораго возни-  
гается на домашнемъ очагѣ огонь <sup>1)</sup>, подобно тому, какъ палица  
(палка) стоитъ въ связи съ глаголомъ палить, а жезлъ  
съ глаголомъ жечь (см. I, 257). Чуръ — это одно изъ  
древнѣйшихъ названій, какое давалось домовому пенату, т. е.  
пылающему на очагѣ огню, охранителю родового достоянія.  
Бѣлоруссы до сихъ поръ рассказываютъ, что у каждого хозя-  
ина есть свой Чуръ—богъ, оберегающій границы его  
поземельныхъ владѣній; на межахъ своихъ участковъ  
они насыпаютъ земляные бугры, огораживая ихъ часток-  
ломъ, и такого бугра никто не посмѣетъ разрыть изъ опасе-  
нія разгнѣвать божество <sup>2)</sup>. Очагъ и теплая изба прикрѣпи-  
ли человека къ землѣ, сдѣлали его осѣдлымъ и создали по-  
нятіе поземельной собственности. Каждая семья, имѣя своихъ  
боговъ и свой культъ, должна была владѣть и отдѣльнымъ  
домомъ, пользоваться отдѣльнымъ участкомъ земли. Это жи-  
лище и поле, обрабатываемое родичами, со всѣхъ сторонъ об-  
легала порубежная полоса, которая считалась неприкосновен-  
ною; никто не могъ переступить ее своевольно. Въ опредѣ-  
ленные дни глава семейства обходилъ по этой чертѣ, гоня пе-  
редъ собою жертвенныхъ животныхъ, пѣлъ гимны и прино-  
силъ дары; здѣсь-же, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ  
друга, ставились крупные камни или древесные стволы, но-  
свшіе названіе термовъ. Въ яму, въ которой утверждался  
термъ, клали горячіе угли, хлѣбныя зерна, караван, пло-  
ды, лили медъ и вино <sup>3)</sup>. Римляне, при постройкѣ города, за-

<sup>1)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., I. ст. Вусл., 43; *Radices linguae sloven.*, 42; Обл. Сл., 260.— <sup>2)</sup> Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 19.—  
<sup>3)</sup> Ф. Кулявжъ, 79—83, 88—89.

пригали въ плугъ тельца и юнцу и обводили кругомъ глубокую борозду, которая и должна была означать границу города; въ томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало быть воротамъ, подымали плугъ и борозды не проводили. Кто входилъ въ городъ не воротами, а перелѣзалъ черезъ ровъ и стѣну, тотъ подвергался смертной казни <sup>1)</sup>. По общему убѣжденію индо-европейскихъ народовъ, межа была священною чертою; межевые столбы и камни, поставляемые для разграниченія мѣстъ, служили вещественными, символическими знаменіями владычества родовыхъ пенатовъ, и наглядно для всѣхъ указывали на рубежъ, начиная съ котораго земля, со всѣми ея угодами и постройками, находилась подъ ихъ покровительствомъ и охраною. Деревянный столбъ (чурбанъ) былъ принимаемъ за воплощеніе Агни, такъ какъ въ немъ таялся живой огонь, добываемый треніемъ, и такъ какъ деревомъ питается священное пламя очага; камень же — символъ небеснаго пламени, которое возжегъ богъ-громовникъ своимъ каменнымъ молотомъ и низвелъ на очагъ въ видѣ молніи. Чтобы захватить чужое поле, надо напередъ измѣнить рубежъ, низвергнуть охраняющее его божество. Такое святотатство подвергало виновнаго жестокой карѣ: «его домъ (говорить этрусскій законъ) исчезнетъ, его племь угаснетъ; земля не будетъ приносить ему плодовъ; градъ, ржа и небесныя молніи истребятъ его жатвы; члены его покроются язвами и иссохнутъ» <sup>2)</sup>. Приобрѣтая землю, германцы бросали на нее молотъ, и такимъ образомъ освящали право на поземельную собственность <sup>3)</sup>. По нѣмецкому поговѣрю, люди, которые не уважаютъ святости границъ, перелѣзаютъ межевые камни и хозяйничаютъ на чужихъ нивахъ, подвергаются за то проклятію, и по смерти души ихъ блужда-

<sup>1)</sup> Смыкъ Отеч. 1831, т. XXIII, стат. Гримма „О поземн. въ правѣ“, 281—2.— <sup>2)</sup> Кулаишъ, 90.— <sup>3)</sup> Die Götterwelt, 227.

ютъ по вѣздѣ, безъ пристанища <sup>1)</sup>). По житію челоѣвъ, тотъ, кто повреждаетъ у сосѣдей межевые камни, по смерти своей осуждается таскать тяжелый камень, или душа его, не обрѣтая нигдѣ покоя, носится по полямъ блуждающимъ огнемъ <sup>2)</sup>). Отъ тѣсныхъ стѣнъ избы и двора охранительная власть домового распространилась на весь поземельный наделъ, принадлежащій роду; Чуръ, по бѣлорусскому преданію, оберегаетъ поля и пашни, состоящія въ опредѣленной межѣ. Въ народныхъ заклатіяхъ доселѣ призывается ими Чура, и хотя это болѣею частію дѣлается безсознательно, тѣмъ не менѣе они важны, какъ любопытныя обломки незнаматной старины. Заклатія: «чуръ меня!» «чуръ наше мѣсто свято!» произносятся при разказахъ о злыхъ духахъ, при совершеніи гаданій и волшебныхъ чаръ; сила этихъ словъ заключается въ призывѣ свѣтлаго, дружелюбнаго божества, присутствіе котораго заставляетъ удалаться демоновъ мрака. Мѣсто, гдѣ показывается Чуръ, получаетъ таинственное освященіе, и потому за черту родовыхъ владѣній, находящихся подъ его охраною, не дерзаютъ переступать враждебныя духи. Приступая къ гаданіямъ, къ добыванію подземнаго клада и въ другихъ случаяхъ, когда можно опасаться дьявольскаго навожденія, необходимо обвести себя круговою линіею; линія эта очерчивается зажженною лучиною или восковою свѣчкою, при обычномъ воззваніи къ Чуру («Чуръ! наше мѣсто свято»), и служить самою надѣжною оградою отъ злобы демоновъ. Поэтому глаголъ чураться въ областныхъ говорахъ значитъ не только: «клясться Чуромъ», но и «очерчиваться» (въ переносномъ смыслѣ: удалаться, отстраняться отъ кого-нибудь); а слово чуръ получило значеніе проведенной черты (межи), какъ это очевидно изъ нарѣчія через-чуръ и пословицы:

<sup>1)</sup> D. Myth., 870.— <sup>2)</sup> Громанъ, 22, 197.

«стережъ чуръ и конь не ступить»; въ тверской губ. чуръа—стой! не трогай! Белорусское заклятіе: «чуръ табѣ на языкъ!» (тоже, что выраженіе: «ткнуъ тебѣ!») и малороссійское: «цуръ тобѣ, пекъ тобѣ!» состоятъ въ призваніи карающей силы огня на языкъ насмѣшника, ругателя, или на голову обидчика; интересно сопоставленіе слова пекъ (отъ глагола печь, пеку) съ словомъ чуръ, какъ рѣченій синонимическихъ, тождественныхъ по значенію. Согласно съ своимъ основнымъ характеромъ, Чуръ является въ заклинаніяхъ и божествомъ, освящающимъ право собственности: «чуръ пополамъ!» «чуръ виѣстѣ, или одному!» «чуръ мое!»—восклипанія, которыми обыкновенно раздаются при нечаянной находкѣ чего-нибудь двумя или нѣсколькими спутниками, смотря по желанію ихъ раздѣлить найденное, или овладѣть имъ безъ раздѣла <sup>1)</sup>. Понятіе собственности у народовъ первобытныхъ было нераздѣльно съ представленіемъ очага; о частной собственности не знали, всѣмъ имуществомъ владѣлъ родъ сообща, который (какъ лицо юридическое) и былъ настоящимъ собственникомъ, или говоря строже — собственникомъ было божество домашнего огня: въ немъ, съ одной стороны, видѣли источникъ всякаго богатства, начало всякаго пріобрѣтенія, а съ другой стороны — чтили въ немъ представителя родственнаго единства, старѣйшаго праотца. Такое сочетаніе различныхъ понятій запечатлѣлось и въ словѣ чуръ; ибо другая форма его щуръ, сохранившаяся въ названіи пра-щуръ, указываетъ на предка-основателя рода <sup>2)</sup>. «Каждая семья, говоритъ Куланжъ о древнихъ греко-италійцахъ, имѣла свою могилу, гдѣ умершіе члены ея, одинъ за другимъ, помѣщались на вѣчный покой.

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 260; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 77; Старосв. Банд., 577; Рус. въ св. поел., III, 157.— <sup>2)</sup> Ч и щ—звуки родственныя: ночь—нощъ, печь—пещь; въ рязанской губ. щурка (виѣсто: чурка)—кочерга, ожогъ (Обл. Сл., 271).

Эта могила обыкновенно лежала въ сѣдѣствѣ дома, недалеко отъ дверей, для того, чтобы дѣти, при входѣ и выходѣ изъ своего жилища, всякій разъ встрѣчали своихъ отцевъ и призывали ихъ имя. Такимъ образомъ предокъ оставался въ кругу своихъ; невидимый, но всегда присущій семьѣ, онъ продолжалъ быть ея членомъ, ея отцомъ. Земля, въ которой покоились мертвые, признавалась священной, недоступною чужеродцамъ и не подлежала отчужденію <sup>1)</sup>. По свидѣтельству Нестора, славяне-язычники сжигали мертвыхъ, а пепелъ ихъ собирали въ малые сосуды и ставили «на столпѣ на путехъ», т. е. ставили погребальныя урны на погравичныхъ термахъ, возлѣ дороги, ведущей въ родовое владѣніе—при самомъ входѣ въ него. Потому только тотъ и могъ пользоваться плодами общаго, наследственнаго имущества, участвовать въ его обладаніи, кто въ качествѣ члена известнаго рода состоялъ подъ защитою домашнего очага и принималъ участіе въ семейныхъ жертвоприношеніяхъ и молитвахъ.

Русскій крестьянинъ проводитъ рѣзкое различіе между домовыми своими и чужими. Свой домовый бѣльшею частію добръ и заботливъ; онъ связанъ съ семьей хозяина узами родства и охотно радѣетъ ей; въ совершенно иныхъ отношеніяхъ стоитъ онъ къ другимъ семействамъ, къ которымъ не чувствуетъ родственнаго тяготѣнія. Къ чужеродцамъ домовый болѣе, чѣмъ равнодушенъ; онъ даже не прочь поживиться на ихъ счетъ и чрезъ то улучшить положеніе своего собственнаго дома: по наивному вѣрованію поселянъ, онъ таскаетъ своими лошадьми сѣно изъ чужихъ сѣноваловъ, переманиваетъ къ себѣ птицу съ чужаго двора, обкрадываетъ клѣти и закрома и проч. Къ чужимъ родамъ и семьямъ, у которыхъ—свои

<sup>1)</sup> Куланжъ, 41, 84—86.

пенаты и свой культ, домовый почти всегда питает непріязненное чувство, старается повредить их хозяйству и нарушить их домашній миръ. Чужой домовый — непременно лихой; замѣтимъ, что въ эпоху родового быта слова «чужой» и «свѣдрукъ» были синонимы. Поэтому его боится и прожигаютъ противъ него заклинанія: въ заговорахъ испрашивается защита свѣтлыхъ боговъ «отъ чорта страшнаго, отъ чужаго домоваго» <sup>1)</sup>). Домовые разныхъ дворовъ нерѣдко вступаютъ между собою въ ожесточенную борьбу, и это понятно, ибо въ своихъ стремленіяхъ сберечь собственное добро и нежитья чужимъ они должны встрѣчаться, и встрѣчаться враждебно. О сербскихъ вѣдогоняхъ рассказываютъ, что они любятъ расхищать чужое имущество, и при этомъ постоянно и озлобленно дерутся между собою. При борьбѣ домовыхъ одинъ изъ нихъ можетъ ослабить другаго, изгнать его изъ владѣній, и какъ побѣдитель — занять опустѣлый домъ. Переходя на новоселье, отецъ семейства перезываетъ съ собой и своего домоваго; а въ предосторожность, чтобы злые люди не напустили въ новый дворъ лихаго домоваго, вѣшаетъ въ конюшнѣ медвѣжью голову. Это дѣлается, по словамъ покойнаго Сахарова, для того, чтобы лихой домовый не вступалъ въ борьбу съ добрымъ за жилье и не обезсилялъ его <sup>2)</sup>). Въ этомъ знаменательномъ преданіи слышится воспоминаніе о родовой враждѣ славянъ, о которой свидѣтельствуютъ и древнія лѣтописи, и народныя свадебныя пѣсни. Роды сворили, вели усобицы, а блюстителями ихъ интересовъ были домашніе пенаты и старѣйшины; эти послѣдніе, умирая, перенесли и за гробъ тѣже привязанности и тѣже ненависти. Можетъ быть, этою родовой особенностью объясняется и пристрастіе домоваго къ извѣстному цвѣту шерсти: одинъ домовый

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 19. — <sup>2)</sup> Ibid., 55.

любить бѣлый или сѣрый цвѣтъ, другой — вероной, и т. дал. Какой цвѣтъ любитъ домовой, тотъ идетъ ко двору; другой цвѣтъ идетъ къ чужому хозяйству и бываетъ ему противенъ. Вотъ почему крестьяне стараются держать лошадей, коровъ, собакъ и кошекъ той масти, которая «ко двору»; иной масти хоть не заводятъ: лошадей домового заѣдаютъ или забьютъ подъясли, коровъ обездолятъ молокомъ, а кошекъ и собакъ перекусаетъ <sup>1)</sup>. Въ ярославской и нижегородской губ. совѣтуютъ покупать коровъ и лошадей, принимаясь къ нѣсту шерсти своего домового; только тѣхъ животныхъ онъ и любитъ, и ходить, какія на него похожи. Въ народѣ ходятъ разсказы, какъ у одного мужика не держались лошади — и все отъ того, что не попадалъ на счастливую масть; обѣдняя мужикъ и купилъ себѣ наконецъ ледащую клячу, которая пришлась по нраву домовому: «вотъ это лошадь — такъ лошадь! не прѣжнимъ чета!» отозвался объ ней домовый — и съ той поры повелось отъ этой клячи кѣни, да еще какіе славные! (воронеж. губ.) Когда чужой домовый переселитъ хозяйскаго, то начинаетъ выживать изъ дому всѣхъ жильцовъ, причиняя имъ беспокойство и вредъ; онъ щиплетъ домашнихъ животныхъ и птицъ <sup>2)</sup>, у скотины отнимаетъ корки, лошадямъ спутываетъ гривы и замучиваетъ ихъ ѣздою, сбрасываетъ хозяина съ саней или телеги, раздѣваетъ его во время ночи, стаскиваетъ съ постели, наваливается на сонныхъ домочадцевъ, душитъ и щиплетъ ихъ до синихъ пятенъ, хлопаетъ безъ нуж-

---

<sup>1)</sup> Абев, 490. Въ орловской губ. хозяинъ, желающій узнать: какая масть домовому по мысли, беретъ на Святлое Христово Воскресенье кусокъ кулича, завертываетъ въ тряпицу и вѣшаетъ въ конюшнѣ; а черезъ шесть недѣль смотритъ: какого цвѣта завелось въ куличѣ червячки? Именно такой масти слѣдуетъ и лошадей водить. — <sup>2)</sup> Если у куръ искривляются отъ бѣгвни шеи — это домовый вертитъ имъ головы — Записки Авдѣев., 145.

ды дворяни и иѣнаетъ всакому дѣлу, всакой работѣ. Чѣобы избавиться отъ бѣды, хозяинъ и его родичи совершаютъ обрядъ изгнанія чужаго домоваго. Для этого они удараютъ по-стѣнамъ и заборамъ метлами и приговариваютъ: «чу жой домоной, поди до мой!» а вечеромъ въ тотъ-же день наряжаются въ лучшія праздничныя платья, выходятъ на дворъ и начинаютъ призывать своего домоваго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «дѣдушка-домовой! прѣходи къ намъ до мой — домъ до-нить и скотинку водить» <sup>1)</sup>. По другому описанію, съ лѣхихъ домовыхъ управляются такъ: ѣздить по двору верхомъ на конѣ и намутъ по воздуху помеломъ, причитывая: батюшка домовой! не разори дворъ, не погуби животину». Иногда помело обмакиваютъ въ деготь, чѣобы отмѣтить домовому лѣсину, послѣ чѣго онъ убѣгаетъ со двора <sup>2)</sup>.

Но бывають случаи, когда домовой становится злымъ и въ отношеніи къ семьѣ своего хозяина <sup>3)</sup>. По народному повѣрью, домовой хотя и отличается добротою, но вообще любитъ проказить. Такое свойство его коренится въ древнѣйшихъ воззрѣніяхъ на грозовыхъ карликовъ, которые представлялись нашимъ предкамъ съ двоакимъ характеромъ. Поражая демоническія рати облачныхъ великановъ, духи эти оплодотворяли землю и воспитывали жатвы; но вмѣстѣ съ тѣмъ — они и сами облекались въ мрачныя покровы тучъ и, окутанные ими, смѣшивались съ нечистою силою, дышали опустошительными вихрями и пожигали молніями. Огонь очага чтился на землѣ представителемъ небеснаго пламени, возжигаемаго Перуномъ и его спутниками; а потому домовые должны были удержатъ за собою всѣ отличительныя свойства грозовыхъ духовъ (эль-

<sup>1)</sup> О. З., т. LVII, смѣсь, 137. — <sup>2)</sup> Сахаров., 65. Очевидно, иѣра эта предпринимается противъ чужаго домоваго; изгнаніе своего домоваго — немислимо. — <sup>3)</sup> Терец., VI, 38; Сахаров., II, 19; Абев., 190—1.



фонъ) — не только благопріятныя, но и враждебныя человеку, тѣмъ болѣе, что и самый огонь вызывалъ подобныя-же разнородныя представленія. Если съ одной стороны въ немъ видѣли бога создателя и охранителя человѣческаго жилья, то съ другой — это было существо прихотливое, склонное къ мести (см. выше стр. 47) и разрушительное: въ гнѣвномъ пламени пожара онъ пожиралъ все достояніе семейства. Я. Гриммъ указываетъ на различіе, отразившееся въ вѣрованіяхъ германцевъ, между огнемъ добрымъ и злымъ и приводитъ старинную французскую клятву: «*mal feu arde*»<sup>1)</sup>. Имя *kobold* онъ считаетъ родственнымъ греческому *κόβαλος* (лат. *cobalus*) — хитрый, лукавый<sup>2)</sup>; другія названія, даваемые нѣмецкими племенами домовымъ гоніямъ, указываютъ на производимый ими шумъ и грохотъ: *klopper*, *poltergeist*, *buller man* (*bullerkatter*) отъ *poltern* и *bulle*, *bulle* — стучать. Они колотятъ по стѣнамъ, стучатъ по лѣстницамъ, хлопаютъ дверьми, бросаютъ въ проходящихъ кирпичи и камни, востоятся, прыгаютъ и кричатъ въ ночное время, стаскиваютъ съ сонныхъ постельные покровы, гасятъ у слугъ свѣчи, опрокидываютъ у коровницъ подойники, и разливая молоко, смѣются злымъ смѣхомъ. Повѣрья эти возникли изъ старинныхъ метафорическихъ выраженій, давно-утратившихъ свой первоначальный смыслъ: стукъ и смѣхъ — метафоры грома, бросаніе камней указываетъ на разящія молніи (*donnersteine*), срываніе ночныхъ покрововъ — на темныя тучи, разносимыя грозою, разлитіе молока — на дождь (тотъ-же смыслъ заключается и въ повѣрьѣ, что кобольды качаютъ воду и поятъ скотъ, т. е. поятъ дождемъ небесныя стада). Итакъ видѣтъ съ добрыми свойствами, указанными выше, кобольдамъ приписываются и злыя наклон-

---

<sup>1)</sup> D. Myth., 569. — <sup>2)</sup> Пикте (II, 638) сближаетъ съ этими словами и санскр. *cabala*, *cavala*.

ности, такъ что они являются домашними мучителями (*quä'-geister*), пугалами дѣтей и взрослыхъ; у славянъ домовые духи, производящіе по ночамъ возню и стукъ, называются: у чеховъ *obludy*, *noční preluda*, *pristrachy* и *strašidla*, пол. *straszydło*, серб. страшило, словен. *strashnik*; они показываются то легкими, воздушными привидѣніями, то принимаютъ видъ различныхъ животныхъ<sup>1)</sup>. Замѣтимъ, что и души усопшихъ не только боготворились, какъ существа добрыя и дружелюбныя; но еще, сверхъ того, представлялись страшными привидѣніями, пугающими живыхъ людей, насылающими на нихъ бѣды и несчастія. Про домового рассказываютъ на Руси, что онъ иногда дозволяетъ себѣ проказы, безъ всякой видимой причины, единственно вслѣдствіе своего шаловливаго нрава; но въ такомъ случаѣ достаточно его «оговорить» — и все пойдетъ хорошо. Такъ въ одномъ домѣ онъ билъ кошекъ, бросая въ нихъ чѣмъ попадая. Разъ ухватилъ онъ кошку и швырнулъ ее наземь, а баба тѣмъ часомъ и оговорила: «зачѣмъ бросаешь? развѣ это хозяйство? намъ безъ кошки прожить нельзя; хорошъ хозяинъ!» Съ той поры домовый пересталъ трогать кошекъ. Или еще рассказъ: однажды увидѣлъ хозяинъ, какъ домовый гоняетъ по двору на пѣгашкѣ, да такъ-то бѣзразлично гоняетъ, ажъно въ мыслѣ сердечная! «А зачѣмъ лошадей заѣзжаешь? кто тебя просилъ!» оговорилъ мужикъ; вмѣсто отвѣта, домовый пустилъ въ него полѣномъ — и откуда взялось оно! — а все-таки пересталъ съ того времени мучить пѣгашку (ворон. губ.). Если же домовый бываетъ чѣмъ-нибудь разгнѣванъ (напр. несогласіемъ и бранью въ семьѣ, покупкою лошади нешдущей ко двору масти и т. п.), то онъ принимается въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ за тѣже продѣлки, какъ и чужой домовый. Поэтому его называютъ шутъ, обломъ и

<sup>1)</sup> D. Myth., 470—5. 481; Громаничъ, 196.

садолѣмъ; названія эти придаются и чорту <sup>1)</sup>. Ближе всего указываютъ на связь домового съ зльфеми слѣдующія два повѣрья: а) во первыхъ, онъ любитъ путать лошадямъ гривы. О лошади, у которой грива начинаетъ полститься, сбиваться въ войлокъ, рассказываютъ, что домовый плететъ у ней косу; тоже дѣлаетъ онъ и съ бабьими косами, и съ бородами мужиковъ, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ это почитается знакомъ особенной его любви; завитую домовымъ гриву не слѣдуетъ расчесывать, иначе онъ разсердится и совѣтъ испортитъ животное. Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ спутанная грива считается за признакъ того, что домовый не влюбилъ коня и готовъ его извести. Колтунъ на лошадиной гривѣ въ Малороссіи называютъ чортове сидло или чортовн стремена, и приписываютъ дѣйствию утомительныхъ поѣздокъ домового <sup>2)</sup>. Подобное повѣрье нѣмцы соединяютъ съ ночными зльфами—*nachtalb* и *nachtmar*, которые завиваютъ и связываютъ въ узлы у людей волосы, у коней гривы и хвосты (*alpzopf*, *mährenlocke*, *wichtelzopf*—колтунъ). б) Во вторыхъ, домовый наваливается на спящихъ и давитъ ихъ такъ сильно, что они не могутъ ни вскрикнуть, ни пошевелиться: такъ объясняютъ себѣ простоядины то тяжелое стѣсненіе въ груди, какое чувствуется во время сна отъ сильнаго прилива крови. По мнѣнію нѣмцевъ, стѣсненіе это бываетъ отъ того, что соннаго человека давитъ и трясетъ *nachtmar* (англ. *night-mare*) или *alp*; а французы называютъ его *cauche-mare* (*cocchemar*, *chaucheville*<sup>3)</sup>). Слово *cauche-*

---

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 196, 269.— <sup>2)</sup> Совр. 1856, XI, снѣсъ, 10; Иллюстр. 1845, 77; Громанъ, 16; *Schrackagerl* — домовый духъ, который въ видѣ малаго дитяти сидитъ въ ясляхъ (въ конюшнѣ); онъ помогаетъ служанкамъ, водитъ скотъ и птицу, а раздраженный путаетъ лошадины гривы и разгоняетъ коровъ.— <sup>3)</sup> D. Mith., 433; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 272—3.

шаге соответствует русское кикимора или шинимора — имя сложное, и первая половина его доселѣ употребляется въ областныхъ нарѣчіяхъ въ отдѣльной, самостоятельной формѣ: шиншъ — домовый, бѣсъ, шивкѣ — нечистый духъ, шини́ги (шини́ганъ) — домовый, злой духъ и праздношатающийся человѣкъ, шатунъ. При этихъ рѣченіяхъ имѣются и глаголы: шиншѣть — копаться, возиться, безпрестанно что-нибудь дѣлать, шиникать — шѣшать, суетиться, возмозить <sup>1)</sup>. Что касается второй половины слова, то она равносильна нѣм. *der tag*. Въ Сербіи и Черногоріи жоръ (пол. *тога*, *тага*, чеш. *тѣга*) признается за демоническаго духа, который вылетаетъ изъ вѣдмы въ видѣ мотылька (= общераспространенное представление души), «притискуе и дави» по ночамъ сонныхъ людей «и диханье имъ зауставл(ь)а» <sup>2)</sup>. Въ Россіи также известны мары или марухи — старыя, маленькія существа женскаго пола, которыя сидятъ на печи, прыдуть по ночамъ пряжу и все шепчутъ да подпрыгиваютъ, а въ людей бросаютъ кирпичами; въ олонекской губ. ни одна баба не покидаетъ своей присланицы безъ молитвы, потому что въ противномъ случаѣ явится ночью мара, изорветъ и спутаетъ кудель. Мары тождественны съ кикиморами, о которыхъ рассказываютъ, что это младенцы, умершіе некрещеными или проклятые ихъ родителями, и потому попавшіе подъ власть нечистой силы; кикиморы представляются малютками-невидимками женскаго пола, обитающими въ домахъ, за печкою; сидятъ тамъ, онѣ стучатъ, свистятъ, кидаютъ на прохожихъ камни, бьютъ посуду и почти постоянно занимаютъ пряжею <sup>3)</sup>. Въ

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 266; Доп. обл. сл., 307. Г. Гильердингъ сближаетъ рус. шиншъ съ санскр. *hins* — попреждать (Мат. сравн. слов., II, 421. — <sup>2)</sup> Срв. рјечаник, 367; Путеш. въ Черногор. А. Попова, 221; *Volkslieder der Wenden*, II, 268. — <sup>3)</sup> Сахаров., II, 17; Пузын., 126; Обл. Сл., 266: шинша — прижа, намотанная на веретено.

ночь противъ Рождества онѣ треплютъ и жгутъ кудели, оставленные у прялокъ безъ молитвы <sup>1)</sup>. Согласно съ вышеприведенными преданіями, что всякое жилое строеніе закладывается на чью-нибудь голову, создавалось слѣдующее повѣрье: если хозяинъ не доплатитъ плотникамъ за срубку избы, то они напускаютъ въ нее злую кикимору <sup>2)</sup>. Чтобы избавиться отъ кикиморы, знахарь обжигаетъ печь и углы избы съ такимъ заклятіемъ: «ахъ, ты гой еси кикимора домовая! выходи изъ горюнина дома скорѣе, а не то задерутъ тебя калеными прутьями, сожгутъ огнемъ-попыжмъ, зальютъ черной смолою» <sup>3)</sup>. Самъ домовой, по рассказамъ сибиряковъ, садится по ночамъ прядь, и неразъ удавалось слышать, какъ гудѣтъ веретено подъ его рукою, а поутру замѣчали, что прядева прибавилось <sup>4)</sup>. Очевидно, что въ марахъ или кикиморахъ олицетворены души усопшихъ (моръ—смерть, чума, маръ—сонъ, мара—призракъ, мары—носилки для мертвыхъ <sup>5)</sup>), эти незримыя эльфическія существа, которыя, поселяясь въ жилищахъ своихъ родичей, получали характеръ домовыхъ гениевъ; по связи эльфовъ и родственныхъ имъ духовъ съ грозовыми тучами (марё—туманъ, мѣра—тьма, мѣрокъ—облака, тучи), мары и кикиморы представляются пряками. На поэтическомъ языкѣ зріевъ облака уподоблялись руну, волосамъ и прядеву, а производимая ими тьма—ночи. Когда небо омрачалось туманами и тучами—въ этомъ естественномъ явленіи предки наши видѣли ночную работу воздушныхъ нитей и грозovýchъ

<sup>1)</sup> Новгород. Сборн. 1865, I, 284.— <sup>2)</sup> Этн. Сб., VI, 147; Абев., 218—9; Записки Авдѣев., 149—150.— <sup>3)</sup> Библ. для Чт. 1848, IX, 57. Къ одвоку разряду съ кикиморами принадлежитъ и такъ называемый игошн — мертворожденный младенецъ, который особенно много проказитъ, если не признаютъ его за домовника, не кладутъ ему за столомъ ложки и ломтя хлѣба и не хотятъ брать ему въ окно рукавицы и шапки—Иллюстр. 1845, 198.—<sup>4)</sup> Этн. Сб., VI, 147.—<sup>5)</sup> Обл. Сл., 111; Доп. обл. сл., 110.

духовъ, которые прили облачную кудель и приготовляли изъ ася темные покровы, или съ помошью бурныхъ вѣтровъ расчесывали и спутывали облачные пряди и волоса, сбивали ихъ колтуномъ, включивали и вили прихотливыми кудрами: глаголы вить и вѣять должны быть одного происхожденія, рядомъ съ словомъ вихрь встречаемъ вихоръ—завитой колокъ волосъ (см. гл. XXIII). Тѣни умершихъ, какъ существа, подобныя дующимъ вѣтрамъ (душа отъ глаг. дуть), участвовали и въ стремительныхъ поѣздахъ, и въ работахъ втихъ послѣднихъ. Вотъ почему домовія мары не только разѣзжаютъ на коняхъ (=тучахъ), замучиваютъ ихъ бѣшеною скачкою, но и плетутъ имъ хвосты и гривы. Духи иного, загробнаго міра, онѣ самымъ имевемъ своимъ напоминали смерть и повальныя болѣзни, и фантазія древняго человѣка, чуткая ко всякому намѣку роднаго слова, приписала ихъ вліянію различные тяжкіе недуги (см. гл. XXII). Мары наваливаются на сонныхъ людей, давятъ и душатъ ихъ; тоже рассказываютъ и о вѣдмахъ, которыя, сверхъ того, могутъ превращать своего недруга въ коня и скакать на немъ по доламъ и по горамъ—до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ бездыханный. По сербскому преданію, мора сама превращается и конемъ <sup>1)</sup> и длакою (шерстью, колокъ волосъ), т. е. является одѣтая облакомъ: мучила мора человѣка, не давала ему заснуть спокойно, и вотъ рѣшился онъ уйдти изъ дому, взявъ своего бѣлаго коня и поѣхалъ по свѣту; во гдѣ ни странствовалъ — мора всюду за нимъ слѣдовала. Разъ остановился онъ на ночлегъ; ночью хозяинъ дома услышалъ, что гость стонетъ во снѣ, и примѣтивъ, что его давитъ бѣлая длака, перерѣзалъ ее ножницами. По утру оказалось, что бѣлый конь издохъ: онъ-то и былъ «мора, која га је притискивала» <sup>2)</sup>).

<sup>1)</sup> Грѣкиъ сближаетъ др.-верх.-нім. *meriha* (equa), *mähre* и *ma h g*—D. *Myth.*, 1194.— <sup>2)</sup> Срп. рјечникъ, 367—8.

Домовой дѣлается злымъ преимущественно въ то время, когда сѣняетъ свою шкуру, или сердится за неисполненіе обычныхъ ему жертвоприношеній. По русскому преданію, домовой бѣсится 30-го марта, съ ранней утренней зори до полночи, пока запоютъ пѣтухи. Въ это время онъ никого не узнаетъ изъ своихъ домашнихъ, почему ночью боится подходить къ окнамъ, а скотъ и птицу запираютъ съ солнечнымъ закатомъ. Вдругъ востоскуется домовой, рассказываютъ крестьяне, и заится такъ, что готовъ бы, кажется, весь домъ сокрушить: лошадей забьетъ подъ ясли, собакъ перекусаетъ, коровъ отъ ѣды отобьетъ, утварь всю разбросаетъ, хозяину подъ ноги подкатывается; бываетъ съ нимъ такая перемѣна или потому, что съ весною спадаетъ съ домового старая шкура, или находитъ на него бѣшенство (чума), или захочется ему жениться на вѣдьмѣ <sup>1)</sup>. Было указано, что домового представляютъ престарѣлымъ карликомъ, покрытымъ густою, косматою шерстью, и что въ этомъ образѣ олицетворялось первоначально пламя молніи, окутанной тучею. Богъ-громовникъ, бездѣйствующій въ зимнюю пору, съ началомъ весны пробуждается къ беспокойной дѣятельности, перемѣняетъ свою старую одежду на новую, т. е. вѣсто холодныхъ тумановъ и снѣжныхъ облаковъ облачается въ грозовыя тучи, и предается дикому разгулу: въ сопровожденіи вихрей, при блескѣ молніи и ударахъ грома носится онъ по небеснымъ пространствамъ, гоняясь за облачными коровами, лошадьми и псами и съ жаромъ сладострастнаго любовника преслѣдуя вѣщихъ дѣвъ; народъ до сихъ поръ видитъ въ грозѣ свадьбу дьявола съ вѣдьмою. Въ эту тревожную пору возрожденія природы — и домовой, какъ тотъ-же владыка небеснаго огня, низведенный на домашній очагъ, ощущаетъ полноту

<sup>1)</sup> Сахаров., II, 19—20.

проснувшихся жизненных силъ, иѣняетъ свою шкуру, становится неистовымъ, бѣшенымъ <sup>1)</sup> и заявляетъ желаніе сваяться съ вѣдьмой. Точно также и водяной, пробуждаясь отъ зимней спячки, ломаетъ ледяныя оковы и несется въ шумныхъ волнахъ полноводія голоднымъ, сердитымъ и все-разрушающимъ. Озлобленіе домового начинаютъ замѣчать съ самаго поворота солнца на лѣто, слѣдовательно съ первыми зачатками и признаками приближающейся весны. Еще 2-го генваря предпринимаютъ иѣры для охраненія отъ него курняковъ: въ этотъ иѣсяцъ задобриваютъ его жертвою; а въ февралѣ онъ затѣжаетъ уже лошадей <sup>2)</sup>).

Жертвенныя приношенія домовому удерживаются въ народѣ до настоящаго времени и, какъ видно изъ приведенныхъ выше указаній, состоятъ изъ хлѣба-соля, пироговъ, яичницы и всякихъ другихъ яствъ. Германцы, во время праздничныхъ иршествъ, прежде, нежели начинали вкушать сами, отдѣляли часть изготовленныхъ яствъ и напитковъ своимъ домашнимъ богамъ <sup>3)</sup>. Слѣды этого стариннаго обычая встрѣчаемъ и у насъ. Въ томской губ. въ сочельникъ, наканунѣ Крещенія, кладутъ подъ голубецъ <sup>4)</sup> нарочно-испеченныя для домашнего маленькія булочки и лепешки <sup>5)</sup>. Въ другихъ иѣстахъ вечеромъ 28-го генваря оставляютъ ему на загнеткѣ горшокъ кашн; ровно въ полночь домовый выходитъ изъ-подъ печи и ужинаетъ. Если хозяйка позабудетъ это сдѣлать, то изъ добраго онъ становится «лихимъ»: люди начинаютъ заболѣвать, скотъ худѣть, въ поляхъ — неурожай, со всѣхъ сторонъ напасть! Точно также истаютъ и усопшіе предки, если перестаютъ ихъ чтить поминальными приношеніями.

<sup>1)</sup> По повѣрью, животными и люди бѣсятся отъ того, что ими овладѣваетъ злой духъ—эльфъ.— <sup>2)</sup> Сахаров., II, 3, 10.— <sup>3)</sup> D. Myth., 52.— <sup>4)</sup> Деревянная прищипка въ печи, съ ходомъ въ подполье.— <sup>5)</sup> Эти. Сб., VI, 147.



Раздраженного домашнего можно унять только кудесами, что совершается такимъ образомъ: въ полночь рѣжетъ колдунъ пѣтуха, выпуская кровь его на голыя, и этимъ голыкомъ выметаетъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ, съ приличными заклятіями <sup>1)</sup>. Какъ птица, служившая символомъ огня (см. I, 522), пѣтухъ былъ посвященъ богу домашнего очага и считался лучшею для него жертвою; поэтому кровью пѣтуха смягчается гнѣвъ раздраженного домашнего, и онъ по прежнему становится добрымъ <sup>2)</sup>. Народная поговорка: «на своемъ пепелищѣ и пѣтухъ храбрится» <sup>3)</sup>, употребляемая въ смыслѣ, что «хозяину въ своемъ домѣ и стѣны помогаютъ», ставить пѣтуха въ тѣже отношенія къ родному очагу (пепелищу), въ какія стоялъ къ нему домовладыка. По чешскому повѣрью: если умереть домовый пѣтухъ, то скоро въ тѣмъ должна послѣдовать и смерть хозяина; а по нѣмецкимъ рассказамъ, кобольдъ часто показывается въ видѣ пѣтуха <sup>4)</sup>. Примѣты о гостяхъ наблюдаются крестьянами не только по пламени очага, но и по крику пѣтуха: если пѣтухъ поетъ днемъ и особенно подъ окнами, то ожидай гостей <sup>5)</sup>; тоже самое, если дерутся куры <sup>6)</sup>; запоетъ ли пѣтухъ вечеромъ въ необычный часъ, надо бѣжать къ насѣсти и ошупать ему ноги: теплыя ноги бываютъ къ гостямъ, а холодныя—къ покойнику, подобно тому, какъ домашней теплою рукою гладятъ на счастье, а холодною—къ бѣдѣ: въ первомъ случаѣ семейный кругъ увеличится прибытіемъ новыхъ лицъ (гостей), а въ послѣднемъ уменьшится смертію одного изъ ро-

---

<sup>1)</sup> Сахаровъ, II, 8 — <sup>2)</sup> Св. Фейтъ, въ храмъ котораго еще въ прошломъ столѣтіи приносили пѣтуховъ, почитается патрономъ Богеміи (Громаничъ, 74).— <sup>3)</sup> Вар. „на своемъ пепелищѣ и курица бьетъ“—Рус. въ св. посл., II, 15.— <sup>4)</sup> Громаничъ, 75; Beiträage zur D. Myth., 338.— <sup>5)</sup> Малавъ, VIII, 63; Херсон. Г. В. 1852, 12.— <sup>6)</sup> Этн. Сб., II, 58.

дичей<sup>1)</sup>. Домовой нисколько не стѣсняется пѣтушинымъ крикомъ, котораго такъ боится вся нечистая сила<sup>2)</sup>. На Руси онъ—покровитель куръ, и въ честь его 1-го ноября совершается особенное празднество, известное подъ названіемъ курныхъ мянинъ. Въ этотъ день родные и знакомые дарятъ другъ друга курами, которыя потомъ содержатся въ вочетѣ: ихъ никогда не убиваютъ, а снесенныя ими яйца считаются цѣлебными. Въ этотъ-же день родичи собираются въ овинѣ, гдѣ старшій членъ семейства рубитъ топоромъ кочету голову; ноги кочетины бросаютъ наверхъ избы, чтобъ водились и неслись куры, а мясо варятъ и сѣдаютъ за семейнымъ обѣдомъ<sup>3)</sup>. Въ орловской губ. рѣжутъ куръ подъ овиномъ 4-го сентября. Время совершенія этихъ обрядовъ, совпадающее съ оболоткою сжатого хлѣба, заставляетъ видѣть въ нихъ обломки древнихъ жертвъ домовому за дарованный имъ урожай. Изъ старинныхъ памятниковъ мы узнаемъ, что славяне молились огню подъ овиномъ (см. гл. XXVIII). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ вѣшаютъ въ курникахъ круглые камни съ небольшимъ отверстіемъ внутри; такой камень, напоминающій громовый молотъ Тора, предохраняетъ птицу отъ болѣзней и называется куринымъ богомъ<sup>4)</sup>. 2-го августа, на другой день послѣ освященія родниковъ и колодцевъ, поятъ лошадей съ серебра, т. е. водою, въ которую брошена серебряная монета; монету эту прячутъ въ конюшнѣ подъ яслями, чтобы лошади добрыя, не боялись дурнаго глаза и были въ милости у домового<sup>5)</sup>.

Съ цѣлю усмирить гнѣвнаго домового, крестьяне прибѣга-

<sup>1)</sup> Записки Авдѣев., 141.— <sup>2)</sup> Иллюстр. 1845, 77.— <sup>3)</sup> Сахаров., II, 65; Рус. предан. Макарова, II, 158.— <sup>4)</sup> Литовцы въ честь божества, которое завѣдывало домашней челядью, бросали въ огонь курицу—Рус. Сл. 1860, V, 19—20.— <sup>5)</sup> Сахаров., II, 47.

ютъ еще къ слѣдующимъ средствамъ: окропляютъ св. водою по всѣмъ угламъ избы к двора, вѣшаютъ въ конюшнѣ медвѣжью голову, убитаго ястреба или сороку, зарываютъ передъ жильемъ черепъ козла, окуриваютъ домъ и хлѣвъ медвѣжьей или козьей шерстью (см. I, 390—1, 714), затыкаютъ въ щели заборовъ и стѣнъ козью шерсть или траву чертополохъ (символъ молніи—см. главу XVIII). Подобныя же средства употребляются и противъ нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ, которымъ, какъ олицетвореніямъ грозовыхъ явленій, присвоены нѣкоторыя свойства, общія имъ наравнѣ съ домовымъ. Озлобленіе и бѣшенство домового объяснены нами изъ представленій о неистовомъ громовникѣ, шествующемъ въ вихряхъ и молніяхъ; сорока и ястребъ, козелъ и медвѣдь — иконческіе образы бурныхъ, грозовыхъ тучъ; страшныя Перуновы стрѣлы пожигаютъ облачное руно (шерсть) и пожираютъ на смерть баснословныхъ звѣрей и птицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается и гроза, а съ ея окончаніемъ утихаютъ злоба и гнѣвъ раздраженного бога. Вотъ почему и домовою спирается при видѣ убитаго ястреба или сороки, козлиного черепа и отрубленной головы медвѣдя. Чтобы прогнать чужаго домового, необходимо помело, обмокнутое въ деготь: помело — метафора вихря, деготь — дождя (см. I, 788), пролітіемъ котораго завершаются шумныя грозы. Въ нижегородской губ. вѣшаютъ въ курникахъ и надъ стрѣхами хлѣвовъ горлушки отъ разбитыхъ кувшиновъ, съ полною увѣренностью, что это помѣшаетъ домовому щипать куръ и мучить скотину: повѣрье, намекающее на тѣ кружки, изъ которыхъ облачныя нимфы проливали на землю дождь <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Съ домовымъ, по мнѣнію крестьянъ, всегда можно подружиться и поладить. Для этого домохозяинъ долженъ выйти на дворъ въ глубокую полночь, стать лицомъ къ мѣсяцу и промолвить: «хозяинъ! стань передо мной, какъ листъ передъ травой—и черепъ,

Обожаніе очага обуславливались религіозные обряды, совершаемые при закладкѣ новаго дома и при переходѣ на новое селѣ. Всякое жилое зданіе назначалось быть капищемъ родовыхъ пенатовъ, а потому земля, на которой желали его поставить, требовала освященія. Между нашими поселянами еще донинѣ соблюдаются обряды, очевидно принадлежащіе глубокой старинѣ: передъ постройкою дома, чтобы впослѣдствіи жилось въ немъ здорово и счастливо, хозяинъ съ хозяй-

---

ни зеленъ, но таковъ, каковъ я. Я принесъ тебѣ красное яичко." Домовой является въ человѣческомъ образѣ, и получивъ красное яйцо, дѣлается спокойнымъ. Иные прибавляютъ, что яйцо это должно быть то самое, которымъ впервые похристосовался священникъ послѣ заутрени на Свѣтлое Христово Воскресенье. Съ такимъ яйцомъ и съ зажженною свѣчкой, оставшеюся отъ христовской заутрени, крестьянинъ долженъ стать ночью, до пѣтуховъ, передъ растворенной дверью хлѣва и сказать: «дядя дворовой! приходи ко мнѣ ни зеленъ, какъ дубравный листъ, ни синъ, какъ рѣчной валъ; приходи—каковъ я. Я тебѣ христовское яичко дамъ!». Тогда выйдетъ изъ хлѣва домовой точь въ точь похожій на того, кто его вызывалъ. О свиданіи съ нимъ онъ требуетъ хранить тайну; если же нужнѣе проболтается, то домовой доведетъ его до самоубійства, или сожметъ его набу—О. З., т. LVII, смѣсь, 133—4. Или, кѣмъ-то краснаго яйца, берутъ съ собой слѣдующія снадобья: къ коосу привязываютъ корень травы-плакуна, на шею привѣшиваютъ свиновую головку съ озинью, взятою отъ трехъ полей, въ одно ухо вкладываютъ козьей шерсти, а въ другое клочекъ лѣтнимъ (шерсть, которую бросаетъ баба, допривши кудель). Когда все это будетъ сдѣлано—ступай ночью въ хлѣвъ, затвори за собою дверь и говори: «суздущко-домосѣдущко! рабъ къ тебѣ идетъ, близко голову несетъ; не тони его напрасно, а заведи съ нимъ крѣтство, покорми ему въ своемъ обливѣ, заведи съ нимъ дружбу да служи ему легку службу." Вслѣдъ за тѣмъ послышится шорохъ—является домовой и заключаетъ съ мужикомъ договоръ: самъ онъ обязуется помогать ему во всѣхъ дѣлахъ, а мужикъ даетъ обещаніе держать на дворѣ козу и давать домовому по восковой свѣчѣ на каждую ночь—Совр. 1856, XI, смѣсь, 10, 13—14; Киев. Г. В. 1845, 13. О плакунѣ и свиной головкѣ см. въ слѣдующихъ главахъ.

кою приходятъ на мѣсто закладки, отрубаятъ у пѣтуха голову и зарываютъ ее въ томъ пунктѣ, гдѣ слѣдуетъ быть переднему углу. Обрядъ этотъ совершается тайно <sup>1)</sup>, и въ немъ нельзя не признать древняго жертвоприношенія домовому. Въ жертву заколали пѣтуха, самую почетную и любимую имъ птицу; пролитіемъ ея крови освящалось избранное мѣсто и призывалось на него благословіе домашнего божества <sup>2)</sup>. Въ другихъ деревняхъ крестьянннхъ — прежде, нежели начнетъ класть основныя звѣнья сруба, закапываетъ въ землю у передняго угла нѣсколько мелкихъ монетъ и ячменныхъ зеренъ, чтобы въ новомъ домѣ не переводились ни хлѣбъ, ни деньги; къ этому прибавляютъ иногда шерсть — на счастье въ лошадяхъ, коровахъ и овцахъ, и ладонъ — для святости. Въ волынской губ. полѣшукн, кромѣ денегъ, кладутъ въ основаніе хаты кусокъ хлѣба, щепоть соли и частицу меда. Бываетъ еще, что на мѣсто, избранное подъ жилье, сыплютъ нѣсколько горстей ржи на одинъ или на двое сутокъ: если зерна въ продолженіи означеннаго времени останутся нетронутыми — это принимается за вѣрный знакъ, что мѣсто — счастливо, и наоборотъ; въ послѣднемъ случаѣ его покидаютъ и пріискиваютъ новое <sup>3)</sup>. Судя по этимъ даннымъ, изба у славянъ-язычниковъ строилась на пѣтушьей головѣ, которая, виѣстѣ съ хлѣбомъ-солью и медомъ,

---

<sup>1)</sup> Записки Авдѣев., 115. — <sup>2)</sup> Тамъ, гдѣ позабыта старина, языческая жертва передъ постройкою дома замѣнилась христіанскимъ освященіемъ первыхъ трехъ или четырехъ звѣнцовъ сруба — Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 88. — <sup>3)</sup> О. З. 1848, V, снѣсъ, 4; Маякъ, VIII, 24; Послов. Даля, 1048; Волын. Г. В. 1855, 48; см. любопытныя повѣрья о выборѣ мѣста подъ избу у пермяковъ — въ Ж. М. Н. П. 1858, IV, 92—100. Терещ., V, 151: при закладкѣ дома хозяинъ кладетъ въ ночь по 4-мъ угламъ основныхъ бревенъ по куску хлѣба; если къ утру пропадетъ хоть одинъ кусокъ — то мѣсто считается несчастливымъ и должно быть оставлено.

полагалась въ переднемъ углу. Здѣсь необходимо указать на важное значеніе этого угла въ семейномъ быту. Углы обозначаютъ собою тѣ четыре главные пункта, въ которыхъ сходятся наружныя стѣны дома, и такимъ образомъ опредѣляютъ его границы, состоящія подѣ охраною родовыхъ пенатовъ. Какъ скоро, при постройкѣ избы, рѣшается вопросъ, гдѣ быть четверемъ угламъ, вѣстѣ съ тѣмъ становится извѣстнымъ и все пространство, какое отходятъ подѣ жилье. Въ русскомъ языкѣ «теплый уголъ» служитъ синонимомъ роднаго крова, а выраженіе: «срубить себѣ уголъ» употребляется въ смыслѣ: построить избу. Сербское кутник (кућаник, старин. кутянин) — хозяинъ, домовладыка (—до-наѣин), отъ кутя, польск. кусца, др.-слав. куща — домъ (снкр. kuta, kuti — съ тѣмъ-же значеніемъ), стоитъ въ связи съ словомъ кутъ, которымъ на Руси обозначается передній уголъ избы и мѣсто передъ домашней печью, гдѣ стряпаютъ; уменьшительное к утокъ — вообще всякой уголъ <sup>1)</sup>). Точно также пространство, занимаемое дворомъ, опредѣляется углами, въ которыхъ сходятся ограждающіе его заборы. Вотъ почему обряды, связанные съ именемъ домового, охраняющаго предѣлы семейныхъ владѣній, совершаются по угламъ дома и двора. Тамъ, желая умиротворить домового и водворить въ домъ порядокъ и спокойствіе, окуриваютъ медвѣжьей шерстью всѣ углы въ домѣ и на дворѣ, или обмечаютъ ихъ голыкомъ, обрызганнымъ кровью пѣтуха. Но съ особеннымъ уваженіемъ относятся крестьяне къ переднему углу, противъ котораго стоитъ печь. Уголъ этотъ называется большимъ и краснымъ; здѣсь помѣщается столъ, за которымъ совершается ежедневная трапеза. Домашніе пенаты

---

<sup>1)</sup> Срн. рјечник, 318; Обл. Сл., 98, 163; Мысли объ ист. рус. нн., 150; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 583.

(дѣды) принимали постоянное участіе въ этой семейной трапезѣ, и по всему вѣроятію ихъ священныя изображенія (малые кумиры) стояли въ старину гдѣ-нибудь вблизи — въ нишахъ очага (печуркахъ) или на полкахъ передваго угла, а въ обѣденную пору были приносины на столъ <sup>1)</sup>. Въ настоящее время въ большомъ углу ставятъ семейныя иконы, втыкаютъ освещенную вербу, вѣшаютъ пасхальныя яйца, хранятъ святы и проеввры; тутъ-же на разостланной соломѣ выставляютъ на праздники Коляды горшки съ кутьею и узваромъ <sup>2)</sup>; вступая въ избу, первый поклонъ отдають переднему углу или помѣщеннымъ въ немъ иконамъ, какъ главнымъ хозяевамъ дома <sup>3)</sup>. Мѣсто на лавкѣ въ этомъ углу называется большимъ и княжевецкимъ и есть самое почетное: сюда сажаютъ именитыхъ гостей, старшихъ родственниковъ, священника, знахаря, молодого князя и молодую княгиню послѣ вѣнца; когда семья садится обѣдать или ужинать, то «большое мѣсто» занимаетъ домохозяинъ (старѣйшій между родичами — дѣдъ, отецъ или наибольшій братъ <sup>4)</sup>). Ложиться въ передній уголъ ногами считается за грѣхъ и нечестіе <sup>5)</sup>. Крестьяне до сихъ поръ убѣждены, что душа усопшаго, пока не будетъ похоронена покинутое ею тѣло, сидитъ въ избѣ за образами, и потому ставятъ ей приношенія (горячіе блины) на божницѣ (см. гл. XXIX). Въ Антвѣ маленькіе плащи, приготовляемые для домовыхъ духовъ, зарываются въ землю

<sup>1)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 346: „am Rhein und in Hessen fordert die sitte es noch heute in den bauernhäusern, eine kleine nische am heerd anzubringen, wo ehemals vielleicht sein (домового духа) bild stand, oder sein essen hingestellt wurde.“ — <sup>2)</sup> Труды Общ. люб.

бит. рус. слов., III, словарь, 311. — <sup>3)</sup> О. З. 1848, III, сѣкъ, 52. —

<sup>4)</sup> Обл. Сл., 13, 93; Ч. О. И. и Д., годъ 2, VI, слов. Махарова, 14. — <sup>5)</sup> Этн. Сб., V, обзоръ губ. вѣдомост., 7. У черемисовъ и чувашей самымъ почетнымъ считается мѣсто возле печки — Записки

г-ни Фуксъ, 6.

подъ угломъ избы; на тоже мѣсто кладутъ литвины и приносимыя этимъ духамъ жертва <sup>1)</sup>). По русской народной примѣ: если трещитъ передній уголъ или матица—то хозяину грозитъ несчастье, или въ скоромъ времени будетъ въ семьѣ покойникъ; если же трещитъ задній уголъ—это знакъ, что кто-нибудь выживается изъ дому; о чернычкахъ, которые точатъ деревянныя стѣны избы и производятъ шумъ, подобный стуку часовъ, рассказываютъ, что они появляются передъ покойникомъ <sup>2)</sup>). Чехи называютъ этого червячка *hosroďagíšek* и соединяютъ съ нимъ тоже самое повѣрье, т. е. стукъ въ стѣнахъ дома они принимаютъ за таинственные удары дѣдовъ, призывающихъ къ себѣ одного изъ потомковъ <sup>3)</sup>).

Не менѣе любопытныя повѣрья относятся къ порогу дома, этой пограничной чертѣ, отдѣляющей мѣстопробываніе родичей и изъ пенатовъ отъ всего остальнаго міра. У грековъ порогъ при входѣ въ домъ былъ посвященъ Гестин, у римлянъ—Вестѣ, и старинный обычай требовалъ, чтобы невеста, вступая впервые подъ отеческую кровлю жениха, не касалась порога ступнею своей ноги <sup>4)</sup>). По нѣмецкимъ преданіямъ, домовые эльфы обитаютъ не только возлѣ очага, но и подъ порогомъ жилого зданія <sup>5)</sup>, гдѣ у насъ принято поселянами хоронить мертворожденных младенцевъ; чтобы предохранить домашнихъ отъ маръ, чертятъ на цѣлогѣ крестъ <sup>6)</sup>). Въ Литвѣ, при закладкѣ новой избы, закапываютъ подъ ея порогомъ деревянный крестикъ или какую-нибудь заветную

<sup>1)</sup> Черты литон. нар., 89; Москва. 1846, XI—XII, 251.— <sup>2)</sup> Записки Авдѣев., 140; Послов. Даля, 1032; см. и D. Myth., 1090.— <sup>3)</sup> Громаничъ, 17.— <sup>4)</sup> Ф. Куляничъ, 55—56; Прописки, IV, 246. По словамъ Плато-Карпини (въ Собр. путешествій въ татарамъ и др. восточн. нар., переводъ Д. Языкова, 15), татары всячески остерегались ступать на порогъ.— <sup>5)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 25 — <sup>6)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 274.



вещь, доставшуюся отъ предковъ <sup>1)</sup>; когда, послѣ крещенія, приносятъ младенца изъ церкви — отецъ беретъ его на руки и кладетъ на нѣсколько минутъ на порогъ избы, что называется «освятить ребенка черезъ порогъ», т. е. ввести новаго члена семейства подѣ охрану домашнихъ боговъ <sup>2)</sup>. Входя въ домъ, переступая черезъ порогъ, всякой — даже чужеродецъ — поступаетъ подѣ защиту очага; напротивъ, за порогомъ избы охранительная сила очага ослаблялась и для самыхъ родичей: «ты за порогъ, а чортъ поперѣгъ!» выражается народная пословица (пермск. губ.). Потому простолюдины черезъ порогъ не здороваются, не прощаются, не бесѣдуютъ и ничего не подаютъ другъ другу; въ противномъ случаѣ, по ихъ мнѣнiю, произойдетъ ссора и приключится худо, ибо божество, соблюдающее семейный миръ и счастье, все-сильно только въ стѣнахъ дома <sup>3)</sup>. Къ тѣмъ особенно легко пристаеъ порча, которые, переступая черезъ порогъ, не крестятся <sup>4)</sup>. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ существуетъ повѣрье, что не должно садиться на порогѣ избы, а не то на-калчешь на свою голову бѣду <sup>5)</sup>. Гдѣ затѣвается свадьба, тамъ не садись на порогъ, не заграждай пути, или дѣло разойдется: кто-нибудь да откажется — или женихъ, или невеста, и какъ первый не приведетъ жены подѣ отеческiй кровъ, такъ послѣдняя не переступитъ за порогъ жениховой избы <sup>6)</sup>. Сходно съ этимъ, купцу не совѣтуютъ стоять на порогѣ лавки, чтобы не отогнать покупателей — не преградить имъ дороги въ лавку (архан. губ.). Больныхъ дѣтей умываютъ

<sup>1)</sup> Ковенская губ., соч. Д. Аюнасьева, 570. — <sup>2)</sup> Черты литов. нар., 95; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 258. — <sup>3)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 43; Пузир., 160; Послов. Даля, 1041; Нвр. сл. раз., 149; Черты литов. нар., 97: во избѣжанiе ссоры, не слѣдуетъ давать пить черезъ порогъ. — <sup>4)</sup> Арханг. Г. В. 1843, 29. — <sup>5)</sup> Этн. Сб., V, обзоръ губерн. вѣдом., 7. — <sup>6)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавказ., 11.

лѣ сглаза ва порогѣ избы, чтобы, съ помощію облетающихъ зѣсь пенатовъ, прогнать болѣзнь за двери <sup>1)</sup>; въ курской губ. страдающую родильницу троекратно переводить черезъ порогъ или помело (—символъ вихря, одинъ изъ атрибутовъ грозовыхъ духовъ <sup>2)</sup>). По мнѣнію бѣлоруссовъ, для того, чтобы водвѣсь лошади, должно подъ порогомъ новой конюшни закопать полѣно, какъ спасительное знаменіе очага <sup>3)</sup>.

Послѣ того, какъ изба построена, вся семья переходитъ въ новоселье и переноситъ съ собою свой священный огонь. Это перенесеніе совершается съ торжественными обрядами: свекровь или старшая бабка топятъ печь въ старомъ домѣ; истопивши, она выгребаетъ весь жаръ въ печурку и дожидается полдня. У нея заранѣе приготовлены чистый горшокъ и бѣлая скатерть. Ровно въ полдень по солнцу она кладетъ въ горшокъ горячіе уголья и накрываетъ его скатертью, растворяетъ двери, и обращаясь къ заднему куту (къ печкѣ), говоритъ: «милости просни, дѣдушка, къ намъ на новое жильё!» Потомъ отправляется съ горшкомъ на новый дворъ, гдѣ хозяйинъ и хозяйка встрѣчаютъ дѣдушку-домоваго съ хлѣбомъ-солью у растворенныхъ воротъ. Старушка стучится въ верёю и спрашиваетъ: «рады-ль гостямъ?» на что хозяева съ низкими поклонами отвѣчаютъ: «милости просимъ, дѣдушка, на новое мѣсто!» Послѣ этого приглашеніи она идетъ въ избу; впереди ея хозяйинъ несетъ хлѣбъ-соль, а сзади провожаетъ молодая хозяйка. Тамъ старушка ставитъ горшокъ на загнеткѣ, снимаетъ скатерть и трисетъ ею по всѣмъ угламъ, какъ-бы выпуская домового, а покончивъ съ скатертью, высыпаетъ при-

---

<sup>1)</sup> Сравни D. Myth., 1118.— <sup>2)</sup> Этн. Сб., V, 20.— <sup>3)</sup> Нар. сѣ. раз., 157.

несенные уголья въ печурку. Самый же горшокъ разбиваютъ на части, и ночью зарываютъ подъ передній уголъ <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ при всякомъ переселеніи семья переносила съ собою и своего охранительнаго пената; въ закрытомъ горшкѣ несла его старшая въ родѣ женщина, на обязанности которой лежало главное заведываніе очагомъ и стряпнею; благоговѣнно встречали его родичи съ хлѣбомъ-солью и поклонами; горшокъ, уже освященный пребываніемъ въ немъ божества, должно было изъять изъ домашняго обихода, и потому его разбивали, а черепки зарывали въ передній уголъ. Если, по отдаленности новаго жилья, нельзя перенести туда старый огонь, то въ замѣнъ этого берутъ съ собою кочергу и другіе атрибуты очага; такъ дѣлаютъ переселенцы изъ смоленской въ нынѣ многоземельныя губерніи <sup>2)</sup>. И въ томъ случаѣ, когда переносить избу съ одного мѣста на другое, совершается подобный-же обрядъ: ночью — въ тѣ часы, когда на небѣ высоко стоятъ Стожары (Плеяды), старшій въ семействѣ беретъ непочатый хлѣбъ, кладетъ его съ поклономъ посреди стараго двора и проситъ дѣдушку-домоваго, чтобы онъ съ хлѣбомъ-солью и довольствомъ перешелъ на новое мѣсто <sup>3)</sup>. Въ пермской губ. переходъ на новоселье бываетъ ночью, какъ только пропоютъ первые пѣтухи. Старуха-хозяйка покрываетъ столъ скатертью и приноситъ на него хлѣбъ-соль; домохозяйинъ затепливаетъ свѣчу передъ образами, и когда всѣ помолятся Богу, снимаетъ съ божницы икону и кладетъ себѣ за пазуху, подходитъ къ голбцу, отворяетъ дверь въ подполье, наклоняется туда и говоритъ: «суду ш-

---

<sup>1)</sup> Сахаров., II, 54—55; сравни то мѣсто Энеиды, гдѣ Гекторъ говоритъ Энею, что намѣренъ вручить ему троянскихъ пенатовъ, и отдать ему огонь очага.— <sup>2)</sup> Цебриков., 262.— <sup>3)</sup> Сопр. 1851, III, критика, 22; Новгород. Сборн. 1865, I, 283.

ко, братанушко! пойдѣмъ въ новыѣ домъ; какъ жили въ старомъ домѣ хорошо и благо, такъ будемъ жить и въ новомъ; ты люби мой скотъ и семейство!» Потомъ хозяинъ беретъ въ руки пѣтуха и курицу, хозяйка хлѣбъ-соль и квашню, прочіе члены семьи забираютъ другія вещи, и всѣ отправляются къ новому дому. Прежде всего хозяинъ пускаетъ въ избу пѣтуха съ курицей и дожидается, чтобы пѣтухъ пропѣлъ на новосельи; затѣмъ уже входитъ самъ, ставитъ икону на божницу, и открывая голбецъ, говоритъ: «проходи-ка, сусѣдушко, братанушко!» Слѣдуетъ общая семейная молитва, которую творятъ, обращаясь къ переднему углу; хозяйка накрываетъ столъ, кладетъ на него хлѣбъ-соль, затапливаетъ печь и принимается за стирку <sup>1)</sup>. Тѣ-же обыкновенія соблюдаются и въ другихъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ: старшій въ родѣ, держа въ одной рукѣ икону, въ другой ломоть хлѣба, произноситъ: «дѣдушка-домовой! прошу твою милость съ нами на новожитіе; прими нашу хлѣбъ-соль, мы тебѣ рады!» Въ новопостроенный домъ вносятся напередъ икона, непочатый хлѣбъ съ горстью соли или квашня съ растворомъ тѣстомъ, пѣтухъ, курица и кошка; когда выпускаютъ въ двери кошку, то приговариваютъ: «вотъ тебѣ, хозяинъ (=домовой), мохнатый звѣрь на богатый дворъ!» Послѣ того входятъ въ избу домочадцы и молятся на икону, передъ которою горитъ восковая свѣча <sup>2)</sup>. Чехи, при переходѣ на новоселье, прежде всего несутъ туда хлѣбъ-соль и св. иконы <sup>3)</sup>. Обычай вступать въ новое жилище, въ со-

<sup>1)</sup> Ж. М. Вн. Дѣль 1858, IV, 101—2. — <sup>2)</sup> Записки Авдѣев., 115; Иллюстр. 1845, 77; Послов. Даля, 1041; Карман. книжка для любуи землевд., 313—4. Въ Германіи перезываютъ въ новый домъ лобольдовъ— *Beiträge zur D. Myth.*, II, 335. — <sup>3)</sup> Громаниъ, 104, 234.

провожденіи семейныхъ иконъ, принадлежитъ христіанской эпохѣ; но, кажется, нельзя сомнѣваться, что въ болѣе древнее время мѣсто ихъ заступали священныя изображенія пенатовъ. Всѣ-же прочія подробности обряда: мольбы, обращенныя къ домовому, чтобы онъ сопутствовалъ семьѣ съ миромъ и довольствомъ (—съ хлѣбомъ-солью), водвореніе въ новомъ домѣ пѣтуха, курицы и кошки — животныхъ, издревле посвященныхъ очагу, — суть видимыя остатки язычества <sup>1)</sup>. Пѣтухъ — символъ огня; въ его образѣ переселялось самое божество <sup>2)</sup>. Если пѣтухъ, внесенный въ новую избу, запоетъ — это предвѣщаетъ хозяевамъ счастливую и веселую будущность; если же молчитъ, то навѣрно здѣсь ожидаетъ ихъ какое-нибудь горе <sup>3)</sup>; въ тверской губ. пѣтухъ въ первую ночь послѣ переселенія, ночуетъ въ избѣ на грядкѣ, чтобы непремѣнно крикъ его огласилъ новое жилище. Весьма вѣроятно, что въ древности при переходѣ на новоселье совер-

---

<sup>1)</sup> О связи кошки съ очагомъ см. т. I, 647—8. Съ кошкою соединяются и примѣты о гостяхъ: когда кошка унывается (облизывается), то, по народному выраженію, она „гостей зазываетъ“. Варварскими законами германскихъ племенъ было установлено: кто убилъ ворвавшася къ нему разбойника и не имѣлъ свидѣтелей, которые бы могли подтвердить его показаніе, тотъ долженъ былъ идти въ судъ, взявши съ собою собаку, кошку или пѣтуха и три соломинны изъ домовоѣ кровли, и клясться въ истинѣ своихъ словъ, т. е. долженъ былъ свидѣтельствоваться домашними животными, какъ символомъ очага, и животными, охраняющими имущество: собакою-сторожемъ и кошкою-охранительницею амбаровъ—Сынъ Отеч. 1831, т. XXIII, ст. Гримма: О поэзіи въ правѣ, 232.—<sup>2)</sup> У чувашей хозяинъ беретъ краснаго пѣтуха подъ мышку и обходитъ съ нимъ вокругъ стѣнъ новой избы. Находящіеся въ избѣ спрашиваютъ: „кто тамъ шумитъ?“ Хозяинъ отвѣчаетъ: „самъ богъ въ новой шубѣ съ краснымъ кочетомъ гуляетъ!“ Обойдя нѣсколько разъ около строенія, онъ выпускаетъ пѣтуха въ избу—Дат. рус. лит., кн. I, отд. 3, 117.—<sup>3)</sup> О. З. 1848, IV, сѣнь, 153; Воров. Г. В. 1850, 16; Быть подояннѣ, II, 54.

ялось жертвенное приношеніе этой птицы домовому, подобно тому, какъ это дѣлается при закладкѣ дома. Вѣщія примѣты о будущемъ житіи-бытіи даетъ не только пѣтухъ, но и хлѣбъ, приносимый хозяиномъ. Остановившись у порога новой избы, онъ катитъ въ нее ковригу хлѣба, и если коврига ляжетъ такъ, какъ сидѣла въ печи, т. е. исподнею коркою внизъ, — это предвѣщаетъ обильную и веселую жизнь; если же — верхнею коркою, то — горе и частую смертность въ семьѣ <sup>1)</sup>. Въ числѣ суевѣрій, осуждаемыхъ моралистами прошлаго столѣтія, въ одномъ сборникѣ упоминается: «и въ новоселіе идетъ съ кошкою черною и съ курою черными, и растворитъ квашню, и хлѣбы три покатитъ и како ляжетъ на земли» <sup>2)</sup>. До сихъ поръ сохранился обычай посылать знакомымъ на новоселье большой хлѣбъ и солонку, наполненную солью; въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, когда празднуется новоселье, гости приносятъ съ собою рожь, ячмень и овечью шерсть; зерно высыпаютъ на лавку, а шерсть, вмѣстѣ съ мелкими деньгами, бросаютъ въ печь <sup>3)</sup>.

Въ средніе вѣка вѣра въ домашнихъ пенатовъ смѣшивается съ ученіемъ объ ангелахъ-хранителяхъ, къ которымъ старинныя наученія совѣтуютъ обращаться для утвержденія новаго жилья («егда стажеши домъ, или храмъ ставиши, помяни святаго ангела Мисавла — той бо есть утвержденіе храму») и для защиты его отъ гнѣвнаго домового, или какъ выражаются проповѣдники — «отъ проклятаго бѣса хорошожителя» <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 116. — <sup>2)</sup> Оп. Румян. Муз., 552. —

<sup>3)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 116. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, при переходѣ въ новую избу, переносятъ туда и весь соръ: обычай, возникшій вслѣдствіе повѣрья, что соръ должно сжигать въ печи, а не выкидывать на дворъ — см. т. I, 570. — <sup>4)</sup> Щаповъ, 9; Ист. очер. рус. слов., II, 125.

## XVI. ВОДА.

Дожденосныя тучи, посылающія на землю свои богатныя ливни, представлялись первобытному племени аріевъ небесными источниками и колодцами: метафора эта такъ проста, такъ естественна, что она невольно возникала въ умѣ и вела къ отождествленію блуждающихъ въ поднебесьи облаковъ съ земными ключами. Слово *utsa*—колодець употребляется въ Ведахъ для обозначенія облака. Какъ въѣстѣища живительнаго, неизсякаемаго дожда, который сколько ни проливается на поля и нивы, но всегда собирается въ новыхъ испареніяхъ, облачные источники заключали въ себѣ безсмертную, всѣмолодящую влагу (*амриту*). Въѣстѣ съ этимъ скученныя массы тучъ, объемлющихъ собою весь небесный сводъ, а потомъ и самое небо, какъ широкая, безпредѣльная арена, на которой онѣ постоянно носятся, приняты были за великое хранилище водъ и названы воздушнымъ (висящимъ надъ головами смертныхъ) океаномъ — *samudra* <sup>1)</sup>; санскр. *avisha* — океанъ и небо, ирл. *aibheis* — глубокое море и атмосфера <sup>2)</sup>). Праотцы индоевропейскихъ народовъ, за 5 или за 6,000 лѣтъ до настоящаго времени, жили въ центральной Азіи между высокою цѣпью Гималаевъ и большимъ средизем-

---

<sup>1)</sup> Die Götterwelt, 54, 87; Orient u. Occid. 1861, I, 11, 42; III, 400.— <sup>2)</sup> Пякте, I, 119.

нымъ моремъ (Каспійскимъ, которое въ глубочайшей древности распространялось гораздо далѣе на востокъ и соединялось съ Аральскимъ озеромъ), откуда впослѣдствіи южныя отрасли населенія двинулись въ Индію, а сѣверныя потянули на сѣверо-западъ по направленію къ Малой Азіи и Европѣ <sup>1)</sup>. Еще въ первоначальной родинѣ своей аріи познакомились съ кораблестроеніемъ и мореплаваніемъ, и потому легко могли уподобить небо — морю, а ходячія облака — плавающимъ по немъ кораблямъ (см. I, 552 <sup>2)</sup>). Представленія эти удержались и у славянъ. Чехи до сихъ поръ туманъ или мглу около мѣсяца называютъ студенцомъ (*studánkou* <sup>3)</sup>). Въ народныхъ русскихъ заговорахъ «океанъ-море» означаетъ небо, что очевидно изъ той обстановки, въ какой употребляется это выраженіе; такъ въ одномъ заговорѣ читаемъ: «посреди окіанъ-

---

<sup>1)</sup> У. З. А. Н. 1865, I, стат. Шлейхера, 45.— <sup>2)</sup> М. Мюллеръ (40—41) сомнѣвается, чтобы племя аріевъ знало море до раздѣленія своего на разныя вѣтви. По его замѣчанію, названія моря образовались позднѣе, и потому не могли быть одинаковыми во всѣхъ языкахъ индоевропейской семьи. Тождественныя въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, названія эти различны у сѣверныхъ и южныхъ народовъ, и даже у самыхъ грековъ и римлянъ они—выраженія переносныя, имѣвшія вначалѣ иное значеніе и потомъ уже усвоенныя морю: лат. *pontus* и греч. *πόντος* означаютъ: влажный путь (сравня: лат. *pons*, санскр. *panīha* и *pāthas*—путь); гр. *θάλασσα* есть диалектическое измѣненіе слова *θάλασσα* или *tárasa*—возмущенная, взволнованная поверхность (вода); напротивъ лат. *aequor* (ровная поверхность)—*mare placidum*, море тихое. Но рядомъ съ этими названіями существуетъ еще одно, общее почти для всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: лат. *mare*, кельт. *mar*, и арморит. *mar*, сканд. *mar*, готск. *maiei*, др.-нѣм. *magi*, *meri*, англос. *mege*, литов. *maies* (множ. число—въ значеніи залива), славян. море—отъ *meri* (умирать)—нѣртва, пустынная поверхность. Смъ лат. *pontus* и греч. *πόντος* родится слав. *пѣчина* (Пшхте, I, 140; У. З. А. Н. 1865, I, 44; *Radic. ling. slov.*, 72).—<sup>3)</sup> Гаушъ, 22.



моря выходила туча грозная съ буйными вѣтрами, что вѣтрамъ сѣверными, подымалась мятель со свѣгами» <sup>1)</sup>. Украинская загадка выражается о солнцѣ: «середѣ моря-моря (= неба) стовтъ червона комора» <sup>2)</sup>. Подъ вліаніемъ означенной метафоры в согласіе съ тѣмъ нагляднымъ впечатлѣніемъ, по которому небесный сводъ представляется обнимающимъ землю, родилось убѣжденіе, что земля «утверждена на водахъ», что поверхность ея есть большой кругъ, в что ее со всѣхъ сторонъ обтекаеть кольцомъ пространный океанъ. Такъ думали въ Гомерово время греки, такъ думали и другіе народы. Въ стихѣ о голубиной книгѣ сказано: «океанъ-море всѣмъ морямъ мати: окинуло то море весь бѣлый свѣтъ, обошло то море околѣ всей земли, всей подвселенныя» <sup>3)</sup>. У древнихъ германцевъ преданіе это сочеталось съ представленіемъ дождевыхъ тучъ (облачного неба) въ образѣ чудовищаго змѣя; по свидѣтельству Эдды, Одинъ бросилъ великанскую змѣю, рожденную богомъ грозового пламени (Локи), и она упала въ море и обвила кольцомъ всю землю, кусая въ страшной пасти своей собственный хвостъ: имя змѣи — Midhgarðhsormr или Iögmungandr (ormr=wurm=serpens, midhgarðh—средннее обиталище смертныхъ, тоже что iögmungund—тегга <sup>4)</sup>). Когда, по сказанію средневѣковаго памятника, Александръ Македонскій былъ поднятъ грифами въ воздушныя высо́ты, то океанъ-море показалось ему подобнымъ змѣѣ, обвивающей собою широкую землю <sup>5)</sup>.

Вѣра въ существованіе «всесвѣтнаго океана» заставила ду-

---

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 32. Можетъ быть, сюда-же должно отнести и эпическія выраженія Слова о полку о черныхъ тучахъ, идущихъ съ моря, и о буйныхъ вѣтрахъ, вѣющихъ съ моря стрѣлами (Рус. Дост., III, 56, 62) — <sup>2)</sup> Попис., 291.—<sup>3)</sup> Каганъ Пер., II, 361. Въ словарь Памвы Беринды слово океанъ толкуется: всесвѣтнее море (Сахаров., II, 69).—<sup>4)</sup> D. Myth., 107, 225, 567.—<sup>5)</sup> Ibid., 755.

нать, что заходящее солнце скрывается на ночь въ морскія юды и совершаетъ въ нихъ ежедневное омовеніе. Такое убѣжденіе раздѣляли греки, римляне, древніе скандинавы, литовцы и славяне; у племенъ, поселившихся на берегахъ морей, оно должно было получить всю непримѣнность истины, потому что постоянное наблюденіе говорило имъ о погруженіи солнца въ морскія бездны, точно также, какъ для жителей гористыхъ мѣстностей свѣтило это садится за горами (*die sonne geht hinter die berge*), а для обитателей равнинъ, гдѣ дальніе лѣса окаймляютъ горизонтъ, оно прячется за лѣсомъ <sup>1)</sup>). По греческому преданію, Геліосъ, послѣ дневнаго странствованія, спускался къ западу на усталыхъ, жаждущихъ успокоенія козлахъ въ волны того великаго океана, что обтекаетъ кругомъ землю; отсюда-же, только съ восточной стороны, выѣзжалъ онъ по утру освѣщать вселенную <sup>2)</sup>). Сходно съ этимъ, древнегерманское преданіе говоритъ, что раннимъ утромъ Одинъ выводитъ солнце на небо, а ночью вмѣстѣ съ нимъ погружается въ море: тамъ онъ садится на корабль и плыветъ въ подземное царство. О заходящемъ солнцѣ въ старое время выражались, что оно погружается въ море (*taucht ins meer*) и въ его студѣныхъ волнахъ погашаетъ свой полуденный жаръ. Прибалтійскіе жители донынѣ убѣждены, что солнце каждый день купается въ морѣ и потому-то по утру восходитъ такое чистое и свѣтлое; если день бываетъ пасмурной, они говорятъ, что солнце мылось лѣниво <sup>3)</sup>). У славянъ и литовцевъ солнце представлялось прекрасною богиней, которая ѣздила по небесному своду въ золотой колесницѣ; утружденная дневнымъ путешествіемъ, запыленная земнымъ прахомъ, она вечеромъ погружалась въ морскую купальню, и по утру снова

---

<sup>1)</sup> Ibid., 704. — <sup>2)</sup> См. Илиаду и Одиссею. — <sup>3)</sup> Гавушъ въ статьѣ о Баба и Дѣда, 29.

являлась ясной, свѣтлою, исполненною свѣжихъ силъ. По свидѣтельству литовской пѣсни, двѣ звѣзды Денница и Вечерница, отождествляемыя въ преданіяхъ съ утренней и вечерней зорями, прислуживали богинѣ, и Вечерница подавала ей воду для омовенія <sup>1)</sup>. У малоруссовъ существуетъ поговорка: «сонце ся въ морѣ купае» <sup>2)</sup>. Въ народныхъ русскихъ сказкахъ часто выводится героиней дѣва-Зоря или восходящее Солнце; ее называютъ Ненаглядной Красотою или царевною-золотой косою, непокрытой красой; она живетъ въ золотомъ царствѣ, на концѣ свѣта бѣлаго — тамъ, гдѣ ясное солнышко въ моря подымается, и сама плаваетъ по морю въ серебряной лодочкѣ, гребя золотымъ весломъ. Въ одной сказкѣ ей приято названіе Марьи-Моревны, т. е. дочери моря; имя Маріи указываетъ на смѣшеніе съ Пречистою Дѣвою <sup>3)</sup>. Море, изъ нѣдръ котораго какъ-бы нарождается восходящее по утру юное солнце, представляется и у другихъ славянъ матерью дневнаго свѣтила; когда ввечеру возвращается оно домой, мать принимаетъ его въ свои объятія и успокаиваетъ сномъ на своихъ колѣняхъ <sup>4)</sup>. Царевна-золотая коса у поляковъ слыветъ *Cud-dzielwica* <sup>5)</sup>, а словаки называютъ ее *krasna, slata* или *morska ranna*: она — дочь *Morského kráľa*, катается по морю въ золотомъ челночкѣ; блестящая красота ея такъ ослѣпительна, что на чудную дѣву нельзя

---

<sup>1)</sup> Ж. М. Н. П. 1844, IV, 10; Черты литов. нар., 68, 127-8; Пов. и пред., 159; Костомар. С. М., 29. — <sup>2)</sup> Старосв. Банд., 206; Сборн. памяти. нар. творчества въ сѣв.-западн. краѣ, I, 266: „У нядзельку раненько совненько купалося“. Одинъ изъ заговоровъ, записанныхъ Сахаровымъ (I, 25), начинается этими словами: „выкатило красное солнышко изъ-за моря Хвалынскаго“. — <sup>3)</sup> Н. Р. Ск., VII, 6, 12; VIII, 8. Въ сказкѣ объ Ерусалимѣ читаемъ: „есть на морѣ солнечный городъ, и въ томъ городѣ царствуетъ царевна, а служащіе у нея все дѣвки“ — <sup>4)</sup> D. Myth., 704; Эрбенъ, 4-6; Slov. pohad., 447 — 455. — <sup>5)</sup> Глинск., IV, 48.

взглянуть съ-разу, а нано нало по малу приучить свои очи; иначе сомлѣешь и сгинешь! <sup>1)</sup> Про эту сказочную царевну рассказывается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: въ нѣмецкихъ сказкахъ упоминается королева съ золотыми косами, обитающая далеко за моремъ <sup>2)</sup>; венгерская сказка говоритъ о морской дѣвѣ, которая выходитъ изъ глубины водъ краснаго моря: каждое утро купается она въ молокѣ, и тѣло ея получаетъ отъ того такую нѣжность и прелесть, какъ будто бы она снова народилась на бѣлый свѣтъ <sup>3)</sup>. Изъ одного источника съ этими преданіями создались мифы: греческій — о рожденіи золотой Афродиты (Венеры) изъ морской пѣны, и индійскій — о рожденіи красавицы Лакшми, супруги Вишну, въ волнахъ млечнаго моря. Афродита — собственно богиня утренней зори или восходящаго солнца <sup>4)</sup>. Но какъ утреннее солнце, выходя изъ морскихъ волнъ, умывается росой, пробуждаетъ сонный міръ и блистаетъ на небѣ своею чудною красотою (= розовыми красками зори) и золотыми косами (= лучами); такъ точно весеннее солнце, появляясь изъ-за тучъ и тумановъ, умывается въ дождевыхъ капляхъ, посылаетъ ясные дни и призываетъ природу къ жизни: ради этихъ аналогическихъ явленій мифъ о купаньи солнца въ водахъ всесвѣтнаго океана сливается съ сказаніемъ о купаньи его въ дождевыхъ тучахъ, и богиня утренней зори становится дочерью облачнаго моря и получаетъ характеръ владѣлицы весеннихъ грозъ. Согласно съ уподобленіемъ дождевыхъ тучъ морю, ей дается названіе морской или водяной ца-

---

<sup>1)</sup> Slov. pohad., 100—112, 627; красная раппа рождаетъ сына съ солнцемъ во лбу, т. е. зоря выводитъ солнце. — <sup>2)</sup> Гальтрихъ, 104. — <sup>3)</sup> Штиръ, 81—91; см. также Zeitsch. für D. M., II, 398; Шоттъ, 261 («das goldene Meermädchen»). — <sup>4)</sup> Подъ влияніемъ выше-объясненной связи утренней зори съ звѣздой Деваницею (см. I, 86—87), этой послѣдней дано было имя Венеры.

ровны; молоко, въ которомъ она купается, есть метафора дождя: вотъ почему индѣйская Лакшми рождается изъ млечнаго моря, Афродита же — изъ морской пѣны, которая бѣлизною своею напоминаетъ молоко <sup>1)</sup>. Богиня эта возстановляетъ брачный союзъ неба съ землею, даруетъ землѣ силу плодородія, убираетъ ее въ роскошные наряды весны, и потому для грековъ она была идеаломъ красоты и любви. По другому поэтическому представленію восходящее по утру солнце нарождается изъ нѣдръ Ночи, что опять сближается съ мѣномъ о рожденіи весенняго солнца изъ водъ облачнаго моря; ибо ночная тьма издревле служила метафорическимъ обозначеніемъ для помрачающихъ небо тучъ. Солнцева мать, какъ олицетвореніе дождеваго моря (=тучи), является въ преданіяхъ съ тѣмъ-же вѣщимъ характеромъ, какой обыкновенно придаетъ облачнымъ женамъ (норнамъ, паркамъ, роженицамъ); въ чешской сказкѣ она названа судицею, а въ польской она предетъ золотую кудель (см. гл. XXV). У литовцевъ сохранилось любопытное свидѣтельство, что Перкунова мать *Perkuna tete* («mater est fulminis atque tonitruī» — громоносная туча) купаетъ усталое и запыленное солнце въ мовницѣ, и на слѣдующій день отпускаетъ его на небо чистымъ и блестящимъ <sup>2)</sup>. На Свѣтло-Христово Воскресенье поляки собираются рано по утру смотрѣть, какъ выходитъ изъ купели весеннее солнце; чешскія обрядовыя причитанья, которыя поются на этотъ праздникъ, упоминаютъ о богинѣ Веснѣ, купающейся въ криницѣ: «*Lito, Lito, Lito! kdes tak dlougo bylo? — U vody, u vody ruce, nohy mylo*» или: «*Velikonočko, Velikonočko!* <sup>3)</sup> kdes tak dlougo bywala? — U studánky, u studánky ruce, nohy

<sup>1)</sup> Самая пѣна образовалась отъ плавающихъ въ водахъ дѣтородныхъ частей Урана (=неба)—*Der Ursprung der Myth.*, 129. О ваялюсъ - моляніи см. гл. VIII.— <sup>2)</sup> *D. Myth.*, 157.— <sup>3)</sup> Оръ Velikonoče — Свѣтлое Воскресенье.

му wala». На Моравѣ это обращеніе дѣлается къ Пречистой Дѣвѣ Маріи, которая для суевѣрнаго народа заступила мѣсто древней Френ, Гольды или Лады: «ej Maria, ej Maria! kdes tak dlougo by'a? — U studánky, u ruděanky (?) jsem se umyvala, šatečkem, šatečkem jsem se utírala, zamečkem, zamečkem jsem se zamýkala». На вопросъ: гдѣ была такъ долго — во все зимнее время? свѣтлая богиня отвѣчаетъ, что она пребывала въ студенцѣ, за крѣпкимъ замкомъ, т. е. скрывалась за темными тучами, окованными зимнимъ холодомъ <sup>1)</sup>). По нѣмецкимъ преданіямъ, Гольда купается въ прудахъ и озерахъ, и чтобы достигнуть ея блаженной обители — надо спуститься на дно глубокаго колодца <sup>2)</sup>). Въ связи съ этими вѣрованіями стоитъ обычай сходиться въ дни Свѣтлой недѣли къ колодцамъ и обливать другъ друга водою. Въ прекрасномъ образѣ Морской царевны или Царь-дѣвицы народныя сказки сочетаютъ представленія о богинѣ Зорѣ и богинѣ-громовницѣ. Далеко — въ странѣ вѣчнаго лѣта, въ золотомъ дворцѣ Царь-дѣвицы, подъ ея изголовьемъ, хранится живая вода, или, по другому сказанію, вода эта точится съ ея бѣлыхъ рукъ и ногъ; путь въ страну Царь-дѣвицы лежитъ черезъ широкое море (= небо), а входъ туда сторожитъ двѣнадцатиглавый змѣй, выпускающій изъ своихъ пастей жгучее пламя (= демонъ-туча, старающійся утѣмъ живую воду дождя — см. гл. XVII и XX). Малорусская сказка <sup>3)</sup> передаетъ слѣдующія подробности: юный королевичъ добываетъ Морскую царевну; старшій король плѣняется ею и радъ хоть сейчасъ жениться, но красавица объявляетъ, что до тѣхъ поръ не пойдетъ за него замужъ, пока не достанутъ ей изъ моря самогральныхъ гуслей. По приказу государеву, королевичъ

<sup>1)</sup> Гавушъ, 126-7. — <sup>2)</sup> D. Myth., 455. — <sup>3)</sup> Lud Ukrain., I, 327—338; сравни Н. Р. Ск., VII. 12; Худяк., III, стр. 111; Орлевицк., 8; Slov. pohad., 619-633; 6 Валявца, 7-12; Гальтрихъ, 10, 12.

достала ей самограальныя гусли; тогда она сказала королю: «не возьму съ тобой слябу—иначе, какъ съ тѣмъ уговоромъ, чтобы мой свадебный поѣздъ былъ видѣнъ съ моря!» А со стороны моря стояла высокая каменная гора и заслоняла собою всѣ дальніе виды. Королевичу отданъ приказъ разбить эту гору, и онъ исполняетъ задачу съ помощію богатырскаго коня и могучей рыбы: конь началъ бить гору копытами, а рыба толкать съ исподу, и въ короткое время сравняли ее съ пологимъ берегомъ. Затѣмъ, по желанію Морской царевны, королевичъ приводитъ морскихъ (или влиныхъ) кобылъ, доить ихъ и кипятить добытое молоко; въ томъ молокѣ купается царевна — и дѣлается еще краше и милѣе, а король, окунувшись въ горячее молоко, немедленно умираетъ. Въ словацкой редакціи, вмѣсто этого, сказочный герой долженъ добыть живой и мертвой воды, и достаетъ ее съ помощію вороновъ; Морская панна заставляетъ стараго короля отрубить доброму молодцу голову и потомъ оживляетъ его живою водою, отчего тотъ становится и сильнѣе, и красивѣе. Увлеченный примѣромъ, и король подставляетъ свою голову подъ острый мечъ; но морская дѣва не захотѣла оживить старика, и вышла замужъ за добраго молодца. Вотъ смыслъ сказки: юный витязь-громовникъ, чтобы сочетаться съ богиней весны, долженъ напередъ овладѣть самограальными гуслими, т. е. начать грозovou пѣсню, долженъ разбить облачныя скалы, надоть молока небесныхъ кобылицъ, или по-просту дождя, вскипятить это молоко въ грозвомъ пламени и омыться въ немъ вмѣстѣ съ невѣстою-Солицею; купаясь въ дождевыхъ ливняхъ, они обрѣтаютъ творческія силы, неуывдаемую молодость и несказанную красоту и надѣляютъ ими земную природу, а старый владыка — суровый царь зимы погибаетъ подъ ударами громовой палицы (сравни т. I, 296, 367). Извѣстенъ еще другой малорусской

вариантъ <sup>1)</sup>: сказочный герой Катигорошекъ (см. о немъ гл. XXI) разложилъ на морскомъ берегу много дорогихъ товаровъ, въ томъ числѣ и зеленые черевички; прельстилась этии башмачками Морская пани, поднялась изъ волнъ, приблизилась къ берегу, а добрый молодецъ изловилъ ее и привезъ въ свой домъ. Въ угоду красавицѣ онъ достаетъ со дна моря, съ каменнаго утеса, ея заветную скриню, полную жемчуговъ и кораловъ (— заветный уборъ богини, ея блестящія лучи, освобожденные изъ-за тучъ и тумановъ); потомъ пригоняетъ ей двѣнадцать морскихъ кобылицъ и жеребца, и наконецъ отправляется за тридцать земель — туда, гдѣ ночуетъ Солнце, чтобы развѣдать, отчего оно прежде восходило червоннымъ, а теперь одѣзалось блѣдно? Герой пришелъ до господы (дома), гдѣ ночуетъ Солнце, засталъ Солнцеву мати и пересказалъ ей, зачѣмъ явился; она посадила его подъ золотое корыто и велѣла прислушиваться. Когда царь-Солнце, обойдя небесный сводъ, воротился на ночь домой, то мати стала его спрашивать: «сыне мой! отчего ты прежде восходилъ червоннымъ, а теперь восходишь блѣднымъ?» — Отъ того, мати, что прежде при моемъ восходѣ я встрѣчалъ прекрасную Морскую пани, и какъ бывало взгляну на нее, такъ и покраснѣю; а теперь не вижу ее на морѣ. Г. Костомаровъ <sup>2)</sup> передаетъ эпизодъ этотъ въ слѣдующей формѣ: вѣдалъ Ивасъ въ теремъ Солнца, построенный надъ синимъ моремъ, и спрашивалъ: зачѣмъ оно три раза въ день переиъняется? Солнце отвѣчало: «есть въ морѣ прекрасная Анастасія; когда восхожу я утромъ, она брызгнетъ на меня водою — и застыжусь и покраснѣю; въ полдень, поднявшись на высоту, я посмотрю на весь божій миръ — и мнѣ станетъ весело; а вечеромъ, когда захожу, Анастасія снова брызгнетъ

<sup>1)</sup> Рус. Вѣс. 1836, III, 100-2. — <sup>2)</sup> Сл. Мнѣ., 29.



на меня морскою волною — и я опять покрасѣю<sup>1)</sup>. Очевидно, что Морская цари (названная въ другомъ спискѣ Анастасіей — см. т. I, 232) есть Зоря. Издревле солнце олицетворялось то въ мужскомъ, то въ женскомъ полѣ; изъ колебанія этихъ представленій возникъ поэтический мифъ, раздвоившій единое свѣтило на влюбленную чету, при чемъ прекрасный образъ дѣвы-Солнца слился съ олицетвореніемъ утренней и вечерней зори. Зеленые черевички, которыми плѣнилась Морская царевна, по объясненію г. Максимовича, есть символъ майской зелени и еще ближе той красивой травы изъ семейства любковыхъ (орхидей), которая цвѣтетъ въ маѣ и на Украинѣ известна подъ именемъ черевичекъ, въ великорусскихъ губерніяхъ подъ именемъ Марьяна башмачка<sup>2)</sup>, да и у ботаниковъ издавна зовется *calceolus*; Линней придалъ ей родовое названіе, по имени Киприды, *Cypripedium*. Дорога къ солнцу на небесную гору (*vrch*), по свидѣтельству чешскихъ сказокъ, идетъ черезъ море.

Уподобляя небо всесвѣтному морю, предки наши не только въ вечернемъ закатѣ видѣли погруженіе солнца въ морскія воды, но и ночныя свѣтила, исчезающія съ разсвѣтомъ дня, по ихъ мнѣнію, скрывались въ безднахъ океана. Сербы думаютъ, что и солнце и мѣсяцъ каждыя сутки купаются въ морѣ, чтобы не утратить своего блеска<sup>3)</sup>. До сихъ поръ употребительны выраженія: луна выплываетъ изъ-за тучъ, мѣсяцъ плыветъ по небу; подобные обороты встрѣчаемъ и въ нѣмецкомъ языкѣ, и въ связи съ ними Шварцъ

---

<sup>1)</sup> Сравни съ сказкою о Трѣмсыи, рожденномъ отъ щукаго пера, который при помощи коня, родившагося отъ луска той-же рыбы, добылъ прекрасную Анастасію; Анастасія, плавая въ ладѣ по морю, плескала водой въ пламенное, влюбленное въ нее Солнце. См. также Нар. сл. раз., 108—116. — <sup>2)</sup> Толков. Слов., I, 898. — <sup>3)</sup> Нар. сл. раз., 159.

указываетъ на слѣды стариннаго представленія молодого, двурогого мѣсяца — ладью <sup>1)</sup>. Какъ древніе греки (въ эпоху Гомера) были убѣждены, что звѣзды выходятъ ночью изъ океана и потомъ, съ восходомъ солнца, снова въ него погружаются; такъ тоже самое воззрѣніе существовало и у славянъ, что свидѣлствуется слѣдующею загадкою о потухающихъ по утру звѣздахъ: «катилися каточки по липову восточку (мостъ — небесный сводъ), увидѣли зорю — поили въ воду», или «бѣгли овцы <sup>2)</sup> по калинову мосту, увидели зорю — покидались въ воду» <sup>3)</sup>.

Свѣтло-голубое, блестящее небо лежитъ за облаками, или за дождевымъ моремъ; чтобы достигнуть въ царство солнца, луны и звѣздъ, надо было переплывать воздушныя воды. Такии образомъ это небесное царство представлялось воображенію окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водами, т. е. островомъ. Съ особенною наглядностію метафора эта выступаетъ въ русскихъ заговорахъ — тамъ, гдѣ говорится о чудномъ островѣ Буянѣ. Названіе «буянъ» (отъ слова буй), принятое поздне за собственное имя, первоначально было не больше, какъ характеристическій эпитетъ баснословнаго острова; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ донинѣ, вмѣсто «Буянъ-островъ», произносятъ: «буйевой островъ» <sup>4)</sup>. Буй служитъ синонимомъ слову яръ, какъ это видно изъ замѣны этихъ рѣченій одного другимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ <sup>5)</sup>; оба слова соединяють въ себѣ тождественныя значенія. Ярый, какъ объяснено выше (I, 439 — 441), заключаетъ въ себѣ понятія: юсенный, горячій, пылкій, раздражительный, страстный,

<sup>1)</sup> Sonne, Mond u. Sterne, 11; о мѣсяцѣ на облачномъ небѣ въ Исламѣ говорятъ, что онъ идетъ въ бродъ между облаками. —

<sup>2)</sup> О представленіи звѣздъ овцами см. т. I, 692. — <sup>3)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 75. — <sup>4)</sup> Щиповъ, 60. — <sup>5)</sup> Русск. Дост., III, 64—66, 254; см. т. I настоящаго сочиненія, стр. 662.

плодородный, урожайный. Понятіе весенняго плодородія заключается и въ словѣ буй: глаголѣ буйть (оренбург. губ.) — выростать, нѣжиться («онъ буйалъ у батюшки», или въ народной пѣснѣ: «деревцо кипарисовое, гдѣ ты росло, гдѣ буйало? Я росло на крутой горѣ, буйало противъ солнышка»); а прилагательное буйный, когда говорятъ о нивахъ, лугахъ и лѣсахъ, служить для обозначенія, что травы и деревья растутъ высоко, густо, и общають богатый урожай (буйный лѣсъ, буйные хлѣба, буйныя ягоды, чешск. буйна́ пшенице, обили буйне). Отсюда объясняется слѣдующее выраженіе въ Словѣ Данила-заточника: «дивья (диво ли) за буяномъ кони паствити» (сравни съ чешскою поговоркою: *«někdy i na bujném poli u su koni chudí»*), т. е. не диво пастись ноней на тучныхъ пажитяхъ! Вообще же буйный (буявыи) употребляется въ смыслѣ: дерзкій, наглый, неистовый (— яростный); буеть — удалъ, отвага, буйная головушка — отважная, смѣлая, буйныя вѣтры — бурныя, стремительныя, буйная зима — рѣзкая, студѣная; болгары даютъ этотъ эпитетъ и огню (буенъ оганъ <sup>1)</sup>). «Островъ буянъ» — поэтическое названіе весенняго неба. Островъ этотъ играетъ весьма важную роль въ нашихъ народныхъ преданіяхъ; чародейное слово заговоровъ, обращенное къ стихійнымъ божествамъ, обыкновенно начинается слѣдующею формулою: «на морѣ-на окіанѣ, на островѣ-на Буянѣ», безъ чего не сильно ни одно зачатіе. На островѣ Буянѣ сосредоточены всѣ могучія силы весеннихъ грозъ, всѣ многоческія олицетворенія громовъ, вѣтровъ и бури; тутъ обрѣтаются: и змѣя всѣмъ

<sup>1)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Буял., 93; Обл. Сл., 17-18; Вѣст. Р. Г. О. 1851, III, 12. Малор. и червон. думы, 126. Соответственно слову яръ — обрывистый берегъ рѣки, мѣсто, доступное дѣйствию вѣтровъ, буянъ въ некоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ означаетъ: открытое, возвышенное мѣсто — Моск. Вѣст. 1830, V, 125.

жизни старшая <sup>1)</sup>, и вѣщій воронъ, вѣмъ воронамъ старшій братъ, который клуетъ огненного змѣя, и птица, вѣмъ птицамъ старшая и большая, съ желѣзнымъ носомъ и мѣдными когтиами (напоминающая собой чудесную Стратимъ-птицу, вѣмъ птицамъ мать, что живетъ на океанѣ-морѣ и творить своими крыльями бурные вѣтры), и пчелиная матка, вѣмъ маткамъ старшая, т. е. на островѣ Буянѣ лежитъ громоносный змѣй, гнѣздится птица-буря и роится пчелы-молніи, посылающія на землю медовую влагу дождя <sup>2)</sup>. Отъ нихъ, по мнѣнію народа, какъ отъ небесныхъ матерей, произошли и все земные гады, птицы и насѣкомыя. По свидѣтельству заговоромъ, на этомъ-же островѣ возсѣдаютъ и дѣва Зоря (=не только весеннее солнце, но и богиня-громовница), и пророкъ Илья (=Перунъ): «на морѣ-на окіанѣ, на островѣ-на Буянѣ гонитъ Илья-пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ» <sup>3)</sup>. Сюда обращался древній славянинъ съ своими мольбами, упрасывая боговъ, побѣдителей Змѣи и создателей лѣтняго плодородія, исцѣлить его отъ ранъ и болѣзней, даровать ему воинскую доблесть, послать счастье и любовь, на охотѣ и въ домашнемъ быту. Выше мы видѣли, что небо называлось хрустальной или золотой горою; поэтому одинъ изъ списковъ «Сна пресв. Богородицы» начинается такъ: «на горѣ-на горюнѣ (отъ слова горѣть), на горѣ-на Буянѣ» <sup>4)</sup>. Такъ какъ весеннее небо есть хранилище теплыхъ лучей солнца и живой воды, которые даютъ землѣ плодородіе, одѣваютъ ее роскошною зеленью и цвѣтами и водворяютъ на ней новую счастливую жизнь; то фантазія сочетала съ нимъ представленіе о раѣ или благо-

<sup>1)</sup> Сравни въ гл. XX-й о зятрѣ Индрикѣ (=гидрѣ), отцѣ всехъ зятрей.— <sup>2)</sup> Сахаров., I, 21—22, 26, 31.— <sup>3)</sup> Т. I-й этого сочиненія, стр. 223; Иллюстр. 1845, 250.—<sup>4)</sup> Калѣва Пер., VI, 204.

датномъ царствѣ вѣчнаго лѣта. Метафорическій языкъ народныхъ загадокъ называетъ раемъ водные источники: «два брата (=вѣдра) пошли въ рай (вариантъ: въ воду) купаться» <sup>1)</sup>, что указываетъ на древнѣйшую связь идеи рая съ небесными, дождевыми колодцами (см. гл. XXIV). Преданія помѣщаютъ рай на блаженныхъ или счастливыхъ островахъ. Выше (т. I, 182) указано другое воззрѣніе, слѣдуя которому востокъ, какъ страна, откуда восходитъ воскресающее поутру солнце, признавался царствомъ творческихъ, плодотворящихъ силъ — раемъ, тогда какъ западъ почитался страной мрака и безплодія — адомъ. По аналогіи утренняго разсвѣта съ весеннимъ просвѣтленіемъ неба послѣ грозы, а темной ночи съ зимними облаками и туманами, блаженные острова отнесены были на востокъ. Старинный англосаксонскій памятникъ, сообщающій различныя космогоническія преданія въ формѣ бесѣды царя Соломона съ Сатурномъ, задаетъ вопросъ: «гдѣ бываетъ по ночамъ солнце?» и отвѣчаетъ: «на томъ островѣ, гдѣ пребываютъ души въ ожиданіи суда», или по другому списку: «оно сіяетъ въ странѣ, называемой Glidh, гдѣ покоятся души св. мужей.» Названіе Glidh означаетъ страну блестящую — тоже, что Glasberg (гора-небо, лежащая по ту сторону великихъ водъ) или Gladhsheimr (Glanzheim, Wonneland <sup>2)</sup>). На Русь ходитъ сказаніе о блаженныхъ островахъ Макаріевскихъ (μακάριοι — beatus), гдѣ рѣки медовыя и молочныя, а берега кисельные <sup>3)</sup>; по указанію старинныхъ апокрифовъ, райскія рѣки текутъ млекою, виномъ и медомъ; о лѣтнихъ облакахъ простолюдины рассказываютъ, что они падаютъ иногда на землю, и тѣ, которымъ удавалось это видѣть, при-

<sup>1)</sup> Этн. Сб., VI. 39. — <sup>2)</sup> Опытъ истор. обозр. рус. слов. О. Миллера, I, 335, изъ Migne — Diction. des apocryphes; Germ. Mythen, 365—6. — <sup>3)</sup> Иллюстр. 1846, 344.

ликали ихъ за кисель. Медъ, молоко и вино—метафорическія названія дождя; ниспадая на землю, дождевые ливни производятъ тонкую грязь, которая въ областныхъ говорахъ называется кисель, кисѣлица <sup>1)</sup>). Лубочная карта, извѣстная подъ заглавіемъ: «Книга, глаголемая Козмографія, переведена бысть съ римскаго языка», представляетъ круглую равнину земли, омываемую со всѣхъ сторонъ рѣкою-океаномъ; на восточной сторонѣ означенъ «островъ Макарійскій, первый подъ самымъ востокомъ солнца, близъ блаженнаго рая; потому его тако нарицають, что залетають въ сій островъ птицы райскія Гомаюнъ и Финиксъ и благоуханіе износятъ чудное.... тамо зимы нѣтъ» <sup>2)</sup>). Въ средніе вѣка создавалась басня, что Александръ Македонскій, во время похода своего на востокъ, доходилъ до Макарійскаго острова. Въ древнеславянскомъ переводѣ Меѳодія Патарскаго читаемъ: «Александръ Македонскій сниде до моря, нарицаемаго Солнечна страна, идѣ и видѣ нечисты языки и скверны» <sup>3)</sup>). Несторъ вставилъ это свидѣтельство въ свою лѣтопись: «якоже снзаетъ Меѳодій Патарійскій: и взиде (Александръ Македонскій) на восточныя страны до моря, наричаемое Солнце мѣсто, и видѣ ту чловѣки нечистыя (=демоны, великаны).... и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія (горы=тучи, см. гл. XVIII), и Богу повелѣвшю сступишася о нихъ горы полунощныя» <sup>4)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Толков. Слов., I, 724.— <sup>2)</sup> Лубочныя картины познакомили наше простонародье и съ другими райскими птицами Алконостомъ и Сириномъ; Сирийъ = сирена.— <sup>3)</sup> Времен., XVI, сѣсъ, 1, 9; Карамз. И. Г. Р., II, примѣч. 64; Москв. 1841, V, ст. Снегир. о лубочн. картин., 148.— <sup>4)</sup> П. С. Р. Л., I, 107. Новогородскій лѣтописецъ (ibid., IV, 61), по случаю моровой язвы 1352 года, замѣчаетъ: „взиди раша: той моръ пошеаъ отъ индѣйскія страны—отъ Солицы-града“, что сходится съ греческимъ повѣрьемъ о моровой язве, посылаемой стрѣлами разгнѣванного Аполлона.

Очевидно, преданіе о Макарійскомъ островѣ, лежащемъ на восточной сторонѣ всесвѣтнаго океана, гдѣ царствуетъ Солнце и цвѣтетъ вѣчная весна, есть преданіе античное; древніе греки знали островъ Эю, омываемый океаномъ: тамъ чертогъ Зори (Эосъ) и мѣсто ея пляски, оттуда по утру восходитъ свѣтлый Геліосъ <sup>1)</sup>. Отъ грековъ преданіе это чрезъ посредство переводныхъ хронографовъ, перешло къ намъ, и притомъ уже въ средневѣковой передѣлкѣ, когда старинныя сказанія о Солнцевой странѣ составили одинъ изъ эпизодовъ по-

---

<sup>1)</sup> Griech. Myth., Преллера, I, 339. Слѣды того-же представленія встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ античнаго міра. Такъ Эолъ, богъ вѣтровъ и вихрей, властвовалъ на пловучемъ островѣ Эолиі (Одис., X, 1—3); о Гефестѣ разсказывается, что онъ завелъ свои кузницы на одномъ изъ Липарскихъ острововъ и ковалъ тамъ Зевсовы молніи; о рожденіи Аполлона изъ древнѣйшихъ преданій извѣстно, что мать его (Leto) прибыла изъ страны гипербореевъ на пловучій островъ Делосъ въ видѣ волчицы, сопровождаемая стаею другихъ волковъ. Посейдонъ остановилъ подвижной островъ, и богиня разрышилась на немъ двумя близнецами: Артемидою и Аполлономъ, который тотчасъ по рожденіи былъ обмытъ нимфами въ водахъ и вскормленъ нектаромъ и амброзіей; когда ему минуло пять дней—подъ его стрѣлами, полученными отъ Гефеста, палъ страшный Пифонъ (Der Ursprung der Myth., 99). Значеніе мѣста ясно: зимнею порою солнце и луна скрыты за темными покровами снѣжныхъ облаковъ и тумановъ, или выражаясь мнемическимъ языкомъ: они облакаются волчьими шкурами и скрываются въ холодныхъ странахъ гиперборейскихъ; весною же, благодаря дѣйствию грозъ, туманныя завѣсы снимаются, свѣтлый Аполлонъ выходитъ изъ нѣдръ права, или что тоже—рождается матерью-волчицею, омывается въ дождѣ, и упиваясь вѣнчикъ безсмертнымъ и всемогущимъ напитокомъ, разитъ молніеносными стрѣлами дракона (=демона зми и тучъ). Съ затѣвчаніемъ смысла старинныхъ метафоръ, мнем., по общему закону ихъ развитія, приурочиваются къ извѣстнымъ мѣстностямъ: богъ-грозовникъ, ковацъ молніеносныхъ стрѣлъ, водворяется на островахъ Лемносъ и Липарскомъ, а эпитетъ Аполлона δῆλιος=свѣтлый даетъ поводъ связать басню о его происхожденіи съ Делосомъ (М. Мюллеръ, 63).

хода Александра Македонскаго въ Индію, и когда воспомина-  
ніе о борьбѣ бога-громовника съ демонами-тучами спуталось  
съ подвигами этого любимаго героя, побѣдителя отдаленныхъ  
народовъ. Тѣмъ не менѣе указанныя свидѣтельства памятни-  
ковъ не совершенно чужды славянамъ; напротивъ, они потому  
и проникли въ престоноародѣе, что согласовались съ его соб-  
ственными (воззрѣніями, вынесенными изъ первоначальной ро-  
дины вѣсѣхъ индоевропейскихъ племенъ. У чеховъ сохрани-  
лось повѣрье, что у Солнца есть свое царство за мо-  
ремъ, что тамъ—вѣчное лѣто и что оттуда приле-  
таютъ весною птицы и приносятся на землю расти-  
тельные сѣмена <sup>1)</sup>. Съ этимъ повѣрьемъ тѣсносвязывается  
малорусское преданіе о вѣрен: это теплая страна, лежа-  
щая далеко на востокѣ у самаго моря, куда скрываются на  
зиму птицы, наѣкомыя и гадюки и откуда являются они съ  
началомъ весны. Въ поученіи Мономаха сказано: «сему ся  
подивуемы, како птица небесныя изъ ирѣя лѣдутъ.... да на-  
полнятся лѣси и поля» <sup>2)</sup>. Съ началомъ осени (14-го сен-  
тября) журавли, стрижи, касаточки и другія птицы улетаютъ,  
по мнѣнію крестьянъ, въ вырей (вирий), на теплыя воды,  
или прямо на небо; рассказываютъ еще, что ласточки, сѣѣ-  
пившись одна съ другою ножками, прячутся отъ зимы въ  
приницахъ, рѣкахъ и озерахъ <sup>3)</sup>. Тогда-же гадюки и  
змѣи лѣзутъ въ вырей по деревьямъ, подобно тому, какъ  
и души усопшихъ прежде, нежели достигнуть страны бла-  
женныхъ, осуждены порхать по деревьямъ. Свѣтлое «небесное  
царство» (Gimill скандинавской мифологіи—himmel, жилище

---

<sup>1)</sup> Ж. М. Н. П. 1846, VII, ст. Сревн., 43.— <sup>2)</sup> П. С. Р. Л., I, 101. Въ народной пѣснѣ поется: „Лѣсъ ты мой, лѣсъ, зеленъ, не ве-  
селя! Не кому тебя развеселить; Что были пташечки — въ ирей  
полетали.“— <sup>3)</sup> Терещ., VI, 12; Рус. Бес. 1856, I, 62.



свѣтлыхъ эльфовъ) находится по ту сторону облаковъ, которыя надрубые сравнивались съ водными источниками и вѣтвистыми деревьями, растущими въ воздушныхъ пространствахъ (см. гл. XVII); германцы называютъ это царство *Sonnenland* и *Engelland*: сюда, по ихъ рассказамъ, улетаютъ на зиму птицы, здѣсь обитаютъ души и отсюда приносятся на землю зародыши всякой жизни—сѣмена растеній и души новорожденныхъ <sup>1)</sup>. Съ окончаніемъ зимы слѣдуетъ возвратный прилетъ птицъ: 9-го марта прилетаютъ изъ вырїя жаворонки, а 25-го числа (на Благовѣщенье)—ласточки; въ малорусской пѣснѣ соколъ жалуется:

Бидна-жъ моя головонько,  
Що я рано з' вырїя выйшовъ,  
Що по горахъ сизга лежать,  
По долинахъ воды стоять.

Какъ обыкновенныя птицы и гадюки исчезаютъ позднюю осенью изъ полей и лѣсовъ: первыя удаляясь въ теплыя страны, а послѣднія предаваясь оцѣпенїю (зимнему сну) въ своихъ норахъ; такъ и мнѣстскія птицы и змѣи, въ образѣ которыхъ фантазія олицетворяла творческія силы весеннихъ грозъ, скрываются на зиму въ колодцахъ-тучахъ, окованныхъ холодомъ, или замыкаются въ царствѣ вѣчнаго лѣта. По русскимъ повѣрїямъ, кукушка и сизая галочка хранятъ у себя райскіе ключи или ключи отъ вырїя; съ ихъ прилетомъ пробужденный Перунъ отпираетъ небо и низводитъ на землю плодотворное сѣмя дождя, откуда возникъ мнѣ о сѣменахъ, приносимыхъ изъ райской страны на крыльяхъ весеннихъ вѣтровъ и разсѣваемыхъ по всей землѣ. И комары осенней порою уносятся вѣтрами на

<sup>1)</sup> Germ. Mythen, 326—7, 375—6, 398

теплыми моря, а весною снова приносятся на Русь <sup>1)</sup>. Райская страна, какъ представленіе, снѣтое съ весенней природы, роскошно-убранной въ зелень и цвѣты и озаренной яркими лучами солнца, изображалась вѣчно-зеленымъ садомъ съ золотыми и серебряными плодами, или вѣчно-цвѣтущимъ лугомъ. Слова рай, лит. *gojus*, греч. *παράδεισος*, лат. *paradisus*, фр. *paradis*, исп. *paraíso* — всюду служатъ для обозначенія сада, и многія живописныя, цвѣтущія мѣстности въ итальянскихъ и славянскихъ земляхъ получили названія рая, парадиза <sup>2)</sup>. Словаки и хорутане рассказываютъ, что рай есть чудесный неувядаемый садъ, находящійся во владѣніяхъ бога свѣта, гдѣ праведныхъ ожидаетъ безконечное наслажденіе <sup>3)</sup>; по свидѣтельству русскихъ легендъ, рай насажденъ у небесной криницы, «а надъ тею крыницею и скривъ тамъ такімъ разніи, прихорошіи, пахнющіи цвѣткы та ягоды, яблукы, хвыги, шыдалы, розынкы (виноградъ) и всякая овожь, а птицы такъ хороше спиваютъ та щебечуть, що-и сказаты не можно» <sup>4)</sup>. Въ томъ-же весеннемъ убранствѣ рисуется народному воображенію и вырѣй — названіе, вѣроятно родственное съ лат. *viretum* (мѣстность, покрытая зеленью), которое у Виргилія употреблено въ смыслѣ рая <sup>5)</sup>; въ областныхъ говорахъ вырѣць (вятск. губ.) значитъ: цвѣтникъ, кушина, куртина цвѣтовъ; в ы р ч я к ъ (волог. губ.) — разсадникъ, срубець на столбахъ для посѣва капусты <sup>6)</sup>.

<sup>1)</sup> Маркевич., 18; Молодик. 1844. 96; Сахаровъ, II, 30; Метлинск., 201; Полтав. Г. В. 1845, 15; 1846, 18; Киев. Г. В. 1850, 20. — <sup>2)</sup> D. Myth., 781—3. — <sup>3)</sup> Ж. М. Н. П. 1847, II, 190 („О взрван. славянъ въ безсмертіе души). — <sup>4)</sup> Н. Р. Д., 3. — <sup>5)</sup> D. Myth., 783: *devenere locos laetos et amoena vireta fortunatorum nemorum sedesque beatas.* — <sup>6)</sup> Толков. Слов., I, 274. Въ курской губ. вырѣй означаетъ жаворонка, какъ предвѣстника весны; въ твер. губ. вырѣй — колдунъ, вырѣть — напештыпать, ворожить (Обл. Сл., 32). На островѣ Эа обитала хитрая волшебница Кирке (Одисс., X).

Такъ какъ рай признавался жилищемъ праведныхъ, мѣстомъ успокоенія ихъ по смерти; то при имени «Буявъ-островъ», въ нашемъ языкѣ стоятъ родственныя слова, означающія кладбище: буй и буйвище—погость, мѣсто около церкви, обнесенное оградой, гдѣ въ старину погребались умершіе; бѣево—кладбище <sup>1)</sup>. По указанію Гомера и другихъ древнихъ писателей, души избранныхъ героевъ препровождались Гермесомъ чрезъ океанъ (—небо) къ Солнцевымъ вратамъ—на счастливыя елисейскія поля (Elysion), лежащія на «блаженныхъ островахъ»: боги надѣлили страну эту чистѣйшимъ воздухомъ и постояннымъ изобиліемъ плодовъ; ея вѣчно-зеленѣющіе луга и роши, орошаемые сребристыми рѣками, оглашаются плѣнительнымъ пѣніемъ птицъ; тамъ не бываетъ ни зимы, ни жатей, ни ливней, ни холода; вѣетъ только кроткій зефиръ, и сладостно, незамѣтно пробѣгаютъ безпечальныя дни блаженныхъ <sup>2)</sup>. Греческому Элизію соответствуетъ скандинавская Валгалла (Valhöll <sup>3)</sup>, гдѣ властвуетъ могучій Одинъ, въ сообществѣ съ Торомъ, и куда валькирии приводятъ всѣхъ витязей, сраженныхъ въ бою (auf der wahlstätte); Одинъ принимаетъ ихъ, какъ своихъ дѣтей, и потому усопшіе герои назывались óskasynir (усыновленные). Посреди Валгаллы стоитъ чудесное дерево, тождественное по значенію съ міровою ясенью (—тучею) и съ мокрецкимъ (—дожденоснымъ) дубомъ острова Буяна, о чемъ подробнѣе изложено въ гл. XVII-й. Эта блаженная обитель предназначена однимъ добродѣтельнымъ и храбымъ; для нечестивыхъ и трусовъ она закрыта; водворенные здѣсь

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 16; Записки Общ. рус. и слав. археологій, I, отд. 3, 4.— <sup>2)</sup> Griech. Myth., Преллера, I, 644; Одисс., IV, 563-8.—

<sup>3)</sup> Слово, стоящее въ связи съ прозваніемъ Одина—Valföðhr и съ именемъ подвластныхъ ему воиственныхъ дѣвъ—валькирій (valkyrien).

герои проводят время въ непрерывныхъ веселыхъ пирахъ, упиваясь безсмертнымъ напиткомъ — медомъ (—дождемъ). Мѣсто, на которомъ построенъ золотой градъ Валгаллы, называется Gladsheimr, что означаетъ жилище, исполненное не только радости, но и блеска. До сихъ поръ подъ выраженіями freudensaal и freudenthal разумѣютъ «небо», въ противоположность землѣ, «печальной юдоли» (jammerthal) смертныхъ <sup>1)</sup>. «Небо героевъ», извѣстное въ индѣйской мифологіи, есть та священная гора-небо, на которую, по славянскимъ и литовскимъ повѣрьямъ, должны взлѣзть души усопшихъ (I, 120), то селеніе праведныхъ, которое принято у насъ называть «царствомъ небеснымъ». Тамъ, при верховномъ божествѣ небеснаго свода (Варунѣ), подъ сѣнію густолиственного дерева, обитаютъ души предковъ (pitris) съ ихъ царемъ Ямна, собирателемъ всего человѣческаго рода <sup>2)</sup>. Преданіе это въ памятникахъ средневѣковой литературы слилось съ разсказами о браминахъ; въ упомянутой выше «Книгѣ, глаголемой Космографіи» <sup>3)</sup> описывается страна блаженныхъ рахмановъ (брахмановъ), которые не вѣдаютъ неправды, ни естественныхъ нуждъ, и живутъ безъ трудовъ и печали: «страна — рахманы нагіе — подъ самымъ востокомъ солнца, и цари имѣютъ у себя.... житіе ихъ таково: одѣваются листвіемъ древянымъ садовымъ и отъ того овощемъ питаются, и жены имѣютъ, а ризъ и скота и хлѣба не имѣютъ, ни градовъ, ни войны не имѣютъ же... Да тутъ-же подъ востокомъ солнца есть мѣсто, гдѣ неходятъ великія четьре рѣки райскія.» Тѣже басни занесены и въ старинныя сказанія о походѣ Александра Македонскаго въ Индію <sup>4)</sup>. Изъ приведенныхъ данныхъ нетрудно понять, почему Буянъ-

<sup>1)</sup> D. Myth., 778—782.— <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 58.— <sup>3)</sup> Времен., XVI, 8.— <sup>4)</sup> Москв. Телеграфъ 1832, XI и XXIV.

островъ называется въ нашихъ заговорахъ святымъ и божьимъ <sup>1)</sup>).

Народные заговоры, сохранившіе такъ много древнѣйшихъ поэтическихъ выраженій, знаютъ многоческій алатырь-камень и ставятъ его въ тѣсной, неразрывной связи съ Буяномъ-островомъ. Принимая въ соображеніе объясненное нами значеніе этого острова и обще-арійское представленіе солнца драгоцѣннымъ, огненнымъ камнемъ (I, 214), мы убѣждаемся, что алатырь-камень есть собственно метафора яснаго весенняго солнца. Лежитъ онъ на океанѣ—морѣ или на островѣ Буянѣ, и обозначается постояннымъ эпитетомъ бѣль-горючъ, т. е. плаваетъ по воздушному океану-небу и хранится въ райской области, въ царствѣ вѣчнаго лѣта; эпитетъ «бѣль-горючъ» замѣняется иногда выраженіемъ: кипъ-камень (отъ глагола кипѣть <sup>2)</sup>). На этомъ камнѣ возсѣдаетъ красная дѣва Зоря: «на морѣ-на океанѣ, на островѣ-на Буянѣ лежитъ бѣль-горючъ камень алатырь; на томъ камнѣ сидитъ красная дѣвица» и зашиваетъ раны кровавыя (см. I, 223). О розовой пеленѣ Зори, разстилая которую богиня утра просвѣтляетъ міръ и призываетъ его къ жизни, заговоръ выражается: «твоя фата крѣпка, какъ горючъ камень-алатырь»; о самомъ-же алатырѣ сказано: «подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могучая, и силы конца нѣтъ». Именемъ этого камня скрѣпляется чародѣйное словозаклинатель (I, 421 — 2): «кто камень-алатырь изложетъ (дѣло—

<sup>1)</sup> Библ. для. Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 52—53; Сахаров., I, 18: «пошла я (имярекъ) къ океанъ-морю на святы островъ». —

<sup>2)</sup> Собр. 1856, XI, ст. Осокина, 4. Въ народной пѣснѣ мужъ, при разлукѣ съ женою, говоритъ ей: «гляди, жена, на свяжѣ море: что повыстынетъ бѣль-горючъ камень, тогда я домой буду!» (Нар. пѣсни вологод. и олопец. губ., собр. Студницкиѣ, II, 32) — выражая этими словами безнадѣжность на свое возвращеніе.

трудное, немыслимое), тотъ мой заговоръ превозможетъ<sup>1)</sup>. Весьма вѣроятно, что съ этимъ уподобленіемъ солнца бѣлому, горячему камню уже въ глубокой древности сливалось общераспространенное представленіе грозового облака скалою или камнемъ<sup>2)</sup>. Такое сліяніе тѣмъ легче могло совершиться, что богиня Утренняя Зоря и богиня-громовница олицетворялись въ единомъ образѣ, что дневной свѣтъ и роса, приносимые первымъ, сближались съ весеннимъ просвѣтленіемъ неба и дождями, даруемыми второю. Въ приложеніи къ камню-облаку впитеть «бѣлъ-горючъ» могъ указывать съ одной стороны на заключенное внутри этого камня грозовое пламя, а съ другой — на бѣлоснѣжные и розовые цвѣта, какими окрашиваютъ облака яркіе лучи весенняго солнца. Съ возвратомъ весны пробуждается богъ-громовникъ, и удара я своею палицею по камню-тучѣ, высккаетъ изъ него молніеносныя искры, разводять ножигающее пламя грозы<sup>3)</sup> и завариваетъ чудодѣйственный напитокъ живой воды (дожда); тоже пламя добываетъ онъ и треніемъ своей палицы о солнцего колесо. Вотъ почему на алатырь-камень пребываетъ не только богиня Лада, въ христіанской замѣнѣ ея Богородицею, чествуемой въ народѣ прозваніями грѣшницы и огненной Маріи, но и самъ Перунъ, подставляемый обыкновенно Ильѣю-громовникомъ, и его спутники — духи весеннихъ грозъ, подъ именемъ божьего воинства или небесныхъ силъ (святыхъ угодниковъ и ангеловъ). Приведемъ свидѣтельства народныхъ заговоровъ: «встану я, рабъ божій, благословясь, пойду перекрестясь... подъ восточную сторону къ окінну-мору, на святъ-божій островъ; на этомъ

---

<sup>1)</sup> Сазаров., I, 23, 25, 30—31.— <sup>2)</sup> Въ Сибири камень означаетъ: утесъ, скалу—Этн. Сб., VI, 11.— <sup>3)</sup> Опытъ истор. обзор. рус. слов., О. Миллера, I, 79: „Въ одномъ заговорѣ духи идуть на море зажигать горючъ камень; въ другомъ его хотять распахать и вынуть изъ него налякій и гулякій огонь.“

островѣ лежитъ алатрь-камень, а на камени стоитъ Мати пречистая Богородица. Прощу и молю, пречистая Божія Матерь, усердно своими горькими слезами: заступи обо мнѣ рабѣ божьемъ, отгони злую лихомонку за тридевять земель.»—«Пойду подѣ восточную сторону къ окіану-морю; на окіанѣ-морѣ стоитъ божій островъ, на томъ островѣ лежитъ бѣль-горючъ камень алатрь, а на камени святой пророкъ Илія съ небесными ангелами. Молюся тебѣ, святой пророче божій Илія! пошли тридцать ангеловъ въ златокланномъ платьѣ, съ луки и стрѣлы, да отбиваютъ и отстрѣливаютъ отъ мнѣ урока и призоры и притки.» (Сравни заклѣтія на прогнаніе болѣзней перуновыми стрѣлами въ гл. XXII.)—«На морѣ-окіанѣ лежитъ бѣль-алатрь-камень, а на камени сила небесная. Подойду я поближе, поклонюсь пониже: силы небесныя! пошлите свою помощь и силу на нашъ скоть-милой животъ—въ чистое поле, въ зеленые луга, въ темные лѣса.» Подновленіе въ христіанскомъ духѣ замѣчается не во всѣхъ заклѣтіяхъ; въ нѣкоторыхъ заговорахъ обращенія дѣлаются къ невѣдомому стрѣльцу и красной дѣвицѣ Зорѣ, а не къ Илѣ-пророку и Богородицѣ: «въ окіанѣ-морѣ есть алатрь-камень, на томъ камнѣ стоитъ человекъ: онъ стрѣляетъ по чисту полю, убиваетъ всякія боли»; затѣмъ слѣдуетъ мольба, чтобы стрѣлецъ этотъ защитилъ своими стрѣлами отъ сглаза, недуговъ и очарованія <sup>1)</sup>. Согласно съ представленіемъ облаковъ подвижными, ходячими камнями, народная загадка отличаетъ алатрь отъ обыкновенныхъ скалъ, твердо-прикрѣпленныхъ къ землѣ, какъ-бы коренящихся съ ея утробѣ. «Что растетъ безъ корня?» спрашиваетъ загадка и отвѣчаетъ: бѣль-горючъ камень <sup>2)</sup>. Весьма знаменательно свидѣтельство

---

<sup>1)</sup> Библ. для чт. 1848, IX, 52—55; Сахаров., I, 27, 33.— <sup>2)</sup> Рус. прост. прѣздн., II, 101—2; Ч. О. И. и Д. 1864, I, галицк. пѣсни, 83.

стиха о голубиной книгѣ, что изъ-подъ этого камня текутъ источники, дающіе всему міру пропитаніе и цѣленіе, т. е. живая вода дождей, воскрешающая природу и дающая землѣ урожан:

Бѣлый латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ.  
Почему же бѣмъ всѣмъ камнямъ отецъ?  
— Съ-подъ камешка, съ-подъ бѣлаго латыря  
Протекли рѣки, рѣки быстрыя  
По всей землѣ, по всей вселенную(—ной),  
Всему міру на исцѣленіе,  
Всему міру на пропитаніе <sup>1)</sup>.

Это тѣ-же райскія рѣки, которыя бьютъ живыми ключами изъ-подъ корней міроваго дерева-тучи (см. гл. XVII). Старинная былина о Васильѣ Буслаевѣ, смѣлость котораго не хотѣла знать никакихъ преградъ <sup>2)</sup>, воспѣваетъ, какъ этотъ богатырь тѣшился со своею дружиною; говоритъ Василій: «дружина моя храбрая! скачите черезъ бѣль-горючъ камень.» Дружинники перескочили три раза; началъ скакать самъ богатырь:

Рязь скочилъ и другой скочилъ,  
А на третій говоритъ дружинъ хоробрый:  
„Я на третій разъ не передонъ, задомъ перескочу!“  
Скочилъ задомъ черезъ бѣль-горючъ камень,  
И задѣла ножка правая,  
И упалъ Васильюшка Буслаевичъ  
О жестокъ камень своими плечы богатырскими.

По указанію другаго списка: раскололъ онъ свою буйну голову, и остался лежать тутъ до вѣку. Тоже преданіе излагаетъ и народная сказка съ лѣбопытной замѣною камня-алатыря морской пучиною. Поплылъ Василій Буслаевичъ черезъ море къ зеленымъ лугамъ; тутъ лежала Морская Пучина-кругомъ глаза; сталъ онъ вокругъ ея похаживать, сапожкомъ ее пощипывать. «Не пинай меня, говоритъ Пучина, и самъ тутъ

<sup>1)</sup> Калѣки Пер, II, 313.— <sup>2)</sup> Рыбник., I, 362-3; III, 240-1.



будешь!» Разшутились тогда рабочіе люди Васильевы и стали скакать черезъ Пучину; всѣ перескочили, а Василій прыгнулъ и зацѣлъ ее пальцемъ правої ноги—датутъ и померъ<sup>1)</sup>. Въ этомъ поэтическомъ сказаніи о смерти сильномогучаго богатыря скрывается мнѣ о гибели громовника (молніи), утопающаго въ дождевомъ морѣ тучъ; удары, которымъ онъ подвергается, обыкновенно разятъ его въ ногу (см. гл. XXII). Въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важно то, что въ этихъ различныхъ вариацияхъ одной темы бѣлъ-горючъ камень, изъ-подъ котораго (какъ мы видѣли) льются цѣлыя рѣки, замѣняется равносильною ему метафорою, представляющею дождевую тучу — морскою пучиною. Народный русскій эпосъ олицетворяетъ эту пучину и заставляетъ ее жадно взирать на витязя своими несчетными очами: образъ, достойный великаго художника, напоминающій греческій мнѣ объ Аргусѣ (см. I, 666—7; о метафорическихъ выраженіяхъ, уподобляющихъ зеркальную поверхность водъ глазамъ, см. тамже—стр. 663). На древнія преданія о славномъ камнѣ-алатырѣ въ христіанскую эпоху были наложены черты, заимствованныя изъ новаго вѣроученія, что прямо указываетъ на то священное значеніе, какое придавалось ему въ язычествѣ. Такъ какъ имя Петръ означаетъ камень и такъ какъ евангельское слово выражается о Петрѣ-апостолѣ: «ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ея» (Матѣ. XVI, 18); то народная фантазія создала слѣдующее мистическое сказаніе. «Почему бѣлъ-латырь-камень мать всѣмъ камнямъ?» спрашиваетъ одинъ изъ вариантовъ стиха о голубиной книгѣ, и отвѣчаетъ:

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., I, 11. Сравни съ эпизодомъ другой сказки (ibid., VIII, стр. 471), какъ скачутъ богатыри на коняхъ черезъ синее море; двое изъ нихъ пали посередъ моря и были проглочены змѣею.

На бѣломъ латырь-на каменѣ  
 Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ  
 Самъ Исусъ Христосъ, царь небесный,  
 Съ дванадесати со апостоламъ,  
 Съ дванадесати со учителямъ;  
 Утвердилъ онъ вѣру на каменѣ:  
 Потому бѣлъ-латырь-камень каменямъ мати! <sup>1)</sup>

Въ народныхъ заговорахъ читаемъ: «на окіанѣ-морѣ лежитъ кипъ-камень, на томъ кипъ-камнѣ стоитъ апостольская божья церква за тремя дверями, за тремя замкѣми... Въ божьей церкви стоитъ престолъ, на томъ престолѣ сидитъ господа святая-пресвятая Богородица..., Миколай-угодникъ, Илья-пророкъ, Егорей Храбрый, Михайло-архангелъ, Петръ и Павелъ и всѣ святые святители.» <sup>2)</sup> — «Подъ восточной стороной есть окіанъ-синее море, на томъ окіанѣ-на синемъ морѣ лежитъ бѣлолатырь-камень, на томъ бѣлолатырь-камнѣ стоитъ святая золотая церковь, во той золотой церкви стоитъ святъ золотъ престолъ, на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Исусъ Христосъ, Михаилъ-архангелъ, Гавриилъ-архангелъ...» и такъ дал. <sup>3)</sup> Ниже (въ гл. XVIII) мы увидимъ, что на апостола Петра, какъ хранителя ключей царства небеснаго, было перенесено древнее представленіе о богѣ-громовникѣ, отпирющемъ въ весеннюю пору золотымъ ключемъ—молніей облачныя скалы, за которыми скрывается пресвѣтлый рай. Въ этомъ раю (= въ свѣтломъ, заоблачномъ небѣ) почіютъ въ змѣиный періодъ праведное солнце и всѣ творческія силы лѣта; какъ сѣдалище и обитель безсмертныхъ боговъ, небесный сводъ издревле представлялся царственнымъ трономъ и куполомъ храма. Въ замѣнъ райскихъ потоковъ позднѣйшая обработка

<sup>1)</sup> Калѣки Пер., 291.— <sup>2)</sup> Собр. 1856, XI, смѣсь, 4.— <sup>3)</sup> Щаповъ, 59.

мнеа полагаетъ бѣлъ-горючъ камень алатырь на рѣкѣ Іорданѣ <sup>1)</sup>.

Слово алатырь, по самой загадочности своей, должно быть весьма древняго происхожденія, и должно думать, что оно не прежде будетъ разгадано, какъ по возведеніи его къ санскритскому корню. Попытки, сдѣланныя для объясненія этого названія, до сихъ поръ были неудовлетворительны. Покойный Надеждинъ въ алатырь-камень подозрѣвалъ янтарь (литов. gintaras, нѣм. bern-stein = breun-stein отъ breunen — горѣть <sup>2)</sup>), который своею сгараемостью, красноватымъ или желто-бѣлымъ цвѣтомъ и добываніемъ изъ морскихъ волнъ представляетъ признаки, сходные съ тѣми, какіе придаются мненческому камню; самое слово алатырь (алатрь, алабырь, латырь) онъ признавалъ за передѣлку греческаго ἤλεκτρον, лат. electrum—янтарь <sup>3)</sup>. Но то, что рассказывается на Руси о могучемъ алатырь-каменѣ, не представляетъ ничего тождественнаго съ греческими преданіями, касающимися янтара. Какъ отвердѣвшій древесный сокъ, янтарь у грековъ былъ эмблемою слезъ, проливаемыхъ лѣсными (=облачными) нимфами, или росы и дождя, падающихъ съ дерева-тучи; согрѣтое солнечными лучами, дерево это роняетъ золотыя слезы, которыя превращаются въ свѣтлыя, прозрачныя куски янтара, а мненческій потокъ Eridanos уносить ихъ въ океанъ (см. сказаніе о сестрахъ Фавтона —

---

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 20 — <sup>2)</sup> Ганушъ, [149.— <sup>3)</sup> Рус. Бес. 1857, IV, смѣсь, 38; Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, прилож., 2-4. Г. Даль склоняется къ тому-же мнѣнію; „алатырь — вѣроятно явтарь, греч. электронъ, передѣланное на татарскій ладъ“ (Товѣков. Слов., I, 8); но почему-же на татарскій ладъ? Форма „алатырь“ вовсе не исключительная въ славянскомъ языкѣ (сравни: богат-ырь, уп-ырь, пуст-ырь), да всякой народъ передѣлываетъ чуждыя, заимствованныя имъ слова не иначе, какъ въ духѣ роднаго языка.

гл. XIX <sup>1)</sup>). Греки и римляне дорого цѣнили янтарь, какъ цѣлебное средство отъ болѣзней и носили его въ амулетахъ. Видѣть въ алатырь-камень не болѣе, какъ заимствованное у грековъ названіе янтара рѣшительно нѣтъ основаній. Русскія народныя преданія соединяютъ съ алатыремъ понятіе чудеснаго «невѣдомаго» <sup>2)</sup> камня, и нигдѣ ни въ памятникахъ, ни въ областныхъ говорахъ янтарь не называется этимъ именемъ. Если бы даже было доказано сродство русск. алатырь съ греч. ἤλεκτρον, и тогда выводы должны опираться на первоначальномъ, основномъ значеніи общаго для нихъ корня; ἤλεκτρον означаетъ собственно — свѣтозарный, сіяющій: *electrum appellatum quoniam sol vocitatus sit ἤλεκτρον* <sup>3)</sup>. Стихъ о голубиной книгѣ, въ одномъ изъ многихъ своихъ вариантовъ, говоритъ: среди моря синяго лежитъ латырь-камень;

Идутъ по морю много корабельщиковъ,  
У того камня останавливаются;  
Они берутъ много съ него снадобья,  
Посылаютъ по всему свѣту бѣлому.

Надеждинъ приводитъ это мѣсто, какъ указаніе на торговлю янтареиъ; мы же думаемъ, что означенные стихи заключаютъ въ себѣ тотъ-же смыслъ, что и стихи о рѣкахъ, текущихъ изъ-подъ бѣлаго алатырь-камня «всему міру на исцѣленіе»; снадобьемъ народъ называетъ лѣкарство <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Griech. Myth. Преллера, I, 341—2; сравни съ сказаніями о золотыхъ и брилліантовыхъ слезахъ богини Зори.— <sup>2)</sup> Заговоръ на морѣ-на окіанѣ есть бѣль-горючъ камень алатырь, никѣмъ невѣдомоу—Сахаровъ, I, 31.— <sup>3)</sup> Griech. Myth., I, 342; II, 177.— <sup>4)</sup> У береговъ Ледовитаго моря куски янтара называются морскими ладономъ; но намъ неизвѣстно, чтобы на Руси соединяли съ ними цѣлебныя свойства и чтобы носили ихъ въ ладонкахъ. Другое объясненіе, еще менѣе удачное, предлагаетъ г. Гуляевъ (Библ. для Чт 1848, X, 113): по его мнѣнію, алатырь—алебастръ (греч. ἀλαβαστρος, нѣм. alabaster-stein, фран. albatre); но и съ

Такъ какъ идея рая у народовъ языческихъ заимствована отъ цвѣтущей, щедрой на дары лѣтней природы, и такъ какъ за лѣтомъ слѣдуетъ губительная, всѣмъртвящая зима, съ которою связывается мнѣ о кончинѣ міра, а за нею съ новой весною опять воскресаетъ земная жизнь; то отсюда возникло двойственное представленіе о раѣ. Во первыхъ, раемъ называется та счастливая страна минувшихъ вѣковъ, въ которой обитали первые, еще невинные люди, не зная никакихъ трудовъ и горестей, и которую утратили они подъ вліяніемъ нечистой демонической силы (—зимы); во вторыхъ, это—будущее царство блаженныхъ, которое явится по кончинѣ вселенной, когда ветхое небо и грѣховная земля очистятся и обновятся всемірнымъ пожаромъ и потопомъ (т. е. весенними грозами и ливнями). Въ этомъ обновленномъ царствѣ, украшенномъ неувядаемыми цвѣтами, полнымъ неизсякаемаго плодородія, боги (по сказанію Эдды) обрѣтутъ свои золотые столы и вслѣдъ за тѣмъ водворится общая безпечальная жизнь. Вѣра въ грядущій рай стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіемъ о быломъ золотомъ вѣкѣ, когда люди пользовались невозмутимымъ счастіемъ, когда рѣки текли для нихъ млекою и медомъ, а деревья приносили имъ плоды, дающіе молодость и безсмертіе <sup>1)</sup>. Начало весны, эта благодатная пора возстанія природы отъ зимней смерти, совпадаетъ съ христіанскимъ праздникомъ Воскресенія Христова; а потому въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что на Свѣтлой недѣлѣ отворяется рай, и открытыя двери его дѣлаются доступными для всѣхъ усопшихъ въ эти святые дни: умереть на «великій день» почитается за особенную милость божію, ибо отшедшая душа непременно наслѣдуетъ царство небесное. Весеннее полноводіе есть

---

алебастромъ не соединитъ народъ нашъ никакихъ суевѣрныхъ преданій и ни въ одной мѣстности слово алатырь не принимается для его обозначенія.— <sup>1)</sup> D. Myth., 783—4.

самый легкій и удобный путь для того таинственного корабля, на которомъ перевозятся тѣни усопшихъ въ блаженный обиталище рай.

Одновременно съ представленіемъ неба воздушнымъ океаномъ, поэтическая фантазія стала сближать носящіяся по немъ облака и тучи съ рыбами <sup>1)</sup>. Слѣды такого сближенія находимъ въ народныхъ сказкахъ. «Былъ у мужика (повѣствуетъ русская сказка) мальчикъ-семи лѣтокъ — такой силачъ, какого нигдѣ не видано и не слыхано! Послалъ его отецъ дрова рубить; онъ повалилъ цѣлыя деревья, взялъ ихъ словно вязанку дровъ и понёсъ домой. Сталъ черезъ мостъ переправляться, увидала его морская рыба-китъ (по другому списку: рыба-щука), разинула пасть и сглотнула молодца со всѣмъ какъ есть — и съ топоромъ, и съ деревьями. Мальчикъ и тамъ не унываетъ, взялъ топоръ, нарубилъ дровъ, досталъ изъ кармана кремень и огниво, выстѣкъ огня и зажогъ костёръ. Не въ моготу пришлось рыбѣ: жжетъ и палитъ ей нутро страшнымъ пламенемъ! Стала она бѣгать по синю морю, во всѣ стороны такъ и бьдается, изъ пасти дымъ столбомъ — точно изъ печи валитъ; поднялись на морѣ высокія волны и много потопили кораблей и барокъ, много потопили товаровъ и грѣшнаго люду торговаго; наконецъ прыгнула та рыба высоко и далеко, пала на морской берегъ, да тутъ и издохла. Четверо сутокъ работалъ мальчикъ топоромъ, пока прору-

---

<sup>1)</sup> По быстротѣ движенія, облака и тучи могли быть сравниваемы не только съ конемъ и птицею, но и съ рыбою. Названія, данныя рыбѣ въ санскритѣ, указываютъ на ея быстроту, легкую подвижность; тоже основное понятіе, по мнѣнію Пикте (I, 508—9), заключается и въ словахъ: а) лат. *piscis*, гот. *fisks*, англос. *fisc*, сканд. *fiskr*, др.-нѣм. *fisk*, кельт. *rysq*, *resk* отъ снх. корня *ris*, *pēs—ige*, *pēsvara* — подвижной, скорый; б) слав. рыба отъ снх. корня *gab*, *gabь* или *gabh*, откуда *gabhaz*—быстрота, бѣглость.

бнлъ у ней въ боку отверстіе и вылъзъ на вольный бѣлый свѣтъ<sup>1)</sup>. Смыслъ этой басни раскрывается изъ сравненія ея съ другими эпическими преданіями, тождественными съ нею по значенію, но представленными въ иныхъ поэтическихъ образахъ. Чудовищная морская рыба есть громоносная туча, плавающая въ воздушномъ океанѣ, а мальчикъ-семилѣтокъ, который, сидя въ ея утробѣ, высѣкаетъ огонь и разводитъ страшно-пожигающее пламя, принадлежитъ къ породѣ немецкихъ карликовъ, обитающихъ въ облачныхъ пещерахъ и приготовляющихъ тамъ на сильномъ огнѣ кузнечныхъ горновъ молніеносныя стрѣлы. Семь зимнихъ мѣсяцевъ онъ пребываетъ въ [покоѣ, или выражаясь эпически: семь лѣтъ онъ растетъ и собирается съ силами; но когда исполнится семилѣтній срокъ, т. е. съ приходомъ весны — заявляетъ свою богатырскую мощь. Подобно Перуну, онъ вызываетъ грозовое пламя ударомъ кресала о кремьнь; подобно Перуну, онъ вооруженъ топоромъ, которымъ и прорубаетъ себѣ дверь изъ мрачной темницы—тучи, и пребываніе его въ рыбѣ также тяжело для этой послѣдней, какъ пребываніе мальчика-съ пальчикъ въ брюхѣ волка (см. т. I, 740: волкъ—туча, мальчикъ-съ пальчикъ — молнія). Приведенному эпизоду русской сказки соответствуетъ пѣсня Калевалы о великанѣ Випуненѣ: славный чародѣй, сынъ громовника Укко, онъ покаялся въ грѣхѣ въ глубокомъ, мертвомъ снѣ. Могучій Вейнемейненъ пронзилъ его желѣзнымъ коломъ; Випуненъ просыпается отъ боли, раздѣваетъ свой громадный ротъ и проглатываетъ обидчика. Очувтившись неожиданно въ желудкѣ великана, словно въ мрачной и просторной тюрьмѣ, Вейнемейненъ устраиваетъ тамъ кузнечный горнь, изъ рукавовъ своей одежды дѣлаетъ мѣха, разводитъ огонь и начинаетъ работать молотомъ; стучить, гре-

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., VIII, стр. 653; Кулишъ, II, 60—61.

нить, пламя раздуваетъ — дымъ валить вверхъ столбомъ, искры такъ и сыплются во все стороны. Не стало великану покоя ни днемъ, ни ночью, горячіе уголья и осколки жгли ему горло и всю внутренность; напрасно старался онъ помочь себѣ колдовскими пѣснями и заклинаніями, напрасно зывалъ: «неужели я не похожъ на отца, который можетъ прогонять всякое зло? неужели не похожъ на брата, властителя небесныхъ облаковъ? Укко, близкій сосѣдъ громовыхъ тучъ! дай мнѣ свой огненный мечъ, дабы я могъ наказать нѣтъ этого негодяя». Чтобы заставить хитраго врага удалиться, Випуненъ долженъ былъ смириться и передать ему всю свою мудрость. Основа финскаго преданія таже, что и въ русской сказкѣ: великанъ, туча лежатъ неподвижно, окованный зимнею стужей; Вейнемейненъ, богъ весеннихъ грозъ, пробуждаетъ его отъ сна ударами желѣзной палицы и кузнечнаго молота, т. е. разящими молніями; чародѣйныя пѣсни и закланія великана суть метафоры завывающей бури и громовыхъ раскатовъ <sup>1)</sup>). Калевала передаетъ мнѣ о похищеніи огня рыбою. Когда владѣтельница мрачной Похъюлы скрыла солнце и мѣсяцъ въ мѣдную гору (=за густые туманы), то боги грозъ: владыка вѣтровъ, вѣщій пѣвецъ Вейнемейненъ и кузнецъ Ильмариненъ, желая даровать міру новый свѣтъ, взошли на небо, выскли огонь (=молнію) и вручили его воздушной дѣвѣ; она держала огонь въ длинномъ облакѣ, и будто младенца въ колыбели, качала его туда и сюда и баюкала: скрипѣли серебряные ремни, звучала золотая колыбель и гнулась небесная кровля. Но вотъ неосторожная дѣва уронила огонь; разсыпаясь искрами, онъ упалъ въ море, вскипятилъ воды и озарилъ ихъ блескомъ. Это море—воздушный океанъ, въ которомъ плаваютъ облака-рыбы. Здѣсь проглатываетъ огонь щука <sup>2)</sup>); чувствуя внутри жгу-

<sup>1)</sup> Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 165—6, 178.— <sup>2)</sup> Соб-



чую боль, она шумно носится по водамъ и бросается изъ стороны въ сторону. Тогда начинается ловъ щуки — поэтическая картина грозы. Какъ, по другому мнѣнію, гроза уподоблялась охотѣ за чудеснымъ вепремъ; такъ въ настоящемъ случаѣ она уподобляется рыбной ловлѣ. Съ помощію карлика, боги успѣваютъ изловить щуку въ закинутыя сѣти; но никто не осмѣливается взять ее голыми руками. «Я бы распласталъ эту рыбу, сказалъ Солнцевъ сынъ (Räivän poika), еслибъ у меня былъ большой ножъ-крѣпкое желѣзо!» и въ ту же минуту упадаетъ съ неба ножъ, изъ облаковъ крѣпкое желѣзо, съ золотымъ черенкомъ, съ серебрянымъ лезвіемъ (= молнія). Какъ скоро взрѣзана была щука — изъ нея показались синій клубокъ; изъ синяго клубка явился красный, а изъ краснаго клубка — огонь. Эта послѣдняя подробность сходится съ свидѣтельствомъ сѣверно-нѣмецкихъ сагъ, что грозовые духи скатываются съ облачныхъ горъ въ видѣ огненныхъ клубковъ (т. I, 534). Изъ нѣдръ тучи-рыбы огонь-молнія вырывается на свободу и начинаетъ свое опустошительное дѣйствіе: онъ опалаетъ бороду стараго Вѣйнемейнена и ланиты Ильмаринена, пожигаетъ и воды, и землю, пока наконецъ не былъ пріостановленъ морозами Похъюлы <sup>1)</sup>. Еще любопытнѣе сказаніе Эдды, изображающее грозу, какъ ловъ громоносной рыбы небесными богами. Когда асы, раздраженные смертію Бальдура, задумали отомстить лукавому Локи, то этотъ богъ, представитель грозового пламени, поспѣшилъ удалиться внутрь горы (= облака); тамъ онъ устроилъ себѣ жилье о четырехъ дверяхъ, чтобы можно было наблюдать во всѣ стороны; въ случаѣ опасности онъ превращался въ сѣмгу и прятался въ глубинѣ водопада (Faranagr). Однажды, когда Локи

---

ственно огонь пожирается сигомъ (schnäpel), сига глотаетъ лосось (lachsforelle) и въ свою очередь становится добычею щуки. — <sup>1)</sup> Der Ursprung der Myth., 236 — 9; Совр. 1840, III, ст. Грота, 82.

оидѣль дѣла и плѣмъ рыболовную сѣть, показались невдалекѣ асы; завидя ихъ, онъ бросилъ свою работу въ разведенный передъ нимъ огонь, а самъ въ видѣ рыбы скрылся въ водонадѣ. Асы вошли въ гору; мудрый Квасиръ узналъ по пеплу — чѣмъ занимался Локи, и рассказалъ про то асамъ; они тотчасъ принялись за подобную-же работу, изготовили сѣть и закинули ее въ воду. Торъ держалъ за одинъ конецъ, а остальные боги тянули за другой; Локи былъ пойманъ и осужденъ на заточеніе. По индѣйскому преданію Агни, нѣкогда скрывшійся въ воду, былъ преданъ рыбою, и тогда-же изрекъ на нее проклятіе, чтобы она вѣчно была преслѣдуема ловцами; а греки рассказывали о Гектестѣ, что сброшенный съ неба — онъ былъ принятъ богинями водъ Евриномою и Фетидою, изъ которыхъ первая представлялась въ Аркадіи въ рыбьемъ образѣ <sup>1)</sup>).

Плодотворящая сила, принадлежащая весенней, дождевой тучѣ, составляетъ одно изъ существенныхъ свойствъ, соединяемыхъ со всѣми ея олицетвореніями; тою-же силою надѣлена и мифическая рыба — тѣмъ болѣе, что въ самой дѣйствительности рыба не могла не обратить на себя вниманія своею необыкновенною плодучестью, обиліемъ бросаемою ею икры. Народныя сказки <sup>2)</sup> упоминаютъ о чудесной рыбѣ, дающей бытіе сказочнымъ богатырямъ. У царицы не было дѣтей, чтобы удовлетворить ея сердечному желанію имѣть сына, закидываютъ въ море шелковый неводъ, сплетенный мальчиками и дѣвочками — семилѣтками, и ловятъ рыбу, которой нѣрѣдко присвоится эпитетъ золотой. Рыба поймана, изготовлена на кухнѣ и съѣдена царицею; остатки обглаживаетъ кухарка, а помочъ выпиваетъ корова <sup>3)</sup>, и отъ того самаго пошелъ онъ плодъ и одновременно родили трехъ сыновей: Ива-

<sup>1)</sup> Der Urspr. der Myth., 256, 270. — <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., V, 54; VII, 3; VIII, 2; Ганъ, I, 22. — <sup>3)</sup> По другимъ варіантамъ: быкъ, кобыла, коша или собака — зооморфическія олицетворенія тучъ.

на-царевича, Ивана-кухарченка и Ивана-коровьина сына; выросли три молодца и стали могучие богатыри: подвиги, совершаемые ими, указываютъ въ нихъ сказочныхъ представителей Перуна и его грозовыхъ спутниковъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ <sup>1)</sup> говорятъ королю вилы:

Да сакупи будимске девојке,  
 Да донесе много сухо злато,  
 Да саплете ону ситву мрежу,  
 Ситву мрежу од сухога злата,  
 Да је баци у тихо Дунаво,  
 Да увати рибу златнокрилу,  
 Да јој узме оно десно крило,  
 Опет рибу у воду да пусти,  
 Крыло да да госпоиѣ краљ(ь)ици —  
 Нск изде оно десно крило,  
 Иеднак ће му трудна заходити <sup>2)</sup>.

Король послѣдовалъ совѣту вилъ, и королева родила ему змѣя (=демона громоносной тучи). Какъ сѣмя дождя, низведенное тучею на мать-сыру землю, зарождаетъ на ней обильные плоды, такъ съѣденная рыба оплодотворяетъ чрево бездѣтной жены и одаряетъ ее чадородіемъ; тоже самое свойство итальянская сказка <sup>3)</sup> приписываетъ сердцу морскаго змѣя (=дракона), а преданіе, общее для всѣхъ видоевропейскихъ народовъ, — золотымъ яблокамъ, этимъ животворнымъ плодамъ древа-тучи (см. гл. XVII). Златопѣрая рыба замѣняется иногда плавающею по водамъ золотую го-

---

<sup>1)</sup> Срп. и. пјесме, II, 51—52, 61—62. — <sup>2)</sup> Переводъ: Пусть со-  
 беретъ король будимскихъ дѣвицъ, принесетъ много чистаго золота  
 и сплететъ частую мрежу, частую мрежу изъ чистаго золота, пусть  
 закинетъ сѣть въ тихій Дунай, поймаетъ златокрылую рыбу и воз-  
 метъ у ней правое крыло, рыбу да отпустить въ воду, а крыло от-  
 дастъ госпоиѣ-королевѣ: когда съѣстъ она правое крыло — тотчасъ  
 забеременѣетъ. — <sup>3)</sup> Pentamerone, № 9.

ловую, а въ сказкѣ про «Надзея-попова внука» богатырь зарождается отъ пепла самосгорающей головы, съѣденнаго неосторожною дѣвицею <sup>1)</sup>. Мины — греческій о головѣ Медузы и скандинавскій о головѣ Мимира (т. I, 172, 403) свидѣлствуютъ, что въ числѣ другихъ представленій грозовой тучи допускалось и представленіе ея отрубленной головою, точно также, какъ нѣмецкія саги сравниваютъ ее съ огненнымъ шаромъ или клубкомъ. Сгорающая въ пламени молній, туча проливается оплодотворяющимъ дождемъ, а изъ пепла ея, или прямѣе изъ дождевыхъ паровъ снова собираются облака и зарождается богатырь-громовникъ. Чудесная рыба, испѣляющая отъ неплотди, напоминаетъ намъ сказочную щуку, съ помощію которой Емеля-дурачокъ творитъ все, что ему ни пожелается <sup>2)</sup>. Пойманная дуракомъ, щука, въ уплату за свое освобожденіе, надѣляетъ его слѣдующимъ даромъ: стоить только ему сказать: «по моему прошенію, по щучьему велѣнію, будь то и то!»—и въ ту же минуту все исполнится; въ любопытномъ вариантѣ сказки объ Емелѣ-дурачкѣ <sup>3)</sup> царевна тотчасъ забеременѣла, какъ скоро было выражено имъ подобное желаніе, скрѣпленное этою заветною формулою. Такой сверхъестественный даръ заставляетъ невольно вспомнить сказку о золотой рыбкѣ (царицѣ всѣхъ рыбъ), исполняющей различныя желанія старика, который изловилъ ее въ сѣти и потомъ отпустилъ въ море <sup>4)</sup>; по всему вѣроятію, обѣ сказки возникли изъ одного общаго источника, и золотая рыбка тождественна съ могучею щукою <sup>5)</sup>. Святочная подблюдная пѣсня

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., III, 10; слич. съ преданіемъ о рожденіи Семена Безбатченка Палия—въ Основѣ 1861, XII, 29—30, и съ сербскимъ сказаніемъ—въ словарѣ Караджича, 808.— <sup>2)</sup> Н. Р. Ск., V, 55; Эрбенъ, 112—7.— <sup>3)</sup> Н. Р. Ск., VII, 31; сб. Валявца, 233—4; Матер. для науч. нар. слов., 20—22.— <sup>4)</sup> Н. Р. Ск., VIII, 15; VI, 29 и 68, а; Beiträge zur D. Myth., II, 411.— <sup>5)</sup> У Куна въ Märkische Sag., 273, роль золотой рыбки исполняется щукою. —

говорить о шукѣ серебряной, позолоченой, унизанной жемчугомъ и алмазами; слѣдовательно даетъ ей тѣже эпитеты, какими надѣлены и другія олицетворенія тучи, сверкающей золотистыми молніями (свинка-золотая щетинка, золотогривый конь и т. далѣе):

Шла щука изъ Новагорода,  
Она хвостъ волокла изъ Вьлаозера;  
Какъ на шукѣ чешуйка серебряная,  
Что серебряная, поволочена;  
Какъ у щуки спина жемчугомъ сияетъ,  
Какъ головка у щуки унизанная,  
А наизъстъ глазъ — дорогой алмазъ.

Пѣсни сулятъ богатство <sup>1)</sup>). Эта сказочная рыба родственна съ скандинавскимъ карликомъ Андвари, который въ образѣ щуки поселился въ глубокомъ потокѣ и хранилъ тамъ великое сокровище; впоследствии сокровище это было извлечено изъ потока и сдѣлалось предметомъ кровавой вражды, составляющей содержаніе превосходныхъ пѣсень древней Эдды о Зигурдѣ и нѣмецкой поэмы о Нибелунгахъ <sup>2)</sup>). Указанное родство преданій подтверждается свидѣтельствомъ нѣмецкой сказки, тождественной съ русскою объ Емелѣ-дуракѣ <sup>3)</sup>); вмѣсто щуки здѣсь выведенъ карликъ — *klein grau männlein*. Однажды бѣдный мальчикъ, свинопасъ, стоялъ у колодца, размачивалъ черствый кусокъ хлѣба и завтракалъ; является къ нему сѣдой карликъ и проситъ хлѣба. У мальчика было доброе сердце, онъ охотно

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 13. — <sup>2)</sup> Брошеннымъ камнемъ Локи убилъ Фае-нирова брата, когда тотъ въ образѣ выдры (*otgr*) сидѣлъ у потока (выдра въ мифическихъ сказаніяхъ тоже, что змѣя—туча, см. гл. XX; камень—молнія). За это убійство боги должны были дать выкупъ, покрывши шкуру убитой выдры золотомъ (т. е. зашивши облачные покровы солнечнымъ свѣтомъ). Тогда Локи отправляется къ мрачнымъ валькамъ, схватываетъ карлика Андвари и принуждаетъ его выдать хранимое имъ сокровище—*Der Urspr. der Myth.*, 258.—

<sup>3)</sup> *Zeitsch. für D. M.*, I, 38—40.

исполнилъ его просьбу, и потомъ всякой разъ дѣлилъ съ нимъ свой скудный запасъ. Въ уплату за то карликъ награждалъ его чуднымъ даромъ: все, о чемъ онъ подумаетъ, или чего пожелаетъ, сейчасъ же должно исполниться. Отсюда очевидна та близкая связь мифической щуки съ карликомъ, какая условливалась естественною связью дождевой тучи и молніи, изъ которыхъ первая представлялась небеснымъ колодезю и рыбою, а послѣдняя — хитрымъ малюткою, обитающимъ въ нѣдрахъ тучи. Какъ вообще съ темными тучами, застилающими золото солнечныхъ лучей, соединялась мысль о захваченныхъ сокровищахъ или кладахъ, охраняемыхъ карлами, великанами и драконами; такъ и Андвари въ видѣ щуки стережетъ драгоценный кладъ, и наша златочешуйная щука предвѣщаетъ богатство. Поэтическое представленіе тучи рыбою и у насъ, и у итѣмцевъ сочеталось по преимуществу съ щукою; ибо хищный, прожорливый нравъ этой хорошо-знакомой имъ обитательницы водъ и ея острые зубы всего болѣе согласовались съ старинными воззрѣніями, слѣдуя которымъ тучи представлялись существами хищническими, поѣдучими, а молнія — зубами (см. I, 771). Метафорическій языкъ загадокъ называетъ щукою: а) вихрь, дующій изъ тучи: «щука хвостомъ махнула — лѣсъ погнула» и б) блестящее лезвіе косы и серпа, подъ взмахомъ которыхъ падаютъ травы и колосья — точно также, какъ при бурномъ напорѣ вихря падаютъ деревья: «щука-бѣлуга (вар. рыба-бѣлужина) хвостомъ мигнула (т. е. блестящая—бѣлая коса сверкнула), лѣса (=травы) пали, горы (=копны и стога) встали»; «щука (=серпъ) прынетъ, весь лѣсъ (=нива) вынетъ» <sup>1)</sup>. Народныя русскія сказки упо-

<sup>1)</sup> Этн. Сб., VI, 43, 70, 107. Любопытно, что загадка: „гробъ плыть, въ немъ мертвецъ реветъ“, обыкновенно означающая громовую тучу, въ некоторыхъ мѣстностяхъ разгадывается такъ: „Іона во чревъ китовомъ“ (ibid., 62); слѣдов. въ народѣ до сихъ поръ

минають о гигантской шукѣ, которая тянется черезъ все широкое море (=небо) мостомъ и проглатываетъ корабли съ товарами <sup>1)</sup>; иногда рыба эта замѣняется китомъ. Такъ въ сказкѣ о Маркѣ Богатомъ <sup>2)</sup> герой, посланный на тотъ свѣтъ, долженъ переправиться черезъ синее море и переправу эту совершаетъ по киту-рыбѣ, который протянулся черезъ все море, а по немъ, словно по мосту, идутъ пѣшіе и ѣдутъ конные <sup>3)</sup>. Гигантскую шуку знаютъ и литовцы <sup>4)</sup>, и финны. Калевала сравниваетъ ея зубы съ граблями, а зѣвъ съ тремя водопадами; ладья Вейнемейнена (=корабль-облако) вѣззалась носомъ въ ея спину, но шука и не почувствовала удара; бесплодны были усилія дѣйствовать противъ нея оружіемъ— оно только тупилось о стальную чешую чудовищной рыбы. Въ той-же поэмѣ весенняя гроза изображается въ грандіозной картинѣ битвы между колоссальнымъ орломъ, представителемъ вѣтровъ и молній, и громадною шукою—тучею; при этой ожесточенной борьбѣ звучало небо, дрожали облака и радуга, воинственный лукъ бога Укко, распалась по-поламъ <sup>5)</sup>. Между

---

инстинктивно чувствуется мифическая связь тучи съ великанскою рыбою; простолюдины называютъ кита—рыбою.— <sup>1)</sup> Н. Р. Ск., I-II, 172—3.— <sup>2)</sup> Ibid., I, 13 и стр. 169.— <sup>3)</sup> Сравни въ стихѣ о Оедорѣ-Тиронѣ: „гой ты еси рыба-китъ! стань поперегъ синя моря“—Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 147; Калѣки Пер., III, 526.— <sup>4)</sup> Въ маріампольскомъ уездѣ есть озеро, въ которомъ живетъ громадная шука Струкись; подъ ея властію находится вся озерная рыба, и отъ ея зоркихъ глазъ не можетъ укрыться даже самая мелкая плотница. Струкись постоянно бодрствуетъ, и только разъ въ году засыпаетъ, и то на короткое время— на одинъ часъ. Прежде она предавалась сну на Ивановскую ночь, но какой-то рыбакъ задумалъ воспользоваться ея кратковременнымъ отдохновениемъ, закинулъ въ озеро сѣти и наловилъ множество всякой рыбы; шука проснувшись опрокинула рыбацью лодку, и съ той поры (говорятъ) она стала мѣнять часъ своего отдыха, чтобы никто не могъ догадаться и воспользоваться ея сномъ—Семенск., 42; Иллюстр. 1846, № 28. — <sup>5)</sup> Эманъ, 22; Der Ursprung der Myth., 240—1

нашими крестьянами известны суевѣрные примѣты и врачевныя средства, основа которыхъ должна корениться въ преданіяхъ о мифической рыбѣ-тучѣ. Такъ по первой шукѣ, пойманной весной, поселенне дѣлаютъ заключенія о будущемъ урожаѣ лѣта: если икра въ шукѣ толще къ головѣ, то лучшій урожай будетъ отъ раннихъ посѣвовъ, а если — къ хвосту, то отъ позднихъ посѣвовъ; икра ровная предвѣщаетъ посредственный урожай. Хребтовые кости шуки привѣшиваютъ къ воротамъ, какъ средство, предохраняющее отъ повальныхъ болѣзней <sup>1)</sup>; а щуки зубы собираютъ и носятъ при себѣ, чтобы во время лѣта не укусила ни одна змѣя <sup>2)</sup>. По мѣтнію бѣлоруссовъ: если передъ рыбакомъ плеснетъ хвостомъ щука, то онъ не проживетъ болѣе трехъ лѣтъ <sup>3)</sup>.

Земли, по свидѣтельству старинныхъ памятниковъ, покоятся на водахъ всесвѣтнаго (= воздушнаго) океана: «на водѣ,

Тенное указаніе на подобное-же представленіе встрѣчаемъ въ стихѣхъ о Егоріи Храбромъ (Калѣн Пер., II, 427, 438, 453, 480; Лит. рус. литер., кн. II, 138):

А еще Егорій называючи  
И на тѣ врата Херсонскія,  
И на тѣхъ вратахъ на Херсонскихъхъ  
Сидитъ Черногонъ (или Черногаръ)-птица,  
Въ когтяхъ держитъ осетра-рыбу;  
Свату Егорью не проѣхати.  
Святой Егорій-святъ глаголетъ:  
„Ой ты еси, Черногонъ-птица!  
Полети ты на синѣ море...“

Въ разныхъ вариантахъ птица эта называется: Ногай, Остраеицъ (=Стратий—см. I, 505) и даже великанъ-птица:

На вратахъ сидитъ великанъ-птица  
Въ носѣ держитъ Севру-рыбу;  
Когда Севръ-рыба пываротится,  
Всѣ синія моря выскалужнутси.

<sup>1)</sup> О. З. 1848, V, свѣсь, 4.— <sup>2)</sup> Терещ., VII., 54.— <sup>3)</sup> Нар. сл. раз., 136.



яко-же на блюдѣ, простерта силою всеблагаго Бога; но какъ тучи, эти небесныя водохранилища, олицетворялись въ образѣ великанскихъ рыбъ, то отсюда возникло вѣрованіе, что земля основана на китахъ-рыбахъ. Между нашими просто-народьемъ существуетъ преданіе, что міръ стоитъ на спинѣ колоссальнаго кита, и когда чудовище это, подавляемое тяжестью земнаго круга, поводитъ хвостомъ—то бываетъ землетрясеніе (херсон. губ.). Иные утверждаютъ, что изстари подпорою земли служили четыре кита, что одинъ изъ нихъ умеръ, и смерть его была причиною всемірнаго потопа и другихъ переворотовъ во вселенной; когда же умрутъ и остальные три, въ то время наступитъ кончина міра. Землетрясеніе бываетъ отъ того, что киты, отлежавъ бока, повертываются на другую сторону. Рассказываютъ еще, что въ началѣ было семь китовъ; но когда земля отяжелѣла отъ грѣховъ человѣческихъ, то четыре ушли въ пучину зеіопскую, а во дни Ноя и всѣ туда уходили—и потоку-то случился всеобщій потопъ <sup>1)</sup>). Подоб-

---

<sup>1)</sup> Иллюстр. 1846, 332—4; Абев., 199; Херсон. Г. В. 1852, 17; О. З. 1842, VI, ст. Мельникова, 51. Ходятъ въ народѣ и другія суевѣрныя сказанія: во 1-хъ, что земля держится на трехъ слонахъ, которые роются подъ нею, какъ кроты; прежде ихъ было больше, но нѣкоторые отжили свой вѣкъ, и земля донынѣ мармаетъ ихъ кости (такъ думаютъ о костяхъ мамонта). По индѣйскому вѣрованію, землю держатъ восемь слоновъ, и когда одинъ изъ нихъ, утомленный тяжелою ношею, потрясаетъ своей головою—тогда настаетъ землетрясеніе (D. Myth., 777). Во 2-хъ думаютъ, что земля опирается на четыре громадныя столба; какъ скоро пошатнется одинъ изъ столбовъ, земля начинаетъ колебаться. Представленіе это, вѣроятно, стоитъ въ связи съ уподобленіемъ облаковъ и тучъ небеснымъ каменнымъ и металлическимъ постройкамъ (кряпостнымъ стѣнамъ). По словамъ Гомера, издное (=святлое) небо покоится на столбахъ; согласно съ этимъ, апокрифическая статья, извѣстная подъ заглавіемъ „Синтга божественныхъ книгъ“, говоритъ, что Господь основалъ хрустальное небо на семидесяти тысячахъ желѣзныхъ столбовъ. Тоже читаемъ въ апокрифѣ о Макаріи

ныя преданія находимъ мы и въ стихѣ о голубиной книгѣ, и въ разныхъ апокрифическихъ сочиненіяхъ. «Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати» (сказано въ означенномъ стихѣ), потому что на трехъ китахъ утверждена земля и содержится вся вселенная:

Когда китъ-рыба потронуется,  
Тогда мать-земля всколебается,  
Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится <sup>1)</sup>.

Въ сербско-болгарской рукописи XV вѣка читаемъ: «да скажи ми: що дръжить землю? Рече: вода висока. Да що дръжить воду? Отвѣтъ: камень плосень вельми. Да що дръжить камень? Рече: кимень дръжить 4 китове златы. Да что дръжить китове златы? Рече: рѣка огньная. Да что дръжить того огня? Рече: други огонь, еже есть пѣжечь, того огня 2 че(а)сти. Да что дръжить того огня? Рече: дубъ желѣзны, еже есть прѣвопосаждень, отвѣсего же (егоже) кореніе на силе божіей стоитъ.» Сербы до сихъ поръ убѣждены, что земля стоитъ на водѣ, вода на огню, а огонь «на

---

Римскомъ: „... да вию, гдѣ прилежитъ небо къ земли, якоже глаголютъ книги, яко на столпѣхъ желѣзныхъ стоитъ небо“ (Пам. отреч. лит., II, 67). Слѣды указаннаго вѣрованія встрѣчаются и въ народныхъ заговорахъ: „есть океанъ-море желѣзное (=небо), а на томъ морѣ есть столбъ иѣдной“; „на морѣ-на океанѣ, посередѣ моря бѣлаго стоитъ иѣдной столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада“ (Сахаровъ, I, 22, 31). По свидѣтельству г. Веніаминова (Записки объ Ахтинскихъ алеутахъ и колошахъ, стр. 84), колоши также увѣряютъ, что земля утверждена на огромномъ столбѣ, который поддерживается нижнею (т. е. подземною) старухою Аги-шанау, а не дѣлай она этого—земля давно бы опрокинулась в потонула въ морѣ. Когда Эль, творецъ огня и воды, раздраженный грѣхами рода человѣческаго, силится оттолкнуть старуху отъ столба—тогда происходитъ землетрясеніе—У сербовъ сохраняется преданіе, что земля „стои на волю (о быкъ-тучъ см. гл. XIII), а кад во манве ухом, онда се земл(ь)а затресе“—Срп. рјечникъ, 312.— <sup>1)</sup> Жалнин Пер., II, 368—9; Чт. О И. и Д., годъ 3, IX, 190.

заіогорчеву огню» (на змѣниомъ, т. е. грозовомъ пламени). И дубъ, и рѣка огненная, и камень (скала)—все это древнѣйшія метафоры громоносныхъ тучъ. Въ «Бесѣдѣ трехъ святителей» сказано, что земля плаваеъ поверху велкаго моря и основана на трехъ китахъ большихъ и на твдцати малыхъ: послѣдніе прикрываютъ собою твдцать оконецъ морскихъ; а вокругъ моря поставлено желѣзное столпіе. Емлютъ тѣ киты десятую часть райскаго благоуханія, и отъ того сытъ бывають. Въ сказаніи Меодія Патарскаго о Ноѣ всемірный потопъ объясняется такъ: «повелѣ Богъ въ морѣ 30 китамъ отыти отъ мѣстъ своихъ — и поиде вода въ си (морскіе) оконцы на землю, иже о(т)ступина киты.» Наконецъ въ «Повѣсти града Іерусалима» читаемъ: «а рыбахъ мать китъ-рыба великая; хакъ та рыба-китъ взыграетца и поидеть во глубину морскую, тогда будетъ свѣту преставленіе» <sup>1)</sup>. Основываясь на свидѣтельствахъ апокрифической литературы, обыкновенно думаютъ, что тѣ суевѣрные представленія, какія равно встрѣчаются и въ «отреченныхъ» памятникахъ, и въ устахъ простолюдиновъ, проникли въ народъ путемъ книжнаго вліянія; но если принять во вниманіе, что представленія эти состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ прочими несомнѣнно-народными вѣрованіями, то едва ли не слѣдуетъ заключить, что самыя апокрифы заимствовали свои басни изъ древнѣйшихъ языческихъ преданій, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ индо-европейскимъ племенамъ.

Верховное божество весеннихъ грозъ пробуждаетъ природу отъ зимней смерти, даетъ ей жизнь, и тѣмъ самымъ создаетъ новый прекрасный міръ; міръ этотъ, съ окончаніемъ золотого вѣка (т. е. лѣта), попадаетъ подъ власть лютой зимы

<sup>1)</sup> Пам. отреч. лит., II, 436, 443; Пам. стар. рус. литер., III, 18; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бусл., 21; Ист. очер. рус. слов., I, 126, 463; Срп. рјечникъ, 212.

и ея демоническихъ силъ, и въ немъ водворяются зло, безплудіе и неправда. Тогда божество наказуетъ грѣшную землю потопомъ, очищаетъ ее въ шумныхъ потокахъ дождей и весенняго разлива рѣкъ, или разрушаетъ старыя, одряхлѣвшія въ зимніе мѣсяцы міръ, который гибнетъ среди всеобщаго наводненія и пожара (т. е. въ дождевыхъ ливняхъ и грозовомъ пламени) и возрождается въ новой красѣ, какъ царство вѣчнаго блаженства (=благодатное лѣто). Такимъ образомъ и новы о сотвореніи міра, его кончинѣ и вселенскомъ потопѣ суть различныя поэтическія картины весенняго обновленія природы, представленія, возникшія изъ живописныхъ метафоръ древнѣйшаго языка. Во всѣхъ этихъ великихъ событіяхъ въ исторіи мірозданія дано участіе исполненнымъ китамъ, какъ представителямъ громоносныхъ тучъ. На ихъ хребтахъ утверждена созданная богами земля; съ ихъ существованіемъ неразрѣзъно связаны и преданіе о потопѣ, и мысль о грядущемъ разрушеніи вселенной. Киты эти лежатъ въ огненной рѣкѣ (т. е. въ дождевыхъ потокахъ, пламенѣющихъ молніи ихъ), питаются райскою пищею (=амритою) и залегаютъ собою къ подземнымъ ключамъ («морскія оконцы»), изъ открытыхъ отверстій которыхъ поднимаются воды всемірнаго потопа: это — людские источники, заключенные въ облачныхъ горахъ, которые позднѣе были отождествлены съ обыкновенными родниками, бьющими изъ нѣдръ земли <sup>1)</sup>. Послѣдняя подробность сближаетъ кита-рыбу съ индѣйскимъ змѣемъ (звѣремъ-Индрою), о которомъ стихъ о голубиной книгѣ рассказываетъ, что онъ, двигаясь подъ землею, роетъ отдушины и пропускаетъ ручья и проточки, рѣки и кладязи студеныя: «куда звѣрь пройдетъ—туда ключъ кипитъ» (см. гл. XX). По любо-

---

<sup>1)</sup> По индѣйскому преданію, Вишну воплощался въ рыбу, чтобы спасти отъ потопа избранную чету людей.

пытному варианту въ апокрифической Бесѣдѣ трехъ святителей, занесенному въ Соловецкій сборникъ: въ огненномъ морѣ, или огненной рѣкѣ живетъ великорыбіе — огнеродный китъ или змѣй Елеафанъ, на коемъ земля основана; изъ устъ его исходятъ громы пламеннаго огня, яко стрѣлено дѣло; изъ ноздрей его исходитъ духъ, яко вѣтръ бурный, воздымающій огонь геенскій. Въ послѣднія времена онъ задвигается, восколеблется — и потечетъ рѣка огненная, и настанетъ свѣту преставленіе <sup>1)</sup>. Движеніе и повороты баснословныхъ китовъ потрясаютъ землю <sup>2)</sup>. Въ числѣ другихъ уподобленій облака и тучи представлялись горами и скалами, въ тѣсныхъ вертепахъ которыхъ обитаютъ демоны, и богъ-громовникъ, разбивая тучи, потрясаетъ ихъ подземное царство (= адъ). При затемненіи древнихъ метафорическихъ выраженій — адъ, жилище демоническихъ духовъ, помѣщенъ былъ подъ землею, а богу лѣтнихъ грозъ приписана сила колебать настоящія горы и землю (см. т. I, 618). Скандинавская мифологія связываетъ землетрясеніи съ судорожными движеніями Локи, а греческія сказанія — съ напряженными усиліями прикованнаго къ скалѣ Прометея и заключенныхъ подъ землею титановъ.

Идея всесвѣтнаго, воздушнаго океана для позднѣйшихъ нидусовъ, позабывшихъ коренной смыслъ метафоры, слилась съ великими водами, омывающими земную поверхность. Все, что прежде сочеталось въ нихъ убѣжденіяхъ съ небеснымъ моремъ, впоследствии было перенесено на море нижнее, земное, и Вавруна (= *Ὠβρανός*), первоначально владыка неба, получилъ значеніе бога земныхъ водъ <sup>3)</sup>. Та-же судьба постигаетъ и бо-

---

<sup>1)</sup> Щаповъ, стат. 13-я, 13. — <sup>2)</sup> Я. Гриммъ (D. Myth., 777) указываетъ на подобное-же повѣрье у японцевъ; при землетрясеніи они говорятъ: „опять порочается китъ подъ нашею землею“. — <sup>3)</sup> Die Götterwelt, 33, 58.

га-громовника; рождаясь въ дождевыхъ тучахъ <sup>1)</sup>, онъ представлялся плавающимъ въ волнахъ воздушнаго океана, и потому назывался владыкою небесныхъ водъ или морскимъ даромъ. Совмѣстное употребленіе этихъ различныхъ именъ, выражающихъ разныя стороны одного и того-же явленія природы, — въ эпоху забвенія исходныхъ пунктовъ мненческаго воззрѣнія послужило къ признанію отдѣльныхъ божественныхъ образовъ: единое божество раздробилось на два самостоятельныхъ лица, и рядомъ съ Зевсомъ (Перуномъ) появился Посейдонъ (Морской царь), которому, слѣдуя указанію присвоеннаго ему имени, приписана власть надъ всѣми водами, омывающими пространную землю. Сопровождающими его вихрами богъ-громовникъ также бороздитъ (волнуетъ) рѣки и моря, какъ и облачное небо. Подобно тому, какъ молніеносный Перунъ (=Агни) переходитъ въ божество огня и опредѣляетъ культъ этой стихіи, такъ Перунъ дождящій переходитъ въ владыку морей, рѣкъ, источниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вознیکаетъ поклоненіе этимъ послѣднимъ. Мы уже знаемъ, что происхожденіе земнаго огня приписывалось нашими предками богу грозъ, который послалъ на землю небесное пламя въ видѣ низринутой молніи; точно также и вода была его священнымъ даромъ, пролитымъ съ высокаго неба на низменное жилище смертныхъ въ видѣ дождя. Падая долгу, заставляя прибывать воды источниковъ и производя новые ручьи, дождь сталъ разсматриваться, какъ тотъ первоначальный элементъ, изъ котораго создались всѣ земныя водохранилища. По русскому преданію, когда Богъ сотворилъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами, рѣками и ключами, тогда онъ

<sup>1)</sup> Санскритъ называетъ Индру и Агни сынами водъ=близнецами, рожденными въ дождевой тучѣ (Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 240). Въ нашихъ сказкахъ богатырь-громовникъ рождается въ бочкѣ (метафора тучи), плавающей по широкому морю.

повелѣлъ идти сильному дождю; въ тоже время онъ собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, разнося воду въ назначенныя ей выѣсталища <sup>1)</sup>). Въ образѣ быстролѣтныхъ птицъ имѣеъ олицетворяетъ весеннія грозы, и какъ молніи и вѣтры приносятся различными птицами, такъ имъ-же приносятся и вода въ дождливую пору первой весны, когда божество творитъ новый міръ на мѣсто стараго, обветшавшаго подъ холоднымъ дыханіемъ зимы. Гимны Ригъ-Веды приписываютъ птицамъ похищеніе изъ темныхъ затворовъ тучъ безсмертной сомы (=дожда). Въ зимніе мѣсяцы воды покоятся мертвыя, недвижныя, окованныя льдами, и только съ наступленіемъ весны онѣ оживаютъ, разливаются бурливыми волнами и получаютъ плодотворящія свойства. Живая вода весеннихъ дождей совпадаетъ въ народныхъ убѣжденіяхъ съ журчащими потоками весенняго полноводія, и созданіе той и другихъ равно присвоится Перуну. Русское преданіе о происхожденіи земныхъ водъ отъ дождя односмыслительно съ слѣдующимъ имѣемъ, принадлежащимъ зендской отрасли: Ормуздъ сотворилъ священный источникъ Ардвизуръ, который въ числѣ ста тысячъ ручьевъ истекаетъ изъ небесной горы—тучи; воды этого источника низпали дождемъ на землю, а вѣтеръ Беграмъ раздѣлилъ ихъ на различные во-

---

<sup>1)</sup> Всѣ птицы повиновались; только не послушалась одна малая птичка, которая летаетъ въ сухое время, жалобно чиркая: пи-пи! Она сказала Богу: „мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь!“ Господь разгнѣвался и запретилъ ей и ея потомству приближаться къ рѣкамъ и озерамъ, а позволилъ утолять жажду единственно тою водою, которая остается послѣ дождя въ лужахъ и въ углубленіяхъ скалъ. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка постоянно проситъ пить и пить—Терещ., V, 47. Чехи соединяютъ это повѣрье съ воршуномъ (*falco milvus*), который возгласомъ своимъ: пить-пить желаетъ вызвать дождь—Громаничъ, 66. Слича съ литовскимъ рассказомъ о птицѣ капюкѣ—Чертъ литов. нар., 74.

доены <sup>1)</sup>. Величайшую изъ своихъ рѣкъ Гангъ (Gangâ) индѣйцы представляли нисходящею съ неба, по повелѣнію Шивы; самое названіе ея истоковъ, падающихъ съ высокихъ, заоблачныхъ вершинъ Гималаи, коровьимъ рыломъ указываетъ на ея небесное происхожденіе, потому что въ образѣ коровы Веда олицетворяютъ дожденосную тучу. О Гангѣ существуетъ поэтическое сказаніе, какъ рѣка эта, запутавшись въ волосахъ Шивы (т. е. въ тучахъ) и сляся пробиться между ними, излилась съ воздушныхъ высей семью рукавами. Гангъ чтился индѣйцами, какъ божество; омыться въ его водахъ и чрезъ то очиститься отъ грѣховъ — непремѣнная обязанность для всякаго изъ нихъ; клятва его именемъ признается самою священою; отовсюду идутъ къ нему толпы поклонниковъ и вода его разносится по самымъ отдаленнымъ странамъ Индіи <sup>2)</sup>. По свидѣтельству Гомера, рѣки, потоки и нимфы водныхъ источниковъ суть дѣти всесвѣтнаго Океана, т. е. облачнаго неба, посылающаго на землю дожди и росу. О рѣкѣ Ксанфѣ Гомеръ упоминаетъ, что она рождена Зевсомъ <sup>3)</sup>. Индоевропейскія племена представляли тучи бочками (см. I, 581) и сосудами, наполненными дождевою влагою. Въ гимнѣ Ригъ-Веды, обращенномъ къ Парьянѣ, читаемъ: «подымай большую бадью, лей внизъ, да устремятся (изъ нея) разрѣшенные воды!» Въ Германіи о проливномъ дождѣ выражаются: «es giesst mit mulden» <sup>4)</sup>, на Руси: «какъ изъ ведра леть», «дошъ иде, якъ вѣдромъ илле», «дошъ ле, якъ зъ бочки» <sup>5)</sup>. Чтобы пролился весенній дождь, взываютъ къ нему этими эпическими причитаніями: «иди, иди, дощичу, цебромъ-ведромъ, до ѿницею надъ нашею пшеницею!» или:

---

<sup>1)</sup> Ж. М. Н. П. 1838, XI, 324.— <sup>2)</sup> Ibid., 1837, т. XV, стат. Лунива, 6—7.— <sup>3)</sup> Илиада, XXI, 1—2.— <sup>4)</sup> Кунъ, 174.— <sup>5)</sup> Новис., 13; см. также 1-й т. этого сочиненія, 433 и 571.



«ужь ты дождь—дождемъ, поливай ковшомъ на нашъ ячмень, на барской хмѣль» <sup>1)</sup>). Поэтому встрѣча съ человекомъ, весущимъ ведра, полная водою, предвѣщаетъ счастье и успѣхъ (тѣже предвѣщанія посылаетъ и дождь), и обратно пустыя ведра пророчатъ неудачу <sup>2)</sup>). Пить изъ полного ведра почитается грѣхомъ <sup>3)</sup>; кто ступитъ въ кругъ, оставшійся на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло ведро, у того по всему тѣлу пойдутъ лишай <sup>4)</sup>; подобное же наказаніе ожидаетъ и того, кто ступитъ на мѣсто, гдѣ зарѣзанъ козелъ (животное, посвященное Тору). Указанная метафора (туча—сосудъ, наполненный живою водою) породила мифъ о рогѣ изобилія (fullhorn), изъ котораго богиня весны разсыпаетъ на землю цвѣты и плоды, ибо въ старину туры рога употреблялись какъ пиршественныя кубки; славяне представляли Свитовита съ турьимъ рогомъ въ рукахъ и по вину, налитому въ этомъ рогѣ, гадали о будущемъ урожаѣ (т. I, 377). Согласно съ вѣрованіемъ въ небесное происхожденіе земныхъ водъ и съ древнѣйшимъ уподобленіемъ дождевыхъ тучъ сосудамъ, греки и римляне изображали рѣки изливающимися изъ урнъ или чашъ боговъ, богинь и нимф <sup>5)</sup>). У славянъ, наравнѣ съ другими индоевропейскими племенами, наибольшимъ религіознымъ почетомъ пользуются родники (ключи, студенцы, криницы) и рѣки, вытекающія изъ горныхъ возвышенностей; имъ приписывается та же святость и та же чудотѣйственная сила, что и дождю. Подобно дождевымъ пото-

---

<sup>1)</sup> Терещ., V, 12—13.— <sup>2)</sup> Абев., 79; Херсон. Г. В. 1852, 17; Громовъ, 220. Принята эта извѣстна и между чувашами—Казан. Г. В. 1853, 10—29.— <sup>3)</sup> Ворон. Г. В. 1851, 11; Иллюстр. 1846, 984.—<sup>4)</sup> Нар. сл. раз., 152—3.— <sup>5)</sup> D. Myth., 566. Такое изображеніе встрѣчается и на рисункахъ, украшающихъ наши старинныя рукописи (Ист. очер. рус. слов. II, 204—5); но сюда оно, вѣроятно, попало изъ византійскихъ источниковъ.

литъ, льющимся изъ облачныхъ скалъ и горъ, эти родники и рѣки пробиваются изъ жилъ земли и расщелинъ обыкновенныхъ горъ, и то, что прежде соединяла народная вѣра съ перыни, впоследствии было перенесено на подземные и нагорные ключи. Объ этихъ источникахъ ходятъ въ народѣ сказанія, что они явились изъ земныхъ нѣдръ послѣ удара въ землю молніи, почему они и называются громовыми, греначными и святыми. Нѣкоторые изъ нихъ, по народнымъ преданіямъ, потекли отъ удара огненныхъ стрѣлъ Ильи-пророка или изъ-подъ копытъ богатырскаго коня Ильи-Муромца (т. е. Перуна; см. I, 621); на подобные источники указываетъ и географическое названіе Конь-колодезь, встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. У германскихъ племенъ источники близки горъ, посвященныхъ Донару (Тору), также называлась «громовыми» <sup>1)</sup>; у античныхъ же народовъ въ обрадахъ, совершаемыхъ въ честь богини Весты, употреблялась ключевая вода <sup>2)</sup>. Громовые родники и святыя колодези и озера во множествѣ извѣстны по разнымъ мѣстностямъ, обитаемымъ славянскими, литовскими и нѣмецкими племенами <sup>3)</sup>. Окрестные жители устраиваютъ надъ ними часовни съ иконами Спасителя, Богородицы и святыхъ, и совершаютъ туда престные ходы, болѣею частію во время засухъ — съ мольбою о дождѣ. Такъ какъ дождь есть даръ небесныхъ колодезевъ — лѣтнихъ тучъ, то, перенося это воззрѣніе

<sup>1)</sup> D. Myth, 153—5. — <sup>2)</sup> Проппен, IV, 28. — <sup>3)</sup> Свидѣтельства собраны у г. Снегирева — Рус. въ св. посл., IV, 97—101; см. еще Описаніе Шум. 65; Записки Общ. рус. и слав. археологій, I, отд. 4, 82; Владим. Г. В. 1848. 35; Рус. предан. Макарова, I, 32; II, 77—78; Р. И. Сб., VII, ст. Ходаковск., 303—6 и 146; ручьи Греничій, Гренилецъ. О Мытищинскихъ ключахъ, снабжающихъ водою Москву, рассказываютъ, что они потекли отъ громоваго удара. На Украинѣ говорятъ: «на божу воду (т. е. на колодець) земляки цобути» — Номис., 243.

на земные ключи, язычники издревле стали обращаться къ этимъ послѣднимъ съ просьбами о пролитіи дождя — обычай, до сихъ поръ удержавшійся въ массѣ простонародья. Въ любопытной вставкѣ, сдѣланной древнимъ переводчикомъ слова Григорія Богослова (XI вѣка), сказано: «овъ трѣбоу сътвори (жертву приносить) на стоуденьци, дѣжда нскы (ища дождя) отъ него, забывъ, яко Богъ съ небесе дѣждь даетъ» <sup>1)</sup>. Въ корсунскомъ уѣздѣ сибирской губ. во время засухи богомольныя старухи и дѣвицы поднимають иконы, идутъ къ роднику и начинаютъ рыть возлѣ него землю; если имъ удастся дорыться до новаго источника, то это вѣрный знакъ, что въ скоромъ времени дождь ороситъ землю <sup>2)</sup>. Въ воронежской губ. въ день Преполовенія старики и старухи ходятъ съ образами и священникомъ на хлѣбныя поля, и тамъ у каждаго колодца служатъ молебны <sup>3)</sup>; въ другихъ губерніяхъ совершаютъ молебны на студенцахъ въ весенній Юрьевъ день <sup>4)</sup>. Чехи въ засушливые годы ходятъ на поклоненіе къ источникамъ и молятся о дождѣ <sup>5)</sup>. У кельтовъ было въ обычаѣ почерпать воду изъ священныхъ криницъ и поливать ею камни, изъ которыхъ сложенъ колодезь, дабы небо одождало землю <sup>6)</sup>.

И славяне, и германцы съ обливаніемъ водою соединяють мысль о вызовѣ дождя. У сербовъ обрядъ этотъ, по описанію В. Караджича, совершается такъ: нѣсколько дѣвушекъ, во время лѣтней засухи, ходятъ по селу, поютъ и просятъ, чтобы пошелъ дождь («да удари киша»). Одна изъ нихъ снимаетъ съ себя одежду и голая обвязывается различными травами и цвѣтами, такъ что изъ-за нихъ совѣтъ не видать ея наготы: она называется додола. Затѣмъ дѣвушки обходятъ деревен-

<sup>1)</sup> Изв. Ак Н., IV, 310. — <sup>2)</sup> Газета „Москва“ 1867, 8. — <sup>3)</sup> Ворон. Г. В. 1851, 10. — <sup>4)</sup> Сахаров., II, 23. — <sup>5)</sup> Гроуанъ, 49. — <sup>6)</sup> D. Myth., 561—2.

скія нѣбы; у каждой нѣбы становится онѣ въ рядѣ и поютъ обрядовыя пѣсни, а передъ ними пляшетъ додола. Хозяйка дома или кто другой изъ семейства беретъ полный воды котелъ или ведро и выливаетъ на додолу, которая продолжаетъ плясать и вертѣться. Пѣсни додольскія содержатъ въ себѣ мольбу, чтобы Богъ послалъ дождь и оросилъ нивы, и за каждыиъ стихомъ слѣдуетъ принѣвъ: «ој додо, ој додоле!»

Молимо се виши(ь)ем Богу,  
Да удари росна киша,  
Да пороси наша пол(ь)а  
И шеницу-озиницу  
И два пера кукуруза.

Особенно интересна слѣдующая пѣсня:

Ми идемо преко села,  
А облади преко неба.  
А ми брже, облак брже;  
Облади нас претекоше,  
Жито, вино поросише.

Ми, послѣ двухъ первыхъ стиховъ: «ми идемо преко села, а облади преко неба», поютъ:

Из облака прстен паде,  
Ујагни га коловодѣ<sup>1)</sup>

По нѣтъиу профес. Лавровскаго, додола представляетъ собою богиню Землю, еще невступившую въ брачный союзъ съ Небомъ и неорошенную плодотворнымъ стѣменемъ дождя; она проситъ этого союза, чтобы не быть безплодною отъ засухи. «Понятно (замѣчаетъ г. Лавровскій), что только дѣвица и можетъ быть представительницею въ такомъ состояннiи земли.

---

<sup>1)</sup> Срп. рјечник, 128; Срп. н. пјесме, I, 114—4. Переводъ: Мы идемъ черезъ село, а облака по небу; мы быстрее и облака быстрее. Облака насъ перегнали, жито, виноградъ оросили.—Изъ облака упалъ перстень, схватила его коловоджа (та, которая водить хороводъ).

Гоньба облаковъ за дѣвицами, желаніе послѣднихъ убѣжать превосходно изображаютъ первое столкновеніе невинности. Наконецъ облака перегоняютъ — и земля орошается дождемъ.<sup>1)</sup> Замѣчаніе это справедливо только отчасти. Выше было указано (см. т. I, 137 — 8), что представленіе о плодородящей матери Землѣ еще въ глубочайшей древности сливалось съ прекраснымъ образомъ богини весеннихъ грозъ, какъ дарующей земные урожан, — и потому, по нашему мнѣнію, додола, одѣтая въ зелень и цвѣты и сопровождаемая толпою дѣвицъ, изображаетъ богиню весны или что тоже богиню-громовницу, шествующую надъ полями и нивами съ свитою полногрудыхъ нимфъ, за которыми стремительно гонятся въ шумѣ весенней грозы Перунъ и его спутники, настигаютъ ихъ разящими молніями (=фаллусомъ) и тѣмъ самымъ вступаютъ съ ними въ любовный союзъ. Облакъ въ сербскихъ пѣсняхъ служитъ метафорическимъ обозначеніемъ жениха. При засватаньи дѣвицы поютъ: «надавн се (вьется) облакъ изнадъ дјевојак; то не би облакъ изнадъ дјевојак, већ добаръ јунак тражи (ищетъ) дјевојакъ»; а когда женихъ собирается ѣхать за невѣстою, поютъ: «облак се вије по ведром небу, се лепи Рано (или жениха) по белом двору»<sup>2)</sup>. Перстень, который падаетъ изъ облака и, по свидѣтельству пѣсни, схватывается додолою (коловоджею), есть символъ брачныхъ узъ, обрученія богини съ тученоснымъ Перуномъ. Въ Малороссіи невѣста должна подать жениху чарку вина съ кольцомъ на днѣ<sup>3)</sup>. Въ народныхъ сказкахъ богъ-громовникъ похищаетъ себя въ жены многочисленныхъ красавицъ, унося ихъ на крыльяхъ вихри или тучи. Пляска додолы — тоже, что пляска грозовыхъ ду-

<sup>1)</sup> У. З. А. Н., VII, в 2, 16. — <sup>2)</sup> Потеби., 97. — <sup>3)</sup> Метлинск., 123. На Руса существуетъ обычай умыться дождевой ключевой водою съ золотого и нерѣдко съ обручальнаго кольца на здравіе и счастье.

хотѣ и нимѣ (I, 323); обливаніе ея водою указываетъ на тѣ  
 лодевые источники, въ которыхъ купается богиня весны, а  
 вѣдра, изъ которыхъ ее оканиваютъ, — на тѣ небесные сосу-  
 ды, откуда проливается на землю благодатный дождь. Въ Дал-  
 маціи мѣсто додоль-дѣвицы заступаетъ неженатый молодецъ,  
 котораго зовутъ прпац; товарищей его (все холостые парни)  
 называютъ прпоруше; самый обрядъ существенно ничѣмъ не  
 отличается отъ додольскаго: также одѣваютъ «коловоѣу» зе-  
 ленью и цвѣтами, обливаютъ его передъ каждою избою и по-  
 ютъ о ниспосланіи плодородія:

Прпоруше ходиле,  
 Терем Бога молиле,  
 Да нам даде кашицу,  
 Да нам роди година —  
 И шеница-бѣлица,  
 И винова лозица,  
 И неvjеста ѣетиѣа  
 До првога Божиѣа <sup>1)</sup>.

Это участіе въ обрядѣ неженатыхъ юношей, по всему вѣроя-  
 тию, также древне, какъ и участіе дѣвицъ. Прпац предста-  
 вляетъ бога-громовника, какъ додоль — богиню-громовницу,  
 что подтверждается слѣдующимъ обрядомъ, уцѣлѣвшимъ у  
 словенцевъ: праздноя возвратъ весны, они назначаютъ юношу,  
 который долженъ представлять Зеленаго Егора (=св.  
 Юрія, на котораго перенесены старинныя преданія о Перунѣ),  
 убрываютъ его березовыми вѣтками и купаютъ въ  
 рѣкѣ (I, 706). Точно также въ Австріи и Баваріи избира-  
 ютъ на Троицынъ день молодаго парня, обвязываютъ его зе-  
 леными вѣтвями и бросаютъ въ прудъ или рѣчку; этотъ из-  
 бранный называется въ Баваріи wasser-vogel (= грозовая  
 птица, купающаяся въ дождевыхъ потокахъ <sup>2)</sup>). Въ Болгаріи,

<sup>1)</sup> Срп рјечникъ, 616—7.— <sup>2)</sup> D. Myth., 562.

во время засухи, собираются все обыватели деревни, выбирают дѣвushку не моложе и не старше пятнадцати лѣтъ, покрывают ее съ ногъ до головы орѣховыми вѣтками, разными цвѣтами и травами (лукомъ, чеснокомъ, зеленью картофеля и бобовъ, и пр.), и даютъ ей въ руки пучокъ цвѣтовъ. Дѣвushку эту болгары называютъ дялюлъ (=додола?) или пеперуга — слово, которое означаетъ также бабочку, подобно тому, какъ серб. вјештница — не только вѣдьма, но и духъ, излетающій изъ нея въ видѣ мотылька, что свидѣтельствуется за тождество додолы-пеперуги съ облачными нимфами (вѣдьмами). Въ сопровожденіи дѣвицъ и юношей ходитъ пеперуга по домамъ; домохозяинъ встрѣчаетъ ее съ котломъ воды, поверхъ которой плаваютъ набросанные цвѣты, и обливаютъ желанную гостью при пѣніи слѣдующей обрядовой пѣсни:

Летѣла е пеперуга —  
 Дай, Боже, дѣж(д)ъ! —  
 Отъ орача на копаче...  
 Да са роди жито, просо,  
 Жито, просо и ченица <sup>1)</sup>).

Послѣ совершенія этого обряда, по общему убѣжденію, непременно будетъ дождь — если не въ тотъ-же день, то на слѣ-

---

<sup>1)</sup> Или (Миладин., 511):

Отлетала преперуга  
 Отъ орача на орача,  
 Отъ копача на копача,  
 Отъ режача на режача,  
 Да зароситъ ситна роса,  
 Ситна роса берикетна (плодоносная)  
 И по поле и по море,  
 Да съ родитъ 'са берикетъ,  
 'Са берикетъ, вицо-жито,  
 Ченици-те до греди-те  
 Ячмени-те до стрѣи-те  
 Ленои-те до пояси,  
 Урои-те до колена.

дущій<sup>1)</sup>. У германцевъ было въ обычаѣ вызывать дождь такимъ образомъ: молодыя дѣвушки одну изъ своихъ подругъ, совершенно голую, вели къ ближайшему источнику или рѣкѣ и тамъ обливали ее; но прежде, чѣмъ совершалось это облитіе, она обязана была къ мизинцу правой ноги привязать *bilsenkraut* (*hyoscyamus*, бѣлена), сорванный мизинцемъ правой руки. Можно указать еще на новогреческій обычай: если отъ 14 до 20 дней не выпадаетъ дождя, то въ деревняхъ и небольшихъ городахъ дѣти выбираютъ изъ своей среды одного, лѣтъ восьми или десяти, обыкновенно бѣднаго сироту раздѣваютъ его до-гола и убираютъ полевыми цвѣтами: дѣтя это называется *порткѣроѹча*. Съ пѣснями водятъ его по городу или деревнѣ; хозяйка каждаго дома выливаетъ ему на голову ведро воды и даритъ мелкую монету<sup>2)</sup>. Слово *додола* изъ сихъ поръ остается необъясненнымъ; серб. *приоруша* (*приац*) и болг. *пеперуга* (*преперуга*) очевидно тождественны<sup>3)</sup>. Г. Потембинъ объясняетъ названіе *припоруша*,ближая его съ словами: *прахъ* (пыль), чешск. *prch*, *prĕ*—дождь, *prĕeti* — дождить (прыекать); звукъ *х* въ словѣ *прахъ* (*prch*) есть суффиксъ, слѣдовательно серб. *припор*—*приа* — зола, песокъ представляет такое-же удвоеніе корня *пра* (*пръ*), какъ чешск. *plapolati* и старославян. глаголати корнемъ *пла*, *гла* (*пла-мя*, *гла-съ*). Общія признаки, равно относимые и къ пыли, и къ дождю, — это ихъ мелкая дробность (малорус. *дрибенъ дощъ*, чешск. *drobný dešť*, *zítne prĕeti*, серб. *ситна киша*, болг. *ситна роса*—частый дождь; *пръштити*—*праштити*, *пороштити* и *мжити*, ити мелкому дождю, какъ-бы сквозь сито), и та легкость, съ ко-

<sup>1)</sup> Каравел., 242—3.— <sup>2)</sup> D. Myth., 560—1.— <sup>3)</sup> У валаховъ слово это измѣнилось въ *paraluga*, какъ видно изъ пѣсни, которую поютъ дѣти во время засухи: „*Paraluga! взойди на небо, отвори ворота и пошли сверху дождь, чтобы хорошо росли хлѣба*“ (*ibidem*).



торую несутъ ихъ и разметають вѣтры. Принимая во вниманіе, что серб. *пирити* и чеш. *puřeti* означаютъ: дуть, должно заключить, что старо-славян. *пыро* — мукá (пырѣнъ, пырянъ — мучной, литов. *purjė* — пшеница, греч. *πυρός*, снск. *пуга*) и *пырынъ* — зола (=прахъ) заключаютъ въ себѣ понятіе «легко-вздуваемаго» <sup>1)</sup>; *пурга* — сильная метель, собственно: запорашивающая вьюга; *пурить* — мочиться, т. е. испускать мелкія, подобныя дождю капли. Отсюда, во первыхъ, возникло уподобленіе дождя и снѣга (=пороши) — мучной пыли (I, 291), и во вторыхъ, падающія капли дождя стали сблизаться съ зерновымъ хлѣбомъ, осыменяющимъ поля (I, 572), и съ мужскимъ сѣменемъ, которымъ Небо оплодотворяетъ Землю. По указанію этихъ данныхъ, *прпоруша* значитъ: орошенная дождемъ, осыпанная его благодатнымъ сѣменемъ <sup>2)</sup>. Въ народныхъ обрядахъ посыпаніе зерновымъ хлѣбомъ вполне соответствуетъ обливанію водою: послѣ вѣнца, молодыхъ обыкновенно осыпають овсомъ, житомъ и ячменемъ не только для того, чтобы они вели жизнь богатую и счастливую, но и съ тѣмъ, чтобы небо благословило ихъ чадородіемъ; тѣже примѣты даетъ и дождь, оросившій новобрачную чету въ первый день свадьбы (см. гл. XXIX). На Руси неизвѣстенъ обрядъ хожденія додолы; но существуетъ обыкновеніе, близкое къ этому обряду: на второй день Пасхи, на разсвѣтѣ, парни обливають дѣвицъ, а тѣ въ свою очередь обливають парней во вторникъ <sup>3)</sup>; кто на свѣтлый праздникъ просыпалъ заутреню, того въ старину оканивали холодною водою или заставляли искупаться въ рѣкѣ, противъ

<sup>1)</sup> Точно такъ, какъ *пухъ* имѣетъ корни *пу*—дуть. — <sup>2)</sup> Потебн., 100; Ч. О. И. и Д. 1866, II, ст. Лавровск., 20. — <sup>3)</sup> Томе дѣлають и словаки; чехи, при первомъ весеннемъ выгонѣ стадъ въ поле, обливають водою коровницъ, чтобы коровы давали обильное молоко (жоровы=тучи, молоко=дождь) — Громаничъ, 136.

этого изданъ былъ 17 апрѣля 1721 года запретительный указъ, въ которомъ читаемъ: «въ Россійскомъ государствѣ какъ въ городахъ, такъ и въ весяхъ происходитъ отъ невѣждъ изъкоторое непотребство, а именно: во всю свѣтлую седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у утреи, такового, аки-бы штрафумъ, обливають водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ купать». Обливанье бываетъ и на Красную Горку и въ Омовнѣ поведѣльникъ, слѣдов. при началѣ весны. Объ этомъ обычаѣ упоминають Гуетинская лѣтопись, Синописъ Гизеля и Бонина въ своемъ «Описаніи Украины». Во время лѣтней засухи поселяне наши совершаютъ крестный ходъ къ ключевой криницѣ, и послѣ молебствія и мущины и женщины обливають другъ друга водою, думая чрезъ это вызвать дождь; въ курской губ. при долгомъ бездождіи бабы собираются къ рѣкѣ, хватають проходящихъ мимо и бросаютъ въ воду или по крайней мѣрѣ обливають ихъ съ головы до ногъ, что въ таинственныхъ мѣстахъ называется дѣлать мокрины <sup>1)</sup>. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще недавно, вслѣдъ за молебствіемъ отъ засухи, признавали необходимыми выкупать приходскаго пона, чтобы дождь оросилъ нивы <sup>2)</sup>.

Подъ влияніемъ указанныхъ нами воззрѣній, водѣ были приписаны тѣже чудесныя свойства, какія присвоились весеннему дождю, а именно: а) сила плодородія. Въ грозѣ древній человекъ видѣлъ брачный союзъ бога-громовника съ облачною, дожденосною дѣвою, а въ этомъ союзѣ — источникъ земныхъ урожаевъ. Низводя мифическое представленіе на землю, народъ ставитъ возлѣ князя (царя) Огня княгиню (царицу) Воду; первый — символъ небеснаго пла-

<sup>1)</sup> Сахаровъ, II, 76; Ворон. Бес., 194; Этн. Сб., II, 52; V, 85; Иллюстр. 1846, 172; Терещ., VI, 110; Рус. Бес. 1856, I, 70. — <sup>2)</sup> Очерки 1863, 32.

мени (молніи), вторая — дождя. Названія князь и княгиня, по первоначальному своему значенію, доселѣ удержавшеся въ простонародномъ обыкновеніи чествовать этими именами жениха и невѣсту, прямо указываютъ на то супружеское сочтаніе, въ какомъ являлись поэтической фантазіи огонь и вода <sup>1)</sup>. Къ родникамъ и криницамъ, какъ уже было сказано, издревле обращались съ мольбою о дождѣ: отъ нихъ слѣдовательно ожидали и просили изобилія плодовъ земныхъ; крестные ходы на застыяныя пашни и совершаемыя тамъ общественныя молебствія сопровождаются окропленіемъ полей святою водою <sup>2)</sup>. Передъ постѣвомъ крестьяне выходятъ по утрамъ къ студенцамъ, черпаютъ ключевую воду и смачиваютъ ею заготовленные сѣмена; другіе же смачиваютъ зѣрна рѣчною водою въ продолженіе трехъ утреннихъ зорь, съ надеждою на несомнѣнный урожай <sup>3)</sup>. Эту плодородящую силу воды народное вѣрованіе распространяло и на человека, что свидѣлствуется старинными свадебными обрядами (см. I, 458). Начальный лѣтописецъ говоритъ объ умычкѣ невѣсты у воды <sup>4)</sup>. «И се слышахомъ, читаемъ въ Правилѣ митрополита Кирилла (конца XIII стол.), въ предѣлахъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти, нли то прокланати повелѣваемъ» <sup>5)</sup>. Въ витебской губ., въ люнецкомъ уѣздѣ, есть большое озеро, почитаемое у раскольниковъ священнымъ; холостые парни, похищая дѣвушекъ, объѣзжаютъ съ ними вокругъ озера три раза, и этотъ обрядъ считается за дѣйствительное вступленіе въ бракъ <sup>6)</sup>. Между чехами сохраняется повѣрье, что самый вѣрный союзъ — тотъ, который заключается надъ колодцемъ <sup>7)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Р. И. Сб., III, ст. Ходяков., 199. — <sup>2)</sup> Цебриков., 277. — <sup>3)</sup> Сахаров., II, 22. — <sup>4)</sup> П. С. Р. Л., I, 6. — <sup>5)</sup> Оп. Руян. Муз., 321. — <sup>6)</sup> Тарещ., II, 28. — <sup>7)</sup> Срезнев., 23. Такъ какъ супружескіе узы

б) Сила цѣлебная, очистительная. Какъ живая вода весеннихъ дождей просвѣтляетъ туманное небо, возрождаетъ природу, и потому принимается за божественный напитокъ, проговорящій демоновъ, дарующій красоту, молодость, здоровье и крѣпость мышцъ; такъ тѣже животворныя свойства соединяють народныя вѣрованія и вообще съ водою—тѣмъ болѣе, что она дѣйствительно обладаетъ свойствомъ освѣжать тѣло и возстановлять утомленныя силы. И оговъ, и вода—стихіи свѣтлыя, нетерпящія ничего нечистаго: первый не жигаетъ, а вторая смываетъ и топчетъ всякія напасти злыхъ духовъ, къ сонму которыхъ причислялись въ старину и болѣзни. Рядомъ съ окуриваніемъ больного, перенесеніемъ его черезъ пылающій костеръ, высканіемъ искръ надъ болячками и тому подобными средствами, народная медицина употребляетъ обливаніе водою, омовеніе, взбрызгиванье, сопровождая все это заклятіями на болѣзнь, чтобы она покинула человека или животное и удалилась въ пустынный мѣста ада. По преимуществу лѣчебныя свойства приписываются ключевой водѣ. Родники и колодцы, глубоко-чтимые за свою цѣлительность, извѣстны во всѣхъ славянскихъ и нѣмецкихъ земляхъ. Въ Германіи ихъ называютъ jungbrunnen и heilbrunnen—дающіе юность и здравіе; по народному убѣжденію, вода ихъ стягиваетъ и заживляетъ раны; это болѣею частію минеральныя (горячіе, соленые и кислые) источники, знакомые еще римлянамъ. Съ цѣлю лѣчить недуги омовеніемъ, нѣмецкіе поселяне идутъ предъ восходомъ солнца и почерпаютъ воду изъ трехъ бьющихъ ключей—въ сосудъ, передъ которымъ ставится возженная свѣча. Въ Лифляндіи есть священный источникъ (Wöhlanda);

---

связывались у воды, то и разорвать ихъ (развестись) можно было, по свидѣтельству Барберни, не иначе, какъ надъ проточной водою.

въ лѣсу, гдѣ онъ течетъ, никто не смѣетъ срубить дерево или отломить вѣтку; воды его всегда чисты, и что бы ни было въ нихъ брошено—тотчасъ-же возстаетъ непогода <sup>1)</sup>. Въ Сербіи, въ первые дни послѣ новолунія («на младу недѣлю»), ходятъ больные къ родникамъ, купаются въ нихъ и пьютъ воду <sup>2)</sup>; лужичане и чехи также знаютъ источники, помогающіе людямъ и животнымъ отъ чаръ и болѣзней; въ Богеміи устраниваются надъ ними часовни, и больные, черпая воду, обращаются къ священному источнику съ такою мольбою:

Daj Bůh dobrý den, vodičko!  
 Krista Pána křtitelničko!  
 Bern si tě k pomoci,  
 V této moji nemoci;  
 Ty zahániš všecky čáry,  
 Trhaš <sup>3)</sup> kovy, hory, skály,  
 A to všecko tvoou mocí.

Иные оставляютъ здѣсь штуку холста, что напоминаетъ намъ жертвенные дары, приносимые бѣлоруссами русалкамъ, таинственнымъ обитательницамъ водъ <sup>4)</sup>. На Руси отъ болѣзней, приписываемыхъ сглазу, рано на утренней зорѣ отправляются къ ключу, зачерпываютъ воду по теченію, закрываютъ посудину и возвращаются домой молча и не оглядываясь; потомъ кладутъ въ принесенную воду одинъ или три горячихъ угля, частичку печины (печной глины), щепоть соли, и взбрызгиваютъ ею больного, или обливаютъ его по два раза въ сутки на зорѣ утренней и вечерней, съ приговоромъ: «съ гуся вода, съ лебедя вода — съ тебя худоба!» <sup>5)</sup>. Иногда даютъ больному испить этой воды, смачиваютъ ею грудь про-

<sup>1)</sup> D. Myth., 552.—3, 565.— <sup>2)</sup> Срп. рјечникъ, 562.— <sup>3)</sup> Разрываетъ.— <sup>4)</sup> Sagenbuch der Lausitz, Гаупта. I. 248; Громаниъ, 47—48.— <sup>5)</sup> О. З., т. LVII, 50; Послов. Даля, 836; Ворон. Лнт. Сб., 385. Подобный обрядъ совершается и у другихъ славянъ — см. Илича, 110; Громаниъ, 155—6; Чешск. пѣсни Эрбена, 510.

тивъ сердца, и затѣмъ все, что останется въ чашкѣ, выливаютъ подъ притолку <sup>1)</sup>). Въ заговорахъ, произносимыхъ надъ водою, находимъ слѣдующія указанія: «пошла я въ чисто поле, взяла чашу брачную, почерпнула воды изъ загорнаго студеица»; «звѣзды мои ясныя! сойдите въ чашу брачную, а въ ней чашѣ вода изъ загорнаго студенца»; «умываю я праснудѣвицу (имярекъ) изъ загорнаго студенца ключевой водою, стираю я съ красной дѣвицы всѣ узорны съ призораками» <sup>2)</sup>). Цѣлебная сила присвоится водѣ, взятой изъ нагорнаго источника, какъ эмблемѣ дождя, ниспадающаго изъ горы-тучи; вода эта, по народному выраженію, должна быть непитая, неотвѣданная, ибо она назначается не для обычныхъ нуждъ человѣка, а на дѣло религіозное (см. выше стр. 18); черпаютъ ее на утренней зорѣ, потому что утро — метафора всеоживляющей весны: оно прогоняетъ демоновъ ночваго мрака, и воды земныхъ источниковъ превращаетъ въ чудотѣйственную амриту; печина и горячія уголья указываютъ на связь воды — дождя съ огнемъ — молніей. Вмѣсто горячихъ угольевъ, пользуются и другими символическими знаменіями бога-громовника. Такъ отъ испуга избрыгаиваютъ и окачиваютъ водою, въ которой былъ выкупанъ пѣтухъ — птица, посвященная Перуну и домашнему очагу (Агни); нерѣдко въ воду, назначенную для омовенія больного, кладутъ громовую стрѣлку <sup>3)</sup>, или обращаясь къ иконамъ и читая заговоръ, знахарь беретъ налитую воду и нѣсколько разъ перерѣзываетъ ее накрестъ остріемъ ножа <sup>4)</sup>; въ Малороссіи на «Водохрещи» умы-

---

<sup>1)</sup> Сахаров., 50—53; Записки Авдѣев., 134. — <sup>2)</sup> Сахаров., I, 19, 24, 32. — <sup>3)</sup> Тоже у хорутанъ — сб. Валица, 247. — <sup>4)</sup> Болгары на Крещеніе заставляютъ дѣтей прыгать черезъ сѣкиру и провѣять ихъ освященною водою — Миладиков., 523.

заются отъ жестоты водою, въ которую положена красная малина; сверхъ того, повсюду въ обычаѣ пить наговорную воду и умываться ею съ серебра и золота, т. е. погружая въ чашу серебряную монету или золотое кольцо: такое умыванье спасаетъ отъ удара молніи <sup>1)</sup>. Въ замѣтъ громовой стрѣлки, кашубы бросаютъ въ воду три раскаленные въ печи камни и потомъ три раза или трижды три (девять разъ) обливаютъ больное мѣсто <sup>2)</sup>. Красная малина — эмблема Перуновой вѣтки (см. гл. XVIII), а серебро и золото — блеска молніеносныхъ стрѣлъ. При раскатахъ перваго весенняго грома вода, по народному повѣрью, получаетъ живительныя свойства, и потому въ эту благодатную пору всѣ — и большіе, и малые — спѣшатъ къ криницамъ и умываются на очастіе и здравіе. Очевидно, что горячіе уголья, громовыя стрѣлки, раскаленные камни, острый ножъ, мѣтухъ, вѣтка калины, серебро и золото въ исчисленныхъ нами обрядахъ имѣютъ значеніе, равносильное удару весенней грозы. Нѣмцы считаютъ купанье въ источникахъ наиболѣе дѣйствительнымъ, если оно совершается въ четвергъ — день, посвященный Довару; въ тотъ-же день, передъ восходомъ солнца, бросаютъ они въ воду мелкую монету и промываютъ ею больные глаза <sup>3)</sup>. Въ новгородскомъ Кремлѣ у часовни, возлѣ старинныхъ Псковскихъ воротъ, бьетъ родникъ, къ которому донынѣ приходятъ страдающіе лихорадкою на утренней зорѣ и обливаются водою <sup>4)</sup>. По другимъ мѣстностямъ русскаго царства обращаются за помощію къ святымъ полюдцамъ не только отъ лихорадки, но и вообще отъ всякихъ болѣзней.

<sup>1)</sup> Карман. книжка для любит. землѣзд., 318—9; Записки Андѣев., 138; Сахаров., II, 83; Ч. О. И. и Д., годъ 1-й, II, 21; Нонис., 161.—

<sup>2)</sup> Этн. Сб., V, 79.— <sup>3)</sup> Die Götterwelt, 197.— <sup>4)</sup> Москв. 1853, XI, внутр. изв., 66.

Въ воронежской губ. водятъ больныхъ къ родникамъ; туда-же носятъ матери и своихъ хворыхъ дѣтей. Явившійся къ колодезю, снимаютъ съ больного рубашку и вѣшаютъ на одномъ изъ растущихъ подлѣ деревень, потомъ окачиваютъ его холодной водою и надѣваютъ ему чистое бѣлье. Иные только умываются, и вытершись принесенною тряпичею, вѣшаютъ ее у колодезя на деревѣ. Крестьяне убѣждены, что какъ скоро истлѣетъ оставленная ими тряпича или сорочка — выйдетъ съ тѣмъ сгннеть и самая болѣзнь <sup>1)</sup>. Отъ сухотки выпускаютъ дѣтей въ водѣ, почерпнутой изъ девяти колодезевъ, и затѣмъ насыпаютъ золою, собранною изъ семи печей <sup>2)</sup>. Въ моголевской губ., въ случаѣ трудной болѣзни, крестьяне ставятъ возлѣ родника крестъ <sup>3)</sup>.

Цѣлебная сила воды преимущественно обнаруживается весною, когда рѣки и источники сбрасываютъ съ себя ледяныи цѣпи, снѣгъ претворяется въ скачущіе по оврагамъ ручьи и небо отпираетъ своя дождевыя хранилища, словомъ когда міръ божій омывается живою водою. На послѣдней водѣ въ великаго поста крестьяне наши собираютъ по полямъ чистый снѣгъ, топятъ его въ горшкахъ, солятъ четверговою солью <sup>4)</sup>, и приготовленномъ такимъ образомъ водою облаиваютъ рано по утру домашній скотъ, для предохраненія отъ болѣзней: вода эта замѣняетъ собою дождь, такъ какъ она добывается изъ снѣга, посылаемаго на землю небесными тучами. Весенній снѣгъ, выпавшій въ мартѣ-мѣсяцѣ, пользуется особеннымъ авторитетомъ въ народной медицинѣ; добытою изъ него водою не только лѣчатъ больныхъ, но и

<sup>1)</sup> Моск. Наблюдат. 1827, ч. XII, 505; Рус. Бес. 1856, I, 63; Сахаров., II, 36; Ворон. Г. В. 1851, 12; Владим. Г. В. 1852, 25, 28; Иллюстр. 1846, 648; О. З. 1848, т. LVI, снѣзь, 203; Эта. Сб., I, 68—69.— <sup>2)</sup> Сахаров., I, 53.— <sup>3)</sup> Моголев. Г. В. 1851, 5.— <sup>4)</sup> Т. е. освященною въ четвергъ страстной недѣли.



сверхъ того окропляютъ ульи и плодовые деревья, чтобы лучше ронялись пчелы и чтобы червь не нападалъ на сады (орловск. губ.). Въ чистый четвергъ купаются отъ чесотки и другихъ кожныхъ сыпей; здоровые же обливаютъ себя и своихъ лошадей холодной водою, или купаются въ прудахъ и рѣкахъ передъ восходомъ солнца, чтобы не касались ихъ болѣзни въ теченіе всего слѣдующаго года <sup>1)</sup>. У чеховъ вода, почерпнутая въ пятницу (= день Френ) страстной недѣли, при солнечномъ восходѣ, называется тихою и считается наиболѣе цѣлительною; на разсвѣтѣ этого дня приходятъ къ рѣкамъ и источникамъ и погружаются въ волны для излѣченія отъ сыпей и лихорадки; нѣкоторые становятся на берегу на колѣни, умываются водою, читаютъ разныя молитвы и слѣдующее закланіе:

Vitam tebe svatě boží Velkonocel!  
Zachovej mñ ode vši zle nemoce,  
Žimnice, psotnice, žloutenice,  
Těž od padoucí nemoce <sup>2)</sup>.

Для малолѣтнихъ дѣтей матери приносятъ воду домой, ставятъ ихъ на колѣни посреди двора, заставляютъ молиться Богу, и сотворивъ надъ ними омовеніе, выливаютъ остатки воды въ тѣже источники, изъ которыхъ она почерпнута. Тогда же купаютъ и лошадей, съ увѣренностью, что это предохранитъ ихъ отъ кусающихъ мухъ, отъ подлoma и разныхъ болестей. Чтобы прогнать съ лица веснушки, надо умыться въ страстную субботу при первомъ ударѣ въ колоколъ (=символъ грома). Въ полночь на Воскресеніе Хри-

<sup>1)</sup> Сахаров., II, 96; Молодик. 1844, 103; Вост. Р. Г. О. 1853, VI, 101; Полтав. Г. В. 1845, 15; Рус. Предан. Макарова, I, 27.—<sup>2)</sup> Переводъ: Привѣтствую тебя, святое божье Христово Воскресеніе! охрани меня отъ всякой злой немочи — отъ лихорадки, роднища, желтухи и падучей.

стово собираются на берега Эльбы, преклоняют колѣна, молятся и черпаютъ воду, которая дѣлается въ этотъ часъ тиха и свѣтла, какъ кристалъ, и налитая въ сосуды остается свѣжею въ продолженіе цѣлаго года. Рядомъ съ этимъ должно оставить другое повѣрье, что въ полночь 1-го мая воды превращаются въ вино, т. е. дыханіе весны претворяетъ ихъ въ животворный нектаръ. По нѣмецкому повѣрью, чудо это совершается въ ночь на Воскресеніе Христово (I, 378). Вода, почерпнутая наканунѣ Пасхи и 1-го мая, очищаетъ тѣло отъ шелудей и служитъ самымъ спасительнымъ лѣкарствомъ для людей и домашней скотны <sup>1)</sup>. Обычай обливанія на Свѣтлой недѣлѣ, кромѣ указаннаго выше назначенія вызывать дожди, принимается и за лечебное средство. Въ Германіи въ первый день Пасхи черпаютъ воду при солнечномъ восходѣ и думаютъ, что она никогда не портится, даетъ молодость, прогоняетъ недуги и берегаетъ приплоды стадъ; на другой день юноши и дѣвѣнцы отправляются за водою къ горнымъ источникамъ и бросаютъ въ нихъ цвѣты <sup>2)</sup>. Лужичане на этотъ праздникъ взбрызгиваютъ и обливаютъ свой скотъ. Наши простолюдины убѣждены, что лошади отъ ключевой воды добрѣютъ и не боятся лишаго глаза, и потому въ извѣстные дни, посвященные памяти нѣкихъ святыхъ патроновъ, водятъ лошадей къ источникамъ и поятъ ихъ серебромъ <sup>3)</sup>. Больного коня знахарь spryskываетъ нашептаннымъ водою, обходя вокругъ его нѣсколько разъ и привязывая въ стойлѣ пучки разнаго зелья. При скотскихъ падежахъ перепрываютъ стада черезъ проточную воду и служатъ полюбивъ св. Влагію (астрахан. губ.). Такія цѣлебныя свойства въ эпоху христіанства стали соединять съ водою, освя-

---

<sup>1)</sup> Громаниъ, 44—46.— <sup>2)</sup> D. Myth., 552—3.— <sup>3)</sup> О вл. христ. на сл. яз., 18; Сахаров., II, 47, 49; Терещ., VI. 53.

щенвою по церковному уставу; потому вода богоявленская или крещенская пользуется въ народѣ особеннымъ уваженіемъ. Многіе хранятъ ее до новаго года — на случай болѣзней, окропляютъ ею дома и лѣвы и увѣряютъ, что она не портится; не смотря на трескучіе морозы (6-го января), больныхъ погружаютъ иногда въ прорубь іордани; почерпнутой оттуда водою умываютъ больныхъ младенцевъ, а снятыя съ нихъ сорочки и пеленки бросаютъ въ іордань, чтобы вмѣстѣ съ злыми покровами ушла и самая болѣзнь (арзамас. уѣзда). О водѣ, вытаяввой изъ крещенскаго снѣга, думаютъ, что она можетъ лѣчить судороги, головокруженіе, ошѣненіе въ ногахъ и другіе недуги, и влитая въ колодезь — дѣлаетъ его неизсякаемымъ въ продолженіи цѣлаго лѣта, хотя бы не выпало ни единой капли дождя <sup>1)</sup>). Тѣми-же живительными свойствами обладаетъ вода и въ праздникъ Купалы, т. е. 24 іюня, въ день Іоанна Крестителя. Христіанское воззрѣніе на святую воду, которою нѣ таинствѣ крещенія омывается ветхій грѣхъ, слаглось въ умахъ непросвѣщеннаго народа съ повѣрьями, наслѣдованными отъ стариннаго язычества. Въ дни солнечныхъ поворотовъ на Коляду и Купалу славяноязычники чествовали творческіе подвиги дождящаго и дарующаго урожай Перуна; при зимнемъ поворотѣ онъ возжигалъ свѣтильникъ солнца, а въ знойную пору лѣтняго поворота погашалъ его губительный жаръ въ потокахъ дождя (см. гл. XXVIII). Преданіе о живой водѣ небесныхъ колодезевъ, отпираемыхъ молиями Перуна, было перенесено на земные источники, и чехи, наравнѣ съ нѣмцами, рассказываютъ, что въ ночь на Рождество Христова воды превращаются въ вино — точно также, какъ превращаются онѣ на праздникъ весны. Вода, освященная на Срѣтенье (2-го февраля), при-

<sup>1)</sup> Сахаровъ, II, 5; D. Myth., 552.

живется раннеславяною крещенской, потому что это — день встречи звыи съ дѣтомъ <sup>1)</sup>. 1-го августа, когда бываетъ крестный ходъ на рѣки для водосвятія, тотчасъ — послѣ погруженія креста въ іордань — одержимые недугами окунаются по нѣскольку разъ въ воду; въ то же время купаютъ и больныхъ дѣтей. Вліяніе христіанства обнаруживается еще въ обычаяхъ употреблять, вмѣсто лѣкарства, воду, слитую съ благословенной родительской иконы, съ крестиковъ, приносимыхъ изъ іерусалима, съ жертвеннаго конія и освященной просвиры, или воду, смѣшанную съ херувимскимъ ладаномъ (т. е. съ ладаномъ, которымъ кадили во время херувимскаго пѣнія <sup>2)</sup>).

Гимны Ригъ-Веды обращаются къ водѣ, какъ къ стихіи божественной, заключающей въ себѣ амриту и цѣлительныя лѣкарства <sup>3)</sup>. Убѣжденіе это такъ глубоко проникло въ среду славянскаго племени, что малороссы до сихъ поръ, поздравляя новобрачную, говорятъ ей: «будь здорова, якъ вода!» а въ Вербное воскресенье, ударяя другъ друга освященной вѣткою, причитываютъ: «будь высокъ, якъ верба, а здоровъ, якъ вода!» <sup>4)</sup> Вода смываетъ (=очвщаетъ) призоры и изорести и уноситъ ихъ своею волною, почему ключевую воду, назначаемую на врачеваніе больного, берутъ по теченію, а не противъ. Въ заговорахъ читаемъ слѣдующія воззванія: «матушка вода! обмываешь ты круты берега, желты вески, бѣль-горючъ камень своей быстринной и золотой струёй. Обмой-ка ты съ раба божія (имярекъ) все хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу; понеси-ка (вхъ), матушка быстра рѣка, своей быстринной-золотой струёй въ чистое поле, зимнее (синее?) море, за топучія грязи, за зыбу-

---

<sup>1)</sup> Киев. Г. В. 1850, 18. — <sup>2)</sup> Ворон. Г. В. 1851, 12 — <sup>3)</sup> Orient and Occid., годъ 1, I, 32. — <sup>4)</sup> Потебн., 69.

чія болота, за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ». <sup>1)</sup> — «Ма-  
тушка святая водица, родная сестрица! бѣжишь ты по  
пенькамъ, по колодамъ, по лузямъ, по болотамъ, и бѣжишь  
чисто, вепорочно; сними съ раба божья (ими) всякія  
болѣзни и скорби» <sup>2)</sup>. — «Очищаешь ты, вода явленная,  
и луга, и берега, и середину; очищай ты, вода явленная,  
моего новорожденного (младенца) отъ призора подуманна и по-  
гадавна» <sup>3)</sup>. Какъ стихія, смывающая все нечистое, злое, де-  
монское, вода, наравнѣ съ огнемъ-просвѣтителемъ, признана  
была за вѣрнѣйшее средство внутренняго, духовнаго очище-  
нія отъ грѣховъ. Вотъ — основа тѣхъ священныхъ «омове-  
ній», какія предписываются уставами почти всѣхъ древнѣй-  
шихъ религій. Въ гимнахъ Ведъ вода призывается дать исцѣ-  
леніе тѣлу отъ болѣзней, а душѣ отъ язвы грѣховъ. Передъ  
дверями храма греки и римляне ставили сосудъ, наполненный  
водою, въ которую опускалась пылающая головня, взятая съ  
алтаря боговъ; всякой, кто желалъ приблизиться къ святили-  
щу и принести жертву, долженъ былъ напередъ очиститься,  
и потому жрецъ омокалъ въ воду лавровую вѣтку и окроп-  
лялъ ею всѣхъ приходящихъ во храмъ; мѣста, оскверненные  
преступленіемъ, также очищались водою. По нашимъ преда-  
ніямъ, всякой мольбѣ, всякому обращенію къ божествамъ  
должно было предшествовать омовеніе; заговоры обыкновенно  
начинаются этою формулою: «иду я рабъ божій въ чистое по-  
ле, становлюсь на востокъ краснаго солнца, умываюсь ро-  
сою или клячевою водою» <sup>4)</sup>. Передъ семейною трапезою,

---

<sup>1)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отд. 6, 51. — <sup>2)</sup> Собр. 1856, XI, смѣсь, 5. — <sup>3)</sup> Пассек., II, смѣсь, 19—20; Этн. Сб., VI, библ. указат., 7: въ заговорѣ отъ лихорадки говорится, чтобы болѣзнь эта отстала и плыла вдоль по рѣкѣ. — <sup>4)</sup> Между евреями существуетъ повѣрье, что ночью на рукахъ человѣка поются нечистый духъ, и потому, пробуждаясь отъ сна, должно умывать

которая въ отдаленной древности совершалась при домашнемъ очагѣ и сопровождалась приношеніемъ жертвъ родовымъ пеклѣмъ, крестьяне (преимущественно — старовѣры) умывають руки и творять молитву <sup>1)</sup>; обычай этотъ соблюдается и между сербами <sup>2)</sup>. Кто проспигъ заутреню на Свѣтло-Христово Воскресеніе и въ другіе большіе праздники, тѣхъ обливаютъ водою; а кто ридлся на Святкахъ, надѣвалъ на себя заврещенныя церковью «бѣсовскія личины», тотъ долженъ окунуться въ крещенскую прорубь и смыть съ себя этотъ великій грѣхъ <sup>3)</sup>. Вблизи Соловецкаго монастыря есть святое озеро, и набожные простолюдины ни за что не рѣшаются вступить въ обитель — прежде, нежели искупаются въ его чистыхъ водахъ <sup>4)</sup>. Когда умираетъ кто-нибудь въ семьѣ, родичи ставятъ возлѣ него полную чашу воды — для того, чтобы душа, по выходѣ своемъ изъ тѣла, могла тотчасъ-же омыться и явилась бы передъ небснаго судію чистою и непорочною <sup>5)</sup>. Согласно съ поэтическимъ уподобленіемъ дождя и росы слѣзамъ, эти послѣднія получаютъ въ народныхъ сказаніяхъ ту же очистительную силу, что и священные воды: одинъ мельникъ продалъ свою дочь дьяволу; когда пришло время расчета, дѣвушка умыла руки и осталась спокойною. Явился дьяволъ, но ве въ состояніи былъ къ ней приблизиться; съ гнѣвомъ приказалъ онъ мельнику: «унеси всю воду, чтобы не могла она умываться!» Мельникъ исполнилъ приказаніе. На другое утро снова явился чортъ, но по прежнему безъ успѣха; потому что дѣвушка прослезилась на руки — и

---

ихъ; въ опредѣленные дни они приходятъ на мостъ, и обращаясь лицомъ въ ту сторону, куда течетъ рѣка, стрихаютъ съ себя грѣхи въ воду—Обряды еврейск., 8—11, 178.— <sup>1)</sup> Рус. въ св. посл., II, 140.— <sup>2)</sup> Срп. рѣчникъ, 360.— <sup>3)</sup> О. З. 1821, IX, 96; 1848, V, ст. Харитоновъ, 12; Сахаровъ, II, 75; Абевъ, 262.— <sup>4)</sup> О. З. 1829, ч. XXXVII, 63—64.— <sup>5)</sup> Духъ Христіанина 1861—2, XII, 269.

онѣ были совершенно чисты <sup>1)</sup>. Съ этимъ древне-поэтическимъ представленіемъ позднѣе соединилась мысль о слезахъ покаянія, очищающихъ грѣшника.

с) Сила вѣщая. Живая вода небесныхъ колодезь  $\equiv$  амрита, по сказаніямъ индоевропейскихъ племенъ, надѣляетъ даромъ высшей мудрости и предвидѣнія. Униваясь ею, боги и дѣвы судьбы вѣдаютъ все прошедшее, настоящее, будущее, и нарекаютъ свои непреложные приговоры, чему быть и не быть. Отъ небесныхъ родниковъ, текущихъ въ царствѣ бессмертныхъ владыкъ, эта вѣщая сила была перенесена на земные источники, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникли гаданія и судъ божій водою. На «щедрый вечеръ» (наканунѣ Нового года), когда, по народному повѣрью, отпирается рай ( $\equiv$  заоблачное небо), чехи ходятъ къ студенцамъ, чтобы въ нихъ свѣтломъ зеркалѣ высмотрѣть, что предопредѣлено божественною волею, и узнать, какая именно судьба ожидаетъ ихъ въ теченіи грядущаго года <sup>2)</sup>. У насъ же во время Святковъ ходятъ дѣвицы въ лунныя ночи къ проруби, садятся на воловью шкуру ( $\equiv$  эмблема облачнаго покрова, см. I, 688) и смотрятъ въ воду, съ надеждою увидать въ ней своихъ суженыхъ <sup>3)</sup>. Въ одной старинной пѣснѣ, которую поютъ въ подольской губ. подъ Межибожьемъ, вдова, жена и дѣвица вопрошаютъ криницу, и та даетъ имъ отвѣтъ, какъ оракулъ <sup>4)</sup>. На Троицу и Семикъ незамужнія поселанки плетутъ зеленые вѣнки (символъ брачнаго союза) и бросаютъ ихъ въ рѣки и ручьи: чей вѣнокъ поплыветъ по теченію — той сулитъ онъ скорое замужество, чей закружится на одномъ мѣстѣ — у той свадьба разстроится, а чей потонетъ — ту ожидаетъ смерть или безбрачная жизнь <sup>5)</sup>. Иногда, вмѣсто вѣнковъ, кидаютъ въ воду тѣ вѣтки и цвѣты, съ которыми слушали на Троицынѣ

<sup>1)</sup> Сказ. Грин., 31. — <sup>2)</sup> Гавушъ, 23. — <sup>3)</sup> Сахаров., I, 69. — <sup>4)</sup> Рус. прост. прайд., I, 136—7. — <sup>5)</sup> Сахаров., II, 86—87.

день обѣдню. У болгаръ и хорватовъ вѣнки, бросаемые въ рѣки, готовятся изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ <sup>1)</sup>; у чеховъ гадаютъ вѣнками юноши и дѣвицы — первые о томъ, женятся ли они, а вторыя — выйдутъ ли замужъ? а старики дѣлаютъ изъ зеленыхъ вѣтокъ кресты: чей крестъ потонетъ, тотъ умретъ въ продолженіи года <sup>2)</sup>. Точно также если при крещеніи младенца воскъ съ его волосами плаваетъ въ купели, то новорожденный будетъ долговѣченъ, а если потонетъ, то ему суждено скоро умереть. <sup>3)</sup> Въ среду на первой недѣлѣ великаго поста ходятъ на Руси къ родникамъ и рѣчкамъ, прислушиваются—какъ шумитъ вода, и по ея шуму заключаютъ о будущемъ лѣтѣ; если вода шумитъ, какъ мельничный жорновъ, то ожидаютъ лѣтомъ большихъ грозъ: повѣрье, стоящее въ связи съ тѣмъ громовымъ жорновомъ, на которомъ разъязжаетъ по небу Перунъ (I, 291). 30-го ноября прислушиваются у рѣкъ, озеръ и колодцевъ, и по шуму и тишинѣ воды заключаютъ о предстоящей зимѣ: будетъ ли она тихая (умѣренная) или суровая, съ бурями и сильными морозами; а въ августѣ (10-го числа) примѣчаютъ колебаніе водъ, и по этому судятъ о характерѣ будущей осени и зимы: если гладь воды не колышется вѣтрами, то осень будетъ тихая, а зима—немятельная <sup>4)</sup>. Греки и германцы гадали по журчанію ручьевъ, по гулу водопадовъ, рѣчныхъ стреминъ и водоворотовъ; свѣтлый и обильный водами источникъ предвѣщалъ счастье, мутный сулилъ бѣду, а иссохшій — го-

---

<sup>1)</sup> Срезнев., 20.— <sup>2)</sup> Громантъ, 49. Обычай бросать въ воду вѣнки соблюдался и римлянами — Проппен, IV, 29.— <sup>3)</sup> Сравни у Вольфа (Beiträge zur D. Myth., II, 187 и 372): „man legt das hemdchen des kranken Kindes aufs wasser; sinkt es, dann ist das kind verloren, bleibt es oben schwimmen, dann ist genesung möglich, nur muss man ihm dann das hemdchen nass anziehen.“— <sup>4)</sup> Сахаров., II, 48, 67, 95.



рестную утрату <sup>1)</sup>. Наибольше распространенное на Руси и у болгар гаданіе совершается на Рождественскіе Святки слѣдующимъ образомъ: приносятъ чашу ключевой воды, кладутъ въ нее кусочекъ хлѣба, щепоть соли, уголь и нѣсколько золы, собираютъ у присутствующихъ кольца и другія мелкія металлическія вещи, и опустивъ ихъ въ воду, самую чашу покрываютъ бѣлымъ платомъ. Послѣ того начинаютъ пѣть подблюдныя пѣсни, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ краткое предзнаменованіе будущаго. Вслѣдъ за возглашенной пѣснію вынимается на угадъ одна изъ погруженныхъ въ воду металлическихъ вещей, и тотъ, кому она принадлежитъ, принимаетъ слова подблюдной пѣсни за вѣщій, божественный приговоръ, или какъ выражается постоянно-повторяемый припѣвъ: «кому вынется, тому сбудется, скоро сбудется — не минуется!» <sup>2)</sup> Уголь и зола, какъ знаменія бога Агни, придаютъ ключевой водѣ священное значеніе амриты, а хлѣбъ-соль сообщаетъ ей животворящія свойства дождя, который поитъ нивы и даетъ человѣку насущную пищу; капли его, какъ мы видѣли, уподоблялись хлѣбнымъ стѣнамъ. Всякое гаданіе есть собственно допросъ обоженныхъ стихій: кому какая назначена судьба, на чью долю какой долженъ выпасть жребій? Опускаемая въ воду кольца и вещи суть жребіи гадающихъ (см. гл. XXV).

Богъ-громовникъ былъ карателемъ злыхъ демоновъ, людскаго нечестія и неправды; своими пламенными стрѣлами онъ поражалъ грѣшниковъ и обидчиковъ. Какъ бросатель молній, онъ былъ признанъ владыкою огня; какъ изводитель дождей — владыкою земныхъ водъ. Вмѣстѣ съ этимъ и огонь и вода получили въ глазахъ язычниковъ священный авторитетъ и ничѣмъ неотразимую силу обличать и наказывать ложь. Пото-

<sup>1)</sup> D. Myth., 1069—1070; Моск. Наблюдат. 1837, XI, 533. — <sup>2)</sup> Сахаров., II, книга 3-я; Показалецъ Раковскаго, 5.

ну отдаваться на судъ этихъ свѣтлыхъ, правдивыхъ стихій представлялось имъ дѣломъ релігіознаго долга и самымъ яркимъ средствомъ для раскрытія истины. Судебное испытаніе огнемъ и водою составляетъ общее достояніе не только аріискіихъ, но и многихъ другихъ народовъ <sup>1)</sup>. Въ средніе вѣка оно господствовало всюду въ Европѣ, подъ именемъ божіихъ судовъ и ордалій (*Gottes urtheil, Gottes gericht, dei judicium, divinum judicium, ordâl*). Католическая церковь приняла эти суды въ свое завѣдываніе, и вмѣсто древнихъ жрецовъ — христіанское духовенство стало призывать Бога, защитника невинности и мстителя неправды, къ рѣшенію сомнительныхъ спорныхъ дѣлъ, освящать орудія испытаній и хранить ихъ при церквахъ. По изслѣдованіямъ Я. Гримма, тотъ, кто доказывалъ преступленіе или желалъ очиститься отъ изведеннаго на него подозрѣнія, долженъ былъ: а) продержатъ нѣсколько времени на огнѣ голую руку, или б) пройти въ одной рубашкѣ черезъ зажженный костеръ, в) взять голыми руками кусокъ раскаленнаго желѣза и пронести его нѣсколько шаговъ или бросить черезъ извѣстное пространство (*judicium ferricandentis*); d) раскалить еще девять сошниковъ, клали ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и заподозрѣнный обязанъ былъ пройти по нимъ босыми ногами. Если затѣмъ обнаруживались на тѣлѣ ожоги — это служило доказательствомъ виновности, и обратно при отсутствіи ожоговъ лицо, подвергнутое испытанію, признавалось невиннымъ. Испытаніе водою было двухъ видовъ: а) кипятокъ (*judicium aquae calidae vel ferventis*) и б) холодной водою (*judicium aquae frigidae*). Въ первомъ случаѣ надо было опустить голую руку въ котелъ, наполненный го-

<sup>1)</sup> Кромѣ иудусовъ, персовъ, кельтовъ, грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ, оно было извѣстно въ Тибетѣ, Японіи, у разныхъ племенъ западной Африки и евреевъ (см. Кн. числъ, V, 19—28).

рячею водою, и достать брошенное въ него кольцо или камень. Второй способ употреблялся преимущественно для облаченія вѣдьмъ; женщинъ, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ, связывали веревками и бросали въ рѣку; если онѣ плавали поверхъ воды, то считались виновными, а если погружались на дно—то невинными: первыхъ подвергали наказанію, а послѣднихъ отпускали на свободу. Гриммъ объясняетъ это древнѣйшимъ воззрѣніемъ на воду, какъ на элементъ священный, чистый, непріемлющій въ себя нечестивцевъ; но такое объясненіе ослабляется другими свидѣтельствами, по которымъ погруженіе испытуемаго въ воду принималось за знакъ виновности, а плаваніе поверхъ воды вело къ оправданію <sup>1)</sup>. Вода могла карать преступниковъ потопленіемъ и потомъ извергать ихъ трупы; относительно же вѣдьмъ существуетъ повѣрье, что онѣ не тонутъ въ водѣ, и основа этого повѣрья скрывается въ ихъ первоначальномъ стихійномъ значеніи (см. гл. XXVI). Испытаніе горячимъ желѣзомъ и водою было въ старину у всѣхъ славянскихъ племенъ, и слѣды его даже донинѣ сохраняются въ Болгаріи, Сербіи и Далмаціи. По словамъ Вука Караджича: если на кого-нибудь скажутъ, что онъ укралъ, а обвиняемый станетъ отрекаться, то наливаютъ полный котелъ горячей воды, кладутъ въ него кусокъ раскаленнаго желѣза или камень, и тотъ, кого заподозрѣли въ воровствѣ, долженъ засучить рукава и вынуть изъ воды желѣзо или камень обѣими руками; если онъ правъ—то ни за что не обожжется, въ случаѣ же дѣйствительнаго участія его въ воровствѣ—на рукахъ будутъ ожоги <sup>2)</sup>. Въ древне-чешской пѣснѣ, извѣстной подъ именемъ «Суда Любуши», находится знаменательное свидѣтельство о судѣ божіемъ огнемъ и водою:

<sup>1)</sup> „Schwimmt er darüber off dem wasser, so ist er unschuldig, fellet er aber unter—so ist er schuldig“—D. Rechtsalter., 908—926.—<sup>2)</sup> Сри. ріечини, 341; О символизмѣ права, Кошмыкова, 74.

когда братья Кленовичи заспорили о наслѣдствѣ и княжна Любуша, собираясь разсудить ихъ «по закону вѣчножизненныхъ боговъ», вступила на отнѣи златъ столъ, то при ней были

дѣвъ вѣгласнѣ дѣвъ,  
изоученѣ вѣщбамъ витязевымъ;  
оу вѣ'номъ сѣтъ дѣски правьдодатнымъ,  
оу вѣ'торымъ мечъ кривды карашъ;  
противъ нима пламы правьдовѣзвѣствѣ,  
и подъ нима святоцоуднѣя нода.

Дѣвы вѣгласныя <sup>1)</sup>, изученныя вѣщбамъ, суть вѣщія слушательницы при неугасимомъ огнѣ Перуна; онѣ являются съ священными атрибутами судебной власти: съ досками правдо-датными, на которыхъ начертаны законы, и съ мечемъ-карателемъ кривды, символомъ бога-громовника и его разящихъ молній (см. т. I, 260); онѣ собираютъ и голоса въ народныхъ собраніяхъ <sup>2)</sup>; передъ ними горитъ пламя, повѣдающее правду, (*plamen pravdozuesten*) и стоитъ вода очищенія—*voda suato-cudna*, которая смываетъ всякое несправедное подозрѣніе и очищаетъ невиннаго отъ ложныхъ обвиненій: *cudna* отъ *cud*—чистота, *cúdití*—очищать, *cudaġ-sudġa* <sup>3)</sup>. Княжна Любуша, очевидно, соединяетъ въ своихъ рукахъ власть правительственную и судебную вмѣстѣ съ религіозною; это доказывается и ея бѣлою одеждою, и присвоеннымъ ей даромъ предвѣщаній. «Рядъ права земскаго», памятникъ чешскихъ законовъ второй половины XIV столѣтія, свидѣтельствуешь, что судъ божій водою и желѣзомъ существо-

<sup>1)</sup> У Нестора: невѣгласи—непросвѣщенные вѣрою.— <sup>2)</sup> Приб. къ Изв. Ак. Н. 1452 года, 19, 21; Слово о полку, изд. Грамматина, 16, 32.— <sup>3)</sup> О вл. христ. на сл. нв., 136; Пикте, II: 455: санскр. *çāṣ-ti, çishti*—наказаніе, исправленіе, устанъ (*çās* — *regere, jubere, docere, punire, ud-çās*—*purificare*), *çāstaġ*—правитель, *çāstra*—законоу, лат. *castus*—чистый, невинный, непорочный, *castigo*—наказываю, ирл. *céasa*—наказаніе, и проч.

валъ въ это время еще въ полной силѣ. По жалобѣ за завладѣніе недвижимымъ имуществомъ, если обѣ стороны подтверждали свои показанія присягою, то истецъ долженъ былъ идти въ глубь рѣки, а отвѣтчикъ слѣдовать за нимъ на разстояніи трехъ шаговъ; если истецъ начиналъ тонуть, то отвѣтчикъ могъ воротиться и объявлялся оправданнымъ; наоборотъ—если истецъ переходилъ рѣку, а отвѣтчикъ подвергался опасности утонуть, то этотъ послѣдній терялъ жизнь и имущество; если же оба счастливо достигали берега, то отвѣтчикъ освобождался отъ иска. Испытаніе желѣзомъ было высшею степенью божьего суда и допускалось только въ тяжкихъ обвиненіяхъ, какъ наприм. ночное нападеніе на домъ. Подсудимый обязанъ былъ простоять известное время на раскаленномъ желѣзѣ (обыкновенно употреблялась для этого желѣзная часть плуга), или до тѣхъ поръ держать на немъ два пальца, пока произнесетъ присягу въ доказательство своей невинности; если онъ отнималъ пальцы отъ желѣза прежде, чѣмъ окончена присяга, то обвинялся и терялъ жизнь. По сербскому законнику царя Душана (XIV столѣт.), тотъ, кто отдавался на божью правду, долженъ былъ сунуть въ раскаленный котелъ руку, или выхватить желѣзо изъ огня, разведеннаго при дверяхъ храма, и отвести его на алтарь <sup>1)</sup>. У насъ, по свидѣтельству Русской Правды, также было судебное испытаніе желѣзомъ <sup>2)</sup>, и хотя форма этого испытанія не объяснена, но безъ сомнѣнія она была такая же, какъ у другихъ славянъ и германцевъ. Въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава съ Ригю и Готскимъ берегомъ 1229 года

---

<sup>1)</sup> „Сравненіе законовъ царя Стефана Душана сербскаго съ древнѣйш. вѣсм. постановл. чеховъ“, соч. Палацкаго—въ Ч. О. Н. и Д., годъ 1, II, 25—26; Древнее право чеховъ, ст. Иваншева—въ Ж. М. Н. П. 1841, т. XXX, 139.— <sup>2)</sup> Предвар. юрид. свѣд. для полн. объясненія Русск. Правды, соч. Н. Калачова, статьи 118—9, 141.

испытаніе желѣзомъ, въ тяжбахъ русскихъ съ нѣмцами, могло быть допускаемо только по обоюдному согласію спорящихъ сторонъ: «роусиноу не вѣсти латинина ко желѣзоу горяче-ноу, аже самъ въсхочетъ; а латининоу тако роусина не вѣсти, аже самъ въсхочете» <sup>1)</sup>. Народныя пословицы и повѣрья до сихъ поръ сохраняютъ воспоминаніе о божьихъ судахъ: «Богъ всякую неправду сыщеть», «виноватаго Богъ (или рокъ) найдетъ», «правда не втонетъ у водѣ и не згоритъ у вогнѣ»; выраженіе: «вывести кого на свѣжую воду» означаетъ: уличить во лжи, въ неправдѣ <sup>2)</sup>. Чтобы узнать виноватаго, въ деревняхъ прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: созываютъ всѣхъ заподозрѣнныхъ и раздаютъ имъ по рукамъ зажженныя лучины одинаковой мѣры; чья лучина горитъ скорѣе, тотъ и виноватъ. Съ цѣлю изобличить вора, заставляютъ его цѣловать въ дуло заряженного ружья <sup>3)</sup>; а бабъ, обвиняемыхъ въ колдовствѣ, бросаютъ въ прудъ или рѣку: если она плаваетъ поверхъ воды—то признается злою вѣдьмою, если же тонетъ—то на нее взвели напраслину. Многія представляютъ бога-громовника кузнецомъ и пахаремъ; раскаленное желѣзо, сошникъ и камень—символическія знаменія его молній, заряженное ружье—позднѣйшая замѣна Перуновой стрѣлы или палицы, кипучая вода равносильна водѣ небесныхъ источниковъ, приготовляемой въ грозовомъ пламени.

Одна изъ любопытнѣйшихъ формъ божьего суда—бросаніе въ воду жребія. Старинная пѣсня рассказываетъ: согрѣшилъ богатый купецъ Садко, не давалъ жертвъ Морскому Царю (=Океану), и вотъ остановился его корабль посреди моря широкаго и съ мѣста не тронется. Надо узнать виновата-

<sup>1)</sup> Собр. гос. грам. и догов., II, № 1.— <sup>2)</sup> Послов. Даля, 3, 5, 194; Старосв. Бандур., 199.— <sup>3)</sup> Абев., 77.

таго — кто оскорбилъ божество? ради кого постигла бѣда неминучая? Промолвилъ Садко корабельщикамъ:

въ мѣсто всѣ вы собирайтесь,  
А и рѣжте жеребья вы валжены,  
А и всякъ-то пиши на имена,  
И бросайте вы ихъ въ синѣ море:  
Которые бы поверху плывутъ,  
А и тѣ бы душеньки правыя;  
Что которые-то въ морѣ тонутъ,  
А мы тѣхъ спихнемъ во синѣ море.

Въ другой разъ велкъ Садко рѣзать жеребья ветляные: чей будетъ сверху плавать—тотъ согрѣшилъ, а чьи потонуть—тѣ «душеньки правыя». Оба раза жребій указалъ на хозяина корабля: его жребій валженный потонулъ, а ветляной по водѣ поплылъ <sup>1)</sup>. Тотъ-же мотивъ встрѣчаемъ и въ народной русской сказкѣ <sup>2)</sup> и въ шведской пѣснѣ о Геръ-Педеръ <sup>3)</sup>. Нѣмец. loos—жребій на сѣверѣ употребляется въ значеніи вѣтки; замѣтимъ, что въ числѣ различныхъ уподобленій молніи она представлялась и древесною вѣткою или лозою (donnerguthe, см. гл. XVIII). Согласно съ этимъ значеніемъ жеребьевыхъ прутиковъ, они могли быть замѣняемы горячими угольями. При лѣченіи наговорною водою, принято бросать въ нее красные уголья, пересчитывая имена знакомыхъ лицъ; на чьемъ имени потонетъ уголь, того и обвиняютъ въ порчѣ или сглазѣ больного <sup>4)</sup>. Въ подновленномъ видѣ обрядъ, описанный въ пѣснѣ о богатомъ купцѣ Садкѣ, существуетъ и донынѣ: когда понадобится узнать, кто виноватъ въ кражѣ или иномъ проступкѣ, простолюдины берутъ чашу воды и бросаютъ въ нее свѣрнутыя записки съ

---

<sup>1)</sup> Кирша Дан., 337—9.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сж., V, 31.— <sup>3)</sup> Пѣсни разн. народ., въ переводѣ Берга, 435.— <sup>4)</sup> Томе соблюдается между хорутанами—сб. Валявца, 248.

обозначенными на нихъ именами домашнихъ и знакомыхъ; чья записка выпрыгнетъ изъ чаши, тотъ и виноватъ <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ сама священная стихія (вода) призывается дать отъ вѣтъ потопленіемъ или поднятіемъ жребія.

Шумный плескъ, вѣчное движеніе и стремительные разливы водъ, заставляющіе видѣть въ нихъ нѣчто живое и могучее, паденіе воды съ небесъ въ видѣ дождя, росы и снѣга, ея плодотворная сила и участіе во всѣхъ отправленіяхъ жизни— все вело къ обоготворенію этой стихіи. Вѣруя въ ея небесное происхожденіе, переноса старинныя представленія о тученосномъ небѣ и дождевыхъ источникахъ на океанъ-море, рѣки, озера и криницы, фантазія отдала эти послѣднія въ завѣдываніе богамъ, духамъ и нимфамъ, въ которыхъ олицетвореніе земныхъ водъ сочеталось съ преданіями о владыкахъ весеннихъ грозъ и ливней. Греческій Ποσειδών (древнія формы: дорійск. Ποτῖδᾱς, іон. Ποσειδῶς и Ποσειδῆς; корень тотъ-же, что и въ словахъ: πῶτος, , ποτίζω, ποταμός <sup>2)</sup>), верховный владѣтель всѣхъ водъ, изображался сѣдовласымъ старцемъ; онъ живетъ въ глубинѣ моря—въ славномъ дворцѣ, и Гомеръ называетъ его земледержцемъ и колебателемъ земли: эпитеты, указывающіе въ немъ воплощеніе всесвѣтнаго океана и божество, родственное Зевсу, грома котораго потрясаютъ землю; подобно Зевсу, онъ владѣетъ золотымъ бичемъ (=нолніей) и ѣздитъ на бурно-летающихъ, золотогривыхъ коняхъ. Рѣки и потоки почитались у грековъ дѣтьми, порожденными сѣдымъ Океаномъ <sup>3)</sup>: возрѣніе, раздѣляемое и славянами. Въ старинную рукопись занесена загадка: «коя мати дѣти своя счетъ (сосетъ)?»—Море выпадающія въ него рѣки <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 63.— <sup>2)</sup> Griechische Myth. Преллера, I, 443. —

<sup>3)</sup> Пикте, I, 116: санскр. āśaya — вмѣстѣ, пребываніе, galāśaya—вмѣстѣ водъ; отъ форм āśaya и образовались ὠκεανός (ὠκεῖος), ирл. nigein, oigean, oigian, нѣмр. eigiawn, eigi-on.— <sup>4)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бусл., 48.



Ниже мы увидимъ, что русскія народныя преданія изображаютъ рѣки дочерями Морскаго Царя. Большія рѣки античный мифъ олицетворялъ бородатыми старцами (борода—поэтическое представленье тучи, см. гл. XXI), которые лили изъ своихъ урнъ водные потоки <sup>1)</sup>; малые же ключи и криницы—прекрасными нимфами. Въ германской мифологiи богъ моря Эгиръ (Oegir, готск. форма Ôgeis, англос. Êge, др.-вер.-нѣм. Uogi), въ имени котораго Я. Гриммъ видитъ указанiе на божество грозное, устрашающее: отъ корня aga, ôg въ древне-нѣмецкомъ языкѣ произошли производныя, означающія страхъ, ужасъ, трепетъ (гот. agis, ôg, др.-вер.-нѣм. akiso, egiso, англос. egesa, сканд. oegja—terroresse); слово oegir (объясненiе см. въ гл. XX) употреблялось и для обозначенiя моря <sup>2)</sup>. Подобно тому, у скивовъ море носило мифологическое имя Thami-masadas—страшный, ужасный <sup>3)</sup>. Легко-подвижное, «вѣчно-шумное» море особенно поражало фантазiю своими неистовыми, наводящими ужасъ волненiями; а картины морской бури неразлучны съ представлениемъ грозы и стремительныхъ вихрей. Потому Одинъ, воздыматель грозовыхъ бурь, принимался вмѣстѣ съ тѣмъ и за владыку водъ, равносильнаго Нептуну (I, 320); финны даютъ громовнику Укко власть не только надъ тучами, но и водами: онъ вздымаетъ волны и укрощаетъ ихъ по своему произволу <sup>4)</sup>; наоборотъ литовцы своему морскому богу (Дивевитисъ) приписываютъ власть надъ вѣтрами, и рыбаки, отправляясь на промыслы, молятъ его— да не попуститъ вѣтрамъ волновать море <sup>5)</sup>. У Эгира есть жена по имени Рана (Rân); они обитаютъ въ морѣ и имѣютъ девять дочерей, именами которыхъ Эдда обозначаетъ воды и волны;

<sup>1)</sup> D. Myth., 566—7. Финны представляли морскаго бога Ahti старцемъ (У. З. А. Н. 1852, IV, 511).— <sup>2)</sup> D. Myth., 216—7.—<sup>3)</sup> Лѣт. рус. лит., кн. I, 137—8.— <sup>4)</sup> У. З. А. Н. 1852, IV, 523.— <sup>5)</sup> Черты литов. народ., 88, 128.

свѣтлыя волосы и бѣлыя покрывала этихъ мифическихъ дѣвъ суть поэтическія представленія бѣлоснѣжной пѣны девяти морскихъ вавовъ и быстронесущихся потоковъ. Очевидно, ручьи и рѣки, которымъ въ Германіи большею частію присвоаются названія женскаго рода, издревле стояли въ томъ-же родственномъ отношеніи къ морскому божеству, въ какое ставилъ ихъ греческій мнѣкъ Океану <sup>1)</sup>. Летучія дожденосныя тучи олицетворялись то толпою духовъ, помогающихъ богу-громовнику въ его творческихъ подвигахъ, то прекрасными полногрудыми женами, проливающими на землю живую воду дождя; подобными же существами фантазія младенческихъ народовъ населила и земные источники. Таковы упоминаемыя въ Ведахъ āpas (воды), хранительницы безсмертнаго напитка-амриты, греческія и римскія нимфы различныхъ наименованій—наяды, нериды, камены, нѣмецкіе никсы, литовскія wandyppijė или undine dejwe (водныя дѣвы) и славянскіе водяные. Никсы представляются и въ мужскомъ и въ женскомъ образѣ: nix—муж. рода. и nixe—женскаго (=niks, nikse, др.-верх.-нѣм. nihhus, nichus, англос. niseog, множ. число nise-gas—чудовищные духи, обитающіе въ морѣ; nikker—злой духъ, чортъ=nickel, nickelmann, ср.-верх.-нѣм. wasser-nixe—сирена, сканд. níkr, финск. nääki, эстон. nek—водяной); Одинъ, какъ божество, волнуемое моря и рѣки, назывался Níkarг (Hnikarr) и Níkuз (Hnikudhr): первое имя соответствуетъ англосаксонскому niseog, а послѣднее др.-верх.-нѣм. nichus. Цвѣтокъ νουμφαλα (numphaea—отъ νούμφη) въ нововѣрх.-нѣм. нарѣчіи называется nix-blume (или see-blume, seeelilie), что указываетъ на тождество греческихъ нимфъ съ нѣмецкими никсами; водяная лялія—wasser mähne, lein и mummel=mühmchen, wassermuhme. Другія на-

<sup>1)</sup> D. Myth., 218.

званія водяныхъ духовъ: wasserholde, brunnenholde (holde — genius), wassermann, seejungfer, meerweib, meerminne, датск. brøndmand (brunnenmann), швед. strömkarl (stromgeist). Водяные духи обитаютъ въ прудахъ, источникахъ и рѣкахъ (наприм. въ Салѣ, Дунаѣ, Эльбѣ); но имѣютъ многія сходныя черты съ духами-обитателями горъ, такъ какъ тучи на древнемъ метафорическомъ языкѣ уподоблялись горамъ. Объ утопленникахъ нѣмцы говорятъ, что они увлечены водянымъ («der nix hat sie an sich gezogen») или отправились къ богинѣ Ранѣ; дѣти, упавшія въ колодезь, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, попадаютъ во власть никсы, которая благосклонно принимаетъ ихъ въ свое жилище. Водяной обыкновенно представляется такимъ-же длиннородымъ старикомъ, какъ римскіе полубоги рѣкъ; иногда онъ, подобно драконамъ, изображается со многими головами, а иногда принимаетъ на себя образъ дикаго мальчика, въ красной шапочкѣ на головѣ или съ всклокоченными волосами, что напоминаетъ горныхъ карликовъ <sup>1)</sup>; у финскаго пѣккі желѣзные зубы (= метафора молніи) — повѣрье, нечуждое и славянамъ, ибо въ рускомъ заговорѣ отъ зубной боли находимъ слѣдующее воззваніе: «Чудо водяной! возьми зубъ ломовой у раба божія» <sup>2)</sup>; въ другихъ-же заклятіяхъ, обращенныхъ къ бабѣ-ягѣ и мнѣнчскимъ животнымъ, говорится: «возьми зубъ рѣпяной, а мнѣ дай желѣзной» (I, 774). Дѣвы-никсы нерѣдко появляются между людьми; ихъ можно узнать по мокрымъ краямъ платья и передника. Онѣ имѣютъ много общаго съ вѣщими лебедиными дѣвами, или лучше сказать — водяныя и лебединыя дѣвы совершенно тождественны. Птица лебедь — одно изъ древнѣйшихъ олицетвореній бѣлаго лѣтняго облака (I, 540);

<sup>1)</sup> На туже связь съ карликами указываютъ и рассказы, приписывающіе никсамъ красные волосы, красную одежду и красныя шляпы — Beiträge zur D. Myth., II, 292. — <sup>2)</sup> Сахаров., I, 22.

и ея образъ превращались индѣйскія апсарасы (=āpas); вѣщія дѣвы и у славянъ, и у нѣмцевъ часто являются на водахъ бѣлыми и лебедушками: присвоенное имъ предвѣдѣніе есть даръ безсмертнаго напитка, которымъ онѣ обладаютъ; пляска, музыка и пѣніе (= метафоры крутящихся вихрей и зывающей бури) составляютъ любимыя занятія, утѣху и веселье всѣхъ водяныхъ духовъ; волненія рѣкъ и водовороты народъ объясняетъ себѣ, какъ послѣдствіе ихъ танцевъ. Всѣми этими признаками: вѣщею силою и склонностью къ пляскамъ, музыкѣ и пѣснямъ они сближаются съ воздушными существами бурныхъ грозъ—эльфами и вѣдьмами. Народныя саги приписываютъ водянымъ неутолимую жажду крови: кровь здѣсь—метафора дождя, которымъ съ жадностью упиваются облачные духи; забвеніе исконнаго смысла этой метафоры со общило водянымъ ту суровую жестокость, съ которою они увлекаютъ утопленниковъ въ свои подводныя жилища, высасываютъ изъ нихъ кровь. Тоже кровавое ищеніе обращаютъ они и на своихъ товарищей, если эти послѣдніе, покинувъ воды, перейдутъ къ людямъ и потомъ снова воротятся назадъ <sup>1)</sup>. Нѣмецкой Ранѣ отчасти соответствуетъ литовская Юрата, царица Балтійскаго моря; именемъ этимъ называютъ и самое море. Про нее сохранилось такое поэтическое сказаніе: надъ балтійскими водаъ возвышался чудесный дворецъ Юраты, стѣны были сдѣланы изъ свѣтлаго янтара, пороги изъ золота, крыша изъ рыбьей чешуи. Раздраженная на молодого рыбака, который ловилъ стѣнами въ ея владѣніяхъ рыбу, богиня собрала подвластныхъ ей ундиновъ, и на янтарныхъ ладьяхъ поплыли онѣ къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Свента (Szwenčia—священная) впадаетъ въ море. Чарующими пѣснями Юрата хотѣла увлечь рыбака въ водныя бездны и наказать тамъ смертію,

<sup>1)</sup> D. Myth., 455—462, 465.

но пѣнилась его красотою и позабыла месть. Съ той поры всякой вечеръ приплывала туда богиня и проводила счастливые часы съ своимъ возлюбленнымъ. Но Перкунъ узналъ о ея тайныхъ свиданіяхъ, бросилъ громы въ морскую глубь, раздробилъ янтарные чертоги, рыбака приковалъ къ утесу на днѣ моря, а передъ нимъ положилъ трупъ царьцы. Когда буря взволнуеть море—въ шумѣ ея слышатся стоны несчастнаго юноши; волны морскія выкидываютъ куски янтара—остатки славнаго дворца Юраты <sup>1)</sup>. По воззрѣнію индоевропейскихъ народовъ, богъ-громовникъ преслѣдуетъ во время грозы убѣгающихъ нимфъ, какъ своихъ любовницъ; молнія, которою онъ разитъ тучи, уподобляется то фаллосу, то огненному мечу, разбивающему облачные замки и карающему смертію виновныхъ. Въ морской богинѣ литовскаго сказанія узнаемъ типъ этой облачной нимфы; Перкунъ мститъ ей за любовь къ смертному—черта, принадлежащая позднѣйшей обработкѣ мифа.

Обоготвореніе водъ и поклоненіе имъ выразилось у славянъ въ такихъ-же образахъ и съ тѣми-же характеристическими признаками, какъ и у прочихъ племенъ арійскаго происхожденія. Изъ свидѣтельства Проконія узнаемъ, что славяне обожали рѣки и нимфъ (—водяныхъ дѣвъ), приносили имъ жертвы и по жертвамъ гадали о будущемъ <sup>2)</sup>; воины Святослава, по словамъ Льва-діакона <sup>3)</sup>, послѣ погребенія павшихъ въ битвѣ товарищей, погружали въ волны Дуная пѣтуховъ и младенцевъ. Несторъ говоритъ о полянахъ: «бяху же тогда поганіи, жруще озеромъ и кладяземъ и рощеніемъ, яко же и прочіи поганіи» <sup>4)</sup>; въ Густинской лѣ-

<sup>1)</sup> Семеновск., 23—26; Иллюстр. 1848, № 26; Изв. А. Н., I, 115; Рус. Сл. 1860, V, 18; Вѣст. Европы 1830, XV—XVI, 272—3. —

<sup>2)</sup> Срезнев., 20. — <sup>3)</sup> Стр. 93. — <sup>4)</sup> П. С. Р. Л., VII, 263; сравни „Лѣтописецъ“, содержащ. въ себѣ рос. исторію отъ 852 до 1598 г.

тогда сказано: «людіе же тогда бяху невѣгласи и невѣдущіи Бога... жертвы богомерзкіа богомъ своимъ приношаху— озеромъ, и кладяземъ, и рощеніемъ», и въ другомъ мѣстѣ: «иныи же кладяземъ, озеромъ, рощеніемъ жертвы приношаху. Отъ сихъ единому нѣкому богу на жертву людей топаху, ему-же и донывѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи пашать творять» <sup>1)</sup>. Въ церковномъ уставѣ св. Владиміра упоминается о молящихся у воды <sup>2)</sup>. Кириллъ Туровскій радуется, что съ принятіемъ христіанства уже «не нарекутся богомъ стихіа... ни источниці» <sup>3)</sup>. Въ древнеславянскій переводъ Григорія Богослова допущена была любопытная вставка о водопосвященіи у славянъ, изъ которой выше мы привели свидѣтельство о жертвахъ, приносимыхъ студентамъ съ молюбою о дождѣ; далѣе читаемъ: «овъ рѣкъ боги и нарицають, и звѣрь живащъ въ ней яко бога нарицаю, трѣба творить» <sup>4)</sup>. Правило митрополита Іоанна (XII в.) осуждаетъ тѣхъ, которые «жроуть бесомъ и болотомъ и колодяземъ» <sup>5)</sup>. Въ житіи муромскаго князя Константина Святославича говорится о требахъ, какія приносили изычники рѣкамъ и озерамъ, и что «очныи ради немощи» умышались они у колодцевъ и повергали въ нихъ сребреницы <sup>6)</sup>. Въ старинныхъ поучительныхъ словахъ читаемъ: «не нарицайте собѣ бога... ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ» <sup>7)</sup>; «а друзи нѣ кладязѣмъ приходяще молятся и въ воду мечють, Велеару жертву приносяще, а друзи огневи и каменію, и рѣкамъ и источникамъ и берегынѣмъ... не токмо же вреже въ погавьствѣ, но мнози и нынѣ то творять... И надѣ

(Москва, 1781): «бяху же погани, жряху идоломъ въ колодязяхъ». — <sup>1)</sup> П. С. Р. Л., II, 234, 257; тоже и въ Синописѣ. — <sup>2)</sup> Доп. къ Ак. Ист., I, № 1. — <sup>3)</sup> Памят. XII в., 19. — <sup>4)</sup> Изв. Ак. Н., IV, 310. — <sup>5)</sup> Рус. Дост., I, 94. — <sup>6)</sup> Карам. И. Г. Р., I, примѣч. 214. — <sup>7)</sup> Москв. 1844, I, 243.

источники свѣща вжигающа и кумирьскую жертву ядять» <sup>1)</sup>). Слово о постѣ, напечатанное въ «Православномъ Собесѣдникѣ» <sup>2)</sup>), между запретными суевѣріями называетъ и «моленія кладезнаа и рѣчнаа». О поклоненіи водѣ у славянъ балтійскихъ свидѣлствуютъ древнія хроники. Дитмаръ говоритъ, что колобрежцы чтили море, какъ обиталище водныхъ боговъ; онъ же упоминаетъ о священномъ озерѣ Гломачскомъ, обладавшемъ силою предвѣщать будущее; Эббо и Сефридъ — о святыхъ ручьяхъ, которые обтекали посвященные богамъ деревья; а Гельмольдъ указываетъ на обычай клясться источниками <sup>3)</sup>). У чеховъ культъ воды былъ еще въ полной силѣ во времена Космы Пражскаго («hic latices colit»); когда князь Бретиславъ обратилъ вниманіе на остатки язычества, онъ запретилъ между прочимъ и жертвы и возлиянія, совершаемыя народомъ надъ источниками: «item et superstitionas institutiones, quas villani adhuc semipagani in Pentecosten tertia sive quarta feria observabant offerentes libamina super fontes mactabant victimas et daemonibus immolabant.» Въ началѣ XII-го столѣтія епископъ пражскій ревностно возставалъ противъ жертвоприношеній источникамъ («non ad fontes sacrificia ullo modo facere») и увѣщевалъ чеховъ, чтобы не искали у нихъ помощи ни во время чумы, ни въ другихъ нуждахъ <sup>4)</sup>). Эти старинныя свидѣтельства о поклоненіи и жертвенныхъ приношеніяхъ водамъ подтверждаются уцѣлѣвшими до настоящихъ дней повѣрьями и обрядами, какіе совершаются при родникахъ, колодцахъ, рѣкахъ и озерахъ. Хорутане называютъ море — «света вода»; а словаки вѣрятъ, что духъ божій живетъ въ водахъ, омывающихъ землю, и какъ только онъ

<sup>1)</sup> Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 108—9. Алеманы и еравим, обращающаясь съ мольбами къ источникамъ, также возжигали огни — D. Myth., 550.— <sup>2)</sup> 1858 г., I, 166.— <sup>3)</sup> Срезанецъ, 22; Макуш., 76—77.— <sup>4)</sup> Громаничъ, 43.

оставить воды — тотчас наступить кончина міра; у послѣднихъ въ обычаѣ бросать весною въ потоки и озера различные яства <sup>1)</sup>. О молебнахъ, творимыхъ чехами съ колѣнопреклоненіемъ у рѣкъ и источниковъ, сказано было выше; сверхъ того, вечеромъ наканунѣ Рождества они откладываютъ отъ каждаго кушанья по полной ложкѣ въ особую, нарочно-поставленную чашку и послѣ ужина бросаютъ все это въ колодець, съ слѣдующимъ причитаньемъ:

Hospodár tě pozdravuje.  
A po mě tobě vzkazuje:  
Studánko, uživej s námi hody,  
Ale za to dej nám hojnost' vody;  
Po zemi až bude žití,  
Svým pramenem ty ji vyžei <sup>2)</sup>.

Въ Моравіи, вмѣстѣ съ яствами, бросаютъ въ колодцы и деньги, и причитываютъ:

Studánko, studánko!  
Tu ti nesu večeričku;  
Pověz ty mně pravdu,  
Co se tě plát budu <sup>3)</sup>.

Когда кто-нибудь, утонетъ, чехи собираются туда, гдѣ случилось это несчастіе, молятся и бросаютъ въ воду свѣже-испеченный хлѣбъ и двѣ восковыя свѣчи; до начала нынѣшняго столѣтія было у нихъ въ обычаѣ въ день св. Фейты топить въ озерахъ, прудахъ и болотахъ пѣтуховъ и куръ: древность этого жертвеннаго приношенія засвидѣтельствована Косьмой Пражскимъ, по словамъ котораго чехи, при началѣ весны, хо-

<sup>1)</sup> Срезнев., 19, 23.—<sup>2)</sup> Переводъ: хозяинъ поздравляетъ тебя и говоритъ тебѣ черезъ меня: криница! раздѣли съ нами праздничную трапезу, и за то дай намъ обильную воду; если будетъ на землѣ засуха, ты отпрати (прогони) ее своими потоками.— <sup>3)</sup> Переводъ: Студенець, студенець! я несу тебѣ ужины; повѣдай мнѣ правду—о чемъ буду тебя спрашивать.



дили къ источникамъ, удушали черныхъ куръ и пѣтуховъ и подкидывали ихъ на воздухъ, съ призваніемъ дьявола <sup>1)</sup>. Плевать и мочиться въ воду, по выраженію русскаго народа, все равно, что мачи въ глаза; это — грѣхъ, которому радуется нечистый <sup>2)</sup>. При вскрытіи рѣкъ не слѣдуетъ бросать въ нихъ ни камней, ни мусора, чтобы не отяготить пробуждающейся стихіи (арханг. губ.); въ это время водѣ бываетъ трудно, и жители прибрежьевъ Иртыша, желая облегчить вскрытіе названной рѣки, бросаютъ въ нее крохи хлѣба <sup>3)</sup>. При пожарахъ крестьяне ставятъ на окнахъ стаканы съ водою и вѣрятъ, что вода эта не допуститъ дальнѣйшаго распространѣнія пламени (оренб. губ.). По мнѣнію раскольниковъ, на водахъ почіетъ духъ, которому поклоняются они не только надъ колодцами, но и въ домахъ надъ чанами, наполненными водою; въ тѣ и другіе бросаютъ они серебряныя деньги <sup>4)</sup>. У бѣлоруссовъ новобрачная, отправляясь въ первый разъ за водою, оставляетъ возлѣ колодца пирогъ и нѣсколько мелкихъ денегъ, какъ жертву домашнему божеству <sup>5)</sup>; у болгаръ она идетъ къ колодцу съ просомъ въ рукавѣ, и разсыпая вокругъ него зерна, кланяется на всѣ на четыре стороны <sup>6)</sup>. Въ Сербіи готовятъ изъ разнаго зерна кашу и въ день св. Варвары или на Рождество посыпаютъ ею воду, съ такимъ причитаньемъ: «добро јутро, ладна водо! ми тебе варице (кашу), а ти нама водице и јарице, јаѣице и мушке главице и сваке сређице» <sup>7)</sup>. Эти посыпальные обряды указываютъ на молебны, обращенныя къ источникамъ, да ниспослать они сѣмя дождя и да будетъ плодородіе въ поляхъ, стадахъ и въ семьѣ

<sup>1)</sup> Громаничъ, 50—51, 74—75.— <sup>2)</sup> Ibid., 44; Послов. Далъ, 1048. По свидѣтельству Геродота (ин. I, гл. 138), персы запрещали плевать и мочиться въ рѣки.—<sup>3)</sup> Этн. Сб., VI, 118.— <sup>4)</sup> Рус. прост. празд., I, 16.— <sup>5)</sup> Бѣлорус. нар. пѣсни, изд. Е. П., 41.— <sup>6)</sup> Миладина, 521.— <sup>7)</sup> Срп. рјечникъ, 54.

изображенныхъ. Въ родники и озера, почитаемые святыми, бѣлые, послѣ своего омовенія, бросаютъ жѣданыя и серебряныя деньги, кольца, серьги и запонки; въ тѣ праздничныя дни, когда поятъ лошадей ключевою водою, на дно источника опускается серебряная монета <sup>1)</sup>. Во владимірской губ. воды — «встрѣчники» (при сліяніи одной рѣки съ другою) почитаются наиболѣе цѣлебными; крестьяне купаются въ нихъ отъ разныхъ болѣзней, и послѣ купанья оставляютъ на кустахъ прибрежнаго ракитника шейные кресты, цвѣтныя лоскуты и ленты <sup>2)</sup>. Нѣмецкія племена приносили въ жертву источникамъ, водоворотамъ и рѣкамъ пѣтуховъ, коней, козъ и ягнятъ; еще теперь въ обычаѣ бросать въ воду хлѣбъ и плоды нѣксамъ <sup>3)</sup>.

Въ эпическихъ сказаніяхъ русскаго народа встрѣчаются живыя олицетворенія рѣкъ и озеръ, Морской Царь (хорутан. *Morski kralj* <sup>4)</sup>) и водяные духи и дѣвы. Особенно интересны былины о новгородскомъ купцѣ Садкѣ. Прежде онъ былъ бѣденъ, имѣлъ только гусли и ходилъ на пиры увеселять гостей музыкальными звуками. Соскучилось разъ ему, пришелъ онъ къ Ильмень-озеру, сѣлъ на бѣль-горючъ камень и сталъ играть въ гусельки яровчаты <sup>5)</sup>:

Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,

Показался Царь Морской,

благодарствовалъ за утѣху и посулилъ ему въ награду кладъ изъ Ильмень-озера — три рыбы-золотыя перья, на ко-

<sup>1)</sup> Сахаров., II, 22, 36, 47; Рус. въ св. посл., IV, 98—111; Рус. Предан. Макарова, I, 32; II, 77—78; Оренб. Г. В. 1847, 52; Моск. Наблюд. 1837, XII, 505; О. З. 1822, № 21, стр. 30.— <sup>2)</sup> Владим. Г. В. 1852, 25. Чуваши, явившись холодной воды, какъ скоро почувствуютъ нездоровье, бросаютъ деньги, яйца и хлѣбъ въ ту рѣчку или колодезь, откуда утолили свою жажду—Записки Алекс. Фукса о чувашахъ и черемис., 58.— <sup>3)</sup> D. Myth., 462, 549—550, 961—2.— <sup>4)</sup> Сб. Валайца, 186—191.— <sup>5)</sup> Сдѣланныя изъ явора.

торья можно скупить всё несмѣтные богатства новгородскія. Садко закинулъ въ озеро неводъ и вытащилъ обѣщанное сокровище, которое въ нашемъ эпосѣ соответствуетъ кладу Нибелунговъ, хранимому въ глубинѣ водопада шуюю Андвари <sup>1)</sup>. Царь Морской, по народному повѣрью, властвуетъ надъ всѣми рыбами и животными, какія только водятся въ моряхъ <sup>2)</sup>. Другая былина рассказываетъ: плывъ богатой гость Садко по синему морю; вдругъ остановился его корабль — и съ мѣста не двинется. Стали бросать жребіи, чтобы узнать виноватаго; палъ жребій насамого хозяина. Признался Садко: «бѣгаю, говорить, я по морю двѣнадцать лѣтъ, не платилъ я Царю Заморскому дани-пошлины, неonusкивалъ хлѣба-соли въ синѣ море Хвалынское!» Бросили его корабельщики въ воду, и тотчасъ поплылъ корабль своею дорогою <sup>3)</sup>. Кинутый въ море Садко былъ привнесенъ волною къ Морскому Царю. Стоитъ изба большая — во все дерево; вошелъ Садко въ избу, а въ ней лежитъ на лавкѣ Царь Морской: «гой еси богатой гость! говоритъ ему царь, ждалъ тебя двѣнадцать лѣтъ, а нынѣ ты самъ головой пришелъ. Поиграй-ка мнѣ во звончатыхъ гусли». Заигралъ Садко, сталъ царя тѣшити; распясался Царь Морской — и синѣ море всколебалося, и быстрыя рѣки разливались, и потопили много кораблей съ товарами. Вздумалось царю женить гостя, привелъ тридцать дѣвицъ и приказалъ выбирать невесту; въ

<sup>1)</sup> Рыбник., I, 370—2. — <sup>2)</sup> Абен., 306. — <sup>3)</sup> Сравни съ малорусскою думою о „Черноморской бурѣ“ (Сборн. украин. пѣсень, 48) за грѣхъ Алексѣя Поповича забушевало Черное море. Говорить: Поповичъ:

Добре вы, братцы, вчиняйте,  
Мене самого возьмите,  
До шіи бѣлый камень причепіте,  
Да-й у Чорное море зопхніте.

Сталъ Поповичъ каяться—стала утихать и буря.

народныхъ сказкахъ Морской Царь предлагаетъ доброму молодцу выбрать себѣ въ жены одну изъ своихъ дочерей. Лѣгъ спать Садко съ избранной дѣвою: со полуночи, въ просоньи, вынулъ онъ лѣвую ногу на молодую жену, и когда проснулся по утру — то самъ очутился подъ Новгородомъ, а лѣвая нога его въ Волхъ-рѣкѣ <sup>1)</sup>. Итакъ Царь Морской выдаетъ за богатаго гостя дочь свою рѣку Волховъ: ния это въ народной рѣчи («за тую за рѣченьку Волхову») и въ новгородской лѣтописи («чрезъ Волхову-рѣку») употребляется въ женской формѣ, и потому фантазія безъ нарушенія грамматическаго смысла могла олицетворить рѣку Волхову дѣвою <sup>2)</sup>. Приведенное сказаніе о свиданіи Садка съ Морскимъ Царемъ передается еще въ слѣдующей вариаци: когда жребій указалъ многого, взяли его корабельщики и спустили на воду на дубовой доскѣ; съ гуслими въ рукахъ поплылъ Садко по морю и принесенъ былъ въ палаты царя Водяника и супруги его царицы Водяницы:

Пошла дощечка ко дну синя моря,  
Объявилось на днѣ царство великое,  
А во царствѣ пированье-почестень пиръ

Говорилъ Водяникъ гостю: «поиграй въ гусли яровчаты, потѣшь нашъ почестень пиръ»;

Выдаю я дочь свою любимую  
Во тѣхъ во славно Окіянь-море.»

Такъ поэтически, въ античной формѣ, изображаетъ народный эпосъ впаденіе рѣки въ море: царь Водяникъ выдаетъ дочь свою рѣку замужъ на чужую сторону, въ далекія области океана. Сталъ Садко въ гусли играть, царь Водяникъ поскакивать, царица Водяница поплясывать, красныя дѣвушки хоро-

<sup>1)</sup> Карша Дан.. 337—343; у Рыбник., I, 380, Садко проснулся въ Новгородѣ „о рѣку Чернаву на врутовъ вряжу“. — <sup>2)</sup> Рыбник., III, 233.

водъ водить — и было веселье съ утра и до вечера; отъ тѣхъ  
плясокъ бѣсовскихъ

Океанъ-синее море всколыхалось,  
Кораблики всѣ повывомало,  
Людей всѣхъ повывомало <sup>1)</sup>.

Очевидно, что Садко, чудесная игра котораго на гусляхъ за-  
ставляетъ волноваться океанъ-море, замѣнилъ собою въ пре-  
даніи древнѣйшаго бога грозы и вѣтровъ: въ завываніяхъ гро-  
зовой бури предкамъ нашимъ слышались чароушныя звуки  
гуслей-самогудовъ. Женитьба Садка на дѣвѣ-рѣхѣ, въ пер-  
воначальномъ представленіи мифа, была брачнымъ союзомъ бо-  
га-громовника съ облачною нимфою (см. I, 322 и далѣе); ко-  
рабль, на которомъ плылъ онъ по синему морю, — извѣстная  
метафора тучи. Чтобы приостановить морскую бурю, Садко дол-  
женъ былъ порвать звонкія струны и прекратить игру на  
гусляхъ; позднѣйшая легендарная прибавка объясняетъ это  
вѣщательствомъ Николы-угодника, который является Садку  
во снѣ и приказываетъ:

«Гой еси ты, Садко-купецъ, богатой гость!  
А рви ты свои струны золоты  
И бросай ты гусли звончаты;  
Расплясался у тебя Царь Морской,  
А синее море всколебалось,  
А и быстры рѣки разливались,  
Топять много бусы <sup>2)</sup>, корабли,

---

<sup>1)</sup> Ibid., I, 363—9; III, 244—251. При этой встрѣчѣ съ Мор-  
скимъ Царемъ, Садко рѣшаетъ между ними и царцею споръ о томъ,  
что на Руси дороже: булатъ-железо или красное золото? Тотъ-же  
эпизодъ развивается и въ сказкѣ про Ивана Безсчастнаго—Н. Р.  
Ск., V, 31. За рѣшеніе спора Царь Морской награждаетъ Ивана  
Безсчастнаго дорогими самоцвѣтными камнями. Этотъ вопросъ о  
металлахъ и подробность о самоцвѣтныхъ камняхъ стоятъ въ свя-  
зи съ преданіями о владахъ, лежащихъ въ глубинѣ водъ и въ горахъ-  
тучахъ.— <sup>2)</sup> Лодки.

Топать души напрасны.

А и тутъ Садко-купецъ, богатой гость.

Изорвалъ онъ струны золоты,

И бросаетъ гусли звончаты;

Пересталъ Царь Морской скакать и плясать:

Утихло море синее,

Утихла рѣки быстрыя.

Такое участіе даетъ пѣсня св. Николаю, потому что въ народѣ онъ слыветъ скорымъ помощникомъ и хранителемъ на водахъ (I, 475) и даже называется «морскимъ» и «мокрымъ» <sup>1)</sup>. Когда пронесется шумная гроза и замолкнутъ порванные струны гуслей-самогудовъ, т. е. стихнутъ громы и вѣтры,—вмѣстѣ съ тѣмъ успокоивается и морская пучина.

Съ разобранными былинами о Садкѣ стоитъ въ близкой связи народная сказка о Морскомъ (Водяномъ или Поддонномъ) Царѣ и его вѣщей дочери <sup>2)</sup>. Въ одномъ вариантѣ этой сказки Морской Царь прямо названъ Окіанъ-море <sup>3)</sup>; въ другихъ же спискахъ роль его передается змѣю, чорту и беззаконному Чуду-Юду. Этотъ славянскій Нептунъ упоминается и въ другихъ сказкахъ <sup>4)</sup>. Какъ приноситель темныхъ туть, которыя помрачаютъ собою небесный свѣтъ и нерѣдко вредятъ созрѣвающимъ жатвамъ, дождашій Перунъ (Jupiter pluvius) надревле соединялъ въ своемъ характерѣ, вмѣстѣ съ благотворными свойствами, и черты существа демоническаго; тотъ-же двойственный характеръ былъ усвоенъ и Морскому Царю, который (какъ уже доказано) первоначально былъ дождливый громовникомъ. Отъ того такъ обыкновенна въ народ-

<sup>1)</sup> Географич. Словарь Щенатова, III, 525.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., V, 23; VI, 48, 49, 60, 61; VIII, стр. 529 и дал.; Slov. pohad., 61—75; Србенъ, 103—112; Гальтрихъ, 26; Вольфъ, стр. 286 — 300; Слав. Грн., 51, 56, 181; Ганъ, 54; Штиръ, 3; Матер. для изучен. нар. слов., 62, 94—100.— <sup>3)</sup> Труды курск. губерн. статистич. комитета, I, 518—520.— <sup>4)</sup> Н. Р. Сл., II, 21; VIII, 24.

ныхъ сказкахъ замѣна Морскаго Царя — чортомъ. Въ нѣмецкой сказкѣ, напечатанной въ сборникѣ Гальтриха, пекельный князь, тождественный съ нашимъ Морскимъ Царемъ, сохраняетъ всѣ атрибуты древнѣйшаго божества грозъ: онъ обладаетъ чудеснымъ бичемъ (= молніею), удары котораго заставляютъ потрясаться все царство и вызываютъ несчетное воинство; онъ бросается къ молочному пруду, и опившись кипучаго молока (= дожда), лопается съ ужаснымъ трескомъ и гибнетъ — подобно тому, какъ пропадаетъ разбитая громомъ и пролившаяся дождемъ туча. Названіе Чудо-Юдо подтверждаетъ ту же мысль: оно бѣльшею частію придается множественному змѣю (дракону-тучѣ), и это имѣетъ основаніе: слово чудо (чоудъ, щудъ, чудовище=диво, дивннще) въ старину означало великана <sup>1)</sup>, а извѣстно, что въ давнюю эпоху развитія религіозно-поэтическихъ воззрѣній на природу всѣ ея могучія силы (вихри, буря и гроза) олицетворялись въ титаническихъ образахъ великановъ. Преданія о змѣяхъ и великанахъ стоятъ въ самомъ тѣсномъ и близкомъ родствѣ, и по свидѣтельству сказки Морской Царь принимаетъ на себя образъ змѣя. Юдо=луда — имя, которое въ періодъ христіанства стали придавать чорту и другимъ демоническимъ существамъ; въ Германіи Іудѣ Искаріоту повѣрье даетъ красную бороду—отличительный признакъ Донара <sup>2)</sup>. Въ числѣ названій, которыми обозначаются водяные, Гриммъ приводитъ ново-средневѣское *meerwunder* <sup>3)</sup>. Содержаніе сказки о морскомъ владыкѣ и его дочери въ краткихъ словахъ таково: ѣдетъ царь домой, а день былъ знойный — солнце такъ и печетъ! Отъ великой жажды припадаетъ царь брюхомъ на землю и начинаетъ глотать студѣную воду изъ озера; тутъ ухватилъ его за бороду Морской Царь и до тѣхъ поръ не хотѣлъ

<sup>1)</sup> Словарь церковнослав. яз. Востокова, II, 570; Старосв. Банд., 597.— <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 191.— <sup>3)</sup> D. Myth., 455.

выпустить, пока не далъ плѣнникъ обѣщанія уступить ему то, чего дома не вѣдаетъ. А въ то время царица родила сына. По договору съ Морскимъ Царемъ, Иванъ-царевичъ, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, отправляется въ подводное царство; приходитъ на синѣ море и прячется за кусты. Вотъ прилетѣли двѣнадцать голубокъ (утиць, лебедушекъ), сбросили свои крылушки (или пѣрушки), обернулись красными дѣвками и стали купаться: то были дочери Морского Царя. Иванъ-царевичъ подкрался потихоньку и взялъ крылушки Василисы Премудрой. Дѣвцы искупались, разобрали крылушки и улетѣли голубками; оставалась одна Василиса Премудрая. Стала она упрашивать добраго молодца возвратить ей крылушки; царевичъ отдаетъ ихъ подъ условіемъ, чтобы прекрасная дѣва согласилась быть его невѣстою. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ мѣсто Василисы Премудрой занимаетъ Лебедь-птица, красная дѣвица. Эти лебединыя дѣвы (о которыхъ подробнѣе см. гл. XXIII), по первоначальному своему значенію, суть олицетворенія весеннихъ, дождевыхъ облаковъ; вмѣстѣ съ низведеніемъ преданій о небесныхъ источникахъ на землю, лебединыя дѣвы становятся дочерьми Океанъ-моря и обитательницами земныхъ водъ (морей, рѣкъ, озеръ и криниць). Такимъ образомъ онѣ родятся съ нимфами, ниссами, эльфами и русалками; послѣднія, по мнѣнію поселянъ, состоятъ подъ началомъ у дѣдушки-водянаго. Согласно съ этимъ, лебединымъ дѣвамъ придается вѣщій характеръ и мудрость; онѣ исполняютъ трудныя, сверхъестественныя задачи и заставляютъ подчиняться себѣ самую природу. Имя лебедь, употребляемое въ народной рѣчи болѣею частію въ женскомъ родѣ, означаетъ собственно: бѣлая (свѣтлая, блестящая; лат. *albus*, сабин. *alpus*, славян. лаба, лабе—нѣм. *alp*, *elb*, *älf*); такое коренное его значеніе въ послѣдствіи подновлено постояннымъ эпитетомъ: бѣлая лебедь. Пока



народъ относился сознательно къ этому слову, онъ въ правѣ былъ прилагать его къ бѣлымъ облакамъ, озареннымъ лучами весенняго солнца, и къ свѣтлымъ струямъ источниковъ и рѣкъ. Такъ получила названіе рѣка Лаба—Эмба; подобно скандин. *elf*, имя это употребляется и какъ нарицательное, означающее вообще рѣку; у чеховъ встрѣчаемъ выраженіе: *bílý Dunaj*, у болгаръ: бѣлъ Дунавъ <sup>1)</sup>. Одна изъ наиболѣе любопытныхъ старинныхъ былинъ содержитъ въ себѣ разсказъ о томъ, какъ богатырь Потокъ женился на вѣщей красавицѣ, которая впервые явилась ему на тихихъ морскихъ заводахъ въ видѣ бѣлой лебеди. Преданіе, записанное Несторомъ <sup>2)</sup>, упоминаетъ о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди; первый далъ названіе Кіеву, два другихъ брата горамъ Щековицѣ и Хоревницѣ; Лыбедь — старинное названіе рѣки, впадающей въ Днѣпръ возлѣ Кіева <sup>3)</sup>. — Иванъ-царевичъ приходитъ въ подводное царство, въ которомъ также, какъ и на землѣ, цвѣтутъ луга и рощи, текутъ рѣки и свѣтитъ солнце: это — воздушная, облачная страна, гдѣ сіяютъ небесныя свѣтила, растутъ райскіе цвѣты и деревья и шумятъ дождевые потоки. Морской Царь возлагаетъ на царевича трудные, неисполнимые для простаго человѣка подвиги; все совершаетъ за него Василиса Премудрая. Въ заключеніе разнообразныхъ испытаній, велѣно было молодцу выбрать себѣ невѣсту изъ двѣнадцати дочерей Морскаго Царя, и онъ выбираетъ самую хитрую и прекрасную — Василису Премудрую <sup>4)</sup>. Женился царевичъ на сво-

<sup>1)</sup> Ист. очер. рус. слов., I, 240—1; Потебн., 90 —<sup>2)</sup> П. С. Р. Л., I, 4. — <sup>3)</sup> Географ. Словарь Щенатова, III, 1214. — <sup>4)</sup> И въ пѣснѣ о Садкѣ Морской Царь приказываетъ удачному купцу выбрать себѣ невѣсту. Сталъ Садко выбирать: много дѣвицъ пропустилъ мимо, а шла позади Чернавуха—ту и взялъ за себя. Именемъ Чернавы названа и та рѣка, около которой (вмѣсто Волхова) очутился по утру новобрачный—Рыбник., I, 379.

ей суженой и задумалъ уйдти съ нею изъ подводнаго царства. Бѣгство любящей четы сопровождается разными превращеніями, чтобы въ этой перемѣнѣ образовъ утѣтись отъ погоны; а преслѣдуетъ бѣглецовъ Морской Царь съ своимъ воинствомъ: по указанію нѣмецкой и новогреческой редакцій, онъ несется черною тучею, сверкающею молніями. Въ числѣ превращеній, принимаемыхъ на себя бѣглецами, особенно интересно слѣдующее: вѣщая дѣва обращаетъ своего милаго рыбою (окунемъ), а сама дѣлается рѣчкою. Разгнѣванный Морской Царь закликаетъ ее: «будь-же ты рѣчкою цѣлые три года!» Итакъ дочь Морскаго Царя возвращается въ свое первобытное стихійное состояніе, подобно тому, какъ Садко лѣгъ свечеру спать съ красной дѣвицей и накинулъ на нее со полуночи лѣвую ногу, а на утро проснулся подъ Новгородомъ, а лѣвая нога въ рѣкѣ Волховѣ. Въ этой сказочной повѣсти описывается весенній бракъ облачной дѣвы съ юнымъ богомъ-громовникомъ, который сходится съ нею въ подводной области Морскаго Царя, т. е. въ морѣ темныхъ, грозовыхъ тучъ, облегающихъ небо. По редакціи новогреческой, когда царевичъ попадаетъ къ Морскому Царю, то родная страна его одѣвается въ трауръ, и не прежде сбрасываетъ черныя покровы (—просвѣтляется), какъ по счастливомъ возвратѣ его домой. Убѣгая изъ подводныхъ владѣній Морскаго Царя, вѣщая дѣва разливается рѣчкою, т. е. дѣва эта только тогда освобождается изъ облачныхъ пучинъ и является на этотъ свѣтъ, когда изъ моря небесныхъ тучъ побѣгутъ на землю дождевые потоки: течъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ употребляется въ смыслѣ убѣгать (I, 489). Объ одной криницѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Бѣлграда, разсказывается такое преданіе: красавица Парасъка, взятая въ плѣнъ татарами, попала въ гаремъ пашы, но оставалась непреклонною; разъ ночью войдя въ ея покой, паша увидалъ ангела, готоваго

защитить дѣву, и пораженный ужасомъ удалился, не замкнувъ двери. Параська вырвалась на свободу и побѣжала вдоль лимана, но посланная за нею погоня нагнала бѣглянку въ скалахъ и хотѣла уже схватить ее, какъ вдругъ она разлилась чистою криницею <sup>1)</sup>. Имя красавицы указываетъ на связь ея съ мифическою Пятницею—богиней весеннихъ грозъ (Фреею).

По свидѣтельству народныхъ былинъ, нѣкоторые сильномогучіе богатыри и ихъ жены, умирая, разливались широкими, славными рѣками. Расселяясь по Европѣ, славяне дали рѣкамъ тѣ древнѣйшія названія, вынесенныя ими съ востока, которыя изначала употреблялись, какъ нарицательныя имена рѣки или воды вообще. Такъ названія: Сава, Драва, Одра (Одерь), Ра, Упа, Ока, Донъ, Дунай, Двина — арійскаго происхожденія и имѣютъ въ санскритѣ родственныя себѣ формы и корни съ указаннымъ общимъ значеніемъ: dhûni, dhûni (рѣка) доселѣ удерживаетъ свой первоначальный смыслъ на Кавказѣ, гдѣ у осетиновъ формы дун и дон означаютъ всякую рѣку и воду; у славянъ же Донъ перешло въ собственное имя, а форма дун съ окончаніемъ авъ образовала: Дунавъ и потомъ Дунай <sup>2)</sup>. Слово Дунай, служащее собственнымъ именемъ извѣстной рѣки, до сихъ поръ употребляется и какъ нарицательное для всякихъ большихъ и малыхъ рѣкъ; примѣры можно видѣть въ галицкихъ и нольскихъ пѣсняхъ: «за рѣками-за дунаями» <sup>3)</sup>. Такія нарицательныя названія, придаваемые земнымъ рѣкамъ, равнымъ образомъ могли служить и для обозначенія водоносныхъ тучъ. Тѣ и другія, какъ мы знаемъ, роднились въ мифическихъ сказаніяхъ народа, и вѣрованія, касавшіяся собственно небесныхъ

---

<sup>1)</sup> Ч. О. И. и. Д. 1865, III, 216 — <sup>2)</sup> Пикте, I, 141. — <sup>3)</sup> Ч. О. И. и. Д. 1863, III, пѣсни галиц. и угорск. Русн, 24, 111 и др.

истоковъ, были прикрѣпляемы къ земнымъ водамъ, на берегахъ которыхъ обитало племя. Пока преданіе владычествовало надъ всѣмъ строемъ жизни, локализация миеовъ продолжалась при каждомъ новомъ переселеніи. Вотъ почему, согласно съ древнѣйшимъ представленіемъ громоносныхъ, дождевыхъ тучъ мощными великанами божественной породы, народный русскій эпосъ олицетворяетъ знакомыя ему большія рѣки въ видѣ богатырей стараго времени; богатырь (отъ слова богъ) есть существо божественное, и потому надѣленное необычайными силами и великанскими размѣрами, приличными грознымъ стихіямъ природы. Какъ индѣйцы признавали божествомъ Гангъ, нѣмцы — Рейнъ, такъ славяне соединяли божескія свойства съ Дунаемъ, Днѣпромъ, западнымъ и южнымъ Бугомъ и другими значительными рѣками. Названіе Бугъ есть только особая форма слова богъ, чешск. bůh <sup>1)</sup>, и въ статейномъ спискѣ XVII вѣка, вмѣсто: «Бугъ-рѣка», встрѣчаемся съ формою: «Богъ-рѣка» <sup>2)</sup>. Содержаніе былинъ о рѣчныхъ богатыряхъ вводитъ насъ въ область стародавнихъ миеическихъ воззрѣній. Натѣжалъ Дунай-богатырь въ чистомъ полѣ молодую Настасью королевичну: эта героическая, сильномогучая дѣва рыскала по свѣту удаюю пеленицею; подъ нею былъ чудный конь — на два выстрѣла изъ-подъ копытъ камни вымѣтывалъ. Крикнула она зычнымъ голосомъ «по зѣтиному» — въ полѣ травы повянули, цвѣтики осыпались, камни раскатились. Стали витязи пробовать

---

<sup>1)</sup> Звукъ о въ нарѣчій малорусскомъ переходитъ въ и, а въ русикскомъ, карпатскомъ въ у: вмѣсто богъ говорятъ: бигъ, бугъ (буигъ, бјугъ), вмѣсто овца—вивця, вунця, вјувця—Мысли объ истор. рус. яз., 44. Въ грамотахъ князей поморянскихъ встрѣчаемъ имена: Вугиславъ, Лютебугъ, Ютербукъ=Богославъ, Лютебогъ, Ютробогъ—Р. И. Сб., I, ст. Шафарика, 73—74; бѣлорус. намъ Вукъ—Господь Богъ (Этн. Сб., II, 117).— <sup>2)</sup> Записки Одесск. общ. исторіи и древн., II, отд. 2 и 3, 592.

свою силу, ударились палицами — палицы поломалися, ударились саблями — сабли пощербилася, сходились въ рукопашную и водились съ утра до вечера и съ вечера до бѣлаго свѣта; наконецъ Дунай осилилъ и свалилъ наземь супротивника, хочеть вынуть изъ него сердце горячее, но увидѣлъ бѣлыя женскія груди и призналъ королевну. Тутъ они прошежъ себя поладили, взялъ Дунай королевну замужъ и поѣхали вмѣстѣ въ славный Кіевъ-градъ. Пріѣхали ко князю Владиміру; на почестномъ пиру охмѣлялъ Дунай-богатырь и сталъ хвастаться своимъ молодечествомъ. Говоритъ ему Настасья-королевична: «не хвастай, тихій Дунай Ивановичъ! если на стрѣльбу пойдетъ, то нѣтъ нигдѣ супротивъ меня стрѣльцовъ.

На твою-то молодецкую головушку  
Я кладу свое колечко серебряно;  
Три раза изъ лука калену стрѣлочку помыстрѣю,  
Пропущу-то сврозъ колечко серебряно,  
И не сроню-то я колечка съ головушки.»

Вызовъ былъ принять, и королевна трижды пропустила свою стрѣлу сквозь кольцо, поставленное на головѣ Дуная, и ни разу не сронила колечка <sup>1)</sup>. Вздумалъ попытать своей удали и Дунай Ивановичъ, положилъ кольцо на голову Настасьи-королевичны и хочеть стрѣлять изъ туга лука разрывчатого; и взмолилась ему молодая жена: «не стрѣлай, Дунаюшка! у меня во чревѣ чадо посяно: по колѣни ноги въ серебрѣ, по локоть руки въ золотѣ, по косицамъ частыя звѣзды». Не послушался Дунай, спустилъ каленую стрѣлу; не угодилъ въ кольцо, а повалилъ женѣ въ бѣлую грудь, убилъ королевну и пораздумался: «есть ли у меня съ нею что посяно?» Распласталъ

<sup>1)</sup> По другимъ варіантамъ кольцо кладутъ возлѣ булатнаго ножа — и Настасья-королевична стрѣляетъ за версту иѣрною, пропускаетъ стрѣлу сквозь кольцо и разсказаетъ ее о ножовое остріе на двѣ половинки: и на видѣ, и на вѣсѣ половинки — равныя.

ей чрево булатнымъ кинжалищемъ, а во чревѣ чадѣ милое —  
но колѣни ноги въ сѣребрѣ, по локоть руки въ золотѣ, по ко-  
сицамъ частыя звѣзды. Тутъ ему за бѣду стало, за великую  
досаду показалось; становилъ онъ кинжалъ во сыру землю  
тупымъ концомъ и падалъ на острый конецъ ретивымъ серд-  
цемъ: отъ той ли крови горячія —

Гдѣ пала Дунаева головушка—  
Протекала рѣчка Дунай-рѣка,  
А гдѣ пала Настасьина головушка—  
Протекала Настась-я-рѣка.

Или:

Исподъ этого сподъ мѣстечка  
Протекали двѣ рѣченьи быстрыхъ.  
И на двѣ струечки оны расходилися. <sup>1)</sup>

Иногда Дунай-богатырь замѣняется Домомъ Ивановичемъ  
а Настасья-королевична Нѣпрою (Днѣпра — женская фор-  
ма вмѣсто мужской Днѣпръ); какъ убилъ Донъ Ивановичъ  
жену свою Нѣпру-королевичну и пала она на сыру землю, об-  
литая горячею кровью, становилъ онъ ножище-кинжалище, а  
самъ выговаривалъ:

Куда пала головушка бѣлы лебеди,  
Тутъ пади головушка и сѣра гуся!

и упалъ на остріе.

Тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ-рѣка  
Отъ тѣя отъ крови христіанскія,  
Отъ христіанскія крови отъ напрасныя,  
Глубиною рѣка двадцати сажень,  
А шириною рѣка сорока сажень. <sup>2)</sup>

Такое-же начало имѣла, по народному преданію, и Сухманъ-  
рѣка (Сухона?). Потѣхалъ Сухманъ богатырь въ чистое по-

---

<sup>1)</sup> Рыбник., I, 178—194; II, 44—51; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853, 166—7; 1854 г., 310—7; Кирша Дан., 85—101;— <sup>2)</sup> Рыбник., I, 194—7.

ле, прїѣзжаетъ къ Нѣпра-рѣкѣ и видитъ: течетъ она не по старому, не по прежнему, вода съ пескомъ помутилась. На вопросъ: что съ нею сталося? испро говоритъ матушка Нѣпра-рѣка: «какъ-же мнѣ было течь по старому, когда стоитъ за мной сила татарская — сорокъ тысячей; мостать онѣ мосты калиновые —

Днемъ мостать, а ночью и повырою;  
Изъ силъ матушка-рѣка повыбилась!»

Перескакивалъ Сухманъ на своемъ добромъ конѣ на другой берегъ, выдергивалъ дубъ съ коренемъ и напускался на силу татарскую; всѣхъ перебилъ ноганыхъ, но и самъ получилъ три раны кровавыя. Умирая, богатырь причитывалъ:

Потеки Сухманъ-рѣка  
Отъ моего отъ крови отъ горячія,  
Отъ горячія крови отъ напрасныя<sup>1)</sup>

Кровь — одна изъ древнѣйшихъ метафоръ воды и дождя; всемірный потопъ (=весеннее наводненіе), по свидѣтельству преданій, произошелъ отъ крови великановъ-тучъ, которые пали сраженные въ грозовой битвѣ (I, 784—5). Сказанія о рѣкахъ, образовавшихся изъ крови убитыхъ богатырей и ихъ женъ, выражаютъ слѣдовательно ту же самую мысль, что и мифъ о небесномъ происхожденіи земныхъ водъ: рѣки эти истекаютъ изъ дождевыхъ тучъ, гвбнущихъ подъ ударами Перуновой палицы. Поэтому Нѣпра (Настасья)-королевична всѣми своими характеристическими чертами сходится съ тѣми воинственными дѣвами (валькиріями и виллами), въ образѣ которыхъ олицетворялись грозовыя тучи: ей даны и непомерная сила, и страсть къ войнѣ, и славное искусство пускать мѣткія стрѣлы (=молніи). Въ битвѣ Сухмана-богатыря съ татарами узнаемъ мы вставлен-

<sup>1)</sup> Ibid., 26—32.

ный въ историческую рамку мнѣ о ратномъ состязаніи богатровника съ демоническими силами. Въ связи съ этими данными получаетъ особенный интересъ новгородское преданіе о рѣкѣ Волховѣ. Выше было указано, что она олицетворялась дѣвою, одною изъ дочерей Морскаго Царя; но допускалось и другое олицетвореніе, соответствующее мужской формѣ Волхъ, Волховъ. Старинный хронографъ утверждаетъ, что Волховъ былъ лютый чародѣй (волхвъ — колдунъ, кулесникъ); въ образѣ крокодила поселился онъ въ рѣкѣ, которая отъ него получила и свое прозваніе, и залегалъ въ ней водный путь; всѣхъ, кто не поклонялся ему, чародѣй топилъ и пожиралъ; суевѣрный народъ почиталъ его за бога и называлъ Перуномъ и Громоу<sup>1)</sup>. Что касается упоминанія о крокодилѣ, то эта подробность объясняется литературнымъ подоволеніемъ: крокодилъ заступаетъ здѣсь мѣсто чудовищаго змѣя (дракона), залегающаго источнику и рѣки (см. гл. XX).

Народныя преданія относятся къ рѣкамъ, озерамъ и потокамъ, какъ къ существамъ живымъ, способнымъ понимать, чувствовать и выражаться человѣческой рѣчью. О Волгѣ и Вазузѣ въ тверской губ. рассказываютъ: «Волга съ Вазузой долго спорила, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе большаго почета. Спорили-спорили, другъ друга не переспорили, и рѣшились вотъ на какое дѣло. «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придетъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе, и почету достойнѣе». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и напрямѣе и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу

<sup>1)</sup> Рус. Вѣст. 1862, III, 37-38; Исторія Росс. Щербатова, I, 190.



да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшею сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. И до сихъ поръ Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна<sup>1)</sup>. Здѣсь олицетворены двѣ рѣки, которыя спорятъ о старѣйшинствѣ и пускаются въ перегонку; обстановка басни очевидно снята съ природы: покрываясь льдомъ, рѣки на зиму засыпаютъ, а весною пробуждаются, и сбросивъ зимніе оковы, разливаются отъ растаявшихъ снѣговъ и въ быстромъ и шумномъ бѣгѣ спѣшатъ снести свои обильныя воды въ далекое море, какъ-бы перегоняя одна другую. Волга, принимая въ себя побочныя рѣки, по прекрасному поэтическому выраженію русскаго народа, доноситъ ихъ къ синему морю на своихъ могучихъ рукахъ (въ своихъ объятіяхъ). Это преданіе о Волгѣ и Вазузѣ — въ другихъ мѣстностяхъ Россіи связывается съ другими рѣками. Такъ ходитъ разсказъ о спорѣ между Днѣпромъ и Десною. Когда Богъ опредѣлялъ рѣкамъ ихъ судьбу, то Десна опоздала прійти во время и не успѣла выпросить себѣ первенство передъ Днѣпромъ. «Постарайся сама опередить его!» сказалъ ей Богъ. Десна пустилась въ путь, но какъ ни спѣшила — Днѣпръ все-таки опередилъ ее и впалъ въ море, а Десна должна была прикинуть устьемъ къ быстрому Днѣпру<sup>2)</sup>. Въ тульской губ. подобный-же разсказъ относится къ рѣкамъ Дону и Шатѣ, которыя обѣ берутъ свое начало въ Иванъ-озерѣ и слѣдовательно какъ-бы рождаются отъ него. У Ивана-озера было два сына: Шатъ и Донъ, почему послѣдній и называется въ пѣсняхъ Иванъ-вицъ. Шатъ, противъ воли родительской, захотѣлъ погулять въ чуждалынихъ сторонахъ, отправился странствовать, но куда ни приставалъ — нигдѣ его не принимали; прошатав-

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., IV, 40. — <sup>2)</sup> Москв. 1846, XI-XII, 154.

ишь безъ пользы, воротился онъ домой. Донъ же, за свою постоянную тихость («тихий Донъ»), получилъ родительское благословеніе и смѣло пустился въ дальнюю дорогу. На пути повстрѣчалъ онъ ворона и спросилъ: куда онъ летитъ? — Къ синему морю, отвѣчалъ воронъ. «Отправимся вмѣстѣ!» Вотъ достигли они моря. Донъ подумалъ: если нырну черезъ все море, то и его утащу за собою. «Воронъ! сказалъ онъ, сослужи мнѣ службу: я нырну въ море, а ты полетай на другую его сторону, и какъ скоро долетишь до берега — каркни». Донъ нырнулъ въ море, воронъ полетѣлъ, каркнулъ — да слишкомъ рано; Донъ такъ и остался, какимъ поднесъ его видѣлъ <sup>1)</sup>. О рѣкахъ Донъ и Шатъ существуютъ въ народѣ слѣдующія двѣ поговорки: «Шатъ шатался съ глупу, да упалъ въ Упу; а Донъ покатылся въ поле, да женился на морѣ» <sup>2)</sup>; «два брата родные и оба Ивановичи, да одинъ Донъ, а другой Шатъ», т. е. одинъ — дѣльный, а другой — шатунъ <sup>3)</sup>. Г. Боричевскій <sup>4)</sup> записалъ бѣлорусское преданіе о рѣкахъ Днѣпръ и Сожъ, начало котораго скопировано съ библейской исторіи Исава и Якова. Былъ-жилъ слѣпой старикъ Двина; у него было два сына: старшій — Сожъ, младшій — Днѣпръ. Сожъ былъ буйнаго нрава, таскался по лѣсамъ, горамъ и полямъ; а Днѣпръ отличался кротостію, сидѣлъ все дома и былъ любимцемъ матери. Сожа не было добра, когда мать обманомъ заставила старика-отца благословить на старѣйшинство младшаго сына. Двина изрекъ ему благословеніе: «разлейся, мой сынъ, рѣкою широкою и глубокою, протекай города, омывай села безъ счету до синяго моря; твой братъ да будетъ тебѣ слугою. Богатѣй и тучнѣй до конца вѣ-

<sup>1)</sup> Ibid. 1852, XIX, 101-2. Тульск. Г. В. 1852, 27.— <sup>2)</sup> Тульск. Г. В. 1857, 26. Сличи выше о выдачѣ Морскимъ Царемъ дочери-рѣки замужъ въ океанъ-море.— <sup>3)</sup> Послов. Дала, 802.— <sup>4)</sup> Нар. сл. раз., 183-5.

ковъ!» Днѣпръ разлился рѣкою по тучнымъ лугамъ и дремучимъ лѣсамъ; а Сожъ на третій день воротился домой и сталъ жаловаться. «Если хочешь повелѣвать братомъ, сказалъ ему отецъ, бѣги скорѣе скрытыми путями, непроходимыми темными лѣсами, и если обогонишь брата, то онъ да послужить тебѣ!» Сожъ пустился въ погоню мѣстами непроходимыми, размывалъ болота, прорѣзывалъ овраги и рвалъ корни дубомъ. Днѣпру сказалъ о томъ ястребъ, и онъ прибавилъ бѣгу, прорѣзывая высокія горы, чтобы не сворачивать въ сторону. А Сожъ уговорилъ вѣрона летѣть прямо къ Днѣпру, и только обогнать его хотъ на шагъ — каркнуть три раза; самъ же нырнулъ подъ землю, рассчитывая выскочить наверхъ по крику вѣрона и такимъ образомъ опередить брата. Но ястребъ попалъ на вѣрона; воронъ закаркалъ прежде, нежели обогналъ рѣку Днѣпръ; Сожъ выскочилъ изъ — подъ земли и со всего размаху впалъ въ днѣпровскія воды. Замѣчательно участіе, принимаемое въ состязаніи рѣкъ ворономъ и ястребомъ, что опять-таки указываетъ на древнѣйшую связь народныхъ сказаній о рѣкахъ съ мифическими представленіями дождевыхъ тучъ; ибо и воронъ и ястребъ были обычными олицетвореніями этихъ послѣднихъ. — Сохранилось еще слѣдующее сказаніе о Днѣпрѣ, Волгѣ и Западной Двинѣ: рѣки эти были прежде людьми, Днѣпръ былъ братъ, а Волга и Двина — его сестры. Остались они сиротами, натерпѣлись всякой нужды и придумали наконецъ пойдти по бѣлу свѣту и розыскать для себя такія мѣста, гдѣ бы можно было разлиться большими рѣками; ходили три года, розыскали мѣста и приустановились всѣ трое ночевать въ болотахъ. Но сестры были хитрѣе брата; едва Днѣпръ уснулъ, онѣ встали потихоньку, заняли самыя лучшія, отлогія мѣстности и потекли рѣками. Проснулся поутру братъ, смотритъ — далеко его сестры; раздраженный, ударился онъ о сырую землю и въ по-

гюю за вни понесся шумнымъ потокомъ по рвамъ и буеракамъ, и чѣмъ дальше бѣжалъ — тѣмъ больше залился и рылъ крутые берега. За нѣсколько верстъ до впаденія гнѣвъ его утихъ и онъ спокойно вступилъ въ морскія пучины; а двѣ сестры его, укрываясь отъ погони, разбѣжались въ разныя стороны. Вотъ отчего Днѣпръ течетъ быстрее Двины и Волги, вотъ почему у него много рукавовъ и пороговъ <sup>1)</sup>.

Выше-приведенная былина про новгородскаго гостя Садка рассказываетъ, что Морской Царь надѣлилъ его великими богатствами; другая старинная пѣсня приписываетъ это Ильмень-озеру, которое олицетворяется добрымъ молодымъ и называется братомъ Волги. Плылъ однажды Садко по Волгѣ-рѣкѣ, отрѣзалъ великой сукрой хлѣба, посыпалъ его солью и опустилъ въ воду съ этими словами: «спасибо тебѣ, матушка Волга! гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ — никакой скорби надъ собою не видывалъ. А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать». И провѣстилась ему Волга-рѣка: «поклонись отъ меня брату моему, славному озеру Ильмену». Пріѣхалъ Садко на Ильмень-озеро и правилъ ему поклонъ отъ Волги-рѣки:

„А и гой еси, славный Ильмень-озеро!

Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ.

Малое время позамѣшавши, приходилъ отъ Ильмень-озера удалой доброй молодецъ и спрашивалъ: «какъ де ты Волгу-сестру знаешь?» Садко рассказывалъ; молодецъ далъ ему позволеніе закинуть въ озеро три невода, и торговый гость наловилъ множество рыбы и бѣлой и красной, и складъ въ три погребѣ; въ какой погребъ ни заглянетъ потомъ, а рыба вся превратилась въ деньги — въ серебро да въ золото. Таковъ былъ подарокъ ему отъ славнаго Ильмень-озера <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Терещ., V, 43—44.— <sup>2)</sup> Кирша Дня., 266—274; далее, по

Есть еще другое преданіе объ этомъ озерѣ. Съ западной стороны впадаетъ въ него небольшая рѣчка, называемая Черныи ручей. Въ давнее время поставилъ кто-то на Черномъ ручьѣ мельницу, и взмолилась рыба Черному ручью, прося у него защиты: «было де намъ и просторно и привольно, а теперь лихой человекъ отнимаетъ у насъ воду». И вотъ что случилось: одинъ изъ новгородскихъ обывателей ловилъ удочною рыбу на Черномъ ручьѣ; подходитъ къ нему незнакомецъ, одѣтый весь въ черное, поздоровался и говоритъ: «сослужи мнѣ службу, такъ я укажу тебѣ такое мѣсто, гдѣ рыба кишмя кишитъ». — А что за служба? «Какъ будешь ты въ Новгородѣ, встрѣтишь тамъ высокаго, плотнаго мужика въ синемъ кафтанѣ со сборами, въ широкихъ синихъ шараварахъ и высокой синей шапкѣ; скажи-ка ему: дядюшка Ильмень-озеро! Черный ручей тебѣ челобитье прислалъ и велѣлъ сказать, что на немъ мельницу построили. Какъ ты, молъ, прикажешь, такъ и будетъ!» Новгородецъ обѣщался исполнить просьбу, а черный незнакомецъ указалъ ему мѣсто, гдѣ скопилось рыбы тьма-тьмушая. Съ богатой добычею воротился рыболовъ въ Новгородъ, повстрѣчалъ мужика въ синемъ кафтанѣ и передалъ ему челобитье. Отвѣчалъ Ильмень: «снеси мой поклонъ Черному ручью и скажи ему про мельницу: не бывало этого прежде, да и не будетъ!» Исполнилъ Новгородецъ и это порученіе, и вотъ разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря и яростныя волны снесли мельницу <sup>1)</sup>.

Пѣсенныя сказанія сохранили живое воспоминаніе о жертвенныхъ приношеніяхъ морю и рѣкамъ. Какъ Садко чествовалъ хлѣбомъ-солью Волгу, такъ Илья-Муромецъ — свою родную Оку. Отправляясь съ родины на богатырскіе подвиги,

---

просьба Садка, Ильмень поучаетъ его, какъ слѣдуетъ жить въ Новгородѣ. — <sup>1)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, сѣнь, 25—26.

спустилъ онъ на прощаньи корочку хлѣба въ Оку — за то, что помла и кормила его <sup>1)</sup>). До сихъ поръ простолудины наши, послѣ счастливаго плаванія, благодарятъ рѣку какимъ-нибудь приношеніемъ. Стенька Разинъ, по свидѣтельству Стрѣйска, принесъ въ даръ Волгѣ свою любовницу, плѣнную персидскую княжну. Распаленный виномъ, онъ сидѣлъ на краю лодки, и задумчиво поглядывая на волны, сказалъ: «ахъ ты, Волга-матушка, рѣка великая! много ты дала мнѣ и злата и сѣребра и всякаго добра, ты меня вскормила и взлелѣяла, славомъ и честію надѣлила; а я ничѣмъ еще тебя не благодарствовалъ. На-жъ тебѣ, возьми!» Съ этими словами онъ схватилъ княжну и бросилъ въ воду <sup>2)</sup>). Случится ли кому утопнуть въ рѣкѣ, особенно если это невинное дитя, — у нѣмцевъ принято выражаться: «der flussgeist fordere sein jährliches opfer» <sup>3)</sup>); про самовольныхъ утопленниковъ у насъ говорятъ: «чорту баранъ!» О нѣкоторыхъ источникахъ и озерахъ существуетъ въ Богеміи убѣжденіе, что въ нихъ каждый годъ суждено тонуть по человѣку <sup>4)</sup>). Если жертвоприношеніями снискивалась милость водяныхъ божествъ, то на оборотъ непочтеніе къ нимъ влекло за собой неминуемую бѣду. По свидѣтельству одной старинной пѣсни, подѣхалъ молодецъ къ рѣкѣ Смородинѣ и возмолвилъ, чтобъ указала ему бродъ. Провѣстилась рѣка человѣчьимъ голосомъ — душой красной дѣвицей:

„Я скажу тебѣ быстра рѣка, добрый молодецъ,  
Я про броды кониные, про мосточки калиновы, перевозы  
частые:

Со броду коняного я беру по добру коню,  
Со перевозу частаго по сѣделечу черкесскому,  
Со мосточку калинова по удалому молодцу;  
А тебѣ безвременнаго молодца—  
Я и такъ тебя пропущу.“

<sup>1)</sup> Пѣсни Кирязев., I, стр. XXXIII.— <sup>2)</sup> Сзв. Архивъ 1812 г., X, 30—32; Бунтъ Стеньки Разина, соч. Костомарова, 94.— <sup>3)</sup> D. Myth., 462.— <sup>4)</sup> Громаниъ, 49.

Переправившись через рѣку, сталъ молодецъ глупымъ разумомъ похвалиться: «сказали про рѣку Смородину — не пройди, не проѣхати чрезъ нее ни пѣшему, ни конному; а она-то хуже дождевой лужи!» Пришлось ворочаться доброму молодцу, не нашелъ онъ брода конинаго — потопила его рѣка Смородина въ своихъ глубокихъ омутахъ, а топила — приговаривала: «безвременный молодецъ! не я топлю, топить тебя похвальба твоя!» <sup>1)</sup>). Это прекрасное преданіе напоминаетъ намъ поэтический рассказъ Гомера о рѣкахъ Ксанъ и Симоисъ, преслѣдующихъ своими ярыми волнами Ахиллеса; бѣшеная злоба рѣкъ вызвана тѣмъ, что герой запрудилъ ихъ воды трупами убитыхъ троянцевъ, и издѣваясь говорилъ врагамъ:

„Васъ не спасетъ ни могучій потокъ, серебристо-пучин-  
ный

Ксанъ! Посвящайте ему, какъ и прежде, воловъ неасчет-  
ныхъ,

Въ волны бросайте живыхъ, какъ и прежде, коней звуко-  
ногихъ:

Всѣ вы изгибните смертію лютой...» <sup>2)</sup>

Подобное-же участіе въ народныхъ усобицахъ принимаютъ рѣки и въ славянскомъ эпосѣ. Такъ въ чешской пѣснѣ о Забоѣ бурные потоки губятъ враговъ-нѣмцевъ, которые хотятъ переправиться на другую сторону, а своихъ (чеховъ) невредимо выносятъ на берегъ. Когда Игорь ушелъ изъ половецкаго плѣна и прибѣжалъ къ Донцу, эта

<sup>1)</sup> Кирша Дан, 296—8. Въ другой пѣснѣ княгиня Марья Юрьевна, убѣгая изъ плѣна на святую Русь, проситъ быстрѣю рѣку пропустить ее на другую сторону, и рѣка княгиню послушалась, сдѣлала для нея переброды мелкіе, переходы узкіе—Дят. рус. лит. ян. II, 124-5. Германцы не рѣшались извѣрять глубины водъ, чтобы не оскорбить божества; рассказываютъ, что однажды сталъ пловецъ бросать въ воду лотъ, а оттуда раздался страшный голосъ: „станешь извѣрять, такъ я тебя попру!“—D. Myth., 564. — <sup>2)</sup> Иліада, XXI.

рѣка (какъ повѣствуетъ Слово о полку) привѣтствовала его: «княже Игорю! не мало ти величія, а (хану) Кончаку нелюбѣя, а русской земли веселія». — «О Донче! отвѣчалъ Игорь, не мало ти величія, лелѣвшу князя на влѣнахъ, ставшшу ему зелѣну траву на своихъ серебряныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми шѣлами подѣ сѣнію зелену древу, стрѣжаше е(го) гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми <sup>1)</sup> на ветрѣхъ». Игорь воздастъ честь Донцу за то, что лелѣялъ его на своихъ водахъ, укрывалъ его шглою отъ вражеской погони, сталъ ему по берегамъ мягкую траву и заставлялъ оберегать его покой рѣчныхъ птицъ. Не такъ, говорить, поступила рѣка Стугна; «худу струю шѣя» и пожравъ чужіе ручьи, она вотопила юнаго Ростислава <sup>2)</sup>. Понятно, почему Ярославна счла долгомъ обратиться къ Днѣпру съ такою мольбою: «о Днепре-Словотицю! <sup>3)</sup> ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю половецкую, ты лелѣялъ еси на себѣ Святославля посады (лады)... взлелѣй, господине, мою ладу (моего мужа) ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано» <sup>4)</sup>. У сербовъ уцѣлѣли клятвы: «вода га однијела!» (въ смыслѣ: проглатала безъ слѣда!) — «такое же не прождрла пучина морска!» — «такое же море не изјело!» <sup>5)</sup> Въ сербской сказкѣ герой, идучи къ Судьбѣ за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ, пришелъ «на једну воду, на почне викати: о водо! о водо! пренеси ме. А вода га упита: куда плеш? А он јој каже, куда

---

<sup>1)</sup> Чернедь — чирокъ. — <sup>2)</sup> Рус. Дост., III, 234—241. — <sup>3)</sup> Словутичъ (словутый, славный) — значитъ этотъ до сихъ поръ дается Днѣпру въ малорусской пѣснѣ; см. Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853 г., 218: „Днѣпру-словутъ“. — <sup>4)</sup> Рус. Дост., III, 216—8. Въ народной рѣчи обыкновенны выраженія: матушка-Волга или Ока, батюшка-свѣій Донъ или Днѣпръ, и т. дал. — Рус. въ св. посл., II, 30. Въ малорос. пѣснѣ добрый молодецъ предлагаетъ Днѣпру побрататься съ собою — Укр. пѣсни Максимовича, 148. — <sup>5)</sup> Серб. в. по-слов., 36, 298—9.



иде. Онда га вода пренесе, па му рече: молим те, брате, ви-  
тај Усуда (Судьбу), за што ја немам рода у себи?» Когда  
онъ нашелъ Судьбу, то спросилъ: «шта би то било, да ова во-  
да нема рода?»—«А Усуд му одговори: за то нема, што није  
човека никад удавила; але не шали се, не казуј јој, док  
те не пренесе, јер ако јој кажеш—одмах ће те удавити. Онда он  
захвали Усуду, па пође кући. Кад дође ва ону воду, вода га  
запита: шта је код Усуда? А он јој одговори: пренеси ме, пак  
ћу ти онда казати. Пошто га вода пренесе, он потрчи, на кад од-  
макне подалеко, а он се осврне па повиче: о водо! о водо! ниси  
никад човека удавила, за то рода немаш. Кад вода то чује,  
а она се разлије преко обале, па за њим, а он бежи,  
те једва утече» <sup>1)</sup>). Нѣмецкая сказка разсказываетъ, какъ  
нвкса увлекла въ прудъ молодаго охотника; любящая жена  
его приходитъ къ пруду и вызываетъ своего милаго. Охот-  
никъ выпрыгнувъ на берегъ, схватилъ свою подругу за  
руку и побѣжалъ съ нею прочь отъ обманчивыхъ мѣстъ;  
но едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ поднялся весь  
прудъ и съ страшнымъ шумомъ устремился на ши-  
рокое поле — въ погоню за бѣглецами, которыхъ и  
покрылъ водами <sup>2)</sup>).

По шѣрѣ того, какъ повѣстическія олицетворенія, придавае-  
мыя рѣкамъ, озерамъ и источникамъ, болѣе и болѣе отдѣля-  
лись отъ своей стихійной основы и получали нѣ убѣжденіяхъ  
массы независимое, самостоятельное бытіе, воды стали раз-  
сматриваться, какъ жилища этихъ вымышленныхъ существъ.  
Самыя обыкновенныя жителскія нужды требовали, чтобы че-  
ловѣкъ селился у воды. Потому духи—обитатели колодезъ,  
прудовъ, озеръ и рѣкъ, у которыхъ селились родичи, были  
для нихъ тѣми-же близкими божествами, какъ и пламя,

<sup>1)</sup> Срп. н. припов., 13.— <sup>2)</sup> Сказ. Грим., 181.

разводное на семейномъ очагѣ. Народныя повѣрья сообщаютъ многія аналогическія черты, которыя обнаруживаютъ сродство водянаго съ домовымъ и равно сближаютъ ихъ съ эльфами, — и это понятно: какъ послѣдній есть водворенный на очагѣ богъ-громовникъ, такъ въ первомъ узнаемъ представленіе о дождящемъ божествѣ, низведенное на земные потоки. Въ характерѣ водянаго доселѣ замѣтны слѣды этого древнѣйшаго представленія. Наши крестьяне называютъ его тѣмъ-же именемъ дѣдушки, какое присвоивается домовому; ния это дается иногда и лѣшему <sup>1)</sup>, который первоначально также принадлежалъ къ разряду облачныхъ духовъ (см. гл. XVII). Когда сатана, рассказываетъ народъ, со всѣмъ своимъ воинствомъ былъ низвергнутъ съ неба огненными стрѣлами Бога, то нечистые упали—одни въ темныя подземелья и адскіе вертепы, другіе въ лѣса и воды, иные въ жилые дома, а иные остались навсегда вертѣться въ воздухѣ; такъ произошли духи подземные (карлики, жильцы горныхъ пещеръ), лѣшіе, водяные, домовые и воздушные бѣсы — крутящіеся вихри <sup>2)</sup>. Это замѣчательное преданіе содержитъ въ себѣ старинный мифъ о борьбѣ бога-громовника съ демоническими силами, подновленный библейскимъ сказаніемъ о низверженныхъ съ неба гордыхъ ангелахъ. Въ весенней грозѣ выступаетъ Перунъ на битву съ демонами, разитъ ихъ своею громовою палицею, сбрасываетъ съ воздушныхъ высотъ вихрь съ падающими молніями и дождевыми ливнями, и заставляетъ укрываться въ ущеліяхъ горъ, въ дремучихъ лѣсахъ и глубинѣ водъ (все это: горы, лѣса и воды—метафорическія названія облаковъ). Какъ представители темныхъ дождевыхъ тучъ, противъ которыхъ направлены Перуновы удары, водяные сшибиваются съ нечистою силою; народныя послови-

<sup>1)</sup> Терещ., VI, 127.— <sup>2)</sup> Ibid., 133.

цы говорят: «былъ бы омутъ <sup>1)</sup>, а черти будутъ» <sup>2)</sup>; «всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить»; «глядѣ балота, туды-й чортъ»; «чортъ безъ балота ни будецъ, а балота безъ чорта» <sup>3)</sup>; «айдзѣ привыкъ, чорце? — а въ болоцѣ» <sup>4)</sup>; «чортъ богато грошей мае, а въ болотѣ сидитъ»; «ганя, якъ чортъ по болоту»; «въ тихомъ омутѣ черти водятся» («у тихому болоти чорти плодятся»); «изъ омота въ адъ какъ рукой податъ!» — «всѣ бѣси въ воду и пузырья вверхъ!» — «ты чорта крести, а чортъ въ воду глядитъ»; «гдѣ чортъ ни былъ, а на устьѣ рѣки поспѣлъ»; «мутитъ, якъ бисъ пидъ гриблемъ» <sup>5)</sup>. Дѣдушка-водяной (водяникъ, водовикъ, vodnik, wodny miż—нѣмец. wassermann) живетъ въ омотахъ, котловинахъ и водоворотахъ рѣкъ, прудовъ или озеръ, живетъ и въ болотахъ — и тогда называется болотняникъ <sup>6)</sup>; особенно же любитъ онъ селиться подъ водяною мельницею, возлѣ самага колеса. Выше (т. I, 289—297) было объяснено, что мельница принималась за поэтическое обозначеніе громеносной тучи и что именно въ этомъ представленіи кроется основа мифической связи водяного съ мельницами. На каждую мельницу полагаютъ по одному водяному, и даже болѣе — если она имѣетъ два и три постава: всякой водовикъ завѣдываетъ своимъ колесомъ, или какъ выражаются бѣлоруссы: «всякой чортъ на свое коло воду цягнетъ». Въ то

---

<sup>1)</sup> Омутъ отъ мутитъ, мутный; чорта называютъ смутникъ. — <sup>2)</sup> „Аби болото, а чорти будутъ“. — <sup>3)</sup> „Въ болоти не безъ чорта“. — <sup>4)</sup> „Де ти, чорте, звыкъ?—а въ болоти“. — <sup>5)</sup> Номис., 49, 58, 60, 62, 104; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 33—34; 1853 г., 177, 191; Послов. Даля, 12; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 79, 86, 102; Собрание 4291 послов., 21, 175. Въ заговорахъ, напечатанныхъ у Сахарова (I, 33), читаемъ: „побѣгу я въ темный лѣсъ на большо озерачо, въ томъ озерачѣ плыветъ челяница, въ томъ челяницѣ сидитъ чортъ съ чертищей“. — <sup>6)</sup> Доп. обл. сл., 11.

время, когда колесо бываетъ въ ходу и вертится съ неуловимой быстротою, водяной ~~идетъ~~ <sup>идетъ</sup> наверху его и брызжетъ водою. Мельникъ непремѣнно долженъ быть колдунъ и водить дружбу съ нечистыми; иначе дѣло не пойдетъ на ладъ. Если онъ съумѣетъ задобрить водянаго, то мельница будетъ всегда въ исправности и станетъ приносить большіе барыши; напротивъ, если не поладитъ съ нимъ, то мельница будетъ безпрерывно останавливаться: водяной то оберетъ у шестернаго колеса пальцы, то прососетъ дыру у самыхъ вешниковъ—и вода уйдетъ изъ пруда прежде, нежели мельникъ замѣтитъ эту проказу, то нагонитъ поводъ и затопитъ колѣса <sup>1)</sup>). Одинъ мужикъ построилъ мельницу, не спросивъ водянаго, и за то послѣдній вздулъ весною воды съ такою силою, что совѣтъ разорилъ постройку: рассказъ, сходный съ преданіемъ о мельницѣ, которую разорили Ильмень-озеро и Черный ручей <sup>2)</sup>). Водяной относительно мельницы является съ тѣмъ-же значеніемъ, съ какимъ домовой относительно жилого дома: какъ ни одно жилище не можетъ стоять безъ охраны усопшихъ предковъ, почему и закладка его совершается на чью-либо голову, такъ точно со всякой новой мельницы водяной (по народному повѣрью) беретъ подать, т. е. увлекаетъ въ омутъ человека <sup>3)</sup>). При постройкѣ мельницы достаточно положить зарокъ на живую тварь: свинью, корову, овцу (намѣкъ на древнія жертвы) или человека, а ужъ водяникъ рано или поздно найдетъ свое посуленное и утопитъ въ водѣ <sup>4)</sup>); большая мельница строится не менѣе, какъ на десять головъ (тамбов. губ.). Народъ представляетъ водянаго голымъ старикомъ, съ большимъ одутловатымъ брюхомъ и опухшимъ лицомъ <sup>5)</sup>), что вполне соответствуетъ его стихій-

<sup>1)</sup> Собр. 1856, XI, смѣсь, 16—17; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 36—37; Терещ., VI, 11—12.— <sup>2)</sup> Сынъ Отеч. 1839, т. VIII, 81.—

<sup>3)</sup> Послов. Дая., 1041.— <sup>4)</sup> Собр. 1856, XI, смѣсь, 25.— <sup>5)</sup> Ibidem, 16.

ному характеру. Виѣсть съ этимъ, какъ всѣ облачные духи, онъ — горькой пьяница. Вино и медъ были самыми употребительными метафорами дождя; припадая къ тучамъ, богъ Индра жадно тянулъ изъ нихъ опьяняющій напитокъ (сому) и поглощалъ его въ свое огромное брюхо; античные сатиры и силены и родственные имъ лѣшіе и черти отличаются тѣми же признаками. Водяные и нечистые духи любятъ собираться въ шинкахъ и проводить время въ попойкахъ, играя въ кости <sup>1)</sup> и карты <sup>2)</sup>. Уподобленіе дождя меду заставило признать водяного покровителемъ пчеловодства; изстари принято первый отроившійся рой собирать въ мѣшокъ, и привязавъ къ нему камень, топить въ рѣкѣ или пруду — въ жертву водяному; кто такъ сдѣлаетъ, у того разведется много пчелъ <sup>3)</sup>. Въ день св. Зосимы и Савватія пасичникъ, желающій имѣть изобиліе въ медѣ, вынимаетъ изъ улья сотъ и въ двѣнадцать часовъ ночи отправляется къ мельницѣ и погружаетъ его въ воду, произнося заклатіе (см. т. I, 381—4). Такъ какъ урожай зависяетъ отъ дождящаго Перуна, то (по мнѣнію лужичанъ) появленіе водяного даетъ предвѣстіе о будущихъ цѣнахъ на хлѣбъ; одѣтый въ балахонъ, края котораго всегда мокры, онъ показывается на рынкахъ и торгуетъ рожь: если покупка состоится по высокой цѣнѣ, то надо ожидать дороговизны (неурожая), а если по низкой, то хлѣбъ будетъ дешевъ <sup>4)</sup>.

Водяные живутъ полными домохозяевами; въ омутѣхъ, среди тростниковъ и осоки, у нихъ построены большія каменные палаты; у нихъ есть свои стада лошадей, коровъ, овецъ и свиней, которыхъ по ночамъ выгоняютъ они изъ водъ и па-

---

<sup>1)</sup> Игра въ кости означаетъ тоже самое, что и выше-объясненная игра шарами—см. т. I, 534; изобрѣтателемъ ея былъ Вуотанъ — D. Myth., 958.— <sup>2)</sup> Описан. олонек. губ. Дашкова, 217—8; Терещ., VI, 135.— <sup>3)</sup> Рус. Бес. 1860, I, 82.— <sup>4)</sup> D. Myth., 460.

суть на смежных дугахъ. Такія-же стада находимъ у богато-грозниина и великановъ: это — знакомыя намъ зооморфическія олицетворенія облаковъ и тучъ. Водовики почти всегда женаты и имѣютъ по многу дѣтей; женятся они на водяныхъ дѣвахъ, извѣстныхъ у славянъ подъ разными названіями (моряны, водяницы, wodny żonu, дунавки, русалки и пр. — см. гл. XXIII); вступаютъ въ связи и съ людскимъ міромъ, женясь на утопленникахъ и на тѣхъ несчастныхъ дѣвушкахъ, которыя были прокляты отцемъ или матерью и вслѣдствіе этого проклятія уведены нечистою силою въ подводныя селенія. Погружаясь на дно рѣкъ и озеръ въ водахъ, смертныя дѣвы переходятъ въ царство усопшихъ душъ и смѣшиваются съ толпами стипійныхъ существъ, становятся эльфами и русалками (см. гл. XXIV), и потому дѣлаются доступными любви водянаго <sup>1)</sup>. Когда въ полноводіе, отъ весенняго таянья снѣговъ или отъ долгихъ проливныхъ дождей, выступитъ рѣка изъ своихъ береговъ и стремительнымъ напоромъ волнъ поломастъ мосты, плоты и мельницы; то крестьяне думаютъ, что всѣ эти бѣды произошли отъ того, что водяные подпили на свадьбѣ, предались буйному веселью и пляскамъ, и въ своемъ разгульномъ поѣздѣ разрушили всѣ встрѣчныя прегра-

---

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., VIII, 19 и стр. 453; О. З. 1848, IV, 144—5: утонула одна дѣвушка и нѣсколько лѣтъ жила съ водянымъ. Разъ въ ясный день подплыла она къ берегу, увидала красное солнце, зеленые рощи и поля, услышала жужжаніе насекомыхъ и отдаленные звуки колоколовъ; тоска по прежней земной жизни обуяла ее—и она не устояла противъ искушенія: вышла изъ воды и пустилась въ родное село. Но тамъ не узнали ее ни родные, ни знакомые. Грустная шла она вечеромъ по берегу и была снова захвачена водянымъ; черезъ два дня валялся на песку ея обезображенный трупъ, а рѣка шумѣла и волновалась—то мстительный водяной оплакивалъ свою невозвратную потерю.

ды <sup>1)</sup>. Свадебное торжество, которое созерцалъ древній человекъ въ грозовой бурѣ, было перенесено имъ на весенніе разливы рѣкъ; связь этого повѣрья съ преданіемъ о пляскѣ Морскаго Царя, когда онъ выдавалъ свою дочь замужъ за богатаго гостя Садка, очевидна и не требуетъ поясненій. Когда у водянаго должна родить жена, онъ принимаетъ видъ обыкновеннаго человека, является въ городъ или деревню и приглашаетъ съ собою повивальную бабку, ведетъ ее въ свои подводныя владѣнія и щедро награждаетъ за трудъ серебромъ и золотомъ <sup>2)</sup>. Рассказываютъ, что однажды рыбаки вытащили въ сѣтяхъ ребенка, который рѣзвился и игралъ, когда его опускали въ воду, и томился, грустилъ и плакалъ, когда приносили въ избу. Ребенокъ оказался дѣтищемъ водянаго; рыбаки отпустили его къ отцу — съ условіемъ, чтобы онъ нагонялъ въ ихъ сѣти какъ можно болѣе рыбы, и условіе это было имъ свято соблюдаемо <sup>3)</sup>.

Вода составляетъ существенное свойство, необходимую природу водянаго: появится ли онъ въ деревнѣ — его легко узнать, потому что съ лѣвой полы его постоянно капаетъ вода; гдѣ бы онъ ни сѣлъ, то мѣсто всегда оказывается мокрымъ. Въ своей родной стихіи водяной непреодолимъ, а на землѣ сила его слабѣетъ <sup>4)</sup>. Хозяинъ извѣстныхъ водъ, онъ на всемъ ихъ пространствѣ обладаетъ рыбами и другими животными, какія только тамъ водятся; все, что ни случается на рѣкахъ, прудахъ или озерахъ, — творится по его волѣ: онъ бережетъ пловца въ бурную погоду, даетъ рыбаку счастливый уловъ, смотритъ за его неводами и бреднями, и въ тоже время, согласно съ разрушительными свойствами олице-

---

<sup>1)</sup> Совр. 1856, XI, снѣсъ, 19. 26—27; Сынъ Отеч. 1839, т. VIII. 82; О. З. 1848, IV, 144; Volkslieder der Wenden, II, 267.— <sup>2)</sup> Записки Авдѣев., 147.— <sup>3)</sup> О. З. 1848, IV, 145.— <sup>4)</sup> Памяти. вн. архангел. губ. на 1864 г., 73; Громаниъ, 11—12.

тврѣной имъ стихіи, склоненъ къ злымъ проказамъ. Всѣ быи на водѣ бывають отъ него: онъ заманиваетъ пловцовъ въ опасныя мѣста, перевортываетъ лодки, размываетъ гребли и плотины, портитъ рыболовныя снасти и пугаетъ скотину на водопой. Случается, что рыбаки, подымая неводъ, вытаскивають вѣстѣ съ рыбою и водянаго дѣда, который тотчасъ же разрынаетъ сѣть, ныряетъ въ воду и вслѣдъ за собою выпускаетъ всю пойманную рыбу. Одинъ рыбакъ, завидя, что по рѣкѣ плыветъ тѣло утопленника, взялъ его въ лодку, но къ ужасу его мертвецъ вдругъ ожилъ: вскочилъ, захохоталъ и бросился въ омутъ. Такъ подшутилъ надъ нимъ водяной <sup>1)</sup>. Обыкновенно водяникъ ѣздитъ на сомѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рыбу эту не совѣтують употреблять въ пищу, потому что это — чортовъ конь; пойманнаго сома не слѣдуетъ бранить, чтобы не услыхалъ водяной и не вздумалъ отомстить за него <sup>2)</sup>. Если же водяному придетъ охота оскѣдлатъ крестьянскаго коня, быка или корову, то бѣдное животное подъ нимъ подламывается, вязнетъ въ тинѣ и издыхаетъ. Чтобы охранить отъ этой бѣды своихъ лошадей и коровъ, во время переправы ихъ черезъ рѣку, поселяне чертятъ на водѣ крестъ ножомъ или косою (= эмблемы Перунова оружія). Объ утопленникахъ думаютъ, что ихъ увлекаетъ водяной, и еслибы не онъ — то, по мнѣнію простонародья, никто бы и не тонулъ. Трупъ утопленника потому и бываетъ раздутымъ, посинѣлымъ, что его давилъ водяной. Разъ охотникъ полѣзъ въ воду доставать застрѣленную утку; тутъ ухватилъ его кто-то за шею и потащилъ на дно; насили топоромъ отбился, а шея-то вся въ синякахъ — такъ и знать слѣды, гдѣ были пальцы водянаго! Въ Малороссіи дѣти — прежде, нежели стануть купаться, причитываютъ на распѣвъ:

<sup>1)</sup> Рус. Бес. 1856. III, ст. Максимов., 82; Ворон. Г. В. 1850, 10.—

<sup>2)</sup> Иллюстр. 1846, 247, 333.



Чортюкъ, чортюкъ!  
 Не ломай хистюкъ;  
 Ты в' воды, а я в' воду.

Задавивши челоуѣка, водяной отрѣшаетъ душу отъ тѣла и беретъ ее въ свою службу (т. е. присоединяетъ къ альфамъ), тѣло же бросаетъ, и потому оно всплываетъ наверхъ <sup>1)</sup>. Темные омуты и водовороты, гдѣ живутъ водяные, считаются самыми опасными мѣстами; кто рѣшается переплыть ихъ, тотъ рискуетъ на вѣрную гибель. Не слѣдуетъ купаться безъ шейнаго креста и послѣ солнечнаго заката: крестъ — вѣрная защита отъ демонскаго навожденія, а ночь — время усиленной дѣятельности водянаго. «Какое теперь купанье, говорить крестьяне послѣ захожденія солнца; теперь водяной зажилъ!» Точно также, проснувшись ночью, не должно пить воду: «какъ пить ночью, коли водяной зажилъ! того и смотри — водяная хворь привяжется». О страдающихъ этою болѣзней говорятъ: «вѣрно, выпилъ не благословясь!» Это повѣрье о насланіи водянымъ болѣзни служитъ новымъ доказательствомъ связи его съ альфами (см. гл. XXII). Заживаетъ водяной ночью, т. е. по первоначальному значенію мифа — во иракѣ дожденосныхъ тучъ, заволакивающихъ небо и претворяющихъ свѣтлый день въ темную ночь. Наровнѣ съ ночнымъ временемъ, и вся недѣля, въ которую приходится праздникъ Ильи-пророка, признается опасною для купанья; въ эти дни, посвященные громовнику, Перунъ производитъ грозы, а водяной ищетъ себѣ жертвъ. При дневномъ свѣтѣ водяной большею частію скрывается въ глубинѣ <sup>2)</sup>, а въ ночномъ сумракѣ выплываетъ наверхъ и даже выходитъ на берегъ рас-

<sup>1)</sup> Совр. 1856, XI, 26; Рус. Бес. 1856, III, 82; Сынъ Отеч. 1839, IV, 80. — <sup>2)</sup> Только во время дождя, идущаго при солнечномъ сіяніи, онъ выходитъ изъ воды и грѣется, сидя на берегу — Громавъ, 233.

чесывать гребнемъ свои волосы. Въ лунныя ночи онъ хлопаетъ по водѣ ладонью — и звучные удары его далеко слышны по плесу, или ныряетъ съ неуволнимою для глазъ быстротою: среди совершенной тишины вдругъ гдѣ-нибудь за клубится, запѣнится вода, изъ нея выскочитъ водяное чудо и въ тотъ-же мигъ скроется, а въ полверстѣ отъ этого мѣста снова клубится и пѣнится вода и снова выставляется голова водянаго <sup>1)</sup>). Въ ночную-же пору дерутся водяные съ лѣшными, отчего идетъ по лѣсу грохотъ и трескъ падающихъ деревьевъ и громко раздается во все стороны шумъ плещущихъ волнъ <sup>2)</sup>): повѣрье, намекающее на битвы грозныхъ духовъ; грохотъ и трескъ въ лѣсу и звучные удары по водѣ соотвѣтствуютъ громовымъ раскатамъ, отъ которыхъ сокрушаются темныя дебри облаковъ и льются дождевые потоки.

Чези убѣждены, что надъ тѣми людьми, которымъ судьба опредѣлила утонуть, водяной получаетъ таинственную власть, которую ничѣмъ нельзя отклонить. Донынѣ въ Богеміи рыбаки неохотно соглашаются подать помощь утопающему; они боятся, чтобы водяной не лишилъ ихъ за это счастья въ рыбной ловлѣ и не утопилъ бы ихъ самихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Здѣсь разсказываютъ, что водяной нерѣдко сидитъ на берегу, съ дубинкою въ рукахъ, на которой развѣваются разноцвѣтныя ленты. Эти ленты оказываются вблизи водяными порослями и травами; ими онъ приманиваетъ дѣтей, и какъ скоро это удастся ему — схватываетъ ихъ и безжалостно топитъ въ водѣ <sup>3)</sup>). На Руси видали его плавающимъ на чурбанѣ или корягѣ: онъ сидитъ на ней голый, весь въ тинѣ, китя на головѣ высокую боярскую шапку, свитую изъ зе-

<sup>1)</sup> О. З. 1848, IV, смѣсь, 145—6; V, 24; Абев., 68; Иллюстр. 1845, 298. — <sup>2)</sup> Терещъ, VI, 135; Сынъ Отеч. 1839, IV, 81. — <sup>3)</sup> Громанъ, 11—12.

ленной куги, и вокруг тѣла зеленый поясъ изъ той-же травы <sup>1)</sup>). Олицетворяя источники и рѣки въ живыхъ человѣческихъ образахъ, фантазія растущія въ нихъ воды и по берегамъ травы обратила въ уборы созданныхъ ею мнѣческихъ существъ. Лужичане цвѣтовую или семенную почку тростника называютъ *wodneho muža porosty, potasčku, lohszy* <sup>2)</sup>). Но какъ вообще травы и растенія уподоблялись волосамъ матери-земли и рошающихъ ея водъ (I, 138—141), то метафора эта въ примѣненіи къ водянымъ духамъ и дѣвамъ породила сказаніе о зеленыхъ волосахъ и бородѣ дѣдъ-водяника и зеленыхъ косахъ русалокъ <sup>3)</sup>). Нѣмецкіи сказанія также нерѣдко даютъ нѣксамъ зеленые волосы, зеленую одежду и зеленые шляпы <sup>4)</sup>).

Подобно домовому, который все тащитъ изъ сосѣдскихъ кладовыхъ и амбаровъ въ свой собственный домъ, — водяной ухитряется перезывать къ себѣ рыбу изъ чужихъ рѣкъ и озеръ <sup>5)</sup>). Такъ объясняютъ простолюдины умаленіе и совершенное исчезаніе рыбы въ тѣхъ или другихъ водахъ. Объясняютъ это и нѣсколько иначе, увѣряя, что одинъ водяной проигралъ все свое добро другому. Такъ о водяникахъ Кончозерскомъ и Пертозерскомъ разсказываютъ, что они, какъ сосѣди, играли въ карты (позднѣйшая замѣна старинной игры въ шары), и первый выигралъ у послѣдняго всю ряпушку; съ тѣхъ поръ рыба эта перестала ловиться въ Пертозерѣ <sup>6)</sup>).

Лѣтомъ водяной бодрствуетъ, а зимою спитъ; ибо зимніе холода запираютъ дожди и застилаютъ воды льдами. Съ началомъ весны (въ апрѣлѣ), когда начинается новая жизнь, когда

---

<sup>1)</sup> Иллюстр. 1845, 298. — <sup>2)</sup> D. Myth., 455—7. Зеленъ, плавающую на поверхности пруда, чехи считаютъ кожею убитого водянаго — Грованиъ, 233. — <sup>3)</sup> Терещ., VI, 124; Сынъ Отеч., IV, 80. — <sup>4)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 281—2. — <sup>5)</sup> Сахаров., II, 81. — <sup>6)</sup> Сынъ Отеч. 1839, IV, 81; Терещ., VI, 135.

домовой мѣняетъ свою шкуру и обнаруживаетъ бѣшеную страсть все ломать и портить, водявой пробуждается отъ зимней спячки—голодный и сердитый; съ досады онъ ломаетъ ледъ, вздымаетъ волны, разгоняетъ рыбу въ разные стороны, а мелкую и совсѣмъ замучиваетъ. Въ этомъ преданіи прекрасно выражена мысль о пробужденіи водъ отъ зимняго сна: съ полнымъ разгуломъ несется проснувшаяся рѣка, сбрасывая съ себя ледяные покровы и напоромъ полои воды и льдинъ снося мосты, гати, мельничныя снасти и прибрежныя склады и строенія. Въ архангельской губ. о прибывающей водѣ говорятъ, что она заживаетъ <sup>1)</sup>. Около этого времени глѣбнаго водянаго ублажаютъ жертвами. Крестьяне покупаютъ миромъ лошадей, не торгуясь въ цѣнѣ; три дня откармливаютъ ее хлѣбомъ и конопляными жмыхами; потомъ спутываютъ ей ноги веревкою, на шею надѣваютъ два жорнова, голову обмазываютъ медомъ, въ гриву вплетаютъ красныя ленты, и въ полночь опускаютъ въ прорубь (если стоитъ еще ледъ), или топятъ среди рѣки (если ледъ прошелъ). Три дня дожидается водяной этого гостинца, выражая свое нетерпѣніе колыханіемъ воды и глухимъ стономъ. Задобренный приношеніемъ, онъ смирается (см. т. I, 635). Съ своей стороны рыболовы чествуютъ водянаго жертвеннымъ возліаніемъ; старшій изъ нихъ выливаетъ въ рѣку масло, приговаривая: «вотъ тебѣ, дѣдушка, гостинцу на новоселье! люби да жалуй нашу семью» <sup>2)</sup>. Мельники, чтобы водяной не разорвалъ плотины, однажды въ годъ приносятъ ему въ даръ откормленную черную свинью; кто этого не дѣлаетъ, того онъ замучиваетъ во время сна (сравни съ повѣрьями о домовыхъ марахъ), а плотину навѣрно размоетъ <sup>3)</sup>. Какъ пѣ-

---

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 62.— <sup>2)</sup> Сахаров., II, 21; Послов. Даля, 978.— <sup>3)</sup> Тереш., VI, 11—12.

тухъ, служившій символомъ огня, былъ посвященъ домовому и считался лучшимъ для него жертвенною яствою; такъ гусь, представитель водной стихіи, посвящался водяному. Если выкинетъ изъ трубы, то съ цѣлю предохранить домъ отъ пожара опускаютъ въ нее живаго гуся: средство это, по народному повѣрью, также спасительно, какъ и веда, заливающая огонь. Гуси и утки все лѣто живутъ на рѣкахъ, озерахъ и прудахъ, подъ надзоромъ и охраною дѣдушки водяного <sup>1)</sup>; а на зиму покидаютъ оцѣпенѣлыя воды. Въ половинѣ сентября, когда становится ощутительно приближеніе зимы, водяному приносятъ гуся, какъ прощальный даръ — въ благодарность за то, что сторожилъ домашнихъ гусей и утокъ въ продолженіе лѣта <sup>2)</sup>).

Въ мифическихъ сказаніяхъ древности облака и тучи были уподобляемы рыбамъ, плавающимъ въ воздушномъ океанѣ. Это представленіе сочеталось и съ тѣми человѣческими образами, въ какихъ фантазія олицетворяла небесные и земные источники. Водяные духи и дѣвы то совершенно превращаются въ рыбъ, то являются съ смѣшенными формами человека и рыбы. Такъ греческія сирены, нѣмецкія ниссы, славянскія моряны и русалки съ головы по поясъ представляются юными дѣвами чудной, обольстительной красоты, а ниже пояса имѣютъ рыбій хвостъ. Выставляя изъ водъ свои прекрасныя головы, бѣлоснѣжныя плечи и груди, онѣ поютъ чарующія пѣсни и манятъ къ себѣ неосторожныхъ юношей, которые, будучи не въ силахъ противиться страстному наитію любви, бросаются въ волны и тонутъ въ предательской сти-

---

<sup>1)</sup> Иллюстр. 1846, 247. Наряду съ пѣтухомъ, и гусь даетъ предвѣщаніе о будущихъ свадьбахъ. Дѣвушки завязываютъ гусаку глаза и пускаютъ его въ избу; къ какой изъ нихъ подойдетъ онъ и выйдетъ, та въ скоромъ времени будетъ замужемъ — Маякъ, XVI; Херсон. Г. В. 1846, 10 — <sup>2)</sup> Сахаров., II, 57.

ин<sup>1)</sup>. Народныя русскія сказки говорятъ о вѣщнхъ («мудрыхъ») дѣвахъ, которыя плаваютъ въ морскихъ и рѣчныхъ водахъ то бѣлыми лебедями, то златопѣрыми рыбками; пойманная на удочку и кинутая наземь, рыбка эта обрывается красной дѣвицей, выходитъ замужъ за сказочнаго героя, всѣхъ плѣняетъ красотою и всѣхъ превосходитъ силою чародѣйнаго вѣдѣнія<sup>2)</sup>. Въ польской редакціи той-же самой сказки герой закидываетъ въ воды уду-самоловку съ серебряной волосенью, съ золотымъ поплавкомъ, и ловитъ русалку—полудѣву, полурыбу, одаренную дивною красотою и очаровательнымъ голосомъ<sup>3)</sup>. По древне-полѣвскимъ воззрѣніямъ, въ весенней грозѣ богъ-громовникъ выступалъ на ловлю рыбы-тучи и закидывалъ для того въ небесныя воды уду-молнію, или онъ преслѣдовалъ легконогую облачную нимфу, и какъ скоро настигалъ ее—дѣлилъ съ нею любовь. Оба эти представленія фантазія соединила вмѣстѣ: рыба, пойманная сказочнымъ героемъ, превращается въ вѣщую дѣву, съ которою онъ и вступаетъ въ брачный союзъ. Ходитъ еще на Руси слѣдующій интересный разсказъ: одинъ молодой промышленникъ каждый вечеръ игралъ на гусляхъ въ своей гальѣтѣ, и какъ только заиграетъ — слышно было, что кто-то пляшетъ передъ нимъ. Захотѣлось ему узнать, что бы это значило? и вотъ онъ спряталъ подъ черепкомъ зажженную свѣчу, и когда вдругъ освѣтилъ ею гальѣту—передъ нимъ стояла блѣднолицая красавица съ русыми косами: то была русалка, или по другому варианту — проклятая отцемъ дѣвица, которая проживала у нечистыхъ въ морской глубинѣ<sup>4)</sup>. Подобный-же разсказъ находимъ въ хор-

<sup>1)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 282; D. Myth., 459; Громаниъ, 11.—

<sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VII, 22.— <sup>3)</sup> Глинск., IV, 31—57; I, 237—8.— <sup>4)</sup> Н. Р. Сл., VIII, 19; Пассек., III, 194—5.

танскихъ приповѣдахъ, гдѣ героинею является дѣвица, которая еще ребенкомъ была похищена и унесена въ море; тамъ ее вскормили морскіе дѣвы, научили пляскамъ, и бѣлое тѣло ея облекли рыбьею чешуею <sup>1)</sup>. На Украинѣ существуетъ повѣрье, что когда играетъ (=волнуется, шумитъ) море — на поверхность его выплываютъ морскіе люди — «що половина чоловіка, а половина риби» и поютъ пѣсни; чумаки приходятъ тогда къ морю, слушаютъ и научаются тѣмъ славнымъ пѣснямъ, которыя потомъ распѣваютъ по городамъ и селамъ <sup>2)</sup>. Въ другихъ мѣстахъ этихъ «морскихъ людей» называютъ фараонами, смѣшивая старинное преданіе о морянахъ съ библейскимъ сказаніемъ о Фараоновомъ воинствѣ, потонушемъ въ волнахъ Чернаго моря. Рассказываютъ, что люди эти — съ рыбьими хвостами и что они обладаютъ способностью предсказывать будущее. Въ суевѣрно-настроенномъ воображеніи крестьянъ саратовской и другихъ губерній омуты населены нечистыми духами-оборотнями, принимающими на себя образы различныхъ рыбъ; большая опасность угрожаетъ тому рыбаку, который ударилъ бы въ такую рыбу острогою. По народнымъ рассказамъ, нѣвѣстнымъ въ сѣверо-восточной Россіи, водяной часто обращается рыбою и по преимуществу — щукою <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Сб. Валавца, 241—2. Къ разряду этихъ мифическихъ танцовщицъ должны быть отнесены и тѣ сказочныя царевны, которыя тамъ были пристрастны къ танцамъ, что каждую ночь уходили въ подземное царство (=въ страну темныхъ тучъ), предавались тамъ неистовымъ пляскамъ, и всякой разъ изнышивали по парѣ новыхъ башмаковъ — Н. Р. Ск., VI, 56; VIII, стр. 525—6; Ма-тер. для изуч. нар. слов., 36 — 37; Кульда, I, 86; Сказ. Грин., 133.—<sup>2)</sup> Москв. 1846, XI—XII, 154; Кулишъ, II, 36.—<sup>3)</sup> Совр. 1856, XI, смѣсь, 22—24; Владим. Г. В. 1844, 52; С. Петерб. Вѣдом. 1865, 65; Духъ Христіан. 1861—2, XII, 275. Греки представляли Тритона (водяного бога) съ длиннымъ рыбьимъ хвостомъ.

## ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВАМЪ XV И XVI.

I. О жертвоприношеніяхъ у славянъ находимъ слѣдующія свидѣтельства: Прокопій говоритъ, что славяне, поклоняясь верховному богу-громовержцу, приносили ему въ жертву быковъ и иныхъ священныхъ животныхъ; «они поклонялись также рѣкамъ и нѣмамъ и нѣкоторымъ другимъ божествамъ, всѣмъ имъ приносили жертвы, и при этихъ жертвоприношеніяхъ гадали». По его показанію, славяне, отправляясь въ бой или будучи удручены болѣзною, давали обѣты принести жертву за спасеніе своей жизни. Константинъ Порфирородный упоминаетъ о приношеніяхъ въ жертву хлѣба, мяса и птицъ <sup>1)</sup>. Ибнъ-Фоцланъ <sup>2)</sup> рассказываетъ о русскихъ купцахъ, что, пріѣзжая съ товарами, они приносили влоамъ хлѣбъ, мясо, лукъ, молоко и опьяняющій напитокъ, съ просьбою послать имъ хорошихъ покупателей, при чемъ смирно кланялись (сличн съ выраженіями Кракедворской рукописи: *klanięti bohu, se biti w ěelo predi bohu*). Когда же выгодно сбывали свои товары, то говорили: «владыка помогъ мѣ, и я долженъ заплатить ему!» и убивали нѣсколько быковъ и овецъ; часть мяса раздавали бѣднымъ, другую клали вередъ истуканами, а головы жертвенныхъ животныхъ тутъ-

---

<sup>1)</sup> Макуш., 70, 101.— <sup>2)</sup> Стр. 7—9. Приводимъ это свидѣтельство единственно для полноты, такъ какъ еще не рѣшено, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ руссами Ибнъ-Фоцлана: норманновъ или славянъ.



же настромляли на колья, вбитые въ землю. Если мясо было съѣдаемо ночью собаками, купцы говорили: «владыка благоволитъ ко мнѣ—онъ вкусилъ мой даръ!» О жертвахъ у славянъ упоминаютъ также Масуди, Несторъ и старинный переводчикъ слова Григорія Назіанзина. Послѣдній допустилъ въ свой переводъ слѣдующую любопытную вставку: «овъ трѣбу сътвори на стоуденьци... несъщимъ богомъ жьреть и Бога створьшаго небо и землѣ раздражаетъ; овъ рѣкѣ богинѣ нарицаеть, и звѣрь живащъ въ неѣ яко бога нарицаѣ, трѣбѣ творять; овъ Дыю жьреть, а другыи Дивныи<sup>1)</sup>. У Нестора читаемъ: «и постави кумиры (Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Сима, Рєгла и Мокоши). Жьраху имъ, наричюще ѿ боги; привожаху сыны своя и дѣщери, и жьраху бѣсомъ, оскверняху землѣ теребамъ своими, и оскверниѣ кровь и земля рускии и холмѣ отъ<sup>2)</sup>. Въ словѣ нѣкоего христолюбца сказано: «вѣрують въ Перуна... (исчисляются имена боговъ) и въ вины, ниже числомъ тридевятъ сестрѣницъ глаголють невѣгласи и мнѣять богинями, и так(о) покладывахуть имъ теребы (въ другомъ спискѣ прибавлено: и коровѣ имъ молятъ), и куры имъ рѣжють и огневѣ молятся». Подобныя упреки повторяются и въ другихъ поученіяхъ: «и приступиша къ идоломъ, и начаша жрети молніи и грому, и солнцю и лунѣ, а друзіи Пере(у)ну, Хоурсу, виламъ и Мокоши, упиремъ и берегынямъ, ихже нарицають тридевятъ сестриницъ, а нини въ Сварожитца вѣрують и въ Артемиду, ниже неведгласи чєловѣчи молятся, и куры имъ режють... и ниѣми въ водахъ потопляеми суть. А друзіи къ кладязѣмъ приходяще молятся и въ воду мечють... жертву приносяще, а друзіи огнѣви и каменію, и рѣкамъ, и источникомъ, и берегынямъ, и въ дрова—не токмо же преже въ поганьствѣ, но мнози и нынѣ то тво-

<sup>1)</sup> Изв. Ав. Н., IV, 310.— <sup>2)</sup> П. С. Р. Л., I, 34.

ратъ<sup>1)</sup>. Здѣсь-же встрѣчаемъ извѣстія о жертвенныхъ приношеніяхъ Роду и рожаницамъ, о чемъ см. въ главѣ XXV. У поляковъ, по свидѣтельству Длугоша, во время народныхъ празднествъ закалалась въ жертву быки и овцы. Любопытныя свѣдѣнія сохранили намъ пѣсни Краледворской рукописи: Воймиръ, одержавши побѣду, въ томъ-же мѣстѣ и въ тотъ-же часъ хотѣлъ «obiet wzdáti bohomъ»; но, по совѣту Честмира, отложилъ это священное дѣло, рѣшился гнать за непріятелемъ и воскликнулъ:

Neziarte sie bozi svému sluze,  
Ež ne páli obiet w dnešniem slunci! <sup>2)</sup>

За нами обѣтъ! прибавилъ Честмиръ, понесемся туда въ дубраву, гдѣ возвышается любимая богами скала (skála bohomъ xmilená); на ея вершинѣ сотвори обѣтъ богамъ-спасамъ за побѣду свершившуюся, за побѣду грядущую; пусть войско идетъ туда, гдѣ obiet tvoi povieie w slúpech dýmu <sup>3)</sup>. И Воймиръ явился на указанное мѣсто:

Na wršie skály zaniěti obiet  
Bohómъ svymъ spasámъ;  
Iimъ obietowa kravicuъ buinuъ,  
Srstъ červená po niěi sie lskieše...  
Plápoláše obiet i bližie sie voi.  
Prokny, ida kolъ obieti, bohómъ slavuъ hlášáše,  
I zacházeie zezvuče nemeškaše <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Лэт. рус. лят., т. IV, 89, 92, 97, 107--8; въ рукописномъ грѣбанкѣ 1601 г. (въ собраніи Царскаго) въ чинѣ исповѣди упоминается о чествованіи Перуна, Хорса и Мокоши яствами и питьемъ.—Моск. Вѣдом. 1853, 91.— <sup>2)</sup> Переводъ: Не гнѣвайтесь боги на слугу своего, что не возжигаетъ онъ обѣта въ этотъ часъ!— <sup>3)</sup> ... гдѣ твой обѣтъ (твоя жертва) повѣетъ въ столпахъ дыма.— <sup>4)</sup> На вершинѣ скалы возжигъ обѣтъ богамъ своимъ-спасамъ, принесть имъ въ жертву кравицу бодрую—червонна (рыжая) шерсть на ней

Телица сожжена не вся: плечи ея и жирныя лопатки достались воинамъ. О балтійскихъ славянахъ Гельмольдъ замѣчаетъ: «жрецъ посредствомъ жребія опредѣлялъ празднества богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтьми и приносили въ жертву быковъ и овецъ», послѣ чего начиналось общественное пиршество. На этихъ пирахъ пили во имя боговъ круговую чашу. При описаніи осенняго празднества Святовиту, Саксонъ-грамматикъ говоритъ, что жители острова Руявы, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву этому богу животныхъ и учреждали пиршество <sup>1)</sup>. Какъ съ одной стороны божество огня участвовало въ семейной трапезѣ чловѣка (прежде, нежели приступали къ этой трапезѣ, домовладыка обязанъ былъ удѣлить отъ изготовленныхъ яствъ и напитковъ даръ возжеиному на очагѣ огню), такъ съ другой стороны самый чловѣкъ принималъ участіе въ тѣхъ «законныхъ обѣдахъ», которые предназначались богамъ. Вкушая отъ жертвенныхъ яствъ и напитковъ, онъ сопричитался безсмертнымъ, и подобно имъ становился недоступнымъ злымъ чарамъ и нечистой силѣ. Мало по малу религіозныя празднества обратились въ шумныя оргіи и попойки. Поучительныя слова, направленные противъ языческихъ преданій и обрядовъ, рѣзко осуждаютъ тѣхъ, которые «кумирьскую жертву ядятъ... вѣруютъ въ Стрибога, Дажьбога и Переплута (?), иже вертячеса ему піють въ розѣхъ» (піють изъ роговъ <sup>2)</sup>). Обычай пить во славу боговъ въ христіанскую эпоху былъ примѣненъ къ по-

---

лоснилась... Пылала жертвы и приближались воины; каждый, проходя мимо жертвы, возглашалъ богамъ славу и звучалъ оружіемъ— Ж. М. Н. П. 1840, XII, 125—7.— <sup>1)</sup> Срезнев., 69, 73—74. У германцевъ жрецъ раздѣлялъ жертву на части и раздавалъ народу; каждый уносилъ свой кусокъ домой. Во время большихъ празднествъ пиrowали сообща—всѣмъ вмѣстѣ (I. Myth., 50).— <sup>2)</sup> Дат. рус. лит., т. IV, 99, 108—9.

поучеіію; Ѳеодосій Печерскій, возстаая противъ пьян-  
 сты, совѣтуетъ не пѣть тропарей за застольными чашами:  
 можно только въ началѣ обѣда одну чашу выпить во славу  
 Христа, да другую при концѣ—во славу Богородицы <sup>1)</sup>. Точно  
 такъ у германцевъ древнее обыкновеніе пить во имя Тора,  
 Одина и Френ — такъ называемые *minni* (слово, по мнѣнію  
 «эологовъ, родственное съ славянскимъ *мню* и потому рав-  
 носзначущее нашему: память или поминки) впоследствии  
 сдѣлались кубками въ честь архангела Михаила, Спасителя  
 и Пречистой Дѣвы <sup>2)</sup>. Осушая эти чаши, предки наши обра-  
 щались къ богамъ, какъ подателямъ всякихъ благъ, и молили  
 даровать имъ самимъ, друзьямъ ихъ и родичамъ здоровье и  
 счастье; такъ возникли заздравные тосты. Обрядовый харак-  
 теръ сербскихъ «здравницъ» прямо указываетъ на ихъ древле-  
 религіозное происхожденіе.

Главнѣйшія жертвоприношенія опредѣлялись кругообраще-  
 ніемъ годового времени и тѣсно-связанными съ нимъ переиѣ-  
 нами въ земледѣльческихъ и пастушескихъ заботахъ: начало  
 пашни и поѣздовъ, первый выгонъ скота въ поле требовали  
 жертвенныхъ возношеній о плодородіи нивъ, изобиліи молока  
 и счастливомъ приплодѣ стада, время жатвы, уборки хлѣба и  
 молотбы—благодарственныхъ жертвъ за ниспосланные бога-  
 ми дары. Такъ Святовиту приносились жертвы при окончаніи  
 жатвы. Остатки этихъ жертвенныхъ обрядовъ доселѣ уцѣлѣ-  
 ли у славянъ. На Руси при запашкѣ полей поселяне варятъ  
 брагу, носятъ въ церковь освящать часть баранины, чер-  
 шаго пѣтуха и хлѣбы, и потомъ пируютъ сообща цѣлою  
 деревнею<sup>3)</sup>. Кости, оставшіяся отъ освященныхъ пасхальныхъ

<sup>1)</sup> Обзоръ рус. дух. литер., соч. Филарета, архіеп. харьковск.,  
 I, 17.— <sup>2)</sup> D. Myth., 53. Чашею, наполненною медомъ во славу бо-  
 говъ, литовцы ударяли о печь — Рус. Сл. 1860, V, 20.— <sup>3)</sup> Те-  
 рещ., V, 34—35.

яствъ (барашка или поросенка) частію зарываются на поляхъ, чтобы предохранить нивы отъ граду, а частію сберегаются дома, и когда приближается грозовая туча — бросаютъ ихъ въ огонь, чтобы молнія не ударила въ избу и надворныя строенія <sup>1)</sup>. Въ Болгаріи на вешній Юрьевъ день въ каждомъ семействѣ колятъ барашка. Для этого выбираютъ изъ своего стада или нарочно покупаютъ самого красиваго ягненка, преимущественно бѣлаго, съ черными глазами; связываютъ ему ноги, на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, на глаза накладываютъ повязку, ротъ мажутъ медомъ, а къ рогамъ прилѣпляютъ зажженные восковыя свѣчи. Домохозяинъ читаетъ тропарь св. Георгію и другія молитвы, кадитъ ладаномъ, затѣмъ поднимаетъ ножъ кверху и съ воззваніемъ: «св. Гѣрги! на ти ѣгне» рѣжетъ ягненка; кровь его собирается въ чашку и употребляется, какъ цѣлебное средство отъ разныхъ болѣзней, мясо жарятъ и сѣдаютъ за семейной трапезою, а кости зарываютъ въ землю. Въ селѣ Славинѣ, въ пиротскомъ округѣ, жертвенное закланіе на Юрьевъ день совершается такъ: изъ каждаго дома выносятъ въ поле барашковъ, украшенныхъ вѣнками, съ завязанными глазами и опутанными ногами, и тамъ кладутъ ихъ въ кружокъ. Старшии принимаютъ колоть ихъ, кровь орошаетъ траву и землю; эта окровавленная трава собирается дѣвушками, а старухи между тѣмъ разводятъ огонь и сожигаютъ веревки и платки, которыми были связаны барашки. Каждый домохозяинъ беретъ своего барашка, идетъ домой и жаритъ на вертелѣ, а потомъ приноситъ его, вмѣстѣ съ хлѣбомъ (называемымъ боговица), чеснокомъ, лукомъ и кислымъ молокомъ, на гору св. Георгія. Туда является священникъ, и освятивъ яства, получаетъ отъ каждаго двора по четверти барашка, обыкно-

<sup>1)</sup> Послов. Далъ, 1018; Вѣст. Европы 1828, V—VI, 75—83.

ваше лѣвую его лопатку съ головою и шкурою. Подобный-же обрядъ совершается и въ другихъ славянскихъ земляхъ: въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ <sup>1)</sup>. Домохозяева-сербы приготавливаютъ на Юрьевъ день къ церкви ягнятъ, прилѣпивъ къ ихъ рогамъ восковыя свѣчи; послѣ обѣдни свѣчи эти зажигаются, священникъ благословляетъ стадо, произноситъ молитву и въ даръ за это собираетъ шкурки зарѣзанныхъ ягнятъ и часть ихъ мяса <sup>2)</sup>. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и въ Карпатахъ, по случаю весенняго выгона скотины на пастбище, поселяне готовятъ пирогъ въ видѣ овна, который зарѣзывается рукою главнаго пастуха, какъ символическая жертва богу-покровителю стада, и потомъ сохраняется, какъ цѣлебное лѣкарство для овецъ <sup>3)</sup>. Въ Литвѣ настоятели костеловъ заказываютъ къ Юрьеву дню восковыя фигуры лошадей, коровъ и овецъ и продаютъ ихъ при входѣ въ церковь. Всякой, кто покупаетъ такое изображеніе обноситъ его нѣсколько разъ вокругъ костела и полагаетъ на алтарь <sup>4)</sup>. Тоже жертвенное значеніе, вѣроятно, соединялось нѣкогда и съ приготавливаемыми изъ тѣста коровками и овечками, какія до сихъ поръ раздаются коледовщикамъ. Св. Юрій заступаетъ въ народныхъ преданіяхъ мѣсто языческаго громовника; кромѣ того, древнѣйшее чтеніе Перуна, какъ плододавца и растителя мнѣ, перенесено было на апостола Петра и Ілью-пророка, почему и дни, посвященные ихъ памяти (29 іюня и 20 іюля), также уцѣляли обряды, указывающіе на старинныя жертвы. На Петровъ день, говорятъ крестьяне, барашка въ лобъ. У верховьевъ рѣки Ваги существуетъ такой обычай: въ первое воскресенье послѣ Петрова дня убиваютъ передъ обѣдней быка, купленнаго на общій счетъ цѣлою волостью, ва-

<sup>1)</sup> Каравел., 211—2; Терещ., VI, 28; Сахаров., II, 26. — <sup>2)</sup> Срп. рѣчници, 151. — <sup>3)</sup> Срезнев., 71; Терещ., VI, 19—20 — <sup>4)</sup> Черты литов. нар., 91.

рять мясо въ большихъ котлахъ, и по окончаніи обѣдни съѣдаютъ сообща міромъ; въ этой трапезѣ принимаетъ участіе и священникъ. Преданіе увѣряетъ, что въ старое время въ этотъ день выбѣгалъ изъ лѣсу олень и что именно это животное было убиваемо на праздничный пиръ; но однажды прѣстѣяне, не дождавшись оленя, замѣнили его быкомъ, в сѣ той поры олень уже не показывался. Преданіе это въ вологодской губ. приурочивается къ Ильину дню: прежде, говорятъ, на Ильинъ день появлялись двѣ лани; одна была закалаема, а другая исчезала; теперь же онѣ болѣе не показываются за великія неправды народа <sup>1)</sup>. Во многихъ деревняхъ 20-го іюля устроятся общинные обѣды, въ складчину, и для этого убиваютъ быка или теленка; въ пермской губ. на пиръ собирается вся волость. Такъ чествуютъ поселяне начало жатвы. У пермяковъ существуетъ еще обычай убивать и жарить барана въ день Прокопія-жатвенника — 8-го іюля <sup>2)</sup>. Мясо животныхъ, закалаемыхъ къ праздникамъ, называется моленымъ кусомъ <sup>3)</sup>. Слово моленъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ Ветхаго Завета означаетъ: приносить жертву, давать обѣтъ <sup>4)</sup>, а въ вятской губ. донынѣ употребляется въ смыслѣ: колоть, рѣзать скотину («онъ звалъ меня замоленъ теленка» <sup>5)</sup>). Старинная пословица выражается: «моленой баранъ (т. е. обреченный на жертвенное закланіе) отлучился, инъ гулящій прилучился». Какъ у болгаръ хлѣбу, кото-

<sup>1)</sup> Рус. въ св. посл., IV, 62—63; Вологод. Г. В. 1844, 19. Въ новгородской губ. рассказываютъ, что въ старое время 8-го сентября прибѣгали на погостъ кономевского прихода двѣ лани; одну изъ нихъ рѣзали и варили, а другая уходила. Но послѣ того, какъ попъ Ванька закололъ обѣихъ, лани уже не появлялись—Новгор. Сборн. 1865, I, 286; сравни въ Beiträge zur D. Myth., II, 423.—<sup>2)</sup> Терещ., VI, 51; Сахаров., II, 44—45; Рус. въ св. посл., IV, 65.—<sup>3)</sup> Ibid., II, 9.—<sup>4)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II. ст. Бусл., 6.—<sup>5)</sup> Доп. обл. сл., 115; Вятск. Г. В. 1847, 45.

рыи пекутъ на Юрьевъ день, дается названіе боговица, такъ на Руси приготовляемые къ означенному дню пироги и хлѣбы называются *моленниками*; тѣмъ-же именемъ обозначаютъ и пирогъ *имянинный* — первоначально жертва родо-вынъ пенатамъ, благословеніемъ которыхъ умножается семья и соблюдается счастье домочадцевъ. Точно также свадебные гостинцы называются *молины*, и по всему вѣроятію стоятъ въ связи съ тѣми жертвенными приношеніями, которыми нѣкогда сопровождалось введеніе невесты въ семью жениха, волею охрану его прародительскаго очага <sup>1)</sup>. Пиво и брага, приготовляемыя къ сельскимъ празднествамъ, на мірскую *сказачину*, слывуть въ народѣ *молеными*; напитки эти сливаются въ бочки при зажженныхъ восковыхъ свѣчахъ, передъ иконами, и непременно съ молитвою <sup>2)</sup>. Кромѣ сейчасъ-приведенной поговорки, есть и другія, въ которыхъ еще живо воспоминаніе о старинныхъ жертвоприношеніяхъ: «богу жалъ куря дати, а чортъ возьметъ и барана»; «чорту баранъ лавно ободранъ» <sup>3)</sup>.

Годичныя измѣненія, замѣчаемыя въ жизни природы, представляются солнечными поворотами: зимнимъ и лѣтнимъ; оба поворота чтились особенно-торжественными празднествами и жертвоприношеніями. На Коляду, въ честь Перуна, пламеникомъ котораго возжигается свѣтозарное солнце, приносились двѣ главные жертвы: козель и свинья. По указанію германскихъ преданій, козель былъ посвященъ Тору, а баранъ — Фрейру. О жертвенномъ закланіи козла сохранилось воспоминаніе въ колядской пѣснѣ, тѣмъ болѣе любопытной, что она передаетъ и самую обстановку обряда:

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 115; Москва. 1852, XVIII, библиогр., 67. — <sup>2)</sup> Рус. въ св. посл., II, 11. — <sup>3)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 79; Собраніе 4291 поговорокъ, 192.



За рѣкою за быстрою  
 Лѣса стоятъ дремучіе,  
 Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,  
 Огни горятъ великіе,  
 Вокругъ огней скамья стоитъ,  
 Скамьи стоятъ дубовыя,  
 На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,  
 Добры молодцы, красны дѣвцы,  
 Поютъ пѣсни-назбѣдушки.  
 Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,  
 Онъ точитъ свой булатной ножъ,  
 Котелъ кипитъ кипучій,  
 Возлѣ котла козель стоитъ;  
 Хотятъ козла зарѣзати. <sup>1)</sup>

Жертвоприношеніе сопровождалось пѣніемъ обрядовыхъ пѣсень; козла рѣзалъ старецъ, мясо его варили въ котлѣ, подобно тому, какъ это совершалось и у германскихъ племенъ, и у скифов <sup>2)</sup>. У литовцевъ жрецъ, заколая козла острымъ ножомъ, призывалъ на молящихся божіе благословеніе; кровь собиралась въ кувшинъ или чашу и потомъ окроплялась ею люди, скотъ и самыя жилища; мясо съѣдали при пѣніи пѣсень и игрѣ на трубахъ, а что оставалось несъѣденнымъ, то зарывали въ землю на распутіи, чтобы ни одинъ звѣрь не могъ дотронуться до священной яствы <sup>3)</sup>. Свиней до сихъ поръ убиваютъ къ Рождественскому празднику съ особенными обрядами (см. I, 779 — 780); убитого кабана окропляютъ чистою водою и окуриваютъ, а кровью его брызгаютъ на разведенный огонь; мясо съѣдается на праздникахъ, а кости зарываются въ укромномъ мѣстѣ. Бѣдные люди замѣняютъ свинью годовалымъ поросенкомъ. Тоже жертвенное приношеніе повторялось и при началѣ весны, въ честь возрождающихся силъ природы. Въ Черногорьи къ Свѣтлому Христову Воскре-

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 16. — <sup>2)</sup> D. Myth., 49. — <sup>3)</sup> Рус. Сл. 1860, V, 21, 36.

сею въ каждомъ дворѣ откармливаютъ борова, въ пятницу на страстной недѣлѣ убиваютъ его, а въ субботу пекутъ дынкомъ; если туша не помѣщается въ домашней печи, то ее жарятъ въ лѣсу. На Руси (преимущественно между малороссами) на первый день Святой недѣли, виѣстъ съ куличемъ и пасхою, освещаютъ я поросенка, съ хрѣномъ въ зубахъ, я барашка, сдѣланнаго изъ коровьего масла <sup>1)</sup>. На Купалу, когда солнце склоняется къ змѣѣ, у литовцевъ (въ честь Лады), жорянъ и эстовъ существовалъ обычай сожигать на кострѣ бѣлаго пѣтуха; а чехи позднюю осень (16 октября, въ день св. Галла) рѣжутъ пѣтуха въ ознаменованіе того, что лѣто уже миновало <sup>2)</sup>. Черные и бѣлые пѣтухи в куры служили у литовцевъ самою обыкновенною жертвою богамъ <sup>3)</sup>.

По внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ гадали о будущихъ урожаяхъ и погодѣ; такъ по селезенкѣ кабана, убитаго на Коляду, дѣлаются заключенія о томъ, какова будетъ зима — холодная или съ оттепелями; по зернамъ, найденнымъ въ zobу гуся, зарѣзаннаго 24-го ноября, предсказывать: какой внешнею хлѣбъ уродится въ будущее лѣто <sup>4)</sup>. Га-

<sup>1)</sup> Терещ., VI, 103—7.— <sup>2)</sup> Рус. Бес. 1857, IV, 101.— <sup>3)</sup> Рус. Сл. 1860, V, 20; Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 9; Черты литов. нар., 133. Остатокъ древняго жертвоприношенія куръ уцѣлѣлъ въ вятской губ. подъ именемъ „троецыплатницы“ и совершается по юбату, съ цѣлію отвратить какое-либо несчастье, напр. болѣзнь. Для этого отыскиваютъ нѣсколько куръ-троецыплатницъ, т. е. такихъ, которыя вывели цыплатъ по три раза; перья ихъ и внутренности тщательно собираются въ корчагу, а ощипанныхъ куръ варятъ и ставятъ на столъ. Является священникъ, и отслуживъ молебнѣ, благославляетъ приготовленную яству (читаетъ надъ нею свято) и окропляетъ ее св. водою. Оставшіяся отъ этихъ куръ кости складываютъ въ ту же корчагу, въ которую прежде положены были перья и внутренности, и все это виѣстъ съ корчагою бросаютъ въ рѣку или прячутъ въ лѣсу—Эти. Сб., V, 68—72.  
<sup>4)</sup> Мазъ, XIV.

даніе по крови в пеплу, о которомъ упоминаетъ Дитмаръ, вѣроятно совершалось по крови и сторѣвшимъ остаткамъ жертвенныхъ животныхъ. Прокопій также свидѣтельствуесть, что славяне дѣлали предсказанія по жертвамъ, т. е. по ихъ признакамъ судили объ урожаяхъ, объ исходѣ задуманнаго предпріятія, и т. п.

Наравнѣ съ другими народами: греками, римлянами, кельтами, скинами, германцами и литовцами, славяне приносили и человѣческія жертвы <sup>1)</sup>. «Привожаху сыны своя и дщери, говоритъ Несторъ, и жряху бѣсомъ»: отсюда нѣкоторые исследователи заключаютъ, что у славянъ было въ обычаѣ отдавать въ жертву богамъ своихъ собственныхъ дѣтей; другіе же видятъ въ приведенныхъ словахъ не болѣе, какъ указаніе, что при жертвенныхъ обрядахъ присутствовали и домашцы—сыновья и дочери. Это свидѣтельство Нестора въ Переяславскомъ лѣтописцѣ передано въ выраженіяхъ, недопускающихъ сомнѣнія; исчисливъ кумиры, лѣтописецъ прибавляетъ: «и жряху имъ, и приносаху сыны своя и дщери и даяху на жрътву бесомъ» <sup>2)</sup>. Другое свидѣтельство находимъ въ извѣстномъ разсказѣ Несторовой лѣтописи о первыхъ христіанскихъ мученикахъ: «иде Володимѣръ (983 года) на ятвяги, и побѣди ятвяги и взя землю ихъ. И иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старци и боляре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицу (вар. на отроку и на дѣвици); на него-же падеть, того зарѣжемъ богомъ. Беше варягъ единъ... пришелъ изъ грекъ, держаше вѣру хрестіаньску, и бѣ у него сынъ красенъ ли-

<sup>1)</sup> Существованіе такихъ жертвъ у народовъ классическихъ относится къ глубочайшей древности; когда цивилизація смягчила нравы, онѣ были отиѣнены—Пропилей, II, 127—8, 137—8; IV, 35.—

<sup>2)</sup> Лѣтоп. Переясл., 17. У сербовъ уцѣлѣла клятва: «такъ свою шею печену не во!»—Срп. и. посл., 309.

цемъ и душою, на сего паде жребіи по зависти дьяволи... Рѣша пришедше посланіи къ нему: яко паде жребіи на сынъ твой, взволиша бо ѿ бози собѣ, да створишъ потребу богомъ. — «Не суть то бози, но древо! отвѣчалъ варягъ, не данъ сына своего бѣсомъ». Посланные повѣдали о томъ людямъ; «они же взявше оружіе, поидоша на-ны (на варяга) и рѣзаша дворъ... и поѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша ѿ<sup>1)</sup>». Митрополитъ Иларіонъ (XI стол.), противопоставляя водворенное св. Владиміромъ христіанство старому язычеству, замѣчаетъ: «уже не идолослужители зовемся—христіанами... уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ<sup>2)</sup>». У поляковъ, по словамъ Длугоша, въ жертву богамъ приносились люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ. О прибалтійскихъ славянахъ говоритъ Дитмаръ: «страшный гнѣвъ боговъ смягчается кровью людей и животныхъ», и Гельмольдъ, по свидѣтельству котораго въ жертву приносили христіанъ, и кровь ихъ, какъ враговъ народной славянской религіи, была особенно пріятна и угодительна для боговъ; выборъ лицъ, предаваемыхъ закланію, опредѣлялся жребіемъ. Святовиту такая жертва была приносима ежегодно, и обрядъ совершался жрецомъ. Гельмольдъ, Адамъ Бременскій и другіе нѣмецкіе лѣтописцы приводятъ нѣсколько случаевъ принесенія человѣческихъ жертвъ славянами<sup>3)</sup>.

Всматриваясь въ приведенныя свидѣтельства, мы выводимъ слѣдующія заключенія: во первыхъ, въ жертву богамъ приносились плѣнники. Тоже встрѣчаемъ и у другихъ народовъ. У скифовъ, говоритъ Геродотъ, во время важныхъ народныхъ

<sup>1)</sup> П. С. Р. Л., I, 35.— <sup>2)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 3, VII, 32; см. у Кирилла Туровскаго (Памят. XII в., 19): «отсеаъ бо не приѣмлетъ треби адъ закаленныхъ отци младенецъ». — <sup>3)</sup> Срезнев., 77; Макуш., 161—2

празднествъ были избираемы на жертвенное закланіе не только животныя, но и люди, обыкновенно плѣнники; нѣкоторая часть крови убитаго примѣшивалась къ яствамъ, изготовляемымъ для религіознаго пиршества, почему греческіе историки почитали ихъ людоедами <sup>1)</sup>. По свидѣтельству Тацита, въ Британіи алтари орошались кровію воиновъ, захваченныхъ въ плѣнъ, и по внутренностямъ ихъ труповъ язычники вопрошали боговъ о грядущихъ событіяхъ. Во время борьбы съ крестоносцами, литовцы мучили и умерщвляли христіанскихъ плѣнниковъ передъ своими идолами. Въ глазахъ язычника враги извѣстнаго племени были вмѣстѣ съ тѣмъ и врагами его прародительскихъ пенатовъ, разорителями ихъ священныхъ пристанищъ—редовыхъ очаговъ, и охраняемыхъ ими полей и рощей; вторгаясь въ чужія владѣнія, внося въ нихъ убійства, грабежи и пожары, они святотатственно нарушали неприкосновенность границъ, и потому жертвенное закланіе плѣнниковъ было пріятно мстительному чувству національныхъ боговъ. Прибавимъ къ этому, что боги бурь и грозъ представлялись могучими воинами, которые неустанно сражаются съ толпами демоновъ и поражаютъ ихъ молиіеносными стрѣлами, что тѣмъ же богамъ предки наши приписывали непосредственное участіе въ своихъ собственныхъ битвахъ съ враждебными народами; отбитое у враговъ оружіе и часть военной добычи были приносимы въ даръ богамъ-побѣдителямъ; точно также на долю ихъ доставалась и часть плѣнныхъ: сгорая на жертвенныхъ кострахъ, они легкими тѣнями возносились въ заоблачныя страны и вступали въ служебную свиту небесныхъ владыкъ (сравни преданія о сожженіи мертвыхъ <sup>2)</sup>). Принесеніе

<sup>1)</sup> Лѣт. рус. лѣт., кн. II, 142.— <sup>2)</sup> У славянъ дѣлъ ста плѣнниковъ избирался одинъ; на него смотрѣли не только какъ на будущаго служителя бога войны, которому онъ обрекался въ жертву, но и какъ на посланника, нѣющаго передать ему похвалы и желанія

въ жертву христіанъ по преимуществу относится ко времени ожесточенной борьбы между славянами-язычниками и ихъ христіанскими просвѣтителями, стремившимися, вмѣстѣ съ старинными вѣрованіями славянъ, сокрушить и ихъ политическую самостоятельность. Во вторыхъ, человѣческія жертвы были жертвы умиловительныя. При различныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ боги казались раздраженными людскими грѣхами, карающими какое-либо нечестіе, и только кровь преступника, его дѣтей и родичей могла отклонить ихъ праведный гнѣвъ. Такимъ образомъ умиловительная жертва получила характеръ казни, слѣдующей за преступленіемъ. Насилія крестоносцевъ нерѣдко заставляли пруссовъ принимать крещеніе, но вѣдомъ они снова возвращались къ религіи предковъ; для умиловленія боговъ, раздраженныхъ ихъ измѣною, жрецы требовали, чтобы матери убивали своихъ новорожденныхъ дѣтей, что и было совершаемо съ соблюденіемъ священныхъ обрядовъ <sup>1)</sup>. По свидѣтельству Юлія Цезаря, галлы въ случаѣ важной опасности и повальныхъ болѣзней приносили въ жертву людей, уличенныхъ въ разбоѣ, воровствѣ и другихъ преступленіяхъ, и только за неимѣніемъ ихъ убивали невинныхъ <sup>2)</sup>. Однѣжды, во время страшнаго голода, шведы предали въ жертву Одину, какъ производителю жатвъ, короля своего Олафа (Olaf Tretelgia): будучи верховнымъ представителемъ народа, король долженъ былъ собственною жизнію искупить грѣхи своихъ подданныхъ и примирить ихъ съ божествомъ <sup>3)</sup>. Греки прибѣгали къ человѣческимъ жертвамъ при солнечныхъ затмѣніяхъ, неурожаяхъ, эпидемическихъ болѣзняхъ и другихъ

---

цѣлаго племени. Во время праздника, предшествующаго жертвоприношенію, обреченный пользовался всѣми правами благороднаго и даже царя" (ibidem).— <sup>1)</sup> Рус. Сл. 1860, V, 21.— <sup>2)</sup> Галлы въ эпоху Цезаря, соч. Георгіевск., 94—95, 108—9.— <sup>3)</sup> Die Götterwelt, 166.

народныхъ бѣдствійхъ. Такъ какъ неурожай, голодъ и моровая язва, по мѣтнію язычниковъ, большею частію были дѣломъ злыхъ демоновъ и ихъ слугъ — чародѣевъ и вѣдьмъ; то для отвращенія подобныхъ бѣдъ человѣческія жертвы приносились подземнымъ, демоническимъ божествамъ. Такъ у германцевъ было въ обычаѣ во время моровой язвы закапывать въ землю живыхъ дѣтей <sup>1)</sup>. На Руси и въ Литвѣ, чтобы отвратить чуму, повальные болѣзни и скотскій падежъ, зарывали въ землю или топили въ рѣкѣ женщину, заподозрѣнную въ злыхъ чарахъ (см. гл. XXVI).

II. Славяне прибалтійскіе опередили въ религіозномъ развитіи своихъ соплеменниковъ; у нихъ были и храмы и жрецы. Изъ описаній старинныхъ хроникъ видно, что храмы эти строились большею частію деревянные — на возвышенныхъ мѣстностяхъ или въ священныхъ рощахъ и близъ водъ, были окружены оградой, въ которую вели ворота. Внутренность храма раздѣлялась иногда на двѣ части: переднюю и святилище, и послѣднее отдѣлялось завѣсами изъ ковровъ и тканей, прикрѣпленныхъ къ столбамъ (колонамъ) и спущенныхъ до земли. За этими завѣсами стоялъ главный идолъ, а вокругъ него другіе кумиры, облеченные въ шлемы и латы; тутъ-же помѣщались священныя знамена, оружіе и разныя храмовыя принадлежности. Переднее отдѣленіе примыкало къ святилищу съ трехъ или со всѣхъ четырехъ сторонъ, стѣны его украшались рѣзными изображеніями; впрочемъ не вездѣ были стѣны, вмѣсто нихъ ставили колоны и вѣшали ткани. По мѣтнію г. Срезневскаго, высота храма не могла быть ниже десяти или двѣнадцати аршинъ. При храмахъ, вѣроятно, были и

---

<sup>1)</sup> D. Myth., 1139—1140. Геродотъ (вн. VII, гл. 114) рассказываетъ, что супруга Ксеркса, закопала въ землю четырнадцать дѣтей изъ лучшихъ персидскихъ родовъ, въ жертву божеству, которое живетъ подъ землею.

другія зданія для содержанія священныхъ ковей, для жилья жрецовъ и для храненія военныхъ добычъ и приношеній, утѣшительныхъ богамъ. Въ Штетинѣ возлѣ храма были устроены три контнвы, въ которыхъ стояли столы и вокругъ нихъ скамейки: здѣсь происходили совѣщанія и совершались праздничныя пиршества. При закладкѣ храма избранное мѣсто очищали огнемъ и водою, при пѣніи и пляскахъ. Идолы были деревянные, раскрашенные, съ золотыми и серебряными украшениями, и литые изъ мѣди и благородныхъ металловъ; нѣкоторые изъ нихъ дѣлались огромныхъ размѣровъ (такъ идолъ Рујевица имѣлъ около пяти аршинъ въ вышину) и имѣли двѣ, три головы и болѣе. Жрецы не составляли касты, но отличались отъ всѣхъ другихъ классовъ народа; они носили длинные волосы, бѣлую одежду и палицу, участвовали въ народныхъ собраніяхъ, предсѣдали на судахъ вмѣстѣ съ княземъ, рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ и обладали большими богатствами; на островѣ Руянѣ жрецу подчинялся самый князь, а у загровъ жрецъ имѣлъ одинаковую власть съ княземъ. На обязанности жрецовъ лежало заботиться о чистотѣ и охраненіи святыни, распоряжаться дарами, приносимыми храмамъ, кормить священныхъ коней, наставлять въ вѣрѣ, возносить молитвы, совершать жертвоприношенія, объяснять предназначенія, словомъ быть посредниками между человекомъ и богамъ; они пользовались исключительнымъ правомъ входить въ «святаяище» и садиться въ храмѣ <sup>1)</sup>).

У славянъ восточныхъ извѣстія памятниковъ о кумирахъ и иѣстахъ поклоненія имъ далеко не отличаются такою полнотою и опредѣленностью. Древнѣйшій лѣтописецъ говоритъ годъ 945 годомъ: «заутра призва Игорь слы (пословъ) и при-

<sup>1)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, 44—54 (Архитектура храмовъ см.ч. славянъ“); Срезнев., 39—54, 58—59; Макуш., 83—84, 95—98, 105—6.



де на холмѣ, кдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье свое и щеты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его». Слѣдовательно уже при Игорѣ стоялъ въ Кіевѣ идолъ Перуна; поздне (980 г.) в. кн. Владиміръ «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбота, и Стрибога, и Сима-ръгла (Сима и Ръгла) и Мокошь». Добрыня, дядя Владиміра св., поставилъ кумиръ Перуна въ Новгородѣ надъ рѣкою Волховомъ <sup>1)</sup>. Изъ числа названныхъ лѣтописцемъ боговъ имена Сима, Ръгла и Мокоши доселѣ остаются необъясненными. Въ словѣ «Симаръгла» извѣстные намъ списки Несторовой лѣтописи сливаются въ одно два разныхъ имени, какъ это видно изъ другихъ памятниковъ. Въ словѣ нѣкоего христіанскаго (по рубликамъ Поксеевскаго сборника XIV в.) сказано: «вѣрують в Перуна, і в Хорса, і в Мокошь, і в Сима, і в Еръгла (вар. по списку XV вѣка: нъ Ръгла)... (молятся) і Мокошь (вар. Мокошь), і Симу, і Ръглу, і Перуну» <sup>2)</sup>. По мнѣнію Прейса <sup>3)</sup>, оба эти названія — заимствованныя: «въ числѣ ассирійскихъ народовъ, переселенныхъ въ Палестину въ концѣ VII стол. предъ Р. Х., упоминаются два народа, которые принесли съ собою отечественныхъ боговъ и поклонялись имъ въ новыхъ жилищахъ своихъ. Вотъ самый текстъ (IV кн. царств., 17, 30): καὶ οἱ ἄνδρες Χοὺθ ἐποίησαν τὴν Ἐρῡελ, καὶ οἱ ἄνδρες Αἰμάδ ἐποίησαν τὴν Ἀσιμάδ. Въ европейскомъ подлинникѣ стоитъ Nergal или Nergel вм. Ἐρῡελ и Asīma вм. Ἀσιμάδ» <sup>4)</sup>. Мокошь <sup>5)</sup> — слово жен-

<sup>1)</sup> П. С. Р. Л., I. 23, 34— <sup>2)</sup> Лэт. рус. лят., т. IV, отд. 3, 89—94; Оп. Румявц. Муз., 228—9.— <sup>3)</sup> Ж. М. Н. П. 1841, II, 37—39, 41—43.— <sup>4)</sup> «По отдаленіи сущаго маѣ (говоритъ Прейсъ), мы получали бы слово асі (чистота), которое дѣйствительно находится въ языкѣ древнихъ Персовъ»; отсюда авторъ дѣлаетъ предположеніе, что Сима было прозваніемъ бога огня.— <sup>5)</sup> Имя это упоминается и въ старинныхъ поученіяхъ, направленныхъ противъ

скаго рода, какъ свидѣтельствуя грамматическія формы: **лннтельн. падежъ Мокошь, а дательный Мокоши** <sup>1)</sup>). Имя этой богини несовсѣмъ изгладилось изъ народной памяти; г. Далъ приводитъ поговорку: «Богъ — не Макешъ, чѣмъ-нибудь да потѣшить», а въ «Запискахъ о южной Руси» напечатана малорусская дума (считаемая впрочемъ за литературную поддѣлку), въ которой князь жалуется на бога-властителя бурныхъ вѣтровъ:

Десь нашъ богъ Посвищать спавъ:  
Чи въ Макоши гулявъ? <sup>2)</sup>

Кумиры были деревянные, что, кромѣ свидѣтельства Нестора о Перунѣ, подтверждается слѣдующими указаніями. Варяго-христіанинъ, сынъ котораго обречевъ былъ на жертву идоламъ, говорилъ посланнымъ къ нему: «не суть то бози, но древо! днесь есть, а утро изъгнѣтъ; не ѣдятъ бо, ни пьютъ, ни молвить, но суть дѣлаи руками въ деревѣ». Тѣже слова высказали в. кн. Владиміру католическіе проповѣдники: «ѣтра бо наша свѣтъ есть... а бози ваши древо суть». Приказавши крещеніе, Владиміръ приказалъ низвергнуть кумиры — «свы о сѣчи, а другія огневи предати»; Перуна же привязать къ конскому хвосту и стащить въ Двѣпръ: «се же не

---

имического еусвѣрія—Дѣт. рус. лит., т. IV, 97—108.— <sup>1)</sup> Ж. М. Н. П. 1841, II, 39—41. Прейсъ считаетъ Мокошь за богиню, соответствующую Астартѣ, и самое названіе ея объясняетъ словомъ новачный, заимствованнымъ у Давида-валоннина. Но вѣсто прилагательнаго моначиный, какое явилось вслѣдствіе ошибочнаго чтенія памятника первыми издателями, слѣдуетъ читать: оначный (пилющий окатъ, полукруглый, сводообразный) — см. въ изданіи Норова, стр. 23—25. Также бездоказательно Хомяковъ видѣлъ въ Мокоши богиню смерти—Мат. сравн. слов., II, 404.— <sup>2)</sup> Послов. Далъ, 3; Кулишъ, I, 177. Шафарикъ (Р. И. Сб., I, 80) упоминаетъ географическое названіе Моушанинъ, а г. Снегиревъ (Дубоч. картинки рус. нар., 83)—Моношавскій новастырь въ черниговской губ.

яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже предшае симъ образомъ челоуѣкъ» <sup>1)</sup>). Новгородскій идолъ Перуна былъ разрушенъ: «и приде Новугороду архіепискупъ Якимъ, и требища разори, и Перуна постѣче и повелѣ въврещи въ Волховъ; и повязавше ѹжи, влечашуть ѹ по калу, біюще жезліемъ и пихающе» <sup>2)</sup>). Іоакимовская лѣтопись упоминаетъ о каменныхъ идолахъ въ Новгородѣ: «Добрыня же... идолы сокруши — деревяннии сожгоша, а каменнии изломавъ въ рѣку ввергоша, и бысть нечестивымъ печаль велика» <sup>3)</sup>). Въ житіи св. Авраамія сказано, что онъ сокрушилъ въ Ростовѣ каменнаго идола Велеса, которому поклонялся Чудской конецъ <sup>4)</sup>). Сверхъ того, памятники говорятъ еще о капищахъ и требищахъ. Митрополитъ Іларіонъ въ словѣ своемъ «о законѣ и благодати» замѣчаетъ: «уже не капищъ съграждаемъ, но христовы церкви зиждемъ» <sup>5)</sup>); въ житіи чудотворца Исаіи упомянуто о капищахъ, разрушенныхъ имъ въ ростовской области <sup>6)</sup>); въ житіи св. Владиміра, написанномъ Іаковомъ-миномъ, читаемъ: «блаженный же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ... всю землю русскую крести и отъ конца до конца храмы идолскія и требища всюду раскопавъ и постѣче и идолы сокруши, и всю русскую землю и грады

<sup>1)</sup> П. С. Р. Л., I, 35—36, 50.— <sup>2)</sup> Ibid., V, 121.— <sup>3)</sup> Истор. Рос. Татищева, I, 39.— <sup>4)</sup> Пам. стар. рус. литер., I, 221—2; Истор. церкви Макарія, еписк. винницкаго, I, 203—5. Есть и другія позднѣйшія свидѣтельства о разрушеніи идоловъ въ ростовской области епископомъ Исаіею: „гдѣ-же идолами обрѣтаесть, вся огню предаваше“ (ibid., II, 274), въ Муромѣ — кн. Константиномъ (Пам. стар. рус. литер., I, 229). Въ житіи в. кн. Ольги (Истор. рус. церкви Макарія, I, 229) сказано: „и по семъ святая нача требища и кумиры сокрушати по многимъ мѣстомъ, и въ тѣхъ мѣсто нача кресты христовы поставляти“; но извѣстіе это сомнительно, ибо Несторъ навѣрно не умолчалъ бы о такомъ событіи, еслибъ оно дѣйствительно было. — <sup>5)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 3, VII, 32.— <sup>6)</sup> Карам. И. Г. Р., I, примѣч. 225.

честными церквами украси» <sup>1)</sup>). Вышеприведенное мѣсто Новгородской лѣтописи свидѣтельствуемъ о разореніи третищъ архіепископомъ Якимомъ. Оба слова: и капище, и третище изъ древле-славянскихъ переводахъ библіи употребляются въ смыслѣ языческаго <sup>2)</sup>: капище для означенія идола (увеличительная форма отъ капь, какъ идолище отъ идолъ; капь — истуканъ, статуя и вообще образъ, імаго: «въ номъ капь сътвореннаго» <sup>3)</sup>), иногда и жертвенника <sup>4)</sup>; третище (трѣбѣште, трѣбѣникъ) для означенія жертвенника (βωμός, altare), храма (ἐιδωλαῖον, delubrum) и жертвеннаго возліанія (σπονδή, libatio); трѣба (тереба, по-тереба) у Нестора и въ другихъ старинныхъ памятникахъ — языческая жертва (θυσία, sacrificium, res idolo immolata, libatio; еванг. 1270 г. Матв. IX, 13: «милости хошю, а не трѣбъ»), а въ современномъ языкѣ — религиозный обрядъ («отправлять церковныя трѣбы», «священникъ пошелъ съ трѣбою»); трѣбовати — жертвовать, терѣбити — вырѣзывать, очищать, потрѣбити — уничтожить, пожрать <sup>5)</sup>. Следовательно при идолахъ были воздвигаемы жертвенники, на которыхъ возжигалось пламя и совершались языческія трѣбы. Эти священные мѣста могли быть обведены оградой, надъ ними могли устрояться навѣсы, и такимъ образомъ они становились храмами, которые хотя не поражали ни несуществомъ, ни роскошью, но вполне соответствовали простотѣ самаго быта. Вотъ самое простое объясненіе свидѣтельства Іакова-мнѣха о разореніи св. Владиміромъ «идольскихъ храмовъ». Свидѣтельство это, принадлежащее столь ран-

<sup>1)</sup> Ibid., примѣч. 476; Хр. Чтен. 1849, II, 317—385. — <sup>2)</sup> О влиян. христ. на слав. яз., 113. — <sup>3)</sup> Изъ Супрасльск. рукописи XI в. — см. Мат. сравн. слов., IV, церковнослав. словарь Востокова, 336—7. — <sup>4)</sup> Radices linguae sloven., 34; Срезнев., 38. — <sup>5)</sup> Мат. сравн. слов., VI, 468—9 (церковнослав. слов. Востокова).

нему времени, что отвергать его рѣшительно невозможно, подкрѣпляется еще другимъ: въ сагѣ объ Олафѣ Тригвессонѣ разсказывается, что онъ нерѣдко сопровождалъ в. кн. Владиміра къ храму, но никогда не входилъ въ него, а оставался за дверями все время, пока тотъ приносилъ богамъ жертвы <sup>1)</sup>).

III. Къ божьему суду, сверхъ испытанія огнемъ и водою, принадлежалъ и судебный поединокъ (*judicium pugnae, kampfurtheil*). Богъ лѣтнихъ грозъ представлялся могучимъ воеводитѣмъ, въ его рукахъ — и побѣда и пораженіе; онъ принимаетъ непосредственное участіе во всѣхъ народныхъ войнахъ, и правой сторонѣ даруетъ мужество, крѣпость и побѣдное торжество, а неправую наказуетъ постыднымъ бѣгствомъ плѣномъ в пораженіемъ. Всякая битва, по понятію древнихъ, была споромъ, отданнымъ въ рѣшеніе божества. «То уже Богови судити» — обыкновенная формула, какую произносили наши князья передъ началомъ военныхъ дѣйствій <sup>2)</sup>). Поэтому и въ частныхъ раздорахъ, если обиженный возставалъ съ оружіемъ на обидчика, божество должно было помогать правому и карать нарушителя священныхъ законовъ. Это воззрѣніе вызвало клятвы оружіемъ (I, 272) и судебные поединки, когда, за недостаткомъ другихъ доказательствъ, тяжущіеся рѣшали дѣло единоборствомъ. Судебные поединки были самымъ обыкновеннымъ способомъ рѣшенія споровъ въ средне-нѣковой Европѣ; примѣры ихъ встрѣчаются даже въ XVII вѣкѣ. Въ назначенный день противники выступали на бой, передъ началомъ котораго духовенство благословляло ихъ рат-

<sup>1)</sup> Р. И. Сб., IV, кн. I, 46—47. Названія „Турова божица“ (Карам. И. Г. Р., II, примѣч. 289) и „Бѣлобожица“ (Р. И. Сб., I, ст. Ходаков., 80), вѣроятно, указываютъ на мѣста языческихъ святилищъ; слово божица, какъ видно изъ вопросовъ Кирика и лѣтописей, употреблялось въ старину въ значеніи церкви (О вліян. христ. вв. сл. яз., 114; Карам. И. Г. Р., II, примѣч. 156, 239). —

<sup>2)</sup> Мат. сравн. слов., I, 568.

и медосѣхъ, а сами они давали клятву, что дѣйствительно признаютъ себя правыми и не рассчитываютъ на помощь чародѣйств<sup>1)</sup>. О еудебныхъ поединкахъ у славянъ находимъ слѣдующія узнанія. По словамъ арабскаго писателя Мукаддези, «когда царь рѣшилъ споръ между двумя тяжущимися, и они рѣшеніемъ его остались недовольны, тогда онъ говоритъ имъ: разбирайтесь мечемъ своими! чей острѣе, того и побѣда» <sup>2)</sup>. По лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, самыя войны рѣшались иногда единоборствомъ двухъ избранныхъ отъ разныхъ сторонъ вѣтазей; состязаніе это происходило въ виду обѣихъ непріятельскихъ ратей; исходъ его принимался за непреложный приговоръ божественной воли, которой равно подчинялись и тѣ, на чью долю оставалась побѣда, и тѣ, которые должны были признать себя побѣжденными. Таковъ былъ бой богатыря-кожемяки съ печенѣгомъ при св. Владимірѣ и бой Мстислави съ косожемъ княземъ Редедю <sup>3)</sup>. Въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава съ Рягою и Готскимъ берегомъ (1229 г.) сказано: «роуску не звати латина на полѣ битися оу роуской земли, а латинноу не звати роусина на полѣ битися оу Ризѣ и на Готскомъ березѣ. Аже латинескии гость биесться мѣжю събою оу роуской земли либо мечемъ, а либо дѣревѣмъ — князю то не надѣбе, мѣжю събою соудати; тако аже роускии гость биесться оу Ризѣ или на Готскомъ березе — латине то не надѣбѣ, а те промѣжю събою урядятся» <sup>4)</sup>. Смыслъ статьи тотъ: русскій не можетъ вызывать нѣмца на поединокъ въ русскую землю, а нѣмецъ русскаго въ Ригу и на Готскій берегъ; кто

<sup>1)</sup> D. Rechtsalt., 927—930. — <sup>2)</sup> Исслѣдованіа, замѣчан. и лекц. Погодина, III, 383—4; у Льва-Діанова (стр. 93): «Тавроскии еще и нынѣ обыкновенно рѣшаютъ свои распри убійственнымъ и промію».

<sup>3)</sup> Древность этого обычая подтверждается преданіями, записанными Геродотомъ (битва между избранными ратниками спартакии и аргинскими) и Титомъ Ливіемъ (единоборство Гораціевъ съ Куріаціями). — <sup>4)</sup> Собр. госуд. грамотъ и догов., II, № 1.

желаетъ разсудиться оружіемъ, пусть тотъ и отправляется въ отечество своего супротивника. Князь не долженъ мѣшаться въ поединки иноземцевъ на русской землѣ (т. е. не взымаетъ съ нихъ судебныхъ пошлинъ), а вѣнцы — въ поединки русскихъ людей въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ: «то имъ не надобѣ». Последующіе законы опредѣляютъ случаи, въ которыхъ дозволялось поле (судебный поединокъ), оружіе, которыми обязаны были сражаться бойцы, и самый ходъ борьбы. Народъ смотрѣлъ на поединки, какъ на божью правду: «дай, господине! намъ съ ними (соперниками) божью правду, говорили судѣ истцы или отвѣтчики, да лѣземъ съ ними на поле биться». Псковская Судная грамота (1467 г.) постановляетъ, что могли выходить на поле не только мужчины, но и женщины. По общему правилу бой долженъ быть равный, и потому дозволялось сражаться бойцу съ бойцемъ, а небойцу съ небойцемъ; на этомъ основаніи малолѣтній, престарѣлый, больной, увѣчный и женщина (а по Судебнику — и священникъ) противъ взрослого и здороваго мужчины могли нанимать и ставить, вмѣсто себя, наймитовъ. Но если искъ вела женщина противъ женщины, то наймиты запрещались. Допускался также поединокъ между отвѣтчикомъ и свидѣтелемъ, когда послѣдній показывалъ противъ перваго; но показаніе многихъ свидѣтелей составляло полное доказательство и дѣлало поединокъ ненужнымъ. Бой происходилъ подѣ наблюденіемъ приставовъ; вѣроятно, присутствовалъ и самъ посадникъ или намѣстникъ, какъ прямо упоминается о томъ въ новгородской Судной грамотѣ. Во Псковѣ полевики выходили на битву въ доспѣхахъ; въ Новгородѣ оружіемъ ихъ были ослопы (дубинки, рогативы) и палки, а доспѣхами — шишаки и желѣзные латы. Побѣжденный признавался неправымъ <sup>1)</sup>. Тѣже положенія развиты и въ Судебникѣ Ивана

<sup>1)</sup> Исслѣдов. Псков. Судн. грамоты О. Устрялова, 115—6.

Грозного: у «поля», кромѣ окольниковца, дьяка и иныхъ чиновъ отъ правительства, присутствовалъ еще стражніе и поручики со стороны тяжущихся; тѣ, которые ставили за себя наемитовъ, должны были присягать и цѣловать крестъ сами; «поле» допускалось и между свидѣтелями, которые разсѣивались между собою; бойцы одѣвались въ панцири, латы, шишаки, нѣсли въ рукахъ щиты и дрались дубинками. Стоглавъ запрещаетъ присуждать «поле» для иноческаго и священническаго чина во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ. Наконецъ дополнительными статьями къ Судебнику стѣснено въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшеніе дѣлъ «полемъ». <sup>1)</sup> Барберини (XVI в.) такъ описываетъ судебный поединокъ: дѣйствіе происходило на площади; доспѣхи бойцовъ были такъ тяжелы, что упавшій не въ силахъ былъ подняться; наступательное оружіе было: для лѣвой руки желѣзо, имѣющее два острыхъ конца на подобіе кинжаловъ — одинъ внизъ, другой вверхъ, въ серединѣ же отверстіе, въ которое вставлялась рука, затѣмъ вилообразное копьѣ и за поясомъ топоръ <sup>2)</sup>. Обычай рѣшать спорныя дѣла «полемъ» продолжалъ существовать въ продолженіи всего XVI столѣтія <sup>3)</sup> и исчезъ въ XVII-мъ; въ Уложеніи уже не упоминается о «полѣ», а мѣсто его требуется присяга. Впрочемъ положительнаго закона, которымъ бы отмѣнялся судебный поединокъ, мы не знаемъ. Намъ извѣстенъ только одинъ протестъ противъ судебныхъ поединковъ; это протестъ митрополита Фотія въ посла-

<sup>1)</sup> Вост. Евр. 1813, XIII, 28—34: „О разныхъ родахъ присягъ у славяноруссовъ“; Р. И. Сб., I, кн. 4: „Разсужденіе Е. Калейдовича о поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ; Труды и лѣт. О. И. и Д., I, 29—43: Каченовскаго.—О судебныхъ поединкахъ; О. З. 1857, VI: „Значеніе божьихъ судовъ по русси. праву“.— <sup>2)</sup> Рус. въ св. посл., III, 236.— <sup>3)</sup> Ак. Арх. Экз., I, 240, 255, 325, 348; Акты, относ. до юрид. быта древ. Россіи, I, стр. 195; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, Михалонъ-Литвинъ, 57.



нія его въ Новгородъ 1410 года: «еще же и сему наказую: аще который человекъ позовется на поле да приидеть къ которому попу причаститись, ино ему святого причастія нѣтъ, ни цѣлованія крестнаго; а который поцъ дастъ ему святое причастіе, тотъ поповства лишенъ. А кто утепетъ (убьетъ), лѣзши на поле, (и) погубить душу — по великаго Василя слову душегубецъ именуется, въ церковь не входитъ, ни доры не приѣмлетъ, ни богородицина хлѣба, причащенія-жъ святаго не приметъ осмнадцать лѣтъ; а убитого не хороните, а который поцъ того похоронитъ, тотъ поповства лишенъ» <sup>1)</sup>. Главнымъ образомъ духовенство возставало противъ колдовства и чаръ, къ которымъ прибѣгали бойцы. Максимъ Грекъ жаловался, что судьи, вопреки очевидности свидѣтельскихъ показаній, изобличающихъ виновнаго, присуждаютъ «поле», а обидчики на то и рассчитываютъ: у нихъ всегда есть «чародѣй и ворожея, ижъ возможесть дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полещику» <sup>2)</sup>. На Стоглавномъ соборѣ представленъ такой укоръ современности: «да въ нашемъ же православіи тяжутся, и нѣцыи непрямо и поклепавъ крестъ цѣлуютъ или образы святыхъ, и на поли быются и кровь проливаютъ; и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы бьютъ, и въ Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планетамъ глядають и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми діавольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучають; и на тѣ чарованія надѣяся, поклепца и ябедникъ не мирится, и крестъ

<sup>1)</sup> Ак. Арх. Экс., I, 369; сличи это посланіе съ поученіемъ Петра митрополита, напечатаннымъ въ Пам. стар. рус. литер., IV, 187, съ которымъ оно сходно почти слово въ слово; кто убьетъ на полѣ, тому 20 лѣтъ не входятъ въ церковь и не давать св. причастія, а кто будетъ убитъ — „ино его исомъ повреци, а не проводить его“. — <sup>2)</sup> Описаніе славян. рукописей Моск. синодал. библ., отдѣлъ II, 528—9

дѣлуютъ и на поли бьются, и поклепавъ побиваютъ». Соборъ угрожаетъ волхвамъ и чародѣямъ царскою опалою, а тѣмъ, кто прибѣгаетъ къ ихъ помощи, отлученіемъ отъ церкви. Въ старинныхъ лѣтебникахъ встрѣчаются указанія на тѣ волшебныя средства, обладая которыми можно смѣло выходить наоединокъ: «если хочешь быть страшенъ, убей змѣю черную, а убей ее саблею или ножомъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту зеленую и въ черную да положи въ сапогъ къ лѣвой, а обуи на томъ-же мѣстѣ. Идя прочь, назадъ не оглядывайся. Пришедши домой, положи (змѣиный языкъ?) подъ юрота въ землю; а кто тебя спроситъ: гдѣ былъ? и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно, и ты въ тотъ-же сапогъ положи три зубчика чесноковыя, да подъ правую пазуху привяжи себѣ утиральникъ и бери съ собою, когда пойдешь на судъ или на поле биться». — «Съ ветлы или березы надобно взять зеленый кустецъ... по нашему вихорево гнѣздо <sup>1)</sup>, и взять тотъ кустецъ, какъ потянетъ вѣтръ-вихоръ въ зимѣ или лѣтомъ, да середнее деревцо держать у себя — на судъ ходить, или къ великимъ людямъ, или на полѣ биться, и какъ боются — держать тайно въ сапогѣ въ одномъ на правой ногѣ. А кто держитъ то деревцо у себя, тотъ человѣкъ не боится никого» <sup>2)</sup>. Змѣиный языкъ — символъ разящей силы; о чудесной силѣ чеснока и связи его въ народныхъ повѣрхяхъ съ змѣею см. въ главѣ XX-й; вихорево гнѣздо тождественно грозовой вѣткѣ или разрывъ-травѣ, сокрушающей своимъ прикосновеніемъ всякое вражеское оружіе. Между простонародьемъ донинѣ обращается множество заговоровъ,

---

<sup>1)</sup> Тонкія вѣтви березы или ветлы, которыя свилъ клубомъ крутащійся вихрь — Толков. Слов., I, 184. — <sup>2)</sup> О нар. повз. въ ар.-рус. литерат., рѣчь Буслаева, 36.

которые читаются передъ явкою въ судъ — для того, чтобы сердце судей было милостиво, а уста противниковъ безмолвны.

У чеховъ судебные поединки играли значительную роль, какъ это видно изъ «Ряда земскаго права». По установленіямъ этого памятника, судъ объ убійствѣ родича кончался поединкомъ; противники передъ битвою присягали, вооруженіе ихъ состояло изъ меча и щита; состязаніе происходило въ назначенномъ мѣстѣ, огражденномъ перилами. Утомленный боемъ могъ просить отдыха до трехъ разъ, и тогда клали между соперниками бревно, черезъ которое ни тотъ, ни другой не въ правѣ были переступать. Побѣдитель отрубалъ своему врагу голову. Люди низкаго званія должны были биться палками. За малолѣтнаго сироту выходилъ на поединокъ одинъ изъ его родичей; заступая мѣсто сироты, онъ отъ него получалъ и щитъ и мечъ. Если вдова позвала кого на судъ за убійство мужа или родственника, и доходило до поединка, то отвѣтчикъ долженъ былъ стать по поясъ въ яму и оттуда сражаться съ ею. Тою-же льготою пользовалась и дѣвица, если сама желала; въ противномъ случаѣ ей предоставлялось сиротское право <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Ж. М. Н. П. 1841, т. XXX, ст. Иваннишева: „Древнее право чеховъ“.

## ХVII.

### ДРЕВО ЖИЗНИ И ЛѢСНЫЕ ДУХИ.

Дождевыя тучи, потемняющія небесный сводъ широко-раскинутою и многовѣтвистою сѣнью, въ глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собою весь міръ, — дереву, вѣтви котораго обращены внизъ — къ землѣ, а корни простираются до самаго высшаго неба <sup>1)</sup>. О такомъ всемірномъ деревѣ сохраняются самыя живыя преданія во всѣхъ языческихъ религіяхъ аріискихъ народовъ, и послѣ превосходныхъ изслѣдованій Куна несомнѣнно, что это баснословное дерево есть мифическое представленіе тучи, живая вода (амрита) при его корняхъ и медъ, капающій съ его листьевъ, метафорическія названія дождя и росы, а море, гдѣ оно растетъ, — воды небеснаго океана. Аріи различали три одно надъ другимъ восходящихъ неба: а) царство воздуха и облаковъ, б) ясно-голубой сводъ (dyāus) и с) царство вѣчнаго свѣта, откуда солнце и другія свѣтила заимствовали свой чудный блескъ, откуда произошла и самая молнія, давшая бытіе земному огню. Съ этого третьяго неба простираетъ свои широкія вѣтви вѣчно-неувядаемое это вое дерево (arvattha), подъ которымъ пребываютъ души

<sup>1)</sup> Отголосокъ этого представленія встрѣчаемъ въ русскомъ заговорѣ, въ которомъ сказано, что на островѣ Булиѣ стоитъ бѣлая береза — внизъ вѣтвями, вверхъ корнями, а на той березѣ сидитъ Богородица (О. З., т. LVI, 206; Рус. Вѣст. 1859, XI, 120).

блаженныхъ и вмѣстѣ съ богами вкушаютъ безсмертный напитокъ. Вѣтви его идутъ внизъ, а корни вверхъ; на немъ покоятся всѣ міры, изъ него построили боги и небо и землю; съ листьевъ дерева капаетъ амрита, а подъ нимъ растутъ цѣлебныя травы. Позднѣйшія индѣйскія преданія называютъ это дерево Пра: оно растетъ въ царствѣ Брахмы, по ту сторону потока, дарующаго вѣчную юность, и приноситъ всѣ плоды, какія только существуютъ во вселенной; на его нершнѣ сидятъ двѣ птицы, изъ которыхъ одна клюетъ сладкую фику; другія же обвѣвающія здѣсь птицы выжимаютъ и пьютъ сокъ амриты. О владыкѣ небснаго пламени (молніеносномъ Агни) было сказаніе, что онъ, укрываясь отъ боговъ, нашелъ себѣ убѣжище въ фиговомъ деревѣ. Зендская мифологія знаетъ небесное древо жизни, отъ котораго произошли наземныя цѣлебныя и всѣ другія растенія и злаки. Его называли *Jat-bé s* — безскорбное и *Harvisrptokhta*, т. е. надѣленное всѣми сѣменами; называютъ также орлнымъ деревомъ, потому что на немъ возсѣдаетъ подобная орлу птица *Sisamgu*: какъ только она подымается съ дерева — на немъ вырастаетъ тысяча новыхъ вѣтвей, какъ скоро садится — то обламываетъ тысячу старыхъ и сотрясаетъ съ нихъ сѣмена. Другая птица (*Tschamgos*) сидитъ всегда внизу дерева, собираетъ падающее сѣмя и относитъ туда, гдѣ *Tistar* беретъ воду. Принявъ вмѣстѣ съ водою сѣмена, *Tistar* разбрасываетъ ихъ въ дождевыхъ ливняхъ по всей вселенной. Древнѣйшее уподобленіе дождевыхъ капель застѣвающимъ землю зернамъ (I, 571) породило мнѣ, по указанію котораго, вмѣстѣ съ дождемъ — поателемъ земныхъ урожаевъ, слетаютъ съ дерева-тучи и всѣ растительныя сѣмена. Возлѣ безскорбнаго дерева находится бѣлое растеніе (*Gaökögēna*, изъ сока котораго готовится небесная *haoma* (=сома, напитокъ, надѣляющій здравіемъ и безсмертіемъ) и которое потому будетъ имѣть важ-

ное значеніе въ великомъ актѣ всеобщаго воскресенія. Оба чудесныя растенія служатъ для обозначенія одной и той-же идеи, только въ двухъ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ. Оба они растутъ въ морѣ Vögu-Kascha <sup>1)</sup>, на берегу котораго обитаетъ ящерица, созданная злымъ божествомъ мрака — Аррианомъ (Agramainius), и силится уничтожить гаому; но для охраны послѣдней приставлено 99,999 свѣтлыхъ духовъ (Fervers). Эта ящерица соотвѣтствуетъ демоническому змѣю древнѣйшей эпохи, который задерживаетъ дождевые потоки <sup>2)</sup>. Въ Германіи до сихъ поръ облако, похожее по внѣшнему виду на дерево, называютъ Wetterbaum, Adamsbaum и Abrahamsbaum; съ той стороны, куда обращена его вершина, ожидаютъ вѣтра; если оно цвѣтетъ (blüht — сверкаетъ молніями), то будетъ дождь <sup>3)</sup>. Эдда рассказываетъ о старомъ, мировомъ, серединномъ деревѣ Иггдразиллѣ. Это дерево — ясень (askr); вѣтви его тянутся черезъ всю вселенную, распростираясь и на небо, и на землю; три корня его идутъ: одинъ въ небесное царство асовъ, другой въ преисподнюю ада (Hölle — міръ смерти и разрушительнаго пламени), а третій въ страну великановъ тучъ и тумановъ (hrimthurser). Подъ каждымъ изъ трехъ корней вытекаетъ по священному источнику: небесный источникъ называется Urdhargrinnr, возлѣ котораго боги совѣщались о созданіи міра, и сюда же собираются они судить о дѣлахъ вселенной. Всякое утро вѣщія дѣвы (норны) черпаютъ изъ этого источника воду и окропляютъ ею вѣтви мировой ясени, отчего и происходитъ роса, падающая на землю. Другой источникъ, въ странѣ вели-

---

<sup>1)</sup> Или растеніе, изъ котораго добывается безсмертный напитокъ, прозябаетъ въ живой, цѣлительной водѣ источника Ардвизура. — <sup>2)</sup> Кунъ, 124-8; Die Götterwelt, 58-59, 67; Ж. М. Н. П. 1838, XI, 324-6: „Религія и богослуж. древн. персовъ“ — <sup>3)</sup> Die Götterwelt, 92; Der Ursprung der Myth., 130.

нановъ — Mimir'sbrunn, воды котораго надѣляютъ даромъ мудрости и предвѣдѣнія (I, 374 и 403); имя адскаго источника — Hvergelmir. По объясненію Куна, Yggdrasil = das ross des Ygg (Одиновъ конь; Иггъ — одно изъ именъ Одина), что согласно съ общимъ индоевропейскимъ представленіемъ летучихъ тучъ конями и съ преданіемъ Старой Эдды, что кони валькирій сотрясаютъ съ своихъ гринъ росу въ глубокія долины. По вѣтвямъ в у корней Иггдразила размѣщаются различныя животныя: орелъ, бѣлка Rataðskr, четыре оленя и змѣи. Главный змѣй Nidhöggr (злбно кусащій) лежитъ у адскаго источника и грызетъ корень ясени; между нимъ и сидящимъ на верху орломъ старается возбудить раздоръ бѣгающая взадъ и впередъ бѣлка<sup>1)</sup>). Имя орла неизвѣстно; но это — мудрая, многознающая птица, промежъ глазъ которой сидитъ ястребъ Vedhrfölnir. Въ образѣ бѣлки мнѣ олицетворялъ грызущіе зубы молніи, въ образѣ легконогихъ оленей, поѣдающихъ вѣтки ясени, — четыре главные вѣтра, бурное дуновеніе которыхъ разсѣваетъ тучи; птицы, воссѣдающія на вѣтвяхъ всемірнаго дерева, суть птицы сва-

<sup>1)</sup> Воспоминаніе о стародавней враждѣ змѣи съ колѣносною птицею встрѣчаемъ во многихъ народныхъ сказкахъ (Гальтрихъ, стр. 88; Гамъ, 61, 70; см. и Н. Р. Св., I, 5 и 6): въ подземномъ царствѣ (= въ области облаковъ) орелъ съ орлицею свили себѣ гнѣздо на высокомъ яблочномъ деревѣ; многоглавый драконъ восплазаетъ по дереву и хочетъ пожрать молодыхъ орлятъ. Является сказочный герой, убиваетъ дракона, и въ благодарность за это птицы выносятъ его на бѣлый свѣтъ. Сербская пѣсня говоритъ о яблонѣ, на вершинѣ которой свилъ гнѣздо соколъ, а внизу у корня лежитъ змѣя и грозитъ соколу:

Ако пуштихъ жива огња,  
Гя'јездо љу ти опалити,  
Ти ђе љу ти појитити.

Переводъ: Вотъ пушу живой огонь, хочу гнѣздо твое опалить, твоихъ птенцовъ захватить — Срп. и. пјесме, I, 486.

ветныя, разносители молній и безсмертнаго напитка (дождя-соны); змѣй — олицетвореніе злаго демона (Cushaa), который задерживаетъ благодатную влагу дождей, производитъ засуху и неурожаи <sup>1)</sup>. Изъ сказаній объ Одиновомъ раѣ (валгаллѣ) узнаемъ, что посреди его стоитъ могучее дерево (Ljegaðhr), листья котораго обрываетъ коза Heidhrún, а вѣтвями питается олень Eikrugnir. Коза — животное, посвященное Тору; изъ ея сосцовъ ежедневно натекаетъ полный сосудъ меду, осушаемый на пирахъ блаженными героями, подобно тому, какъ изъ рога козы Амалтеи течетъ нектаръ. Изъ роговъ оленя льется немзякаемая вода, низвергаясь въ подземный міръ, и даетъ начало потоку Hvergelmir <sup>2)</sup>. Поводомъ сочетать представленіе о деревѣ-тучѣ, въ которомъ заключенъ медъ амриты, съ фиговымъ деревомъ и ясенемъ послужило то, что изъ фигъ дѣйствительно приготавлился въ древности сладкой напитокъ, а особенный родъ ясени (Fraginus ognus) точить изъ-подъ своей коры сахарный сокъ, называемый манною. Рои пчелъ любятъ собирать этотъ сокъ; по народному же повѣрью, пчелы питаются росой, и на поэтическомъ языкѣ Эдды, роса, падающая съ Иггдразилли, называется honigfall. Свой сладкой сокъ ясень начинаетъ точить съ приходомъ весны — въ то самое время, когда отправляются небесные источники и боги посылаютъ смертнымъ живую воду дождя и росы <sup>3)</sup>. Въ ближайшей связи съ скандинавскою Иггдразиллюю стоитъ греческое шіровое дерево μέλα — ясень (одного корня съ словомъ μέλι — медъ,) отъ которой произошелъ человѣческій родъ (см. гл. XIX). Виргилій (Georg. 2, 291) упоминаетъ объ ясе-

---

<sup>1)</sup> Кунъ, 129 — 134; D. Myth., 756. — <sup>2)</sup> D. Myth., 778. — <sup>3)</sup> Весьма вѣроятно, что на томъ-же основаніи приписаны цѣлебныя свойства и березѣ, сладкой сокъ которой любятъ пить поселенцы. Чехи до сихъ поръ пьютъ этотъ сокъ, чтобы пользоваться здоровьемъ и не быть безплодными въ супружествѣ (Громаниъ, 102).



ни, которая достигаетъ корнями тартара, и насколько глубоко идутъ ея корни въ землю, на столько-же въ вышину простираются вѣтви среди пространнаго неба <sup>1)</sup>). Въ «Энеидѣ» онъ говоритъ про ясеневу вѣтку съ золотыми листьями и плодами: никто не могъ сойти въ подземное царство, не принеся въ даръ Проверпинѣ плодовъ съ этой вѣтки; какъ скоро сорванъ съ нея одинъ плодъ, другой тотчасъ-же вырастаетъ на мѣсто утраченнаго. Литовцы называютъ ясень — деревомъ праведности; старинное преданіе гласитъ, что сами боги, сходя на землю, чтобы ближе присмотрѣться къ людскимъ дѣяніямъ, любили собираться въ тѣни густой, развѣсистой ясени и отсюда изрекали свои правдивые приговоры <sup>2)</sup>). Изъ-подъ корней міроваго дерева текли источники мудрости и всякаго знанія; сюда приходили боги утолять свою жажду — и потому они вѣдали все прошедшее, настоящее и будущее, все доброе и злое, и могли творить святой и непреложный судъ. Подъ вліяніемъ того-же возрѣнія, здѣсь дано было пристанище и дѣламъ судьбы, опредѣлявшимъ людскіе жребіи. Далѣе мы приведемъ свидѣтельства, что мѣста народныхъ судовъ издревле были назначаемы среди лѣсовъ, подъ стѣнію священныхъ деревьевъ, и что въ шестѣ ихъ листьяхъ искали предвѣщаній о грядущихъ судьбахъ. Какъ дождь — животворный сокъ дерева-тучи уничтожаетъ губительное дѣйствіе засухи, производимой демоническимъ змѣемъ; такъ точно сокъ обыкновенной ясени можетъ, по народному повѣрью, исцѣлять укушеніе ползучей змѣи. Въ Германіи ужаленнымъ змѣею давали пить этотъ сокъ, съ надеждою на полное выздоровленіе <sup>3)</sup>). На Руси думаютъ, что змѣи (гадюки) не могутъ выносить запаха ясени, и потому если надѣть платье, вымытое въ щѣлокѣ изъ ясеновой золы или опрысканное отваромъ ея коры, листьевъ,

<sup>1)</sup> D. Myth, 659, 758; Кунъ, 136. — <sup>2)</sup> Черты литов. нар., 75 — <sup>3)</sup> Кунъ, 229.

стружекъ и корня, в вытереть этимъ отваромъ все тѣло — то ни одна змѣя не только не ужасть, но прв видѣ такого чловѣка будетъ впадать въ оцѣпененіе. Отъ змѣйнаго укуса вримачиваютъ болное мѣсто ясеневымъ отваромъ или прикасаются къ ранѣ обмокнутымъ въ него пальцемъ. Вѣтка ясени подчиняетъ всѣхъ гадовъ и змѣй власти знахаря на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ <sup>1)</sup>. Чтобы укрыться отъ ударовъ молніи, преслѣдующей дьявола, лучшее средство, по мнѣнію чеховъ, стать во время грозы подъ ясень <sup>2)</sup>. Преданіе о всемірномъ деревѣ и текущихъ изъ него ключахъ еще не утрачено народною памятью. Нѣмецкая сказка <sup>3)</sup> сообщаетъ это преданіе съ слѣдующими подробностями: нѣкогда мальчикъ-пастухъ погналъ овецъ въ поле и увидѣлъ чудное дерево (wunderbaum), которое было такъ красиво и такъ громадно, что онъ долгое время стоялъ и смотрѣлъ на него совершенно-взумленный. Захотѣлось ему взобраться на то дерево, и это нетрудно было, потому что вѣтви его подымались вверхъ словно ступени на лѣстницѣ. Мальчикъ снялъ свои башмаки и полѣзъ на дерево; цѣлые девять дней лѣзъ онъ, и достигъ до мирскаго поля: тамъ стояли многія палаты изъ чистой мѣди, а позади палатъ былъ большой лѣсъ изъ мѣдныхъ деревьевъ, и на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ мѣдный пѣтухъ, а подъ деревомъ журчалъ источникъ, текущій мѣдью — и это былъ единственно-слышнѣй шумъ; исключая источника, все казалось мертво, ничто не двигалось, не шевелилось, и никого не было видно. Насмотрѣвшись вдоволь, мальчикъ сломилъ себѣ вѣтку съ одного дерева, и такъ какъ ноги его были утомлены, то вздумалъ освѣжить ихъ въ водѣ. Онъ опустилъ ноги въ источникъ, и когда вынулъ назадъ — онъ казался открытымъ блестящею мѣдью. Мальчикъ поспѣшилъ воротить-

<sup>1)</sup> Ж. М. Н. П. 1851. X, обозр. губ. вѣдом., 2; Полтав. Г. В. 1844, 20; Иллюстр. 1845, 184. — <sup>2)</sup> Громанъ, 101. — <sup>3)</sup> Гальтрихъ. 15.

ся къ исполинскому дереву, которое все еще высоко подымалось къ самымъ облакамъ и вершины котораго нельзя было разглядѣть. «Тамъ на верху должно быть еще лучше!» подумалъ онъ и полѣзъ выше; девять дней взбирался пастухъ, не зная отдыха, и вотъ передъ нимъ широкое поле: на томъ полѣ стоятъ палаты изъ чистаго серебра, а позади ихъ лѣсъ изъ серебряныхъ деревьевъ; на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ серебряный пѣтухъ, а внизу у корня журчалъ источникъ, текущій серебромъ. Мальчикъ сломилъ себѣ вѣтку и вздумалъ умыть свои руки въ источникъ; окунулъ ихъ въ воду — и онѣ тотчасъ стали серебряныя. Снова воротился онъ къ исполинскому дереву, вершина котораго терлась высоко въ поднебесьи. «Тамъ вверху должно быть еще лучше!» думалъ пастухъ и полѣзъ выше; черезъ девять дней онъ очутился на самой верхушкѣ, и передъ нимъ открылось широкое поле: на томъ полѣ стояли палаты изъ чистаго золота, а позади ихъ лѣсъ изъ золотыхъ деревьевъ; на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ золотой пѣтухъ, а внизу у корня журчалъ источникъ, текущій золотомъ. Мальчикъ сломилъ себѣ вѣтку, снялъ шляпу и нагнулся заглянуть въ источникъ; волосы его упали въ льющееся золото и сами сдѣлались золотыми. Спустившись съ исполинскаго дерева, пастухъ нанимается къ королю поварѣнкомъ и выговариваетъ позволеніе никогда не снимать шляпы, сапоговъ и перчатокъ, подъ предлогомъ, что у него злая короста. Потомъ онъ совершаетъ трудный подвигъ — взбирается на стеклянную гору (Glasberg), на которой сидѣла прекрасная королева; подъ его мѣдными ногами стекло умягчалось, какъ воскъ, и онъ не скользилъ, не спотыкался; наградой за это была рука королевы. Другая нѣмецкая сказка <sup>1)</sup> упоминаетъ о трехъ лѣсахъ: въ одномъ всѣ

<sup>1)</sup> Ibid., 11.

деревья были *иѣдныя*, а посреди стоялъ *иѣдный* замокъ, при-  
 нѣдажавшій *иѣдному* дракону (*kupferdrache*). Пастухъ гонитъ  
 въ тотъ *лѣсъ* своихъ козъ, убиваетъ мечемъ-самостѣкомъ дра-  
 кона и уноситъ изъ замка *иѣдную* узду. Вечеромъ онъ при-  
 гналъ стадо домой, и его козы дали молока несравненно боль-  
 ше, чѣмъ когда-либо прежде. На другой день пастухъ гонитъ  
 свое стадо въ другой *лѣсъ*, въ которомъ всѣ деревья были изъ  
 чистаго, блестящаго серебра, убиваетъ серебрянаго дракона  
 (*silberdrache*) и беретъ серебряную узду. Вечеромъ козы да-  
 ли молока втрое больше, чѣмъ наканунѣ. На третій день па-  
 стухъ отправляется со стадомъ въ золотой *лѣсъ*, убиваетъ зо-  
 лотаго дракона (*golddrache*) и захватываетъ съ собой золотую  
 узду; въ этотъ разъ козы принесли молока вдесятеро больше,  
 чѣмъ въ предыдущій вечеръ. Затѣмъ онъ пошелъ къ темной  
*скалѣ* (= тучѣ), изъ которой бьетъ живой ключъ, помочилъ  
 въ томъ ключѣ голову, и волосы его заблестали, какъ чистое  
 золото. Три взятая узды имѣли то чудное свойство, что если  
 ими потрясти, въ тужъ минуту появлялись безчисленные вой-  
 ска въ *иѣдныхъ*, серебряныхъ и золотыхъ вооруженіяхъ (=  
 духи грозы, см. I, 275-7); съ помощью этихъ войскъ доброй  
 молодецъ поражаетъ непріятелей и женится на прекрасной  
 королевнѣ. Норвежскія сказки <sup>1)</sup> говорятъ о *лѣсахъ иѣдныхъ*,  
 серебряныхъ и золотыхъ, которыми владѣютъ тролли (драко-  
 ны, змѣи); говорятъ объ нихъ и славянскія сказки, приписы-  
 вая этимъ чудеснымъ деревьямъ даръ предвѣщать буду-  
 щее <sup>2)</sup>. Блестая золотистыми молніями, преломляя въ себѣ  
 солнечные и лунные лучи и окрашиваясь блестящими краска-  
 ми, тучи-деревья породили сказанія о металлическихъ *лѣсахъ*  
 и зрѣющихъ въ нихъ золотыхъ плодахъ (яблокахъ); древній  
 человѣкъ сіяніе солнца, зори, ночныхъ свѣтилъ и молній упо-

<sup>1)</sup> I, 131-5. — <sup>2)</sup> Пов. и пред., 17-18; Slov. pohad., 338-366.

доблялъ блеску мѣди, серебра и золота, и тѣже метафорическія выраженія прилагалъ и къ весеннимъ тучамъ, озаряемымъ то грозовымъ пламенемъ, то солнечнымъ или луннымъ свѣтомъ. Эпитеты мѣдный, серебряный и золотой сопровождають всѣ мнѣніескіе образы, въ какихъ фантазія изображала весеннія тучи: называетъ ли она ихъ небесными источниками, горами, дворцами или царствами — всегда спѣшитъ добавить означенные признаки. На вершинахъ металлическихъ деревьевъ сидятъ мѣдной, серебряной и золотой пѣтухи — птицы, олицетворяющія молнію; по сказаніямъ Эдды, въ вальгаллѣ поетъ мнѣніескій пѣтухъ *Salgofnir* <sup>1)</sup>. Майское дерево (*maje*), съ которымъ встрѣчаютъ весну въ Славоніи называютъ *kokotjim* (*hahnenbaum* <sup>2)</sup>). Сказочные лѣса, по свидѣтельству преданій, находятся во власти драконовъ — демоническихкихъ представителей тучъ; герой, побивающій этихъ чудовищъ мечемъ-самостѣкомъ (=молніей), напоминаетъ собою нашихъ могучихъ богатырей, у которыхъ по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ сѣребрѣ, и есть никто иной, какъ богъ-громовникъ. Согласно съ древнѣйшимъ представленіемъ Перуна пастыремъ небесныхъ стадъ, онъ является въ сказкѣ пастухомъ, и чѣмъ болѣе козы его (=стада облаковъ) пасутся въ лѣсахъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ, тѣмъ болѣе даютъ молока (=дождя).

Дождевые ключи, бьющіе изъ великанскаго дерева-тучи, текутъ мѣдью, серебромъ и золотомъ, и все, что ни коснется ихъ, претворяють въ свои блестящіе цвѣта. Подобныя представленія, возникшія на почвѣ метафорическаго языка — изъ сейчасъ-указаннаго основанія, скрѣплялись въ убѣжденіяхъ младенческихъ племенъ тою близостью, въ какую стародавнее воззрѣніе поставило понятія свѣта и воды. Какъ стихіи ве-

<sup>1)</sup> Смирновъ, 145. — <sup>2)</sup> Иличъ, 133.

обыкновенно подвижныя, всюду быстро-проникающія, свѣтъ и вода производили одно общее впечатлѣніе стремительной текучесть. Въ санскритѣ *vāgī*—вода, у насъ варъ имѣетъ значеніе и горячей воды и вообще жару; такъ Аванасій-твертанинъ говоритъ въ своемъ путешествіи: «въ Гундустанѣ же симаго вару нѣтъ» <sup>1)</sup>. Отъ того-же корня произошли *врѣти* (варить), *врѣ(е)мя*—т. е. сначала жаркая часть года, а потомъ и весь годовоі періодъ, подобно тому, какъ слово *лѣто* получило болѣе-широкій смыслъ въ выраженіи: «столько-то лѣтъ». Отъ санскр. *tar* образовались: наше топить, равно прилагаемое и къ водѣ, и къ огню (топить печь, топлево, топлёное молоко или масло, у-топить кого, по-топъ—вода снѣговъ, растопленныхъ лучами весенняго солнца, наводненіе), и лат. *tereo*, *tempus* (время <sup>2)</sup>). Въ русскомъ языкѣ употребительны выраженія: «пламя разлилось», «луна (или солнце) лѣетъ свой свѣтъ»; сравни нѣмецкіе обороты: «*der mond über den berg sein licht ausgoß*», «*die sonne ergießt ihre strahlen*». Въ областныхъ нарѣчіяхъ, для обозначенія утренняго разсвѣта, говорятъ: «солнышко спорыдаетъ» <sup>3)</sup>, т. е. восходящее солнце брызжетъ своими лучами; тотъ-же глаголъ прилагается и къ ярко-вспыхнувшему пламени: «берестечко такъ и зарыдало!» <sup>4)</sup>. Выше (I, 176—7) были указаны свидѣтельства, что небесныя свѣтила уподоблялись сосудамъ, наполненнымъ свѣтящеюся жидкостью, и лампадамъ, въ которыхъ горитъ масло. Для мѣсяца существуютъ слѣдующія метафоры: «шелъ я мимо, видѣлъ дво: виситъ котелъ о девяносто ведеръ»; «надъ дворомъ-дворомъ стоитъ чаша съ молокомъ» <sup>5)</sup>. Блѣдный свѣтъ луны уподобляется молоку, на что невольно вводили фанта-

<sup>1)</sup> Сахаров., II, 177.— <sup>2)</sup> О вліян. христ. на сл. яз., 14, 16.—

<sup>3)</sup> Обл. Сл., 213.— <sup>4)</sup> Н. Р. Сл., III, 19.— <sup>5)</sup> Сахаров., I, 102; Последов. Дала, 1061.

зію эннческія выраженія бѣлый свѣтъ, бѣлый мѣсяцъ. По болгарскому повѣрью, вѣдьмы доятъ луну и изъ добытаго молока приготавливаютъ цѣлебное масло. Въ силу той-же метафоры получила названіе и матовая полоса млечнаго пути (пол. *droga mleczna*, нѣм. *milchstrasse*, лат. *via lactea*). Народъ думаетъ, что «млечный путь» есть молоко, не всосанное однимъ дитятемъ и разлитое по небу <sup>1)</sup>: преданіе, принадлежащее отдаленной старинѣ, ибо оно встрѣчается еще у грековъ. По ихъ сказаніямъ, Гера оторвала отъ своей груди сосавшаго Гермеса или Геракла и отбросила ненавистнаго ей ребенка; капли молока брызнули изъ груди и образовали «млечный путь» <sup>2)</sup>. Отсюда видно, что поэтическая фантазія воспользовалась названіемъ, даннымъ млечному пути, а связала его съ другою метафорою, по которой дождь, посылаемый тучами, назывался молокомъ, въ туманныхъ пятнахъ небеснаго свода она признала слѣды молока-дожда, разлитого богомъ-громовникомъ; въ слѣдующихъ главахъ мы укажемъ, что дождевыя тучи представлялись женскими грудями, а молніи — прекраснымъ и сильнымъ малюткою, который сосетъ изъ янхъ молоко (см. гл. XXIII). У грековъ былъ мифъ о золотой солнечной чашѣ, въ которой Геліосъ переплываетъ воздушный океанъ, что совпадаетъ съ изображеніемъ солнечнаго бога плавающимъ въ ладѣ, какое встрѣчается на египетскихъ памятникахъ. Римскіе писатели называютъ солнце *lumen coelestis* или *aetherei luminis*; идея эта по преимуществу соединялась съ утреннимъ разсвѣтомъ. Греки полагали солнечныя источники на восточномъ краю вселенной, и слѣдовательно смотрѣли на утреннюю зорю, какъ на родникъ дневнаго свѣта, которымъ она брызжетъ съ востока. Но такъ какъ съ зорею соединялась мысль о свѣтлой бо-

<sup>1)</sup> Рус. въ св. посл., IV, 44. — <sup>2)</sup> D. Myth., 331.

гнѣ весны, а съ возвратомъ весеннихъ дней отмыкались облачныя криницы, то естественно, что представление о солнечныхъ источникахъ должно было прилагаться и къ живой водѣ дождевыхъ ливней <sup>1)</sup>. Сверхъ того, понятія блеска, чистоты, прозрачности на самомъ дѣлѣ нераздѣльны съ водою, которая нерѣдко и сравнивается съ кристалломъ; озаренная лучами солнца и луны, она дѣйствительно поражаетъ глаза своими золотыми и серебряными переживаниями. Выраженія: свѣтлый ручей, серебряная рѣка принадлежать къ числу самыхъ обыкновенныхъ; въ народномъ заговорѣ читаемъ: «повеси ты, матушка быстра рѣка, своей быстриной—золотой струей» <sup>2)</sup>; въ Словѣ о полку: «уже бо Сула не течетъ серебряными струями»; въ Судѣ Любуши вода названа серебрянною. Эпитеты быстрыѣ (у сербовъ бистар—свѣтлый) и свнѣй одинаково прилагаются обѣимъ стихіямъ: и водѣ (сннѣй Донъ, синѣ море), и огню (синее пламя, въ Словѣ о полку: синнѣ молніи); чешск. *pramen* значитъ ручей и лучъ <sup>3)</sup>; *mare Balticum* стоитъ въ родствѣ съ литов. *balta*, *balta* и означаетъ бѣлое море; въ предыдущей главѣ (стр. 217—8) указано нами на связь слова бѣлый съ названіями рѣкъ, водяныхъ нимфъ и эльфовъ, — точно также, какъ прилагательное русый (=свѣтлый) роднится съ словами русло и русалка.

Народный эпосъ довольно часто говоритъ объ источникахъ, текущихъ серебромъ и золотомъ, или замѣняетъ ихъ кипучими котлами, въ которые стѣить только окунуться—чтобы волосы, руки и ноги получили серебряной или золотой блескъ. Одна изъ свадебныхъ пѣсень, записанныхъ мною въ Москвѣ, рассказываетъ про кипучіѣ колодець, пѣна котораго есть чистое серебро и золото:

<sup>1)</sup> Sonne, Mond. u. Sterne, 23—24, 28—33. — <sup>2)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 51. — <sup>3)</sup> Потебн., 89—90.



Ты кипи, кипи, колодець!  
 Ты кипи, кипи, студёной!  
 Ключевою водою  
 Со серебряной пѣнкой.  
 Тутъ Аннушка <sup>1)</sup> выходила,  
 Свѣтъ-Ивановна выходила;  
 Она пѣну снимала,  
 Она ризу сливала  
 На икону Миколу,  
 А еще-то сливала  
 Золотое колечко,  
 А еще-то сливала  
 Два вѣнца золотые.

Въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ <sup>2)</sup> упоминается goldbrunnen—источникъ чистый и свѣтлый, какъ кристалъ; когда водою этого колодца королевичъ намочилъ себѣ голову, то его волосы стали золотыми и заблестали какъ солнце («und glänzte wie eine sonne»). Русскія сказки говорятъ о двухъ ключахъ Чуда-Юда (Морскаго Царя или змѣя): если испить воды изъ одного ключа — станешь сильномогучимъ богатыремъ; если помочить голову въ водѣ другаго — будутъ волосы золотые; говорятъ также о двухъ чудесныхъ мазяхъ, принадлежащихъ тому-же Чуду-Юду: если натереть голову одною мазью — волосы будутъ серебряные, а натереть другою — будутъ золотые <sup>3)</sup>. Въ сербской приповѣдкѣ <sup>4)</sup> мальчикъ нанимается на службу у старухи-вилы и находитъ у нея горшокъ: опустилъ въ него руку — рука сдѣлалась золотая, окунулъ голову — голова позолотилась. Въ норвежской сказкѣ <sup>5)</sup> сынъ вдовы, находясь въ услуженіи у тролля, входитъ въ запретныя палаты; въ одной комнатѣ стоялъ большой мѣдной котелъ и сильно км-

<sup>1)</sup> Имя невѣстны. — <sup>2)</sup> Сл. Гримм., 136; см. у Шотта, 11. — <sup>3)</sup> Н. Р. Сл., VII, 10; VIII, стр. 611. — <sup>4)</sup> Матер. для изучен. нар. слов., 37. — <sup>5)</sup> I, 14.

ііа, хотя подъ нимъ и не было огня; юноша опустилъ въ котелъ палецъ—и палецъ озолотился; въ другой комнатѣ онъ самъ купался въ котлѣ и сдѣлался страшно-силенъ и такъ румянъ и бѣлъ, какъ кровь съ молокомъ. По свидѣтельству другой норвежской сказки <sup>1)</sup>, королевичъ, нанявшійся къ великану пасти козъ, обмакиваетъ свою перчатку въ трехъ кипящихъ котлахъ, и она сперва дѣлается мѣдиною, потомъ серебряною и наконецъ золотою. Всѣ эти подробности указываютъ на весеннія дождевыя тучи, которыя на метафорическомъ языкѣ древнѣйшей эпохи назывались небесными источниками и сосудами (бочками, котлами, кружками), наполненными живою водою; потому источники эти и сосуды находятся во власти облачныхъ духовъ и нимфъ (великановъ, драконовъ, вилъ, Морскаго Царя), и воды ихъ не только золотятъ, но и сверхъ того надѣляютъ неописанной красотою и богатырскою силою. Окованныя зимними холодами, тучи застываютъ, дѣлаются безжизненными и не даютъ дождей; но съ приходомъ весны ихъ топить грозное пламя—и онѣ проливаются на землю шумными потоками; подобно тому и земные источники, подъ вліяніемъ весенней теплоты, сбрасываютъ съ себя льды, претворяются въ живыя, быстро-текуція воды и своимъ журчаніемъ, брызгами и пѣною напоминаютъ горячіи кипятокъ. Вотъ почему колодцы и котлы весеннихъ грозовыхъ тучъ называются «кипучими». Сказочные герои, которые въ нихъ купаются, представляютъ собою то златоудрое солнце, то бога-громовника, побѣдителя демоновъ мрака и холода; въ печальное время зимы они облакаются въ туманныя одежды и скрываютъ свои прекрасные образы, свой золотистый блескъ отъ очей смертнаго, но съ весною, искупавшись въ потокахъ дождя, снова предстаютъ во всей сіяю-

<sup>1)</sup> II, 16.

щей красѣ и вступаютъ въ брачный союзъ съ богиней Землею. Золотые волосы, руки, ноги и пальцы суть старинныя метафоры солнечныхъ лучей и молній.

Народныя русскія сказки, въ числѣ другихъ подвиговъ, совершаемыхъ добрымъ молодецъ-Перуномъ при возвратѣ весны, заставляютъ его добывать живую воду (дождь) и поющее дерево *т. е.* дерево-тучу, громозвучная пѣсня котораго раздается въ дикихъ завываніяхъ грозовой бури (сличн съ преданіями о волшебныхъ музыкальныхъ инструментахъ — т. I, 324—7, 332—5). Чтобы овладѣть тучевыми деревьями, герою сказки необходимо содѣйствіе буйныхъ вѣтровъ, на крыльяхъ которыхъ приносятся и уносятся ходячія облака, или выражаясь метафорическимъ языкомъ древней поэзіи: онъ долженъ насвистывать въ волшебную дудочку — и чудесный садъ, послушный ея звукамъ (*т. е.* вѣянію свистящихъ вихрей), послѣдуетъ за нимъ хоть на край свѣта <sup>1)</sup>. Этимъ подвижнымъ деревьямъ соответствуетъ мнѣ о бродячихъ горахъ-тучахъ, о которыхъ сохранились довольно-ясныя преданія въ семьѣ индоевропейскихъ народовъ (см. гл. XVIII). Не позабыто славянами и то испанское міровое дерево, которое играетъ такую важную роль въ мифологіяхъ земской и скандинавской. Сербская пѣсня поощряетъ его въ раю и даетъ ему золотыя вѣтви съ серебряными листьями:

Расло дрво сред раја  
 Племенита дафина,  
 Племенито родила,  
 Златне гране спустила,  
 Лишће јој је сребрно;  
 Под н(а)ом свѣта постел(а),  
 Сваког цвећа настрга;  
 Понајвише босил(а)ка  
 И румене ружице;

---

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., VI, 69; VIII, стр. 555.

На н(ь)ој светац почива,  
Свети отац Никола <sup>1)</sup>.

Приходитъ къ нему Илья громовникъ: «вставай (говорить),  
пойдемъ въ лѣсъ, построимъ корабли и станемъ перевозить  
души съ того свѣта на этотъ» <sup>2)</sup>). Илья-пророкъ и св. Никола  
являются здѣсь вѣсто Перуна и древняго бога морей; о ко-  
раблѣ и перевозѣ душъ см. т. I, гл. XI. Объ этомъ деревѣ  
испоминаетъ и малорусская щедривка:

А въ пана дядька  
Да на ёго двори—  
Тамъ стояло древо  
Тонкое, высоке,  
Лыстомъ широке  
Да кудрявѣе,  
А на тому древи  
Золотая кора,  
Жемчужная роса.  
Дѣ взялися райскія пташки,  
Объюбали золотую кору,  
Жемчужную росу.

Далѣ говорится, что выходила панна—дочь хозяина, поздра-  
вленнаго съ праздникомъ, собирала ту кору золотую и ро-  
су жемчужную, понесла къ мастеру и просить: «скуй мнѣ на  
свадьбу обручальный перстень» <sup>3)</sup>). Нельзя не замѣтить по-  
лагаго согласія приведенной пѣсни съ преданіями другихъ на-  
родовъ: райскія птицы, обламывающія золотую кору и сотря-  
сающія съ дерева росу, тождественны съ птицами «безкорб-  
наго древа», которымъ приписывается ломка вѣтвей и сотря-

<sup>1)</sup> Переводъ: Росло древо среди рая—племенитый (т. е. славнаго  
рода) лавръ, племенито уродило — распустило золотыя вѣтви съ  
серебряными листьями; подъ нимъ святое ложе, усыпанное всякими  
цвѣтами, а больше всего насильками и красными розами. На этомъ  
ложѣ почиваетъ святой отецъ Никола.—<sup>2)</sup> Срп. н. пјесме, I, 134.—

<sup>3)</sup> Черниг. Г. В. 1854, 27.

сеніе съ нихъ плодотворнаго сѣмени, падающаго на землю вмѣстѣ съ дождевыми ливнями; какъ съ ясени Иггдразилли, такъ и съ нашего дерева осыпается роса, которой приданъ эпитетъ жемчужной на основаніи древняго уподобленія капель утренней росы драгоценнымъ камнями и жемчугу (см. I, 602). Въ апокрифической бесѣдѣ Панагіота съ фрязиномъ Азимитомъ (по рукописи XVI в.) мировое дерево описано такъ: «а посреди рая древо животное, еже есть божество, и приближается верхъ того древа до небесъ. Древо то златовидно въ огненной красотѣ; оно покрываетъ вѣтвями весь рай, имѣетъ же листья отъ всѣхъ деревьевъ и плоды тоже; исходитъ отъ него сладкое благоуханье, а отъ корня его текутъ млеко и медомъ 12 источниковъ»<sup>1)</sup>. Престолюдины до сихъ поръ убѣждены, что гдѣ-то далѣко (на востокѣ) есть страна вѣчнаго лѣта, насажденная садами изъ золотыхъ и серебряныхъ деревьевъ и оглашаемая пѣснями райскихъ птицъ, въ которой рѣки текутъ млеко и медомъ, серебромъ и золотомъ.

Преданіе о мировомъ деревѣ славяне по преимуществу относить къ дубу. Въ ихъ памяти сохранилось сказаніе о дубахъ, которые существовали еще до сотворенія міра. Въ колядкѣ карпатскихъ руссовъ поется, что еще въ то время, когда не было ни земли, ни неба, а только одно синее море (=воздушный океанъ),—среди этого моря стояло два дуба, а на дубахъ сидѣло два голубя: голуби спустились на дно моря, достали песку и камня, изъ которыхъ и создались земля, небо и небесныя свѣтила (см. объясненіе этого мѣста въ гл. XIX). Въ одной изъ апокрифическихъ повѣстей о созданіи вселенной упоминается о желѣзномъ дубѣ, еже есть первопокосажденъ, на которомъ держится вода (=воз-

<sup>1)</sup> Ист. очер. рус. слов., I, 501.

луиное море, небо), огонь (= пекло, адъ) и земля, а корень его стоитъ на силѣ божіей (см. выше стр. 163). По свидѣтельству заговоровъ на морѣ-на окіанѣ, на островѣ-на Буянѣ стоитъ дубъ мокрецкой, а подъ нимъ лежитъ змѣя Гарафена (Горынычъ?): эпитетъ «мокрецкой» указываетъ на связь его съ дождевыми ключами <sup>1)</sup>. Другой эпитетъ, придаваемый этому дереву, именуетъ его святымъ. Любопытно слѣдующее закліаніе ратника, идущаго на войну: «на святомъ окіанѣ-морѣ стоитъ.... сырой дубъ кре(я)ковистый, и рубить тотъ сырой дубъ старъ мастеръ (матѣрь?) мужъ своимъ булатнымъ топоромъ, и какъ съ того сыраго дуба щепка летитъ — такожде бы и отъ меня (ниирекъ) валялся на сыру землю борець-молодецъ по всякій день, по всякій часъ» <sup>2)</sup>, т. е. какъ отъ ударовъ Перунова топора (= молніи) исчезаютъ тучи, такъ да падутъ отъ моихъ ударовъ вражескіе воины. Народная русская сказка, извѣстная и другимъ славянамъ <sup>3)</sup>, рассказываетъ про дубъ, который выросъ до самаго неба; полѣзъ старикъ на то дерево, лѣзъ-лѣзъ и изобрался на небо, гдѣ сидѣлъ кочетокъ-золотой гребешокъ — птица, которая ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ <sup>4)</sup>, и стояли чудесныя жорновки — эмблема весенней грозы, дарующей землѣ плодородіе, а людямъ ихъ насущный хлѣбъ (см. I, 291 — 2). По указанію хорутанской приповѣдки, в

<sup>1)</sup> Сахаровъ, I, 21, 24, 29; на связь змѣи съ дубомъ указываютъ еще свидѣтельства, приведенныя въ I-мъ томѣ настоящаго сочиненія, на стр. 307. — <sup>2)</sup> Шаповъ, 60. — <sup>3)</sup> Н. Р. Лег., 33; Н. Р. Ск., IV, 7; сб. Валица, 282—5; Volkslieder der Wenden, II, 175—6. —

<sup>4)</sup> Малорусская загадка помнитъ про дубъ-стародубъ, на которомъ сидитъ птица-солнце (см. т. I, 517); выше было объяснено, что въ образѣ жаръ-птицы фантазія связала представленія дневнаго свѣтила и молніеноснаго пламени (Агни). Весьма вѣроятно, что первоначальный смыслъ загадки былъ тотъ: на деревѣ-тучѣ возсѣдаетъ птица-молнія.

лы — облачныя дѣвы, родственныя норнамъ. обитаютъ въ дуплѣ и питаются сахарными яствами, т. е. сладкою амритою <sup>1)</sup>; а польская сказка упоминаетъ о дубѣ съ золотыми листьями и жолудями <sup>2)</sup>. Соединяя вмѣстѣ эти разрозненные черты, сохранившіяся въ различныхъ памятникахъ, мы убѣждаемся въ совершенномъ соответствіи нашего стародуба съ скандинавской ясенью: на немъ держатся три великіе міра — небо, земля и адъ, на вѣтвяхъ его гнѣздятся молніеносныя птицы, а у корня лежитъ страшная змѣя, накопецъ при этомъ деревѣ текутъ живые источники и обитаютъ вѣщія дѣвы. Въ калужской губ. у Мѣщовска стоятъ два сухихъ дуба, подъ которыми, по мѣстнымъ рассказамъ, собираются вѣдьмы на свои шумныя игрища <sup>3)</sup>. Въ Германіи думаютъ, что вѣдьмы, собирая дубовые листья въ сорочку и вѣшая этотъ узелъ на дерево, могутъ вызвать вѣтры, разсѣять тучи и возстановить ясную погоду; съ цѣлю же произвести грозу — онѣ кидаютъ дубовые листья въ горячей водѣ <sup>4)</sup>. По русскому повѣрью, вѣдьмы втыкаютъ ножъ въ дерево и тѣмъ самымъ заставляютъ течъ изъ него молоко (см. гл. XXVI), т. е. вонзая остріе молніи въ дерево-тучу, вѣдьмы проливаютъ небесное молоко дождя. Народный сказочный эпосъ знаетъ дубъ, подъ которымъ бываютъ сборища духовъ; съ его вѣтвей падаетъ цѣлебная роса — подробность, напоминающая Иггдразилъ; прилетала райская птица, садилась на дубъ и повѣдала: кто умоется этой росой, тотъ получитъ здравіе, кровавыя раны его залѣчатся и слѣпныя очи прозрѣютъ. Вмѣсто райской птицы, въ хорутанской сказкѣ указываютъ на цѣлебную росу вилы, а въ чешской вѣдьмы <sup>5)</sup>. Не одни славяне — и другіе народы соеди-

<sup>1)</sup> Сб. Валавца, 31—32. — <sup>2)</sup> Глиньск., III, 84, 152. — <sup>3)</sup> Послов. Дая, 1042. — <sup>4)</sup> D. Myth., 1026, 1042. — <sup>5)</sup> Н. Р. Ск., I, 10; Черниг. Г. В. 1860, 15; Рыбник., I, 240; сб. Валавца, 36—37; Сказ. Гримм.

знать съ дубомъ мнѣшескія представленія о деревѣ-тучѣ. Мудрый Вейнмейненъ, повѣствуетъ Калевала, посадилъ жолудь; дубъ принялся и началъ расти не по днямъ, а по часамъ; онъ вытянулся такъ высоко и раскинулъ свои вѣтви на такія необъятныя пространства, что ни одному облачку не стало прохода, ни лучамъ солнца и луны доступа въ землѣ. Вейнмейненъ сталъ обдумывать, какъ-бы срубить гигантское дерево, но нигдѣ не обрѣталось такого силача, чтобы могъ взяться за это трудное дѣло. Тогда Вейнмейненъ замолился своей матери, чтобы она послала къ нему на помощь силы могучей воды — и вотъ вышелъ изъ моря крохотный человечекъ (мальчикъ-съ мальчикъ), съ ногъ до головы замочанный въ тяжелую мѣдъ, съ маленькимъ топорикомъ въ рукахъ; онъ срубилъ дерево, солнце освѣтило землю, и все ожило на ней, зацвѣло и задвигалось <sup>1)</sup>, т. е. грозовой карыккъ, обитающій въ дождевомъ морѣ, разбилъ тучу топоромъ-молніей, освободилъ солнце изъ-за темныхъ облачныхъ покрововъ и наполнилъ землю животворною влагою дождя. Подъ влияніемъ метафоры, уподобившей сіяніе солнца блеску благородныхъ металловъ, возникло сказаніе, что за деревомъ-тучею, омрачающимъ дневное небо, скрываются несметныя сокровища; такъ въ русской сказкѣ упоминается дубъ, который если выворотить съ корнемъ—то подъ нимъ най-

---

III, 342. Галицкая загадка: «упалъ дубъ (ночная тьма) на весь свѣтъ, а на ковыляхъ ковали куютъ (мѣсяцъ свѣтится)» первоначально означала темную грозовую тучу, въ которой мнѣшескіе кузеды коуютъ молвіи, а потомъ уже стала прилагаться къ ночи — Вѣномъ русинамъ на обѣдинѣ Ив. Головацкаго, 1847, II, 281—314.— <sup>1)</sup> Таже поэма рассказываетъ, что Вейнмейненъ чародейнымъ пѣніемъ (—своей грозовой бури) создалъ ель, которая поднималась своею цвѣтущею верхушкою къ самому небу и золотыми вѣтвями раздѣкала тучи; и мѣсяцъ, и созвѣздіе Большой Медвѣдницы блистали между ея вѣтвями—Совр. 1840, III, 62—63, 93.



дешь богатые клады серебра и золота <sup>1)</sup>). Приведенному эпизоду Финской поэмы соответствует норвежская сказка <sup>2)</sup>: прямо передъ окнами королевскаго замка выросъ дубъ, да такой громадной, что не пропускалъ въ комнаты ни единого солнечнаго луча; сколько ни старались срубить его— все было напрасно: съ каждымъ ударомъ, наносимымъ дубу, онъ становился и толще, и крѣпче; наконецъ былъ найденъ топоръ-саморубъ (орудіе Тора), который и повалилъ гигантское дерево. Замѣчательно, что это преданіе о дубѣ сказка соединяетъ съ другимъ о твердой скалѣ, въ которой надо было вырыть колодезь, чтобы напоить все царство, жаждущее отъ недостатка воды: эта трудная задача исполняется каменною киркою-саморойкою (другое представленіе молніи, роющей облачныя горы и скалы).

Въ продолженіе долговременныхъ переселеній аріискихъ племенъ нѣкоторыя изъ общихъ названій, служившихъ для обозначенія всякаго дерева, сдѣлались частными, стали присвоиваться только одному извѣстному роду или виду, и наоборотъ нѣкоторыя частныя названія обобщились. Первоначально слово дубъ заключало въ себѣ общее понятіе дерева, что до сихъ поръ слышится въ производныхъ дубина, дубинка, дубецъ—палка <sup>3)</sup>; точно также греч. δρῦς—queercus соответствуетъ снкр. dḡ ū—arbor, слав. дрѣво, кипр. dequ, армор. deḡo <sup>4)</sup>). Впослѣдствіи эти названія (дубъ, δρῦς) слились съ понятіемъ самаго крѣпкаго и долговѣчнаго дерева, которое и было посвящено богу-громовнику. У сербовъ дубъ называется грм, грмов (дубовый лѣсъ — грмник <sup>5)</sup>), что безъ сомнѣнія указываетъ на ближайшее отношеніе его къ Перуну и небеснымъ громамъ. Старинныя грамоты, опредѣляя по этому сва-

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., I, 13; сравни Nordisch. Märchenbuch, 69—30.—

<sup>2)</sup> II, 19.— <sup>3)</sup> Обл. Сл., 51.— <sup>4)</sup> Пикте, I, 214.— <sup>5)</sup> Срп. рјечник, 102—3.

мелкому дереву границы родовыхъ владѣній, называли его Перуновымъ <sup>1)</sup>. Согласно съ демоническимъ представленіемъ тучъ, съ которыми постоянно сражается праведный Перунъ, сербы даютъ дубу эпитетъ вражьего (врагъ—чортъ, см. I, 740): «да је сваки дан божихъ, не би било дуба вражијега» <sup>2)</sup>, т. е. если бы всякой день—«божичъ» (Рождество), не было бы дуба вражьего; всѣ бы дубы на бадняки были постѣчены. Древній человекъ добывалъ огонь изъ дерева и древесными вѣтками и обрубками поддерживалъ его священное пламя на очагѣ; могъ ли онъ иначе объяснить себѣ явленіе грозового пламени, какъ не этимъ знакомымъ ему способомъ? Понятно, что въ тучѣ, которая порождаетъ молніи и ими-же пожирается, онъ долженъ былъ увидѣть небесное дерево, а въ дождѣ — его сокъ, выгнанный съ помощію огня. Въ силу этого воззрѣнія дождь получилъ метафорическое названіе смолы или дѣгтя (I, 788). Своею громовою палицею Перунъ сверлитъ тучу-дерево, и зажигая грозовое пламя, шлетъ дожди, а съ ними изобиліе плодовъ земныхъ и всякое дозволеніе. На землѣ представителемъ этого небеснаго пламени и его животворящихъ свойствъ былъ такъ называемый живой огонь, добываемый треніемъ изъ дубоваго дерева. По словамъ лѣтописи, литовцы заботились, чтобы передъ истуканомъ Перкуна горѣлъ неугасимый огонь «з' дубоваго древія» (см. выше стр. 7); у нихъ сохранилось по-прежнему, что хлѣбныя сѣмена были испосланы на землю въ шелухѣ жолудей, что прямо приравниваетъ дубъ безкорбному дереву зендской мифологіи, съ котораго разносились сѣмена по всей землѣ <sup>3)</sup>. По славянскимъ преданіямъ, сѣмена приносятся весенними вѣтрами изъ вѣчно-зеленыхъ са-

<sup>1)</sup> Въ червонорусской грамотѣ 1302 года сказано: и отъ Перунова дуба до... такового-то мѣста—Рус. Бес. 1836, III, 94.—\*) Срп. и. послов., 50.— <sup>3)</sup> Черты литов. нар., 9.

довъ рая (см. выше стр. 137—7); а нѣмцы, присматриваясь къ раскрытому жолудю, поего признакамъ заключаютъ, будетъ ли урожай или голодъ и болѣзни <sup>1)</sup>). У Додонскаго оракула, высоко-чтимаго во всей Греціи, росъ тѣнистый, посвященный Зевсу дубъ (δρῦς ὑφ' ἱεροῦς Διὸς); вѣрующіе приходили внимать шуму его листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, и въ этихъ таинственныхъ звукахъ слышались имъ пророческіе глаголы самаго бога; на вѣтвяхъ дуба сидѣли священные голуби, а у корня билъ вдохновляющій ключъ, извѣстный подъ именемъ Зевсова источника <sup>2)</sup>). Римляне посвящали дубъ Юпитеру, почему и жолудъ назывался у нихъ плодомъ этого бога—juglans (=joviglans, Jovis glans). Басня о золотомъ рунѣ (=весеннемъ дожденосномъ облакѣ) говоритъ, что оно висѣло на дубѣ и оберегалось страшнымъ дракономъ (I, 683). Кельты относились къ дубу съ религіознымъ уваженіемъ; вѣще друиды собирали дубовыя рощи мѣстами своего постоянного пребыванія и никакихъ священнодѣйствій не совершали безъ дубовой вѣтки. Въ странахъ, заселенныхъ германскими племенами, были дубы, посвященные Донару; одинъ такой дубъ росъ въ Вестфаліи, вблизи Торовой горы (Thunegesberg), а другой, названный въ старинной хроникѣ *gobur Jovis*,—въ Гессенѣ, недалеко отъ Wuotansberg'a <sup>3)</sup>). Сохранившіися въ Литвѣ преданія и прусскія хроники утвѣряютъ, что заповѣдныя дубы Перкуна, подъ сѣнію которыхъ ставились и его кумиры, были постоянно-зелены и лѣтомъ, и зимою; особеннымъ почетомъ пользовались у литовцевъ старыя, вѣковые дубы; ихъ окружали оградами, и въ эпоху обращенія въ христіанство народъ скорѣе соглашался на истребленіе идоловъ, чѣмъ на постѣженіе этихъ деревьевъ. Священ-

<sup>1)</sup> Die Götterwelt, 184.—<sup>2)</sup> Griechische Myth. Преллера. I, 96—97; Одиссея, XIV, 327—330.— <sup>3)</sup> D. Myth., 155—6; Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Я. Гримма, 173; Галлы, соч. Георгіевскаго, 111.

ые дубы и при нихъ жертвенники Перкуну были въ Ромотѣ, Кривѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ <sup>1)</sup>. О славянахъ имѣютъ слѣдующія извѣстія: Сеферидъ упоминаетъ о большомъ извѣстномъ дубѣ, который почитался жилищемъ божества; у Гальмольда сказано: «на пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы шли въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ — голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы и дубы, посвященные богу той страны — Проне (Перуну). Они были окружены дворомъ и деревянной, тщательно отдѣланной оградой, съ двумя воротами... Это мѣсто было святилищемъ для всей страны, имѣло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда, послѣ праздника, сходилъ народъ (вѣче) съ жрецомъ и княземъ для суда. Входъ во дворъ воспрещенъ былъ всякому, кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ приносить жертвы, или кто, угрожаемый опасностію смерти, искалъ убѣжища». Какъ скоро христіанскіе просвѣтителіи приблизились къ рощѣ, они немедленно разбили ворота, изъ разломанныхъ бревенъ сложили костры около священныѣхъ деревьевъ и предали ихъ сожженію <sup>2)</sup>. Слѣдуя примѣру боговъ, собиравшихся рѣшить судьбы человѣчества подъ всемірнымъ деревомъ, славяне творили судъ и правду подъ старыми дубами, и глубоко вѣрили, что всѣ постановленные подъ ихъ стѣнію приговоры изрекались по внушенію божества. По указанію г. Срезневскаго, «въ словацкихъ сказкахъ попадаются случаи, подобные тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи», какъ собираются судить и рѣшить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубину лѣса—въ такую чащу, куда бы не могъ дойти лучъ солнца» <sup>3)</sup>. У германцевъ точно также священные лѣса служили мѣстами народ-

<sup>1)</sup> Черты литов. нар., 9—10; Рун. Сл. 1860, V, ст. Костомарова, 14.— <sup>2)</sup> Срезнев., 30.— <sup>3)</sup> Ibid., 31.

ныхъ собраній и судебного разбирательства, и давали убѣжище преступникамъ <sup>1)</sup>. Константинъ Порфирородный свидѣтельствуешь, что руссы, приходя на островъ св. Георгія, совершали жертвоприношенія подѣ большимъ дубомъ. Духовный регламентъ (1721 г.), въ числѣ суевѣрныхъ обрядовъ, указываетъ на слѣдующій: «такоежъ на мношѣ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ передъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попъ народу раздаетъ на благословеніе». На Украинѣ въ такъ называемую Зеленую (Троицкую) недѣлю приготавливаютъ игорный дубъ, т. е. устанавливаютъ на выгонѣ или площади длинную жердь съ прикрѣпленнымъ сверху колесомъ, всю увитую травами, цвѣтами и лентами; вокругъ ея окапываютъ небольшой ровъ и ставятъ срубленные березки. Между Кіевомъ и Переяславлемъ эта жердь называется сухимъ дубомъ. Около ней совершаются игры и поется обрядовая пѣсня:

Розвивайся, сухій дубе!  
 Бо на тебе морозъ буде.  
 — Я морозу не боюся,  
 Прийде весна — розовьюся! <sup>2)</sup>

Обрядъ состоитъ въ призываніи весны, животворная сила которой приносить дождевыя тучи и радить лѣса въ зелень и цвѣты. Дубъ здѣсь символъ Перунова дерева-тучи: зима, похищающая дожди, изсушаетъ его благодатные соки, и оно также цѣпенѣетъ отъ стужи, какъ и земныя деревья въ періодъ зимнихъ мѣсяцевъ; съ весною оно оживаетъ и начинаетъ цвѣсти молніями (Перуновымъ цвѣтомъ — см. гл. XVIII). Колесо указываетъ на ту втулку, въ которой богъ-громовникъ вращаетъ свою палицу, чтобы возжечь живое пламя грозы (см. выше стр. 6, 21 <sup>2)</sup>). Подѣ влияніемъ указан-

<sup>1)</sup> D. Myth., 64. — <sup>2)</sup> Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовича, 92. —

<sup>2)</sup> Сходный по значенію, хотя и съ иной обстановкою, обрядъ на-

ныхъ нами мнѣческихъ представленій, дубъ, а равно и всякое другое дерево, въ которое ударила молнія, получили во мнѣніи простолюдиновъ тѣже цѣлебныя, живительныя свойства, какія приписываются весеннему дождю и громовой стрѣлкѣ. Чтобы излѣчить лошадей добрыхъ («въ тѣлѣ»), совѣтуютъ класть въ извѣстнѣ кусокъ дерева, разби таго громомъ <sup>1)</sup>. Если при первомъ весеннемъ громѣ подпереть спиною дерево (или деревянную стѣну), то спина болѣть не будетъ <sup>2)</sup>. Въ тульской губ. поселяне стараются отыскивать въ лѣсныхъ мѣстахъ старыя дубы, при которыхъ вытекали бы ключи; сдираютъ съ нихъ вѣтокъ кору, вымачиваютъ ее въ рѣкѣ и потомъ носятъ въ ладонкахъ — въ предохраненіе отъ зубной боли <sup>3)</sup>. Золотые, ничѣмъ несокрушимые зубы бога-громовника заставили приписать ему и всѣмъ его атрибутамъ спасительную силу унимать зубную боль (I, 771—5). Поэтому народная медицина предлагала кусать больнымъ зубомъ дубовое дерево или камень (=символъ молніеноснаго идолѣта). Теперь это суевѣрное средство большею частію встрѣчается въ обстановкѣ, подновленной христіанствомъ: вмѣсто священныхъ Перуновыхъ камней, кусаютъ камни церковной паперти (I, 426), а цѣлебныхъ отъ зубной боли деревьевъ ищутъ за монастырскими стѣнами. Подмосковный людъ признаетъ за такія деревья—тѣ, что растутъ на дворѣ Хутынской обители <sup>4)</sup>; возлѣ Палеостровскаго монастыря въ пещерѣ св. Корнилія видѣтъ пень отъ дерева, которое росло въ разщели-

---

застенъ у хорутанъ подъ названіемъ праздника липы и состоитъ въ разбиваніи бочки, правѣщенной къ липовому дереву, о чемъ см. т. I, 589. Липа играетъ въ данномъ случаѣ роль міроваго дерева, въ которомъ заключена живая вода дождя. У литовцевъ была священная липа (надалеко отъ Ростенбурга), къ которой приносили больныхъ, съ надеждою на изцѣленіе—Рус. Сл. 1860, V, 14.— <sup>1)</sup> Этн. Сб., II, 256.— <sup>2)</sup> Полтав. Г. В. 1846, 18.— <sup>3)</sup> Сахаров., II, 45.—<sup>4)</sup> Москв. 1853, XI, внутр. изв., 64.

нѣ и уничтожено зубами богомольцевъ (они грызли и продолжаютъ грызть его отъ зубной боли); въ Дмитріевскомъ монастырѣ страждущіе зубами грызутъ посохъ старца Пересвѣта, сподвижника Дмитрія Донскаго, а въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ — уцѣлѣвшія деревянныя гробницы св. угодниковъ <sup>1)</sup>. Въ Германіи дѣтей, страдающихъ отъ перелома, носятъ къ дубу, который, раздѣляясь снизу на двѣ отрасли, вверху снова сростается въ одинъ стволъ, и чрезъ то образуетъ скважину. Сквозь это отверстіе протаскиваютъ больного, и вѣрятъ, что какъ срослось раздвоившееся дерево — такъ сроснется и переломленная кость ребенка <sup>2)</sup>. Больныхъ овецъ заставляютъ пролѣзть сквозь разщепленный молодой дубъ, а больныхъ дѣтей — сквозь нарочно-расколотое вишневое дерево, которое потомъ связывается, чтобы оно могло снова сростись <sup>3)</sup>. У насъ соблюдаются подобные же обряды. Такъ въ пронскомъ уѣздѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія существовалъ толстый старый дубъ съ проѣмною скважиною, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ народѣ; сквозь его скважину протаскивали раза по три дѣтей, больныхъ грыжею, и вслѣдъ за тѣмъ обвязывали дерево поясомъ или кушакомъ <sup>4)</sup>. Въ воронежской и саратовской губ. донинѣ носятъ недужныхъ дѣтей въ лѣсъ, нарочно раскалываютъ нѣдвое молодой зеленой дубокъ, протаскиваютъ между его разщепами три раза ребенка, и затѣмъ связываютъ дерево ниткою <sup>5)</sup>. По словамъ Сахарова, дѣтей, страдающихъ сухоткою, кладутъ на извѣстный срокъ

---

<sup>1)</sup> О. З. 1829, ч. XXXVII, 129; XL, 419. — <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 197. — <sup>3)</sup> D. Myth., 1118—9. Сверхъ того, Я. Гриммъ (ibid., 1121) упоминаетъ про обычай лить и пить воду черезъ пробуровленное отверстіе цѣлебнаго дерева. — <sup>4)</sup> Моск. Наблюд. 1837, май, кн. 2. 250—1; Рус. Предан. Макарова, I. 36. — <sup>5)</sup> Ворон. Г. В. 1851, 12.

и раздвоенное дерево, потомъ трижды девять разъ обходить съ ними вокругъ дерева и вѣшаютъ на его вѣтвяхъ лѣтскія сорочки. По возвращеніи домой, купаютъ ихъ въ водѣ, взятой изъ девяти рѣкъ или колодцевъ, и обсыпаютъ золою изъ семи печей <sup>1)</sup>. Отъ лихорадки и другихъ болѣзней крестьяне купаются въ рѣкахъ, лѣсныхъ родникахъ и колодцахъ, а послѣ купанья вытираются чистою тряпичею и вѣшаютъ ее на соседнее дерево или ракитовъ кустъ; вмѣсто тряпицы, вѣшаютъ также рубашку или лоскутъ отъ своей одежды и оставляютъ ихъ висѣть до тѣхъ поръ, пока совѣтъ не истѣбуютъ (см. выше стр. 185). Смыслъ обряда—слѣдующій: смывая и стирая съ своего тѣла недугъ, больной какъ-бы снимаетъ его съ себя, и вмѣстѣ съ тряпичею и сброшенной рубашкою передаетъ кусту или дереву, какъ живымъ представителямъ того небеснаго, райскаго древа, которое точитъ живую воду, исцѣляющую всѣ уроки и болести. Какъ истѣбываетъ оставленный лоскутъ или сорочка, такъ должна сгннуть и самая болѣзнь. Позднѣе, при уtratѣ яснаго пониманія старинныхъ представленій, обрядъ этотъ получилъ характеръ жертвеннаго приношенія лѣснымъ и водянымъ духамъ.

Не менѣе любопытныя повѣрья соединяетъ народъ съ осиною—дерево, за которымъ усвоены именческія свойства едвали не вслѣдствіе сродства его имени (серб. јасика) съ словомъ ясень (серб. јасен, пол. јesion, лит. osis, англос. аесс, сканд. askr, старонѣм. асс, но инѣнію Пикте, отъ сикр. as—јасеге, лусеге <sup>2)</sup>). Какъ ясени придана сила, оцѣпняющая змѣй, такъ объ осинѣ утверждаютъ, что убитаго ужа должно повѣсить именно на это дерево; иначе онъ оживетъ и укуситъ <sup>3)</sup>. Когда богатырь Добрыня убилъ змѣя, онъ повѣ-

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 52—53. <sup>2)</sup> Пикте, I, 222.— <sup>3)</sup> Нар. сл. раз., 160;



силъ его на осину кляпую: «сушися ты, змѣи Горынчице! на той-то осинѣ на кляплая»<sup>1)</sup>). Подобное-же спасительное дѣйствіе оказываетъ осина и противъ колдуновъ, упырей и вѣдьмъ, играющихъ въ народныхъ повѣрьяхъ роль почти-тождественную съ змѣею; какъ онѣ высасываютъ молоко-дождь небесныхъ коровъ-тучъ, такъ они похищаютъ дождь и росы, доятъ и высасываютъ тѣхъ-же коровъ, и воскресая весною отъ зимней смерти, любятъ упиваться теплою кровью (=другая метафора дождя). Позабывая о связи старинныхъ метафорическихъ выраженій съ небесными явленіями природы, читая въ нихъ не тотъ первоначальный смыслъ, какой они дѣйствительно въ себѣ заключали, а напротивъ понимая ихъ буквально, народъ приписалъ колдунамъ, упырямъ и вѣдьмамъ доеаніе и порчу обыкновенныхъ коровъ, выхожденіе изъ гробовъ по смерти и высасываніе крови у живыхъ людей. Для защиты себя и стада отъ этихъ мнимыхъ бѣдъ прибегаютъ къ помощи осины. Млеческое древо-туча, изъ-подъ корней котораго струится живая вода дождя, цвѣтетъ золотымъ или огненнымъ цвѣтомъ-молвіей; на вершинѣ его сидитъ молніеносная птица — орелъ или пѣтухъ съ золотымъ гребнемъ. Демоническіе змѣи, чиродѣи и вѣдьмы, съ жадностью бросаясь на любимый ими напитокъ живой воды, въ тоже время подвергаются ударамъ громовыхъ стрѣлъ, которыя разятъ хвщникомъ и заставляютъ ихъ бѣжать въ страхъ и трепетъ. Заострённый осиновый колъ получилъ въ глазахъ народа значеніе Перуновой палицы (или дубинки — *donnet*—

---

Духъ Христіянина 1861—2, XII. 271. Чтобы не завелся уми въ домѣ, совѣтуютъ поарывать вавозъ яворомъ; въ народныхъ пѣсняхъ яворъ принимается иногда за священное дерево: на немъ виситъ колыбель младенца Христа, на немъ являются ангелы и будить усопшаго отца, призываемаго на свадьбу дочери — Объ истор. ви. нар. пова., 52.—<sup>1)</sup> Кирша Дав., 349.

leil). Чтобы мертвецъ, въ которомъ подозрѣваютъ злаго колдуна, уныря или вѣдьму, не могъ выходить изъ могилы, крестьяне вбиваютъ ему въ спину осиновый колъ; чтобы предохранить коровъ и телатъ отъ нападенія вѣдьмъ, они ставятъ на воротахъ и по угламъ скотнаго двора осиновые деревья, срубленные или вырванные съ корнемъ; во время чумы рогатаго скота, прогоняя Коровью Смерть, бьютъ ее (т. е. машутъ по воздуху) осиновыми полѣньями. По свидѣтельству сказокъ, колдунамъ-выходцамъ изъ могилъ вколачиваютъ въ сердце осиновый колъ, бьютъ ихъ и отмазъ осиновымъ полѣномъ и сжигаютъ ихъ трупы на осиновомъ кострѣ. Въ христіанскую эпоху народная фантазія, перенося на предателя Іуду древнѣйшія представленія о демонѣ тучъ (великанѣ или змѣѣ — см. стр. 216), создала легенду, по сказанію которой Іуда удавился на осинѣ, и съ той поры листь ея вѣчно дрожитъ <sup>1)</sup>). Въ свою очередь вѣдьма можетъ пользоваться осиновымъ колѣмъ или вѣткою для своихъ волшебныхъ чаръ: ударяя этой вѣткою въ грудь соннаго челоуѣка, она наноситъ ему незримую рану и жадно упивается его кровью — такъ весенніе удары молніи, направленные въ тучу, еще объятую зимнимъ сномъ, проливаютъ изъ нея дождь, или выражаясь метафорически: Перунова вѣтка раскрываетъ грудь облачнаго демона

<sup>1)</sup> Терещ, III, 79; VI, 101; VII, 121 (проклиная кого-нибудь, говорятъ: „осиновый тебѣ гробъ!“) Молодикъ на 1844 г., 94; Н. Р. Ск., V, 30; VII, 36; Рус. Бес. 1856, III, 90; Объ истор. зн. вар. мов., 57—58. После предательства Іуда рѣшился повѣситься: „попавшись, думаю собі, пиду въ пекло: а Христось якъ буде визволяти людзьки души, то й мою визволить. Прійшовъ до јидной деревени, перекинувъ мотузъ, чи що, и тилько опустився — вона й галъ попускала. Винъ до другой, и друга такъ; и третя такъ... ажъ до осичина прійшовъ и завивався ва осичини“. Иные утверждаютъ, что оная повѣсилася на бузинѣ, и потому-то она негодна для востроенъ и считается жилищемъ дьявола — Основа 1861, X, 53.

и точить изъ него горячую кровь. Выдохвъ черную корову, иѣдъма выливаетъ молоко въ землю и тутъ-же вѣиваетъ осинový колъ; этою чарою она отымааетъ у коровъ молоко, и засушаетъ ихъ сосцы—такъ удары молніи, низопада на землю молоко-дождь, тѣмъ самымъ изсушаютъ черныя тучь (см. гл. XXVI). Какъ спасительное орудіе противъ демонскаго навожденія, осина можетъ служить и цѣлебнымъ средствомъ для прогнанія нечистой силы болѣзней. Разбитыхъ параличомъ заставляютъ лёжа упираться босыми ногами въ осинное полено. Отъ лихорадки и другихъ болѣзней лѣчатъ такъ: просверливаютъ въ стѣнѣ или дверяхъ дыру на такомъ разстояніи отъ земли, какъ великъ ростъ больного, остригаютъ ему ногти и нѣсколько волосъ, то и другое вкладываютъ въ приготовленное отверстіе и закалываютъ его осиновымъ колышкомъ; иногда просверливаютъ дыру въ осиновомъ деревѣ и затыкаютъ ее ногтями и волосами больного. Читаютъ еще заговоръ надъ осиновыми прутьями, которые потомъ кладутся на больного <sup>1)</sup>. Когда разболѣются зубы, берутъ осинový сучокъ и трижды читаютъ надъ нимъ заговоръ: «на морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоятъ высокія три древа, подъ тѣми деревьями лежитъ заяцъ; переселись ты, зубная боль, къ тому зайцу!» Послѣ того осинový сучокъ прикладывается къ больнымъ зубамъ <sup>2)</sup>. Передача болѣзни зайцу, о которой говоритъ заклятіе, заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, что и просьба, обращаемая къ мышѣ, дать свой желѣзный зубъ въ обмѣнъ на испорченный (см. I, 774—5).

Въ райскихъ садахъ и рощахъ, на тѣнистыхъ деревьяхъ весеннихъ тучъ, зрѣютъ золотые плоды (яблоки), дающіе вѣчную молодость, здравіе и красоту. По своимъ чудеснымъ

<sup>1)</sup> Иллюстр. 1845, 250, 566; 1846, 649; Эгн. Сб., VI. 133; Ворон. Г. В. 1851, 12.— <sup>2)</sup> Ворон. Г. В. 1850, 20.

свойствамъ плоды эти совершенно тождественны съ бессмерт-  
вымъ напиткомъ—живою водою. Народный сказочный эпосъ  
обыкновенно сопоставляетъ рядомъ оба эти представленія и  
соединяетъ съ ними одинаковую жизненную и цѣлебную силу.  
Блестящія молніи, какъ указано выше (I, 533—5), уподобля-  
лись аріѣвскимъ племенами золотымъ шарамъ и яйцамъ;  
въ примѣненіи къ облачнымъ садамъ, золотые шары-молніи  
породили много о золотыхъ плодахъ, зрѣющихъ въ счастливую  
пору весны и лѣта на деревьяхъ-тучахъ. Сербская пѣсня  
изображаетъ грозу въ поэтической картинѣ игры Грома съ  
Молніей:

Му н(ь)а Грома надиграла  
Двѣи-трима јабукана  
И четврма наранчани (померанчани <sup>1)</sup>).

Въ другой сербской пѣснѣ красавица-облачная дѣва под-  
брасываетъ кверху три золотыхъ яблока, и тѣмъ  
самымъ вызываетъ съ неба три молніи (I, 83). Но  
такъ какъ молніи, сверкая въ тучахъ, низводятъ на землю  
живую воду дождей, или выражаясь языкомъ старинныхъ ме-  
тафоръ: такъ какъ живая вода есть сокъ, и спускае-  
мый золотыми плодами; то въ силу этого поэтического  
выраженія золотыя яблоки получили значеніе амриты. Преда-  
ніе о золотыхъ яблокахъ также обще вѣстѣ индоевропейскимъ  
народамъ, какъ и преданіе о живой водѣ. Греческая мифологія  
знаетъ славный садъ нимфъ-гесперидъ, въ которомъ растутъ  
золотыя яблоки; по приказанію царя Эврыстея, Гераклъ дол-  
женъ былъ туда отправиться и принести рѣдкихъ плодовъ;  
на пути въ садъ гесперидъ Гераклъ встрѣчается съ вели-  
каномъ Антѣемъ, борется съ нимъ, и послѣ разныхъ затруд-

<sup>1)</sup> Срп. н. пјесме, I, 161. Сравни съ сказаніями, изображающими лѣтнюю грозу игрою въ шары.

неній исполняетъ задачу. Если припомнимъ, что черныя тучи на древнемъ метафорическомъ языкѣ назывались ночью; то будетъ понятно, почему золотыя яблоки находятся во владѣніи гесперидъ—дѣвъ вечерняго мрака <sup>1)</sup>, по ту сторону многошумнаго океана, т. е. неба; тамъ оберегаетъ ихъ стоглавый драконъ, глаза котораго никогда не смежаются сномъ, т. е. демоническій змѣй, извѣстный похититель и укрыватель живой воды. Геркулесъ, богъ весенней грозы, борется съ демонами мрачныхъ тучъ, и побѣждая ихъ, добываетъ золотые плоды, т. е. проливаетъ животворный дождь. Скандинавская мифологія говоритъ о золотыхъ яблокахъ, хранимыхъ въ асгардѣ (жилищѣ небесныхъ владыкъ) богиней Идуною (Idhunn), супругою Браги; питаясь этими плодами, боги обрѣтаютъ безсмертіе и остаются вѣчно-юными, подобно тому, какъ боги Греціи оставались безсмертными и вѣчно-юными, питаясь амброзіей и нектаромъ. Злобные великаны, при содѣйствіи хитраго Локи, похитили однажды Идуну, вмѣстѣ съ ея чудесными яблоками; Локи выманилъ богиню изъ стѣнъ асгарда, а великанъ Thjassi, въ видѣ орла (in adler-haut), отъ размаха крыльевъ котораго подымались буйныя вѣтры, схватилъ ее и унесъ въ свое жилище. Когда Идува исчезла—асы скоро постарѣли; сильная печаль овладѣла ими, и они стали грозить Локи смертію, если онъ не исправитъ своей ошибки. Локи выпросилъ у Френ соколиную одежду, пустился въ страну великановъ и обрѣлъ тамъ Идуну; она превратилась въ орѣхъ, а Локи сдѣлался соколомъ, захва-

---

<sup>1)</sup> Сравнивая тучи съ темною ночью, древніе вароры сблпжали молніи съ блестящими звѣздами, и въ этихъ послѣднихъ должны были узнавать золотыя яблоки небесныхъ садовъ; греки думали, что медъ (=амрита) происходитъ отъ звѣздъ, тогда какъ, по свидѣтельству скандинавскаго мифа, медъ падаетъ росой съ вѣтвей міровой ясени (см. т. I, 385).

талъ орѣхъ и направилъ быстрый полетъ къ асгарду. Орель-Тасси сталъ его преслѣдовать, но боги разложили костеръ, сожгли ему крылья, и когда великанъ упалъ—тотчасъ убили его <sup>1)</sup>. Въ основѣ приведеннаго сказанія кроется мысль о похищеніи амриты демонами зимнихъ тучъ, при чемъ природа вѣсь ея творческія силы видимо дряхлѣютъ, и потому—о счастливомъ возвратѣ похищеннаго сокровища весной, когда зимы демоны гибнутъ въ грозовомъ пламени и подъ ударами Торовой палицы. Тѣже представленія и тѣже образы встрѣчаемъ и въ сказочномъ эпосѣ. Въ русской сказкѣ, тождественной съ нѣмецкою: «Der goldene vogel», упоминаются золотыя яблоки, которыя арѣютъ по ночамъ и похищаются марь-втицею: поэтическое изображеніе грозы, бурное дыханіе которой обрываетъ плоды дерева-тучи, или что тоже—разбрасываетъ золотистыя молніи и разлиываетъ живую воду юдья. Въ хорутанской редакціи этой сказки, вмѣсто золотыхъ яблокъ, рѣчь идетъ о похищеніи славной виноградной лозы, что на всякой часъ давала по ведру вина; вино, какъ мы знаемъ, одно изъ названій безсмертнаго напитка. Въ нѣмецкихъ сказкахъ древо жизни (baum des lebens) представляется съ золотыми яблоками; оно растетъ на концѣ свѣта въ чудесномъ саду, за моремъ; вѣроны, посланники Одина, которые по нашимъ повѣрьямъ приносятъ живую и мертвую воду, добываютъ для сказочныхъ героевъ и золотыя яблоки. Въ другихъ сказкахъ мѣсто вороновъ заступаетъ соколъ: онъ похищаетъ золотыя плоды, неуспынно-оберегаемые вѣдьмою на высокой стеклянной горѣ (=небѣ) или въ подземномъ царствѣ (=въ темныхъ вертепахъ облачныхъ горъ); припомнимъ, что богъ-громовникъ въ образѣ сокола похищаетъ безсмертную сону. Кожица и сокъ золотыхъ яблокъ мгновенно заживляютъ

<sup>1)</sup> D. Myth., 296; Die Götterwelt, 312—3.

раны <sup>1)</sup>. Въ нашемъ простонародьѣ рассказываютъ: кто ѣстъ яблоки до втораго Спаса, когда освящаются эти плоды въ церкви, умершіе родичи того не получаютъ въ раю на Спасовъ день золотыхъ яблокъ, которыми одѣляетъ ихъ Богородица <sup>2)</sup>. Въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія, памятникѣ XIV вѣка, упомянуто о насажденномъ Богомъ раѣ и растущихъ въ немъ яблокахъ, подающихъ исцѣленія отъ болѣзней <sup>3)</sup>. Въ связи съ этими данными возникъ суевѣрный обычай лѣчить болѣзни обыкновенными яблоками, освященными въ церкви, о чемъ свидѣлствуютъ обличительныя слова XVI столѣтія: «немошняго бѣса, глаголемаго трясцю (лихорадку), мнятыя прогоняюще нѣкими ложными писемны, проклятыхъ бѣсовъ еленьскихъ пита имана ва яблоцѣхъ — покладають на святѣй трапезѣ (вар. на престолѣ) въ годѣ лиуторгѣи» (во время литургіи <sup>4)</sup>). Ради животворящихъ свойствъ, приписанныхъ небеснымъ яблокамъ, русское преданіе даетъ имъ названіе молодильныхъ или моложавыхъ: стоить только вкусить отъ этихъ плодовъ — какъ тотчасъ же сдѣлаешься и молодымъ, и здоровымъ, не смотря на преклонныя лѣта. Любопытная русская сказка о молодильныхъ яблокахъ и живої водѣ, извѣстная и у другихъ народовъ <sup>5)</sup>; сообщаетъ одинъ изъ древнѣйшихъ мифовъ. Состарѣвшійся и ослабнувшій царь, о которомъ говоритъ она, одиночествояетъ собою зимнее время, когда все на землѣ увядаетъ, дряхлѣетъ, и

<sup>1)</sup> Н. Р. Св., VII, 11; Нов. и пред., 20, 107, 111, 136—144; Сры. и. припов., 4; сб. Валяца, 146—8; Сказ. Грим., I, стр. 109—110, 335—345; II, 196, 263; Шоттъ, 8, 25; Гавъ. 70; преданіе о золотыхъ яблокахъ извѣстно и между литовцами—Изв. Ак. Н., I, 114, и евангелии—Эманъ, 53.— <sup>2)</sup> Молодикъ на 1844 г., 95.— <sup>3)</sup> Соф. Времен., I, 330—4.— <sup>4)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отд. 6, 48—49.— <sup>5)</sup> Н. Р. Св., II, 27; VII, 5; VIII, 4; Матер. для изучен. нар. слов., 27—29; сб. Валяца, 148—150; Шлейхеръ, стр. 26—34; Сказ. Грим., 97; Вольфъ, 54—64, 322—5.

жизненное око—солнце теряет свой яркий блескъ. Изображая времена года живыми, человекоподобными существами, народная фантазія Весну представляла прекраснымъ юношею, а Зиму бѣловласымъ в сѣпымъ старцемъ. Чтобы возвратить царю его молодость и зрѣніе, сынъ-царевичъ долженъ добыть живой воды, которая исцѣляетъ слѣпоту, и молодожавыхъ золотыхъ яблокъ, т. е. вызвать весну съ ея благодатными дождями, золотистыми молніями, свѣтозарнымъ солнцемъ и со всею роскошью растительнаго царства <sup>1)</sup>. Живая вода и золотыя яблоки обладаютъ равною творческою силою: они одинаково оживляютъ драглаго старика, дѣлаютъ его цвѣтущимъ юношею и даже уподобляютъ семилѣтнему ребенку; больному даютъ крѣпость и здравіе, мертвому — жизнь, безобразіе превращаютъ въ красоту, безсиліе — въ богатырскую мощь <sup>2)</sup>; и та, и другія обрѣтаются въ странѣ далекой — въ вѣчно-неувиданномъ саду и оберегаются драконами и великанами. По одному варианту сказаніи о молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ, вокругъ этого сада лежитъ громадный змѣй, сожми ухвативъ кольцо: хвостъ и голова его сошлись вѣтствѣ. Этотъ змѣй напоминаетъ намъ великанскаго *lormungand*’а Эдды, въ которомъ. представление о дождевыхъ тучахъ, облегающихъ небо, сочеталось съ идеей всесвѣтнаго океанъ-моря; такимъ образомъ указанная подробность вполне соответствуетъ гре-

<sup>1)</sup> Есть цѣлый рядъ народныхъ сказокъ (Н. Р. Ск., V, 39: Кулашъ, II, 10—12; Westsl. Märch., 45—48; Slov. pohad., 573—582; Гавъ, 28), повѣствующихъ о томъ, какъ красавицу-невесту, слезы которой падали жемчугомъ, и улыбка рождала розы, (т. е. болю весны) поднимаетъ некрасивая и злобная дочь мачихи или колдуньи (=олицетвореніе зимы) и выкалываетъ у своей соперницы очи; но приходитъ пора-время—красавица снова обрѣтаетъ зрѣніе и вступаетъ въ свои законныя права (=зима проходитъ и начинается царство весны). — <sup>2)</sup> Н. Р. Ск., V, 37; VI, 48, b, 53, 57; VII, 14; VIII, 25, a; въ Тысячъ и одной ночи говорится о яблокѣ, запахъ котораго исцѣлялъ отъ всякаго недуга.



ческому преданію, что золотыя яблоки растутъ за предѣлами многотуманнаго океана, окружающаго землю, т. е. въ отдаленныхъ областяхъ облачнаго неба. По свидѣтельству сказокъ, садъ съ молоджавыми яблоками и ключами живой воды находится въ двѣемъ (=небесномъ, см. I, 127—8) государствѣ, гдѣ царствуетъ Царь-дѣвица красоты неописанной, силы непошѣрной, и тѣшится вмѣстѣ съ своимъ воинствомъ изъ храбрыхъ дѣвъ богатырскими играми и подвигами. По нѣкоторымъ вариантамъ, живая вода стоитъ у ней въ пузырькѣ подъ наголовьемъ (и тотъ пузырёкъ никогда не опорожняется — сколько не бери изъ него!), или прямо точится съ ея рукъ и ногъ. Могучая красавица живетъ въ золотомъ дворцѣ и соединяетъ въ себѣ черты, отождествляющія ее съ богиней Идуною и валькиріями. Идуна, хранительница золотыхъ яблокъ, обитала въ Brunnakr's (=brunnenfeld), т. е. среди источниковъ живой воды; а по умозанію другаго мноа, она возсѣдала на мировой ясени Иггдразиллѣ и сторожила вдохновительный медъ — Odhrögir<sup>1)</sup>. Шведы помнятъ о странѣ вѣчной юности (land der jugend), гдѣ растетъ дерево съ безцѣнными яблоками, а при немъ бьетъ ключъ, воды котораго блестятъ какъ чистое золото; кто вкуситъ этихъ плодовъ или выпьетъ этой воды, подобной золотистому искромѣтному меду, тотъ снова дѣлается юнымъ, хотя бы дожилъ до сѣдыхъ волосъ<sup>2)</sup>. Обладательница небесныхъ дождевыхъ источниковъ, Царь-дѣвица является во главѣ облачныхъ нимфъ, со всею воинственною обстановкою, какая издревле придавалась богинѣ весеннихъ грозъ и спутницамъ Одина—валькиріямъ; на родство ея съ этими лебедиными дѣвами указываетъ одинъ изъ списковъ русской сказки, называющій Царь-дѣвицу Лебедью;

<sup>1)</sup> Die Götterwelt. 312. — <sup>2)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 5.

сверхъ того, о вальквріяхъ вѣстно, что въ обители блаженныхъ онѣ подносили богамъ и усопшимъ героямъ рогъ, наполненный безсмертнымъ медовымъ напиткомъ. Странствованіе въ обѣтованную страну Царь-дѣвицы совершается на богатырсконъ конѣ, на крыльяхъ птицы-сокола, или (какъ въ сербской редакціи) прямо съ помощію вѣтра, в сопряжено съ разными трудностями. Царевичъ, добывающій живую воду и молоджавыя яблоки, есть богъ-громовникъ; являясь во дворецъ Царь-дѣвицы, онъ находитъ ее спящею, т. е. окованною зимнимъ сномъ. Глядя на ея дивную красу, царевичъ не выдержалъ: пользуясь сномъ дѣвицы, онъ лишаетъ ее невинности, похищаетъ живую воду и молоджавыя яблоки и спѣшитъ въ обратный путь; богатырской конь его скачетъ черезъ высокія дворцовыя стѣны, но зацѣпляетъ ногой за протянутыя струны — и тотчасъ раздается по всему царству звонъ и грохотъ, Царь-дѣвица пробуждается, преслѣдуетъ похитителя и вступаетъ съ нимъ въ бракъ. Въ такихъ смѣлыхъ поэтическихъ образахъ рисуетъ мнѣ весеннюю грозу, когда богъ-громовникъ, пробуждая къ жизни оцѣпененную вліяніемъ зимы облачную дѣву, вступаетъ съ нею въ любовный союзъ. На древнемъ метафорическомъ языкѣ дождь — плотское сѣмя; пролитіе этого сѣмени, утрата сказочной красавицей ея дѣвства въ сущности тоже самое, что и похищеніе живой воды и молодильныхъ яблокъ. Сжимая въ сновѣхъ объятіяхъ Царь-дѣвицу, Перунъ соединяется съ нею фаллусомъ-молніей и упивается любовнымъ напиткомъ, или что тоже — лѣшаетъ ее живой воды (см. I, 459—460). Звонъ и грохотъ струнъ — метафора грома (I, 333). — Другая группа народныхъ сказокъ повѣствуетъ о трехъ печальныхъ событіяхъ: въ нѣкоемъ царствѣ дерево, приносящее золотыя яблоки, вдругъ сдѣлалось бесплодно, источникъ вина или живой воды изсякъ, и прекрасная царевна невѣдомо куда скрылась или подпала за-

клятію — иссохла отъ тяжелой болѣзни и забылась непробуднымъ сномъ. Вся страна одѣвается въ трауръ и предается унынію — до тѣхъ поръ, пока не является избавитель царевны; вмѣстѣ съ ея возвратомъ, пробужденіемъ отъ сна или выздоровленіемъ дерево спора начинаетъ приносить золотыя яблоки, а источникъ давать вино или живую воду. Эта похищенная, очарованная царевна — никто иная, какъ богиня Идуна во власти демоновъ-великановъ <sup>1)</sup>).

Золотые плоды небесныхъ садовъ обладаютъ тою-же великою оплодотворяющею силою, какъ и сѣмя весенняго дождя. Völungasage рассказываетъ объ одномъ королѣ: давно-женатый, онъ не имѣлъ наследника и усердно молилъ о дѣтяхъ Одинъ и Фриггу. Богиня услышала его мольбу и послала къ нему дѣву-исполнительницу желаній (wunschtmagd); въ образѣ птицы (вороны) прилетѣла дѣва къ холму, гдѣ сидѣлъ король, и уронила на его колѣни яблоко; король принесть яблоко домой и далъ скушать королеву — и вслѣдъ за тѣмъ она понесла плодъ и родила сына <sup>2)</sup>). Выше (стр. 155) мы указали, что тоже чудесное свойство соединяють преданія и съ мифической рыбой-тучею: бесплодная королева покушала рыбы и тотчасъ-же сдѣлалась беременна. Эту подробность сказочный эпосъ варьируетъ и такъ, что, вмѣсто рыбы, бездѣтная жена сѣдаетъ яблоко. Былъ человекъ, говоритъ сербская сказка, имѣлъ жену и не имѣлъ дѣтей; была у него сука и не было щенятъ, была кобыла и не было жеребятъ. Бросилъ онъ свою избу и пустился по бѣлому свѣту странствовать; случилось ему какъ-то остановиться у одного студента. На ту пору предсталъ передъ нимъ незнакомецъ, далъ ему яблоко и велѣлъ воротиться домой: «jabuku oguli, oguljine podaj kuji i kobili, jabuku rozpolovi, te pola podaj ženi da izjede,

<sup>1)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 3—7; см. и славянскія сказки о правдѣ и кривдѣ. — <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 308.

a pola ti izjedi: sto je dosad bilo nerodno, odsad sve će biti plodno» <sup>1)</sup>). Въ другихъ сказкахъ юноша, изловивъ рыбу, отпускаетъ ее въ воду за чудесный даръ творить все по своему желанію. Увидя красавицу-царевну, онъ пожелалъ, чтобы она понесла дѣтище, и въ ту же минуту царевна зачала и въ извѣстный срокъ родила мальчика съ золотымъ яблокомъ въ рукѣ. Царь разгнѣвался на дочь, и желая узнать отца ребенка, собралъ въ дворцовую залу холостыхъ со всего царства: на кого кинетъ ребенокъ золотое яблоко, тотъ и виновникъ безчестія. Мальчикъ бросилъ яблоко въ юношу, желание котораго было причиной его сверхъестественнаго рожденія <sup>2)</sup>). Этими данными объясняется то важное значеніе, какое получило яблоко въ свадебномъ обрядѣ сербовъ. У нихъ принято, чтобы тотъ, кто ищетъ руки дѣвушки, посылалъ къ ней черезъ свата яблоко, съ воткнутыми въ него мелкими серебряными деньгами; если дѣвушка приметъ яблоко — это служить знакомъ ея согласія, въ противномъ случаѣ женихъ долженъ искать себѣ другой невѣсты <sup>3)</sup>). «Отшли на јабуку» значитъ: пошли уговариваться о свадьбѣ <sup>4)</sup>). У мазуровъ въ тѣка съ яблокомъ есть необходимый атрибутъ свадебнаго веселья <sup>5)</sup>). Въ новогреческой сказкѣ <sup>6)</sup>) королевна, чтобы указать — кого именно желаетъ она имѣть своимъ мужемъ, бросаетъ въ избраннаго счастливца яблокомъ.

1) Bosanski prijatelj 1851 г., II, 171, Эрбенъ, 254. Переводъ: съними съ яблока кожицу, отдай ее суку и кобылѣ, яблоко разрѣжь половамъ, самъ съѣшь половину, а другую отдай женѣ скушать; и все, что до сихъ поръ было неплодно, станетъ родить. — 2) Сб. Валавца, 233—4; Zeitsch. für D. M., I, 38—40; Ганъ, 4, 6, 8; Штиръ, 16; Матер. для изучен. нар. слов., 20—22; Н. Р. Сл., VII, 31. — 3) Срп. и. припов., 99—103; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 47: съ своей стороны отецъ невѣсты за недѣлю до свадьбы посылаетъ отцу жениха яблоко съ воткнутымъ въ него цекиномъ. — 4) Срп. рјечникъ, 285. — 5) Pjesni ludu polskiego w Galicyi, Жеготы Пауля, 5. — 6) Ганъ, II, стр. 56.

По стволу Иггдразилли бѣгаетъ вверхъ и внизъ бѣлка, въ образѣ которой фантазія олицетворяла сверкающую въ тучахъ молнію. Это древнее представленіе заставило въ облачныхъ садахъ, растущихъ на высокому небѣ, искать и находить орѣшникомъ. Какъ обыкновенная бѣлка питается лѣсными орѣхами, такъ думали, что и бѣлка-молнія грызетъ тѣ же самыя плоды, растущіе на мировомъ деревѣ-тучѣ. Эти небесныя орѣхи, подобно яблокамъ древа жизни, блестятъ какъ чистое золото и обладаютъ тою-же силою посылать плодородіе. Польская сказка знаетъ чудесную бѣлку, которая, сидя на деревѣ, грызетъ орѣхи — только не простые: скорлупа у орѣховъ золотая, а зѣрна — жемчугъ (I, 614). По сербскому повѣрью, если на Ильинъ день гремитъ громъ, то орѣхи въ этомъ году очервивѣютъ, попортятся, и онадутъ съ вѣтнѣмъ <sup>1)</sup>. Основою этой примѣты послужилъ стародавній мифъ, что во время грозы Перунъ обрываетъ небесныя орѣхи и грызетъ ихъ своими острыми зубами; въ числѣ различныхъ уподобленій молніи, она сравнивалась и съ червемъ (I, 395; см. гл. XXI). Сербская сказка <sup>2)</sup> упоминаетъ о двухъ орѣхахъ, данныхъ доброму молодцу вѣщицею бабаши: когда былъ разбитъ одинъ орѣхъ — изъ него потекла рѣка, а когда разбили другой — изъ него вырвалось пламя, т. е. небесныя орѣхи, разбиваемыя Перуномъ, производятъ дождь и молніи. Сходно съ этимъ, норвежская сказка <sup>3)</sup> говоритъ о большомъ грецкомъ орѣхѣ, изъ отверстія котораго льется неизсякаемая вода. Сказочный герой приходитъ въ царство, страдающее отъ недостатка воды (т. е. отъ лѣтней засухи); съ помощію кирки-саморойки (= молніи) вырываетъ онъ въ твердой скалѣ (= тучѣ) колодець, кладетъ въ него чудесный орѣхъ — и мгновенно колодець наполняется водою.

<sup>1)</sup> Срп. рјечени, 103. — <sup>2)</sup> Срп. н. припов., 19. -- <sup>3)</sup> II, 19.

На Руси вѣрятъ, что орѣхъ-двоешка приноситъ счастье и богатство, и потому берегутъ его и носятъ въ кошелькахъ, чтобы водились деньги, и на шеѣ, чтобы избѣжать болѣзней и всякихъ бѣдъ <sup>1)</sup>. У болгаръ орѣхи составляютъ непремѣнную принадлежность обрядовой трапезы наканунѣ Рождества Христова; часть этихъ орѣховъ сберегается въ продолженіи цѣлаго года, и если заболитъ у кого-нибудь горло — въ такомъ случаѣ берутъ рождественскій орѣхъ и трутъ имъ больное мѣсто <sup>2)</sup>. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи (въ Альтмаркѣ и Вестфаліи) осыпаютъ новобрачныхъ орѣхами, какъ у насъ осыпаютъ ихъ хлѣбными зернами в хитлѣмъ (=символизуютъ опьяняющихъ напитковъ: пива, браги и меда); впрочемъ въ полтавской губ. существуетъ и посыпаніе новобрачныхъ орѣхами (см. гл. XXIX). Въ хлѣбныя зерна, назначенныя для посѣва, дѣтицы бросаютъ горсть орѣховъ (или гороху), чтобы будущая жатва была урожайная. Въ Шварцвальдѣ посланный звать на свадьбу несетъ орѣховую вѣтку. Съ такою-же вѣткою въ рукахъ прыгаютъ въ Поату черезъ Изавовскіе костры, прикасаются ею къ возженному пламени явотомъ втыкаютъ въ коровьи хлѣвы, для предохраненія домашней скотины отъ колдовства и нечистой силы. Изъ орѣховой вѣтки готовится и *wünscheilguth* (=виблема молніи, см. гл. XVIII). Чтобы выразить мысль объ освобожденіи богини живой воды и весеннего плодородія изъ-подъ власти великановъ, старинный мифъ рисуетъ такую картину: Локи, богъ грозового пламени, въ образѣ быстролѣтнаго сокола унесъ въ своемъ клювѣ Идуну, превращенную въ орѣхъ <sup>3)</sup>. Запрещеніе рубить орѣшники долгое время соблюдалось въ разныхъ мѣстностяхъ также строго,

<sup>1)</sup> Нар. сл. раз., 153; Пузин., 160: орѣхъ-двоешка помогаетъ отъ вывиха. — <sup>2)</sup> Каравел., 277. — <sup>3)</sup> Die Götterwelt, 23, 199; D. Myth., 388.

какъ и запрещеніе касаться топоромъ старыхъ вѣковыхъ дубовъ <sup>1)</sup>. Эббо указываетъ на большое орѣховое дерево, близъ Штетина; при этомъ деревѣ былъ ключъ, и оно считалось посвященнымъ богу <sup>2)</sup>.

Преданія о небесныхъ, райскихъ садахъ съ теченіемъ времени стали прилагаться къ земнымъ лѣсамъ и рощамъ и сообщили имъ священный характеръ. Сверхъ того, красота и таинственность огромныхъ лѣвственныхъ лѣсовъ древнѣйшей эпохи не могли не поражать поэтически-настроеннаго воображенія младенческихъ племенъ. Въ жизни расгнѣннаго царства они созерцали ту же вѣчную борьбу божественныхъ силъ, какую замѣчали и въ стихійныхъ явленіяхъ природы. Съ началомъ весны поля, кустарники и дубравы убаиваются селенью и цвѣтами; злая зима снимаетъ съ нихъ эти роскошные уборы и повергаетъ все въ мертвенное оцѣпенѣніе — до неваго возврата вѣшнихъ дней. Слѣдуя внушеніямъ метафорическаго языка и тѣсно-связанныхъ съ нимъ первобытныхъ воззрѣній на мать-природу, древній человекъ почти не зналъ неодушевленныхъ предметовъ; всюду находилъ онъ и разумъ, и чувство, и волю. Въ шумѣ лѣсовъ, въ шелестѣ листьевъ ему слышались тѣ загадочные разговоры, которые ведутъ между собою деревья; въ трескѣ сломленной вѣтки, въ скрипѣ расколотаго дерева онъ узнавалъ болѣзненные стоны, въ увяданіи — иссушающее горе, и такъ далѣе. Дерево содрогалось, чѣхло и даже проливало кровь (=сокъ), будучи тронуте острымъ желѣзомъ. «Ничить трава жалошамъ, а древо съ тугою къ земли приклонилось» говоритъ Слово о полку; подобными выраженіями преисполнена народная поэзія <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Ibid., 617. — <sup>2)</sup> Срезнев., 22, 29. — <sup>3)</sup> Рус. Дост., III, 90—92. Въ кievской губ. если садовое дерево не даетъ плодовъ, его пугаютъ угрозою быть срубленнымъ: кто-нибудь изъ домашнихъ влазетъ на его верхушку, а другой, стоя внизу, замахивается на де-

Все это повело къ поклоненію лѣсамъ и деревьямъ. Свидѣтельства о такомъ поклоненіи отчасти уже приведены выше; но есть и другія указанія памятниковъ и народныхъ преданій. Церковный уставъ св. Владиміра упоминаетъ о суетвѣрахъ, которые продолжали молиться «въ рощеньи» <sup>1)</sup>; въ житіи князя Константина Муромскаго читаемъ: «дулиламъ древняимъ лѣти убрусцемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеся» <sup>2)</sup>—обычай, доселѣ сохранившійся въ Малороссіи, гдѣ на большихъ дубахъ вѣшаютъ полотенца и мотки нитокъ, въ даръ русалкамъ <sup>3)</sup>. Густинская лѣтопись говоритъ о приношеніи жертвъ «рощеніямъ» <sup>4)</sup>. Кириллъ Туровскій рассказываетъ, что съ принятіемъ христіанства уже не нарекутся богами — деревья <sup>5)</sup>, хотя надежды его и оказались преждевременными; ибо и послѣ того двоевѣрный народъ долго сохранилъ благоговѣнное уваженіе къ старымъ деревьямъ, рассказывалъ о духахъ, обитающихъ въ дремучихъ лѣсахъ, совершалъ подъ нихъ сѣнію свои игрища, жертвенные и другіе обряды. Встрѣча весны, праздники въ честь обновленной природы (Семикъ, Троица) и творческихъ силъ лѣта (Купало) лютые отправляются въ лѣсахъ и рощахъ. Семицкая березка, украшенная разноцвѣтными лоскутьями и лентами, съ

---

резо топоромъ и спрашиваетъ: „чи уродишь?“ Съ дерева дается отвѣтъ: урожу! „Ну, гляды-жъ миня, рои, а то зрублю!“ При этихъ словахъ ударяютъ по дереву обухомъ. Въ Моравіи передъ Рождествомъ хозяинъ идетъ въ садъ и трясетъ деревья, приговаривая: *stromečku, obrod', obrod'!* (Громаничъ, 87). Подобные обряды совершаются и въ другихъ славянскихъ земляхъ и въ Германіи. Какъ дерево-облако посылаетъ плодородное сѣмя дождя, будучи разбито топоромъ-молвіей и потрясаемо вихремъ; такъ и отъ простаго дерева ожидаютъ плодовъ, какъ скоро исполнены описанные обряды. — <sup>1)</sup> Доп. къ Ам. Ист., I, 1. — <sup>2)</sup> Карам. И. Г. Р., I, прил. 216. — <sup>3)</sup> Срезнев., 29. Почему именно приносятся мотки и полотенца—см. гл. XXIII. — <sup>4)</sup> П. С. Р. Д., II, 234, 257 — <sup>5)</sup> Памт. XII в., 19.



торжествомъ несется въ деревню, какъ знаменіе самой богини Весны, возвратившейся на землю. Березѣ приписываются цѣлебныя свойства: черезъ это дерево (иногда черезъ оглоблю) обливаютъ больныхъ холодной водою; подъ порогомъ новой конюшни зарываютъ березовое полѣно, чтобы водились лошади <sup>1)</sup>. Дворы, избы и самыя церкви убираются на Семикъ и Троицу срубленными молодыми деревьями, цвѣтами и травами. Купальскіе огни въ Малороссіи обыкновенно возжигаются въ лѣсахъ. Когда у знакомаго садовода берутъ плодovou прививку или отводокъ, то считаютъ обязанностью возлѣ того дерева, отъ котораго срѣзана вѣтка, положить въ даръ мелкую монету; думаютъ, что безъ атого не примется ни прививка, ни отводокъ <sup>2)</sup>. Славяне до сихъ поръ считают нѣкоторыя рощи священными и называютъ ихъ гай-богъ и божницами <sup>3)</sup>; на Руси заповѣднымъ лѣсимъ, въ которыхъ запрещено рубить, присвоивается названіе божелѣсье <sup>4)</sup>; въ олонеккой губ. даютъ лѣсу эпитетъ праведный <sup>5)</sup>. По свидѣтельству Дитмара, лѣсъ, окружавшій храмъ въ Ретрѣ, признавался священнымъ; тоже религіозное значеніе приписывалось и Святибору: «роща Святой Боръ (Zuifibor) была почитаема всѣми жителями за божество, и никогда вспоконъ вѣка неприкосновенность ея не была нарушена» <sup>6)</sup>. Гельмольдъ говоритъ, что балтійскіе славяне чтили лѣса и рощи, какъ святилища, и клялись при деревьяхъ и источникахъ; сохранилось еще извѣстіе о рощахъ богини Живы (см. гл. XXVIII). Еще въ XI вѣкѣ духовныя власти требовали отъ чеховъ, чтобъ они не приносили жертвъ деревьямъ (*ad arbores sacrificia nullo modo fiant*) и не обращались къ нимъ за помощью (*non ad arbores aut ad fontes auxilium quaerere*).

<sup>1)</sup> Нар. сѣ. раз., 157.— <sup>2)</sup> Иллюстр. 1846, 333.— <sup>3)</sup> Р. И. Сб., VII, ст. Ходаковск., 116.— <sup>4)</sup> Доп. обл. сѣ., 10.— <sup>5)</sup> Этн. Сб., VI, словарь Рыбникова, 11.— <sup>6)</sup> Срезнев., 30; Макуш., 84.

По словамъ Козьмы Пражскаго, невѣжественный народъ его времени питалъ къ деревьямъ и рощамъ религіозное уваженіе, носилъ и приносилъ жертвы горнымъ и лѣснымъ нимамъ (*oreades, dryades*), и потому князь Бретиславъ (1093 г.) рѣшился порубить и предать огню всѣ дубравы, почитаемыя смщенными <sup>1)</sup>. Изъ пѣсень Краледворской рукописи узнать, что Честмиръ, передъ выступленіемъ въ походъ противъ непріятеля, «*pode wše drwa wzložie obieti bohóm*»; а Забой, идущій на угнетеніе иновѣрцевъ, говорилъ: «гдѣ отцы давали жства богамъ, куда ходили возглашать свои молебны, тамъ они посѣкли всѣ деревья, разрушили (кумиры) боговъ и выгнали изъ лѣсовъ всѣхъ вѣроновъ» <sup>2)</sup>. Чехи и до сихъ поръ продолжаютъ молиться подъ деревьями; кто дѣлаетъ это на страстную пятницу, передъ солнечнымъ восходомъ, тотъ цѣлый годъ будетъ свободенъ отъ всѣхъ болѣзней; страдающіе ангеракомъ преклоняютъ колѣна передъ бузиною и трижды просятъ: «бузина! пославъ меня Господь Богъ къ тебѣ, чтобы ты взяла на себя мой недугъ». На Рождественскіе Святки чехи, обращаясь къ деревьямъ, просятъ у нихъ предсказаній будущаго и помощи въ болѣзняхъ <sup>3)</sup>. Въ Лужицахъ саксонскихъ и въ землѣ словаковъ существуютъ заповѣдныя «святые ган», гдѣ, по народнымъ сказаніямъ, блуждаютъ тѣни стародавнихъ князей (—блаженныхъ героев), молятся и приносятъ жертвы своимъ языческимъ богамъ; тамъ обитаютъ вѣщія души, и дѣвушки ходятъ въ лѣса «слушать духа», который шелестомъ колеблемыхъ вѣтровъ и опадающихъ листьевъ прорицаетъ будущее <sup>4)</sup>. У сербовъ почитаются неприкосновенными нѣкоторыя большія, тѣнистыя деревья (дубы, буки и др.); имъ приписывается великая сила, такъ что если бы кто срубилъ подобное дерево, тотъ или умретъ вско-

<sup>1)</sup> Громантъ, 86.— <sup>2)</sup> Ж. М. Н. П. 1840, XII, 125, 130—1. —

<sup>3)</sup> Громантъ, 87—88, 181.— <sup>4)</sup> Срезнев., 30—31.

рѣ, или будетъ наказанъ неизлѣчимою болѣзнію. Тотъ, кто опасается—не срубилъ ли онъ священнаго дерева, долженъ на его пнѣ отсѣчь голову живой курицы тою-же самою сѣкирою, которою было свалено дерево <sup>1)</sup>: обрядъ этотъ, указывающій на древнюю умилостивительную жертву, спасаетъ отъ грядущей бѣды. Священные лѣса и рощи были у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; греки посреди нихъ создали храмы и жертвенники, и сватотатственную порубку такихъ деревьевъ наказывали смертію. Нѣмецкія племена имѣли свои *heilige wälder*, гдѣ издревле совершались празднества и жертвенные обряды; даже по принатіи христіанства народъ продолжалъ подъ нѣкоторыми деревьями возжигать огни и дѣлать имъ обычныя приношенія <sup>2)</sup>.

Мы видѣли, что заключеніе брачныхъ союзовъ славянъ-язычниковъ совершалось у воды, какъ стихій, служившей эмблемою плодородащаго сѣмени дождя: но какъ дождевыя тучи уподоблялись не только источникамъ, но и лѣсамъ, то браки могли совершаться и при священныхъ деревьяхъ. Бопланъ въ «Описаніи Украйны» <sup>3)</sup> рассказываетъ, что холостые юноши, добывая невѣсть умычкою, должны были увозить ихъ въ лѣсъ и скрываться тамъ цѣлые сутки, и только въ такомъ случаѣ избѣгали преслѣдованія и безпрепятственно женились на похищенныхъ дѣвицахъ. Сербскіе отмишары увозятъ дѣвоику въ лѣсъ, и тамъ заранѣе приглашенный попъ вѣнчаетъ чету подъ дубомъ <sup>4)</sup>. У нашихъ раскольниковъ донынѣ держится обычай, въ силу котораго молодой парень, сговорясь съ дѣ-

---

<sup>1)</sup> Срп. рјечник, 684.— <sup>2)</sup> D. Myth., 64—71. 614—8; обожаніе лѣсовъ встрѣчаемъ и у финновъ (Доп. къ Ак. Ист., I, 28, 43; Ист. рус. слов. Шевырева, III, 143—о прокудливой березѣ), и у горскихъ племенъ Кавказа (Совр. 1853, XI, «Перевзды по Россіи» 9; Москв. 1855, XXIII—IV, 24).— <sup>3)</sup> Стр. 72.— <sup>4)</sup> Срп. рјечник 477; Венелива Серб. пѣсни, 38.

ицею, отправляется вмѣстѣ съ нею къ заветному дубу, обѣзжаетъ его три раза кругомъ, и брачный союзъ считается заключеннымъ <sup>1)</sup>. Стенька Разинъ, захвативъ въ свои руки власть на Дону, запретилъ богослуженіе въ православныхъ храмахъ, и желающихъ вступить въ бракъ приказалъ вѣнчать около вербъ <sup>2)</sup>. Память о такихъ свадьбахъ сохранилась и въ народномъ эпосѣ; такъ былвна о богатырѣ Дунаѣ говорить, что онъ съ своею подругою «обручались — кругъ ракитова куста вѣнчались» <sup>3)</sup>; на то же намекаетъ и народная поговорка: «вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли» <sup>4)</sup>. Въ лѣсахъ и рощахъ язычники хоронили и мертвыхъ, потому что эти мѣста напоминали имъ о блаженныхъ, райскихъ садахъ, гдѣ должны водвориться по смерти души праведныя. Оттонъ Бамбергскій запрещалъ это дѣлать поморянъ, а князь Бретиславъ чехамъ <sup>5)</sup>. Въ поэтической картинѣ Краматорской рукописи души усопшихъ изображены порхающими по деревьямъ <sup>6)</sup>. Въ народныхъ поговоркахъ уцѣлѣло живое воспоминаніе о той стародавней, доисторической эпохѣ, когда славяне-дикари жили въ дремучихъ лѣсахъ и поклонялись «рожденіямъ»: «въ лѣсу родились, пнямъ молились», или: «жили въ лѣсу, молились пенью», «въ лѣсѣ жить — великамъ Богу молиться» <sup>7)</sup>.

Представляя тучи небесными деревьями, переносилъ это представление на землю и связывая его съ обыкновенными дубраями, древній человѣкъ призналъ лѣса и рощи мѣстопробыванія облачныхъ духовъ, и этимъ послѣднимъ придавалъ характеръ лѣсныхъ геніевъ. Какъ въ образѣ водяныхъ идемъ дож-

<sup>1)</sup> Терещ., II, 28.— <sup>2)</sup> Исторія или повѣствованіе о донскихъ казакахъ А. Ригельмана—въ Ч. О. И. и Д., годъ 2, III. 61.— <sup>3)</sup> Кирша Дан., 96 — <sup>4)</sup> Архивъ вст.-крим. свѣд., II, ст. Бусал. 5.— <sup>5)</sup> Срезнев., 32.— <sup>6)</sup> Ж. М. Н. П. 1840, XII, 128.— <sup>7)</sup> Пословъ Давид., 748.

девыхъ потоковъ связывается съ земными источниками, такъ въ лѣшнихъ ясны черты ихъ нервоначального, стихійнаго значенія, сочетавшіяся съ лѣсами и деревьями. Это доказываетъ и выше-объясненнымъ преданіемъ о происхожденіи водяныхъ и лѣшнихъ (см. стр. 235) и многими другими повѣртіями, живущими въ народѣ. Слово лѣшій въ областныхъ говорахъ <sup>1)</sup> и въ старинныхъ памятникахъ означаетъ: лѣсной, лѣсистый <sup>2)</sup>; въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ лѣшаго называютъ лѣшакъ, лѣсовникъ, лѣсникъ <sup>3)</sup>, лисунъ (полисунъ) и даже лѣсъ <sup>4)</sup>. Лѣшіе (чешск. lesní mužové) — тоже, что греческіе сатиры, римскіе фавны, сільваны, нѣмецкіе waldleute, holzleute и moosleute. Они живутъ въ лѣсныхъ трущобахъ и пустыряхъ, но обыкновенно съ первыми морозами (въ началѣ октября) проваливаются сквозь землю, исчезая на цѣлую зиму, а весною опять выскакиваютъ изъ земли — какъ ни въ чемъ не бывало. Разставаясь осенью съ лѣсомъ, они бѣсятся, ломаютъ съ досады деревья, словно хрупкія тросты, и разгоняютъ всѣхъ звѣрей по норамъ; во весь тотъ день воетъ по лѣсу страшный вѣтеръ <sup>5)</sup>. Въ этомъ любопытномъ повѣртіи ясно сказывается тождество лѣшнихъ съ творческими силами лѣта. Подчиняясь вліянію зимы, тучи перестаютъ блистать молніями, грохотать громомъ и разливаться дождемъ; это оцѣпѣніе или зимній сонъ фантазія соединяетъ со всѣми ихъ мнѣстическими олицетвореніями. Подобно тому, какъ водяной спитъ всю зиму, и только въ апрѣлѣ просыпается бѣшеный и шумный; такъ и лѣшіе провалива-

---

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 108.— <sup>2)</sup> Псковская судная грамота, 2: „лѣшая земля“; Доп. къ Ак. Ист., IV, стр. 50: „беречь накрѣпно, чтобъ торговые и промышленные люди изъ сибирскихъ городовъ въ русскіе города лѣшими и степными дорогами украдомъ не проходили“.— <sup>3)</sup> Обл. Сл., 103—4, 107.— <sup>4)</sup> День 1862, 52.— <sup>5)</sup> Сахаров., II, 60—61; Послов. Дня, 998.

ится сквозь землю въ холодное время осени, и въ темныхъ подземельяхъ успокоиваются до весенняго своего пробужденія. Одною изъ болѣе-употребительныхъ метафоръ въ старинной поэзіи было представленіе облаковъ и тучъ мрачными горными пещерами и подземнымъ царствомъ; сюда-то и скрываются духи лѣтнихъ грозъ на зиму; здѣсь, какъ свидѣтельствуя древніе мифы (см. гл. XVIII), покоится Одинъ со всѣмъ своимъ неистовымъ воинствомъ и лежитъ похищенный Торовъ молотъ (молнія). Мы указали основанія, ради которыхъ духи грозовыхъ тучъ еще издревле получили демоническій характеръ; съ этимъ характеромъ являются въ преданіяхъ и тѣ изъ нихъ, что населяли воздушныя пространства, водные источники и горныя ущелья, и тѣ, что обитаютъ въ лѣсахъ. Вотъ свидѣтельства народныхъ пословицъ и поговорокъ: «попалъ было въ лѣсъ, да попался въ стрѣчу бѣсъ»; «братъ—такъ братъ, а не то отдай крестъ, да хоть къ чорту въ лѣсъ» (обычное выраженіе при ссорѣ крестовыхъ братьевъ); «пришовъ з' лѣсу и идзи собѣ къ бѣсу»; «падъ чернымъ лѣсомъ спаткаея чортъ з' бѣсомъ»; «толкнись бѣсы, да не въ нашемъ лѣсѣ»; «изъ пустаго дупла либо сытъ, либо семя, либо самъ сатана». У поляковъ есть повѣрье, что дьяволъ, превращаясь въ сову, любитъ садиться на старой вербѣ, почему простолюдины и боятся рубить это дерево, чтобы не подвергнуться гнѣву нечистой силы. Польская поговорка: «zakochał się jak diabeł w suchej wierzbie» соответствуетъ великорусской: «влюбился, какъ чортъ въ сухую ракиту» и малорусскимъ: «бьєцця, якъ чортъ коло сухой верби», «закохавсь, якъ чортъ въ суху грушу (или вербу)» <sup>1)</sup>. Заслыша въ лѣсу таинственные звуки, поляки плю-

<sup>1)</sup> Собраніе 4291 русс. пословицъ, 10, 150; Приб. къ Ив. Ак. Н. 1852, 65; 1853 г., 187; Рус. въ св. посл., II, 33; Пов. и пред., 174—5; Номис., 168.

ютъ на всѣ на четыре стороны, чтобы прогнать отъ себя нечистаго <sup>1)</sup>). И лѣшихъ, и чертей народъ обзываетъ одинаковыми именами: шатунъ, ворогъ, ёлсъ <sup>2)</sup>; сравни: лядъ — дьяволъ, лядашій — негодный и ляда (ляды) — поле съ корнями срубленныхъ деревьевъ, лядина — лѣсъ, лядъ и лядка — болото, поросшее кустарникомъ и лѣсомъ <sup>3)</sup>). Въ романскихъ сказкахъ древнеримской богъ ада Orcus принимается за лѣснаго духа (итал. огсо, неап. huogso, фран. ogre) и представляется чернымъ, косматымъ и большею частию великаномъ; нѣмецкія же сказки роль его возлагаютъ на чорта <sup>4)</sup>). Темныя подземелья, царство все-помрачающихъ тучъ, породили мнѣ о глубокихъ вертепахъ ада, и вышеуказанное преданіе: будто лѣшіе проваливаются сквозь землю — имѣетъ при себѣ слѣдующія аналогическія повѣрья: въ половинѣ ноября всѣ нечистые убѣгаютъ съ земли, боясь морозовъ; зима разгоняетъ ихъ — и они скрываются въ преисподнюю; въ началѣ же февраля, съ первыми зачатками весны, нечистые духи вылетаютъ изъ ада въ видѣ птицъ <sup>5)</sup>). Древнее сказаніе о грозовыхъ демонахъ, исчезающихъ осенью, въ дни мѣсяца-листопада, и снова появляющихся весной, народная фантазія, согласно съ усвоеніемъ этимъ духамъ лѣснаго типа, связала съ замираніемъ и возрожденіемъ жизни въ дубравахъ и рощахъ, которыя къ зимѣ сбрасываютъ съ себя листья, а въ вешнюю пору одѣваются въ зелень и цвѣты. Покидая землю, лѣшіе поднимаютъ вѣтры, ломаютъ деревья и разносятъ ихъ пожедѣвшіе листья: въ этихъ обычныхъ явленіяхъ бурной осени поэтической взглядъ народа усматриваетъ ихъ досаду, чувство недовольства и тоски по умирившей природѣ. Впрочемъ, лѣшіе не всѣ исчезаютъ на зиму; въ нѣ-

<sup>1)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 371. — <sup>2)</sup> Обл. Сл., 28—29, 64, 263. — <sup>3)</sup> Ibid., 108. — <sup>4)</sup> D. Myth., 454. — <sup>5)</sup> Сахаров., II, 11, 65 — 66.

которыхъ мѣстностяхъ ихъ смѣшиваютъ съ демонами зя-  
нихъ вьюгъ. Стремительные вихри, по мнѣнію крестьянъ,  
есть дѣло лѣшаго. Такъ поломанныя бурей въ лѣсахъ деревья  
обыкновенно причисляются къ его проказамъ; по народному  
вѣствію (вятск. губ.), лѣшій никогда не ходитъ просто, а  
спереди и сзади его всегда сопровождаетъ силь-  
ный вѣтеръ, и по направленію вѣтра можно заключать, ку-  
да именно держитъ онъ путь. Никто не видалъ, чтобы онъ  
оставилъ гдѣ-нибудь слѣдъ своихъ ногъ, хотя бы  
прошелъ по песку или снѣгу: это потому, что онъ вихремъ  
заметаетъ свой слѣдъ, какъ поступаютъ и вѣдьмы (см. I,  
569). Въ августѣ-мѣсяцѣ поселяне караулятъ по ночамъ сно-  
пы отъ потѣхи лѣшаго, который раскидываетъ ихъ, по-  
дымая вихри; съ цѣлью помѣшать ему, они ходятъ на гумно  
въ вывороченныхъ тулупахъ и обводятъ около сноповъ  
круговую черту кочергою, т. е. замыкаютъ гумно со всѣхъ  
сторонъ какъ-бы оградю; вывороченный тулупъ — эмблема  
облачнаго одѣянія, въ которое радится богъ-громовникъ, го-  
нитель демоновъ, а кочерга — эмблема его молніеносной па-  
лицы. Увѣряютъ также, что лѣшій боится головешки <sup>1)</sup>;  
а шведы, чтобы удалить лѣснаго духа, совѣтуютъ бросать въ  
него кусокъ желѣза <sup>2)</sup>. И головешка, и желѣзо — символы  
молніи. Такъ какъ свистомъ можно накликать бурю, то  
крестьяне не только не рѣшаются свистать на водѣ, но не дѣ-  
лаютъ этого и ночью въ лѣсу, опасаясь разбудить лѣша-  
го, который, проснувшись, спѣшитъ откликнуться.  
Когда путнику почудится страшный свистъ лѣшаго (—вой  
вѣтра), онъ торопится убѣжать въ противоположную сторо-  
ну <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Ibid.. II, 50; Рус. Дневникъ 1859, 37. — <sup>2)</sup> Ж. М. Н. II. 1843,  
т. XL. — <sup>3)</sup> О. З. 1848, IV, 142.



Могучія явленія грозы предки наши олицетворяли то въ образѣ великановъ, тождественныхъ съ громадными тучами, застилающими собой весь небосклонъ, то въ образѣ карликовъ, тождественныхъ съ малютками-молніями, обитающими въ облачныхъ горахъ. Оба представленія приданы и лѣшнимъ, которые бываютъ то ниже травы, то выше самыхъ высокихъ деревьевъ. Какъ надвигающаяся на небо туча изъ едва-замѣтнаго вдали чернаго пятна быстро вырастаетъ въ своемъ объемѣ и достигаетъ исполинскихъ размѣровъ, такъ и лѣшій мгновенно можетъ вырастать и умаляться <sup>1)</sup>. О богатыряхъ и великанахъ сказки выражаются, что они растутъ ни по днямъ, ни по часамъ, а по минутамъ. Обыкновенно въ лѣсу лѣшій равенъ съ высокими дубами и соснами, а на полянѣ — съ травой. Бѣлоруссы утверждаютъ, что ростъ лѣшаго зависитъ отъ высоты тѣхъ деревьевъ, вблизи которыхъ онъ стоитъ или идетъ, т. е. по первоначальному возраженію ростъ лѣшаго опредѣлялся размѣрами тѣхъ летучихъ облачныхъ лѣсовъ, въ средѣ которыхъ шествовалъ онъ по небу. Въ кievской и черниговской губ. различаютъ лисуновъ и полевишковъ; первыхъ представляютъ великанами сѣроватаго и пепельнаго цвѣта; о послѣднихъ же рассказываютъ, что они равны съ высотой хлѣба, растущаго въ полѣ, и послѣ жатвы умалются и дѣлаются такими крохотными, какъ стерня, т. е. ростъ ихъ въ то время не превышаетъ остающихся на корню, срѣзанныхъ стеблей соломы. <sup>2)</sup>. Точно такъ и нѣмцы представляютъ лѣсныхъ духовъ и великанами (*schrat*, *waldschrat* и сканд. *skratli* — *gigas*:

---

<sup>1)</sup> Гриммъ сообщаетъ подобное-же преданіе о великанѣ — *D. Myth*, 522.— <sup>2)</sup> Абев., 233; Рязан. Г. В. 1846, 16; Владим. Г. В. 1844, 50; Киев. Г. В. 1845, 16; Черниг. Г. В. 1860, 28; Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXII, 130.—1; Зам. о Сибири, 76; Рус. прост. праздн., IV, 13; Семеновъ, 123.

ния это, наравнѣ съ словомъ *tröll*, совмѣщаетъ въ себѣ значенія чорта, лѣшаго и великана), и малютками (*schrettel*); тѣ изъ нихъ, которые блуждаютъ одиноко, принимаютъ болѣею частію гигантскіе образы, а живущіе въ обществахъ (толпахъ) смѣшиваются съ эльфами и карлами: малорослые, съ старыми лицами и всклокоченными волосами, одѣтые въ мохъ и листья, или въ зеленныя платья съ красными выпушками, они напоминаютъ этими внѣшними признаками карликовъ—цверговъ <sup>1)</sup>. Тѣ древесныя отверстія, сквозь которыя суетѣрные матери протаскиваютъ больныхъ дѣтей, въ Швеціи называются *elfenlöcher*; на Руси, чтобы избавиться отъ болѣзней, вѣшаютъ на деревьяхъ холсты и рубашки, и приношенія эти считаются за обычный даръ русалкамъ, о средствахъ которыхъ съ одной стороны съ эльфами, а съ другой съ лѣсными нимфами смотри гл. XXIII. Подобно лѣшнымъ, эльфы обладаютъ способностью увеличиваться и уменьшаться по своему произволу; и тѣ, и другіе равно опасны, какъ похитители дѣтей (см. гл. XXIV). По свидѣтельству, принадлежащему XIII столѣтію, германцы признавали въ тѣхъ лѣсныхъ духахъ, который могъ выростать все выше и выше, пока ни сравнивался съ самымъ высокимъ деревомъ <sup>2)</sup>. Становя лѣшнихъ въ разрядъ великановъ, олицетворяющихъ собою вихри, бурю и грозу, преданія надѣляютъ ихъ необыкновенною силою и суровостью и приписываютъ имъ тѣже нескончаемыя битвы, въ какихъ постоянно обращаются великаны. Народныя поговорки выражаются: «силенъ (или: здоровъ), какъ лѣшникъ!» — «съ лѣсовикомъ не справиться!» <sup>3)</sup> Во владимірской губ. лѣшаго называютъ дикинькиимъ мужичкомъ <sup>4)</sup>, подобно тому, какъ поляки называютъ его *dziki mąż*, а нѣм-

<sup>1)</sup> D. Myth., 450—1, 454, 956; Beiträge zur D. Myth., II, 278.—

<sup>2)</sup> Die Götterwelt, 98.— <sup>3)</sup> Востокъ. Г. В. 1850, 16.— <sup>4)</sup> Владим. Г. В. 1844, 50.

ны *wilder mann*; и у насъ, къ въ Германіи названіе это («дикой человѣкъ») по преимуществу служить для обозначенія великана (см. гл. XXI). Какъ всѣ грозовые духи, лѣшій можетъ принимать различные образы, въ которыхъ поэтическая фантазія издревле олицетворяла бурныя и громоносныя тучи, и тѣмъ самымъ сближается съ оборотнями. Чаще всего онъ является здоровеннымъ мужикомъ, но и въ этомъ человѣческомъ обликѣ сохраняетъ демонскіе признаки: на немъ бараній полушубокъ, но какъ всегда бываетъ у нечистой силы — неподпоясанный и запахнутый лѣвой полою на правую (I, 187); глаза у него безъ бровей и рѣсницъ — повѣрье, которое остается для насъ неразгаданнымъ <sup>1)</sup>. Представляютъ его и одноглазымъ <sup>2)</sup>, что указываетъ на сродство его съ великанами-циклопами. Если лѣшій показывается голой, безъ одежды, то легко замѣтить, какъ сходенъ онъ съ общепринятымъ изображеніемъ чорта: на головѣ у него рога, ноги козлиныя, голова и вся нижняя половина тѣла мохнатая, въ космахъ, борода козлиная — клыкомъ, на рукахъ длинныя когти. Близъ Рязани вѣрятъ, что въ лѣсахъ обитаютъ царьки съ золотыми рожками <sup>3)</sup>. Нѣмецкій *schrat* изображается дикимъ, суровымъ и косматымъ, съ всклокоченными волосами (*schrotteinzopf*); др.-вер.-нѣм. *serat* или *scrato* въ старинныхъ памятникахъ объясняется *pilosus*, а *scraz*, *screza* — *larvae*, *lares mali*; др.-чешское *seret* — *daemon*, *sereti* (*seretti*) — *penates imitimi et secretales*, чешск. *skřet*, *škřjtek* — *penas*, *idolum*,

<sup>1)</sup> Смысь Отеч. 1839, IV, 78—79; О. З. 1848, IV, 139; Совр. 1856, XI, смись, 28. — <sup>2)</sup> Костом. С. М., 58; Сахаров., I, 19, заговоры. — <sup>3)</sup> Абев., 234; Рязан. Г. В. 1846, 16; Моск. Наблюдат. 1837, май, II, 247; Досуги или собр. сочин. и переводовъ Махайла Попова, I, 196; Н. Р. Ск., VIII, 665 (изображеніе лѣшихъ, заимствованное изъ лубочной скалки).

польск. *skrzot* и *skrzitek* — духъ, представляемый со спутанными, взерошенными волосами, словен. *shkrat*, *shkrátitj*, *shkrátelj* — горный карликъ. Названія эти имѣютъ одинъ общій корень съ глаголомъ скрыть. Слово крыть (покрывать) тождественно по значенію съ глаголами облачать (откуда облако — небесный покровъ) и обвертывать (оборотить), и сейчасъ-приведенныя названія указываютъ на духовъ, облакающихся въ облачныя одежды. Такъ какъ облака уподоблялись звѣринымъ шкурамъ (овечьимъ, козьимъ и т. дал.) и различнымъ мохнатымъ животнымъ, то лѣсные духи рисуются воображенію славянъ существами косматыми, съ козлиными ногами, бородой и рогами, напоминая собою сатировъ и фавновъ античнаго міра и козловъ Вакха и Тера, или одѣтыми въ бараньи тулупы. Тулупы эти, какъ у вѣдьмъ ихъ сорочки, не подпоясаны и свободно развиваются по вѣтру, какъ облачная мантия дикаго охотника (Одина). Здѣсь глится объясненіе и близкой связи лѣсныхъ съ горными карликами (гора=туча) и оборотнями: въ старинныхъ глоссахъ, приводимыхъ Ганкою, слово *vileodlas* (оборотень) истолковано: *faunus* <sup>1)</sup>. Въ качествѣ грозоваго демона, лѣшій сближается также съ змѣемъ, злобнымъ похитителемъ дождей; въ Бѣлоруссіи между разнородными цмоками (змѣями) знаютъ и лѣснаго цмока, который моритъ у хозяевъ скотъ, высасываетъ ночью у коровъ молоко и дѣлаетъ нивы неплодородными <sup>2)</sup>. Слѣдовательно лѣшему приписывается тоже высасываніе молока у коровъ, какъ и вѣдьмамъ и огненному змѣю: повѣрье, возникшее вслѣдствіе забвенія мифа о высасываніи молока-дождя изъ коровъ-тучъ молніевосными демонами. Въ олонеккой губ. убѣждены, что каждый пастухъ долженъ подарить лѣшему на лѣто корову; не то онъ озлобится и пере-

<sup>1)</sup> D. Myth, 447—9 — <sup>2)</sup> Приб къ Ж. М. Н. П. 1846. 22—23.

портить все стадо <sup>1)</sup>. Въ архангельской губ. думаютъ, что лѣшій, если пастухи успѣютъ задобрить его, посетитъ деревенское стадо <sup>2)</sup>; а въ Малороссіи лѣсовикъ считается пастыремъ волковъ (=тучъ, см. I, 711). — Во многихъ мѣстностяхъ рассказываютъ, что у лѣшнихъ на головѣ и бородѣ волосы зеленые <sup>3)</sup>; такіе-же зеленые волосы даются водяному и русалкамъ. Это повѣрье съ одной стороны свидѣлствуетъ за очевидное отождествленіе лѣшнихъ съ царствомъ растительныхъ, а съ другой стороны указываетъ на то близкое отношеніе, въ какомъ состоятъ съ ними водяные духи, хранители дождевыхъ источниковъ.

Въ весенней грозѣ древнія племена видѣли упорный и смертоносный бой великановъ тучъ; этотъ воинственный типъ усвоенъ и лѣшнимъ. Лѣсовики, рассказываютъ крестьяне, ведутъ между собою частыя войны; но какъ существа титанической породы, они не знаютъ ни пушекъ, ни ружей, ни пороха, а ломаютъ своихъ противниковъ столѣтними деревьями, которыя тутъ-же вырываютъ съ корнемъ, и стопудовыми камнями, отбитыми отъ скалъ; брошенные рукою лѣшаго, камни эти и деревья летятъ въ десять разъ скорѣе пули и на громадныя разстоянія—верстъ на пятьдесятъ и болѣе. Поломанные бурей лѣса и горные обвалы суть слѣды ихъ ожесточенной битвы. Въ такой грандіозной картинѣ изображаетъ народъ удары грозы и полетъ бурныхъ облаковъ, перенося древнія представленія о небесныхъ деревьяхъ и горахъ-тучахъ на обыкновенные лѣса и скалы. Низводя мифическія сказанія на землю, налагаа на нихъ бытовыя черты, народъ рассказываетъ, что въ каждой

---

<sup>1)</sup> Дашикова: Описаніе олон. губ., 218.— <sup>2)</sup> Памяти. книжка арханг. губ. на 1864, 50.— <sup>3)</sup> Описаніе олонец. губ., 217—8; Терещ., VI, 128. Калевала представляетъ лѣсваго царя съ зеленой бородою, а святу его мохнатою—Бябл. для Чт. 1842, XI, сѣнь, 51.

странъ лѣшіе подчинены своимъ воеводамъ и царямъ, и что у нихъ также бываетъ солдатчина (наборъ), какъ и между людьми. Надъ русскими лѣсовиками царствуетъ Мусалъ (Маусалъ)-лѣсъ. Какъ скоро у народовъ различныхъ государствъ начнется война, то и лѣшіе этихъ странъ вступаютъ между собой въ кровавыя битвы: цѣлыя рати ихъ сходятся, ведя за собою лѣсныхъ звѣрей, и бьются нещадно до тѣхъ поръ, пока не прекратится человѣческая война <sup>1)</sup>. Тоже участіе въ народныхъ распріяхъ приписывается и сербскимъ виланъ, родственнымъ съ нашими русалками (см. гл. XXIII).

Лѣшіе — властители дремучихъ лѣсовъ, и въ нѣкоторыхъ областяхъ ихъ называютъ лѣсовымъ и царьками, господами надъ лѣсомъ. Въ большихъ лѣсахъ господствуютъ по два и по три лѣшнихъ. Въ архангельской губ. есть разсказъ о томъ, какъ два лѣшіе поссорились съ третьимъ при дѣлѣжѣ лѣсныхъ дачъ, связали его и бросили; случайно набрѣлъ на него промышленникъ и освободилъ; въ благодарность за то лѣшій донёсъ его вихремъ съ Новой Земли на родину, и послѣ пошелъ за него въ рекруты и отбылъ трудную службу. Когда лѣшій идетъ дозоромъ по своимъ владѣніямъ, то при его приближеніи шумитъ лѣсъ и кругомъ трещать деревья. По ночамъ онъ приходитъ спать въ какой-нибудь станокъ (сторожку), и проснувшись по утру назначаетъ мѣсто будущаго своего ночлега. Если избранную имъ лѣсную избушку займетъ запоздавшій путникъ или охотникъ, лѣшій старается его выпроводить: то вихремъ пронесется надъ избушкой и пошатнетъ ея кровлю, то распахнетъ дверь, то тряхнетъ ближайшими деревьями и подыметъ страшный шумъ; словомъ — ему приписываются всѣ явленія, вызываемыя въ лѣсу порывами вѣтровъ.

<sup>1)</sup> Совр. 1856, XI, смась, 38—39; Дневъ 1862, 52.

Если незванный гость и тогда не послушается, то ему грозитъ бѣда: онъ или заблудится въ лѣсу, или завязнетъ въ болотѣ, заведенный туда разгнѣванными лѣшными. Вѣстѣ съ лѣсными угодами, подѣ властію и покровительствомъ лѣшаго состоитъ и всякой звѣрь, обитающій въ лѣсахъ, и всякая птица, которая тамъ водится <sup>1)</sup>. Наиболѣе любимое имъ животное — медвѣдь, о которомъ преданія говорятъ, какъ объ одномъ изъ главнѣйшихъ воплощеній бога-громовника. Лѣшій — большой охотникъ до вина (метафора дождя), а все-таки ни единого ведра не выпьетъ безъ того, чтобы не понодчивать заурядъ и медвѣдя. Кромѣ этого звѣря, онъ никого не беретъ въ услуженіе къ себѣ, и когда опьяненный ляжетъ соснуть — то медвѣдь ходитъ около него дозоромъ и сторожитъ его отъ нападенія водяныхъ <sup>2)</sup>. Бѣлки, песцы и полевые мыши, какъ извѣстно, переселяются съ одного мѣста на другое большими стадами, и періодически (года черезъ два или три) появляются во множествѣ то здѣсь, то тамъ: это называется течкою. Крестьяне объясняютъ ее тѣмъ, что лѣшіе перегоняютъ звѣринныя стада изъ одного бора въ другой. Въ 1843 г. въ лѣсахъ варнавинскаго и ветлужскаго уѣздовъ вдругъ показалось огромное количество ходовыхъ бѣлокъ; тамошніе мужики говорили, что бѣлокъ гонитъ лѣшій изъ вятской губ. въ вологодскую; а другіе прибавляли, что одинъ лѣшій проигралъ своихъ бѣлокъ въ карты другому лѣшему, и потому перегоняетъ ихъ изъ своего владѣнія въ чужое. Тѣже объясненія даются и въ другихъ мѣстностяхъ <sup>3)</sup>; сравни на стр. 244 съ подобными-же разсказами о водяныхъ. Успѣхъ въ ремеслѣ охотника зависитъ отъ благосклонности къ нему мѣснаго лѣшаго. Кто вздумаетъ «лѣсовать» (охотиться на лѣснаго звѣря),

<sup>1)</sup> Иллюстр. 1846, 150; О. З. 1848, IV, смѣсь, 138, 143. — <sup>2)</sup> Соср. 1856, XI, смѣсь, 27—28. — <sup>3)</sup> Рус. Вѣст. 1856, XIX, 415—6; Костромская губ. Кржиивоблоцкаго, 519. Записки Авдѣев., 148.

тотъ прежде всего долженъ принести что-нибудь на поклонъ лѣсному, чтобы ловъ былъ удаченъ и чтобы таинственный хоминъ лѣса не замоталъ въ дебряхъ звѣролова. На поклонъ приносятъ въ лѣсъ краюшку хлѣба (или блинъ), съ солью посверху, и кладутъ это приношеніе на какой-нибудь пенъ <sup>1)</sup>. Перяки молятъ лѣснаго ежегодно, принося ему пачку листового табаку, до котораго, по ихъ мнѣнію, онъ сильно охочъ <sup>2)</sup>. На Бескидахъ и въ лѣсистыхъ мѣстахъ Поволжья есть у охотниковъ обычай: первый уловъ оставлять въ дубровѣ, какъ жертву лѣсному духу <sup>3)</sup>. Въ заговорахъ, произносимыхъ на успѣхъ въ звѣриной ловлѣ, встрѣчаемъ обращеніе къ лѣснымъ: «водите вы, сатанамы, дьяволы, лѣшіе, въ такой-то островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ (зайцевъ) на мои клѣти поставныя — сумеречныя, вечернія, ночныя, утреннія и полуденныя; пригоните, остановите и въ моихъ клѣткахъ прикиньте» <sup>4)</sup>. Вызванный на помощь всемогущимъ словомъ заклинаній, лѣшій пригоняетъ въ западни, капканы и сѣти звѣролова волковъ, куницъ, лисицъ, бѣлокъ, зайцевъ, и наводитъ на его ружье и звѣря, и птицу лѣсную <sup>5)</sup>. Если припомнимъ, что гроза изображалась небесной охотою, то будетъ понятно, почему лѣшіе, по народнымъ повѣрьямъ, гонятъ лѣснаго звѣря, и почему къ нимъ именно обращается охотникъ съ своими просьбами.

Лѣшій любитъ блуждать по лѣсу, вѣшаться и качаться на древесныхъ вѣтвяхъ, какъ въ люлькѣ или на качеляхъ, почему въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ему даютъ названіе зыбочини <sup>6)</sup>; появляясь то здѣсь, то тамъ, онъ свищетъ, хохочетъ, хлопаетъ въ ладоши, громко кричитъ на разные голоса: ржетъ какъ лошадь, мычитъ какъ

<sup>1)</sup> Собр. 1856, XI, 39. — <sup>2)</sup> Ж. М. В. Д. 1858, IV, 74—75. — <sup>3)</sup> Срезнев., 29. — <sup>4)</sup> Сахаров., I, 20. — <sup>5)</sup> О. З. 1848, IV, 137, 144. —

<sup>6)</sup> Доп. обл. слов., 69; зыбка—люлька, колыбель.



корова, лаетъ и мяукаетъ. Хохотъ его слышенъ, по народнымъ рассказамъ, верстъ на сорокъ въ окружности. Этотъ титаническій смѣхъ, свистъ, хлопанье и крики—старинныя метафоры для обозначенія грома и воюющихъ вѣтровъ. Уподобленіе грома — смѣху встрѣчается въ поэтическихъ сказаніяхъ индѣйцевъ <sup>1)</sup>; у славянъ, германцевъ и другихъ родственныхъ народовъ оно породило мнѣя о страшномъ хохотѣ сатаны, раздающемся въ адскихъ вертепахъ, и сказки о богинѣ-громовницѣ, веселый смѣхъ которой замолкаетъ на все время зимы (см. I, 602, 778). Греки перенесли эту метафору на трескъ пылающихъ на очагѣ полѣньевъ; Аристотель выражается о трескѣ огня, какъ о смѣхѣ Гефеста и Гестіи <sup>2)</sup>. Конь, корова, собака и кошка — зооморфическія олицетворенія грозovýchъ тучъ, и потому лѣшій кричитъ ихъ дикими голосами, стараясь напугать боязливаго путника. Низведа лѣшаго съ облачныхъ высотъ въ обыкновенныя лѣса, народная

---

<sup>1)</sup> Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, von H. Genthe, 11.— <sup>2)</sup> Der Ursprung der Myth., 110. Какъ смѣхъ служилъ метафорою для утврѣжденія разсвѣта и громовыхъ раскатовъ, такъ, по всему вѣроятію, тѣже значенія соединялись и съ чохомъ: чихати, чешск. kychati, keychati, др.-рус. чыхати—вообще издавать звуки, кричать. По указанію Грима, арабы о дневномъ разсвѣтѣ выражаются: утро чихаетъ (der morgen niest)—D. Myth., 708; огонь, который горитъ съ трескомъ, называется у нѣмцевъ der niesende licht—ibid., 1090. „Друзія же, говоритъ лѣтописецъ, а заковы хлвню вѣрують, еже бываеъ на здравье главъ“ (П. С. Р. Л., I, 73) По народнымъ примѣтаніямъ: если чхаетъ больной, то навѣрно выздоровѣетъ (Нар. Сл. раз., 142); кто чхаетъ рано на тощакъ, тотъ въ теченіи дня получить подарокъ, или неожиданное счастье, а по другому объясненію—это предвѣщаетъ хорошую погоду. Донимъ въ обычаѣ всякому чихнувшему желать здоровья и исполненія желаній (Ворон. Г. В. 1851, 10; Терещ., I, 400; Абев., 316; Иллюстр. 1846, 333; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 322; Громовицъ, 223; Volkslieder der Wenden, II, 261; D. Myth., 1070—1; Beiträge zur D. Myth., I, 239; Одиссея, XVII, 541—6).

манія удержала всё характеристическіе его признаки, со-  
мнѣны нѣкогда подѣ влияніемъ метафорическаго языка; хо-  
лодъ и крики лѣснаго продолжаютъ слышаться суевѣрнымъ  
жителямъ въ трескѣ падающихъ деревьевъ, въ шумѣ листь-  
ей и завываніи вѣтровъ, потрясающихъ дубравами. Эхо, раз-  
дающееся изъ глубины лѣсной чащи, поселяне считаютъ от-  
кликомъ лѣснаго, и думаютъ, что онъ нарочно отзывается на  
голосъ человека, чтобы заманить его въ непроходимыя тру-  
щобы или болота и тамъ зашекотать на смерть; особен-  
но часто подвергаются этой опасности охотники и дровосѣ-  
ки <sup>1)</sup>. Русалки, въ образѣ которыхъ фантазія сочетала во еди-  
но представленіи о водяныхъ и лѣсныхъ дѣвахъ, также лю-  
бить качаться на древесныхъ вѣтвяхъ, также заливаются  
шумъ хохотомъ и щекочуть на смерть завлеченныхъ къ себѣ  
неосторожныхъ путниковъ. Щекотать первоначально озна-  
чаетъ издавать сильные, рѣзкіе звуки, подобные соловьиному  
свисту (I, 302): «о Бояне, соловію стараго времени! вос-  
мощаетъ пѣвецъ Слова о полку, абы ты сіа плѣкы ущеко-  
талъ <sup>2)</sup>». Соловиный же щекоть, какъ объяснено въ VI-й  
главѣ, служилъ метафорою громко-раздающихся напѣвовъ гро-  
мкой бури. Отъ понятія издавать рѣзкіе звуки слово «щеко-  
тать» перешло къ обозначенію того дѣйствія, которымъ они  
вызываются, и именно къ обозначенію щекотанья, которымъ  
возбуждается громкій, произвольный свѣтъ. Подобно тому,  
глаголь лоскотать — щекотать кого-нибудь (лоскать,  
лосконуть — наносить удары <sup>3)</sup> въ польскомъ языкѣ (*łos-  
kotać*) сохраняетъ значеніе: хлопать, трещать, гремѣть. Въ  
стремительномъ полетѣ завывающей бури грозовые, зѣфо-  
подобные духи (лѣсніе русалки) нападаютъ на демоновъ мрач-

<sup>1)</sup> Абев., 194, 233—4; Рус. Преданія Макарова, I, 12; Рус. Днев-  
никъ 1859, 37; Совр. 1856, XI, 33. — <sup>2)</sup> Рус. Дост., III, 22. — <sup>3)</sup>  
Обл. Сл., 105; Старосл. Банд., 386.

ныхъ тучъ, вертатъ и щекочутъ ихъ и заставляють хохотать громовымъ хохотомъ — до тѣхъ поръ, пока не погибнуть они въ страшныхъ судорожныхъ движеніяхъ, т. е. нона тучи не будутъ разсѣяны грозой. Въ этой картинѣ, набросанной смѣлою повѣстическою кистью, кроется основа народнаго повѣрья о щекотаньи лѣшными и русалками захваченныхъ ими людей; образованіе этого повѣрья совершилось подъ вліяніемъ тѣхъ мнѣстическихъ представленій, по которымъ эльфы и родственныя съ ними стихійныя существа признаны были за похитителей человѣческихъ душъ (см. гл. XXIV).

Тѣ случаи, когда путникъ сбивается съ дороги (что, конечно, нерѣдко бывало въ дремучихъ лѣственныхъ лѣсахъ стараго времени), и всѣ непріятности, какія испытываются при этомъ, суевѣріе народа приписываетъ злымъ проказамъ лѣшаго: онъ нарочно путаетъ, или по народному выраженію: обходитъ странствующихъ по лѣсу, т. е. какъ-бы замыкаетъ ихъ невидимою круговою чертою, изъ-за которой уже не выбраться человѣку безъ посторонней помощи. Между крестьянами ходитъ множество разсказовъ о томъ, какъ лѣшій сбиваетъ съ пути. Желая, чтобы кто-нибудь заплутался и проשлялся въ лѣсу до глубокой ночи, онъ съ умысломъ переставляетъ съ одного мѣста на другое дорожные знаки, или самъ превращается точно въ такое дерево, какое служитъ въ лѣсу примѣтою: въ ель, сосну, въ мохъ, растущій на древесномъ стволѣ, и становится въ сторонѣ отъ настоящей дороги; чрезъ это онъ спутываетъ соображенія околныхъ жителей, заводитъ ихъ въ тущобы, и натѣшившись въволю, заливается громнымъ хохотомъ <sup>1)</sup>. Иногда онъ показывается путнику въ видѣ сѣдаго старика, въ звѣриной шкурѣ и съ

<sup>1)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 1, III, 93; О. З. 1848, IV, смѣсь, 139—140.

большой клюкою въ рукѣ, или принимая на себя обликъ кого-нибудь изъ его знакомцевъ; начинается со встрѣчнымъ разговоръ и незамѣтно отводитъ его отъ дороги. Такъ, напримѣръ, идетъ мужикъ одинѣхонецъ; нагоняетъ его прохожій, и слово за слово — проситъ подвезти въ деревню; мужикъ соглашается, ѣдутъ они, мирно бесѣдуя... Вдругъ глядь — прохожаго какъ не бывало, съ глазъ пропалъ! а мужикъ съ возомъ въ болотѣ или оврагѣ; осматривается — и видитъ: на крутомъ, непреступномъ обрывѣ, куда ни за что не взобраться человѣку, стоитъ лѣшій, свистеть и хлопать въ ладоши <sup>1)</sup>. Будьте въ лѣсу на-сторожѣ: покажется ли что плачетъ ребенокъ, или послышатся стоны умирающаго — не спѣшите на помощь; почудится ли вамъ шумная рѣка тамъ, гдѣ прежде ея не встрѣчали — идите прямо, не сворачивая въ сторону; не то какъ разъ угодите въ трясину. Все это морочитъ лѣшій! <sup>2)</sup> Замѣтимъ, что плачь ребенка и стоны умирающихъ слышались древнему человѣку въ завывавихъ грозовой бури, а кумно-люющіеся рѣки видѣлъ онъ въ дождевыхъ потокахъ. Какъ духъ, появленіе котораго всегда сопровождается вихрями, лѣшій замечаетъ всякой слѣдъ — заноситъ дорогу, застилаетъ ее пылью, пескомъ, ворохами листьевъ и снѣгомъ. Отъ того, по народному убѣжденію, кто попадетъ на слѣдъ лѣшняго (на путь, которымъ недавно пронесся онъ), тотъ непремѣнно заблудится въ лѣсу и не вернется домой до слѣдующаго утра, или до тѣхъ поръ, пока не выведетъ его на дорогу самъ-же лѣсовикъ <sup>3)</sup>. Въ связи съ этимъ стоитъ поверье, недозволяющее местн. избы въ день отъѣзда кого-либо изъ родичей, чтобы не запорошить ему дороги (I, 37—38). Кто заплутается въ лѣсу, кого обойдетъ лѣшій, тому

<sup>1)</sup> Записки Авдѣев., 145—6; Киевск. Г. В. 1845, 16. — <sup>2)</sup> Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXII, 130—1. — <sup>3)</sup> Вѣст. Евр. 1818, XXII, 118; Сѣв. Архивъ 1822, XXIV, 472—3.

единственное средство найти дорогу: снять съ ногъ лапти или сапоги и переверотить въ нихъ стельки, т.е. вынувъ изъ лаптей солому, положить ее такъ, чтобы постылка, лежавшая у пальцевъ, очутилась въ пяткахъ и наоборотъ <sup>1)</sup>. Обувь — символъ поступи, движенія; переверачивая ее задомъ напередъ, заблудившійся странникъ вѣрить, что ноги его будутъ двигаться не къ тѣмъ мѣстамъ, куда направляетъ лѣшій, а въ противоположную сторону, и такимъ образомъ вывести его на прямую дорогу. Стихійное значеніе лѣшаго ярко сказывается въ его шаловливомъ характерѣ: онъ дуется въ путника вихремъ, запорашиваетъ ему очи, срываетъ съ него шапку, можетъ приморозить его сани къ землѣ, такъ что лошадь не въ силахъ съ мѣста тронуться, и т. дал. <sup>2)</sup> «Не ходи въ лѣсъ, тамъ лѣшій шутитъ!» совѣтуетъ народная поговорка. Шутки лѣшаго опасны; по той близости, въ какую языкъ, а за нимъ и повѣрья поставили болѣзни въ отношеніи къ стихійнымъ духамъ — эльфамъ (см. гл. XXII), онъ, шутя надъ человѣкомъ, насыляетъ на него тяжкіе недуги. Если случится кому заболѣть, воротясь изъ лѣсу, то поселяне говорятъ по атому поводу: «стало з' лѣсу» (черниг. губ.) или «слѣдъ лѣшаго перешелъ»; о каженникахъ (разслабленныхъ, полоумныхъ) думаютъ, что они ободены лѣшиимъ <sup>3)</sup>. Чтобы умилостивить лѣшаго, несутъ ему въ даръ ломоть хлѣба и щепоть соли, завернутые въ чистой тряпицѣ. Приходя въ лѣсъ, больной молится надъ хлѣбомъ-солью, оставляетъ тамъ свое приношеніе и возвращается домой съ полнымъ убѣжденіемъ, что болѣзнь

<sup>1)</sup> Собр. 1856, XI, 33; Записки Авдѣев., 145: нехудо выворотить и верхнюю одежду и надѣть ее на изнанку. — <sup>2)</sup> Ж. М. В. Д. 1858, IV, 74—75. — <sup>3)</sup> Чтобы образумить каженника, надѣваютъ ему на выворотъ сорочку, сажаютъ до зорницъ подлѣ веревъ, поятъ росой и окачиваютъ водой изъ нагорнаго студенца.

осталась въ лѣсу <sup>1)</sup>). Есть и другія указанія на жертвенные дары, которыми нѣкогда чествовали лѣшаго: разъ онъ помогъ крестьянину — нарубилъ для него дровъ, а тотъ отблагодарилъ его паляницею; у мужиковъ, работающихъ въ лѣсу, просить онъ пироговъ, и когда дадутъ ему — кричить: «шелъ, шелъ, да вашелъ!» <sup>2)</sup>

Образъ жизни лѣшнихъ описываютъ различно: нные изъ нихъ любятъ жить въ лѣсныхъ тущобахъ одиноко, уединенно, какъ дикари, не терпя близъ себя никого изъ своихъ собратьевъ; другіе же поселяются большими деревнями, строятъ въ лѣсахъ просторные дома, со всѣми необходимыми службами, гдѣ хозяйничаютъ ихъ жены и растутъ ихъ дѣти <sup>3)</sup>. Лисунки (лѣшачихи) — лѣсныя дѣвы и жены — тоже, что лѣшіе, только въ женскомъ олицетвореніи; народное воображеніе надѣляетъ ихъ такими огромными и длинными грудями, что онѣ вынуждены закладывать ихъ за плечи, и только тогда могутъ свободно ходить и бѣгать. Это преданіе указываетъ въ рисункахъ облачныхъ нимфъ, которыя постоянно изображаются полногрудыми, такъ какъ самыя облака уподоблялись женскимъ грудямъ, проливающимъ изъ своихъ сосцовъ обильное молоко-дождь <sup>4)</sup>. Въ Польшѣ и Галиціи лисунки называются *dziw ożonu*, въ Богеміи *dive žonu*; онѣ отличаются дикимъ и злобнымъ нравомъ, тѣло ихъ покрыто волосами, длинныя распущенныя косы развиваются по воздуху; груди такъ велики, что, стирая бѣлье (т. е. занимаясь полосканьемъ облачныхъ одеждъ и покрововъ въ ледяныхъ источникахъ), онѣ употребляютъ ихъ вмѣсто вѣшалковъ <sup>5)</sup>; на головѣ носятъ красныя шапочки <sup>6)</sup>. Въ

<sup>1)</sup> Вѣст. Евр. 1818, XXII, 117—8; Семенск., 123; Сахаров., II, 4.— <sup>2)</sup> Абев., 234; Киев. Г. В. 1845, 16.— <sup>3)</sup> Иллюстр. 1845, 298; Сынъ Отеч. 1839, IV, 80; Совр. 1956, XI, 27.— <sup>4)</sup> Обл. Сл., 107; Рус. Дневн. 1859, 37.— <sup>5)</sup> «Piersi ich są tak wielkie że je zamiast pralników używają, pierząc swoją bieliznę.» — <sup>6)</sup> Семенск., 120—1; Памяти книжна арханг. губ. на 1864, 59, 69.

лѣсахъ Исполниновыхъ горъ по утрамъ и вечерамъ бродить черная великанка, которую называютъ *lesnirani* <sup>1)</sup>. Скандинавская мифологія знаетъ лѣсныхъ женъ и дѣвъ подъ именемъ *íviðhjúr* и *iarnviðhjúr* (отъ *íviðhr* — лѣсъ, рощи, *iarnviðhr* — *eisenwald*); въ Германіи, рядомъ съ *hoizmäpner*, извѣстны: *holz-* (или *wald-*) *frauen*, *wilde weiber* (= дивожены), *moosweibchen*, *lohjungfern* и *holzfräulein*. О дикихъ женахъ рассказываютъ, что онѣ живутъ въ лѣсу — въ пещерахъ и ущеліяхъ скалъ, носятъ мохнатую или зеленую одежду, имѣютъ длинные, распущенные волосы, и не всегда бываютъ непріязнены къ людямъ, иногда совѣтуютъ и помогаютъ имъ. *Holzweibchen* нерѣдко является къ дровосѣкамъ, проситъ починить изломанное колесо своей тележки, и подобно Бертѣ награждаетъ за трудъ оставшимися щепками, которыя потомъ превращаются въ чистое золото, или даритъ клубокъ нитокъ, который — сколько-бъ ни распускали его — никогда не умалается. Случайно набрела одна крестьянка на плачущаго ребенка, рожденнаго отъ лѣсной жены, и изъ жалости накормила его своей грудью; а благодарная мать подарила ей за это древесную кору, которая впоследствии превратилась въ золото <sup>2)</sup>. Подобный рассказъ существуетъ и въ Малороссіи: посчастливилось бабѣ найти въ лѣсу малютку-лѣшаго; ребенокъ лежалъ голой и горько плакалъ, баба прирыла его своей свиткою — и вотъ явилась лисушка и наградила ее горстью горячихъ угольевъ; когда баба воротилась домой, вмѣсто угольевъ оказались свѣтлые червонцы <sup>3)</sup>. Эти золотые дары указываютъ на обладаніе лѣсными духами тѣми дорогими кладями, которые скрываются въ лѣсахъ-тучахъ; а клубокъ нитокъ — на связь лисунокъ съ вѣщими

<sup>1)</sup> Громанъ, 14. — <sup>2)</sup> D. Myth., 451 — 2; Beiträge zur D. Myth., 226, 277. — <sup>3)</sup> Черниг. Г. В. 1860, 28; сравни съ хорутанскимъ рассказомъ о вѣлѣ въ сборникѣ Валаде, 64.

приами (норнами). По нѣмецкимъ сказаніямъ, лѣсныя дѣвы обнаруживаютъ невольный страхъ и предаются быстрому бѣгу, какъ скоро завидятъ поѣздъ дикаго охотника. Въ шумѣ бури гонятся Воданъ за мненческой женою съ большими, снѣжно-бѣлыми грудями, схватываетъ ее, и набрасывая на бѣрзаго коня, умскаетъ къ себѣ. Въ средней Германіи разсказываютъ, что лѣсной охотникъ, сопровождаемый свитою и собаками <sup>1)</sup>, преслѣдуетъ цѣлую толпу бѣлогрудыхъ лѣсныхъ дѣвъ, убѣгающихъ отъ него по воздушнымъ пространствамъ. Это прекрасное поэтическое изображеніе грозовой бури, гонящей передъ собою толпы дожденосныхъ облаковъ, позднѣе должно было слиться съ представленіемъ бури въ лѣсу, которая ломитъ деревья, обрываетъ зеленые листья и далеко гонитъ ихъ въ своемъ быстромъ полетѣ; ибо какъ скоро за облачными нимами утвердилось прозваніе лѣсныхъ дѣвъ — онѣ признаны были за олицетвореніе зеленыхъ дубравъ. Лѣшіе любятъ оборачиваться въ растенія и до сихъ поръ нерѣдко представляются духами, обитающими въ стволахъ того или другаго дерева. Чтобы вызвать лѣшаго нужно нарубить молодыхъ березокъ и сложить ихъ кругомъ, верхушками въ средину; затѣмъ снять съ себя крестъ, и ставши въ кругу, крикнуть громко: «дѣдушка!» — и лѣшіи тотчасъ явится. Или, въ ночь передъ Ивановымъ днемъ, должно отправиться въ лѣсъ и срубить осину — такъ, чтобы она упала верхушкою на восточную сторону; въ срубленномъ пнѣ желающій увидать лѣшаго становится лицомъ на востокъ, нагибается внизъ, и глядя промежъ ногъ, говоритъ: «дядя лѣшіи! покажись ми сѣрымъ волкомъ, ми чернымъ ворономъ, ми елью жаровомъ; покажись такимъ, каковъ я!» Тутъ зашелестятъ листья осины какъ-бы отъ легкаго дуновенія вѣтра, и лѣшіи я-

<sup>1)</sup> На Руси разсказываютъ, что лѣшіе и лисуны боятся собачьего лая—О. З. 1846, IV, 143; V, 23.



ляется на призывъ въ образѣ мужика. Увѣряютъ, что надо срубить въ лѣсу сосну, и срубить такъ, чтобы она при своемъ паденіи сломила двѣ осины; на эти сломленные осины слѣдуетъ стать лицомъ къ сѣверу и гонорить: «лѣсовикъ-великанъ! првшелъ къ тебѣ рабъ (имярекъ) съ поклономъ, заведи съ нимъ дружбу.» Когда лѣшій явится, съ нимъ можно войти въ договоръ; по этому договору мужикъ отдастъ ему въ кабалу свою душу, а лѣшій обязуется помогать мужику въ охотѣ, пригонять къ нему звѣрей, охранять его стадо и отыскивать пропавшую скотину. На знакомство съ лѣшимъ отваживаются одни колдуны <sup>1)</sup>. Въ основѣ этихъ повѣрій лежитъ мысль, что лѣшій, какъ духъ грозы и вихрей, появляется только въ то время, когда Перуновъ топоръ начинаетъ рубить деревья-тучи, и потому вызывать его могутъ только колдуны, люди сверхъестественныхъ, чародѣйныхъ силъ. Бытіе лѣсныхъ дѣвъ преданія связываютъ тѣсными, неразрывными узами съ жизнію разлчныхъ деревьевъ; когда срубается дерево, вмѣстѣ съ нимъ должна умереть и та лѣсная нимфа, существованіе которой срослось съ этимъ деревомъ. Таковы греческія меліады и дріады (*δρυάδες*) — нимфы ясени и дуба; если увядаетъ и сохнетъ дубъ, то вмѣстѣ съ этимъ ослабѣваютъ силы дріады и она умираетъ; каждый порубъ, наносимый дереву, она чувствуетъ, какъ собственную свою рану. Подобныя вѣрованія были распространены и между кельтамъ; Я. Гриммъ указываетъ на слѣды ихъ, уцѣлѣвшіе у германскихъ племенъ; а между славянами сохранилось множество поэтическихъ сказаній о деревьяхъ, которыя (когда ихъ рубятъ) издають жалобные стоны и проливають кровь (см. гл. XIX). Солдаты короля альфонъ — днмъ

---

<sup>1)</sup> Дашкова: Описаніе олон. губ., 217; О. З. 1848, IV, смѣсь, 137 — 8, 144; Сынъ Отеч. 1839, IV, 78 — 79; Совр. 1856, XI, 39—40.

дерева, а ночью храбрые воины; народные саги даютъ эльфинъ зеленые одежды и поселяютъ ихъ подъ древесной корою; крестьянинъ, обрученный съ эльбиною (elfmaid), обнажалъ вместо невѣсты дубовый стволъ. Въ Саксоніи чтялось въ старину дерево ellhorn (sambucus nigra); тотъ, кто хотѣлъ воспользоваться его вѣтвями, долженъ былъ обратиться къ нему съ слѣдующею мольбою: «frau Ellhorn! gib mir was von deinem holz, dann will ich dir von meinem auch was geben, wann es wächst im walde!» Слова эти произносились съ колѣнопреклоненіемъ, съ обнаженною головою и сложенными руками. Въ Зюдерманнландѣ издумалъ одинъ слуга срубить прекрасное, тѣнистое можжевельное дерево; но едва приступилъ къ дѣлу, какъ изъ дерева раздался голосъ: «hau den nachol-der nicht!» Сохранилась еще сказка о фѣѣ, пребывающей въ сосновомъ деревѣ, которой прислуживаютъ карлики <sup>1)</sup>. Сербская пѣсня рассказываетъ, какъ добрый молодецъ молилъ Бога:

«Дай ми, Боже, златне роге  
И сребрне парочиће,  
Да прободем бору кору.  
Да ја виђу, шта ј' у бору.»

Далъ ему Богъ золотой и серебряный рогъ, прободалъ имъ многа сосновую кору, а въ соснѣ молодой дѣва, свѣтлая что солнце (ал' у бору млада мома, пак заснја кано сунце <sup>2)</sup>). Золотой рогъ—молнія, которая сверлитъ облачное дерево. У чеховъ много преданій о существахъ, подобныхъ греческимъ ариадамъ. Такъ объ одной липѣ рассказываютъ, что въ ней жила бѣлая жена, и когда выходила оттуда — то всѣхъ изумляла своимъ блескомъ; она бывала и доброю, и злою, и наполняла собою то полудницу, то дивожону. При этомъ деревѣ совершались народные празднества и весеннія игры. Жизнь

<sup>1)</sup> Die Götterwelt, 111—2, 117; D. Myth., 476, 618—9; German. Mythen, 474—7. — <sup>2)</sup> Срп. н. пјесме, I, 364.

другой женщины была таинственно связана съ вербою; днемъ она оставалась въ своей семьѣ, а на ночь душа ея покидала тѣло и удалялась въ вербу. Когда мужъ узналъ про это, онъ срубилъ вербу — и въ тоже мгновеніе скончалась и его жена. Только материнская любовь продолжала жить въ срубленномъ деревѣ; сдѣланная изъ него колыбель убаюкивала осиротѣвшаго ребенка, а когда онъ подросъ и смастерилъ себѣ свирѣль изъ молодого отпрыска на старомъ пнѣ вербы, то свирѣль эта своими мелодическими звуками разговаривала съ нимъ, какъ нѣжная мать <sup>1)</sup>. Въ дикой охотѣ или прѣтѣ — въ весенней грозѣ бурный, громоносный духъ гонится за облачными дѣвами, настигаетъ ихъ и насилуетъ (=сверлитъ молніей). Сюда принадлежатъ и античныя сказанія о сладострастныхъ сатирахъ, преслѣдующихъ прекрасныхъ нимфъ. Наши поселяне рассказываютъ, что лѣшіе «падки до женщинъ», похищаютъ неосторожныхъ дѣвицъ и принуждаютъ жить съ собою въ любовномъ союзѣ <sup>2)</sup>. Въ грозѣ и вихряхъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ видятъ свадебное гульбище лѣшнихъ, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ эти естественныя явленія объясняются свадьбами чертей и вѣдьмъ. Свадьбы свои празднуютъ лѣшіе шумно, съ дикимъ вакхическимъ разгуломъ; поѣздъ ихъ всегда сопровождается сильными вѣтрами и опустошеніемъ. Если поѣздъ скачетъ черезъ деревню, то непременно у многихъ домовъ снесетъ крыши, здѣсь и тамъ размететъ овины и клады; а если пробѣгаетъ лѣсомъ, то повалитъ деревья (сравни съ свадьбою водяного, стр. 239). Вы-

---

<sup>1)</sup> Громаничъ, 87; Иречекъ—въ Часописи 1863, I, 40. Словенская сказка (Slov. pohad., 143—165; Эрбенъ, 49—57) повѣствуетъ о дѣвахъ-прасавицахъ которыя растутъ на стеклянной горѣ (=небѣ) въ видѣ лимоновъ (позднѣйшая замѣна золотыхъ яблокъ); когда лимонъ сорванъ и разрѣзанъ—изъ него выходитъ чудная дѣва.—<sup>2)</sup> Тоже повѣрье существуетъ у чеховъ—Громаничъ, 15.

рветъ ли буря съ корнями цѣлый рядъ деревьевъ, набрасаетъ ли гдѣ кучи валежника — крестьянинъ убѣжденъ, что именно въ этомъ мѣстѣ пронеслась свадьба лѣшаго. Рѣдкой изъ крестьянъ осмѣливается въ лѣтнюю пору лечь для отдыха на лѣсной тропинкѣ; ибо опасается, какъ-бы не натѣхалъ случай свадебный потѣздъ лѣсовиковъ и не раздавилъ соннаго. Въ архангельской губ. думаютъ, что вихрь подымается отъ того, что лѣшій пускается плясать на своей свадьбѣ съ лисункою. Деновское гульбище, пренесполненное всякаго соблазна, вызываетъ (по народному повѣрью) небесныя громы, удары которыхъ нерѣдко превращаютъ лѣшнихъ и лисунокъ въ россомахъ, и потому звѣрь этотъ считается проклятымъ: мѣтьере, свидѣтельствующее за тѣсную связь грозовыхъ духовъ съ оборотнями. На другой день послѣ свадьбы, лѣшій, по русскому обычаю, идетъ съ своей молодой женою въ баню, и если въ то время случится кому-нибудь проходить мимо — они непременно окатятъ его съ головы до ногъ водою, т. е. грозовые духи, вступая въ весенній бракъ, купаются въ дождевыхъ потокахъ и обливаютъ всѣхъ попавшихъ подъ дождь <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Абаз., 223—4; Совр. 1856, XI, 37; О. З. 1848, IV, смѣсь, 138.

## XVIII.

### ОБЛАЧНЫЯ СКАЛЫ И ПЕРУНОВЪ ЦВѢТЪ.

На основаніи сходства впечатлѣній, производимыхъ отдаленными горами и облегающими горизонтъ облаками, сходства столь близкаго, что непривычный глазъ путника нередко принимаетъ видимыя имъ горы за облака, — оба понятія были отождествлены и въ языкѣ и въ вѣрованіяхъ. Въ санскритѣ слова, означающія холмъ, камень, гору, въ тоже время означаютъ и облако: *parvata*, *giri*, *adri*, *aśta* и др. <sup>1)</sup>; въ гимнахъ Ригъ-Веды облака и тучи постоянно изображаются горами и камнями. Своею громовою палицею Индра буравитъ облачныя скалы и съ жадностью вытягиваетъ изъ нихъ безсмертный напитокъ (амриту, небесное млеко и медъ), укрѣпляющій его къ битвамъ съ демонами; онъ разбиваетъ горы-тучи, изъ мрачныхъ вертеповъ этихъ горъ низводитъ на землю дождевыя потоки и даруетъ людямъ солнечный свѣтъ; онъ втѣсняется въ пещеры демона Вритры и освобождаетъ оттуда украденныхъ имъ коровъ (= дождевыя облака) и захваченныхъ въ плѣнъ водяныхъ женъ: «ты (взываютъ къ нему гимны) разбилъ въ куски гору, большую, широкую, громовою стрѣлою, о громовержецъ! ты разрѣшилъ запертыя воды, да текутъ рѣкою». — «Ты дробишь двери горы (и открываешь путь) свѣтлымъ коровамъ». <sup>2)</sup> Ему даются

<sup>1)</sup> Мат. сравн. слов., II, 255, 450, 528 (б а л а г а - к а). — <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 65; Orient und Occid. 1861, I, 14, 19, 50; II, 224: „о люди!

эпитеты *adribbid* — раскалывающій горы или тучи и *gð-trabhid* — разбивающій облачную гору или коровій хлѣвъ; *gðtra* означает и гору, и облако, и стадо коровъ. Темныя вѣщеры тучъ, куда злой Вритра запираетъ на зиму дождевосныхъ коровъ, стали уподобляться коровьимъ хлѣвамъ или загонамъ, въ которыхъ держатъ обыкновенныя стада отъ поздней осени до весенняго выгона ихъ въ зеленѣющія поля. Слѣды тѣхъ-же представленій уцѣлѣли и въ нѣмецкомъ языкѣ: сканд. *klakkr* служитъ для обозначенія скалъ и скачущихъ, одно на другое нагроможденныхъ облаковъ; англос. *clūd* — гора, скала, а родственное ему англ. *cloud* — облако. Въ пѣсняхъ Эдды такъ описывается гроза: *hnígu heilög vörn af himinsfjöllum* — текутъ святыя воды съ небесной горы <sup>1)</sup>. Такъ какъ съ облаками и тучами неразлучна мысль о ихъ необычайной подвижности, полетѣ и громовыхъ ударахъ, то предки наши, называя ходячія облака горами и скалами, усиливали это поэтическое выраженіе эпитетами: горы летучія, скалы толкучія. Отсюда возникло индѣйское сказаніе, что нѣкогда у горъ были крылья; переносясь съ мѣста на мѣсто, онѣ заваливали города и причиняли страшный вредъ земнымъ обитателямъ. Люди взмолились Индрѣ, в онѣ стрѣлами, т. е. молніями, отрѣзалъ у горъ крылья. Отсюда же возникъ и общій индоевропейскій мифъ о подвижныхъ горахъ, которыя сталкиваются другъ съ другомъ, и своимъ столкновеніемъ производятъ громъ и смертельныя удары. Это любопытное преданіе встрѣчаемъ въ стихѣ про Егорія Храбраго <sup>2)</sup> и въ пѣснѣ про Дюка Степановича <sup>3)</sup>:

---

этотъ огонь между двумя скалами есть Индра. Древніе толкователи Веды объяснили это мѣсто такъ: Индра производитъ молнію между двумя облаками. — <sup>1)</sup> Die Götterwelt, 94. — <sup>2)</sup> Лвт. рус. лит., кн. II, 133, 137; Сборн. духовн. стиховъ Варенцова, 97. — <sup>3)</sup> Рыбник., I, 296.

Стоять тутъ горы толкучія;  
 Тые-жъ какъ горы врозь растолкнутся,  
 Врозь растолкнутся, вѣсть столкнутся—  
 Тутъ тебѣ Дюку не провхати,  
 Тутъ тебѣ молодому живу не бывать.

Одиссея въ двѣнадцатой пѣснѣ упоминаетъ о бродячихъ или толкучихъ горахъ, промежъ которыхъ ни одна птица не смѣетъ пролетѣть; даже изъ тѣхъ быстролётныхъ голубей, которые приносятъ Зевсу амброзію (=дождь), одинъ всегда погибаетъ въ опасныхъ утесахъ, и Зевсъ каждый разъ принужденъ замѣнять убитаго голубя новымъ. Горы эти высятся на морѣ, т. е. посреди воздушнаго океана. Завлечетъ ли сюда морская буря корабль — отъ него останутся однѣ доски да трупы несчастныхъ пловцовъ. Въ своемъ странствованіи за золотымъ руномъ аргонавты должны были проходить между этими страшными горами; басня о походѣ аргонавтовъ содержитъ въ себѣ много о добываніи богомъ-громовникомъ весенняго плодородія: корабль — туча, золотое руно — дождевое облако, озаренное лучами солнца. О толкучихъ горахъ рассказываютъ, что онѣ не прежде останавливаются, какъ убивши кого-нибудь <sup>1)</sup>, т. е. послѣ громоваго удара. Понятно, что именно въ этихъ горахъ должна заключаться живая вода — весенній дождь, оживляющій природу отъ зимней смерти. Какъ съ обыкновенныхъ горныхъ возвышенностей низвергаются источники и водопады, такъ изъ небесныхъ горъ льются потоки живой воды. По свидѣтельству польской сказки, вода, возвращающая молодость, приносится изъ подъ-облачной горы <sup>2)</sup>; по болгарскому преданію <sup>3)</sup>, Александръ Македонскій ходилъ добывать безсмертную воду, сокрытую между «двѣхъ планинъ, коя сѣ отвораха и сѣ затвораха»; чтобы достигнуть

<sup>1)</sup> Нар. сл. раз., 111—3. — <sup>2)</sup> Глинск., III, 53. — <sup>3)</sup> Миледи., 526.

этихъ горъ, надо было пройти страну ночнаго мрака. Въ словацкой сказкѣ <sup>1)</sup> мать посылаетъ сына къ двумъ великанскимъ горамъ (о великанахъ—демонахъ темныхъ тучъ см. гл. XXI), изъ которыхъ правая отворяется въ полдень и бьетъ ключемъ живой воды, а лѣвая — въ полночь и точитъ изъ себя мертвую воду. Въ русской сказкѣ <sup>2)</sup> царевичъ (=богъ-громовникъ) отправляется въ тридесатое царство за живою водою: тамъ есть двѣ горы высокія, стоятъ вмѣстѣ — плотною одна къ другой прилегли; только разъ въ сутки онѣ расходятся къ минуты черезъ двѣ-три опять сходятся; а промежъ тѣхъ горъ хранится вода живая и мертвая (цѣлющая). Притѣкаетъ царевичъ къ толкучимъ горамъ, стоитъ дожидается, когда онѣ расходятся стануть. Вотъ зашумѣла буря, ударилъ громъ — и раздвинулись горы; царевичъ стрѣлой пролетѣлъ между горъ, почерпнулъ два кузурька воды и викигъ назадъ повернулъ; самъ-то богатырь успѣлъ выскочить, а у лошади заднія ноги помяло, на мелкія части раздробило. Взбрызнулъ онъ своего добраго коня мертвой и живой водою — и всталъ конь его ни въ чемъ невредимъ. Украинская сказка <sup>3)</sup> упоминаетъ о двухъ криницахъ съ цѣлебной и живой водою, которую оберегаютъ вѣронылосы желѣзные (т. е. молніи), побивающіе похитителей своими острыми клювами. За чудесной водою посылаются зайцы и лиса, въ образѣ которыхъ мною олицетворялъ силы весеннихъ грозъ, отпирającychъ дождевые источники (см. гл. XII) На возвратномъ пути лиса счастливо проскользнула промежъ толкучихъ горъ, а у зайца горы хвостъ отшибли: отъ того онъ и купой. Въ новогреческихъ сказкахъ <sup>4)</sup> живая вода бьетъ изъ горы, которая раскрывается и замыкается также быстро, какъ быстро сверкаетъ молнія; герой до-

<sup>1)</sup> Slov. pohad., 484; Westsl. Märch., 144—155.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сх., VI, 52, а.— <sup>3)</sup> Lud Ukrain., I, 315—6.— <sup>4)</sup> Ганъ, II, стр. 195, 280.



бываетъ здѣсь живую воду, черпая изъ того-же источника, откуда беретъ ее и пчела: намѣкъ на мнѣическое отождествленіе нектара съ медовымъ напиткомъ. Еще въ одной новогреческой сказкѣ <sup>1)</sup> ламія, принадлежащая къ разряду облачныхъ женъ, общается царевичу дать живой воды, если онъ подыметъ камень — тяжестью въ четыре центнера; когда царевичъ поднялъ и далеко забросилъ камень, ламія взяла молотъ (= молнію) и стала бить по скалѣ, и вотъ скала разверзлась и изъ нѣдръ ея была почерпнута живительная влага: преданіе, соответствующее мнѣическому представленію, по которому конь бога-громовника ударомъ своихъ копытъ выбиваетъ изъ скалъ дождевые ключи.

По сказанію бѣлоруссовъ, Перунъ разъяряетъ по воздушнымъ высотамъ, и если увидитъ, что на землѣ творится беззаконіе, то разбиваетъ скалы или малыя небеса (т. е. облачное небо, которое еще въ глубочайшей древности было отличаемо отъ блестящаго небеснаго свода — блаженной обители боговъ), и такимъ образомъ низводитъ на злыя и нечестивыхъ молнію <sup>2)</sup>. Эда такъ выражается о владыкѣ громовъ: «Торъ идетъ — скалы дрожать!» <sup>3)</sup>. Мнѣи всѣхъ аріискихъ племенъ согласно утверждаютъ, что божество грома, молніи и дождя признавалось сыномъ горы-тучи, рождающимся изъ ея мрачныхъ нѣдръ. Индѣйскій Шива родился въ пещерѣ небесной горы Меру; персидскій демиургъ Митрасъ почитался сыномъ священной горы Алборда; въ тенной пещерѣ убилъ онъ быка-тучу и кровію его (= дождемъ) оплодотворилъ землю. Точно также греческій Вахъ рождается въ пещерѣ острова Наксосъ — въ то время, какъ мать его Семела гибнетъ при появленіи Зевса во всей его грозной славі, т. е. туча, разбитая громомъ и молніями, исчезаетъ,

<sup>1)</sup> Ibid., 234. — <sup>2)</sup> Милль, ХУІІ, 42. — <sup>3)</sup> Смирновъ, 33.

а из утробы ея исходит Вакхъ (вино—дождь). Самъ Зевсъ, скрытно отъ отца своего, воспитывался въ пещерѣ острова Крита. Греческія сказанія уже приурочены къ извѣстнымъ мѣстностямъ; изъ нихъ слѣдовательно видна печать позднѣйшей переработки мифа. Въ бѣльшей свѣжести сохранилось сказаніе о рожденіи Тора: онъ былъ сыномъ Одина и богини Земли — *lörðh* (Erde), но сверхъ того мать Тора носитъ и другое имя *Fíöggun*. Имя это собственно означаетъ гору-тучу, какъ очевидно изъ того, что Ульфилъ греч. *ὄρος* — гора переводитъ словомъ *fairguni*, а готское *fairguni* (*fairguns*) тождественно съ литов. *Pergūnas* (Перунъ); ибо звукъ *f* въ готскомъ языкѣ соответствуетъ славянскому и литовскому *p*. Эда даетъ указанное прозваніе не только матери Тора (*Fíöggun*), но и отцу Фриггъ (*Fíöggunn*), что сближаетъ эту богиню-громовницу, супругу Одина, съ нашей бабой-горы-явкой<sup>1)</sup>. Итакъ въ мифѣ о рожденіи Тора сливаются два представленія: Одинъ, какъ верховное божество грозовыхъ бурь и урожаевъ, производитъ его въ союзѣ съ горою-тучею; а какъ представитель неба, осылающаго дождемъ мать-сыру землю, рождаетъ его въ періодъ весенняго своего сочетанія съ богиней Землею. Обѣ плодщицы матерн: и гора-туча, и земля должны были отождествиться въ убѣжденіяхъ народа, какъ скоро позабыто было метафорическое значеніе горы и въ ней увидѣли не болѣе, какъ земную возвышенность. Рождаемый облачной горою, богъ-громовникъ сталъ представляться исходящимъ изъ утробы матери-земли, и огнедышащія горы придали этому перенесенію мифа съ высокаго неба на дольный мѣръ особенную твердость. Подземные удары, слышимые во время землетрясеній, совпали съ громовыми раскатами: «громъ гремитъ — земля дрожитъ» (I, 618); въ старинныхъ отре-

<sup>1)</sup> D. Myth., 156—7, 230, 319.

ченныя книгахъ («громовникахъ») предсказанія по грому и трусу (землетрясенію) поставлены рядомъ <sup>1)</sup>. Подобно тому, греческій богъ молніи, позднѣе богъ подземнаго огня, славный кузнецъ Гефестъ былъ сынъ Зевса (=неба) и Геры; по другому сказанію, Гера родила его безъ помощи мужа; въ ея образѣ греки олицетворяли тучу, изъ чрева которой сверкаетъ молнія, и потомъ землю, рождающую изъ себя вулканической огонь <sup>2)</sup>. Эти множесніа сближенія повели къ уподобленію неба, покрытаго темными тучами, подземному царству: поэтический образъ, весьма часто встрѣчаемый въ сказочномъ эпосѣ.

Представляя облака и тучи небесными горами, древній человѣкъ созерцалъ на ихъ вершинахъ своихъ творческихъ боговъ; при этомъ понятіе о горахъ-тучахъ сливалось съ представленіемъ небснаго свода свѣтлою, блестящею горою (I, 119); ибо небо, какъ родина тучъ, какъ широкое пространство, гдѣ создаются эти толкучія горы, само отождествлялось съ облачнымъ міромъ (небо и *nubes*). Сказки о заклятыхъ царевнахъ (=богиняхъ лѣтнаго плодородія, полонѣнныхъ злыми демономъ зимы) заставляютъ ихъ томиться въ неволѣ не только въ пещерахъ зѣмныхъ горъ (=въ тучахъ) но и въ хрустальной горѣ, т. е. на небѣ. Впослѣдствіи сказанія о небесныхъ горахъ стали приурочиваться къ земнымъ возвышенностямъ. Такъ, по мнѣнію грековъ, Зевсъ возсѣдалъ на высокой вершинѣ Олимпа, или по другимъ свидѣтельствамъ — на Идѣ и иныхъ горахъ Греціи и Малой Азіи, и назывался *ἄχραιος* (*ἄχρις* — вершина горы); Посейдонъ (первоначально богъ дождеваго моря) — на вершинѣ лѣсной горы Сама;

<sup>1)</sup> Пам. огреч. лит., II, 361—374. — <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 28. Въ битвѣ боговъ съ гигантами (=тучами) Минерва навалила на Эвбелада островъ Сицилію, и великанъ этотъ сталъ изрыгать пламя и сивозъ жерло Этны.

Земь изображался возсѣдающимъ на скалѣ, въ темныхъ пещерахъ которой были заключены буйные вѣтры: ударяя скипетромъ (— молніей) о скалу, онъ выпускалъ ихъ на свободу и чрезъ то воздвигалъ грозныя бури. Бѣлорусское повѣрье рассказываетъ, что Перуну подчинены гардуки — духи, обитающіе въ горахъ, которые своимъ полетомъ производятъ вѣтры и непогоду; въ великорусскихъ губерніяхъ думаютъ, что зимнія вьюги прилетаютъ въ ноябрѣ-мѣсяцѣ отъ желѣзныхъ горъ, т. е. изъ снѣговыхъ или окованныхъ стужей гучъ; въ снѣжныхъ же горахъ замыкаются на зиму весеннія болѣзни, такъ называемыя повѣтрія, а когда солнце растопитъ эти снѣга — онѣ разбѣгаются по бѣлому свѣту и нападаютъ на людей <sup>1)</sup>. Въ Скандинавіи и нѣмецкихъ земляхъ многія горы и скалы носятъ имена, свидѣтельствующія о посвященіи ихъ Одину и Тору: Odensberg, Donnersberg, Thonersberg, Thuneresberg; одна изъ высочайшихъ горъ въ цѣпи Альповъ — теперешній sanct Bernhard въ раннюю пору среднихъ вѣковъ извѣстна была подъ именемъ mons Jovis; въ разныхъ странахъ западной Европы камни и скалы были мѣстами жертвоприношеній (mahlsteine, opfersteine) и призывались священными <sup>2)</sup>. Въ Литвѣ долгое время сохранялось благоговѣйное уваженіе къ нѣкоторымъ камнямъ; объ одномъ камнѣ рассказываютъ, что когда какой-то мельникъ хотѣлъ было достать его и употребить на жорновъ, то въ глаза ему полетѣла съ камня пыль — и онъ ослѣпъ; помощниковъ его также постигла небесная кара — одинъ вскорѣ умеръ, у другаго отнялись руки <sup>3)</sup>. Наравнѣ съ прочими индоевропейскими народами, поклоненіе горамъ и камнямъ было и у племенъ

<sup>1)</sup> Приб. къ Ж. М. Н. П. 1841, 87—88; Сахаров., II, 27, 65.—

<sup>2)</sup> D. Myth., 139, 153—5, 312. 610—1; большіе заставляли проглатывать сквозъ отверстіе въ землѣ или камнѣ—*ibid.*, 1118. — <sup>3)</sup> Рус. Сл. 1860, V, ст. Костонар., 14.

славянскихъ. По свидѣтельству Гельмольда, балтійскіе славяне клялись священными камнями; у мыса Горенскаго, близъ Руяны, есть огромный утесъ, изстари называемый божьимъ камнемъ — *Bus kahm* (Бужь-камень), а подлѣ Демпина есть другой священный камень; Дитмаръ упоминаетъ о высокой горѣ въ жупѣ силенской, которую чтили жители во время господства язычества <sup>1)</sup>. Близъ Будишина двѣ горы Бѣлбогъ и Чернобогъ названіями своими указываютъ на культъ боговъ свѣтлыхъ и темныхъ (I, 93). Козьма Пражскій говоритъ о чехахъ, что они поклонялись камнямъ и приносили жертвы горамъ и холмамъ <sup>2)</sup>. Краледворская рукопись упоминаетъ о скалѣ, любимой богами, гдѣ совершались жертвенные обряды:

*Tamo w dobravni, tam s cesly skalo,  
Bohóm zmilená, na ieie wchcu  
Obietni bohóm, bohóm svým spasám* <sup>3)</sup>.

У словаковъ донынѣ почитаются священными нѣкоторые изъ вершинъ Татранскихъ, гдѣ собираются на молитву тѣни усопшихъ предковъ; у хорутанъ имя священной горы носить Триглавъ, у нихъ же уцѣлѣвъ обычай оставлять на камняхъ плоды и ленты — вѣроятно, остатки древнихъ жертвоприношеній. Хорваты и сербы считаютъ Велебитскій хребетъ обитающимъ вилъ <sup>4)</sup>; въ Сербіи есть гора Перуна-Дубрава (I, 432). Горы у славянъ были обычными мѣстами жертвоприношеній и сопровождавшихъ ихъ игрницъ. Кумиры Перуна и другихъ боговъ стояли въ Кіевѣ на холму: «и постави (Владиміръ св.) перковь Василія на холмѣ, идѣже былъ Перунъ... идѣже творяху потребы князь и людье» <sup>5)</sup>; тамъ закалались жертвы: «и осквернися кровью земля руска и холмъ отъ» <sup>6)</sup>.

<sup>1)</sup> Срезнев., 27, 28; Макуш., 85. — <sup>2)</sup> Громаннъ, 86; Рус. Бес. 1857, IV, ст. Эрбена, 74—75. — <sup>3)</sup> Ж. М. Н. П. 1840, XII, 126 Переводъ: Туда въ дубраву! тамъ съ дороги скала, любимая богами: на ея вершинѣ сверши обѣтъ (=жертву) богамъ, богамъ-своимъ спасамъ. — <sup>4)</sup> Срезнев., 28. — <sup>5)</sup> П. С. Р. Д., I, 51. — <sup>6)</sup> Ibid., 34.

Въ толстовскомъ спискѣ Новгородской лѣтописи читаемъ: «куда-же древле погани жряху бѣсомъ на горахъ, туда-же нынѣ церкви стоятъ златоверхія каменозданныя и монастыреве»<sup>1)</sup>. Искѣленный Христомъ человекъ въ словѣ Кирилла Туровскаго говоритъ жидамъ: «чили на высокия холмы хошете мя повести, идѣже вы своя дѣти бѣсомъ закаласте?»<sup>2)</sup> Въ старинномъ русскомъ поученіи проповѣдникъ увѣщевалъ свою паству: «не парицайте собѣ бога... ни въ каменіи»<sup>3)</sup>. На Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Коневцѣ подѣ Святою горою лежитъ большой Конь-камень (12 сажень въ окружности и 7 аршинъ въ вышиину), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня. Въ даръ духамъ, которые обитали около этого камня и охраняли скотъ перевозимый съ берега на островъ и оставляемый на тамошнихъ пастбищахъ въ продолженіи цѣлаго лѣта, безъ всякаго надзора, прибрежные жители ежегодно обрекали по одному коню; конь этотъ погибалъ зимою, и суевѣрные крестьяне были убѣждены, что его пожирали незримые духи. Преподобный Арсеній окропилъ камень св. водою, и нечистые улетѣли съ острова въ видѣ вороновъ<sup>4)</sup>. Въ ефремовскомъ уѣздѣ, на берегу Красивой Мечи, вокругъ Коня-камня до позднѣйшаго времени совершалось опахиванье, чтобы пріостановить губительное дѣйствіе скотскаго мора<sup>5)</sup>. Въ той и другой мѣстностяхъ Конь-камень служилъ видимымъ представителемъ бога-громовника, которому, какъ пастырю небесныхъ стадъ, крестьяне поручали охраненіе своего скота. Въ житіи препод. Иринеарха (XVII в.) рассказывается, что въ городѣ Переяславлѣ былъ потокъ,

1) Истор. Рос. Соловьева, III, 139. — 2) Памят. XII в., 61 — 3) Моевг. 1844, I, 243. — 4) Истор. словарь о сватыхъ въ рус. церкви, 43; Историч. изображеніе о началѣ Коневскія обители, 1822 г., 3—4. — 5) Истор. рос. іерархія, IV, 607; Рус. прост. предаи., I, 15—16.

среди котораго лежалъ большой камень, и вселился въ тотъ камень бѣсъ и творилъ мечты; сходились къ нему и мужи, и жены, и дѣти ежегодно на Петровъ день и творили камню поклоненіе. Увѣдавъ про то, препод. Иринархъ разжегся ревностію и велѣлъ дьякону Онуфрію зарыть камень въ яму; Онуфрій исполнилъ приказъ, но бѣсъ озлобился, наслалъ на него трясавичную болѣзнь и сотворилъ ему много пакостей <sup>1)</sup>. Есть указаніе, что бѣлоруссы до сихъ поръ, слѣдуя старому обычаю, кладутъ на камни деньги, холсты, пояса и другія приношенія, которыя потомъ поступаютъ въ пользу церкви <sup>2)</sup>. Въ тамбовской губ. есть камень, почитаемый цѣлебнымъ отъ зубной скорби; чтобы унять эту скорбь, поселяне грызутъ его большими зубами <sup>3)</sup>, — точно также, какъ въ другихъ мѣстахъ съ тою-же самою цѣлію грызутъ Перуново дерево — дубъ (см. выше стр. 303). Купальскіе и соботскіе огни разводятся славянами по горамъ <sup>4)</sup>. Почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ существуютъ свои красныя, червонныя, русыя, черныя, гремучія, поклонныя и святыя горы (холмы <sup>5)</sup>). Эти эпитеты знаменательны: красная (червонная, русая) и черная горы напоминаютъ намъ сейчасъ-указанныя названія священныхъ горъ: Бѣлбогъ и Чернобогъ. До сихъ поръ на красныхъ горкахъ встрѣчается у насъ весна и восходящее весеннее солнце, съ хороводными пѣснями и приношеніемъ хлѣбовъ; самый день, въ который празднуется возвратъ весны (богини Лады), съ ея благодатными грозами и ливнями, слыветъ Красною Горкою: это — воскресенье Ѳоминой недѣли, время брачнаго союза неба съ землею и обычная пора свадебъ въ городахъ и селахъ.

<sup>1)</sup> Лѣт. рус. лит., кн. I, 85. — <sup>2)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 139. —

<sup>3)</sup> Истор., статистич. и географ. журналъ 1827, 68—71. — <sup>4)</sup> Вѣст. Евр. 1819, XIII, 42—43; Москв. 1844, IX, стат. о сѣкульскихъ славянахъ. 214, 222. — <sup>5)</sup> Р. И. Сб., VII, ст. Хомаковск., 145, 304, 315, 334; Терещ., V, 15.

На красной горѣ,  
 На всей высотѣ,  
 Крестись и молись,  
 Земно кланяйся!

говорить народное причитанье <sup>1)</sup>. На такое чествованіе холмъ и горѣ указываютъ придаваемые имъ эпитеты святыхъ и поклонныхъ; наконецъ названіе: гремучія или гремѣчія горы прямо свидѣтельствуетъ о ихъ связи съ громовниками и небесными скадами-тучами — подобно тому, какъ тотъ же эпитетъ въ примѣненіи къ горнымъ ключамъ свидѣтельствуетъ о сближеніи этихъ послѣднихъ съ дождевыми потоками, ниспадающими изъ облачныхъ горъ. Я. Гриммъ приводитъ названія горъ: Hromolan (отъ слова громъ) — въ Богеміи и Grimsting — славян. gergnik (grmnik) — въ Штейер-маркѣ, недалеко отъ потока, называемаго Donnersbach <sup>1)</sup>. Въ воронежской губ. въ мѣловыхъ горахъ, идущихъ по берегу Дона, извѣстны Дивы или Дивогорскъ, а въ пермской губ. Дивьи горы <sup>2)</sup>: названія, напоминающія дивовъ, духовъ, родственныхъ съ зѣями-горынычами (см. гл. XX).

Яркое сіяніе солнца и пламя грозы старинный метафорическій языкъ уподоблялъ блеску золота, серебра и самоцвѣтныхъ каменьевъ, а туманы, облака и тучи — горамъ, пещерамъ и мрачнымъ подземельямъ. Отсюда возникъ мифъ, что драгоценное золото солнечныхъ лучей и молній, выѣстъ съ небеснымъ виномъ или живою водою, т. е. дождемъ, похищаются на зиму злыми демонами, и сокрытыя въ облачныхъ скалахъ или въ подземномъ мірѣ тумановъ и снѣжныхъ тучъ лежатъ недоступными для человѣка кладами. Кладъ (отъ глагола класть, кладу) означаетъ запрятанное, или что тоже погребенное, похороненное со-кровище (отъ

<sup>1)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 3, IV, словарь Макарова, 147 — <sup>2)</sup> D. Myth., 155. — <sup>3)</sup> Географ. Словарь Щенатова, II, 195—200.



крыть, со-крывать=облачать, затемнять тучами); творческія, живительныя силы природы (молнія, дождь и все-согрѣвающий свѣтъ солнца) дѣйствительно умираютъ въ зимнюю половину года и какъ-бы погребаются за непроглядными туманами и облаками: по-гребать (за-гребать) — закапывать, хоронить=хранить, беречь, прятать, кладбище — мѣсто погребенія усопшихъ, кладовая = по-гребъ. Подобно тому, готск. *huzd* (др. верх.-нѣм. *hord*, англос. *heord*, сканд. *hodd*—кладъ) буквально соответствуетъ латин. *cust*, (*custos*, *custodia* — отъ *curo* = *cuso*), такъ что нѣмец. *hûs* (*das hegende, schützende*) и лат. *cugia* (*haus, hof*, домашній кровъ) одного корня; слѣдов. въ словѣ *huzd* лежатъ понятіе охраненія, сбереганія<sup>1)</sup>. Нѣмец. *berg* (санскр. *bhrgu*) — гора (метафора тучи) происходитъ отъ *bergen* (лит. биргти, рус. беречь, берегти — прятать, скрывать; а собственное имя Татры (Карпатскія горы) — отъ корня *та* (слав. таить, таю — *celage*) и приставки *тра*<sup>2)</sup>). Забывая первоначальный смыслъ метафорическихъ выраженій, народъ низвелъ мифическое сказаніе о небесныхъ кладахъ до простаго, буквального объясненія; облачныя скалы и вертепы обратились въ его убѣжденія въ настоящія горы, изъ которыхъ добываются благородные металлы, въ курганы и могильные холмы, гдѣ вмѣстѣ съ умершими зарывалась и часть ихъ сокровищъ, въ пещеры и подземелья, куда древній человѣкъ пряталъ свои драгоценности, чтобы обезопасить ихъ отъ вражьяго похищенія<sup>3)</sup>. У славянъ, равно какъ и у другихъ индоевропейскихъ

<sup>1)</sup> D. Myth., 922. — <sup>2)</sup> Записки Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 566. — <sup>3)</sup> Макрикій о славянахъ (VI в.) говоритъ, что они скрываютъ свое имущество подъ землею и живутъ, какъ разбойники; Гельмольдъ свидѣтельствуетъ, что поморяне зарывали въ землю все, что было у нихъ драгоценнаго. Въражьи клады донинѣ поддерживаются не одною силою преданія, но и дѣйствительными находками старинныхъ монетъ и вещей.

изродовъ, ходить много любопытныхъ разсказовъ о кладахъ; подробности, которыми они обставлены, исполнены мнѣшескаго значенія и не позволяютъ сомнѣваться, что это собственно — преданія о небесныхъ сокровищахъ, только перенесенныя на землю. Клады таятъ подъ землею (въ горахъ, городищахъ, курганахъ, оврагахъ и пещерахъ) несчетное богатство золота, серебра и самоцвѣтныхъ камней — въ деньгахъ, ведахъ и необдѣланныхъ гудахъ: цѣлые котлы бывають наполнены этими драгоценностями. На томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ кладъ, ночью въ извѣстное время года горитъ синій огонекъ или свѣча <sup>1)</sup>; если ударить по свѣчѣ и произнести заклятіе: «аминь, аминь, разсыпья!» — то она превращается въ кубышку или котелъ съ деньгами. Поэтому, примѣтивъ блуждающій огонекъ стараются искать вблизи клада, который (какъ только его найдутъ) выходитъ, по народному повѣрью, съ трескомъ <sup>2)</sup>. Клады обнаруживаются обыкновенно при началѣ весны и на праздникъ Купалы. По разсказамъ чеховъ, въ страстную пятницу открывается подземный міръ, и спрятанное въ немъ золото горитъ желтымъ, а серебро бѣлымъ пламенемъ; славонцы утверждаютъ, что зарытыя въ землѣ сокровища горятъ краснымъ пламенемъ — на Благовѣщенье <sup>3)</sup>. По русскому повѣрью, на Свѣтло-Христово Воскресенье, промежъ заутренней и обѣденю, и въ ночь на Ивановъ день земля разверзается и клады просушиваются: въ это время можно видѣть, какъ въ глубокихъ провалахъ и погребяхъ ви-

---

<sup>1)</sup> Въ житіи Бориса и Глѣба (XI в.) сказано: «аще бо или серебро или злато скрѣено будеть подъ землею, то мнози видять огнь горѣти на томъ мѣстѣ» — Срезн. Сказаніе о Бор. и Глѣбѣ, 23. — <sup>2)</sup> Абев., 222; Истор., статистич. и географ. журналъ 1827, VII, 68. — <sup>3)</sup> 71; Милль, V, сѣкъ, 24; Вост. Р. Г. О. 1853, II, сѣкъ, 110; Нар. прієванкы, I, 433. — <sup>4)</sup> Галуши, 108, 116; Плинь, 124.

сятъ на мѣдныхъ или желѣзныхъ цѣпяхъ огромныя котлы и бочки, полныя серебра и золота; по краямъ котловъ горятъ свѣчи; но все это тотчасъ-же исчезаетъ, какъ скоро пожелаешь подойти ближе или станешь творить молитву<sup>1)</sup>. Зарытіе кладовъ народъ приписываетъ колдунамъ, людямъ, отрекшимся Бога, душегубцамъ, славнымъ мятежникамъ, разбойникамъ и грабителямъ; между ними называютъ Стеньку Разина, Пугачева, Гаркушу, Кудояра и другихъ гайдамаковъ. Въ алаторскомъ уѣздѣ есть преданіе, что Разинъ на пути къ Промзину городищу зарылъ въ горѣ двѣ бочки серебра; бочки эти выходятъ по ночамъ изъ подземелья и катаются, погромыхивая цѣпами и серебряными деньгами. Клады рѣдко полагаются безъ заклатія; чтобы укрыть ихъ отъ поисковъ, тотъ, кто зарываетъ сокровище, причитываетъ въ слухъ зарокъ или приговоръ: черезъ сколько времени, какъ, кому и при какихъ условіяхъ можетъ достаться этотъ кладъ. Зароки бываютъ различныя, но болѣе заклинаятъ на одну или нѣсколько головъ молодецкихъ: только рука, совершившая опредѣленное число убійствъ, можетъ добыть заповѣднѣй кладъ. Безъ соблюденія условій, требуемыхъ зарокѣмъ, кладъ не дается; чѣмъ усерднѣе будешь рыть землю, тѣмъ глубже станетъ онъ уходить внизъ; многи разъ кажется, что совѣмъ дорылся до сокровища, заступы уже стукнули о желѣзную плиту или крышку сундука, какъ въ тоже мгновеніе съ страшнымъ гуломъ проваливается кладъ въ преисподнюю, а изъ-подъ земли слышится неистовый, оглушающій хохотъ нечистой силы. Даже если бы кому и посчастливилось набрести на кладъ, все равно — онъ не въ силахъ будетъ имъ воспользо-

---

<sup>1)</sup> Киев. Г. В. 1854, 46; Волин. Г. В. 1847, 14; Lud Ukrain., II, 62; Семеновск., 69; Вѣст. Евр. 1830, XV—VI, 272.

ваться: едва дотронется до него, тотчас почувствует во всемъ тѣлѣ расслабленіе — словно руки и ноги перебиты, или взявши золото, будетъ кружиться съ нимъ около подвала и до тѣхъ поръ не выйдетъ на дорогу, пока не положитъ добычи на прежнее мѣсто, или и вовсе не вылезетъ изъ очарованнаго подземелья; при всякой попыткѣ уйдти оттуда не съ пустыми руками — земля начинаетъ смыкаться и желѣзные двери готовы съ шумомъ захлопнуться; самыя деньги скользятъ изъ рукъ и прыгаютъ промежъ пальцевъ. Клады оберегаются огненными змѣями (драконами), колдунами и нечистою силою, которая пугаетъ кладоискателей страшными видѣніями: то слышатся имъ удары грома, дрожитъ земля, клонятся къ землѣ деревья и катятся съ горъ огромные камни; то несутся на нихъ стаи хищныхъ птицъ, скачутъ бѣшеные кони, бросаются черныя собаки и черныя кошки; то прибѣгаютъ нечистые въ видѣ различныхъ чудовищъ, съ свистомъ, галомъ и дикими криками: рѣжь, бей, губи! Въ толпѣ демоновъ является и самая Смерть — костлявой скелетъ, дыша пламенемъ и щелкая зубами. По польскимъ преданіямъ чортъ охраняетъ сокровища въ образѣ совы, а по чешскимъ въ образѣ черной или огненной собаки; про старыхъ черныхъ котовъ чехи рассказываютъ, что въ нихъ поселяются злые души, и тогда они немедленно исчезаютъ изъ дому и сторожатъ подземные клады. Около мѣста, гдѣ зарыты сокровища, бродитъ на стражѣ и духъ ихъ усопшаго владѣльца. Самые клады могутъ принимать разные образы: въ то время, когда исполнится срокъ ихъ подземнаго пребыванія или «заклятія», они бродятъ по землѣ и показываются счастливымъ то блуждающимъ огонькомъ, то золотою вѣткою, то цѣтухомъ, золотою наѣдкою съ цыпятами, барашкомъ, козою, теленкомъ, быкомъ или коровою, конемъ,

волкомъ, свиньеѣ, собакою или кошкою, иногда даже въ человѣческомъ образѣ. Это наиболѣе удобная пора, чтобы овладѣть кладомъ: стѣишь только ударить по земѣ ногою — и кладъ падаетъ — и кладъ разсыпится звонкою монетою или оборотится кубышкою съ деньгами. Животныя, въ образѣ которыхъ являются клады, имѣютъ серебряную и золотую шерсть, а иногда просто—бѣлую, красную, рыжую или желтую <sup>1)</sup>. Бѣлый цвѣтъ указываетъ на серебро, а красный, рыжій и желтый — на золото. Въ калужской губ. рассказываютъ объ одномъ крестьянинѣ, который, возвращаясь домой, увидѣлъ бѣлаго коня; лошадь то и дѣло забѣгала впередъ и преграждала ему дорогу. Крестьянинъ ударилъ ее кнутомъ — и она разлетѣлась въ груды серебряныхъ денегъ <sup>2)</sup>. Въ другомъ рассказѣ встрѣчается слѣдующая любопытная подробность: «когда мы рыли, говорилъ кладокопатель,—вдругъ словно изъ земли выросла собачка вся желтая, съ однимъ глазочкомъ во лбу; по цвѣту собачки намъ ясно стало, что въ курганѣ есть золото» <sup>3)</sup>. Замѣтимъ, что болотные, блуждающіе огни, почитаемые предвѣстниками кладовъ, признаются въ Бѣлой Руси за одноглазыхъ малютокъ. Еще рассказъ: пришелъ мужикъ ночевать въ пустую избушку, и только началъ засыпать — вы-

<sup>1)</sup> Ворон. Г. В. 1850, 28, 29; Иллюстр. 1846, 409; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 715—733; Вѣст. Р. Г. О. 1851, I, 21—22 («Гора Шатрица»); 1857, IV, 272; Москв. 1849, IX, 13; Записки Авдѣев., 151—2; Полтав. Г. В. 1845, 24; Тульск. Г. В. 1852, 27; Калуж. Г. В. 1852, 44; Lud Ukrain., II, 60—72; Громанинъ, 53, 56, 213; D. Myth., 923; Собр. 1852, I, ст. Жоржъ-Занда о француз. повѣрьяхъ, 76—77.— <sup>2)</sup> Сравни шарфитъ въ Собр. 1856, XII, 189—193, и сказку о конѣ, разсыпавшемся въ серебро и золото (П. Р. Сл., II, 19): достался конь дуряню, рассыпался по его приказу серебромъ, а гости давай подбирать деньги да по карманамъ прятать; видитъ дурень—дѣло неладно, нехвѣлъ быть по старому—и явился конь, только безъ хвоста.— <sup>3)</sup> Ворон. Г. В. 1850, 28.

скочила рыжая кошка и стала бѣгать по избѣ; сама вся свѣтится, словно золото, а гдѣ хвостомъ ударить — тамъ деньгами звякаетъ. Мужикъ изловилъ ее, проговорилъ трижды: «аминь, аминь, рассыпья!» — и кошка рассыпалась на червонцы <sup>1)</sup>.

По нѣмецкому повѣрью, сокровище, зарытое въ землѣ, медленно приближается къ ея поверхности ежегодно подымаясь вверхъ на пѣтушиный шагъ; почти тоже рассказывается у славянъ и нѣмцевъ о громовыхъ стрѣлкахъ: погруженные въ глубь земли, онѣ въ теченіи семи лѣтъ возвращаются назадъ и выходятъ на свѣтъ божій <sup>2)</sup>. Смыслъ преданія — тотъ, что молніи Перуна скрываются на семь зимнихъ мѣсяцевъ въ темныхъ облачныхъ пещерахъ и не блестятъ передъ взорами смертныхъ до той поры, пока не вызовутъ ихъ теплая весна (сличи съ мнемомъ о покражѣ Торова молота — см. гл. XXI). Въ старинныхъ памятникахъ годъ означаетъ время вообще (година — часъ <sup>3)</sup>); внослѣдствіи слово это получило болѣе ограниченное значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе о семи зимнихъ періодахъ времени (т. е. мѣсяцахъ) стало пониматься, какъ указаніе на семь полныхъ лѣтъ. Означенное множественное представленіе соединялось и съ золотымъ сокровищемъ солнечныхъ лучей. Пока продолжается зима, благодатныя силы природы пребываютъ за клятыми (заколдованными) во власти злыхъ демоновъ <sup>4)</sup> и никому недоступны; но съ приближеніемъ весны близится и пора ихъ освобожденія. Уже на Коляду, при поворотѣ солнца на лѣто, когда свѣтило это вновь возрождается къ жизни, старинная

<sup>1)</sup> Чудинск, стр. 120. — <sup>2)</sup> D. Myth., 922; см. I-й т. настоящаго сочиненія, 247—8 — <sup>3)</sup> Словарь церковно-слав., изд. Востокова, 171.

<sup>4)</sup> Адекинъ богъ Pluto (Плутоновъ) былъ признаваемъ и владыкою металловъ, и подателемъ богатствъ (Plutus) — der Ursprung der Myth., 67.

обрядовая игра заставляет искать спрятанное золотое кольцо—символъ свѣтлаго солнца, сокрытаго зимними облаками и туманами; пѣсня, сопровождающая игру, гласитъ: «мое золото пропало, оно порохомъ запало, признайдивѣло» и называетъ его змѣиная крылица, т. е. змѣинымъ кладомъ, сокровищемъ, похищеннымъ змѣей-тучею; крылица—крыльце отъ глагола крыть (какъ било, билъце отъ бить, мыло, мыльце отъ мыть и др.) буквально тождественно съ словомъ сокровище (см. гл. XXVIII). Весною на Свѣтлое Воскресеніе раскрываются мрачныя пещеры подземелій и золотыя клады ярко горятъ и свѣтятся въ большихъ котлахъ и бочкахъ, т. е. свѣтозарныя лучи солнца и блестящія молніи, затаенныя во время зимы въ облачныхъ горахъ и окованныя морозами (почему котлы и бочки съ золотомъ изображаются прикованными къ желѣзнымъ цѣпямъ), съ приходомъ весны воскресаютъ къ жизни вмѣстѣ со всею природою; самое слово воскресеніе (отъ кресъ — огонь) означаетъ возженіе огня—свѣта. Въ христіанскую эпоху преданіе о воскресеніи бога-Солнца слилось съ новымъ вѣрованіемъ о возстаніи изъ мертвыхъ праведнаго солнца — Христа. Отсюда создавалась прекрасная легенда: одинъ честной бѣднякъ, воротись на Свѣтлое Воскресенье отъ заутрени, хотѣлъ было затеплить свѣчку передъ образами; хватился, а въ печи богатыя (горячихъ угольевъ) нѣтъ, и пошелъ просить по сосѣдямъ. Но, слѣдуя старинному обычаю, запрещающему давать въ этотъ день огонь <sup>1)</sup>, всѣ сосѣди наотрѣзъ ему отказали. Призадумался бѣднякъ, какъ ему быть? Глядь—въ полѣ огонѣкъ свѣтится: «должно быть чумаки остановились; пойду, у нихъ попрошу». Пришелъ въ поле — сидятъ вокругъ огня чумаки

---

<sup>1)</sup> По мнѣнію простолюдиновъ, это все равно, что отдать свое счастье и довольство.

и праздничныхъ свиткахъ. «Христосъ воскрес!» — Вовсему воскрес! «Дайте богаты, добрые люди!» — Подставилъ свитку; мы тебѣ въ полу насыпимъ. Бѣднякъ подставилъ свитку, чумани загребли жару и насыпали ему въ полу; когда онъ воротился дошой и высыпалъ жаръ въ печку — горячіе уголья превратились въ золото. Узнали про то сосѣди, бросились толпою къ чумаканъ и стали просить огня, да только попалили свои новыя свитки, а золота не добыли <sup>1)</sup>. Древнѣйшая обстановка преданія сохранена словацию сказаніемъ о странствованіи бѣдняка на стеклянную гору (=небо), гдѣ у разведеннаго пламени (=солнца) сидѣли двѣнадцать Мисацевъ; они позволили путнику согрѣться у своего огня и дали ему на прощанье нѣшнокъ горячихъ угольевъ, которые тотъ превратились въ чистое золото <sup>2)</sup>. Бѣднякъ, добывавшій золото солнечныхъ лучей, есть богъ земныхъ урожаевъ, изводящій въ нищету во время безплодной и скупой зимы и богатящій въ щедрое на дары лѣто. Тѣже вѣрованія соединяють съ клады и племена германскія; по ихъ рассказамъ, клады выступаютъ изъ земли въ мартѣ-мѣсяцѣ, и тогда можно увидѣть большіе пивные котлы (braukessel), насыпанные краснымъ золотомъ. Пиво — извѣстная метафора жидка, а котель и бочка — тучи. Клады эти горятъ (schätzen brennen) синими пламенемъ или горячими угольями, цвѣтутъ, зрѣютъ и просушиваются на солнцѣ — *der schatz blühet* (сравни: *das glück blüht*), *zeitigt, sonne sich*; когда кладъ скрывается, погружается въ землю — говорятъ: *er vorblüht* (онъ отцвѣлъ). Означенныя выраженія возникли изъ сродства понятій: свѣтитъ, горѣть, сушить, цвѣсти, зрѣть (созрѣвать). Древнѣйшій языкъ сроднилъ эти понятія, такъ какъ лучи солнечныя и свѣтять, и сушать, и даютъ плодамъ

<sup>1)</sup> О. З. 1857, X, 430. — <sup>2)</sup> Slov. pohad., 19—28.



зрѣлость; яркія краски цвѣтовъ и золотистый отливъ зрѣющихъ жатвъ фантазія сближала съ золотыми лучами солнца и блестящими молніями (см. т. I, стр. 196 — о значеніи слова сушить, и стр. 138, 151 — о представленіи зрѣлыхъ колосьевъ золотыми волосами богини Земли); глаголъ зрѣть (обл. зорить) одного происхожденія съ словами зоря, зорьвица и зранъ (солнечный лучъ); цвѣтъ (квѣтъ) есть только фонетически-измѣненное слово свѣтъ, и въ областныхъ говорахъ вмѣсто «цвѣсти» говорятъ: свѣсти, а вмѣсто «цвѣтокъ» — свѣ(я)токъ; послѣднее рѣченіе употребляется и въ смыслѣ утренняго разсвѣта <sup>1)</sup>). Слѣдуя вниманію языка, народъ создалъ мифы о Зорѣ, рассматривающей по небесному своду розы, о золотыхъ плодахъ, зрѣющихъ въ облачныхъ садахъ, и уподобилъ молнію золотому или огненному цвѣтку. Нѣмцы выражаются о грозѣ: «blüht das gewitter auf». Отсюда понятна та близость, въ какую поставлены преданія о кладахъ въ отношеніи къ богу-громовержку, какъ возжигателю молній, рушителю облачныхъ скалъ и освободителю солнца изъ темнаго царства демоновъ. По русскому повѣрью, кладъ выходитъ изъ земли съ трескомъ, т. е. при ударахъ грома; сравни нѣмецкое выраженіе: «der schatz wettert sich» <sup>2)</sup>). Рассказываютъ, что въ то время, когда начинаютъ рыть кладъ, вдругъ подымается буря, на ясное небо набѣгаютъ мрачныя тучи — раздается громъ, блещутъ молніи, льетъ сильный дождь и слышится трескъ валящихся деревьевъ <sup>3)</sup>). Бѣлоруссы почитаютъ владѣтелей

<sup>1)</sup> Записки Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 544: «санскр. cvit вместо kvit—albere, album esse; латышск. kvītēt — flimmern, blüzen; лит. швисті, наст. шванту—разсвѣтать (объ утрѣ), швисті, наст. швѣчу—свѣтить». Обл. Сл., 200; болгавъ золотуха въ новгородской губ. называется цвѣтуха—Доп. къ обл. сл., 296.—

<sup>2)</sup> D. Myth., 923; Der Ursprung der Myth., 22.— <sup>3)</sup> Lud Ukrain., II, 64.

шмовъ мненческое существо, известное подъ именемъ Дѣ-  
ла: Дѣдла, говорятъ они, ходитъ по дорогамъ съ сумою,  
въ видѣ нищаго съ красными, огненными глазами и  
съ такою-же бородою, а встрѣтивъ несчастнаго бѣдняка,  
выдастъ его деньгами. На томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ кладъ,  
онъ показывается не весь — только голова его видна, а лю-  
ди нажимаютъ, что то горитъ огонѣкъ. Кто усмотритъ этотъ  
огонь, долженъ бросить на него что-нибудь изъ своей одежды;  
лучше всего бросать шапку (или клочъ волосъ съ головы), по-  
тому что тогда кладъ останется на поверхности земли; иначе  
онъ уходитъ въ землю — болѣе или менѣе глубже, смотря  
по тому, какая часть платья кинута: та ли, которая носится  
ближе къ ногамъ или къ головѣ. «Дѣдла гаріць» озна-  
чаетъ: кладъ свѣтится, блеститъ <sup>1)</sup>. Въ херсонской губ. раз-  
сказываютъ, что кладъ нерѣдко является въ видѣ старика  
въ изорванной и грязной нищенской одеждѣ. Въ ве-  
ликорусскихъ разсказахъ встрѣчаемъ того-же таинственнаго  
дѣла. Случилось разъ — увидѣлъ мужикъ, что въ полѣ ого-  
нѣкъ свѣтится, подошелъ поближе, и чтожь? у огня сидитъ  
сѣденькой старичокъ, подлѣ него собака и костыль,  
воткнутый въ землю, а напротивъ стоятъ три котла, да такіе  
огромные, что и двадцать человѣкъ не сдвинуть съ мѣста:  
въ одномъ золото, въ другомъ серебро, въ третьемъ мѣдь; по  
краямъ котловъ горятъ свѣчи. Посмотрѣлъ мужикъ и отпра-  
вился домой; ночью явился ему во снѣ сѣдой старичокъ и на-  
казалъ приходить и выкопать кладъ. Мужикъ послушался и  
совсѣмъ было выкопалъ, какъ вдругъ — откуда не возьмись —  
бѣжить на него солдатъ съ ружьемъ: это было дьявольское  
завожденіе, но мужикъ испугался и убѣжалъ безъ оглядки <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 10—12; Приб. къ Изв. Ак. Н.  
1853, 179. — <sup>2)</sup> Москв. 1844, XII, 28—23, ст. Якушкина. Раз-

На Украинѣ рассказываютъ о старомъ, бѣловласомъ и сопливомъ дѣдѣ, который бродитъ по свѣту, и если утереть ему носъ, то онъ тотчасъ-же рассыпается серебромъ <sup>1)</sup>: преданіе это бѣлоруссы относятъ къ Бѣлуну (см. т. I, 94), въ образѣ котораго олицетворялось ясное небо и который поэтому соединяетъ въ себѣ черты бога-солнца и бога-громовника; какъ первый прогоняетъ ночь, такъ послѣдній — темныя тучи. Имя дѣда равно придается и Дажьбогу, и Перуну (см. гл. XIX). Въ зимній періодъ это свѣтлое божество утрачиваетъ свой блескъ, дряхлѣетъ, ридится въ грязныя нищенскія одежды и является неопрятнымъ Неумойкою; сопля — метафора сгущенныхъ тумановъ, и надобно утереть ихъ, чтобы золотые лучи солнца могла пресѣять изъ-за облачныхъ покрововъ (сума — облако — т. I, 311—4; см. гл. XXVI). Согласно съ метафорическимъ названіемъ огня и дневнаго разсвѣта — пѣтухомъ, клады яляются въ видѣ этой птицы или золотой курицы; другія животненныя превращенія кладовъ объясняются тѣмъ, что небесныя сокровища, облекаясь въ тучи, необходимо принимаютъ на себя и ихъ мненческіе образы. Этими-же сказочными животными приписывается и охраненіе кладовъ, ибо въ ихъ облачныхъ шкурахъ затаено, спрятано отъ взоровъ смертныхъ золото солнечнаго свѣта и грозоваго пламени. Ударъ, наносимый такому обороту, заставляетъ его разсыпаться деньгами, т. е. громовый ударъ, разрывая темныя покровы тучъ, выводитъ изъ-за нихъ сверкающія молніи и яркіе лучи солнца; подобно тому, о чудесной драконовой плети (= молніи) рассказываютъ, что всякой ударъ ея заставляетъ прыгать зо-

---

сказъ, записанный въ воронежской губ., упоминаетъ о двухъ бородачахъ бѣломъ и черномъ, которые предстали кладокотелами и потомъ вмгъ исчезли—Ворон. Г. В. 1850, 28.— <sup>1)</sup> Lud Ukrain., II, 68.

лето (I, 283). Поэтому лужичане и чехи совѣтуютъ бросать ножъ или огниво (метафоры молніи) на то мѣсто, гдѣ горѣтъ кладъ, в думаютъ, что въ такомъ случаѣ подземныя богатства не уйдутъ отъ рукъ человѣка <sup>1)</sup>). Между нѣмцами существуетъ повѣрье, что удары грѣша приносятъ съ неба золото, и въ Тироли тотъ, кому удастся, вслѣдъ за пронесенною грозю, найти монету, носить ее на шеѣ, чтобы быть счастливымъ <sup>2)</sup>). Итакъ обрѣтеніе клада возможно только при условіи, чтобы молнія поразила оборотна-тучу. По мнѣнію нѣмцевъ, кладоконатель, для успѣха въ своемъ предпріятіи, долженъ на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыто сокровище, убить чернаго козла или черную курицу; позанѣ этотъ символическій обрядъ получилъ значеніе жертвеннаго приношенія подземнымъ духамъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что для обрѣтенія клада необходимо бросить вокругъ церкви черную кошку <sup>3)</sup>). Похищеніе ярнѣхъ лучей солнца и громовой паллицы совершается демонами зины, тумановъ и тучъ; отсюда — вѣрованіе, что клады захватываются чертями, зѣвьями, великанами и карликами, эти же обитателями облачныхъ горъ и подземелій и хитрыми кузнецами, искусными въ обработкѣ всякихъ металловъ. Такой веровской, хищнической характеръ, приносенный демоническимъ духамъ, далъ поводъ назвать ихъ разбойниками, грабителями, и вѣстѣ съ тѣмъ, по низведеніи старинныхъ мифовъ на землю, побудилъ народную фантазію связать преданія о кладахъ съ разсказами про славныхъ разбойниковъ; на этихъ послѣднихъ, въ замѣнъ древнихъ великановъ и демоновъ, были перенесены басни о зарытіи и обереганіи кладовъ.

<sup>1)</sup> Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 352; Громаниъ, 215.—

<sup>2)</sup> Die Götterwelt, 204; см. т. I, 355 — о золотыхъ монетахъ, приносимыхъ радугою.— <sup>3)</sup> D. Myth., 929; Beiträge zur D. Myth., II, 420.

Наконецъ, по связи зны съ идеею смерти, облачныхъ подземелій съ загробнымъ міромъ (см. стр. 362), а стихійныхъ духовъ съ тѣлами усопшихъ (см. гл. XXIV), клады охраняются и жертведами (привидѣніями), и самою Смертью. Землетрясеніе, звуки цѣпей, свистъ, гамъ, неистовый хохотъ, которыми сопровождается добываніе клада, суть метафоры, означающія раскаты грома и вой грозовой бури; быстрое погруженіе клада въ глубь преисподней — поэтическая картина наплыва новыхъ облаковъ, которыя заволакиваютъ только что проглянувшее солнце, или живописное изображеніе молній, исчезающихъ во мракѣ тучъ. До весенней поры кладъ лежитъ сокрытый въ темныхъ пещерахъ, зачарованный или заклятый нечистою силою, и добывается оттуда не прежде, какъ послѣ убійственныхъ ударовъ, нанесенныхъ Перуномъ демонамъ-похитителямъ; говоря ииенческимъ языкомъ, кладъ заклинается на извѣстное число головъ, и пока не будетъ совершено это жестокое душегубство, пока не будетъ пролита кровь (=дождь), до тѣхъ поръ сокровище не доступно обиланію смертныхъ. Благороднымъ металламъ принадлежитъ одна изъ самыхъ видныхъ ролей въ системѣ языческихъ вѣрованій. Языкъ и ииенъ приписали имъ способность свѣтить и горѣть, поставили ихъ въ ближайшее соотношеніе съ божествами свѣта и надѣлили цѣлебною силою (см. I, 205, 433). Доставляя человѣку много жизненныхъ удобствъ, металлы эти представлялись ему божественнымъ даромъ. Но вѣчно-враждебная нечистая сила и злые колдуны стали похищать ихъ — также, какъ похищаютъ они свѣтъ и плодородіе, и скрываютъ отъ людскаго пользованія. Вмѣстѣ съ этимъ родилось убѣжденіе въ несчетныя богатства, обладаемыя чортомъ. Въ народѣ ходитъ множество разсказовъ о томъ, какъ отчаянные грѣшники продаютъ свои души дьяволу за серебро, золото и драгоценные камни, и тотъ надѣляетъ ихъ несметными со-

презвѣщаніи <sup>1)</sup>). На Украинѣ говорятъ: «сребро—чортово ребро», «чортъ багато грошей має, а въ болоті сидить», «богачъ гроши збирає, а чортъ калитку (ношелекъ) нїе» <sup>2)</sup>). Богатства эти состоятъ подъ проявленіемъ, и пріобрѣтеніе ихъ причиняетъ челоуѣку бѣдствіа и гибель. По нашимъ повѣрьямъ, рѣдко кому удается отыскать и добыть кладъ, да и то — не на радость; бѣльшую часть людей эти чапнутъ и умираютъ безвременно, со всѣми своими родичами и дочечадцами, или на цѣлую жизнь торяють память и остаются нѣны и слѣны—какъ-бы оглушенные громомъ и ослѣпленные молніей. Припоминаю, что знаменитый кладъ карлика Андвари пріемы въ гибели всѣхъ тѣхъ, которымъ доставался въ облаваніе <sup>3)</sup>).

Указанное выше (стр. 370) средство понятій: свѣтитъ и цвѣтетъ заставляло нашихъ отдаленныхъ предковъ усматривать въ молніяхъ красные цвѣты, вырастающіе на доревѣ-тучѣ. До свѣхъ норъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ вѣрять, что безъ огненного цвѣта напоротинна ни за что нельзя добыть клада. Этотъ фантастическій цвѣтокъ — не-татора молній, что очевидно изъ придаваемыхъ ему названій и соединенныхъ съ нимъ повѣрій <sup>4)</sup>). У хорватовъ онъ при-

---

<sup>1)</sup> Мавкѣ, XVI, 18—29; XV, 20; Пов. и пред., 66—70 — <sup>2)</sup> Номис., 9, 31, 57: «сидитъ, якъ чортъ на грошахъ въ болоті».— <sup>3)</sup> Не смотря на то, желаніе вдругъ разбогатѣть и вѣра въ существованіе кладовъ такъ сильны въ простонародіяхъ, что и донынѣ есть много кладонискателей; въ народѣ обращаются разными тетрадми съ описаніемъ мѣстъ, гдѣ кроются клады, и по какимъ примѣтамъ можно до нихъ добратсь.—Записки Общ. слав. археолог., I, 33; Lud Ukrain., II, 72—78; въ некоторыхъ губ. подобныя записки называютъ запѣщаніемъ Свѣтлыхъ Разниш—Духъ Христіанна 1861—2, XII, 268.— <sup>4)</sup> Народная загадка на вопросъ: «что цвѣтетъ безъ цвѣту?» (т. е. что, не будучи цвѣткомъ, подобно ему разцвѣтаетъ?)—отвѣчаетъ: напоротъ (Ч. О. Н. и Д. 1864, I, галиц. пѣсни, 83).

но называется Перуновымъ цвѣтомъ <sup>1)</sup>, у хорутанъ — *sunŕes* <sup>2)</sup> — солнечникъ, ибо, по ихъ разсказамъ, онъ разцвѣтаетъ тогда, когда весеннее солнце побѣдитъ чернаго вѣка (демона зны), к хотя нечистые духи смяты не допустятъ его до разцвѣта, но усилія ихъ постоянно бываютъ безуспѣшны. На Руси ему дается названіе свѣти-цвѣтъ <sup>3)</sup>; народная же сказка <sup>4)</sup> упоминаетъ о жаръ-цвѣтѣ, который когда цвѣтеть — то ночь бываетъ ясна дню и море (=дождевая туча) колыхается. О папоротникѣ разсказываютъ, что цвѣтовая почка его разрывается съ трескомъ и распускается золотымъ цвѣткомъ или краснымъ, кровавымъ пламенемъ, и притомъ столь яркимъ, что глаза не въ состояніи выносить чуднаго блеска <sup>5)</sup>; показывается этотъ цвѣтокъ въ тоже самое время, въ которое и клады, выходя изъ земли, горятъ синими огоньками. Такъ въ ночь на Свѣтло-Христово Воскресенье, когда запоютъ въ церквахъ: «Христосъ воскрес!» — разсвертывается дивный цвѣтокъ во всей своей красѣ, и въ тотъ-же мигъ увядаетъ: листочки его осыпаются и бываютъ расхвачаны нечистыми духами, т. е. въ весеннюю пору воскресаетъ и цвѣтеть молнія во мракѣ ноче-подобныхъ тучъ, но едва заблеститъ — какъ тотчасъ-же рассыпается и исчезаетъ въ темныхъ облакахъ, какъ-бы похищаемая злыми демонами (херсонск. губ.). Другая ночь, въ которую цвѣтеть папоротникъ, бываетъ среди лѣта — на Иванъ Купалу, когда Перунъ, по древнему представленію, выступалъ на битву съ демономъ-всусушителемъ, останавливавшимъ колесницу Солнца на небесной высотѣ, разбивалъ его

<sup>1)</sup> Переково цветѣ—ст. Срезневскаго въ Москв. 1851, V, 64.—

<sup>2)</sup> Ж. М. Н. П. 1846, VII, 45.— <sup>3)</sup> Доп. обл. сл., 239.— <sup>4)</sup> Н. Р. Сл., V, 13, а.— <sup>5)</sup> Терещ., V, 89; Молодикъ 1844, 92; Полтав. Г. В. 1845, 24; Каравел., 234; Slov. pohad., 212—4; Грешаничъ, 97.

облачные скалы, отверзая скрытыя въ нихъ сокровища и утѣряя тошительный зной дождевыми ливнями (I, 208). «Въ Ивановскую ночь, по свидѣтельству памятника прошлаго столѣтія, поклажевѣ стрегутъ»<sup>1)</sup>.) Сверхъ того, напоротинновѣ цвѣтъ распускается и въ бурво-грозовыя лѣтнія и осеннія ночи, извѣстныя подъ именемъ воробьиныхъ или рябиновыхъ. Въ мосальскомъ уѣздѣ существуетъ повѣрье, что въ каждомъ году непременно бываютъ три «рябиновы» ночи: одна въ концѣ весны, другая въ среднѣ лѣта, а третья въ началѣ осени, или первая — когда цвѣтетъ рябина, вторая — когда начинаютъ зрѣть на рябинѣ ягоды, и третья — когда ягоды эти совершенно поспѣютъ. Усматривая въ тучахъ небесныя сады и рощи, фантазія сближала это мифическое предетавленіе съ различными земными деревьями, и между прочимъ съ рябиною, красныя ягоды которой напоминали молніеносный цвѣтъ Перуна; потому бурво-грозовая ночь (= первоначально: мракъ отъ застилающихъ небо сплошнымъ облаковъ) получила названіе рябиновой, а лѣтка рябины, какъ увидимъ ниже, принималась за символъ Перуновой палицы. Другое названіе: «воробьиная ночь»<sup>2)</sup> стоитъ въ связи съ старинными сказаніями о птицахъ, какъ мифическихъ спутникахъ грозы и вихрей. Воробей (др.-слав. вѣрбѣй, пол. wróbel, мл. wrabaz, чеш. wrabec) = санскр. vāga отъ үг—оріаге, съ суффиксомъ bha, т. е. птица, съ избыткомъ надѣленная силой любовнаго жара<sup>3)</sup>; у грековъ она, наравнѣ съ голубемъ, была посвящена Афродитѣ<sup>4)</sup>. По южно-русскому повѣрью, въ темныя воробьиныя (или осеннія) ночи чортъ иѣряетъ воробьевъ: часть ихъ отпускаетъ на

<sup>1)</sup> Оп. Румян. Муз., 551. — <sup>2)</sup> Малорос. горобинная ночь; горобецъ—воробей; с. измѣнилось въ г, какъ въ словахъ корогодъ, игоръ ии. хореводъ, яворъ и др. — <sup>3)</sup> Пикте, I, 484. — <sup>4)</sup> Griech. Myth. Преллера, I, 290—1.



волю, а другую предасть смерти <sup>1)</sup>, что указывает на враждебное отношеніе его къ этимъ птицамъ. Не, вѣроятно, еще въ эпоху язычества съ воробьемъ стали соединять тоже демоническое значеніе, какое присвоивалось ворону, совѣ и другимъ хищнымъ птицамъ, въ которыхъ обыкновенно олицетворялись грозовыя бури (I, 529). Если вѣстить въ нѣбу воробей — это служить предвѣстіемъ смерти или несчастія, и крестьянинъ считаетъ обязанностью открутить ему голову. Когда жиды преслѣдовали Спасителя, чтобы предать его на распятіе, то (по народному сказанію) всѣ птицы, особенно же ласточка, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ; но воробей указалъ на это мѣсто своимъ пискливымъ чирканьемъ (харьков. губ.). И когда предали Христа на страданія — воробьи непрерывно кричали: «живъ-живъ! живъ-живъ!» вызывая жидовъ на новыя мучительства; напротивъ ласточки чиркали и голуби ворковали: «умеръ, умеръ!» Ласточки даже старались похищать приготовленные мучителями гвозди, а воробьи отыскивали ихъ и приносили назадъ. Потому Господь проклялъ воробья, масо его запретилъ употреблять въ пищу, а ноги его связалъ невидимыми путами, отчего онъ можетъ только прыгать, а не ходить. Изъ всѣхъ птицъ одинъ воробей не чтитъ праздника Благовѣщенія и вѣсть въ этотъ день свое гнѣздо <sup>2)</sup>. Изъ-за такой легендарной обстановки въ приведенныхъ повѣрьяхъ сквозитъ древне-языческая основа; какъ ласточка, вѣстница весны, почиталась сопутницею воскресающаго божества свѣта и плодородія, такъ воробей — птица, которая постоянно и лѣто,

<sup>1)</sup> Кіев. Г. В. 1851, 22; Послов. Даля, 995. — <sup>2)</sup> Иллюстр. 1846, 262, 333; Мареевич. 77; Духъ Христіанина 1861-2, XII, 274; Черты литов. нар., 95: въ день Рождества Христова литвини совѣтуютъ топить печи до зари, чтобы воробьи не увидѣли выходящаго изъ трубъ дыма; гдѣ не исполняютъ этого, тамъ воробьи опустошаютъ нивы.

и зиму остается въ холодныхъ странахъ и опустошаетъ сады, огороды и анвы—получила противоположный характеръ; она не радуется возврату весны, и потому призвана проклятою.— Въ темную, непроглядную ночь, ровно въ двѣнадцать часовъ, подъ грозой и бурей, разцвѣтаетъ огненный цвѣтокъ Перуна, разливая кругомъ такой-же яркой свѣтъ, какъ самое солнце; ко цвѣтокъ этотъ красуется одно краткое мгновенье: не успеешь глазомъ мигнуть, какъ онъ блеснетъ и исчезнетъ! Нечистые духи срываютъ его и уносятъ въ свои вертепы. Кто желаетъ добыть цвѣтъ папоротника, тотъ долженъ наканунѣ Свѣтлага праздника отправиться въ лѣсъ, взявши съ собою скатерть, на которой хотя разъ сняли пашу, и ножъ, которымъ ее разрѣзывали; потомъ найдти кустъ папоротника, очертить около него ножомъ кругъ, разостлать скатерть, и сидя въ замкнутой круговой чертѣ, не сводить глазъ съ растенія; какъ только загорится цвѣтокъ, тотчасъ же должно сорвать его и спѣшить домой, накрывши себя скатертью, а дома тѣмъ-же самымъ ножомъ разрѣзать ладонь или ладонь руки и въ сдѣланную рану вложить цвѣтокъ. Тогда все тайное и скрытое будетъ вѣдомо и доступно человеку (херсон. губ.). Вмѣсто ножа, кругъ можетъ быть обвести страстною четверговою свѣчою, если она была принесена изъ церкви зажженною, а вмѣсто скатерти—разостлано полотенце, которымъ священникъ обтиралъ церковный престолъ; огненный цвѣтокъ самъ свалится на это полотенце <sup>1)</sup>. Наканунѣ Иванова дня также можно добывать цвѣтъ папоротника; кругъ советуютъ обводить рябиновой палкою или остаткомъ перво-лучины, горѣвшей наканунѣ новаго года <sup>2)</sup>; сидя въ кругу, слѣдуетъ зажечь свѣ-

<sup>1)</sup> Песекъ, I, 106—7; Громанъ, 97.— <sup>2)</sup> Сравни съ тѣми чудесными свойствами, какія приписываются бадяву.

чу, которая горѣла въ Христовскую заутреню <sup>1)</sup>, и читать молитву: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази». Нечистая сила всячески мѣшаетъ человѣку достать чудесный цвѣтокъ; около папоротника въ ночь, когда онъ долженъ цвѣсти, лежатъ змѣи и разныя чудовища и жадно сторожатъ ниву его разцвѣта. На сибѣлака, который рѣшается овладѣть этимъ цвѣткомъ, нечистая сила наводитъ непробудный сонъ, или силится оковать его страхомъ; едва сорветъ онъ цвѣтокъ, какъ вдругъ земля заколеблется подъ его ногами, раздадутся удары грома, заблѣстаетъ молнія, завоютъ вѣтры, послышатся нечеловѣческие крики, стрѣльба, дьявольской хохотъ и звуки хлыстовъ, которыми нечистые хлопаютъ по землѣ; человѣка обдастъ адскимъ пламенемъ и удушливымъ сѣрнымъ запахомъ; передъ нимъ явятся звѣроподобныя чудища съ высунутыми огненными языками, острые концы которыхъ пронизываютъ до самаго сердца. Пока не добудешь цвѣта папоротника — Боже избави выступать изъ круговой черты, или оглядываться по сторонамъ: какъ повернешь голову, такъ она и останется на вѣки! а выступишь изъ круга, черти разорвутъ на части. Сорвавши цвѣтокъ, надо сжать его въ рукѣ крѣпко-накрѣпко и бѣжать домой безъ оглядки; если оглянешься — весь трудъ пропалъ: цвѣтокъ исчезнетъ! По мнѣнію другихъ, не должно выходить изъ круга до самаго утра, такъ какъ нечистые удаляются только съ появленіемъ солнца; а кто выйдетъ прежде, у того они вырвутъ цвѣтокъ <sup>2)</sup>. Тѣже условія: очертить себя кругомъ и не оглядываться необходимо соблюдать и при добываніи клада. Занку-

<sup>1)</sup> По мнѣнію словенцевъ, при этомъ необходима свѣча, освещенная на svētlo Marínje — Иличъ, 124. — <sup>2)</sup> Терещ., V, 74—75; Иллюстр. 1846, 136; 1848, № 28; Семевск., 143; Москв. 1844, XII, 32; Вологод. Г. В. 1852, 35.

тѣмъ круговая черта служить преградою, за которую не можеть переступить нечистая сила; ножъ, четверговая свѣча, рѣзцовая накладка и лучина — эмблемы молніи, поражающей демоновъ, а скатерть — облачнаго покрыва, одѣваясь которыми становишься невидимкою; на тѣже облачныя покрыва спадаетъ и цвѣтъ-молнія. Въ одномъ рукописномъ «травникѣ» (какихъ довольно обращается въ средѣ грамотнаго простонародья) о добываніи папоротникова цвѣта сказано: «въ то время приходятъ множество демоновъ и великіе страхи творять, что уму человѣческому непостижимо. Цвѣтъ папороти, когда отцвѣтетъ, осыплется на то, что послано, и ты тотъ цвѣтъ смети перушкомъ въ одно мѣсто бережно и залѣпи воскомъ (отъ свѣчи, горѣвшей у запрестольнаго образа Богомладенца); тотъ цвѣтъ завсегда цѣлъ будетъ. А если не залѣпишь, то нечистые унесутъ у тебя; для того людямъ не дадутъ его взять, что онъ очень имъ противенъ и всю ихъ силу разрушаетъ. Если кто его возьметъ, то никакой дѣволъ, и ворожен, и грѣшникъ укрыться не можетъ, и дѣвольская сила вся ему будетъ видна и знатна, и снись какой своей пакостію отъ него не укроется... Тотъ цвѣтъ носи на лбу: узнаешь и увидишь, гдѣ какая чеклажа (кладъ) лежитъ, и какъ что положено и сколько глубоко, и можешь взять безъ всякаго вреда и остановки — для того, что ты уже демоновъ увидишь; а съ ними тебя жестоко бояться стануть, и когда ты куда ни поѣдешь, если нечистые тутъ на мѣстѣ есть, то они отходятъ съ того мѣста стануть, и можешь всякія поклажи съ тѣмъ цвѣтомъ получить — не заперто! Все узнаешь, что гдѣ есть или лежитъ, или дѣлается, и какъ, куда и въ своемъ мѣстѣ; просто сказать — все будешь знать, хотя и въ служіе города и вныя государства дороги и пропуски. Тотъ цвѣтъ положи въ ротъ за щеку и поди, куды хощь: никто

«тебя не увидитъ; что хощь — дѣлай!... Тотъ-же цвѣтъ носить на головѣ — все видѣть и знать станешь, и велики счастливъ будешь и достоинъ всякому начальству, во всякой чести будешь. А сія трава самая наисильнѣйшая надъ клѣдами — царь надъ цвѣтами, трава-папоротъ!» <sup>1)</sup>). Изъ приведенныхъ нами повѣрій видно, что разцвѣтаніе папоротника сопровождается всѣми торжественными знаменіями грозы; демонскіе крики, стрѣльба, хохотъ, удары хлыстовъ, землетрясеніе — все это метафоры грома, огненные языки — языки грозового пламени, сѣрный запахъ, обыкновенно слѣдующій за появленіемъ и исчезаніемъ нечистыхъ духовъ, — подробность, возникшая изъ древнѣйшаго уподобленія молніеносныхъ тучъ котламъ кипучей смолы (см. гл. XXII). Таже могучая сила, какая присвоилась Перуновой палицѣ, принадлежитъ и цвѣту папоротника: обладая имъ, человекъ не боится ни бури, ни грома, ни воды, ни огня, дѣлается недоступнымъ вліянію злаго чародѣйства и можетъ повелѣвать нечистыми духами; для этихъ послѣднихъ цвѣтъ папоротъ также страшенъ, какъ и громовыя стрѣлы: завидя пламенный цвѣтокъ, они по одному представленію стараются овладѣть имъ и запрятать въ облачныя пещеры, а по другому — въ ужасѣ разбѣгаются отъ него по своимъ трупамъ и болотамъ. Цвѣтокъ этотъ отмыкаетъ всѣ замки и двери (только приложи его — и желѣзные запоры, цѣпи и связи вмигъ распадаются!), открываетъ погреба, кладовыя, казнохранилища и обнаруживаетъ подземныя клады — подобно тому, какъ удары молніи, разбивая облачныя скалы, обрѣтаютъ за ними золото солнечныхъ лучей; кто владѣетъ чудеснымъ цвѣткомъ, тотъ видитъ все, что кроется въ нѣдрахъ земли: темная земная кора кажется ему прозрачною, словно стекло <sup>2)</sup>). Такъ какъ молнія есть провод-

<sup>1)</sup> Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 73—74. — <sup>2)</sup> Lud Ukrain., II, 61.

никъ живой воды, и такъ какъ вода эта называлась небеснымъ виномъ; то отсюда возникли повѣрья, надѣляющія папоротникъ цѣлебными свойствами, и мнѣніе, будто съ помощью его цвѣта можно черпать изъ рѣкъ и колодезѣвъ вмѣсто воды славное вино, т. е. добывать дождь изъ небесныхъ источниковъ. Такъ думаютъ чехи; у нихъ же въ обычаѣ, для охраны скота отъ злыхъ духовъ вѣколдованія, вытирать ясла коровъ папоротникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *svatojan-ská gučička* <sup>1)</sup>. Русская сказка приписываетъ жаръ-птицѣ исцѣленіе трудныхъ болѣзней. Съ живою водою мнѣ связывалъ духовные дары предвидѣнія и мудрости; потому всякой, кто достанетъ цвѣтъ папоротника, становится вѣщимъ человекомъ, знаетъ прошедшее, настоящее и будущее, угадываетъ чужія мысли и понимаетъ разговоры растений, птицъ, гадовъ и змѣей. Сверхъ того, онъ можетъ, по собственному произволу насылать въ сердце дѣвицы горячее чувство любви, для чего заговоры постоянно обращаются къ богу-громовнику и его молниеноснымъ стрѣламъ (I, 450). Наконецъ, соответственно представленію быстро-мелькнующей, неуловимой для глазъ молніи — невидимкою, создалось повѣрье, что всякой, кто носитъ при себѣ цвѣтъ папоротника, дѣлается незримымъ для всѣхъ присутствующихъ <sup>2)</sup>. Одинъ крестьянинъ искалъ наканунѣ Иванова дня потерянную корову; въ самую полночь онъ зацѣпилъ нечаянно за кустъ папоротника и чудесный цвѣтокъ повалъ ему въ лапоть. Тотчасъ прояснилось ему все прошлое, настоящее и будущее; онъ легко отыскалъ пропавшую корову, свѣдалъ о многихъ сокрытыхъ въ землѣ кладахъ и насмотрѣлся на проказы вѣдьмъ. Когда крестьянинъ воротился въ семью—домашніе, слыша его голосъ и не видя его самого, пришли въ ужасъ; но вотъ онъ разулся и выро-

<sup>1)</sup> Громаничъ, 44, 136.— <sup>2)</sup> Иллюстр. 1846, 136; Терещ., V, 88—89; Громаничъ, 97; Иличъ, 167—8; D. Myth., 1166.

нилъ цвѣтокъ — и въ ту же минуту всё его увидали. Съ потерей цвѣтка окончилось и его всевѣдѣніе, даже позабылъ про тѣ мѣста, гдѣ еще недавно любовался зарытыми сокровищами <sup>1)</sup>. Разсказъ этотъ заканчивается и такъ: къ мужику, который и самъ не понималъ, откуда далась ему мудрость, явился чортъ, купилъ у него лапотъ, и выѣхавъ съ лапотенъ унёсъ и папоротниковъ цвѣтъ <sup>2)</sup>. У словенцевъ тѣ же чудесныя свойства придаются верну папоротника, которое арѣетъ и опадаетъ на Иванову ночь, а въ замѣнъ чорта является вѣла и уноситъ это дорогое зѣрнушко <sup>3)</sup>. Въ нѣмецкихъ сагахъ упоминается wunderblume, glücksblume — бѣлый, сѣній или пурпуровый цвѣтокъ; кто его отыщетъ и воткнетъ въ свою шляпу, тому открыты входы ко всѣмъ сокровищамъ, заключеннымъ въ горахъ. Однажды такой счастливецъ, войдя въ подземныя пещеры за золотомъ и растерявшись при видѣ несчетныхъ богатствъ, позабылъ тамъ свою шляпу; когда онъ уходилъ съ добычею, повали его раздался голосъ: «не забудь самаго лучшаго!» Но уже было поздно: желѣзная дверь захлопнулась, чудесный цвѣтокъ остался въ подземелья, а безъ него невозможенъ и доступъ къ сокровищамъ <sup>4)</sup>.

Разнообразные характеристическіе признаки, которые помѣтилъ древній челоѣкъ въ сверкающей молніи, были выражены имъ въ мѣткихъ, живописующихъ эпитетахъ. Согласно съ этими эпитетами, и огненный цвѣтъ Перуна на старинномъ поэтическомъ языкѣ обозначался различными названіями, которыя впоследствии были приняты за совершенно-отдѣльныя, самостоятельныя представленія и которыя, съ теченіемъ времени, стали переноситься на тѣ или другія земныя расте-

<sup>1)</sup> Семеновск., 143—4; Иллюстр. 1848, № 28; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 272—3; Волян. Г. В. 1847, 14; D. Myth., 1160—1. — <sup>2)</sup> Черинг. Г. В. 1855, 21. — <sup>3)</sup> Иличъ, 168; Милск. Г. В. 1866, 25-го юня. — <sup>4)</sup> D. Myth., 923—4.

на, если форма ихъ листьевъ и корней, краски цвѣтовъ или свойства соковъ подавали поводъ къ такому сближенію.

а) Одно изъ названій Перунова цвѣта было перелѣтъ-травъ; оно придано ему ради той неуволнимои быстроты, съ которою ударяетъ молнія; мнѣ, общій вѣтъмъ индоевропейскимъ племенамъ, представлялъ ее крылатою и птице-подобною. О баснословной перелѣтъ-травѣ русской народъ рассказываетъ, что она сама собою переносится съ мѣста на мѣсто; цвѣтъ ея сіяетъ радужными красками, и ночью въ полетѣ своемъ онъ кажется падучей звѣздочкой. Счастливъ, кто сумѣетъ добыть этотъ прекрасный цвѣтокъ: всѣ желанія его будутъ немедленно исполнены <sup>1)</sup>. Тѣмъ-же свойствомъ надѣляется и цвѣтъ папоротника: почка его ни минуты не остается въ покойномъ состояніи, а непрерывно движется взадъ и впередъ и прыгаетъ, какъ живая птичка; самый распустившійся цвѣтокъ быстро носится надъ землею, словно яркая звѣзда, и упадетъ на то мѣсто, гдѣ зарытъ кладъ <sup>2)</sup>. Такое представленіе молніи летучимъ—пернатымъ цвѣткомъ заставило народъ, при забвѣніи исконнаго смысла старинной метафоры, перенести преданіе о Перуновомъ цвѣтѣ на папоротникъ (*filix*). Слово папоротъ (пол. *parpót*, луж. *parpiś*, нл. и хорват. *parpat*, *perparit*, хорут. *parpot*, др.-чешск. *parput*, ново-чешск. *parpadj* и съ намѣненіемъ звука *p* въ *k*—*karpadj*, лит. *parpartis*, латт. *parardi*) образовалось, чрезъ удвоеніе корня, отъ глагола парити — *volare*, откуда произошли и перо, и пѣтопырь (=нотопырь — *vespertilio*, *voxtapís*, *potola*, отъ *pot'*—ночь и пырь); сравни греч. *πτερίς* и нѣм. *faagant* (др.-верх.-нѣм. *faagan*, ср.-верх.-нѣм. *vaagm*, *vaap*, англос. *foagm*), въ которыхъ сохранился неударенный корень <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Терещ., V, 93; Иллюстр. 1846, 150. — <sup>2)</sup> Сахаров., I. 43. —

<sup>3)</sup> Ч. О. И. и Д. 1863, I, ст. Шаевска, 11.



Приведенныя выраженія родственны съ санскр. *pat* и *pat*-*na* (корень *pat* — летѣть, падать; греч. *πτέρων*, *πτίλον*, латин. *реппа* вмѣсто *petna*, сканд. *fidr*, др.-нѣм. *fedaga*, англос. *fether*), равно означающими листь, перо и крыло; ибо листь также одѣваютъ или покрываютъ дерево, какъ перья птицу (крыло отъ глагола *крыть*. <sup>1)</sup>). Перо во многихъ славянскихъ нарѣчїяхъ соединяетъ въ себѣ двойной смыслъ: *реппа* и *folium*; такъ пол. *pięro*, *pięrze*, серб. и хорут. *перо*, *перје* употребляются для обозначенія листьевъ розы, капусты, лука и травы; на Руси говорятъ: «хитлево перо», «хитбѣ въ третѣмъ перѣ», т. е. пустилъ третье колѣнце <sup>2)</sup>, «деревья начинаютъ опушаться» (отъ слова *пухъ*), т. е. распускаются съ приходомъ весны. Сближая листь съ перьями, народная фантазія стала связывать много о крылатой молніи, разсѣивающей на деревѣ-тучѣ, съ тѣми земными растенїями, листьва которыхъ по своей формѣ сходствовала съ птичьими крыломъ, а ярко-красныя или желтыя цвѣты напоминали пламя молній. По древне-индїйскому сказанію, Индра изъ видѣ сокола похищалъ изъ облачныхъ горъ дождь-сому, и преслѣдуемый однимъ изъ стражей безсмертнаго напитка—стрѣлкою *Кгсѣди* ронялъ на землю отбитое перо или коготь (т. е. летучую и острую молнію), изъ которыхъ вырастали тернистыя иглы на древесныхъ вѣткахъ (*dogh*) или дерево-*рагна* (*palasa*), извѣстное пурпуровыми цвѣтами. По греческому преданію, стимфальскія птицы имѣли перья острыя, какъ стрѣлы, и разбрасывая ихъ, наносила тяжелыя раны <sup>3)</sup>; въ славянскихъ сказкахъ герой находитъ потерянное на дорогѣ или самъ вырываетъ изъ хвоста жарь-птицы перо, которое свѣтитъ ночью какъ ясное солнце. Въ нашемъ климатѣ не

<sup>1)</sup> Пикте, I, 205. — <sup>2)</sup> Филол. Зап., годъ 3. III, 157—8; сравни: латов. *laksztas* — листь, капуста и *lakstyti*—порхать, *lėkti*—летѣть. — <sup>3)</sup> Griech. Myth., II, 137.

имлось растенія, которое бы могло сполна соответствовать индйскому дереву палаца; но папоротникъ уже названіемъ своимъ наводилъ на тоже представленіе: оригинальная форма его зелени сравнивалась съ орлинымъ крыломъ, и одинъ изъ видовъ папоротника извѣстенъ подъ именемъ *pteris aquilina*, *adlerfarnkraut*. Орелъ, какъ мы знаемъ, играетъ въ мифологій ту же роль, что и соколъ (I, 493). Что касается краснаго цвѣта молніи, то его стали сближать съ розою. Сербъ рассказываетъ, что есть гдѣ-то садъ, въ которомъ растетъ столбиственная роза (*ruža steperica*)—«*korienom se prihvaćila zemaljskog dna, vežući strašnu zvijer—živog ognja*». Звѣрь силится освободиться отъ этихъ узъ, и бѣда — если онъ исторгнетъ изъ земли розовый кустъ: все погоритъ, что только есть на сушѣ, и самое море обратится въ безводную бездну. Такова сила корня столбистой розы, а въ цвѣткѣ ея таятся *munja i grmove*; еслибы кто сорвалъ этотъ цвѣтокъ, то громы разбили бы землю и все, что подъ ней и надъ нею; «*jedina ruža steperica bi ostala; ali prošlo bi sto i sto božjih godina, dok bi okol nje nova zemla ponaraslala i opet se živo pleme zarplodilo*». Самыя листья на розовомъ кустѣ не простые: они разговариваютъ и поютъ сладкія пѣсни, «*kakovih niti tanko grlo vile pjevačice nikad izustilo*» (=пѣсня грозы); вмѣсто сорванныхъ сегодня, къ утру вырастаютъ еще лучшіе <sup>1)</sup>. Въ Угорской Руси сохранилась слѣдующая любопытная пѣсня:

Червена ружа горѣла,  
Подъ невь бѣла дѣвка сидѣла,  
У рѣшетѣ воду носила,  
И червену ружу гасила <sup>2)</sup>.

Это—облачная дѣва, сѣющая на землю дождь. Какъ «громовые топоры и стрѣлки» предохраняютъ домъ отъ удара молніи,

<sup>1)</sup> Эрбенъ, 262. — <sup>2)</sup> Записки Р. Г. О. по отдѣлу этнографіи, I, 687.

такъ тоже спасительное свойство приписывается въ народныхъ травникахъ красному піону: «въ которой хранитъ піоново сѣмя лежитъ, и тое хранину никако громовая стрѣла не бьетъ и молнія не жжетъ» <sup>1)</sup>).

Отъ представленія молніи цвѣткомъ, вырастающимъ на деревѣ-тучѣ, естественно было перейти къ уподобленію ея древесной вѣткѣ или пруту, — тѣмъ болѣе, что въ разней молніи предка наши видѣли наказующій бичъ и кій самобой (дубинку) Перуна. При первомъ весеннемъ выгонѣ коровъ въ поле лнтьицы употребляли вѣтку дерева рагда или сати (асасія зима Rохъ. — объ этой акаціи было сказаніе, что она выросла изъ сосуда, въ которомъ принесена на землю молніи <sup>2)</sup>). Какъ Индра доитъ небесныхъ коровъ (облака) громовою палицею или молніеноснымъ прутомъ, такъ думали, что и земныя стада, ударяемыя вѣткою священнаго дерева, укрѣплялись и дѣлались обильными молокомъ. Въ Швеціи и Вест-фалии 1-го мая трижды ударяютъ молодыхъ коровъ, которыя еще не телились, вѣткою рябины <sup>3)</sup>, дабы плодотворящая сила громоваго прута (donnergruthe) наполнила ихъ сосцы молокомъ; въ другихъ же областяхъ пользуются при выгонѣ скота орѣховымъ прутомъ (о связи орѣшниковъ съ бо-

<sup>1)</sup> Москв. 1853, XI, 65—66. У кнѣзевъ преданіе о Перуновомъ цвѣтѣ связывается съ травой *hedera terrestris* (у Лнн. *glechoma hederacea* — ползучее растеніе съ синими цвѣтками); она называется ее *donnergebete*, а латвы — *rehrkones* (отъ имени Перкуня). Трава эта защищаетъ отъ коловства; кто носитъ на головѣ свѣтый изъ нея вѣнокъ, тотъ можетъ узнавать вѣдьмъ; черезъ этотъ вѣнокъ доитъ при началѣ весны коровъ — D. Myth., 1163. Въ Литвѣ листья травы девесила (*inula helenium* — цвѣты низкаго желтые; у литовцевъ она называется *debesilas*, а *debesis* значитъ: облако, туча) употребляются для разогнанія грозовыхъ тучъ — Изв. Ак. Н., III, 176. — <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 64. — <sup>3)</sup> Vogelbeerbaum, ebergesche; сравни англос. названіе одного изъ видовъ папоротника — *eoferfeagn*, *eferfagn*.

гонтъ-громовникомъ см. выше стр. 318), или колючими вѣткани можжевельника <sup>1)</sup>. Съ этимъ согласуется слѣдующій извѣстный въ Германіи обрядъ: чтобы коровы были богаты молокомъ, пастухъ долженъ 1-го мая, при выгонѣ стада на пастбище, положить передъ порогомъ хлѣва топоръ, обвязанный тѣмъ-нибудь краснымъ, (= эмблема Торова мота) и перегнать черезъ него коровъ. Въ Швеціи думаютъ, что рябиновая палка охраняетъ отъ бури на морѣ, отъ колдовства и нечистыхъ духовъ <sup>2)</sup>; эсты не употребляютъ рябины на огорожу, чтобы не пригнать змѣй: повѣрье, близкое къ тѣмъ народнымъ рассказамъ, по которымъ осина и жень обладаютъ силою прогнать змѣй и повергать ихъ въ оцвѣтѣніе (стр. 282, 305). По различію возрѣній, туча-змѣй или поглощаетъ молнію, какъ-бы привлекается ею, или убѣгаетъ отъ нея, страшась губительнаго удара; въ такомъ двойственномъ отношеніи стоятъ черти къ цвѣту папоротника. <sup>3)</sup> Въ разныхъ странахъ папоротнику приписывается сила прогонять змѣй, и наши поселенцы дѣбать отъ змѣйнаго укушенія, прикладывая къ больному мѣсту высушенные листья этой травы <sup>4)</sup>; у чеховъ же есть повѣрье, что того, кто носитъ при себѣ змѣиный папороть (otterfaggen), преслѣдуютъ змѣи <sup>5)</sup>. Въ Россіи выгоняютъ коровъ въ поле на вѣшній Юрьевъ день (св. Юрій заштилъ собою древняго Перуна) и при этомъ ударяютъ ихъ освященною вербою, которую нарочно берегутъ отъ Вербнаго воскресенья. Чехи святятъ на коровій праздникъ (hody kravské — въ началѣ апрѣля) вербовые и бе-

---

<sup>1)</sup> Въ Богеміи готовятъ пепелъ изъ ореховой скорлупы и дѣютъ коровамъ въ кормъ, чтобы онѣ больше давали молока — Громаниъ, 130. На Руси, во время мора, окуриваютъ набы можжевельникомъ. — <sup>2)</sup> D. Myth., 1165; Die Götterwelt, 194—5. — <sup>3)</sup> Купъ, 178, 189—192, 203, 218—223, 236. — <sup>4)</sup> Москва. 1853, XI, 69—70. — <sup>5)</sup> Громаниъ, 97.

резовые прутки и выговяютъ ими коровъ <sup>1)</sup>: какъ береза даетъ весною сладкой сокъ, такъ и коровы станутъ давать вкусное молоко. Итакъ стародавнее преданіе о Перуновой вѣткѣ сочеталось у славянъ съ вербою, какъ общепринатымъ знаменіемъ тѣхъ зеленыхъ ваій, съ которыми встрѣченъ былъ Спаситель при входѣ въ Іерусалимъ. Къ празднику Ваій срѣзываются молодые прутья вербы, съ пушистыми распулками, и освящаются въ храмахъ. Путья эти считаютъ за цѣлебное средство отъ разныхъ болѣзней, равно спасительное и для людей, и для домашняго скота: въ нихъ отварѣ купаютъ дѣтей на здравіе тѣла; кто съѣстъ девять распуколокъ съ освященной вербы, того не коснется лихорадка; отъ переполоха (испуга) вбиваютъ въ стѣну колышекъ вербы, заостренный въ видѣ гвоздя; на Вербное воскресенье тѣхъ, кто проспнитъ заутреню, ударяютъ вербой и обливаютъ водою, приговаривая: «буль великій, якъ верба, а здоровій, якъ вода!» Вода здѣсь — символъ дождя <sup>2)</sup>. Въ тотъ-же день втыкаютъ вербу за образа и въ потолки домовъ и хлѣбовъ, съ полною вѣтвю, что это оградитъ зданія отъ грозы и пожара, а домашній скотъ отъ всякихъ бѣдъ (витебск. губ.). Чехи, для охраненія домовъ отъ ударовъ молніи и пожаровъ, держатъ на кровляхъ *netresk* (*sempervivum*, *donnerbart*) и *hromove kopeň*; а въ поляхъ втыкаютъ освященныя вербы, чтобы сберечь посѣвы отъ града, мышей и кротовъ. Есть мнѣніе, что такая верба, брошенная противъ вѣтра, прогоняетъ бурю, а брошенная въ пламя пожара — утишаетъ его разрушительное дѣйствіе <sup>3)</sup>. У болгаръ на Новый годъ мальчики ходятъ рано по утру нѣз до-

<sup>1)</sup> Ганушъ, 107.— <sup>2)</sup> Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовъ, 66; Терещ., VI, 85; Номис., 8; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 79; Саратов Г. В. 1851, 29.— <sup>3)</sup> Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 251; Громаниъ, 13 (освященной вербою можно отбиться отъ водяного), 94, 145; Нилъ, 120—1.

на въ домъ съ вѣтками жизня, и ударяя ими хозяевъ, высказываютъ добрыя пожеланія: «Новый годъ — веселая година, красныя яблоки въ саду, кисти винограда на лозахъ, гадая дѣвочка въ домѣ, юнаки-молодцы при огнищѣ!» т. е., да пошлетъ тебѣ богъ-громовникъ въ грядущемъ году всякое изобиліе и довольство. Сравни съ этимъ свидѣтельствомъ нашей обрядовой пѣсни, утверждающей, что на Новый годъ ходитъ по землѣ самъ Илья громовитый, потрясаетъ плетью и творитъ урожай (I, 283—4). Хозяинъ беретъ у мальчиковъ жизненные вѣтки и ударяетъ ихъ самими по спинѣ, преговаряя: «Новый годъ, медовая годова! дай мнѣ здравіе и добро, да вырастутъ, какъ вербы надъ рѣкою». У македонскихъ болгаръ мальчики, входя въ домъ, вѣшаютъ принесенными прутьями огонь въ печи, и причитываютъ: «Сурава боже (Новый годъ-божество)! дай столько цыплятъ, дѣтей и агнятъ» (сколько сыплется искръ отъ горящихъ дровъ<sup>1)</sup>). Впрочемъ, и лужицкій народъ еще не совсѣмъ утратилъ воспоминаніе о небесномъ громовомъ прутѣ. Когда гремитъ громъ и блистаетъ молнія, на Украинѣ не позволяютъ дѣтямъ рѣзвиться: «Господь (говорятъ имъ) грозитъ (сварница) золотомъ розею!»<sup>2)</sup> Эта золотая розга напоминаетъ намъ тростникъ (rohrstengel), данный Одinemъ королю Эриху и обладавшій такою-же побѣдоносною силою, какъ Торъ молотъ и пень Бьяргнир<sup>3)</sup>. Лужичане и чеки не совѣтуютъ бить дѣтей вѣткою или сухою вѣткою, не то ребенокъ высохнетъ<sup>4)</sup>; на Руси тоже нѣкоторые связываютъ съ лучиною (I, 259). Надъ вліяніемъ указанныхъ вѣзартій созданъ мифъ о вол-

<sup>1)</sup> Москв. Газета 1866 г., стат. Каравелова. — <sup>2)</sup> Номис., 12. —

<sup>3)</sup> Die Götterwelt, 162. Iris germanica, извѣстная у сербовъ подъ именемъ перуліяка, у шведовъ называется schwertlilie — Ср. рѣчки, 495. — <sup>4)</sup> Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 332; Громица, 112.

шебномъ пруткѣ—wünschelruthe, wünschelgerste, съ помощію котораго можно находить скрытые въ землѣ клады и рудныя жилы и достигать исполненія самыхъ неуныреннѣхъ желаній; какъ эмблема молніи, дарующей живую воу дождя и золото солнечныхъ лучей (=плодородіе и богатство), волшебный пруть надѣляетъ всевозможнымъ счастіемъ (wunsch = saelde — счастье). Въ народныхъ сказаніяхъ wünschelruthe называется золотомъ, не смотра на то, что въ позднѣйшее время стали искать эту розгу на земныхъ растеніяхъ, посвященн ыхъгрозовнику. Обыкновенноприготавливаютъ ее изъ молодого однолѣтняго побѣта орѣшника или колючей крушины (kreuzdorn, rhamnus catharticus). Вѣтка должна быть срѣзана при сіяньи мѣсяца на Иванову ночь и представлять изъ себя вишку, т. е. имѣть два отростка; или срѣзываютъ ее раннимъ утромъ въ воскресенье, наблюдая притомъ, чтобы избранная вѣтка была именно та, которую освѣщаетъ солнце при своемъ восходѣ и закатѣ. Приступая къ дѣлу, надо трижды поклониться дереву и сказать: «Gott segne dich, edles geis und sonnenzweig!» Для той-же цѣли можетъ служить и вѣтка рябины <sup>1)</sup>; по литовскому повѣрью, чорта можно убить только рябиновой палкою <sup>2)</sup> При отыскиваніи кладовъ произносится слѣдующая формула: ruthe, ruthe! ich frage dich, wo der beste schatz mag liegen? — и волшебный пруть летитъ самъ собою и упадетъ прямо туда, гдѣ зарыто сокровище. Онъ открываетъ и водные ключи (первоначально: дождевые источники), и воровъ и убійцъ (первоначально: демоновъ-похитителей дневнаго свѣта и дождя); кто обладаетъ такой диковинкой, у того скотъ не подвергается мору, а нивы — граду. Различныя названія, придаваемые волшебному

<sup>1)</sup> „Die Ruthe des als Schmarotzerpflanze gewachsenen Vogelbeerbaums diente auch als Wünschelruthe“ (Die Götterwelt, 236).— <sup>2)</sup> Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 573.

кнуту, указываютъ на пламя молніи (*feuergruthe, brandgruthe*) и громовые удары, которыми дробятся облачныя горы (*springgruthe, schlaggruthe, heberuthe*). Чехи розыскиваютъ влады освященной вербою и тремя палочками блага орѣшника: одна палочка служитъ для отысканія золота, другая—серебра, а третья—водныхъ ключей. Въ греческой мимологiи соответственное представленіе находимъ въ золотомъ, окрыленномъ жезлѣ Гермеса (*χρῶμαιον, caduceus* Меркурія); это — трехлиственный (*τρίπτερος*) аруть, около котораго обвиты змѣи (=молніи, см. гл. XX). Три листа его стоятъ въ связи съ названіемъ молніи трезубомъ; такъ названа она потому, что извивается ломанной, зубчатой линіей: у латинскихъ писателей—*trivulsum fulmen* (=dreizack). Отсюда объясняется и трезубецъ Посейдона<sup>1)</sup>. Гермесовъ жезлъ одѣлялъ счастіемъ и богатствомъ, и старинные немецкіе глоссаріи толкуютъ его: *wunsceligerta* и *flugegerta* (*virga volatilis*). Крылья, данныя этому жезлу, обличаютъ его съ нашей перелетъ-травой.<sup>2)</sup> Летучая молнія, быстро упдающая съ неба на землю, въ глубочайшей древности разсматривалась, какъ божій гонецъ или вѣстникъ, посылаемый безсмертными владыками на огражденіе добрыхъ и извѣсть злымъ. Именно съ такимъ характеромъ и является Гермесъ въ античныхъ преданіяхъ. Чехи донынѣ громъ называютъ: *boží roveř*, а камень, извѣстный у насъ подъ именемъ «громовой стрѣлки», — *boží proutek*<sup>3)</sup>. На ряду съ волшебнымъ кнутомъ должны быть поставлены и тирсы вакханокъ—жезлы или дубины, обвитыя виноградными листьями. Ударяя этими тирсами по землѣ и скаламъ, онѣ творили источники водъ, молока и вина. Вакхъ—богъ молніи, производящей дождь; подрев-

<sup>1)</sup> Der Ursprung der Myth., 127 — <sup>2)</sup> D. Myth., 926—8; Die Götterwelt, 205; Громовикъ, 215.— <sup>3)</sup> Источекъ въ Часописи 1863, I, 68; Громовикъ, 33.



нему сказанію онъ извлекъ изъ скалы-тучи вино-дождь <sup>1)</sup>. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ встрѣчаемъ преданія о живыхъ источникахъ, которые излились изъ твердыхъ скалъ послѣ удара, навесеннаго жезломъ, что совершенно тождественно удару Пегасова копыта; преданіямъ этимъ часто давалась легендарная обстановка: тотъ или другой святой погружаетъ въ землю вѣтку — и тотчасъ бьетъ оттуда ключомъ чистая, холодная вода <sup>2)</sup>. Венгерскія сказки, рядомъ съ мѣломъ, который самъ собою разбавляетъ стѣны и башни замковъ (—облачныя постройки демоновъ), упоминаютъ и золотую вѣтку: если ударить ею по скалѣ — скала выигъ распрываеаеа и проливаетъ обильныя воды <sup>3)</sup>; славянскія сказки говорятъ о прутикѣ, обладав которымъ можно отпирать внутренности горъ и доставать оттуда всецѣтныя сокровища <sup>4)</sup>. По свидѣтельству народнаго зпоса, ударъ волшебнаго прутика также возвращаетъ жизнь окаменѣвшимъ героямъ, какъ и самое окропленіе живою водою <sup>5)</sup>; смыслъ. тотъ, что творческія силы природы, олицетворенныя въ образѣ могучихъ богатырей, цѣпенѣютъ подъ холоднымъ дыханіемъ звы и пробуждаются къ жизни не прежде, какъ весной, послѣ грозныхъ ударовъ и дождевыхъ ливней. Какъ символъ быстролетной, крылатой молніи, wünschelruthe замѣняется иногда перомъ, которое въ одно мгновеніе переноситъ сказочнаго героя—куда онъ пожелаетъ. Такъ въ одной русской сказкѣ <sup>6)</sup> Воронъ Вероновичъ—добыватель живой воды носитъ царевича по горамъ и доламъ, по вертепамъ и облакамъ, потомъ отдастъ ему посошокъ-пѣрушко, и отдавши — обращается въ престарелаго вероха; съ помощію этого посошка царевичъ вылетаетъ

<sup>1)</sup> Кунъ, 239, 243—5 — <sup>2)</sup> D. Myth., 850—1.— <sup>3)</sup> Штиръ, стр. 142, 181—2.— <sup>4)</sup> Slov. pohad., 397—408.— <sup>5)</sup> Сказ. Грѣн., I, стр. 385, 396—7; Н. Р. Сл., VI, 69; VII, 22; сб. Баласа, стр. 33, 36, 54—55, 125—6.— <sup>6)</sup> Н. Р. Сл., VIII, 7.

изъ подземнаго (—заоблачнаго) царства. Подобно тому, герой нѣмецкой сказки <sup>1)</sup>, вкладывая себѣ въ ротъ и уши три пера, вырванные изъ птицы-грифа, получаетъ способность летать съ необычайной скоростью. Посохъ-пѣрушко напоминаетъ намъ перо, которое роняетъ соколъ-Индра при похищеніи сомы, крыленный кадуцей Меркурія и Nacken-foeder норвежской сказки <sup>2)</sup>. Обманутый братьями и дядькою, царевичъ остается въ области троллей; на спасеніе его является огромная птица (—туча), которая имѣла на затылкѣ перо—такое большое, что оно равнялось на половину-выросшей ели (Nacken-foeder); царевичъ сѣлъ ей на спинну, схватился за это перо, и былъ вынесенъ на бѣлый свѣтъ. Нередко сказочные герои переносятся съ мѣста на мѣсто при содѣйствіи чудесной палочки, которую стѣитъ только метнуть съ руки на руку, какъ тотчасъ явятся духи (вѣтры), подхватятъ и умчатъ въ далекіи страны — по желанію <sup>3)</sup>.

Wünschelrute не только принимается за волшебную диконку; въ немъ видать и живаго духа, совершенно-тождественнаго съ тѣмъ сказочнымъ слугой-невидимкою, который въ одно мгновеніе уноситъ своего господина въ тридесятое царство, побиваетъ его враговъ, осыпаетъ его богатствомъ и всевозможными благами. Таково нѣмецкое повѣрье о волшебномъ корнѣ алгауп. Подъ висѣлицей, изъ мочіи или сѣмени невинно-казненнаго юноши вырастаетъ широколистный и желтоцвѣтный алгауп. Когда станутъ вырывать его — онъ охаетъ и вопитъ такъ страшно, что тутъ же выражаетъ на смерть неосторожнаго искателя ечастія; а потому должно нанередъ заткнуть свои уши воскомъ или хлопчатой бумагой, окопать землю вокругъ корня, привязать растеніе къ хвосту черной собаки, и нана ее кускомъ мяса,

<sup>1)</sup> Вольфъ, стр. 6—7.— <sup>2)</sup> I. 3.— <sup>3)</sup> Н. Р. Сл., I—II, стр. 131.

бѣжать поспѣшно прочь. Собака бросится за мясомъ, вытащить корень альрауна и упадетъ жертванъ отъ его жалобнаго крика. Корень этотъ имѣетъ формы человѣка — голову, руки и ноги, и въ Богеміи принято называть его *mužik*; когда онъ будетъ вырытъ, можно обращаться къ нему съ различными вопросами: *alraun* сообщить всѣ тайны, откроетъ будущее, укажетъ — какъ одолѣть враговъ и приобрести богатство. Съ одной стороны его считаютъ за корень мандрагоры, о которой старинные писатели рассказываютъ, что цвѣтъ ея свѣтится по ночамъ, точно огонь; а съ другой стороны нельзя не признать его за мнѣшеское существо, родственное карликамъ (*alruniken* = *erdmännlein* <sup>1)</sup>). *Alraun* — это молніеносный эльфъ, принимающій въ себя образъ чудеснаго цвѣтка или травы; почему происхожденіе этой травы связывается съ смертію невиннаго юноши? — объ этомъ будетъ сказано ниже (см. стр. 434); теперь же замѣтимъ, что она вырастаетъ и распускается желтымъ (=золотымъ) цвѣткомъ въ то время, когда проливается сѣмя- или ноча-дождь; страшные вопли альрауна — метафора убійственныхъ громовъ, которыми сопровождается паденіе молніи, какъ-бы вырванной изъ нѣдръ тучи. Какъ нельзя безнаказанно сорвать цвѣтка-молніи (сравни сербское преданіе о столбистой розѣ), такъ и клады, по мнѣнію словенцевъ, не должно вынимать изъ земли человѣческими руками, а слѣдуетъ припрятать вола или коня: пусть это животное сдвинетъ съ мѣста найденное сокровище; кто прямо дотронется до клада, тотъ непременно умретъ <sup>2)</sup>).

b) Мы уже знаемъ, что Перуновъ цвѣтъ быстро перене-

<sup>1)</sup> D. Myth, 1154—5; Жуль, 206—8, 219; Грэнантъ, 88. — <sup>2)</sup> Иличъ, 124 — 5. На Руси ходитъ разсказъ, будто есть на свѣтѣ трава-ревенъка, которая реветъ и стонетъ по зорямъ; она растетъ въ водѣ и имѣетъ красный цвѣтокъ — Терещъ, V. 91.

сятся или прыгаетъ съ одного мѣста на другое и что передъ нимъ распадаются каменные горы и желѣзные запоры; по этимъ признакамъ ему придавались названія: спрыгъ-трава, прыгунъ или скакунъ-трава, разрывъ-трава, у сербовъ расковник (отъ глагола: рас-ковать), у нѣмцевъ *springwurz*. Объ этой травѣ разсказываютъ, что листья ея имѣютъ форму крестиковъ, а цвѣтъ подобенъ огню, распускается въ полночь на Ивана-Купалу и держится не болѣе пяти минутъ; но гдѣ она растетъ—никому невѣдомо; достать ее весьма трудно и сопряжено съ большою опасностью, потому что всякаго, кто найдетъ ее, черти стараются лишить жизни. Если приложить разрывъ-траву къ запертой двери или замку — они немедленно разлетятся на части, а если бросить въ кузницу — ни одинъ кузнецъ не въ состояніи будетъ сваривать и ковать желѣзо, хоть бросай работу! Разрывъ-трава ломаетъ и всѣ другія металлическія связи: сталь, золото, серебро и мѣдь. Вору, когда нѣмъ удастся добыть эту траву, разрѣзываютъ себѣ палецъ, вставляютъ ее внутрь разрѣза, и вотомъ заживляютъ рану; отъ одного прикосновенія такого пальца замки отпираются и сваливаются съ дверей и сундуковъ <sup>1)</sup>. Если прикоснуться этимъ пальцемъ къ человѣку — онъ скоропостижно умираетъ. Чтобы достать разрывъ-траву, надо въ полночь, наканунѣ Иванова дня, забраться въ лѣсной пустырь и косить траву до тѣхъ поръ, пока переломится желѣзная коса: этотъ переломъ и служить знакомъ, что левіе косы ударило о разрывъ-траву. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ свалится коса, должно собрать всю срѣзанную зелень и бросить въ ручей или рѣку: обыкновенная трава поплыветъ внизъ по водѣ, а разрывъ-трава противъ теченія; тутъ ее и берѣ! «Један торговац (разсказываютъ сербы), желеѣн такову

<sup>1)</sup> Абев., 271, 275; Статист. опис. саратов. губ., I, 63.

траву найи, некакву бабу метнуо у букагије <sup>1)</sup>, па је пустио ноћу да иде по ливади: па као гдје би се букагије саме од себе отвориле, ондје мора бити расковник. Другіе совѣтуютъ отыскать весною гнѣздо дятла и заложить въ немъ отверстіе кускомъ желѣза или гвоздемъ, а внизу разостлать полотно; птица, желая открыть входъ въ свое гнѣздо, принесетъ разрывъ-траву <sup>2)</sup>. Тоже утверждаютъ чехи <sup>3)</sup> и нѣмцы. Когда у дятла (*grünspecht* или *schwarzspecht*) выводятся дѣти, должно заложить его гнѣздо деревяннымъ колышкомъ; какъ только птица усмотритъ бѣду, тотчасъ-же улетаетъ отыскивать чудесный корень, котораго человѣку ни за что не найдти; она приноситъ его въ клювѣ и прикладываетъ къ деревянному колышку, и тотъ какъ-будто отъ сильнаго удара выскакиваетъ вонъ. Подъ самымъ гнѣздомъ растилается на землѣ бѣлый или красный платокъ; искатель разрывъ-корня причется за дерево и при возвращеніи дятла подымаетъ такой шумъ, что испуганная птица роняетъ *springwurzeln* прямо на платокъ. Глубокая древность этого повѣрья засвидѣтельствована Плиніемъ. *Springwurzeln* отворяетъ съ трескомъ и грохотомъ двери подземелій и твердыни скалъ, внутри которыхъ таятся драгоценныя клады <sup>4)</sup>. Дятель—птица священная, птица-приносительница небеснаго огня молній (I, 494); она вѣетъ свое гнѣздо въ облачномъ деревѣ, и гнѣздо это, окованное зимними холодами, отворяется въ весеннюю пору вѣткой-молніей; грохотъ, съ которымъ отворяются двери горныхъ подземелій (=тучъ), напоминаетъ страшное хлопанье адскихъ вратъ и есть метафора грома. Итакъ несомнѣнно, что разрывъ-трава принадлежитъ къ баснословнымъ созданіямъ

<sup>1)</sup> Желѣзные колодки на ноги.— <sup>2)</sup> Терещ., V, 92; Сахаров., I, 43—44; Этн. Сб., VI, 127; Пантеонъ 1854, VI, белорус. повѣрь, 63; сб. Валявца, 252—4; Срп. рјечникъ, 638.— <sup>3)</sup> Громаничъ, 88.—

<sup>4)</sup> D. Myth., 924—5; Deutsche Sagen, 11—13.

сантази. Въ болѣе позднюю эпоху явилось стремленіе отыскать эту траву между земными растеніями. Яковъ Гриниъ угадываетъ на *euphorbia lathyris* (крестолиственный *wolfsmilch*, молочайникъ; волчье молоко—дождь), какъ изъ разрывъ-траву; ибо означенное растеніе итальянцы называютъ *sfegga-cavallo* и приписываютъ ему такую силу противъ металловъ, что у лошади, которая нечаянно наступитъ на эту траву, отскакиваетъ съ ноги желѣзная подкова <sup>1)</sup>. По санскр. *euphorbia*—*vajrakantaka* (*donnerkeilsdorn*) или *vajradruma* (*donnerkeilsholz* <sup>2)</sup>).

с) Въ зимнее время небо перестаетъ посылать на землю орождающее сѣмя дождей и росы; холода и стужи какъ-бы запираютъ небесные источники, запираютъ и самую землю, которая лежитъ окованная снѣгами и льдами, и ничего не рождаетъ изъ своей материнской утробы. Стариныны поучительныя слова обозначаютъ бездождіе — завязаннымъ или замкнутымъ небомъ. Возставая противъ суевѣрнаго уваженію къ отреченнымъ (апокрифическимъ) сказаніямъ, проповѣдникъ замѣчаетъ: «того ради завязано небо, не пуститъ дождя на землю, понеже человеки кленутся Богомъ и святыми его и другъ друга догонять клятвы... жертву приносятъ бѣсомъ и недуги лѣчатъ чарами и наузы... того ради Богъ гнѣвася не попускаетъ дождя съ небесъ» <sup>3)</sup>. Сравни съ слѣдующимъ мѣстомъ въ древне-славянскаго перевода слова Григорія Богослова: «сихъ бо (суевѣрій) ради приходитъ гнѣвъ божій на сыны противныя; сихъ ради ли затворяется небо, ли злѣ отъвръзается, овогда ведро (засуху) творя..., овогда градъ въ дѣжда мѣсто пушая» <sup>4)</sup>. Свѣтлая дѣва, бо-

<sup>1)</sup> D. Myth, 925—6. — <sup>2)</sup> Кунъ, 216. Чудесное свойство разрывать замки и дѣли чехи приписываютъ растеніямъ: *cichorium* (*wegwarte*) и *verbena* (*eisenkraut*) — Громовицъ, 91. — <sup>3)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, пол. I, стр. XXVII. — <sup>4)</sup> Изв. Ак. Н., IV, 310.

гния-Зоря и вѣстѣ съ тѣмъ богиня-громовница (Лада=Фрея), разгоняя ночной прахъ и зимніе туманы, отпирала небесныя врата Солнцу на разсвѣтѣ дня и на утрѣ весны и посылала на землю росу и дождя (1, 598—9). У Гомера обязанность отворять и закрывать небесныя врата исполняютъ Горы=часы <sup>1)</sup>. Уподобляя свѣтлая взирающимъ очамъ, фантазія признала въ нихъ стражей небеснаго чертога, оберегающихъ райскія двери. Съ такимъ характеромъ являются въ Эддѣ мѣсяцъ и солнце:

Sie halten täglich  
Am Himmel die Runde  
Und bezeichnen die Zeiten des Jahrs <sup>2)</sup>.

Древнѣйшее божество неба Янусъ (Janus = Djanus — Дивъ, преимущественно дневное небо=солнце, а въ женскомъ олицетвореніи Diana=Јана, богиня ночнаго неба=луна) соединяетъ въ своемъ образѣ оба эти свѣтила, и потому голова его состоитъ изъ двухъ сросшихся ликомъ: одинъ ликъ — бородатый, мужской, а другой — безбородый, женственный. Такъ изображался онъ на греческихъ и этрусскихъ монетахъ. Вѣстѣ съ этимъ Янусъ — стражъ свѣтлаго жилища боговъ; онъ отпиралъ небесныя врата, выводилъ изъ-за нихъ новорожденное солнце и тѣмъ самымъ даетъ начало году; по его имени получилъ названіе и первый мѣсяцъ въ году (сравни: јануа—ворота, вхѣдъ, начало, јаpitог — привратникъ).

<sup>1)</sup> Въ Илиадѣ, V, 748—751, читаемъ: богини Гера и Афина злутъ въ пламенной, золотой колесницѣ;

Гера немедли съ бичемъ налегла на коней быстроногихъ,  
Оъ громомъ врата нмъ небесныи (пѣлаи оубранѣи) сами раз-  
верзались при Горахъ,

Стражъ которыхъ Олимпъ и великое нѣзрѣно небо,  
Чтобы облакъ густой разверзати, нмъ сымнати передъ  
нами.

<sup>2)</sup> Смирновъ, 22.

По гѣмецкимъ и славянскимъ преданіямъ небо (рай) отворяется два раза: при поворотѣ солнца — на праздникъ Рождества Христова и при началѣ весны — на Свѣтлое Воскресеніе (1, 778 и въ этомъ томѣ, стр. 150). Такъ какъ открытіе небесныхъ чертоговъ предполагаетъ борьбу съ демонами ночного мрака и темныхъ тучъ, то отсюда отворенный храмъ Януса сталъ служить знаменіемъ войны, а замкнутыя двери его — означать миръ <sup>1)</sup>. Съ возвратомъ весны богъ-громовникъ, разбиватель облачныхъ горъ, отпираетъ своею молніей небесные источники и наполаетъ землю росой и дождями; онъ даетъ землѣ производительную силу и отпираетъ ея замкнутыя недра. До перваго грома земля, по народному выраженію, не растворяется <sup>2)</sup>. Какъ ключъ, вложенный въ отверстіе замка, снимаетъ запоры и открываетъ доступъ къ спрятаннымъ сокровищамъ; такъ буравъ-молнія, сверля горы-тучи, освобождаетъ изъ нихъ солнечный свѣтъ и дождевые потоки, а отмыкая бочки-тучи, льетъ оттуда небесное вино или живую воду. Потому молнія въ поэтическихъ сказаніяхъ народа есть золотой Перуновъ ключъ. Народная загадка такъ выражается о молніи: «Дѣва Марія (христіанская подѣльна древней богини-громовницы) по воду ходила, ключи обронила», т. е. чтобы добыть дождевую воду — она бросаетъ ключъ-молнію. Ветхонѣе сказаніе свидѣтельствуетъ, что Моисей разбилъ жезломъ скалу и источалъ изъ нея воду; народъ, вѣрный преданіямъ языческой старины, называетъ этотъ жезлъ деревяннымъ ключемъ: «кто деревяннымъ ключемъ отпираетъ водяной замокъ? — Моисей» <sup>3)</sup>. Въ сербской пѣснѣ громовникъ Илья-пророкъ говоритъ Огняной Маріи, огорченной людскими грѣхами:

<sup>1)</sup> Sonne, Mond u. Sterne, 196—9. — <sup>2)</sup> Ромил., 9. — <sup>3)</sup> Этн. Сб., VI, 80.



Моли́мо Бога исти́наго,  
 Нек нам даде кля́(ъ)уче од н сбеса,  
 Да затвори́м' се́дмера небеса,  
 Да ударимъ пѣчат на облаке:  
 Да не падне дажда из облака,  
 Плаха дажда, нити роса тиха...  
 Да не падне за три годинице,  
 Да не роди вино, ни шеница <sup>1)</sup>.

Таже пѣсня встрѣчается у болгаръ. Говорить св. Илья: по-  
 молимся Христу,

Да ми даде ключеви отъ небеси,  
 Да заключамъ мѣгли и облаци;  
 Три години дошъ (дождь) да не завжрие,  
 Три години, сжице да н' угрева,  
 Три години ветеръ да не дува,  
 Да не съ роди вино, ни жито <sup>2)</sup>.

Языческія преданія о Перунѣ въ позднѣйшую эпоху были пе-  
 ренесены на Илью-пророка и Юрія Храбраго. На вешній Юрь-  
 евъ день (23 апрѣля), когда бываетъ первый выгонъ скотины  
 на пастбище, бѣлоруссы причитываютъ:

Святый Юрья, божій пасолъ,  
 До Бога пашовъ,  
 А узивъ ключи золотые,  
 Атамкнувъ земаю сырусенькую,  
 Пусьцивъ росу цяплюсенькую (теплую)  
 На Бѣлую Русь и на увесь свѣтъ <sup>3)</sup>.

Въ этотъ день служатъ на студенцахъ молебны, нивы окроп-  
 ляють св. водою, а домашнихъ животныхъ нарочно-собранный  
 росой <sup>4)</sup>. На Моравѣ встрѣчаютъ весну слѣдующей пѣсней:

---

<sup>1)</sup> Срп. н. пјесме, II, 2—6. Переводъ: Станемъ молить истиннаго  
 Бога—пусть дастъ намъ ключи отъ неба, и затворимъ седемъ не-  
 бесъ, наложимъ печать на облака, да не падеть изъ нихъ ни шума-  
 щій дождь, ни тихая роса... три года и да не родится ни вино, ни  
 пшеница.— <sup>2)</sup> Миладин., 27. Три-года, можетъ быть, первоначаль-  
 но означали три зимнихъ мѣсяца.— <sup>3)</sup> Пятеонъ 1856, III, 5.— <sup>4)</sup>  
 Т. I-й настоящ. сочин., 705—8; Каравел., 218.

«Smrtina neděla! (четвертое воскресенье великаго поста—вре-  
мя изгнанія Смерти—Зимы) куда ключи дѣвала?—Я отдала  
ихъ Вербному воскресенью. — Вербное воскресенье! куда ты  
ключи дѣвало?—Я отдала ихъ Зеленому четвергу (такъ на-  
зывается чистый четверг). — Зеленый четверг! куда ты  
ключи дѣвалъ?—Я отдалъ ихъ св. Юрію. Св. Юрій вставалъ  
и отмыкалъ землю, чтобы росла трава—трава зеленая». Въ  
другихъ вариантахъ Смертная недѣля отвѣчаетъ, что отда-  
ла ключи св. Юрію, «aby otevřel do nebe или do ráje dveři» <sup>1)</sup>.  
Юрьевъ день следовательно устанавливаетъ весну, завершаетъ  
то, къ чему стремились предыдущіе праздники. Но главнымъ  
образомъ представление о ключѣ-могнѣ сочеталось въ народ-  
ныхъ повѣрьяхъ съ апостоломъ Петромъ, такъ какъ ему, по  
евангельскому свидѣтельству, обѣщаны ключи царства не-  
беснаго. По выраженію сербскихъ пѣсень, при раздѣлѣ мо-  
гучихъ силъ природы — ему достались лѣтніе жары (л(ь)ѣтне  
врућине), вино, пшеница (т. е. урожай нивъ и виноградни-  
ковъ, или прамѣ — дождь, какъ основа всякаго плодородія,  
изревле уподобляемый вину и хлѣбнымъ сѣменамъ) и «ка(ь)у-  
чаве од небеског царства» <sup>2)</sup>. Чехи называютъ къ нему: «sv.  
Petr hřimá, natoči nám vlna!» или «Petr na vrchu (на горѣ-небѣ)  
hřimá, dá nám trochu vina; budeli v březnu hřimati, budem mít  
vlna hojnosti» <sup>3)</sup>. Сейчасъ-приведенная нами бѣлорусская пѣсня  
карируется еще такъ:

А Юрью. мой Юрью!  
Подай Петру ключи  
Землю одоминуци,

<sup>1)</sup> Ч. О. И. и Д. 1865, III, 403; такіа-же пѣсни поются и чеха-  
ми—Prostonar. česke písně a říkadla Эрбена, 57.—<sup>2)</sup> Сrp. и. пјесме,  
I, 156; II, 2; болгарская пѣсня (Миладин., 27) говоритъ, что св.  
Петру достались ключи отъ рая: „онъ да отворе и онъ да затво-  
ре.— <sup>3)</sup> Гаушъ, 165, 193; Proston. česke písně a říkadla 59.

Траву выпускаци,  
 Статокъ (скотину) накормица <sup>1)</sup>.

Въ разныхъ мѣстахъ Германіи крестьяне, слыша грохъ, утѣряютъ, что св. Петръ катаетъ по небу каменные шары (=играетъ въ кегли), при паденіи же снѣга — что св. Петръ вытрясаетъ постели; 22-го февраля, въ день, посвященный этому апостолу, возжигаются огни, а въ Вестфалии ударяютъ молотами въ дверные косяки, чтобы отогнать нечистаго духа и охранить скотину отъ болѣзней <sup>2)</sup>. Въ Россіи на Петровъ день (29 іюня) разводятъ огни на пригоркахъ — передъ самымъ разсвѣтомъ, и караулятъ восходъ солнца, которое тогда играетъ на небѣ <sup>3)</sup>. Въ воронежской губ. Плядашъ даютъ названіе Петровы ключи <sup>4)</sup>, связывая такимъ образомъ представленіе о золотомъ ключѣ, отпирающемъ весеннее небо, съ блестящимъ созвѣздіемъ. Въ тихіе часы ночи на высокомъ небесномъ сводѣ—тамъ, гдѣ тянется млечный путь, эта дорога усопшихъ въ страну блаженныхъ, народъ усматриваетъ ключи отъ пресвѣтлаго рая; въ Польшѣ млечный путь называютъ дорогой св. Якуба, а созвѣздіе Ориона—*Jasubova paliczka*, т. е. смѣшиваютъ палицу Перуна съ посохомъ Іакова; у другихъ славянъ созвѣздіе это называется *shtarka, palize, babini setari*, у нѣмцевъ *Jacobstab* и *Petersstab* <sup>5)</sup>. Соответственно съ символическимъ представленіемъ вѣтровъ и грозы быстролетными птицами, народное русское повѣрье говоритъ, что ключи отъ неба (рая) находятся у той или другой птицы, которая, улетая на зиму, уноситъ ихъ съ собою, а весною снова прилетаетъ отпирать небесные источники. Въ мартѣ-мѣсяцѣ, закликая весну, въ деревняхъ смоленской губ. поютъ:

<sup>1)</sup> Мат. сравн. слов., II, 187.— <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 231—2.— <sup>3)</sup> Сахаровъ, II, 41—42.— <sup>4)</sup> Обл. Сл., 84.—<sup>5)</sup> Ганушъ, 202; D. Myth., 690.

Благослови, Боже,  
Весну кликаць,  
Зиму провожаць,  
Лѣта дожидаць!  
Вылети, сизая галочка,  
Вынеси золоты ключи,  
Замкни холодную зимушку.  
Отомкни цеплое лѣтечко <sup>1)</sup>.

Въ одной обрядовой пѣснѣ полтавской губ. галка называется золотою ключницею <sup>1)</sup>. Въ Малороссіи рассказываютъ, что ключи отъ рая = вѣрія хранитъ при себѣ вѣстница весны — кукушка или соя <sup>2)</sup>. Въ великорусскихъ губерніяхъ вѣрятъ, что 9-го марта «прилетаетъ куликъ изъ-за моря, приноситъ воду изъ неволя» <sup>3)</sup>. Въ нѣмецкой сказкѣ голуби даютъ героинѣ три золотыхъ ключа, которыми она отпираетъ три дерева и достаетъ оттуда вкусныя яства и наряды <sup>4)</sup>, т. е. ключи-молніи отпираютъ деревья-тучи, и низводя дожди, даруютъ землѣ изобиліе плодовъ и рядятъ ее въ лѣтніе уборы. По указанію чешской колядки, ключъ отъ райскихъ источниковъ приноситъ лиса (о мифическомъ значеніи ея см. I, 645—6): «běžela liška po ledu, ztratila klíček od medu» <sup>5)</sup>. Ключъ добываетъ не только медъ дождя, но и золото солнечнаго свѣта: когда горитъ кладъ, стѣишь только бросить на него ключъ — и сокровище останется на поверхности земли <sup>6)</sup>.

Итакъ, слѣдуя поэтическому выраженію старины, Перунъ отпираетъ облака и посылаетъ дожди и плодородіе; но въ его

<sup>1)</sup> Цебриков., 271, 288. — <sup>2)</sup> Полтав. Г. В. 1846, 19. — <sup>3)</sup> Москв. 1846, XI — XII, 153; Кулишъ, II, 36. — <sup>4)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, пол. 2, 117. — <sup>5)</sup> Сказ. Грим., 123. По другимъ преданіямъ, грозовыя птицы отпираютъ облака своими желѣзными или огненными клювами (I, 501, 528); сравни: ключъ, клюка (палка съ загнутымъ крюкомъ—Обл. Сл., 84) и клювъ. — <sup>6)</sup> Дядь и Баба, ст. Гануша, 20. — <sup>7)</sup> Громаниъ, 215.

божественной волѣ было и не давать благодатнаго дождя и наказывать смертныхъ неурожаами, почему ему могли приписывать и самое замыканіе тучъ, задержаніе дождевыхъ потоковъ. Къ богу-громовнику обращались не только съ мольбами о дождѣ, во время засухи, но и съ просьбами установить вѣдро — во время продолжительныхъ ливней. Въ числѣ разнообразныхъ метафорическихъ сближеній, какія съ необыкновенною смѣлостью и свободою допускала фантазія древнѣйшаго челоуѣка, падающій дождь уподоблялся крови, истекающей изъ ранъ, наносимыхъ Перуновыми стрѣлами облачнымъ демонамъ. Отсюда возникли заговоры на остановленіе руды (крови), заговоры, обращенные къ богу-громовнику съ мольбою запретить кровавыя раны—также, какъ запираетъ онъ дождевыя источники. Приведемъ слова заговоровъ: «шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, ручьи-протоки запираетъ, руду унимаетъ — стрѣльную, ручебную, ножевую, топорную..» <sup>1)</sup> — «Встану благословясь, пойду перекрестясь во чистое поле, во зеленое поморье, погляжу на восточную сторону: съ правой, со восточной стороны летятъ три врана, три брательника, несутъ трои золотыя ключи, трои золотыя замки; запирали они, замыкали они воды и рѣки и снїя моря, ключи (источники) и родники; заперли они, замкнули они раны кровавыя — кровь горячую. Какъ изъ неба синяго дождь не канетъ, такъ бы у раба божьаго (имярекъ) кровь не канула. Аминь.» <sup>2)</sup> — «Есть въ святомъ морѣ (=въ небѣ) — лежитъ лотырь-камень, на томъ камню стоитъ Іоаннъ Креститель <sup>3)</sup>, подпершись желѣзнымъ посохомъ, и уговариваетъ у раба божьаго (имярекъ) кровавую рану — постъченную, порѣзанную, въ бѣломъ тѣлѣ шипоту, въ костяхъ ломоту, уговариваетъ у

<sup>1)</sup> Щапов., 56.— <sup>2)</sup> Иллюстр. 1845, 250.— <sup>3)</sup> Въ народныхъ преданіяхъ онъ заступаетъ громовника—см. гл. XXVIII.

раба божьяго семьдесятъ жилъ, станovýchъ три жилы, и замыкаетъ ключемъ божіимъ.» (Новгород. губ.) Выраженіе эти перешла въ самый обрядъ: при сильномъ теченіи крови изъ носу, берутъ замкнутый замѣкъ и даютъ крови капать сквозь его дужку, или вмѣсто этого — держать въ обѣихъ рукахъ по ключу, и вѣрять, что такое средство останавливаетъ теченіе руды: кровавая жила запирается <sup>1)</sup>).

Молніей прогоняетъ Перунъ злыхъ демоновъ; въ вѣрованіи народныхъ она представляется спасительнымъ орудіемъ противъ всякаго дьявольскаго навожденія и чародѣйства. Уподобляя это орудіе ключу, древній человѣкъ прибѣгалъ къ богугромовнику съ мольбами укрыть его отъ вражескихъ замысловъ своимъ облачнымъ покровомъ, оградить и замкнуть своимъ золотымъ ключемъ, или заклиналъ небснаго владыку шпереть этимъ ключемъ уста колдуновъ и вѣдьмъ, готовые послать на міръ божій разные болѣзни и бѣдствія: «пойду я рабъ (имярекъ) изъ избы дверьми-воротами; на встрѣчу мнѣ Михаилъ-архангелъ (подставка воинственнаго Перуна архистратигомъ небесныхъ силъ) со святыми своими съ ангелами и апостолами, и возмолюсь я Михаилу-архангелу: Михаилъ-архангелъ! заслони ты меня желѣзною дверью и запри тридцатью замками-ключами. И глаголетъ мнѣ, рабу божію, Михаилъ-архангелъ: заслону я тебя, раба божія, желѣзною дверью и замкну тридцатью замками-ключами, и даць ключи звѣздамъ... возьмите ключи, отнесите на небеса!» — «Замыкаюся я, рабъ божій, девяносто позолочеными ключами отъ колдунъ(а), отъ колдунницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ; кину я, рабъ божій, тѣ девяносто позолоченныхъ ключей въ окіанъ-море (=небо)... Никому въ кіянѣ не бывать и ключей моихъ не вынимать.» <sup>2)</sup> —

<sup>1)</sup> Иллюстр. 1845, 503.— <sup>2)</sup> Щаповъ, 55, 58; Сахаровъ, I, 18: «Возьми ты, красная дѣвица (Зора), въ правую руку 12 ключей

«Завяжи, Господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ уста и языкъ на раба божія (имярекъ) зла не мыслити. Михайло-архангелъ, Гавріилъ-архангелъ Никола милостивъ! снесите съ небесъ и снесите ключи и закройте колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ и упирцу (упырю) нѣкрѣпо и твердо. И сойдетъ Никола милостивъ и снесетъ желѣза и поставитъ отъ земли до небесъ и запретъ тремя ключами позолоченными, и тѣ ключи броситъ въ окіанъ-море; (въ окіанъ-морѣ) лежитъ камень-алатырь: тебѣ бы камению не отложаться, а вамъ ключамъ не выплывать по мое слово<sup>1)</sup>. Въ наговорную воду, употребляемую противъ сглаза, хорутане виѣстѣ съ угольями кладутъ стрѣлу или ключъ<sup>2)</sup>. Призываемые на судъ и къ начальству читаютъ такое заклятіе: «Господи, Владыко Вседержителю! далъ еси Петру и Павлу (память того и другаго празднуется въ одинъ день, и потому народъ постоянно соединяетъ ихъ имена) ключи царствія небеснаго; сдѣлай мнѣ, Господи, златы свои ключи, запрѣ, заградѣ и заключи сердце (=строгость, озлобленіе) начальниковъ<sup>3)</sup>. Яркой блескъ и громовое потрясеніе небесныхъ ключей (=молній)—знаменіе гнѣвнаго Перуна, выступающаго на вражду съ толпами демоновъ; это поэтическое выраженіе послужило основою народныхъ примѣтъ: не стучи ключами, не бросай ихъ на столъ, не играй ни ножомъ, ни ключами — не то настанутъ въ домѣ непріязнь и ссоры<sup>4)</sup>.

Уподобляя молнію золотому ключу, фантазія сблизила эту метафору съ двумя другими представленіями грозового пламени — фаллусомъ и цвѣткомъ. По указаніямъ народнаго эпоса,

---

и замки 12 замковъ, и опусти эти замки въ окіанъ-море, подъ алатырь-камень». Сравни въ I-мъ т. настоящаго сочиненія, стр. 421—2.— <sup>1)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отд. 6, 54.— <sup>2)</sup> Сб. Валаца, 247.— <sup>3)</sup> Изъ рукописнаго сборника — <sup>4)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 10; Иллюстр. 1846, 172; Нар. сл. раз., 152; сравни т. I-й настоящаго сочиненія, стр. 786.

«Ключъ бога-громовника есть именно тотъ ключъ, которымъ отпираетъ онъ «сокровенное» облачной дѣвы, чтобы унитъся въ любовнымъ напитокомъ» (=дождемъ; см. I, 459—460, и сравни съ древнимъ сказаніемъ объ Одинѣ и Гуннлѣдѣ — I, 395). Въ народной русской сказкѣ находимъ слѣдующій эпизодъ: у жены-красавицы долго пропадалъ въ далекихъ странахъ любимый мужъ (=зимнее странствованіе бога-громовника), и стали за нее свататься разные цари и царевичи, короли и королевичи. И вотъ, когда они сидѣли за столомъ да угощались винами, воротился мужъ въ шапкѣ-невидимкѣ (=въ облакѣ). Жена тотчасъ догадалась о его возвратѣ, ибо на всѣхъ деревьяхъ показалась свѣжая зелень, и задала своимъ женихамъ такую загадку: «была у меня шкатулочка самодѣльная съ золотымъ ключемъ; я тотъ ключъ потеряла и зайти не чаяла, а теперь тотъ ключъ самъ нашелся. Кто отгадаетъ эту загадку, за того замужъ пойду!» Цари и царевичи, короли и королевичи долго надъ тою загадкою ломали свои мудрыя головы, а разгадать не могли. Говорить красавица: «покажись, мой милый другъ!» Добрый молодецъ снялъ съ головы шапку-невидимку. «Вотъ вамъ и разгадка! сказала она женихамъ; самодѣльная шкатулочка — это я, а золотой ключикъ — это мой вѣрный мужъ.» (Сравни: I, 467. <sup>1)</sup>)

Перуновъ цвѣтъ, но народнымъ сказаніемъ, отверзаетъ облачныя скалы и криницы, и потому служитъ какъ-бы ключемъ къ затаеннымъ въ нихъ сокровищамъ солнечнаго свѣта (=небеснаго золота) и дождя (=дорогаго вина). Въ холодное время зимы прекрасная богиня Лада скрывается за густыми тучами и туманами, и остается за нихъ мрачными затворами печальною узницею — до тѣхъ поръ, пока не разцвѣтетъ

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., VIII, стр. 147. Народная загадка: „тычу-потычу, ночью не вижу; дай-ка, невѣстка, днемъ попробую“ означаетъ: замочъ и ключъ.



весною пламенный цвѣтокъ Перуна и не отогреть тѣницы. Чешская пѣсня изображаетъ этотъ мифъ въ слѣдующихъ стихахъ:

O Maria! o Maria!  
kde's tak dlouho byla?  
—U studýnky, u rubínky  
ruce jsem si myla,  
zámečkem, zámečkem  
jsem se zamykala,  
listečkem, listečkem  
jsem se odmykala <sup>1)</sup>

Освобожденная и омытая въ дождевыхъ потокахъ, богиня является въ міръ пречистой, свѣтлою женою и несетъ съ собою щедрые дары: вино и золото (—дожди и ясную погоду). По свидѣтельству нѣмецкихъ сагъ, *weisse frau*, когда наступаетъ часъ освобожденія, просить у всѣхъ встрѣчныхъ *glücksblume* или *springwurz*, и если получить этотъ цвѣтокъ — отпрасть имъ подземные погреба, гдѣ стоятъ бочки благороднаго вина и лежатъ кучи золота, серебра и самоцвѣтныхъ каменьевъ. Однажды коровій пастухъ (—Донарь-пастырь небесныхъ стадъ) нашелъ прекрасный цвѣтокъ, сорвалъ его и заткнулъ въ шляпу, но вскорѣ почувствовалъ на головѣ что-то тяжелое; смотритъ — цвѣтокъ превратился въ серебряной ключъ, а подлѣ стоитъ бѣлоснѣжная дѣва. Этимъ ключемъ отперъ онъ двери во внутренность горы и обрѣлъ тамъ несмѣтныя сокровища<sup>2)</sup>. Преданіе о Перуновомъ цвѣтѣ, этомъ таинственномъ ключѣ къ подземнымъ кладямъ, было перенесено на первенца весны — золотисто-желтый цвѣтокъ (*primula veris*), который появленіемъ своимъ какъ-бы отпираетъ земныя нѣдра и открываетъ путь всѣмъ другимъ замкамъ. Въ Германіи цвѣтокъ этотъ называется *schlüssel-*

<sup>1)</sup> Proston. česko písně a říkadla, 57.— <sup>2)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 243—4.

blume, himmelsschlüssel, Frauenschlüssel<sup>1)</sup>). Призывая дождящаго Перуна за владыку земныхъ водъ, предки наши возсылали къ нему молибы даровать имъ счастье въ рыбной ловлѣ; послѣ принятія христіанства молибы эти стали обращаться къ апостолу Петру, который (какъ извѣстно) и самъ былъ рыбакомъ. Чтобы ловля была удачная и обильная, ариангельскіе рыбаки, отправляясь на морскіе промыслы, читаютъ слѣдующее заклятіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа! Отступися діаволъ отъ всѣхъ дверей и отъ всѣхъ угловъ храмины сея и отъ всѣхъ узловъ льняныхъ и конопляныхъ (т. е. сѣтей) и всякихъ разныхъ ловушекъ. Здѣсь тебѣ нѣтъ ни нѣста, ни части; здѣсь съ нами, съ рыбаками, честный крестъ Господень; здѣсь св. Тронца — Отецъ, Сынъ и св. Духъ; здѣсь Мати Христа Бога нашего, пресвятая Богородица — держитъ во правой рукѣ цвѣтъ и траву, и даетъ намъ, рыбакамъ, для обкуриванья и сохраненія нашей рыбной ловли: льняныхъ и посконныхъ и конопляныхъ ловушекъ, красной рыбы-семги и бѣлой рыбы .. Здѣсь св. апостолы Петръ и Павелъ, держатъ во правыхъ рукахъ адамовъ крестъ — цвѣтъ и траву и золотые ключи, и даютъ намъ, рыбакамъ, для-ради сохраненія нашей рыбной ловли.» Другой заговоръ читается такъ: «по благословенію Господню, идите св. ангелы ко синю морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море вѣтромъ и вихеромъ и сильною погодою, и возбудите красную рыбу-семгу и бѣлую рыбу, раки и щуки и прочихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ-подо мху, изъ-подъ вѣченаго<sup>2)</sup> куста и отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобы она шла къ намъ, рыбакамъ, въ матушку-рѣку быструю Двину и въ разныя рѣки и озера... шла бы въ нашъ рыболовный заводъ, не боялась бы и не пе(а)тилась нашихъ льняныхъ и поскон-

<sup>1)</sup> D. Myth., 1146; Громаничъ, 234.— <sup>2)</sup> Вица—вѣтка.

ныхъ и конопляныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ» <sup>1)</sup>. Обѣ метафоры молніи: цвѣтъ и ключъ поставлены здѣсь рядомъ. Цвѣтъ-трава въ рукахъ Богородицы и апостола Петра есть мандрагора, извѣстная на Руси подъ именемъ адамовой головы; заговоръ называетъ ее адамовымъ крестомъ, что отзывается глубокою старинною: крестъ былъ символомъ Торова Mjölning'a, такъ какъ древнѣйшая форма каменныхъ молотовъ была именно крестообразная. «Адамовой головою» рыболовы и охотники окуриваютъ въ чистый четвергъ свои сѣти и силки, чтобы ловля была успешная; окуриваютъ этой травой и ружья, чтобы они не портились и давали бы мѣткіе выстрѣлы <sup>2)</sup>. Апостолъ Петръ и св. ангелы (собственно: духи грозъ) отмыкаютъ золотыми ключами (=молніями) синее море (=дождевыя тучи), вздымаютъ бурные вихри, волнуютъ рѣки и озера, и гонятъ рыбу въ разставленные сѣти. Первоначально, по всему вѣроятію, здѣсь разумѣлась не простая рыба, а та, ловлю которой занимался Торъ во время весенней грозы (см. выше стр. 154—5 <sup>3)</sup>). Въ связи съ травой «адамовъ крестъ» надо поставить повѣрье о чудесной травѣ, извѣстной подъ именемъ Петрова креста. Эта послѣдняя такъ описана въ народномъ травникѣ: «ростомъ въ локоть, цвѣтъ багровъ, растетъ кусточками, корень весь крестъ на крестъ» <sup>4)</sup>; она попадаетъ только счастливымъ,

<sup>1)</sup> О. З. 1848, V, ст. Харитоновъ, 16—17. — <sup>2)</sup> Абев, 3; Иллюстр. 1845, 538 — <sup>3)</sup> Прибѣгаютъ рыбаки еще къ слѣдующему средству: прищипываютъ къ сѣтямъ воскъ отъ свѣчи, которая горѣла на Свѣтло-воскресенскую заутреню, и причитываютъ: «какъ на Пасху валяла въ церковь народъ, такъ бы шла въ мои сѣти рыба!» Также поступаютъ кузнецы, звѣроловы и пчеловоды, примѣняя обрядъ къ своимъ занятіямъ—чтобы въ кузницу шли заказчики, чтобы звѣри ловились въ капканы, а пчелы летѣли въ ульи (Этн. Сб., V, опис. гор. Котельнича, 75). Кузнечная работа, звѣриная охота и роенье пчелъ (точно также, какъ и рыбная ловля) служили предметами сравненія при поэтическомъ изображеніи грозъ. — <sup>4)</sup> О. З. 1848, V, смѣсь, 15.

помогаетъ отыскивать клады и предохраняетъ отъ нечистой силы <sup>1)</sup>).

4) Весною, когда золотой ключъ-молнія отопретъ замкнутое небо, появляются росы и дожди; и тѣ, и другіе признавались небесными слезами (I, 599 — 601), а потому Перуновъ цвѣтъ, какъ низводитель этихъ слезъ, получилъ названіе плакунъ-травы. Добывается плакунъ въ Ивановъ день, въ ранней утренней зорѣ; корень и цвѣтъ его обладаютъ великою силою: они смиряютъ нечистыхъ духовъ, дѣлаютъ ихъ послушными волѣ человека, уничтожаютъ чары колдуньи и вѣдьмы, спасаютъ отъ дьявольскаго искушенія и всякихъ недуговъ; крестъ, сдѣланный изъ плакуна и надѣтый на бѣсноватаго, изгоняетъ изъ него поселившихся бѣсовъ. Плакунъ открываетъ клады и заставляетъ демоновъ плакать т. е. заставляетъ тучи проливать дождь. Кому посчастливится найти и выкопать корень плакуна <sup>2)</sup>, тотъ долженъ произнести надъ нимъ такое заклятіе: «плакунъ, плакунъ! плакалъ ты долго и много... будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кievскимъ; а не дадутъ тебѣ покорница, утопи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорища, замкни въ ямы преисподнія» <sup>3)</sup>. Трава эта, по мнѣнію народа, зарождается «на обидящемъ мѣстѣ» — на крови <sup>4)</sup>), что согласуется съ вышеприведеннымъ сказа-

<sup>1)</sup> Терещ., V, 95; Записки Авдѣев., 136. Известно еще названіе Петровы батоги (*cichorium intybus*, желтяница), очевидно указывающее на Перунову плетъ; сокомъ этой травы вѣдьмы поятъ дѣвушекъ, чтобы онѣ чликали сороками — Рус. въ св. посл., IV, 96 — <sup>2)</sup> Конать его совѣтуютъ, не употребляя желѣзныхъ орудій. —

<sup>3)</sup> Продолж. Дневн. записокъ Лепехина въ 1770 г., 73; Терещ. V, 89—90; Сахаров., I, 44; Абев., 267; Записки Р. Г. О. по отд. еврогр., I, 724: «чтобы найти мѣсто клада, слѣдуетъ взять съ собой вѣлаго пѣтуха, привязать ему на шею плакунъ-траву и пустить на землю; какъ только станетъ пѣтухъ на мѣсто клада, тотчасъ закричитъ.» — <sup>4)</sup> Москв. 1844, XII, 41—42.

ніемъ о корнѣ альрауна. Стихъ о голубиной книгѣ относить происхожденіе плакуна ко времени крестной смерти Спасителя:

Плакунь-травѣ всѣмъ травамъ мати:  
 Когда жидовья Христа рѣспали,  
 Святую кровь его пролили,  
 Мать пречистая Богородица  
 По Ісусу Христу сильно плакала,  
 По своему сыну по возлюбленному,  
 Ронила слезы пречистыми  
 На матушку на сырую землю;  
 Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыхъ  
 Зарождалася плакунь-травѣ <sup>1)</sup>.

Основа преданія принадлежитъ дохристіанской эпохѣ; Богородица заступаетъ здѣсь мѣсто древней Лады (Френ), богини утренней зори и весеннихъ грозъ. Дѣва-Зорнъ выводитъ по утру ясное солнце и прогоняетъ темную ночь; по аналогіи суточныхъ явленій съ годовыми, той-же богинѣ приписывали выводъ весенняго солнца изъ-за туманныхъ покрововъ зимы. Въ яркихъ краскахъ Зорнъ предкамъ нашимъ видѣлись рассыпавшаяся ею по небесному своду розы, а въ росѣ—она жемчужныя слезы; при паденіи этихъ слезъ распускается пламенный всемірный цвѣтъ—свѣтъ дня, восходящее лѣтнее солнце,—точно также, какъ Перуновъ цвѣтъ-молнія, силою котораго разгоняются тучи и проясняется отуманенный ликъ дневнаго свѣтила, разцвѣтаетъ во время проливаемыхъ небомъ слезъ, т. е. во время грозы, сопровождаемой дождевыми потоками. Вотъ почему народная фантазія связываетъ преданіе о плакунѣ съ именемъ Богородицы и самое зарожденіе этой травы ставитъ въ зависимость отъ ея пречистыхъ слезъ. Въ позднѣйшее время, позабывъ мифическое значеніе плакуна, народъ ищетъ его въ поляхъ и лѣсахъ, и окрещиваетъ этимъ названіемъ то одну,

<sup>1)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 189.

то другую траву <sup>1)</sup>. Въ Германіи *orchis mascula* известна подъ именемъ *Frauenthräne* или *Marienthräne* <sup>2)</sup>, а въ Богеміи дикая гвоздика (*Lychnis dioica*, *Lychnis flos cuculi* Linn.)—подъ именемъ *slzičku Panny Marie*. Про цвѣтокъ «Богородицыны слѣзки» чехи рассказываютъ, что въ то время, когда св. Марія провожала своего сына на распятіе, капали изъ ея свѣтлыхъ очей слезы, и тамъ, куда онѣ пали, выросла дикая гвоздика (*dianthus sylvestris*), которая и донынѣ носитъ на себѣ слѣды этихъ божественныхъ слезъ. Срывая дикую гвоздику, дѣти причитываютъ: «*Panny Marie slzičku, ať mně nebolejí očíčku*»; если потереть этимъ цвѣткомъ больные глаза, то по народному повѣрью они излѣчатся<sup>3)</sup>, т. е. больные глаза также прозрѣютъ, какъ прозрѣваетъ на разсвѣтѣ, при утренней росѣ, всесвѣтное око—солнце.

в) Перуновъ цвѣтъ разитъ демоновъ, побѣждаетъ ихъ и заставляетъ въ страхѣ и трепетѣ разбѣгаться въ разные стороны; ради этого ему могли присвоиваться названія: чертополохъ, одолень и прострѣль-травы. Имя чертополохъ (= трава, которую можно всполошить чертей) дается разнымъ видамъ цѣпкаго репейника (*carduus, cirsium*); сверхъ того, растеніе это называютъ: дѣдовникъ (т. е. трава, посвященная Дѣду-Перуну), бодякъ (можетъ быть, отъ глагола бодать — колоть), волчецъ, иглочатка, колючка. По народнымъ рассказамъ, чертополохъ прогоняетъ колдуновъ и чертей, оберегаетъ домашній скотъ, врачуетъ болѣзни и унимаетъ дѣвичью зазнобу <sup>4)</sup>; ружье, окуренное

<sup>1)</sup> Гг. Анненковъ и Тарачковъ указываютъ на пять различныхъ растеній, которымъ дается имя плакунъ-травы, и между прочимъ на *spigelia ulmaria* (Ивановъ цвѣтъ, медуница, *wurmkraut*), *erilobium angustifolium* (Иванъ-чай, *feuerkraut, brandkraut*) и *lytrum salicaria* (*blutkraut*)—Ворон. Бесѣда, 238, 244, 270.—<sup>2)</sup> D. Myth., 1146.—<sup>3)</sup> Громыанъ, 97—98.—<sup>4)</sup> Сахаровъ, II, 5; О. З 1848, IV, смѣсь, 147; V, 2.

травой колюкою, стрѣляетъ такъ мѣтко, что ни одна птица не ускользнетъ отъ его удара, и ни одинъ кудесникъ не въ состояніи заговорить его <sup>1)</sup>). Чтобы вылѣчить скотину отъ червей, знахарь идетъ въ поле, отыскиваетъ кусть чертополоха, осторожно наклоняетъ его къ землѣ (стараясь не изломить) и прищемливаетъ деревянными вилочками; при этомъ произносится заклятіе: «ты, трава, Богомъ создана! выведи червей изъ кобылы или коровы раба такого-то; коли выведешь — отпущу, а не выведешь — съ корнемъ изжену!» Когда черви вывалятся изъ скотины — надо немедленно освободить траву, приговаривая: «ты мнѣ послужила, и я тебѣ отслужу!» Если этого не сдѣлать, чертополохъ въ другой разъ не послушается <sup>2)</sup>).

Одолень-трава (серб. одольан, чешск. *odolen*) названа такъ потому, что одолеваетъ всякую нечистую силу; этия именемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обозначаютъ бѣлую и желтую кувшинку (*nymphaea alba* и *lutea* — купальница, водяной прострѣль). Оба вида — и бѣлоцвѣтная, и желтоцвѣтная *nymphaea* (*seeblatt*, *nixblume*) пользовались особеннымъ религіознымъ уваженіемъ у древнихъ фризовъ и зейландцевъ; сообщая это свѣденіе, Гриммъ нашелъ уместнымъ напомнить о священномъ лотусѣ индѣйцевъ — *Ramā-prīja* (пріятный Рамѣ — любимый богиней *Lakshmi*). Гигантскій и роскошный цвѣтокъ Индіи, возникающій изъ лона воды, ближе всего могъ служить эмблемою небеснаго цвѣта-моливѣ, какой зарождается въ нѣдрахъ тучъ и цвѣтетъ посреди дождеваго моря; такъ какъ, по древнему воззрѣнію, все сущее на землѣ вызывается къ бытію творческою силою весеннихъ грозъ, то съ лотусомъ соединяли мнѣ о созданіи міра <sup>3)</sup>. У другихъ племенъ арійскаго происхожденія, при иныхъ мѣстахъ

<sup>1)</sup> Сахаровъ, I, 42. — <sup>2)</sup> Иллюстр. 1845, 251; О. З. 1848, т. LVI, смѣсь, 206; Терещ., V, 93. — <sup>3)</sup> D. Myth., 620, 1147.

счастливыхъ географическихъ условіяхъ занятыхъ ими странъ, и зблему небеснаго цвѣтка принята была простая рѣчная лувника. Кто найдетъ одолень-траву, тотъ (по свидѣтельству народнаго «травника») «вельми себѣ талантъ обрѣщетъ на земли»; отваръ ея помогаетъ отъ зубной боли и отравы, и сверхъ того признается за любовный напитокъ, способный пробудить нѣжныя чувства въ сердцѣ жестокой красавицы; съ корнемъ одолень-травы пастухи обходятъ стадо, чтобы ни одна скотина не утратилась. Всякой, кто отправляется на чужбину, (особенно торговый человѣкъ) долженъ запастись этой травой: «гдѣ ни пойдетъ, много добра обрѣщетъ» <sup>1)</sup>. Собираясь въ дальній путь, осторожные люди ограждаютъ себя слѣдующимъ заклятіемъ: «ѣду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ одолень-трава. Одолень-трава! не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать-сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы-самокрутки (т. е. вѣщія, облачныя дѣвы и жены — см. гл. XXVI). Одолень-трава! одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили; отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень-трава! одолѣй мнѣ горы высокія, доли низкія, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пенъки и колоды... Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретиваго сердца, во всемъ пути и во всей дороженькѣ» <sup>2)</sup>. Въ пѣснѣ, которой научили сербовъ вилы, говорится:

Да зна женска глава,  
Што ј' одомаи-трава,  
Свагда би га брала,  
У пас ушивала,  
Уза се носила <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Терещ., V, 91; О. З. 1848, V, 14.— <sup>2)</sup> Сахаров., I, 20.— <sup>3)</sup> Срм. и. пјесме, I, 149. Переводъ: еслибъ знала баба, что такое одолень-трава, всегда бы брала ее, шивала въ поясъ и носила на себя.



Прострѣль-травѣ, рассказываютъ крестьяне, создана не такъ, какова теперь, а была вся сплошная. Когда Богъ прогнѣвался на сатану и его сообщниковъ и повелѣлъ Михаилу-архангелу гнать ихъ изъ рая, то злые духи спрятались за эту траву; архангелъ бросилъ громовую стрѣлу и пронзилъ ею стебель травы отъ вернушки до самаго корня <sup>1)</sup>. Съ той поры дьяволы боятся прострѣла и бѣгутъ отъ него на двѣнадцать степеней. Кто хочетъ, чтобы домъ его былъ безопасенъ отъ грозы и пожара и чтобы житье въ немъ было счастливое, тотъ долженъ сорвать прострѣль-траву и положить ее подъ основное бревно зданія, а на мѣстѣ сорванного растенія оставить красное пасхальное яйцо. Она излѣляетъ отъ порчи и залѣчиваетъ раны, нанесенныя острыми орудіями. Когда домашній скотъ заболѣваетъ прострѣломъ (родъ надучей болѣзни), то знахари совѣтуютъ прививать эту траву въ рога въ захворавшихъ животныхъ <sup>2)</sup>. Название прострѣла даютъ различнымъ травамъ; давно утративъ сознаніе, что «прострѣломъ» обозначался чудесный напитокъ, дѣйствующій подобно громовой стрѣлѣ (=насквозь пронизывающій, прострѣливающій), народъ ищетъ подъ этимъ именемъ травъ, которыя бы по формѣ ихъ стебля или корня можно было назвать прострѣленными <sup>3)</sup>. Въ числѣ травъ,

<sup>1)</sup> Москв. 1844, XII, 41—42. Не знаю, соединяютъ ли это преданіе съ ноздреватымъ стеблемъ кувшинки, называемой водянымъ прострѣломъ.— <sup>2)</sup> О. З. 1848, V, смѣсь, 13, 19.— <sup>3)</sup> Подобно тому придано обратное значеніе и другому эпитету Перуновы травы—чортовъ укусъ (т. е. кусающая чертей). Подъ именемъ *teufelshiss*, чешск. *čertův kus* (или *sv. Petrákořeni*), польск. *czartowe źebro* известна трава *scabiosa succisa*, нѣющая тупой корень, какъ-бы откусенный снизу; народъ увѣряетъ, что откусилъ его дьяволъ, а Богородица сжалилась надъ травой и даровала ей силу прогонять нечистыхъ духовъ—D. Myth., 1163; Гротау, 99. Корень этотъ даютъ лизать коровамъ, чтобы охранить ихъ отъ вѣдьмъ и чертей—Гавуша: Дѣдъ-Всевѣдъ, 28.

которымъ присвоится означенное названіе, встрѣчаемъ *Asonitum luscotum* (лютикъ, купальница, царь-травя), о которомъ смотри т. I, 744.

г) Съ цвѣтомъ и вѣткою Перуна соединялась идея не только возрожденія природы, но и всеобщаго ея омертвенія. Молнія—орудіе смертоносное; падая на человѣка или животное, она убиваетъ ихъ на мѣстѣ; опаливая дерево, заставляетъ его сохнуть. Смерть же на древне-поэтическомъ языкѣ есть недобудный сонъ; оба эти понятія: и смерть, и сонъ въ мифическихъ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ служили для обозначенія зимы и ночи. Весною, разбивая облачныя горы, богъ-громовникъ творилъ земное плодородіе; но осень, прешественница безплодной, всеоцпняющей зимы, также сопровождается дождями и грозами, и какъ въ апрѣлѣ и маѣ Перунъ представлялся отпирющимъ свѣтлое небо и дарующимъ міру щедрыя благодѣянія, такъ тѣмъ-же золотымъ ключемъ (молніей) онъ, въ качествѣ предводителя демоническаго снѣга (о Перунѣ-царѣ адскихъ подземелій см. гл. XXII), запираетъ небо на продолжительное время зимы. Отсюда та же молнія, которая весною воскрешаетъ природу къ жизни,—возвшею осенью погружаетъ ея въ смертельный сонъ. Чези различаютъ два громовыхъ удара: одинъ—огневой, возжигающій пламя (=жизнь), другой—ледяной, погашающій пламя. Если взять во вниманіе, что въ сказаніяхъ о битвахъ Индры съ Вритрою они представляются сражающимися молнія противъ молніи, то понятно, что леденящіе природу удары грома суть удары, наносимые демономъ <sup>1)</sup>. Вотъ основаніе, руководясь которыми—фантазія приписала Перуну цвѣту

<sup>1)</sup> Ч. О. И. в Д. 1865, IV, 247; Germ. Myth., 162—4. Не отсюда ли возникли сказанія, что богатырь долженъ побивать великановъ, бѣдую и нечистую силу однимъ ударомъ; отъ втораго удара они оживаютъ.

или пруту могучее свойство погружать все, на что только направлены его удары, въ долговременный непробудный сонъ. Подобное свойство приписывалось и гуслимъ-самогудамъ (—грозовой пѣснѣ—см. I, 332-3), и мертвой водѣ осеннихъ ливней. Дождь, какъ мы знаемъ, постоянно уподоблялся опьяняющимъ напиткамъ, которые съ одной стороны возбуждаютъ человѣка къ дикому разгулу, къ неумѣренному изнѣженію своихъ силъ, а съ другой отнимаютъ у него сознаніе, погружаютъ въ усыпленіе. Такому усыпленію подвергается вся природа—всѣгда за тѣми шумными оргіями, какія даютъ облачные духи и жены во время бурной, дождливой осени. Скандинавскія саги рассказываютъ про волшебный напитокъ, дарующій забвеніе всего прошлаго—*öminnisöl*, *öminnisdröckr*: преданіе, родственное греческому мнѳу о водахъ Леты; этотъ напитокъ подаетъ Гримгильда Зигурду, чтобы онъ забылъ Брунгильду; валькиріи, эльфы и чародѣйки носятъ героямъ кубки, съ цѣлю отнять у нихъ память о быломъ и надолго задержать ихъ въ своихъ владѣніяхъ <sup>1)</sup>. Въ русскихъ сказкахъ, вмѣстѣ съ «моложавыми яблоками», дающими молодость, здравіе и самую жизнь (—тоже, что живая вода, см. стр. 309—317), упоминаются и яблоки волшебныя: кто съѣстъ такое яблочко, тотъ падаетъ въ непробудный сонъ <sup>2)</sup>. Несторова лѣтопись сообщаетъ слѣдующее легендарное сказаніе, основанное на стародавнемъ мнѳѣ об усыпляющемъ цвѣткѣ-молніи: «Бѣ же и другой старецъ именемъ Матейъ: бѣ прозорливъ. Единою бо ему стоящу въ перви на мѣстѣ своемъ, възведъ очи свои, позрѣ по брати, ии стоять поюще по обѣмъ странама, видѣ обходяща бѣса -- въ образѣ ляха, въ людѣ, и носяща въ приполѣ цвѣтки, ии глаголется лѣпокъ; и обихода подлѣ братью, взявша изъ я

<sup>1)</sup> D. Myth., 1055.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VII, 16.

из<sup>1)</sup> лѣпокъ, вержаше на кого-либо: аще приляже (вар. приляжаше) кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья, (и той) изло постоявъ и разслабленъ умишъ, вину створи каку-либо, изляже изъ церкви, шедъ въ келью и усняше, и не възвратится въ церковь до отпѣтья; аще ли вержаше на другаго, и не приляже къ нему цвѣтокъ, стояше крѣпокъ въ пѣньи, ащеже отпояху утренюю<sup>2)</sup>. Въ Патерикѣ Печерскомъ это лѣтописное сказаніе передано съ тою отиѣною, что бѣсъ является въ образѣ воина, нося въ воскресилѣ ризномъ цвѣты люкіе; такъ какъ грозовые духи изображались небесными юнцами, то указанная черта не лишена значенія. Народныя сказки упоминаютъ о зельѣ или корнѣ, погружающемъ въ спячку на цѣлую зиму. Такъ хорутанская приповѣдка рассказываетъ, что однажды при началѣ зимы медвѣдь откопалъ вѣтвистый корень, лизнулъ его нѣсколько разъ и ушелъ въ лѣсу; увидя то, человекъ и самъ лизнулъ корень, послѣ чего немедленно впалъ въ усыпленіе и проспалъ въ лѣсу до самой весны (до protuletja). Когда онъ пробудился, люди уже пахали землю и сѣяли хлѣбъ. Рассказываютъ еще о пастухѣ: «па анѣлску недѣлју» увидѣлъ онъ, что «išla saka kaša (всякой глѣ) k travі, sasa je podehnula i odišla je vu jednu jamu»; сдѣлалъ и самъ тоже, и воротясь домой, проспалъ до вѣшняго Юрьева дня<sup>3)</sup>, т. е. до того времени, когда св. Юрій отпра- сѣ небо и землю. Названіе баснословной сонъ-травы народъ связываетъ съ тѣми изъ земныхъ злаковъ, сокъ, отваръ и запахъ которыхъ производятъ на человека одуряющее дѣй- ствіе; таковы: мандрагора, извѣстная у насъ подъ именемъ соннаго зелья; atropa belladonna — сонъ, сонный дур- манъ, одурь, нѣм. schlafbeere или schwindel- (teufels-, wind-, wuth-)beere; hyosциamus niger — бѣлена, дур-

<sup>1)</sup> Издатель лѣтописей прочли это мѣсто неправильно: изло на лѣпокъ.—<sup>2)</sup> П. С. Д., I, 81—82.—<sup>3)</sup> Сб. Валавца, 254—6.

манъ, нѣм. schlaf- (hohen-, bilsen-)kraut; anemone pulsatilla—сонъ-трава, viscaria vulgaris — дрема, дремучка, сонъ-трава, горн-цвѣтъ. Поселяне убѣждены, что сонъ-трава обладает пророческою силою: если положить ее на ночь подъ изголовье, то она покажетъ человеку его судьбу въ сонныхъ видѣніяхъ <sup>1)</sup>; думаютъ даже, что весной, заснувшій на этой травѣ, приобретаетъ способность предсказывать во снѣ будущее <sup>2)</sup>.

У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ сохраняются поэтическія преданія о сонномъ царствѣ, стоящія въ самой тѣсной связи съ сейчасъ-указаннымъ вѣрованіемъ въ сонъ траву. При рожденіи одной знатнаго рода дѣвочки, говоритъ хорутасная сказка <sup>3)</sup>, позваны были на ширѣ вилы (облачныя дѣвы, играющія здѣсь роль роженницъ или норнъ—вѣстницъ судьбы). Всѣ вилы старались надѣлать новорожденную дарами счастья; только одна «злочеста» изрекла предвѣщаніе, что дитя должно погибнуть въ ранней молодости. Когда дѣвочка выросла, она превзошла красою самыхъ вилъ; злая вила еще больше ее возненавидѣла, и вотъ когда наступило время выдавать красавицу замужъ—она явилась въ замокъ и ударила ее волшебнымъ прутомъ; въ тотъ самый мигъ дѣвица окаменѣла, и вмѣстѣ съ нею окаменѣло все, что ее окружало. Таже способность превращать въ камень приписывается въ славянскихъ сказкахъ тѣмъ прутникамъ, которыми влѣдѣтъ вѣдьма; эта послѣдняя изображается здѣсь существомъ демоническимъ, появленіе ея сопровождается сильнымъ холодомъ, такъ что она сама дрожитъ отъ стужи и восклицаетъ: «i-juj-i-juj, zi sha mi je!» <sup>4)</sup> Ударяя прутикомъ (иногда золо-

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 43; Объ истор. зн. нар. повз., 38.— <sup>2)</sup> Рус. въ св. пред., IV, 95.— <sup>3)</sup> Сб. Валявца. 56—57.— <sup>4)</sup> Н. Р. Ск., VII, 22; Lud Ukrain., I, 305—327; Срп. припов., 29; сб. Валявца, 120—7; Сказ. Грим., 60; въ немецкой сказкѣ вѣдьма жалуется: „hu, hu, hu, was mich friert!“

тими), она окаменевает могучихъ богатырей и на всю страну налагаетъ печать зимняго омертвѣнія; въ ту же пору, когда земля бываетъ побѣждена и предана смерти — поля и рощи частью начинаютъ зеленѣть и цвѣсти <sup>1)</sup>. Итакъ волшебный прутикъ (wünschelruthe), который (какъ указано выше, см. стр. 394) можетъ всему окаменѣвшему возвращать жизнь, по другому предоставленію — самъ превращаетъ все живое въ камень, подобно тому, какъ золотой жезлъ Гермеса обладалъ силою и пробуждать отъ сна, и наводить на бодрствующихъ крѣпкій сонъ <sup>2)</sup>. Продолжаемъ прерванную нами хорутанскую сказку: послѣ многихъ дѣтъ случайно заѣхалъ въ окаменѣвшее царство молодой царь, увидѣлъ красавицу, залюбовался ею и поцѣловалъ въ уста. Его поцѣлуй пробудилъ ее къ жизни, а съ нею оживо и все превращенное въ камень. Царь женится на красавицѣ, а злую вѣщу поражаетъ стрѣлою, при чемъ золотые волосы ея и одежда сгораютъ сами собою. Съ иерузалимскою сказкою «ходна иѣмецкая — «Dornröschen» <sup>3)</sup>; въ ней также являються вѣстницы судьбы и предсказываютъ будущее новорожденной королевнѣ. Давно когда-то были король и королева; королева родила дѣвочку, столь прекрасную, что обрадованный отецъ задумалъ задать большой пиръ. Онъ пригласилъ не только родственниковъ, друзей и знакомыхъ, но и вѣщихъ женъ (die weisen Frauen), чтобы онѣ были благословлены къ ребѣнку. Въ томъ королевствѣ ихъ было тринадцать; но какъ король жилъ только двѣнадцать золотыхъ грезею, съ которыхъ вѣщія жены должны были кушать, то ему рѣшились совѣтъ не знать. Праздникъ былъ великолѣпный; къ концу пиршества вѣщія жены стали дарить новорожденную чудесными дарами; одна надѣлила ее добродѣтелью, другая красотою, третья богатствомъ, и такъ далѣе. Только

<sup>1)</sup> Slovén. povesti, Škultéty a Dobčinský, I, 10—11. — <sup>2)</sup> Одисс., V, 47—48. — <sup>3)</sup> Оказ. Гримм., 50.

успѣла выговорить свое пожеланіе одиннадцатая, какъ неожиданно явилась въ залу незваная вѣщая жена. Оскорбленная тѣмъ, что ее не пригласили на пиръ, она жаждала отомстить за обиду, и никого не привѣтствуя, воскликнула строгимъ голосомъ: «въ пятнадцать лѣтъ пусть королева уколется веретеномъ и упадетъ мертвая!» Затѣмъ повернулась и оставила залу. Всѣ были въ ужасѣ; тогда выступила двѣнадцатая вѣщая жена, которая еще не высказала своего желанія, и хотъ она не въ силахъ была уничтожить злое закланіе, но могла смягчить его. «Да не будетъ смерти, изрекла она, но да будетъ это глубокій столѣтній сонъ, въ который упадетъ прекрасная королева!» Король, желая соблюсти свое дитя отъ предсказаннаго несчастія, издавъ указъ, чтобы въ цѣломъ его государствѣ были немедленно сожжены всѣ веретѣна. Дары вѣщихъ женъ въ точности исполнились: королева была прекрасна, скромна, привѣтлива и разумна, такъ что всякой, кто ее хотъ разъ видѣлъ, не могъ не полюбить милой дѣвушки. Случилось, что въ тотъ день, когда совершилось ей ровно пятнадцать лѣтъ, короля и королевы не было дома, и королева оставалась одна въ замкѣ. Она ходила по дворцу, осматривала палаты и комнаты, и наконецъ по узкой круглой лѣстницѣ взшла на старую башню; отворила дверь — тамъ въ маленькой комнаткѣ сидѣла старуха съ веретеномъ въ рукахъ и прилежно пряла кудель. «Доброй день, бабушка! сказала дѣвица, что ты дѣлаешь?» — Пряду, отвѣчала старуха. «А это что за вещь, что такъ весело кружится?» спросила королева, указывая на веретено, к хотѣла было приняться за пряжу; но едва она дотронулась до веретена, какъ уколола имъ палецъ. Въ то самое мгновеніе исполнилось закланіе — королева упала на постель и погрузилась въ глубокой сонъ. Сонъ этотъ распространился на весь замокъ: король и королева, которые только что воротились домой и вошли въ залу,

заснули вѣстѣ со всею свитою и дворомъ; спали и лошади на конюшнѣ, и собаки на дворѣ, и голуби на крышѣ, и мухи по стѣнамъ; даже огонь, разведенный на очагѣ, остановился неожиданно и какъ-бы заснулъ; жареное перестало скворчать, и поваръ, замахнувшійся было на поварѣнка, такъ и замеръ на этомъ движеніи, погрузившись въ дремоту; самый вѣтеръ притихъ и ни одинъ лвстакъ не шевелился болѣе на деревьяхъ. Кругомъ зѣмка выросъ густой терновникъ и съ каждымъ годомъ подымался все выше и выше, такъ что наконецъ никто не могъ видѣть ни самаго зѣмка, ни флага на его кровлѣ. Но по свѣту шла молва о чудной спящей красавицѣ Dornröschen (такъ ее называли), и время отъ времени являлись королевичи, пытавшіеся пробраться сквозь терновый заборъ. Попытки ихъ были тщетны; терновникъ, словно у него были руки, крѣпко обхватывалъ каждого смѣльчака, и несчастные юноши, повиснувъ на его иглахъ, умирали жестокою смертію. Много-много годовъ утекло, услышалъ одинъ королевичъ отъ сѣдаго старца рассказъ о спящей королевнѣ, и захотѣлъ во что бы ни стало посмотрѣть на нее. Срокъ пробужденія приближался. Когда юноша подошелъ къ терновому забору, намѣсто колючихъ кустовъ явились красивые цвѣты; дорога была открыта. Онъ поспѣшилъ къ зѣмку; охотничьи собаки и кони лежали на дворѣ и спали; голуби сидѣли на крышѣ, завернувъ головы подъ крылья; въ кухнѣ поваръ все еще стоялъ съ поднятой рукою, какъ-бы намѣреваясь ударить поварѣнка, и служанка все еще сидѣла надъ курицею, которую собиралась ощипать. Королевичъ шелъ дальше; вездѣ царствовала безмолвная тишина, такъ что можно было слышать свое собственное дыханіе. Наконецъ онъ взомелъ на башню и отворилъ дверь въ маленькую комнату, въ которой спала королевна; она была такъ прекрасна, что королевичъ не могъ отвести отъ нея глазъ, наклонился къ дѣвицѣ и поцѣловалъ ее. Едва поцѣ-



дуй коснулся красавицы, какъ она открыла очи и пробужденная радостью взглянула вокругъ себя. Рука объ руку сошли они съ башни; проснулся и король съ королевеною, проснулись и придворные и съ наумленіемъ ометрѣли другъ на друга; въ дворѣ ржали лошади, собачки ласкались и прыгали, голуби вынули изъ дѣды крыльевъ свои головы и полетѣли на поле, мухи ползали по стѣнамъ, на очагѣ пылалъ огонь, и варилось кушачье, жаркое начало сворчѣть; поваръ далъ поварѣнку такую затрецину, что тотъ заоралъ, в слухахъ принялась щипать курицу. Королевичъ женился на прекрасной королевнѣ, свадьбу отпраздновали пышно, и до конца жизни не вѣдѣяло имъ счастье. Такимъ образомъ превращенію въ камень, о чемъ говорятъ сказки славянъ и другихъ народовъ <sup>1)</sup>, здѣсь соответствуетъ долголѣтній, непрерывный сонъ. Въ измѣнной сказкѣ королевна засыпаетъ, укуловшись веретеномъ; въ одной изъ русскихъ сказокъ она засыпаетъ отъ волшебной шпильки, воткнутой въ ея волосы, и только тогда пробуждается отъ мертвящаго сна, когда эта шпилька выпадаетъ изъ дѣвической косы <sup>2)</sup>; въ другихъ русскихъ сказкахъ выводится королевичъ, всякой разъ засыпающій непробуднымъ сномъ, какъ скоро воткнуть въ его одежду иголку или булаву <sup>3)</sup>. Интересна итальянская редакція сказки о спящей царевнѣ <sup>4)</sup>. У одного знатнаго вельможи родилась дочь Талія; отецъ созвалъ мудрецовъ, чтобы они предсказали судьбу дѣвочки. Мудрецы объявили, что ей угрожаетъ большая опас-

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., V, 40; VIII, 429—432; Гальтрихъ, 143—8; Westsl. Märch., 134—5; сб. Валивца, 17—19; Шоттъ, 7; Тысяча и одна ночь, II, 217—9. — <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VII, 2. — <sup>3)</sup> Ibid., V, 42; VIII, 4, 13; славян. Slov. pohad., 134—6; Штиръ, 43—46. По свидѣтельству въ некоторыхъ сказкахъ (Шоттъ, 25; сб. Валивца, 212—4; Slov. pohad., 162—5; Эрбенъ, 56—57), булава, воткнутая въ волосы красавицы, превращаетъ ее въ голубку, т. е. одѣваетъ ее въ пернатую оброчку или обмывный покровъ. — <sup>4)</sup> Pentamerone, 45.

ность отъ костришки; немедленно отданъ былъ стрѣйшій приказъ, чтобы въ замкѣ не было ни льну, ни конопли и ничего подобнаго. Талія выросла; разъ она увидѣла старую пряжу за работою, любопытная дѣвушка взялась за кудель, начала тянуть нитку и нечаянно занозила свой палецъ костриною подъ самый ноготь; въ ту-же минуту она обмерла и упала наземь. Ея положили въ пустемъ, уединенномъ замкѣ и наглухо заперли двери. Однажды охотился въ той сторонѣ король, и случилось, что его соколъ залетѣлъ въ окно замка. Король погнѣвъ за нимъ и нашелъ спящую дѣвицу, долго будилъ ее и не могъ добудиться. Обвороженный ея красотою, онъ не устоялъ противъ искушенія и раздѣлилъ съ ней ложе. Талія повесела и родила двухъ близнецовъ — мальчика и дѣвочку; еи приняли дѣтей и положили къ грудямъ сонной матери. Разъ какъ-то, не находя груди, одинъ изъ близнецовъ началъ сосать у матери палецъ и высосалъ изъ него занозу: съ этимъ нѣстѣ окончилось глубокое усыпленіе Таліи, и она встала для счастливой жизни и любви. Дѣти ея названы Солнцемъ и Луною; во французской же версіи (у Perrault'a) спящая царевна рождаетъ Аврору и Денъ, т. е. богиню Зорю и бога дневнаго свѣта — Солнце. По свидѣтельству Старой Эдды, богъ бурныхъ грозъ Одинъ погрузилъ въ сонъ вѣщую воинственную валькврію Брунигильду, уюловъ ее терніемъ; Зигурдъ (—громовникъ) нашелъ спящую дѣву въ замкѣ, снимаетъ съ ея головы шлемъ и разсѣкаетъ своимъ чудеснымъ мечемъ твердую броню, которая такъ плотно облегла ея тѣло, какъ будто бы совсѣмъ приросла. Когда броня была снята — дѣва тотчасъ-же пробудилась отъ сна <sup>1)</sup>. Валькврія — облачная нимфа, ратующая въ шумѣ грозовыхъ битвъ. Съ тѣмъ-же характеромъ облачной дѣвы выступаетъ и

<sup>1)</sup> Смирновъ, 168—9.

героиня валахской сказки: это была прекрасная царевна, страстная любительница плясокъ, которая не иначе хотѣла выйти замужъ, какъ за того, кто превзойдетъ ее неутомимостью въ танцахъ. Сама она танцевала съ необыкновеннымъ искусствомъ и бѣшенымъ увлеченіемъ. Многіе изъ соискателей ея руки падали разбитыми и даже мертвыми отъ чрезвычайныхъ усилій, другіе тайкомъ удалялись отъ опасной невѣсты. Каждый вечеръ собиравлись во дворецъ гости, музыка гремѣла и танцы слѣдовали за танцами. Однажды сквозь толпу гостей протѣснился незнакомый чужестранецъ и изъявилъ желаніе состязаться съ царвеною. Она почувствовала къ нему непонятное отвращеніе, и хотъ не желала съ нимъ танцевать, но должна была уступить волѣ отца. Тотчасъ-же всѣ замѣтили, что подъ пару принцессѣ нашелся не менѣе ея искусный и страстный танцоръ. Долго они носились по залѣ; наконецъ утомленная — она потребовала пощады, но кавалеръ не хотѣлъ ее оставить; онъ такъ быстро и бѣшено кружился съ нею, что она не могла перевести духу, и легкія ноги царевны совсѣмъ подкосились. Тутъ незнакомецъ бросилъ ее къ ступенямъ трона, на которомъ возсѣдалъ царь, и сказалъ отцу съ злою насмѣшкою: «возьми свою дочь! я бы могъ потребовать ее по праву, но не хочу... Отъ этого безумнаго веселья я успокою васъ на вѣчныя времена: ты и твоя дочь, и царскій дворъ, и цѣлый городъ со всѣмъ, что въ немъ живетъ, должны окаменѣть, и такое окаменѣніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не явится тотъ, кто меня пересмѣитъ». Таинственный гость былъ дьяволъ; по его слову вибрировало все. Ровно черезъ тысячу лѣтъ является избавитель; онъ состязается съ дьяволомъ, кто изъ нихъ въ силахъ выпить больше вина, и при этомъ запираетъ его въ бочку. Едва чортъ попалъ въ винную бочку, какъ вдругъ все бжгло и дворецъ исполнился опять суеты и движенія. Не-

истонныя пляски царевны указываютъ въ ней существо стихійное; это — тѣ пляски, которыя донинѣ видятъ народъ въ вольѣхъ вихрей, несущихъ легкія облака и волнующихъ моря и рѣки, подъ звуки грозовой музыки.

Во всѣхъ указанныхъ видоизмѣненіяхъ сказка о спящемъ иль окамененномъ царствѣ выражаетъ одну идею: зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе, когда богиня Земля вступаетъ въ бракъ съ просвѣтлѣвшимъ Небомъ, пріятѣ — съ богомъ-громовникомъ, орошающимъ ее плодоноснымъ сѣменемъ дождя, или когда тотъ-же громовникъ пробуждаетъ къ жизни дождевыя тучи и заключаетъ любовную связь съ прекрасною облачною нимфой — съ богиней весеннихъ грозъ. Оба представленія: мать-сыра земля, кормилица смертныхъ, и богиня-громовница, творящая земные урожаи, соединяются въ народныхъ преданіяхъ въ единомъ образѣ мимической красавицы; объ этомъ уже достаточно было говорено прежде. Последовательная ситѣя лѣта и зимы есть неизмѣнный законъ, ничѣмъ неотвратимый приговоръ судьбы, и потому при самомъ рожденіи мимической красавицы (т. е. при началѣ весны) уже дается предсказаніе, что она во цвѣтѣ полнаго развитія заснетъ долгимъ непробуднымъ сномъ и будетъ покомѣться до тѣхъ поръ, пока не наступитъ часъ избавленія (т. е. новая весна). Предсказаніе это непремѣнно должно исполниться; отклонить то, что требуется естественными законами, невозможно. Зимній сонъ или зимняя смерть природы уподобляются окаменѣнію; потому что окованная морозомъ земля твердѣетъ, какъ камень, и самыя тучи, охваченныя стужей, не даютъ болѣе дождя и также представляются застывшими, окаменѣлыми. Послѣ бѣшеныхъ пласокъ, какимъ предаются облачныя дѣвы и грозовые духи въ залѣ небеснаго чертога, во время бурныхъ осеннихъ ливней, — они цѣпнѣютъ подъ холоднымъ дыханіемъ зимы и не

прежде пробуждаются къ жизни, какъ въ то время, когда благодатная весна наполнитъ облака-бочки живительнымъ влагою дождя. У болгаръ и сербовъ есть рассказы о томъ, какъ морозы превратили въ камень бабу-настужку вместе съ ея овцами и козами (см. т. I, стр. 586 <sup>1</sup>). Подобно убитымъ сказочнымъ героямъ, при окропленіи ихъ живою водою, — богатыри нашихъ былинъ, возвращаясь къ жизни изъ того окаменѣлаго состоянія, въ какое повергло ихъ злое подлоство, обыкновенно говорятъ: «ахъ, какъ я долго спалъ» <sup>2</sup>). Окаменѣніе большею частію совершается вѣдьмами и чертими, — это понятно, потому что и тѣмъ, и другимъ народнымъ повѣрья приписываютъ разрушительные полеты грозныхъ бурь и смертельное вліяніе вьюгъ и маетей. Разящую на смерть мольбу мнѣ отождествляетъ съ губительнымъ зубомъ демона-зими, который въ образъ волка или свиньи захватываетъ въ свою пасть (т. е. помрачаетъ тучами) свѣтлое солнце и наноситъ міру тяжелыя раны дѣйствіемъ трескучихъ морозовъ; нашъ языкъ допускаетъ выраженіе: «морозъ кусается». Это смертельное плодотворныхъ силъ природы въ зимній періодъ времени греки запечатѣли въ сказаніи объ Адонисѣ, который, къ общему горю, погибъ сраженный острыми зубами зен-ря (I, 783). Тоже значеніе, какое въ греческомъ мнѣ при- дано набаньему клыку, въ народныхъ сказкахъ приписывается острию булавки (иглы, шпильки <sup>3</sup>) и волшебному пруту, а въ тѣхъ вариантахъ, гдѣ въ гибели юнаго героя или героини желали ярче выразить непреодолимое предопредѣленіе судьбы, — аэретону или кострику; ибо дѣвы судьбы представлялись прихами (см. тл. XXV). Смерть и воскресеніе приро-

<sup>1</sup>) Слѣди у Шетта, 6. — <sup>2</sup>) Рыбникъ, II, 69, 77. — <sup>3</sup>) Наоборотъ враждебный сказочнымъ героямъ, представитель демонической силы — Бошей умираетъ тогда, когда сломанъ конецъ иглоки (Н. Р. Ск., VII, 16).

ды — исторія, которая издревле интересовала человѣка и къ которой онъ безпрестанно обращался въ своихъ эпическихъ сказаніяхъ. Она передается и Старой Эддою въ тѣхъ о всѣмъ обожаемомъ Бальдурѣ. Сынъ Одина и Фригги, Бальдуръ былъ прекраснымъ и благодѣтельнымъ божествомъ яснаго лѣтнаго солнца; асы желали, чтобы онъ царствовалъ вѣчно, т. е. жила нескончаемаго лѣта, и мать его Фригга поспѣшила взять со всего, что существуетъ на землѣ, клятву не наносить вреда этому свѣтлому богу; но при отобраніи всеобщей клятвы она позабыла о ничтожномъ тунейномъ растеніи, которое вырастаетъ не на землѣ, а на деревьяхъ: это — омела, у ботаниковъ *viscum album*, нѣм. *mistel*. Асы собрались вмѣстѣ, поставили въ средину Бальдура, и пуская въ него стрѣлы, любовались, какъ онъ отскакивалъ прочь и какъ ни одно остріе не вредило ему. Но злобный Локи дознался, съ какого растенія не взята клятва, сдѣлалъ стрѣлу изъ омелы и далъ ее пустить ослѣпшему Гёдуру (Höddr); пораженный этой стрѣлою, Бальдуръ палъ бездыханнымъ <sup>1)</sup>, т. е. зимній мракъ (=сѣньота) убиваетъ всевидящее божество, закрывая его туманами и лишая яркихъ все-освѣщающихъ лучей. Такимъ образомъ уклоненіе солнца на зиму принималось за его насильственную смерть. Такъ какъ омела, по видимому, вырастаетъ не отъ стѣнны и корня, то происхожденіе ея почитали чудеснымъ. Думали, что она спадаетъ съ неба на вѣтви священныхъ деревьевъ (дубъ, ясень, акацію и др.); слѣдовательно въ ней видѣли ту тернистую и глупую, которую роняетъ соколъ-Индра при похищеніи семы, или что тоже — колѣти тернъ-волнию, вырастающій на облачныхъ деревьяхъ и съ нихъ спадающій на землю. По мѣтѣю Куна, первоначальный способъ добытія этой былъ указанъ человѣку самою природою. Въ

<sup>1)</sup> Симрокъ, 8, 280—1.

своихъ дѣвственныхъ лѣсахъ онъ видѣлъ, какъ вѣтеръ, качая деревья, обвитыя ползучими травами, тѣрь твердый сукъ о сухую лѣану, к огъ этого тренія рождался огонь. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ тѣ обрубки, изъ которыхъ добывали «живой огонь», принято было обкладывать сухими чужездными растеніями. Сравнивая означенное явленіе съ небесной грозой, древній человѣкъ унаваля омеу въ молніеносной стрѣлѣ, возжигающей дерево-тучу. Омела (пол. *jemioła*, чешск. *jmel*, серб. *имела*, *мела*—санскр. *a-mala*—незапятнанный, чистый, свѣтлый) извѣстна въ Швейцаріи подъ именемъ *donnerbesen* и признается обладающею тѣми-же свойствами, что и *springwurz* <sup>1)</sup>. На Руси ей даютъ названіе вихорево гнѣздо <sup>2)</sup>; а по сербскому повѣрью, подъ орѣшникомъ, на которомъ выросла омела, всегда можно найти змѣю съ дорогимъ камнемъ на головѣ и много другихъ сокровищъ <sup>3)</sup>, что съ одной стороны указываетъ на связь омелы съ кладами, а съ другой роднитъ ее съ тою змѣиною травой, которая прикосновеніемъ своимъ исцѣляетъ раненныхъ и воскрешаетъ убитыхъ (см. гл. XX). По свѣдѣтельству Плинія, друиды считали омелу на дубахъ за даръ, ниспосланный съ неба, и за несомнѣнный знакъ, что деревья эти избраны богами; они думали, что омела родится не отъ сѣмянъ, а отъ пометы дикихъ голубей и дроздовъ, т. е. отъ молніеносныхъ искръ, роняемыхъ грозowymi птицами (сравни съ вышеуказаннымъ уподобленіемъ молній помету облачныхъ коней—I, 636). Любопытно, что въ Нидерландахъ чужездныя растенія называются *maertakken* и служатъ указаніемъ, что тамъ, гдѣ они выросли, садились отдыхать эльфы (мары), во время прилета своего изъ небесной страны (England). По мнѣнію галловъ, питье, приготовленное изъ омелы,

<sup>1)</sup> Die Götterwelt, 206.— <sup>2)</sup> Толков. слов., I, 1250.— <sup>3)</sup> Сръ. рѣчникъ, 352

исцѣляетъ отъ всякой отравы и болѣзней и сообщаетъ животнымъ плодородіе <sup>1)</sup>; въ Германіи пиво, сваренное съ чужездными растеніями, считается цѣлебнымъ противъ порчи домашняго скота <sup>2)</sup>. — Подобно Бальдуру, герой персидскаго эпоса Исфендіаръ, котораго не могло ранить никакое оружіе, погибъ отъ вѣтки терновника, пущенной вмѣсто стрѣлы <sup>3)</sup>, что напоминаетъ *schlafdorn*, которымъ Одинъ укололъ Брунигилду, и нѣмецкую сказку о *Dornröschen*. Чужездныи молюбидный наростъ на дикомъ розовомъ кустѣ (шиповникѣ) или боярышникѣ называется у нѣмцевъ *schlafapfel*; утверждаютъ, что онъ происходитъ отъ ужаленія осы (=отъ удара молніи, см. I, 384), и что если положить его подъ изголовье, то человекъ до тѣхъ поръ будетъ спать безпробудно, пока не вынутъ этого растенія назадъ; чтобы охранить домъ отъ несчастій, выкаютъ его за кухонныя балки <sup>4)</sup>. Подобное повѣрье есть у чеховъ: «*na šipku vyrostě spánek, jinak pokažená ruže šipková, v jejížto jablíčku zavítý červík se nalezá; tyž spánek trhají mládenčí zamilováni a panny... potajmo, nejvíce na jaře před slunce vychodem, a kladou to jedni druhým potajmo do loži (jakož i matky a baby dětem do kolíbek ho nastrkají), aby dobře spali a líbe sny měli*» <sup>5)</sup>. Очевидно, что повѣсть о безвременной кончинѣ Бальдура составляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ общегерманскихъ мифовъ; отголосокъ этого мифа, хотя уже въ значительно-подновленной формѣ, встрѣчаемъ въ галицкой колыдкѣ: было то давно, съ первовѣку —

Коли жидове Христа мучили,  
На распятію гей розпинали,  
Клюкомъ за ребра гей розбивали,  
Терновый вѣнецъ на головѣ клали,

<sup>1)</sup> Галлы, соч. Георгіевскаго, 119—120; *Beiträge zur D. Myth.* Вольфа, II, 272. — <sup>2)</sup> *Ibid.*, I, 221. — <sup>3)</sup> М. Мюллеръ, 94—95. — <sup>4)</sup> *D. Myth.*, 1155—6. — <sup>5)</sup> Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 309.



Глагови <sup>1)</sup> шпильни за ногти били;  
 Всяке деревце не гъзго въ тѣльце,  
 Червява нва ой сограшила —  
 Исуca Христа кровцю пустила <sup>2)</sup>.

Итакъ преданіе о зимней смерти свѣтлаго, солнечнаго божества слилось у славянъ съ евангельскимъ сказаніемъ о мученической кончинѣ «праведнаго солнца» Христа и воспоминается на праздникъ Коляды, когда благодѣтельное свѣтило снова воскресаетъ къ жизни; губительная омега замѣняется нвою — вербою, которая (какъ мы видѣли) играетъ въ нашихъ повѣрьяхъ и обрядахъ роль Перуновой лозы. «Гива тимъ червява, говорятъ малоруссы, що килками з' неји Христа мучили» <sup>3)</sup>. Въ связи съ этимъ объясняются и другія родственныя сказанія о плакунѣ-травѣ и корнѣ альрауна: и та, и другой явились въ мірѣ въ печальный день казни, постигшей праведника (см. выше стр. 395, 414).

Зимній сонъ природы продолжается цѣлые мѣсяцы, и ничѣмъ не можетъ быть прерванъ до истеченія извѣстнаго срока; отсюда понятно, почему сильномогучіе богатыри русскихъ сказокъ, вслѣдъ за необычайными подвигами, погружаются въ долгой, непробудный, такъ называемый богатырской сонъ <sup>4)</sup>. Любопытно указаніе одной сказки <sup>5)</sup>, что какъ скоро добрый молодецъ впалъ въ усыпленіе, тотчасъ-же на всѣхъ деревьяхъ стали увядать верхушки, словно отъ зимнихъ морозовъ. Царевна, погруженная въ долголѣтній сонъ, пробуждается не прежде, какъ въ то урочное время, когда мечь-молнія разрубить ея тѣсную брѣню и когда изъ пальца красавицы будетъ высосана уколывшая ее заноза, т. е. когда прекратится мертвящее вліяніе зимы и твердыя оковы, которыя наложила она на землю и дождевыя тучи, будутъ раздроблены,

<sup>1)</sup> Глаголь — боярышникъ, weissdorn. — <sup>2)</sup> Ч. О. И. и Д. 1864, I, 23. — <sup>3)</sup> Номис., 6; Основа 1861, X, 51—52 („Великдень у подолянь“). — <sup>4)</sup> Н. Р. Сл., VII, 5, 6; VIII, 23. — <sup>5)</sup> Ibid., VIII, 12.

прососаны жгучими лучами весеннего солнца в молніи. Польской глаголь *smokіаc* (чмокать или цмокать — издавать звук губами, бѣлор. *цмокаць* — свистать, шипѣть, какъ змѣй, щелкать зубами, смокать, смаковать — отхлывать, пить съ наслажденіемъ) одинаково употребляется и въ смыслѣ сосать, и въ смыслѣ цѣловать. Если эти понятія отождествлялись въ языкѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ народномъ эпосѣ спящая царевна пробуждается къ жизни не только высасываніемъ изъ ея тѣла губительной занозы, но и поцѣлуемъ юнаго свѣтлаго жениха. Поэтический языкъ доселѣ удерживаетъ древнюю метафору, по выраженію которой весеннее солнце горячо лобзаеъ землю, и она, словно невѣста передъ вѣнцомъ, убирается въ цѣты и зелень. О молніи предки наши выражались, что она сосетъ дождевыя тучи, и называли ее потому *smok* или *smok* — огненный (молніеносный) змѣй, высасывающій молоко небесныхъ коровъ (т. е. дождь), и виѣстъ съ тѣмъ: водяной насосъ, пожарная труба (см. гл. XX). Но слово сосетъ уже возбуждало представление о жадно-впившихся и страстно цѣлующихъ устахъ. Во время весенней грозы, въ которой древніе поэты усматривали свадебное торжество бога-громовника съ облачною дѣвою, Перунъ припадаетъ къ своей невѣстѣ пламенными устами, лобзаеъ ее молніями и ушивается любовнымъ напиткомъ — дождемъ; въ громовыхъ ударахъ слышались звуки его сладострастныхъ поцѣлуевъ. Этотъ прекрасный художественный образъ встрѣчаемъ въ сказочномъ эпосѣ: богатырь-громовникъ побѣждаетъ демоническихъ рати, избавляетъ отъ нихъ красавицу-царевну, и въ награду за то проситъ у ней поцѣлуя; «царевна не устыдилася, прижала его къ ретиву сердцу в громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало» <sup>1)</sup>. Любопытно, что народныя сказки

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., VIII, 18.

даютъ поцѣлую тоже двойное значеніе, какое придавалось Перуновой вѣткѣ: съ одной стороны онъ освобождаетъ отъ клятвѣ и прерываетъ волшебный сонъ <sup>1)</sup>, а съ другой насылаетъ забвеніе <sup>2)</sup>. Н. Гриммъ сопоставляетъ *ô minnisöl* — напитокъ, дарующій забвеніе, съ словами: швед. *minna* — цѣловать, датск. *minde* (какъ  $\varphi\lambda\epsilon\iota\nu$ ) — *amare* и *osculari*; старинное выраженіе о поцѣлуяхъ «*das liebmahl ansetzen*» вазываетъ ихъ пиромъ любви <sup>3)</sup>.

Рядомъ съ уподобленіемъ тучъ скаламъ и камнямъ стоитъ поэтическое представленіе ихъ крѣпостями, городами, дворцами (замками) и царствами. Метафора эта основывалась на томъ непосредственномъ впечатлѣніи, какое производятъ на глазъ гряды видимыхъ на горизонтѣ, одно на другое нагроможденныхъ облаковъ; принимая разнообразныя, утѣсистыя очертанія, онѣ казались каменными стѣнами и башнями, воздвигнутыми на небѣ упорнымъ трудомъ и искусствомъ великановъ. Отъ санскр. корня *sthâ* — *stare* произошли: *sthûpa* — наковальня (—камень; сравни греч.  $\acute{\alpha}\chi\mu\omega\nu$  — слово, означающее наковальню и соответствующее санскритскому *астап* и нашему камень) и столбъ, подпорка въ домѣ; готск. *stains*, англос. *stân*, сканд. *stên*, др.-нѣм. *stein*, греч.  $\sigma\tau\acute{\iota}\alpha$ ,  $\sigma\tau\acute{\iota}\omega\nu$ , нл. *stena* — скала, камень, и рус. стѣна; санскр. *sthâna* — мѣсто, домъ, зданіе, городъ, *gô-sthâna* (зэнд. *gaô-stâna*) — загородка для скота (въ переносномъ значеніи: облачная постройка для небесныхъ коровъ — см. выше стр. 351), *sthala*, англос. *stal*, *steal*, сканд. *stallr*, др.-нѣм. *stal*, *stall*, рус. станъ (укрѣпленный лагерь) и стойло <sup>4)</sup>. Скрывая въ своихъ иррациональных вер-

<sup>1)</sup> Ibid., VII, 15; у Шотта, стр. 261: поцѣлуй морской дѣвы воскрешаетъ убитого витязя; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 244—5. — <sup>2)</sup> Н. Р. С., V, 23; VI, 48, 49. — <sup>3)</sup> *D. Myth.*, 1055: „*minna*—*osculari* kann freilich aus munnia (den mund geben), alt. munnia verderbt scheinen.“ — <sup>4)</sup> Пикте, II, 18—19, 145.

тепахъ небесный свѣтъ в дожди, облака представлялись скалами, замыкающими внутри себя дорогія для смертнаго сокровища, и въ этомъ смыслѣ рисовались воображенію: крѣпкими оградами, за которыми демоническія силы прячутъ золото солнечныхъ лучей и живую воду, городами (т. е. по древнему значенію этого слова—огороженными мѣстами), крѣпостями или замками, и наконецъ царствами; ибо въ отдаленную эпоху господства родовыхъ отношеній каждое обнесенное стѣнами мѣсто поселенія было отдѣльнымъ государствомъ, независимымъ политическимъ центромъ, съ своимъ самостоятельнымъ владыкою-патріархомъ, съ своею управою и распорядкомъ. Въ гимнахъ Ригъ-Веды облака и тучи называются городами и крѣпостями Вритры, стѣны которыхъ разрушаетъ могучій Индра, чтобы открыть дождевымъ потокамъ свободный путь на землю; поэтому Индрѣ давалось прозваніе *Rigandara* — разоритель городовъ <sup>1)</sup>. Нѣмецкій языкъ допускаетъ выраженіе *getürmte wolken*; въ *Turvinia der weisse turm*—града бѣлыхъ облаковъ; въ Вест-салии, при видѣ черныхъ тучъ, говорятъ: «*der grummel-turm (donnerturm) steigt auf*»; на шведскихъ островахъ тоже явленіе обозначается словомъ *bisaborg (gewitterburg)* <sup>2)</sup>. Подобно тому, въ архангельской губ. густыя облака, скученныя по краямъ горизонта, называются стѣною: «солнце садится въ стѣну», т. е. въ тучи <sup>3)</sup>. Народныя загадки, уподобляя громовый грохотъ реву быка и ржанію коня, выражаются: «ревутъ волъ на сто горъ, на тысячу городовъ», «ржетъ жеребецъ на крутой горѣ» или «свой жеребецъ на все царство ржетъ» (I, 612, 660). Эти горы и города, потрясаемые громовыми ударами, должны быть горы-тучи и тѣ самые города, о которыхъ сербская пѣсня рассказываетъ, что ихъ строятъ

<sup>1)</sup> Orient und Occid., 407—8, 413; Germ. Mythen. 161.— <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 91—92.— <sup>3)</sup> Обл. Сл., 219.

на воздухѣ вѣщая вила (см. гл. XXIII). Въ заговорахъ, какіе произносятся ратникомъ при выступленіи на войну, читаемъ: «ѣду на гору высокую-далекую по облакамъ, по водамъ (т. е. на небесный сводъ), а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярской, а во теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба-красная дѣвица (—богиня Лада). Вынь ты, дѣвица, отеческой мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, шлемъ богатырской; отопри ты, дѣвица, коня ворона... Закрой ты, дѣвица, меня своею фатою отъ силы вражіей» <sup>1)</sup>. — «Подъ моремъ подъ Хвалынскимъ стоитъ мѣдный домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ заковавъ змѣй огненный, а подъ змѣемъ лежитъ семипудовый ключъ» отъ богатырской збруи (вооруженія). «Во той збруѣ, говоритъ ратникъ, не убьютъ меня ни пищаль, ни стрѣлы», и слово закліянія направлено на то, чтобы добыть ее изъ-подъ огненного змѣя. — «За дальними горами есть окіанъ-море (—небо) желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугуанный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада. Завѣщаегъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, свинцу, олову, серебру, золоту, каменьямъ, пищалямъ и стрѣламъ: подите вы, желѣзо, каменья и свинецъ, въ свою мать-землю отъ раба (нимярекъ)... А велитъ онъ ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пищалямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихимъ и смирнымъ; а велитъ онъ: не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали». Заговоръ на любовь красной дѣвицы начинается этими словами: «за моремъ за Хвалынскимъ во

---

<sup>1)</sup> Сличи съ другомъ заговоръ: «отъ окіанъ-мори узрѣла и усмотрѣла, глядучи на востокъ краснаго солнышка — во чисто поле: стоитъ семибашенный домъ, а въ томъ домѣ сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ, уговариваетъ недуги.»

мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ — заточенъ во неволѣ, закованъ въ 77 цѣпей, за 77 дверей, а двери заперты семидесятью семью замками, семидесятью (семью) крюками<sup>1)</sup>. Приведенные заговоры открываютъ передъ нами цѣлый рядъ мифическихъ представлений: собираясь на войну, ратный человекъ обращается съ мольбами о защитѣ и помощи къ богинѣ-громовницѣ или къ побѣдоносному Перуну, обладателю меча-кладенца (=молніи) и вороного коня (=быстро-летной тучи); заговоръ изображаетъ его отцемъ (создателемъ) всякаго оружія металлическаго и каменнаго, и даетъ ему названіе пастуха — названіе, въ тѣсномъ смыслѣ означающее владыку небесныхъ стадъ, а въ болѣе широкомъ — пастыря народа, военачальника, вождя. Но мечъ-кладенецъ и вся богатырская збруя лежатъ сокрытые въ кладовыхъ облачнаго замка (мѣднаго дома или терема), за крѣпкими стѣнами и запорами; самъ добрый молодецъ — громовникъ (или вмѣсто его — огненный змѣй, демонъ бурныхъ грозъ) сидитъ окованный въ тяжелой неволѣ въ городѣ-тучѣ: эти оковы налагаются зимними холодами, которые замыкаютъ дождевые источники и дѣлаютъ небо желѣзнымъ; подъ влияніемъ означеннаго воззрѣнія темныя сплошныя тучи зимы стали представляться темницею заключеннаго въ нихъ громовержца. Силою заговорнаго слова заклинатель вызываетъ Перуна возстать отъ бездѣйствія, разрушить облачные затворы, взяться за мечъ-молнію и поразить враждебныя рати (первоначально: полчища демоновъ). Къ нему-же, какъ творцу любовнаго напитка, обращаются и съ мольбами наслать въ сердце дѣвицы горячую любовь. Старинныя апокрифы сообщаютъ суевѣрные свѣденія о городахъ, изъ которыхъ точатся райскія рѣки молокомъ, мае-

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 18, 22—26, 29.

ломъ, виномъ и медомъ. Таковъ упоминаемый въ «Хожденіи апостола Павла по мукамъ» градъ Христовъ: «свѣтъ его паче свѣта міра сего свѣтятся, и бѣ весь златъ, и 12 стѣнами ограженъ баше» (I, 376); въ словѣ о Макаріи римскомъ (по рукописи XIV в.) названы «два града—одинъ желѣзенъ, а другій мѣдянь, да за тѣмъ градома рай божій... и вѣтъ раз поставилъ есть Богъ хиравами и сиравами, оружье плавию въ рукахъ имуши, стрещи рая и древа животна<sup>1)</sup>». Народныя сказки говорятъ о змѣиныхъ (драконовыхъ) дворцахъ или царствахъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ (о значеніи этихъ эпитетовъ см. стр. 285—6). Въ Литвѣ сохранилось преданіе, какъ одинъ царь (= демоническій представитель тучъ), во гнѣвѣ своемъ на солнце, приказалъ заключить его въ башню, нарочно для того устроенную. Приказъ былъ исполненъ, и солнце перестало свѣтить. Тогда двѣнадцать планетъ, лишенныхъ его свѣта, заказали огромный молотъ, этимъ молотомъ (т. е. молніями) пробили отверстіе въ башнѣ и освободили солнце изъ тяжкаго заключенія.

Владыка весеннихъ грозъ, разбиватель мрачныхъ тучъ, просвѣтитель неба, податель дождей и урожаевъ, присутствіе котораго такъ очевидно для всѣхъ въ лѣтнюю пору, на зиму какъ-бы совсѣмъ скрывается; въ періодъ суровыхъ вьюгъ, снѣговъ и морозовъ не узнается его творческая сила, и низъ представляетъ его засыпающимъ непробуднымъ сномъ или умирающимъ на все время зимы. Очарованный, заключенный, полонѣнный враждебными демонами, богъ-громоуникъ, вмѣстѣ съ своимъ побѣдоноснымъ воиствомъ, почіетъ до весны въ облачныхъ горахъ или замкахъ. По указанію ведическихъ гимновъ, пробужденный весной Индра разрушаетъ своими огненными стрѣлами семь городовъ демона зимы

<sup>1)</sup> Пам. отреч. лит., II, 64; Пам. стар. рус. литер., III, 139.

(Sambag'ы) и выводитъ изъ-за крѣпкихъ затворовъ стада небесныхъ коровъ, несущихъ въ своихъ сосцахъ благодатное млеко дождя, или освобождаетъ изъ заключенія облачныхъ дѣвъ, посылающихъ оросить бесплодную землю живою водою. Семь городовъ указываютъ на семь зимнихъ мѣсяцевъ; преданія индоевропейскихъ народовъ осязательно свидѣтельствуя, что первоначальной родиной ихъ прародительскаго племени была страна умѣренного пояса, сходная по климату съ среднею Россіей, — страна, чуждая и зноя тропиковъ и стужи земель, ближайшихъ къ полюсу. Неистовое воинство Одина, какъ повѣствуютъ народныя саги, то заключается въ горы, то выходитъ изъ нихъ пещеръ. По мифической связи душъ усопшихъ съ вѣтрами и грозовымъ пламенемъ, въ свѣтѣ Одина шествуютъ в толпы скончавшихся героевъ. Мать-сыра земля, скрывающая въ свои нѣдра трупы умершихъ, разверзается и для Одинова воинства. Собственно здѣсь разумѣются облачныя горы, въ мрачныхъ подземельяхъ которыхъ успокоивается Одинъ съ своими небесными ратниками и усопшими героями, вслѣдъ за тѣмъ, какъ стихаютъ бурныя грозы, в гдѣ свдѣятъ они въ зимнемъ оцѣпенѣніи, словно заключенные узники. Принимая ихъ въ свои вертепы, горы извергаютъ огонь и затворяются съ страшнымъ трескомъ. Въ декабрѣ, когда боги отпираютъ врата пресвѣтлаго рая и новорожденное солнце исходитъ изъ нихъ на лѣтній путь, горы эти раскрываются, и въ нихъ можно видѣть спящаго Одина со всею его храброю свитою. Въ двѣнадцать святыхъ ночей (на Рождественскіе Святки) пробуждаются духи неистоваго воинства и заводятъ шумную пѣсню; но это пробужденіе бываетъ кратковременное. Зима не выпускаетъ ихъ изъ своихъ омовъ, и только тогда, какъ исполвится семь зимнихъ мѣсяцевъ и прійдетъ пора несны — выступаетъ Одинъ изъ горныхъ вертеповъ совершенно-свободный, готовый на битвы съ



демонами, и какъ царственный властитель міра начинаетъ свое бурное шествіе надъ зеленѣющими полями. Саги повѣствуютъ объ очарованныхъ горахъ, изъ вѣдръ которыхъ отъ времени до времени слышатся звуки трубъ и роговъ, топотъ коней и стукъ оружія, изъ чего заключаютъ о приготовленіяхъ божественной рати къ выступленію въ походъ. Мнѣ о спящемъ воинствѣ былъ низведенъ на земли и приуроченъ къ различнымъ мѣстностямъ, а роль Одина передана любимымъ народнымъ героямъ — славнымъ вонтелямъ. Тамъ и здѣсь въ Германіи рассказываютъ, что въ такой-то горѣ или замкѣ спитъ зачатое воинство и во главѣ его могучій вождь: Зигфридъ, Карлъ Великій, Генрихъ Птицеловъ, Оттонъ Великій или Фридрихъ Барбаросса. Нѣкоторымъ счастливымъ удалось посѣщать эти горы, въ періодъ ихъ кратковременнаго раскрытія. Однажды кузнецъ искалъ въ кустахъ Одиновой горы (Odenberg) рукоятку на молотокъ, какъ внезапно открылась передъ нимъ расщелина въ каменныхъ скалахъ; онъ вошелъ въ эту расщелину и очутился въ чудесномъ мірѣ. Сильные витязи играли въ кегли желѣзными шарами и приглашали гостей принять участіе въ своей игрѣ; но кузнецъ отказался: шары были слишкомъ тяжелы для его руки. Игроки дружелюбно предложили ему выбрать себѣ что-нибудь въ подарокъ; кузнецъ взялъ одинъ изъ желѣзныхъ шаровъ, принёсъ его домой, и когда, собираясь ковать, раскаливъ его до красна — шаръ обратился въ чистое золото. Сколько потомъ ни ходилъ кузнецъ на Оденбергъ, никогда болѣе не попадалъ въ подземныя пещеры. О Карлѣ Великомъ рассказываютъ, что у самой подошвы Оденберга участвовалъ онъ въ страшной битвѣ; кровь лилась такъ безпощадно, что потоки ея проложили глубокія борозды. Карлъ одержалъ побѣду, но вечеромъ, виѣсть съ своимъ войскомъ, вступилъ внутрь скалы и заключился въ ея стѣнахъ; тамъ покоится онъ теперь

отъ своихъ геройскихъ подвиговъ. Каждые семь лѣтъ выступаетъ онъ изъ горы; въ воздухѣ раздаются звонъ оружія, бѣй барабановъ, ржаніе лошадей и удары ихъ подковъ; шествіе направляется къ Glisbogi'у, гдѣ воины поятъ лошадей, къ напоавъ, тѣмъ-же путемъ возвращаются въ гору. Въ опредѣленные дни года очарованныя горы раскрываются, и въ ихъ подземельяхъ можно видѣть стараго длиннобородаго мужа въ царственномъ вѣнцѣ, воссѣдающаго за столомъ, а кругомъ его одѣтыхъ въ латы ратниковъ — всѣ они покоятся глубокимъ сномъ: это — или Карлъ Великій или императоръ Фридрихъ. Когда борода Карла вырастетъ на столько, что трясды обовѣется около стола, тогда наступитъ время пробужденія, и проснувшееся воинство выступитъ изъ горныхъ пещеръ. Въ горахъ Турингін (auf dem Kifhänser) спитъ Фридрихъ-красная борода (Rothbart). Смерть, постигшая его младшеца — въ крестовомъ походѣ, дала народу поводъ думать, что онъ не умеръ и что будетъ время, когда онъ воротится и низвергнетъ похитителя своего престола. Теперь онъ сидитъ съ подвластными ему рыцарями и оруженосцами въ подземной пещерѣ за круглымъ каменнымъ столомъ, подерживая рукою поникшую голову; борода его уже дважды обросла около стола, и когда обовѣется она еще одинъ разъ — то послѣдуетъ пробужденіе государя и настанутъ лучшія времена. Тутъ-же стоятъ разнузданные кони, и потрясая збруею, производятъ сильный шумъ; въ ясляхъ нѣтъ сѣна, а только терновникъ. Пещера поражаетъ великолѣпіемъ: все въ ней блеститъ золотомъ и драгоценными каменьями, и здѣсь также свѣтло, какъ на землѣ въ ясный солнечный день; у самыхъ стѣнъ видны большія бочки, наполненныя дорогимъ виномъ. Къ одному овчару, который случайно зашелъ въ эту пещеру, Фридрихъ обратился съ вопросомъ: «летаютъ ли въ роны возлѣ горы?» и заиѣтилъ, что ему приходится

спать еще цѣлое столѣтіе. Овчаръ былъ приведенъ въ оружейную и получилъ въ подарокъ ножку отъ сосуда, которая была изъ чистаго золота. По другому варианту овчаръ, найдя открытую опускающую дверь въ горахъ Kifhäuser'a, спустился внизъ по длинной лѣстницѣ и увидѣлъ въ залѣ съ высокими сводами императора Оттона который ласково кивнулъ ему головою и показалъ на кучу горячихъ угольевъ; пастухъ наполнилъ ими свою сумку, и когда вышелъ изъ пещеры — то уголья превратились въ золото. Подобныя сказанія соединяются въ Шотландіи съ именемъ короля Артура, національнаго героя кельтовъ. Любопытенъ разсказъ объ одномъ наѣздникѣ, который продалъ незнакомому старикѣ коня и за уплатою долженъ былъ отправиться въ горы Eildenhills. Онъ послѣдовалъ туда за своимъ проводникомъ — черезъ длинный рядъ стойлъ, въ которыхъ неподвижно стояли лошади, а на землѣ, у ногъ ихъ, лежали спящіе воины. Въ концѣ подземелья висѣли мечъ и рогъ; наѣздникъ взялся за послѣдній и только затрубилъ — какъ тотчасъ же затопали кони и стали подыматься воины, звеня своимъ оружіемъ. Эти роговые звуки — символъ грома, пробуждающаго отъ зимняго сна бога весенней грозы и его спутниковъ; игра желѣзными шарами — поэтическое изображеніе сверляющихъ молній и громовыхъ раскатовъ; бочки съ виномъ — дождевыя тучи; золото и драгоценныя камни — клады, скрытые въ пещерахъ облачныхъ горъ; вороны — вѣщія птицы Одина. И Одинъ, и Торъ представлялись бороатыми мужами, ибо древнѣйшая метафора уподобляла темныя тучи — спутаннымъ волосамъ (см. гл. XXI): какъ длинная сѣдая борода Карла Великаго указываетъ на Одина, такъ красная борода Фридриха — на Донара; этому послѣднему преданія даютъ огненную бороду, и въ Норвегіи онъ отождествляется съ краснобородымъ Олафомъ. По глубокому убѣжденію древнихъ гер-

вицевъ, падшіе въ сраженіяхъ витязи переходили по смерти въ составъ Одинова воинства, въ небесную валгаллу; въ средня вѣка небо признавалось блаженною странною пребыванія героевъ, въ памятники XII вѣка говорятъ о райскомъ (=облачномъ) градѣ («небесномъ Іерусалимѣ»), какъ о мѣстѣ, исключительно-предназначенномъ для рыцарей. Подъ вліяніемъ этихъ вѣрованій, мифическихъ преданія о верховномъ божествѣ грозъ и подвластныхъ ему духахъ были перенесены на усопшихъ историческихъ дѣятелей и народныхъ героевъ, при чемъ фантазія надежду на ихъ пробужденіе стала связывать съ чрезвычайными нуждами родной земли: они проснутся и явятся германскому народу въ то время, когда онъ будетъ въ величайшей опасности и отечество потребуетъ необычайной помощи. Такъ думаютъ, что это случится въ ту кровавую эпоху, когда турки нахлынутъ на христіанскія земли, одолѣютъ всѣ собранныя рати и станутъ повѣ коней своихъ водами Рейна. Въ Швейцаріи вѣрятъ, что три основателя народнаго союза, нынѣ слящіе въ ущеліяхъ скалъ, проснутся — какъ скоро позоветъ ихъ отечество. Какъ могучій громовникъ пробуждается на борьбу съ демонами зимы, захватившими божій міръ, побѣждаетъ ихъ и снова восстанавливаетъ благодатное лѣто съ его зелеными днями и изобиліемъ плодовъ земныхъ; такъ и царственный герой пробуждается отъ долгаго сна на битны съ сильными врагами, завладѣвшими всею странною, и съ его пробужденіемъ нераздѣльны побѣда и начало лучшихъ, счастливейшихъ временъ.

Многъ называетъ царство весны и лѣта золотымъ (т. е. зеленымъ, свѣтлымъ, блаженнымъ) вѣкомъ; эта счастливая пора, послѣ постепенной утраты природою солнечнаго блеска и силы плодородія <sup>1)</sup>, сѣняется желѣзнымъ (холоднымъ,

<sup>1)</sup> Преданія говорятъ о сѣнѣ золотого вѣка серебрянымъ, золотомъ мѣднымъ и наконецъ желѣзнымъ; у скандинавовъ gull-

ледянымъ) въ комъ зимы, въ комъ распрей, зла и бѣдствій, который въ свою очередь (какъ скоро восторжествуютъ боги правды и добра) долженъ рушиться и уступить мѣсто возрожденному и просвѣтленному міру, т. е. новому лѣту. Впослѣдствіи, когда позабытъ былъ первоначальный смыслъ этихъ метафорическихъ выраженій, человѣкъ, не находя въ своемъ дѣйствительномъ быту ни полного счастья, ни твердой, неизблвмой справедливости, отодвинулъ преданіе о золотомъ вѣкѣ въ незапамятное-прошедшее и въ далекое-будущее, и слилъ его съ представленіями рая потеряннаго, въ которомъ жили первые невинные люди, и рая грядущаго, который наслѣдуютъ праведники при кончинѣ вселенной. Вместе съ этими весеннее пробужденіе бога-громовника, рушителя стараго грѣховнаго царства зимы и творца новой, благословенной жизни, соединяется съ мыслию о кончинѣ міра, страшномъ судѣ и водвореніи на обновленной землѣ вѣчнаго счастья и правды. Въ Германіи сохраняется вѣрованіе, что въ то время, когда борода Фрвдриха или Карла Великаго трижды обовѣетъ вернюю доску стола (т. е. когда вырастетъ грозозная туча), — явится антихристъ, и затѣмъ наступитъ послѣдній день міра и затрубитъ ангельская труба, призывая всѣхъ на страшный судъ. Тогда-то, съ пробужденіемъ спящаго героя, произойдетъ страшная, кровопролитная битва. На Walsersfeld'ѣ, говоритъ сага, стоитъ сухое дерево; уже трижды оно было срублено, но всякой разъ корень его давалъ новый отростокъ. Когда оно вновь оживетъ и позеленѣетъ, тогда проснется императоръ Фридрихъ, повѣситъ свой шитъ на чудесное дерево и начнетъ беспощадный бой; кровь полетитъ рѣкою и смочитъ обувь всѣхъ воиновъ; но злые будутъ побѣждены добрыми и святой гробъ отнять изъ рукъ невѣрныхъ.

---

aldg—золотое время, когда боги въ свои орудія ковали изъ чистаго золота—D. Myth., 541, 752—3.

По свидѣтельству ниже-саксонской саги, въ Голштейнѣ на одномъ церковномъ дворѣ ежегодно отъ дубоваго корня вырастаетъ свѣжій отростокъ. Въ ночь на новыи годъ пріѣзжаютъ на бѣломъ конѣ бѣлый всадникъ, чтобы срубить этотъ отростокъ; но въ тоже самое время является и другой всадникъ—черный и на черномъ конѣ, и всячески старается помѣшать ему. Долго они сражаются, пока наконецъ бѣлый всадникъ ни побѣдитъ чернаго и ни срубить дубовой отрасли. Настанетъ однако день, когда бѣлый всадникъ не въ силахъ будетъ одолѣть чернаго, и дубъ вырастетъ такой большой, что подъ нимъ можно будетъ привязать коня. Тогда проснется очарованный король, выйдетъ на поле съ своею ратью, привяжетъ коня къ дубу, и начнется отчаянная битва. По удачному объясненію Я. Гримма, бѣлый всадникъ есть свѣтлый Фрейръ, сражающійся съ чернымъ Суртуромъ при кончинѣ вселенной (см. I, 759); обрубая дерево, онъ стремится отдалить разрушеніе міра; дерево это есть мировая ясеня (дождевая туча), засыхающая подъ холоднымъ дыханіемъ злыхъ и дающая новые отпрыски съ поворотомъ солнца на юго. Легенда, известная у славянъ и нѣмцевъ, рассказываетъ о великомъ грѣшникѣ, осужденномъ на адскія мѣки, отъ которыхъ избавляютъ его слезы покаянія; онъ воткнулъ въ землю сухую палку, и оплакивая совершенныя имъ грѣхи, поливалъ ее своими слезами, и вотъ, во знаменіе божественнаго прощенія, палка дала зеленые ростки, разрослась въ вѣтвистыи деревомъ, разцвѣла и принесла плоды <sup>1)</sup>. Подъ этой легендарной обстановкою не трудно угадать старинный мифъ: облачныя подземелья издревле принимались за адскіе вертепы, за царство злыхъ демоновъ; исключенный въ этихъ вертепахъ узникъ могъ представляться то невиннымъ страдальцемъ, то осужденнымъ грѣшникомъ.

<sup>1)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 249; Н. Р. Лер., 28 и стр. 177—180.

ношъ (разбойникомъ, душегубцемъ — см. ниже, стр. 453); время освобожденія его наступаетъ нееною, а проливаемыиъ слезы — метафора дождя, животворною силою котораго увядшія на зиму деревья снова одѣваются зеленью. — Зимнее оцѣпенѣніе Одина выражалось и въ другомъ поэтическомъ образѣ: думали, что въ періодъ зимы онъ попадаетъ въ ссылку, или отправляется въ далекія страны и блуждаетъ тамъ, подобно тѣнямъ загробныхъ выходцевъ; между тѣмъ покинутая имъ прекрасная супруга отдается въ объятія его врага, похитителя его престола (Одина-самозванца или зимняго). По исходѣ семи лѣтъ изгнанія (семи зимнихъ мѣсяцевъ), онъ возвращается назадъ одичалымъ, со всѣми вѣшними признаками мертвеца, становится во главѣ своего воинства, низвергаетъ злобнаго врага и снова обрѣтаетъ и любовь супруги, и царственную власть надъ міромъ <sup>1)</sup>).

Старинный мифъ о погруженіи въ сонъ и пробужденіи божества творческихъ силъ природы сохраняется у славянъ въ сказочномъ эпосѣ. Здѣсь повѣствуется: какъ ненаглядная красавица потеряла своего милаго, пустилась странствовать, и послѣ долгихъ поисковъ обрѣла его въ союзѣ съ другою безобразною женою, у которой и покупаетъ за серебряныя и золотыя диковинки (эмблемы весны) право провести съ ея мужемъ три полныя ночи. Въ эти ночи красавица будитъ своего невѣрнаго друга, напоминая о себѣ въ трогательныхъ пританіяхъ; но онъ спитъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ, и только въ третью ночь удается ей наконецъ вызвать его изъ волшебнаго усыпленія, насланнаго хитрою соперницею, отстранить эту послѣднюю и войти въ права настоящей супруги. Смыслъ этой сказки, знакомой и другимъ индоевропейскимъ народамъ, слѣдующій: въ печальный періодъ вьюгъ

<sup>1)</sup> D. Myth., 890, 905—913; Die Götterwelt, 126—8, 135—143, 149—150.

и морозомъ богъ-громовникъ покидаетъ свою красавицу (богиню лѣта) и вступаетъ въ новый союзъ съ колдуньей-Зимой, которая и усыпляетъ его до той поры, пока не появится весна<sup>1)</sup>. Еще нагляднѣе развита мысль о эпическомъ замираніи природы въ сказкахъ о заклятыхъ царевичахъ и царевнахъ, о чемъ см. въ главѣ XX-й. Историческая же обработка мифа, столь богатая у германцевъ, въ славянскомъ мірѣ весьма слаба; причина этого факта, безъ сомнѣнія, кроется въ отсутствіи героическихъ элементовъ въ исторіи славянскихъ племенъ за тѣ давно минувшіе вѣка, когда эпическое востроеніе народа было еще свѣжо и легко овладѣвало бытовымъ матеріаломъ для воплощенія въ немъ мифическихъ преданій. Только у чеховъ встрѣчаемъ сказаніе, которое можетъ быть поставлено на ряду съ выше-приведенными сагами о Карлѣ Великомъ и другихъ герояхъ; но едва ли оно не обязано своимъ происхожденіемъ близкому сосѣдству и вліянію нѣмецкой національности.

---

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., VII, 1; VIII, 1; Slov. pohad., 583; Сказ. Грим., 88 и въ т. III, стр. 152—6; Ск. Норв., II, 14; Ганъ, 7, 102. Въ норвежской редакціи любопытна слѣдующая подробность: когда царевичъ проснувшись и узнавъ свою прежнюю подругу, онъ заставляетъ обѣихъ женъ снимать съ своей сорочки три сальныхъ пятна. Сначала взялась за работу безобразная жена—съ тѣмъ-же длиннымъ носомъ, какъ наша баба-яга, но чѣмъ дольше мыла, тѣмъ пятна становились больше и больше; напротивъ жена-красавица смыла ихъ легко и скоро, и тѣмъ самымъ доказала превосходство своихъ супружескихъ правъ, т. е. зима помираетъ облачные покровы, одѣвающие небеснаго жениха, а лѣто просвѣтляетъ ихъ, золотитъ солнечными лучами. Позднѣе этому мифическому представленію придали бытъ нравственный смыслъ: чистота—знакъ невинности, а черныя пятна—свидѣтельство грѣха, неправды. Отсюда возникло любопытное сказаніе о бѣлоснѣжной сорочкѣ, которую даритъ жена мужу, при разлукѣ съ нимъ, и которая остается чистою, пока жена не нарушитъ супружеской вѣрности: ни грязь, ни пыль, ни сальные пятна не пристають къ сорочкѣ (Н. Р. Ск., VII, 21; Вольфъ, 98—115; Zeitsch. für D. M., II, 377—384).



Въ горѣ Бланикъ, въ четырехъ миляхъ отъ Табора, (разсказываютъ чехи) заключены рыцари, павшіе нѣкогда въ бою; они спятъ на полу и на каменныхъ скамьяхъ, и возлѣ каждаго лежитъ его оружіе; нѣкоторые покоются, опершись на мечъ, а другіе — сидя верхомъ, склонивъ голову на шею лошади. Источникъ, вытекающій изъ горы, проливается нхъ конями, которые стоятъ оспѣданные вдоль отвѣсной скалы. Каждый годъ на Ивановъ день Бланикъ открывается, и рыцари выезжаютъ коней своихъ лошадей. Случилось разъ пастуху зайти въ открытую гору; рыцари проснулись и стали спрашивать: не пора ли выступать въ походъ? Но вожь ихъ Венцелій, который покоится посреди пещеры — на возвышенномъ мѣстѣ, отвѣчалъ: «нѣтъ, не настало еще время, когда уничтожимъ мы враговъ Чехіи!» И тотчасъ все погрузилось въ сонъ. Одинъ кузнецъ позванъ былъ въ пещеру подковать лошадей и въ награду за трудъ получилъ старыя подковы, которыя впоследствии превратились въ золото; разсказываютъ еще о конюхѣ: рыцари пригласили его вычистить навозъ, онъ исполнилъ работу, а навозъ оказался потомъ золотомъ. Часто слышится въ горѣ стукъ оружія — это рыцари готовятся къ битвѣ. Битва эта произойдетъ тогда, когда враги со всехъ сторонъ ворвутся въ страну, заселенную чехами, внесутъ въ нее смерть и огонь, и разрушатъ Прагу до основанія, когда старый прудъ около Бланика наполнится кровью и засохшія деревья позеленѣютъ и дадутъ цвѣтъ. Въ то время выступитъ священное войско, и во главѣ его Венцелій на статномъ бѣломъ конѣ, держа въ рукѣ распущенное знамя; онъ изгонитъ хищныхъ враговъ, положитъ начало народной независимости, и затѣмъ вмѣстѣ съ своими ратниками удалится на вѣчный покой <sup>1)</sup>). Въ Моравіи

---

<sup>1)</sup> День 1864, 43.

существуетъ преданіе о любимомъ князѣ Святополкѣ (Svato-  
pluk), что когда-то онъ долженъ воротиться къ своему наро-  
ду, и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершается  
обрядовый ходъ для отысканія Святополка, что соответству-  
етъ нѣмецкому обыкновенію искать Одина <sup>1)</sup>). Черногорцы  
рассказываютъ, что въ пещерѣ у развалинъ grada Oboda  
живъ «déd pjihov Сгнојевиѣ Иванъ»; его сторожитъ горная ви-  
ла и разбудитъ тогда, какъ наступитъ время «da sjedini opet  
sa Сгномогомъ равни которъ и sinje more» <sup>2)</sup>). На Руси озна-  
чевный мнѣзъ соединяется съ именемъ Стеньки Разина, ко-  
торому (какъ уже было сказано) народъ приписываетъ сокры-  
тіе дорогихъ кладовъ. По берегамъ Волги, гдѣ онъ нѣкогда  
гулялъ съ своей вольницей, нѣкоторые холмы носятъ назва-  
нія: «Столъ, Шапка, Бугры Стеньки Разина», а одно ущелье  
смыветъ его Тюрью мою. Въ Разинскихъ Буграхъ, по народ-  
ному повѣрью, знаменитый разбойникъ спряталъ свое богат-  
ство въ глубокихъ погребкахъ, за желѣзными дверями, и те-  
перь оно лежитъ тамъ зачатое. Самъ Стенька Разинъ  
живъ до сихъ поръ, сидитъ гдѣ-то въ горѣ, стережетъ  
свои поклажи и мучится; мать-сыра земля не захотѣла  
принять его костей, и потому нѣтъ ему смерти. Передъ на-  
ступленіемъ страшнаго суда онъ явится въ міръ, и подобно  
антихристу станетъ всѣхъ по рукамъ разбирать: то будутъ  
тяжелыя времена! Иногда онъ выходитъ изъ своей темницы  
и носится на бѣломъ конѣ въ золотой одеждѣ; бывали  
даже случаи, когда онъ показывался людямъ. Разъ, возвраща-  
ясь изъ туркменскаго плѣна, русскіе матросы проходили бе-  
регомъ Каспійскаго моря; тамъ стоятъ высокія-высокія горы.  
Случилась гроза, и они присѣли у одной горы. Вдругъ вы-  
лѣтъ изъ горнаго ущелья сѣдой, древній старикъ—

<sup>1)</sup> D. Myth., 913.— <sup>2)</sup> Arkiv za povēstnicu jugoslavensku, I, 98.

ажно мохомъ поросъ: «здравствуйте, говоритъ, русскіе люди! бывали-ль вы у обѣдни на первое воскресенье великаго поста? слышали-ль, какъ проклинали Стеньку Разина?» — Слыхали, дѣдушка! «Такъ знайте-жь: я — Стенька Разинъ. Меня земля не приняла за моя грѣхи; за нихъ я проклятъ и суждено мнѣ страшно мучиться. Два змѣя сосали меня: одинъ со полуночи до полудня, а другой со полудня до полночи; сто лѣтъ прошло — одинъ змѣй отлетѣлъ, другой остался, прилетаетъ ко мнѣ въ полночь и сосетъ меня за сердце, а уйдти отъ горы не могу — змѣй не пускаетъ. Но когда пройдетъ еще сто лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся, люди станутъ забывать Бога и зажгутъ передъ образами сальныя свѣчи, вмѣсто восковыхъ; тогда я снова явлюсь на бѣлый свѣтъ и стану бушевать пуще прежняго. Расскажите про это всѣмъ на святой Руси!»<sup>1)</sup> Въ разныхъ деревняхъ можно услышать рассказы, что не только Стенька Разинъ, но и Гришка Отрепьевъ, Ванька Канинъ и Емелька Пугачевъ до сего дня живы и скрываются въ змѣиной пещерѣ на томъ островѣ, гдѣ живутъ полуцеловѣки, или сидятъ заключенные въ Жигулевскихъ горахъ. Вздумала какъ-то одна набожная дѣвушка спастись въ пещерѣ; но вечеромъ явился передъ ней Стенька Разинъ — худой, весь обросшій волосами, и прогналъ ее: «эта пещера — моя, сказалъ онъ; здѣсь хранятся награбленные мною сокровища»; и въ самомъ дѣлѣ, при выходѣ оттуда, дѣвушка увидѣла бочки, наполненные золотомъ<sup>2)</sup>. Итакъ русское

<sup>1)</sup> Бунтъ Ст. Разина, Костомарова, изд. 2-е, 231—7. По другому преданію, по ночамъ является въ землянку цѣлая стая змѣй и гадюкъ, грызетъ тѣло Стеньки Разина и пьетъ его кровь, а какъ только пропоятъ пѣтухи — мухи его преобразуются — Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 722—3, 733. — <sup>2)</sup> Духъ Христіан. 1861—2, 275; въ Шлезіи въ Zobtenberg сидятъ передъ столомъ три заляпанныхъ злодѣй — D. Myth, 913.

преданіе, согласно съ нѣмецкими сагами, связываетъ пробужденіе Стеньки Разина съ кончиною міра и безпощаднымъ, кровавымъ побойщемъ, какое ожидается при этомъ всемірномъ событіи; самъ онъ носитъ признаки, наложенные рукою Смерти — Зимы: старой, худой, онъ весь поросъ мохомъ и волосами. Тѣмъ не менѣе характеръ русскаго преданія значительно отличается отъ сагъ, созданныхъ германскимъ племенемъ. Тамъ спящіе герои — представители благотворныхъ, творческихъ силъ природы, выступающіе на борьбу съ враждебными ратами демоновъ, на помощь родной странѣ и на устроение новой счастливой жизни; напротивъ у насъ, подъ вліяніемъ тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя послужили матеріаломъ для обработки стариннаго мифа, герой — разбойникъ и грабитель и является съ тѣмъ демоническимъ значеніемъ, какое придавалось великавамъ-тучамъ, какъ жаднымъ похитителямъ золота солнечныхъ лучей и плодороднаго сѣмени дождя. По тѣсной связи громовника съ мрачными тучами, онъ представлялся съ одной стороны побѣдителемъ демоновъ, а съ другой ихъ злобнымъ владыкою, который то задерживаетъ дожди, то чрезмѣрными ливнями и градомъ истребляетъ жатвы и посылаетъ голодъ и моръ. Эти различныя представленія единого божества распались въ послѣдствіи на два отдѣльные образа; при Зевсѣ-тучегонителѣ явился богъ-кузнецъ, обитатель подземныхъ пещеръ, низверженный съ неба Гефестъ, при всещедромъ, праведномъ Торѣ — лукавый Локи, котораго позднѣйшія повѣрья смѣшиваютъ съ сатаною и антихристомъ (см. гл. XXII); міръ подземный сливается въ народныхъ сказаніяхъ съ пещерами облачныхъ горъ, въ которыхъ сидитъ заключенный и окованный желѣзными цѣпями отецъ лжи — сатана, и будетъ сидѣть тамъ до самаго страшнаго суда (I, 756 — 8). Именно этотъ демоническій типъ сочетала фантазія съ Стенькою Разинымъ. И Локи, и

тождественныі съ нимъ Прометей были прикованы къ скаламъ; надъ первымъ висѣла змѣя и капала ему на лицо свой жгучій ядъ, а втораго терзалъ за печень орелъ, посланный Зевсомъ <sup>1)</sup>; точно такъ Стеньку Разина, заключеннаго въ горѣ, сосетъ за сердце летучій змѣй. И орелъ-носитель Зевсовыхъ стрѣлъ и змѣй-сосунъ суть зооморфическія олицетворенія молніи, терзающей своимъ острымъ клювомъ демона-тучу. Вмѣстѣ съ Разинымъ заключены въ змѣиной пещерѣ получеловѣки — баснословные люди объ одномъ глазѣ, одной рукѣ и одной ногѣ, которые, чтобы двинуться съ мѣста, принуждены складываться по двое, и тогда бѣгаютъ съ изумительной быстротою: они плодятся, по русскому повѣрью, не вслѣдствіе парожденія, а выдѣлывая себѣ подобныхъ изъ желѣза. Дымъ и смядъ, исходящіе изъ ихъ кузницъ, разносятъ по бѣлому свѣту повальные болѣзни: моръ, оспу, лихорадки и т. дал. <sup>2)</sup> Въ томской губ. они называются оплетаями, у хорутанъ — половайниками; происхождение половайниковъ приписывается дьяволу <sup>3)</sup>. Ясно, что это дикое племя родственно одноглазымъ кузнецамъ-циклопамъ, помощникамъ Гефеста. Въ борьбѣ съ великанами (= тучами) Зевсъ и его сподвижники низвергли своихъ враговъ въ преисподнюю и придавили ихъ огромными скалами; впоследствии много этотъ былъ перенесенъ на знаменитаго въ древности завоевателя — Александра Македонскаго, и средневѣковыя повѣсти <sup>4)</sup> рассказываютъ о борьбѣ его съ дивами, т. е. великанами (см. гл. XX), которыхъ заточилъ онъ въ каменные горы <sup>5)</sup>: «и взиде (Александръ) на восточныя страны до моря, наричаемое Солнче мѣсто, и видѣ ту челоувѣкы нечи-

<sup>1)</sup> Симрокъ, 60, 284. — <sup>2)</sup> Духъ Христіанина 1861—2, XII, 275. — <sup>3)</sup> Эгн. Сб., VI, 149; сб. Виланца, 233—4. — <sup>4)</sup> Исторія псевдо-Каллисена и сказаніе Меѳодія Патарскаго. — <sup>5)</sup> Пыпинъ, глава 1-я „Очерка лигер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ“.

стыя... убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загва ихъ на полувощныя страны въ горы высокія (о связи сѣверной стороны съ идеей ада см. въ гл. XXII-й); и Богу повелѣвшю, сступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не сступишася о нихъ горы на 12 локоть — и ту створишася врата мѣдяна и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти — не возмогутъ ѿ жещи; въ послѣдняя же дни... извдуть и си скверніи языкы». Черезъ посредство литературныхъ памятниковъ означенная басня перешла и къ намъ, слылась съ древнѣйшими народными преданіями и сдѣлалась общимъ достояніемъ. Предки наши указывали на разныя горы, какъ на мѣста заключенія «нечистыхъ языковъ». Старинный лѣтописецъ записалъ рассказъ новгородца Гюраты Роговича: послалъ онъ отрока своего въ Югорскую землю; «Югра же рекоша отроку: дивно ны находимъ чюдо... суть горы зайдуче луку моря, имъ-же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ я говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчнся; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, шестъ не розумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза. Есть же путь до горъ непроходимъ пропастями, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмъ-же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощѣи» <sup>1)</sup> По поводу этого рассказа лѣтописецъ замѣчаетъ: «си суть людье, заклепаніи Александромъ Македоньскимъ царемъ». Въ путешествіи Василія Гогары (1634 г.) читаемъ: «да въ той-же грузинской землѣ межъ горами высокими и снѣжными въ непроходимыхъ мѣстѣхъ есть щели земныя, и въ нихъ загнаны дивіе звѣри Гогъ и Магогъ, а загналъ тѣхъ звѣрей царь Алек-

---

<sup>1)</sup> Въ Лѣтописцѣ Переяславскомъ, 51: «тамо бо лѣто не бываетъ на самой полунощи».

сандръ Македонскій». Изъ лѣтописныхъ указавій видно, что мысль объ этихъ «дивныхъ», нечистыхъ вародахъ соединилась въ былыя времена съ половцами и татарами, которые невѣдомо откуда находили на русскую землю и предавали ее страшному опустошенію <sup>1)</sup>. И на западѣ Европы существовало въ среднія вѣка убѣжденіе, что татары вышли изъ тартара <sup>2)</sup>; въ гуннахъ же признавала народъ, происшедшій отъ плотскаго смѣшенія вѣдьмъ съ лѣсными демонами или колдуна съ волчицею, и смѣшивали ихъ съ великанами <sup>3)</sup>. Въ устахъ русскаго люда басня о народахъ, заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ, передается такъ: «жилъ на свѣтѣ царь Александръ Македонскій — изъ богатырей богатырь, в войско у него было все нѣчисто богатыри. Куда ни пойдетъ войною — все побѣдитъ, и покорилъ онъ подъ свою власть всѣ земныя царства. Зашелъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ ужаснулся: свирѣпы пуще лютыхъ звѣрей и ѣдятъ живыхъ людей; у много одинъ глазъ — и тотъ во лбу, а у много три глаза; у одного одна только нога, а у много три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ народовъ было Гогг и Магогг. Началъ воевать съ ними Александръ Македонскій; двѣи народы не устояли и пустились отъ него бѣжать; онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ

---

<sup>1)</sup> П. С. Р. Л., I, 100, 107, 189; Сахаровъ, II, 111. — <sup>2)</sup> Бокль: Исторія цивилиз. въ Англіи, I, 229. — <sup>3)</sup> Deutsche Sagen, II, 15-16 и №№ 377, 379; Иорданъ: De gothorum origine. Hüne—великанъ. Старинными хрониками утверждаютъ, что королева Альбіона (имя, указывающее на королеву эльфовъ) и тридцать сестеръ ея были оплодотворены марами, и отъ этого смѣшенія родились великаны—Beiträge zur D. Myth., II, 266. Сравни съ библейскимъ сказаніемъ: «егда вхождаху сынове божиі къ дочеремъ человеческимъ и рождаху себѣ—тіи бяху исполнини».

инисать. Свёлъ надъ ними одну гору съ другою сводомъ, поставилъ на сводѣ трубы и ушелъ назадъ. Подуютъ вѣтры въ трубы и подымется страшный вой, а дивніи народы причать: о, видно еще живъ Александръ Македонскій! Эти Гоги и Магоги доселѣ живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ изъ горъ передъ самою кончиною евіта» <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., VI, 64.



## ХІХ.

### ПРЕДАНІЯ О СОТВОРЕНІИ МІРА И ЧЕЛОВѢКА.

Преданіе о сотвореніи міра, живущее въ устахъ русскаго народа, обставлено такими подробностями, которыя несомнѣнно принадлежать глубочайшей древности. Въ книгѣ Терещенка преданіе это записано въ такой формѣ: а) «Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю. Онъ позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принести ему. — Ладно, думаетъ сатана, я самъ сдѣлаю такую-же землю! Онъ нырнулъ, досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. Принесъ Богу и отдаетъ, а самъ не произноситъ ни слова... Господь куда ни броситъ землю — она вдругъ является такая ровная-ровная, что на одномъ концѣ станешь — то на другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смотреть... хотѣлъ что-то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ: чего онъ хочетъ? Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ испугу. Тогда громъ и молніи поражали бѣгущаго сатану, и онъ гдѣ прилжетъ — тамъ выдвинутся пригорки и горки, гдѣ кашляетъ — тамъ вырастетъ гора, гдѣ привскачетъ — тамъ высунется поднебесная гора. И такъ бѣгая по всей землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорковъ, горокъ, горъ и превысокихъ горъ» <sup>1)</sup>). Такое твореніе земли народъ на своемъ эпи-

<sup>1)</sup> Терещ., V, 44—45

ческомъ языкѣ называется сѣянiемъ: «взялъ Богъ песчиночку и настѣялъ всю землю съ травами, лѣсами и всякими угодыми» <sup>1)</sup>. Приведемъ различные варианты: б) «Ото, якъ задумавъ Господь сотворити свить (разсказывають въ Малороссiи), то-й говорить до найстаршаго ангела Сатананла: а що, каже, архангеле мій! ходимъ творити свить. — Да ходимо, Боже! каже Сатананлъ. Ото вони и пійшли надъ море, а море таке темне-темне — сказано: безодня. Ото Богъ и каже до Сатананла: бачишь оттую безодню? — Бачу, Боже! — Иди-жь, каже, у тую безодню на самеє дно, та дистань мені жменю пску; та гляди — якъ будешь брати, то скажи про себе: беру тебе, земле, на имя господне! — Добре, Боже! И ввернувъ (нырнулъ) Сатананлъ у самую безодню на самій псокъ, та-й зазлотно ему стало: ни, каже, Боже! приточу я и свое имя; нехай буде равомъ и твое, и мое. И бере винъ та-й каже: беру тебе, земле, на имя господне и свое! Сказавъ; прійшлося виносити, а вода ему той псокъ такъ и измивае. Той такъ затискае жменю, але де вже Бога ошукати! затимъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того пску якъ не було — геть вода смилла. Не хитри, Сатананле, каже Господь; иди знова, та не приточуй своего имя! Пишовъ знову Сатананлъ, приповлае: беру тебе, земле, на имя господне и свое! — и знову пску не стало. Ажъ за третимъ разомъ сказавъ уже Сатананлъ: беру тебе земле, на имя господне! — и ото уже несе та-й не стискае жмени, такъ и несе на долони, щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вынисть до Бога. И узавъ Господь той псокъ, ходить по мори та-й розсивае, а Сатананлъ давай облизовати руку: хочъ трохи, думае, сховаю для себе, а потимъ я землю збудую. А Господь розсiявъ: а що, каже, Сатананле, нема бильше пску?—

<sup>1)</sup> Лвт. рус. лнт., кн. II, 100—3.

А нема, Боже! — То треба благословити, каже Господь, та-й благословивъ землю на вси чотири части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роти и собі росте; дали такъ розрослася, що-й губу росперае. Богъ и каже: плюнь, Сатанале! Той зачавъ плювати да харкати, и де винъ плювавъ—то тамъ виростали гори, а де харкавъ — то тамъ скали». По другому преданію, отъ этого произошли болота, пустынные и бесплодные мѣста. «Отъ черевъ що у насъ и земля не ривна. Воно ще кажуть, що нибито ти скали та гори Богъ знае доки-бъ росли, а то Петро да Павло якъ заклали ихъ, то вони вже-й не ростуть. А то вже Господь и каже до Сатанала: теперь, каже, тилько-бъ посвятити землю, але нехай вона собі росте, а ми видпочиньмо.—А добре, Боже! каже Сатаналь. И лягли вони спочивати. Господь почивая, а Сатаналь и думаетъ, щоби землю забрати; и ото піднявъ его та-й бижить (чтобы кинуть въ воду), а моря нема; вдарився на пивничъ — и тапъ не видати. Побивався на вси чотири части свита — нигдѣ нема моря... Бачить винъ, що ничего не вдіе, несе Бога на то саме мисце та-й самъ коло него лягае. Полежавъ трохи та-й будить Бога: вставай, Боже, землю святити. А Богъ ему и каже: не журись, Сатанале, земля моя свячена; освятивъ а јіи сєи ночи на вси чотири боки» <sup>1)</sup>. с) Въ Галиціи рассказываютъ, что въ началѣ вѣковъ было только небо да море; по морю плавалъ Богъ въ лодкѣ и встрѣтилъ большую, густую пѣну, въ которой лежалъ чортъ. «Кто ты?» спросилъ его Господь. — Возьми меня къ себѣ въ лодку, тогда скажу. «Ну, ступай!» сказалъ Господь, и вслѣдъ затѣмъ послышался отвѣтъ: «я чортъ!» Молча поплыли они дальше. Чортъ началъ говорить: «хорошо, еслибъ была твердая земля, и было

<sup>1)</sup> Записано въ Подолѣ въ виницкомъ повѣтъ—Основа 1861, VI, ст. Сухомлинова, 59—60; Zeitsch. für D. M., IV, 157—8.

бы гдѣ отдохнуть намъ». — Будеть! отвѣчалъ Богъ; опусти на дно морское, набери тамъ во имя мое горсть песку и принеси; я изъ него сдѣлаю землю. Чортъ опустился, набралъ песку въ объ горсти и примолвилъ: «беру тебя во имя мое!» Но когда вышелъ на поверхность воды—въ горстяхъ не осталось ни зернушка. Онъ погрузился снова, набралъ песку во имя божее, и когда воротился — песку у него осталось только за ногтями. Богъ взялъ этотъ песокъ, посыпалъ по водѣ и сотворилъ землю ни больше, ни меньше, какъ сколько нужно было, чтобы имъ обонимъ улечься. Они легли рядомъ — Богъ къ востоку, а чортъ къ западу. Когда чорту показалось, что Богъ заснулъ, нечистый сталъ толкать его, чтобы онъ упалъ въ море и потонулъ; но земля тотчасъ-же далеко расширилась къ востоку. Увидя это, дьяволъ началъ толкать Бога къ западу, а потомъ къ югу и къ сѣверу: во всѣ эти стороны земля раздавалась широко и далеко. Потомъ Богъ всталъ и пошелъ на небо, а чортъ по пятамъ за нимъ; услышавъ, что ангелы славятъ Бога въ пѣсняхъ, и захотѣлъ создать себѣ столько-же подчиненныхъ духовъ; для этого обмылъ свое лицо и руки водою, брызнулъ ею назадъ отъ себя — и сотворилъ столько чертей, что ангеламъ не доставало уже мѣста на небесахъ. Богъ приказалъ Ильѣ-громовнику напустить на нихъ громъ и молнію. Илья гремѣлъ и стрѣлялъ молніями, сорокъ дней и ночей шелъ дождь, и вмѣстѣ съ великимъ дождемъ попадали съ неба и всѣ черти; еще до сего дня многіе изъ нихъ блуждаютъ по поднебесью свѣтлыми огоньками и только теперь достигаютъ до земли <sup>1)</sup>. d) Преданіе заонѣжанъ: «По до-сильскому (т. е. старосвѣтному) окіанъ-мору плавало два гоголя: первый бѣлъ гоголь, а другой чоренъ гоголь. И ты-

<sup>1)</sup> Эрбенъ, 143—4; Zeitsch. für D. M., I, 178—180.

ми двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и сатана. По божію повелѣнію, по богородицыну благословенію, сатана выдвинулъ со дна синя моря горсть земли. Изъ той горсти Господь сотворилъ ровныя мѣста и путистыя поля, а сатана поназдѣлалъ непроходимыхъ пропастей, щилевъ (ущелій) и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ и создалъ свое воинство, и пошла между ними великая война. По началу одолѣвала было рать сатаны, но подъ конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла-архавгелъ съ небеса сатанино воинство и попадало оно на землю въ разныя мѣста, отчего и появились водяные, лѣшіе и домовые <sup>1)</sup>. Подобное-же преданіе находимъ въ апокрифической литературѣ, именно въ статьѣ, озаглавленной: «Свитокъ божественныхъ книгъ». Хотя статья эта извѣстна намъ въ поздѣвшихъ и отчасти-попорченныхъ спискахъ, но безъ сомнѣнія — происхожденіе ея весьма древнее; въ ней замѣтны слѣды богомилскаго ученія и нѣкоторыя передаваемые ею подробности встрѣчаются въ рукописяхъ XV и XVI столѣтій. До сотворенія міра, скавано въ «Свиткѣ», сидѣлъ Господь Саваоѣ въ трехъ каморахъ на воздушѣхъ, и былъ свѣтъ отъ лица его семьдесятъ-сѣдмерицею свѣтлѣе свѣта сего, ризи

<sup>1)</sup> День 1862, 52, письмо Рыбникова. Черемисы взрять въ два главных и собезначальныхъ божества: благое Юма и злое Кереметь, меньшей братъ перваго. При началѣ міра Кереметь хотѣлъ дѣлать тоже, что и Юма, но по безсилію могъ только портить созданное старѣйшимъ братомъ. Когда Юма захотѣлъ выдвинуть сушу, онъ приназвалъ Керемети, который плавалъ по морю въ видѣ селезня, достать изъ-подъ воды горсть земли; Кереметь досталъ, но отдавая принесенную землю, часть ея удержалъ во рту. Юма дунулъ на горсть земли и велѣлъ ей покрыть собою воды: воля его тотчасъ исполнилась. Тогда и Кереметь сталъ выплевывать изъ рта землю, и гдѣ онъ плевалъ—тѣмъ возникали горы—Казан губернія Дашева, 485; Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 282; Этн. Об., V, 41 (въ писка изъ Вятск. Вѣдомостей).

его были бѣлѣ снѣгу, свѣтозарнѣ солнца. Не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни облаковъ, ни звѣздъ, ни зори, не было ни дней, ни ночей. И рече Господь: буди небо хрустальное и буди зоря, и облаки, и звѣзды! И вѣтры дунуль изъ нѣдръ своихъ, и рай насадилъ на востоцѣ, и самъ Господь возсѣлъ на востоцѣ въ лѣпотѣ славы своея, а громъ — гласъ господень, въ колесницѣ огненной утверждавъ, а молнія — слово господне, изъ устъ божіихъ исходитъ. Потомъ создалъ Господь море Тиверіадское, безбрежное, «и сниде на море по воздуху... и видѣ на морѣ гоголя плавающа, а той есть рекомый сатана—запелся въ типъ морской. И рече Господь Сатанану, аки не вѣдая его: ты кто еси за человекъ? И рече ему сатана: азъ есмь богъ.— А мене како нареши? Отвѣчавъ же сатана: ты богъ богомъ и господь господемъ. Аще бы сатана не рекъ Господу такъ, тутъ-же бы сокрушилъ его Господь на морѣ Тиверіадскомъ. И рече Господь Сатанану: понырни въ море и вынеси мнѣ песку и камень. И взявъ Господь песку и камень, и разсыя (песокъ) по морю и глаголя: буди земля толста и пространна! Затѣмъ взялъ Господь камень, преломилъ надвое, и изъ одной половины отъ ударовъ божьего жезла вылетѣли духи чистые; изъ другой же половины набилъ сатана безчисленную свѣлу бѣсовскую. Но Михаилъ архангелъ низвергъ его со всѣми бѣсами съ высокаго неба. Созданная Богомъ земля была утверждена на тридцати трехъ китахъ <sup>1)</sup>. Эти любопытныя сказанія взаимно пополняющія другъ друга, раскрываютъ передъ нами одинъ изъ древнѣйшихъ мифовъ. На великій подвигъ созданія міра выступаютъ двѣ стихійныя силы: свѣтлая и темная — богъ и дьяволъ. Не смотря на очевидное стремленіе народной

<sup>1)</sup> Ист. очер. рус. слов., I, 615—8; Рус. Сл. 1862, II, ст. Пыпина, 52—54.

фантазіи возвести стародавній мифъ къ позднѣйшимъ христіанскимъ воззрѣніямъ, вся обстановка преданія указываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о богѣ-громовникѣ (Перунѣ) и демонѣ иранныхъ тучъ. Первому дается въ руки молотъ, ударяи которымъ онъ творитъ свое могучее воинство, т. е. грозовыхъ, молніеносныхъ духовъ (см. I, 275—6); раскаты грома объясняются поѣздомъ его колесницы по небеснымъ пространствамъ. Ударъ молота въ другой вариациі замѣняется ударомъ жезла въ камень: этотъ камень—облачная скала, а жезлъ, ударяющій въ него и вызывающій толпы ратниковъ—метафора молніи, тоже что Торовъ молотъ или Перунова палица. Въ лицѣ противника этого божества узнаемъ мы мифическаго змѣя, который въ народныхъ сказаніяхъ обыкновенно ситѣшивается съ сатаной. Въ шумѣ весенней грозы происходила ихъ страшная битва: представленіе, которое для массы суевѣрнаго народа слилось съ библейскимъ преданіемъ о низверженныхъ съ неба ангелахъ; по божьему повелѣнію, Михаилъ-архангелъ и пророкъ Ілѣя, заступившіе въ христіанскую эпоху мѣсто позабытаго Перуна, разятъ дьявола громомъ и молніей. Сатанѣ приписано созданіе горъ, что прямо указываетъ въ немъ—горнаго демона (=змѣя Горыныча), представителя тучъ, издревле уподоблявшихся горамъ и скаламъ; харкая и выплевывая, онъ творитъ облачныя горы и дождевыя хляби, въ которыхъ позднѣе, при затенитѣіи смысла старинныхъ метафоръ, признали обыкновенныя земныя возвышенности и болота. Навдвигаясь на небо, темныя тучи, эти демонскія горы, вырастаютъ съ необычайною быстротою, и росли бы все больше и больше, еслибъ не были заклѣты апостоломъ Петромъ, т. е. еслибъ не остановило ихъ громовое слово Перуна (о ситѣшеніи апостола Петра съ Перуномъ см. стр. 403—4). Подобно богу громовнику, и враждебный ему сатана создаетъ себѣ сподвижниковъ, вызывая ихъ сильными ударами въ камень, т. е.

высшая убійственная молнія изъ камня-тучи. Низвергнутые божественною силою, эти грозовые бѣсы упадаютъ съ неба свѣтлыми огоньками, вѣстѣ съ проливнымъ дождемъ. Всевѣтное, безбрежное море, гдѣ встрѣчаются мнѣшескіе соперники, есть безпредѣльное небо, тотъ воздушный океанъ, о которомъ было говорено въ главѣ XVI-й. И богъ, и дьяволъ носятся по этому небесному морю, сидя въ ладѣхъ, т. е. въ облакѣхъ (см. I, 553), или плаваютъ по немъ въ видѣ двухъ гоголей бѣлаго и чернаго: эпитеты, стоящіе въ связи съ дуалистическимъ вѣрованіемъ въ начала свѣта и тьмы, добра и зла—Бѣлбога и Чернобога. Оба божества участвуютъ въ творческой дѣятельности природы: темное, какъ представитель помрачающихъ нѣбо и замыкающихъ дожди облачныхъ демоновъ, и свѣтлое, какъ громила тучъ, низводящій на землю ледяные потоки и просвѣтляющій солнце. Съ особенно-строگوю послѣдовательною развиваетъ эту борьбу боговъ свѣтлаго и темнаго релігія персовъ. Ормуздъ, верховный источникъ свѣта, всемогущимъ своимъ словомъ (Гоноверъ), т. е. громомъ <sup>1)</sup>, творитъ ангеловъ—ферверовъ и вселенную со всеми ея благами; а злой Ариманъ, источникъ тьмы, противопоставляетъ ему своихъ нечистыхъ духовъ — девовъ и стремится овладѣть небомъ, но будучи низвергнутъ—падаетъ въ подземныя пропасти; въ образѣ змѣи онъ проникаетъ всюду и портитъ созданія Ормузда, влагая въ нихъ зародыши зла и болѣзней; самый огонь онъ оскверняетъ дымомъ <sup>2)</sup>. Быстрый полетъ тучъ, молній и вѣтровъ заставили фантазію олицетворять эти явленія легкокрылыми птицами; этотъ поэтический образъ встрѣчается въ большей части народныхъ

<sup>1)</sup> Какъ только слово это перестанетъ раздаваться на небѣ—вселенная тотчасъ погибнетъ; сравни съ германскимъ вѣрованіемъ, что еслибы не молотъ Тора—злостные великаны давно бы овладѣли міромъ. — <sup>2)</sup> Ж. М. Н. П. 1858, III, 273—6.



сказаній, изображающихъ картину весенней грозы. Плаваа по воздушному океану, облака и тучи представлялись водяными птицами — бѣлыми и черными гоголями. Карпатская колядка о сотвореніи міра, вмѣсто гоголей, выводитъ двухъ голубей — птицы, которымъ приписывается низведеніе съ небесъ огни (—молній), дождя и божественнаго дыханія, т. е. вѣтра (I, 540 — 1):

Колись-то было з' початку свѣта —  
Втоды не было неба, ни земли,  
Неба, ни земли, немъ <sup>1)</sup> сине море,  
А середъ моря ты два дубойки <sup>2)</sup>.  
Свли-впали два голубойци <sup>3)</sup>,  
Два голубойци на два дубойки,  
Почали собъ раду радити <sup>4)</sup>,  
Раду радити и гуркотати:  
Якъ мы маеме свѣтъ основати?  
Спустине мы ся на дно до моря,  
Вынесеме си дрибного писку,  
Дрибного писку, синѣго (вар. золотого) каменьце.  
Дрибной писочокъ посѣеме мы,  
Синій каминець подунеме мы:  
З' дрибного писку — черна землиця,  
Студена водиця, зелена травиця;  
З' синѣго каменьця—синее небо,  
Синее небо, свѣтле сонейко,  
Свѣтле сонейко, ясень мѣсячокъ,  
Ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки.

За каждымъ стихомъ слѣдуетъ припѣвъ: «подуй-же, полуї, Господи, и з' Духомъ Святымъ по землѣ» <sup>5)</sup>. На воздушномъ океанѣ стоятъ два дуба, т. е. деревья-тучи, соответствующія мировой ясени Эдды; на этихъ Перуновыхъ деревьяхъ возсѣдаютъ молніеносныя птицы, и онѣ-то создаютъ міръ: землю изъ мел-

<sup>1)</sup> Только. — <sup>2)</sup> Варіантъ: зеленый яворъ. — <sup>3)</sup> Вар. три голубоньки. — <sup>4)</sup> Совѣтоваться. — <sup>5)</sup> Ч. О. И. и Д. 1864, I, галицъ пѣсн. 5; Объ истор. зн. нар. поэм., 66—67; Маякъ, XI, 56.

наго песку, а небесныя свѣтила изъ синяго или золотого камня. Если мы припомнимъ, что солнце, луна и звѣзды назывались метафорически драгоценными камнями (1,214), и что эпитеты «золотой» и «синій» служили для обозначенія блеска небесныхъ свѣтилъ и огня; то понятно будетъ, почему свѣтила эти творятся изъ синяго или золотого камня. Ниже (см. гл. XXI) объясненъ нами космогоническій мифъ скандинавовъ и указано, что въ основѣ его лежитъ мысль о весеннемъ обновленіи природы, о созиданіи міровой жизни изъ того омертвенія (=небытія), въ какое погружаетъ ее губительное вліяніе зимы. Также мысль кроется и въ славянскихъ преданіяхъ. При началѣ весны пробужденный Перунъ выѣзжаетъ на огненной колесницѣ, во всемъ своемъ грозномъ величіи, на великое дѣло творчества; разитъ громовыми стрѣлами толпы демоновъ, и разсыпая плодотворное сѣмя дождя, застѣваетъ землю разными злаками, или что тоже—творитъ «посредствомъ сѣянія» зеленѣющую и цвѣтущую землю<sup>1)</sup>. Выѣстъ съ этимъ онъ выводитъ изъ-за густыхъ тучъ и тумановъ небесныя свѣтила, и слѣдовательно какъ-бы создаетъ ихъ изъ тѣхъ самоцвѣтныхъ камней, которыя до сего времени были сокрыты демонами зимы и мрака на днѣ воздушнаго, облачнаго океана; выводя яркое, вѣнное солнце, онъ творитъ бѣлый свѣтъ, т. е. по основному, тѣсвѣтшему смыслу этого выраженія — даетъ міру ясные дни, а по смыслу производному, болѣе широкому — устрояетъ вселенную. Солнечные лучи топятъ льды и снѣга, претворяя ихъ мертвыя массы въ шумные, многоводные потоки, и только тогда начинается земная жизнь со всей ея роскошью и разнообразіемъ, когда выступитъ наконецъ земля изъ-подъ водъ весенняго разлива и будетъ обвѣяна южными вѣтрами. Отсюда

<sup>1)</sup> Множество деревьевъ и злаковъ получили свои названія по имени громовника (Индры, Тора, Перуна)—Sergius. Mythen, 137—9.

возникъ мнѣ, общій вѣсѣмъ индоевропейскимъ народамъ, что земля рождается изъ воды и выплываетъ изъ ея пучинъ силою божественнаго дуновенія. По хорутанскому вѣрованію, земля волею божіей вышла изъ морской бездны, въ которой до начала міра была погружена вмѣстѣ съ солнцемъ, мѣсяцемъ, звѣздами, молніей и вѣтрами; первая показалась изъ воды высокая гора Триглавъ (по мнѣнію словаковъ, это были Татры); самая жизнь на землѣ зародилась съ той минуты, когда внутри ея загорѣлся огонь, т. е. когда лучи весенняго солнца согрѣли мерзлую землю и пробудили въ ней силу плодородія. У карпатскихъ русиновъ существуетъ вѣрованіе, что вселенную создавали царь-огонь и царица-вода <sup>1)</sup>, т. е. молнія и дождь, небесный огонь солнца и живая вода весеннихъ разливовъ; а сербская пѣсня представляетъ молнію — силою, господствующею надъ вѣсѣмъ міромъ и все въ немъ устрояющею: она дѣлитъ міръ и раздаетъ дары — Богу небесную высь, св. Петру лѣтній зной, Іоанну-Крестителю зимній холодъ, Николаю-угоднику воды, Ильѣ-пророку громовыя стрѣлы <sup>2)</sup>. Замѣчательно, что слово творить указываетъ на воду, какъ на существенный элементъ творчества; датск. *tvøge* — разводить, размѣшивать что-либо сухое съ влажнымъ, исланд. *thvagi* — тѣсто, рус. творилка — квашня, растворъ — смѣсь жидкости съ чѣмъ-нибудь сухимъ, или одной жидкости съ другою, тварогъ (кромѣ общепринятаго значенія) употребляется въ смыслѣ мягкой грязи <sup>3)</sup>. Народное преданіе относитъ созданіе міра къ первому весевену мѣсяцу — марту, названіе котораго говорить о времени, по-

<sup>1)</sup> Срезнев., 19, 23 — 24. — <sup>2)</sup> Сравни въ Сибирск Вѣстникъ 1832, августъ, кн. VII, 33: забайкальскіе тунгусы вѣрятъ, что въ началѣ вѣковъ все было покрыто водою, но божество послало на нее огонь; послѣ долгой борьбы между двумя стихіями, огонь спалилъ часть воды и образовалъ сушу. — <sup>3)</sup> Мат. сравн. слов., I, 45—46.

смищенномъ Марсу — богу-громовнику, побѣдителю демоническихъ ратей. Во всѣхъ мифологіяхъ божество весевинихъ грозъ, изъ оплодотворитель земли и податель урожаявъ, надѣляется творческою силою; отъ его дыханія произошли вѣтры, отъ его глаголовъ — громы, отъ слезъ — дожди, отъ густыхъ мюсъ — облака и тучи. Финнская космогонія развиваетъ ту же идею, что и космогонія скандинавовъ и славянъ. Изначала обитала въ воздушной области дѣва Ильматрь — буквально: дочь воздуха (=облачная дѣва); однажды спустилась она съ эфирныхъ высотъ на море, и вотъ поднялась буря, море взволновалось, Ильматрь зачала въ утробѣ своей сына отъ вѣтра и носилась по морской поверхности ровно семьсотъ лѣтъ (=семь зимнихъ мѣсяцевъ); наконецъ чудному ребенку надѣло заключеніе, и онъ самъ проложилъ себѣ дорогу изъ чрева матери: это былъ Вейнемейненъ — богъ, обладающій даромъ могучихъ, чародѣйныхъ лѣсень. Подобно стѣлому богу русскаго народнаго преданія, онъ плаваетъ по волнамъ первобытнаго моря и пѣніемъ своимъ, т. е. громовымъ словомъ в звукахъ завывающей бури, творитъ остро-ва, мысы, заливы и подводные камни. Затѣмъ прилетаетъ орлица, соответствующая голубямъ карпатской колядки, садится на колѣна Вейнемейнена и несетъ яйца, изъ которыхъ потомъ созданы были солнце, луна и звѣзды. Орель — олицетвореніе грозовой бури; изъ-за разбитыхъ молніями и разстѣянныхъ вѣтрами тучъ онъ выводитъ круговидныя свѣтила, которыя на метафорическомъ языкѣ уподоблялись золотымъ яйцамъ, снесеннымъ мифической птицею (см. 1, 529—532, 536).

Созданіе перваго человѣка мифъ ставитъ въ тѣснѣйшую связь съ преданіями о происхожденіи огня. Какъ на землѣ огонь добывался чрезъ треніе одного полѣна, вставленнаго въ отверстіе другаго, такъ и на небѣ богъ громовникъ сверлитъ гигантское дерево-тучу своей острой па-

лицей, и отъ этого сверленія она чреватѣетъ и рождаетъ малютку-молнію. Древнему человѣку, который въ громовой налицѣ узнавалъ дѣтородный членъ бога-оплодотворителя земной природы <sup>1)</sup>, естественно было это представленіе о проихожденіи огня и молніи сблизить съ актомъ соитія и зарожденія младенца, тѣмъ болѣе, что самая жизнь, одушевляющая человѣка, (=его душа) понималась, какъ возженное пламя (см. гл. XXIV). Священные пѣсни Ведъ въ добытомъ треніемъ огнѣ видятъ плодъ супружескаго соединенія двухъ обрубковъ дерева, изъ которыхъ одинъ представляетъ воспринимавшую жену, а другой—воздѣйствующаго мужа; масло же, которыми ихъ умащали, называютъ плотскимъ сѣменемъ. Отсюда возникли мнѣніи сказанія: во первыхъ, что душа новорожденнаго низходитъ на землю въ молніи, и во вторыхъ, что первая чета людей создана богами изъ дерева. Тайну созданія и рожденія человѣка предки наши объясняли себѣ тою-же творческою силою громовника, которою вызванъ къ бытію и весь видимый міръ; онъ послалъ молнію (=божі роєі) устроить на землѣ первый очагъ, возжечь на немъ пламя и основать домохозяйство и жертвенный обрядъ; въ тоже время созданъ былъ и первый человѣкъ, первый домовладыка и жрецъ, въ образѣ котораго сочтались представленія пылающаго на очагѣ огня и родоначальника племени (см. выше стр. 75—82); впоследствии, когда

<sup>1)</sup> Молніи представлялась молотомъ, толкачемъ, палицею (кѣмъ). «К у и (malleus, fustis), вмѣсто к у и отъ к у ю, литов. к у и с—молотъ. Одного корня и слово, означающее репеш, virgam virilem; буквы к и x замѣняютъ другъ друга, напр. кутать и хутать, криса и хоршій, хитрый и литов. кутрус и пр.» Пей(з)стъ—толкачъ отъ савскр. p i s h—тереть, толочь; въ латтскихъ нарѣчіяхъ слово п и с т и выражаетъ дѣйствіе оплодотворенія, собственнo п и х а т ь (п ь х а т ь), совать—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. I, 579, 599.

установленъ былъ семейный союзъ, богъ-громовержецъ всякой разъ, при naroжденіи младенца, низводилъ съ неба молнію и возжигалъ въ немъ пламя жизни. Въ этихъ вѣрованіяхъ, хотя и безсознательно, сказалось живое чувство родства человѣка со всею природою. По свидѣтельству Ведъ, первобытный, въ молніи рожденный человѣкъ былъ праотецъ Яма (Yama), съ чѣмъ согласуется греческій мифъ о Прометѣѣ, который низвелъ на землю небесный огонь, и вложивши его въ человѣческій образъ, сформованный изъ глины, сдѣлался творцемъ людскаго рода. У римлянъ также самая мысль выражалась въ преданіи о Пикѣ. *Picus* <sup>1)</sup> — дятль, птица, приносящая молнію, и вмѣстѣ съ тѣмъ первый король Лациума — основатель племени. Быстрая, «окрыленная» молнія олицетворялась въ образѣ птицы, которой фантазія приписывала и низведеніе небеснаго огня, и принесеніе въ сей міръ младенческихъ душъ. У Пика былъ братъ *Pilumnus* (отъ *pilum* — путовка, толкачъ — *donnerkeil*) — богъ-охранитель дѣтей. По вѣнецкому повѣрью, анистъ не только приноситъ огонь, но и младенцевъ, т. е. собственно — ихъ пламенные души; изъ горы или колодца, гдѣ богиня Гольда съ материнской заботливостію оберегаетъ свободныя, еще нерожденные души, похищаетъ ихъ анистъ и влагаетъ въ младенцевъ, новопривзванныхъ къ земной жизни; почему и называютъ его *Odebar* (*Adebar*) — душеприноситецъ <sup>2)</sup>. Чехи возлагаютъ эту обязанность на анста, ворону и коршуна; до рожденія своего, дѣти (— души) сидятъ въ каменныхъ горахъ или плаваютъ въ прудахъ, рѣкахъ и источникахъ, словно игривыя рыбки; въ то время, когда ребенокъ долженъ появиться на божій

<sup>1)</sup> Пикте, I, 489: *picus*, др.-нѣм. *spreh*, *spreht*, швед. *hackspik*, дат. *sproet*, англ. *wood-pecker*; санскр. *pika* — кулуша, лат. *pic* — сойка; корень *pik* — колоть. — <sup>2)</sup> Кузъ, 70—78, 104—7; *Die Götterwelt*, 53, 281—3.

свѣтъ, сюда прилетаетъ одна изъ названныхъ нами птицъ, беретъ въ клювъ предназначенное къ рожденію дѣтя, приноситъ его въ домъ черезъ открытое окно или дымовую трубу и передаетъ повивальной бабкѣ. Взрослыя дѣти кладутъ на окно сахаръ для вороны и просятъ ее принести имъ братца или сестрицу <sup>1)</sup>. И гора, и колодезь суть метафоры дождевой тучи; позднѣе означенное вѣрованіе стали связывать съ тѣни или другими земными источниками; неплодныя жены, чтобы получить силу чадородія, пьютъ изъ этихъ источниковъ воду. Самыя души, какъ увидимъ ниже (см. гл. XXIV), были представляемы легкрылыми птицами; а дѣвы судьбы — славянскія роженницы, присутствующія при рожденіи дѣтей, тождественны съ нѣмецкими норнами, о которыхъ Эдда говоритъ, что онѣ сидятъ у священнаго источника Иггдразилли. Падающія съ неба молніи вызываются двойнымъ дѣйствіемъ громовника: онъ или сверлитъ облачное дерево, или выскрываетъ искры изъ облачной скалы; согласно съ тѣмъ и другимъ воззрѣніемъ, старинныя мѣны говорятъ о созданіи первыхъ людей изъ дерева и камня, и отождествляютъ ихъ съ стихійными, грозowymi духами—великанами. Первозданные люди были племя великанское; одинъ изъ древнѣйшихъ англосаксонскихъ

<sup>1)</sup> Громаниъ, 64, 105. У лужичанъ есть примѣта: въ томъ домѣ, на кровлѣ котораго сидеть прилетѣвшій аистъ, въ теченіи года непременно родится ребенокъ—*Volkslieder der Wenden*. II. 260. Кроме птицъ, новорожденные дѣти приносятся за яйцомъ, кошкою (такъ рассказываютъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи) и лисицею (—въ Богеміи); въ образѣ этихъ звѣрей олицетворялись грозовыя явленія—см. гл. XII. Вольфъ (*Beiträge zur D. Myth.*, II. 185—6) приводитъ пѣсни: а) *Die katz legt die stiefeln an, springt in den brunnen, hat ein kindlein funden*; б) *Unse katz hat stiefeln an, reit damit nach Hollabrunn, findt e kindl in der sunn*. Кошка здѣсь служительница и посланница Гольды; она имѣетъ сапоги-скороходы, прыгаетъ въ колодезь и достаетъ оттуда дѣтскія души.

мнѣтнѣковъ даетъ Адаму исполинскій ростъ <sup>1)</sup>. Перседекая мифологія утверждаетъ, что прапродвѣтели рода человѣческаго— мужъ и жена (Meschia и Meschiane) произошли изъ дерева <sup>2)</sup>. Въ Эддѣ находимъ такой разсказъ о происхожденіи первой четы людей: послѣ того, какъ великаны погибли въ кровавомъ потопѣ, свѣтлые боги Одинъ, Vili и Ve (дѣти Bögg'a) пришли на берегъ моря и нашли тамъ два дерева, изъ которыхъ и создали мужа и жену, и назвали ихъ Askr (ясень) и Embla: послѣднее слово Я. Гриммъ производитъ отъ amr, ambr (amI, ambI) — непрестанная работа, и даетъ ему значеніе заботливой хозяйки—aschenputtel. Одинъ сообщилъ имъ жизнь, Vili—умъ и чувство, Ve—слово, слухъ, зрѣніе и вѣтшій обликъ. По другому преданію, это дѣло совершили Одинъ, Гёниръ и Лодръ; первый надѣлилъ созданную чету духомъ жизни, второй разумомъ, а третій далъ ей кровь и рунинецъ <sup>3)</sup>. Ясень, изъ которой боги создали перваго человека, должна быть признана за міровую Иггдразилль. Въ близкой связи съ этимъ скандинавскимъ мифомъ стоитъ слѣдующее литовское преданіе: въ давнія времена въ одной приморской деревнѣ жилъ человѣкъ по имени Тейсусъ (праведный); къ нему обращались всѣ за совѣтами, предсказаніями и разрѣшеніемъ споровъ, какъ къ человѣку вѣщему и правдивому; когда въ глубокой старости настала его смертная часть, боги, въ награду за его добродѣтельную жизнь, превратили Тейсуса въ ясень, которая слыветъ въ Литвѣ праведнымъ деревомъ <sup>4)</sup>. Подобныя вѣрованія не чужды бы-

<sup>1)</sup> Опытъ ист. обзор. рус. литер., О. Миллера, 336.— <sup>2)</sup> Ж. М. Н. II. 1838, XI, 328 («Религія и богослужен. древн. персовъ».)—

<sup>3)</sup> D. Myth., 527, 537; Смирновъ, 5, 247.— <sup>4)</sup> Черты литов. нар., 75. Сравни съ греческимъ преданіемъ о Филемонѣ и Бавкидѣ, которые были спасены богами отъ египтійскаго потопа и потомъ превращены въ дубъ и липу (Метамор. Овидія).



ли и грекамъ, и римлянамъ. По словамъ Гезіода, третій (мѣ-  
ный) родъ земныхъ обитателей созданъ былъ Зевсомъ изъ  
ясени (*ἐκ μελιᾶν*); это были жестокосердые исполины. ко-  
торые, враждуя между собою, истребили другъ друга въ бит-  
вахъ. Нимфа-океанида, мать перваго челоуѣка въ Аргосѣ, на-  
зывалась *Μελία* (ясень <sup>1)</sup>). Пенелопа спрашивала неузнаннаго  
ею Одиссея: «οὐ γὰρ ἀπὸ δρύος ἔσαι παλαίφρατος οὐδ' ἀπὸ  
πέτρης?» — происходишь ли ты отъ славнаго дуба или отъ  
каменей? <sup>2)</sup> Энеида <sup>3)</sup> также упоминаетъ о людяхъ, про-  
исшедшихъ отъ твердаго дуба и древесныхъ пней. Созданіе  
людскаго рода изъ камней засвидѣтельствовано греческими  
мифомъ о Деукаліонѣ, которому, послѣ потопа, далъ Гермесъ  
повелѣніе бросать черезъ себя кости матери-земли,  
т. е. камни; всѣ камни, брошенные имъ, обратились въ му-  
жей, а тѣ, что бросала жена его Пирра, — въ женщинъ. Ли-  
товцы признаютъ своими предками исполиновъ, и рассказы-  
ваютъ, что когда окончился потопъ и великія воды удали-  
лись съ суши, въ то время въ прародительской странѣ, отку-  
да вышло литовское племя, оставалась въ живыхъ только  
единая чета — мужъ и жена, но оба были стары и не могли  
надѣяться на потомство. Для утѣшенія осиротѣлыхъ супру-  
говъ богъ Прамжинасъ (= Судьба) послалъ Линксинне (радугу),  
которая посовѣтовала имъ скакать черезъ кости  
земли. Сколько разъ перескочилъ старикъ — столько возста-  
ло дородныхъ юношей, сколько разъ перескочила старушка —  
столько взрослыхъ и прекрасныхъ дѣвицъ. Но болѣе девяти  
разъ они не въ силахъ были скакать черезъ камни. Отъ во-  
выхъ девяти паръ народилось девять поколѣній литовскаго  
народа <sup>4)</sup>). Мифъ о происхожденіи рода челоуѣческаго изъ

<sup>1)</sup> Griech. Mythol. Преллера, II, 36 — <sup>2)</sup> Одисс., XIX, 163 — <sup>3)</sup> VIII, 314 и дал. — <sup>4)</sup> Изв. А. Н., I, 114; Черты литов. нар., 69 — 70, 75. Нѣмецкая сказка (Вольфъ, 96 — 97) повѣствуетъ объ одной

каменной въ одной изъ нашихъ старинныхъ рукописей (XV или XVI вѣка) соединяется съ вѣрованіемъ славянъ въ Родъ, имя котораго въ памятникахъ постоянно ставится рядомъ съ роженницами, вѣщими предсказательницами судьбы новорожденнаго и помощницами въ родахъ. Вотъ это любопытное свидѣтельство: «Вседръжителъ, иже единъ бесмертенъ и непогибающій творецъ, дуну бо ему (человѣку) на лице духъ жизни, и бысть человекъ въ душу живу: то ти не Родъ, сѣдя на въздухъ, мечеть на землю груди—и въ томъ ражаются дѣти... Всѣмъ бо есть творецъ Богъ, а не Родъ. Родъ, мечущій съ неба груди—камни, напоминаетъ общерійское представленіе о богѣ-громовникѣ, который разбиваетъ облачныя скалы, бросая въ нихъ молніеноснымъ молотомъ. Въ Теогоніи Гезіода Зевсъ кидаетъ въ своихъ враговъ ἄκμων (санскр. а́стман, литов. акмѣ, акменс, слав. камень <sup>1)</sup>) —каменный молотъ Тора (I, 253). Какъ представителю творческихъ, плодородящихъ силъ природы, Перуну должно было присвоиться прозваніе Рода; во время весеннихъ грозъ, ударяя своимъ каменнымъ молотомъ, дробя и разбрасывая скалы-тучи, онъ призывалъ къ жизни облачныхъ великановъ, окаменевшихъ холоднымъ дыханіемъ зимы; говоря мимическимъ языкомъ: онъ оживлялъ камни и творилъ изъ нихъ исполинское племя. Такимъ образомъ великаны были его порожденіемъ, первымъ плодомъ его творческой дѣятельности. Въ древнѣйшихъ текстахъ славянскаго перевода священнаго писанія слово плодъ служитъ для обозначенія исполина, гиганта; такъ въ парамейникѣ XII столѣтія, болгар-

---

матери, которая родила ein glau e Wackenstein: когда ударили камень мечемъ, изъ него полилась алая кровь, а черезъ семь дней послѣ того онъ преврътился въ прекрасную дѣвочку.—<sup>1)</sup> Пикте, I, 129—130: ἄκμων—наковальня, cāminis — горнъ, печь; корень аς—регтсиге. ренсгеге.

скаго письма, читаемъ: «плоди же (исполины) бяху по земли» <sup>1)</sup>. Усматривая въ грозѣ брачный союзъ неба съ землею, перенося мифическія сказанія о скалахъ-тучахъ на обыкновенныя горы и называя эти послѣднія костями земли <sup>2)</sup>, младенческіе народы пришли къ заключенію, что первозданный человѣкъ-великанъ (urmensh) былъ порожденъ Землею, общею матерью и кормилицею смертныхъ. Такъ германцы утверждали, что Tuisko (Tvisko, Tivisko), отъ котораго произошелъ первый человѣкъ Маннъ (Mannus), былъ сыномъ Неба (Tiv) и Землѣ; отъ той-же божественной четы громоноснаго Неба (Divus) и всё-питающей Земли (Aria) вели свой родъ и племена сквескія <sup>3)</sup>. На ряду съ этими преданіями имъ слѣдуетъ поставить свидетельство Несторовой лѣтописи о созданіи человѣка, записанное со словъ современнаго вождя: «Богъ мывъся въ мовниці и вспотивъся, отеръся ветъхомъ (вар. ветхимъ), и верже съ небесе на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? И створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ нѣ (во-нѣ) вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ—въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу» <sup>4)</sup>. Въ Краинѣ до сихъ поръ разсказываютъ, что при началѣ вѣковъ Богъ, пробудившійся отъ сна, пошелъ по бѣлому свѣту, и когда достигъ земли, то отъ чрезмѣрной усталости выступилъ на немъ потъ; и вотъ упала на землю капля божественнаго пота, оживотворилась и образовала изъ себя перваго человѣка. Потому-то люди осуждены работать и снискивать свое пропитаніе «въ потѣ лица» <sup>5)</sup>. Снѣжныя облава, обле-

<sup>1)</sup> Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стр. XXIII предисловія.— <sup>2)</sup> По скандинавскому сказанію, горы и скалы созданы изъ костей и зубовъ великана Имира.— <sup>3)</sup> Лѣт. рус. лит., кн. I, 134; D. Myth., 319. Сравни выше (стр. 355) о рожденіи Тора матерью Горію (тучею) или Землею.— <sup>4)</sup> П. С. Р. Л., I, 76.— <sup>5)</sup> Эрбенъ, 257: «na zemlja radne kap z noja, kap se oživi, i eto ti prvoga čovjeka»

гающія небо въ зимнюю половину года, подѣ влияніемъ вешняго тепла претворяются въ дождевыя, или выражаясь метафорически: богъ облачнаго неба, богъ-громовникъ, пробуждается отъ зимняго сна, потѣетъ и начинаетъ купаться въ дождевыхъ потокахъ. Одна изъ купальскихъ пѣсень рисуетъ такую картину: стояла верба, на вербѣ горѣли свѣчи (т. е. стояло дерево-туча, а на немъ горѣли молвіи);

Съ той вербы капля упала —

Озеро стало:

Въ озерѣ самъ Богъ купался

Съ дитками-судитками <sup>1)</sup>.

Изъ божественнаго пота, т. е. изъ паровъ и тумановъ, какіе поднимаются отъ земли вслѣдствіе весенняго таянья, образуются грозовыя тучи, или что тоже—нарождаются великаны. Согласно съ сейчасъ-приведенными свидѣтельствами, принадлежащими славянамъ, скандинавскій мифъ говоритъ, что первый мужъ и первая жена и все племя великановъ-гримтурсовъ произошли отъ плодоноснаго пота Имира (см. гл. XXI). Таянье снѣговъ и слѣдующее за тѣмъ половодье древніе поэты изображали всемірнымъ потокомъ, въ которомъ очищается грѣшная (=опустошенная рукою Зимы, неплодная) земля; а дождевые ливни—банею, въ которой на сильномъ грозовомъ пламени кипятится живая вода; въ этой водѣ омываются небесные боги, и омывшись, обрѣтаютъ ту свѣтлую красоту и тѣ благодатныя силы, съ какими являются они въ лѣтнюю пору. Вотъ почему созданіе человѣческаго рода связывается съ сказаніями о потопѣ и совершается въ то время, когда Богъ потѣетъ и купается въ «мовнищѣ». Такъ какъ облака представлялись божьею одеждою, покрываломъ, плащомъ, то верженіе съ неба ветхаго рубища (т. е. разорванной громовыми ударами тучи) вполне соотвѣтствуетъ бросанію камней

<sup>1)</sup> Терещ., V, 77—78.

возсѣдающимъ на воздухѣ Родомъ. Подобно тому, какъ Прометей, сѣпивши изъ глины тѣло человѣческое, долженъ былъ похитить для его одушевленія небесный огонь, такъ въ нашей лѣтописномъ преданіи созданный сатаною челоувѣкъ ожилъ только тогда, когда Богъ вдохнулъ въ него душу; очевидно, что сатана играетъ здѣсь ту же роль, какую въ античномъ мнѣіи Прометей: этому послѣднему греки придавали титаничскій, демонскій характеръ, и сказаніе объ оковахъ, въ которые заключили его боги, въ средніе вѣка было перенесено на сатану и антихриста.

Эти мнѣніескія представленія, принадлежащія незапамятной старинѣ, не могли не запечатлѣться въ народныхъ названіяхъ. Германі древніе писатели производятъ отъ *gētmīnagē* — выростать изъ сѣмени (говоря о травахъ и растеніяхъ); слово *leut* (народъ, людъ), др.-в.-нѣм. *liut* Я. Гриммъ сближаетъ съ *liotan* (*liud, liodan*) — расти, давать отростки; сравни *populus* — народъ и *pōpulus* (нѣм. *poppe*) — тополь. Размноженіе семьи, рода изстари сравнивалось съ росткомъ, пускаемыми изъ себя деревомъ, вслѣдствіе чего стволъ (пень, корень) служитъ въ эпической поэзіи символомъ отца или предка, а вѣтви — символомъ ихъ дѣтей и потомковъ. Величая невесту, малорусская свадебная пѣсня сравниваетъ ее съ яворомъ и спрашиваетъ: «чи ты кориня не глубокаго, чи ты батька не богатаго?» Болгарская пѣсня говоритъ о невестѣ, что она отдѣляется отъ своего рода-племени, какъ отъ кориня <sup>1)</sup>. У сербовъ есть поговорка: «безъ стараго пня сиротѣтъ огнище» (безъ стара пања сиротно огњиште), т. е. плохое семейство безъ старшаго въ родѣ; о старыхъ и бездѣтныхъ супругахъ они выражаются: «као два одсѣчена пања» <sup>2)</sup>. Слово коръ (корень) означаетъ у насъ и родину (село, дерев-

<sup>1)</sup> Милadini., 466. — <sup>2)</sup> Срп. н. послов., 12, 131.

ли), я наследственное имущество: «на корю сидѣть» — имѣть дѣдовскимъ добромъ. Сходно съ этимъ, въ готскомъ языкѣ *ans* — предокъ, родоначальникъ и вѣтѣть бревно, сука <sup>1)</sup>. У чеховъ *hol, hole* — вѣтвь, палка (малор. *гилля* — съ тѣмъ-же значеніемъ), а *holek, holka* — мальчикъ и дѣвочка, лужиц. *hole, gólje* — дитя, *holc* — парень, *holca* — дѣвица. Въ народныхъ пѣсняхъ весьма обыкновенно сравненіе дѣтей съ вѣтвями и верхушкою дерева; наоборотъ пасынокъ употребляется въ областныхъ нарѣчіяхъ для обозначенія меньшаго изъ двухъ сросшихся деревьевъ; въ воронежской губ. пасынкомъ называютъ боковой отростокъ на кочкѣ кауусты; серб. *младица* — молодая жена и поросль, вѣтка <sup>2)</sup>. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ говорится, что въ Саксоніи дѣвцы растутъ на деревьяхъ; на вопросъ дѣтей: откуда взялся у нихъ новый братецъ или сестрица? въ прирейнской странѣ мать отвѣчаетъ: изъ древеснаго дупла; а русскія мамы и няньки на тотъ-же вопросъ отвѣчаютъ, что ребенокъ снятъ съ дерева. Параллель, проводимая въ языкѣ и народныхъ повѣрьяхъ между вѣтвистымъ деревомъ и многочленною семьею или цѣлымъ родомъ, съ особенною наглядностію заявила себя въ обычаѣ обозначать происхожденіе знатныхъ людей и степени ихъ родства черезъ такъ называемое родословное дерево (*stammbaum*). Старинныя нѣмецкія саги разсказываютъ о матери, которой снилось, что изъ ея сердца или чрева выросло большое, тѣнистое дерево съ прекрасными плодами; этотъ сонъ служилъ предзнаменованіемъ, что она въ скоромъ времени родитъ сына — родоначальника обширнаго и славнаго племени <sup>3)</sup>. Такимъ образомъ сынъ представлялся какъ-бы отросткомъ, исходящимъ изъ нѣдръ матери, и

<sup>1)</sup> Дят. рус. лѣт., вѣн. I, 126. — <sup>2)</sup> Филолог. Записки, годъ 3, III, 148—152; Обл. Сл., 90; Этн. Сб., VI, 19. — <sup>3)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 358—9.

чтобы усыновить чужое дитя надо было совершить символическій обрядъ — посадить его къ себѣ на колѣни: *knäsettingr* — усыновленный, приемышъ, *kniesetzen* — *adoptare*, *sehooskind* — любимое матерью дитя <sup>1)</sup>. Семноны, по свидѣтельству Тацита, вели свое происхожденіе отъ лѣса <sup>2)</sup>; имя перваго короля (= родоначальника) саксовъ *Aschanes* (*Askanius*), о которомъ сага говоритъ, что онъ возросъ въ лѣсу у журчащаго источника, Гриммъ производитъ отъ слова *askr* — ясень, а самое названіе саксовъ (*sachsen*) отъ *sahs* — *saxum*, скала, камень; одинъ изъ божественныхъ героевъ носить имя *Sahsnôt* <sup>3)</sup>. Въ числѣ народцевъ, входившихъ въ составъ скинскаго племени, встрѣчаемъ: дервичей (*derbikkas*), которые напоминаютъ нашихъ деревлявъ — отъ санскр. *dṛu*, слав. дѣрево, греч. *δρῦς* — *quercus*; дубъ же въ славянскихъ и греческихъ преданіяхъ играетъ ту же роль, какую въ скандинавскихъ — міровая ясень <sup>4)</sup>. Народныя русскія сказки говорятъ о рожденіи дитяти изъ обрубка дерева: бездѣтные родители — старикъ и старуха берутъ чурбанъ, кладутъ его въ колыбель, начинаютъ качать и причитывать надъ нимъ, какъ надъ ребенкомъ, и заветное ихъ желаніе исполняется — изъ обрубка дерева рождается мальчикъ, которому позтому дается имя Лутоня, Тельпушокъ; по другимъ вариантамъ, онъ рождается изъ полѣна, положеннаго на печь <sup>5)</sup>. Маль-

<sup>1)</sup> Смыслъ Отеч. и Све. Архивъ 1831, т. XXIII, стат. Гримма, 92: слова *ge nu*, *knie* — колѣно сродны съ *γενος*, *genus*, готск. *knipi* — родъ, поколѣніе. — <sup>2)</sup> Они чтили священную рощу приношеніемъ человеческихъ жертвъ; никто не входилъ въ нее иначе, какъ связанный путами — какъ бы въ сознаніи своего ничтожества и могущества божества. — <sup>3)</sup> D. Myth., 537—8; Норкъ: *Andeutung eines Systems der Mythol.*, 180; М. Мюллеръ, 12: греческ. *λαός* (народъ) и *λάας* (камень) звучать родственно — <sup>4)</sup> Дят. рус. лит., т. I, 125—6. — <sup>5)</sup> Н. Р. Ск., I, 4, b и стр. 119; VI, 17, b, 20; VIII, 6, b.

чикъ этотъ отличается необыкновенною хитростью и принадлежитъ къ одному разряду съ карликами, въ которыхъ древній мифъ олицетворялъ грозовыхъ духовъ и домовыхъ пенаговъ. Сказки о его похожденияхъ весьма интересны и составляютъ общее достояніе индоевропейскихъ народовъ <sup>1)</sup>. Рожденный изъ обрубка дерева, мальчикъ катается по рѣкѣ или озеру въ серебряномъ челнокѣ, разсѣкаетъ волны золотыми весломъ и ловитъ рыбу. Увидала его злая вѣдьмачиха (дракониха), изловила и собирается пожрать: она приказываетъ своей дочери зажарить его къ обѣду, но мальчикъ притворяется, что не знаетъ, какъ ему лечь на лопату, и проситъ поучить себя; не подозревая обмана, вѣдьмина дочка ложится на лопату; хитрецъ быстро сажаетъ ее въ горячую печь, а самъ взлѣзаетъ на высокой дубъ (или яворъ). Является раздраженная вѣдьма, начинаетъ грызть дерево, но ломаетъ только зубы объ его твердый стволъ; тогда бѣжитъ она къ кузнецу, и тотъ куетъ ей желѣзные зубы; принимается вѣдьма грызть дерево желѣзными зубами — и вотъ оно трещитъ, шатается. На счастье малытки летитъ стадо гусей и лебедей, къ которымъ онъ обращается съ просьбою: «гуси мои, лебедята! возьмите меня на крылата, понесите меня къ отцу къ матери». И птицы берутъ его на крылья и уносятъ далеко отъ злой вѣдьмы, или вѣсто того онъ даетъ ему по перу изъ своихъ крыльевъ — и мальчикъ тотчасъ-же превращается въ гуся и улетаетъ. При созданіи этой сказки фантазія воспользовалась разнообразными поэтическими представленіями громоносной тучи и начертала живописную картину лѣтней грозы: малытка-молнія—богъ Агни, рожденный изъ вѣдръ дерева-тучи — точве также, какъ земной огонь рождается изъ

<sup>1)</sup> Ibid., II, 34; VI, 17—20; Срп. и. припов., 174—5; Volkslieder der Wenden, II, 172—4. Этн. Сб., V, стат. о кашубахъ, 132; Сказ. Грин., 15; Ск. норв., I, 1; II, 22; Гальтрихъ, 37; Гамъ, 95.



обыкновеннаго дерева, плаваетъ по небесному морю въ ладѣ-облакѣ; эпитеты «золотой» и «серебрёный», какіе приданы веслу и челноку, указываютъ на блескъ, разливаемый новорожденнымъ героемъ. Злая, прожорливая вѣдьма-змѣя есть демоническое олицетвореніе мрачной тучи: едва успѣетъ сверкнуть молнія, какъ уже поглощенная пропадаетъ въ ея утробѣ; поэтому народныя повѣрья приписываютъ ей пожираніе дѣтей. Кузнецъ, который куётъ ей желѣзные зубы, принадлежить къ тѣмъ мифическимъ лицамъ, которые куютъ богу-громовнику молніеносныя стрѣлы. Вѣдьму онъ надѣляетъ желѣзными зубами — метафора острыхъ, страшно-кусающихъ молній; онъ же вытягиваетъ ей языкъ (другая метафора, однозначительная съ зубомъ), бьетъ по немъ молотомъ и куётъ вѣдьмѣ голосъ, т. е. вызываетъ изъ нея громовые звуки <sup>1)</sup>. Эта кузнечная работа, вытягиваніе змѣйнаго языка и удары Торовымъ молотомъ составляютъ обычные образы, къ которымъ првѣтствуетъ народный эпосъ при описаніи грозовыхъ тучъ (сравни т. I, 560—1). Кому не приходилось любоваться, какъ во время сильной грозы часто-сверкающая молнія то появляется, обливая все ослѣпительнымъ блескомъ, то исчезнетъ, не оставляя ни малѣйшаго слѣда? Такое непрерывное, почти условимое для глазъ появленіе и исчезаніе молній предки наши, созерцавшіе въ явленіяхъ природы живыя существа, объясняли себѣ тѣмъ, что нечистая сила мрака—злая вѣдьма преслѣдуетъ свѣтлаго бога небеснаго огня, который убѣгаетъ и прячется отъ ея раскрытой пасти и оскаленныхъ зубовъ. Онъ скрывается на вершинѣ высокаго дуба (=въ тучѣ), и когда вѣдьма валяетъ это Перуново дерево — облакается въ «пернатую сорочку» и улетаетъ легкокрылою птицею: метафо-

<sup>1)</sup> Подобно тому въ другой сказкѣ (Н. Р. Сл., II, 4) кузнецъ остритъ языкъ и куётъ тонкой голосъ в о л к у (=демону-тучѣ, пожирающему Перуновыхъ козъ).

ра быстрого полета молнии. Въ другой сказкѣ <sup>1)</sup> герой, рожденный изъ древеснаго обрубка, согласно съ представленіемъ молніи несокрушимымъ оружіемъ Перуна, является сильномогучимъ богатыремъ, передъ которымъ блѣднѣютъ и кажутся ничтожными самые великаны Горыня, Дугиня и Соска (о значеніи ихъ см. въ гл. XXI); онъ побѣждаетъ бабу-ягу — демоническое существо, совершенно-тождественное съ змѣей-вѣдьмою. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ означенной сказки роль этого богатыря играетъ мальчикъ-съ пальчикъ, т. е. карликъ-молнія. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существуетъ обширный разрядъ эпическихъ сказаній, въ которыхъ изображается борьба могучаго богатыря съ змѣями (драконами), или прятке — бога-громовержца съ демонами-тучами. Это обыкновенно меньшой изъ трехъ сказочныхъ братьевъ. Въ великорусской сказкѣ о трехъ змѣйныхъ царствахъ <sup>2)</sup> онъ названъ Ивашко Запечный; то же прозваніе дано въ венгерской сказкѣ младшему брату, который постоянно сидѣлъ у печки <sup>3)</sup>. Въ южной Россіи третій братъ, побѣдитель змѣевъ, извѣстенъ подъ именемъ Ивана Пѣпялова: «онъ двѣнадцать лѣтъ ляжавъ у пѣпяла, вопася того вставъ изъ пѣпялу и якъ страхнувся, дакъ изъ аго злятѣло шесть пудовъ пѣпялу» <sup>4)</sup>. Въ словацкой сказкѣ ему соответствуетъ Roréivar, владеющій всѣми атрибутами громовника — мечемъ-самостѣкомъ в конемъ Татомемъ и также побивающій драконовъ <sup>5)</sup>. Съ этими данными согласны и свидѣтельства норвежскихъ сказокъ, въ которыхъ третій братъ, счастливый совершитель трудныхъ подвиговъ, называется Aschenbrödel; ибо онъ постоянно сидитъ у роднаго очага и возится въ золѣ и пеплѣ; онъ поражаетъ троллей (драконовъ), похищаетъ у нихъ сере-

<sup>1)</sup> Н. Р. Сх., VIII, 6. b.—<sup>2)</sup> Ibid., I, 5.—<sup>3)</sup> Пов. и пред., 127—9.—<sup>4)</sup> Н. Р. Сх., II, 30.—<sup>5)</sup> Slov. pohad., 338—366.

бренных утокъ (=грозовыхъ птицъ), одѣяло съ серебряными и золотыми узорами (=облачный покровъ) и чудесную золотую арфу (=тоже, что гусли-самогуды); вѣдая въ дыновую трубу, онъ бросаетъ оттуда камень и убиваетъ вѣдму (trollweib), которая приготовилась было пожрать его <sup>1)</sup>. Очевидно, что этотъ герой, являющійся въ преданіяхъ различныхъ народовъ подъ именами Запечнаго, Попялова, Porelvar'a, Aschenbrödel'я (въ женскомъ олицетвореніи — Aschenputtel, Pore'uška, Пепельуга), есть лицо, тождественное съ мальчикомъ, который нарождается изъ полѣна, положеннаго на печь. Богъ-громовникъ пребывалъ на землѣ въ священномъ пламени, разводимомъ на домашнихъ очагахъ; почему фантазія и присваиваетъ его сказочнымъ представителямъ прозванія, указывающія на печь и пепелъ. Рожденный изъ дерева, огонь истребляетъ его, превращаетъ въ уголь и золу и самъ поконя въ пеплѣ, какъ въ мягкой постелѣ. Позднѣе, позабывъ первоначальную основу мифа, народъ связалъ съ означенными именами объясненія, на которыя наводилъ его съ одной стороны религіозное поклоненіе огню, а съ другой наклонность видѣть въ замарашкѣ, покрытомъ сажею, существо нелюбимое въ семьѣ, невинно-страдающее и преслѣдуемое злою мачихою. Въ такомъ страдальческомъ положеніи изображалъ мифъ свѣтлыхъ боговъ въ холодные мѣсяцы года, когда надъ всѣмъ міромъ властвуетъ скупая мачиха Зима (I, 787—8), и подвиги, совершаемые въ сказкахъ героемъ-замарашкою, нѣтъ цѣлю разрушить владычество зимы и возвратитъ ясные дни лѣта. Сидѣть вблизи очага, оберегателя семейнаго счастья и окоя, — знакъ, что человекъ отдаетъ себя подъ покровительство и охраненіе родныхъ пенатовъ, знакъ особенной привязанности къ домашнему крону, семейной жизни и ея кроткихъ добродѣтелямъ, наконецъ знакъ полного подчиненія пра-

<sup>1)</sup> Сл. Норв., I, 1, 6, 27; II, 1, 6, 19, 21.

родительскимъ уставамъ и принятія на себя хозяйственныхъ работъ и трудовъ. Подъ замаранною отъ дыма и пепла одеждою должны таяться чувства набожности, любви, кротости, готовность переносить незаслуженныя притѣсненія, распорядительность и трудолюбіе; всѣми этими качествами и надѣлены сказочные герои и героини — Попяловы и Пепелюги. Но огонь, пылающій на домашнемъ очагѣ, или воплощеніе его — дѣдомовой чтился, какъ основатель и владыка рода (см. стр. 74—82). По мнѣнію шведовъ, домовой обитаетъ въ растущемъ около дома деревѣ, отъ котораго никто не рѣшится отлупить ни сучка, ни вѣтки; въ противномъ случаѣ ломается семейное счастье. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи рассказываютъ, что домовые духи живутъ между дровами, приготовленными для отопленія избы <sup>1)</sup>. По польскимъ же и чешскимъ преданіямъ, родоначальникомъ славянскаго племени былъ Пѣпель — личность мифическая, въ которой мы узнаемъ сказочнаго героя, происшедшаго отъ древеснаго обрубка (сравни выше съ преданіями о кобольдахъ, стр. 80). Замѣтимъ, что богатыри, герои занимаютъ въ народныхъ сказаніяхъ средняное мѣсто между богами и людьми, какъ посредствующее между тѣми и другими поколѣніе; о многихъ герояхъ саги утверждаютъ, что они народились отъ любовнаго сочетанія боговъ и богинь съ смертными <sup>2)</sup> и что отъ этихъ героевъ ведутъ свое начало славные королевскіе роды, которые такимъ

<sup>1)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 334. Выше указано, что устройство браковъ и семейнаго счастья зависитъ отъ домашняго божества. Гадая о замужествѣ, дѣвица идетъ въ полѣнницъ и беретъ первое, какое попадется подъ руку, по лѣво: если оно гладкое — то мужъ будетъ добрый, если суковатое — то сердитый, а если голое (безъ коры) — то бѣдный (Сахаровъ, I, 67; Херсон. Г. В. 1846, 10; D. Myth., 1071). — <sup>2)</sup> Слово богатырь, по самому значенію своему, указываетъ на воеводу, близкаго къ богамъ (см. I. 274); сравни ἱρως, ἥρως, ἥρακλῆς.

образомъ по восходящей линіи состоятъ въ родствѣ съ небесными владыками <sup>1)</sup>. По свидѣтельству Геродота, скины вѣрили, что боги, герои, всѣ люди вообще и племена скинскія въ особенности происходили отъ верховнаго божества Неба (Дива—Зевса), которому они придавали эпитетъ *paraios*—слово, сближаемое Бергманномъ съ греч. *πάπας*, арм. *pap*, славян. *папа* — отецъ, предокъ, родоначальникъ. По мнѣнію германцевъ, богъ *Tuisko* (*Tivisko* — сынъ Неба; *tiv* — Дивъ) былъ отцемъ Манна, перваго человѣка, и чрезъ него прародителемъ всего нѣмецкаго народа, что напоминаетъ видѣйскаго Мана, который спасся отъ гибели во время потопа и сталъ родоначальникомъ людскаго племени <sup>2)</sup>. Творческія силы неба столько-же зависятъ отъ посылаемыхъ имъ дождей, какъ и отъ лучей весенняго солнца, дарующаго ясные и теплые дни; въ небесныхъ богахъ, представителяхъ этихъ творческихъ силъ, древнѣйшіе мифы соединяютъ во едино черты, принадлежащія весеннему солнцу, съ чертами громовника (припомнимъ Аполлона, Фрейра, воинственную дѣву Зору). Поэтому рядомъ съ выше-указанными преданіями встрѣчаемъ другія о происхожденіи рода человѣческаго отъ солнца. По скинскому преданію, Небо родило бога-Солнце (*Targitavus*, *Svalius*), у котораго было три сына: Щитъ, Стрѣла и Коло (колесо—возъ и соха); эти три брата и почитались родоначальниками скиновъ — воиновъ, кочевниковъ и пахарей. Согласно съ этимъ, Слово о полку называетъ русичей внуками Дажьбога (солнца): «погибашеть жизнь Дажьбожа внука», «встала обида въ силахъ Дажьбожа внука» <sup>3)</sup>. Мы видѣли, что понятіе о божественномъ

<sup>1)</sup> D. Myth., 315—8. — <sup>2)</sup> Ibid., 318—9. — <sup>3)</sup> Рус. Дост., III, 78, 92. Бергманъ даже въ имени славянъ видитъ указаніе на древній мифъ народнаго происхожденія отъ солнца и допускаетъ слѣдующую перестановку плавныхъ звуковъ: *sval* (*Svalius*) и *slav* — славянинъ, происшедшій отъ солнца — Дат. рус. лѣт., I, 132, 134.

предопредѣленіи (судьбѣ—Родѣ) старинный памятникъ связываетъ съ богомъ-грозовникомъ, который, бросая съ неба камни, творитъ изъ нихъ людей; тоже понятіе соединяется и съ солнцемъ, которому чехи даютъ названіе Дѣда-все-вѣда (см. гл. XXV). Имя дѣда присвоется славянами не только солнцу, но и божеству весеннихъ грозъ. Въ народныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ донинѣ повторяется воззваніе: «ой Дидъ-Ладол!» Ладолъ соответствуетъ нѣмецкому Фрейру (I, 439); пѣсни, сопровождаемы означеннымъ воззваніемъ, возглашаются при встрѣчѣ весны (на Семицъ и Троицу), и въ одной изъ нихъ воспѣвается приготовленіе пива, т. е. того опьяняющаго, безсмертнаго напитка, который завариваютъ небесные духи во время весенней грозы <sup>1)</sup>. У западныхъ славянъ было въ обычаѣ при началѣ весны, прогоняя Морену (Смерть, Зиму) носить дѣдка и пѣть въ честь его обрядовыя пѣсни; о немъ рассказывали, что дѣдко всю зиму сидитъ въ заключеніи въ хлѣбныхъ амбарахъ и поѣдаетъ сдѣланные запасы, т. е. въ зимній періодъ времени онъ лишается своей производительной силы, успокаивается отъ своихъ обычныхъ трудовъ и питаетъ родъ людской старымъ хлѣбомъ <sup>2)</sup>. Съ наступленіемъ весны онъ выходитъ изъ заключенія и начинаетъ застѣвать землю и раститъ хлѣба. У болгаръ <sup>3)</sup> существуетъ повѣрье, что Дѣдо-Господь ходилъ нѣкогда по землѣ въ образѣ старца и поучалъ людей пахать и воздѣлывать поля (см. I, 563). Украинскія поговорки: «пщити, якъ дидько въ градовій хмари», «жоне, якъ дидько витри» <sup>4)</sup> свидѣлствуютъ о связи дѣдка съ тучами и вѣтрами. Домовой, какъ представитель того-же небеснаго пламени, низведеннаго на домашній очагъ, извѣстенъ на Руси подъ именемъ дѣда. Подъ

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 27—28, 260—1. — <sup>2)</sup> Терещ., VI, 213—4. — <sup>3)</sup> Показалецъ Раковского, I, 137. — <sup>4)</sup> Номис., 223, 254; Старосв. Банд., 162, 195.

вліянієм тѣхъ демоническихъ свойствъ, якія издревле приписывались облаченному въ мрачныя тучи грозовнику и домовому (см. стр. 68, 97), и отчасти, можетъ быть, подъ вліяніємъ христіанства слово дѣдко стало употребляться въ значеніи чорта; у Памвы Берынды стоитъ при этомъ словѣ такое объясненіе: «снце бо нѣцымъ обыкоша діавола именовати» <sup>1)</sup>, что подтверждается и народными поговорками и клятвами: «ходить, якъ дядько по пеклу» (вар. «шибаецца, нкѣ чортъ по пеклу»), «скаче, верещить, якъ дядько», «а сто дядькивъ у твои бебехи та печивки!» <sup>2)</sup> Нашему выраженію: «Дядь-Ладъ» равносильно литовское *didis Lado*; *didis* или *didelis* значитъ: великій, старѣйшій <sup>3)</sup>. Несторъ даетъ Перуну первое мѣсто при исчисленіи языческихъ боговъ, безъ сомнѣнія, потому, что съ нимъ нераздѣльно было понятіе о главномъ и старѣйшемъ божествѣ. Облачное небо, творящее громы и молніи, у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ носило названіе отца: *pitā Dyāus* (*Divas-patī* было прозваніемъ Индры), *πατήρ Ζεὺς*, *Jupiter*; у славянъ великій, старшій богъ, прабогъ <sup>4)</sup>; у германцевъ Одинъ (*Wyotan*)—*Allvater*—отецъ боговъ и людей, *Aldafadhir*—отецъ людей, *Aldagautr*—*der menschen Urvater, Ahnherr, Erzeuger, Topf*—

<sup>1)</sup> О вл. христ. на сл. яз., 49.— <sup>2)</sup> Номис., 62—63. 68, 73. —

<sup>3)</sup> Г. Милуцкій (Изв. Ак. Н., I, 115) говоритъ: „съ литовскимъ *didis* и латышскимъ *lels* (великій) замѣчательнымъ образомъ совпадаютъ славянскія слова: дѣдъ, дядя, дѣля (*Igolgā*)—у полабцевъ отецъ, дѣля—по церковнославянски тетя“. Въ галицкой пѣснѣ (Ч. О. И. и Д. 1864, I, 130): „та кликала дядика къ собі: ой ходи, ходи, деляю, зо мною!“ Во владимір. губ. дѣля—крестный отецъ и крестная мать. Въ припѣвахъ русскихъ пѣсенъ дымъ слышится: ой деляю (звательный падежъ)—делюшки, дялюлюшки! (Толков. Слов., I, 849; Сахаров., I, 261); у сербовъ д(ь)ел(ь)о—припѣвъ къ тронцкимъ обрядовымъ пѣснямъ (Срп. рјечн., 298); въ болгарской пѣснѣ (Миладин., 504): „оѣъ деле бже, оѣъ мила бже!“—4) Срп. в. пјесме, II, 440: „од бога од старог враника“.

der alte Gott или Vater (см. I, 128, 135); у финнов Ukko Jumala: Jumala — небо, Ukko — дѣдъ, старикъ, домо-владыка <sup>1)</sup>, и вмѣстѣ съ тѣмъ собственное имя бога-громовика. Заслыша громовые удары, финны говорятъ: «Ukko rauha» (буквально: дѣдъ гремитъ), подобно тому, какъ шведы выражаются о громѣ: «добрый старикъ или добрый отецъ идетъ!» <sup>2)</sup>).

Мнѣшескія представленія о первоизданныхъ людяхъ-дубѣ и асени, о родствѣ души человѣческой съ стихійными существами, о лѣсныхъ дузахъ и дѣвахъ, жизнь которыхъ неразрывно связана съ извѣстными растеніями,—повели къ созданію разнообразныхъ сказаній, повѣствующихъ о превращеніи человѣка и переходѣ души его въ дерево или цвѣтокъ. Вѣра въ возможность подобныхъ метаморфозъ, наслѣдованная отъ глубочайшей старины, была скрѣплена тѣмъ воззрѣніемъ, какое имѣлъ древній человѣкъ на самого себя. Рожденіе дитяти и его медленное, постепенное возрастаніе сравнивалъ онъ съ прозябаніемъ дерева; отдѣльныя части тѣла представлялись ему подобіемъ тѣхъ отростковъ и вѣтвей, какія даетъ изъ себя древесный стволъ. Такое воззрѣніе засвидѣтельствовано исторіей языка. Сѣмя служитъ общимъ названіемъ и для зерна, изъ котораго вырастаетъ всякой злакъ и всякое дерево, и для оплодотворяющаго начала въ животныхъ и человѣкѣ. Беременность уподобляется всходу посѣяннаго зерна; такъ въ народной былинѣ говоритъ жена богатырю Дунаю:

<sup>1)</sup> Ukko и akka — отецъ и мать семейства.— <sup>2)</sup> У. З. А. Н. 1852, IV, 509—12; Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 177; 1849, V, 59; D. Myth., 152-3; Die Götterwelt, 181-2; Рус. Сл., V, 15: у литовцевъ Вешайтасъ—старый отецъ. Къ богу Укко финны вываютъ о помощи въ трудныхъ родахъ (У. З. А. Н. 1852, IV, 524). Между мнѣшескими сказаніями, принадлежащими финнамъ и чуди, Моне приводитъ слѣдующее: Лаунаватаръ была беременна десять лѣтъ и до тѣхъ поръ не могла разрѣшиться, пока св. Георгій (св. Пръене) не бросилъ ей на животъ красную нитку (=молнію).



У меня съ тобой есть во чревѣ чадо постыжно,  
 Принесу тебѣ я сына любимаго...  
 Дай мнѣ младенца поотродити,  
 Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить <sup>1)</sup>

Въ другихъ пѣсняхъ богатыри наказываютъ своей дружинѣ избивать вражеское царство, рубить и стараго и малаго, не оставить ни единого человѣка на сѣмена <sup>2)</sup>. «Сѣмичко» употребляется въ областныхъ говорахъ, какъ ласкательное названіе дѣти <sup>3)</sup>. О беременной женщинѣ выражаются на Руси иносказательно: «покушала горошку», а въ сербской пѣснѣ, которую поютъ послѣ родовъ, страданія родильницы изображаются слѣдствіемъ того, что она наѣлась бобовъ <sup>4)</sup>. Рожденіе младенца уподобляется принесенному лакомъ или деревомъ плоду: понести плодъ—забеременѣть, безплодная жена—та, которая не рождаетъ. Встрѣча съ беременной женщиной сулить пахарю урожай. По древне-германскимъ законамъ такая женщина могла безнаказанно входить въ чужой садъ и вкушать плоды <sup>5)</sup>; вѣрили, что то молодое дерево, съ котораго первые плоды сорваны беременной женщиною, непременно будетъ урожайно <sup>6)</sup>. Наоборотъ лужичане советуютъ будущей матери съѣсть первый плодъ съ дерева, чтобы счастливо выносить и родить ребенка <sup>7)</sup>. Названія ноги, руки, пальцевъ и ногтей въ санскритѣ объясняются уподобленіемъ человѣка растенію. Ногами человѣкъ касается земли и тѣмъ самымъ напоминаетъ дерево, прикрѣпленное корнями къ матери-сырой землѣ; впечатлѣніе это выражено словомъ *pāda*

<sup>1)</sup> Рыбникъ, I, 185, 193-4.— <sup>2)</sup> Ibid., III, 41 и друг. страницъ; Кирша Дан., 52.— <sup>3)</sup> Обл. Сл., 224.— <sup>4)</sup> Ч. О. И. и Д. 1865, II, 48.— <sup>5)</sup> D. Rechtsalt., 408.— <sup>6)</sup> Beiträge zur D. Myth., I, 209.— <sup>7)</sup> Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 346. Когда ведутъ на дворъ купленную корову, то, по русскому повѣрью, встрѣчать ее должна беременная женщина; дѣлается это съ цѣлію, чтобы корова приняла хорошихъ телятъ и давала много молока.

(лат. *pes, pedis*, литов. *pàdas*, готск. *fôtus*) — не только нога, но и древесный корень. Если ноги сравнивались с корнями, то самое туловище представлялось стволѣмъ, а руки казались отростками: санскр. *śākhā*—рука и вѣтвь соответствуетъ литовскому *yzakà* (вѣтка) и рус. сукъ, сучокъ, пол. *seć*; южнослав. шака — кисть руки; слово ржка (пол. *reka*) сближается съ нѣм. *raipke*—вѣтвь или плеть вьющагося растенія. Сверхъ того, рука обозначается въ санскритѣ сложнымъ *raṇśa-śākhā* (*raṇśan*—пять и *śākhā*—вѣтвь, сукъ), т. е. имѣющая пять сучковъ или пальцевъ; палець — *kaṇa-śākhā*, собственно: ручной сучокъ (*kaṇa*—рука отъ *kṛi*—дѣлать—дѣлающая). Ноготь вырастаетъ на пальцѣ, какъ листъ на вѣткѣ, и потому называется: *kaṇa-guṇa* (*guṇi*—рости)—растущій на рукѣ <sup>1)</sup>; наше ноготь, старин. ноκτή, литов. *pagas*, санскр. *nakha* отъ *nakh* — *igē*, се повеге, т. е. растущій <sup>2)</sup>). Раме́нь, раме́нье — лѣсъ, по-расъ, ра́мennyй—боровый, лѣсной происходятъ отъ одного корня съ словомъ рамо, рамена — плечи <sup>3)</sup>; шкура въ некоторыхъ областныхъ нарѣчїяхъ означаетъ древесную кору <sup>4)</sup>; волоса народный эпосъ отождествляетъ съ травю, а траву и цвѣты называетъ волосами земли (I, 138—141).

Сравнивая зарожденіе ребенка со всходомъ посѣяннаго зерна, поэтическая фантазія внесла это представленіе въ народные сказки. Такъ русской богатырь Покатигорошекъ и хорутанской Петръ Бреборичъ (Peter Breboriĉ) родились отъ зѣренъ, съѣденныхъ матерями того и другаго <sup>5)</sup>. Осиротѣлая мать, у которой змѣй унесъ дочь и убилъ двухъ сыновей, идетъ на рѣку и видитъ: катится по дорогѣ горошинка и упа-

<sup>1)</sup> Ист. очер. рус. слов., I, 12-14; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 569; Пикте, I, 197-8.— <sup>2)</sup> Изв. Аж. Н., IV, 89.— <sup>3)</sup> Обл. Сл., 188.— <sup>4)</sup> Ibid., 266.— <sup>5)</sup> Н. Р. Сж., III, 2; V, 24; Рус. Бес. 1856, III, 100—1; сб. Валица, 411-6.

даетъ въ воду. «Божій даръ!» думаетъ она, достала горошинку и сѣла; отъ того зерна понесла она плодъ и родила сына, будущаго побѣдителя страшныхъ змѣевъ (о связи гороха съ богомъ-громовникомъ см. гл. XXI). Валахская сказка <sup>1)</sup> выводитъ героемъ королевича Флоріана, или выражаясь русскимъ эпическимъ языкомъ: Цвѣтъ королевича. Нѣкоторый король заключилъ свою дочь-красавицу въ крѣпкомъ замкѣ, желая предохранить ее отъ всякихъ обольщеній. Королевнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, и красота ея была такъ всемогуща, что когда она гуляла по саду, то цвѣты склоняли передъ ней свои пестрыя головки, птички замолкали въ кустахъ и рыбы выглядывали изъ водъ. Разъ, когда королева была въ саду, подошла къ ней незнакомая цыганка и подарила пучокъ прекрасныхъ, пахучихъ цвѣтовъ. Красавица принесла цвѣты въ свой теремъ и поставила въ воду; вода сдѣлалась пурпуровой, и на ней показались золотыя и серебряныя звѣздочки—точно такія, какъ душистая пыль, покрывающая лепестки цвѣтовъ. Королева выпила эту воду—и тотчасъ сдѣлалась беременна и родила могучаго сына, который также поражаетъ змѣевъ, какъ нашъ Покатыгорошекъ. Чѣмъ такое сверхъестественное происхожденіе богатыря принадлежитъ къ древнѣйшимъ мѣстамъ о богѣ-громовникѣ, за это свидѣлствуетъ преданіе о рожденіи Марса (Ареса), которымъ забеременѣла Юнона отъ прикосновенія цвѣтка; подобное преданіе встрѣчается я въ романской народной поэзіи. Этотъ плодоносный цвѣтокъ—молнія (см. стр. 375 и дал.), которая сверхъ того уподоблялась и фаллусу. Илиада рисуетъ прекрасную картину любовнаго наслажденія Зевса-громовержца съ облачною богинею Герою на вершинѣ горы Иды:

---

<sup>1)</sup> Шоттъ, 27.

Рекъ и въ объятія сильныя Зевсъ заключаетъ супругу;  
 Быстро подъ ними земля возрастила цвѣтушія травы:  
 Лотось росистый, сафранъ и цвѣты гіакинѣи густые.  
 Гибкіе, кои боговъ отъ земли высоко поды-  
 мали;

Тамъ опочили они, и одѣла почивающихъ облакъ  
 Пышный, златый, изъ котораго свѣтлая ка-  
 пала влага <sup>1)</sup>.

Новогреческая сказка <sup>2)</sup> говоритъ о дѣвѣ, рожденной въ видѣ зернушка; изъ этого зерна выросло лавровое дерево, въ которомъ и пребывала чудная дѣва, напоминающая собою дріадъ; по временамъ она выходила изъ своего роднаго дерева и снова возвращалась въ него. Лавръ былъ посвященъ Аполлону. По свидѣтельству древняго мифа, Аполлонъ преслѣдовалъ Дафну, и она не желая отдаться его любви, превратилась въ лавръ: ноги пустили корни, тѣло облеклось корою, руки преобразились въ вѣтви, а волосы въ зелень. Соответственно тому мифа Lotis, которую хотѣлъ изнасиловать Пріапъ, — убѣгая его объятій, превратилась въ растение *aquatica lotos*, т. е. облачная дѣва (яѣсунка, waldfrau — см. стр. 343), преслѣдуемая во время весенней грозы сладострастнымъ грозовникомъ, измѣняетъ въ быстромъ бѣгѣ свой человѣческій образъ и является небеснымъ деревомъ <sup>3)</sup>. Между нашими поселянами существуетъ слѣдующій разсказъ о происхожденіи гречихи: была у короля дочь красоты неописанной, по имени Крупеничка; сдѣлали набѣгъ на русскую землю злые татары, полонили Крупеничку, увезли далеко отъ родины и продали тяжелой работѣ. Освободила ее изъ неволи вѣ-

<sup>1)</sup> XIV, 346—351. — <sup>2)</sup> Ганъ, 31 — <sup>3)</sup> Der Ursprung der Myth., 160—3. Нимфѣ Lotis предостерегъ оселъ; точно также крикъ Силея ослы (т. е. громъ) разбудилъ спящую Весту въ то время, какъ подкрадывался къ ней опьяненный Пріапъ. По своему дикому крику и цвѣту кожи оселъ является въ мифическихъ сказаніяхъ грозовъ Одымъ изъ животныхъ олицетвореній грозовою облака.

шая старушка; она превратила дѣвицу въ гречневое зѣрушко, принесла его на Русь и бросила на родную землю; зерно обернулось королевною, а изъ шелухи его выросла греча. По другому разсказу старушка, принесла гречневое зерно на Русь, схоронила его въ землю; сѣмя дало ростокъ и породило былинку о семидесяти семи зернахъ; повѣяли буйные вѣтры и разнесли эти зерна на семдесятъ семь полей; съ той поры и расплодился гречиха по святой Руси <sup>1)</sup>. Въ этомъ преданіи (первоначально оно могло относиться вообще ко всякому яровому хлѣбу) заключается мифъ о прекрасной богинѣ весенняго плодородія, которую захватываютъ демоническія полчища и держатъ въ тяжелой неволѣ во все время зимы; съ возвратомъ весны она освобождается отъ нихъ власти, прилетаетъ изъ дальнихъ странъ грозовымъ облакомъ, и рассыпаясь на землю благодатнымъ сѣменемъ дождя, возрождается въ густой зелени яровыхъ хлѣбовъ.

Одна изъ наиболѣе распространенныхъ русскихъ сказокъ повѣствуетъ о томъ, какъ сестра убила изъ зависти брата и закопала его въ землю; на томъ мѣстѣ выросла тростинка (или калина); ѣхали мимо чумаки, срѣзали тростинку и сдѣлали дудочку, которая — какъ только поднесли къ губамъ — сама собой заиграла:

Ой помалу-малу, чумаченьку, грай,  
Да не врази мого серденька въ край:  
Мене сестрици з' свиту сгубила,  
Нижъ у серденьку да-й устромила.

Такъ было изобличено преступленіе <sup>2)</sup>. Сюжетъ этотъ варьируется весьма разнообразно: иногда братъ убиваетъ брата, и на могилѣ убитаго вырастаетъ бузина; иногда мачиха —

<sup>1)</sup> Вост. Евр. 1820, IV, 289—292; Сахаров., II, 33-35. — <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., V, 17; VI, 25; VIII, стр. 314-8; Кулишъ, II, 20-23.

падчерицу, и вырастает калина; иногда двѣ сестры — третью, зарываютъ ее въ могилу и накрываютъ сверху ёлкою, а на ёлкѣ вырастаетъ цвѣтокъ, который поетъ о совершенномъ злодѣяніи; въ народной пѣснѣ подобное-же преданіе связывается съ ракизовымъ кустомъ <sup>1)</sup>). Сказка о чудесно-изобличенномъ убійствѣ встрѣчается почти у всѣхъ индоевропейскихъ вародевъ. Въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ <sup>2)</sup>) она озаглавлена: «Der singende Knochen» (поющая кость). Одну страну постигло большое несчастье — появился громадный и сильный вепрь, который взрывалъ нивы и побивалъ скотъ и людей своими клыками. Царь обѣщалъ выдать за того свою единственную дочь, кто избавитъ страну отъ страшнаго звѣря. Жилъ въ то время бѣднякъ, и было у него двое сыновей. Братья вызвались на смѣлое дѣло; младшій пошелъ искать вепря и повстрѣчалъ маленькаго человѣчка, который держалъ въ рукѣ копьё. «Это копьё, сказалъ карликъ, дарю тебѣ за твое доброе и простое сердце; съ нимъ ты спокойно можешь идти на звѣря». Юноша поблагодарилъ и пошелъ дальше; увидя звѣря, онъ подставлялъ ему копьё. Вепрь ринулся и въ слѣпую ярости наскочилъ на остріе съ такой силой, что прокололъ себѣ сердце. Побѣдитель взваливалъ убитаго вепря на плечи и хотѣлъ нести къ царю. Тутъ увидалъ его старшій братъ, позавидовавъ чужой удачѣ, и вечеромъ, возвращаясь домой, сбросилъ его съ моста въ ручей; юноша убитъ до смерти, и старшій братъ зарылъ трупъ его подъ мостомъ, явился къ царю съ вепремъ и женился на царевнѣ. Много лѣтъ спустя гналъ пастухъ стадо черезъ мостъ, смотритъ — внизу на песокъ валяется бѣлая кость, спустился въ оврагъ, взялъ кость и вырѣзалъ изъ нея наконечникъ для своего рожка. Приложилъ рожекъ къ губамъ и только подулъ — какъ вѣющая кость запѣла:

<sup>1)</sup> Временникъ, XX, 73.— <sup>2)</sup> Т. I, 28; т. III, стр. 55—56.

Ach du, liebes Hirtenlein!  
 Du bläst auf meinem Knöchlein.  
 Mein Bruder hat mich erschlagen,  
 Unter der Brücke begraben,  
 Um das wilde Schwein,  
 Für des Königs Töchterlein <sup>1)</sup>.

Нѣмецкая редакція особенно любопытна потому, что указываетъ на древнѣйшую мионическую основу преданія; хотя народъ и низвелъ это преданіе (наравнѣ со многими другими) на землю и окрасилъ его бытовыми красками, тѣмъ не менѣе очевидно, что копые карлика есть метафора молніи, а дикой вепрь — демоническій звѣрь-туча. Побѣдитель вепря играетъ слѣдовательно роль громовника; разбивая мрачныя тучи, онъ самъ погибаетъ въ грозѣ, и громкая пѣсня, звучащая изъ его могилы и свидѣтельствующая о его безвременной кончинѣ, есть метафора грома, который раздается вслѣдъ за исчезающею (= умершею или потонувшею въ дождевомъ потоцѣ) молніею. Въ Шотландіи и Швеціи поется старинная пѣсня, какъ коварная дѣвушка изъ зависти къ своей сестрѣ столкнула ее въ море; рыбаки вытащили утопленницу, а гусляръ сдѣлалъ изъ ея костей арфу, и когда коснулся струнъ—арфа прозвучала ему о безвѣстномъ преступленіи <sup>2)</sup>). На Руси извѣстна сказка про охотника, который нашелъ въ лѣсу рѣбрушки, взялъ одно изъ нихъ и сдѣлалъ дудку; дудка запѣла: «ты играй-играй полегохоньку, ты играй-играй потихохоньку! мои кости больнѣхоньки, мои жилки тонѣхоньки; погубили меня двѣ сестры, погубили двѣ рѣдныя за мою игрушечку, за

---

<sup>1)</sup> Ахъ, милый пастушокъ! ты играешь на моей кости; мой братъ меня убилъ, подъ мостомъ схоронилъ—за дикаго вепря и королевскую дочь. Сравни у Гальтриха, 42: „Der Rohrstengel“; Slov. rogad., 125—6: „Piszaľka“ — <sup>2)</sup> Пѣсни разн. нар. въ переводѣ Н. Берга, 405.

ию погребушечку<sup>1)</sup>. Эти сказанія стоятъ въ тѣсной связи съ мнѣніемъ о чудесныхъ музыкальныхъ инструментахъ, на которыхъ играютъ боги и духи во время грозы и бури (I, 324 — 7). Въ славянскихъ сказкахъ бѣльшею частію повѣдаютъ о совершенномъ преступленіи не кости невинно-убитаго, а дерево, трость, камышъ или цвѣтокъ, вырастающіе изъ его зарытаго трупа, какъ-бы изъ брошеннаго въ землю сѣмени. Карпатская колядка говоритъ, что божье дерево, мята и барвинокъ выросли изъ погребеннаго пепла трехъ сиротъ, убитыхъ мачихой за то, что не устерегли золотой ряски на конопелькахъ:

Эй бо ми маме люту начиху;  
Она насъ спалить на дрибній попелець.  
Она насъ посіе въ загородойци,  
Та а' насъ ся вродить трояке зилья:  
Перше зилейко — биждеревочокъ,  
Друге зилейко — крутая мята,  
Трете зилейко — зеленій барвинокъ<sup>2)</sup>.

Соженіе въ пепелъ намекаетъ на грозное пламя, въ которомъ гибнутъ облачные духи, а изъ нихъ разсѣяннаго пепла (=дождя) зарождаются земные злѣки. Въ сказку о Снѣжевиночкѣ<sup>3)</sup> занесено любопытное преданіе о переходѣ души въ камышовую тростинку и розовой цвѣтокъ. Подружки убили Снѣжевиночку и зарыли подъ сосенкой; на ея мо-

<sup>1)</sup> Подобные рассказы можно услышать и въ Испаніи, и даже въ южной Америкѣ у беджуановъ — Лѣт. рус. лит., кн. I, 112—4. Костокаровъ (С. М., 66) указываетъ на преданіе о дѣвницѣ, которая несла воду, и тяготясь своею тяжелою ношею, бросила ведро и превратилась въ яблоню; проѣзжали мимо парубки, срубилъ яблоню и сдѣлали изъ нея гусли. — <sup>2)</sup> Объ истор. зн. нар. повѣ., 38; Малорус. литер. сборн. Мордовцева, 230-2. Сравни съ пѣсней, въ которой сказано: „Иване! посади тебя, какъ капусту, посади въ трехъ огородахъ, и уродится три зельчя: барвинокъ, любистокъ и василекъ. — <sup>3)</sup> Н. Р. Св., VI, 25, b.



гнѣтъ вырастаетъ камышъ, изъ котораго прохожіе бурлаки дѣлають дудочку. Дудочка досталась въ руки осиротѣвшимъ отца и матери; они разломали ее — и оттуда выскочила ихъ дочка. По другому варианту изъ дудочки выпадаетъ розовый цвѣтокъ, а цвѣтокъ уже превращается въ дѣвочку. Сходно съ этимъ, въ малорусской сказкѣ <sup>1)</sup> на могилѣ Маруси, умершей отъ злаго упыря, вырастаетъ чудесный цвѣтокъ; молодой боярской сынъ пересаживаетъ его въ горшокъ и привозитъ домой. Ночью цвѣтокъ начинаетъ двигаться, упадаетъ съ своего стебля на земь и превращается въ красную дѣвицу. Въ этой сказкѣ скрывается мнѣ о красавицѣ облачной дѣвѣ (богинѣ Ладѣ—Огненной Маріи), изъ которой упырь—демоническій духъ грозы высасываетъ кровь (дождь), и она погибаетъ, т. е. повергается въ земное омертвѣніе; но потомъ (съ приходомъ весны) воскресаетъ въ видѣ прекраснаго цвѣтка, т. е. молніи. Подобно Перунову цвѣту папоротника, цвѣтокъ этотъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто, и по свидѣтельству одного изъ вариантовъ сказки, даже разцвѣтаетъ подъ Иванову ночь. Тоже означаетъ и розовый цвѣтокъ, въ который превращается Снѣжевиночка; что подъ этимъ именемъ разумѣется облачная красавица, это доказывается ея стихійнымъ происхожденіемъ: «вышелъ старикъ на улицу, сжалъ комочекъ снѣгу и положилъ на печку — и стала дѣвочка Снѣжевиночка»; такъ изъ тающихъ снѣговъ, пригрѣтыхъ лучами весенняго солнца, поднимаются пары и образуютъ грозовыя облака. Погибель сказочной дѣвы отъ упыря равносильна потопленію ея въ дождевыхъ потокахъ. Малороссійская пѣсня вспоминаетъ о превращеніи утонувшей дѣвицы въ плакучую березу. Утопая, говоритъ дѣвица брату:

---

<sup>1)</sup> Ibid., 66.

Не рубай, братику, белой березоньки,  
 Не коси, братику, шовковой травы,  
 Не зривай, братику, чорного тёрну;  
 Бѣлая березонька — то я молоденька,  
 Шовковая трава — то моя руса коса,  
 Чорный тёрнъ — то мои чорни очи <sup>1)</sup>.

Южнорусская поэзія особенно-богата преданіями о превращеніяхъ въ цвѣты и деревья и раскрываетъ передъ изслѣдователемъ чудный фантастическій міръ, исполненный художественныхъ образовъ и неподдѣльнаго чувства. Сейчасъ-приведенная пѣсня имѣетъ нѣсколько вариантовъ, предлагающихъ не менѣе интересныя сближенія. Косы дѣвичьи растянутся по лугамъ шелковой травой, карія или черныя очи превращаются въ терновыя ягоды, кровь разливается водою, а слѣзы блестятъ на травѣ и листьяхъ росой — все на основаніи старинныхъ метафоръ, уподобившихъ волосы — травѣ, кровь — водѣ, слезы — росѣ, очи — терновымъ ягодамъ; о глазахъ красавицы малоруссы донинѣ выражаются: «очи якъ терночокъ». Дѣвичья краса превращается въ калину, такъ какъ красныйъ цвѣтъ ягоды калины, на основаніи древнѣйшаго, кореннаго значенія слова «красота», привѣтъ былъ символомъ этого эстетическаго понятія <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Объ истор. зн. нар. повѣс., 57, 60; Малор. лит. сборн., 230; Сборн. памяти нар. творчества въ сѣв.-западн. вѣст. I, 176; Ч. О. И. и Д. 1866, III, 679. — <sup>2)</sup> Такъ въ одномъ вариантѣ читаемъ: плыли брать съ сестрою черезъ море; брать переплылъ, сестра потонула; утопая, она навязывала: не пей, братецъ, съ этого моря воды, не лови въ озерѣ рыбы, не коси по лугамъ травы, не ломай калины, не рви въ саду яблочка; вода въ морѣ — то кровь моя, рыба — мое тѣло, трава — коса, яблоко — личко, калина — краса моя! — Червинг. Г. В. 1861, 13. Въ купальской пѣснѣ нѣтъ утонувшей Ганнны говоритъ: не берите изъ Дуная воды — то Ганнины слѣзы, не ломайте на лугу калины — то Ганнина краса, и т. дал. — Пассекъ, I, 109. По греческому сказанію Атлантъ былъ превращенъ въ скалу, а борода и пряди волосъ его въ густые лѣса.

Въ пѣсенныхъ сборникахъ всѣхъ европейскихъ народовъ можно указать на многія свидѣтельства, что на могилахъ юноши и дѣвицы, умершихъ отъ несчастной любви, вырастали лилія, боярышникъ и другіе цвѣты и деревья, а на могилахъ злыхъ, завистливыхъ людей — крапива, волчецъ и разныя вредныя зелья <sup>1)</sup>. Души усопшихъ представлялись нашимъ предкамъ существами стихійными; вмѣстѣ съ смертію чело-вѣка, душа его сопричислялась къ эльфахъ и получала ту же способность превращеній, какою обладаютъ эти послѣдшіе: могла слѣдовательно вырастать облачнымъ деревомъ и цвѣсти пламеннымъ цвѣтомъ. Трогательно содержаніе пѣсни, извѣстной въ Малой и Бѣлой Россіи, о томъ, какъ не влюбилась мать своей молодой невѣстки, сына подчивала зеленымъ виномъ, а невѣстку отравою; пилъ добрый молодецъ — женѣ подносилъ, пила молодица — мужу подносила; все поподамъ дѣлили, и умерли оба въ одинъ часъ. Схоронила мать сына передъ церковью, а невѣстку позади церкви. На могилѣ добраго молодца выросъ зеленый яворъ, на могилѣ жены его — бѣлая береза (или тополь),

А расли, расли, да и нахилилися,  
Унѣста (виѣсть) вершочки араслися.

Или:

Выйшла тоди мати сына поминати.  
Нелюбу невѣстку та прокланати;  
Стави-жь ихъ могили та присуватися,  
Ставь явиръ до тополи прихилатися.  
„Дибомъ же вы, дѣтки! вѣрненько любились,  
Що ваши вершечки до купки сходились.“ <sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> D. Myth., 786-7; литовская пѣсня рассказываетъ о розовомъ деревцѣ, въ которое превратилась душа молодца, что скончался отъ любовной тоски — Черты литов. нар., 118. — <sup>2)</sup> Объ истор. зн. нар. повѣд., 50; Малор. лит. сборн., 215; Вѣст. Р. Г. О. 1857, VI, 324-5; Сборн. памятниковъ народн. творчества въ сѣверо-западн. краѣ, I, 64.

По великорусскимъ вариантамъ, на могилѣ добраго молодца  
выросла золотая верба, на могилѣ его суженой — кн-  
парисъ:

Корешокъ съ корешкомъ соростались,  
Пруть съ пруткомъ совивается,  
Листокъ съ листкомъ соливается <sup>1)</sup>.

Сербская пѣсня рассказываетъ о любовникахъ, которыхъ раз-  
лучила недобрая мать; съ горя умерли они и были погребены  
вмѣстѣ.

Мало время затимъ постајало,  
Више драгогъ зеленъ боръ израсте,  
А виш' драге румена ружица;  
Па се вије ружа око бора,  
Као свила око ките смир(ь)а <sup>2)</sup>.

Другая малороссійская пѣсня передаетъ слѣдующее преданіе:  
была свекруха сварливая, отпустила сына въ походъ и жу-  
рила невѣстку и день, и ночь:

„Иди, невестко, отъ мене прочь!  
Иди дорогою широкою,  
Да-й стань у доли грабяною  
Тонкою да високою,  
Кудрявою, кучерявою.“

---

<sup>1)</sup> Калѣки Пер., III, 697—700.— <sup>2)</sup> Переводъ: Прошло немного  
времени, поверхъ милаго выросла зеленая сосна, поверхъ милой—  
руминная роза, и обвилась роза около сосны, какъ шелкъ около  
пучка цвѣтовъ. Или:

На Момиру (имя юноши) зеленъ боръ никао,  
На Гроздани (имя дѣвицы) винова лозица,  
Свила се лоза око бора,  
К'о сестрина око брата рука.

(Срп. н. пјесме, I, 239—240, 259, 312; II, 167.) У верхнихъ или-  
рійцевъ тоже преданіе: изъ гроба юнѣка вырастаетъ алая роза,  
изъ гроба дѣвицы—бѣлая лилія, поднимаются цвѣты выше церк-  
ви и сростаются надъ нею верхушками—Ж. М. Н. II. 1840, XI, 78;  
Ч. О. И. и Д. 1866, III, 711.

Воротился сынъ съ походу и сталъ говорить матери: «весь свѣтъ я прошелъ, а нигдѣ не видалъ такого дива — на полѣ грабина и высокая, и кудрявая!»

— Ой бери, сынку, острый топоръ,  
Да рубай грабину изъ корени!  
Первый разъ цюкнувъ — кровь даярнула,  
Другій разъ цюкнувъ — биле тило,  
Третій разъ цюкнувъ — промолвила:  
„Не рубай мене зелененькую,  
Не розлучай мене молоденькую;  
Не рубай мене з' гильчеками,  
Не розлучай мене з' диточками;  
У мене свекруха — розлучница,  
Розлучила мене з' дружиною  
И з' маленькою дитиною“ <sup>1)</sup>.

Итакъ удары топора наносятъ дереву кровавыя раны и вызываютъ его трогательныя жалобы. Тоже представленіе находимъ и у другихъ народовъ. Заклятая матерью дочь оборотилась яворомъ; вздумали гусяры сдѣлать изъ того явора звончатые гусли, но только принялись рубить — изъ ствола заструилась алая кровь, дерево издало глубокой вздохъ и промолвило: «я — не дерево, а плоть и кровь!» <sup>2)</sup> Одинъ мальчикъ, рассказываютъ въ Германіи, захотѣлъ сдѣлать стрѣлу; но едва срѣзалъ тростинку (*hastula*), какъ изъ растенія поилась кровь <sup>3)</sup>. По словамъ литовской пѣсни, когда Перкувъ разсѣкъ зеленый дубъ (=тучу), изъ-подъ его коры брызнула кровь (=дождь <sup>4)</sup>). Въ Метаморфозахъ Овидія какъ скоро совершается превращеніе въ дерево — это послѣднее получаетъ даръ слова и чувство боли. Сестры Фаэтона, грустя и

<sup>1)</sup> Малор. лит. сборн., 229, 236-7; О. З. 1860, V, 122; Металиск., 286; Объ истор. зн. нар. пов., 58-59 (невѣстка обращается въ тополь или рябину). — <sup>2)</sup> Prostonar. česke písně a říkadla, 466-7. — <sup>3)</sup> Beitrage zur D. Myth., II, 241; см. также Germ. Mythen, 474-5. — <sup>4)</sup> Черты литов. нар., 125-6.

шача по немъ, превратились въ лиственницы. Несчастная мать снѣзнить къ нимъ за помощь, пробуетъ сорвать кору съ ихъ тѣла, молодыя вѣтви съ ихъ рукъ; но изъ коры и надломленныхъ вѣтокъ падаютъ кровавыя капли. «Пощади, маты! просятъ онѣ, ты не кору срываешь, а тѣло». Съ той поры текутъ съ лиственницъ слезы, и сгустившись, образуютъ янтарь. Существуютъ еще на Украинѣ поэтическія сказанія: какъ дѣвица долго грустила по своемъ женихѣ, каждый день приходила на высокій курганъ высматривать—не ѣдетъ ли онъ изъ чужбины? и наконецъ съ горя превратилась въ тополь; какъ убѣждалъ казакъ съ своей милою, да нигдѣ не могъ съ нею обвѣнчаться, и сталъ казакъ въ полѣ тѣрномъ, а дѣвица — калиною:

Выйшла сынова мати того тѣрну рвати,

Давчинина мати калины ломати.

„Се-жъ не терночокъ — се-жъ мій сыночокъ!“

„Се-жъ не калина — се-жъ моя дитина!“

Есть червонорусская пѣсня, какъ злая мать проклинала своего сына; сѣлъ сынъ на коня, выѣхалъ въ поле, самъ оборотился зеленымъ иворомъ, а конь—бѣлымъ камнемъ. Всплакала мать по сыну, пошла выглядать его въ чистое поле; на ту пору собрались тучи, и укрылась она отъ дождя подъ стѣною тѣнистаго явора; начали кусать ее мошки, и сломила она вѣтку, чтобы было чѣмъ отмахиваться. — Эй мати, мати! провѣщалъ ей яворъ:

Не дала есь ми въ сѣли кистати.

Еще ми не дашъ въ полюю стати.

Билый камінець — мій сивій коничокъ,

Зелене листья — мое одиця,

Дрибни прутки — мои пальчики.“<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Малор. лит. сборн., 232—3, 235—7; Ч. О. И. и Д. 1866, III, 712—3; Общ. истор. зн. нар. позн., 46, 51—52; Вѣст. Р. Г. О. 1852, I, 21—22, ст. Срезнев.; Костомар. С. М., 64—66; Метлинск., 290—1; Пѣсни разн. нар. Берга, 24.

Слово заклітія равносильно здѣсь чарамъ колдовства. Превращеніе сказочныхъ героевъ и героинь въ зѣтриныя, пернатые и растительные образы народныхъ повѣрья приписываютъ колдунамъ, вѣдьмамъ и нечистымъ духамъ. Такъ нѣмецкія сказки упоминаютъ о превращеніи вѣдьмою людей въ деревья и цвѣты <sup>1)</sup>; а русская сказка говоритъ о прекрасной царевнѣ, превращенной чортомъ въ березу: когда явился избавитель и началъ отчитывать красавицу—въ первую ночь она выступила изъ древесной коры по груди, во вторую ночь—по поясъ, а въ третью совсѣмъ освободилась отъ злаго очарованія <sup>2)</sup>. Это свидѣтельствуетъ о связи приведенныхъ нами пѣсень съ сказками о «заклятыхъ» царевичахъ и царевнахъ; въ основѣ тѣхъ и другихъ скрывается мифъ о злой демонической силѣ (вѣдьмѣ-мачихѣ), которая разрываетъ любовный союзъ бога-громовника съ облачною дѣвою и творитъ изъ нихъ оборотней. Любопытны литовскія преданія о вербѣ и ели. Въ древнія времена жила въ Литвѣ Блинда — жена, одаренная изумительнымъ плодородіемъ; она рождала дѣтей съ необычайной легкостью и не только изъ чрева, но даже изъ рукъ, ногъ, головы и другихъ частей тѣла. Земля, самая плодovitая изъ матерей, позавидовала ей, и когда Блинда шла однажды лугомъ — ноги ея вдругъ погрузились въ болотистую топь и земля такъ крѣпко охватила ихъ, что бѣдная женщина не могла двинуться съ мѣста, и тутъ-же обратилась

---

<sup>1)</sup> Сказ. Грим., 123, 260: три женщины были превращены въ цвѣты и красовались въ полѣ; одна изъ нихъ явилась ночью домою и передъ разсвѣтомъ, когда слѣдовало ей удалиться въ поле, снова принять видъ цвѣтка, сказала своему мужу: «если ты сегодня выйдешь по утру и сорвешь меня, то я буду избавлена и останусь съ тобою!» Въ три цвѣтка были совершенно-сходны; какъ-же узналъ ее мужъ? Очень просто: такъ какъ ночью она была домою, а не въ полѣ, то роса пала только на два цвѣтка, а на третій—нѣтъ; поэтому и узналъ ее мужъ.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VII, 34.

въ вербу <sup>1)</sup>. Этому дереву приписывается благодатное вліяніе на чадородіе женъ; по словамъ Нарбута, крестьянки приходили къ вербѣ и возсылали къ ней молебны о дарованіи имъ дѣтей. Извѣстно, что верба легко разводится не только отъ корня, но и отъ срубленныхъ и вбитыхъ въ землю кольевъ; вотъ по чему славяно-литовское племя сочетало съ вербою мнѣшеское представленіе о плодоносномъ деревѣ-тучѣ (см. стр. 390); въ это дерево и превращается облачная жена. Егле (ель), по рассказамъ литовцевъ, была нѣкогда чудной красавицей; посватался за нее ужъ (Жалтисъ) и въ случаѣ отказа угрожалъ людямъ засухою, наводненіемъ, голодомъ и моромъ. Рѣшились отдать ее, привезли къ озеру, а оттуда выходитъ не страшный гадъ, а прекрасный юноша — водяной богъ (змѣй, владыка дождевыхъ источниковъ). Пять лѣтъ живутъ они счастливо; но вотъ братья красавицы улучили минуту, вызвали изъ воды ужа и разсѣкли его на части — и предалась Егле сильной, неутѣшной горести (—смерть змѣя-тучи, гибнущаго подъ ударами грозы, вызываетъ печальные стоны вѣтровъ и обильныя слезы дождя). Боги сжалялись надъ нею и превратили несчастную въ ель, дочь ея въ осину, а сыновей въ дубъ и ясень <sup>2)</sup>.

О цвѣткѣ «Иванъ да Марья», извѣстномъ на Украинѣ подъ именемъ: «братъ съ сестрою» (*melampyrum nemorosum*) народная пѣсня сообщаетъ слѣдующее преданіе: поѣхалъ добрый молодецъ на чужую сторону, женился и сталъ распра-

<sup>1)</sup> Черты литов. нар., 74; Семенск., 144; Иллюстр. 1848, № 28. На Украинѣ утверждаютъ, что не должно купаться до вешняго Николы (9 мая); не то «зъ человека верба виросте» (Номис., 10). —

<sup>2)</sup> Черты литов. нар., 70—72; сравни съ малороссійскимъ преданіемъ, напечатаннымъ въ Занислахъ о южн. Руси (II, 33—34): дѣвица, выданная за ужа, превращается въ крапиву, дочь ея въ кукушку, а сынъ въ соловья.



шивать молодую жену о родѣ и племени, и узнаеть въ ней свою родную сестру. Тогда говорить сестра брату:

„Ходимъ, брате, до бору,  
Станемъ зылемъ-травою:  
Ой, ты станешь жовтый цвѣтъ,  
А я стану синій цвѣтъ.  
Хто цвѣточка увире,  
Сестру з' братомъ зпомяне!“ <sup>1)</sup>

Названіе «Иванъ да Марья» указываетъ на связь этого цвѣтка съ древнѣйшимъ мнѣніемъ о Перуновомъ цвѣтѣ и съ преданіями о богѣ-громовникѣ и дѣвѣ-громовницѣ, которыхъ въ христіанскую эпоху заступили Іоаннъ Креститель и Дѣва Марія. О василькѣ (*osutum basilicum*) существуетъ разсказъ, что нѣкогда это былъ молодой и красивый юноша, котораго заманила русалка на Троицынъ день въ поле, защекотала и превратила въ цвѣтокъ. Юношу звали Василь, и имя это (по мнѣнію народа) перешло и на самой цвѣтокъ <sup>2)</sup>. *Materi douška* (рус. маткина душка — *viola odorata*), по чешскому повѣрью, есть превращенная въ растеніе душа одной матери, которая, горя о своихъ осиротѣвшихъ дѣтахъ, вышла изъ могилы и распустилась цвѣткомъ <sup>3)</sup>. О крапивѣ на Руси разсказываютъ, что въ нее превратилась злая сестра <sup>4)</sup>; это—обломокъ того поэтического сказанія, которое передаетъ намъ сербская пѣсня: у Павла была любимая сестра Олѣнушка; молодая Павлова жена зарѣзала сперва воронаго коня, потомъ сизаго сокола, наконецъ собственнаго ребенка, и все оговаривала Олѣнушку. Павелъ взялъ сестру за бѣлыя руки, вывелъ въ поле, привязалъ къ конскимъ хвостамъ и погналъ коней по широкому раздолю: гдѣ кровь землю оросила—

<sup>1)</sup> Маркевич., 87—88; Малор. лит. сборн., 234—5.— <sup>2)</sup> Маркевич., 86; Объ истор. зн. нар. поэм., 35.— <sup>3)</sup> Громаничъ, 93; Толков. Слов., I, 450 — <sup>4)</sup> Объ истор. зн. нар. поэм., 39.

тамъ выросли цвѣты пахучіе смирнѣе (*gnaphatium ageratum*) и босилѣ (василекъ), гдѣ сама упала — тамъ церковь создадася. Спустя малое время разболѣлась молодница Павлова; лежала она девять лѣтъ, сквозь костей трава проросла, въ той травѣ такъ и кишатъ лютыя змѣи и пьютъ ей очи. Проситъ она, чтобъ повели ее къ золотникой церкви; повели ее, но напрасно — не обрѣла она тутъ прощенія, и стала молить мужа, чтобъ привязалъ ее къ лошадинымъ хвостамъ. Павелъ исполнилъ ея просьбу и погналъ ковей по полю: гдѣ кровь пролилася — тамъ выросла крапива съ терновникомъ, гдѣ сама упала — тамъ озеро стало <sup>1)</sup>. По ученію раскольниковъ, очевидно возникшему подъ вліяніемъ древне-языческихъ воззрѣній, хмѣль и табакъ произрасли на могилахъ знаменитой блудницы: хмѣль въ ея головы, а табакъ изъ чрева <sup>2)</sup>. Рассказываютъ еще, что у царя Ирода была нечестивая дочь, которая повязалась со псомъ; Иродъ приказалъ заколотъ ихъ, послѣ чего отъ половыхъ органовъ пса родился картофель, а отъ блудницы — табакъ <sup>3)</sup>. Иродіада — облачная жена (см. I, 329), есть — зооморфическое представленіе демона грозовой бури. Малорусская легенда изображаетъ души усопшихъ въ видѣ растушихъ на деревѣ яблокъ (сравни выше стр. 490). Былъ

---

<sup>1)</sup> Срн. н. пѣснѣ, II, 14—18. — <sup>2)</sup> Иллюстр. 1846, 332; Статист. опис. саратов. губ., I, 62—63. Мнѣніе это занесено и въ рукописныя поучительныя сочиненія старообрядцевъ — Пам. стар. рус. литер., II, 427—434. — <sup>3)</sup> Москв. 1848, VIII, 52; Пузны, 167. Картофель называютъ чортовыми яблоками и въ некоторыхъ деревняхъ считаютъ за грѣхъ употребить его въ пищу. По другимъ разсказанъ, картофель народился отъ табачныхъ сѣмянъ или отъ дьявольской слюны — въ то время, когда нечистый плюнулъ съ досады, что не удалось ему соблазнить Христа. Принесенный въ избу картофель подымаетъ въ ней нечистую пляску — Москв. 1844, XII, 44.

гайдамака, долго грабилъ онъ народъ, убивалъ стараго в налаго, а послѣ одумался и тридцать лѣтъ провелъ въ покаяніи— и вотъ выросла яблоня, а на ней все серебряныя яблоки, да два золотыхъ. Пріѣхалъ священникъ, сталъ его исповѣдывать, и послѣ исповѣди велѣлъ трести яблоню; серебряныя яблоки осыпались, а золотыя удержались на деревѣ. «Оче-жъ твои два грѣхи висятъ (сказалъ священникъ), що ти отця й матиръ убивъ!» Всѣ убійства были прощены разбойнику, а эти два остались неразрѣшенными. Легенда о гайдамакѣ извѣстна и въ Бѣлоруссіи, Польшѣ и Литвѣ; но по тамошнимъ редакціямъ покаяніе грѣшника не остается неуслышаннымъ. Когда разбойникъ сталъ исповѣдываться въ совершенныхъ имъ убійствахъ, яблоки одно за другимъ срывались съ дерева, превращались въ голубей (о душахъ-птицахъ см. гл. XXIV) и уносились на небо <sup>1)</sup>. Съ искусствомъ гениальнаго художника воспользовался Дантъ этимъ древнѣйшимъ вѣрованіемъ о переходѣ душъ въ царство растительное; самоубійцы изображены имъ въ «Божественной комедіи», какъ дикій, непроходимый лѣсъ изъ согнутыхъ и скорченныхъ деревьевъ; когда поэтъ сломилъ съ одного дерева вѣтку, оно облилось кровью и простонало: «за что ломаешь? зачѣмъ умножаешь мѣру? или не вѣдаешь никакой жалости!» <sup>2)</sup> Какъ существа стихійныя, пребывающія въ царствѣ свѣтлаго неба и грозовыхъ тучъ, эльфы—души нисходили на землю въ ясныхъ лучахъ солнца и въ благодатномъ сѣмени дождя, и творили земное плодородіе; поэтому всѣ растенія и злаки разсматривались, какъ ихъ искусная работа, или какъ самые эльфы, облекшіеся въ зеленую одежду.

<sup>1)</sup> Н. Р. Лег., 28, а и стр. 177—180.— <sup>2)</sup> „Адъ“ въ переводѣ Мина, 103—5.

## XX.

### ЗМѢЙ.

Въ области баснословныхъ преданій одна изъ главнѣйшихъ ролей принадлежитъ огненному, летучему змѣю. Значеніе этого змѣя весьма знаменательно; оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самыми основными религіозными представленіями арійскихъ племенъ. Народныя повѣрья приписываютъ змѣю демонскія свойства, богатырскую силу, знаніе цѣлебныхъ травъ, обладаніе несмѣтными богатствами и живой волю, надѣляютъ его способностью измѣнять свой страшный, чудовищный образъ на увлекательную красоту юноши, заставляютъ его тревожить сердца молодыхъ женъ и дѣвъ, пробуждать въ красавицахъ томительное чувство любви и вступать съ ними въ беззаконныя связи. Въ этой обстановкѣ уже замѣчается долгая работа ума и воображенія. Здѣсь сведены во едино различныя поэтическія представленія, въ которыхъ древній человѣкъ любилъ живописать небесныя тучи и грозы; приступая къ анализу этихъ представленій, сочетавшихся съ идеомъ огненного змѣя, прежде всего необходимо задаться вопросомъ, что послужило для него первообразомъ въ видимой природѣ?

Въ огненномъ змѣѣ народная фантазія, создающая мифическіе образы не иначе, какъ на основаніи сходства и аналогіи ихъ съ дѣйствительными явленіями, олицетворяла молнію,

прихотливый извивъ которой напоминалъ воображенію скользящую по землѣ змѣю, а равно — воздушные метеоры и падающія звѣзды, которые младенчески-неразвитому народу, ради производимого ими на глазъ впечатлѣнія, казались тождественными съ сверкающей молніей <sup>1)</sup>). Всѣ эти естественныя явленія, быстро-мелькающія въ небесныхъ пространствахъ свѣтлыми, пламенными полосами, для предковъ нашихъ представляли близкое подобіе легучаго и рассыпающагося въ искрахъ огненнаго змѣя. Еще теперь простолюдинъ считаетъ падающія звѣзды и метеоры за огненныхъ змѣевъ <sup>2)</sup>; въ старину же взглядъ этотъ былъ общепринятымъ, какъ видно изъ лѣтописныхъ и другихъ памятниковъ. Подъ 1028 годомъ лѣтописецъ говоритъ: «знаменіе явися змѣею на небесѣхъ, яко видѣти всей землѣ»; подъ 1091 годомъ: «спадѣ превеликъ змій отъ небесе — ужасошася вси людье»; 1144 года: «бысть знаменіе за Днѣпромъ въ кievьской волости: летящую по небеси до земля яко кругу огнену, и остася по слѣду его знаменіе въ образѣ змѣя великаго, и стоя по небу съ часъ дневный и разидеся»; 1556 года: «бысть знаменіе — того мѣста, гдѣ звѣзда была на небеси, явися яко змій образомъ, безъ главы стояше... ино яко хоботъ хвостъ сбירהше, и бысть яко бочка и спадѣ на землю огнемъ, и бысть яко дымъ по землѣ <sup>3)</sup>). Въ отпискахъ 1662 — 3 годовъ о метеорахъ, видѣнныхъ въ бѣлозерскомъ уѣздѣ, читаемъ: «явися, аки звѣзда великая,

<sup>1)</sup> О молніеносной Аеннѣ сказано въ Иліадѣ (IV, 74—75), что она бурю помчалась, „съ Олимпа высокаго бросаея, словно въ звѣздѣ.“ По сказанію Эдды, звѣзды суть огненные искры, которыя въ началѣ вѣковъ излетѣли изъ Muspellsheim'a и до тѣхъ поръ носились по воздушнымъ пространствамъ, пока боги не опредѣлили имъ мѣста и движенія — D. Myth., 685 — <sup>2)</sup> Записки Андзев., 148—9; Абев., 202; Владимъ Г. В. 1844, 52; Украин. Мелодія Маркевича, 150; Вѣст. Евр. 1829, XXIV, 254; Сахаров., II, 63 — <sup>3)</sup> П. С. Р. Д., I, 92; II, 19; III, 121; IV, 309.

иноматися по небу (съ) скоростію, яко молнія, и небу раздвоятися, и протяжеса по небу яко змії, голова во огни и хоботъ — и стояло съ полчаса»; «сталъ яко облакъ мутенъ, и протяжеса отъ него по небу яко змії великій, голова во огни, и пошелъ изъ него дымъ, и учалъ въ немъ быть шумъ, яко громъ» <sup>1)</sup>). Сравнивая метеоръ съ катящеюся звѣздою, молніею и зміемъ, авторъ отписки невольно подчинился указаніямъ стариннаго эпископскаго языка. У грековъ ἑλίξ означаетъ и молнію, и змію; иѣмецкій языкъ допускаетъ выраженіе: «schlängelt sich der blitz» — зміється (извивается) молнія <sup>2)</sup>, и донинѣ, увидя сверкающую молнію, крестьяне говорятъ: «was für eine prächtige Schlange ist das!» Такое уподобленіе до того просто и естественно, что оно само собою возникало въ умѣ наблюдателя и встрѣчается не только у племенъ индоевропейскихъ, но и въ сказаніяхъ другихъ народовъ; такъ сѣверо-американскіе индѣйцы называютъ громъ «шипѣніемъ большой зміи» <sup>3)</sup>, а татары признаютъ молнію спадающимъ съ неба огненнымъ зміемъ <sup>4)</sup>. Позабывъ о мифическихъ зміяхъ-молніяхъ, чехи думаютъ, что обыкновенныя зміи ниспали съ неба на землю, вмѣстѣ съ низверженными оттуда ангелами <sup>5)</sup>, т. е. грозowymi духами (см. гл. XXII); въ Малороссіи за такихъ низверженныхъ ангеловъ принимаются падающія звѣзды.

Молнія — неразлучная спутница темной тучи; она нарождается изъ ея нѣдръ и въ гимнахъ Ригъ-Веды называется ея дѣтищемъ <sup>6)</sup>. Это повело къ разширенію понятія о небесной зміѣ, къ сочетанію съ ея именемъ не одной только молніи, но и вообще громовой тучи. Въ народныхъ преданіяхъ зміѣ выступаетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ значеніемъ, и даже въ

<sup>1)</sup> Ал. Ист., IV, 170. — <sup>2)</sup> Der Ursprung der Myth., 26. — <sup>3)</sup> Die Götterwelt, 102. — <sup>4)</sup> Ист. Росс. Соловьева, III, 179. — <sup>5)</sup> Громаниъ, 79. — <sup>6)</sup> Orient und Occid., ст. Бюллера, 224.

большинствѣ эпическихъ сказаній онъ—представитель гроно-  
носныхъ облаковъ; вмѣстѣ съ этимъ ему придаются тѣ испо-  
линскія фантастическія формы и тотъ демоническій характеръ,  
какіе издревле соединялись съ мрачными тучами, неприми-  
римыми врагами бога-громовника. Въ гимнахъ Ригъ-Веды  
хотя и встрѣчаются указанія на представленіе молній змѣями,  
напримѣръ въ слѣдующемъ воззваніи: «да обрадуютъ утомлен-  
ный скотъ щедро-дарующіе колодцы и змѣи (=дождевыя  
тучи и молніи), да низпошлютъ землѣ дождь отъ облаковъ,  
гонимыхъ Марутами»<sup>1)</sup>; но преимущественно змѣй при-  
нимается за воплощеніе тученоснаго демона Вритры, съ кото-  
рымъ сражается громовержецъ Индра. Священныя пѣсни на-  
зываютъ Вритру — *Ahi*. Санскр. *ahi*, *ahina*, бенг. *ohi* —  
змѣя; въ Zendской вѣтви *ahi*, согласно съ законами измѣненія  
звуковъ, переходитъ въ *azi* или *aji* (аджи), арм. *ij* и *ôdz*;  
въ старо-славянскомъ языкѣ соответствующая форма — *ажь*  
(=анжь, ужь), польск. *wąż*—змѣя<sup>2)</sup>; греч. *ἔχis*, *ἔχιδνα*.  
лат. *anguis*, литов. *angis*, сканд. *öglir* — ужь, др.-вѣ-  
нск. — змѣй, *unko* — ужь и змѣй. Слова эти имѣютъ въ  
санскритѣ корень *ah* или *ah* (*съ носовымъ звукомъ*) — сжи-  
мать, душить, сдавливать, что указываетъ въ змѣѣ страшнаго  
гада, который опутываетъ (связываетъ) свою добычу коль-  
цами, сжимаетъ и душитъ ее; сравни: санскр. *amhu*—тѣсный,  
греч. *ἀγχω* и лат. *ango* — давить, душить, *angina* — жѣба,  
удушающая горловая опухоль, *angustus* — узкій, тѣсный,  
литов. *anksztiis* и готск. *aggvus* — съ тѣмъ-же значеніемъ,  
нипр. *angu* — обнимать, заключать, слав. *ажо* — *сатла*,  
*жвѣ*, *вжѣ*, пол. *wiąz* — *vinculum*, *жзѣти* — стѣснять  
(вязати, *wiązać*), *жзлѣ* (*węzel*), узкой (*wązki*). Отъ

<sup>1)</sup> Ibid., 220. — <sup>2)</sup> W—неорганическое; сравни *жгль* (уголь)—  
пол. *wągl*, *жгль* (уголь)—пол. *węgiel*, *жгрь* (угорь)—  
пол. *węgorz*.

того-же корня образовались и слова для обозначенія давящей тоски, страха и бѣдствія: санскр. *an has*—печаль, несчастье, грѣхъ, перс. *azidan* — беспокоить, печалить, греч. *ἄχω* — тоже, лат. *angor*—удушеніе и печаль, огорченіе, *anxius* — боязливый, опечаленный, готс. *agan*—бояться, *agis*—страхъ, *aggritha*—*angst*, нрл. *agh* — страшиться, *ang, ing* — опасность, бѣда, наконецъ русск. ужасъ <sup>1)</sup>). Змѣй-Вритра окутываетъ небо мрачными покровами, и запирая дождь въ своихъ облачныхъ горахъ, не пускаетъ его на жаждущую землю — до тѣхъ поръ, пока горы эти не будутъ отомкнуты молніей Индры. Потому онъ называется разбойникомъ, похитителемъ небесныхъ коровъ и укрывателемъ водныхъ источниковъ; другія имена, даваемые Вритрѣ: *Ḍushpa* — изсушающій и *Kuṇaḥa* — производящій безплодіе, ибо онъ запрятываетъ, таятъ божественную сому (= живую воду дождя) и тѣмъ самымъ порождаетъ на землѣ засуху и неурожай <sup>2)</sup>). «О Индра! вызываетъ священная пѣсня, ты могущественно гонишь змѣю изъ сего міра, просвѣтляя собственное царство. Опьяненный сомою, ты поражаешь Вритру въ голову своей громовой палицею и проливаешь бурно-шумящіе потоки. И небо, и земля содрогаются въ страхъ отъ твоего гнѣва! По свидѣтельству другихъ гимновъ, Индра бросается на злаго, бѣшеннаго Вритру, возлежащаго на горахъ, разбиваетъ его на части сильными ударами громовой палицы и низвергаетъ долу въ стремительномъ разливѣ водъ. Итакъ въ индѣйской мифологіи въ образѣ змѣи олицетворяются большія, скученныя массы облаковъ; но иногда *ahi* употребляется во множественномъ числѣ и служить указавіемъ на олицетвореніе тучъ многими змѣями <sup>3)</sup>). Мнѣ о борьбѣ бога-громовника съ змѣемъ сохра-

<sup>1)</sup> Пикте, I, 499—501; Лекціи о языкѣ М. Мюллера, 291—2 —

<sup>2)</sup> Кушъ, 99—100, 151—2.— <sup>3)</sup> Orient und Occid., Rig-Veda въ переводѣ Бенкса, 1863, I, 46—48; II, 238—9, 248.



иетъ и Авеста, съ тѣмъ однако различіемъ, что здѣсь мѣсто Индры, назведеннаго древними персами на степень существа злаго, заступаетъ Траэаонъ, который сражается съ Аji dahâka (змѣемъ-разрушителемъ, перс. ajdahâ, серб. аждаха, аждава, аждаја <sup>1)</sup>). По ученію персовъ, Ариманъ, злобный представитель мрака, сражаясь съ Ормуздомъ (божествомъ свѣта и всякихъ благъ), прыгнувъ на землю въ видѣ змѣи (т. е. въ видѣ ниспадающей молніи), проникъ до самаго центра, вошелъ во всѣ земныя созданія и самый огонь осквернилъ копотью и дымомъ. Битвы съ нимъ нескончаемы, такъ какъ послѣ cadaго пораженія онъ снова возникаетъ въ парахъ и туманахъ и потрясаетъ міръ грозой. Греческій змѣеголовый Тифонъ есть воплощеніе грозовой тучи; даже въ историческую эпоху греки обозначали этимъ именемъ сгущенныя массы облаковъ, бурные вихри и крутящіяся смерчи: «coelum atrum et fumigantes globi et figurae quaedam nubium metuendae, quas τυφῶνας vocabant, impendere imminereque ac depressurae navem videbantur» <sup>2)</sup>). Смерчъ въ старинныхъ нашихъ словаряхъ толкуется: «оболокъ, который съ веба спустившися, воду съ моря смочетъ» (I, 357). Τυφῶν или Τυφῶεῖς (caroginus), наполняющій воздухъ парами в душнымъ зноемъ, есть сынъ Тартара (грозового демона) и матери-Земли, ибо образуется изъ земныхъ испареній, или сынъ, порожденный небесной богиней Герою. Гезіодъ въ своей «Теогоніи» говоритъ о Тифонѣ, что у него на плечахъ вращаются сто драконовыхъ головъ, дышащихъ пламенемъ и издающихъ громкіе звуки, подобные реву льва, мычанію быка, вою собаки и свисту пущенныхъ стрѣлъ (—метафоры грома и завываю-

<sup>1)</sup> У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 2-й, 27; Срп. рјечник. 2.— <sup>2)</sup> Переводъ: черное небо и дымящіяся парами, страшныя по своимъ формамъ массы облаковъ, которыхъ называютъ тифонами, казалось грозили подавить корабль.

шей бури), что отъ него произошли буйные вѣтры, несущіе людѣ и опустошеніе нивамъ. Рядомъ съ этимъ мужскимъ олицетвореніемъ выступаетъ и женское, какъ супруга Тифона — Эхидна, которая изображалась на половину женщиной, на половину чудовищной змѣею. Отъ этой четы произошли мѣзѣиныя существа: Горго, отецъ змѣевласыхъ Горгонъ <sup>1)</sup>, гесперидскій драконъ, лернейская гидра и друг. Къ той-же породѣ принадлежать и гиганты — великаны, у которыхъ вмѣсто ногъ были змѣиные хвосты; имѣя большія крылья, они двигались съ быстротою молніи. Гиганты <sup>2)</sup> порождены Землею изъ капель Урановой крови, т. е. изъ пролитыхъ небомъ дождей. Въ этихъ преданіяхъ о рожденіи облачныхъ великановъ и змѣй матерью Землею сочетались два представленія: съ одной стороны облака образуются изъ паровъ, поднимающихся съ увлажненной земли; а съ другой, надвигаясь на небесный сводъ съ краевъ горизонта, они кажутся какъ-бы исходящими изъ-подъ земли, рождающимися изъ ея материнскихъ вѣдръ. Самъ Тифонъ называется гигантомъ, и слѣдовательно стоитъ съ ними въ ближайшемъ родствѣ. По словамъ Аполлодора, онъ былъ громадный исполинъ, головой своею достигалъ звѣздъ, а простертыми руками касался солнечнаго восхода и заката; извергая клубы огня, издавая страшное шипѣніе, онъ бросалъ на небо камни и вызывалъ боговъ на битву. Зевсъ, говоритъ Гезіодъ, бросилъ въ него молніи, и низверженный Тифонъ упалъ въ преисподніе вертепы тартара <sup>3)</sup>. Преданіе

---

<sup>1)</sup> Одна изъ нихъ была убита Персеемъ, сыномъ Зевса; подвигъ этотъ совершонъ имъ съ помощью окрыленныхъ сандалій и шлема-невидимки—признаки, указывающіе въ немъ громовинна. — <sup>2)</sup> Γίγας отъ γῆς, т. е. γῆ (земли), какъ γένεσις отъ γένε—Griech. Myth. Преллера, I, 57. — <sup>3)</sup> Der Ursprung der Myth., 30—37, 50, 96—97. Тоже значеніе имѣетъ и битва Аполлона съ Писеомъ. Такъ какъ орелъ признавался посылателемъ молній, то отсюда произошло

о битвахъ бога-громовника съ змѣями составляетъ общее состояніе всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; оно послужило матеріаломъ, изъ котораго создались многочисленныя поэтическія сказанія. Народный эпосъ въ сагахъ, сказкахъ и пѣсняхъ часто любитъ обращаться къ этому мифическому событію и воспѣваетъ его въ разнообразной обстановкѣ, съ тѣми или иными отбѣнами и добавленіями, вызванными мѣстными и историческими условіями; тѣмъ не менѣе однако варіаціи эти удерживаютъ яркія черты взаимнаго сходства и несомнѣнной древности. На обязанности богатырей и героевъ, заступающихъ въ народномъ эпосѣ мѣсто позабытаго громовержца, лежитъ трудная задача побивать чудовищныхъ змѣевъ. Гераклъ еще въ колыбели задушилъ двухъ громаднхъ змѣй, и впоследствии, когда возмужалъ, долженъ былъ сражаться съ драконами; у племенъ германской отрасли Зигмундъ, Зигфридъ и Беовульфъ были храбрые побѣдители драконовъ; нашъ Добрыня и другіе сказочные богатыри славятся тѣмъ-же подвигомъ. Въ тамбовской губ. поселяне толкуютъ, что во время грозы летаютъ огненные змѣи и, подобно дьяволу, стараются спрятаться отъ громоваго удара; но Богъ преслѣдуетъ ихъ своими мѣткими стрѣлами, и если случится, что змѣя будетъ пораженъ возлѣ какого-нибудь зданія, то оно непременно загорается отъ изліянія и брызговъ змѣиной крови. Въ другихъ мѣстахъ рассказываютъ, что нечистые духи, преслѣдуемые стрѣлами Ильи-пророка, скрываются въ гадовъ, т. е. превращаются въ змѣй. Одинъ изъ старинныхъ памятниковъ возстаетъ противъ мнѣнія суевѣровъ, будто Ілья-пророкъ «пускаетъ по облакамъ молніи и гонитъ змѣя» (I, 472). Въ апокрифической бесѣдѣ Панагіота съ ерзяниномъ Азиминомъ<sup>1)</sup>.

вѣрованіе, признающее птицу эту непримиримымъ врагомъ и истребителемъ змѣй.— <sup>1)</sup> Рукопись XVI в. волошскаго письма, съ юсами—Ист. очер. рус. слов., I, 501.

при объясненіи: отчего бываетъ гроза? — сказано: «девять ангеловъ, обравшихся на небеси, радуются о славѣ божественной и трепещутъ своими крыльями, и отъ ударенія крыльями облака идутъ по аеру, гремѣть и дождятъ; а отъ силы ангельской исходитъ огонь и молнія съ великимъ громомъ на проклятаго змѣя» (сравни, т. I, 263). По чешскому повѣрью: кто владѣеть дубинкою, которою на вешній Юрьевъ день убита змѣя, тотъ непобѣдимъ въ сраженіяхъ <sup>1)</sup>; дубинка эта есть громовая палица, которою Перунъ, или вмѣсто его Георгій-побѣдоносецъ, разить змѣя при началѣ благодатной весны. Змѣй тотчасъ лопається, если бросить въ него ножъ или огниво (=молнію).

О тождествѣ змѣя съ грозовою тучею преданія и повѣрья представляютъ самыя наглядныя свидѣтельства, не позволяющія сомнѣваться, что между тѣмъ и другою существуетъ самое близкое соотношеніе. Народная загадка: «готовило-кособило <sup>2)</sup> по поднебесью ходило, вѣтъ устрашило» или: «шило-готовило подъ небеса подходило, по ниточкѣ говорило» разгадывается двоякимъ образомъ: и громъ, и змѣй <sup>3)</sup>. Готовило—снрядъ для размотки пряжи; такъ какъ старинный метафорическій языкъ уподоблялъ клубящіяся облака и тучи спутавной, косматой пряжѣ (см. гл. XXIII), то громовая стрѣла, заостренная какъ игла или шило, казалась именно тѣмъ орудіемъ, которымъ Перунъ разматываетъ небесную пряжу (т. е. разсѣваетъ тучи). «По ниточкѣ говорило» — выраженіе, указывающее на раскаты грома, которыми сопровождается эта работа: громъ=Перуново слово. Очевидно, что приведенная загадка, служа для обозначенія змѣя, имѣетъ въ виду не обыкновеннаго, земнаго гада, а мифическаго или молніеносна-

<sup>1)</sup> Громаниъ, 80. — <sup>2)</sup> Вар. готовило — <sup>3)</sup> Эти Сб., VI, 50, 60; Сахаровъ, I, 101.

го змѣя <sup>1)</sup>). Изъ самаго названія: «змѣй огненный» уже несомнѣнна связь его съ грозовымъ пламенемъ; въ Эльзасѣ называютъ дракона *der feurige drache*, въ Германіи—*glüschwanz*; по мнѣнію нѣмцевъ, онъ является на небѣ красною или синею полосою <sup>2)</sup>). На тоже указываютъ и русскія поварья: змѣй, говорятъ крестьяне, летитъ по поднебесью въ видѣ огненного шара и разсыпается искрами, словно горячее желѣзо, когда его куютъ молотомъ; по другимъ показаніямъ, онъ несется чернымъ клубомъ, а изъ раскрытой пасти его валитъ дымъ и пламя—представленіе, прямо снятое съ природы: черная туча въ полетѣ своемъ по воздушнымъ пространствамъ клубится подобными дыму парамъ и дышетъ огнемъ, т. е. вмѣстѣ съ вихрями выдыхаетъ изъ себя и грозвое пламя. Это эпическое выраженіе сопровождаетъ и всѣ другія животненныя олицетворенія громоваго облака; такъ о конѣ-тучѣ говорится, что изо рта и ноздрей его огонь вылетаетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ. Въ народныхъ былинахъ встрѣчаемъ «лютяго звѣря» Горыныча. Купался Добрыня въ рѣкѣ;

Какъ въ тую пору, въ то время  
Взтра нѣтъ — тучу наднесло,  
Тучи нѣтъ — а только дождь дождятъ,  
Дождя нѣтъ — искры сыплются:  
Летитъ змѣище-Горыныще,  
О двѣнадцати змѣя хоботахъ.

Хочетъ онъ Добрыню огнемъ спалить, хоботомъ ушибить, но богатырь осилилъ и убилъ чудовище; много вытекло крови змѣиной, трое сутокъ стоитъ въ ней Добрыня, не знаетъ—какъ выбраться, и слышится ему гласъ съ небеси:

<sup>1)</sup> По сходству паровъ и тумановъ, образующихъ тучи, съ дымомъ, объ этомъ послѣднемъ народная загадка выражается: «Умowo мотовило водъ небеса уходило»—Толков. Слов., I, 946.—  
<sup>2)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 339—340.

Ты бей копьемъ о сыру землю,  
 Самъ къ коню приговаривай:  
 Разступись-ко матушка-сыра земля!  
 На четыре разступись на четверти,  
 Пожри-ко всю кровь змѣиную.

Послушался богатырь гласа небеснаго, я какъ сказано—такъ и сталося: пожрала мать-сыра земля кровь змѣиную <sup>1)</sup>. Пролитая змѣемъ и пожираемая землею кровь есть метафора дождя, который струится обильными потоками изъ тучи, разбитой ударами громовника, и наводняетъ поля и равнины. Тотъ же эпизодъ повторяется и въ стихѣ, повѣствующемъ о битвѣ Егорія Храбраго съ змѣемъ лютымъ, огненнымъ (см. I. 702, 784 — 5):

Изъ рта яво огонь-попымя,  
 Изъ ушей яво столбомъ дымъ идеть <sup>2)</sup>.

Многъ о борьбѣ съ змѣемъ связывается и съ именемъ богатыря Алеши-Поповича: пошелъ Алеша на рѣку, завидѣлъ его Тугаринъ Змѣевичъ (сынъ змѣя), заревѣлъ зычнымъ голосомъ—и дрогнула вся дубрава; почернѣлъ онъ какъ осенняя ночь, поднялся на крыльяхъ, полетѣлъ по поднебесью и закричалъ супротивнику: «хочешь — я тебя огнемъ спалю, конемъ стопчу, копьемъ убью!» Богатырь поразилъ Тугарина <sup>3)</sup>. По украинскому преданію, когда Кирило-кожемяка выступилъ противъ змѣя, послѣдній разгорѣлся огнемъ; изъ рта, ушей и глазъ его запрыгали искры, закурился дымъ и полилось синее пламя, точно изъ горнила <sup>4)</sup>. Въ Сербіи, по указанію Вука Караджича <sup>5)</sup>, «за алу (ала — баснословный змѣй) се нисли да има особиту духовну силу те лети и води облаке

<sup>1)</sup> Кирша Дан., 346—9; Рыбник., III, 61, 66. — <sup>2)</sup> Калыки Пер., II, 406, 465. — <sup>3)</sup> Кирша Дан., 183—193. — <sup>4)</sup> Москв. 1846, XI—XII, 146 и дал. — <sup>5)</sup> Сrp. рјечник, 3, 212.

и град наводи на љетину» <sup>1)</sup>. О ненасытномъ чловѣкѣ сербы говорятъ: «ало неси!» У нихъ есть поговорка: «бори се као ала с берићетомъ» — борется, какъ змѣи съ урожаемъ. «За знаја, говорятъ Караджичъ, мисли се да је као огњевит јунак, од којег а у лећењу огањ одскаче и свјетли». Сербская загадка изображаетъ огонь подъ метафорою змѣи: «два дола-суподола, међу нима змија лежи; де змија лежи, та трава не расте» (ватра међу пријекладна, т. е. огонь между двумя сторонами очага <sup>2)</sup>). Русскія сказки и пѣсни упоминаютъ о чудесной змѣѣ, которая когда ползетъ — подъ ней трава горитъ или сохнетъ <sup>3)</sup>. Преданія другихъ индоевропейскихъ народовъ ту же силу испускатъ пламя приписываютъ дракону — санскр. *ḍrgvīśha*—змѣя, животное чуткое сторожливое, всегда-озирающееся (отъ *ḍr̥ṣ-*—смотреть, видѣть), греч. *δράκων*, др.-нѣм. *draccho*, (*drache*), сканд. *dræki*, ирл. *draic*, кимр. *draig*, чешск. *drak*, литов. *drėžas*; въ греческомъ *δέρχειν*—смотреть, свѣтить, разсыпать искры (о связи понятій зрѣнія, свѣта и огня см. I, 151 <sup>4)</sup>). Драконъ летаетъ по воздуху, выдыхаетъ изъ своей пасти дымъ, пламя и бурные вихри, пожигаетъ зеленныя травы и заражаетъ воздухъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ; онъ или палитъ своего врага огнемъ или изрыгаетъ на него жгучій ядъ; чловѣкъ, котораго коснется блестящій взоръ дракона, падаетъ мертвымъ, ибо изъ глазъ его исходитъ тотъ же губительный ядъ. Слова *eit* — огонь и *eiter* — ядъ лингвистически родственны <sup>5)</sup>. И поражая змѣя, герой подвергается опасности погибнуть отъ его яду или крови, которая течетъ рѣкою изъ ранъ убитаго чудовища. Самъ богъ Торъ хотя и

<sup>1)</sup> Наводитъ градъ на нивы. — <sup>2)</sup> Слхаров., II, 109. — <sup>3)</sup> Худяк., I. стр. 135; О. З. 1951, VIII, 63. — <sup>4)</sup> Пикте, I, 503—4; D. Myth., 653—4. — <sup>5)</sup> Слав. Грим., I. стр. 368; D. Myth., 653; Beiträge zur D. Myth., II, 445; Громанъ, 36.

убиваетъ великаго змѣя въ послѣдней битвѣ асовъ съ Сурту ромъ, но тонетъ въ его отравѣ; также гибнетъ и Беовульфъ, славный герой англосаксонскаго эпоса, а Геркулесъ умираетъ отъ одежды, напитанной ядомъ умерщвленной имъ гидры: одежда эта—поэтическое представленіе громоваго облака <sup>1)</sup>). Смыслъ всѣхъ означенныхъ сказаній тотъ, что богъ-громовникъ, побѣдитель тученоснаго змѣя, самъ погибаетъ въ страшной битвѣ; сгорая въ пламени молній и утопая въ ливняхъ дождей, онъ исчезаетъ съ неба, или умираетъ вмѣстѣ съ окончаніемъ грозы (см. I, 756, 759). Рядомъ съ этими преданіями, встречаемъ другія, въ которыхъ драконовою крови, какъ метафорѣ дождя, придаются спасительныя свойства живой воды—амриты: она не только не причиняетъ герою вреда, но напротивъ сообщаетъ его тѣлу неуязвимость. Таково нѣмецкое преданіе о Зигфридѣ, дѣянія котораго совершенно-тождественны съ подвигами Зигурда, воспѣтыми Эддою. Этотъ знаменитый герой убилъ страшнаго, извергающаго пламя дракона Фафинира и трупъ его бросилъ въ огонь; твердый роговой покровъ дракона расплавился; Зигфридъ раздѣлся до нага и окунулся въ приготовленный расплавъ, но къ несчастію не замѣтилъ, что къ его спинѣ присталъ липовый листъ, и одно это мѣсто не покрылось непроницаемой роговой оболочкою: сюда-то впоследствии вонзилось вражеское копье, низложившее храбраго витязя. По другимъ свидѣтельствамъ (см. пѣснь Эдды о Зигурдѣ и повѣсти о Нибелунгахъ) герой купался въ змѣиной крови, отчего по всей его кожѣ простерлась роговая оболочка, и онъ сдѣлался неуязвимымъ, исключая небольшого мѣста между плечъ, гдѣ прилипъ древесный листъ <sup>2)</sup>). Это напоминаетъ намъ славнаго героя Илиады; мать Ахиллеса,

---

<sup>1)</sup> Сравни у М. Мюллера, 79—80.— <sup>2)</sup> Die deutsche Heldensage Вильгельма Гримма, 17, 75—76.



богиня Феттада, омыла его еще въ дѣтствѣ амброзіей, или по другому сказанію искупала въ водахъ Стикса, и чрезъ то сдѣлала его тѣло невредимымъ, кромѣ пятки, за которую держала ребенка при омовеніи; въ эту пятку и бѣлъ онъ смертельно пораженъ стрѣлою Париса; стрѣла — символъ молніи, а почему она разитъ въ пятку? — объяснено нѣже въ главѣ XXII-й. Извѣстно древнѣйшее представленіе бога-громовника и подвластныхъ ему духовъ кузнецами, работающими въ подземныхъ пещерахъ (=тучахъ); Вилькина-сага рассказываетъ о Зигурдѣ, что онъ жилъ въ ученикахъ у славнаго кузнеца Мвира, и когда тотъ, желая избавиться отъ опаснаго соперника, напустилъ на него брата своего — змѣя, Зигурдъ убилъ это чудовище. Какъ скандинавская сага приводитъ героя, передъ битвою съ дракономъ въ кузницу; такъ подобный-же эпизодъ, но еще съ болѣе древними чертами, встрѣчаемъ въ русскомъ преданіи. Молодой царевичъ убѣгаетъ отъ палящаго змѣя въ кузницу; змѣй лманулъ три раза желѣзную дверь и просадилъ насквозь свой языкъ. Тогда ииенческіе святыя ковачи схватили его за языкъ раскаленными щипцами, запрягли въ плугъ и заставили пахать землю, послѣ чего змѣй, опившись морской воды, лопнулъ. Преданіе это занесено и въ сказку объ Иванѣ Попаловѣ (значеніе имени «Попаловъ» объяснено на стр. 483), гдѣ святыя кузнецы убиваютъ гигантскую змѣиху тяжелыми молотами, т. е. змѣя-туча, опившись дождевой воды, гибнетъ подъ ударами Перунова молота; языкъ змѣя, которымъ онъ пролизываетъ желѣзныя двери кузницы, есть метафора грозового пламени (I, 560 — 1, 728).

Въ народныхъ сказаніяхъ змѣй изображается то какъ чудовищный звѣрь, то какъ великанъ. Въ грозовыхъ тучахъ фантазія древняго человека созерцала существа самодѣйствующія, признавала за ними ту же волю и тѣ же страсти, какія

приличны человѣку; а потому рядомъ съ животненными олицетвореніями тучъ, необходимо надѣляла ихъ и человѣческими формами. Вотъ почему змѣй выѣзжаетъ на битву, какъ вооруженный воинъ, на славномъ, богатырскомъ конѣ; на плечѣ у него сидитъ черный воронъ (==похититель живой воды), а позади хортъ (==собака-вѣтръ) бѣжитъ <sup>1)</sup>. Но перенося свои формы на облачный міръ, человѣкъ расширялъ ихъ до исполинскихъ размѣровъ, соответственно могуществу и громадности естественныхъ явленій. Отсюда возникли сказанія о великанахъ, къ кругу которыхъ принадлежитъ и змѣй, что до очевидности свидѣлствуется греческимъ мномъ о змѣино-хвостыхъ гигантахъ и множествомъ другихъ общегреческихъ преданій (см. гл. XXI). О Тугаринѣ Змѣевичѣ народная сказка говоритъ: былъ онъ богатырь въ вышину трехъ сажень, промежъ глазъ — калена стрѣла; пожиралъ онъ и выпивалъ также много, какъ и великаны, поѣдающіе небесныхъ коровъ и опорожняющіе цѣлыя бочки дождеваго напитка. Вглядываясь въ развитіе мифическихъ представленій, нетрудно замѣтить, что, подъ вліяніемъ метафорическаго языка и неудержимаго стремленія фантазіи олицетворять силы природы, каждое физическое явленіе въ одно и тоже время воплощалось въ нѣсколькихъ разнохарактерныхъ образахъ или принимало на себя обликъ, составившійся изъ сличенія этихъ образовъ. Огненный змѣй, армійный на небѣ пламеннымъ, искрометнымъ шаромъ, прилетая въ избу своей возлюбленной — обращается въ молодца несказанной красоты. «Есть молодые молодцы зазорливые (говоритъ устное преданіе о летучихъ змѣяхъ), которые умѣютъ прикидываться по змѣиному и по человѣческому» <sup>2)</sup>. Въ одной русской сказкѣ змѣй представляется человѣкомъ со змѣиной головою: съ виду

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., VII, 3. — <sup>2)</sup> Сахаров., II, 6, 16.

змѣй—богатырь, а голова змѣиная<sup>1)</sup>); тоже представленіе извѣстно и между поляками (см. ниже). Согласно съ тѣми прихотливо-змѣичивыми, фантастическими формами, какія принимаютъ облака въ своемъ бурномъ полетѣ по небесному своду, воображеніе народа видѣло въ нихъ чудовищъ со многими головами и раскрытыми пастьми. Сказочный эпосъ изображаетъ драконовъ и змѣевъ съ тремя, шестью или семью, девятью и двѣнадцатью головами; по числу головъ опредѣляется бѣльшая или меньшая степень ихъ силы. Древность такого представленія засвидѣтельствована ведическими гимнами, воспѣвающими борьбу бога-громовника съ трехглавою, семихвостую змѣю<sup>2)</sup>. Отсюда объясняется, почему нѣкоторые боговъ язычники представляли съ нѣсколькими головами; бѣльшею частію это — боги громоносныхъ тучъ. Такъ въ Штетинѣ стоялъ идолъ Триглава; ему приписывали владычество надъ тремя царствами: небомъ, землею и адомъ (т. е. воздушнымъ царствомъ, облачными подземельями и грозовымъ пекломъ; сравни съ тремя корнями міровой ясени—стр. 279). Триглавъ чтился и чехами; по указанію Вацерада, они давали ему три головы козлиныя, что свидѣтельствуешь за его громоносное значеніе (козелъ — животное, посвященное Тору<sup>3)</sup>). Идолъ Поревита изображался съ пятью головами; Руевитъ имѣлъ семь лицъ подъ однимъ черепомъ; въ разныхъ славянскихъ городахъ, по словамъ Гельмольда, стояли кумиры съ двумя, тремя и бѣлье головами<sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Сказ. Броницына, 22.— <sup>2)</sup> German. Mythen, 215.— <sup>3)</sup> Макуш., 87; D. Myth., 946; см. въ гл. XXI сближеніе Триглава съ змѣей-Трояномъ.— <sup>4)</sup> Срезнев., 51—53. По греческимъ сказаніямъ, даръ Геріона, у котораго Герикулесъ долженъ былъ увести стада, какъ будто сросся изъ трехъ великановъ: имѣлъ 3 головы, 6 рукъ и столько-же ногъ; у него была собака о двухъ головахъ; адскій Церберъ имѣлъ три головы; сторукие (ἑκατόχιδες) великаны суть тучи, свергающія безчисленными молніями; въ числѣ другихъ упо

Быстрота, съ которою несутся грозовые тучи, гонимыя бурными вѣтрами, заставила, уподобить ихъ птицѣ и борзоскачущему коню; означенныя метафоры возникли въ древнѣйшую эпоху языка, и по всему вѣроятію, одновременно съ уподобленіемъ тучи—небесному змѣю. Эти различныя животныя олицетворенія, относясь къ одному и тому-же явленію, необходимо должны были сливаться въ убѣжденіяхъ первобытныхъ племенъ. Фантазія смѣшала формы птицы, коня и змѣя и составила изъ нихъ баснословныхъ животныхъ. Старинная пѣсня говоритъ, что богатырскій конь-туча шипъ пускалъ по змѣиному, и отдѣляясь отъ земли—леталъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго. Огненного змѣя народъ называетъ летучимъ, даетъ ему крылья птицы и надѣляетъ его крылатымъ конемъ, на которомъ носится овъ по позоуху. На лубочныхъ картинахъ змѣя рисуется съ крыльями; сербская пѣсня упоминаетъ о змѣѣ шести-крыломъ. Руескія и словацкія сказки говорятъ о двѣнадцати-крыломъ конѣ змѣя <sup>1)</sup>; по свидѣтельству бывны, Тугаринъ Змѣвичъ «садился на своего добраго коня, поднялся на крыльяхъ по поднебесью летать», а конь у Тугарина «какъ-бы лютой звѣрь, изъ хайлища пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ.» Слѣдуя этому описанію, лубочная картина изображаетъ Тугаринова коня крылатымъ. Въ сказкахъ къ услугамъ змѣя являются конь-вѣтеръ и конь-молнія <sup>2)</sup>, и дракъ прилетаетъ «на ohnivem voze» <sup>3)</sup>. Народная загадка обозначаетъ змѣя подъ метафорическимъ образомъ коня: «стоитъ конь

---

добленій молніи представлялись руками и ногами грозовыхъ духовъ — D. Myth., 298. Въ такихъ чудовищныхъ образахъ являются въ преданіяхъ и дивіе народы, завлеченные въ горы Александромъ Македонскимъ (см. выше, стр. 455—7).— <sup>1)</sup> Н. Р. Сл., VII, 3; Slov. pohad., 56.— <sup>2)</sup> Кирша Дан., 191—3; Сказ. Бронницна, I, 22, 78; Н. Р. Сл., I—II, стр. 363; Срп. н. пјесме, II, 50.— <sup>3)</sup> Škultety a Dobřinsk., I, 27.

вороной — нельзя за гриву взять, нельзя и погладить<sup>1)</sup>. Также представленія находимъ и у другихъ народовъ. Германцы изображаютъ дракона крылатымъ змѣемъ; самъ онъ покрытъ чешуею, когти его острѣе меча и тверже стали, а крылья похожи на два паруса, надутые вѣтромъ; когда онъ летитъ, устрешенныя облака убѣгаютъ при его приближеніи, т. е. несутся по волѣ вихрей, испускаемыхъ пастью дракона. Въ Швейцаріи до сихъ поръ, увидя деревья, опрокинутыя бурей, говорятъ: «здесь драконъ прошелъ!»<sup>2)</sup>. Шумъ грозовой бури сравнивали съ шипѣніемъ змѣи. По свидѣтельству русскихъ сказокъ и былинъ, огненный змѣй поднимаетъ страшный свистъ и шипъ; голосъ его подобенъ завыванію вихрей: «заревѣлъ Тугаринъ — и дрогнула вся дубрава!» Какъ отъ «змѣйнаго шипа» коня сивки-бурки, какъ отъ свиста Соловья-разбойника падали стѣны и люди, такъ и свистъ мненческаго змѣя производитъ тоже сокрушающее дѣйствіе (см. I, 307, 616). По мнѣнію чеховъ, бурные вѣтры бываютъ отъ того, что колдунъ выпускаетъ дракона<sup>3)</sup>; а греки представляли Борея въ видѣ крылатого старца, съ змѣинымъ хвостомъ вмѣсто ногъ<sup>4)</sup>.

Мы знаемъ, что молніи уподоблялись стрѣламъ, копьямъ и военной палицѣ. Эти поэтическія представленія должны были прилагаться и къ змѣю, какъ воплощенію громоносной тучи. Стрѣла-молнія то служитъ ему, какъ бранное оружіе, то принимается за необходимый атрибутъ его фантастическаго образа. Подъ вліяніемъ метафорическаго языка, фантазія надѣлила дракова стрѣловиднымъ жаломъ или острымъ огненнымъ языкомъ: вѣрованіе это до такой степени проникло въ убѣжденіе народа, что, по мнѣнію крестьянъ, да-

<sup>1)</sup> Этн. Сб., VI, 60. — <sup>2)</sup> D. Myth., 652—3; Andeutung. eines Systems der Myth., 194; Моск. Наблюд. 1837, ч. XI, 536. — <sup>3)</sup> Громаниъ, 36. — <sup>4)</sup> Der Urspr. der Myth., 152.

же простыя змѣи (гадюки) уязвляютъ не зубами, а жаломъ, котораго онѣ въ дѣйствительности не имѣютъ. На лубочныхъ картинахъ огненный змѣи изображается съ одною или нѣсколькими стрѣлами въ пасти, и самый конецъ хвоста его заостряется стрѣлою; такъ Ерусланъ-богатырь убиваетъ змѣя о трехъ головахъ, въ каждой головѣ по стрѣлѣ — вмѣсто жала, а хвостъ оканчивается четвертой стрѣлою <sup>1)</sup>. Существуетъ повѣрье, что змѣя-мѣдьяница (или мѣдянка — отъ слова мѣдь <sup>2)</sup>) цѣлый годъ бываетъ слѣпа и только на Ивановъ день получаетъ зрѣніе, и тогда, бросаясь на человѣка или животное, пробиваетъ свою жертву насквозь — точно стрѣлою <sup>3)</sup>. Эта мѣдная стрѣла-змѣя тождественна съ огненнымъ Перуновымъ цвѣтомъ, который распускается на Иванову ночь; сознаніе о такомъ тождествѣ выразилось въ народномъ сказаніи о травѣ-мѣдьяницѣ: зарождается трава-мѣдьяница отъ гніенія зловредныхъ гадювъ, «ростетъ слѣпою, зрѣніе получаетъ въ Ивановъ день, и когда увидитъ человѣка или другое животное — тогда бросается на него стрѣлою и пробиваетъ насквозь» <sup>4)</sup>. Въ своихъ битвахъ съ богатырями, змѣи сражаются копыями и палицею; по нѣмецкимъ сагамъ, драконы имѣютъ на головахъ шлемы, а подъ крыльями острые мечи <sup>5)</sup>. Возврату дракона домой предшествуетъ ринутая имъ издаalka, стремительно-летающая булава, паденіе которой потрясаетъ его крѣпкій дворецъ <sup>6)</sup>. Какъ олицетвореніе молніи, змѣи летятъ по небу раскаленной желѣз-

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., I—II, 338. — <sup>2)</sup> У Сахарова (I, 34) приведенъ заговоръ отъ болѣзни роднища: „на морѣ-ва океанѣ, посреди моря бѣлаго, стоитъ мѣднѣй столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, а въ томъ столбѣ закладена мѣдная мѣдьяница отъ болѣзней и хворостей. Посылаю и раба (имярекъ).... и заповѣдаю закласть роднища въ тотъ мѣднѣй столбъ.“ — <sup>3)</sup> Абев., 259. — <sup>4)</sup> Терещ., V, 94. — <sup>5)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 446. — <sup>6)</sup> Шоттъ, 1; Срп. в. припов., 5.

ной палицею <sup>1)</sup>), и принимается за символическое значеніе оружія. Въ средневѣковой поэзіи нерѣдки сравненія блестящаго оружія съ молніей и змѣею; сербы о ножахъ, мечахъ и бритвахъ выражаются: «остро као змија» <sup>2)</sup>).

Весьма знаменательно русское названіе мѣнчскаго змѣя — Горынычъ, увеличительное Горынычище; оно происходитъ отъ слова гора и есть отечественная форма, означающая сына горы, т. е. горы-тучи, рождающей изъ себя извивистую змѣю-молнію. Въ былинахъ присвоиваются змѣѣ эпитеты горынская <sup>3)</sup> и подземельная <sup>4)</sup>. Выше (стр. 350—361) было объяснено это древнее представленіе тучи горою и указаны слѣды его въ цѣломъ рядѣ народныхъ сказаній и въ названіяхъ горъ по имени громовника; наряду съ «гремящими горами» можно поставить географическое названіе гора Змѣища <sup>5)</sup>. Въ гимнахъ Ригъ-Веды тучи называются горами змѣя Вритры, а самъ Вритра — гороподобнымъ <sup>6)</sup>. Связь огненного змѣя съ горами и скалами подтверждается множествомъ повѣрій, сохранившихся у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Драконы и змѣи живутъ внутри горъ или въ каменныхъ пещерахъ; и сюда скрываютъ похищенныхъ ими дѣтей. Въ томской губ. рассказываютъ про Змѣеву гору (около Змѣиногорскаго рудника), что въ нее ушелъ змѣй-ползъ <sup>7)</sup>. Въ Уваровой станицѣ на берегу Иртыша есть пещера, въ которую скрылся явившійся изъ рѣки змѣй, и тамъ, гдѣ онъ ползъ, видна на травѣ выжженная тропинка. Бѣломорцы показываютъ на островѣ Робьякѣ (въ Кандалашскомъ заливѣ) большой камень, съ отверстіемъ внутри, за которымъ начинается пропасть; въ этой пропасти жилъ некогда страшный змѣй <sup>8)</sup>.

<sup>1)</sup> Громаничъ, 22—23.— <sup>2)</sup> Срп. н. послов., 245.— <sup>3)</sup> Пѣсни Ендрѣев., IV, 13.— <sup>4)</sup> Рыбник., I, 219.— <sup>5)</sup> Р. И. Сб., VII, ст. Ходяков., 197.— <sup>6)</sup> Orient und Occid., 416.— <sup>7)</sup> Этн. Сб., VI, 125.— <sup>8)</sup> Ibid., смѣсь, 23.

Богатырь Добрыня приплылъ въ пещеры бѣлокаменные, гдѣ жилъ змѣй Горынище, засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтукъ и всѣхъ пришибъ, пополамъ разорвалъ <sup>1)</sup>). Въ «Нибелунгахъ» Зигфридъ находитъ дракона на горѣ, Беовульфъ поражаетъ его въ ущеліи скалъ. Древне-польское преданіе рассказываетъ о князѣ Крокѣ или Кракѣ, отъ котораго производятъ названіе города Кракова: во время его княженія народъ терпѣлъ величайшія бѣдствія отъ страшнаго змѣя, который жилъ въ пещерахъ горы Вавель и равно поѣдалъ и людей, и скотъ. Чтобы избавить свой народъ отъ змѣя, Крокъ употребилъ хитрость: взялъ нѣсколько воловьихъ шкуръ, начинилъ сномъ, сѣною и другими горючими снадобьями, и запаливъ сложенные въ нихъ фитили, придвинулъ все это къ змѣиной норѣ. Змѣй выползъ, проглотилъ воловь шкуры; пламя вспыхнуло въ его утробѣ, и онъ издохъ. Въ связи съ именемъ Крока ставятъ древнѣйшее названіе Исполнивыхъ горъ (Riesengebirg) — Крконоши; въ этихъ горахъ, по указанію чешской пѣсни о судѣ Любуши, герой Трутъ убилъ лютаго змѣя <sup>2)</sup>). Воловь шкуры, пожвряемыя змѣемъ, — уже знакомая читателю метафора облаковъ. Чѣмъ болѣе поглощаетъ ихъ змѣй, или выражаясь прозаически: чѣмъ болѣе сгущаются, скупиваются облака, тѣмъ сильнѣе разгорается пламя молній, и онъ гибнетъ въ грозѣ отъ собственной жадности. Прибавимъ, что въ числѣ великановъ народный эпосъ упоминаетъ Горыню, который повергаетъ цѣлыя горы, и что между другими славянскими названіями, присвоенными облачному женамъ, было берегиня — названіе, тождественное съ именами: баба-горынка и баба-алатырка (отъ слова «алатырь-камень»), какія встрѣчаются въ народныхъ былинахъ <sup>3)</sup>). Древнѣйшее

<sup>1)</sup> Кирша Дан., 349; Сказ. Броницына, 9. — <sup>2)</sup> Рус. Сл. 1860, X, 266; Атеней 1858, XXX, 199, 209—212; Ист. очер. рус. слов., I, 284. — <sup>3)</sup> Кирша Дан., 361.



значеніе слова берегъ (брѣгъ, нѣм. *berg*) — гора (см. I, 623 <sup>1)</sup>). Въ Эддѣ можно найти свидѣтельства о вѣдмахъ, которыя въ видѣ огромныхъ скалъ ложатся въ устьѣ рѣки, и запружая ее, производятъ наводненія <sup>2)</sup>).

Тучи назывались еще каменными зѣмками или городани Вритры; согласно съ этимъ славянскія сказки говорятъ о змѣнныхъ царствахъ или дворцахъ—мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ. Въ Германіи ходятъ рассказы о такихъ-же дворцахъ, окруженныхъ мѣдными, серебряными и золотыми лѣсами, принадлежащихъ драконамъ мѣдному, серебряному и золотому; подобными лѣсами и богатыми зѣмками, блистающими серебромъ и золотомъ, владѣютъ норвежскіе тролли (= великаны и драконы <sup>3)</sup>). Три металлическихъ царства и три металлическихъ лѣса выражаютъ одну и ту же мысль (стр. 285); эпитеты «мѣдный, серебряный и золотой», иногда алмазный или жемчужный, объясняются тѣми яркими, блестящими красками, какими солнце съ чудными великолѣпіемъ разцвѣчиваетъ облака, особенно при своемъ восходѣ и закатѣ, и стоятъ въ близкомъ соотношеніи съ преданіями о несчетныхъ сокровищахъ, хранимыхъ драконами и змѣями. Объ алмазномъ дворцѣ змѣя русская сказка <sup>4)</sup> утверждаетъ, что онъ вертится словно мельница, и что изъ него видна вся вселенная — всѣ государства и земли, какъ на ладони.

---

<sup>1)</sup> „Арийскій прототипъ нашихъ Горыничей (говоритъ г. Булаевъ въ статьѣ „Русскій богатырскій эпосъ“ въ Рус. Вѣст.) сохранился въ мненческихъ герояхъ Баргавасахъ, дѣтяхъ Бргу, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Браномъ; а бргу (*b h r g u*) собственно значить гора, и отъ него отечественная форма баргаваса—горыничъ“. Если рудокопы запоютъ или станутъ свистать въ шахтахъ, то тѣмъ самымъ вызовутъ горнаго духа (Гроканъ, 19); пѣніе и свистъ—звучаніе грозовой бури.— <sup>2)</sup> О вл. христ. на сл. нѣ., 57.— <sup>3)</sup> Сказ. норвеж., I, стр. 19 и 27.— <sup>4)</sup> Н. Р. Сл., VI, 9.

Польская сказка говоритъ о Вихрѣ, который похитилъ злато-масаю красавицу и унёсъ ее въ «раѣас szebzystry na kurzěj wójsce»; Вихрь этотъ имѣлъ тѣло великана, а голову змѣя, сидѣлъ на огненномъ, крылатомъ конѣ и своимъ бурнымъ дыханіемъ приводилъ въ сотрясеніе свой собственный дворецъ<sup>1)</sup>. Въ хорутанской приповѣдкѣ<sup>2)</sup> читаемъ: «i dojde do jednogroda kufnoga (мѣднаго), koj se je zmiгом na srakinі po-gi vrte!»; тоже выраженіе употреблено и при описаніи городов серебрянаго и золотого, что прямо отождествляетъ ихъ съ вертящеюся избушкою бабы-яги (облачной, демонической жены, о которой см. гл. XXVI) и змѣя<sup>3)</sup>. Этотъ дворецъ или избушка — метафора ходячаго облака. Въ числѣ различныхъ представленій, соединявшихся съ молніей, она уподоблялась и ногѣ; блескъ молній и удары грома потрясаютъ тучи и приводятъ ихъ въ бурное движеніе, и потому народныя преданія говорятъ о ногѣ, на которой вертится облачное зданіе бабы-яги и змѣя. Нога эта — пѣтушья или сорочья, что объясняется изъ той связи, въ какую поставилъ древній мнѣ пѣтуха и сороку<sup>4)</sup> съ явленіями грозы. Другія сказки говорятъ, что избушка бабы-яги поворачивается на курьихъ ножкахъ, на собачьихъ пяткахъ, а замокъ бога вѣтровъ вертится на мышиной ножкѣ: собака — символъ вихря, мышь — разящей молніи<sup>5)</sup>. Въ словацкой сказкѣ<sup>6)</sup> герой приходитъ въ замки оловянной, серебряной и золотой и встрѣчаетъ въ каждомъ по бабѣ-ягѣ съ длинною палицею въ рукахъ — оловянною, серебряною и золотою; три сына этихъ вѣдьмъ играютъ ту же роль, какую наши змѣи. Соотвѣтственно представленію дождя — коровьимъ молокомъ, змѣиные города и замки изображаются въ

<sup>1)</sup> Глинск., III, 47—64. — <sup>2)</sup> Сб. Вилъвца, 128—130. — <sup>3)</sup> Н. Р. Сл., II, 30; VIII, стр. 370. — <sup>4)</sup> О сорокѣ см. гл. XXI. — <sup>5)</sup> Гануша стат. о Дядѣ-Всевадѣ, 27. — <sup>6)</sup> Эрбенъ, 49—54; Slov. pohad., 143—160, 338—369.

пѣснѣхъ Веды, какъ хлѣвы или загоны, въ которыхъ вражескій демонъ скрываетъ во время зимы и засухи похищенные имъ небесныхъ коровъ; Индра отпиралъ двери этихъ загонныхъ своею громовою палицею точно также, какъ отпиралъ онъ и облачные города и скалы и выводилъ оттуда освобожденных стада <sup>1)</sup>. «Въ древнія времена, замѣчаетъ Максъ Мюллеръ <sup>2)</sup>, когда войны по большей части шли цѣлью не сохраненіе политическаго равновѣсія Азіи или Европы, а завладѣніе хорошими пастбищами или большими стадами рогатаго скота, въ эти древнія времена и города для скота естественно обращались въ укрѣпленія, а люди, жившіе за одними стѣнами, стали называться *gotra* — первоначально: коровій хлѣвъ, а потомъ: родъ, племя (см. выше стр. 351 и 436). Намѣкъ на старинный мифъ о заключеніи небесныхъ коровъ въ облачные скалы находимъ въ чешскомъ преданіи о Премыслѣ (I, 559).

Тучи, помрачающія небесный сводъ, рисовались воображенію нашихъ предковъ демонами-похитителями блестящихъ свѣтилъ. Во главѣ этихъ мифическихъ хищниковъ, грабителей, воровъ стоялъ Вритра, окутывающій ясное небо густыми облаками и туманами. По аналогіи мрака, производимаго наплывомъ тучъ, съ темною ночью и затмѣніями луны и солнца, Вритра считался злобнымъ виновникомъ и той, и другихъ. Раскрывая нѣдра тучъ молніеносными стрѣлами, разсѣвая ихъ въ грозѣ, Индра освобождалъ свѣтила изъ демонскихъ вертеповъ, прикрѣплялъ ихъ къ небесному своду и давалъ имъ возможность снова сіять на низменную землю. Ради этого подвига онъ признавался главнымъ творцемъ свѣта; вмѣстѣ съ побѣдою надъ черными тучами, ему приписывалось и пораженіе демона ночи: Индра, какъ выражаются священные гимны, рождаетъ утреннюю зорю и солнце и выводилъ на небо бѣлый день <sup>3)</sup>. Затмѣнія солнца и луны объяснялись на востокъ

<sup>1)</sup> Кунъ, 211 и дал. — <sup>2)</sup> Стр. 25—26. — <sup>3)</sup> Die Götterwelt, 65.

вападеніемъ змѣя, готоваго поглотить ихъ въ свою ненасыт-  
ную утробу; луна, захваченная во время затмѣнія демономъ  
Рагу, проливаетъ амриту, которую собираютъ боги въ  
своихъ сосуды, тогда какъ очи ихъ роняютъ отъ горести слезы,  
падающія на землю дождемъ <sup>1)</sup>: преданіе, въ которомъ  
очевидно смѣшеніе луннаго затмѣнія съ закрытіемъ яснаго мѣ-  
сяца темными дождевыми тучами. Подобныя воззрѣнія раздѣ-  
лялись и славянами; польская сказка приписываетъ солнечное  
затмѣніе двѣнадцатиглавному змѣю, а болгары въ затмѣніи луны  
вѣрятъ, какъ свѣтло это облакается въ коровью шкуру (т. е. въ  
облачный покровъ) и даетъ цѣлебное молоко—амриту (I,  
666, 749—750). Пожирание свѣтла змѣей засвидѣтельство-  
вано и нашими народными сказками о богатыряхъ, призван-  
ныхъ сражаться съ злыми демонами. Сказочные богатыри,  
внушающіе насъ громадными силами и размѣрами, вопло-  
щаютъ въ своихъ человѣческихъ образахъ грозовыя явленія  
природы; отъ того они и растутъ не по днямъ, не по часамъ, а  
по минутамъ—также быстро, какъ быстро надвигаются на  
небо громовыя тучи и вздымаются вихри. Именно таковъ  
богатырь Иванъ Быковичъ, Иванъ-коровьинъ или кобылянь  
сынъ <sup>2)</sup>; въ нѣкоторыхъ вариантахъ его называютъ сыномъ  
кошки или суки. Сербская пѣсня <sup>3)</sup> знаетъ Милоша Кобыляча:

Милоша кобиля родиля,  
Нашли су га јутру у ерђеѣли <sup>4)</sup>;  
Кобила га сисом одојила:  
С тога снажан <sup>5)</sup>, с тога висок јесте.

Быстрота полета бурной, дожденосной тучи заставила фан-  
тазію сравнивать ее съ легковогимъ конемъ в гончею собакою;

<sup>1)</sup> У. З 2-го отд. А. Н., VII, в. 2, 40.— <sup>2)</sup> Н. Р. Ск., II, 30;  
У. 54; VII, 3; VIII, 2, 9; Эрленвейнъ, 3, 19; Худяк., 45, 46; Lud  
Ukraine, I, 254—277; сб. Валявца, 120—7.— <sup>3)</sup> Срп. н. пјесме,  
II, 229.— <sup>4)</sup> Въ ковышнѣ.— <sup>5)</sup> Силень.

проливаемые ею потоки дождя повели къ сближенію тучи съ дойною коровою, а сверкающія во тьмѣ молніи — къ сближенію ея съ кошкою, глаза которой свѣтятся ночью какъ огни. Поэтому Буря-богатырь, коровыннъ сынъ, есть собственно сынъ тучи, т. е. молвія или божество грома — славянскій Перунъ, скандинавскій Торъ; понятно, что удары его должны быть страшны и неотразимы. Перунъ (Торъ) велъ постоянную борьбу съ великанами-тучами, разбивалъ ихъ своею боевою налицей и мѣткими стрѣлами; точно тоже свидѣлствуетъ сказка объ Иванѣ, коровьемъ сынѣ, заставляя его побивать многоглавыхъ, сыплющихъ искры змѣевъ. Побѣдивши змѣевъ, онъ долженъ бороться съ ихъ сестрами или женами, которыя, съ цѣлію погубить своего врага, превращаются одна золотую кроваткою, другая деревомъ съ золотыми и серебряными яблоками, а третья кринницею (==мнѣніе предствленія дождевой тучи; о золотомъ ложѣ см. стр. 536); но богатырь угадываетъ ихъ замыслы, рубить мечемъ по кроватѣ, дереву и кринницѣ, а изъ нихъ брызжетъ струею алая кровь, т. е. дождь. Долженъ состязаться богатырь и съ ихъ матерью, ужасною змѣихою, которая раззѣваетъ пасть свою отъ земли до неба (I, 561) и «jakby chmura jaka zasłoniła słońce»<sup>1)</sup>). Богатырь спасается отъ нея бѣгствомъ на кузницу, и тамъ змѣиха, схваченная за языкъ горячими клещами<sup>2)</sup>, погибаетъ подъ кузнечными молотами, подобно тому, какъ гибнутъ великаны подъ ударами Торова молота (==молніи), или по другому сказанію — она выпиваетъ цѣлое море и лопається съ трескомъ, изливаясь потоками дождя. Какъ естественный результатъ пораженія змѣевъ, или

<sup>1)</sup> Lud Ukrain., 267.— <sup>2)</sup> Азбуковникъ говоритъ, что обаянцы (чародѣи) схватываютъ крылатую змію аспіда горячими клещами и тѣмъ самымъ причиняють ей смерть—Ист. очер. рус. слов., I, 275—6.

проше: разгрома темных тучъ, обнаруживается скрывавшійся за ними благотворный свѣтъ солнца. Такое появленіе сіяющаго солнца народный эпосъ представляетъ освобожденіемъ изъ-подъ власти чудовищныхъ змѣевъ похищенной ими красавицы; въ сказкѣ же объ Иванѣ Попяловѣ, любопытной по свѣжести передаваемого ею древняго мѣста, прямо повѣствуется: въ томъ государствѣ, гдѣ жилъ Иванъ Попяловъ, не было дня, а царствовала вѣчная ночь, и сдѣлалъ это проклятый змѣй; вотъ и вызвался богатырь истребить змѣя, взялъ боевую палицу въ пятнадцать пудовъ и послѣ долгой борьбы поразилъ его на смерть, поднималъ змѣиную голову, разломалъ ее—и въ ту же минуту по всей землѣ сталъ бѣлый свѣтъ, т. е. изъ-за разбитой тучи явилось красное солнце. Въ другой русской сказкѣ змѣй похищаетъ ночныя свѣтила; богатырь отсѣкаетъ ему голову, и изъ нутра чудовища выступилъ свѣтелъ мѣсяцъ и посыпались частыя звѣзды. Подобно тому въ финской сказкѣ (въ сборникѣ Рудбека) три змѣя похищаютъ мѣсяцъ, солнце и ясную зорю<sup>1)</sup>. Объ этомъ поглощеніи свѣтилъ создавалась у болгаръ слѣдующая легенда: въ старое время одна злая баба взяла грязную пелену и накрыла мѣсяцъ, который тогда ходилъ низко и даже совѣтъ по землѣ; мѣсяцъ поднялся высоко на небо — туда, гдѣ и теперь вмѣня, и проклялъ нечестивую: вслѣдствіе этого проклятiя она превратилась въ змѣю, и отъ нея произошли всѣ теперь-существующіи земныя змѣи. Много она людей пожрала и истребила бы весь свѣтъ, да святой Георгій убилъ ее<sup>2)</sup>. Злая баба, очевидно, — злая-вѣдьма,

---

<sup>1)</sup> Вибл. для Чт. 1863, XII, замѣтка Худяк. Сличн съ словацкою сказкою о солнцевомъ конѣ, которая развиваетъ ту же мысль, что и наши сказки объ Иванѣ Попяловѣ и Иванѣ-коровьемъ сынѣ—т. I, 606.— <sup>2)</sup> Каравелъ, 299—300.

грязная пелена — мрачный облачный покровъ, св. Георгій — змѣна Перуна.

Солнце, луна и звѣзды, зоря и молніи уподоблялись серебру, золоту и самоцвѣтнымъ каменьямъ; ихъ яркій свѣтъ, поглощаемый тучами, на метафорическомъ языкѣ назывался многоцвѣтнымъ сокровищемъ, похищеннымъ демонами мрака и запрятаннымъ въ глубокія подземелья облачныхъ горъ. Вторгаясь въ эти пещеры и убивая змѣя, богъ громовникъ не только проливаетъ дождевые потоки, но и открываетъ дорогіе клады. Вотъ основаніе, почему Индра называется богатымъ всякими сокровищами, щедрымъ подателемъ и творцомъ богатства <sup>1)</sup>; вотъ гдѣ — зародышъ безчисленныхъ, распространенныхъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, сказаній о змѣяхъ и драконахъ, жадно-оберегающихъ въ подземныхъ пещерахъ, въ ущеліяхъ скалъ, въ глубинахъ морей и рѣкъ громадные склады серебра, золота и драгоценныхъ камней. Сказанія эти известны и на востокѣ, и въ Греціи. По свидѣтельству германскихъ памятниковъ, драконы лежатъ на золотѣ, испуская вокругъ себя чудный блескъ; потому золото на эпическомъ языкѣ обозначается змѣинымъ ложемъ — *ormbedhr*, *ormbedhseldr* (*wurmbett*, *wurmbettsfeuer*). Согласно съ этимъ, въ русской сказкѣ <sup>2)</sup> вѣщая жена змѣя оборачивается золотомъ кроваткою, съ надеждою приманить богатыря на гибельный отдыхъ: если бы онъ не остерегся и лёгъ на золотое ложе, тотчасъ бы въ огнѣ сгорѣлъ. Драконы стерегутъ въ пустыняхъ и пещерахъ горящія какъ жаръ сокровища (*glühende schätze*) и носятъ ихъ вочью (= когда небо омрачено тучами) по воздуху. Нѣмецкія саги рассказываютъ о большой шипящей змѣѣ, которая обитаетъ въ водѣ (= въ дождевыхъ источникахъ) передъ пещерами, скрывающимися внутри

<sup>1)</sup> Die Götterwelt, 68.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VII, 3.

золото; если найдется снѣльчакъ, которому удастся наступить змѣѣ на голову, то она послужитъ для него мостомъ черезъ глубокія воды; перейдя по этому мѣсту, можно достать столько золота, сколько душѣ угодно. Другой разсказъ: ярко блеститъ при солнечномъ свѣтѣ куча золота, черныи змѣѣй обвиняетъ ее кольцомъ, и только небольшой промежутокъ остается свободнымъ для прохода, между головой и хвостомъ змѣя. Одинъ слуга увидалъ кладъ, прошелъ въ этотъ промежутокъ и сталъ забирать золото, какъ вдругъ послышалось страшное шипѣніе; испуганный, онъ бросилъ добычу и пустился бѣжать. Въ тоже мгновеніе змѣѣй вмѣстѣ съ сокровищемъ погрузился въ гору, которая и сомкнулась за нимъ; бурная гроза пронеслась, солнце по прежнему мирно сіяло на небѣ, а на землѣ лежало нѣсколько монетъ, упавшихъ внѣ змѣиного кольца. Сказаніе о змѣѣ Фафнирѣ (Fáfnir) принадлежитъ весьма ранней эпохѣ. Пѣсни Старой Эдды разсказываютъ, что ему досталось золотое сокровище, отнятое нѣкогда хитрымъ Локи у карлика Андвари. Нося на головѣ «ужасъ наводящій» шлемъ Эггиря, Фафниръ возлежалъ на наследственномъ золотѣ. Имя Ögír (Āgias, Ögias, гот. Ögeis, др.-сакс. Agi, др.-вер.-нѣм. Aki, Uoki) тождественно Ahi; первоначально это былъ демонъ дождевыхъ тучъ—змѣѣй; низвергнутый съ неба молніями громовника, змѣѣй-туча упалъ дождевой водою и образовалъ земныя моря и потоки. Потому Эггиръ признанъ былъ морскимъ богомъ; но воспоминаніе о его древнѣйшемъ значеніи не было совершенно утрачено, и скандинавская сага причисляетъ его къ породѣ великановъ, враждебныхъ асамъ<sup>1)</sup>. Шлемъ Эггиря — метафора темнаго облака (I, 548). Зигурдъ, потомокъ Одина, убиваетъ змѣя Фафнира, овладѣваетъ сокровищемъ и увозитъ его на спинѣ богатырскаго коня Грани.

<sup>1)</sup> German. Mythen, 81—88. Midhgardhsschlange есть другое пред- ставленіе того-же демоническаго существа.



Подобно Зигурду, и Зигфридъ добываетъ сокровище, поражая страшнаго дракона: это знаменитый кладъ Нибелунговъ — нима, соответствующее Нибелунгамъ Эдды. Nibling, царь карликовъ, оставилъ его въ наследство своимъ сыновьямъ, которые спрятали сокровище подъ драконовымъ камнемъ, гдѣ и нашелъ его Зигфридъ. Карлики, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, стоятъ въ близкихъ отношеніяхъ къ великанамъ тучъ, также хранятъ великія богатства и, какъ грозовые духи, занимаются ковкою металловъ. Поражая молніеноснымъ мечемъ змѣя-тучу Зигурдъ=Зигфридъ выводитъ золото солнечныхъ лучей изъ-за темныхъ покрововъ облаковъ и тумановъ: Nibelunc=sohn des nebel, Niflheim=страна мрака, тумановъ, адъ <sup>1)</sup>. Въ валахской сказкѣ змѣи, похищающіе царевенъ, названы туманными <sup>2)</sup>. Проклятіе, которое изрекъ карликъ Андварн и которое влечетъ за собою цѣлый рядъ убійствъ и гибель тѣхъ, кому достается сокровище, напоминаетъ намъ русскія преданія о заклятіяхъ, сопровождающихъ зарытіе кладовъ (см. стр. 364). По свидѣтельству нѣмецкой сказки, драконъ обладаетъ чудеснымъ бичемъ: стодѣтъ только хлопнуть этимъ бичемъ, какъ тотчасъ запрываетъ золото, т. е. удары громовой плети вызываютъ золотистыя искры молніи (I, 283). Литовцы рассказываютъ о двухъ исполнскихъ богатыряхъ Витольфѣ и Альцисѣ; и тотъ, и другой побѣдилъ подъ горою змѣи и завладѣлъ великими сокровищами <sup>3)</sup>. Богатырь Добрыня нашелъ въ змѣиныхъ пещерахъ злато-серебро; храненіе этихъ металловъ и вообще кладовъ русскія повѣрья приписываютъ огненному змѣю. Надъ кладами горятъ свѣчи; замѣтитъ ли кто такую свѣчу, увидитъ ли летающаго змѣя — въ обоихъ случаяхъ долженъ произнести закли-

<sup>1)</sup> D. Myth., 653—5. 929—932; Andeutung. eines Systems der Myth., 176; Смирновъ, 156—167.— <sup>2)</sup> Шоттъ, стр. 85. — <sup>3)</sup> Черты литов. нар., 76—77.

тіе: «аминь, аминь, рассыпсья!»—и кладъ рассыпается деньгами, и змѣй искраши. Надъ чьимъ домомъ рассыпается змѣй, туда, по мнѣнію поселянъ, носятъ онъ богатство. Сербское выраженіе «змајеве отресивне» означаетъ: блестякъ, золото, отрясаемое летучимъ змѣемъ, а лужицкая поговорка: «won ta zmiја» (онъ имѣетъ змѣя) употребляется въ смыслѣ: у него не переводятся деньги <sup>1)</sup>. Лужичане вѣрятъ, что мифическій змѣй (plon) несется по небу съ такою быстротою, что глазъ не успѣваетъ за нимъ слѣдовать, и надъ кѣмъ опустится, тому приносятъ счастье и благословеніе. Своихъ любимцевъ между людьми онъ надѣляетъ золотомъ, являясь къ нимъ черезъ дымовую трубу; такого змѣя, приносящаго золото (деньги), называютъ: реіеѣпу (денежный) zmiј. Ему же принадлежитъ и охраненіе зарытыхъ въ землѣ сокровищъ, присутствіе которыхъ узнается по яркому блеску играющаго на томъ мѣстѣ пламени, что обыкновенно выражается словами: реіеѣпу hгаја. Кому служить змѣй, тотъ весьма скоро становится богачемъ; но за свои дары змѣй требуетъ жертвенныхъ приношеній. Въ избахъ онъ поселяется за печкою, и на плитѣ очага ставятъ для него молочную кашу, мясо и другія яствы, которыя и пожираются имъ въ то время, какъ скоро все заснетъ въ домѣ <sup>2)</sup>. То же повѣрье встрѣчаемъ въ Бѣлоруссіи о домовомъ цмоукѣ (змѣѣ); здѣсь ходитъ разсказъ о мужикѣ, которому змѣй носилъ деньги, а зтотъ обязанъ былъ ставить ему на кровлѣ дома яшницу. Разбогатѣвши, мужикъ пренебрѣгъ своею обязанностію и однажды не поставилъ обычной яствы; змѣй улетѣлъ озлобленный, а на другой день изба и всѣ надворныя строенія мужика сгорѣли, и онъ сдѣлался бѣдникомъ <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Сказ. Бровиц., 10; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 22—25; Срп. рјечникъ, 212; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 11.—<sup>2)</sup> Volkslieder der Wenden, II, 266.—<sup>3)</sup> Маньк., XVII, 41; Могилев. Г. В. 851, 19.

Чехи признают дракона за демона, готового служить человеку; когда онъ летитъ высоко, то предвѣщаетъ счастье (= плодородіе), а низко — предвѣщаетъ бѣду, преимущественно опасность отъ огня; несется ли онъ надъ городомъ или деревнею, надо ожидать большого пожара. О людяхъ, разбогатѣвшихъ неизвѣстными средствами, чехи говорятъ: «у нихъ поселился плевникъ» (огненный змѣй) — точно также, какъ нѣмцы думаютъ, что такимъ счастливымъ черныи драконъ приноситъ деньги черезъ печныя трубы <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ змѣй, какъ воплощеніе молніи, низведенной нѣкогда (по свидѣтельству древняго мифа) на домашній очагъ, отождествляется съ домовыми духами и получаетъ характеръ пената (см. стр. 71) Воображеніе простолюдиновъ помѣщаетъ его за печкою и заставляетъ прилетать въ избу чрезъ дымовую трубу; въ Россіи всюду убѣждены, что именно этимъ путемъ появляется и исчезаетъ огненный змѣй. По чешскому повѣрью, въ каждой избѣ есть свой домовый змѣй — had-hos-rodák, который иногда показывается людямъ; когда увидитъ этотъ гадъ, то вмѣстѣ съ нимъ умираетъ и хозяинъ дома (сравни выше стр. 106 съ подобнымъ же повѣрьемъ о пѣтухѣ). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ утверждаютъ даже, что въ каждомъ домѣ живутъ двѣ большія змѣи; окруженные дѣтенышами, онѣ являются таинственными представителями хозяйской семьи. Если будетъ убитъ змѣй-самецъ, то немедленно умираетъ хозяинъ дома, а если самка — то смерть постигаетъ хозяйку. Змѣи эти оберегаютъ домъ и принадлежащія къ нему владѣнія отъ всякаго несчастія и заботятся, чтобы все было сохранно. Had-hos-rodák живетъ или подъ печкою, или подъ порогомъ избы, и потому никто не осмѣливается колоть дрова на порогѣ, что

<sup>1)</sup> Громанъ, 22—23; Beiträge zur D. Myth., 227, 339.

бы не убить нечаянно змѣя <sup>1)</sup>. Напомнимъ, что домовые эльфы также обитаютъ подъ порогомъ избы (стр. 113) и что кобольды—геніи пламени, разводимаго на домашнемъ очагѣ, нерѣдко являются въ образѣ краснаго или синяго дракона<sup>2)</sup>. Падающія звѣзды принимаются за огненнаго змѣя или дьявола, который разсыпаясь искрами — превращается въ кладъ; въ томъ мѣстѣ, куда упадетъ звѣзда, можно найти подъ землею великія сокровища <sup>3)</sup>. Кто увидитъ змѣй, свившихся въ клубокъ, и между ними царя змѣя, тотъ долженъ бросить въ нихъ кучу камнемъ (=метафора молніи, *donnerstein*), и змѣи тотчасъ-же обратятся въ чистое золото.

Старинный метафорическій языкъ уподоблялъ солнцу не только золоту, но и драгоценному камню, и блестящей коронѣ (I, 214, 219). Выражаясь поэтически, змѣй-облачитель дневнаго свѣтила заключаетъ въ себѣ самоцвѣтный камень или носитъ на головѣ золотую корону, украшенную дорогимъ камнемъ; а во время весенней грозы и дождевыхъ ливней, просвѣтляющихъ ликъ омраченнаго солнца, онъ сбрасываетъ съ себя эту корону или камень. Но подъ тою-же метафорой золотаго, свѣтящагося камня представлялась и молнія, носимая змѣемъ-тучею и роняемая имъ въ быстромъ полетѣ по воздуху. Давая сходныя метафорическія названія различнымъ явленіямъ природы, фантазія древняго человѣка постоянно сливала ихъ въ своихъ мненческихъ сказаніяхъ, что замѣчается и въ преданіяхъ о змѣиномъ камнѣ. Многъ этотъ съ теченіемъ времени былъ перенесенъ на земныхъ змѣй, которые, по мнѣнію народа, имѣютъ у себя царя, украшеннаго чудною короною. По свидѣтельству кельтскихъ и германскихъ сказаній, король-змѣй носитъ на

---

<sup>1)</sup> Громаниъ, 78.— <sup>2)</sup> Beiträge zur D. Myth., 338.—<sup>3)</sup> O. Z. 1818, 68; Ганушъ, 148; Громаниъ, 32.

головѣ золотой вѣнецъ съ безцѣннымъ блестящимъ камнемъ (schlangenstein). Въ весеннюю пору, когда начинаются грозы, змѣи пробуждаются отъ зимняго оцѣпенѣнія (сна) и выползаютъ изъ норъ на свѣтъ божій, и впереди ихъ — король, котораго легко узнать по золотому вѣнцу. Если разостлать передъ нимъ красный платъ, то онъ положитъ на него свою корону, и тогда можно овладѣть ею, но схвативши корону — надо сейчасъ же спастись бѣгствомъ на быстромъ конѣ. Замѣтивъ похищеніе, змѣиный король начинаетъ страшно и громко шипѣть, преслѣдуетъ вора, и если настигнетъ, то предастъ смерти <sup>1)</sup>. Когда король-змѣй купается въ источникахъ или пьетъ приготовленное ему молоко, онъ непремѣнно снимаетъ съ себя корону; преданіе это извѣстно и между чехами: змѣи, рассказываютъ они, имѣютъ свою королеву, которая носитъ на головѣ золотую коронку и снимаетъ ее только въ день св. Петра и Павла, отправляясь купаться въ источникъ, или въ то время, когда разстелютъ бѣлый платъ и поставятъ для нея молоко. Смыслъ преданія ясенъ: король-змѣй или королева-змѣя сбрасываетъ съ себя корону солнце не прежде, какъ искупается въ небесныхъ источникахъ или упьетъ небеснаго молока, т. е. не прежде, какъ прольются дожди и исчезнутъ съ неба темныя тучи; потому потеря короны для змѣиного короля равняется потери жизни <sup>2)</sup>. По болгарскому повѣрью змѣиный царь бываетъ о двухъ головахъ, на одной головѣ — корона, а языкъ — изъ брилліанта; если убить этого царя (что впрочемъ весьма трудно, ибо онъ окруженъ самыми лютыми змѣями, которые всѣ подымаются на его защиту) и завладѣть брилліантомъ и короною, то сдѣлаешься повелителемъ всего міра и будешь бессмертнымъ <sup>3)</sup>. Въ другихъ славянскихъ земляхъ и въ Германіи

<sup>1)</sup> D. Myth., 650; Сказ. Грим., II, стр. 111—2; Die Götterwelt, 103.—

<sup>2)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 441; Романитъ, 79.— <sup>3)</sup> Каравел., 170.

думаютъ, что обладаніе змѣнною короною сообщаетъ человѣку чародѣйныя знанія, помогаетъ находить подземные клады и надѣляетъ безчисленными богатствами <sup>1)</sup>. Между другими кладами змѣи стерегутъ камень, съ помощію котораго можно оживлять мертвыхъ, возвращать зрѣніе и открывать золото; грозовыя птицы сражаются съ змѣями и похищаютъ у нихъ это сокровище. Въ Нормандіи уцѣлѣло преданіе, что вѣстница весны — ласточка обладаетъ таинственнымъ знаніемъ находить за моремъ драгоцѣнный камень, дарующій слѣпымъ зрѣніе; если разостлать подъ ея гнѣздомъ красный платокъ, то она, принимая его за огонь, броситъ туда чудный камень, и тогда легко овладѣть имъ <sup>2)</sup>; т. е. весна выводитъ изъ-за облачнаго моря животворное солнце, это всевидящее міровое око, прогоняющее слѣпоту зимы и ночи и все позлащающее своими яркими лучами. На Юрѣ разсказываютъ о безсмертной, летучей змѣѣ съ алмазнымъ (діамантовымъ) глазомъ <sup>3)</sup>. У армянъ, какъ свидѣтельствуеетъ баронъ Гакстгаузенъ, сохраняется вѣрованіе, что между змѣями горы Араратъ есть порода, состоящая подъ владычествомъ могучей царицы, которая держитъ во рту волшебный камень и въ извѣстныя ночи бросаетъ его высоко на воздухъ, гдѣ онъ сіяетъ какъ солнце; вѣчное счастье тому, кто сумѣетъ схватить его на лету <sup>4)</sup>. У разныхъ народовъ существуютъ разсказы о камняхъ, зарождающихся въ головѣ ахидны, змѣи и пѣтуха; кто достанетъ такой камень, тотъ можетъ считать себя совершенно-счастливымъ: всѣ желанія его будутъ немедленно исполняться. Эти суевѣрныя преданія вызвали въ средніе вѣка желаніе отыскать философскій камень, обладающій силою превращать все въ

<sup>1)</sup> Ильяшъ, 125.— <sup>2)</sup> Sonne, Mond u. Sterne, 2—4; Die Götterwelt, 306.— <sup>3)</sup> D. Myth., 650.— <sup>4)</sup> Закавказскій край, II, 56—57.

золото, увеличивать продолжительность жизни и надѣлать мудростью (ðskasteinn=wünschelstein<sup>1)</sup>). Въ русской сказкѣ<sup>2)</sup> добрый молодецъ строитъ корабль, и нагрузивши его угольемъ, плыветъ въ открытое море—къ тому острову, гдѣ было логовище двѣнадцатиглаваго змѣя, который выходилъ оттуда пожирать народъ; змѣй спалъ, и сказочный герой, пользуясь этимъ, засыпалъ его угольемъ, развелъ огонь и принялся раздувать мѣхами: очевидно, это богатырь-громошникъ, раздувающий грозовое пламя кузнечными мѣхами. Когда змѣй лопнулъ, онъ отрубилъ ему мечомъ всѣ двѣнадцать головъ и въ каждой головѣ нашелъ по дорожному самоцвѣтному камню. Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ рассказываютъ о необыкновенной красотѣ царя-змѣя, о чудныхъ переливахъ красокъ на его кожѣ и объ алмазномъ гребешкѣ на головѣ; если стануть его преслѣдовать, то онъ издаетъ ужасное шипѣніе, и вмигъ со всѣхъ сторонъ ичятся толны ужей на его защиту—и тогда бѣда обидчику<sup>3)</sup>). Смысль ужинаго царя такъ громокъ, что его слышно по всей Литвѣ<sup>4)</sup>). На Украинѣ думаютъ, что царь-ужъ или царь-змѣй отличается отъ простыхъ гадюкъ своею громадною, и сверхъ того итѣтъ на головѣ золотые, свѣтящіеся рожки. При встрѣчѣ съ нимъ въ лѣсу, должно положить на дорогѣ красный поясъ или платокъ; увидя красный цвѣтъ, онъ сбрасываетъ свои золотые рожки, и кто съумѣетъ захватить ихъ—тотъ будетъ и здоровъ, и счастливъ, и богатъ; богатъ — потому, что ему будутъ доступны всѣ клады. Рассказываютъ еще, что у царя-змѣя два золотыхъ рога, овладѣвши которыми должно закопать ихъ подъ двумя еще-нераспустившимися дубами; одинъ дубъ засохнетъ, а другой покроется зеленью; рогъ, зарытый подъ первымъ деревомъ, — несчастливый, мертвящій, а зарытый

<sup>1)</sup> D. Myth., 1169—1171; Pentamer., № 31. — <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VIII, 21. — <sup>3)</sup> Иллюстр. 1848, № 28; Семевск., 94. — <sup>4)</sup> Нар. сл. раз., 121.

ведъ другимъ—счастливымъ, оживляющій <sup>1)</sup>). Выше (I, 679—680, 771—3) было указано, что, соединяя съ молніей понятіе объ остромъ, наносящемъ кровавыя раны орудіи, фантазія уподобляла ее золотому рогу или зубу, а что зубъ молніи называется въ народныхъ сказкахъ мертвымъ и змѣинымъ. Два змѣиные рога оживляющій и мертвящій вполне соответствуютъ представленію о Перуновомъ цвѣтѣ, который и пробуждаетъ отъ смерти, и погружаетъ въ безжизненный сонъ—воскрешаетъ природу отъ зимняго оцѣпенія и наноситъ смертельные удары. Нѣтъ сомнѣнія, что и съ змѣинымъ камнемъ могло соединяться не только представленіе веснянаго солнца, охваченнаго темными тучами, но и сверкающей въ нихъ молніи. Всѣ могучія свойства, какія придаются змѣиному камню: просвѣтленіе очей, открытіе кладовъ, исполненіе всевозможныхъ желаній, дарованіе здоровья, счастья и побѣды (первоначально надъ демоническими силами—*siegestein*), принадлежать и Перунову цвѣту, и Перуновой лозѣ.

Сверкающія въ лѣтніе мѣсяцы молніи исчезаютъ на зиму, а глазъ смертнаго не видитъ ихъ болѣе до прихода весны; вѣстѣ еѣ тѣмъ перестаютъ литься благодатные дожди и зимняя стужа налагаетъ на облака свои леденящіе оковы. Явленіе это на древнемъ живописномъ языкѣ обозначалось такъ: змѣи прячутся на зиму въ облачныхъ пещерахъ и скалахъ и засыпаютъ въ нихъ долгимъ, непробуднымъ сномъ—до тѣхъ поръ, пока не явится весна и не отопретъ эти пещеры и скалы ключемъ-молніей. Позднѣе, когда затерянъ былъ смыслъ старинныхъ метафоръ, означенная поэтическая фраза, понятая буквально, стала прилагаться къ обыкновеннымъ змѣямъ и гадамъ, которыхъ холодная зима повергаетъ въ сонное, оцѣпенѣлое состояніе. До перваго весенняго грома, по русскому по-

<sup>1)</sup> Lud Ukrain., I, 251—2; Пантеонъ 1854, VI, ст. Шпилевск.



вѣрю, змѣи не жалятъ <sup>1)</sup>). Въ высшей степени интересенъ словацкій разсказъ: однажды — это было осенью, въ то самое время, когда змѣи уходятъ спать въ землю — лежалъ въ полѣ овчаръ и смотрѣлъ на ближнюю гору. Онъ увидѣлъ чудо: множество змѣй ползло со всѣхъ сторонъ къ каменной горѣ; при близкаясь къ ней, каждая змѣя брала на языкъ травку, которая тутъ-же росла, и прикасалась ею къ твердой скалѣ; скала открывалась, и змѣи одна за другою исчезали въ ея вертепахъ. «Надо посмотреть, что это за трава и куда ползутъ змѣи!» подумалъ овчаръ; трава была ему невѣдомая; какъ только онъ сорвалъ ее и дотронулся до скалы — эта тотчасъ же раскрылась передъ нимъ. Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о чудесной разрывъ-травѣ (*springwurz*), т. е. о молніи, разверзающей облачныя горы (см. стр. 397); овчаръ же — никто иной, какъ самъ Перунъ, пастырь небесныхъ стадъ — облаковъ барашковъ. Онъ вошелъ въ отверстіе и очутился въ пещерѣ, стѣны которой блистали серебромъ и золотомъ. Посреди пещеры стоялъ золотой столъ, а на немъ лежала огромная, старая змѣя. Вокругъ стола лежали другія змѣи. Всѣ они спали такъ крѣпко, что ни одна не пошевелилась, когда вошелъ овчаръ. Долго осматривалъ онъ пещеру; наковецъ, опомнившись, хотѣлъ отправиться назадъ, во это нелегко было сдѣлать; скала въ ту-же минуту сомкнулась за нимъ, какъ только онъ вступилъ въ ея нѣдра. Овчаръ не зналъ, какъ я гдѣ найти ему выходъ, и сказалъ самъ себѣ: «если нельзя отсюда выйти, такъ стану я спать!» Лѣгъ ваземъ и уснулъ. Сильный шумъ и шипѣніе разбудили его; раскрывши глаза, онъ увидѣлъ множество змѣй, которые лизали золотой столъ и спрашивали: «не пора ли?» Старая змѣя немедленно подняла голову и отвѣчала: «пора!» Потомъ

<sup>1)</sup> Этн. Сб., VI, 118.

вытянулась отъ головы до хвоста, какъ гибкій прутъ, спустилась со стола на землю и направилась къ выходу пещеры; всѣ змѣи поползли за нею. Старая змѣя прикоснулась къ каменной стѣнѣ—и скала немедленно отомкнулась; вышли змѣи, вышелъ за ними и пастухъ, но каково было его удивленіе! вмѣсто осени уже была весна, природа одѣвалась въ новую зелень и жаворонки оглашали воздухъ сладкозвучными пѣснями. Подобно Одну (стр. 441), цѣлую зиму проспавъ онъ непробуднымъ сномъ въ пещерѣ облачной скалы. О старой змѣѣ (=змѣиномъ царѣ) преданіе утверждаетъ, что пробужденная отъ зимняго сна—она летитъ по воздушнымъ пространствамъ, помрачая собою свѣтлое небо, извергая изъ очей искры, изъ открытой пасти пламя, и ударяя хвостомъ съ такою силою, что вѣковыя деревья гнутся и ломаются, какъ трости; земля дрожитъ, горы (=тучи) даютъ трещины и съ нихъ падаютъ шумныя воды(=дождь). Въ такой картинѣ рисуетъ мнѣ весеннюю грозу съ ея грозовыми ударами, сверкающими молніями, стремительными вихрями и проливными дождями <sup>1)</sup>. Вмѣстѣ съ пробужденіемъ царя-змѣя начинаются и бурныя грозы. Преданіе это извѣстно и въ Болгаріи, и въ Россіи. Какъ скоро наступитъ осень (рассказываютъ болгары), змѣи собираются около своего царя, который распредѣляетъ ихъ на «зимийща» (=мѣста, логовища, гдѣ они должны провести зиму. Съ каждымъ змѣинымъ стадомъ царь отпускаетъ по главному змѣю, который ложится въ серединѣ, а прочіе располагаются вокругъ него. Тоже самое дѣлаетъ и царь съ своею свитою, которая состоитъ изъ змѣй, нѣбующихъ на хвостахъ колокольчики <sup>2)</sup>):

<sup>1)</sup> Slov. pohad., 230—8; Westsl. Märch., 116—121.— <sup>2)</sup> Каравел., 170.

звонъ — метафора грома. По русскому повѣрью, 14 сентября (на праздникъ Воздвиженья св. креста) всѣ змѣи (гадюки) лѣзутъ въ вѣрїи или скрываются въ землю; только тѣ, которые укусили кого-нибудь въ продолженіи лѣта, обречены въ наказаніе за это мерзнуть въ лѣсахъ. Сербь, встрѣтивъ змѣю «по јесењему крстову дне (послѣ 14 сентабра), за ону се мисли да је ујела како чел(ь)аде, па је земл(ь)а у се не ће да прими» <sup>1)</sup>. Въ этотъ день змѣи собираются въ кучи въ ямахъ, яругахъ и пещерахъ и остаются тамъ на зимовье вмѣстѣ съ своею царницею; среди нихъ лежитъ свѣтлый камень-алатырь, змѣи лижутъ его и съ того бываютъ и сыты, и сильны <sup>2)</sup>. Этотъ облегаемый змѣями канонъ, которому соотвѣтствуетъ золотой столъ (= тронъ) словацкаго преданія и золотое ложе Фаэнира, есть метафора солнца, окутаннаго тучами; по свидѣтельству русскаго заговора, змѣя Гарафена <sup>3)</sup> лежитъ на черномъ рунѣ (= символъ облака), а черное руно на золотомъ камнѣ <sup>4)</sup>. Одна дѣвица заблудилась на Воздвиженьевъ день въ лѣсу, плутала-плутала и неожиданно провалилась въ яму. «Нма така глибочѣнна, що-й свиту не видно. Дивитця — дакъ тамъ гадюкъ силасилѣнная, мабудь вони зо всѣго свиту зибрались на зимовья! Такъ уси зразу й кинулись до неї, підняли голови да-й сичать. Злякалась вона... коли-жъ дивитця — одна така здоровенна да вся въ золоти и лизе до неї. Не бійся, каже, дивчино! ничего; безъ мене никто тобі ничего не заподіє, я тутъ найстарійша; якъ схочешъ јисти, то онъ глянь — лежить каминь, ти й полижи ёго. Лизнула вона того каменю — и јисти вже не хоче». Такъ прожила она зиму съ змѣями. На Благовѣщенье (25 марта, когда прилетаютъ птицы

<sup>1)</sup> Срп. рјечникъ, 243. — <sup>2)</sup> Иллюстр. 1845, 251. — <sup>3)</sup> Искаженное прозваніе „Горынычъ“, съ приданіемъ ему женской формы. — <sup>4)</sup> Сахаровъ, I, 21.

изъ виріа и приносятъ съ собою ключи отъ веба), въ то самое время, какъ уже стоялъ снѣгъ, велѣла ей золотая гадюка: «становись на меня!» Дѣвица стала на змѣю, а гадюка какъ подкинетъ ее вверхъ — такъ и выкинула изъ ямы! <sup>1)</sup> По другому варианту (харьков. губ.) змѣи сплелись виѣстѣ и образовали столбъ, по которому дѣвица и вылѣзла на бѣлый свѣтъ, и воротилась она въ деревню худая да блѣдная. Такому-же усилію подвергается и тотъ, кто попадаетъ въ подземные провалы, наполненные дорогими кладами <sup>2)</sup>; сравни съ преданіями о заклѣтыхъ герояхъ и разбойникахъ, заключенныхъ въ скалахъ — стр. 442—454). Извѣстна еще между нашими поселянами не менѣе интересная сказка о кривой царевнѣ. Весельчакъ-пьяница вызвался вылѣчить ей глаза и коѣхалъ въ змѣиное царство; въ томъ царствѣ жили одни змѣи и гады. Кругомъ города лежала большая змѣя, обвинившись кольцомъ, такъ что голова съ хвостомъ сходилась (= *İbmtungandr*). Пьяница воспользовался сномъ испанской змѣи, сдѣлалъ веревочную лѣстницу съ желѣзными крюками на концѣ, накинулъ лѣстницу на городскую стѣну, забрался въ городъ и посреди его нашелъ камень, а подъ камнемъ цѣлебную мазь: стѣнѣ только помазать ею глаза, какъ слѣпота тотчасъ-же проходитъ. Взялъ онъ эту мазь, спряталъ подъ мышку, сѣлъ на корабль — и въ море. Пробудилась большая змѣя, погналась за похити-

<sup>1)</sup> Основа 1862, IX, 104—5. — <sup>2)</sup> Записки Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 730: «Сбился съ дороги крестьянинъ и бродилъ около большой ямы; глядитъ: земля отворилась и стали видны бочки съ серебромъ и золотомъ. Чортъ ли его туда пихнулъ, самъ ли пошелъ — только очутился въ подвалѣ, посмотрѣлъ, какъ бочки на дѣвкахъ висятъ, и хотѣлъ было вернуться назадъ, и выхода уже нѣтъ; что дѣлать? Помолится Богу, легъ спать, и проспалъ тамъ цѣлый годъ. Какъ пришло время просушиваться кладу, разбудилъ его старичекъ и вывелъ на дорогу».

телемъ; плыветъ по морю, а подъ ней вода словно въ котлѣ кипитъ, махнула хвостомъ и разбила корабль въ дребезги. Пьяницѣ удалось выплыть на берегъ; онъ выдѣлалъ кривую царевну и получилъ щедрую награду. Смыслъ преданія слѣдующій: царевна-солнце въ періодъ зимы теряетъ свой блескъ, или говоря метафорически: кривѣетъ (слабнѣетъ). Богъ-громовникъ берется изцѣлить ее, и для этого долженъ достать цѣлебную мазь изъ-подъ змѣйнаго камня, т. е. живую воду дождя, хранимую царемъ-змѣемъ; именно этимъ нектаромъ и насыщаются змѣи, когда лижутъ камень-алатырь (сравни выше, стр. 145, съ источниками цѣлющей воды, текущей изъ-подъ камня-алатыря). Въ весеннюю пору онъ будитъ зита отъ зимняго сна, вступаетъ съ нимъ въ борьбу и счастливо похищаетъ цѣлебное снадобье: корабль—метафора тучи, несущейся по небесному океану, и гибель его есть повѣстическая картина грозы; согласно съ представленіемъ молніеноснаго Перуна богомъ, всегда готовымъ сосать дождевыя облака и упиваться небеснымъ виномъ, сказка даетъ своему герою характеристическое названіе пьяницы. Добытый имъ дождь проливается на землю, и царевна-солнце снова начинаетъ блистать своимъ лучезарнымъ окомъ. По русскому повѣрью, кто поймаетъ бѣлую змѣю, старшую надъ всѣми змѣями, и убивши, натопитъ изъ нея сала, и потомъ вымажетъ этимъ саломъ свои очи, тотъ получитъ даръ видѣть скрытые подъ землеюклады<sup>1)</sup>; т. е. дождь, проливаясь изъ разбитой тучи, освобождаетъ изъ туманныхъ вертеповъ золотое сокровище солнечныхъ лучей и открываетъ его взорамъ смертныхъ. Эпитетъ бѣлый указываетъ на змѣю хранительницу небеснаго золота—на тучу, озаренную солнечными лучами. Въ Литвѣ есть повѣрье, что свѣча, слѣпанная изъ сала змѣи или ужа, приноситъ своему

<sup>1)</sup> О. З. 1848, V, ст. Харитонова, 4.

обладателю счастье: если онъ зажжетъ эту свѣчу (намѣкъ на грозное пламя), то со всѣхъ сторонъ приползутъ на его защиту змѣи и ужь, вѣстѣ съ своимъ царемъ, и принесутъ ему множество золота <sup>1)</sup>).

Изъ сказаннаго уже видно, что съ змѣемъ, какъ олицетвореніемъ дождевой тучи, неразлучна мысль о храненіи имъ живой воды. Весьма знаменательное указаніе на эту связь находимъ въ сказкѣ о Василисѣ-золотой костъ, гдѣ живой (богатырской, сильной) водѣ придано названіе змѣиной <sup>2)</sup>). По свидѣтельству русскихъ преданій многоглавыя змѣи, испускающіе жгучее пламя, лежатъ у входа въ солнцезовое царство (т. е. въ вѣрій, царство вѣчнаго лѣта) и стерегутъ доутулъ къ устроеннымъ тамъ криницамъ живой воды; сюда-то отправляются сказочные герои за бессмертнымъ напиткомъ. Такъ одна народная сказка <sup>3)</sup> говоритъ о чудесномъ садѣ, гдѣ растутъ молоджавыя яблоки и бьютъ ключи живой и мертвой воды, а вокругъ того сада обвился кольцомъ громадный змѣй — голова и хвостъ вѣстѣ сошлись. Въ сказкѣ про Ивана Голзого и Марка-Бѣгуна <sup>4)</sup> летучій змѣй указываетъ этимъ богатырямъ на два озера; пришли къ одному озеру, бросили въ воду зеленый пруть — пруть тотчасъ сгорѣлъ; пришли къ другому, бросили въ него гнилушку — она тотчасъ пустила ростки и зазеленѣла листьями. «Огненное» (мертвое, адское) озеро — поэтическое изображеніе дождевой тучи, пожигаемой молніями (о подобныхъ источникахъ см. гл. XXII). По малорусскому варианту легенды о Маркѣ Богатомъ, этотъ богачъ посылаетъ своего зятя къ царю-змѣю попросить живой водицы. Чехи ставятъ дождевыя ливни въ зависимость отъ змѣиного дыханія: какъ скоро долженъ пойти дождь — изъ-

<sup>1)</sup> Сынъ Отеч. 1839, X, 140; Нар. сл. раз., 122—3; Черты литов. нар., 140. — <sup>2)</sup> Сказ. Бронниц., 25. — <sup>3)</sup> Н. Р. Сл., VII, 5, а. — <sup>4)</sup> Ibid., VIII, 23, b

подъ пещи, гдѣ живетъ гадъ-господарикъ, исходитъ сильный запахъ <sup>1)</sup>. По нѣмецкимъ сагамъ, у святыхъ, небесныхъ колодезь (heiligbrunnen) лежатъ бѣлыя змѣи <sup>2)</sup>. У одного изъ источниковъ Иггдрасилли обрѣтается змѣя, грызущая корень всемірнаго дерева-тучи. Въ глубокихъ погребахъ драконовъ и змѣевъ хранятся сосуды или бочки съ сильною (живою) водою, и въ пылу битвы они и враждебные имъ богатыри бросаются туда, чтобы испить этого нектара и укрѣпить себя для новой борьбы. Кто изъ соперниковъ успеетъ прежде наняться, за тѣмъ остается и побѣда. Преданіе глубочайшей древности! Гимны Ведъ заставляютъ Индру пить изъ облачныхъ источниковъ небесную сому, чтобы укрѣпиться на битву съ змѣею Вритрою <sup>3)</sup>. «Пить живую воду» или «купаться» въ ней—выраженія однозначительныя, равно указывающія на пролитіе дождей; потому одна метафора легко замѣнилась другою. Отсюда возникло повѣрье, известное на Руси и въ Богеміи: кого укуситъ ядовитая змѣя, тотъ долженъ бѣжать къ водѣ; если онъ прибѣжитъ къ источнику прежде змѣи и омоетъ свою рану, то укушеніе пройдетъ безъ послѣствій; если же змѣя успеетъ окунуться въ воду прежде, то человекъ непремѣнно умретъ <sup>4)</sup>. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, змѣи теряютъ свою могучую силу и гибнутъ, какъ скоро обсохнутъ отъ внутренняго огня или солнечнаго жара, т. е. змѣи-туча сгораетъ въ грозовомъ пламени и иссыхаетъ подъ вліяніемъ лѣтнаго зноя (сравни выше стр. 529). Сражась съ Кирилломъ-кожемякою, змѣи, когда ему становилось невыносимо-жарко, спѣшнѣе на Днѣпръ и вскакивалъ въ воду, «щобъ прохладиться трохи». Въ сербской приповѣдкѣ читаемъ: схватился змѣи съ царевичемъ; «а какъ полне (полдень) пригреје, онда рече аждажа: та пусти не, царев

<sup>1)</sup> Громаниъ, 78.— <sup>2)</sup> D. Myth., 554, 651.— <sup>3)</sup> German. Mythen, 96—99.— <sup>4)</sup> Громаниъ, 80.

сине, да замочим своју пусту главу у језеро, па да тебацим у небеске висине!»<sup>1)</sup> Русская былина о Михайлѣ-Потоцкѣ Ивановичѣ рассказываетъ, что живая вода этому витязю была принесена лютой змѣей изъ-подъ земли (см. ниже); подобно тому Одинъ выпилъ вдохновляющій медъ, сокрытый въ горѣ-тучѣ, пробравшись туда въ просверленное отверстие въ образѣ змѣя (I, 395). Замѣчательно преданіе, записанное въ стихѣ о голубиной книгѣ:

У насъ Индра-звѣрь взявъ звѣрамъ отецъ:

Была на сѣмъ свѣти засушейца,

Ня было добрымъ людемъ воспитанійца,

Воспитанійца, обмыванійца;

Іонъ копалъ рогомъ сыру мать-землю,

Выкопалъ ключи все глубокиѣ,

Доставалъ воды все кипучиѣ;

Іовъ пускалъ по быстрымъ рякамъ

И по малинькимъ ручьявнѣючкамъ,

По глубокимъ, по большымъ озирѣмъ;

Іонъ давалъ людемъ воспитанійца,

Воспитанійца, обмыванійца.

Приведемъ варианты:

а) Куда хочеть (звѣрь)—идеть по подземелью,

Аки солнце по поднебесью,

Онъ промходитъ всѣ горы бѣлокаменныѣ,

Прочищаетъ ручьи и проточины.

Пропускаетъ рѣки, кладязи студѣныѣ:

Куда звѣрь пройдетъ—туда ключъ кипитъ.

Когда этотъ звѣрь возыграется,

Словно облацы по поднебесью,

Вся вселенная (мать-земля подъ нимъ) всколыбается.

б) Когда этотъ звѣрь (рогомъ) поворотится,

Воскыпятъ ключи всѣ подземныѣ<sup>2)</sup>.

Священныя пѣсни Ведъ утверждаютъ, что богъ Индра низводитъ изъ облачныхъ горъ стремительные потоки дождя, и собирая ихъ въ особыя вѣстилища, творитъ земные источ-

<sup>1)</sup> Срп. правов., 8; Кулишъ, II, 30.—<sup>2)</sup> Калѣки Пер., II, 374—2.



ники, ручьи и рѣки, умножаетъ ихъ воды, роетъ для нихъ широкія русла и направляетъ ихъ бѣгъ <sup>1)</sup>). Сходство русскаго преданія съ ведическимъ—въ высшей степени поразительное! Спрашивается: должно ли индѣйскаго Индру считать за первообразъ нашего мнѣческаго звѣря, или въ совпадении ихъ именъ слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ случайное созвучіе? Въ первомъ случаѣ звѣриный типъ, приданный Индрѣ, можно бы объяснить такимъ-же низведеніемъ этого бога въ разрядъ демоническихъ существъ, какое постигло его въ религіозныхъ представленіяхъ зендской отрасли. Мы болѣе склоняемся въ пользу втораго мнѣнія; слово Индра (другія формы, встречаемыя въ разныхъ спискахъ стиха о голубиной книгѣ: Индрикъ, Вындрикъ, Единорогъ) изслѣдователи наши сближаютъ съ греч. ὕδρα. Отъ санскр. корня ud, uad (= vad, vand)—дѣлать мокрымъ образовались слова: санскр. uda, греч. ὕδωρ, литов. wandũ—сл. вода; санскр. udga, литов. udrà, англос. otog, сканд. oir, др.-нѣм. oitar—слав. выдра (илл. vidra)—собственно: водяное животное; греч. ὕδρα — водоносъ, ὕδρα (hudra)—баснословная водяная змѣя<sup>2)</sup>). Греческій мифъ рассказываетъ о славной борьбѣ Геракла съ лернейскою гидрою; это была страшная змѣя о девяти головахъ, обитавшая въ лернейскомъ болотѣ, близъ источника Амимоны; оттуда нападала она на стада (первоначально разумѣлись стада небесныя) и опустошала страну. Гераклъ выгналъ ее жгучими стрѣлами (т. е. молніями) изъ логовища и убилъ; совершивъ этотъ подвигъ, онъ смочилъ свои стрѣлы ядомъ гидры, и съ тѣхъ поръ сталъ наносить неизлѣчимыя раны <sup>3)</sup>). Въ числѣ другихъ животненныхъ олицетвореній облачнаго де-

<sup>1)</sup> German. Mythen, 144—6.— <sup>2)</sup> Пикте, I, 443; Radices linguae slov., 11; звукъ и въ словѣ „Индра-звѣрь“ вставной; самца этого—антотъ (Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Буслаев., 22).— <sup>3)</sup> Griech. Myth., II, 192—3.

мона, онъ представлялся и выдрю; у змѣя Фафнира былъ братъ Отиг, который въ образѣ выдры ловилъ въ водопадѣ рыбу и былъ убитъ камнемъ (— молніей), пущеннымъ рукою Лови, и за это убійство боги должны были поплатиться тѣмъ сокровищемъ, на которомъ впоследствии возлежалъ Фафниръ <sup>1)</sup>. Змѣи и драконы часто изображаются, какъ чудовища, обитающія въ водахъ или вблизи какого-нибудь источника. Такъ Тугаринъ-змѣй плыветъ по Окѣ-рѣкѣ, длина ему триста сажень, спиною валитъ круты берега, угрожаетъ залить всю страну <sup>2)</sup>. Герои старинныхъ былинъ встрѣчаютъ Змѣя Горыныча на Израй-рѣкѣ и Сафатъ-рѣкѣ <sup>3)</sup>; змѣй, съ которымъ сражался Кирило-кожемила, жилъ на Дитѣрѣ; сербскія аждаха— въ озерѣ <sup>4)</sup>. Еще теперь, когда неистовый потокъ, низвергающійся съ горъ, рушитъ деревья и скалы, въ Германіи говорятъ: «es ist ein Drach ausgefahren!» <sup>5)</sup> Огненному змѣю, приносящему людямъ обиліе и богатство (хлѣбъ и золото), чехи даютъ названіе plivník, plevník, plevel, а лужичане plon— отъ корня плу, плю: сик. plu— плуге, наше плыть употребляется и въ значеніи течь, лить («свѣча плыветъ»); къ этому же корню можно отнести слова: плѣ-ня, чеш. plennu, plinpu, слов. plēnnu, plemenný— плодovitый, дающій много сѣмянъ, пол. plenić, plonić— удобрить, сдѣлать плодороднымъ <sup>6)</sup>. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ стиха преданіе о звѣрѣ Индрѣ связывается съ священными горами: «живетъ тотъ звѣрь въ Сіонскихъ горахъ, въ Фаворѣ или Авонтъ-горѣ, онъ пьетъ и ѣстъ во святой горѣ (вар. изъ синя моря), и дѣтей выводитъ во святой-же горѣ; когда звѣрь поверотится —

<sup>1)</sup> Смирновъ, 156. — <sup>2)</sup> Сказ. Сихирова, 98, 106. — <sup>3)</sup> Кириша Дан., 184, 346. — <sup>4)</sup> Срп. припов., стр. 57. — <sup>5)</sup> Der Ursprung der Myth., 59. Въ норвежской сказкѣ (I, 24) пятиглавый тролль появляется изъ лона морскихъ водъ; на лубочной картинкѣ (см. сказку объ Ерусланѣ) змѣй изображенъ плывущимъ по морю. — <sup>6)</sup> Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 275.

всѣ святыя горы всколыхаются» <sup>1)</sup>. Это свидѣтельство роднитъ звѣря-Индру съ Змѣемъ Горынычемъ. Разрывая своимъ рогомъ, т. е. молніей, облачныя горы и подземелья и заставляя дрожать мать-сыру землю (==потрясаа ее громовыми раскатами), чудовищный звѣрь (==змѣй) даетъ истокъ дождевымъ ключамъ и рѣкамъ. Молніеносный рогъ, которымъ надѣляютъ народные преданія мненческаго царя-змѣя, далъ поводъ пѣвцамъ о голубиной книгѣ подставлять непонятное для нихъ названіе Инд-рикъ созвучнымъ словомъ един-рогъ. Въ XVII вѣкѣ рогъ единорога считался обладающимъ силою исцѣлять тяжкіе недуги и поддерживать цвѣтущее здоровье въ продолженіи всей жизни. Царь Алексѣй Михайловичъ соглашался за три такихъ рога заплатить десять тысячъ рублей; говорили, что они свѣтятся и бываютъ длиною до шести пядей. Небогатые люди старались доставать какія-то кости, признаваемые за змѣиные рожки; толкли ихъ въ порошокъ, примѣшивали къ питью и давали это снадобье больнымъ <sup>2)</sup>. Какъ олицетвореніе молніи, змѣй буравитъ своимъ рогомъ облака, проливаетъ дожди и производитъ наводненія; но какъ воплощеніе черной тучи, какъ существо демоническое, онъ самъ задерживаетъ дожди, закрывая ихъ животворную влагу въ облачныхъ пещерахъ, и причиняетъ засуху и безплодіе. Съ такимъ враждебнымъ характеромъ и является онъ въ большинствѣ народныхъ сказаній. По нѣмецкимъ сагамъ драконы отравляютъ колодцы и чрезъ то насылаютъ моръ на людей и животныхъ, особенно на коровъ, т. е. своимъ пламеннымъ дыханіемъ они на небѣ иссушаютъ дождевые родники и изводятъ облачныхъ коровъ, а на землѣ производятъ тошнотливый зной, заставляютъ пересыхать источники, вызываютъ вредныя испаренія и творятъ неурожай; естественнымъ же и необходи-

<sup>1)</sup> Калѣки Пер., II, 372.— <sup>2)</sup> Очеркъ домашн. жизни и нрав. великор. нар., 194—5; Ак. Ист., II, стр. 46; IV, 242.

ными послѣдствіемъ всего этого бываетъ сильная смертность между людьми и падежъ скота. При солнечныхъ затмѣніяхъ, которыя издревле приписывались нападенію страшнаго дракона, было въ обычаѣ закрывать колодцы, чтобы охранить ихъ отъ порчи и отравы <sup>1)</sup>. Залегая источники и рѣки, змѣи и драконы лишаютъ всю окрестную страну воды, томятъ и людей и стада смертельною жаждою. Въ апокрифической статьѣ про Федора Тирона (по рукописи XVI в.) читаемъ: «въ градѣ томъ... быше единъ кладязъ кипяій водою благо: тѣмъ же кладязъ одержимъ быше звѣрьми-змѣями и множествомъ много гаду, и даше имъ царь жрътву по вся лѣта коровъ 12 и оунецъ 80 и агнецъ 25, и пушаху воду, и насыщаше весь народъ». Когда обычная жертва была отиѣнена, «разгнѣвася змей и удрѣжа воду, и быша прискорбни людіе и скоти ихъ издыхаше» <sup>2)</sup>. Подобный же эпизодъ встрѣчаемъ въ малороссійской сказкѣ: въ чистомъ полѣ-на раздолѣи стояла криница, а вокругъ нея лежало двѣнадцать змѣевъ, и только этотъ одинъ источникъ и былъ во всемъ царствѣ; всякой разъ, когда приходилось брать изъ криницы воду, народъ долженъ былъ давать змѣямъ по двѣнадцати человѣкъ на пожраніе; такъ продолжалось долго, пока не явился богатырь, который перебилъ чудовищъ и освободилъ народъ отъ тяжелой дани <sup>3)</sup>. Въ Новгородѣ сохраняется преданіе о чародѣѣ Волховѣ, который въ образѣ крокодила (вѣрнѣе: дракона) залегалъ водяной путь въ тезоименитой ему рѣкѣ, и тѣхъ, кто не хотѣлъ чтить его, топилъ и пожиралъ (стр. 225). Новогреческая сказка <sup>4)</sup> упоминаетъ о змѣѣ, который поселился въ источникѣ; только однажды въ годъ допускалъ онъ соединенныхъ жителей къ водѣ, и то не прежде, какъ послѣ привода къ нему дѣвицы, кото-

<sup>1)</sup> Der Ursprung der Myth., 52, 74; D. Myth., 671.— <sup>2)</sup> Пам. отреч. лит., II, 93—95.— <sup>3)</sup> Кулишъ, II, 53—54.— <sup>4)</sup> Ганъ, I, стр. 308.

рую тутъ-же и съѣдалъ. По древнему греческому преданію, близни онискаго источника скрывался въ пещерѣ страшный драконъ, изъ глазъ котораго сыпались огненные искры; онъ оберегалъ источникъ, не позволялъ спутникамъ Кадма черпать оттуда воду и безпощадно умерщвлялъ ихъ; Кадмъ выступилъ противъ дракона и убилъ его <sup>1)</sup>. Такой захватъ и обереганіе источниковъ змѣями и драконами и свободный доступъ къ водѣ послѣ ихъ убіенія соотвѣтствуютъ усиліямъ Вритры задерживать небесные потоки, которые, послѣ побѣды надъ нимъ могучаго Индры, съ шумомъ низвергаются изъ облачныхъ горъ. Герои, убивающіе змѣевъ и открывающіе для всѣхъ безопасное пользованіе водными ключами суть представители бога-громовника, разителя тучъ и подателя дождей. Туже мысль выражаютъ и мифы о драконахъ, приставленныхъ сторожить золотыя яблоки гесперидъ и золотое руно Колхиды; ибо золотыя яблоки тождественны, по своему значенію, съ живою водою (стр. 309), а золотое руно — метафора весеннего дожде-носнаго облака (I, 683). По бѣлорусскому повѣрью: кто желаетъ вызвать дождь, тотъ долженъ убить змѣю и повѣсить ее на березѣ <sup>2)</sup>; чехи во время засухи ловятъ змѣю и вѣшаютъ головою внизъ на древесномъ сукѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько дней непременно пойдетъ дождь <sup>3)</sup>. Эсты думаютъ <sup>4)</sup>, что, вѣшая топоръ или змѣю, можно приманить вѣтры, пригоняющіе дождевыя облака (см. выше, стр. 305—6).

Народныя преданія утверждаютъ, что змѣи любятъ пить и сосать молоко. У чеховъ и нѣмцевъ извѣстны многіе рассказы о томъ, какъ ужь и змѣи являются на поляхъ, пастбищахъ и въ домахъ къ дѣтямъ поселанъ и пьютъ вмѣстѣ съ

<sup>1)</sup> Der Ursprung der Myth., 53—59. — <sup>2)</sup> Нар. сѣ. раз., 149. —

<sup>3)</sup> Громанъ, 52, 80. — <sup>4)</sup> Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, von Genthe, 15.

или налитое въ чашки молоко, при чемъ змѣиный король (или королева) слагаетъ съ своей головы золотую корону. Одна мать, отправляясь въ поле, отводила своего ребенка въ садъ и оставляла ему кринку съ молокомъ; странно казалось ей, что какъ-бы много не давала она молока — кринка всегда опорожнялась дочиста; рѣшилась подсмотреть, что бы это значило? и вотъ что увидѣла: выползла изъ стѣны змѣя и вѣстѣ съ дитятею принялась за молоко, а когда горшокъ опустѣлъ — легла къ ребенку на колѣни и стала играть съ нимъ. Здѣсь змѣѣ приданъ характеръ охранительнаго домашнего духа; въ нѣмецкихъ сагахъ змѣи нерѣдко являются у дѣтскихъ колыбелей и оберегаютъ младенцевъ. Въ *Gesta Romanorum* занесено слѣдующее любопытное сказаніе: ежедневно утромъ и вечеромъ, когда молодая коровница отправлялась доить коровъ, приползала въ хлѣвъ большая змѣя съ золотою короною на головѣ, и коровница всякой разъ давала ей пить парное молоко. Случилось, что служанка эта должна была оставить своего хозяина; при уходѣ ея изъ дою, благодарная змѣя подарила ей золотую корону <sup>1)</sup>. Подобныя преданія можно услышать и въ русскомъ царствѣ. Въ Новгородѣ рассказываютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ Перюньскій (Перынскій) скитъ, жилъ нѣкогда звѣрь-змѣяка Перюнь (=Перунъ), который каждую ночь ходилъ спать въ Ильмень къ волховской коровницѣ <sup>2)</sup>. Во многихъ деревняхъ убѣждены, что огненный змѣѣ летаетъ по ночамъ къ молодымъ бабамъ и сосетъ у нихъ изъ грудей молоко; такая женщина день ото дня все болѣе и болѣе слабѣетъ, чахнетъ и наконецъ лишается жизни <sup>3)</sup>; оборотни и вѣдьмы превращаются въ

<sup>1)</sup> D. Myth., 650—1; Beiträge zur D. Myth., II, 443. — <sup>2)</sup> Путевыя письма изъ новгор. и псковск. губ. П. Якушкина, 118—9. — <sup>3)</sup> Сравни Н. Р. Ск., V, 35; VIII, 23.

огненныхъ змѣевъ, и въ этомъ видѣ высасываютъ у коровъ молоко. Съ огненнымъ змѣемъ, говорятъ простолюдины, надо обходиться осторожно, не сердить его, и когда онъ прилетаетъ на дворъ — ставить ему молоко; въ противномъ случаѣ онъ сожжетъ домъ. Повѣрье это стоитъ въ ближайшей связи съ другимъ, по которому пожаръ, происшедшій отъ удара молніи, можно потушить только молокомъ. У насъ есть примѣта: «если молоко поставлено непокрытое, то его пьетъ нечистая сила», и ходить рассказы, будто въ сонныхъ людей, привыкшихъ спать съ разинутымъ ртомъ, вползали змѣи, и поселившись внутри челоѣка, ничѣмъ другимъ не могли быть вызваны ваздъ, какъ только запахомъ парнаго молока <sup>1)</sup>. Болгары утвѣряютъ, что змѣй-смокъ сосетъ коровъ и женщинъ; такой бѣды главнымъ образомъ опасаются 9-го августа: въ этотъ день не гоняютъ коровъ на пастбу, а женщины, особенно тѣ, которыя кормятъ ребенка грудью, не выходятъ изъ дому; бывало, что женщины, отправляясь въ поле жать, брали съ собой грудныхъ дѣтей, и вотъ когда утомленная мать засыпала на нивѣ — тотчасъ приползалъ смокъ, высасывалъ у ней молоко съ кровью, и такъ искусно, что она не чувствовала ни малѣйшей боли, а думала, что ее сосетъ ребенокъ <sup>2)</sup>. Тоже рассказываютъ и въ Германіи. Отъ этого молока змѣи въ короткое время становятся сильными и толстыми; а женщины, которыхъ сосутъ они, сохнутъ и хирѣютъ <sup>3)</sup>. Смокъ, бѣлор. цмокъ, пол. smok, стокъ, чешск. zмок, zmek, литов. zmakas — собственно: сосунъ (отъ smoktiac — сосать, см. стр. 435); въ пол. smok означаетъ и дракона, и водяной насосъ; чехи говорятъ: «smoký gako zmok» <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Записки Авдѣев., 140, 149; Терещ., VI, 14; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 6; Послов. Дала, 1037. — <sup>2)</sup> Каравел., 250. — <sup>3)</sup> Beiträge zur D. Myth., 442. — <sup>4)</sup> D. Myth., 654.

Когда мы напомнимъ, что дождевыя тучи представлялись нашимъ предкамъ то полногрудыми женами, то дойными коровами, которыхъ сосалъ и доилъ своими молніями богъ-громовержецъ, низводя на землю ихъ благодатное молоко въ видѣ дождя; то для насъ будутъ понятны всѣ приведенныя сказанія о змѣяхъ (т. е. молніяхъ), являющихся пить молоко и сосать женщинъ и коровъ. Молоко здѣсь — метафора дождя, а выраженія пить и сосать равносильны выраженію: проливать, низводить влагу (I, 671). По общему закону развитія мифовъ, эти поэтическія представленія были впоследствии перенесены на землю и преобразились въ суевѣрные рассказы и примѣты, имѣющіе въ виду обыкновенныхъ змѣй, коровъ и бабъ. Когда молнія сосетъ и доитъ тучи, онѣ постепенно рѣдѣютъ, умаляются и исчезаютъ съ неба; отсюда — убѣжденіе, что змѣй-сосунъ сугатъ коровъ и женъ, отнимаетъ у нихъ вѣстѣ съ молокомъ силы, здоровье и самую жизнь. Ему приписываются болѣзни и падежъ скота; если у коровы опухнетъ вымя, это знакъ, что ее сосутъ змѣи и лягушки <sup>1)</sup>; чума рогатаго скота называется змѣинымъ пострѣломъ <sup>2)</sup>). Лужичане различаютъ три рода огнедышащихъ, летучихъ змѣевъ: *reńeżny*, *żitny* и *młokowy zmiј*; первый приноситъ своимъ любимцамъ золото, второй — хлѣбъ — урожай, а послѣдній надѣляетъ коровъ изобильнымъ и вкуснымъ молокомъ <sup>3)</sup>). Такое раздробленіе мифическаго змѣя на три отдѣльные вида возникло подъ вліяніемъ различныхъ, усвоенныхъ ему эпитетовъ: какъ укrywатель золотыхъ лучей солнца, онъ названъ былъ денежнымъ; какъ обладатель и низводитель небеснаго молока, получилъ эпитетъ молочнаго; а какъ молоко-дождь воспитываетъ жатвы, даетъ урожай, то ему присвоено названіе житнаго. Тѣже повѣрья находимъ и

<sup>1)</sup> Громаниъ, 130. — <sup>2)</sup> Толков. Слов., I, 616. — <sup>3)</sup> Volkslieder der Wenden, II, 266.



у другихъ славянскихъ племенъ. Согласно съ вѣщаніи, чехи думаютъ, что красно-огненный драконъ приноситъ деньги, а сѣній — зерновой хлѣбъ; для своего хозяина домовый дракъ похищаетъ молоко и масло чужихъ коровъ; кто убьетъ гада-господарика, тотъ лишается счастья въ скотоводствѣ, и на поляхъ его будутъ родиться одни клеветы <sup>1)</sup>. Тому, кто счумѣлъ заслужить расположеніе цюка, онъ, по нѣвѣмъ бѣлоруссовъ, доставляетъ деньги, хлѣбъ и молоко, дѣлаетъ его нины плодородными, а коровъ богатыми молокомъ. Когда цюкъ несетъ золото, то бываетъ ясный, огненный; а когда — рожь и пшеницу, то летитъ черною тучею или принимаетъ темносиневатый цвѣтъ <sup>2)</sup>. Все это подтверждаетъ указанное нами выше сродство змѣевъ съ кобальдами; о послѣднихъ рассказываютъ, что они любятъ пить молоко, собирая разлитыя капли, и приносятъ своимъ хозяевамъ и хлѣбъ, и деньги <sup>3)</sup>. Летты прямо называютъ змѣй молочными матерями (prepa mahtes), т. е. производителями дождя <sup>4)</sup>. Литонское названіе громовой стрѣлки *Laimes pāras* указываетъ на молнію, какъ на сосокъ облачной жены, посредствомъ котораго точится молоко-дождь изъ ея материнской груди. По мнѣнію нашихъ знахарей, змѣиное молоко (теперь этимъ именемъ называютъ блестящую ртуть) можетъ легко разрушить всякую мельничную плотину; стоитъ только влить этого молока въ нрудъ — и плотина будетъ разорена <sup>5)</sup>, т. е. послѣдствіе дождевыхъ ливней прѣбываютъ воды и сбить напоромъ ломаютъ поставленные имъ преграды.

Съ живою водою нераздѣльнымъ понятію здоровья, прінести

<sup>1)</sup> Громаничъ. 23, 230, 233; *Der Ursprung der Myth.*, 73. По болгарскому повѣрью, змѣй собираетъ по ночамъ росу съ чужихъ нивъ и пастбищъ и переноситъ на поля своего любимца. — <sup>2)</sup> Приб. къ Ж. М. Н. II. 1846, 22—25; Могилев. Г. В. 1851, 19. — <sup>3)</sup> *Beiträge zur D. Myth.*, II, 337. — <sup>4)</sup> *D. Myth.*, 651. — <sup>5)</sup> Сахаровъ, I, 39.

силъ, красоты, молодости, заживленія ранъ и возстанія изъ мертвыхъ. Боги-громовики (Индра и Донаръ), какъ щедрые податели дождей, почитались пѣлителями всякихъ болѣзней <sup>1)</sup>; то же значеніе присвоилось и змѣю, какъ хранителю и проводнику животворной влаги небесныхъ источниковъ. Пробужденіе природы отъ зимняго омертвѣнія, дарованіе людямъ красоты и здоровья (поставленное народными повѣрьями въ самое близкое соотношеніе съ весеннимъ громомъ и дождями), богатырская и пѣлебная сила змѣя — все это представленія, тѣсно между собою связанныя. Заклятіе противъ болѣзни «родимца» скрѣпляется обращеніемъ къ змѣѣ и ѣдой и ѣдяницѣ, закладенной въ иѣданный столбъ <sup>2)</sup>; въ заговорѣ на защиту ратнаго человѣка отъ ранъ читаемъ: «въ моихъ узахъ сила могуча, сила могуча зиѣнная сокрыта — отъ змѣя двундесятьглаваго, того змѣя страшнаго, что пролетѣлъ ео окіанъ-моря, со острова Буяна, со иѣднаго дома, того змѣя, что убитъ двундесять богатырьми подъ двундесять муромскими дубами. Въ моихъ узахъ защиты зиѣнныя головы». Последнія слова указываютъ на дѣйствительный обычай носить въ амулетахъ (наузахъ) засушенныя зиѣнныя головки. Крестьяне, въ предостереженіе отъ лихорадокъ, носятъ на шеѣ зиѣнную или ужовую шкурку, или ожерелье изъ зиѣнныхъ головокъ <sup>3)</sup>; для защиты отъ чаръ и недруговъ привязываютъ къ шейному кресту голову убитой змѣи, а въ привѣскахъ (ладонкахъ) между прочимъ зашиваютъ и лоскутокъ зиѣнной кожи <sup>4)</sup>: кто носитъ такую привѣску, того всѣ будутъ любить и желать ему всякаго добра. Чехи ловятъ

<sup>1)</sup> German. Myth., 133—5.— <sup>2)</sup> Припомнимъ, что возвращеніе на иѣднаго змѣя исцѣляло евреевъ отъ ядовитаго укушенія обыкновенныхъ змѣй.— <sup>3)</sup> Сахаровъ, I, 27, 31; Терещ., VI, 16; Чернигов. Г. В. 1842, 40.— <sup>4)</sup> Владим. Г. В. 1844, 50; Вѣст. Р. Г. О. 1860, XI, 136; Пузыр., 161. Финны употребляютъ при лѣченіи болѣзней зиѣнные зубы, горло и кишку—Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 309.

ва Юрьевъ день зѣти, и содранную съ нея шкуру носить девять дней на шеѣ отъ лихорадки. Съ зѣтиною шкуркою они соединяютъ различные спасительныя свойства: если превратить ее въ пепелъ и присыпать раны — онѣ скоро затянутся; если смѣшать этотъ пепелъ съ водою и смочить глаза — никто тебя не очаруетъ; если посыпать этимъ пепломъ голову — враги будутъ бояться. Кто носить при себѣ языкъ, отрезанный у живой зѣти на Юрьевъ день, тотъ будетъ силенъ, страшенъ своимъ недругамъ и непобѣдимъ въ рѣчахъ: повѣрье, возникшее изъ представленія молніи — огненнымъ или зѣтинымъ языкомъ, а гроза — побѣдоноснымъ словомъ. Отъ падучей немочи чехи даютъ больному лепешку, приготовленную на зѣтиномъ яйцѣ <sup>1)</sup>). Въ прежнее время на Руси вышивали на ладонкахъ зѣтинныя головы въ связкѣ — числомъ десять или двѣнадцать; иногда онѣ примыкали къ круглому лицу, которое изображалось въ срединѣ и напоминало собою голову Медузы. Любопытно сравнить съ этими ладонками тѣ старинныя металлическіе амулеты, которые дошли до насъ въ немногихъ экземплярахъ и были несправедливо называемы медалями. Такихъ круглыхъ или овальныхъ амулетовъ извѣстно намъ шесть: черниговскій (золотой), тульскій (изъ композиціи), куликовскій (мѣдный). два рязанскіе (одинъ — мѣдный) и принадлежащій казанскому университету. На одной сторонѣ этихъ амулетовъ изображена голова съ выходящими изъ нея семью, десятью, двѣнадцатью или 14-ю зѣтями; только на куликовскомъ амулетѣ зѣти представлены въ связкѣ. На одномъ изъ рязанскихъ амулетовъ центральная голова изображена въ діадимѣ. На другой сторонѣ представлены священныя изображенія архангела Михаила или Богоматери, а на одномъ изъ рязанскихъ — изображеніе святаго, который биченъ или

<sup>1)</sup> Громанъ, 81, 166, 176.

молніеѣ поражаетъ убѣгающаго дьявола. Всѣ амулеты сдѣлавы съ ушками, въ которыя, конечно, вѣдѣвался шнуронъ или лента съ тѣмъ, чтобы носить ихъ на шеѣ. Амулеты восилсь для отвращенія колдовства и сохраненія здоровья, что подтверждается и находящимися на нихъ надписями. Надписемъ — нѣкоторыя славянскія, а большая часть греческихъ. На черниговскомъ амулетѣ читаетъ: «Господи, помози рабу своему Василю, аминь»; на тульскомъ: «Сыне Божій, спаси и сохрани носящаго (амулетъ), аминь». Кромѣ приведенной надписи, на черниговскомъ амулетѣ, а также на амулетѣ казанскаго университета ваходитъ слѣдующее заклинаніе: «очерневная чернотою (т. е. нечистая сила) — какъ зѣиѣ будешь ты извиватьсѣ въ прахъ, какъ левъ ревѣтъ и какъ агнецъ трепетать въ ужасѣ». Всѣ изслѣдователи признаютъ древность означенныхъ амулетовъ, что подтверждается формою буквъ и сокращеніями въ ихъ надписяхъ, напоминающими письмо Остромирова евангелія <sup>1)</sup>. Амулеты эти, судя по ихъ греческимъ надписямъ, должны быть византійскаго происхожденія; но такое заимствованіе нисколько не шло въ разрѣзъ съ національными вѣрованіями. Обычай носить охранительныя привѣски, наузы, былъ общій у славянъ со многими другими индоевропейскими народами, и мы видѣли, что для такихъ привѣсокъ донынѣ употребляютъ зѣиѣныя шкурки и головы. Въ 1843 году, во время екатскаго падежа, въ селѣ Давшинѣ убили зѣиѣю, выпустили изъ нея кровь въ кувшинъ, вкинули эту кровь съ дегтемъ и смолою, и приготовленною смѣсью налили ворота, чтобы отогнать моровую язву <sup>2)</sup>. Зѣиѣная кровь — метафора дождя; деготь и смола служатъ для подобнаго-же обозначенія (I, 788—9); смыслъ обряда

<sup>1)</sup> Вѣст. Евр. 1822, № V—VI, XV; 1828, XVII; 1829, XII—XIII, ст. Каченовскаго; Труды О. И. и Д., III, 131—7; VIII, 176 и дал.; Ж. М. Н. П. 1836, II, 336—363.— <sup>2)</sup> Этн. Сб., II, 28

тотъ: дождь, пролившійся изъ убитой змѣи-тучи, прогоняетъ нечистую силу врака—Смерть (Морану). По германскому преданію, помазаніе кровью дракона укрѣпляетъ тѣло и дѣлаетъ его неуязвимымъ для стрѣлъ и другаго оружія <sup>1)</sup>. Зигурдъ, убивши Фафинра искупался въ его крови и сдѣлался недоступенъ ранамъ; но во время купанья прилипъ у него за плечами древесный листокъ, и только въ это мѣсто, какъ помытое змѣиною кровью, можно было поразить героя. У грековъ змѣя принималась символомъ возрожденія, обновляющейся жизни. Асклепій (*Ἀσκληπιός*) изображался съ жезломъ, обвитымъ змѣею; сынъ Аполлона, богъ врачевства и целитель болѣзней (*Σωτήρ*), онъ обладалъ силою молодить старыхъ и воскрешать мертвыхъ. Такому искусству его научили змѣи. Однажды обвилась змѣя вокругъ его посоха, Асклепій убилъ ее, но выползла другая змѣя, держа во рту невидомую травку, прикосновеніемъ которой и воскресила убитую <sup>2)</sup>. Чудесная травка и посохъ Асклепія тождественны трехлиственному, обвитому змѣями жезлу Гермеса, которымъ онъ призываетъ къ жизни усопшихъ; это—извѣстная намъ Перунова трава или пруть-молнія, отыкающая весной облачныя горы, низводящая оттуда живую воду и тѣмъ самымъ пробуждающая природу отъ зимняго сна. Преданіе о змѣиной травѣ извѣстно у многихъ народовъ и даже занесено въ старинные лѣчебники. Такъ въ одномъ изъ рукописныхъ лѣчебниковъ XVII вѣка читаемъ о травѣ понутникѣ: «сказывалъ де виницоянинъ торговой человекъ: лучи-

<sup>1)</sup> D. Myth., 654. — <sup>2)</sup> Der Ursprung der Myth., 114, 124; D. Myth., 651. Римляне во времена республики, чтобы отвратить моровую язву, отпразднели въ Эпидаврѣ посланъ за изображеніемъ Аскулапа. Послы возвратились и привезли ужа, который самъ вползъ на ихъ корабль и въ которомъ римляне признали воплощенного бога. Тамъ, гдѣ привезенный ужъ вышелъ на берегъ, былъ построенъ храмъ Аскулапу.

лось ивъ дорбгою вѣати съ товары на возѣхъ тяжелыхъ, и змѣя де лежитъ на дорогѣ, и черезъ ее перешелъ возъ, и тутъ ее затѣрло — и она де умерла. И другая змѣя пришла и припесла во ртѣ припутникъ да на нее возложила, и змѣя де оживла и поползла<sup>1)</sup>. Въ народной русской сказкѣ встрѣчаемъ слѣдующій эпизодъ: идетъ лѣсомъ несчастная мать, несетъ на рукахъ своего зарѣзаннаго ребенка и видитъ — лежить подъ кустомъ змѣйка, нѣдное разрубленная; приползла къ ней большая змѣя съ зеленымъ листкомъ во рту, приложила листокъ къ мертвой змѣйкѣ — и та вмигъ срослась и ожила. Женщина подняла тотъ листокъ, приложила къ кровавой ранѣ своего малютки — и ребенокъ въ ту же мнвнуту встрепенулся, и вмѣстѣ съ жизнію получилъ непомѣрную силу — богатырскую<sup>2)</sup>. Нѣмецкая сказка: «Die drei schlangenblätter» рассказываетъ о королевнѣ, которая не хотѣла иначе выходить замужъ, какъ подъ условіемъ, чтобы женихъ далъ обѣщаніе: если она умретъ прежде, то и его схоронить вмѣстѣ съ нею. Выискался смѣлый юноша и женился на королевнѣ. Черезъ сколько-то времени умерла королевна и заклала ее въ могильный склепъ, вмѣстѣ съ мужемъ. Смотритъ онъ, а къ нему змѣя ползетъ; выхватилъ мечъ и разсѣкъ ее на три части. Тогда выползла другая змѣя съ тремя зелеными листьями во рту, приложила ихъ къ убитой змѣѣ — и та мгновенно исцѣлилась. Молодецъ поднялъ зеленые листья, приложилъ одинъ къ устамъ, а два къ очамъ своей мертвой подруги — и она ожила: кровь побѣжала въ ея жилахъ и лицо покрылось румянцемъ. Тоже самое сказаніе сообщаетъ и русская былина о богатырѣ Потокѣ<sup>3)</sup>, но съ весьма любопытны-

<sup>1)</sup> Истор. Христом. Вуслаева, 1851.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VI, 53, а. Подобные рассказы находимъ въ сборникахъ: Slov. pohad, 121; Skultety a Dobšinsk., I, 5; Шоттъ, 142; Шлейхеръ, 57; Ганъ, II, стр. 274; Сказ. Грим., 16.— <sup>3)</sup> Кирша Дан., 223—4.

ив отмизани. О живительныхъ листьяхъ здѣсь нѣтъ ни слова; вѣсто того богатырь, закладенный въ могилу съ своею первою женою, жжетъ ее змѣиною кровью:

Какъ пришла пора полуночная,  
Собиралися къ нему все гады змѣиныя,  
А потомъ пришелъ большой змѣй —  
Онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ;  
А Потокъ-Михайло Ивановичъ  
На то-то не робокъ былъ,  
Вынималъ саблю острую,  
Убиваетъ змѣя лютаго  
И сѣкаетъ ему голову,  
И тою головою змѣиною  
Учалъ тѣло Авдотьию назати;  
Възвормъ она еретица  
Изъ мертвыхъ пробуждалася.

По другому варианту, сообщенному въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Рыбниковымъ <sup>1)</sup>, богатырь хватаетъ змѣю въ клещи и бьетъ желѣзными прутьями:

Ай-же ты, змѣя подземельная!  
Принеси мнѣ живой воды —  
Оживить мнѣ молода жена.

И змѣя подземельная (—горынская) приноситъ ему живой воды, силу которой онъ пробуетъ сначала на убитомъ змѣишѣ, а потомъ уже оживляетъ свою молодую жену. Жена Потока принадлежитъ къ разряду вѣщныхъ лебединыхъ нимфъ; въ образѣ бѣлой лебеди являеся она своему суженому въ первую ихъ встрѣчу: черезъ перо лебедь золотая, а головка увита краснымъ золотомъ, усажена скатымъ жемчугомъ. Эти признаки указываютъ въ ней существо, тождественное съ скандинавскою Svanhvit Gullfjodhr, т. е. богиней Утренней Зорей (солнцемъ—I, 516). По вѣмецкимъ сагамъ пѣлѣбныя воды охраняются змѣями

<sup>1)</sup> I, 219; II, 63

бѣлыми женами; и тѣ, и другія приходятъ въ полдень купаться въ яеточникахъ <sup>1)</sup>. Самъ богатырь Потокъ, есть дождевой громовникъ; могла, въ которой онъ заключаетъ ся съ своею вѣщою женою, — поэтическое представленіе подземелья-туча. Захваченная темными демонами, лебединая жена подпадаетъ злему очарованію, переходитъ въ мрачное царство Смерти, и не прежде освобождается оттуда, не прежде воскресаетъ (=просвѣтляется), какъ послѣ побѣды громовника надъ змѣей-тучею. Онъ поражаетъ змѣю мечемъ-молніей, добываетъ живую воду и выводитъ на небо ясное солнце. Чехи убѣждены въ существованіи чудесной травы, исцѣляющей всякія болѣзни и раны; змѣя, разсѣченная надвое, ищетъ этой травы, и прикасаясь къ ней, снова срастается <sup>2)</sup>. Финны рассказываютъ о травѣ, которую змѣя, плывя по водѣ, держитъ въ своей пасти, чтобы предохранить себя отъ утопленія; съ помощію этой травы, она можетъ кусать самое твердое желѣзо, т. е. обрѣзаетъ ту же силу, какая принадлежитъ разрывъ-травѣ <sup>3)</sup>. Народныя повѣрья приписываютъ змѣямъ знаніе цѣлебныхъ зелій <sup>4)</sup>, и нѣкоторымъ травамъ присвоются на Руси названія: змѣиный корень (или чортова борода), змѣевыя головки, змѣиный укусъ, или Егорьево копье — *veronica latifolia* <sup>5)</sup>. Воспоминаніе о ииенческой змѣиной травѣ по преимуществу соединяется съ чеешокомъ и лукомъ, такъ какъ растенія эти, ради ихъ остраго, жгучаго сока, получили свои названія отъ корней, означающихъ жаръ, горѣніе: отъ *ush* — *ugere* санскр.

---

<sup>1)</sup> D. Myth., 1102, 1129; Beiträge zur D. Myth., II, 441. — <sup>2)</sup> Громовникъ, 89. — <sup>3)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 309. — <sup>4)</sup> Andeutung. eines Systems der Myth., 178. — <sup>5)</sup> У этой травы, по мнѣнію простолюдиновъ змѣя откусала верхушку (сравни выше стр. 418 — о травѣ чортова укуса); она предохраняетъ отъ змѣиного укушенія — Этн. Сб., VI, 126.



ušna, перс. sūch, лат. unio (вместо uscio) — луковница; рус. чеснокъ, нѣм. česap, литов. čėsžznakas роднятся съ перс. čashn — жаръ <sup>1)</sup>). По мѣтнію чеховъ, дикой чеснокъ на кровлѣ дома предохраняетъ зданіе отъ удара молніи <sup>2)</sup>). Въ Сербіи существуетъ повѣрье: если передъ Благовѣщеньемъ убитъ змѣю, посадить и вырастить въ ея головѣ луковицу чеснока, потомъ привязать этотъ чеснокъ къ шапкѣ, а шапку надѣть на голову, то всѣ вѣдлыи сбѣгутся и станутъ отымать его <sup>3)</sup>) — конечно потому, что въ немъ заключается великая сила; точно также нечистые духи стремятся отнять у человѣка таинственный цвѣтъ паноротника. Соответственное повѣрье, сохранившееся у чеховъ <sup>4)</sup>) замѣняетъ чеснокъ горохомъ — растеніемъ, посвященнымъ богу-громовнику: если у бѣлой змѣи отсѣчь голову и вложить въ ея правый глазъ горошину, то вырастетъ чудесный стручокъ; кто станетъ носить его при себѣ, тотъ будетъ неввдиною (сравни выше стр. 383), а кто съѣстъ его, тотъ будетъ понимать языкъ птицъ (см. стр. 573) Тому, кто желалъ одержать верхъ на судебномъ поединкѣ, колдуны и знахари совѣтовали: «убей змѣю черную саблею или ножомъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту и положи въ сапогъ лѣвой, а обуи на томъ же мѣстѣ... А когда надобно, и ты въ тотъ сапогъ положи три зубчика чесноковыя... и бери съ собою, когда пойдешь на судъ или на поле битвы» <sup>5)</sup>). По указавію памятниковъ, въ старину нѣли въ честь языческихъ боговъ, вкладывая въ чашу чеснокъ; въ словѣ христіянина (рукопись XIV в.) сказано: «іогневъ (Сварожичу) молятся, ічесновитокъ — богомъ, же его творять—егда оу кого будетъ пвръ, тогда же кла-

<sup>1)</sup> Пикте, I, 298—9.— <sup>2)</sup> Громовикъ, 39.— <sup>3)</sup> Срн. рјечник, 30.—

<sup>4)</sup> Громовикъ, 202, 206—7.— <sup>5)</sup> Очеркъ домашн. жизни и нрав. славянор. народ., 190.

лутъ въ ведра і въ чашн, и пьютъ о ідолѣхъ своїхъ, веселя-  
щися не хужши суть еретиковъ». Въ словѣ, приписанномъ  
Григорію Богослову (рукоп. XIV в.): «словѣе же на свадь-  
бахъ, въкладывающе ерамоту і чесночитокъ въ вѣдра,  
ньютъ» <sup>1)</sup>. Чесноку приписывается сила прогонять вѣдьмъ,  
аечистыхъ духовъ и болѣзни. У всѣхъ славянъ онъ составля-  
етъ необходимую принадлежность ужина наканунѣ Рождества;  
въ Галиціи и Малороссіи въ этотъ вечеръ кладутъ передъ  
каждымъ праборомъ по головкѣ чеснока, или вѣсто того  
волагаютъ три головки чеснока и двѣнадцать луковницъ въ  
сѣно, которымъ бываетъ устланъ столъ; дѣлается это въ  
охрану отъ болѣзней и злыхъ духовъ <sup>2)</sup>. Чтобы оборонить се-  
бя отъ вѣдьмъ, сербы натвѣраютъ себѣ подошвы, грудь и подъ  
мышками сокомъ чеснока <sup>3)</sup>; чеха съ тою-же цѣлю и для  
прогнанія болѣзней вѣшаютъ его надъ дверями <sup>4)</sup>; частымъ  
повтореніемъ слова чеснокъ можно отдѣлаться отъ нападковъ  
лѣшаго <sup>5)</sup>; въ Германіи думаютъ, что цверга не терпятъ  
луку и улетаютъ, заслыша его запахъ <sup>6)</sup>. Въ нѣкоторыхъ  
деревняхъ южной Россіи, когда невѣста отправляется въ цер-  
ковь, ей завязываютъ въ косу головку чеснока, для отвраще-  
нія порчи <sup>7)</sup>. По сербской поговоркѣ, чеснокъ защищаетъ отъ  
всякаго зла <sup>8)</sup>; а на Руси говорятъ: «лукъ отъ семи не-  
дугъ» <sup>9)</sup>, и во время мороваго повѣтрія крестьяне считаютъ  
за необходимое носить при себѣ лукъ и чеснокъ, и какъ мож-  
но чаще — употреблять ихъ въ пищу.

Живая вода надѣляла тѣхъ, кто испивалъ ее, великою муд-  
ростью и предвѣденіемъ: эти вѣщіе дары принадлежатъ и змѣю.

<sup>1)</sup> Лѣт. рус. лѣт., IV, отд. 3, 89, 92, 99. — <sup>2)</sup> Мавкъ, XI, 55; Терещ., VII, 28, 63; Piesni ludu polskiego w Galicyi Жероты Паули, 1. — <sup>3)</sup> Сри, рјечникъ, 66; D. Myth., 1031. — <sup>4)</sup> Громаниъ, 89—90. — <sup>5)</sup> Рус. прост. праздн., IV, 12. — <sup>6)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 320 — <sup>7)</sup> Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 305. — <sup>8)</sup> Сри. посаов., 316. — <sup>9)</sup> Толков. Слов., I, 873.

Наравнѣ съ дѣвами судьбы, обитавшими у небесныхъ источниковъ, онъ вѣдаетъ все тайное; поэтому въ сказкѣ о Маркѣ Богатомъ <sup>1)</sup> Василій Безсчастный идетъ къ царю-змѣю, обращается къ нему съ тремя вопросами или загадками, и царь-змѣй разрѣшаетъ ихъ. Загадки всѣ мифологическаго содержанія: про вѣсковой дубъ, подъ которымъ спрятаны золотыя сокровища (= туча, закрывающая солнце), про китъ-рыбу, что лежитъ мостомъ черезъ все море широкое (см. стр. 160), внаконецъ о перевозчикѣ, который обязанъ перевозить смертныхъ на тотъ свѣтъ. Въ норвежской редакціи <sup>2)</sup> сказочный герой задаетъ дракону вопросы о весеннихъ дарахъ природы, похищенныхъ демонами зимы: отчего нѣтъ въ королевскомъ колодезѣ воды? куда унесена прекрасная королева и гдѣ затерянъ ея золотой ключъ? т. е. гдѣ сокрытыя дождевыя источники, куда исчезла богиня лѣта и гдѣ спрятанъ золотой ключъ-молнія, отпирающій свѣтлое небо и дождевыя облака? Сказка эта извѣстна у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; но особенно-важною для насъ признаемъ мы сербскую редакцію <sup>3)</sup>, гдѣ вмѣсто царя-змѣя вопросы обращены къ Судьбѣ. Аполлонъ, побѣдитель Пифона, шѣлъ въ Дельфахъ оракулъ; треножникъ, на которомъ возсѣдала вѣщая пифія, стоялъ надъ разсѣдиною горы, откуда исходили испаренія, наводившія на вдыхающую ихъ жрицу родъ изступленія. Все, что она изрекала, признавалось за слово самого божества, которое (по первоначальному представленію) вѣщаетъ къ людямъ громовыми глаголами изъ тумановъ облачныхъ горъ. Кассандра и братья ея Геленъ, оставленные въ святилищѣ Аполлона, получили даръ предвѣщаній отъ змѣй, которыя очистили ихъ слухъ (уши), сдѣлали его столь чуткимъ къ воспріятію всякаго знанія, что

---

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., I, 13.— <sup>2)</sup> I, 5; сравни Сказ. Грим., 29.— <sup>3)</sup> Срп. припов., стр. 93—97.

они стали понимать языкъ птицъ <sup>1)</sup>); сходно съ этимъ, Аелна очистила слухъ предвѣстителю Тирезію, и взявъ отнятаго у него зрѣнія, дала способность разумѣть птицъ, т. е. взамѣнъ дневнаго свѣта, сокрытаго темными тучами, дается возможность слышать напѣвы грозовыхъ птицъ. Тѣмъ-же знаніемъ надѣляетъ и вкушеніе драконовоѣ кровн. Эдда рассказываетъ, что Зигурдъ, послѣ убіенія Фафнира, сталъ жарить его сердце на горячихъ угляхъ; когда оно запынилось кровью, Зигурдъ, желая узнать — готово ли драконово сердце, дотронулся до него пальцемъ. обжогся и сунулъ палецъ въ ротъ: едва кровь Фафнира попала ему на языкъ, какъ въ ту же минуту онъ сталъ понимать птичьи рѣчи, и вслѣдъ за этимъ съѣлъ сердце цѣликомъ. По русскимъ преданіямъ, кто съѣдаетъ змѣиныя сердца, тотъ становится сильномогучимъ богатыремъ <sup>2)</sup>). Въ одной изъ нашихъ сказокъ <sup>3)</sup> охотникъ увидалъ горящій пень, а въ огнѣ змѣю, помогъ ей вылѣзть, и змѣя одарила его въ благодарность разумѣніемъ языка животныхъ. Съ этою сказкою сходны сербская: «Немушти језикъ» <sup>4)</sup> и нѣмецкая: «Die weisse schlange» <sup>5)</sup>). Змѣиный царь плюетъ въ открытый ротъ пастуху и даетъ ему «немушти језикъ» т. е. способность понимать рѣчи животныхъ <sup>6)</sup>); напомнимъ, что слюна — метафора дождя и что изъ нея созданъ былъ вѣщій Квасиръ (см. I, 397-9). Нѣмецкая сказка о бѣлой змѣѣ начинается такъ: жилъ нѣкогда царь, славный своей мудростью; во всемъ свѣтѣ не было ничего, чтò бы оставалось для него тайною. У этого царя соблюдался обычай: каждый день, по окончаніи обѣда, вѣрный слуга приносилъ ему какое-то запы-

<sup>1)</sup> Der Ursprung der Myth., 46, 55—56; Andent. eines Systems der Myth., 178—9.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VI, 53, h.— <sup>3)</sup> Ibid., 47.— <sup>4)</sup> Срп. припов., 3; сравни болгарскую сказку въ сборникѣ Эрбена, 222.— <sup>5)</sup> Сказ. Грим., 17.— <sup>6)</sup> Въ новогреческой сказкѣ (Ганъ, I, стр. 236) драконъ, чтобы сообщить герою это чудесное знаніе, глотаетъ его и потомъ выплевываетъ назадъ.

тое блюдо, и царь не иначе его отвѣдывалъ, какъ оставшись наединѣ. Разъ, вынося таинственное кушанье, слуга любопытствовалъ взглянуть на него, поднялъ крышку и увидѣлъ бѣлую змѣю; онъ отрѣзалъ себѣ небольшой кусокъ и вложилъ въ ротъ. Въ ту же минуту послышался ему за окномъ странный говоръ многихъ тоненькихъ голосовъ: то были веробы, весело болтавшіе на дворѣ, и слуга догадался, что онъ получилъ даръ понимать животныхъ <sup>1)</sup>). Въ Малороссіи ходитъ такой рассказъ <sup>2)</sup>: ѣхалъ чумакъ съ наймитомъ, остановились на попѣсь и развели огонь. Чумакъ отошелъ въ сторону, свистнулъ — и сползлась къ нему цѣлая стая змѣй; набравши гадюкъ, онъ вкинулъ ихъ въ котелокъ и началъ варить; когда вода закипѣла, чумакъ слилъ ее наземъ; слилъ и другую воду, и уже въ третью всплала пшена. Приготовилъ кашу, поѣлъ ее и велѣлъ наймиту вымыть котелокъ и ложку: «да смотри, говоритъ, не отвѣдывай моей каши!» Наймитъ не утерпѣлъ, наскрѣбъ полную ложку гадючей каши и съѣлъ; чудно ему стало! видитъ и слышитъ онъ что всякая травка на степи колыхнется, одна къ другой наклоняется и шепчутъ: «я отъ такой-то болѣзни помогаю!» «у меня такая-то сила!» Вздумалъ подойти къ возу, а волы говорятъ: «вотъ идетъ закладывать насъ въ ярмо!» И во всѣхъ звукахъ, какіе только доходили до его слуха, стали ему слышаться разумныя рѣчи <sup>3)</sup>. Народныя бы-

<sup>1)</sup> Сказка эта извѣстна и между чехами—Громаничъ, 230 —<sup>2)</sup> Рус. Бес. 1856, III, 83—84. — <sup>3)</sup> Любопытно окончаніе рассказа: когда чумакъ привѣдѣлъ, что наймитъ не послушался запрета и попробовалъ гадючей каши, онъ всталъ съ воза, вырвалъ себѣ черныбыль, облуцалъ его и говоритъ: «на, съѣшь!» Наймитъ съѣлъ и пересталъ слышать — что говорить травы и понимать животныхъ. Отъ того-то черныбыль зовутъ на Украинѣ забудьками. Подобный же рассказъ переданъ въ сборникъ Худяк., 38, и въ Lud Ukrain., I, 353—6: попался въ плѣнь къ татарамъ или песиголовцамъ (т. е. великавамъ) парубокъ; разъ хозяина его варилъ змѣя и до сени разъ сливалъ наземъ воду, отчего кругомъ вся трава

лны воспоминають о богатыряхъ, которыми было доступно это высшее вѣдѣніе; о князѣ Романѣ, наприимѣръ, сказано, что онъ былъ хитѣрь-мудѣрь, «зналъ языки вороньиные, зналъ языки всѣхъ птичьихъ» <sup>1)</sup>. Бѣлая змѣя—олицетвореніе лѣтняго, бѣлоснѣжнаго, т. е. озареннаго солнечными лучами облака, и потому въ преданіяхъ стоитъ въ близкой связи съ другимъ олицетвореніемъ дождеваго облака—бѣлою женою (*weisse frau*); и та, и другая стерегутъ живую воду, и бѣлыя жены порядко принимаютъ на себя змѣиный образъ. Вкусить мяса бѣлой змѣи — тоже самое, что испить воды мудрости—пролить дождь и услышать (= уразумѣть) вѣщія глаголы грозovýchъ птицъ и животныхъ.

Оплодотворяющая сила весеннихъ грозъ выразилась въ мифѣ сказаніи о любовной связи, въ которую богъ-громовникъ вступаетъ съ облачными женами и дѣвами. Также предста-

---

почерпала. Пльвиникъ попробовалъ этого кушанья, и услышалъ, какъ деревья и зелья, колымаясь отъ вѣтру, разговаривали между собою о своихъ цѣлебныхъ свойствахъ; пришелъ въ новшину и спросилъ: какой конь вынесетъ его на свободу? — Я вынесу! отозвался одинъ конь; парубокъ сѣлъ верхомъ и поскакалъ къ морю, а хозяинъ-невыбра за нимъ на погоню. Гнался-гнался, да видитъ, что поздно, что пльвиникъ уже посередѣ моря плыветъ, и закричалъ ему: „Иване, Иване! какъ прѣдешь доной, авари себя кореньемъ черномыла и напейся; еще больше узнаешь, чѣмъ теперь!“ Парубокъ съ дуру послушался, выпилъ черномылу и позабылъ все, что зналъ. Черномыла—*artemisia vulgaris*. Назанути Иванова дѣя вьютъ изъ этой травы вѣвекъ, смотрятъ сивозъ нихъ наможенный огонь и надѣвають ихъ на головы; кто это соблюдаетъ, у того въ теченіи цѣлаго года не будутъ болѣть ни глаза, ни голова. Наваронъ вѣз черномыла, собранной на Ивановъ день, обмывають коронъ, чтобы онѣ давали больше холоха. Нидцы называютъ черномыла *Johannisgürtel*, а чехи — *sv. Jana ráv* или *bylina*; крестьяне обмываются этою травою съ цѣлю предохранить себя отъ нечистыхъ духовъ, вѣдьмъ и болѣзней — Громанихъ, 90—91. Сравнъ выше, стр. 420 съ преданіемъ о напѣткѣ забвенія.— <sup>1)</sup> Рыбникъ, I, 438.

влѣніе соединяется и съ змѣѣмъ, какъ воплощеніемъ молніи и громоносной тучи. Онъ—возбудитель любви, и въ заговорахъ къ нему обращаются съ просьбою наслатъ въ сердце дѣвицы это пламенное чувство <sup>1)</sup>: «встану я, пойду въ чистое поле, къ широкому раздолью къ синему морю-окиану. У того у синяго моря-окиана лежитъ огненный змѣѣ; сряжается-снаряжается онъ зажигать горы и доли и быстрыя рѣки... Подойду я поближе, поклонюсь я пониже. Гой еси ты, огненный змѣѣ! ве зажига-гай ты горы и доли, ни быстрыя рѣки; зажги ты красну дѣвицу (ниарекъ) въ сямьдесятъ семь составовъ, въ семьдесятъ семь жилъ и въ единую жилу станovou, во всю ея хотъ, чтобъ ей милолось и хотѣлось, брало бы ее днемъ при солнцѣ, ночью при мѣсницѣ, чтобъ она тосковала и горевала по рабу такому-то» (сравни I, 450—4). Отсюда возникла чаратотъ, кто желаетъ сохранить любовь дѣвицы, долженъ найдти змѣю, придавить ее къ землѣ рогулькою и продѣть сквозъ ея глаза иглу съ ниткою, причитывая: «змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ бы раба божья (ниарекъ) любилъ меня и жалѣлъ»; потомъ взять эту змѣю, вытопить изъ нея сало и сдѣлать свѣчу. Замѣтивъ охлажденіе въ любви, должно зажечь змѣиную свѣчу; вмѣстѣ съ свѣчемъ снова возгорится и любовь въ сердцѣ дѣвичьемъ <sup>2)</sup>. Змѣѣ Ври-тра изображается въ Ведахъ похитителемъ небесныхъ жевъ (dēvaratnīś <sup>3)</sup>). До насъ донеслась цѣлая группа славянскихъ преданій, повѣствующихъ о любовныхъ связяхъ огненного змѣѣ и похищенія имъ дѣвъ. Вмѣстѣ съ усвоеніемъ змѣѣ богатырскаго типа, ему придаются и человѣческія страсти, и самое олицетвореніе это низводится на землю и ставится въ условія обыкновенной людской жизни. Изъ представителя гро-

<sup>1)</sup> Библ. для Чт. 1848, IX, 48.— <sup>2)</sup> Сахаров., I, 40.—<sup>3)</sup> Germann. Mythen, 75 и дал.

зы, вступающаго въ брачный союзъ съ вѣщими жевани облачнаго неба, изъ молніеноснаго демона, низводящаго плодотворное сѣмя дождя, огненный змѣй становится обольстителемъ земныхъ красавицъ, ихъ таинственнымъ любовникомъ и опаснымъ врагомъ семейнаго счастья. Змѣй, говорятъ простолюдины, летитъ по поднебесью, дыша пламенемъ; надъ знакомомъ ему избою разсыпается онъ искрами и черезъ трубу является передъ избранною подругою и оборачивается молодымъ неслезанной красоты. Съ воздушныхъ высотъ онъ высматриваетъ красныхъ дѣвушекъ, и если очаруетъ какую любовнымъ обаяніемъ—то зазноба ея неизгладима во вѣки: зазнобу эту не заговорить, не отпнуть нельзя. «Не любя полюбишь, не хвала похвалишь такого молодца (змѣя); умѣетъ оморочить онъ, злодѣй, душу красной дѣвицы привѣтлив; усладитъ онъ, губитель, рѣчью лебединою молодцу молодцу; заиграетъ онъ, безжалостный, ретивымъ сердцемъ дѣвичьимъ; затомитъ онъ, ненасытный, ненаглядную въ горячихъ объятіяхъ; растопитъ онъ, варваръ, уста злыя. Отъ сего поцѣлуевъ горитъ красна дѣвица румяной зарею; отъ сего привѣтовъ цвѣтетъ она краснымъ солнышкомъ. Безъ змѣя красна дѣвица сидитъ по тоскѣ во кручинѣ; безъ него она не глядитъ на божій свѣтъ, безъ него она сушишь-сушитъ себя!» <sup>1)</sup> О падающихъ звѣздахъ говорятъ, что это огненные змѣи или нечистые души, поспѣшающіе на любовное свиданіе къ одинокимъ бабамъ и дѣвицамъ; по нѣкоторымъ мѣстамъ увѣряютъ, что звѣзда всегда упадетъ на тотъ дворъ, гдѣ дѣвица потеряла невинность <sup>2)</sup>. Но и до сихъ поръ преданіе не забыло о вѣщемъ характерѣ тѣхъ женъ и дѣвъ, съ

<sup>1)</sup> Сахаров., II, 6. Въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ (I, 47-48) напечатана пѣсня, которую поютъ Солнцевы дѣвы на бракъ огненного змѣя; но пѣсня эта, очевидно, поддѣльная.— <sup>2)</sup> Абев., 202; Сахаров., II, 63; Рус. въ св. посл., IV, 44.



которыми вступаетъ змѣй въ брачное торжество; по народному повѣрью, любовницами его по преимуществу бывають вѣдьмы, чародѣйки, и та женщина, изъ которой летаетъ огненный змѣй, уже ради этой связи приобретаетъ волшебную силу. Въ пѣснѣ про Добрыню полюбовница Змѣя Горыныча, молодая Марина, насылаетъ на этого витязя чародѣйнымъ заклятіемъ любовную тоску, потомъ превращаетъ его въ тура-золотые рога, а сама оборачивается птичкой-касаточкой и летитъ въ чистое поле <sup>1)</sup>). Плодомъ нецѣломудренныхъ связей женъ съ змѣями бывають не обыкновенныя дѣти, а богатыри-кудесники и кикиморы, т. е. грозовые духи (см. стр. 100—3). Припомнимъ Тугарина Змѣевича и Волка Всеславьевича. Разъ

По саду, саду зеленому ходила-гуляла  
Молода княжна Марѳа Всеславьевна;  
Она съ камня спочила на лютаго змѣя—  
Обвивается лютой змѣй около чебота-зе-  
ленъ сафьянъ,  
Около чулочка шелковаго, хоботомъ бьетъ  
по бѣлу стегну;  
А втапоры княжна понось понесла,  
А понось понесла—и дитя родила. <sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> Кириша Дан, 61-71.— <sup>2)</sup> Слича съ пѣсней, напечатанною въ Приб. къ Изв. А. Н. 1854 г., 278—280: „ступила княгиня на лютаго змѣя на Горыныча; вокругъ ея ноги змѣй обвилси, хоботомъ бьетъ ее въ бѣлыя груди“. Въ сборникѣ пѣсней Кирѣвскаго, III, 113—4:

Изъ того ли подъ бѣлаго камешку  
Выползала змѣя лютая,  
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,  
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.  
Молодая княгиня испужалася—  
Во чревъ дитя встрепенулося.

Пишетъ она ярлыкы скорописные, посылаетъ за княземъ: „воротися домой, молодая княгиня беременна!“

Родился могучій богатырь Волхъ; во время его рожденія со-  
тряслася земля, всколебалось море, какъ при рожденіи гро-  
зовника (молніи) изъ нѣдръ тучи—трясутся облачныя горы  
и шумятъ дождевые потоки <sup>1)</sup>; подобно тому нѣмецкая сага  
разсказываетъ, что въ то время, когда нарождался герой Hel-  
gi, кричали орлы (разносители перуновъ) и лились изъ горъ  
священныя воды <sup>2)</sup>. Древнѣйшему сказанію о происхожденіи  
богатыря-громовника отъ змѣи придана была впоследствии  
историческая окраска, и въ самомъ богатырѣ этомъ стали  
видѣть вѣщаго Олега. Тоже примѣненіе мифическаго преда-  
нія къ историческимъ героямъ встрѣчаемъ и у народовъ антич-  
ныхъ; такъ, по свидѣтельству Тита Ливія, объ Александрѣ  
Македонскомъ разсказывали, будто онъ родился отъ огромной  
змѣи, которую часто находили въ спальнѣ его матери, и ко-  
торая тотчасъ-же уползала и скрывалась, какъ скоро показы-  
вались люди. Светоній говоритъ, что народъ почиталъ Авгу-  
ста за сына Аполлонова; однажды мать его заснула въ хра-  
мѣ, посвященномъ Аполлону; пользуясь ея сномъ, явился дра-  
конъ и совершилъ съ нею соитіе, плодомъ котораго и былъ  
«божественный» Августъ. Любовь огненнаго змѣи точно такъ  
же сушитъ и изводитъ избранную красавицу, какъ и высу-  
шивание имъ молока изъ женскихъ грудей: оба представленія  
—равносильны, и въ преданіяхъ нерѣдко замѣняются одно  
другимъ; ибо таже называющаяся змѣей молнія, которая со-  
сетъ молоко-дождь, уподоблялась и фаллосу. Сербская пари-  
ца Милица отъ змѣиной любви стала «у образу бл'яда и по-  
тиула»; на Руси думаютъ, что и шутовка (водяная—грозовая  
жена), если привяжется къ парню, то непременно изсушитъ  
его своею любовью <sup>3)</sup>. Въ сказкахъ змѣи представляется по-

<sup>1)</sup> Кирша Дан., 45; Сахаров., II, 16; Иллюстр. 1845 г., 203.—

<sup>2)</sup> D. Myth., 363.— <sup>3)</sup> Срп. н. пјесме, II, 256; Библия для Чт. 1861, IV, стат. Желазнова.

хитителемъ красавицъ; эту роль раздѣляютъ съ нимъ и олицетворенія грозовыхъ силъ природы, выводимыя въ народномъ эпосѣ подъ своими нарицательными названіями: Вѣтеръ, Громъ, Дождь и Градъ (I, 507 — 8); о похищеніяхъ царевенъ Вихремъ сказки упоминаютъ весьма часто <sup>1)</sup>. Въ шведской сказкѣ облако, спустившись въ садъ, унесло оттуда трехъ королевенъ, которыя впоследствии найдены въ горной пещерѣ у троллей; тамъ были онѣ заключены на семь долгихъ лѣтъ, т. е. на семь зимнихъ мѣсяцевъ, пока не явился пастухъ и не освободилъ ихъ при помощи трехъ собакъ, разорвавшихъ троллей; эти собаки—олицетвореніе вѣтровъ, разсевающихъ зимніе туманы, а пастухъ—самъ Торъ, владыка небесныхъ стадъ <sup>2)</sup>. Выводятъ въ сказки змѣевъ или прямо стихійныя силы, все равно—мионическая основа остается одна и таже; потому что летучій змѣй не что иное, какъ воплощеніе громовой тучи. Прилетая за прекрасной царевною и возвращаясь въ свой дворецъ, онъ является съ громомъ и бурей: «поднимается (говоритъ сказка) сильная буря, громъ гремѣть, земля дрожитъ, дремучій лѣсъ долу приклоняется—летитъ трехглавый змѣй» <sup>3)</sup>. Царевны, уносимыя вихрями, обрѣтаются потомъ въ змѣиныхъ царствахъ. Сербскія пѣсни поютъ про любу змѣя огненнаго:

Змај пролеће с мора на Дунаво  
И под крилом пронесе дјевојку,  
Под јединим лијеку дјевојку,  
А под другим рухо дјевојачко <sup>4)</sup>.

Это была дочь славнаго царя, вѣрная люба огненнаго змѣя, и пронеслись они черезъ поле, «какъ звѣзда преко ведра не-

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., I, стр. 128; VIII, стр. 368, 663—4 и др.; Срп. припов., 5.— <sup>2)</sup> German. Mythen, 172; Nordisches Märchenbuch, von Müldener, 55.— <sup>3)</sup> Н. Р. Сл., VII, стр. 103.— <sup>4)</sup> Нарядъ, платье дѣвчье.

ба». Въ другой пѣснѣ разсказывается про сива сокола (= одно изъ любимыхъ превращеній бога-громовника), который залетѣлъ за море и женился тамъ:

Уаго је л(ь)убу огн(ь)евн(ь)ту —  
Када ходи, како ветар веје,  
Кад говори, како сабл(ь)ом сече <sup>1)</sup>.

Говоръ — метафора грома, сабля — молніи.

Красныя дѣвицы, которыхъ сватають и уносятъ Вихри, Громъ и змѣи (nebeldrachen), суть или облачныя (=дожде-носныя) дѣвы или небесныя свѣтила; ибо отсутствіе лѣтнихъ дождевыхъ облаковъ и закрытіе блестящихъ звѣздъ, луны и солнца темными тучами и туманами на древнемъ метафорическомъ языкѣ называлось похищеніемъ неважныхъ красавицъ драконами, змѣями, великанами, и вступленіемъ съ ними въ насильственный или добровольный супружескій союзъ. Въ одной изъ русскихъ сказокъ <sup>2)</sup> похищаемыя дѣвицы прямо названы Луной и Звѣздою; на крыльяхъ вихря уносятъ ихъ оборотень-медвѣдь (или лѣсное чудо) и чудо морское, т. е. мрачныя тучи, такъ какъ дождящаго Перуна почитали морскимъ царемъ, владыкою облачнаго моря, и давали ему животный образъ медвѣдя. Названіе чудо равно при-своится и морскому царю, и змѣямъ, и великанамъ. Какъ представитель черныхъ тучъ, постоянно обближаемыхъ съ ночнымъ иракомъ, змѣй получаетъ въ народныхъ преданіяхъ значеніе злаго демона; ему приписывается не только скрадываніе свѣта, но и задерживаніе самыхъ дождей въ вертепахъ облачныхъ горъ — до тѣхъ поръ, пока стрѣлы громовника не проложатъ свободнаго пути дождевымъ ливнямъ и не откроютъ взорамъ смертныхъ сіяющаго солнца. Такъ какъ тьма, производимая тучами и ночью, отождествлялась фанта-

<sup>1)</sup> Срп. н. пјесме, I, 162—4, 189.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VIII, стр. 663—673; Иллюстр. 1845, 87—102.

зіей древняго челоуѣка съ зимою, отнимающею ярніе лучи солнца и благодатные дожди; то съ змѣемъ необходимо сочеталось и представленіе демона зимняго времени. Съ такимъ значеніемъ выступаетъ онъ и въ гимнахъ Ведъ, призывающихъ Индру разрушить семь крѣпкихъ городовъ Вритры — царство демона семинѣсячной зимы. Такъ змѣю приписывались и лѣтнія засухи, и зимнее бездождіе; вмѣстѣ съ этимъ онъ губитъ земное плодородіе, производитъ неурожай, голодъ, и называется великимъ вредителемъ <sup>1)</sup>. Болгары вѣрятъ, что ламіи (змѣи) поѣдаютъ жито, и если бы не побивалъ ихъ Ілья-пророкъ, то земля не родила бы хлѣба <sup>2)</sup>. По преимуществу, какъ воплощеніе зимнихъ тумановъ и снѣжныхъ тучъ, змѣи и признавался хищникомъ небеснаго свѣта и дождей, скупымъ сокрывателемъ золота и живой воды; этотъ злобный, хищническій типъ удерживаетъ онъ въ большинствѣ сказаній, донинѣ живущихъ въ устахъ индоевропейскихъ народовъ. Откуда понятно, почему народныя повѣрья смѣшиваютъ его съ дьяволомъ, представляютъ его гнѣснымъ, ужаснымъ чудовищемъ, и почему въ заговорахъ, наравнѣ съ другою нечистою силою, заклиняется и летучій змѣи огненный <sup>3)</sup>. Въ областныхъ нарѣчіяхъ чортъ называется хитникъ (отъ хитить — похищать), а слово хитка употребляется въ смыслѣ бѣды, насланной сглазомъ или недобрымъ пожеланіемъ <sup>4)</sup>; о чортѣ рассказываютъ, что онъ воруетъ все, что кладутъ безъ благословенія <sup>5)</sup>. Хитникъ оного корня съ словомъ хитрый (= лукавый), какое служитъ однимъ изъ обычныхъ эпитетовъ дьявола. Гдѣ упадетъ огненный змѣи или метеоръ, то мѣсто почитается жилищемъ нечистыхъ духовъ; падающія звѣзды и метеоры во многихъ деревняхъ признаются за низвергаемыхъ съ неба демоновъ, и пото-

<sup>1)</sup> Кунъ, 58. — <sup>2)</sup> Миладинъ, 525. — <sup>3)</sup> Сахаровъ, I, 19. — <sup>4)</sup> Обл. Сл., 247. — <sup>5)</sup> Зам. о Сибири, 56.

му при видѣ ихъ осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, а дѣтямъ и вовсе запрещаютъ смотрѣть на эти явленія <sup>1)</sup>; о блуждающихъ огняхъ говорятъ, что это вертится дьявольское соннище <sup>2)</sup>. На Ильинъ день нечистые духи поселяются въ змѣй и гадовъ, и только громовыя стрѣлы въ состояніи разогнать ихъ <sup>3)</sup>. Въ сагахъ и сказкахъ змѣй (драконъ) и чортъ принимаются за названія синонимическія, могущія свободно замѣняться одно другимъ <sup>4)</sup>; народное воображеніе надѣляетъ чорта огромнымъ зѣвомъ и драконовыми крыльями, и нерѣдко заставляетъ его показываться совершенно въ образѣ дракона. Согласно съ демоническимъ характеромъ змѣя, его облачное царство, представляемое мрачными горными вертепами, внутри которыхъ пылаетъ негасимый огонь молній, уже въ глубочайшей древности принималось за подземную адскую область Смерти и злыхъ духовъ; самый змѣй получалъ названіе пекельнаго (отъ пекло—адъ). Давность этихъ воззрѣній свидѣлствуется Эддою; по ея указанію, исполнискій мировой змѣй (midhgardhs ormr) былъ сыномъ Локи, котораго преданія смѣшиваютъ съ сатаною, и братомъ Геллы (олицетвореніе смерти и ада); онъ также широко разверзалъ свою огнедышащую пасть, какъ и страшная Гелла. Въ средніе вѣка языческія воспоминанія о демоническомъ змѣѣ слились съ библейскимъ преданіемъ о змѣѣ-соблазнителѣ первыхъ людей. Исконный врагъ человѣческаго рода, дьяволъ въ памятникахъ церковной литературы обыкновенно называется antiquus anguis; испытывая тяжкія бѣдствія, въ Германіи выражаются: «auf all mein glück legt der teufel seinen schwanz» <sup>5)</sup>. На старинныхъ изображеніяхъ страшнаго суда, какія уцѣлѣли

<sup>1)</sup> Владим. Г. В. 1844, 52; Маякъ, VII, 79; Статистич. описаніе саратов. губ., I, 61.— <sup>2)</sup> Терещ., VI, 11.— <sup>3)</sup> Сахаров., II, 45.—

<sup>4)</sup> Н. Р. Сл., стр. 130; Срп. припов., 20; Сказ. Грим., 125.— <sup>5)</sup> D. Myth., 755, 950.

во многихъ храмахъ и на лубочной картинѣ, адъ представленъ въ видѣ драконовой головы съ раскрытою пастью, изъ которой извергается всепожигающее пламя; въ этой пасти сидитъ сатана и держитъ на колѣняхъ Іуду. Тутъ-же черезъ всю картину тянется змѣй, хвостъ и туловище котораго исписаны названіями всевозможныхъ грѣховъ <sup>1)</sup>). Эпическія сказанія о любовныхъ связяхъ демона-змѣя съ мѣстными дѣвами заставили признать въ немъ возбудителя нечѣломудренной страсти, зачинщика нечистыхъ помысловъ и блуда. Въ этомъ смыслѣ было понято суевѣрнымъ народомъ и библейское сказаніе о первомъ родномъ грѣхѣ. Такъ въ апокрифическомъ сочиненіи «Исповѣданіе Еввы» (по рукоп. XV в.) сказано: «и съядѣ Ева (запретный плодъ) и дасть ѿ Адаму, и приѣтъ Адамъ — съядѣ, и отверзоста очи наши и видехомъ наготу свою и сердце наше восхоте на похоть, и быс(т)ь тако» <sup>2)</sup>). Скопческое вѣроученіе основано на томъ, что первою заповѣдью, данною Богомъ первозданнымъ людямъ въ рай, была совершенная духовная и тѣлесная чистота; подъ вкушеніемъ отъ древа познанія добра и зла оно разумѣетъ плотское совокупленіе праотцевъ, въ чемъ будто бы и состояло ихъ грѣхопаденіе. Змѣй соблазнилъ первую чету, и продолжаетъ соблазнять ея потомковъ. Потому, совершивъ оскотленіе, сектаторы бросаютъ срамный уль, и обращаясь къ новому сочлену, восклицаютъ: «вотъ смотри на еокрушеннаго змія!» <sup>3)</sup> Въ житіи Іоанна Многостраднаго разсказывается, какъ къ этому затворнику, съ трудомъ боровшемуся противъ блудной страсти, явился огненный змѣй и силится прогнать его изъ пещеры; «видѣхъ страшна и люта

<sup>1)</sup> Историч. и статист. сборн. Валуева, 202. — <sup>2)</sup> Пам. отреч. лит., I, 299; Пам. стар. рус. литер., III, 4. — <sup>3)</sup> Наслѣд. о словч. ереси Надеждина, 211—2, 292; Записки Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 509 (отсѣчь голову змію означаетъ: отрѣзаніе удескихъ близнѣтъ).

зѣло змѣя, пламенемъ дышуща и искрами пожигающа мя и  
пожрети хотяща, еже во многи дни творяше.» Въ связи съ  
этими данными понятно, почему въ стихѣ о страшномъ судѣ  
сказано, что блудницы пойдутъ въ змѣи лютыѣ, тогда  
какъ другіе грѣшники кто въ сирадѣ, кто въ кипучую смолу;  
а въ стихѣ о любодѣйницѣ она ѣдетъ

Среди рѣки огненной  
На змѣѣ на трехъ главомъ,  
И руки у нея и ноги у нея и закованы,  
А на шеѣ ея сидитъ змѣя двуглавая,  
Двуглавая, злая, огненная.

На лубочной картинѣ любодѣйница изображена возстающему  
на драконѣ, открытый зѣвъ котораго дымится и извергаетъ  
пламя; на глазахъ у ней висятъ жабы, въ ухахъ продѣты  
стрѣлы, а груди сосутъ малыя змѣи <sup>1)</sup>). Источни-  
комъ этихъ представленій послужили апокрифическія видѣ-  
нія адскихъ мукъ: «показася имъ (инокамъ) ѡна жена сѣдѣщи  
ва страшномъ и лютомъ змѣи, и два ужа-велика сокрушаху  
выю ея, и два перся ссуща; два же нетопыря деруща очь  
ея, и отъ устъ ея исходитъ огнь жупельный, руцѣ же ея гры-  
зяху два пса великіе, во ухахъ же ея двѣ стрѣлы великія  
огненніи» <sup>2)</sup>).

Похищая красавицъ, змѣи уносятъ ихъ въ подземный  
ширъ, заключаетъ въ утесистыя скалы или въ свои крѣп-  
кіе города (металлическія царства), гдѣ хранятся у него и  
безчисленныя сокровища и живая вода, и держитъ ихъ тамъ  
въ злой неволѣ — до той поры, пока не явится могучій изба-  
витель. Эти подземелья, скалы и города — поэтическія метафо-  
ры темныхъ тучъ. Любопытно свидѣтельство сербской сказ-  
ки: «у један мах долети из неба змај, шчепа ћевојку и одне-

<sup>1)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 196, 212; Москв. 1841, V, 146.—

<sup>2)</sup> Пам. стар. рус. литер., I, 101, 105; Beiträge zur D. Myth., II, 442.



се је у облаке»; братья отправляются искать ее и находятъ въ теремѣ, устроенномъ ни на землѣ, ни на небѣ («чардак, који нити је на небу, ни на земљи»), что живо напоминаетъ намъ городъ, воздвигнутый вилою на воздухѣ <sup>1)</sup>. Сходно съ этимъ, болгарская пѣсня рассказываетъ любилъ змѣй дѣвицу двѣнадцать лѣтъ и никто про то не зналъ-не вѣдалъ; наконецъ она призналась матери, и когда эта вышла на дворъ посмотрѣть чудо великое — какъ любила дочь ея съ змѣею, то увидѣла только «шаренъ гайтанъ мею две темни облака» <sup>2)</sup>. Странствованіе въ подземное царство или въ змѣиные горы и города сопряжено съ величайшими затрудненіями; не смотря на то, сказочный герой ѣдетъ освобождать красавицу, спускается въ глубокія пропасти или взбирается на крутыя, неприступныя скалы и сражается тамъ съ страшными, многоглавыми змѣями, сила которыхъ зависитъ отъ количества поглощенной ими живой воды (дождя). Добрый молодецъ самъ упирается этой водою, побиваетъ змѣевъ несокрушимомъ палицею (молніей), и такимъ образомъ совершаетъ подвигъ освобожденія. Этотъ богатырь, избавитель похищенной дѣвы, — никто иной, какъ богъ громовникъ; въ нѣкоторыхъ сказкахъ онъ носитъ имя Ивана Затрубника, Запечнаго и Подпалова, что указываетъ на близкое отношеніе его къ божеству очага (Агни). Въ битвахъ его съ змѣями народный эпосъ живописуетъ удары молній, разбивающихъ тучи и выводящихъ изъ-за нихъ мрачныхъ затворовъ красное солнце и благодатные дожди <sup>3)</sup>.

Сокрытіе небесныхъ свѣтилъ туманами и тучами и задер-

---

<sup>1)</sup> Срп. припов., 2.— <sup>2)</sup> Миладия., 11.— <sup>3)</sup> Н. Р. Сл., I, 5, 6 и стр. 128—133; II, 22; VII, 9; VIII, 7; Худяк., 2, 43, 81, 82, 117; Эраенвейнъ, 4, 41; Срп. припов., 5; Срп. н. пјесме, I, 189; Шоттъ, 1, 11; Шлейхеръ, стр. 4-6; Вольфъ, 369—376; Сказ Грим., 91, 129; Норв. ск., I, 9, 27; II, 7; Pentamerone, II, 33; 35; Времен., XII, болгар. пјесни, 1—2; Матер. для изучен. нар. слов., 101—118.

жаніе дождевыхъ потоковъ демоническими силами змѣй древній челоѣкъ обозначалъ еще другою метафорою; на его поэтическомъ языкѣ явленія эти назывались не только похищеніемъ, но и пожираніемъ небесныхъ дѣвъ лютымъ змѣемъ. Надвигая на горизонтъ массы тучъ, окутывая ими солнце, луну и звѣзды, чудовищный змѣй какъ-бы проглатываетъ свѣтила, этихъ ненаглядныхъ красавицъ неба; въ живой водѣ дождя, наполняющей громадное чрево змѣя, видѣли поглощенный имъ нектаръ, а въ молніяхъ, потухающихъ во мракѣ тучъ, поѣдаемый имъ огонь. Олицетворяя дождевыя облака то дойнными коровами, то водяными нимфами, а сверкающую молнію—сильномогучимъ громовникомъ, народная фантазія приписала змѣю пожираніе коровъ <sup>1)</sup>, дѣвъ и богатырей. Такъ возникло вѣрованіе, что драконы, а наравнѣ съ ними и другія демоническія олицетворенія тучъ: великаны, колдуны и вѣдьмы любятъ поѣдать челоѣческое мясо и тотчасъ чуютъ его запахъ. Поселяясь въ водахъ или горныхъ пещерахъ какого-либо царства, поѣдучій змѣй требуетъ себѣ въ дань красной дѣвицы. Обреченіе ему несчастной дѣвы и смѣлый подвигъ ея избавленія, требующій отъ героя (представителя весенней грозы) необыкновенной твердости духа и громадной физической силы, составляютъ любимый мотивъ, на которомъ основано множество сказочныхъ и пѣсенныхъ повѣствованій, исполненныхъ трогательною повзвѣн <sup>2)</sup>. Давность преданія свидѣлствуется повсемѣстнымъ его распространеніемъ. Въ числѣ мифовъ о Геркулесѣ встрѣчаемъ сказаніе о битвѣ его съ чудовищемъ, которое ежедневно выходило изъ моря и пожирало людей и животныхъ; Геркулесъ поразилъ чудовище и освободилъ прикованную къ береговой скалѣ и обреченную на

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., VII, 25.— <sup>2)</sup> Ibid., II, 21; VII, 39; Нпр. сказки Сахарова, 98—123; Lud Ukrain., I, 305—327; Сказ. Грав., 60; Pentamerone, I, 7; Москов. Наблюдат. 1837, XI, 536—7.

смерть царевну Гезіону. Тотъ-же подви́гъ присво́яется и Персею, который побѣдилъ морское чудовище, насланное богомъ Посейдономъ, и избавилъ отъ его страшной пасти царевну Андромеду <sup>1)</sup>. Въ русской сказкѣ <sup>2)</sup> повѣствуется о странѣ, гдѣ каждый мѣсяцъ выдавали семиглавону змѣю по одной дѣвицѣ на съѣденіе; дошла наконецъ очередь до прекрасной царевны, вывели ее на взморье и оставили тамъ безпомощною... Но судьба посылаетъ ей защитника — молодого царевича; въ ожиданіи страшнаго врага онъ прилѣгъ къ дѣвицѣ на колѣна и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Уже летитъ змѣй за своею жертвою, а царевна никакъ не можетъ добудиться своего защитника; съ горя заплакала она, и слеза ея канула на лицо царевичу. Онъ тотчасъ-же пробудился и промолвилъ: «о какъ слабо ты обожгла меня слезою!» Змѣй спускался; царевичъ сразился съ прожорливымъ звѣремъ и убилъ его. Тотъ-же эпизодъ встрѣчаемъ въ валахской сказкѣ «Petru Firitschell» <sup>3)</sup>. Послѣ различныхъ приключеній, Петру пришелъ въ большой городъ, вблизи котораго поселился уродливой двѣнадцатиглавою драконъ. Каждая семья должна была отдавать чудовищу на съѣденіе по одной дѣвѣ; теперь выпалъ жребій на царевну, и несчастную повели за городскія ворота. Петру купилъ двѣнадцать стрѣлъ и пошелъ смотрѣть на проводы царевны; чѣмъ ближе приближались къ дракону, тѣмъ меньше становилась сопровождавшая ее толпа; наконецъ разбѣжались всѣ и покинули ее одну. Царевна рыдала: Петру подошелъ къ ней, сталъ утѣшать, и его слова были такъ убѣдительны, что она перестала думать о близкой опасности. Смѣлый юноша прилѣгъ къ ней на колѣна, попросилъ расчесать его волосы, задремалъ и заснулъ. Вскорѣ увидѣла царевна, что драконъ близится; она отъпентѣла отъ ужаса, слова замерли на ея устахъ,

<sup>1)</sup> Der Ursprung der Myth., 80.—<sup>2)</sup> Н. Р. Сх., II, 27.—<sup>3)</sup> Шоттъ, 10.

но горячая слеза скатилась съ ея щеки на лицо юноши, и онъ проснулся; пущенныя имъ стрѣлы сбили съ дракона его страшныя головы. Въ этой сказочной царевнѣ узнаемъ мы богиню Ладу; теплое вѣяніе весны, согрѣвая облака, заставляетъ ее плакать, т. е. проливать росу и дожди; отъ ея горячихъ слезъ пробуждается Перунъ и низлагаетъ злаго демона зимы. Преданіе о пожирающемъ змѣѣ приурочивается на Руси къ различнымъ мѣстностямъ. Въ давнее время (разсказываютъ въ Малороссіи) проявился около Кіева змѣй; бралъ онъ съ народа поборы немалые—съ каждаго двора по красной дѣвкѣ: возметъ да и съѣстъ! Пришелъ черёдъ—послалъ и князь свою дочь, а она была такъ хороша, что и описать нельзя. Змѣй потащилъ ее въ берлогу, а ѣсть не сталъ—больно она ему полюбилась. Приласкалась княжна къ змѣю и спрашиваетъ: «чи есть на свѣти такій чоловікъ, щобъ тебе полужавъ?»—«Есть такій у Кіевѣ надъ Днипромъ: якъ затопить хату, то дымъ ажъ пидъ небесами стелецца; а якъ вийде на Днипръ мочить кожи (бо винъ кожемяка), то не одну несе, а дванадцать разомъ, и якъ набрякнуть вони водою въ Днипри, то я визьму да-й учеплюсь за нхъ, чи витягне-то винъ нхъ? А ёму й байдуже: якъ поцупить, то-й мене з' ними трохи на берегъ не витягне! Отъ того чоловіка тилько миннй страшно.» Княжна вздумала дать про то вѣсточку домой, а при ней былъ голубокъ; написала къ отцу грамотку, привязала голубую подъ крыло и выпустила его въ окно. Голубъ взвился и полетѣлъ на княжье подворье. Тогда умолили Кирила-кожемяку идти противъ змѣя; онъ обмотался коноплями, обмазался смолою, взялъ булаву пудовъ въ десять и пошелъ на битву. «А що, Кирило, спросилъ змѣй, пришовъ битця, чи миритьця?»—«Дѣ вже миритьця! битця з' тобою, з' Иродомъ проклятымъ!». Вотъ и начали биться, ажъ земля гудѣтъ; что разбѣжится змѣй да хватить зубами Кирила, такъ кусокъ

конопель да смолы и вырветъ; а тотъ его булавою какъ ударить, такъ и вгонить въ землю. Жарко змѣю, надо хоть немного въ водѣ прохладиться да жажду утолить, и вотъ пока сбѣгаетъ онъ на Днѣпръ, кожемяка успѣетъ вновь и коноплей обмотаться и смолой вымазаться. Убилъ Кирило змѣю, освободилъ княжну и привелъ къ отцу. Съ того времени урочище, гдѣ жилъ богатырь, стало слыть Кожемяками <sup>1)</sup>. Въ этомъ преданіи явственны родственныя черты съ Несторовымъ сказаніемъ о богатырѣ-усмошвецѣ, побѣдившемъ печенѣжскаго великана. «Однажды я его бранилъ (такъ рассказывалъ про него старыи отецъ), а онъ мнѣ кожи, и рассердившись на меня, тутъ же разорвалъ ихъ руками!» Князь Владиміръ рѣшилъ испытать его силу, и вотъ «налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражити быка; возложиша на-нь желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо ѿ (его), и похвати быка рукою за бокъ и выня кожу съ мясы, елико «ему рука занъ» <sup>2)</sup>. Печенѣжскіи великанъ заступаетъ въ лѣтописномъ разсказѣ мѣсто змѣя: яркое свидѣтельство, что уже въ эту раннюю эпоху нѣмецкія преданія стали низводиться къ явленіямъ дѣйствительнаго быта и получать историческую окраску. Облака издревле уподоблялись быкамъ, коровамъ и снятымъ съ нихъ кожамъ; а потому богъ-громовникъ, ударяющій по облакамъ своею палицею, перешелъ въ народныхъ сказаніяхъ въ богатыря-кожемяку. Богатырь этотъ обматывается осмоленными коноплями, т. е. облакается грозовою тучею, потому что конопля (пряжа) принималась за метафору облачнаго покрова, а смола—за метафору дождевой влаги (I, 788). Въ другихъ народныхъ сказкахъ герой, рѣшившійся одолѣть змѣя и освободить царевну, наряжается въ

<sup>1)</sup> Н. Р. Св., V, 20; О. З. 1857, VIII, 427; Кулишъ, II, 27—30; Москв. 1846, XI—XII, критика, 146—9; Lud Ukrain., I, 278—284.

—<sup>2)</sup> П. С. Р. Д., 53.

воловью шкуру и вступает съ своимъ противникомъ въ состязаніе: змѣй срываетъ съ него воловью шкуру, а герой снимаетъ съ змѣя его собственную кожу <sup>1)</sup>. «Отъ-же, замѣчаетъ сказка о богатырѣ-кожемякѣ, Кирило зробивъ трохи й верозумно: взявъ змѣя-спаливъ, да й пустивъ по витру попелъ; то а' того попелу завелась вся тая погань — мошки, конари, мухи. А якъ би винъ узавъ да закопавъ той попелъ у земли, то ничѣго-бъ сѣго не було на свити.» На Украинѣ убѣждены, что насѣкомыя эти родились отъ змѣя <sup>2)</sup>. Смыслъ повѣрья тотъ, что комары, мошки и мухи, исчезающіе на зиму, снова нарождаются съ весною, когда пробудившіеся отъ зимняго сна громовники убьютъ демона-змѣя. Въ Бериславѣ сохраняется такое преданіе: въ пещерѣ крутой горы, лежащей въ тамошнихъ окрестностяхъ, жилъ крылатый змѣй; онъ похитилъ красавицу и заключилъ ее въ пещерѣ; всѣхъ, кто осмѣливался приближаться къ горѣ, онъ пожиралъ живьемъ — до тѣхъ поръ, пока не убилъ его богатырь на бѣломъ конѣ <sup>3)</sup>. Преданіе это согласно съ содержаніемъ стиха о Егоріи Храбомъ и Елизаветѣ Прекрасной <sup>4)</sup>. При царѣ Агетѣ, когда люди оставили вѣру христіанскую, а приняли басурманскую, разгнѣвался Господь и напустилъ на нихъ змѣя лютаго, поѣдучаго, пещерскаго (—тоже, что Горынычъ, т. е. проживающій въ горной пещерѣ). Выѣдаетъ лютый змѣй все царство, и доходитъ черѣдъ до царевны Елизаветы Прекрасной; беретъ ее царь за руку, ведетъ въ чистое поле, ставитъ близъ синя моря на крутомъ берегу и покидаетъ одну. Тутъ прѣзжаетъ къ ней Егорій Храбрый на бѣломъ ослѣ (въ другихъ спискахъ: на конѣ):

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., VIII, 417. — <sup>2)</sup> Номис., 6 — <sup>3)</sup> Пассекъ, V, 219 — 220. Въ Сибири ходитъ разсказъ о Змѣѣ Горынычѣ, который обиталъ въ Уральскихъ горахъ, похитилъ красную дѣвицу и заперъ ее въ Дѣвѣей горѣ—Финск. Вѣсти. 1845, VI, 28—30. — <sup>4)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 154—8; Калѣки Пер., II, 505—524.

„Ой ты гой еси молодая, прекрасная Лисавета!  
 Садись ты, смотри въ моей буйной главѣ порохи,  
 А очи зриай на синее море;  
 Когда синее море восколебнется,  
 Тогда лютый звѣрь подымется,  
 Ты скажи мнѣ: Егорій Храбрый!“

Садилась царица, искала въ головѣ Егорія, а очами дозирала  
 синее море. Смотритъ—плыветъ лютый звѣрь; испугалась дѣ-  
 вица,

Не посмѣла разбудить Егорія Храброго;  
 Она плакала, зѣло рыдала,  
 Обронила свою слезу святому на бѣлое лице.  
 Отъ того святой просыпается <sup>1)</sup>,  
 Сохваталъ онъ свое скипетро вострое,  
 Садился на осла на бѣлаго,  
 Овъ и бьетъ звѣзя буйнаго  
 Въ голову, во проклятыя его челюсти.

Народныя преданія о борьбѣ богатыря съ звѣмъ, возникшія  
 изъ древнѣйшихъ возрѣній индоевропейскихъ племенъ на при-  
 роду, въ эпоху христіанскую, при общемъ стремленіи соеди-  
 нить во едино старое съ новымъ, послужили богатымъ источ-  
 никомъ, изъ котораго создались легенды о Егоріи Храбомъ,  
 Михаилѣ-воинѣ <sup>2)</sup> и Ѳеодорѣ Тиронѣ <sup>3)</sup>. У синяго моря сла-  
 тилъ огненный звѣрь о двѣнадцати головахъ, о двѣнадцати хо-  
 ботахъ, родимую матушку Ѳеодора, унёсъ ее въ пещеры бѣло-  
 каменные и отдалъ своимъ дѣтямъ на съѣденіе; Ѳеодоръ Ти-  
 ронъ беретъ збрую ратную, беретъ копьё булатное, прило-  
 дитъ въ пещеры звѣиныя: сидитъ тамъ его родная мать, со-  
 суетъ ея груди бѣлая двѣнадцать звѣинойшей, а  
 большой звѣрь на витязя летитъ, «яко гора валитъ». Святой

<sup>1)</sup> Въ одномъ спискѣ Егорій Храбрый, проснувшись, говоритъ:  
 „что же ты красная дѣвица, будишь — не будишь, а огнемъ палишь!“ —

<sup>2)</sup> Изв. Ак. Н., VIII, 153—4. — <sup>3)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX,  
 145—8; Калѣки Пер., III, 525—558.

вѣтъ убилъ всѣхъ змѣенышей, самому змѣю отсѣкъ голову: трупъ его поглотило синѣ море, а кровь горячую пожрала мать-сыра земля. Въ апокрифическомъ житіи Ѳеодора Тирона <sup>1)</sup> змѣй, похититель его матери («быше бо красна власы и лѣцѣ»), запираетъ воду, т. е. дожди, и мучить людей и скотину жаждою; являясь въ «жилище змѣево», Ѳеодоръ обрѣтаетъ «мать свою, яко дѣву украшену, златсмѣ и серебромъ покрыту, и двѣнадцать змѣй великихъ остегнули ю; старый змѣй сѣдѣше предъ нею на столѣ златѣ, и етери гди великіе и малы лежаху предъ нею—стрѣжаху ея». Ѳеодоръ Тиронъ побиваетъ змѣевъ, а Михаилъ-архангелъ «пропускаетъ воду теши первымъ путемъ». Также и въ болгарской пѣснѣ ламія (змѣй) запираетъ воду и требуетъ дани юныи-мѣдѣями, а св. Георгій избавляетъ народъ отъ этого бѣдствія <sup>2)</sup>. Въ словенской сказкѣ <sup>3)</sup> дракъ захватываетъ источникъ и облагаетъ окрестныхъ жителей обычною данью; когда дошла очередь до царевны и отвели ее къ дракону, то все царство одѣлось чернымъ траурнымъ сукномъ, т. е. свѣтлое небо облачилось темными тучами (о черномъ сукнѣ, какъ метафорѣ тучи см. I, 544—5). О змѣнѣ Перуна св. Георгіемъ было сказано выше (см. гл. XIII); что же касается змѣны громовника Михаиломъ-архангеломъ, то она очевидно возникла подъ вліяніемъ XII-й главы апокалипсиса, въ которой читаемъ: «и бысть брань на небеси: Михаилъ и ангели его брань сотвориша со змѣемъ... И поверженъ бысть змѣй великій, змѣй древній, нарицаемый діаволъ», испускающій «изъ устъ своихъ воду, яко рѣку». Въ старинныхъ заклѣтіяхъ придаютъ змѣю слѣдующіе эпитеты, указывающіе въ немъ демона грозовыхъ тучъ: «заклинаю змѣю облаковидную, огневидную,

<sup>1)</sup> Пам. отреч. лѣт., II, 93—99.— <sup>2)</sup> Младни., 28—32.— <sup>3)</sup> Slovenske povesti, изд. Škultety a Dobsinsky, I, 3—4.



власяновидную, дубовеходную (см. I, 307), враювидную (=темную что воронъ), змию сляпую (т. е. попрачающую свѣтъ), черную, стрѣльную, триглавую, удающую жены, ехидну морскую<sup>1)</sup>.

Какъ существо демоническое, змѣй въ народныхъ русскихъ преданіяхъ выступаетъ нерѣдко подъ именемъ Кощей безсмертнаго. Значеніе того и другаго въ нашихъ сказкахъ совершенно-тождественно: Кощей играетъ ту же роль скупца хранителя сокровищъ и опаснаго похитителя красавицъ, что и змѣй; оба они равно враждебны сказочнымъ героямъ и свободно замѣняютъ другъ друга, такъ что въ одной той-же сказкѣ въ одномъ вариантѣ дѣйствующимъ лицомъ выводится змѣй, а въ другомъ — Кощей. Въ польской сказкѣ<sup>1)</sup> *król podziemny*, *Kościej nieśmiertelny* заступаетъ мѣсто Морскаго Царя. Морской Царь, въ первоначальномъ его значеніи, есть богъ дождевыхъ тучъ, помрачающій свѣтлое солнце, или выражаясь поэтически: похищающій эту златоудрую дѣву; отсюда понятна подставка этого мненческаго лица подземнымъ царемъ, т. е. владыкою облачныхъ горъ и вертеповъ, каковы изображаетъ народный эпосъ Змѣя Горыныча и Кощея. Въ старославянскихъ памятникахъ слово кошь, кошъ попадаетъ исключительно въ значеніи: сухой, тощій, худой тѣломъ, и очевидно стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ словомъ кость, какъ прилагательное къ существительному<sup>2)</sup>; глаголѣ же окостенѣть употребляется въ смыслѣ: застыть, оцѣпенѣть, сдѣлаться твердымъ, какъ кость или камень, отъ сильнаго холода. На основаніи этого лингвистическаго указанія должно думать, что названіе Кощей принималось сначала какъ эпитетъ, а потомъ — и какъ

<sup>1)</sup> Пам. отреч. лит., II, 353 — 5. — <sup>2)</sup> Эрбенъ, 104 — <sup>3)</sup> Ч. О. И. и Д. 1866, II, 32 — 33. Переходъ звуковъ ст и щ — самый обыкновенный: пустой — пуца, густой — гуца, рости — роца и проч.

собственное имя демона-изсушителя дождевой влаги (Cushpa), представителя темных тучъ, окованныхъ стужей; въ зимнее время года тучи какъ-бы застываютъ, превращаются въ камни и не даютъ болѣе плодоносныхъ дождей, а вслѣдствіе того и сама земля лишается своей производительной силы. До сихъ поръ именемъ Кошея называютъ старыхъ скрягъ, изсохшихъ отъ скупости и дрожащихъ надъ затаеннымъ сокровищемъ (=золотомъ солнечныхъ лучей и живительною влагою дождя); народная сказка <sup>1)</sup> приписываетъ ему и обладаніе гусли-самогудами, которые такъ искусно играютъ, что всякой невольно заслушивается ихъ до смерти—метафора пѣсни, какую заводятъ суровые осенніе вихри, погружающіе въ долгой сонъ и оцѣпенѣніе всю природу. Въ сближеніи съ этими данными надо искать объясненія и той эпической прибавки, которою характеризуется вѣщая сказочная старуха, управляющая вихрями и вьюгами и по самому своему имени родственная съ зимею Ahi: баба-ага-костаная нога. Въ нижнелужицкомъ kostlar—колдунъ, чародѣй (сравни готск. skohsl—бѣсъ, злой духъ <sup>2)</sup>); старинное русское «кощуны творить» —совершать дѣйствія, приличныя колдунамъ и дьяволу (кощунствовать), а въ областныхъ говорахъ костить —ругать, бранить. Демонъ зимы въ народныхъ преданіяхъ нерѣдко представляется старымъ колдуномъ, волею котораго сказочные герои и героини, вѣстѣ съ ихъ царствами, подвергаются злему очарованію или заклятію. Подобно поѣдучимъ змѣямъ, Кошей чуетъ «запахъ русскаго духа», и въ заговорахъ донинѣ произносится заклинаніе противъ Кошея-ядуна <sup>3)</sup>. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обращаемся къ разбору народныхъ сказокъ о Кошей безсмертномъ. Польская сказка <sup>4)</sup> рассказываетъ, что онъ усыпилъ своимъ

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., 1—II, стр. 359—360.— <sup>2)</sup> О вліян. христ. на сл. яз., 103.— <sup>3)</sup> Сахаров., 1, 19.— <sup>4)</sup> Глинск., 1, 102—3; III, 30—37.

дыханіе мѣ цѣлое царство, буѣнымъ вихремъ схватилъ прекрасную королеву, унёсъ въ свой замокъ и напустилъ на нее непробудный, смертный сонъ. Въ королевскомъ дворцѣ настала гробовая тишина, «gdyż wszyscy jak stali albo siedzieli, nieprzespanym snem usnęli i spią: król z podniesionym do wiewatu kielichem, wojewoda z niedokończonym w gardle raportem, goście z przedkniętym do połowy kęsem, lub z nieskończoną na pół rozmową. A nie tylko pałac i stolica, ale nawet kraj cały spi w nieprzespanym śnie pograżony: oracz z zamachniętym na woły biczem, żnieje z założonemi do cięcia sierpami, pasterze z usnionemi w pół drogi trzodami, myśliwy z zapalonym na panewce prochem; słowem ptaki usnęli wśród lotu, zwierzęta w biegu, woda w płynieniu, wiatr w powiewie, ludzie w pracy i zabawie. Nigdzie brzęku ni szmeru, nigdzie głosu ni ruchu, wszędzie cisza, martwość, sen». Непробудный сонъ продолжался до тѣхъ поръ, пока не явился освободитель, который побѣдилъ Кощея и добылъ чудесные гусли-самогран. Едва послышались звуки этихъ гуслей, т. е. едва раздалась пѣсня весенней грозы — какъ тотчасъ все ожило, задвигалось, засуетилось: король окончилъ начатой тостъ, воевода сталъ продолжать свой докладъ, гости принялись кушать и разговаривать, и т. дал. Не менѣе интересно содержаніе русской сказки <sup>1)</sup>: юный царевичъ (=богъ-громовникъ) женится на Марѣ Моревнѣ, прекрасной королевнѣ. Ея воинственный, богатырскій характеръ <sup>2)</sup>, неописанная красота

<sup>1)</sup> Н. Р. Сж., II, 24; VII, 6; VIII, 8; сравни I, 14, и Малорус. Сборн., 372—6. — <sup>2)</sup> „Собрался царевичъ въ дорогу, шелъ-шелъ и видитъ—лежитъ въ полѣ рать-сила побитая. Спрашиваетъ: коли есть тутъ живъ человѣкъ — озовися! кто побилъ это войско великое? Отозвался ему живъ человѣкъ: все это войско великое побилъ Марья Моревна, прекрасная королева“. Царевичъ находитъ воинственную дѣву и женится на ней; бракъ слѣдовательно совершается въ пору весеннихъ грозъ, обыкновенно-изображаемыхъ въ народномъ эпосѣ кровавыми битвами.

и прозваніе Моревна (дочь моря) указываютъ, что въ ней надо видѣть богиню весны, славянскую Венеру—Ладу (=Фрею). Въ этомъ образѣ, какъ уже было замѣчено выше (стр. 125), сочеталось представленіе весенняго солнца съ облачною, дожденосною дѣвою. Ради яркаго блеска, разливаемого этой богиней, и подъ вліяніемъ метафоры, уподобившей солнечные лучи золотымъ волосамъ, сказочная королева въ другихъ вариантахъ называется Ненаглядною Красотою или царевною-золотой косою <sup>1)</sup>. Но бракъ царевича съ красавицею непродолжителенъ; Марью Моревну похищаетъ Кошей безсмертный или змѣй, а иногда просто — чортъ. Народная фантазія изображаетъ этого злаго демона заключеннымъ и скованнымъ, подобно лукавому Локи и Арниану: въ запертой комнатѣ дворца виситъ онъ на желѣзныхъ цѣпяхъ и крюкахъ <sup>2)</sup>, что означаетъ тучу, окованную зимнимъ холодомъ (I. 583—7), и только тогда срывается съ нихъ, когда вдоволь напьется воды, т. е. весною; вода, надѣляющая Кошею столь великою силою, что ему ни по-чѣмъ разорвать желѣзные узы, есть вода живая—сгустившійся и готовый излиться дождь. «Вздумалось королевнѣ, говорить сказка, на войну собираться; покидаетъ она на Ивана-царевича все хозяйство и приказываетъ: вездѣ ходи, за всѣмъ присматривай; только въ этотъ чуланъ не можь заглядывать! Онъ не вытерпѣлъ; какъ только Марья Моревна уѣхала, тотчасъ бросился въ чуланъ, отворилъ дверь, глянулъ — а тамъ виситъ Кошей безсмертный, на двѣнадцати цѣпяхъ прикованъ. Проситъ Кошей у Ивана-царевича: сжапись надо мной, дай мнѣ напиться! десять лѣтъ я здѣсь мучуюсь, не

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., VII, 9.— <sup>2)</sup> Въ Slov. pohad., 360—6, вмѣсто Кошея выведенъ železny mnich, обитающій въ замкѣ на курьихъ ножкахъ; названіе mnich (ради черной монашеской одежды) служить здѣсь указаніемъ на представителя мрака, а зпитетъ желѣзныи на сдерживающіе его оковы.

ѣлъ-не пилъ—совсѣмъ въ горлѣ пересохло! Царевичъ подалъ ему цѣлое ведро воды; онъ выпилъ и еще запросилъ: мнѣ однимъ ведромъ не залить жажды, дай еще! Царевичъ подалъ другое ведро; Кощей выпилъ и запросилъ третье, а какъ выпилъ третье ведро—взявъ свою прежнюю силу, тряхнулъ цѣпями и сразу всѣ двѣнадцать порвалъ. И такъ змѣй-туча, окостенѣвшій отъ холода, получаетъ имя Кощей и представляется заключеннымъ въ желѣзные оковы плѣнникомъ. Согласно съ этимъ, слово кощей употребляется въ древнихъ памятникахъ въ значеніи плѣнника (на старинномъ языкѣ визень—узникъ) и раба<sup>1)</sup>. Сорвавшись съ цѣпей, Кощей овладѣваетъ красавицей и унести ее далеко-далеко въ свои горы или подземныя пещеры, т. е. закрываетъ ея свѣтозарный ликъ мрачнымъ, облачнымъ покровомъ. Царевичъ отправляется искать свою милую по-другу; въ этомъ исканіи ему помогаютъ силы весенней природы: Вѣтеръ, Громъ и Дождь (Градъ) или ихъ олицетворенія—птицы орелъ, соколъ и воронъ. Царевичу удается увезти ее изъ заключенія, но Кощей (или змѣй) быстро нагоняетъ ихъ на своемъ славномъ конѣ, отымаетъ бѣглянку и снова запираетъ ее въ неволю. Тогда царевичъ рѣшается добыть

---

<sup>1)</sup> Вотъ эти немногія мѣста памятниковъ: въ Словѣ о полку Игоревѣ (Рус. Дост., III, 112, 148, 160)—„аже бы ты былъ (в. вв. Всеволодъ), то была бы чага (плѣнница) по ногатъ, а кощей по резантъ“; смыслъ тотъ: если бы ударилъ на половцевъ в. князь, то были бы дешевы плѣнники и плѣнницы, которыхъ въ древности продавали въ рабство. О князѣ Игорѣ, попавшемъ въ половецкій плѣнъ, Слово о полку говоритъ: „ту Игорь князь высѣдъ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево“ т. е. пересѣлъ изъ сѣдла княжескаго въ невольничье, изъ князя сдѣлался рабомъ. Въ лѣтописяхъ (Баран. И. Г. Р., II, прилѣч. 420) кощей означаетъ княжескаго слугу. Пѣвецъ Слова о полку обзываетъ половецкаго хана Кончака поганымъ и кощеємъ—или въ бранномъ смыслѣ раба, или какъ человѣка сухопараго, костляваго, какинъ и до сихъ поръ представляется русскому народу татаринъ.

себѣ такого коня, который былъ бы сильнѣй и быстрѣе Кощеева, и за трудную службу у бабы-яги достигаеъ своей цѣли. Онъ опять увозитъ Марью Моревну; Кощей пускается въ погоню, но богатырской конь царевича убиваетъ его ударомъ своего копыта. Такъ рисуеъ народный эпосъ весеннюю грозу, когда красавица-Солнце то выходитъ изъ-за тучъ, то снова заволакивается ими, пока наконецъ не осмѣеъ добрый молодецъ громовникъ. Конь царевича соотвѣтствуетъ Зевсову Пегасу: какъ тотъ ударомъ копыта творилъ живые источники, такъ этотъ поражаетъ копытомъ Кощея, т. е. уничтожаетъ тучу, заставляя ее пролиться на землю обильнымъ дождемъ. Вмѣсто указаннаго эпизода о добываніи богатырскаго коня, другіе варианты сказки заставляютъ царевича отыскать Кощееву смерть. Чтобы совершить такой подвигъ, нужны необычайныя усилія и труды, потому что смерть Кощея сокрыта далеко: на морѣ-на океанѣ, на островѣ на Буянѣ есть зеленый дубъ, подъ тѣмъ дубомъ зарытъ желѣзной сундукъ, въ томъ сундукѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, а въ уткѣ яйцо; стоить только добыть это яйцо и сжать его въ рукѣ, какъ тотчасъ-же Кощей начинаеъ чувствовать страшную боль; стоить только раздавить яйцо — и Кощей мгновенно умираеъ <sup>1)</sup>. Тоже рассказываютъ и про змѣя <sup>2)</sup>: существуетъ островъ, на островѣ камень, въ камнѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ желтокъ, въ желткѣ каменёкъ — это и есть змѣиная смерть; надо только добыть каменёкъ и бросить имъ въ змѣю! Красавица-царевна выведываетъ у Кощея его заветную тайну, сообщаетъ ее царевичу, и тотъ отправляется на чудесный островъ. Долго идетъ онъ путемъ-дорогою, долго не ѣлъ, не пилъ ничего, голодъ его догоняеъ. Вотъ летитъ ястребъ (или

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., I-II, стр. 460. — <sup>2)</sup> Ibid., I, 14.

орелъ, соколъ, воронъ), Иванъ-царевичъ прицѣлился: «ну, ястребъ! я тебя застрѣлю да сырьѣмъ скушаю». — Не стрѣлай меня, царевичъ! отвѣчаетъ птица; въ нѣкое время я тебѣ пригожуся. Бѣжить медвѣдь: «ахъ, косолапый! я тебя убью да сырьѣмъ съѣмъ». — Не бей меня, царевичъ! въ нѣкое время я тебѣ самъ пригожуся. Подобная же встрѣча была и съ волкомъ. Наконецъ видитъ царевичъ — на берегу щука трепещется: «а, попалась зубастая! я тебя возьму — сырьѣмъ скушаю». — Не ѣшь меня, царевичъ! въ нѣкое время сама тебѣ пригожуся. Перемогъ царевичъ свой голодъ, и бросилъ щуку въ море. Добрался онъ до острова, свалилъ зеленый дубъ съ корнемъ, вырылъ изъ-подъ него желѣзный сундукъ — и не знаетъ, какъ его отпереть. На ту пору явился медвѣдь, ударилъ и раздробилъ сундукъ на мелкія части; изъ сундука прыснулъ заяцъ, и не успѣлъ еще изъ виду скрыться, какъ за нимъ уже волкъ гонится; догнавъ зайца и принявъ царевичу; тотъ распоролъ его острымъ ножомъ, изъ зайца вылетѣла утка и понеслась въ поднебесье; за утку ястребъ летитъ; схватилъ ее и къ царевичу. Царевичъ разрѣзалъ утку, сталъ вынимать яйцо и уронилъ его въ море; но тутъ помогъ ему щука, вынесла яйцо со дна морскаго. Норвежская сказка <sup>1)</sup> говоритъ о великанѣ, въ тѣлѣ котораго не обрѣталось сердца и который потому былъ недоступенъ смерти: «мое сердце (выдаетъ себя великанъ) тамъ, куда нелегко дойти! Weit, weit von hier in einem Wasser liegt eine Insel; auf der Insel steht eine Kirche, in der Kirche ist ein Brunnen, in dem Brunnen schwimmt eine Ente, in der Ente ist ein Ei, und in dem Ei — da ist mein Herz». Когда сказочный герой досталъ и разбилъ это яйцо — великанъ тотчасъ-же умеръ. «Mein Leben (проговаривается въ нѣмецкой сказкѣ въ дѣла)

<sup>1)</sup> II, 6.

wohnt nicht in mir, sondern weit, weit weg in einem verschlossenen Berg ist ein Teich; auf dem Teich schwimmt eine Ente, in der Ente ist ein Ei, in dem Ei brennt ein Licht — dies ist mein Leben!» <sup>1)</sup> Для того, чтобы избавить прекрасную королеву, обладательницу замка золотого солнца, отъ злаго очарованія и возвратить ей прежній свѣтлый образъ, другая нѣмецкая сказка <sup>2)</sup> требуетъ: «wenn du (избавитель) den Berg, auf dem das Schloss steht, hinabgehst, so wird unten an einer Quelle ein wilder Auerochs stehen, mit dem musst du kämpfen. Und wenn es dir glückt ihn zu tödten, so wird sich aus ihm ein feuriger Vogel erheben, der trägt in seinem Leib ein glühendes Ei, und in dem Ei steckt als Dotter die Krystallkugel» <sup>3)</sup>. Въ сербской прпвовѣдѣ драконъ (аждаѣ) на вопросъ: «гдѣ его сила?» отвѣчаетъ: «моја је снага далеко... Чак у другоме царству код царева града има једно језеро, у оном језеру има једва аждаѣа, а у аждаји вепар, а у вепру зец, а у зecu голуб, а у голубу врабац (или яйцо), а у ономе је врапцу моја снага» <sup>4)</sup>. Въ новогреческихъ сказкахъ, сходныхъ по содержанію съ русскими сказками о Кощеѣ, сила враждебнаго существа скрывается въ десятиглавомъ змѣѣ или въ голубяхъ, заключенныхъ въ брюхѣ дикаго кабана <sup>5)</sup>. Очевидно, что въ этихъ эпическихъ выраженіяхъ таится нѣмецкое преданіе, отголосокъ доисторической эпохи; иначе какъ-бы могли возникнуть у разныхъ народовъ столь тождественныя сказанія? Кощей (змѣѣ, великанъ, старый чародѣй), слѣдуя обычному приему народна-

<sup>1)</sup> Гальтрихъ, стр. 188—9.— <sup>2)</sup> Сказ. Грим., 197.— <sup>3)</sup> Сила „железнаго миша“ заключена въ золотомъ яйцѣ, которое лежитъ въ золотой утѣ, прилетающей на море черезъ каждыя семь лѣтъ—Slov. pohad., 345.—<sup>4)</sup> Сри. и. припов., 8; сб. Валавца, 155; Slov. pohad., 383—396; Westsl. Märch., 190.— <sup>5)</sup> Ганъ, II, стр. 23—24, 275, 294.



го эпоса, сообщает тайну своей смерти въ формѣ загадки; чтобы разрѣшить ее, нужно подставить метафорическія выраженія общепонятными. На морѣ-на окіанѣ, на островѣ на Буя-нѣ, т. е. среди небеснаго океана, въ блаженной странѣ рай, высится зеленый дубъ, а подъ нимъ зарытъ желѣзный сундукъ; этотъ дубъ—знакомое намъ Перуново древо, изъ-подъ корней котораго струится живая вода дождя; зарытый въ землѣ желѣзный сундукъ въ другихъ варіаціяхъ загадки замѣняется замкнутою горою или камнемъ (скалою). Гора, камень, подземелье суть метафоры тучи, сокрывающей въ своихъ нѣдрахъ солнечный свѣтъ и дождевые ключи (колодезь, прудъ или озеро). Охваченная зимнею стужей, дожденосная туча уподоблялась не только окаменѣвшей, твердой скалѣ, но и гробу или сундуку, окованному желѣзными обручами, въ которомъ до поры-до времени покоются могучія силы грозы. У дождеваго источника встрѣчается драконъ, изъ разсѣченнаго туловща котораго является вебрь, изъ убитаго вен-ря — заяцъ, а изъ зайца — птица; по другимъ указаніямъ заяцъ выскакиваетъ изъ разбитаго желѣзнаго сундука, или возлѣ источника стоитъ быкъ, а изъ убитаго быка вылетаетъ огненная птица. Всѣ эти животныя: драконъ, вебрь, быкъ, заяцъ и огненная птица служили мифическими обозначеніями громовыхъ тучъ. Описывая весеннюю грозу, сказка заставляетъ своего героя сокрушать желѣзные запоры и вступать въ борьбу съ облачными демонами; будучи разны ударамъ грома и разносимы порывами вѣтровъ, тучи непрерывно мѣняютъ свои формы и принимаютъ различные фантастическіе образы, возникающіе одинъ изъ другаго. Самъ герой выступаетъ на подвигъ въ сопровожденіи такихъ-же баснословныхъ животныхъ, олицетворяющихъ собою тѣ етихійныя силы, съ помощію которыхъ Перунъ одолеваетъ своихъ враговъ. Какъ скоро убита огненная птица (голубь-приноситель

небеснаго пламени или утка, несущая золотыя яйца) — изъ нея выпадаетъ яйцо, въ которомъ горитъ яркой свѣтъ или лежитъ самоцвѣтный камень. По свидѣтельству одной сказки <sup>1)</sup>, этотъ камень добываютъ герои Громъ, Вѣтръ и Градъ. Золотое яйцо и самоцвѣтный камень издревле принимались за метафоры солнца; ниже (см. гл. XXVI) мы увидимъ, что солнце, окутанное тучами, представлялось драконовымъ сердцемъ. Но золотое яйцо служило также и метафорой молніи (I, 529—538) и въ настоящемъ случаѣ народная фантазія, кажется, смѣшала эти различныя представленія вѣстѣ. Овладевши чудеснымъ яйцомъ, царевичъ бросаетъ его въ лобъ Кощея — и онъ тотчасъ-же умираетъ, подобно тому, какъ о дьяволѣ существуетъ повѣрье, что его можно убить только серебряною пулею (= молніей) или яйцомъ, спесеннымъ курицею наканунѣ Рождества, когда по старинному мнѣю рождается солнце <sup>2)</sup>. Точно также великаны мрака (= зимнихъ тучъ) гибнутъ отъ лучей восходящаго (= весенняго) солнца. Преданіямъ о смерти, постигающей Кощея, повидимому противорѣчитъ постоянно-придаваемый ему эпитетъ безсмертнаго; но именно это и свидѣтельствуеъ за его стихійный характеръ. Растопленныя весенними лучами солнца, разбитыя стрѣлами Перуна, тучи вновь собираются изъ восходящихъ на небо паровъ, и пораженный на смерть демонъ мрака какъ-бы опять возрождается и вызываетъ на битву своего побѣдителя; также и демоны зимнихъ тумановъ, стужи и вьюгъ, погибающій при началѣ весны, снова оживаетъ съ окончаніемъ лѣтней половины года и овладѣваетъ міромъ. Вотъ почему Кощей причислялся къ существамъ безсмертнымъ, хотя вѣстѣ съ этимъ и забывалъ отъ наносимыхъ ему ранъ и подлежалъ временной кон-

<sup>1)</sup> Н. Р. Сж., I, 14. — <sup>2)</sup> Zarysy domowe, III, 188.

чинѣ. Послѣ побѣды надъ нимъ Перунъ выводилъ изъ-за темныхъ облачныхъ затворовъ богиню лѣтнаго плодородія и вступалъ съ нею въ торжественный брачный союзъ. Отъ того смерть Кощея, по сказочнымъ преданіямъ, скрывается тамъ же, гдѣ и любовь заколдованной красавицы, временно-охлаждавшей къ своему супругу; когда погибаетъ царство Кощея, или по другимъ сказкамъ — царство дракона и великановъ, тогда же возвращается и любовь ненаглядной царевны къ покинутому ею царевичу <sup>1)</sup>).

Мнѣ о похищеніи солнца демономъ-тучею выразился у сербовъ въ своеобразной формѣ: когда нечистые духи отлежались отъ Бога и бѣжали на землю — они похитили съ собою солнце. Сатана воткнулъ его на копьѣ и носилъ на своихъ плечахъ. Господь Богъ послалъ святаго архангела отнять у сатаны солнце. Архангелъ пришелъ къ демонскому царю и сталъ всюду ходить вмѣстѣ съ нимъ. Наконецъ захотѣли они купаться въ морѣ, и сатана оставилъ копьѣ съ солнцемъ на берегу. «Станемъ нырять, сказалъ архангелъ; кто опустится глубже?» — Опустись сперва ты! отвѣчалъ сатана. Архангелъ нырнулъ на самое дно и принесъ въ зубахъ морскаго песку. Пришла очередь нырять сатанѣ; опасаясь, чтобы архангелъ не унесъ тѣмъ временемъ солнца, онъ плюнулъ на землю, создалъ изъ своей слюны сороку и приказалъ

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., V, 42; VII, 17. Въ одной русской сказкѣ (*ibid.*, VII, 25; сравни въ сб. Валявца, 127-8, 154-7, у Вольфа, 82-90, и въ *Zeitschr. für D. M.*, II, 384-5) двѣнадцатиглавый змѣй, похитивши царевну, заключаетъ ее въ хрустальной горѣ, т. е. въ небесномъ, заоблачномъ царствѣ. Чтобы избавить ее, богатырь убиваетъ змѣя, достаетъ изъ его туловища сундукъ, въ сундукѣ были зайцы, въ зайцѣ — утки, въ уткѣ — яйцо, въ яйцѣ — сѣмячко (сѣмя Перунова цвѣта, о которомъ см. выше на стр. 384) Взявъ онъ это сѣмячко, зажегъ и поднясь къ хрустальной горѣ — гора расставилъ (т. е. зимнія облака пролились дождями), и царевна выступила на вольный бѣлый свѣтъ.

ей стерець солнце. Какъ только чортъ погрузился на дно, архангелъ сотворилъ надъ моремъ крестное знаменіе — и море замерзло на девять аршинъ толщины; потомъ схватилъ солнце и поспѣшилъ на небо. Сатана услышалъ крикъ сороки, кинулся назадъ, но видя, что ему не пробиться сквозь ледъ, снова опустился на морское дно, досталъ большой камень, раздробилъ ледъ и побѣжалъ догонять архангела. Онъ настигъ его въ то время, когда тотъ уже ступилъ одною ногою на небо, и выхватывъ у него своими когтями кусокъ мяса изъ подошвы другой ноги. Архангелъ явился передъ Богомъ и заплакалъ; въ утѣшеніе ему Господь сказалъ: «не печалься! я сдѣлаю такъ у всѣхъ людей.» Отъ того-то у всякаго человѣка на ступнѣ ноги есть выемъ <sup>1)</sup>. Сатана въ этомъ сказаніи — демонъ тучъ, помрачающихъ ясное солнце; какъ въ вышеприведенныхъ сказкахъ змѣй-туча сдерживается желѣзными оковами, такъ здѣсь сатана сдерживается льдомъ. Слюна, изъ которой демонскій царь творить сороку, — метафора шумно-падающаго дождя; а крикъ этой птицы — метафора грома. По справедливому замѣчанію Я. Гримма, сорока (ріса) стоитъ въ народныхъ преданіяхъ въ весьма близкой связи съ дятломъ (рісус), низводителемъ небснаго огня молній, что подтверждается и тождествомъ ихъ латинскихъ названій <sup>2)</sup>. Слюна принималась за эмблему слова, рѣчи (I, 399); согласно съ этимъ, созданная изъ демонской слюны сорока слыветъ въ областныхъ говорахъ въщицею, а болтливыхъ женщинъ обыкновенно называютъ сороками. Это — птица въщая: щебетъ ли она на дворѣ или на домовой кровлѣ или скачетъ у порога избы — скоро будутъ гости; въ которую сторону нах-

---

<sup>1)</sup> Срп. н. припов., 18; слича съ сербскою пѣснею о царѣ Діоклитіанѣ и Иванѣ-крестителѣ—Срп. н. пјесме, II, 81—84.— <sup>2)</sup> D. Myth., 639. Въ санскритѣ pika, piki—кукушка (Пяте, I, 477).

нетъ она хвостомъ — оттуда и гостей дожидай <sup>1)</sup>; на своемъ хвосту она приноситъ всякія вѣсти (I, 509). Вѣдьмы по преимуществу любятъ обращаться въ сорокъ; по нѣмецкому повѣрью, вѣдьмы ѣздятъ 1-го мая на Блоксбергъ на хвостѣ сороки, подобно тому, какъ колдуны летаютъ на хвостѣ вѣтра; потому запрещаютъ стрѣлять въ сорокъ, чтобы не навѣсти бѣды, <sup>2)</sup>. Чехи вѣрятъ, что птица эта есть самъ нечистый и потому-то не сѣдуетъ вкушать ея мяса <sup>3)</sup>. На Руси, для охраненія лошадей отъ нечистой силы, вѣшаютъ въ конюшнѣ убитую сороку; въ смоленской губ. во время скотскаго падежа сушатъ мясо и кости сороки, толкутъ ихъ въ порошокъ, и посыпая сѣно — даютъ скотинѣ. Порошокъ этотъ помогаетъ и противъ снующей лихорадки. Щебетанье сороки принимается въ нѣкоторыхъ деревняхъ за предвѣстіе скорого выздоровленія больного <sup>4)</sup>. Въ христіанскую эпоху народъ связалъ съ нею легендарныя сказанія: сорока, говорятъ, — птица проклятая; въ Москвѣ ихъ нѣтъ — потому что когда бояринъ Кучка спрятался отъ убійцъ подъ кустомъ, то сорока выдала его своимъ щебетаніемъ, а тотъ предалъ ее проклятію (сравни съ легендой о воробѣй-предателѣ Христа, стр. 378); по другимъ разсказамъ, она унесла частицу св. причастія и была проклята митрополитомъ Филиппомъ, или унесла у сятаго пустынника послѣдній кусокъ сыра и подверглась за то осужденію <sup>5)</sup>. Въ приведенной нами сербской приповѣдкѣ ангелъ заступаетъ мѣсто громовника; плачь его и купанье въ морѣ указываютъ на дождевые ливни, а ударъ, нанесенный ему сатаною въ ногу, объясняется изъ древнѣйшаго пред-

---

<sup>1)</sup> Ворон. Г. В. 1851, 11; Оренб. Г. В. 1851, 9; Volkslieder der Wenden, II, 260; Черты литов. нар., 97; Совр. 1854, XI, смѣсь, 3. — <sup>2)</sup> Beiträge zur D. M., II, 429. — <sup>3)</sup> Рус. Бес. 1857, IV, ст. Эрбена, 103; Громаничъ, 67. — <sup>4)</sup> Этн. Об., II, 56. — <sup>5)</sup> Иллюстр. 1846, 345.

ставленія, что въ шумѣ грозы молніеносный богъ поражаетъ въ ногу и дѣлается хромымъ (см. гл. XXII).

Захватывая свѣтлую красавицу, богиню лѣтнаго плодородія, въ свои иррачныя объятія, демонъ-змѣй, по свидѣтельству народнаго эпоса, вступаетъ съ нею насильно въ любовную связь, и связь эта продолжается до того времени, пока не побѣдитъ змѣя могучій громовникъ. Когда Вритра овладѣваетъ облачною дѣвою и запираетъ ее въ своихъ пещерахъ, она изъ супруги свѣтлаго бога (dēvaratnī) становится супругою его врага (dāsaratnī). Согласно съ этимъ, греческій мифъ о Персефонѣ, которую похитилъ Плутонъ, утверждаетъ, что въ теченіи зимы она пребываетъ въ темныхъ областяхъ Аида, въ союзѣ съ подземнымъ владыкою, а въ лѣтнюю пору является на свѣтломъ Олимпѣ. Rān—супруга Эгира (о сродствѣ котораго съ змѣемъ замѣчено выше на стр. 537) есть собственно облачная жена, похищенная демономъ и вступившая съ нимъ въ брачное сожительство <sup>1)</sup>. Былъ-жилъ король, повѣствуетъ русская сказка <sup>2)</sup>; у него была дочь—славная красавица, и повадилъ къ ней летать двѣнадцатиглавый змѣй; засушилъ ее проклятый, чуть совѣмъ не извелась! Но явился Илья Муромецъ, постоянно замѣняющій въ народныхъ преданіяхъ Перуна; сразился съ змѣемъ: что ни ударить жезломъ — то и голова долой, побѣдилъ врага и забавилъ королевну отъ страшнаго любовника. Въ другой сказкѣ <sup>3)</sup> Сила-царевичъ сватается на гордой и неприступной королевнѣ, которая зналась съ нечистымъ духомъ: каждую ночь прилеталъ онъ къ ней по воздуху въ образѣ шестиглаваго змѣя и перекидывался человѣкомъ. Въ этомъ сватовствѣ помогаетъ царевичу богатырь Ивашка-бѣлая рубашка, въ благодарность за то, что Сила-царевичъ

<sup>1)</sup> Die Götterwelt, 55; Germann. Mythen, 83. Подобно Гольдѣ, Рана собираетъ души усопшихъ въ свое подводное царство.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сж., III, 11.— <sup>3)</sup> Ibid., стр. 127-131.

освободилъ его изъ гроба, обитаго желѣзными обруча-  
ми, въ которомъ плавалъ онъ по синему морю: названный  
богатырь есть пробужденный отъ зимняго усыпленія богъ-  
громовникъ, а бѣлая рубашка — облачающее его лѣтнее обла-  
ко; такимъ образомъ Перунъ, побѣдитель змѣи и женихъ  
освобождаемой имъ красавицы, распадается въ этой сказкѣ на  
два отдѣльных лица. Когда женился Сила-царевичъ, Ивашка-  
бѣлая рубашка три ночи сражался съ змѣемъ, срубилъ ему  
острымъ мечемъ всѣ головы, туловище на огнѣ сжегъ а пе-  
пелъ пустилъ по чистому полю; послѣ того разсѣкаетъ онъ  
пополамъ самую королевну, и какъ скоро разсѣкъ — изъ ея  
чрева поползли разные гады, плодъ незаконной любви съ змѣ-  
емъ; богатырь пожегъ гадовъ, а тѣло королевны сложилъ и  
спрыснулъ живою водою: въ ту-же минуту она ожила и сдѣ-  
лалась столь-же кроткою, сколько прежде была злою. Въ этой  
королевѣ мы узнаемъ облачную жену, очарованную змѣемъ;  
въ весеннюю пору Перунъ разсѣкаетъ ее своею громовою па-  
лицею, и изъ раскрытыхъ нѣдръ ея выползаютъ гады-молніи.  
Сожиганіе убитаго змѣи и гадовъ — поэтическая картина гро-  
зоваго пламени; въ Иллвріи существуетъ преданіе, что змѣи  
слетаются и сгораютъ въ разведенномъ кострѣ подъ звукъ  
чудесной музыки, т. е. подъ бурные напѣвы грозы <sup>1)</sup>.  
Окропленіе живою водою — метафора падающаго дождя. На той-  
же мифической основѣ создалась сербская пѣсня: «Царица Ми-  
лица и змај од Јастрепча» <sup>2)</sup>. Не весела царица Милица, за-  
кручинилась, лицомъ пасмурна. Спрашиваетъ ее царь Ла-  
зарь: «что такъ не весела, моя царица? чего закручинилась?  
или чего не достаешь тебѣ ва нашемъ дворѣ?» — Всего вло-  
воль, отвѣчаетъ она; только полюбилъ меня змѣй отъ Јастреб-  
ца и повадился летать ко мнѣ въ теремъ:

<sup>1)</sup> Эрбенъ, 304-5. — <sup>2)</sup> Срп. н. цјесме, II, № 43.

Навадно знаје од Јастренца,  
 Те долази на бијелу кулу,  
 Те ме л(ь)уби на бијелој кули.

Царь Лазарь советуеъ ей выве́дать отъ змѣя лестью, кого изъ юнаковъ онъ больше всѣхъ на свѣтѣ страшится? Вотъ прилетѣлъ змѣй въ теремъ, палъ на мягкую постель, сбросилъ съ себя огненную одежду («забаци рухо огньевито») и лёгъ съ парицею на подушкахъ. Лаская, выпытала у него Милица тайну, что въ цѣломъ свѣтѣ боится онъ одного юнака — Змѣя-Деспота-Вука. Такое прозваніе прямо указываетъ, что юнакъ этотъ — лицо мнѣнческое, также владѣющее громомъ и молніями, какъ и его противникъ; рассказывая про его рожденіе, пѣсня выражается:

Нѣје чехо чеха какъвано су:  
 Вучја шапа <sup>1)</sup> и орлово крило,  
 И змајево коло под пазуом,  
 Из уста му модар пламен бије <sup>2)</sup>.

На другой день дано знать Деспоту-Вуку; онъ не замедлилъ пріѣхать и поразилъ змѣя отъ Ястребца. Замѣчательно сходство сербской пѣсни съ отрывкомъ муромской легенды о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи. Легенда эта довольно часто попадаетъ въ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVIII столѣтій; начинается она такъ: «Бысть убо въ русстѣй земли градъ, нарицаемый Муромъ, въ немъ-же бѣ самодержествуя благо-«вѣрный князь Павелъ. Искони ненавидя, врагъ діаволъ все-«ли непріязненного летящаго змія къ женѣ князя того на «блудъ, и являся ей—яковъ баше естествомъ; приходящимъ «людемъ являся своимъ мечты, яко самъ князь. Тѣмъ-же «мечты немало время преиде. Жена того не тая, повѣда кни-«зю, мужу своему, вся случившаяся. Князь Павелъ мысли, «что сотворити змію, но не зная, и рече женѣ своей: «мыслию

<sup>1)</sup> Лапа, нога.— <sup>2)</sup> Сри. рјечини, 212.



«азъ, жено, но не вѣмъ—како на него навести смерть; блюди  
 «сея опасно: аще какія словеса глаголати начнетъ тебѣ той  
 «лукавый змій, и ты вопроси его о семъ льстивыми словесы—  
 «вѣсть ли той лукавый, отчего ему смерть хочетъ быти? аще  
 «увѣдаеши ты, то скоро повѣдай ми, яко ты свободишися въ ны-  
 «нѣшнемъ вѣцѣ злаго его дыханія и снѣжня и всего скаредія,  
 «ниже сирадно и глаголати, и въ будущемъ вѣцѣ судію неопце-  
 «нѣннаго Христа милостива сотвориши.» Жена, слыша глаголь  
 «мужа своего, приняши твердо въ сердца(е) свое. Въ единъ  
 «день непріязнивому тому змію, прилетѣвшу къ ней, она же,  
 «помяна заповѣданное слово мужа своего, нача къ тому трекля-  
 «тому змію многія рѣчи съ лестію простирати, и по многихъ  
 «словесѣхъ вопроси его, яко хвала: вижу тя, яко много вѣси,  
 «и вѣси ли свою кончину, отчего ти смерть будетъ? Онъ же  
 «льстивый прелестникъ прельщенъ бысть отъ добрыя жены,  
 «мняся, яко истину рекла ему, и изрече ей тайну свою:  
 «смерть моя отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча! Жена  
 «слыша глаголы отъ него и по отшествіи его повѣда князю,  
 «мужю своему. Князь Павелъ слыша и недоумѣлся, что есть  
 «ему смерть отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча? Имѣя у  
 «себе брата юнѣйша себѣ, именемъ Петра зовома; во единъ  
 «день повѣда брату своему князю Петру подробн(о) вси зми-  
 «евы рѣчи, ниже сказа женѣ его. Князь Петръ слыша отъ бра-  
 «та своего, яко змій нарече тезоименита ему, и нача мысли-  
 «ти мужественно, не сумняся, како-бы змій убити; но не  
 «вѣдый Агрикова меча. Имѣя (же) обычай ходити единъ по  
 «церквамъ. Бысть церковь въ женстѣмъ монастыри Воздви-  
 «женія честнаго креста Господня, и приде къ ней единъ по-  
 «щію помолитися, и явися ему отроча и рече: княже Петре!  
 «хощеши ли, да покажу ти Агриковъ мечъ? Князь Петръ ре-  
 «че: покажи ми. И рече отроча: иди вслѣдъ мене. И показа  
 «ему во олтарной стѣнѣ, между столповъ, скважню, въ ней-

«же мечъ лежаще. Князь Петръ видѣ мечъ, нарицаемый Агри-  
 ковъ, и взя его, и прииде въ домъ свой и повѣда брату сво-  
 ему князю Павлу, и отъ того дни нача искати подобна время  
 купно погубити змія. Въ нѣкое время прилучися блаженному  
 князю Петру приити въ полату на поклоненіе брату своему,  
 зане менши его лѣты; и бывый у брата своего, и иде въ по-  
 лату ко сносѣ своей, и видѣ у нея сѣдяща мужа во образѣ  
 брата своего. И изыде скоро изъ полаты и срѣте челоуѣка,  
 «иже предстоитъ всегда брату его князю Павлу; онъ же повѣ-  
 да ему, яко (кн. Павелъ) во своей полатѣ сѣдитъ. Князь Петръ  
 сразу: пронырство лукаваго змія и хотя испытно увѣрити,  
 «и иде въ полату къ брату своему и рече ему, когда сѣмо  
 прииде? Князь Павелъ рече ему: азъ по твоемъ изшествіи  
 «отъ мене никако не исходилъ изъ полаты своея. Князь Петръ  
 повѣда ему пронырство лукаваго змія и како видѣ у жены его  
 «во образѣ его (Павловомъ), и рече ему: «отсѣдѣ, брате, не  
 «исходи изъ полаты своея, дондеже азъ иду братися со змѣемъ;  
 «ты, брате, въ то время пребуди на молитвѣ ко Господу Богу,  
 «егда услышитъ Господь Богъ молитву твою и подастъ ми  
 «помощь убити лукаваго змія.» И тако увѣща брата, и взявъ  
 «мечъ, нарицаемый Агриковъ, и иде въ полату ко сносѣ своей  
 «и видѣ змія зракомъ аки брата сѣдяща, и твердо увѣрися, яко  
 «нѣсть братъ его, но прелестный змій, и удари его мечемъ  
 «крѣпко зѣло, яко змій вострепета и бысть мертвъ, и явился—  
 «яковъ быше естествомъ. Благовѣрный князь Петръ нача его  
 «мечемъ сѣщи, дондеже до конца его низложи: отъ непріязнен-  
 «ныя крови его окровавился лице блаженнаго князя Петра отъ  
 «крѣпкаго его ударенія.» Въ народѣ нашемъ ходятъ рассказы  
 о томъ, какъ къ одной бабѣ являлся змій въ образѣ ея отсут-  
 ствующаго мужа, и какъ къ неутѣшной вдовѣ приходилъ  
 по ночамъ нечистый духъ, принимая на себя видъ дорогаго ей

покойника, и дѣлилъ съ нею любовь <sup>1)</sup>). Подробное сравненіе муромской легенды съ пѣсней Древней Эдды о Зигурдѣ приводитъ къ заключенію о несомнѣнномъ родствѣ преданій, составляющихъ ихъ содержаніе <sup>2)</sup>); только въ русской легендѣ старинному мнѣческому сказанію придана историческая обстановка, и событія и лица возведены въ область христіанскихъ понятій. Какъ муромскій князь Петръ добываетъ себѣ славный Агриковъ мечъ изъ стѣны храма, такъ въ сагѣ о Вельзунгахъ Зягмундъ вытаскиваетъ чудесный мечъ изъ священнаго дерева, въ которое глубоко врубилъ его самъ Одинъ, а въ пѣснѣ о Зигфридѣ герой этотъ находитъ мечъ на змѣиномъ камнѣ, т. е. молніеносное оружіе, которымъ можно поразить змѣя, обрѣтается въ тучѣ-деревѣ или тучѣ-каменѣ; церковь первоначально означала: небесный сводъ, этотъ міровой храмъ и жилище безсмертныхъ.

Существуетъ еще цѣлая группа сказаній, въ которыхъ связь змѣя съ красавицей изображается не какъ насиліе съ его стороны, а напротивъ какъ измѣна сказочной царевны своему долгу. Прекрасная богиня земнаго плодородія на все время зимы покидаетъ своего молніеноснаго супруга и отдается демону-змѣю; и въ лѣтнюю пору, облекаясь въ ирочныя тучи, она представлялась фантазіи древнихъ поэтовъ какъ-бы обольщенной тѣмъ-же змѣемъ и въ его объятіяхъ предающуюся незаконной любви. Иногда эти отношенія измѣнницы-жены къ мужу народный эпосъ замѣняетъ отношеніями злой матери къ сыну или злой сестры къ брату, и такимъ образомъ любовь къ змѣю сопровождается нарушеніемъ самыхъ священныхъ семейныхъ обязанностей. Таково содержаніе многихъ изъ русскихъ сказокъ <sup>3)</sup>). Сильномогучій богатырь, царевичъ-громовъ-

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., V, 45. — <sup>2)</sup> Атеней 1858, XXX, 212-3, 221-3, ст. Бу-славца. — <sup>3)</sup> Н. Р. Сл., V, 27, 28; VI, 51, 52, 53; Худяк., 10, 84; Труды курск. статист. комитета, I, 420—3; Эрленвейнъ, 11; Кулишъ.

никъ, побѣдитель чудовищныхъ змѣевъ, овладѣваетъ ихъ богатымъ, полнымъ золота, серебра и самоцвѣтныхъ каменьевъ дворцемъ и поселяется въ немъ съ своею любимою сестрою (или матерью); но одинъ изъ главнѣйшихъ змѣевъ успѣваетъ скрыться отъ пораженія. Вскорѣ сестра героя влюбляется въ прелестника Змѣя Горыныча или Огненнаго Царя; слюбившись, они начинаютъ придумывать, какъ-бы извести царевича. А тотъ царевичъ былъ славный охотникъ и были у него такія сильныя и свирѣпыя собаки, что нагоняли страхъ и на Змѣя Горыныча. Слѣдуя обычному эпическому приему, царевна притворяется больною, рассказываетъ своему брату вымышленныя сновидѣнія о тѣхъ снадобьяхъ, которыя должны помочь ей, и посылаетъ его за этими цѣлебными лѣкарствами на опасныя подвиги въ надеждѣ, что онъ безвременно погибнетъ. Царевичъ долженъ надоть и принести ей молока отъ волчицы, медвѣдицы, кабанихи и львицы, и совершаетъ это съ успѣхомъ; звѣри эти — зооморфическія воплощенія тучъ, молоко ихъ — метафора дождя; они не только даютъ царевичу молока, но еще дарятъ ему своихъ дѣтенышей, которые и слѣдуютъ за богатыремъ, какъ его «свѣрная охота», т. е. какъ послушныя охотничьи собаки. Тогда царевна объявляетъ, что добытое молоко ей не въ пользу и отправляетъ брата въ толкучія горы за живою водою, а потомъ на чортову мельницу достать мучной пыли. Ворочаясь домой, царевичъ не успѣлъ вызвать изъ чортовой мельницы свою «охоту»; такъ быстро захлопнулись ея желѣзныя двери. Беззащитный — онъ попадаетъ въ руки лютаго змѣя и уже готовится къ смерти; но звѣри прогрызли желѣзныя двери и во время явились на выручку. По другому варианту царевичъ сламыкаетъ три зеленыхъ прута, ударяетъ ими — и змѣи распадаютъ всѣ запоры и освобож-

даются его вѣрные псы. Эти зеленые прутья тождественны съ волшебной разрывъ-травой (springruthe) и означаютъ разниці молніи; а толкучія горы и быстро-замыкающаяся мельница — метафоры громовыхъ тучъ. Какъ скоро разбиты молніей крѣпкіе затворы тучъ, изъ-за нихъ вырываются небесные псы-вихри и льется живая вода дождя: богъ-громовникъ, сопровождаемый собаками и звѣрами, является во всей своей грозной силѣ — подобно Одну, когда тотъ несется во главѣ дикой охоты. Истинна открывается, змѣй гибнетъ и коварная сестра получаетъ достойное наказаніе. Этотъ рядъ сценъ, слѣдующихъ одна за другою, есть ничто иное, какъ поэтическія картины весенней грозы. Разобранная нами сказка извѣстна у многихъ народовъ <sup>1)</sup>; у другихъ славянъ содержаніе ея развивается съ нѣкоторыми любопытными особенностями. Были сынъ да мать, рассказываетъ словацкая сказка <sup>2)</sup>; трижды семь лѣтъ сосалъ сынъ материнскую грудь и сдѣлался великой силой, такъ что могъ обхватить и вырвать съ корнемъ хоть какое толстое дерево. Этотъ богатырь — богъ-громовникъ; какъ олицетвореніе молніи, онъ рождается отъ облачной жены и сосетъ изъ ея груди животворное молоко-дождь. Съ громаднымъ деревомъ, вмѣсто дубинки, отправляется онъ искать новое, лучшее жилище для своей матери. Нашелъ богатый замокъ, очистилъ его отъ змѣевъ и поселился въ немъ вмѣстѣ съ матерью. Въ одной изъ комнатъ замка свдѣлъ змѣй, прикованный къ стѣнѣ тремя желѣзными обручами; такъ поступили съ нимъ его собственные братья. Отпусти меня на волю! проситъ змѣй богатыря. — «Э, если тебя приковали твои-же братья, то не много отъ тебя добра будетъ! Сиди-ка лучше здѣсь». Не удалось змѣю обмануть сына; за то удалось обольстить мать. Онъ объ-

<sup>1)</sup> Zeitschr. für D. M., II, 206—212; Шлейхеръ, 54—62; Гальтрихъ, 24; Вольфъ, 154-5, 251—7; Ганъ, 4, 24. 32; Матер. для изучен. нар.-слов. 82-89. — <sup>2)</sup> Slov. pohad., 478-496; Westsl. Märch., 144-155.

чалъ взять ее замужъ, и она принесла ему изъ погреба три стакана вина; за каждымъ выпитымъ стаканомъ ложается и падаетъ съ змѣй по одному обручу: эпизодъ уже намъ знакомъ! также срывается съ цѣпей и Кощей безсмертный. И вотъ змѣй на свободѣ, и замышляетъ, какъ-бы известа богатыри. По его наущенію, мать притворнется больною и посылаетъ сына за разными снадобьями, добываніе которыхъ сопряжено съ опасностью потерять жизнь. Онъ долженъ принести ей поросѣнка отъ дикаго кабана, живой и мертвой воды, золотое яблоко изъ драконова сада и птицу, которая своими крыльями подымаетъ столь сильный вѣтръ, что исторгаетъ изъ земли деревья. Въ этихъ подвигахъ ему помогаетъ святая Недѣлька (1, 241), замѣняемая въ другихъ редакціяхъ вѣщею, водяною дѣвою или вилою; она даетъ витязю и необходимые совѣты и волшебнаго коня Татошику. Добытую живую воду и птицу-вихрь Недѣлька удерживаетъ у себя, подмѣняя ихъ простой водою и обыкновенной птицею. Наконецъ коварной матери удается связать своего сына шелковымъ шнуромъ; на ея призывъ является змѣй и убиваетъ молодца. Мать вынимаетъ изъ него сердце и оставляетъ у себя, а прочія части разсѣченного трупъ привязываетъ къ Татошику, примолвивъ: «ты носишь его живаго, носи же и мертваго — куда знаешь!» Конь приноситъ хозяина къ святой Недѣлкѣ, а та воскрешаетъ его живой водою. «Странно, говоритъ оживленный молодецъ, мое сердце не бьется!» — Какъ ему биться, когда его нѣту! «Гдѣ же оно?» Недѣлька рассказала ему все, что случилось. Молодецъ не почувствовалъ ни малѣйшаго гнѣва, потому что у него не было сердца. Св. Недѣлька нарядила его въ нищенское платье, дала въ руки волынку и послала въ замокъ: «ступай и въ награду за музыку выпроси свое сердце!» Богатырь пришелъ въ замокъ, заигралъ на волынкѣ; мать его пустилась плясать съ своимъ возлюбленнымъ змѣемъ и

плясала день и ночь, пока изъ силъ не выбилась, т. е. подъ звуки грозовой музыки начинается неистовая пляска облачныхъ духовъ. Получивши свое сердце, богатырь воротился къ мудрой Недѣлкѣ; Недѣлка смочила сердце живою водою и приказала чудесной птицѣ взять его въ клювъ и вложить доброду молодцу на прежнее мѣсто. Затѣмъ богатырь является въ замокъ, гдѣ въ то время мать его дѣлила любовь съ змѣею; схватилъ острый мечъ и отсѣкъ змѣю голову. Преступная мать также должна быть наказана; но врожденное чувство сына ужасается при мысли быть палачемъ своей матери, и онъ предоставляет ее суду божьему: «пусти судитъ тебѣ самъ Богъ!» Выводитъ ее на дворъ замка и бросаетъ вверхъ свой острый мечъ: «кто изъ насъ неправъ, того Богъ накажетъ!» Быстро пронёсся мечъ мимо головы сына и вонзился въ еердце матери. Эта глубоко-нравственная черта повторяется и въ русской сказкѣ: Иванъ-царевич беретъ тугой лукъ и каленую стрѣлу и идетъ съ матерью въ чистое поле; натянулъ лукъ, положилъ поодаль и говоритъ: «становись, матушка, рядомъ со мною; кто изъ насъ виноватъ, того каленая стрѣла сама найдетъ!» Мать прижалась къ нему близко-близко; но стрѣла нашла виноватаго, сорвалась съ лука и угодила ей прямо въ сердце <sup>1)</sup>). Такъ развѣ Перунъ молніеноснымъ мечемъ и стрѣлами мать свою — облачную нимфу, находя ее въ объятіяхъ демона-змѣи. Тоже преданіе о сынѣ-богатырѣ и злодѣйкѣ-матери, вступившей въ связь съ демоническимъ существомъ, содержитъ и черногорская пѣсня: «Јован и дивски старјешина» <sup>2)</sup>), гдѣ вмѣсто змѣевъ встрѣчаемся съ дванаи, а роль св. Недѣлки исполняетъ вила. Семьдесятъ дивовъ, говоритъ пѣсня, жили на динской горѣ, въ студеной пещерѣ; богатырь Јованъ всѣхъ ихъ перебилъ своею саблею.

<sup>1)</sup> Сравни у Валица, 111-6.— <sup>2)</sup> Срп. н. пјесме, II, № 8.

но дивскій старѣйшина успѣлъ скрыться, и оставшись въ живыхъ, вошелъ въ любовь къ его матери. Хитрая мать связываетъ сына по рукамъ крѣпкой тетивой и передаетъ его своему любовнику:

Хитро дива из пѣйине <sup>1)</sup> вика;  
 Брао дивски дође старѣшина,  
 Од Јована муџу направиле:  
 Обадва му ока извадише.

Слѣпой онъ былъ исцѣленъ горною вилою, которая умыла его водою и сотворила ему ясныя очи; Јованъ торжествуетъ надъ злобою матери и убиваетъ дивскаго старѣйшину. У сербовъ дивъ — великанъ, гигантъ <sup>2)</sup>; въ болгарской загадкѣ слово это служитъ для обозначенія бурнаго вихря: «дивъ дива гони, дивъ дива съ ажби гризе, дивъ диву гозба готви, дивъ съ дива гозба ѣде» <sup>3)</sup>. Собственно дивъ означаетъ: свѣтлый, блестящій, и принималось арійскими племенами за названіе небеснаго свода; но такъ какъ съ одной стороны небо есть царство грозовыхъ тучъ, а съ этими послѣдними соединялось представленіе демоновъ шрака, чудовищныхъ змѣевъ и великановъ, и такъ какъ съ другой стороны въ самыхъ сверкающихъ молніяхъ предки наши усматривали падшихъ, низверженныхъ съ неба духовъ, то слово «дивъ» стало употребляться для обозначеніи нечистой силы и великановъ (см. I, 127-8 и гл. XXII). Отъ этого слова, по указанію Я. Гримма, образовались *diabolos*, слав. дѣволъ, нѣм. *teufel* <sup>4)</sup>. Отсюда понятно тождество дивовъ сербской пѣсни, обитающихъ въ горной пещерѣ, съ нашими Змѣями Горынычами. Старинныя русскія памятники говорятъ о поклоненіи богу Диву, и если въ этомъ свидѣтельствѣ вѣроятнѣе видѣть указаніе на свѣтлое небесное божество, то все-таки не можетъ быть сомнѣнія, что уже въ

<sup>1)</sup> Изъ пещеры. — <sup>2)</sup> Срп. рјечник, 118. — <sup>3)</sup> Изъ рукоп. сборн. г. Каравелова. — <sup>4)</sup> D. Myth., 936-9.



отдаленной древности съ словомъ «дивы» связывалось понятіе о драконахъ и великанахъ тучъ. Слово о полку Игоревѣ упоминаетъ о дивѣ, возстающемъ на деревѣ, подобно Соловью-разбойнику и мненческимъ змѣямъ. Рисуя картину ночной грозы, пѣвецъ говоритъ: «дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати землѣ незнаемѣ»; крикъ дива означаетъ громовый грохотъ и завываніе бури. Въ другомъ мѣстѣ поэмы, при описаніи военнаго погрома отъ половцевъ, сказано: «уже врѣжеса дивъ на землю» <sup>1)</sup> — выраженіе, тождественное по смыслу съ нынѣ-употребительнымъ: «якъ хмара (туча) на насъ испала!» т. е. пришла бѣда. На Украинѣ до сихъ поръ слышится клятва: «щобъ на тебе дивъ пришовъ!» <sup>2)</sup> Съ словомъ диво <sup>3)</sup> однозначительно чудо (=щадъ, чудовище), встрѣчаемое въ старинныхъ рукописяхъ въ значеніи исполина, гиганта <sup>4)</sup>; Морское чудо=Морской Царь, владыка дождемосныхъ тучъ, точно также какъ Лѣсное чудо=лѣшій, обитатель облачныхъ лѣсовъ. Какъ у сербовъ див — великанъ, такъ, по русскимъ преданіямъ, великаны суть дивіи народы (см. выше стр. 454) или дикіе люди <sup>5)</sup>; лѣшаго и лѣсунокъ также называютъ дикимъ мужикомъ и дивоженами (см. стр. 331, 343). Дикій — сокращенная форма изъ дивокій (=дивій). Первоначально эпитетъ этотъ означалъ: небесный или находящійся подъ открытымъ небомъ («sub divo» = «sub Jove»); но въ послѣдствіи съ нимъ соединилось нравственное понятіе. Когда славяне осѣлись на постоянныхъ мѣстахъ, сдѣлались осѣлыми землепашцами, тогда свой домашній бытъ подъ родною

<sup>1)</sup> Рус. Дост., III, 36-38. 130-2.— <sup>2)</sup> Нолкс., 42, 73.— <sup>3)</sup> Дивный отъ див, подобно тому, какъ прекрасный по первоначальному смыслу: сатый, блестящій.— <sup>4)</sup> Описан. славян. рукоп. Моск. синодальн. бібліотеки Невоструева и Горскаго, отд. I-а, 69; отд. 2, II, 85, 261; Словарь церковнослав. Востокова, I, 46: „тогда бо быша чудове на землѣ, рекше полове.“—<sup>5)</sup> Н. Р. Сл., VII, 5, b. У вѣнца der wilde mann — великанъ.

кровлею стали они противопоставлять кочевью по лѣсамъ и степямъ <sup>1)</sup>; вмѣстѣ съ этимъ и прилагательное *дикий* — *дикій* (живущій подъ открытымъ небомъ) стало употребляться для обозначенія той особенной грубости нравовъ и привычекъ, которая нераздѣльна съ бытомъ кочевымъ, пастушескимъ. Такою ничѣмъ необузданною грубостью, дикостью номадовъ, отличалась и порода великановъ, какъ воплощеніе вѣчно-враждующихъ и разрушительныхъ ствхій природы — буйныхъ вихрей и грозовыхъ тучъ, постоянно-блуждающихъ (кочующихъ) по широкимъ воздушнымъ пространствамъ.

Къ одному разряду съ приведенными нами сказками принадлежитъ и валахская «*Florianu*» т. е. Цвѣтъ-королевичъ <sup>2)</sup>. Рожденіе юнаго героя, его смерть и снова возрожденіе къ жизни — вотъ основная мысль этой сказки. У нѣкоего короля была дочь — чудная красавица. Разъ принесла она пучокъ прекрасныхъ, пахучихъ цвѣтовъ, поставила ихъ въ воду, и потомъ, когда вода покрылась цвѣточною плодотворною пылью, выпила ее и сдѣлалась беременна (объясненіе см. выше, стр. 492). Раздраженный король заключилъ дочь въ бочку и пустилъ въ море; тамъ родила она сына-богатыря. Мальчикъ выросъ быстро, потянулся и разломалъ бочку: такъ рождается молніеносный богъ въ бочкѣ-облакѣ, плавающемъ по небесному океану, и рожденный тотчасъ-же разбиваетъ свою колыбель (I, 588). Мать съ сыномъ вышли на сушу и поселились въ замкѣ, который принадлежалъ чудовишнымъ змѣямъ. *Флоріанъ* побѣдилъ и заковалъ ихъ въ цѣпи; только одинъ змѣй успѣлъ спрятаться и остался на свободѣ. Во время отлучекъ богатыря изъ дому, змѣй этотъ превращается въ красиваго юношу, обольщаетъ королевну и сообщаетъ ей разныя сред-

<sup>1)</sup> У чеховъ *дикий* употребляется въ смыслъ внѣшняго, въ противоположность внутреннему: *diwoký strana*—Ист. очер. рус. слов., I, 303.— <sup>2)</sup> Шоттъ, 27.

ства, какъ погубить Флоріана, чтобы не было никакой помѣхи ихъ взаимной любви. Королева притворяется больною и проситъ сына достать ей цѣлебнаго лѣкарства. Одинъ разъ Флоріанъ приносить матери живаго буйвола, мозгъ котораго она признала необходимымъ для ея выздоровленія; въ другой разъ онъ убиваетъ медвѣдя, мясо котораго должно служить для той-же цѣли; въ третій разъ мать посылаетъ его на черную гору за живою водою. Флоріанъ отправился въ путь; близъ черной горы (= тучи) разстилось бѣлое озеро, и въ томъ озерѣ купались водяныя дѣвы (нимфы, дарующія дождь): онѣ были такъ прекрасны, что юноша долго не въ силахъ былъ отвести отъ нихъ глазъ. Дѣвамъ также понравилась его мужественная красота; онѣ спросили: куда и зачѣмъ онъ идетъ? и опасаясь за его жизнь (ибо живую воду оберегалъ злой духъ), приглашали Флоріана остаться навсегда съ ними. Но онъ, ради сыновней любви, отказался и пошелъ на гору. Тамъ на верху черной горы окружилъ его густой, непроницаемый туманъ, и только онъ наклонился, чтобы почерпнуть воды изъ источника жизни, какъ въ ту же минуту закрутился страшный вихрь, подхватилъ юношу на воздухъ, разорвалъ на тысячи кусковъ и разметалъ ихъ по берегу озера. Въ полночь, когда полный мѣсяцъ взошелъ надъ озеромъ, проснулись водяныя дѣвы отъ своей дремоты на глубокомъ днѣ, выплыли на поверхность водъ и стали играть и плескаться. Вдругъ одна изъ нихъ подымаетъ жалостный плачъ, является и подаетъ своей царицѣ сердце Флоріана, которое нашла въ волнахъ озера. Царица опечалилась, созвала подругъ и приказала собрать всѣ растерзанные члены несчастнаго юноши, а одну изъ дѣвъ послала за живою водою. Когда приказъ былъ исполненъ, царица взяла собранные члены Флоріана, сложила ихъ вмѣстѣ, sprysнула живою водою, и возрожденный герой тотчасъ всталъ, будто пробудившись отъ крѣпкаго сна. Тутъ свѣдалъ

онъ про злой умыслъ на его жизнь, задушилъ змѣя, покинулъ преступную мать и отправился странствовать по бѣлому свѣту и совершать великіе подвиги. — Въ такой благоухающей свѣжести, по замѣчанію профес. Буслаева, сохраняетъ народная поэзія глубокомысленные миры о растерзанномъ и возрожденномъ Озирисѣ, Вакхѣ, и другіе подобныя. Въ борьбѣ съ демоническимъ змѣемъ погибаетъ и самъ дожденосный Перунъ (= Вакхъ); дробимый на множество шумно-люющихся потоковъ и разносимый буйными вихрями по лицу земли, онъ умираетъ вмѣстѣ съ окончаніемъ ливня; но потомъ снова возрождается, какъ скоро разсѣянныя части его тѣла будутъ собраны и окроплены живою водою, т. е. какъ скоро восходящія къ небу пары снова соберутся и образуютъ изъ себя дождевыя тучи. Въ позднѣйшихъ, подновленныхъ вариантахъ разсматриваемой нами сказки вмѣсто змѣевъ, съ которыми сражается богатырь, выводятся разбойники, а вмѣсто Змѣя Горыныча — любовникомъ царицы выставляется разбойничій атаманъ: замѣтна эта — нисколько не удивительна, ибо со сказочными змѣями нераздѣльно представление о ихъ воровскомъ, разбойничьемъ характерѣ. Такимъ образомъ древнія мифическія преданія, съ теченіемъ времени, сводятся народомъ къ простымъ объясненіямъ, заимствуемымъ изъ его дѣйствительной жизни.

Тѣже самыя облака и тучи, въ которыхъ фантазія древняго челоѣка видѣла змѣевъ — похитителей живої воды и золота солнечныхъ лучей, разсматривались и какъ вѣшній покровъ, одежда или шкура, въ которую облакаются свѣтлые боги и богини. Окутываясь темнымъ облачнымъ покрываломъ, боги какъ-бы оборачиваются въ змѣиную шкуру, и принимаютъ на себя чудовищный змѣиный образъ. Представленіе это стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ вѣрованіемъ въ оборотничество. Самъ богъ-громовникъ, засыпающій на зиму въ

ощипённыхъ стужею тучахъ и до весны незримый въ блескѣ настоящей его красоты (т. е. перестающій блистать золотистыми молніями), на метафорическомъ языкѣ внѣшнихъ сказаній превращается въ змѣя и скрываетъ свой свѣтлый лискъ подъ его безобразными формами. Въ народныхъ сказкахъ <sup>1)</sup> царевичъ-живыхъ изображается иногда въ видѣ страшнаго змѣя; но такой демонической образъ есть слѣдствіе очарованія враждебныхъ силъ (Зимы), и только временно затемняетъ несказанную красоту добраго молодца. Съ подѣлуемъ любящей невѣсты колдовство разрушается: чудовищный змѣй преобразуется въ прекраснаго, статнаго юношу, и затѣмъ слѣдуетъ веселое торжество брачнаго союза, т. е. горячее дыханіе изъ устъ богини весны (о внѣшнемъ значеніи подѣлуя см. стр. 435) вызываетъ къ жизни Перуна; являясь въ грозѣ, онъ шлетъ на землю свое плодотворное сѣмя—дождь и чрезъ то заключаетъ благодатный супружескій союзъ съ природою. Мнѣ этотъ далъ содержаніе и сербской пѣснѣ: «Зимѣ-младожена» <sup>2)</sup>). Понесла плодъ королева и разрѣшилась лютымъ змѣемъ:

Дође време, бреме да се има,  
Немаде се једно мушко чедо,  
Но с' имаде једна змија л(ь)ута;  
Како паде змија на земл(ь)нцу,  
Једнак змија у дувар одмале <sup>3)</sup>.

Прошло семь лѣтъ, т. е. семь зимнихъ мѣсяцевъ, и проявился змѣй въ стѣны: «о король, отецъ мой! что ты медлишь, для чего меня не женишь?» Уступилъ король желанію сына и поѣхалъ сватать за него царевну. И сказалъ ему царь, отецъ невѣсты: «если съумѣетъ змѣй довести сватовъ отъ вашего Будима-города до нашего Призрена — такъ, чтобы ихъ

<sup>1)</sup> Р. Н. Ск., VII, 15; Датскіе годы Багрова внука. 485-517: сказка „Аленькой цвѣточекъ“. — <sup>2)</sup> Сrp. н. пјесме, II, 51—61. — <sup>3)</sup> Тотчасъ по своемъ рожденіи змѣй заползъ въ стѣну.

ни солнце не освѣтило, ни роса не омочила (т. е. ни днемъ, ни ночью), то отдамъ за него двѣйку!» Когда передалъ король отвѣтъ этотъ змѣю, онъ собралъ сватовъ и

Завеле ое један модар облак  
Од Будима до Призрена града,  
Баш их нигде сунце не огреја,  
Нит' их каква роса заросила.

Сыграли свадьбу, уложили молодыхъ спать; въ самую полночь королева подкралась къ ихъ спальнѣ:

Шта да види? чуда големога!  
На јастуку од змије кошула(ъ)а,  
У душеку добар јунак спава,  
Заглаго Призренку девојку!  
Свака мајка рада је породу,  
Те украде од змије кошула(ъ)у,  
Па ју тури на ту ватру живу <sup>1)</sup>

Въ другомъ спискѣ этой замѣчательной пѣсни <sup>2)</sup> говорится, что огненный змѣй сбрасывалъ съ себя на ночь «крыла и окри.ье и кошуљу», что у него было три знака: «вуча шапа и орлуја панча <sup>3)</sup>, из зубах му живи огањ скаче.» По сожженіи змѣиной сорочки или шкурки юнакъ умираетъ, т. е. когда живое пламя грозы испепелитъ змѣю-тучу, вмѣстѣ съ нею погибаетъ и самъ громовникъ. По свидѣтельству сербской сказки <sup>4)</sup>, прекрасный юнакъ, когда спалили его змѣиную кошулю, исчезъ отъ своей молодой супруги, и она должна искать его, но до тѣхъ поръ не можетъ найти своего милаго, «док не подере гвоздене опанке и не сатре гвозден штап тражећи» (пока, странствуя, не износитъ желѣзной обуви и не сотретъ желѣзнаго посоха <sup>5)</sup>), т. е. (если не ошибаемся) пока

<sup>1)</sup> Переводъ: что же видитъ? о чудо великое! На подушкѣ лежить змѣиная шкурка, а на постели спитъ добрый юнакъ, обнявши двѣицу! Мать радуется на свое дѣтище, похищаетъ змѣиную шкурку и бросаетъ ее на живой огонь.—<sup>2)</sup> Срп. н. пјесме, II, 61-63.—<sup>3)</sup> Орлиные когти. — <sup>4)</sup> Срп. припов., 9, 10.— <sup>5)</sup> Тоже условіе и въ русской сказкѣ—Н. Р. Сл., VII, 1.

совершенно не сбросить съ рукъ и ногъ своихъ желѣзныхъ оковъ зимы <sup>1)</sup>).

Подобно жевху-Перуну, и невѣста его — богиня весеннаго солнца и грозъ представляется въ нѣкоторыхъ народныхъ сказаніяхъ въ чудовищномъ образѣ змѣи; смыслъ этихъ сказаній все тотъ-же, только женихъ и невѣста мѣняются своими ролями <sup>2)</sup>. Прекрасная царица, околдованная Кошечемъ безсмертнымъ, превращается въ зимній періодъ времени въ змѣю; герой, принимающій на себя подвигъ ея избавленія, должевъ семь лѣтъ оставаться въ оловянномъ замкѣ, на крутой горѣ, и только по истеченіи этого срока, т. е. послѣ семи зимнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ темномъ облачномъ замкѣ на горѣ-небѣ, царица возвращается ея неопысанная красота, а избавитель, въ награду за подвигъ, получаетъ славныя диковинки, въ которыхъ поэтически изображаются силы весенней природы. Таково содержаніе русской сказки. Въ нѣмецкихъ сагахъ, изданныхъ братьями Гримми, встрѣчаемъ преданіе о зачарованной дѣвѣ, съ золотой короной на головѣ и съ длинными косами, ниспадающими до земли; ниже пупа она имѣла видъ змѣи, и могла быть избавлена отъ этого превращенія только подъ условіемъ, чтобы цѣломудренный юноша <sup>3)</sup> трижды поцѣловалъ ее <sup>4)</sup>. Съ преданіями о змѣиной дѣвѣ (schlangenjüngfrau) родственны сказки, сохраняющіяся у различныхъ народовъ въ весьма-близкихъ и сходныхъ редакціяхъ, о вѣщей царицѣ, превращенной въ гадюку, преимущественно въ лягушку или жабу <sup>5)</sup>. Эта царица — див-

<sup>1)</sup> Сравни: Кулишъ, II, 14-16; Орленвейнъ, 2: Черты литов. нар., 71-72 — преданіе о дѣвѣ, выданной за ужа. — <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VII, 43; Сказ. Грим., 92; Вольфъ, 206—216, 304; Ганъ, 31, 100; Pentamerone, I. 15. — <sup>3)</sup> Зима—время безбрачія, цѣломудрія бога-громоуника. — <sup>4)</sup> Deutsche Sagen, I, 13; сравни Н. Р. Сл., VII, стр. 158 — о проклятой дѣвѣ, у которой туловище человѣчье, а голова змѣиная. — <sup>5)</sup> Н. Р. Сл., II, 23 и стр. 347-354; VII, 17; Труды вурск.

ная, несказанная красавица, и только на время, вследствие колдовства злой вѣдьмы (=Зимы), облачается въ лягушечью кожу рину. Стахійная природа ея очевидна: когда свекоръ заставляетъ ее показать образцы своего рукодѣлья, она обращается къ буйнымъ вѣтрамъ, и тѣ приносятъ къ ней чудно-сотканные ковѣрь и сорочку—метафоры облачныхъ покрововъ; собираясь на царской пиръ, она наказываетъ своему мужу-царевичу: «станетъ накрапывать дождь, ты скажи: это моя жена умывается! заблистаетъ молнія — объяви всѣмъ: это моя жена одѣвается! а загремитъ громъ — говори: это моя жена ѣдетъ!» Когда царевичъ сжѣтъ лягушечью кожу рину — вѣщая жена покидаетъ его, и онъ вынужденъ искать ее въ подсолнечномъ царствѣ — у Кощея безсмертнаго, гдѣ и находитъ свою суженую не прежде, какъ истоптавши желѣзные сапоги и изглодавъ три желѣзныхъ просвиры. Чтобы возвратитъ ея любовь, царевичъ долженъ добыть то чудесное яйцо, въ которомъ скрывается Кошечья смерть, т. е. сила заклѣтія тогда только прекращается, когда окончательно будетъ побѣжденъ демонъ зимнихъ тучъ. По нѣмецкимъ сагамъ красавица-оборотень является сначала змѣею, потомъ жабою и наконецъ уже дѣвою, и во всѣхъ этихъ превращеніяхъ должна получить отъ своего избавителя по одному поцѣлу; тогда она освобождается отъ злаго очарованія и даритъ счастливаго юношу несчетными сокровищами <sup>1)</sup>).

Заклятая или очарованная царевна выступаетъ героинею весьма многихъ сказокъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ,

---

статистич. комитета, I, 523-5; Сказ. Грим., I, 63; Матер. для изучен. нар. слов., 22-24; Нов. и пред., 97—102. Персы признаютъ жабу создателемъ Ариана—*Andeutung. eines Systems der Myth.*, 169, съ помощію этой гадины вѣдьмы совершаютъ свои чары, и сами онѣ нередко превращаются жабами.— <sup>1)</sup> *Beiträge zur D. Myth.*, II, 247.



и сказки эти, не смотря на обиліе сходныхъ сторонъ, представляютъ довольно-разнообразныя варіаціи одной и той-же основной темы. Очарованіе не всегда состоитъ въ измѣненіи человѣческаго образа на зѣбный или яной животный, что тѣсно связывается съ древнѣйшимъ олицетвореніемъ силъ природы различными птицами и звѣри; но выражается еще въ болѣе простой формѣ—въ измѣненіи бѣлаго цвѣта на черныи, т. е. въ утратѣ блеска, сіянія, а слѣдовательно и красоты. Царевна-красавица, царствомъ которой овладѣваетъ вѣчно-шумная, безпокойная нечистая сила, теряетъ свой бѣлоснѣжный цвѣтъ и дѣлается черною, а бѣлые кони, на которыхъ выѣзжаетъ ея колесница, превращаются въ воронныхъ. Въ такомъ помраченномъ видѣ сидитъ она въ заколдованномъ дворцѣ или замкѣ(=въ зимней тучѣ). Чтобы освободить ее изъ-подъ заклятія, отъ сказочнаго героя требуется сечь дѣтъ молчанія; это потому, что на всѣ зимніе мѣсяцы Перуны дѣйствительно замолкаетъ. Злые духи напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы устроить и прогнать избавителя, и въ продолженіи трехъ ночей испытуютъ его силой различными демонскими наводненіями: то грозятъ ему мучительною смертію, то скачутъ на него бѣшеными конями, то со всѣхъ сторонъ окружаютъ его клочущимъ пламенемъ, и т. дал. По мѣрѣ того, какъ близится срокъ избавленія, чернота все болѣе и болѣе умалается: и царевна, и кони ея становятся бѣлыми сначала до пояса, потомъ до колѣнъ, а наконецъ и совсѣмъ освобождаются отъ вліянія нечистой силы<sup>1)</sup>. Это—то самое представленіе, на которомъ зиждется большая часть народныхъ эпическихъ сказаній: богиня весны (дѣва-Солнце), обезсиленная вѣдьмою-Зимою или помраченная демономъ-зѣбемъ, утра-

<sup>1)</sup> Н. Р. Св., VII, 16; VIII, 12; Эрленвеймъ, 40; Slov. pohad., 76-99; сб. Валааца, 154-7; Штиръ, 5, 6; Сказ. Грам., 121, 197; Вольфъ, стр. 16-29, 40-53, 91-97, 127-133, 301-6

чизаетъ на извѣстное время свою блистательную красоту и снова обрѣтаетъ ее по окончаніи срока испытанія. Той-же измѣнчивой судьбѣ подвластны и прекрасныя нимфы водъ (т. е. дождевыхъ источниковъ): являясь въ лѣтнюю пору въ легкихъ, бѣлоснѣжныхъ облачныхъ тканяхъ, озаренныхъ яркими лучами солнца, въ зимніе мѣсяцы онѣ одѣваются въ черныя, траурныя покровы и подвергаются злему очарованію. Это такъ называемыя бѣлыя жены и дѣвы (*weisse frauen, weissgekleidete jungfrauen*), о которыхъ рассказываютъ нѣмецкія саги, постоянно связывая съ ними идею заклятій. Онѣ осуждены пребывать въ заколдованныхъ (захваченныхъ нечистою силою) или подземныхъ замкахъ, въ нѣдрахъ горъ и въ глубокихъ источникахъ, оберегаютъ сокрытые тамъ клады—несчетныя богатства въ золотѣ и драгоценныхъ каменьяхъ, и нетерпѣливо ждутъ своего избавителя. Въ извѣстные дни года, жены и дѣвы эти показываються недалеко отъ своихъ жилищъ очамъ смертныхъ, преимущественно невиннымъ дѣтямъ и бѣднымъ настухамъ; показываються онѣ обыкновенно весною, когда цвѣтутъ майскіе цвѣты, на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія и на Рождественскую ночь, слѣдовательно въ такое время, съ которымъ соединяется мысль о грядущемъ или уже наступившемъ пробужденіи природы отъ зимняго сна. Народныя саги повѣствуютъ о пастухахъ и путникахъ, которые видѣли, какъ при свѣтѣ полуденнаго солнца появлялась прекрасная дѣва, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ связкою ключей въ одной рукѣ (иногда—на поясѣ) и съ пучкомъ весеннихъ цвѣтовъ въ другой, раскладывала для просушки зѣрна пшеницы или мотки пряжи, и смотрѣла на все дружелюбно, но грустно. Взятыя у ней и принесенныя домой зѣрна и прядево обращались всегда въ чистое золото. Показываясь у источниковъ, она черпаетъ воду въ золотое ведро, умываетъ лице и руки, расчесываетъ золотымъ гребнемъ свои роскошныя, золотистыя косы, и потомъ удаляетъ-

ся въ горы или замокъ. Одному крестьянину подарила бѣлая дѣва прядъ (очёсокъ) своихъ волосъ; воротившись домой, онъ нашелъ эту прядъ золотою. У чеховъ также известна *bila rapa* <sup>1)</sup>, которая весной и лѣтомъ появляется возлѣ студентовъ, разговариваетъ съ дѣтьми, пасущими стада, и потомъ скрывается въ колодцѣ (сравни стр. 126—7, 410). Въ Витебскѣ существуетъ преданіе о зачатой царевнѣ-красавицѣ, обитающей въ Воксальной горѣ; тамъ посреди великолѣпнаго чертога, освѣщеннаго безчисленнымъ множествомъ огней, возсѣдаетъ она на золотомъ тронѣ, одѣтая вся въ бѣлое, а подлѣ нея лежатъ груды золота и брилліантовъ. Наканунѣ Купалы царевна выходитъ изъ горы и разсыпаетъ вокругъ себя брѣліанты, которые впрочемъ немедленно превращаются въ прахъ, какъ скоро прикоснется къ нимъ рука человѣка. Въ двѣнадцатомъ году, передъ народною войною, она звонила по ночамъ въ соборный колоколъ; но едва приближались къ ней, какъ тотчасъ-же исчезала <sup>2)</sup>. Заколдованные замки, дворцы и горы суть тучи, оцѣпененныя дыханіемъ зимы; затаенные въ нихъ клады: золото и самоцвѣтные камни—солнечное сіяніе; водные источники—небесныя криницы живой воды, т. е. дожди; связка ключей—метафора молній, отмыкающихъ облачныя подземелья, скалы и криницы. Чтобы освободить бѣлую дѣву отъ заклятія, необходимо соблюденіе тѣхъ-же условій, на которыя указано выше: это или тяжелое испытаніе, налагаемое на избавителя (онъ долженъ держать ее за руку и хранить строгое молчаніе, не утрушаясь дьявольскихъ видѣній), или поцѣлуй, уничтожающій вліяніе колдовства. Такой подвигъ подѣ силу только громовнику; старинныя преданія представляютъ его то прекраснымъ ребенкомъ, рождающимся въ шумѣ весенней грозы, то пастыремъ небесныхъ стадъ; согласно съ

<sup>1)</sup> Ганушъ, 120; Громаниъ, 213; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148. —<sup>2)</sup> Путевыя замѣтки Давида Мацкевича (Кіевъ, 1856., 228.

этимъ, бѣлыя жены и дѣвы ищутъ своего избавителя между дѣтьми и пастухами. Одинъ рыбакъ только что забросилъ свои сѣти, какъ увидѣлъ передъ собою бѣлую дѣву со связкою ключей; «твоя жена (сказала она) разрѣшилась мальчикомъ; ступай домой, возьми ребенка и принеси ко мнѣ, чтобы я могла поцѣловать его и быть свободною». Рыбакъ поспѣшилъ домой и нашелъ, что жена его дѣйствительно родила мальчика; но прежде, чѣмъ исполнить просьбу бѣлой дѣвы, онъ, по совѣту священника, окрестилъ дитя, и затѣмъ уже понесъ его на гору. Бѣлая дѣва сидѣла въ слезахъ и горько жаловалась, потому что только поцѣлуй некрещеннаго ребенка могъ освободить ее отъ заклятія. Въ другомъ мѣстѣ показались двумъ пастухамъ полубѣлая, получерная женщина и просила ихъ взойти на гору и освободить ее, въ награду за что имъ достанется все хранящееся тамъ золото; но пастухи не могли побѣдить своего страха, и когда минулъ часъ освобожденія—она погрузилась въ гору, откуда долго слышались раздражающія душу, печальныя ея жалобы; теперь не прежде, какъ черезъ сто лѣтъ родится тотъ, которому можно будетъ избавить ее! Несомнѣнна близость этихъ сказаній, во первыхъ, съ преданіями о герояхъ, спящихъ очарованнымъ сномъ въ подземныхъ пещерахъ, и во вторыхъ—съ преданіями о богинѣ Гольдѣ; увлеченная въ полетъ неистоваго воинства, Frau Holda скрывается въ нѣдрахъ горъ и остается тамъ со всею своею свитою до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время ея освобожденія и торжественнаго странствованія по землѣ; подобно бѣлымъ женамъ и дѣвамъ, она купается при полуденномъ солнцѣ, расчесываетъ свои волосы, и при встрѣчахъ съ людьми награждаетъ ихъ золотомъ. Сокрытію въ горахъ и подземельяхъ соответствуетъ погруженіе въ глубину водъ; идея того и другаго представленія одна и таже, хотя и выражается въ различныхъ поэтическихъ образахъ: вмѣсто облачныхъ горъ

и подземелій фантазія живописуетъ тучи, какъ дождевыя моря, озера и источники. Гольда живетъ не только въ горныхъ пещерахъ, но и въ прудахъ и колодцахъ; духи героенъ и заклые клады также почіють въ водахъ. Такъ императоръ Карлъ сидитъ въ Нюренбергскомъ источникѣ, за столомъ, вокругъ котораго обвивается его длинная борода; кладъ Нибелунговъ, добытый нѣкогда изъ потока карлика Андвари, снова попалъ въ воду и лежитъ погруженный на днѣ Рейна. Чехи и донны любятъ рассказывать о кладахъ, сокрытыхъ въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ. Народныя преданія упоминаютъ о дѣвицахъ, которыя, будучи уведены водяными духами, семь лѣтъ остаются вмѣстѣ съ ними и живутъ подъ водою; отождествляя бѣлыхъ женъ съ ниссами, саги представляютъ ихъ нерѣдко съ рыбьими хвостами. Существуетъ наконецъ множество разсказовъ о цѣлыхъ городахъ, монастыряхъ и замкахъ, провалившихся подъ землю, на мѣстѣ которыхъ образовались глубокія озера; изъ ихъ омутовъ раздается по временамъ колокольный звонъ и бываютъ видны верхушки башенъ; тамъ обитаютъ заклые люди (эльфы<sup>1)</sup>). Тѣже преданія о дѣвицахъ, увлеченныхъ нечистою силою въ подводныя селенія, о сокрытыхъ на днѣ озеръ церквахъ и раздающемъ оттуда звонѣ извѣстны и на Руси. Въ тульской губ. сохранилась слѣдующая легенда объ одной церквѣ: былъ большой праздникъ; буйныя толпы, собравшись къ обѣднѣ, подрались въ самомъ храмѣ, и вотъ церковь со всѣми прихожанами быстро погрузилась въ землю, а на мѣстѣ, гдѣ она стояла, выступила темная и мутная вода. Такъ образовалось озеро, откуда и до сего времени слышится колокольный звонъ наканунѣ большихъ праздниковъ. О Поганомъ озерѣ, подъ Суздалемъ, рассказываютъ, что тамъ, гдѣ оно разстилаетъ свои воды, сто-

<sup>1)</sup> D. Myth., 564, 914-921, 931-4; Beiträge zur D. Myth., II, 239, 243, 247, 294-6

ялъ прежде монастырь; но когда однажды напали на него разбойники, то земля потряслась и скрыла обитель, вѣсть съ нечестивыми грабителями, въ своихъ глубокихъ провалахъ. Въ Коломнѣ указываютъ небольшой прудъ, откуда въ праздничные дни раздается колокольный звонъ: здѣсь въ давніе годы скрылась подъ землею церковь <sup>1)</sup>. Подобное-же преданіе сочталось съ именемъ Венеты: этотъ славный городъ погрузился нѣкогда въ море; отъ времени до времени онъ подымается надъ поверхностію водъ и снова въ нихъ исчезаетъ; жители его обладали такими богатствами, что городскіе ворота и колокола были сдѣланы изъ благородныхъ металловъ и дѣти играли по улицамъ кусками серебра <sup>2)</sup>. Эти подводные города и церковныя башни, дающія о себѣ вѣсть колокольнымъ звономъ, однозначительны съ тѣми очарованными горами, откуда слышится по временамъ стукъ оружія и звуки воинскихъ трубъ (см. выше стр. 442). Звонъ—метафора громовыхъ раскатовъ, замки, города и башни—тѣ чудесныя зданія, которыя рисовались воображенію древняго челоѣка въ грядяхъ лѣтнихъ облаковъ; съ наступленіемъ осени они подвергаются хищному нападению нечистыхъ духовъ и тонуть въ дождевыхъ потокахъ.

Итакъ временная утрата красоты сказочною царевною выражалась въ мнѣ: во 1-хъ, принятіемъ ею змѣйнаго образа, и во 2-хъ, помяченіемъ ея свѣтлаго лица и замѣною бѣлой одежды черною. Но, сверхъ сего, встрѣчается еще третье мнѣстическое представленіе: подъ вліяніемъ зимней стужи легкая облачная одежда красавицы превращается въ жесткую кору, охватывающую все ея тѣло, что и продолжается до тѣхъ поръ, пока не разрубитъ молніеноснымъ мечемъ и не сниметъ эту кору пробудившійся въ весеннюю пору могучій Перунъ. Поѣхалъ Святоторъ (= исполнитъ-громовникъ, обитаю-

<sup>1)</sup> Рус. Пред., I, 16-18, 27-28; Труды яросл. стат. комитета, в. I—о подводныхъ монастыряхъ, чтимыхъ раскольниками.— <sup>2)</sup> Der Urspr. der Myth., 263.

шіи въ святыхъ горахъ, т. е. тучахъ—см. гл. XXI) разузнать свою судьбину: гдѣ и на комъ ему жениться? И было ему предсказано мненческими кузнецами, кующими брачные узы: «твоя невѣста въ поморскомъ царствѣ, въ престольномъ городѣ тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ». Призадумался богатырь, направилъ путь въ поморское царство и нашелъ дѣвицу—лежитъ во гноищѣ, спитъ крѣпкимъ сномъ, а тѣло у ней словно кора еловая; поднялъ свой острый мечъ, ударилъ ее въ грудь и утѣхалъ изъ царства. Очнулась дѣвица отъ крѣпкого сна—а еловая кора съ нея спала, и сдѣлалась она красавицей и невиданной, и неслыханной. Далеко пронеслась молва про ея красу, посватаался за дѣвицу Святогорь-богатырь, и женившись на ней, спозналъ, что отъ судьбы не уйдешь<sup>1)</sup>. Кто не узнаетъ въ этомъ великорусскомъ сказаніи того-же самаго преданія, какое въ пѣсняхъ Старой Эдды связано съ именемъ Зигурда? Послѣ того, какъ герой этотъ побѣдилъ змѣя и овладѣлъ драгоцѣннымъ кладомъ, онъ совершаетъ еще одинъ подвигъ: освобождаетъ вѣщую дѣву отъ ея змѣйнаго усыпленія. Завидя вдалекѣ на горѣ сильный свѣтъ, подобный зареву пожара, онъ поскакалъ въ ту сторону и обрѣлъ замокъ, внутри котораго лежалъ витязь въ полномъ вооруженіи и спалъ глубокимъ сномъ. Зигурдъ снимаетъ съ его головы шлемъ, и что же?—передъ нимъ покоится красавица, а на ней твердая броня—будто приросла къ тѣлу. Тогда Зигурдъ чудеснымъ мечемъ Грамъ онъ надрѣзываетъ эту броню отъ головы внизъ и на обѣихъ рукахъ и совлекаетъ ее съ сонной дѣвы. То была воинственная валькирія Брунигильда: какъ только броня была снята—она тотчасъ-же пробудилась отъ сна и встала<sup>2)</sup>. Пламя, окружающее гору и замокъ, есть то грозное пламя, въ которомъ со-

<sup>1)</sup> Рыбник., I, 40—41.— <sup>2)</sup> Смирн., 168.

крушаются тяжелые оковы, налагаемые на облака и тучи демонами зими. Согласно съ этимъ преданіемъ Эдды, сопоставляющимъ побѣду надъ дракономъ съ освобожденіемъ очарованной красавицы, и русской стихъ о Егоріи Храбромъ соединяетъ оба означенные подвига вѣстѣ: Егорій Храбрый, т. е. первоначально — побѣдоносный Перунъ, убиваетъ огнедышащаго змѣя, и освободивъ изъ-подъ его власти трехъ дѣвъ, приводитъ ихъ къ Іордань-рѣкѣ:

«Ой вы мои три родныхъ сестры!

Вы умойтеся, окреститеся.

Набралися вы духу нечистаго:

На васъ кожа (вар. тѣло), какъ еловая кора,

На васъ власы, какъ камышъ (вар. ковыль)-трава»<sup>1)</sup>.

Стихъ называетъ мать Егорія — Софіей Премудрою, слѣдовательно три сестры его — Вѣра, Надежда и Любовь. Смѣшивая древне-языческія преданія съ христіанскими, народная фантазія замѣнила трехъ вѣщихъ дѣвъ (норнъ, вилъ) тремя святыми сестрами, а мученичество, испытанное послѣдними отъ басурманскаго царя Діоклитіанища, сопоставила съ тѣми страданіями, какиѣ подвергаются первыя въ темницахъ лютаго змѣя; омовеніе въ Іордань-рѣкѣ указываетъ на ту живую воду, которою смываются жесткіе покровы зими, т. е. на пролитіе весенняго дождя.

Въ ту эпоху, когда позабытъ былъ дѣйствительный смыслъ древнихъ метафорическихъ выраженій, мифы о летучихъ, огненныхъ змѣяхъ повели къ обожанію змѣй обыкновенныхъ, ползучихъ<sup>2)</sup>. По словамъ Кромера, въ Литвѣ и Польшѣ дозволяли ужамъ и змѣямъ селиться въ домахъ, подъ печкою, чтили ихъ какъ пенатовъ и приносили имъ въ даръ мо-

<sup>1)</sup> Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 154; Калѣки Пер., II, 406. — <sup>2)</sup> «Закрой, Господи отъ змѣя ползучаго и летучаго» — Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 221.



локо, сыръ, яйца и куръ (сравни выше, стр. 539, съ преданіями о домовыхъ цюкахъ); если они вкушали предложенную имъ яству—это принималось за добрый знакъ, и наоборотъ нетро-нутая пища указывала на грядущія бѣдствія; наносить какой бы то ни было вредъ этимъ гадамъ и убивать ихъ — было строго воспрещено. Крестьяне наши до сихъ поръ считаютъ счастливымъ предзнаменованіемъ, если въ избѣ поселится ужъ, и охотно ставятъ для него молоко; убить такого ужа — величайшій грѣхъ! За змѣиными и ужовыми головками и шкурками признается цѣлебная сила <sup>1)</sup>. У другихъ народовъ находимъ болѣе ясныя свидѣтельства о религіозномъ чествованіи змѣй. И греки, и римляне чтили ихъ, какъ домовыхъ охранительныхъ духовъ; въ Афинахъ, подлѣ новорожденнаго ребенка, клали сдѣланную изъ золота змѣю. Но такъ какъ понятіе о семейныхъ и родовыхъ пенатахъ было распространяемо на цѣлые города и области, то полагали, что для каждой страны есть свой «genius, qui per anguem plerumque ostentitur». Въ Афинахъ на акрополѣ содержалась змѣя, посвященная богинѣ-покровительницѣ этого города <sup>2)</sup>; во время персидской войны, когда медовый пирогъ, который ежемѣсячно приносили этой змѣѣ, остался несѣденнымъ, афинскіе граждане отчаялись въ защитѣ своего города. Въ Эпирѣ, въ рождѣ Аполлона, водились змѣи, которымъ дѣлались подобныя-же приношенія; если онѣ сѣдали приготовленную для нихъ пищу — это служило предвѣстіемъ изобилія и счастья въ теченіи цѣлаго года. Въ храмѣ элевзинской богини плодородія — Деме-

<sup>1)</sup> Абев., 201, Эти Сб., VI, 125; Ворон. Г. В. 1851, 10; Иллюстр. 1846, № 28; Рус. Сл. 1860, V, стат. Костомар., 6, 20; Нар. сл. раз., 121-3; Архивъ ист.юрид. свѣд., II, (Михалонъ-литвинъ, стр. 2 предислов.); Слав. Миссл. Кайсарова, 87; Вѣсти. моск. арх. общ. 1867, III, 137; Lituania Шлейхера, 16. — <sup>2)</sup> Припомнимъ, что у ногъ Афины изображался драконъ, что на щитѣ своемъ она имѣла голову горгоны и что сама она называлась γοργόπις.

тры также содержалась змѣя <sup>1)</sup>. Древніе пруссы обожали огромную змѣю, за которою обязаны были смотрѣть жрецы; она покоилась на колосьяхъ и питалась молокомъ. Сверхъ того, сохранились еще извѣстія о почитаніи змѣй (эхиднъ) лонгобардами <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Der Ursprung der Myth., 39, 42-43, 75; Пропилея, II, изд. 3, 55.—<sup>2)</sup> D. Myth., 648-9, 650-1: Andeutung eines Systems der Myth., 155. Обоготвореніе змѣй въ Египтѣ засвидѣтельствовано Геродотомъ.

## XXI.

### ВЕЛИКАНЫ И КАРЛИКИ.

Преданія о великанахъ общи вѣмъ индоевропейскимъ народамъ. Эти исполинскіе образы (созданіе которыхъ еще не такъ давно поверхностная критика приписывала только грубой, ни на чемъ неоснованной прихоти народнаго воображенія) нисколько не покажутся намъ странными, противорѣчащими чувству художественной естественности, если мы убѣдимся, что они олицетворяли собой темныя массы тучъ, заволакивающихъ все безпредѣльное небо, и тѣ необоримыя силы природы, какими сопровождается ихъ воздушный полетъ: вихри, мятели, вьюги, градъ, дождевые ливни и громовые удары. Въ сокрушенныхъ обломкахъ скалъ, въ исторгнутыхъ съ корней вѣковыхъ деревьевъ и въ другихъ слѣдахъ, оставляемыхъ разрушительными бурями и грозами, дѣтская фантазія первобытныхъ племенъ видѣла результаты свободной дѣятельности облачныхъ духовъ; отъ чрезмѣрности тѣхъ средствъ, какія требовались для совершенія подобныхъ подвиговъ, она необходимо заключала о громадности самыхъ дѣятелей. Такое стихійное значеніе великановъ наглядно раскрывается изъ присвоенныхъ имъ сверхъестественныхъ свойствъ, а равно изъ той обстановки, среди которой являются они въ народныхъ сказаніяхъ. Особенно интересны мнѣя о нихъ происхожденіи и гибели.

Въ началѣ вѣковъ, когда еще не было ни земли, ни неба,

по сказанію Эдды, огромная разверстая бездна; въ безднѣ лежало два царства: на югѣ Muspell — царство свѣта и тепла (muspell — огонь) и на сѣверѣ Niflheim — царство мрака и холода (nifl — не-). Посреди Niflheim'a былъ источникъ Hvergerd — der rauschende kesse! — бурливый, шумно-журча- (аль), изъ котораго исходили двѣнадцать окованныхъ ледяныхъ потоковъ. Отъ дѣйствія южной теплоты льды начали таять, а изъ растопленныхъ капель произошелъ первозданный великанъ Ymir — ния, означающее: der tosende, rauschende. Во время сна Имиръ вспотѣлъ, и въ плодородномъ потѣ подъ его лѣвой рукою родился мужъ и жена, а ноги его произвели шестиглаваго сына<sup>1)</sup>: такъ создается племя великановъ ниея — hrímthursen (reifriesen). Ледъ продолжалъ таять, и явилось новое существо — корова Audhumbla; изъ четырехъ сосцовъ ея лились млечные потоки, которые питали Имира; сама же она лизала ледяныя скалы (eisssteine), и въ вечеру перваго дня образовались отъ того волосы, на другой день — голова, а на третій предсталъ огромный и

<sup>1)</sup> Также противоположность между двумя мірами указана въ финской повѣсти Калевала: Вейнела — страна свѣта и Похьйола — страна тумановъ и мрака (Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 154-6).

<sup>2)</sup> Сравни съ индѣйскимъ сказаніемъ, что первый брагманъ (жрецъ) сотворенъ Брамой изъ устъ первозданнаго человека Ману, первый вои́нъ — изъ его руки, купецъ — изъ бедра, а слуга — изъ ноги (D. Myth., 536). Устъ — эмблема вѣщаго слова и тѣхъ громовыхъ глаголовъ, которыми вызывается верховный жрецъ Агни; рука — эмблема молніеноснаго оружія, а слѣдовательно и самого громовика, этого небеснаго воителя и поборателя враждебныхъ полчищъ. Въ стихѣ о голубиной книгѣ сказано, что цари созданы отъ главы Адама, князья и бояре — отъ его честныхъ мощей, крестьяне и женщины — отъ его козны (Калѣки Пер., II, 294); по свидѣтельству греческаго мифа, Діонисъ, установитель земледѣлія, родился изъ ливка Зевса.

сильный мужъ по имени Buri, напоминающій собою нашего сказочнаго героя: Бурю-богатыря, коровьяна сына. Отъ этого Buri родился Bött, который взялъ за себя дочь одного изъ великановъ, и плодомъ ихъ супружеской связи были три сына, принадлежащіе уже къ числу боговъ: Odhinn, Vili и Ve. Эти три брата, представители бурныхъ грозъ, убили Имира; изъ ранъ его излилось такъ много крови, что въ ней потонули всѣ великаны; только одинъ успѣлъ спастись на ладѣ съ своею женою, и отъ нихъ-то произошла новая, ютѣйшая порода великановъ. Сыновья Bött'a бросили трупъ Имира въ разинутую бездну и создали изъ его крови море и воды, изъ мяса — землю, изъ зубовъ и костей — скалы, утесы и горы, изъ волосъ — лѣса, изъ мозга — облака, изъ черепа — небо, на которомъ утвердили огненные искры, вылетавшія изъ Muspellsheim'a, дабы онѣ освѣщали землю, какъ небесныя свѣтила. Земля была кругла и со всѣхъ сторонъ опоясывалась глубокимъ моремъ (— воздушнымъ океаномъ), за которымъ обитали великаны. Я. Гриммъ сближаетъ это сказаніе Эдды съ Гезіодовой теогоніей: разверстой безднѣ соответствуетъ хаосъ ( $\chi\acute{\alpha}\omicron\varsigma$  <sup>1)</sup>), изъ котораго родились первобытныя великанскія существа:  $\text{Ἔρεβος}$  (— Niflheim), Ночь и Земля; отъ послѣдней произошелъ Уранъ — облачное, грозовое небо, подобно тому, какъ по германскому преданію Земля была матерью громовержца Тора. Стародавніе мифы, повѣдающіе о созданіи вселенной, изображаютъ собственно переходъ природы отъ ея зимняго омертвенія (— небытія) къ весенней жизни. Вліяніемъ южнаго, или чѣмъ то же — весенняго тепла неподвижныя, камню-подобныя льды, произведенныя сѣверными вьюгами <sup>2)</sup>, оживаютъ въ текущихъ и журчащихъ потокахъ и

<sup>1)</sup> Griech. Myth., I, 33:  $\chi\acute{\alpha}\omicron\varsigma$  von  $\chi\alpha\iota\nu\alpha\iota\nu$  vgl. die Kluft der Kluft, gar ginnung, der nordischen Mythologie. — <sup>2)</sup> Саверь, мифъ и смерть — понятія, постоянно отождествляемыя въ мифическихъ преданіяхъ.

въ легкихъ, поднимающихся къ небу парахъ; изъ капель растаявшаго инея (hgrm), т. е. изъ росы, напоющей воздухъ (thau — роса, thauen — таять), в сгущенныхъ тумановъ (nifl) нарождаются великаны дождевыхъ тучъ и корова-облако, воздаяющая изъ своихъ сосцовъ молоко-дождь <sup>1)</sup>. Вологодское откоровѣть — оттаять <sup>2)</sup> и серб. кравити — топить, влавить, кравитв се — изтаять <sup>3)</sup>, отъ сикр. sgu — fluere, тапаге (причин. sgaŋajâmi <sup>4)</sup>), указываютъ на древнѣйшую связь понятія о доящейся коровѣ съ дождевымъ облакомъ. Имиръ вскормленъ былъ молокомъ Авдумблы; какъ воплощеніе тучи, готовый излиться шумными потоками дождя, этотъ первоизданный великанъ (uggieze) получилъ имя, знаменующее неистово-бурливый разгулъ весеннихъ водъ, что подтверждается и названіемъ Ута, присвоеннымъ морской женѣ. Изъ его пота (метафора скопляющихся паровъ) образуются всѣ другіе исполины — гримтурсы.

Отголосокъ преданія о происхожденіи облачныхъ духовъ изъ тающихъ весною льдовъ и снѣга доселѣ слышится въ нашемъ народномъ сказаніи о Снѣгуркѣ. Снѣгурка (Снѣжевица, у нѣмцевъ Schneekind <sup>1)</sup>) названа такъ потому, что родилась изъ снѣгу. Не было, говоритъ сказка <sup>2)</sup>, у старика, у старухи дѣтей; вышелъ старикъ на улицу, сжалъ ко мочекъ снѣгу, положилъ его на печку — и явилась прекрасная дѣвочка. Переносъ мнѣ о рожденіи облачной нимфы подъ домовую кровлю, фантазія присвоила благодатное дѣйствіе весенняго тепла — очагу, какъ божеству, которое благословляетъ потомствомъ и охраняетъ семейное счастье. Есть еще другая варіація сказки о Снѣгуркѣ <sup>3)</sup>: жилъ-

<sup>1)</sup> D. Myth., 496-9, 525—6, 530, 540; Die riesen des germanisch. mythus, von K. Weinhold, 7—8.—<sup>2)</sup> Обл. Сл., 147.—<sup>3)</sup> Срп. прѣчки, 296-7.—<sup>4)</sup> Изв. А. Н., IV, 415.—<sup>5)</sup> D. Myth., 528.—<sup>6)</sup> Н. Р. Сл., VI, 25, б.—<sup>7)</sup> Кіевлянинъ 1840, I, 71-78; Три сказки и одна побасенка, Максимовича (Кіевъ, 1845)

былъ крестьянинъ Иванъ, жену его звали Марья; жили они въ любви и согласіи, состарились, а дѣтей у нихъ все не было; сильно они о томъ сокрушались! Вотъ наступила зима, молодого снѣгу выпало много—чуть не по колѣна; ребятки высыпали на улицу играть, бѣгали, рѣзались и наконецъ стали лѣпить снѣговую бабу. Иванъ да Марья глядѣли въ окно. «Пойдти бы и намъ, жена, да слѣпить себѣ бабу!»—Чтожъ, пойдѣмъ! только на что тебѣ бабу? будетъ съ тебя — и меня одной; слѣпимъ лучше дитя изъ снѣгу, коли Богъ живаго не далъ! «И то правда!» Вышли они изъ хаты и принялись лѣпить куклу, сдѣлали туловище и съ ручками, и съ ножками, приставили головку. «Богъ въ помочъ!» сказалъ имъ прохожій. — Спасибо; божья помочъ на все хороша! Вылѣпили они носикъ, сдѣлали вмѣсто глазъ двѣ ямки во лбу, и только что Иванъ начертилъ ротикъ, какъ тотчасъ дохнуло отъ куклы теплымъ духомъ. Смотритъ Иванъ—а вотъ ужъ изъ ямокъ голубые глазки выглядываютъ, и алая губки улыбаются. Зашевелила Снѣгурка, точно живая, и ручками, и ножками, и головою. «Ахъ, Иванъ! вскрикнула Марья отъ радости, да вѣдь это Господь намъ дитя даетъ!» Бросилась обнимать Снѣгурку, и на рукахъ у нея очутилась въ самомъ дѣлѣ живая дѣвочка. Растетъ Снѣгурка не по днямъ, а по часамъ, что день—то все пригожѣе, красивѣе, и стала за зиму словно лѣтъ тринадцати, да такая смышлѣная—все разумѣетъ, про все рассказываетъ и такимъ сладкимъ голосомъ, что заслушаться можно; завсегда добрая, послушная, привѣтливая, а собой бѣлая-бѣлая, какъ снѣгъ, румянца совсѣмъ не видать—словно ни кровинки нѣтъ въ тѣлѣ. Пршла зима, стало пригрѣвать весеннее солнце—Снѣгурка сдѣлалась грустна, и чѣмъ ближе къ лѣтнимъ жарамъ, тѣмъ она печальнѣе; все прячется отъ яснаго солнышка подъ тѣнь. Только и любю ей, какъ набѣгутъ на небо пасмурныя тучи, или какъ

пойдетъ она плескаться у студёнаго ключа. «Ужь не больна ли она!» думала старуха. Разъ надвинулась градовая туча, и Снѣгурка такъ обрадовалась граду, какъ другая не обрадуется и жемчугу; а когда градъ растаялъ отъ солнечныхъ лучей — она горько по немъ плакала. На Ивановъ день собрались дѣвки гулять, пошли въ рощу и взяли съ собой Снѣгурку; тамъ онѣ рвали цвѣты, вили вѣнки, пѣли пѣсни, а вечеромъ разложили костеръ и вздумали прыгать черезъ огонь. «Смотри же, говорить дѣвки Снѣгуркѣ, не отставай отъ насъ!» Затянули купальскую пѣсню и поскакали черезъ костеръ. Побѣжала и Снѣгурка, но только поднялась надъ пламенемъ, какъ въ ту же минуту раздался жалобный крикъ и потянулась Снѣгурка вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко и унеслась въ поднебесье. Въ такомъ граціозномъ поэтическомъ образѣ представляетъ народная фантазія одно изъ обыкновенныхъ явленій природы, когда отъ жгучихъ лучей лѣтняго солнца (купальскій костеръ — эмблема солнца) таютъ снѣжныя насыпи, и испаряясь, собираются въ дождевыя тучи. Въ зимнюю пору, когда облака изъ дождевыхъ превращаются въ снѣговыя, прекрасная облачная дѣва нисходитъ на землю — въ этотъ міръ, заселенный людьми, и поражаетъ всѣхъ своею нѣжною бѣлизною (т. е. падаетъ на поля въ видѣ снѣга); съ приходомъ же лѣта она принимаетъ новый, воздушный образъ, и удаляясь съ земли на небо, носитъ тамъ вмѣстѣ съ другими легкокрылыми нимфами. Съ русскою сказкою о Снѣгуркѣ можно сблизить сербское преданіе про короля Трояна, хотя это послѣднее и выражаетъ иную мысль. Въ Трояновомъ градѣ (теперь развалины на горѣ Церѣ) жилъ нѣкогда царь Троянъ; каждую ночь ѣздилъ онъ въ Срѣмъ на свиданіе съ своею милою. Ъздилъ Троянъ по ночамъ, потому что днемъ никуда не смѣлъ показываться, опасаясь, чтобы не растопило его ясное



солнце. Являясь въ Срѣмъ, онъ задавалъ коняиъ овса, и какъ только кони съѣдаютъ кормъ, а пѣтухи запоютъ предразсвѣтную пѣсню—тотчасъ-же пускался домой, чтобы поспѣть въ свой городъ до восхода солнца. Свѣдалъ про то мужъ или братъ его любовницы, повывергалъ у всѣхъ пѣтуховъ языки, а коняиъ вмѣсто овса насыпалъ песку. Эта хитрость замедлила отъѣздъ Трояна; передъ самымъ разсвѣтомъ онъ вскочилъ на коня и поскакалъ въ свой городъ, но солнце настигло его на пути. Троянъ прыгнулъ съ коня и спрятался въ стогъ сѣна; проходившія мимо коровы растрепали стогъ, и солнечные лучи растопили несчастнаго царя <sup>1)</sup>. Это-же преданіе занесено и въ сербскую сказку, напечатанную въ сборникѣ Анастасія Николича <sup>2)</sup>, гдѣ мѣсто Трояна заступаетъ змѣй. Въ одной изъ скандинавскихъ сказокъ говорится о великанѣ, который не былъ впущенъ въ свой замокъ до самаго разсвѣта, и вотъ—когда вышла на небесный сводъ прекрасная дѣва-Зоря—великанъ оглянулся на востокъ, увидѣлъ солнце и тотчасъ упалъ на землю и лопнулъ <sup>3)</sup>. Эти замѣты прямо указываютъ на тождественность Трояна съ великанами и драконами. Наши старинные памятники причисляютъ Трояна къ языческимъ божествамъ и упоминаютъ о немъ наряду съ Перуномъ, Хорсомъ и Волосомъ. Такъ въ апокрифѣ „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, славянскія рукописи котораго восходятъ къ XII вѣку, Пречистая дѣва спрашиваетъ: кто эти преданные адскимъ истязаніямъ? и получаетъ отвѣтъ: «сіи суть, иже не вѣроваша во Отца и Сына и Св. Духа, во забыша Бога и... юже ны тварь Богъ на работу сотвори—то они все боги проваша: сѣнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады... отъ каменн ту устрои Трояна, Хърса, Ве-

<sup>1)</sup> Срп. рјечникъ, 750; Пов. и пред., 1-6, 160 1.— <sup>2)</sup> Матер. для изучен. нар. слов., 25—26.— <sup>3)</sup> Кунъ, 92-93.

леса, Перуна» <sup>1)</sup>. Въ словѣ, помѣщенномъ въ полууставной рукописи Толстовскаго собранія — XVI вѣка <sup>2)</sup>, читаемъ: «и да быша разумѣли многѣи человекѣ, и въ прѣльсть велику не видятъ, мняще боги многы: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна» <sup>3)</sup>. Имя Трояново встрѣчается и въ Словѣ о полку Игоревѣ въ слѣдующихъ загадочныхъ выраженіяхъ: «рища (Боянъ) въ тропу Трояню чрезъ поля на горы», «были вѣчи Трояни», «на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвцу себѣ любу», «вступил(а) дѣвою въ землю Трояню (Обида)». Имя Троянъ образовалось изъ слова три, трое, и весьма вѣроятно, что въ приведенныхъ свидѣтельствахъ старинныхъ рукописей донеслось до насъ воспоминаніе о томъ языческомъ божествѣ, какое извѣстно было у поморянъ подъ именемъ Триглава (см. стр. 524). По указанію одного изъ вариантовъ сербскаго преданія, царь Троянъ имѣлъ три головы и восковыя крылья; согласно съ греческимъ мифомъ о гибели Икара, крылья эти растаяли отъ дневнаго жара, что и было причиною его безвременной кончины <sup>4)</sup>. Сродство Трояна съ Триглавомъ подтверждается еще тѣмъ, что у послѣдняго были козлиныя головы, а первому сербская сказка <sup>5)</sup> даетъ козьи уши. Напомнимъ, что летучій змѣй въ народныхъ сказаніяхъ бѣльшею частію представляется трехглавымъ. Такъ какъ черныя, омрачающія небесный сводъ тучи и въ языкѣ, и въ повѣрьяхъ отождествлялись съ представленіемъ ночи и разстилаемыхъ ею тумановъ, то отсюда понятно, почему великаны признавались за демоновъ, наводящихъ ночной мракъ, почему самая Ночь была

<sup>1)</sup> Пам. стар. рус. литер., III, 119. — <sup>2)</sup> Рукопись эта сохраняет слѣды болгарскаго происхожденія. — <sup>3)</sup> Лѣт. рус. лит., кн. V, отд. 2, 5. — <sup>4)</sup> Mittheilungen der K. K. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale 1865, январь и февр., 2. — <sup>5)</sup> Сrp. припов., 39.

олицетворяема, какъ существо исполинское. По скандинавскому преданію, она — дочь великана Nörvi. Ничего такъ не боятся великаны, какъ дневнаго свѣта, потому что съ появленіемъ яснаго солнца нераздѣльна мысль о побѣжденной Ночи и разсѣянныхъ грозою тучахъ; выражаясь метафорически, великаны гибнутъ отъ блеска солнечныхъ лучей. Когда застигнетъ ихъ восходящее солнце, они немедленно разрываются (лопаются) на части, или каменеются (т. е. туманы разсѣваются, а ночная тьма удаляется въ глубокія ущелія скалъ <sup>1)</sup>). Какъ воплощеніе ночнаго мрака и тумановъ, Троянь является съ заходомъ солнца и обнимаетъ Землю, прекрасную супругу свѣтлаго Неба; но при разсвѣтѣ дня, когда богиня Зоря выгоняетъ небесныхъ коровъ, онъ исчезаетъ вмѣстѣ съ ночными испареніями, оставляющими на поляхъ свои влажные слѣды въ капляхъ утренней росы. Крылья — метафора темныхъ покрововъ, которыми Ночь застилаетъ весь видимый міръ (см. I, 544). Сходно съ этимъ, ночеподобная туча умираетъ въ дождевыхъ потокахъ, какъ-бы растопленная жгучими лучами солнца; вотъ почему, какъ скоро растаяли крылья Икара, онъ потонулъ въ волнахъ глубокаго моря.

Между потомствомъ баснословной коровы Абдумблы и гринтурсами начинается, по сказанію Эдды, ожесточенная борьба; Имиръ убитъ, и въ крови его, т. е. дождѣ, погибаетъ — тонетъ древняя порода великановъ, кромѣ одной четы, которая спасается на ладѣ и производитъ новое поколѣніе. Такъ съ гибелью великановъ — тучъ соединяется мысль о потопѣ, т. е. о дождевыхъ ливняхъ и весеннемъ наводненіи. Преданіе это составляетъ общее достояніе индоевропейскихъ племенъ и запечатлѣно глубочайшею древностью. У славянъ доселѣ живы

<sup>1)</sup> Germ. Mythen, 187—9.

сказанія, что порода великановъ отличалась необычайной суровостью, что они постоянно враждовали другъ съ другомъ и вели нескончаемыя жестокія войны (— поэтическое представление небесныхъ грозъ), что за эту вражду они были наказаны потопомъ, въ которомъ и погибли всѣ до единого<sup>1)</sup>, т. е. въ переводѣ на прозаическій языкъ: тучи тотчасъ-же исчезаютъ съ неба, какъ скоро изольются на землю обильными потоками дождя. По нѣмецкимъ сагамъ, озѣра и болота создались изъ крови пораненныхъ великановъ; по указанію нашихъ былинъ, рѣки и источники образовались изъ крови убитыхъ богатырей, а кровь змѣя, поражаемого громовникомъ, затопляетъ мать-сырую землю, пока эта послѣдняя не пожретъ ее въ свои широкія нѣдра (стр. 223, 519). Литовскій мифъ приписываетъ всемірный потопъ высочайшему изъ небесныхъ боговъ Прамжу (Pramžimas), въ которомъ чтлигъ верховнаго устроителя вселенной: онъ владѣтъ небесными громами, и когда бываетъ раздраженъ на землю, то сѣчетъ ее такъ сильно, что она дрожитъ подъ его могучими ударами. Такъ объясняютъ литовцы землетрясеніе, придавая земному шару чувство жизни. Если мы припомнимъ, что молнія метафорически называлась плетью, что тучи уподоблялись горамъ и подземельямъ, что отъ ударовъ грома, по эпическому выраженію, донынѣ-живущему въ различныхъ языкахъ, дрожитъ земля; то для насъ будетъ ясно, что въ приведенномъ повѣртіи собственно живописуется лѣтняя гроза. Однажды Прамжу, смотря изъ окна своего небеснаго дворца на землю, узрѣлъ на ней общую неправду: люди забыли о первоначальной простотѣ, любви и согласіи; жестокія войны, грабежи и ссоры почти не прекращались. Разгнѣванный богъ рѣшился наказать людской родъ потопомъ; онъ послалъ двухъ

<sup>1)</sup> Основа 1861, III, ст. Костомар., 115; Этн. Сб., V, стат. о кашубахъ, 126.

злыхъ великановъ: Воду (Wandŭ, т. е. дождь) и Вѣтеръ (Wejas), которые устремились на грѣшную землю, схватили ея плоскій кругъ въ свои могучія руки и стали потрясать имъ съ такою силою, что почти все живое потонуло въ волнахъ. Такъ опустошали они землю двадцать дней и ночей. Замѣтимъ, что и другіе народы давали божествамъ водъ и вѣтровъ зпитетъ колебателей земли: Веды даютъ это прозваніе Марутамъ, Илиада — Посейдону <sup>1)</sup>. Еще разъ взглянулъ Прамжу на землю; въ то время онъ грызъ орѣхи изъ небесныхъ садовъ, и завидя нѣсколько паръ людей и животныхъ, искавшихъ спасенія на вершинѣ высокой горы, бросилъ имъ орѣховую скорлупу. Люди и звѣри вошли въ эту скорлупу, которая и поплыла по широкимъ, все-покрывающимъ водамъ, точно искусно-сдѣланная лодка. Когда наконецъ буря стихла и воды покрыли сушу, спасенные люди разбрелись въ разные стороны. Одна чета поселилась тамъ, откуда впоследствии вышло литовское племя; отягченная старостью, она не имѣла надежды на потомство, но явилась Радуга и научила опечаленныхъ супруговъ создать новое поколѣніе изъ камней<sup>2)</sup>. По греческому преданію, Зевсъ истребилъ потопомъ буйную породу единыхъ людей, соответствующую скандинавскимъ великанамъ-григтурсамъ; онъ послалъ сильной, проливной дождь, такъ что вся Эллада покрылась водою и всѣ обитатели ея потонули. Спаслись только Девкаліонъ и Пирра; по совѣту Прометея, Девкаліонъ построилъ ящикъ и вошелъ туда вмѣстѣ съ своею женою. Девять дней и ночей носились они по волнамъ; а когда гроза стихла, пристали къ горѣ Парнасу, принесли жертву Зевсу-тучегонителю, и прыгая черезъ камни, создали себѣ юное потомство (см. стр. 474). Магабарата изображаетъ потопъ съ слѣдующими подробностями: въ то время,

<sup>1)</sup> Ж. М. Н. П. 1845, XII, 137. — <sup>2)</sup> Черты литов. нар., 69-70; D. Myth., 545-7.

какъ умножились на землѣ грѣхи, король Ману (нѣм. тапп—  
 боги, первый человекъ, см. стр. 486) пришелъ на берегъ потока  
 принести покаяніе; тутъ послышался ему голосъ маленькой ры-  
 бы, умолявшей о спасеніи. Король положилъ ее въ сосудъ, но ры-  
 ба начала быстро расти и пожелала, чтобъ ее пустили въ озе-  
 ре; здѣсь она такъ увеличилась, что въ короткое время не мог-  
 ла уже двигаться, и была перенесена въ Гангъ, а потомъ — въ  
 море. Отъ нея узналъ Ману о приближеніи страшнаго потопа; онъ  
 долженъ былъ построить корабль, войти въ него съ семь-  
 ю мудрыми (rishis) и взять съ собой сѣмена всѣхъ твореній.  
 Когда корабль былъ готовъ и Ману вошелъ въ него съ своими  
 спутниками, явилась гигантская рыба, прикрѣпила къ себѣ ко-  
 рабль и цѣлый годъ носила его по бурнымъ волнамъ, потомъ оста-  
 новилась у вершины Нимаван'а и рече: «я — Брама, владыка  
 всего сущаго; выше меня нѣтъ ничего! въ образѣ рыбы я былъ  
 твоимъ спасителемъ, и теперь, Ману, ты долженъ создать міры,  
 боговъ, асуровъ, людей и всѣ творенія»<sup>1)</sup>. Въ этихъ древнихъ пре-  
 даніяхъ о потопѣ мы видимъ не болѣе, какъ различныя варіанціи  
 одного и того же мифическаго представленія. Въ періодъ таинія  
 свѣтъ плодятся и множатся великаны-тучи и захватываютъ  
 въ свою власть «весь бѣлый свѣтъ», т. е. все свѣтлое небо;  
 въ шумѣ наступающихъ затѣмъ грозъ они предаются злобой  
 враждѣ и битвамъ, творятъ насилія и неправду, и наконецъ  
 погибаютъ въ потоцѣ, очищающемъ міръ отъ этихъ первобыт-  
 ныхъ суровыхъ обитателей; спасается только одинъ правед-  
 ный, будущій родоначальникъ новаго человѣческаго рода.  
 Вслѣдъ за окончаніемъ потопа и гибелью великановъ водворяет-  
 ся благодатная весна — слѣдуетъ возрожденіе или созданіе  
 вселенной. По свидѣтельству Эдды, она создается изъ разстѣ-

<sup>1)</sup> D. Myth., 543—4. Превращеніе Брами въ рыбу стоитъ въ не-  
 сомнѣнной связи съ тѣми народными вѣрованіями, какія разобраны  
 нами въ гл. XVI, стр. 162—6.

ченнаго трупa Имира, т. е. изъ-за мрачныхъ тучъ, разбитыхъ молніями, показывается ясное небо съ своими блестящими свѣтилами, а изъ-подъ снѣговъ и ледяной коры, растопленныхъ солнечными лучами, выступаетъ земля съ ея текучими водами, цвѣтами и зеленью. Этому скандинавскому шнеу соответствуетъ наше преданіе, занесенное въ стихъ о голубиной книгѣ, хотя оно и значительно-подновлено въ христіанскомъ духѣ; какъ тамъ вселенная образуется изъ различныхъ частей великана Имира, такъ у насъ всему міру начало — Христось, которому народная фантазія даетъ исполнискій образъ, объемлющій и небо и воздухъ: солнце создано изъ его пречистаго лица, мѣсяцъ — изъ его груди, звѣзды — изъ его очей, вѣтры — изъ его устъ (дыханія), дожди и роса — изъ его слезъ, и такъ дал. Устроителями міра, по сказанію Эдды, были боги: Одинъ, шествующій въ грозовыхъ буряхъ и нерѣдко представляемый великаномъ, и его мудрые братья; по индѣйскому преданію, это творческое дѣло совершаетъ Ману, т. е. собственно: богъ-оплодотворитель земли, весенній громовникъ, плавающий по небесному океану въ кораблѣ-тучѣ и разсыпавшій изъ него плодоносное сѣмя дождей, силою которыхъ и восстанавливается жизнь омертвѣлой природы <sup>1)</sup>. Онъ призываетъ къ бытію не только земной міръ, со всѣми его твореніями, но и самыхъ свѣтлыхъ боговъ и враждебныхъ имъ асу-

---

<sup>1)</sup> Въ плавающей тучѣ поэтическая фантазія усматривала иногда колыбель, въ которой покоится малютка-новорожденная молнія. Такъ нельская сага рисуетъ потопъ въ слѣдующей картинѣ: въ Brecknockshire — тамъ, гдѣ разстилается теперь великое озеро, въ древнія времена стоялъ славный городъ; жители его погрязли въ грѣхахъ, не знали состраданія къ бѣднымъ странникамъ, и были за то наказаны всеобщимъ потопомъ. Посреди водъ, затопившихъ равнину, плыла только колыбель съ плачущимъ ребенкомъ; изъ всѣхъ обитателей грѣшнаго города онъ одинъ избѣжалъ смерти (D. Myth., 546; славян. Спр. и. пјесне, I, № 207).

ровъ, т. е. творить и ясное небо съ солнцемъ, лувою и звѣздами, и темныя дождевыя облака. Въ литовскомъ сказаніи корабль-туча замѣняется скорлупою орѣха, сорванного въ небесныхъ садахъ, что вполне согласуется съ посвященіемъ орѣхового дерева Перуну и съ скандинавскимъ мнѣмъ о превращенной въ орѣхъ Идунѣ (см. стр. 319). Такъ какъ богъ-громовникъ, низойдя на землю въ блестящей молніи, устроилъ первый домашній очагъ и основалъ первый семейный союзъ (см. стр. 470), то аріійское племя признавало въ немъ своего родоначальника—того первоизданнаго челоуѣка (*urmensh*), отъ котораго произошли всѣ многочисленныя народы. Согласно съ этимъ, первый челоуѣкъ былъ представляемъ великаномъ (стр. 472—7): «*čovjek bijaše velik ludjak*, говоритъ краинское преданіе, *ni i silan junak, dug kapo polje, komu se do kraja ne vidi, a krupan kapo gora šumovita*». Когда онъ спалъ, то въ густыхъ волосахъ его гнѣздились ястребы, а въ ушахъ прятались лисицы. Ему ничего не стоило перескочить черезъ море, не замочивъ ноги; пущенная имъ стрѣла достигла до небеснаго «*stola, gdje kokot sjedi i božje jestvine čuva*», <sup>1)</sup> и поразила этого чудеснаго пѣтуха. Однажды челоуѣкъ-исполнѣ и хитрый Курентъ поспорили между собою, кому изъ нихъ обладать бѣлымъ свѣтомъ; долго боролись они, изрыли ногами всю землю и сдѣлали ее такою, какова она теперь: гдѣ прежде были широкія равнины, тамъ появились высокія горы и глубокія пропасти. Ни тотъ, ни другой не ослабилъ противника. Тогда Курентъ взялъ виноградную лозу и стиснулъ такъ крѣпко, что «*gujno vino iz nje udagilo*»; этимъ виномъ онъ упоялъ челоуѣка въ то самое время, когда тотъ спалъ на высокой горѣ за божьимъ столомъ. «*Naskorom se Bog povratio i ugledav čovjeka, gdje mu*

---

<sup>1)</sup> Переводъ: гдѣ сидитъ пѣтухъ и сторожить божія яствы.



za stolom driemlje, razjadi se te ga baci silnom rukom niz goru, gdje sav pobijen i čstetjen, polu mrtav mnogo godina le-žaše. Kad opet ozdravi, snaga mu propala, ne može ni preko mora, ni na dno zemlje, ni uz goru do nebeskog stola. Tako zavlada Kur-ent svietom i čovjekom, a ljudi su od onda slabi i ma'eni». <sup>1)</sup> Высокая гора означаетъ здѣсь небо, вино — живительный напитокъ дождя; Курентъ, какъ создатель этого напитка и какъ представитель грозовой музыки (I, 334), напоминаетъ собою Одина <sup>2)</sup>; а паденіе челоѣка съ небесныхъ высотъ род-нится съ мифами о низверженномъ на землю Геестѣ и побѣж-денныхъ титанахъ. По другому краинскому преданію, челоѣкъ которому суждено было спастись отъ всемірнаго потопа, взо-шелъ на вершину высочайшей горы, и когда стали прибывать воды — ухватился за виноградную лозу; лоза эта служила палицей Куренту, который поднималъ ее высоко надъ обла-ками, и такимъ образомъ спасъ челоѣческій родъ отъ конеч-ной гибели. Во все время, пока продолжался потопъ, чело-ѣкъ висѣлъ на воздухѣ, держась за виноградную лозу и пи-таясь ея гроздіями и виномъ <sup>3)</sup>).

Въ бѣлорусскомъ краѣ и въ тульской губ. великаны из-вѣстны подъ именемъ волотовъ <sup>4)</sup>; мадоруссы называютъ

<sup>1)</sup> Переводъ: Вскорѣ воротился Богъ и увидѣлъ челоѣка, дрем-лющаго за столомъ; разгнѣвался и сбросилъ его сильной рукою съ горы внизъ. Отчего много лѣтъ лежалъ онъ разбитый и полумерт-вый. Когда челоѣкъ оздравѣлъ, сила его пропала: не могъ онъ ни скакать черезъ море, ни спускаться въ глубь земли, ни восхо-дить вверхъ къ небесному столу. Такъ завладѣлъ Курентъ свѣтомъ и челоѣкомъ, и люди съ той поры сдѣлались слабы и малы. — <sup>2)</sup> Одинъ, превратившись змѣею, похитилъ вдохновительный медъ; сатана въ видѣ змѣи или червя соблазнилъ Адама, напоивъ его винограднымъ сокомъ, послѣдствіемъ чего и было изгнаніе перваго челоѣка изъ рая (см. I, 401). — <sup>3)</sup> Эрбень, 259-264. — <sup>4)</sup> Обл. Сл., 27; Рус. Вѣст. 1862, III, 55-57; Географич. Словарь Ще-катова, I, подъ словомъ волоты.

нѣхъ велетнями <sup>1)</sup>); въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слово волотка употребляется для обозначенія древнихъ кургановъ, которые считаются въ народѣ за могилы исполиновъ и богатырей <sup>2)</sup>). По мнѣнію Шафарика, волоть и велеть—формы, родственныя съ хорватск. великашъ (velikaš) и словен. велиакъ (veljāk), и буквально означаютъ велий мужъ, великанъ <sup>3)</sup>). Древне-русская редакція хроникки Амартала даетъ великанамъ названіе полоники: «бысть нѣкыи гигантши, рекомыи полоникъ, имя ему Невъродъ»; «родишася гигантове, еже сказуется полоници» <sup>4)</sup>). Въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ слово «полоникъ», «полоници»—пояснительная прибавка славянскаго переводчика. Слово это одного происхожденія съ лужицк. рlоn (см. выше стр. 555) и указываетъ на сродство великановъ съ баснословными змѣями, что, какъ мы видѣли, подтверждается и словомъ дивъ, равно означающимъ и змѣя, и великана (см. стр. 616—9). Великорусскія сказки, выводя на сцену исполиновъ, называютъ ихъ дикими людьми и обрисовываютъ такими красками: ростомъ великанъ выше лѣсу, вмѣсто палки держитъ въ рукѣ вырванный съ корнемъ дубъ или сосну; на обыкновеннаго смертнаго онъ смотритъ презрительно, какъ на слабого червя, котораго ничего не стоитъ ему раздавить ногою; самыя глубокія моря онъ можетъ свободно переходить въ бродъ; громадная голова великана, еражоннаго на ратномъ полѣ, представляется страннику высокимъ холмомъ. Одинъ изъ такихъ исполиновъ тридцать три года лежалъ убитымъ въ полѣ, но будучи окроплёнъ живою во-

<sup>1)</sup> Малорос. Слов. Чужбинскаго, 24: велетень.— <sup>2)</sup> Историч. разглагольствія о древностяхъ велик. Новгорода, 7—8; Чарты литов. нар., 75.— <sup>3)</sup> Славян. древности, II, кн. 3, 94, 104. Г. Минувцій признаетъ: велий, великій, болий, волоть, велеть, латин. valeo, validus, и санскр. bala (сила, могущество; сильный, огромный)—словами одного происхожденія (Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 571).— <sup>4)</sup> Записки И. Ак. Н., VI, кн. 2, 274.

дою—вскочилъ и тотчасъ-же предложилъ своему избавителю помѣриться въ рукопашномъ бою. Эта неутолимая жажда битвъ весьма знаменательна; она указываетъ на тѣ дикія и грубыя страсти, какими народная фантазія надѣлила великановъ, воплощая въ ихъ образахъ страшныя и неразумныя силы физической природы<sup>1)</sup>. Въ могилевской губ. о богатыряхъ-великанахъ рассказываютъ, что они принадлежатъ къ породѣ бессмертныхъ, растутъ не по днямъ, а по часамъ и минутамъ, головою достаютъ до облаковъ и шествуютъ по слѣдамъ вѣтровъ съ одного конца земли на другой: такъ живо представлялись некогда народному уму быстрое возрастаніе тучъ, надвигающихся на небесный сводъ, и ихъ стремительный полетъ по воздушнымъ пространствамъ. Какъ въ Литвѣ признаются великанами Вода и Вѣтеръ (стр. 646), такъ въ могилевской губ. сохраняется преданіе о двухъ мальчикахъ исполинскаго племени: одинъ изъ нихъ дунулъ и въ прахъ разметалъ по воздуху всѣ крестьянскія хаты<sup>2)</sup>, а другой плюнулъ—и образовалось бездонное озеро. Когда, во время сильной бури, вихрь вырываетъ столѣтніе дубы и кругомъ блистаютъ яркія и частыя молніи—явленіе это крестьяне называютъ игрою богатырей<sup>3)</sup>. Въ сказкахъ извѣстенъ богатырь Дубыня, исторгающій съ корнями вѣковые дубы и другія старыя деревья. Литвины приписываютъ борьбѣ великановъ сѣверное сіяніе<sup>4)</sup>, очевидно смѣшивая эту великолѣпную картину съ лѣтнею грозой. Въ Малороссіи до сихъ

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., II, стр. 402; VI, 53, а; VII, 5, b, 23, 42; Этн. Сб., V, 99—100 (стат. о кашубахъ). У олинговъ *Turrisas*, богъ войны, принадлежитъ къ породѣ великановъ (*turgas, tursas, turgisas*—великанъ); передъ началомъ войны онъ является въ облакахъ и бьетъ въ свой барабанъ—D. Myth., 892.—<sup>2)</sup> Сравни кашубскій рассказъ (Этн. Сб., V, 128): великанка дунула съ такою силою, что человекъ, которому поручено было затопить печь, вылетѣлъ въ трубу.—<sup>3)</sup> Могилев. Г. В. 1851, 18.—<sup>4)</sup> Черты литов. нар., 69.

поръ не забыто поэтическое преданіе о великанѣ, который былъ такъ громаденъ, что ему не было ни крова, ни пристанища. И вотъ задумалъ онъ взойти на безпредѣльное небо: идти—моря ему по коѣтно, горы переступаетъ, и возбрался наконецъ на высочайшую изъ земныхъ скалъ; радуга—этотъ мостъ, соединяющій небо съ землею, принимаетъ его и возноситъ къ небеснымъ обителямъ. Но Господь не пускаетъ туда великана <sup>1)</sup>, а на землю уже нѣтъ дороги, и остался онъ навсегда между небомъ и землею; тучи ему—постель и одежда, крылатые вѣтры и птицы (олицетвореніе тѣхъ-же вѣтровъ) носятъ ему пищу, а радуга, наливаясь водою, утоляетъ его жажду. Но тяжка жизнь безлюдная; горько возрыдалъ великанъ, и слезы его дождемъ полились на поля и нивы; отъ стонувъ его раздались громы и потрясли низменную землю<sup>2)</sup>. Народная легенда представляетъ св. Христофора великаномъ; когда умерла его мать — онъ сѣлъ надъ страшною пропастью и заплакалъ; слезы наполнили бездну и образовали широкое море; отъ того-то морская вода солона и горька, какъ слезы! <sup>3)</sup> Тотъ-же сверхъестественный, стихійный характеръ сохраняютъ великаны въ эпическихъ сказаніяхъ грековъ, снандинавовъ, нѣмцевъ, литовцевъ, финновъ и другихъ народовъ. По свидѣтельству греческихъ памятниковъ, братья Вѣтры олицетворялись въ титаническихъ образахъ; германскія саги говорятъ о великанахъ и великанкахъ, которые насылаютъ градъ, вихри и непогоду <sup>4)</sup>; Эдда называетъ великана Hraesvelgr: въ образѣ орла сидитъ онъ на краю неба и взмахомъ крыльевъ направляетъ на людей бурные

---

<sup>1)</sup> По свидѣтельству Эдды, богъ Геймдалль приставленъ былъ оберегать мостъ-радугу, чтобы не овладѣли имъ великаны и не вторглись въ свѣтлое царство асовъ—см. т. I, 361.—<sup>2)</sup> О. З. 1840, II, смѣсь, 46-47.— <sup>3)</sup> Семеновск., 27.— <sup>4)</sup> Такъ великанка Gridh изъ моздрей своихъ выдыхала градъ и бурю.

вѣтры; въ другомъ мѣстѣ Эдда упоминаетъ о великанкѣ Hugin (igne fumata), которая прѣзжаетъ на волкѣ, взнузданномъ змѣями, т. е. на тучѣ, сверкающей молніями: едва толкнула она погребальный корабль Бальдура, какъ тотчасъ блеснулъ огонь, земля задрожала и тяжелое судно двинулось въ море; на связь великановъ съ иннеческими волками указываютъ нѣкоторые изъ собственныхъ именъ (извѣстны великаны Ulf—Wolf, Ylfingr—Wolfskind) и родство волка Фенрира съ исполинскимъ племенемъ. Въ старинныхъ заклинаніяхъ были призываемы Merment и Fasal't, какъ злые духи — виновники бури; послѣдняя героическая сага изображаетъ великаномъ, братомъ Еске—властителя потоковъ и волнъ. Оба брата въ качествѣ полубоговъ, заправляющихъ бурями и взволнованнымъ моремъ, стоятъ въ томъ-же отношеніи къ Донару, какъ Золъ и подвластные ему вѣтры къ тучегонителю Зевсу <sup>1)</sup>. Нѣмецкія сказки уподобляютъ ноги великана башнямъ, а звукъ его голоса — раскатамъ грома и вою бури; когда онъ спитъ — отъ его храпа и дыханія сильно колышется окрестныя дубравы. Поссорившись, великаны вырываютъ дубы и другія громадныя деревья и бросаютъ ими другъ въ друга, что вполне согласуется съ русскимъ преданіемъ о «богатырской игрѣ». Они могутъ переходить въ бродъ самыя глубокія воды и съ необычайной скоростью измѣрять своими шагами огромныя пространства <sup>2)</sup>; этимъ послѣднимъ свойствомъ они роднятся съ богами, быстрота которыхъ указываетъ на связанныя съ ихъ именами стихійныя явленія <sup>3)</sup>. Выше мы видѣли, что демоны облаковъ и тучъ — змѣи, драконы, тролли представлялись многоглавыми чудови-

<sup>1)</sup> D. Myth., 220, 509, 597-9, 602-3; Roggenwolf und Roggenhund, 47-48. — <sup>2)</sup> Сказ. Грим., I, стр. 126-131; II, стр. 52, 448; Гальтрихъ, 36. — <sup>3)</sup> Вышу тремя шагами измѣрять небо, землю и во-  
духъ; Посейдонъ, ступивши три раза, достигалъ предѣловъ міра.

щами; подобно тому, и великаны являются въ нѣмецкихъ сагахъ съ тремя и шестью головами, одной же великанкѣ дается девятьсотъ головъ; греческая мифологія знаетъ великановъ многоглавыхъ и многорукихъ: Бриарей имѣлъ сто рукъ (ἑκατόγχερος) и пятьдесятъ головъ, Геріонъ—три головы, шесть рукъ и столько-же ногъ; Kottus и Gyges обиліемъ рукъ и головъ сходны были съ Бриареемъ <sup>1)</sup>. Сродство великановъ съ змѣями выразилось и въ тождествѣ ихъ характера, и въ постоянной замѣнѣ однихъ другими. Въ старинныхъ рукописяхъ дивин (дикіе) люди изображаются съ однимъ глазомъ во лбу (какъ античные циклопы), съ одной или тремя ногами, съ большимъ числомъ рукъ, и соотвѣтственно олицетворенію вихрей — собаками, нерѣдко съ песьими головами: «человѣцъ-песья главы велицы и страшнъ зракомъ» <sup>2)</sup>.

Древнѣйшая метафора, уподобившая облака и тучи горамъ, скаламъ, камнямъ, городамъ и башнямъ, связала эти представленія съ племенемъ великановъ неразрывными узами. Какъ Змѣя Горынычи, такъ и великаны обитаютъ въ большихъ горныхъ пещерахъ и въ ущеліяхъ скалъ, почему скандинавы называли ихъ: *bergbúi* (*bergbewohner*), *bergdanir* (*bergvolk*), *berggrisar* (*bergriesen*), *biargagaetir* (*felsenhüter*), *hellis börvar* (*söhne der höhlen* <sup>3)</sup>). Какъ съ змѣями, такъ и съ великанами равно сражается богъ-громовникъ, рушитель облачныхъ горъ и зѣмновъ. Молотъ Тора на поэтическомъ языкѣ — *ótti iðtna*, т. е. ужасъ великановъ, и страхъ передъ этимъ карающимъ божествомъ такъ великъ, что они, заслышавъ громъ, спѣшатъ сокрыться въ чащи лѣсовъ, уще-

<sup>1)</sup> D. Myth., 494. — <sup>2)</sup> Н. Р. Ск., III, 14; VI, 64; Времен., XVI, смѣсь, 9; любочн. картинн., изображающія «дивныя народы» и «Космограею». Въ народѣ до сихъ поръ ходятъ разсказы о псѣиголовцахъ — Морск. Сб. 1856, XIV, ст. Чужбинскаго; Худяк., 38. — <sup>3)</sup> Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, 7; German Mythen, 181.

лія скалъ и подземные вертепы. Народный эпосъ обыкновенно сравниваетъ великановъ съ горами, и вся природа ихъ до того отождествляется съ царствомъ скалъ, что они, по мѣткому замѣчанію Як. Гримма, кажутся или оживленными камнями, или окаменѣлыми исполинскими существами. Собственныя имена, данныя великанамъ, указываютъ на камень и столько-же твердое желѣзо: *Iarnsaða* (die eisensteinige), *Iarnhaus eisenschädel*). Наоборотъ многія горы и скалы носятъ имена, намекающія на великановъ; таковы, наприм., Исполиновы горы—*Riesengebirg*. *Hrúngnir* (der rauschende, schallende) имѣлъ каменное, клинообразное сердце; голова его и щитъ также были изъ камня. Дикій, суровый характеръ великановъ по преимуществу проявляется въ низверженіи ими горъ и замковъ и въ бросаніи громадныхъ камней; отторгнутыя скалы и камни составляютъ обыкновенное ихъ оружіе; въ битвахъ они употребляютъ не мечи, а каменные булавы (*keule*), и отъ ударовъ враговъ своихъ закрываются каменными щитами. Въ разныхъ мѣстностяхъ, по народнымъ рассказамъ, донинѣ видны на скалахъ знаки исполинскихъ рукъ и конскихъ копытъ или подковъ: хватался ли великанъ за утесъ, или скакалъ на своемъ богатырскомъ конѣ съ одной горы на другую, онъ вездѣ оставлялъ свои неизгладимые слѣды. Любопытныя повѣрья: одно—будто великанъ можетъ съ такою силою сжимать въ своихъ рукахъ камни, что изъ нихъ выступаетъ вода, и другое—будто могучіе удары его вызываютъ изъ скалъ всепожигающее пламя, возникли изъ стародавняго поэтического воззрѣнія на бурныя грозы, какъ на работу исполиновъ: подъ ихъ титаническими усиліями, съ трескомъ рушатся облачныя башни и скалы, загораются безчисленными молніями и разливаются дождями. Это возженіе грозового пламени роднитъ великановъ съ богомъ-громовникомъ, и въ каменной булавѣ, съ которой они явля-

ются на битвы, нетрудно угадать «громовый камень» (donnerstein—см. I, 253). Называя холмы и горы исполинскими: riesenberge, riesenhügel, hunelbette (постели великановъ), народъ соединяетъ съ ними разнообразныя саги: то видитъ въ этихъ громадахъ окаменѣлыхъ исполиновъ, то — могилы, насыпанныя надъ ихъ трупами, то рассказываетъ, какъ такая-то гора была принесена великаномъ и оставлена тамъ, гдѣ она теперь возвышается. Такъ одна сага повѣствуетъ о двухъ сестрахъ-великанкахъ Grimild и Hvenild, которыя жили въ Зеландіи. Гвенильдъ захотѣлось перенести нѣсколько кусковъ Зеландіи въ Шонію; одну глыбу она счастливо донесла въ своемъ передникѣ, но когда вслѣдъ за тѣмъ потащила самой большой кусокъ, то посреди моря лопнула завязка передника, и она уронила свою ношу: на томъ мѣстѣ, гдѣ это случилось, образовался островъ Нвен. Почти тоже рассказываетъ ютская сага о происхожденіи небольшого острова Worsbøkalv. Въ Помераніи извѣстна слѣдующая сага: жилъ великанъ на островѣ Рюгенѣ; тѣснимый врагами, онъ при всякомъ нападении долженъ былъ удалиться въ Померанію и переходить глубокое море. Вздумалось ему наконецъ устроить плотину между островомъ и противоположнымъ берегомъ; привазалъ себѣ передникъ, наполнилъ его землею и двинулся въ путь. Но едва дошелъ съ своимъ грузомъ до Роденкирхена, какъ въ передникѣ показалась дыра, земля посыпалась — и выросли новыя горы. Великанъ заткнулъ дыру и пошелъ скорѣе; достигнувъ моря, онъ высыпалъ въ него остальную землю: явился полуостровъ Drigge; но узкое пространство между Рюгеномъ и Помераніей все-таки оставалось незасыпаннымъ. Эта неудача такъ раздражила великана, что онъ тутъ-же упалъ мертвымъ, и плотина не была окончена. Мысль построить мостъ изъ Помераніи въ Рюгенъ занимала и дѣвочку исполинскаго племени: «тогда, думала она, я буду пе-



реходить черезъ эту лужицу, не замоча моихъ башмачковъ». Она набрала полный передникъ песку и поспѣшила къ берегу, но передникъ прорвался, часть ноши просыпалась и образовала небольшую гору Dubberworth. «Ахъ, сказала дѣвочка, теперь мать станетъ браниться!»—и закрывав дыру рукою, она побѣжала впередъ; но тутъ увидала ее мать и прикрикнула: «что ты тащишь, непослушный ребенокъ! поди-ка сюда... вотъ я тебя розгою!» Испуганная дѣвочка выпустила изъ рукъ передникъ, и на томъ самомъ мѣстѣ стали песчаныя горы. Есть еще сага о двухъ сестрахъ-великанкахъ, которыя жили въ сосѣдствѣ, но занятыя ими земли раздѣлялись проливомъ; для удобства сообщеній онѣ рѣшились построить черезъ проливъ мостъ. Одна изъ сестеръ набрала огромныхъ камней, положила въ передникъ и понесла къ водѣ; утомленная ношею, она присѣла отдохнуть въ полѣ, и тамъ, гдѣ она отдыхала, донынѣ видѣтъ оставленный ею слѣдъ. Отдохнувши, она продолжала путь—какъ вдругъ началъ гремѣть Торъ и такъ напугалъ великанку, что она отъ страху пала мертвою; камни рассыпались и до нашихъ дней лежатъ огромными утесами; одинъ изъ нихъ носитъ имя великанки (Zechiels-stein, у Литцова). Ничто не можетъ сравниться съ чудовищнымъ ростомъ и силою великановъ; цѣлая гора, попадая въ башмакъ великана, причиняетъ ему не болѣе безпокойства, какъ человѣку небольшой комъ грязи; въ штокъ его и даже въ перчатку входитъ столько песку, что, опорожняя ихъ, можно самыя глубокія мѣста моря превратить въ песчаные мели. Подобныя-же сказанія были распространены между греками и кельтами, и донынѣ существуютъ между литовцами и финнами <sup>1)</sup>. Въ Литвѣ сохраняется преданіе о великанѣ Аальцисѣ, который одинъ, безъ всякой помощи, разрушалъ

<sup>1)</sup> D. Myth., 189, 497—504, 507, 513, 1172; Моск. Наблюд. 1837, XI, 523—7.

укрѣпленные города, вырывалъ съ корнями старыя и высокія деревья, и бросая огромные камни, раздроблялъ ими корабли и поражалъ несмѣтныя полчища враговъ. Калевала упоминаетъ о дочерахъ великана, которые въ подолахъ своихъ юбокъ носили отторгнутыя горы <sup>1)</sup>).

Не менѣе интересны преданія о великанскихъ постройкахъ. Громадныя стѣны, сложенныя изъ массивныхъ, другъ на друга нагроможденныхъ камней — памятникъ упорныхъ, почти невѣроятныхъ трудовъ какого-то невѣдомаго народа — греки называли циклопическими и приписывали ихъ возведеніе великанамъ. Сверхъ того, они рассказывали, что высокія каменные стѣны Трои были возведены общимъ усиліемъ боговъ Аполлона и Посейдона, и что Амфіонъ звуками своей чудесной лиры заставлялъ огромные камни слагаться въ крѣпкія стѣны при постройкѣ семивратныхъ Оливъ. Всѣ эти суевѣрныя сказанія суть только низведенные на землю и приуроченные къ извѣстнымъ мѣстностямъ древнѣйшіе миѳы о постройкѣ облачныхъ городовъ и замковъ, создаваемыхъ небесными владыками подѣ громкую пѣсню бури <sup>2)</sup>. Тоже участіе въ созданіи старинныхъ каменныхъ стѣнъ, мостовъ и башней нѣмецкія сати приписываютъ великанамъ или чорту. Согласно съ стариннымъ воззрѣніемъ на мрачныя, сильно-сгущенныя тучи, какъ на существа демоническія, — великаны и черти постоянно смѣшиваются въ народныхъ преданіяхъ; что въ одной мѣстности рассказывается о великанѣ, то въ другой рассказываютъ о дьяволѣ. Нигдѣ не является чортъ съ такими яркими языческими чертами стихійнаго духа, какъ тамъ, гдѣ онъ заступаетъ мѣсто великана. И того, и другаго преслѣдуетъ богъ-громовникъ своимъ убійственнымъ молотомъ; и тотъ, и другой считаются за обитателей горныхъ вертеповъ.

<sup>1)</sup> Черты литов. нар. 76—77; Библ. для Чт. 1843, XI, снѣзь, 37.  
—<sup>2)</sup> Der Ursprung der Myth., 16.

Подобно великану, и чортъ подымаетъ страшныя тяжести, носить на головѣ обломки скалъ — словно шляпу, бросаетъ огромные камни, оставляетъ на нихъ отпечатки своихъ пальцевъ, и вообще отличается злобною, неуклюжею и грубою природою исполина. По русскимъ народнымъ поговоркамъ: «горы да овраги—чортово житье», «чортъ и горами ворочаетъ (малор. перевертае)», «бѣсъ качаетъ горами, не только что нами» <sup>1)</sup>. Славянскія преданія утверждаютъ, что горы созданы были сатаною (см. стр. 458); что нечистые духи морозовъ и вьюгъ прилетаютъ на землю изъ желѣзныхъ горъ <sup>2)</sup>, т. е. изъ тучъ, опѣшенѣнныхъ дыханіемъ зимы; что Илья-пророкъ поражаетъ чертей своими огненными стрѣлами. Очевидно, черти замѣняютъ здѣсь змѣевъ и великановъ, воздвигающихъ на небѣ облачныя горы, на разрушеніе которыхъ выступаетъ грозный Перунъ. Демоническій характеръ присвоенъ великанамъ на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ; что и драконамъ. Какъ змѣй Вритра создаетъ зимою ледяной, облачной городъ, куда скрываетъ теплые лучи солнца и водяную жену (= дождь); такъ и великаны, въ качествѣ властелиновъ зимнихъ тумановъ и снѣговыхъ тучъ, строятъ свои облачныя города, чтобы спрятать за нихъ стѣнами золото солнечныхъ лучей и благодатную влагу дождей. Гримтурсы—великаны и нея были демоны зимы, естественные враги земледѣлія и урожаевъ; въ числѣ именъ, какія даютъ великанамъ древнія сказанія, встрѣчаемъ: Hrímkaŕdr (reifkalt), Hrímnr, Hrímgrímr, Hrímgerdhr. Между сыновьями и внуками великана Форніота (Forngjotr) числились не только Вѣтеръ (Kari), Вода (Hlér = дождевое море) и живой Огонь (Logi = wildfeuer), но и царь-Снѣгъ (könig Schnee), Ледъ (Jökull = eisberg) и Холодъ (Frosti).

<sup>1)</sup> Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл., 90; Москва. 1852, XXIII, 129; Помис., 4.— <sup>2)</sup> Сахаровъ, II, 65.

Такъ какъ зима налагаетъ на дожденосныя облака желѣзные оковы, то нѣмецкія предавія сообщаютъ великанамъ названія, заимствованныя отъ желѣза. Выше было указано, что зимній-туча въ холодное время зимнихъ мѣсяцевъ представлялся окованнымъ желѣзными цѣпями; такъ точно я великаны, состоя на службѣ у сказочныхъ героевъ, сидятъ заключенные въ цѣпяхъ и освобождаются не прежде, какъ наступитъ военная невзгода и понадобится ихъ помощь противъ вражескихъ полчищъ, т. е. при началѣ грозовыхъ бѣтъ <sup>1)</sup>. Замѣчательнъ разсказъ Эдды: къ асамъ приходитъ іотунъ (великанъ), выдавая себя за кузнеца, предлагаетъ соорудить имъ крѣпость (burg) — въ защиту отъ непріязненныхъ великановъ; но въ уплату за такой трудъ требуетъ, чтобы ему были уступлены солнце, луна и прекрасная Фрея. Боги держали совѣтъ, и по настоянію коварнаго Локи, рѣшились принять вызовъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы работа была окончена въ теченіи одной зимы, чтобы кузнецъ-зодчій строилъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, исключая коня, который будетъ возить камни; если же къ первому лѣтнему дню крѣпость не будетъ готова, то іотунъ лишается права на обѣщанное вознагражденіе. Договоръ былъ скрѣпленъ самою священою клятвою. Но когда асы увидѣли, что конь, принадлежащій великану — Suadhillfari (ѣздокъ по льду) таскаетъ на постройку цѣлыя скалы и что работа уже близка къ скорому концу; то, не желая разставаться съ солнцемъ, луною и Фреею, обратились къ Локи съ упреками въ обманъ и грозили ему смертію. Хитрый, изворотливый Локи оборотился кобылою и сталъ заманивать жеребца Свадильфари. Сбросивъ съ себя нѣшу, Свадильфари пустился за кобылою, а великанъ за своимъ конемъ, и такъ гонялись другъ за другомъ до исте-

<sup>1)</sup> Н. Р. Сн., VIII, стр. 673.

ченія назначеннаго срока. Іотунъ пришелъ въ страшную ярость, но былъ убитъ молніеноснымъ молотомъ Тора. Въ этомъ любопытномъ сказаніи переданы въ поэтическихъ образахъ тѣ естественныя явленія изъ жизни природы, какія замѣчаются въ обычной снѣгѣ зимы и лѣта. Великанъ здѣсь представитель зимняго холода и мрака; согласно съ олицетвореніемъ Зимы — кузнецомъ, налагающимъ желѣзные — ледяные оковы на землю, воды и тучи, онъ является искуснымъ кузнецомъ, и въ періодъ зимнихъ стужъ обноситъ свѣтлое царство асовъ (Asgardh — небо) крѣпкою стѣною, т. е. сплошными массами снѣжныхъ облаковъ; конь его (= буйный вихрь) возитъ для этой постройки огромныя облачныя скалы. Плодомъ исполненной работы должна быть утрата солнца, луны и богини Френ: окутанныя мрачными зимними покровами, они какъ-бы достаются во власть демоновъ и уносятся въ страну гримтурсовъ. Не приходитъ весна — труды великана оказываются тщетными и самъ онъ гибнетъ подъ ударами молній; Торъ очищаетъ небо отъ великанскихъ сооруженій, выводитъ изъ-за нихъ солнце, мѣсяцъ и богиню «дикой охоты» (= бурной грозы, сопровождаемой дождевыми ливнями), и водворяетъ на землѣ ясные дни и плодородіе. Тотъ-же мифъ, но уже въ позднѣйшей, подновленной формѣ, передаетъ сага о св. Олафѣ, королѣ норвежскомъ. Пришелъ нѣкогда незнакомецъ и вызвался построить церковь, если въ уплату за трудъ ему отдадутъ солнце и мѣсяцъ, или самого св. Олафа. Этотъ незнакомецъ былъ великанъ по имени «Wind und Wetter». Чтобы онъ потерялъ право на обѣщанную награду, надо было узнать его имя, королю удалось это. Случайно подслушалъ онъ, какъ жена великана унимала свое плачущее дитя: «цц! завтра придетъ отецъ Wind und Wetter и принесетъ намъ солнце и мѣсяцъ или святаго Олафа.» Красная борода, какую даютъ народныя преданія Олафу, напоминаетъ Тора, непримиримаго врага великановъ. Въ

Норвегіи обращается многосагъ о великанскыхъ мостахъ. Рассказываютъ, что какой-то великанъ рѣшился построить мостъ черезъ глубокія воды, на противоположномъ берегу которыхъ обитала его любовница; постройка производилась ночью, но взошло солнце и появленіемъ своимъ разрушило все предпріятіе. Смыслъ — тотъ, что лучи весенняго солнца (утренній разсвѣтъ отождествляется въ мнѣстескихъ сказаніяхъ съ весеннимъ просвѣтленіемъ неба) уничтожаютъ ледяные мосты, налагаемые на воды демонами зимы. Въ одной изъ русскихъ сказокъ, въ любопытномъ эпизодѣ о борьбѣ богатыря съ змѣями, эти послѣдніе дуновеніемъ своимъ творятъ ледяные мосты, т. е. цѣпящее дыханіе холоднаго вѣтра леденитъ воду (см. I, 584). Мѣсто великана нерѣдко заступаетъ чортъ; какъ опытный зодчій, онъ берется возвести твердыя стѣны, церковь или мостъ, и въ награду требуетъ душу того, кто первый вступитъ въ новое зданіе; но расчеты его обыкновенно не удаются. Такъ однажды въ двери возведеннаго имъ храма пустили прежде всѣхъ волка; раздраженный чортъ бросился вонъ сквозь церковный сводъ и пробилъ въ немъ отверстіе, которое потомъ сколько ни задѣлывали — никакъ не могли починить. Точно также по устроенному чортомъ мосту пускаютъ напередъ пѣтуха или козу. Одному поселянину понадобилось выстроить житницу, а подняться было нѣ на что. Обдумывая, какъ-бы уладить это дѣло, уныло бродилъ онъ по полю. Вдругъ подошелъ къ нему старичокъ и сказалъ: «хочешь, я тебѣ къ завтрашнему утру — къ первому крику пѣтуховъ выстрою житницу? Обѣдай только мнѣ изъ своего добра то, чего самъ не знаешь!» Крестьянинъ согласился и весело рассказалъ про эту сдѣлку своей женѣ! «Несчастный! возразила она, что ты сдѣлалъ? вѣдь я беременна. Съ тобой навѣрно повстрѣчался чортъ, и ты обѣщалъ ему нашего ребенка!» Между тѣмъ чортъ уже работаетъ; тысячи

работниковъ пилятъ и обтесываютъ камни; въ нѣсколько часовъ заложено основаніе и выведены стѣны, двери навѣшены на крючья, ставни прибиты и крыша почти сдѣлана: осталось положить двѣ или три черепицы. Жена крестьянина пошла въ курятникъ и такъ искусно закричала кукуреку, что пѣтухи тотчасъ проснулись и начали пѣть одинъ за другимъ. Испуганные черти разбѣжались, не окончивъ работы. Съ тѣхъ поръ недодѣланная ими крыша такъ и осталась: днемъ кровельщикъ положить недостающія черепицы, а ночью невидимая рука сорветъ ихъ! Съ первыми возгласами пѣтуха, предвѣстника солнечнаго восхода, прекращается работа демоновъ ночнаго мрака; какъ метафора весенняго грома, крикъ пѣтуха приостанавливаетъ работу демоновъ зимы, облагающихъ небесный сводъ (= храмъ, въ которомъ обитаютъ свѣтлые боги) темными, ночеподобными тучами. Яркіе лучи восходящаго солнца и огненные стрѣлы Перуна пробиваютъ облачную кровлю, дѣлаютъ въ ней отверстія и гонятъ въ нихъ нечистыхъ духовъ. Волкъ и коза — животныя, посвященные Одину и Тору, и потому появленіе ихъ возбуждаетъ въ дьяволѣ чувство невольнаго страха. Если, съ одной стороны, позднѣйшая обработка мифическаго матеріала перенесла преданіе о постройкѣ великанами облачныхъ крѣпостей на земныя сооруженія, болѣе или менѣе замѣчательныя по своей громадности, и между прочимъ на христіанскіе храмы; то съ другой стороны мы знаемъ, что метафорическій языкъ издревле уподоблялъ раскаты грома — колокольному звону, котораго потому и боятся великаны и вѣдьмы. Эта-же боязнь звона усвоена и чертямъ, что, въ связи съ обычною враждою нечистаго духа къ христіанству, породило цѣлый рядъ сказаній, въ которыхъ великаны и черти употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы помѣшать возведенію новыхъ церквей; они ищутъ — во что бы ни стало — разгромить сложенныя стѣны, но каждый разъ

наиѣренія ихъ уничтожается вышею, божественною волею или хитростью человѣка. Когда создались первые христіанскіе храмы, великанское племя, по свидѣтельству норвежскихъ сагъ, бросало въ нихъ огромными камнями. Въ разныхъ мѣстностяхъ указываютъ «чортовы камни» (teufelssteine), изъ которыхъ одни были брошены дьяволомъ въ ту или другую церковь, а другіе упали съ воздушныхъ высотъ въ то самое время, какъ нечистые духи занимались своими строительными работами. Одна великанка побилась объ закладъ съ св. Олафомъ, что прежде, чѣмъ онъ возведетъ церковь, она устроитъ каменный мостъ черезъ морской проливъ; но мостъ еще не былъ готовъ и вполовину, какъ раздались звуки церковнаго колокола. Въ страшной досадѣ великанка начинаетъ кидать въ церковную башню большіе камни, но никакъ не можетъ попасть; тогда оторвала она свою ногу (=donnerkeule, см. гл. XXII) и ударила ею въ зданіе. Остатки римскихъ окоповъ и укрѣпленій въ Баваріи, Швабіи и Франконіи называются *teufelsmauern*, *teufelswälle*, *teufelsgraben*, подобно тому, какъ на Руси и въ другихъ славянскихъ земляхъ старинные окопы слывятся змѣиными валами. Съ этими «чортовыми стѣнами» народъ соединяетъ такое преданіе: послѣ долгихъ споровъ, богъ и чортъ подѣлили между собою вселенную, и вслѣдъ за тѣмъ сатана провелъ границы своего владѣнія; такимъ образомъ онъ представляется, какъ владыка особеннаго царства, тождественнаго съ царствомъ великановъ — *iðtunheimr*. <sup>1)</sup>

На равнинныхъ пространствахъ Руси не нашлось приличной обстановки для великановъ — ни высокихъ горъ, ни циклопическихъ построекъ, къ которымъ можно-бы было прикрѣпить древнія преданія объ исполнцахъ; а потому преданія эти

<sup>1)</sup> D. Myth., 497, 501-504, 514-520, 972-8; Die Götterwelt, 220, 225; Germ. Myth., 184; Москов. Наблюд. 1837, XI, 540-1.



и не получили у насъ такой широкой обработки, какую встречаемъ на западѣ. Тѣмъ не менѣе воспоминанія о великанскихъ горахъ и камняхъ нечужды и русскому народу, такъ какъ основы подобныхъ представленій коренились въ мнѣяхъ, вынесенныхъ индоевропейскими народами изъ общей ихъ прародины. Въ могилевской губ. увѣряютъ, что великанъ, взявшись одною рукою за верхушку любой горы, можетъ легко поднять ее и перебросить на другое мѣсто <sup>1)</sup>. Въ бѣльскомъ уѣздѣ смоленской губ. существуетъ такой рассказъ: въ старое незапамятное время поднималъ великанъ огромный камень и подбросилъ его такъ высоко, что пока онъ летѣлъ на землю — успѣлъ вырасть еще больше, и когда упалъ — то разбился пополамъ; одна часть его продавila землю и образовала озеро. По другому варианту, великанъ игралъ камнемъ, словно мячикомъ, и наконецъ вскинулъ его вверхъ съ такою силою, что камень треснулъ въ воздухѣ, и свалившись, выбилъ озеро <sup>2)</sup>. Такъ изъ облачныхъ скалъ, разносимыхъ бурной грозой, льются дождевые потоки, и собираясь въ земные водоемы, производятъ ключи, рѣки и озера (сравни выше стр. 352—4). Сказочный эпосъ знаетъ богатыря Горыню, который ворочаетъ самыя высокія горы, бросаетъ ихъ — куда вздумается и катаетъ ногою какъ малые шарики <sup>3)</sup>; ударомъ

<sup>1)</sup> Могилев. Г. В. 1854, 18. — <sup>2)</sup> Смолен. Г. В. 1853, 6. Около Пропойска есть многоводный источникъ, о которомъ рассказываютъ слѣдующее: жила-была красавица, и посватались за нее два брата: старшій — глупый и неуклюжій силачъ, а меньшой — пригожій молодецъ. Невѣста хотѣла бы отказать старшему, но побоялась раздражить его, и предложила обоимъ братьямъ бросить по камню: чей камень упадетъ дальше, за того и замужъ выйдетъ. Старшій братъ швырнулъ камень такъ удачно, что онъ упалъ за семь верстъ и глубоко пробилъ землю; а красавица (=облачная, дожденосная дѣва) бросилась съ отчаянья въ пропасть, и слезы ея дали начало источнику — Путев. Записки Шмидтовой, I, 131-2. — <sup>3)</sup> Н. Р. Ск., III, 40.

кулака онъ дробить скалы и заставляетъ дрожать землю — точно также, какъ дрожить она отъ ударовъ Перуна. Объ Ильѣ Муромцѣ сохранилось любопытное преданіе на его родинѣ; когда Илья сталъ просить родительскаго благословенія на славные богатырскіе подвиги и отецъ усомнился въ его силѣ, тогда богатырь вышелъ на Оку, уперся плечомъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ рѣку. Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильей Муромцемъ <sup>1)</sup>. Въ связи съ этимъ бросаніемъ горъ и скалъ великанами стоитъ извѣстный и часто употребительный въ народныхъ сказкахъ мотивъ, что герой, будучи преслѣдуемъ вражеской погонею и желая задержать ее, кидаетъ назадъ камень или камень — и въ ту же минуту вырастаетъ на дорогѣ высокая гора; вслѣдъ за тѣмъ кинутое имъ кресало (— эмблема грозоваго пламени) порождаетъ огненную рѣку, а капли брызнутой воды превращаются въ море <sup>2)</sup>, т. е. въ рукахъ бога-громовника и великановъ громадная облачная гора кажется не болѣе, какъ камышекъ, и широкое дождевое море — не болѣе, какъ глотокъ воды. Легенда выставляетъ св. Христофора великаномъ: когда умерла его мать, онъ пожелалъ насыпать надъ нею могильный курганъ, набралъ въ свой сапогъ земли и вытрусилъ ее на трупъ усопшей — и вотъ вознеслась гора, да такая высокая, что верхушкою подошла подъ самыя облака, а тамъ, откуда онъ бралъ землю, образовалась страшная пропасть; слезы (— дождь), пролитыя великаномъ надъ этой пропастью, превратили ее въ море <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Пѣсни Кирѣевск., I, стр. XXXIII. — <sup>2)</sup> Н. Р. Ск., VIII, 4, 6; Ск. Норм., I, стр. 14; II, № 16. — <sup>3)</sup> Семеновск., 27-30; Записка Р. Г. О. по отд. этногр., I, 717: въ старыя годы, рассказываютъ чувашинъ, жили богатыри-великаны; одинъ изъ нихъ послѣ пахатной работы разулся и вытряхнулъ землю изъ лаптя — и вотъ образовалась цѣлая гора (бугоръ, находящійся въ вурмышскомъ уѣздѣ, верстахъ въ десяти отъ села Тувннѣ).

Старинные насыпи и курганы считаются въ литовскихъ и славянскихъ земляхъ могилами исполиновъ и сильномогучихъ богатырей; у насъ (какъ уже замѣчено выше) видятъ въ курганахъ могилы волотовъ, а находимыя въ землѣ мамонтовыя кости принимаются простонародьемъ за кости старосвѣтскихъ богатырей <sup>1)</sup>). Въ Верхотурьи показываютъ камни, на которыхъ видны углубленія отъ пятъ ступавшаго по нимъ богатыря или отъ пальцевъ его тяжелой руки <sup>2)</sup>); подъ Лебедянью есть камень съ исполнискими слѣдами, оттиснутыми ногою богатыря и копытомъ его добраго коня. Подобныя же слѣды, по рассказамъ болгаръ, оставлены на скалахъ Маркомъ-королевичемъ <sup>3)</sup>). По свидѣтельству сагъ, извѣстныхъ въ Бельгіи и въ другихъ странахъ западной Европы, кони знаменитыхъ героевъ (Баярда, Брунгильды и др.) и черти, прыгая съ одной скалы на другую, оставляли на нихъ отпечатки своихъ ногъ <sup>4)</sup>). Эти преданія напоминаютъ намъ Пегаса и другихъ мифическихъ коней, которые, ударяя своими копытами въ облачныя горы и камни, выбивали изъ нихъ живые источники дождевыхъ ливней.

Если бы даже мы не имѣли никакихъ иныхъ данныхъ, кроме поэтическаго сказанія о Святогорѣ, то одно это сказаніе служило бы неопровержимымъ доказательствомъ, что и славяне, наравнѣ съ другими родственными народами, знали горныхъ великановъ. Въ колоссальномъ, типическомъ образѣ Святогора ясны черты глубочайшей древности. Имя его указываетъ не только на связь съ горами, но и на священный характеръ этихъ послѣднихъ: Святогоръ-богатырь живетъ на святыхъ (т. е. небесныхъ, облачныхъ) горахъ. Сила его — необычайна:

<sup>1)</sup> Черты литов. нар., 75; Вѣст. Евр. 1826, III, 210. — <sup>2)</sup> Вѣст. Р. Г. О. 1854, I, ст. игумена Макарія, 48. — <sup>3)</sup> Милadini, 528. — <sup>4)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 24—25.

Не съ камъ Снятогору силой помѣряться,  
 А сила-то по жилочкамъ  
 Такъ живчикомъ и переливается;  
 Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.

Самому громовнику не всегда совладать съ этимъ богатыремъ титанической породы. Ильѣ Муромцу, заступающему въ народномъ эпосѣ мѣсто Перуна, калики переходящіе даютъ такой советъ:

Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ  
 И со всею поленицею удаюю,  
 А только не выходи драться  
 Съ Святогоромъ-богатыремъ:  
 Его и земля на себѣ черезъ силу носить <sup>1)</sup>.

Въ числѣ подвиговъ Ильи Муромца преданіе упоминаетъ о попыткѣ его состязаться съ великаномъ, котораго земля не подымаетъ; великанъ этотъ не названъ по имени, но очевидно — онъ принадлежитъ къ одному разряду съ Святогоромъ. Однажды слышалъ Илья-Муромецъ, что есть на свѣтѣ богатырь силы непомѣрной, который на всей землѣ нашелъ только единую гору—настолько крѣпкую, чтобы могла сдержать его тяжесть. Захотѣлось Ильѣ съ нимъ помѣряться, приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ исполинской богатырь — самъ какъ другая гора. Илья вонзаетъ ему мечъ въ ногу; «никакъ я зацѣпилъ за прутникъ!» отозвался великанъ. Илья напрягаетъ все свои силы и повторяетъ ударъ; «вѣрно я за камышекъ задѣлъ!» сказалъ великанъ, оглянувшись назадъ, и завидя храбраго витязя, молвилъ ему: «а, это ты, Илья Муромецъ! ступай къ людямъ и будь между ними силенъ, а со мной тебѣ нечего мѣряться. Я и самъ своей силѣ не радъ, меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору и лежу на ней» <sup>2)</sup>). Приведенный нами эпизодъ

<sup>1)</sup> Рыбник., I, 32, 35; III, 222. — <sup>2)</sup> Пѣсни Кирзевса., I, стр. XXX-I; Рус. Вес. 1856, IV, 59.

совпадаетъ съ сказаніемъ Эдды о могучемъ Торѣ, когда онъ ударялъ своимъ смертоноснымъ молотомъ великана, а тому казалось, что на него падаютъ древесные листья и жолуди. Итакъ въ русскомъ преданіи Илья Муромецъ заступаетъ мѣсто бога-громовника Тора: великанъ, надъ которымъ онъ пробуетъ силу своихъ ударовъ, какъ будто сросся съ горою (=тучею): ему нѣтъ мѣста на землѣ — такъ онъ громаденъ и тяжелъ! Чтѣ и другимъ славянамъ извѣстно было преданіе о великанѣ, котораго поддерживаетъ (носитъ) гора, это видно изъ древняго названія Исполниновыхъ горъ — Кръконоши, т. е. горный хребетъ, носящій мнѣшческаго героя Крока, отъ котораго чехи вели свой княжескій родъ. Встрѣчу Ильи Муромца съ Святогоромъ народная былина изображаетъ съ слѣдующими подробностями. Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ на бѣлополотняный шатеръ:

Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,  
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская немалая:  
Долиной кровать десяти сажень,  
Шириной кровать шести сажень.

Легъ Илья Муромецъ на кровать богатырскую и заснулъ крѣпкимъ сномъ; вдругъ послышался великой шумъ —

Мать-сыра земля колыбается,  
Темны лѣсушки шатаются,  
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.

Такими знаменіями сопровождается появленіе великана бурныхъ тучъ:

Вдѣтъ богатырь выше лѣсу стоячаго,  
Головой упираетъ подъ облаку ходячую.

Илья Муромецъ подымался на рѣзвые ноги и вѣлѣзалъ на вѣтвистый дубъ. Пріѣхалъ великанъ Святогоръ къ своему шатру, привѣзъ съ собою и жену — невиданную и неслыханную красавицу, пообедалъ и предался сну; а тѣмъ временемъ

жена его пошла погулять по чистому полю, усмотрѣла Илью и говоритъ ему таковыя рѣчи: «гой дородный добрый молодецъ! сойди со сыра дуба, сотвори со мною любовь; буде не послушаешь, разбуджу Святогора богатыря и скажу, что насильно меня въ грѣхъ ввелъ.» Нечего дѣлать витязю: съ бабой не спорить, а съ Святогоромъ не сладить, слѣзъ съ сыраго дуба и сотворилъ дѣло повелѣнное. Взяла его красавица и спрятала въ глубокой карманъ Святогора. Послѣ того проснулся великанъ, слѣз на коня вмѣстѣ съ женою и поѣхалъ къ святымъ горамъ. Сталъ его добрый конь спотыкаться: «прежде (говорить) я возилъ богатыря да жену богатырскую, а нынче троихъ везу — не диво и спотыкнуться!» Тутъ Святогоръ догадался, вытащилъ Илью изъ кармава, спросилъ — что и какъ было? и убилъ свою жену невѣрную, а съ Ильей Муромцемъ побратался. Пустились они въ путь-дорогу, наѣхали на великій гробъ;

На томъ гробу подпись подписана:  
 Кому суждено въ гробу лежать,  
 Тотъ въ него и ляжетъ.  
 Легъ Илья Муромецъ —  
 Для него домовище и велико, и широко;  
 Дожится Святогоръ-богатырь,  
 Гробъ пришелся по немъ.

Взялъ онъ крышку и закрылъ гробъ; хочетъ поднять ее, и никакъ не сможетъ. Задыхается Святогоръ, просить Илью Муромца: «возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперѣгъ крышки». Ударилъ Илья, и отъ его удара могучаго посыпались искры, а гдѣ попалъ мечемъ-кладенцемъ — на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная; ударилъ вдоль крышки — и выросла новая полоса желѣзная. Такъ скончался Святогоръ-богатырь; Илья Муромецъ привязалъ его добраго коня къ гробу, а мечъ-кладенецъ себѣ взялъ <sup>1)</sup>. Былина передаетъ

<sup>1)</sup> Рыбник., I. 36-42.

намъ два старинные мифа: одинъ — о женѣ великана, и другой — о его смерти. По своему стихійному характеру, великанки сближались съ тѣми прекрасными облачными нимфами, съ которыми богъ-громовникъ заводитъ во время грозы любовныя связи. Наравнѣ съ послѣдними, дочери великановъ могли обладать несказанною красотою; такова была Gerdhr: когда она отшпирала своими блестящими руками (рука = молнія, см. I, 199) двери дома (= тучи), то кругомъ ярко озарялись и воздухъ и воды. Боги весеннихъ грозъ и бурь вступали въ бракъ съ исполинскими дѣвами: Фрейръ съ прекрасною Gerdhr, дочерью Gútnir'a, Торъ съ великанкою Iagnasaxa; Gunnlöd была любовницей Одина <sup>1)</sup>). Въ русской былинѣ Святогорова жена отдается Ильѣ Муромцу, какъ представителю Перуна, и погибаетъ отъ меча-кладенца, т. е. умираетъ пораженная молніей <sup>2)</sup>). Эта связь великанки съ громовникомъ рассматривается, какъ измѣна красавицы ея законному мужу; во есть другіе варианты, гдѣ Илья Муромецъ замѣненъ богатыремъ Добрынею, извѣстнымъ побѣдителемъ Змѣя Горыныча, а великанка поставлена независимо отъ Святогора. Нагналъ Добрыня поленицу <sup>3)</sup> — женщину великую,

Ударилъ своей палицей булатной  
Тую поленицу въ буйну голову:  
Поленица назадъ не оглянется,  
Добрыня на конѣ приужахнется.  
Приѣхалъ Добрыня ко сыру дубу,  
Толщиной былъ дубъ шести сажень;  
Онъ ударилъ своею палицей во сырой дубъ,  
Да разшибъ весь сырой дубъ по ластиньшъ, <sup>4)</sup>  
Самъ говорить таково слово:  
„Сила у Добрыни все по старому,  
А смѣлость у Добрыни не по старому!“

<sup>1)</sup> D. Myth., 495-7. — <sup>2)</sup> Святогоръ возить жену въ хрустальномъ ларцѣ (метафора облака) и замыкаетъ золотыми шпичень (=молніей). — <sup>3)</sup> Воинственную наездницу. — <sup>4)</sup> Ластинье — дрань.

Снова пустился за великанкою, ударилъ ее въ буйну голову — поленица ѣдетъ - не оглянется; повернулъ Добрыня къ дубу въ двѣнадцать сажонъ, попробовалъ силу своего удара, и опять раздробилъ вѣковое дерево на тонкія дранн. Въ третій разъ догоняетъ онъ поленицу, бьетъ ее въ голову палицею булатною—

Поленица назадъ приоглянется,  
Сама говоритъ таково слово:  
„Я думала комарики покусываютъ,  
Ажно русскіе могучіе богатыри пощелкиваютъ!“  
Какъхватила Добрыню за желты кудри <sup>1)</sup>,  
Посадила его во глубокъ карманъ.

Тяжело доброму коню везти двухъ всадниковъ, сталъ онъ жаловаться, тотчасъ поленица вытащила Добрыню, глянула на него, и полюбилась ей добрый молодецъ — пошла за него замужъ <sup>2)</sup>. Русскій богатырь попадаетъ въ карманъ великана или великанки; эта любопытная черта соответствуетъ преданію Эдды, какъ однажды Торъ ночевалъ въ перчаткѣ великана (см. ниже). Ясно, что эпическія сказанія о Святогорѣ стоятъ въ несомнѣнномъ родствѣ съ пѣснями Эдды; это, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ за глубочайшую древность ихъ содержанія, а съ другой — за миѣнческій характеръ выводимыхъ ими лицъ. Удары громовика, обыкновенно столь страшные и гибельные для великановъ, здѣсь оказываются безсильными и причиняютъ не болѣе безпомойства, какъ кусающіе комары, нечаянно-задѣтый камышекъ или прутикъ. Оба эти противоположныя представленія возникли подъ влияніемъ впечатлѣній, возбуждаемыхъ въ душѣ сверкающими молніями, которыя то какъ-будто дробятъ исполинскія тучи, нанося имъ кровавыя раны (т. е. низводя дождевые ливни), то какъ-будто без-

<sup>1)</sup> Желтыя кудри—тоже, что красные волосы Тора.—<sup>2)</sup> Рыбник., I, 128-9; III, 67-68.



слѣдно исчезаютъ въ нихъ сгущенныхъ массахъ.—Преданіе о смерти Святотора объяснено нами въ XI-й главѣ (I, 579—583): гробъ, окованный желѣзными обручами,—метафора дождевого облака, на которое зимняя стужа наложила свои крѣпко-сжимающія цѣпи. При началѣ зимы впадаетъ въ оцѣпенѣніе (= умираетъ) не только великанъ-туча, но и самъ надолго-замолкающій громовникъ; потому тоже преданіе о безвременной кончинѣ прилагается и къ Ильѣ-Муромцу. Бѣжалъ онъ съ Добрыней и Алѣшей Поповичемъ, наѣхали на каменный гробъ безъ крышки. Полѣзъ въ гробъ Алеша — ему великъ, попыталъ Добрыня — ему узокъ; только лѣгъ Ильѣ-Муромецъ, какъ въ ту же минуту — откуда не возмись — захлопнула его каменная крышка. Силится Ильѣ своротить ее, и не можетъ. «Берите, кричитъ товарищамъ, мой мечъ-кладенецъ, да рубите имъ!» Принялись они рубить, но чѣмъ больше рубить — тѣмъ больше обручей охватываютъ гробницу <sup>1)</sup>. Эти губительные удары меча-кладенца тождественны ударамъ прута-молніи, погружающимъ сказочныхъ героевъ въ зимній сонъ или окаменѣніе (см. выше, стр. 423).

Въ памяти нашего народа сохраняется любопытное преданіе: «отчего перевелись богатыри на святой Руси? Согласно съ древними мифами о борьбѣ великановъ (іотуновъ, турсовъ и титановъ) съ свѣтлыми богами весеннихъ грозъ (см. ниже, стр. 686), русскіе богатыри, гордые своею исполнскою силою, вызываютъ на бой небесныхъ востелей, т. е. ангеловъ, которыми обыкновенно замѣняются молніеносные духи дохристіанской эпохи (=свѣтлые эльфы):

„Не намахался наши могутныя плечи,  
Не уходились наши добрые лопя,  
Не притупились мечи наши булатные!“  
И говоритъ Алеша Поповичъ-младшъ:

<sup>1)</sup> Пѣсни Кирѣев., I, стр. XXXIV.

„Подавай намъ силу нездѣшную (вар. небесную);  
 Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“  
 Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,  
 Такъ и явились двое вонтелей,  
 И крикнули они громкимъ голосомъ:  
 „А давайте съ нами, витязи, бой держать;  
 Не глядите, что насъ двое, а насъ семеро!“

Наскакалъ на нихъ Алеша Поповичъ и со всего плеча разрубилъ пополамъ; но небесные вонтели не пали мертвыми, а только увеличились вдвое: стало ихъ четверо и всѣ живы! Налетѣлъ Добрыня, разрубилъ пополамъ четырехъ — и стало ихъ восемь; налетѣлъ Илья Муромецъ, съ-разу разсѣкъ восьмерыхъ — и снова они удвоились. Бросились всѣ витязи,

Стали они силу колоть-рубить...

А сила все растеть да растеть,  
 Все на витязей съ боемъ идетъ!

Бились витязи три дня, три часа, три минутки;

Намахалися ихъ плеча могучия,

Уходились кони ихъ добрые,

Пригнулись мечи ихъ булатные...

А сила все растеть да растеть,

Все на витязей съ боемъ идетъ!

Испугались могучіе витязи,

Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры:

Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ — такъ и окаменѣетъ,

Какъ подбѣжитъ другой — такъ и окаменѣетъ,

Какъ подбѣжитъ третій — такъ и окаменѣетъ. <sup>1)</sup>

Преданіе это роднится съ литовскимъ вѣрованіемъ, что великаны, побѣжденные богами, были превращены въ камни, и съ средневѣковою баснею о «дивныхъ народахъ», заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ (см. выше, стр. 454). Послѣ шумныхъ грозовыхъ битвъ великаны-тучи замираютъ на зиму, каменья отъ сѣверныхъ вьюгъ и морозовъ. Самона-

<sup>1)</sup> Смыкъ Отеч. 1856, № 17; Исторія русск. словеси. Шевырева, I, 199-203.

дѣянныя, необузданныя и дерзкіе—великаны наполняли нѣкогда весь міръ убійствами и враждою, но подобно демонамъ, низвергнутымъ въ адскіе вертепы, исчезли съ лица земли, и отъ нихъ ничего не осталось, кромѣ грубой массы каменныхъ горъ и утесовъ, въ которыхъ они улеглись на вѣчныя времена. Въ ефремовскомъ уѣздѣ, на берегу Красивой Мечи, близъ села Козьяго есть огромный гранитный камень. Крестьяне называютъ его Конь-камень и рассказываютъ о немъ слѣдующее преданіе: въ незапамятную старину явился на берегу Красивой Мечи витязь-великанъ, въ блестящей одеждѣ, на бѣломъ конѣ—признаки, указывающіе на бога бурныхъ грозъ (I, 699 и 701); въ тоскливомъ раздумьи глядѣлъ онъ на рѣку и потомъ бросился въ воду, а одинокій конь его тутъ же окаменѣлъ. По ночамъ камень оживаетъ, принимаетъ образъ коня, скачетъ по окрестнымъ полямъ и громко ржетъ. Въ одоевскомъ уѣздѣ, близъ села Скобычева, лежатъ два камня Башъ и Башиха: это были мужъ и жена; жили они такъ долго, что и счетъ годамъ потеряли, а какъ состарились — оба вдругъ окаменѣли <sup>1)</sup>. Въ синодальный Цвѣтникъ 1665 года занесена повѣсть, како возлѣ Смоленска жены и дѣвы творили игры въ ночь на Ивана Купалу и за свое «безстудное бѣснованіе» были превращены св. великомученикомъ Георгіемъ въ камни—«и донынѣ на полѣ томъ видныя, стоятъ какъ люди, въ поученіе намъ грѣшнымъ» <sup>2)</sup>. На берегу рѣки Мечи (около Тулы) указываютъ нѣсколько камней, расположенныхъ крѣгомъ; увѣряютъ, что это былъ дѣвичій хороводъ, превращенный въ камни небеснымъ громомъ за неистовыя пляски на Троицынъ день <sup>3)</sup>. Въ этихъ женахъ и дѣвахъ, наказанныхъ за безстудныя игрыща, узнаемъ мы облач-

<sup>1)</sup> Записки отдѣленія русск. и славян. археологій Имп. археол. общ., I, ст. Сахаровъ, 46; Толков. Слов., прибав. 8.— <sup>2)</sup> Источер. рус. слов., II, 14.— <sup>3)</sup> Терещ., VI, 197.

ныхъ нимфъ, которые подѣ пѣсни завывающей бури предаются неистовымъ пляскамъ и которыхъ преслѣдуетъ и разитъ своими молніями Перунъ, представленный въ христіанскую эпоху святымъ вонтедемъ—Георгіемъ Побѣдоносцемъ <sup>1)</sup>. Въ Германіи разсказываются саги о превращеніи въ камня великановъ, ихъ женъ и дочерей—въ то время, какъ они въ дикомъ упоеніи заводили шумныя пляски <sup>2)</sup>; въ одномъ мѣстѣ Пруссіи до сихъ поръ показываютъ сорокъ камней, которые считаются окаменѣлыми великанами <sup>3)</sup>.

Такъ какъ горы, скалы и утесы составляютъ только возвышенности земли, части ея колоссальнаго тѣла, то естественно, что въ народныхъ сказаніяхъ нѣдра облачныхъ горъ стали представляться подземельями, а самая мать-сыра Земля включена въ разрядъ титаническихъ существъ и сроднена съ великанами-тучами. По скандинавскому мѣу громовержецъ Торъ рожденъ Землей (lörðh) или Горою (Fjörgyn), т. е. тучею, изъ чрева которой исходитъ молнія (см. выше, стр. 355). Греческіе титаны и гиганты, славные по своей чудовищной величинѣ и необычайной силѣ, были сыновья Неба и Земли, что согласно и съ законами природы, ибо дождевыя облака образуются изъ паровъ, поднимающихся отъ земли дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Рождаясь изъ тумановъ земли, вели-

---

<sup>1)</sup> См. также сборн. Кудьды, II, 18; Семейск., 82: двѣца не сла ведри съ водою и окаменѣли—намокъ на тѣ кружки, изъ которыхъ облачныя дѣвы льютъ на землю дожди. Подобныя представленія связываются на югѣ Россіи съ наменными бабами; во время бездождія поселяне идутъ къ наменной бабѣ, кладутъ ей на плечо лопотъ хлѣба или разсыпаютъ передъ нею хлѣбныя зерна, затѣмъ кланяются ей въ ноги и просятъ: „помилуй насъ, бабо-бабу-сенько! будемъ кланяться еще ниже, только помози намъ и сохрани отъ бѣды“ (Ч. О. И. и Д. 1866, IV, стат. Терещен., 7).— <sup>2)</sup> D. Myth., 517; Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, 11.—

<sup>3)</sup> Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 12.

каны отъ нея почерпали и свою мощь и крѣпость. Сила демоническихъ змѣевъ, по свидѣтельству сказокъ, зависить отъ количества выпиваемой ими живой воды (дожда), и пока они могутъ втягивать, собирать въ себя эту воду, до тѣхъ поръ остаются непобѣдимы. О титанахъ разсказывается, что они, при всякомъ паденіи въ пылу битвы, какъ скоро прикасались къ землѣ—тотчасъ-же возставали еще съ большими силами <sup>1)</sup>; мать-Земля, соболѣзнуя о своихъ дѣтищахъ, укрѣпляла ихъ къ новой борьбѣ. Геркулесъ, чтобы побѣдить Антэя, вынужденъ былъ поднять его на воздухъ, и не давая ему касаться ногами земли, задушилъ ослабѣвшаго врага своими могучими руками. Русскіе богатыри набираются силы-крѣпости, упавъ на мать-сыру землю. Въ пѣснѣ о борьбѣ Ильи Муромца съ Нахвальщиной находимъ слѣдующій эпизодъ: поскользнулся богатырь, палъ на сыру землю, и съѣлъ ему на грудь Нахвальщина, вынимаетъ кинжалище булатное и хочетъ отсѣчь ему буйную голову.

Лежучій у Ильи втрое силы прибыло,  
Махнеть Нахвальщину въ бѣлы груди,  
Вышибалъ выше дерева жароваго,  
Палъ Нахвальщина на сыру землю —  
Въ сыру землю ушелъ до пояса <sup>2)</sup>.

Въ народной сказкѣ <sup>3)</sup> богатырскій конь дважды ударяетъ пикой добраго молодца — такъ, что тотъ падаетъ на землю, и вслѣдъ затѣмъ спрашиваетъ его: «много-ль силы прибыло?» — Прибыла сила великая! отвѣчаетъ молодецъ. Чтобы стать оборотнемъ (=облачиться въ туманный покровъ), колдуны и вѣдьмы ударяются о землю. Въ Германіи существовало повѣрье, что во время суда надъ вѣдьмою не должно ставить ее на голую землю; иначе она тотчасъ-же превра-

<sup>1)</sup> D. Myth., 608. — <sup>2)</sup> Пѣсни Кирѣев., I, 54. — <sup>3)</sup> Нар. сказки Бронницына, 70—71.

тятся въ звѣря, птицу или гадину и ускользнетъ изъ рукъ правосудія ).

Народный эпосъ заставляетъ богатырей и великановъ подымать не только горы и скалы, но и самую землю. Когда Илья Муромецъ испилъ богатырской воды или пива крѣпкаго (наполнилъ свою утробу—тучу дождевою влагою), то спросили его валики перехожіе: «какъ велика твоя сила?» Отвѣчалъ имъ Илья: «кабы былъ столбъ отъ земли до неба (вариантъ: еслибъ прикрѣпить къ землѣ кольцо), я бы перевернулъ всю землю!» \*) Точно также Святгоръ-богатырь похваляется: «кабы я тяги нашелъ, такъ поднялъ бы землю!» Ёдучи путь-дорогою, увидалъ онъ прохожаго. Припустилъ Святгоръ своего коня, скачетъ во всю прыть, а не можетъ нагнать пѣшехода, и закричалъ ему громкимъ голосомъ: «ой же ты, прохожій человекъ! приостановись немножечко, не могу тебя нагнать на добромъ конѣ.» Приостановился прохожій, снималъ съ плечъ сумочку и клалъ наземь. Спрашиваетъ его Святгоръ: «что у тебя въ сумочкѣ?» — А вотъ подыми, такъ увидишь. Соселъ Святгоръ съ коня, захватилъ сумочку рукою—не могъ и съ мѣста сдвинуть; сталъ подымать обѣими руками, чуть-чуть приподнялъ—только что духъ подъ сумочку подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрызъ. «Что это, говоритъ, у тебя въ сумочку наложено? Силы мнѣ не занимать стать, а вотъ и поднять не могу.» — Въ сумочкѣ у меня тяга земная. «Да кто-жъ ты такой? Какъ тебя по имени зовутъ, какъ величаютъ по отечеству?» — Я есмь Микулушка Селянниковичъ. По другой редакціи этого замѣчательнаго сказанія, Святгоръ нашелъ въ степи малую сумочку перемѣтную, ухватилъ ее обѣими руками,

---

\*) D. Myth., 1028; сравни въ I-мъ томѣ стр. 144.—\*) Н. Р. Сл., I, стр. 158; Пѣсни Еяръев., I, стр. 1 и XXIX.

Поднялъ сумочку повыше колѣнъ,  
И по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,  
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.  
Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ,  
Тутъ ему было и конченіе <sup>1)</sup>).

Погрузившись по колѣна, Святогоръ-богатырь такъ на вѣки и остался и торчитъ изъ земли будто исполинская скала. Богатыри рассказываютъ, что однажды Марко-королевичъ похвально поднялъ землю. Желая испытать его силу, Господь послалъ съ небесъ своего ангела, вручивши ему торбу, наполненную землею и столь-же тяжелой, какъ весь земной шаръ. Ангелъ сталъ на пути, которыми надо было проходить Марку-королевичу, и когда тотъ приблизился—просилъ его приподнять торбу и положить ему на плечи. Страшныхъ усилій стоило это Марку-королевичу; онъ едва могъ исполнить просьбу и такъ утомился, что съ той самой поры пропала его сила богатырская <sup>2)</sup>. Въ сумочкѣ съ землею тягою мы узнаемъ тотъ мѣшокъ, въ которомъ нѣмецкіе великаны носили цѣлыя горы набранной ими земли или песку. Но какъ слово тяга означаетъ не только самую тяжесть (чрезмѣрную, обременительную ношу), но и то орудіе, съ помощію котораго можно ее потянуть—поднять <sup>3)</sup>; то выраженіе «тяга земная», т. е. собственно тяжелая масса земли—гора, стало приниматься въ значеніи столба или кольца, ухватившись за которые можно поднять всю землю. Святогоръ изнемогаетъ подъ этою тяжестью, хотя и приподымаетъ ее «повыше колѣнъ»; но есть великаны и богатыри болѣе могучіе: таковы, по литовскому преданію, исполины Вѣтръ и Вода, которые подымаютъ землю, и потрясая ею, производятъ потопъ; таковъ богъ-громовникъ, заставляющій землю дрожать и колебаться; таковъ и Микула

---

<sup>1)</sup> Рыбник., I, 33. 39—40.— <sup>2)</sup> Миладия., 528.— <sup>3)</sup> Тягати — тащить, при-тягивати, тягати-ся.

Селяниновичъ — богатырь, соответствующій славному сыну Iordh'ы — Тору. Калики переходящіе даютъ совѣтъ Ильѣ Муромцу:

Не бейся и съ родомъ Микуловымъ —  
Его любить матушка-сыра земля <sup>1)</sup>.

На близкія отношенія Микулы къ матери-сырой землѣ указываетъ и отечественное прозвище его — Селяниновичъ. Какъ щедрый податель дождей, богъ-громовникъ почитался творцемъ урожаявъ, установителемъ земледѣлія, покровителемъ поселянъ-пахарей, и даже самъ, по народнымъ преданіямъ, выходилъ въ видѣ простаго крестьянина воздѣлывать нивы своимъ золотымъ плугомъ (I, 556-563). Такимъ пахаремъ изображаетъ былина и Микулу Селяниновича. Какъ Святоторъ, несясь на добромъ конѣ, не могъ догнать пѣшаго Микулу, такъ и другому богатырю Вольгѣ (Олегу) Святославичу долго пришлось за нимъ гнаться:

Ореть въ полѣ ратай, повукиваетъ,  
Съ края въ край бороздки пометываетъ;  
Въ край онъ уйдетъ — другаго не видать;  
Коренья, каменья вывертываетъ...  
Ѣхалъ Вольга до ратай  
День съ утра онъ до вечера,  
Со своею дружишкой хороброю,  
А не могъ онъ до ратай доѣхать.

Ѣхалъ другой день, Ѣхалъ и третій съ утра до пѣдѣя <sup>2)</sup>, и настигъ наконецъ ратай. «Поѣдемъ со мной въ товарищахъ!» зоветъ его Вольга. Микула соглашается; надо только соху убрать. Посылаетъ Вольга пять могучихъ мблодцевъ, посылаетъ десять, посылаетъ всю дружину храбрую: сколько они ни трудятся,

А не могутъ сошки съ земельки повывернуть,  
Изъ ошшиковъ земельки повывернуть,  
Бросить сошки за ракитомъ кустъ.

<sup>1)</sup> Рыбник., I, 35. — <sup>2)</sup> До послѣ-обѣденнаго времени.



Подходить Микула, пихнул соху — и полетѣла она подѣ облака, а какъ пала назадъ — ушла до рогаца въ землю <sup>1)</sup>. Съ русскимъ преданіемъ о земной тягѣ, подѣ которою изнемогъ Святогоръ, можно сопоставить древне-скандинавскую сагу: однажды Торъ, странствуя съ своимъ слугою Thiálfi, встрѣчалъ великана и спросилъ его: «куда твой путь?»—Иду на небо, хочу сразиться съ Тороми! отвѣчалъ великанъ, не догадываясь — кто стоитъ передъ нимъ; его молнія зажгла мой хлѣвъ! «Куда тебѣ! ты не сможешь поднять и этого небольшого камня.» Великанъ тотчасъ-же схватился за камень и напрягъ свои мышцы, чтобы поднять его; но долженъ былъ сознаться, что трудъ ему не по силамъ: такую страшную тяжесть даровалъ Торъ камню. Вслѣдъ за тѣмъ берется за камень Тіальфи и поднимаетъ его также легко, какъ рукавицу. Тутъ великанъ узналъ бога и съ яростью бросился на него, во Торъ двинулъ своимъ молотомъ и убилъ противника <sup>2)</sup>. Подобно вѣнцамъ, и славяне и литовцы выводятъ нерѣдко вѣсто великана — чорта и приписываютъ ему поднятіе горъ и бросаніе сналъ и камней. Въ могилевской губ. есть Чортова гора, у подошвы которой разстилается озеро. Съ этой горою связываютъ слѣдующій разсказъ: когда-то потонулъ въ озерѣ единственный сынъ бѣдной вдовы; въ отчаяніи мать стала проклинать озеро и призывала на помощь нечистаго. Чортъ немедленно явился и пообѣщался завалить озеро горою; онъ слеталъ въ Кіевъ и принесъ оттуда на мизинцѣ часть Лысой горы, и только что хотѣлъ кинуть ее въ воду, какъ запѣли пѣтухи; испуганный чортъ исчезъ, уронивши свою ношу у самого берега <sup>3)</sup>. Недалеко отъ древняго Коростена, у рѣки Уши стоитъ утесъ, называемый Чортовымъ и плечемъ; въ давнее время вздумали черти запрудить камнями и рѣ-

<sup>1)</sup> Рыбник., I, 18—23.— <sup>2)</sup> D. Myth., 512.— <sup>3)</sup> Могилев. Г. В. 1851, 6.

ку и затопить окрестных жителей; ночью принялись они за работу, начали таскать камни, но запѣлъ пѣтухъ — и въ тоже мгновеніе нечистые духи разлились смолою. Памятникомъ ихъ неудавшагося предпріятія остался утесъ съ двѣнадцатю знаками, въ которыхъ крестьяне узнаютъ форму плечъ <sup>1)</sup>. Камни, приносимые чертями на своихъ раменахъ, — метафора тучъ, ночь — иракъ отъ наплыва сгущенныхъ облаковъ, крикъ пѣтуха — громъ, смола — дождь. Въ черниговской губ., вблизи Любеча, есть курганъ, извѣстный подъ именемъ Чортовой ножки. Народная легенда рассказываетъ, что однажды, когда преподобный Антоній молился въ своей пещерѣ, къ нему явился дьяволъ; святой мужъ прогналъ его крестомъ и молитвою; дьяволъ побѣждалъ прямо къ кургану, сталъ на немъ одною ногою и сгинулъ. Оставилъ ли онъ на курганѣ слѣдъ своей ступни? — лицо, сообщившее легенду, не говоритъ ни слова <sup>2)</sup>. Въ Подкаменнѣ, возлѣ доминиканской церкви, на покатости горы лежитъ огромный камень. Мѣстное преданіе утверждаетъ, что дьяволъ, раздраженный постройкою этого храма, отломилъ отъ Карпатовъ большой кусокъ скалы и ночью понёсъ его по воздуху, съ намѣреніемъ бросить въ церковный куполъ. Къ счастью запѣлъ пѣтухъ — и чортъ уронилъ камень на то мѣсто, гдѣ можно видѣть его и въ наше время. Въ литовскомъ разсказѣ Румшисъ, вступивши въ договоръ съ бѣсомъ, приказалъ ему принести до разсвѣта огромный камень изъ-подъ Клайпеды; чортъ спѣшилъ, сколько могъ, но не успѣлъ прибыть въ срокъ: пѣтухъ запѣлъ, когда до дома Румшиса не оставалось и тысячи шаговъ. Страшно завылъ чортъ и бросилъ камень въ Неманъ, гдѣ онъ и понынѣ лежитъ, образуя порогъ <sup>3)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Путевыя замѣтки Давида Мацкевича, 292. — <sup>2)</sup> Чернигов. Г. В. 1837, 38. — <sup>3)</sup> Семеньск., 34, 81—82; Иллюстр. 1848, № 27.

Обитая въ горахъ, великаны, подобно драконамъ и змѣямъ, стерегутъ тамъ несчетныя сокровища серебра и золота. Было, говорить нѣмецкая сказка <sup>1)</sup>, два брата: богатой и бѣдной. Случилось бѣдному идти лѣсомъ мимо большой горы; смотритъ — а къ ней подошли двѣнадцать великановъ и промолвили: «гора Семси, отворись!» И она тотчасъ раздѣлилась надвое; великаны вступили въ отверстіе, и немного погодя вышли изъ горы, каждый неся на своей спинѣ по тяжелому мѣшку. «Гора Семси, затворись!» закричали они — и гора затворилась. Бѣдной братъ дождался ихъ ухода, проговорилъ тѣже слова и вошелъ въ просторную пещеру, которая вся была наполнена серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями; набралъ себѣ всякаго добра и разбогатѣлъ. Богатой братъ ему позавидовалъ, разузналъ — какъ было дѣло, и отправился въ ту же пещеру. Набравши большой запасъ сокровищъ, онъ хотѣлъ было уйдти, да позабылъ названіе горы и сталъ приказывать: «гора Симели, отворись!» а гора не слушается. Къ вечеру пришли великаны и отрубили ему голову. Эта гора, наполненная сокровищами и охраняемая великанами, есть поэтическое изображеніе тучи, закрывающей собою золотое солнце, серебряный мѣсяцъ и яркія звѣзды, что блистаютъ на небесномъ сводѣ дорогими самоцѣтными камнями. Тѣ же сказка извѣстна и между славянами, но въ формѣ нѣсколько-подновленной: вмѣсто великановъ являются разбойники или привидѣнія — духи усопшихъ <sup>2)</sup>. Приведемъ галицкую редакцію: въ Черной горѣ (въ коломыйскомъ округѣ) хранятся несмѣтныя клады, а въ сумерки оттуда слышится говоръ и звукъ цѣпей. Разъ бѣдный крестьянинъ, собираясь срубить дерево на отлогѣ этой горы, увидѣлъ привидѣніе, ко-

<sup>1)</sup> Сказ. Грим., 142, 191 — <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VIII. 27; Худяк., 100; Чудинск., 4; Семенск., стр. 104—7: „Pleszary w Czarnéj górze“; Пов. и пред., 53—60; сб. Валаца, 204—6.

торое медленнымъ шагомъ приближалось къ таинственнымъ пещерамъ. «Отворитесь, дверцы!» молвило привидѣніе; дверь открылась и духъ вступилъ внутрь горы. «Затворитесь, дверцы!» раздался голосъ изъ подземелья — и дверь быстро захлопнулась. Крестьянинъ улучилъ время, явился къ горѣ, приказалъ двери отвориться и вошелъ въ темный погребъ, гдѣ стояли бочки съ старинными червонцами, талерами и драгоцѣнными камнями и были навалены большія кучи золотыхъ крестовъ и окладовъ съ иконъ. Много захватилъ онъ золота, и воротившись домой, рассказалъ сосѣду, какъ и откуда достался ему кладъ. А сосѣдъ былъ страшной скряга, вздумалъ и самъ поживиться, пошелъ къ Черной горѣ, забрался въ подземелье и только сталъ было набивать нарочно-припасенные мѣшки, какъ откуда не возьмись — выскочилъ огромный черный пёсъ съ горящими глазами и растерзалъ похитителя. Въ астраханской губ. сохраняется преданіе о Чортовомъ городищѣ: однажды поѣхалъ мужикъ въ лодкѣ, пристигла его темная ночь, онъ и запутался... Плылъ-плылъ и присталъ къ берегу; надо, думаетъ, пооглядѣться, что за мѣсто такое? Смотритъ — передъ нимъ бугоръ, а въ бугрѣ — подвалъ; вошелъ въ отворенныя двери и крѣпко испугался: впереди сидитъ женщина — словно татарка, а по всему подвалу насыпаны груды денегъ и стоятъ кадки съ виномъ (кадка — облако, вино — дождь). Спрашиваетъ она: «почто пришелъ сюда?» — Заблудился! «Ну что-жъ, не бойся! Возьми корецъ, испей винца, да бери себѣ денегъ, сколько хочешь; а въ другой разъ сюда не ходи.» Вотъ мужикъ сталъ забирать деньги да въ карманы класть; много накласть, сколько могутъ поднять хватило, и потащилъ въ лодку. Высыпалъ деньги и думаетъ: «дай еще пойду! этого въ другой разъ не сыщешь.» Пришелъ къ бугру, туда-сюда — нѣтъ больше подвала, точно и не было его! Воротился назадъ къ лодкѣ, а вмѣсто денегъ въ ней ле-

жать уголья. Есть много рассказовъ, въ которыхъ храненіе золота приписывается чертямъ. Посреди стараго Кракова было подземелье, гдѣ (какъ увѣряла народная молва) стояли бочки съ чистымъ золотомъ; разъ зашла туда одна дѣвушка, чортъ отсыпалъ ей въ передникъ груду червонцевъ, и прощаясь — не велѣлъ оборачиваться назадъ. На послѣдней ступенькѣ лѣстницы она не выдержала и оглянулась; въ то же мгновеніе дверь съ трескомъ (= съ громомъ) захлопнулась и отшибла ей пятку. Подъ развалинами Ленгницкаго замка (въ Польшѣ) обитаетъ чортъ Боруа и стережетъ кладъ; нашолся отчаянный шляхтичъ, который отправился въ подвалы этого замка и сталъ забирать золото; набилъ полные карманы — и назадъ, но едва ступилъ онъ на порогъ, какъ хлопнула дверь и отшибла ему пятку <sup>1)</sup>. Прибавимъ, что, по свидѣтельству старинныхъ мифовъ, богъ-громовникъ, вторгаясь въ облачныя пещеры добывать живую воду дождя и золото солнечныхъ лучей, получаетъ ударъ въ ногу и дѣлается хромымъ (см. гл. XXII).

Какъ воплощенія мрачныхъ тучъ и тумановъ, застилающихъ ласное небо и на все время зимы скрывающихъ въ своихъ нѣдрахъ живительный дождь и блестящую молнію, великаны (наравнѣ съ драконами) обладаютъ воровскимъ, хищническимъ характеромъ, и вызываютъ на постоянную борьбу съ собою бога-громовержца, этого изводителя дождей, прояснителя солнца и творца всякаго плодородія. Громовникъ иначе не представляется въ древнихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ, какъ въ постоянныхъ битвахъ съ великанами. Индра сражается съ асурами и ракшасами, демонами-похитителями свѣта и дождевой влаги, во главѣ которыхъ стоитъ Вритра; Зевсъ борется съ титанами и гигантами, Торъ — съ іотунами и турсами. Асуры

<sup>1)</sup> Пов. и пред., 61—65, 71—72, 174; *Zarysy domowe*, III, 190.

сбиваютъ облака въ кучу, чтобы, образовавъ изъ нихъ лѣстницу, скорѣе взобраться на небо и завладѣть царствомъ свѣтлыхъ боговъ. Индѣйскими асурамъ, которыхъ разить и гонить въ глубокія подземелья могучій Индра, вполне соответствуютъ греческіе титаны, существа подземныя, враждебныя Зевсу и олимпійскимъ богамъ. Желая достать до высокаго неба и тамъ торжествовать свою побѣду надъ олимпійцами, они воздвигали горы на горы (=тучи на тучи); но Зевсъ бросалъ все-сокрушающія молніи, и великаны пали подъ обломками скалъ. Страшно, говоритъ Гезіодова Теогонія, гудѣли кормилица-земля и безплодное море, потрясѣнное небо стонало и Олимпъ колебался въ своихъ основаніяхъ отъ вонскихъ кликовъ и грознаго метанія стрѣлъ; все было объято пожаромъ, и наконецъ титаны были низвергнуты въ бездну мрачнаго тартара, и веселая, свѣтлая жизнь водворилась на землѣ, т. е. вслѣдъ за побѣдою, одержанною надъ демоническими силами зимнихъ тумановъ и облаковъ, наступаетъ весна. Подъ ударами молвій исполнены-тучи низвергаются на землю и проникаютъ въ ея материнскую утробу дождевыми ливнями. Прогнанные съ Олимпа и заключенные въ вертепы подземнаго царства, титаны напоминаютъ собою тѣхъ гордыхъ ангелевъ, которые, по библейскому сказанію, возстали противъ Творца вселенной и низринутые имъ съ неба превратились въ злыхъ демоновъ, обитателей ада: въ этомъ сближеніи народная фантазія обрѣла новую опору для своихъ стародавнихъ мѣтовъ. Древне-германскія преданія полагаютъ жилища великановъ на сѣверѣ <sup>1)</sup>; съ понятіемъ же сѣверной стороны предки индоевропейскихъ вародевъ соединяли идеи мрака, зимы и ада (см. I, 183 и гл. XXII). Вражда асовъ съ іотунами и турсами изображена въ Эддѣ яркими красками. Выше

<sup>1)</sup> D. Myth., 521.

мы привели поэтическое сказаніе о попыткѣ великана овладѣть солнцемъ, луною и Фреею, который однако погнѣбъ подлѣ ударами Тора. Исконный врагъ демоновъ и другъ людей, Торъ очищаетъ вселенную отъ буйныхъ великановъ и устанавливаетъ на землѣ мирный трудъ хлѣбопашества; его молотъ дробитъ исполинамъ головы, а не будъ этого — они давно бы овладѣли вѣснмъ пространнмъ свѣтомъ <sup>1)</sup>. Младшая Эдда заставляетъ громовника состязаться съ великаномъ Грунгвиромъ. Торъ является на мѣсто битвы въ сопровожденіи Тіальфи; Грунгвиръ храбро встрѣчаетъ противника, закрываясь каменнымъ щитомъ. «Плохо ты защищаешься, іотунъ! лукаво замѣчаетъ ему Тіальфъ; ты держишь щитъ передъ собою, но Торъ находитъ на тебя снизу!» Довѣрчивый великанъ бросаетъ щитъ на землю, становится на него — и схватываетъ обѣими руками скалу, какъ свое воинское оружіе. Вдругъ блеснула молнія и загремѣлъ громъ — то гнѣвный Торъ ринулъ свой Mjölnir; на встрѣчу молоту великанъ кидаетъ скалу, но она разлетается надвое: одна половина падаетъ на землю, а другая рушится на голову Тора; богъ получаетъ рану, но остается побѣдителемъ: своимъ молотомъ онъ размогилъ великану черепъ <sup>2)</sup>. Пѣсни Эдды рассказываютъ о похищеніи великанами Торова мѣлота и пивнаго котла. Однажды, проснувшись по утру, Торъ не нашелъ при себѣ убійственнаго Mjölnir'a. Напрасно онъ ищетъ его и пылаетъ яростью! Ни то, ни другое не помогаетъ дѣлу. Тогда онъ сообщаетъ о своей пропажѣ хитрому Локи, безъ котораго не обходится ни одно предпріятіе, требующее изворотливости и лукавства. Торъ и Локи идутъ въ палаты прекрасной Фрей и просятъ у нея пернатой сорочки (I, 540—6); Фрея исполняетъ ихъ просьбу, и Локи облачается въ периз-

<sup>1)</sup> Ibid., 497.— <sup>2)</sup> Die Götterwelt, 213—5.

тую одежду. Изъ обители асовъ онъ летитъ въ Ютунгеймъ — страну великановъ, и видитъ: на вершинѣ горы сидитъ властитель турсовъ, по имени Тримъ, вьетъ золотыя привязи своимъ собакамъ, чиститъ и холитъ своихъ коней. «Что новаго у асовъ?» спрашиваетъ великанъ. «Бѣда случилась у асовъ, отвѣчаетъ Локи; не ты ли спряталъ молотъ Тора?» — Да, и спряталъ молотъ Тора на восемь миль глубины подъ землю; не достать вамъ его, развѣ дадите мнѣ въ жены прекрасную Фрею! Локи приноситъ отвѣтъ Тору, и оба они ѣдутъ къ Фрей; предложеніе Трина приводитъ ее въ страшный гнѣвъ. Собрались всѣ боги и богини и стали обсуждать, какъ помочь горю. Рѣшено было, что самъ Торъ одѣнется невѣстою въ платье и ожерелье Фрей и отправится въ Ютунгеймъ. Опасаясь, что безъ его молота — великаны могутъ завладѣть Асгардомъ, Торъ наряжается въ одежды Фрей и покрываетъ свое лицо фатою; нарядился и Локи прислуживцемъ невѣсты. Оба сѣли въ повозку, запряженную парой козловъ, и пустились въ дорогу; отъ нихъ поѣзда трещать горы и загорается земля. Тримъ убираетъ свое жилище и ждетъ красавицу. Къ вечеру пріѣзжаетъ желанная гостя. Начинается свадебный пиръ; невѣста одна съѣдаетъ цѣлаго быка, восемь большихъ рыбъ и всѣ закуски, и выпиваетъ три бочки меду. Захотѣлъ Тримъ поцѣловать невѣсту, заглянулъ подъ покрывало, и такъ испугался ея блестящихъ, искрометныхъ взоровъ, что отпрыгнулъ на другой конецъ палаты. Локи успокаиваетъ великана: Фрея, по его словамъ, ничего не ѣла дорогою и не спала восемь ночей; такъ желалось ей поскорѣе прибыть въ Ютунгеймъ. Наступила пора совершить брачный обрядъ; союзъ долженъ быть освященъ молотомъ Тора. Тримъ велитъ принести Мјблніг и положить его на колѣни невѣсты. Злобно обрадовался Торъ, завидя свой молотъ, схватилъ его и пошелъ гулять по голо-



вать великановъ: что ни ударъ, то и разбитый черепъ <sup>1)</sup>). Раскроемъ дѣйствительное значеніе мифа: великанъ Thyrung (= громкобурливый), пользуясь зимнимъ сномъ бога-громовника, похищаетъ молнію и скрываетъ ее въ глубинѣ облачныхъ подземелій на восемь мѣсяцевъ зимы, которая на сѣверѣ Европы бываетъ очень продолжительна; онъ думаетъ завладѣть и богиней Фреею, но приходитъ весна — Торъ снова обрѣтаетъ свой молотъ, и въ возженномъ имъ грозовомъ пламени гибнутъ Трини и подвластные ему великаны. Мифъ этотъ стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ германо-славянскимъ вѣрованіемъ, будто «громовые камни или стрѣлки» (donnersteine, donnerhämmer), ниспадаая изъ тучъ, входятъ въ глубь земли, и оставаясь тамъ въ продолженіи семи лѣтъ — по истеченіи означеннаго срока выступаютъ на ея поверхность (I, 247). Семь лѣтъ указываютъ на семь зимнихъ мѣсяцевъ, а темныя подземелья — на мракъ сгущенныхъ облаковъ. Такимъ образомъ ежегодно-похищаемая молнія поконится въ зимнее время въ облачныхъ пещерахъ; а весной, когда Перунъ отпираетъ золотымъ ключемъ горы-тучи, когда изъ нѣдръ земныхъ выходятъ ярко-горящіе, золотые клады, она снова начинаетъ разить великановъ и демоновъ. Въ народныхъ пѣсняхъ Даніи воспѣваются и покража золотого Торова мѣлота, и сокрытіе въ облачной горѣ богатырскаго меча (= другая метафора молніи). Молодой рыцарь Ормъ стучится въ дверь гробницы своего отца. «Кто ты, дерзкой, пришедшій возмутить мой покой?» — Это я — твой сынъ! «Чего ты хочешь? я уже отдалъ тебѣ груды золота и серебра.» — Правда, но я хочу твоего меча; если ты откажешь мнѣ, я разобью скалу, которая служитъ твоею могилою, на пять тысячъ кусковъ! Отецъ отдаетъ свой богатырской мечъ, и вооруженный имъ Ормъ

<sup>1)</sup> Симроль, 61—65. Die Götterwelt, 212—3 Индра принималъ на себя образъ водной дѣвы, чтобы поразить демона — Germ. Mythen, 165—6.

убиваетъ великана Берва <sup>1)</sup>. Сходно съ этимъ, наши сказочные богатыря прежде всего добываютъ изъ горъ или подземелій несокрушимый мечъ-кладенецъ (= самосѣкъ), збрую ратную и добраго коня (I, 619), и потомъ уже отправляются совершать славныя подвиги — побивать змѣевъ и великановъ; этотъ мечъ, збрую и коня нерѣдко получаютъ они отъ усопшаго витязя — изъ-подъ его могильнаго кургана <sup>2)</sup>. Могильная насыпь есть гора-туча, въ которой спитъ убаюканный зимнимъ сномъ, или что тоже — застигнутый зимнею смертію, старый богъ-громовникъ, прошлогодній Перунъ. Греческое преданіе говоритъ о сокрытіи Аполлоновыхъ стрѣлъ въ холодной гиперборейской странѣ, откуда добываются онѣ не прежде, какъ съ возвратомъ благодатной весны <sup>3)</sup>; по свидѣтельству Гезіода, циклопы, освобожденные Зевсомъ, вручили ему молніи, сокрытыя до того времени въ земной утробѣ. На этихъ мифическихъ представленіяхъ основаны заговоры, произносимые ратными людьми при выступленіи въ походъ; силою заповѣднаго слова призывается Перунъ отпереть облачныя затворы, добыть изъ-за нихъ мечъ-кладенецъ и вручить его ратнику. Такъ въ одномъ заговорѣ просить вѣрона, всемъ вѣронамъ «старшаго, разбить змѣиную крѣпость, заклевать самаго змѣя и достать ключъ, которымъ заперта богатырская збруя; въ другомъ заговорѣ читаемъ: «выхожу и во чисто поле, на зеленый лугъ; во зеленомъ лугу есть зелія могучія, а въ нихъ сила видима-невидимая. Срываю три былинки бѣлую, черную, красную; красную былинку метать буду за океанъ-море, на островъ на Буянь, подъ мечъ-кладенецъ; черную былинку покачу подъ черваго вѣрона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во

<sup>1)</sup> Финнск. Вѣсти. 1846, X, 40, 45—46 („Первыя драмы и народн. пѣсни Давіа“).— <sup>2)</sup> Н. Р. Сл.. II, стр. 386; VIII, 39 и многія другія сказки.— <sup>3)</sup> Der Ursprung der Myth., 106.

гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясѣ узорчатомъ завитъ-зашилъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Красная былинка приташилъ мнѣ мечъ-кладенецъ, черная былинка достанетъ уздечку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечемъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкою обратю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ разобью врага-супостата» <sup>1)</sup>. Могучее зелье, упоминаемое заговоромъ, означаетъ «разрывъ-траву» или вѣтку-молнію, которою Перунъ разбиваетъ зимнія тучи; три разноцвѣтныя былинки этого велья соотвѣтствуютъ трехлиственному кадуцею Меркурія (см. выше, стр. 393) и трехгранному (бѣлому, желтому и красному) камню Тора (см. I, 255). — Не менѣе значительно содержаніе пѣсни о пивномъ котлѣ (*braukessel*): нѣкогда асы собрались пировать у морскаго владыки Эгира. Чтобы сварить для нихъ пиво, понадобился котѣлъ колосальныхъ размѣровъ; но гдѣ и какъ добыть его? Тѹг (= *Tiv, Zio, Zeus*) припомнилъ, что такимъ котломъ владѣетъ великанъ Нунг, и тотчасъ-же отправился на поиски, вѣстѣ съ Торомъ. Боги явились къ Гимиру въ то время, когда онъ былъ на охотѣ, а дома оставалась мать его — старая великанка о девяти стахъ головъ. Въ ожиданіи хозяина, гости спрятались въ залѣ — за столбами, на которыхъ висѣло восемь котловъ. Поздно ворочается великанъ съ охоты; подъ его стопами звучатъ ледяныя горы (*eisberge*), отъ его взоровъ распадаются крѣпкіе столбы. Завѣдя гостей, онъ приказываетъ приготовить на ужинъ трехъ быковъ, изъ которыхъ двухъ нежираетъ Торъ. Къ обѣду слѣдующаго дня великанъ вдушалъ наловить рыбы; съ нимъ вѣстѣ пускается въ море и могучій Торъ: онъ отрываетъ у чернаго

<sup>1)</sup> Сахаров., I, 25—26.

быка голову и беретъ ее съ собою, какъ прикормку для рыбы. Гимиръ вытащилъ на удѣ двухъ китовъ; а бычью голову, на которую удилъ Торъ, ухватила ненавидная богамъ исполниская змѣя — Midgardschlange: богъ-громовержецъ притащилъ ее къ борту корабля и ринулъ молотомъ въ ея чудовищную пасть. Затрещали горы, застонала земля и змѣя погрузилась въ глубокое море. Покончивъ ловлю, Гимиръ обратился къ товарищу съ просьбою отнести пойманныхъ рыбъ. Торъ поднялъ на свои плеча корабль со всеми снастями, взявъ двухъ китовъ, и все это понёсъ на дворъ великана. Гимиру мало было этихъ опытовъ силы; онъ предложилъ гостямъ попробовать: смогутъ ли они поднять его огромный котелъ? Тѣмъ дважды принимался за дѣло; но его усилія были напрасны — котелъ стоялъ неподвижно. Тогда выступилъ Торъ; онъ ухватился за край котла и потащилъ его по каменному полу залы, потомъ поднялъ его на голову и поспѣшилъ къ асамъ. На пути оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ, что за нимъ гонятся Гимиръ и многоглавые обитатели подземныхъ пещеръ. Торъ двинулъ свой страшный молотъ и побилъ великановъ. По мнѣнію Маннгардта, braukessel означаетъ небесный сводъ, донынѣ-сравниваемый поэтами съ опрокинутой надъ землею исполнискою чашею; въ этой чашѣ боги весеннихъ грозъ завариваютъ вдохновительный напитокъ дождя(= нектаръ, пиво). Но мы знаемъ, что и самыя тучи представлялись сосудами (бочками, котлами), въ которыхъ готовится и хранится небесное пиво, вино или медъ. Поэтому едвали не справедливо — въ котлахъ, обрѣтенныхъ въ жилищѣ Гимира, видѣть поэтическое изображеніе дожденосныхъ тучъ; колоссальные размѣры этихъ послѣднихъ, постоянно-сближаемыхъ съ горами, наводили фантазію на мысль о чрезвычайной громадности тѣхъ сосудовъ, изъ которыхъ пьютъ великаны и боги. На зиму іотуны, похищающіе молотъ

Тора, скрываютъ дождевую влагу въ своихъ темныхъ и крѣпкихъ затворахъ; но въ весеннюю пору Торъ поражаетъ великановъ, отыскиваетъ у нихъ пивной котелъ и счастливо приноситъ его въ собраніе асовъ, т. е. снова возвращаетъ благодатные дожди. Борьба громовника съ гигантскою змѣею и пожирание имъ быковъ суть мнѣстическія представленія грозы, въ пламени которой гибнутъ змѣи-Вритра и облачныя стада<sup>1)</sup>. Въ Норвегіи, когда настаетъ непогода и поднимаются шумные вихри, народъ выражается объ этомъ явленіи: «великанъ ворочаетъ котлы» (*der giese rührt die kessel*<sup>2)</sup>). Мнѣ о похищеніи великаномъ Thiassi богини Идуны, которой было вѣрено охраненіе котла съ дорогимъ медовымъ напиткомъ (*Odhgörrig*), въ сущности заключаетъ въ себѣ тотъ-же самый смыслъ, что и преданіе о пивномъ котлѣ, сокрытомъ у Гинири. Отголосокъ подобныхъ-же представленій слышится въ нашемъ бѣломорскомъ преданіи: въ древнія времена на островахъ Калгуевъ, Жогжянтъ и на Кончаковскомъ наволоктѣ жили три брата-богатыря, по имени — Калга, Жогжа и Кончакъ. Они славились своими волшебными чарами и собирали съ промышленниковъ большую дань. Первые два брата имѣли одинъ общій топоръ, и въ случаѣ надобности перебрасывали его черезъ море, раздѣлявшее ихъ жилища на полныя восемьдесятъ верстъ; тоже дѣлали они и съ котломъ, въ которомъ варили себѣ уху или кашу. За свою жадность и грабительство Калга и Жогжа были наказаны сѣдымъ старцемъ, который явился — невѣдомо откуда, поразилъ ихъ ударомъ батога (= молніи) и затѣмъ исчезъ. Последній братъ Кончакъ былъ великанъ и не боялся никакого оружія. Разъ онъ похитилъ красавицу и увлекъ ее въ свой домъ; эта обошла великана лестью и стала выпытывать: можно ли одо-

<sup>1)</sup> Сакрогъ, 46—51; Die Götterwelt, 217—8; German. Mythen, 103.—

<sup>2)</sup> D. Myth., 602.

лѣтъ его? «Когда я сухъ, отвѣчалъ Кончакъ, то меня не одолѣетъ никакая сила; но когда выйду изъ бани, въ то время уходитъ меня и малый ребенокъ!» Черезъ нѣскольکو дней послѣ этого признанія, когда онъ вышелъ изъ бани—его окружила вооруженная толпа и предала жестокой смерти <sup>1)</sup>, т. е. великанъ-туча ослабѣваетъ (== истощается, рѣдѣетъ) и гибнетъ въ грозовой банѣ, омываясь въ кипучихъ потокахъ дождя. О богатыряхъ существуетъ повѣрье, что они утрачиваютъ много силъ и крѣпости, какъ скоро побываютъ въ банѣ <sup>2)</sup>.

Средство великановъ съ змѣями (драконами) доказываетъ и тѣмъ, что они съ такою-же свирѣпою жадностью готовы пить кровь и пожирать коровъ, овецъ и человеческое мясо, которое еще издали слышать своимъ тонкимъ чутьемъ. Ракшасы (Rākshasas—тѣ, которыхъ надо остерегаться)—исполины съ щетинистыми волосами, открытыми пастью и острыми, выдающимися впередъ зубами, признавались за страшныхъ людоедовъ, и потому имъ давалось названіе *atrin* — поѣдучій: схватывая несчастную жертву, они увлекаютъ ее въ воздушныя пространства, разрѣзываютъ ей брюхо и упиваются кровью, а послѣ этого пиршества предаются пляскамъ, т. е. насытившись дождевою влагою (парами), несутся на крыльяхъ бурныхъ вѣтровъ <sup>3)</sup>. Слово *iðunn* (англос. *eoten*, др.-англ. *etin*, др.-сакс. *etan*, *eten*) означаетъ ѣдуна, пожирателя; а *thurs* (сканд. *þurs*, верх.-нѣм. *turs*, *türse*, *durs*, *dürse*, *dürsch*=der durstige, trunkene) — опивалу <sup>4)</sup>. Это демоны, поѣдающіе облачныя стада и утоляющіе свою жажду живительнымъ напиткомъ дождя; страна, обитаемая ими (*iðunheimr*), омывается небесными источниками и лежитъ по ту сторону

<sup>1)</sup> Эп. Сб., VI, смѣсь, 20—23.—<sup>2)</sup> Н. Р. Сл., VI, стр. 269.—<sup>3)</sup> Die Götterwelt, 56—57.—<sup>4)</sup> «Gifr (великанъ) mag frech, trotzig, gierig bedeuten»—D. Myth., 493.

великихъ водъ(—за воздушнымъ океаномъ). Народныя саги приписываютъ имъ похищеніе коровъ и водяныхъ (дождевыхъ) женъ; заблудившимся путникамъ неразъ приходилось слышать ревъ коровъ, заключенныхъ великанами въ горахъ. Въ сказаніи о Беовульфѣ выведено демоническое существо изъ родъ змѣя или великана—Grendel: ночью появляется онъ въ залу спящихъ героевъ, схватываетъ кого-нибудь, и подобно упырю и волкодлаку (см. гл. XXVI) пьетъ изъ его жмѣ горячую кровь; мать Гренделя называется морскою волчицею — *merevlf, brimvulf* <sup>1)</sup>. Съ тѣмъ-же характеромъ изображаютъ греческія сказанія циклоповъ. Циклопы — одноглазые великаны, обитающіе въ темныхъ пещерахъ, среди высокихъ скалъ, нравомъ свирѣпые, нелюдимые, видомъ подобные горамъ, а голосомъ — грому. Выше (I, 279) было указано, что гроза уподоблялась древними поэтами кузнечной работѣ и что самъ громовникъ и духи-обитатели облачныхъ горъ представлялись кузнецами; этой работою занимаются и великаны. Сидя въ подземельяхъ, подъ нѣбстію Гефеста, циклопы ковали стрѣлы-молніи. Представленіе это, хотя у германо-славянскаго племени и не получило такого широкаго развитія, какъ у народовъ классическихъ, но все-же не чуждо ему совершенно. Обработку металловъ и ковку оружія нѣмецкія и славянскія преданія по преимуществу связываютъ съ карликами; но есть саги, въ которыхъ великаны и черти или сами являются кузнецами, или учатся у другихъ кузнечному ремеслу <sup>2)</sup>. У Гомера находимъ превосходный рассказъ о томъ, какъ Одиссей съ двѣнадцатью товарищами пошелъ къ циклопамъ. Странники зашли въ пещеру Полифема; завидя ихъ, великанъ принялъ, какъ бѣшеный

<sup>1)</sup> German. Mythen, 169—174; D. Myth., 464, 486—9. — <sup>2)</sup> D. Myth., 454, 514; Deutsche Sagen, I, 232; см. также въ I т. настоящаго сочиненія, стр. 295 (великанъ Železomej).

звѣрь, разомъ подхватилъ двоихъ—словно щенятъ, ударилъ ихъ головами о землю, сострапалъ себѣ ужинъ и съѣлъ все дѣчиста: ни костей, ни утробъ не оставилъ. Послѣ погубило еще четверо изъ странниковъ такою-же ужасною смертію. Тогда Одиссей обольстилъ циклопа своими хитрыми рѣчами и опонялъ его виномъ, а на вопросъ о своемъ имени назвался Никто. Какъ только опьяненный великанъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, Одиссей взялъ заостренный колъ, разжегъ остріе на огнѣ, и съ помощію товарищей своихъ воткнулъ его въ глазъ Полифема: глазное яблоко зашипѣло и лопнуло. Страшно заревѣлъ Полифемъ, и на этотъ крикъ сбѣжались другіе циклопы. «Кто, спрашиваютъ они, нанёсъ тебѣ обиду?»—Никто, отвѣчаетъ Полифемъ. «Если никто, такъ зачѣмъ-же кричать!» говорятъ ему циклопы и удаляются прочь. Полифемъ отодвинулъ скалу, которою заграждался входъ въ пещеру, и съѣлъ у отверстія, надѣясь переловить своихъ маленькихъ враговъ въ то время, какъ станутъ они выходить изъ подземелья. У него было большое стадо козъ и овецъ, подобно тому, какъ у Тримы паслись золоторогія коровы; Полифемъ питался ихъ молокомъ и масломъ, и на ночь загонялъ стадо въ пещеру. Догадливый Одиссей опуталъ лыками по три длиннорунныхъ барана вѣстѣ, и каждого изъ своихъ спутниковъ подвязалъ подъ срединный бараномъ; а себѣ выбралъ самаго роскошнаго шерстью самца, ухватился руками за его спину и повисъ подъ волнистымъ брюхомъ. Бараны вынесли ихъ на свободу. Взойдя на корабль, Одиссей ве вытерпѣлъ и началъ громко ругаться надъ великаномъ. Вѣзѣнный Полифемъ отломилъ отъ вершины горы огромный утесъ и со всего размаху кинулъ его въ воду; утесъ упалъ недалеко отъ судна, всколыталъ море и едва не потопилъ корабля <sup>1)</sup>. Слѣды преданія о По-

<sup>1)</sup> Одис., IX..



лифемъ Вильгельмъ Грвмъ указываетъ въ сказкахъ и поэмахъ не только нѣмецкихъ, романскихъ, славянскихъ, но и финскихъ, татарскихъ (тюркскихъ) и арабскихъ, заимствованныхъ изъ древне-персидскихъ источниковъ <sup>1)</sup>. На Руси есть сказка про Лихо одноглазое <sup>2)</sup>: жилъ-былъ кузнецъ. «Что, говорить, я горя нѣкакого не видалъ. Сказываютъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо.» Пешелъ, повстрѣчался съ нѣмъ портной и приставъ въ товарищи. После долгого пути, забрели они ночью въ густой и темной лѣсъ, увидали большую избу и зашли въ неё отдохнуть. Въ избѣ пусто, никого нѣту; но вотъ идетъ высокая, одноокая баба. «А, говорить, у меня гости! будетъ мнѣ что поужинать.» Принесла беремя дровъ, затопила печку, зарѣзала портнаго, изжарила и скушала. Кузнецъ видитъ—дѣло плохо, ничѣмъ не возьмешь, развѣ хитростью. «Бабушка! говорить, я кузнецъ.»—А что ковать умѣешь? «Да все умѣю.»—Скуй мнѣ глазъ. «Хорошо, да есть ли веревки? Надо тебя покрѣче связать, я бы другой глазъ вковалъ.» Великанка принесла веревки; кузнецъ скрутилъ ее крѣпко-накрѣпко, потомъ взялъ шило, разжегъ на огнѣ, наставлялъ бабѣ на глазъ, да камъ хватить обухомъ по шилу... баба рванулась въ веревка тотчасъ лопнула. «А, злодѣй, не уйдешь отъ меня!» закричала сѣтуня и утѣлась на порогѣ избы. На ночь загнала она овецъ въ избу, а по утру стала выпускать ихъ въ поле. Кузнецъ выворотилъ свой тулупъ шерстью вверхъ, надѣлъ и поползъ на четверенькахъ, словно баранъ. Великанка выпускала овецъ по одной: схватить за спину да и выкинетъ. Выкинула за двери

<sup>1)</sup> Abhandlungen berl. akad. наукъ 1857 г.; Тысяча и одна ночь—рассказъ о мореходцѣ Синдбадѣ; Сказ. Грим., 191; Гальтрихъ, 36; Штиръ, стр. 148—150; Zeitschr. für D. Myth., II, 210. Кастрепъ упоминаетъ о подобной-же сказкѣ, слышанной имъ въ русской Корее — Вѣст. Р. Г. О. 1856, V, 29.— <sup>2)</sup> Н. Р. Сл., III, 14.

и своего неузнаннаго врага. Всталъ онъ и пошелъ лѣсомъ; глядь—на деревѣ топорикъ съ золотой ручкою, захотѣлъ себѣ взять, но только дотронулся—рука такъ и пристада къ топору, а тутъ великанка тащится и кричитъ: «не ушелъ, злодѣй!» Кузнецъ вынулъ ножъ, отрѣзалъ прилипшую руку и только этимъ спасся отъ вѣрной смерти. Известны и другіе варианты этой замѣчательной сказки: Лихо представляется великаномъ — «стоитъ великолюдь да сосновою колодою загоняетъ овецъ въ хлѣвъ; ростомъ выше самаго высокаго дуба, во лбу одинъ глазъ.» Интересенъ по своимъ особенностямъ малорусскій вариантъ <sup>1)</sup>: жилъ да былъ человекъ и не зналъ, что за лихо есть на свѣтѣ; слышитъ—людямъ часто его поминаютъ, и рѣшился, но что бы ни стало, свидѣться съ нимъ; сумку на плечи и отправился странствовать. Шелъ шелъ, долго ли, коротко ли—подъ лѣсомъ стоитъ желѣзный зѣмокъ, кругомъ частоколъ изъ человѣчѣихъ костей, а сверху воткнуты черепа. Подходятъ къ зѣмку. «Чего надо?» — Лиха; его ищутъ. «Лихо здѣсь!» Вошелъ въ горницу, а тамъ лежитъ громадный, тучный великанъ—голова на покути, ноги въ печкѣ; ложе подъ нимъ людскія кости. Это — Лихо, а вокругъ него сидятъ Злыдни и Журба. Подало Лихо человѣчью голову и подаетъ гостя; а само Лихо слѣпое. Онъ взялъ голову, да подъ лавку. «Что, скушалъ?» спрашиваетъ великанъ. — Скушалъ. «А гдѣ ты, головка-мотовка?» — Подъ лавкою, отозвалась голова. Жаромъ и холодомъ обдало гостя. «Скушай, голубчикъ! ты самъ вкуснѣй для меня будешь.» Гость подвигалъ голову и спряталъ за пазуху. «Гдѣ ты, головка-мотовка?» — Подлѣ же-лудка. — Значитъ, съѣлъ! подумалъ великанъ: «ну, теперь

---

<sup>1)</sup> О. З. 1840, II (Преданія, записанныя Боровиковскимъ), 49; Lud Ukrain., II, 29-31.

твоя очередь!» Гость бѣжать... заскрипѣли желѣзные затворы, Лихо узнало побѣгъ и крикнуло: «двери! держите, уйдеть.» Но странникъ былъ уже за порогомъ; только правую руку не уберегъ — дверью отшибло. «Оце дыхо!» воскликнулъ онъ отъ страшной боли, и вернулся домой калѣкою. Какъ въ великорусской сказкѣ руна прилипаетъ къ топору, такъ въ сербской <sup>1)</sup> — пристаётъ она къ великановой палкѣ: когда герою посчастливилось выбраться на свободу, онъ началъ громко хвастаться своею удачею. Дивъ-ан (одноглазый великанъ — дивъ) протянулъ ему палку и сказалъ: «если ты сумѣлъ уйдти, такъ возьми этотъ посохъ и гони къ себѣ мое стадо; безъ того ни одно животное не пойдетъ за тобою.» Только что молодецъ хотѣлъ взяться за палку, какъ одинъ изъ его пальцевъ крѣпко прилипъ къ ней; видя бѣду неминуемую, онъ тотчасъ-же отрѣзалъ свой прилипшій палецъ и побѣжалъ, ругаясь надъ врагомъ и гоня передъ собою все его стадо. Слепой великанъ бросился за нимъ въ погоню; а тотъ завелъ его къ великой водѣ, и зайдя за спину столкнулъ въ глубину: великанъ упалъ и потонулъ. Точно также погибаетъ онъ въ водѣ — и по свидѣтельству нѣмецкой редакціи. Сказки эти нельзя считать передѣлкою Гомерова разсказа; басня, на которой онѣ основаны, такъ широко распространена у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, что едва ли можно признать ее за созданіе исключительно-эллинической фантазіи. Въ нѣмецкой и славянскихъ редакціяхъ мы встрѣчаемъ любопытныя черты, о которыхъ нѣтъ и помину у Гомера, но которыя тѣмъ не менѣе принадлежатъ глубочайшей древности; ибо черты эти вполне согласуются съ обще-арійскими преданіями и помогаютъ намъ разгадать мифъ о Полифемѣ. Молнія рисовалась воображенію древняго чело-

<sup>1)</sup> Срн. припов., 38.

вѣка въ двухъ различныхъ поэтическихъ картинахъ: она то разбиваетъ тучъ огненною стрѣлою, то сама пожирается ими (=погибаетъ въ ихъ темныхъ нѣдрахъ). Сказочный герой, попадающій къ прожорливому великану, есть существо, родственное эльфахъ, и потому въ русской сказкѣ онъ называется кузнецомъ. Соответственно олицетворенію тучъ—великаномъ, а молніи — малюткою, карликомъ (см. ниже), онъ представляется не сильномогучимъ богатыремъ, призваннымъ избивать исполнское племя, а слабымъ странникомъ, который побораетъ своего страшнаго противника единственно лукавствомъ и хитрою изворотливостію; заѣтъмъ, что изворотливость и лукавство составляютъ характеристическія свойства бога-громовника и грозovýchъ карликовъ. Такъ какъ въ сравненіи съ великанами обыкновенные люди были не болѣе, какъ пигмеи; то во многихъ народныхъ сказаніяхъ они и заступаютъ мѣсто послѣднихъ. Герой топить великана въ глубинѣ водъ, т. е. заставляетъ его погибнуть въ разливѣ дождевыхъ источниковъ; но при этомъ и самъ лишается руки или пальца — подробность, указывающая на летучую молнію; ибо въ числѣ другихъ уподобленій она приравнивалась и рукѣ, и пальцу. Паденіе молніи обозначалось на поэтическомъ языкѣ потерей этихъ членовъ, какъ-бы отшибленныхъ у Перуна ударомъ враждебнаго демона; въ тѣхъ описаніяхъ грозы, гдѣ богъ-громовникъ является въ образѣ птицы, онъ теряетъ перо или коготь (см. выше, стр. 386). По одному варианту разбираемой нами сказки руку отшибаетъ желѣзная дверь, быстро и съ шумомъ захлопываясь въ жилищѣ великана, подобно тому, какъ при всякой попыткѣ унести золото изъ великанскихъ пещеръ двери отшибаютъ похитителю пятку и дѣлаютъ его хромоногимъ (см. стр. 686).

Шествуя въ тучахъ, облакаясь въ ихъ туманные покровы, богъ-громовникъ самъ принимаетъ исполнскіе размѣры и на-

дѣлается такою-же дикою прожорливостью и чрезмѣрною жадностью къ напиткамъ, какъ и всѣ великаны. Мы уже видѣли, что Торъ съѣлъ у Трима быка и восемь большихъ рыбъ и выпилъ три бочки меду, а въ гостяхъ у Гимира сожралъ двухъ быковъ; по свидѣтельству одной изъ старинныхъ сагъ, нѣкогда онъ выпилъ полъ-океана. Сидя въ валгаллѣ, Торъ опорожняетъ такія великія чаши, какихъ никто не въ состояніи выпить. Во время грозы, Индра раскалываетъ скалу-облако, и укрѣпляясь къ битвамъ, поглощаетъ божественный напитокъ въ такомъ изобиліи, что брюхо его вздымается подобно горѣ и сравнивается съ моремъ <sup>1)</sup>; онъ заравъ осушаетъ тридцать рѣкъ. Туча, бочка (сосудъ) и брюхо обозначаются въ санскритѣ одинаковыми названіями <sup>2)</sup>. Отсюда, съ одной стороны, объясняется тотъ демоническій тинъ громовника, съ какими выступаетъ онъ въ нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ, какъ существо, скорѣе родственное, чѣмъ враждебное великанамъ и чорту (см. гл. XXII); отсюда-же, съ другой стороны, объясняется и самое различіе въ характерѣ великановъ. Какъ представители грозовыхъ тучъ, они являются то злобными супостатами Перуна, то напротивъ его спутниками и помощниками въ творческомъ дѣлѣ установленія весны, съ ея дождевыми ливнями и плодородіемъ <sup>3)</sup>. Остановимся на сказкѣ о «летучемъ кораблѣ» <sup>4)</sup>. Герой отправляется добывать несказанную красавицу; странствованіе въ ея далекое царство онъ совершаетъ на летучемъ кораблѣ (=тучѣ), а чтобы получить невѣсту — долженъ, слѣдуя эпическому приему, отва-

---

<sup>1)</sup> Orient und Occid., I, 41. — <sup>2)</sup> Ч. О. И. и Д. 1865. IV, 252: kabhanda, kôṣa, kôṣha. Намеція преданія изображаютъ дракона огромнымъ котломъ, садясь въ который можно летать по воздуху — Beiträge zur D. Myth., II, 340. — <sup>3)</sup> Въ тронцкой обработкой пѣсня поется: Туча съ громомъ сговаривались: Пойдемъ, громъ, погуляемъ съ тобою! — Терещ., VI, 164. — <sup>4)</sup> Н. Р. Сл., VI, 37.

житься ва нѣсколько трудныхъ подвиговъ, въ исполненіи которыхъ ему помогаютъ могучіе товарищи. Товарищи эти, встречаемые и въ другихъ сказкахъ <sup>1)</sup>, принадлежать къ одной породѣ съ великанами, и извѣстны подъ слѣдующими именами: а) Обѣдало, который разомъ пожираетъ двѣнадцать быковъ, хлѣбъ кидаетъ въ ротъ полными возами, и все причитъ: мало! б) Опивало, которому цѣлое озеро на одинъ глотокъ станетъ; опорожнить сорокъ огромныхъ бочекъ вина — для него сухая бездѣлица! в) Скроходъ — на одной ногѣ идетъ, а другая къ уху подвизана; если же захочетъ воспользоваться обѣими ногами, то за одинъ шагъ весь свѣтъ перешагветъ. г) Стрѣлокъ, который на тысячу верстъ такъ мѣтко попадаетъ въ цѣль, что ему ни по чемъ попасть въ глазъ мухи <sup>2)</sup>. е) Чуткой — слухъ его такъ тонокъ, что онъ слышитъ, какъ трава растетъ; прилегая ухомъ къ землѣ, онъ узнаетъ, что на томъ свѣтѣ дѣлается. ж) Морозъ-Трескунъ или Студенецъ — онъ входитъ въ чугунную, докрасна накалённую баню, въ одномъ углу дунулъ, въ другомъ плюнулъ, глядь — ужъ вездѣ иней да сосульки висятъ! з) Наконецъ старикъ съ вязанкою дровъ, которая стоитъ только разбросать, какъ вмигъ явится несмѣтное воинство. Царь, отецъ красавицы, требуетъ отъ добраго мѣлодца, чтобы онъ заявилъ свое богатырство. И вотъ, по приказу царя, выставлены для него горы печёныхъ хлѣбовъ, двѣнадцать жареныхъ быковъ и сорокъ бочекъ вина; надо все съѣсть и выпить. Въ этомъ дѣлѣ помогаютъ ему Обѣдало да Опивало. Потомъ приказываетъ царь мѣлодцу, чтобы онъ въ короткое время, пока будетъ обѣдъ продолжаться, добылъ и принесъ живой воды. Вмѣсто него, бѣжитъ за водою скроходъ; но на

<sup>1)</sup> Ibid., V, 23, а; VII, 3; VIII, 9; Lud Ukrain., I, 270-7; Westsl. March., 61-63; Вольфъ, 307-311; Ганъ, 63; Сказ. Грим., I, стр. 405-7. — <sup>2)</sup> Худяк., I, стр. 119; Сказ. Грим., I, 433.

обратномъ пути засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Чуткой услышалъ его храпъ и сказалъ стрѣлку; стрѣлокъ разбудилъ соню своимъ выстрѣломъ, и живая вода была доставлена во время. Морозъ — Трескунъ спасаетъ молодца отъ раскалённой чугунной бани, а старикъ съ вязанкою дровъ выставляетъ столько войска, что царь покоряется и уступаетъ жениху свою прекрасную дочь. Варіантъ, записанный г. Худяковымъ <sup>1)</sup>, отличается нѣкоторыми любопытными особенностями; здѣсь выведены еще два богатыря: Дубыня, исторгающій крѣпкіе вѣковые дубы съ корнями, и другой, съ такою силою дующій изъ своихъ ноздрей, что за тысячу верстъ вертитъ крылья мельницъ, гонитъ по морю корабли, опрокидываетъ и уноситъ на воздухъ царскія войска. Является въ нѣкое царство добрый молодецъ Ивашка и слышитъ — по всему народу объявлено, что царевна выйдетъ за того замужъ, кто ее перегонитъ и прежде ея принесетъ изъ колодца воду; а кто возьмется за это дѣло, да не перегонитъ — съ того голова долой. Сама же царевна куда шибко бѣгала! Ивашка выставилъ за себя скорохода: понесся скороходъ быстрѣе стрѣлы, добѣжалъ до колодца, почерпнулъ въ кружку — и назадъ; на половинѣ дороги поставилъ кружку наземъ и утомлённый лёгъ спать. А царевна еще далеко до колодца не добѣжала; увидала спящаго соперника, взяла его полную кружку, а свою пустую оставила на мѣстѣ, и повернула домой. Пробужденный стрѣлою, скороходъ успѣлъ сбѣгать къ колодцу и воротился съ водою раньше царевны. Не захотѣлось царю выдавать дочери за Ивашку, вздумалъ откупаться деньгами. Ивашка потребовалъ столько золота, сколько одинъ человекъ поднять можетъ, и велѣлъ собирать со всего царства холсты и шить огромный мѣшокъ. Сшили мѣшокъ, наполнили золо-

<sup>1)</sup> Худяк., 33.

томъ; думаютъ — никто не подыметъ, а Дубыня взялъ и спокойно понёсъ. Жалко стало царю золота, послалъ за богатырями въ погоню большое войнство. Ивашко съ товарищами уже плыли въ ладьяхъ по морю; видя то, и царское войско посажалось на корабли и пустилось за ними. Тогда тотъ изъ богатырей, что былъ мастеръ дуть, поднялъ сильные вѣтры: изъ одной поздри направилъ онъ вихрь противъ царскихъ кораблей, а изъ другой подулъ на свои собственные паруса; корабли назадъ отбросило, а ладьи живо къ другому берегу прибило. Точно такая-же сказка существуетъ у сербовъ: «Дјевојка бржа од коња» <sup>1)</sup>. Красота этой дѣвицы описана такъ: «била је некака ђевојка, која није рођена од оца и мајке, него је начиниле виле од снѣјега извађена из јање бездање према сунцу Илијинскоме, вјетар је оживио, роса је подојила, а гора лишћем обукла и ливада цвијоћем накрила и наресила. Она је била бјела од снѣјега, руменѣја од ружице, сјајнија од сунца» <sup>2)</sup>. Чудная дѣва объявила по всему свѣту: кто, сидя на конѣ, перегонитъ ее, за того она пойдетъ замужъ; но такой подвигъ былъ весьма труденъ, потому что на бѣгу она выпускала «некака мала крила испод-пазуха», и съ помощію своихъ крыльевъ неслась быстрѣе всякаго коня <sup>3)</sup>. Въ итальянской редакціи <sup>4)</sup> означенное преданіе выразилось въ такой формѣ: Масціоне отправляется закупать товары, на пути встрѣчаетъ разныхъ богатырей и беретъ ихъ съ собою. — Я, говоритъ о себѣ одинъ изъ богатырей, называюсь Молнія изъ Стрѣлограда и могу бѣгать также быстро, какъ вѣтеръ. — Меня, говоритъ другой,

<sup>1)</sup> Срп. припов., 24. — <sup>2)</sup> Переводъ: Была одна дѣвица, рожденная отъ отца и матери; вилы создали ее изъ снѣга, занатаго изъ глубокой ямы на Ильинъ день, вѣтеръ ее оживилъ, роса воздояла, дѣсь одѣлъ листьими, а луга убрали и украсили цвѣтами. Она была бѣлѣе снѣга, румянѣе розы, свѣтлѣе солнца. — <sup>3)</sup> См. также сб. Валинда, 214—6; Эрбенъ, 35—36; Грим., 71. — <sup>4)</sup> Pentamerone, I, 28.



называютъ Заячье Ухо изъ города любопытныхъ: если я прилягу ухомъ къ землѣ, то узнаю все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. — Мое имя, замѣчаетъ третій, Хорошестрѣлый изъ мѣстечка Прямо-въ-цѣль. — А меня, представляетъ четвертый, зовутъ Дуи-богатырь (Blasius) изъ Вятрограда; своимъ ртомъ я могу производить всякіе вѣтры: захочу — и повѣтъ тихій зефиръ, вздумаю — и зашумитъ свирѣпый бореи! — и въ подтвержденіе своихъ словъ онъ началъ дуть такъ сильно, что поднялась буря и низвергла цѣлые ряды вѣковыхъ дубовъ. — Мое имя, говоритъ наконецъ пятый, Крѣпкая Спина, родомъ изъ Твердой Скалы; я могу поднять на плеча громадную гору, и она покажется мнѣ не тяжеле пера: очевидно, что онъ соответствуетъ нашему Горышѣ. Спутники прибыли въ нѣкое государство, гдѣ царствовалъ король, а у него была дочь, которая бѣгала съ быстротой и легкостью вѣтра: когда она неслась по нивамъ — подъ ея стопами даже негнулись колосы! Король обѣщалъ выдать свою дочь за того, кто превзойдетъ ее въ бѣгѣ. Богатырь Молнія опередилъ ее; но король назначилъ перебѣжку, а королевна подарила своему сопернику перстень съ волшебнымъ камнемъ: тотъ, кто надѣвалъ этотъ перстень на палецъ, ни за что не могъ тронуться съ мѣста (кольцо — звѣно цѣпи, символъ оковъ, опутывающихъ быстрого соперника). Заячье Ухо прислушался и узналъ про коварный умыселъ; стрѣлокъ пустилъ съ тугаго лука стрѣлу и сбилъ съ кольца волшебный камень; королевна была побѣждена, король предложилъ за дочь выкупъ, и Крѣпкая Спина забралъ у него все серебро и золото. — Всѣ эти сказочные богатыри суть олицетворенія могучихъ силъ природы: Оливало — особое прозваніе великана, какъ жаднаго высасывателя дождевыхъ тучъ; поглотивъ въ себя цѣлое море, онъ низвергаетъ потѣмъ воду изъ своей пасти и шумными потоками затопляетъ всѣ окрест-

выи поля и луга. Это тотъ-же сказочный змѣй (smok—со-сунъ), который до какой рѣки ни принадлежитъ — ту и выпьетъ словно лужицу, который начинаетъ напоследокъ тинуть самое море и до того опивается, что тутъ-же лопается <sup>1)</sup>: живое поэтическое изображеніе переполнившейся дождемъ тучи (на метафорическомъ языкѣ моря), которую сосетъ змѣй-молнія и которая изливается на землю при оглушительныхъ раскатахъ грома и затѣмъ пропадаетъ. По свидѣтельству Эдды, богъ Одинъ выпилъ медъ Квасира (нектаръ), сокрытый въ горѣ, пробравшись туда въ просверленную дыру въ образѣ змѣя. Отголосокъ этого любопытнаго преданія слышится въ норвежской сказкѣ <sup>2)</sup> о великанѣ, преслѣдующемъ добраго молодца: видитъ великанъ, что путь ему прегражденъ высокою горою и широкимъ моремъ, и призываетъ двухъ помощниковъ. Это были Bergbohrer (сверлитель горъ) и Meersauger (высасыватель моря); первый просверлялъ насквозь гору, а послѣдній вытянулъ въ это отверстіе пространное и глубокое море въ три добрыхъ глотка, т. е. переводилъ на прозаическій языкъ: молнія буравитъ тучу и изводитъ изъ нея обильные воды дождя <sup>3)</sup>. Согласно съ этими данными, русское преданіе даетъ сильномогучему богатырю, рожденному изъ обрубка дерева, (т. е. молніи, см. выше, стр. 480) знаменательное имя Соски-богатыря <sup>4)</sup>. Сказки описываютъ Опиваѣ неумѣренное поглощеніе вина, и это имѣетъ мнѣнческое значеніе; ибо, въ числѣ другихъ метафорическихъ уподобленій дождя, одно изъ самыхъ обыкновенныхъ у арійскихъ племенъ было уподобленіе его опьяняющимъ напиткамъ. Лицо Объядалы создано народной фантазіей въ соот-

<sup>1)</sup> Lud Ukrain., I, 268—9. — <sup>2)</sup> II, 16. — <sup>3)</sup> Сравни въ D. Myth., 509: Gargantua стоятъ ногами на двухъ высокихъ горахъ, и согнувшись, пьетъ изъ рѣки, что бѣжитъ промежъ этихъ горъ. — <sup>4)</sup> Н. Р. См., VIII, 6, b.

вѣтствие Опиивалѣ: какъ тотъ много пьетъ, такъ этотъ много помираетъ. Идея, выраженная имъ, также самая: онъ помираетъ быковъ, въ образѣ которыхъ доисторическая старина олицетворяла громоносныя тучи. Очевидно, что нашъ Опиивало тождественъ скандинавскому турсу, а товарищъ его Обьвадало — скандинавскому ютуну. Последний подвигъ Ильи Муромца состоялъ въ убіеніи нечестиваго Идолища, который ѣлъ заразъ по цѣлому быку жареному, со всеми косточками, и пилъ по котлу меда или пива, а котелъ такъ былъ великъ, что его съ трудомъ подымали двадцать чело-вѣкъ, или — какъ онъ самъ о себѣ выразился въ одномъ вариантѣ, насмѣхался надъ Ильей Муромцемъ:

Еще что-же онъ за богатырь такой!

Я къ выти по три печи хлѣба ѣлъ,

По сороковкѣ къ выти пива пью.

Въ этомъ представленіи мы узнаемъ существо демоническое, родственное великанамъ, какии изображаютъ его народныя сказки и былины: Идолище нечестивый — ростомъ двухъ сажень, или: голова у него съ пивной котелъ, а въ плечахъ сажень, промежъ бровями пядь, промежъ ушей калена стрѣла; ѣздилъ онъ подъ облаками на крылатомъ конѣ, шибалъ свою палицу стопудовую и самъ ее подхватывалъ (конь — вихрь, палица — молнія <sup>1)</sup>). Морозъ-Трескунъ уже самымъ названіемъ указываетъ на свое значеніе; его дуновеніе производитъ стужу, а иней и сосульки представляются его слюнами. Въ одномъ изъ великорусскихъ вариантовъ <sup>2)</sup> богатырь этотъ является съ подвязанными волосами, и только распуская свои волосы — онъ производитъ сильный холодъ; волосы — древнѣйшая метафора темныхъ тучъ (см. ниже). Богатырь, дующій ртомъ и ноздрями и напоминающій своимъ

<sup>1)</sup> Сказочные богатыри съѣдаютъ по цѣлому быку и выпиваютъ вина, браги или меда по полной бочкѣ—Чудинск., стр. 40.— <sup>2)</sup> Худяк., I, 119.

бурнымъ дуновеніемъ свистъ Соловья-разбойника, есть олицетвореніе вихря; о Дубынѣ будетъ сказано дальше. Въ остальные богатыри олицетворяютъ сверкающую молнію; объясненіе различныхъ названій, приданныхъ имъ, надо искать въ старинныхъ метафорическихъ сближеніяхъ молніи съ другими предметами. Скороходъ выражаетъ ее неуловимую быстроту; въ итальянской редакціи онъ прямо названъ Молніей. Стрѣлокъ и старикъ съ вязанкою дровъ указываютъ на связь молніи съ стрѣлами и вообще оружіемъ; сокрушительная сила грозы послужила основаніемъ, опираясь на которое — фантазія надѣлила божество грома лукомъ, мѣткими стрѣлами и несокрушимою палицею; пуская стрѣлы и бросая палицу, Перунъ истребляетъ своихъ враговъ. Это метаніе палицы (палки, дубинки) выражено въ сказкѣ разбрасываньемъ вязанки дровъ, вслѣдъ за которыми появляются несчетныя войска, поражающія непріятелей (сравни т. I, 275—6 о ратникахъ, порождаемыхъ ударомъ молніеноснаго молота) Несказанная красавица, созданная (по свидѣтельству сербской приповѣдки) изъ тающихъ на солнцѣ снѣговъ, оживленная вѣтрами и вскормленная росой, (= Снѣгурка) есть прекрасная облачная или водяная дѣва — воплощеніе дождевой влаги, несущейся въ легкомъ, ярко-озаренномъ солнечными лучами облакѣ на быстрыхъ крыльяхъ вѣтра. Въ бурной грозѣ древніе поэты созерцали бога-громовника, который преслѣдуетъ убѣгающую нимфу, и догнавши вступаетъ съ нею въ плодотворный бракъ. Эта мысль и выражена въ приведенныхъ сказкахъ: добрый молодецъ, съ помощію своихъ могучихъ товарищей, или прямо самъ Перунъ пожираетъ небесныхъ быковъ и выпиваетъ божественный напитокъ, купается въ огненной банѣ грозы, обгоняетъ легкокрылую красавицу-невѣсту, разбиваетъ демоническія рати и добываетъ живую воду и множество золота, т. е. разбивая тучи, проливаетъ дождь и выводитъ изъ-за

нихъ ясное солнце. Иногда, вмѣсто облачной нимфы, сказки представляютъ нѣмѣстоу дѣву-Солнце, такъ какъ и съ этимъ свѣтломъ, купающимся въ весеннихъ дождевыхъ потокахъ, младенческая поэзія соединяли ту же идею царственной супруги бога-громовника. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны редакціи нѣмецкая и чешская. Содержаніе нѣмецкой сказки <sup>1)</sup> таково: царевичъ отправляется сватать прекрасную королеву, мать которой была волшебница. На дорогѣ ему попадаются великаны: а) Толстякъ (*der Dicke*): не смотря на то, что его брюхо равнялось горѣ, онъ могъ расширяться по произволу и дѣлаться еще толще — хотъ въ три тысячи разъ; б) Длинной (*der Lange*), который могъ вытягиваться вверхъ по своему желанію, и когда хотѣлъ — превосходилъ ростомъ самыя высокія горы; с) Чуткой на ухо (*der Horcher*), и d) двое съ необычайно-острымъ зрѣніемъ (*die Scharfäugigen*): одинъ изъ нихъ обладалъ такою длинною шею, что могъ глядѣть черезъ горы, и такими зоркими очами, что могъ видѣть до вѣчныхъ предѣловъ свѣта; а другой вынужденъ былъ носить на глазахъ повязку, ибо взгляды его были такъ остры, что отъ нихъ распадалось все въдребезги. Первая задача, которую возложила на жениха королева-волшебница, была: достать брошенное въ море кольцо. Толстякъ припалъ къ морю устами и потянулъ въ себя воду; волны покатались на его брюхо, словно въ пропасть, и въ короткое время онъ вытянулъ все море; на открытомъ днѣ товарищъ его съ зоркими очами усмотрѣлъ кольцо, а Длинной досталъ и принёсъ это кольцо царевичу. Вторая задача состояла въ повелѣніи съѣсть траста жирныхъ, откормленныхъ быковъ съ костями, кожей и рогами — такъ, чтобы не оставался несъѣденнымъ ни единый волосокъ, и осушить до капли триста бочекъ вина. Царевичъ испросилъ позволеніе раздѣлить эту трапезу съ од-

<sup>1)</sup> Сказ. Грим., 134.

нимъ изъ своихъ товарищей и пригласилъ Толстяка, который все пожралъ и все выпилъ. Задавая царевичу третью задачу, волшебница сказала: «сегодня вечеромъ я приведу въ твою комнату мою дочь; ты долженъ держать ее въ своихъ объятіяхъ; но берегись, чтобы не заснуть! Ровно въ двѣнадцать часовъ явлюсь я, и если ея не будетъ въ твоихъ рукахъ—ты погибъ!» Вечеромъ царевичъ принялъ королевну въ свои объятія; вокругъ нихъ обвился Длинной, а Толстякъ заставилъ собою дверь такъ плотно, что ни одна живая душа не могла пролѣзть въ комнату. Время шло, а красавица не промолвила ни слова. Въ одиннадцать часовъ королева насладила на царевича и его помощниковъ крѣпкой сонъ, и въ это мгновеніе невѣста была похищена. Когда было уже безъ четверти двѣнадцать, очарованіе потеряло силу, царевичъ проснулся и воскликнулъ: «увы, теперь я погибъ!» — Тише! возразилъ Чуткой, дай-ка я прислушаюсь. Онъ прислушался и сказалъ: «королева сидитъ въ скалѣ, на триста часовъ разстоянія отсюда, и клянеть свою судьбу. Но Длинной можетъ поправить дѣло; пара шаговъ — и онъ будетъ тамъ.» — Да, отбѣчалъ Длинной, только пусть со мною идетъ товарищъ съ связанными глазами, чтобы разрушить скалу. Быстро очутились они передъ заколдованною скалою, и когда Осторожной снялъ повязку съ своихъ очей и взглянулъ, то скала въ тотъ-же мигъ разлетѣлась на тысячи кусковъ. Длинной взялъ королевну на руки и принёсъ къ жениху. Задачи были исполнены, царевичъ поѣхалъ вѣнчаться съ своею красавицей: но королева послала за ними войско и велѣла силой отнять свою дочь. Тогда Толстякъ выплюнулъ часть морской воды, выпитой имъ прежде, и тотчасъ стало большое озеро и потопило погоню. Королева отправила новое войско, но и это погибло отъ сокрушительныхъ очей другаго товарища. Подобная-же сказка есть у чеховъ: «Дю-

hý, Široký a Bystrozraký: <sup>1)</sup> Царевичъ ѣдетъ добывать красавицу-невѣсту, заключенную злымъ чародѣемъ въ желѣзномъ замкѣ. Ему помогаютъ: а) Длинной, который можетъ вытянуться такъ высоко, что головой своей достанетъ облака; при такомъ ростѣ ему ничего не значить пространства: стоитъ сдѣлать шагъ или два — и онъ очутится далеко-далеко! б) Широкой (Толстякъ), брюхо котораго можетъ расширяться до такой степени, что сравняется съ любой горю; онъ свободно поглощаетъ въ себя непріятельскія войска и потомъ ихъ выхаркиваетъ. в) Быстрозоркой (у словаковъ Žagoorky). отъ взглядовъ котораго воспламеняется огонь все, что только можетъ горѣть, вода въ источникахъ начинаетъ кипѣть, а крѣпчайшія скалы трескаются и рассыпаются въ песокъ — подобно тому, какъ отъ сверкающихъ взоровъ іотуна сокрушились столбы въ его палатахъ. Царевичъ и его спутники являютъ къ чародѣю; это былъ старикъ съ сѣдой бородой по колѣна, въ длинной черной одеждѣ; вмѣсто пояса, его обхватывали три желѣзныхъ обруча. «Если ты, сказалъ онъ царевичу, съумѣешь уберечь красавицу въ продолженіи трехъ ночей — она будетъ твоя; въ противномъ же случаѣ ты самъ и твои товарищи будете превращены въ камень — точно также, какъ превращены всѣ тѣ, которые являлись прежде тебя.» Наступила ночь, и царевичъ сѣлъ у огня блѣдной и печальной красавицы; она не смѣялась и не говорила ни слова, точно была изъ мрамора. Царевичъ рѣшился не спать цѣлую ночь; для большей безопасности Длинной вытянулся, подобно ремню, и обвился вокругъ всей комнаты по стѣнамъ; Широкой заложилъ собою двери, а Быстрозоркой сталъ за столбомъ на стражу. Но это нисколько не помогло: всѣ они заснули крѣп-

<sup>1)</sup> Эрбенъ, 7-14; Westsl. Märch., 130-140: см. Slov. pohad., 605—618.

нимъ сномъ, а пробудясь не нашли красавицы. «За это мнѣ отсюда есть дѣсь. среди дѣса старой дубъ, на дубѣ жолудъ, и этотъ жолудъ — она!» сказалъ богатырь съ зоркими очами. Благодаря своимъ товарищамъ, царевичъ возвращается ее назадъ. На вторую ночь дѣвица очутилась за двѣсти миль: тамъ была гора. на горѣ скала, въ скалѣ драгоцѣнный камень, и этотъ камень — сама невѣста; а на третью ночь — за триста миль: на двѣ чернаго моря лежала раковина, въ раковинѣ кольцо, и это кольцо — красная дѣвица! Царевичъ находитъ ее и въ скалѣ, и на двѣ моря, и каждое утро, какъ только увидитъ чародѣй красавицу въ комнатѣ жениха, съ его тѣла спадаетъ по одному желѣзному обручу, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживляются по-немногу и окаменѣнные имъ герои съ ихъ конями и слугами. Когда лопнулъ послѣдній обручъ — чародѣй превратился въ ворона и улетѣлъ въ разбитое окно; красавица зарумянилась, какъ роза, и стала благодарить царевича за свое избавленіе; въ замкѣ и въ окрестностяхъ все пришло въ движеніе: окаменѣнные ожили, деревья зазелѣли, поля зацвѣли цвѣтами, воздухъ огласился пѣснями жаворонковъ и въ рѣкѣ появились стаи маленькихъ рыбокъ. Всюду жизнь, всюду радость! — Смыслъ преданія, заключеннаго въ этихъ двухъ превосходныхъ сказкахъ, весьма знаменателенъ. Богатыри, дѣйствующіе въ нихъ — тѣ же самые, съ какими мы познакомились выше. Толстякъ или Широкой соответствуетъ нашему Оливальтѣ; онъ и Длинной въ живыхъ поэтическихъ образахъ выражаютъ то естественное явленіе, что надвигающаяся на небо туча быстро расширяется во всѣ стороны и обнимаетъ собою весь горизонтъ. Брюхо Толстяка, вмѣщающее въ себѣ цѣлое море, напоминаетъ намъ свидѣтельство гимновъ Ригъ-Веды, гдѣ Индра представляется жадно-поглощающимъ божественный нектаръ (сому = дождь) въ свою некачривую утробу. Бы-



строзеркой—это богатырь-грозовникъ, мечущій изъ глазъ своихъ молніи, которыя разбиваютъ скалы-тучи (см. I, 170—2). Какъ Опивало и Толстякъ нѣтъ своихъ двойниковъ въ Обьѣдалѣ и Длинномъ, такъ на ряду съ богатыремъ всевидящимъ народная фантазія создала еще другаго — всеслышащаго (Чуткаго); а нѣмецкая сказка представленіе о богатырѣ съ зоркимъ зрѣніемъ раздѣлила на два отдѣльных лица: одному приписала способность все видѣть, а другому — помогать очами. Что въ числѣ другихъ качествъ владыкамъ грозъ, какъ стражамъ, охраняющимъ божественное жилище отъ нападеній демоновъ, приписывался и тонкій слухъ, который не проронитъ ни единого звука, это свидѣтельствуется тѣмъ, что подобной чуткостью уха обладали скандинавскій Heimdallr, оберегавшій царство свѣтлыхъ асовъ, и герой Калевалы Лемминкейненъ, братъ властителя бурь Вейнемейнена и мѣсеческаго кузнеца Ильмаринена <sup>1)</sup>. Красавица-Солнце попадаетъ во власть стараго чародѣя (Зимы) и повергается въ тоже очарованное состояніе, какъ и прекрасная царевна спящаго или окаменѣннаго царства: помраченная туманами, она блѣдна и молчалива, на устахъ ея не видать улыбки, на щекахъ румянца; изъ этого представленія возникли, какъ мы знаемъ, сказки о Несмѣяніи-царевнѣ (I, 601—2). Видѣть съ тѣмъ и вся природа — деревья, поля и воды лишены жизни и движенія. Красавица сидитъ въ желѣзномъ замкѣ, т. е. закрыта холодными зимними облаками; чародѣй, который ее держитъ въ этомъ заключеніи, играетъ ту же роль, какую въ другихъ сказкахъ исполняютъ лютый змій и Кощей безсмертной (= демоны зимы и мрачныхъ тучъ), а три желѣзныхъ обруча на его тѣлѣ есть эмблема зимняго холода, замыкающаго дождевыя хляби въ облакахъ и тучахъ (I, 583-7). Осно-

<sup>1)</sup> Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 183.

божденіе красавицы дѣлается возможнымъ только тогда, когда наступаетъ весна и является добрый молодецъ Перунъ съ своими могучими спутниками, принимаетъ ее въ свои объятія, т. е. объемлетъ грозовыми облаками, и когда подъ вліяніемъ весенней теплоты лопаются желѣзные обручи, наложенные на дождевыя хранилища; онъ находитъ заклѣтую красавицу въ морѣ — золотымъ кольцомъ, въ дубовомъ лѣсу — жолудемъ и въ скалахъ — драгоценнымъ камнемъ: море, дубъ и скала — метафоры тучъ, затемняющихъ небо; а золотое кольцо, драгоценный камень и жолудь — метафоры солнца. Жолудь, лат. *glans* (родит. *glandis*) — слова одного корня, первоначальное значеніе которыхъ указываетъ на желтый (= сіяющій, огненный) цвѣтъ; сравни нѣм. *gelb*. Звукъ *г* смягчается въ славянскомъ языкѣ въ *ж*. На этомъ лингвистическомъ основаніи блескъ солнечныхъ лучей названъ былъ метафорически желчью (I, 217), а въ настоящемъ случаѣ — жолудемъ. Чародѣй, когда спали съ него желѣзные обручи, оборачивается ворономъ и улетаетъ въ разбитое окно, т. е. въ переводѣ этихъ поэтическихъ выраженій на простой языкъ: снѣжныя тучи превращаются весной въ дождевыя потоки (воронъ — птица, приносящая живую воду = дождь); потоки эти стремительно изливаются подъ ударами молній, какъ-бы пробивающихъ въ небесномъ сводѣ отверстіе, и вслѣдъ за тѣмъ земля одѣвается зеленью и цвѣтами, въ лѣсахъ и поляхъ начинаютъ пѣть птицы, въ водахъ плещутся рыбы, мифическая красавица улыбается, на лицѣ ея показывается румянецъ, а въ очахъ веселье, — говоря словами сказки: всюду жизнь, всюду радость! Выводы наши подтверждаются словацкою сказкою «o trech zakletých knížatech» <sup>1)</sup>: Радовидъ идетъ освобождать прекрасную царевну, унесенную

<sup>1)</sup> Slov. pohad., 545—9.

чародѣмъ въ свои нещеры; съ величайшими усиліями добываетъ онъ золотой ключъ (тоже, что *springwurtzel*—молиня), подходитъ къ скалѣ и только дотронулся до нея ключемъ — какъ она тотчасъ-же растворилась. «*Radovid vešel do izby ze samého ladu vykresané* (вытесанной изъ льду); *zim a šibala se stěm, až páčila, a noby div že mu nepřimrzly*. Онъ шелъ дальше, и въ тринадцатой комнатѣ обрѣлъ красавицу: «*čago-d'ajnik strašné podoby ležel tuhým snem zkovan na loži, podle něho na zemi v železné rakvi* (какъ, гробницѣ; сравни съ хрустальнымъ гробомъ, въ которомъ спитъ на высокой горѣ, или въ богатырскомъ замкѣ ненаглядная красавица въ сказкѣ о волшебномъ зеркальцѣ <sup>1)</sup> *krásná, ale bleďa, vyschla ženská postava; nad jeho ložem na stěně visela zlatá trubka*.» Радовидъ взялъ золотую трубу, громко затрубилъ трижды, и словно сто громовъ загремѣло: такой звукъ раздался изъ трубы! Чародѣй *se rozlil na kolotoz* (разлился дѣгтемъ — дождемъ, см. I, 788), ледяныя палаты обратились въ *krasne svetlice*, царевна встала изъ гроба и зарумянилась, какъ пышная роза.

Рядомъ съ великанами фантазія создала чудесныхъ малютокъ, карликовъ, которые изумляютъ своимъ чрезмѣрно крохотнымъ ростомъ. Не смотря на очевидную противоположность, тѣ и другіе поставлены въ тѣсную связь и имѣютъ

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., VII, 2; VIII, стр. 565-6; Сказ. Грим., 53. Въ немецкой редакціи красавица эта называется *Sneevittchen* (Бѣлоснѣжка); она была румяна что кровь и была что снѣгъ. Красота ея такъ обаятельна, что когда случилось царевичу захватить съ охоты въ опустѣлый, заброшенный дворецъ—онъ, увидя спящую въ хрустальномъ гробу красавицу, такъ и приросъ къ мѣсту: стоитъ тутъ съ утра до вечера, не спуская очей съ красной дѣвицы, словно невидимая сила его удерживаетъ. Является за царевичемъ его снѣга и испытываетъ тоже обаяніе: всѣ царскіе слуги и охотники обступили молча гробъ и до тѣхъ поръ любовались дѣвичьей красотой, пока не помѣшала ихъ ночной мракъ.

много общаго и родственнаго въ той обстановкѣ, какую окружаетъ ихъ народный эпосъ и старинныя вѣрованія. Такая связь основывается на естественной близости и одновременности тѣхъ могучихъ явленій природы, для которыхъ означенные образы служили олицетвореніями; мы разумѣемъ тучи и молніи. Быстро-мелькающая узкой огненной полоской и едва-уловимая глазомъ молнія, относительно огромныхъ облачныхъ массъ, обнимающихъ все безпредѣльное небо, казалась малюткою въ нѣдрахъ великанскихъ горъ. Индѣйское преданіе называетъ ее дитятемъ облака, и во многихъ пѣсняхъ Ведъ Агни представляется, какъ новорожденный ребенокъ <sup>1)</sup>, а громовнику Индрѣ дается прозваніе *ārtuṣa*, т. е. рожденный изъ воды — сынъ дождеваго облака; оба бога Индра и Агни считались близнецами и вмѣстѣ выходили на битвы съ демоническимъ змѣемъ <sup>2)</sup>. Геркулесъ еще младенцемъ задушилъ въ колыбели страшныхъ змѣй. Передъ началомъ грозы небо какъ-бы собирается рождать; сгущенныя облака, чреватая дождевою влагою, представлялись беременными юными громовниками. У римлянъ предикать *gravidā* (беременная) употреблялся при словѣ *nubes* — туча, въ которой таится *semen ignis* и которая появленіемъ своимъ предвѣщаетъ грозу — «*atram fulminibus gravidam tempestatem*». Въ нѣмецкомъ языкѣ встрѣчаемъ выраженіе: *die dicke gewitterwolke*; прилагательное *dicke* въ народныхъ говорахъ употребительно въ смыслѣ: беременный, какъ у насъ тоже значеніе придается слову *тяжелый* <sup>3)</sup>. Нѣмецкое повѣрье утверждаетъ, что во время грозы слышится крикъ плачущаго ребенка: этотъ ребенокъ есть новорожденное дитя-молнія, которое несется по подне-

<sup>1)</sup> Кунъ, 246; Orient u. Occid., I, 594. — <sup>2)</sup> German. Mythen, 213 — 6. Слѣды того-же представленія Манигардтъ указываетъ въ народныхъ сказкахъ о герояхъ-близнецахъ — см. Н. Р. Сл., VII, 39; VIII, стр. 647-652. — <sup>3)</sup> Der Ursprung der Myth., 115.

бесью въ своей облачной колыбели <sup>1)</sup>, а его далеко-раздающийся плачь — шумъ бури и раскаты грома <sup>2)</sup>. Въ Калевалѣ, когда царица Похъюла похитила солнце и мѣсяцъ и спрятала ихъ въ гору (= тучу), то Вейнемейненъ и Ильмариненъ взойшли на небо, высклѣли тамъ огонь и дали воздушной дѣвѣ держать его на длинномъ облакѣ; она принялась качать и баюкать огонь, словно ребенка, и далеко было слышно, какъ звучала его золотая колыбель и скрипѣли серебряные ремни (см. выше стр. 153 <sup>3)</sup>).

По знаменательному свидѣтельству скандинавскаго мифа, порода карликовъ произошла изъ червей, зародившихся въ трупѣ первозданнаго великана Имира, который самъ образовался изъ паровъ и есть собственно весенняя туча. Если мы припомнимъ, что старинная метафора уподобляла молнію извивающейся змѣѣ, а змѣя отождествлялась въ языкѣ съ ползучимъ червемъ <sup>4)</sup>; то необходимо придетъ къ заключенію, что мифическіе черви, зародившіеся въ нѣдрахъ умерщвленнаго богами великана-тучи, суть сверкающія молніи. Они также зарождаются въ трупѣ Имира и питаются его мясомъ, какъ обыкновенные черви плодятся въ разлагающемъ

---

<sup>1)</sup> Сравни съ представленіемъ облака — бочкою, въ которой нарождается богатырь-громовникъ — въ I т. этого сочиненія, стр. 588-6. — <sup>2)</sup> Кунъ, 247 — <sup>3)</sup> Лѣшіе и русалки (первоначально — грововые духи) любятъ качаться на древесныхъ вѣтвяхъ (см. выше стр. 337—9), т. е. на вѣтвяхъ облачныхъ деревьевъ. Можетъ быть, въ связи съ этими данными надо разсматривать и древнерусской обычай ставить на Свѣтлое Воскресенье качели, — обычай, на который памятники XVII вѣка смотрятъ, какъ на что то грѣховное, какъ въ остатокъ языческихъ игрищъ—Аж. Ист., IV, 35; Рус. прост. праздн., IV, 64. — <sup>4)</sup> Въ старо-нѣмецкомъ языкѣ *wurm*—червь и змѣя, и именно въ образѣ *wurm'a* проникъ Одинъ въ гору-тучу для похищенія оттуда вдохновеннаго напитка; см. т. I, стр. 401—апокрифическое сказаніе о нечистомъ духѣ, проникшемъ въ рай въ видѣ червя, въ змѣю библейскаго змѣя.

ей тѣлѣ покойника. При созданіи этого мифа, древній челе-  
вѣкъ руководствовался собственнымъ наблюденіемъ надъ тру-  
пами. Импривитъ червямъ боги даровали человѣческія формы  
и разумъ, и такимъ образомъ явилось племя карликовъ <sup>1)</sup>. Любопытна нѣмецкая сага о дѣвчкѣ-великанкѣ, которая, уви-  
дя въ полѣ пахаря, взяла его вмѣстѣ съ быками и плугомъ и  
въ своемъ передникѣ принесла показать матеря — какія во-  
дится на свѣтѣ чудныя маленькія твари. Мать тотчасъ-же ве-  
лѣла отнести пахаря назадъ; «эти твари, строго сказала она,  
принадлежать къ тому племени, которое причинитъ велика-  
намъ великія бѣды!» Другая сага рассказываетъ о двухъ ве-  
ликанахъ, которые набрали нѣкогда на человѣка. «Это что за  
земной червь (*erdwurm*)!» воскликнулъ одинъ, а дру-  
гой отвѣчалъ: «эти черви еще пожрутъ насъ!» (*diese  
erdwürmer werden uns noch auffressen!* <sup>2)</sup>). Подобные разска-  
зы извѣстны и между славянами: въ Малороссіи помнятъ о  
великанѣ, который принесъ къ матери плугъ съ волами и па-  
харями: «посмотри, говорятъ, какіе мудрые есть журавы и  
на свѣтѣ!» <sup>3)</sup>. Кашубскій столымъ (великанъ) находитъ въ  
полѣ крестьянина, засовываетъ его съ плугомъ и четырьмя  
волами въ рукавицу и показываетъ матери, а та говоритъ  
ему: «оставь червяка въ покое; онъ насъ выживетъ со свѣ-  
та!» <sup>4)</sup>. Существуетъ преданіе, что великаны дѣйствительно  
исчезли съ лица земли въ то время, какъ появился на ней  
родъ человѣческій. Въ этихъ сагахъ слышится отголосокъ  
древнѣйшаго мифа о червяхъ-карликахъ, пожирающихъ вели-  
кановъ, т. е. о молніяхъ, разбивающихъ и сосущихъ дожде-  
выя тучи. Малютки-молніи, которыя постоянно роятся въ  
подземельяхъ облачныхъ горъ, сближены здѣсь съ пахарями,

<sup>1)</sup> D. Myth., 527. — <sup>2)</sup> Ibid., 506; Deutsche Sagen, I, 24-25. — <sup>3)</sup> О. З. 1840, II, снѣсъ, 46. — <sup>4)</sup> Этн. Сб., V, 66, 114; слич. валахскія сказки Шотта, 283.

подымающими плугомъ землю, и на этихъ послѣднихъ перенесено мифическое сказаніе, такъ какъ въ глазахъ исполнителей обыкновенные люди были не болѣе, какъ ничтожные черви.

У народовъ германскаго племени карлкъмъ дается названіе эльфовъ; величина ихъ опредѣляется различно: то они равняются годовому, иногда даже четырехлѣтнему ребенку, то бывають не болѣе дюйма или такъ крохотны, что могутъ свободно пролѣзть сквозь замочную скважину и носиться по воздуху, какъ рой комаровъ. Нѣмецкое *alp* (множ. *elpi*, *elbe*), англос. *älf*, сканд. *álfr*, готск. *albs* соответствуютъ ведическому *ṛibhu*—*aribhu*, а съ измѣненіемъ звука *r* на *l*: *albhū* — форма, откуда образовались гр. *ἄλφός*, лат. *albus* (сабин. *alpus*); слѣдовательно эльфъ означаетъ духа свѣтлаго, блестящаго, бѣлаго. Не смотря на это, Эдда различаетъ три рода эльфовъ—свѣтлыхъ (*ljosálfar*—*lichtelbe*), сумрачныхъ (*döckálfar*—*dunkelbe*) и черныхъ (*svartálfar*—*schwarzbe*); первые сіяють, какъ солнце; послѣдніе черны, какъ смола. Такое различіе коренится въ старинныхъ воззрѣніяхъ на грозу: яркой блескъ молній заставлялъ сблизить ее съ солнечными лучами, причислить къ духамъ свѣта и дать ей названіе эльфа; но съ другой стороны, какъ обитатель облачныхъ подземелій, какъ духъ, являющійся подъ темнымъ покровомъ тучи, эльфъ получалъ эпитеты сумрачнаго, чернаго и подземнаго. Въ ту эпоху, когда было затеряно коренное значеніе слова эльфъ, а указанные эпитеты стали пониматься въ ихъ буквальномъ смыслѣ, народъ раздѣлялъ этихъ духовъ на двѣ породы — столь-же различныя, какъ различны свѣтъ и тьма, и невольно свизалъ съ ними свои дуалистическія представленія о силахъ природы. Свѣтлые и мрачные эльфы явились эльфами добрыми и злыми, подобными ангеламъ и адскимъ, демоническимъ существамъ; одни принимаются за обитателей блестящаго неба (*Gimli*) и се

стоятъ при богѣ Фрейрѣ, другіе же населяютъ мрачное подземное царство—*Svartálfaheimr*; съ одними по преимуществу соединялась благодатная, творческая сила молніи, съ другими — ея враждебныя, карательныя свойства. Свѣтлыя эльфы надѣлены чудною красотою, стройностью и юностью; тѣло ихъ совершенно-воздушное, прозрачное и столь нѣжное, что капля росы, когда онѣ прыгаютъ по травѣ, едва дрожатъ на листьяхъ, не сливаясь одна съ другою; ихъ длинныя, золотистыя волосы вьются по плечамъ роскошными кудрями; они носятъ легкія бѣлыя и серебристыя одежды, и подобно славянскимъ полудницамъ любятъ показываться въ полдень, при солнечномъ сіяніи. Напротивъ черныя эльфы (мары) носятъ одежды сумрачныхъ и темныхъ цвѣтовъ и показываются только ночью; сами они, не смотря на свой дѣтской ростъ, стары и безобразны: сморщенное лицо, большой носъ, блестящіе глаза, несообразныя части тѣла, на спинѣ горбъ—вогъ ихъ характеристическіе признаки <sup>1)</sup>). Другое названіе, придаваемое чернымъ эльфамъ: сканд. *dvergr*, англос. *dveorg*, др.-верх.-нѣм. *tuege*, ср.-в.-н. *tvege*, ново-в.-н. *zweyg*—съ тѣмъ-же значеніемъ, какъ лат. *nanus*, греч. *ναῦνος*—карликъ. Цверги обитаютъ въ дикихъ, неприступныхъ пещерахъ, въ глубокихъ ущеліяхъ горъ и въ великанскихъ холмахъ (*riesenhügeln*), и называются: *unterirdische*, *erdmännlein*, *erdmanneken*, *Bergmännlein*; наоборотъ горы нерѣдко обозначаются именемъ — *zweyberge*. Какъ горные духи, жители подземній, неосвѣщаемыхъ соляцемъ, цверги имѣютъ истощенныя, мертвенныя лица, подобныя тѣмъ, какія бываютъ у покойниковъ. Эхо, раздающееся въ ущеліяхъ скалъ, по древне-скандинавскому выраженію есть откликъ цверговъ — *dvergmal* —

<sup>1)</sup> Впрочемъ средство эльфовъ свѣтлыхъ и черныхъ не могло совершенно изгладиться изъ народнаго сознанія, и преданія иногда смѣшиваютъ ихъ и представляютъ цверговъ юными и прекрасными.



sergio panogum, — тогда какъ на Руен, гдѣ при отсутствіи горъ всего чаще приходится слышать эхе въ лѣсахъ, оно признается отзывомъ лѣснаго. Въ народныхъ сказаніяхъ цверги представляются то кузнецами, то рудокопами, добывающими благородные металлы, т. е. выражаясь общепонятнымъ языкомъ: они роются въ облакахъ, стучать громовыми молотами и открываютъ пути для солнечныхъ лучей (=куютъ солнце). Горные рабочіе не только ихъ не боятся, но считаютъ ихъ появленіе за добрый знакъ, за указаніе на близость богатыхъ рудныхъ жилъ. Въ своихъ подземныхъ пещерахъ они хранятъ несчетныя сокровища серебра, золота и самоцвѣтныхъ камней и приготавливаютъ чудесное оружіе и разныя драгоценности <sup>1)</sup>. Эда изображаетъ ихъ искусными кузнецами, и съ этимъ занятіемъ вполне согласуется ихъ черная, какъ-бы выпачканная въ сажѣ наружность; они выковали поясъ, надѣляющій силою двадцати мужей, и кольцо, дарующее счастье (радугу и солнце?), выковали Одну копье Gúngnir, Фрей — золотое ожерелье, Зинѣ — золотые волосы; большая часть славныхъ, несокрушимыхъ вооруженій, и между прочимъ богатырской мечь Зигурда были плодомъ ихъ искусства; когда боги рѣшились связать волка Фенрира, черные эльфы изготовили для нихъ изумительно-крѣпкую цѣпь (Gleipnir). «Громовая стрѣла» (donnerkeil) называется albschoss, въ Шотландіи: elfarrow, elfflint, elfbolt; это — потому, что эльфы-кузнецы ковали для Тора огненные стрѣлы. О свѣтлыхъ эльфахъ извѣстно, что они бросаютъ съ воздушныхъ высотъ свои опасныя стрѣлы. Цверги бросаютъ каменьями (donnersteine);

<sup>1)</sup> D. Myth., 411-8, 421-4; German. Mythen, 46, 473; Irische elfenmärchen, стр. IX, LXII-III, LXIX, LXXII-VI; Beiträge zur D. Myth., II, 309, 311-5; Сказ. Грим., 161, 182. Ихъ приписываютъ и обладаіе неразвѣтною монетою (glücks-schilling) — Ir. elfenmärch., XV-XVI; подаренные ими уголья превращаются въ золото.

преданіе даетъ имъ бичъ, удары котораго сопровождаются молніями; когда они совершаютъ свой поѣздъ, то все небо горитъ грозовымъ пламенемъ <sup>1)</sup>. Какъ обитатели облачныхъ горъ, затемняющихъ небесный свѣтъ, подземные эльфы боятся солнца и прячутся отъ его лучей въ мрачныя пещеры; лучи эти точно также наносятъ имъ смерть, какъ и великанамъ. Народная фантазія, которая любитъ сливать во едино всѣ сходныя явленія, сочетала съ свѣтлыми эльфами представленіе о солнечномъ сіяніи, а съ цвергами не только понятіе о иракъ, распространяемомъ грозовыми тучами, но и понятіе о ночной тьмѣ. По свидѣтельству Древней Эдды, карлики Alvis, подобно сербскому Трояну, погибли отъ лучей восходящаго солнца и притомъ также — въ слѣдствіе любви къ женщинамъ. Сватался онъ за дочь Тора, а этотъ, желая избавиться отъ докучливаго жениха, нарочно заговорился съ нимъ до дневнаго разсвѣта; солнце взошло и своими лучами превратило карлика въ камень <sup>2)</sup>. Ежедневное наблюденіе убѣждало древняго человека, что свѣтозарное солнце, при закатѣ своемъ, какъ-бы скрывается подъ землю, а раннимъ утромъ появляется въ-за ея далекихъ окраинъ; отсюда возникло предположеніе, что тѣ-же цверги, которые прячутъ золото солнечныхъ лучей въ облачныхъ пещерахъ, скрываютъ его и во время ночи въ своемъ подземномъ царствѣ. Другія наиболѣе употребительныя метафоры для тучи были: небесный корабль, плащъ и шапка-невидимка. Подъ вліаніемъ первой изъ этихъ метафоръ создалось сказаніе, что подземные карлики сковали чудесный корабль Skidhbladhnr, которому — какъ-бы онъ ни

<sup>1)</sup> D. Myth., 416; Gr. elfenmärch., LXXXVII-VIII; Beiträge zur D. Myth., II, 325; Сказ. Грим., 28: карлики даютъ копьѣ, которымъ можно поразить чудовищаго вепря. — <sup>2)</sup> Der heut. Volksglaube, 113-4; Beiträge zur D. Myth., II, 321: «der tag verzaubert dich, zwerg; die sonne scheint in den saal» (Эдда въ переводѣ Симпсона).

повернулся—вѣтеръ всегда дулъ въ паруса. Ладья, на которой плаваютъ они по (воздушному) морю, есть собственно облако; а плата, какую бросаютъ они за свой перевозъ и которая обыкновенно превращается въ чистое золото, — эмблема сверкающей молніи <sup>1)</sup>. Облекаясь въ туманныя, сумрачныя одежды (*gtaien göskon*), набрасывая на себя облачный плащъ или покрывая голову облачной шапкою, карлики становятся невидимками и мгновенно исчезаютъ. Въ сагахъ упоминаются *vebellkarpen*, съ помощію которыхъ они могутъ дѣлаться незримыми для постороннихъ глазъ и свободно совершать свои проказы, что напоминаетъ намъ *wünschelhut* Вѣтра и крылатую шляпу (*petasus*) Меркурія. Такая шапка-невидимка (*taupkarpe*) была у карлика Эльбериха и потомъ досталась Зигфриду; по свидѣтельству древне-французскаго сказанія, карликъ *Zerphug* нѣлъ черную шляпу: надѣвая ее, онъ получалъ способность не только дѣлаться незримымъ, но и принимать на себя различные образы; по русскому повѣрью, шапку-невидимку носятъ домовыя, о сродствѣ котораго съ эльфами было сказано выше (гл. XV). Цвергу даютъ названіе *vebelltappi*. Если, ударяя по воздуху прутомъ, удастся попасть и сбить съ него шляпу, то онъ тотчасъ-же предстаетъ предъ взоры присутствующихъ, подчиняется ловкому владѣтелю прута и исполняетъ всѣ его требованія: этотъ пруть—Перунова розга (*donnerguth*), разбивающая темныя тучи и покоряющая волѣ громовника подземнаго духа. На ряду съ этими данными, преданія говорятъ о красныхъ плащахъ и красныхъ шапочкахъ карликовъ, выражая этимъ, что облачная одежда ихъ озаряется молніями. Красныя шапочки нѣрѣдко бываютъ убраны серебряными колокольчиками, звонъ которыхъ долженъ обозначать звучные напѣвы грозы. Въ Ирлан-

<sup>1)</sup> Der heut. Volksglaube, 114

дѣи вѣрять, что шляпами для эльфовъ служатъ красныя цвѣтки, сходныя по своей формѣ съ колокольчикомъ или наперсткомъ (*purpurea digitalis, fingerhut*); народъ называетъ эти цвѣты *elfenkäpchen*. Одѣваясь въ облака, эльфы и цверги, согласно съ различными уподобленіями этихъ туманныхъ покрововъ, могутъ дѣлаться оборотнями, т. е. могутъ принимать на себя тѣ или другія устрашающія и животненныя формы <sup>1)</sup> и измѣнять свой крохотный образъ на исполинскій; вмѣстѣ съ этимъ они отождествляются съ демонами тучъ и мрака, усваиваютъ себѣ воровскія наклонности, любятъ похищать золото, увлекаютъ въ свои пещеры цвѣтущихъ красотою дѣвъ, чуютъ человѣческое мясо, и также, какъ демоны, боятся грома, свиста, колокольнаго звона, церковнаго пѣнія, хлопанья бичей, стука молота, барабановъ и мельничной толчен (= метафоры громовыхъ раскатовъ и завывающей бури); имъ нравится безмолвная тишина ночи <sup>2)</sup>. Народныя повѣрья смѣшиваютъ эльфовъ съ падшими ангелами. Часть свѣтлыхъ эльфовъ изъ числа тѣхъ, которые были низвергнуты съ неба, не пошла въ адъ и осуждена пребывать на землѣ, населяя горы, лѣса, воды и жилища людей и раздѣляясь на разные классы: *holden, gütehen, nixen, kobolde, hausgeister* и др. Тоже самое рассказы-

---

<sup>1)</sup> Они превращаются въ драконовъ, змѣй, жабъ, собакъ, кошекъ, козловъ, въ красныхъ и черныхъ птицъ (преимущественно въ пѣтуха); козлиныя ноги цверги удерживаютъ и тогда, когда являются въ своемъ собственномъ образѣ. — <sup>2)</sup> Въ одномъ мѣстечкѣ, когда повѣсили на церковной башнѣ колоколъ и раздался его звонъ, цверги собрались толпою и стали бросать въ церковь каменьями. Другая сага рассказываетъ, что нѣкогда крестьяне отправились къ цверговой горѣ и подняли страшный шумъ хлопаньемъ бичей, свистомъ и трещотками, и вотъ ночью разразилась гроза, и тотъ, кто руководилъ крестьянами, найденъ поутру мертвымъ — *Beiträge zur D. Myth., II, 325-7.*

вается на Руси о происхождении домовыхъ, водяныхъ и лѣсныхъ духовъ. Изъ указанной способности карликовъ скрываться отъ взоровъ и мѣнять свои образы возникли представления о ихъ склонности къ обману, оболъщенію или обморочиванію смертныхъ <sup>1)</sup>; сверхъ того, какъ олицетвореніемъ молніи, которая падаетъ ломанною, искривленною стрѣлою, древнѣйшій языкъ присвоилъ имъ эпитетъ лукавыхъ, первоначально означавшій только эту внѣшнюю, видимую глазомъ кривизну (см. гл. XXII). Позднѣе, вмѣстѣ съ одухотвореніемъ матеріальныхъ выраженій древняго языка, съ возведеніемъ ихъ на степень нравственныхъ понятій, — карлики, удерживая за собой прежніе эпитеты лукавыхъ, скрытныхъ, измѣнчивыхъ, получили въ народномъ сознаніи характеръ духовъ необыкновенно-хитрыхъ, изворотливыхъ, всегда готовыхъ на обманъ и измѣну. Слово *zwerg* = *dverg* Кунъ сближаетъ съ санскр. *dhvagas* — кривой, несправедливой. Злой характеръ карликовъ особенно проявляется весною, въ мѣсяцѣ, когда начинаются грозы. Въ противоположность имъ, великаны-тучи, съ которыми малютки-молніи живутъ въ постоянной враждѣ, представляются простоватыми, недогадливыми и даже глупыми; съ тѣми-же типическими чертами изображается въ народныхъ преданіяхъ и самый чортъ — тамъ, гдѣ онъ заступаетъ мѣсто великана. Эта тупость ума, признанная за великанами, также объясняется вліяніемъ языка, который придалъ имъ постоянный эпитетъ дикихъ (см. выше, стр. 618), т. е. въ позднѣйшемъ значеніи этого слова: грубыхъ, невѣжественныхъ, незнакомыхъ ни съ какими удобствами, живущихъ внѣ общественнаго порядка и законовъ; именно такими и представляетъ ихъ Гомеръ въ своей Одиссее. Наоборотъ, эльфы живутъ большими общества-

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 141: обомароть — обманщикъ, обомарочивать (отъ *мракъ*) — обманывать.

ми и нередко под властію особаго владыки. При громадномъ ростѣ великаны обладаютъ и громадною силою; въ сравненіи съ ними карлики казались ничтожными червями, но эти черви постоянно одолеваютъ своихъ исполинскихъ противниковъ, и такая побѣда приписана была ихъ хитрому уму насчетъ слабости послѣднихъ. Такимъ образомъ арійское племя силѣ ума давало перевѣсъ надъ силою физическою.

Выступая въ грозѣ, сопровождаемой вихрями и дождевыми потоками, карлики представляются въ народныхъ сказаніяхъ и какъ духи воздушные (по старинному выраженію — «вѣтренные») и водяные. Соответственно лат. *spiritus* отъ *spirare* (дуть, вѣять), слав. духъ образовалось отъ глагола дуть, а нѣм. *geist* отъ стариннаго слова *gisan* — *flari, cum impetu ferri*; сканд. *gustr* — *flatus*, дуновение, и одинъ изъ цверговъ названъ именно этимъ именемъ (*Gustr*). Другія имена цверговъ *Austri, Vestri, Nordhri, Sudhri* указываютъ на четыре главные вѣтра восточный, западный, сѣверный и южный, а имена *Blaserle* и *Vindälfr* — на дующихъ, производящихъ вѣтры эльфовъ; *Alvina*, плачь и стоны которой слышатся въ завываніяхъ бури (I, 329), принадлежать къ существамъ эльфическимъ, что очевидно изъ самаго ея названія (*alvinne, elbin*). Въ древне-французской сагѣ введенъ карликъ *Zephyr*; король эльфовъ *Oberon* (= *Alberon, Elberich*) посылаетъ бурю, градъ и дождь. Въ Баваріи олицетворяютъ вѣтръ въ видѣ маленькаго старичка съ бѣлою бородою, который питаетъ непреодолимую ненависть противъ всего, что громадно, какъ наприм. горы и башни (= старинныя метафоры тучъ). Въ Ирландіи, завидя поднятый вихремъ столбъ пыли, думаютъ, что это кружатся эльфы, что они мѣняютъ мѣсто своего пребыванія и спѣшатъ въ иную сторону. Въ шелестѣ листьевъ, въ плескѣ волнъ и вообще въ звукахъ, производимыхъ дуновеніемъ вѣтра, поселяне узна-

ютъ голоса эльфовъ. Такъ какъ вѣтры и влага (дождь) способны проникать во всѣ едва-замѣтныя скважины и щели, то естественно, что духи, воплощающіе эти стихійныя явленія, должны были рисоватьъ народному воображенію существами столь-же малыми, какъ комары и мошки. Теперь припомнимъ, что полетъ облаковъ и вихрей на метафорическомъ языкѣ назывался пляскою, а вой бури и громовые раскаты — небесными пѣснями, и намъ будетъ понятно пристрастіе эльфовъ къ танцамъ, пѣнію и музыкѣ. Въ лѣтнія ночи, при лунномъ свѣтѣ, они собираются на свои любимыя мѣста — на холмахъ, лугахъ и въ лѣсныхъ полянахъ, и водятъ хороводы. Неутомимо цѣлую ночь они посвящаютъ этому удовольствію, и только лучи восходящаго солнца заставляютъ ихъ прятаться. По утру замѣтны бываютъ на росистой травѣ круги, оставляемые легкими ножками эльфовъ, и при видѣ подобныхъ слѣдовъ поселяне въ Шотландіи, Скандинавіи и сѣверной Германіи восклицаютъ: «здѣсь танцевали эльфы!» Если бы вздумалось кому полюбоваться на нихъ плески, то это не обошлось бы ему даромъ: эльфы увлекутъ его въ свой хороводъ и въ необычайно-быстрыхъ движеніяхъ завертятъ до того, что онъ потеряетъ память; сами же они охотно принимаютъ участіе въ людскихъ танцахъ и съ этою цѣлю выходятъ изъ своихъ подземелій. Точно также любятъ танцевать и родственныя эльфамъ феи. Пляски эти совершаются по ночамъ, т. е. при затмѣніи неба тучами; но какъ скоро тучи разсѣются и снова засіяетъ солнце — эльфы исчезаютъ. Пѣсни ихъ имѣютъ чарующую силу; вся природа внимаетъ ихъ звукамъ и даже лѣса и другіе неодушевленные предметы приходятъ въ движеніе и начинаютъ бѣшеную пляску: представленіе, живо-схваченное съ дѣйствительности, ибо порывы бури гнутъ деревья и сильные вихри кружатъ все, что имъ ни встрѣится. Эльфы (по сказанію, удѣльвшему въ южной

Швеціи) знаютъ такую пѣсню, которую никто не въ состояніи слышать, не предаваясь пляскѣ. Празднества ихъ всегда сопровождаются чудною музыкой, пѣснями и танцами. Опираясь на эти преданія, суевѣрный народъ смѣшиваетъ эльфовъ съ хорами ангеловъ, воспѣвающихъ хвалу Всевышнему <sup>1)</sup>. Какъ духамъ стремительныхъ молній и буйныхъ вѣтровъ, эльфамъ дается изумительная быстрота, для которой не существуетъ пространства; въ одинъ екачокъ они могутъ перенестись съ одной горы на другую, хотя бы между вершинами этихъ горъ было нѣсколько часовъ разстоянія; сегодня они являются здѣсь; а завтра въ иной части свѣта. Стихійною природою эльфовъ объясняется, почему они признаны были во первыхъ — за олицетвореніе душъ, а во вторыхъ — за существа, могущія насылать болѣзни. Душа издревле представлялась небеснымъ пламенемъ; но тоже божество, которое влагаетъ въ челоуѣка искру жизни, можетъ и поражать его своимъ молніеноснымъ стрѣлами: какъ метателю этихъ убійственныхыхъ стрѣлъ богу-громовнику приписывались воспалительныя и повальныя болѣзни, влекущія за собою скорую, нервико-мгновенную смерть. Сверхъ того, какъ слово духъ (вѣтръ) тождественно съ словомъ душа, такъ вѣтръ стоитъ въ ближайшей связи съ повѣтріемъ (заразою — см. I, 527-8). Смерть выводитъ душу изъ тѣлесной оболочки, возвращаетъ ее въ первобытное состояніе свободного стихійнаго существа, и тѣмъ самымъ равняетъ ее съ эльфами. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ души усопшихъ олицетворяются малютками и смѣшиваются съ бурными и грозowymi (подземными) духами; въ свитѣ Гольды и Берты, виѣстѣ съ карликами, шествуетъ и толпа безвременно-скончавшихся дѣтей. Мертвые при-

<sup>1)</sup> Народная русская легенда (№ 20) приписываетъ нечистымъ духамъ, какъ падшимъ, низверженнымъ съ неба ангеламъ, знаніе ангельскихъ гласовъ.



надлежать эльфамъ, в смерть каждаго человека празднуется ими, какъ торжественная встрѣча новаго гостя и вступленіе его въ воздушное общество, или въ подземный міръ тѣней, тождественный съ облачными подземельями цверговъ. Отсюда возникло повѣрье, будто эльфы похищаютъ дѣтей, т. е. собственно увлекаютъ души. Ихъ дыханіе, прикосновеніе и удары бросаемихъ ими стрѣлъ причиняютъ людямъ тяжкія болѣзни и смерть. Какъ существа, родственныя громовнику, основателю домашняго очага, какъ души предковъ, эльфы вступаютъ въ разрядъ домовыхъ геніевъ (кобольдовъ), поселяются въ избахъ своихъ родичей и раздѣляютъ съ ними всѣ хозяйственныя заботы (см. стр. 76—82). Въ этомъ смыслѣ ихъ называютъ добрыми соседями, тихимъ, кроткимъ народомъ — *stille volk, the good people, die guten nachbarn, die friedlichen leute* (сравни наше покойники). Такимъ образомъ въ характерѣ эльфовъ замѣчается смѣсь добра и зла, справедливости и коварства: они то защищаютъ угнетенныхъ и щедро платятъ за всякую оказанную имъ услугу, то бываютъ раздражительны, скупы, наклонны къ воровству, свое нравны и истительны. Поселяясь въ домахъ людей и не будучи тревожимы въ своихъ укромныхъ пристанищахъ, они приносятъ семьѣ миръ и счастье, охотно помогаютъ хозяевамъ и домочадцамъ въ ихъ обычныхъ работахъ, удѣляютъ имъ часть отъ своихъ маленькихъ хлѣбовъ и пироговъ; скрываясь днемъ, они дѣятельны и бодры ночью. Съ своей стороны карлики нуждаются иногда въ помощи людей: такъ они просятъ раздѣлить имъ сокровище и тѣмъ прекратить ихъ споры; просятъ залу, чтобы отирядновать въ ней свадьбу; приглашаютъ поивальныхъ бабокъ къ своимъ родильницамъ, и всегда награждаютъ за эти услуги драгоценными подарками.

Связь эльфовъ съ водами засвидѣтельствована языкомъ: сканд. *elf*, дат. *elv* есть нарицательное имя для всякой рѣки;

отсюда получила свое названіе прозрачная Эльба (Elbe), у славянъ—Лаба, Лабе. Въ полдень, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами, дѣны эльфы являются къ колодцамъ, моются и чешутъ свои длинныя косы золотымъ гребнемъ; нерѣдко эльбива приходитъ съ золотымъ недромъ, черпаетъ воду и удаляется съ нею въ горы. Къ разряду эльфовъ должны быть отнесены и водяные духи — никсы, о которыхъ въ Швеціи рассказываютъ, навѣ о прекрасныхъ малюткахъ съ золотистыми локонами. Никсы обитаютъ подъ водою, имѣютъ тамъ роскошныя жилища, убранныя золотомъ и наполненныя несмѣтными богатствами, и любятъ танцовать по зеркальной поверхности рѣкъ, озеръ и источниковъ; при звукахъ музыки, блистая великолѣпными, радужными одеждами, они носятся въ быстрой пляскѣ съ такою легкостью, что вода остается неподвижною подъ ихъ ногами, и потомъ погружаются на дно или исчезаютъ въ туманѣ. Соответственно эльфамъ, празднующимъ смерть челоуѣка, никсы (по народному повѣрью) начинаютъ танцы въ то время, когда долженъ утонуть какой-нибудь ребенокъ; очаровательной музыкой и подарками они заманиваютъ дѣтей и увлекаютъ ихъ въ свои подводныя жилища. Такъ какъ дождь на мненческомъ языкѣ есть живая вода, дарующая молодость, красоту и плодородіе; то отсюда родилось сказаніе о счастливой странѣ юности (land der jugend), лежащей подъ водою: эта страна—блаженное царство свѣтлыхъ эльфовъ, тотъ заоблачный свѣтъ (Unterwelt), гдѣ красуется непрестанная весна, гдѣ вѣчно зеленыя поля, вѣчно цвѣтутъ и приносятъ плоды деревья; воды, за которыми она лежитъ, суть дождевыя источники (см. гл. XXIV). Всеразрушающая, безпощадная старость теряетъ тамъ свою силу: счастливые обитатели подводнаго царства остаются вѣчно юными; люди, которые попадаютъ къ эльфамъ, не замѣчаютъ полета времени: оно какъ-бы останавливается,

и проведенные въ сообществѣ эльфовъ годы кажутся не болѣе одного мгновенія. По свидѣтельству народныхъ сагъ, цверги знаютъ дорогу, ведущую къ источникамъ живой воды. Показываясь между людьми, они стараются закрывать свои ноги длинными плащами; но если посыпать по землѣ пепломъ — на немъ отпечатаются явственные слѣды ихъ гусиныхъ лапъ. Гусь, какъ птица, живущая на водахъ, посвящалась водянымъ духамъ и считалась за одно изъ любимыхъ ихъ воплощеній. Эльфы питаются каплями росы, крошками бѣлаго хлѣба и сыра, и съ удовольствіемъ пьютъ сладкое молоко, а по мнѣнію пруссаковъ — и пиво. Молоко и пиво — метафоры дождя. Зетландская сага упоминаетъ объ одной эльбинѣ, которая являлась невидимкою и доила коровъ — подобно тому, какъ богъ-громовникъ доилъ или сосалъ своими молніями небесныя стада; въ Тироли и Швейцаріи цверги принимаютъ на себя обязанности пастуховъ, загоняютъ коровъ въ хлѣва, доятъ молоко и готовятъ вкусный сыръ. Въ связи съ этими данными стоитъ повѣрье — будто бы эльфы, похищая новорожденныхъ младенцевъ, подмѣняютъ ихъ собственными дѣтьми, которыя и сосутъ груди родильницъ съ ненасытною жадностью. Наравнѣ съ богами и демонами, вкушающими живую воду, эльфамъ и цвергамъ принадлежитъ даръ сверхъестественной мудрости и предвѣденія; такимъ вѣщимъ даромъ обладалъ карликъ Авдвари, обитатель глубокаго потока; цвергъ Alvis (Всезнайка), имя котораго уже свидѣтельствуемъ о его мудрости, разрѣшилъ всѣ трудные вопросы, заданные ему Торомъ; карликъ Tristan объяснялъ вліяніе звѣздъ на судьбу новорожденныхъ; въ Нибелунгахъ водныя эльфы предсказали бургундамъ предстоящія имъ бѣды; въ сагахъ и сказкахъ цверги — разумные совѣтники и помощники. Эльфы вѣдаютъ будущее и все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; они обладаютъ знаніемъ языковъ и разумѣютъ

руны; имъ извѣстны цѣлебныя свойства растеній и камней <sup>1)</sup>. Есть еще одинъ разрядъ эльфовъ—это лѣсные карлики, населяющіе небесныя сады и рощи; но объ нихъ уже было сказано въ главѣ XVII-й.

Эльфамъ соответствуютъ сербскія нилы в русскія русалки, подробныя свѣденія о которыхъ представлены нами ниже (см. гл. XXIII—XXIV). Замѣтимъ вообще, что преданія о карлахъ, сохранившіяся у славянъ, близко сходны съ преданіями нѣмецкими. У лужицанъ карлики называются *ludki* (уменьшительная форма отъ слова *людъ* — народъ, т. е. маленькіе люди — тоже, что нѣм. *das stille völk*): это подземные духи, обитающіе въ горахъ, холмахъ и темныхъ пещерахъ; многія возвышенности въ нижнихъ Лужицахъ носятъ названіе: *ludkowa góra*. Людки—искусные музыканты, любятъ танцы и являются на сельскія празднества; за оказанныя имъ услуги даютъ подарки, а когда бываютъ раздражены — оплачиваютъ злыми шутками; подобно эльфамъ, они не могутъ переносить колокольнаго звона, и существуетъ даже повѣрье, что съ тѣхъ поръ, какъ завелся колокола, людки исчезли <sup>2)</sup>. У словаковъ извѣстенъ *pikuljk* (*pikul*, *pikolo* отъ слова *печь* — *пекю*; отъ того-же корня: *pik* — гнѣвный пылъ, ярость и *пекло*—подземное царство, преисподняя, адъ)—мужичокъ ростомъ съ палецъ, но весьма сильный; онъ поселяется на людскихъ дворахъ — въ какой-нибудь норѣ, ходитъ въ красной одеждѣ <sup>3)</sup>, приноситъ своему хозяину золото, деньги, хлѣбъ, и даруетъ его лошадямъ здоровье и сытость <sup>4)</sup>. Сло-

<sup>1)</sup> D. Myth., 253-4, 413, 425-439, 919, 973; *Irische elfenmärch.*, X-XIX, LXXI-LXXXIX, XCI-XCIV; CIV-CVII, CXXV, 200; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 246, 250-5, 260-7, 310-1, 324—330; 341-4; *German. Mythen*, 168-213; *Nord. Märchenbuch*, 46, 108; *Die Götterwelt*, 98; *Моск. Набл.* 1837, XI, 523-8. — <sup>2)</sup> *Volkslieder der Wenden*, II, 268. — <sup>3)</sup> „*Pikuljk značej mužjčka červeným kabátkem, oděného, třírohý klobouček magiejho, z báni a z djr na zem vycházegjejho.*“ — <sup>4)</sup> „*Asnad ti*

винцы и кабатки называютъ карлювъ *drėtni* или *drėbni*, т. е. дробные (маленькіе), а кашубы — *krosniata*, *krāsniaki*, отъ санскр. *kaṛṣ* — худѣть, *krṣa* — худой, шедунной; чешск. *krsati* — худѣть, умалиться, *krsek* — карликъ; отсюда-же нашн: крошнѣть, кроха и крошка — ребенокъ. Кросната и *drėbni* живутъ въ подпольяхъ избы, хлѣва или сараи; между ними есть старичка съ длинными бородами, молодые люди, женщины и дѣти; они носятъ на головахъ красныя шапочки, празднуютъ свои свадьбы съ музыкой и плясками; бываютъ довольны, если ставятъ для нихъ въ орѣховой скорлупѣ молоко; любятъ перебирать свое золото, и въ случаѣ оказанной имъ услуги дарятъ челоѣтку иѣнокъ съ деньгами; такой-же даръ можно получить отъ нихъ, если удастся сорвать съ одного изъ карликовъ его красную шапочку: они непременно придутъ выкупать ее, т. е. вслѣдъ за тѣмъ, какъ бываетъ сбита шапка-невидимка, на весь дольний міръ разсыпается золото солнечныхъ лучей. По литовскому повѣрью, влады блуждаютъ по міру въ видѣ мальчинокъ красныхъ, бѣлыхъ и смуглыхъ: красный цвѣтъ означаетъ золото, бѣлый — серебро, смуглый — иѣдъ; при встрѣчѣ съ путникомъ они просятъ дать имъ пощечину, и отъ этого удара (—метафора грома) разсыплются блестящими деньгами. Кросната подмѣниваютъ по ночамъ некрещеныхъ младенцевъ, и потому если есть въ семьѣ карле, то обыкновенно думаютъ, что кросната похитилъ у родителей ихъ настоящаго ребенка, а въ замѣнъ положили въ люльку своего <sup>1)</sup>. На представленіе бурнаго вихря въ образѣ карлика указываетъ слѣдующій эпизодъ изъ сказки объ Ерусланѣ: встрѣчается этому богатырю малъ-старъ челоѣкъ, на-

tė konė pikuljk chowá, ked' sa ti takė tučnė. „musj mat' pikuljka, mu tė konė tak skáču“—Nar. zpiewanky, I, 415 —<sup>1)</sup> Этн. Сб., V, 68, 136, 140; Иллюстр. 1848, № 28.

поминающій намъ карлика иѣмецкихъ сказокъ — ein kleines graues männlein; стоитъ онъ на дорогѣ и не дасть проѣзду. Богатырь хочетъ раздавать его конемъ, а малъ-старъ челоѣкъ насмѣхается: «за что ты меня стараго-малаго убить хочешь? съ меня нечего снять!» Еще пуще разгнѣвался Ерусланъ, поднялъ мечъ-кладенецъ и кинулся на карлика; но тотъ приклонился и дунулъ на богатыря да таково сильно, что онъ на конѣ не устоялъ — палъ на сырую землю что овсяной снопъ. Тогда малъ-старъ челоѣкъ сжался надъ нитяземъ и пропустилъ его домой <sup>1)</sup>. Бѣлорусское преданіе утверждаетъ, что Перуну подвластны духи гарцуки (отъ гарцовать — играть, бѣгать въ запуски), которые живутъ въ горахъ (= тучахъ) и съ виду похожи на маленькихъ дѣтей; когда они, играя, устремляются въ запуски, то отъ быстрого ихъ бѣга подымается вихрь и начинается крутить песокъ, а когда несутся по воздуху, то полетъ ихъ производитъ бурю и непогоду <sup>2)</sup>. Сербы объясняютъ вихри полетомъ вѣдгоней, въ которыхъ олицетворяютъ они души. Что касается водной стихіи, то русской народъ населяетъ ее русалками; а чехи представляютъ воднаго маленькимъ челоѣчкомъ въ красномъ камзолѣ и красной шапкѣ <sup>3)</sup>.

Яркіе лучи восходящаго солнца древніе поэты уподобляли золотымъ рукамъ и розовымъ пальцамъ, простираемымъ богиней Зорею изъ темныхъ нѣдръ ночи; таже метафора служила и для обозначенія молніи, исходящей изъ мрака ночноподобныхъ тучъ (I, 199). Представляя громовую тучу великиномъ или дракономъ, созерцая въ грозѣ торжественное явленіе Перуна, фантазія рисовала молнію пальцемъ на рукѣ громовника или враждебнаго ему демона. Отъ того «громовыя стрѣлки» (*donnerhämmer*) называются въ Германіи *teufels-*

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., I-II, стр. 409-410. — <sup>2)</sup> Приб. къ Ж. М. Н. П. 1841, 87-88. — <sup>3)</sup> Громаннъ, 12.

finger <sup>1)</sup>), а на Руси — чортовы пальцы. Выше (стр. 682) мы привели могилевское сказаніе о чортѣ, который поднималъ цѣлую гору (= тучу) на мизинцѣ. И по нѣмецкимъ, и по русскимъ преданіямъ — на скалахъ и камняхъ, бросаемихъ великанами и чертами, отпечатываются слѣды ихъ пальцевъ <sup>2)</sup>). Въ одной изъ нашихъ сказокъ <sup>3)</sup>) змѣй надѣленъ огненнымъ пальцемъ, сила котораго дѣлаетъ его неодолимымъ: срубленные богатыремъ головы чудовища вновь прирастаютъ къ его туловищу, змѣй подхватываетъ ихъ на лету и только черкнетъ огненнымъ пальцемъ — какъ онѣ появляются на прежнихъ мѣстахъ; такимъ образомъ змѣиный палецъ дѣйствуетъ также цѣлбно, какъ Перунова лоза, удары которой даруютъ здравіе и самую жизнь. Наконецъ богатырь догадывается и отсѣкаетъ змѣю огненный палецъ, и затѣмъ уже поражаетъ его на смерть. Это напоминаетъ греческое сказаніе о битвѣ Геркулеса съ лервейскою гидрою. Гидра была огромная змѣя о девяти головахъ, и когда герой сбивалъ съ нея одну голову — на мѣсто утраченной сейчасъ вырастали двѣ новыя. Въ такой опасности помогъ ему Іоанлай: по мѣрѣ того, какъ Геркулесъ сбивалъ головы гидры, онъ прижигалъ ей шею горячимъ полѣномъ, и голова болѣе уже не вырастала. Огненный палецъ русской сказки соответствуетъ горячему полѣну греческаго преданія; но въ послѣднемъ орудіе это отдано во власть богатыря-громоулика, и согласно съ этимъ не прижигаетъ головы гидры, а напротивъ помогаетъ сбивать ихъ окончательно. Наши знахари придаютъ безъимянному пальцу особенную чародѣйную и цѣлбную силу: обводя имъ болячку, они приговариваютъ, чтобы варывъ или вередъ нѣсохъ на тѣлѣ, какъ сохнетъ сложенный древесный сукъ; иногда, вмѣсто пальца,

<sup>1)</sup> D. Myth., 164. — <sup>2)</sup> Ibid., 512-3, 974. — <sup>3)</sup> Н. Р. Сл., VII, 3.

обводить болѣе сухимъ отросткомъ дерева (I, 259). Зная, что съ молніей равно соединялись и живительная, и мертвящая силы, что Гермесовъ жезлъ (=Перунова лоза) не только пробуждалъ мертвыхъ, но и погружалъ въ непробудный сонъ (т. е. предавалъ ихъ смерти), мы должны допустить тоже двойное значеніе и относительно пальца, какъ метафоры молніи. Въ числѣ обвиненій, какія возводились на вѣдьмъ въ Германіи, памятники упоминаютъ, будто бы онѣ, вырывая трупы маленькихъ дѣтей и выкидывая ихъ, отрѣзывали у нихъ пальцы, и потомъ въ случаѣ надобности жгли эти пальцы и тѣмъ самымъ усыпляли всѣхъ живущихъ въ домѣ. Тоже чарующее дѣйствіе приписывается и большому пальцу (*daumen*), отрѣзанному отъ руки повѣшеннаго вора <sup>1)</sup>. По чешскому повѣрью, воры стараются добыть палецъ мертворожденнаго ребенка, высушиваютъ его, и приступая къ кражѣ, зажигаютъ словно свѣчку; пламя, даваемое этимъ пальцемъ, наводитъ на жильцовъ дома крѣпкой сонъ, а самихъ воровъ дѣлаетъ невидимками <sup>2)</sup>. На Руси воры обводятъ сонныхъ хозяевъ «мертвой рукою» (т. е. рукою, отрѣзанною у мертвеца), или зажигаютъ свѣчу, сдѣланную изъ жира покойника: та и другая чара избавляютъ ихъ отъ опасности быть захваченными, потому что пока продолжается обаяніе «мертвой руки» или пока горитъ свѣча — въ домѣ никто не проснется <sup>3)</sup>. Въ этихъ повѣрьяхъ воры заступаютъ мѣсто облачныхъ демоновъ, жадныхъ похитителей небеснаго золота; а мертвецы, пальцамъ которыхъ придана такая чудесная сила, означаютъ собственно эльфовъ, обитателей подземнаго, загробнаго міра.

<sup>1)</sup> D. Myth., 1027; Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 340.—

<sup>2)</sup> Громаниъ, 106, 205. — <sup>3)</sup> Иллюстр. 1846, 345; тоже рассказываютъ и въ Литѣ—Рус. Сл. 1860, V, 27.



Оба указанных уподобленія молніи карлику и пальцу были соединены фантазіей въ одинъ мифическій образъ: малый ростъ карлика стали сравнивать съ пальцемъ на рукѣ, и вотъ явился мальчикъ-съ пальчикъ <sup>1)</sup> или Мизничикъ. По свѣдѣтельству русской сказки, онъ нарождается на свѣтъ отъ случайно-отрубленнаго пальца его матери, т. е. подъ ударомъ Перунова меча облачная жена теряетъ свой палецъ, или прише — ту падучую молнію, которою она была чревата и которая, какъ мы видѣли, признавалась за ея дѣтище. Въ преданіяхъ лужицкомъ и хорутанскомъ *Palčik* (*Palček*) — нѣжное, прекрасное существо; если онъ и подвергается разнымъ опасностямъ ради своей ничтожной величины, то вслѣдствіе той-же особенности, а также вслѣдствіе своей догадливости и лукавства, всегда ловко выпутывается изъ бѣды <sup>2)</sup>. Это сказочное лицо встрѣчается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и слѣдовательно принадлежитъ къ кругу тѣхъ мифическихъ представленій, за которыми слѣдуетъ признать глубочайшую древность происхожденія. У пруссовъ и литовцевъ карликъ этотъ называется *parstuk* (*perstuk* — отъ лит. *pirsztas*, сл. перстъ), у нѣмцевъ — *daumesdick*, *daumerling*, т. е. человечекъ величиною съ тотъ «большой» палецъ, которому на Руси присвоится имя корочуна (сравни: коротышъ — малорослый, карло <sup>3)</sup>); греческій пигмей (*πυγμαῖος* отъ *πυγμή* — кулакъ) — буквально тоже, что въ русскихъ сказкахъ: мужичокъ-съ кулачокъ; въ санскритѣ *bāla-khilja* <sup>4)</sup> — гений, одаренный высочайшею мудростью, рос-

<sup>1)</sup> Мальчикъ — уменьшит. форма отъ *малъ*, *малый*. — <sup>2)</sup> Сб. Валявца, 116-9; *Volkslieder der Wenden*, II, 268. — <sup>3)</sup> Доп. обл. сл., 89. Въ дѣтской игрѣ: «сорока-ворона кашку варила» о большомъ пальцѣ причитываютъ: «тому не дала; онъ — корочунъ, дрожа не рубилъ, воды не носилъ» и т. дал. — <sup>4)</sup> D. Myth., 419-420: *„bāla bedeutet puer, parvulus, khilja verstehe ich nicht“*.

томъ съ большой палецъ; индусы вѣрили, что малытки эти, въ числѣ шестидесяти тысячъ, произошли изъ волосъ Брамь (волоса—метафора тучи <sup>1)</sup>). Въ народныхъ сказкахъ <sup>2)</sup> мальчикъ—съ пальчикъ изображается такимъ крошкою, что легко можетъ скрыться въ хвостѣ или гривѣ коня, въ его ноздрѣ, ухѣ или подъ копытомъ; это — баснословный конь-туча, изъ ушей и ноздрей котораго исходитъ грозовое пламя и который ударомъ своего копыта выбиваетъ живые источники дождя. Мальчикъ—съ пальчикъ удобно помѣщается подъ грибомъ, словно подъ крышею; мышиная норка и раковина улитки—для него цѣлый домъ; по своему чрезвычайно-малому росту онъ сравнивается съ прыгающимъ по травѣ кузнечикомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи эльфическія существа (души усопшихъ), сопровождающія Берту, называются *heime he n*—сверчки <sup>3)</sup>. Отсюда объясняются русскія примѣты: если стрекочетъ сверчокъ—онъ выживаетъ кого-нибудь изъ дому — зовешь его на тотъ свѣтъ; если по ночамъ куетъ въ стѣнѣ кузнечикъ (червячокъ, который заводится въ деревянныхъ постройкахъ и производитъ шумъ, похожій на стукъ часовъ)—это предвѣщаетъ скорую смерть одного изъ членовъ семьи <sup>4)</sup>. Самое названіе кузнечикъ, очевидно присвоенное насекомымъ ради производимаго ими стрекотанья и стука, стоитъ въ связи съ представленіемъ карликовъ—

<sup>1)</sup> Я. Гриммъ, говоря о *daumerling's*, приводитъ сказанія, въ которыхъ, согласно съ мифомъ о малюткѣ-молати, плавающей въ дождевомъ морѣ, мальчикъ—съ пальчикъ представляется носящимся по морскимъ волнамъ. Когда наступилъ потопъ и воды покрыли вселенную—Вишну, въ образѣ крохотнаго дитяти, плавалъ на листѣ фигового дерева (о которомъ см. стр. 277) по молочному морю.—<sup>2)</sup> Н. Р. Ск., V. 21; Шлейхеръ, 7-8; Сказ Грим., 37, 45; Ск. Норв., II, 14; *Zeitsch. für D. M.*, I, 48-49, 381; Гавъ, 55. 99.—<sup>3)</sup> D. Myth., 414.—<sup>4)</sup> Оренб. Г. В. 1851, 9; Записки Андѣев., 140-2; Абев., 227; Иллюстр. 1846, 333.

кузнецами. Кромѣ червей, сверчковъ и кузнечиковъ, карлики были уподобляемы и другимъ мелкимъ наѣжкомъ: что въ древнѣйшихъ сказаніяхъ приписывалось эльфамъ и цвергамъ, то теперешнія сказки относятъ къ трудолюбивымъ пчеламъ и муравьямъ, которые представляются маленькими, разумными народами, живущими подъ властію своихъ царей и царицъ <sup>1)</sup>. Пчела принималась за воплощеніе молніи, сосущей изъ облаковъ небесный медъ; какъ эльфы зародились первоначально въ трупѣ великана, такъ подобное-же происхожденіе изъ сгнившаго мяса соединяють преданія и съ пчелами (I, 381—5). Ниже (въ гл. XXIV) мы увидимъ, что карлики-души олицетворялись бабочками, которыя изъ ползучихъ червей (личинокъ) преобразуются въ легкокрылыя созданія, и другими наѣжками, осужденными подлежать той-же метаморфозѣ.

По любопытному свидѣтельству Младшей Эдды, Торъ провелъ однажды цѣлую ночь въ мизинцѣ великановой перчатки. Выѣстъ съ Локи и слугою Тіальфи, отправился онъ въ жилище іотовъ; на пути остановились они ночевать въ лѣсу—въ одномъ странномъ зданіи, дверь котораго была шириною во весь домъ. По утру, напуганные страшнымъ шумомъ, громомъ и землетрясеніемъ, они бросились изъ своего убѣжища и увидѣли огромнаго великана Скримира (Skrýmir); шумъ и громъ происходили отъ его хрипѣнья, а ночевалъ Торъ съ своими товарищами въ его рукавицѣ. Ночь — метасора мрака отъ сгущенныхъ облаковъ; богъ-громовникъ или сама молнія покоится въ великанѣ-тучѣ, и только при ударахъ грома пробуждается отъ сна и выходитъ изъ своей темной спальни. Увидавъ исполина, Торъ ударилъ его въ голову своимъ молотомъ; но Скримиръ даже не тронулся; «кажись,

<sup>1)</sup> Irische elfenmärch., LXXXIX.

древесный листъ упалъ мнѣ на волосы!» сказалъ онъ. Два другіе удара, нанесенные Тормъ, оказались также безсильными; великанъ думалъ, что на него свалился мохъ или жолудь <sup>1)</sup>. Преданіе это, во всей своей свѣжести, сохраняется и въ былинахъ русскаго народа: Илья Муромецъ (==Перунъ) очутился въ глубокомъ карманѣ Святогора, который былъ такъ громаденъ, что головой въ облака упирался <sup>2)</sup>. Напрасно онъ и другой богатырь Добрыня пробуютъ надъ великанами силу своихъ ударовъ, отъ которыхъ разлетаются въ щепы вѣковые дубы; великаны или вовсе не замѣчаютъ этихъ ударовъ, или принимаютъ ихъ за ничтожное ужаленіе комаровъ. О великанѣ Оферушѣ (==св. Христофоръ) католическая легенда говоритъ, что онъ въ большомъ пальцѣ своей рукавицы отпраздновалъ сестринну свадьбу (==брачный союзъ громовника съ облачною дѣвою). Очевидно, что въ приведенныхъ сказаніяхъ богъ-метатель молній выступаетъ съ характеромъ карлика, приравнивается мальчику-съ пальчикъ, и согласно съ этимъ самые удары его представляются нечувствительными для исполиновъ-тучъ. Но если не открытою силою, то своимъ лукавствомъ и изворотливостью карлики страшно-опасны великанамъ (см. выше стр. 719—о пахарѣ, котораго принёсъ великанъ въ своей перчаткѣ). Въ финской поэзіи Вейнемейненъ, проглоченный великаномъ Випуненомъ, развелъ въ его брюхѣ огонь (==молніи) и принялся ковать; стукъ, пламя и дымъ причинили Випунену столько боли и безнокойства, что онъ вынужденъ былъ умолять своего противника о пощадѣ и сообщить ему свои чародѣйныя заклинанія (==громовые глаголы—см. выше стр. 152-3). Точно такъ, по свидѣтельству сказокъ, мальчикъ-съ пальчикъ попадаетъ въ брюхо черной

<sup>1)</sup> Die Götterwelt, 221-2.—<sup>2)</sup> Болгарская сказка (Филолог. Записки 1866, IV-V, 90) заставляетъ своего героя прятаться въ пустой зубъ великана.

коровы, которая проглотила его вмѣстѣ съ клоккомъ сѣна; очутившись въ совершенныхъ потѣмкахъ, мальчикъ-съ пальчикъ подымаетъ такой шумъ, что испуганный хозяинъ убиваетъ корову, а брошенную требуху, вмѣстѣ съ заключеннымъ въ ней карликомъ, проглатываетъ бѣжавшій мимо волкъ. Но и въ желудкѣ волка онъ не теряетъ бодрости: какъ только залушаетъ звѣрь поживиться чужимъ добромъ, лукавый мальчикъ подымаетъ крикъ, призывая людей бѣть вора; пришлось бѣдному волку хоть съ голода помирать, и наконецъ онъ таки заплатился своимъ шкурою. Когда хищный звѣрь былъ убитъ, мальчикъ-съ пальчикъ освободился изъ своей темницы. И корова, и волкъ — зооморфическія олицетворенія тучи, поглощающей въ свою утробу малютку-молнію и гибнущей подъ ударами грозы; крики карлика — метафора грома. Весьма вѣроятно, что въ большей части дѣтскихъ сказокъ, посвященныхъ животнымъ (*thiermährchen*), таятся ииенческія основы; если, при настоящемъ состояніи науки, основы эти и не вездѣ выяснены, то относительно нѣкоторыхъ сказокъ замѣчаніе наше уже не можетъ возбуждать сомнѣній. Такова сказка о волкѣ и козѣ<sup>1)</sup>). Вмѣсто хитраго карлика, волкъ (= туча) проглатываетъ маленькихъ козлятъ, т. е. грозовыхъ духовъ въ ихъ животненномъ воплощеніи, и потомъ сгораетъ въ грозевомъ пламени или тонетъ въ дождевыхъ потокахъ: истинная коза, по однимъ вариантамъ, заманиваетъ волка въ огненную яму, гдѣ онъ ломается отъ жару, а изъ брюха его выскакиваютъ живые козлятки; по другимъ же вариантамъ, она разрѣзываетъ сонному волку брюхо, освобождаетъ оттуда козлятъ и въ замѣну ихъ кладетъ тяжелыя камни; томимый жаждою, волкъ идетъ къ источнику, но камни увлекаютъ его въ глубину — и онъ тонетъ. Что здѣсь дѣйствуютъ

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., II, 4; IV, 17; Сказ. Грим., 5; Zeitsch. für D. M., I, 469.

не простые зѣбра, а волкъ-туча в Торovy козлята, это очевидно изъ самой обстановки сказки: прежде, нежели удалось волку пожрать козлятокъ, онъ обращается къ кузнецу съ просьбою выковать ему тонкой голосъ, т. е. надѣлать его тѣмъ-же грозowymi звуками, какия слышатся во время кузнечной работы карлвовъ (см. выше стр. 482); попадая въ волчье брюхо, козлята не умираютъ в, подобно мальчику-съ пальчикъ, выходятъ изъ своей временной темницы веселыми и рѣвыми; наконецъ замѣна ихъ камнями стоитъ въ связи съ представленіемъ молній каменными орудіями. Нѣкогда цверги, рассказываетъ нѣмецкая сага, вложили спящему великану въ ноздрю большой камень (=donnerstein); великанъ вскочилъ, долнулъ носомъ—и камень полетѣлъ съ такою силою, что раздробилъ гору (=тучу); все кругомъ задрожало, и цверги навѣрно были бы уничтожены, еслибы не ударилъ громъ и не поразилъ великана<sup>1)</sup>.

Приведенный нами эпизодъ о встрѣчѣ бога-громовника съ Скримиромъ Эдда продолжаетъ такъ: Скримиръ предлагаетъ себѣ въ спутники Тору и его товарищамъ, доводитъ ихъ до самыхъ горъ Утгарда (=Asgard—внѣшній міръ, царство великановъ и демоновъ) и тамъ разстается съ ними. Странники входятъ въ высокой городъ царя великановъ Utgardhaloki: такъ названъ Локи, какъ демоническій владыка Утгарда; такимъ образомъ, подъ вліяніемъ различныхъ воззрѣній, Локи раздвояется на два отдѣльных лица: съ одной стороны онъ—товарищъ Тора, а съ другой—враждебный ему демонъ. Царь вызываетъ гостей на состязаніе, и вслѣдъ за тѣмъ начинается рассказъ о ихъ чудесныхъ подвигахъ, близко-сходныхъ съ тѣми, какіе совершаютъ нашъ сказочный герой и его помощники: Объядало, Опивало и Скореходъ (стр. 703-8). Прежде всѣхъ

<sup>1)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 324.

заявляетъ себя Локи; онъ похвастался своимъ обжорствомъ и долженъ былъ состязаться съ ненасытнымъ Logi. Царь приказалъ поставить передъ ними огромное корыто съ рыбою; оба соперника бросились на яству съ одинаковою жадностью—одинъ съ одного конца корыта, другой съ другого, и встрѣтились на его срединѣ. Но Локи ѣлъ только мясо, а Логи вѣстѣ съ мясомъ ножиралъ и самыя кости и корыто, и потому побѣда осталась за нимъ. Потомъ Тіальфи спорить въ быстротѣ бѣга съ легконогимъ Hugi, который трижды его обгоняетъ. Самъ Торъ выступаетъ, какъ Оливало, Царь указываетъ ему рогъ, изъ котораго пьютъ великаны; принялся Торъ опорожнять этотъ сосудъ, но сколько ни силился—не выпилъ и половины. Издѣваясь надъ славнѣйшимъ изъ боговъ, царь предлагаетъ ему два другихъ опыта: поднять громадную сѣрую кошку и побороться съ старухою Elli; Торъ и тутъ вынужденъ былъ сознаться побѣжденнымъ: онъ могъ приподнять только одну кошачью лапу, а Элли повалила его наземъ. На другой день, провожая гостей, царь открываетъ Тору и его спутникамъ, что великанъ Скримиръ, встрѣченный ими въ лѣсу, былъ онъ самъ, что три удара нанесены Торовымъ молотомъ не въ его черепъ, а въ скалы; Локи не могъ одолѣть своего соперника, потому что состязался съ дикимъ огнемъ (logi — огонь, жаръ), который пожигалъ и кости и дерево; Тіальфи не могъ обогнать Гуги, потому что спорилъ съ быстротою мысли (hugi) царственного великана; рогъ, изъ котораго пилъ Торъ, былъ погруженъ въ море, в хотя отъ усилій бога произошелъ морской приливъ, но онъ не въ состояніи былъ вытянуть всю воду; кошка, лапу которой приподнял могучій громовникъ, была не что иное, какъ великій змѣй Мидгарда, обнимающій собою всю землю; а боролся Торъ съ старостью (буквальный переводъ имени Elli). Разгнѣванный Торъ замахивается на царя великановъ своимъ молотомъ; Utgardha-

loki и его городъ мгновенно исчезаютъ, и на мѣстѣ послѣдняго возникаютъ зеленѣющіе луга<sup>1)</sup>). Последняя половина сказанія, состоящая въ поясненіи мѣта, вызвана тою неясностью древнихъ представленій, которая уже чувствовалась въ XIII столѣтіи — при составленіи Младшей Эдды, когда надо было возстановить утраченный въ народномъ сознаніи смыслъ старинныхъ словъ и напомнить, что великаны тучъ унодоблялись скаламъ, что чудовищная кошка есть только особенный образъ исполнскаго змѣя, а напитокъ, утоляющій жажду Тора и великановъ, поглощается ими изъ воздушнаго — дождеваго моря. Пользуясь этими указаніями, снимемъ съ мѣта его поэтическій покровъ в обнажимъ заключенную въ немъ мысль: въ зимнюю пору богъ-громовникъ исчезаетъ изъ свѣтлаго міра асовъ и скрывается, съ своими обычными помощниками, въ мрачной области великановъ. Сила его ослабѣваетъ: удары, наносимые имъ великану, уже не поражаютъ его смертельно. ибо, подъ вліяніемъ стужи, дождевыя тучи цѣпенѣютъ и превращаются въ твердыя скалы; пожирающее пламя его молній уступаетъ силѣ демоновъ, владѣющихъ подземнымъ огнемъ, а скорость его полета — быстротѣ надвигающихся на небо облаковъ, въ которыхъ древнѣйшая поэзія усматривала мозгъ — сѣдалище ума, или самыя мысли великана (см. I, 118): Торъ уже не въ состояніи осушать дождевыя источники, не въ состояніи потрясать небеснымъ окіаномъ, въ вѣдѣ змѣя окружающимъ землю, и падаетъ въ борьбѣ съ Зимой, которая на метафорическомъ языкѣ обыкновенно называется старостью природы. Но какъ скоро покидаетъ онъ страну демоновъ, а это совершается при возвратѣ весны, — сила его начинаетъ дѣйствовать быстро и могущественно: отъ взмаха его молота исчезаютъ великаны мрака и холода и земля покрывается свѣжею зеленью.

<sup>1)</sup> Die Gotterwelt, 222-4.



Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ мотивовъ, встрѣчаемыхъ въ народномъ эпосѣ индоевропейскихъ племенъ, — это споръ и состязаніе громовника съ великаномъ или демономъ: кто изъ нихъ сильнѣе? Опыты своей силы они заявляютъ бросаніемъ скалъ, богатырскимъ свистомъ, могучими ударами, пожираніемъ яствъ и поглощеніемъ напитковъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно-любопытна русская сказка «о батракѣ и чортѣ», нечуждая впрочемъ и другимъ народамъ <sup>1)</sup>. Въ разныхъ мѣстностяхъ она передается съ разнообразными отмінami; при развитіи ея основной мысль, фантазія допустила два главные видоизмѣненія: въ одномъ разрядѣ вариантовъ герой сказки не отличается особенною крѣпостью мышцъ, и если беретъ верхъ надъ чортомъ, то единственно хитростью; въ другихъ же вариантахъ — фантазія надѣляетъ его, вмѣстѣ съ хитростью, и необычайной сверхъестественной силою, влѣдствіе чего онъ сближается съ богатырями стихійной породы: удары его также стремительны и страшны, какъ удары грома. Русское преданіе даетъ этому герою знаменательное имя Балда, что прямо свидѣтельствуетъ за его близкое родство съ Перуномъ и Торомъ. Слово балда (отъ санскр. *bhaṭ* = *bhaṭ*) — разить, ударять, рубить; отъ того-же корня происходятъ: болтъ и булава) означаетъ: большой молотъ, колотушка, дубинка, палица <sup>2)</sup>. Какъ собственное имя героя, оно должно указывать на его болѣе существенный и характеристичный признакъ; а чѣмъ-же такъ резко отличаются Перунъ и Торъ отъ прочихъ боговъ и демоновъ, какъ не своею молниеносной палицей и молотомъ? Понятна

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., V, 9; VI, 10, 11; Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, I, 441; Худяк., 27, 71, 95; Орленвейн., 29; Семеновск., 138-141; Иллюстр. 1848. № 27; Сынъ Отеч. 1839, III, смѣсь, 22-25; Westsl. Märch., 164-7; Шоттъ, 233-5; Сказ. Грим., 90. — <sup>2)</sup> Толков. Слов., I, 38; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 582.

поэтому та великая богатырская мощь, какую надѣляется Балда въ сказкахъ: онъ можетъ давать такіе щелчки, что отъ нихъ падаютъ мертвыми быкъ и медвѣдь, и такіе щипки, что съ самаго сильнаго быка, котораго не могутъ сдержать нѣсколько мужиковъ, сразу слѣзаетъ вся шкура; эта страшная сила пальцевъ объясняется изъ мифическаго представленія молніи божественнымъ перстомъ, которымъ громовникъ побиваетъ небесныхъ быковъ и срываетъ съ нихъ облачныя шкуры (сравни выше, стр. 590). Туже эпическую черту встрѣчаемъ и въ преданіяхъ другихъ народовъ; такъ въ нѣмецкой сказкѣ герой убиваетъ горнаго великана тремя пальцами <sup>1)</sup>, а въ сборникѣ Гана <sup>2)</sup> королевичъ признается, что вся его сила заключается только въ двухъ пальцахъ. Посланный отобрать у нечистыхъ золото, Балда отправляется на чортову мельницу (см. I, 295), слѣзъ на плотинѣ и принялся вить веревку. Вдругъ выпрыгнулъ изъ воды чортъ: «батракъ! что ты дѣлаешь?» — Чай самъ видишь: веревку вью. «На что тебѣ веревка?» — Хочу васъ чертей изъ воды таскать да на солнышкѣ сушить; а то вы окайнные совѣи перемокли! «Какъ-же будешь ты чертей таскать? вѣдь наши омуты бездонные. — Велика важность! у меня есть на то веревка такая: сколько хочешь итѣрай, все конца не доберешься. — А ну, покажи!» Батракъ связалъ оба конца веревки и подалъ чорту; ужъ тотъ итѣрилъ, итѣрилъ — все конца нѣту. Бѣсъ приунылъ, готовъ на выкупъ идти. «Ну что-жъ? говорить батракъ; я не прочь, коли насыпите этотъ шлыкъ золотишъ.» — Постой, надо старшова спросить! сказалъ чортъ и нырнулъ въ воду. Батракъ сейчасъ за лопату, вырылъ глубокую яму, прикрылъ ее сверху хворостомъ, по-середкѣ свой шлыкъ поставилъ, а въ шлыкѣ загодя дыру вырѣзалъ. Воротился чортъ:

<sup>1)</sup> Волфъ, 269 — <sup>2)</sup> Ганъ, II, стр. 235.

«дѣдушка говоритъ, чтобы напередъ попытать твоей силы; давай-ка бороться!» — Гдѣ тебѣ со мной бороться! да ты не сладишь съ моимъ середнимъ братомъ Мишкой. «А гдѣ твой Мишка?» — Вонъ, подъ кустикомъ отдыхаетъ (говоритъ батракъ, показывая на медвѣдя); ступай, ударь его по боку, онъ сейчасъ подымется. Пошелъ чортъ, хватилъ медвѣдя дубинкою; поднялся Мишка на дыбки, скрутилъ нечистаго такъ, что у него всѣ кости затрещали: василу вырвался изъ медвѣжьихъ лапъ. «Давай, говоритъ батраку, попробуемъ теперь въ запуски: кто кого обгонитъ?» — Куда тебѣ со мной въ запуски бѣгать! мой меньшой братышка Занька — в тотъ тебя далеко опередитъ. «Да гдѣ онъ?» — Вонъ въ травѣ лежитъ, отдыхаетъ. Побѣждалъ чортъ, тронулъ зайца за ушко; тотъ какъ прыснулъ — только и видѣлъ его нечистой. «Ну, батракъ! говоритъ чортъ, попытаемъ: кто крѣпче свистнетъ?» — Пожалуй! Чортъ свистнулъ такъ громко, что съ деревьевъ листья посыпались. «Хорошо свистишь, отозвался батракъ, а все не по моему! Какъ я свистну — тебѣ на ногахъ не устоять и уши твои не вынесутъ... Ложись ничкомъ наземъ да заткни уши пальцами.» Чортъ послушался, а батракъ взялъ дубину да со всего размаху какъ хватить его по головѣ: у чорта ажно искры изъ глазъ посыпались, еле съ земли поднялся! бросился въ омутъ и притащилъ оттуда желѣзную дубинку: «давай, батракъ, пробовать — кто изъ насъ выше вскинетъ эту дубинку на воздухъ?» — Кидай ты прежде. Чортъ кинулъ — и дубинка съ гуломъ полетѣла высоко-высоко, а какъ назадъ упала — такъ земля и пошла ходенемъ. Взялъ батракъ дубинку — тяжела! оперся на нее и началъ пристально глядѣть на небо. «Чтожъ ты не бросаешь? чего ждешь?» спрашиваетъ чортъ. — Жду, когда вонъ эта тучка подойдетъ; тамъ сидитъ мой братъ кузнецъ, къ нему и вскину: желѣзо-то ему пригодится! «Что ты! не забрасывай, а то дѣдушка разсердится.» Выхва-

тилъ чортъ дубинку, нырнулъ на дно и явился съ докладомъ къ дѣду-сатанѣ. Испуганный сатана велѣлъ поскорѣе таскать золото. Принялись черти за работу, и долго-долго таскали золото, пока наконецъ наполнили и дырявой шлыкѣ, и скрытую подъ нимъ яму. Не смотря на шуточный тонъ рассказа — плодъ позднѣйшей обработки преданія, древнія черты могучаго громовника, побѣдителя демоновъ, еще донынѣ довольно живо выступаютъ въ нашемъ сказочномъ героѣ. Онъ называетъ своихъ братьями: а) медвѣдя, который въ мифическѣхъ сказаніяхъ старины обозначаетъ то дождевую тучу, то самого Перуна, какъ поглотителя небеснаго меда (= дождя); б) зайца, въ образъ котораго олицетворился быстрый, неуловимый бѣгъ молніи, и в) кузнеца, обитающаго въ тучѣ, по известной связи кузнечнаго ремесла съ грозой. Уступая медвѣдю въ силѣ и зайцу въ быстротѣ, чортъ собственно уступаетъ Балдѣ. Животныя эти заѣмляютъ собою тѣхъ славныхъ спутниковъ, въ сообществѣ съ которыми выходитъ громовникъ на свои подвиги: заяцъ вграетъ роль Скорехода а медвѣдь соответствуетъ богатырю Ивану-Медвѣдку (см. ниже). Вмѣсто эпизода о бросаніи желѣзной дубинки (= громовой палицы),—въ сказкѣ, напечатанной въ сборникѣ Венжига <sup>1)</sup>, богатырь Юра держитъ закладъ съ чортомъ: кто выше подброситъ мельничныи жорновъ (о мифической связи грозы съ жорновомъ см. I, 290—1); чортъ подбросилъ жорновъ такъ высоко, что камень оставался въ воздухѣ пять минутъ, а когда дошла очередь до Юры—камень упалъ на землю черезъ два часа. Очевидно, что и Балда не затруднился бы закинуть желѣзную дубинку въ летучее облако. Конечнымъ результатомъ состязанія Балды съ чортомъ было обрѣтеніе великихъ сокровищъ. Побѣжденный чортъ выносить изъ сво

<sup>1)</sup> Westsl. Märch., 124-7.

нѣтъ темныхъ омутовъ несметныя груды золота и отдаетъ счастливому сопернику, т. е. благодаря побѣдѣ, одержанной Перуномъ надъ злыми демонами, золотое солнце выходитъ изъ мрака дождевыхъ тучъ и снова начинаетъ сіять на высокомъ небѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что приведенное нами сказаніе нѣкогда передавалось болѣе-серьезнымъ эпическимъ тономъ, и герой выступалъ дѣйствительно сильно-могучимъ богатыремъ. Но впослѣдствіи, когда съ одной стороны основа преданія болѣе или менѣе затемнилась въ народномъ сознаніи, а съ другой выступилъ впередъ народный юморъ и овладѣлъ многими изъ эпическихъ сказаній, налагая на нихъ свои тѣни и краски,—прежній герой (согласно съ указаннымъ нами представленіемъ громовика лукавымъ карликомъ) преобразился, низшелъ до ничтожныхъ размѣровъ человѣческой природы и сталъ одо-лѣвать великановъ-демоновъ уже ни силою удара, ни крѣпостію мышцъ, ни громовыми звуками голоса, а изворотливостію хитраго ума. Отсюда возникъ цѣлый рядъ насмѣшливыхъ разсказовъ, въ которыхъ чортъ играетъ весьма жалкую роль недогадливаго простака—подобно тому, какъ таже роль выпала и на долю великановъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ болѣе части народныхъ сказокъ, гдѣ выводится на сцену нечистый духъ, преобладаетъ шутивно-сатирическій складъ. Чортъ въ сказкахъ не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жертва людскихъ обмановъ: то больно достается ему отъ злой жены, то бьетъ его солдатъ прикладомъ и желѣзными прутьями, то понадеетъ онъ подъ кузнечные молоты, то обмѣриваетъ его мужикъ при уплатѣ занятыхъ денегъ. Это, очевидно, — не тотъ типъ, какой выработанъ въ христіанской догматикѣ; напротивъ, всѣ сказочныя подробности убѣждаютъ насъ, что подъ именемъ чорта здѣсь скрывается демонъ древнѣйшей, языческой эпохи. Точно такимъ-же простакомъ въ одной изъ русскихъ сказокъ

представленъ змѣй, обманутый слабосильнымъ, но хитрымъ цыганомъ <sup>1)</sup>. Змѣй похваляется проглотить цыгана. «Врешь, подавишься!» отвѣчаетъ тотъ. — Чтожъ, развѣ ты сильнѣе меня? «Еще бы! чай самъ знаешь, что у меня сила больше твоей.»—А ну давай-попробуемъ: кто кого сильнѣе? «Давай!» Змѣй досталъ жерновъ: «смотри — я этотъ камень одной руной раздавлю.» Взялъ камень въ горсть и стиснулъ такъ крѣпко, что онъ въ мелкой песокъ рассыпался: искры такъ и запыгали! «Экое диво! говоритъ цыганъ, а ты сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла. Гляди, какъ я сожму!» Схватилъ узелокъ творогу, сдавилъ — и потекла сыворотка. «Правда, рука твоя сильнѣе моею, говоритъ змѣй, а вотъ попробуемъ: кто изъ насъ крѣпче свистнетъ?» Свистнулъ змѣй—со всѣхъ деревьевъ листья осыпались. «Хорошо свистишь, да не лучше моего, сказалъ цыганъ. Завяжи-ка напередъ свои глаза, а то какъ свистну — они у тебя изъ лба повыскочутъ!» Змѣй завязалъ глаза платкомъ; цыганъ подиалъ дубину да какъ свистнетъ его по башкѣ — змѣй во все горло закричалъ: «полно, полно! не свисти больше, и съ одного разу чуть глаза не выѣзли.» Эта хитрость, основанная на игрѣ двоякимъ значеніемъ слова свистнуть (произвести звукъ и ударить), встрѣчается, какъ мы видѣли, и въ состязаніи Баалы съ чортомъ. Послѣ того змѣй побратался съ цыганомъ и посылаетъ его: «принеси быка на обѣдъ»; цыганъ пошелъ въ степь, видитъ — пасется большое стадо воловъ, давай ихъ ловить да другъ къ другу за хвосты связывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣждалъ самъ: «что такъ долго?» — А вотъ постой: навяжу штукъ пятьдесятъ да за одинъ разъ и поволоку всѣхъ домой. «Экой ты! будешь и одного», сказалъ змѣй, ухватилъ самого жирнаго быка

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., V, 25.

за хвостъ, слернулъ съ него шкуру, мясо взвалилъ на плечи и потащилъ варить, а цыгану наказалъ принести полную шкуру воды. Цыганъ пришелъ къ колодезю и сталъ его кругомъ окапывать. Змѣй опять не выдержалъ, приближалъ и спрашиваетъ: «что ты дѣлаешь?» — Хочу колодезь кругомъ окопать да весь и притащить въ избу, чтобъ не нужно было ходить по воду. «Много, братъ, затѣваешь!» Опустилъ змѣй въ колодезь шкуру, набралъ воды и понёсъ домой. «А ты, говоришь цыгану, ступай пока въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волокни: пора огонь разводить!» Цыганъ пошелъ въ лѣсъ, свилъ длинную веревку и принялся дубы опутывать. Змѣй снова бѣжитъ: «что мѣшкаешь?» — Да вотъ хочу дубовъ двадцать зацѣпить веревкою и тащить всё за одинъ разъ, чтобъ нѣдолго хватило. «Экой ты! все по своему дѣлаешь», сказалъ змѣй, вырвалъ съ корнемъ самый толстый дубъ и поволокъ домой. Цыганъ притворился, что крѣпко сердитъ, надулъ губы и сидитъ молча. Змѣй зоветъ его обѣдать, а онъ съ сердцемъ отвѣчаетъ: «не хочу!» Вотъ змѣй сожралъ цѣлаго быка, выпилъ воловью шкуру воды, и сталъ цыгана допрашивать: «скажи, братъ, за что сердишься?» — А за то: чтó я ни сдѣлаю — все такъ, все не по твоему! «Ну, не сердись, помирись!» Помирились, и собрался змѣй вѣхать къ цыгану въ гости. Какъ стали они подъѣзжать къ табору, увидали цыганята своего отца, бѣгутъ къ нему на встрѣчу голые да во все горло кричатъ: «батяко прїѣхалъ! змѣя привѣзъ!» Змѣй испугался, спрашиваетъ цыгана: «это кто?» — А то мой дѣти! чай голодные теперь; смотри, какъ за тебя прїймутся! Змѣй нѣзъ поноски да поскорѣ бѣжать — такъ и скрылся! Сказка эта извѣстна у разныхъ народовъ <sup>1)</sup>: у померанскихъ кашубовъ и венгровъ

<sup>1)</sup> Эрбенъ, 140-2; Эгн. Сб., V, № 9; Ганъ, 18. 23; Штиръ, стр. 109; Снаа. Грим., 20. Въ норвежской сказкѣ (I, 6) чортъ спорить съ хитрымъ Aschenbrödel (см. о немъ выше, стр. 483): кто изъ нихъ

мѣсто змѣи заступаетъ великанъ столь громадныхъ размѣровъ, что сказочный герой свободно помещается въ палецъ его рукавицы. Изъ сравненія приведенныхъ нами преданій ясно, что чортъ, съ которымъ состязается Балда, есть не болѣе, какъ зашѣна мненческаго змѣи или великана; а цыганъ, обманывающій змѣю, — такой-же громовникъ, какъ Балда или Торъ, ночующій въ перчаткѣ Скримира, на что указываетъ вь вся обстановка сказки: ловля (облачныхъ) быковъ, рытье (дождеваго) источника, возженіе Перунова дерева (грозовымъ) пламенемъ. Старинный мнѣе приписывалъ громовнику выжиманіе молока-дожда изъ камня-тучи; сказка, вмѣсто этого, заставляетъ своего героя выжимать творожную сыворотку. Отсюда понятенъ и тотъ страхъ, какой обнаруживаетъ чудовищный змѣи при видѣ малыхъ цыганятъ, т. е. собственно при появленіи карликовъ — черныхъ эльфовъ. Любопытныя подробности содержитъ въ себѣ нѣмецкій вариантъ сказки, напечатанный въ сборникѣ Гальстриха <sup>1)</sup>: «Der listige Schulmeister und der Teufel». Встрѣтившись однажды съ школьнымъ учителемъ, чортъ хотѣлъ было его спалать. Учитель держалъ въ рукахъ кусокъ сыра; не думая долго, онъ сдвинулъ сыръ и воскликнулъ: «смотри, я такъ тебя стисну, что сокъ потечетъ — вотъ какъ изъ этого камня!» Затѣмъ они начинаютъ состязаться въ силѣ. Послѣ разныхъ испытаній, чортъ предлагаетъ школьному учителю биться на палкахъ. Тотъ согласился, далъ чорту длинную желѣзную палку, себѣ взялъ короткую, подошелъ къ нему близко — почти къ самому рылу, и ну угощать его безчисленными ударами; а чортъ съ своею длинною палкою ничего не могъ сдѣлать на такомъ близкомъ разстояніи. «Го-го! закричалъ онъ,

---

больше съѣсть? Aschenbrödel привязалъ къ себѣ мѣшокъ и началъ складывать ясты; а чортъ, не желая отстать отъ соперника, до того нажрался, что лопнулъ. — <sup>1)</sup> № 27.



попѣняемся палками.» — Охотно, отвѣчалъ учитель; но мнѣ кажется—ты порядкомъ утомился, и потому я сдѣлаю тебѣ еще большую уступку: полѣзай-ка въ свиной хлѣвъ! это сколько-нибудь защититъ тебя отъ моихъ ударовъ. Чортъ взялъ короткую палку и залѣзъ въ свиной хлѣвъ. Учитель сунулъ свой длинный шестъ въ дыру и проткнулъ нечистаго какъ разъ промежъ рѣбръ; а чортъ вовсе не могъ достать своего противника. «Довольно! закричалъ онъ, види, что лѣтъ него кровь такъ и прыщетъ; давай теперь царствовать.» — Изволь! только погоди, и принесу свои когти, сказалъ учитель и принесъ два гребня, которыми расчесываютъ пенку; съ помощію этихъ гребней онъ такъ взборонилъ нечистаго, что тотъ запросилъ пощады. Наконецъ чортъ предложилъ последнее испытаніе: «*Lasse uns denn zur guten Letzt noch in die Wette farzen!*» *Da Hess der Teufel einen so fürchterlichen los, dass der Schulmeister bis an die Zimmerecke hinaufflog.* «*Was machst du da oben?*» sprach der Teufel.—*Ich verstopfe die Ritzen und Löcher, damit du, wenn ich jetzt einen Pumps lasse, nicht hinaus kannst und an der Decke zerschmetterst!*» Чортъ до того испугался, что волосы у него стали дыбомъ, и не дожидаясь опыта—убѣжалъ. Въ раскатахъ грома и свистѣ бури древній человѣкъ узнавалъ тѣ нестройные звуки, какіе демонъ-ту-ча или самъ громовникъ испускаетъ заднимъ проходомъ изъ своего пресыщенного брюха. Эта метафора, по теперешнимъ понятіямъ—и неграціозна, и не совсѣмъ опрятная, несколько не оскорбляла чувства нравственного приличія нашихъ отдаленныхъ предковъ; ко всѣмъ явленіямъ природы они относились съ наивною откровенностью ребенка в не церемонились въ своихъ сближеніяхъ, на какія наводили ихъ родной языкъ и неудержимое стремленіе повсюду отыскивать аналогическія черты. Санскр. *bhastrā*—раздувательный шѣхъ (отъ звуко-подражательнаго корня *bhas*, *bhus*, *bhis* — дуть, сошѣть,

пыхтѣть) стоятъ въ связи съ рус. бздѣти, литов. бездети в бездае (безас) — *holunder, bauchwind* <sup>1)</sup>; у насъ доселѣ употребительно общепонятное выраженіе: испускать вѣтры. Сказочный богатырь Морозъ-Трескунъ является иногда подъ именемъ Мороза-Пердуна: «въ одинъ уголъ перднулъ, въ другой бзднулъ — ужъ вездѣ нней и сосульки висятъ.» О мненческихъ (облачныхъ) мняхъ русскій народный эпосъ говоритъ, что они выкидываютъ задомъ горячія головешки, т. е. молніи (I, 636); а изъ Германіи сохранилось повѣрье, что для защиты себя отъ вѣдьмъ, драконовъ и вообще нечистыхъ духовъ, которыхъ только и можетъ напугать одинъ громъ небесный, достаточно показать обнаженную задницу <sup>2)</sup>. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ сказки, героемъ которой выставленъ мальчикъ-съ пальчикъ, такъ разсказывается о его рожденіи: жили-были старикъ со старухой, дожили до преклонныхъ лѣтъ, а дѣтей у нихъ не было, и вотъ задумали они добыть себѣ сына: взяли кувшинъ и давай въ него «пускать вѣтры»; только это сдѣлали, какъ выскочилъ изъ кувшина крохотный мальчикъ, и назвали его старикъ со старухой — сын окъ-бздунокъ <sup>3)</sup>. — Чортъ, такъ неудачно состязавшійся съ школьнымъ учителемъ, долженъ былъ принести ему цѣлый мѣшокъ золота. Когда нечистой сталъ приближаться къ школѣ, дѣти, наученные своимъ хитрымъ наставникомъ, высунулись изъ оконъ и закричали: «я хочу чортова мяса! и я хочу чортова мяса!» Испуганный чортъ бросилъ мѣшокъ съ золотомъ и убѣжалъ въ пекло — эпизодъ, тождественный съ вышеописанною встрѣчею змѣи цыганатами: змѣй или демонъ-туча, гонимый малютками-молніями, исчеза-

<sup>1)</sup> Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 580. — <sup>2)</sup> *Der heutige Volksglaube*, 120; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 329. — <sup>3)</sup> Эти дѣянія могутъ служить объясненіемъ для сказки, напечатанной нами въ VII выпускѣ, стр. 305.

отъ, и просвѣтленное солнце рассыпаетъ свои золотые лучи на весь міръ.

Мальчикъ-съ пальчикъ повсегда одолеваетъ только хитростью да лукавствомъ; будучи воплощеніемъ, равнозначущимъ той громовой палицѣ, которою Перунъ разитъ демоновъ, онъ представляется иногда могучимъ силачомъ, побѣдителемъ чорта или змѣвъ. Таково содержаніе херутанской приповѣдки<sup>1)</sup>: красавица-сестра несетъ въ поле обѣдъ братьямъ, которые нарочно провели сохой борозду, чтобы она знала— какою дорогою идти; а нечистый (угага—врагъ—чортъ, старонѣм. wagg—волкъ, демоническій предоставитель тучи, гибнущій, по свидѣтельству нашей сказки, отъ козней мальчика-съ пальчикъ) прооралъ другую борозду (сравни I, 560). Дѣвица не попалла на настоящій путь и очутилась во власти чорта. Братья отправляются освобождать ее и приходятъ къ похитителю; чортъ ѣстъ олово, подкуетъ и ихъ тѣмъ-же кушаньемъ, но они отказываются; затѣмъ рубитъ имъ головы и забрасываетъ ихъ въ олово. Не осталось у бѣдной матери дѣтей, стала она молить Бога, и родила малютку по имени Раісёк: съ перваго дня Пальчикъ уже ходилъ, на другой день началъ говорить, а на третій узналъ про судьбу своихъ братьевъ и сестры и поспѣшилъ къ чорту. Нечистый приказалъ подать полную чашку олова; Пальчикъ съѣлъ все дочиста. Пошли пробовать силу; чортъ подбросилъ мечъ такъ высоко, что его полдня назадъ не бывало, а Пальчикъ подбросилъ— мечъ полгода не ворочался. Начали другъ друга кидать; Пальчикъ ухватилъ чорта, забросилъ въ олово и сталъ спрашивать про братьевъ. Чортъ указалъ имъ головы и туловища, велѣлъ помазать шею мазью и ударить палицею; какъ скоро это было сдѣлано—братья ожили. Тогда Пальчикъ отсѣкъ нечистому голову и освободилъ свою сестру. Сказка эта извѣст-

<sup>1)</sup> Сб. Валавца, 116-9.

на и на Руси; но мѣсто чорта въ русской редакціи занимаетъ лютый, многоглавый змѣй, а роль Пальчика играетъ богатырь Покатигорошекъ<sup>1)</sup>. Названъ онъ такъ потому, что рождается отъ горошины, какъ плодъ отъ сѣмени (см. выше стр. 491—2). Идетъ мать его царица по воду, только зачерпнула ведромъ — какъ катится по дорогѣ горошинка и прямо въ ведро; взяла царица горошинку и проглотила, и вотъ разбухло у ней во чревѣ зерно, сдѣлалась она беременна и родила сына. Еще дитятею узнаетъ онъ, что сестру его схватилъ змѣй и унесъ на крыльяхъ вихря въ горы (=тучи), а старшихъ братьевъ на смерть побилъ. Покатигорошекъ велитъ кузнецамъ сковать себѣ семипудовую булаву (въ другомъ спискѣ — булаву въ пятьсотъ пудовъ), и пробуя ея крѣпость, бросаетъ за облака: словно громъ загремѣлъ — понеслась булава высоко-высоко въ поднебесье и скрылась изъ глазъ; черезъ два часа на третій назадъ вернулась. Когда она падала, Покатигорошекъ подставилъ ей на встрѣчу свое колено (или руку) — и булава погнулася. Съ этою булавою и выступаетъ онъ противъ змѣя. Въ народѣ сохранилось смутное преданіе о царѣ Горохѣ; желая обозначить незапамятную старину, малоруссы выражаются: это было еще «за царя Гороша, якъ было людей троша»; въ западнорусскихъ губерніяхъ существуетъ выраженіе: «помнить царя Гороха»<sup>2)</sup>. Слово горохъ, пол. *grósz*, серб. *грах* (грашак) одного происхожденія съ словами: грохъ, грохотъ — стукъ, громъ, грохать (грохнуть, грохотать) — сильно стучать, бить, колотить (сравни огорошить), грохотко — громко<sup>3)</sup>, пол. *gruchotać* — гремѣть, раздроблять на мелкіе куски, *gruchotać się* — рассыпаться, крошиться, *gruchotka* — трещотка, гремушка, серб. *грохати* (грохнуть) — производить стукъ, ударять съ трес-

<sup>1)</sup> Н. Р. Сл., III, 2; V, 24; VIII, стр. 367-376. — <sup>2)</sup> Номис., 433; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнографіе, I, 460. — <sup>3)</sup> Доп. обл. сл., 37.

комъ, обивать зерна кукурузы, ячменя. Подобно тому отъ корня *piç* (*piş*)—дробить, уязвлять, поражать (лат. *piso* или *pi-so*—толочь въ ступѣ, молоть, слав. пѣхати, пихати—ударять, толкать, толочь, пахати—рѣзати, орать землю, пестъ—толкачь, чеш. *orichati*—обдирать пестомъ въ ступѣ зерно, очищать отъ шелухи) образовались: сикр. *reçi*—горохъ, лат. *pisum*, греч. *πῖσον*, *πῖσος*, нрл. *pis*, *piseán*, *pesair*, книр. *pyš*, *pysep*, армор. *piz*; отъ того-же корня нрл. *pio-sa*—кусокъ, крупица, книр. *pişg*—стручья, бобы, *reis-wup*—зерна; рус. песокъ (=пѣськъ, т. е. мелкое, смолотое, какъ литов. *smiltis* съ тѣмъ-же значеніемъ отъ *mal*, *malti*—м'олоть), п(ѣ)шено и п(ѣ)шеница (великорус. форма: пашено, пашеница; сравня лат. *tritiscum* отъ *tegege*—тереть). Славян. зерно (зрьно, чешск. *zrno*, нл. *zarno*, пол. *ziarno*, нѣм. *korn*, лат. *granum*, роман. *grain*), получившее въ литовско-латышскихъ нарѣчіяхъ значеніе гороха—*žirnis*, *signs*, какъ сибирское зернетъ значеніе овса, происходитъ отъ корня *g̃r*, *g̃a r*—тереть, толочь мельчить (олонец. зерць—порохъ) и родственно съ словами жорновъ, лит. *girna'*). Связь означенныхъ понятій возникла въ глубочайшей древности и указываетъ на тогдашнее приготовленіе пищи изъ хлѣбныхъ зеренъ, которыя толклись въ каменной ступѣ (I, 289). Выше мы видѣли, что старинный метафорическій языкъ сблизилъ небесный громъ съ ступомъ жернововъ, а орошеніе полей дождями съ постѣвомъ, и что богъ-громовникъ, какъ творецъ земнаго плодородія, былъ почитаемъ подателемъ и приготовителемъ насущнаго хлѣба. Вѣстѣ съ этимъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ языка, го-

1) Пикте, I, 260, 287-290; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограе., I, 570; Чт. О. И. и Д. 1865, II, 44; Обл. Сл., 70; Доп. обл. сл., 67. Греч. *πῖσος*, лат. *cicer*—горохъ Пикте производить отъ сикр. корня *k̃* или *g̃r*.—толочь, дробить, снмать шелуху.

рохъ является символомъ Перуна или грома и молніи, рождающихся изъ ударъ тучи—точно также, какъ, по свѣдѣтельству мазовецкаго преданія, отъ зеренъ, бросаемыхъ чортомъ, подымается грозовая буря (I, 572). Горошина, отъ которой понесла плодъ сказочная царица, катится по дорогѣ и погружается въ ведро воды, т. е. зерно-молнія упадаетъ въ дожденосный сосудъ (см. выше, стр. 169—о дождяхъ, проливаемыхъ нимфами изъ опрокинутыхъ ведеръ), и тѣмъ самымъ оплодотворяетъ облачную жену. По рассказамъ словенцевъ, папоротникъ, разцвѣтавъ на Иванову ночь, опадаетъ съ мѣсцемъ, которое имѣетъ ту же силу, что и «Перуновъ цвѣтъ»<sup>1)</sup>. Уцѣлѣвшія въ простонародь суевѣрія придаютъ гороху чудесныя свойства: если убить весной змѣю, и разрѣзавъ ей брюхо, положить туда три горошины и потомъ зарыть въ землю, то вырастетъ дорогой цвѣтъ: сорви его, положи въ ротъ—и будешь знать все, что на умѣ у человѣка (сравни съ подобнымъ же преданіемъ о цвѣтѣ папоротника—стр. 383); если гороховой стручокъ о десяти зернахъ положить въ повозку, въ которой женихъ и невѣста собираются ѣхать къ вѣнцу, то лошади не двинутся съ мѣста<sup>2)</sup>; чехи убѣждены, что телега, шатающаяся на стручокъ о девяти или одиннадцати горошинахъ, непременно должна перевернуться. Въ народныхъ образахъ, совершаемыхъ въ честь громовника, носятъ молотъ,

<sup>1)</sup> Иличъ, 167-8.—<sup>2)</sup>Дат. рус. лит., т. IV, отдѣл. 3, 74; Нар. сл. р., 158. Въ одной рукописной тетради, обращавшейся въ народъ, мы нашли указаніе на слѣдующую чару: чтобы остановить свадебный поѣздъ, должно взять стручокъ о девяти зернахъ, и ударяя имъ во крестцу коренной лошади, приговаривать: «вошь тебя, сивой! (или пѣгой, вороной и проч.—смотря по шерсти лошади) девять четвертей гороху, свать да сваха, женихъ да невѣста, да чорту большое мѣсто; а ты стой да постой, съ мѣста не тронь—отымъ и до вѣку, аминь.» После приговора стручокъ тайно кладется подъ сидѣнье молодыхъ.

обвитый гороховою соломой (I, 387); по мѣстнѣ чеховъ, горохъ сѣдуютъ сѣять въ Зеленыи четвергъ — въ день, посвященный Церуну; сажая хлѣбы въ печь, они бросаютъ туда три горошины или стручокъ и вѣрятъ, что это предохраняетъ хлѣбы отъ всякой порчи; въ пятницу на Страстной недѣлѣ они отправляются въ садъ съ мѣшкомъ гороха и удвряютъ имъ плодовые деревья — съ пожеланіемъ, чтобы на нихъ было столько же плодовъ, сколько въ мѣшкѣ зеренъ; наканунѣ Рождества горохъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ принадлежностей семейной трапезы<sup>1)</sup>. У нѣмцевъ это обычная яства въ дни, посвященные Донару; въ Швабін варили горохъ на Иизновскомъ огнѣ и считали его за цѣлебное средство отъ ранъ и ушибовъ<sup>2)</sup>. Цверги любятъ прятаться въ гороховыхъ поляхъ и признаются самыми опасными для нихъ ворами. Есть сага — какъ одинъ крестьянинъ молотилъ горохъ и не могъ понять, куда дѣвается зерно; но вотъ махнулъ онъ цѣпомъ и сбилъ случайно съ карлика его шапку-новидишку: тутъ только увидѣлъ онъ маленькаго вора, который стоялъ съ мѣшкомъ и собиралъ въ него обмолоченный горохъ. Цверги за услуги, имъ оказанныя, дарятъ иногда связку гороховой соломѣ, которая потомъ превращается въ золото<sup>3)</sup>. Метафорическій языкъ, отождествляющій ночь съ темными тучами, сблизилъ блестящія звѣзды съ пламенными молніями и связалъ съ тѣми и другими одиозковыми представленія. Ночное небо, устѣянное частыми звѣздами, народныя загадки уподобляютъ темному покрову, по которому разбросанъ горохъ: «постелю рогожку (=небо), посыплю горошку (=звѣзды), положу крайчикъ хлѣба (=мѣсяцъ)»; «лѣхавъ волохъ (=ночной покровъ; волоха — рубашка, во-

<sup>1)</sup> Громаниъ, 45, 96, 103. — <sup>2)</sup> Der Ursprung der Myth., 248; D. Myth., 583. — <sup>3)</sup> Beiträge zur D. Myth., II, 324. Русская сказка упоминаетъ о гороховомъ стеблѣ, который выросъ да самаго неба — Н. Р. Сл., IV, стр. 34.

лохи — кожа<sup>1)</sup>, резанавъ горохъ; стало святать, ничего збирать; «старій брохъ(?) розсипавъ горохъ, не живъвъ по-збирати та ставъ дня чевати; якъ два дочекавъ, горохъ по-збранъ»; «разсѣянъ горохъ — нивому не собрать: ни попамъ, ни дьякамъ, ни серебренникамъ; одинъ Богъ соберетъ — въ коробеечку складеть»; «торохъ, торохъ! насыпався горохъ»<sup>2)</sup>. Боггары сравниваютъ звѣзды съ просомъ и зерновой пшеницею, а словенцы — съ орѣхами: «слии риза и бройница, пжля съ просо и ченица»<sup>3)</sup>; «полно рѣшето орѣшковъ, а посреди большой орѣхъ (пѣсачъ)»<sup>4)</sup>. По русской примѣтѣ, много ярко-блистающихъ звѣздъ, видимыхъ въ Рождественскую ночь, предвѣщаютъ большой урожай гороху<sup>5)</sup>. Возвращаемся къ нашему герою: Помативгорошекъ является въ звѣнное царство и, подобно Тору, пожирающему быковъ и поглощающему медъ, съѣдаетъ двѣнадцать воловъ, двѣнадцать барановъ и двѣнадцать кабановъ и за одинъ глотокъ опорожняетъ по цѣлому ведру меда. Лю-

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 27; Доп. обл. сл., 25. — <sup>2)</sup> Сементов., 6-7; Номис., 291; Этн. Сб., VI, 59; Послов. Даля, 1060-1. — <sup>3)</sup> Рукоп. сборникъ г. Каравелова. — <sup>4)</sup> Иличъ, 230: „puno rešeto lišnjakah, a u sridi samo jedan ora“. Гриммъ (D. Myth, 691) приводитъ словен. названіе Плеядъ *gostosevzi* (=густо или часто сѣянныя); у литов. цесъ созвѣдіе это называется *žėtas*, у финновъ *veulā* — снго-что указываетъ на древнѣйшее представленіе звѣздъ небеснымъ посѣвомъ. — <sup>5)</sup> Судя по нѣкоторымъ намекамъ, съ звѣздами связывалось и преданіе о мненческомъ Пальчикѣ. Одинъ изъ діоскуровъ (дѣтей Зевса), превращенныхъ въ созвѣдіе Ближнецовъ, назывался *Pollix* = *pollex* — большой палецъ; малая звѣздочка «Медвѣдицы», называемая возникшимъ (I, 610), въ нижней Германіи известна подъ именемъ *dūmeke* (*dūmke*, *duminc*) = *dūmchen*, *dūmlein* (D. Myth., 145, 688). Когда Торъ несъ съ далеваго сѣвера, въ страны великановъ, Оравдильна Отильго (I, 723), послѣдній отморозилъ себя палецъ на ногъ; Торъ оторвалъ этотъ палецъ и захватилъ въ небо, отчего и явилась звѣзда, названная *Orvandilistā* — Оравдильновъ палецъ (Смирновъ, 297). Сравни литовское преданіе, приведенное въ I т., 359.



бопытны черты, указывающія на средство его съ Пальчикомъ: заявляя свою силу, онъ изъ земли разбиваетъ въ мелкія щелы огромную колоду—въ четыре сажени толщины и въ двѣнадцать длинны, а дуновѣніемъ устъ превращаетъ ее въ пепелъ; вмѣстѣ съ змѣемъ онъ ѣстъ желѣзныя хлѣбъ и желѣзные бобы—подобно тому, какъ Пальчикъ поѣдаетъ олово<sup>1)</sup>. Въ переводѣ метафорическихъ выраженій миеа на простые, общедоступныя, это означаетъ, что пламя грозы расплавляетъ и пожигаетъ (горѣтъ—жрать, см. стр. 39) металлическія царства змѣя, который, какъ доменъ иранныхъ тучъ и змий, скрываетъ въ своихъ желѣзныхъ затворахъ небесныя свѣтъ и дождь. Словаки разсказываютъ, что ludvike—карляки, обитающіе въ горныхъ пропастяхъ, питаются яствами, приготовленными изъ чистой мѣди, серебра и золота<sup>2)</sup>. Въ тѣсной связи съ преданіями, приписывающими драконамъ обладаніе металлами, обрисовывается сказкою и самая борьба богатыря съ змѣемъ: змѣйдохнулъ—и тотчасъ явился чугуныи или мѣданыи токъ; дунулъ Покатигорошенъ—и явился серебряныи токъ<sup>3)</sup>. Противники, сражаясь, вколачиваютъ другъ друга въ эти металлическія токи по колѣна и по поясъ; но побѣда остается за Покатигорош-комъ, который биваетъ наконецъ змѣя по самую шею и снеситъ ему голову. Поразивъ змѣя, онъ освобождаетъ сестру, добываетъ живую воду (змѣйную), и окропляя ею трупы своихъ братьевъ, возвращаетъ ихъ къ жизни. Основа сказки—

---

<sup>1)</sup> См. также Эрбена, 49-54.—<sup>2)</sup> Slov. pohad., 321-8 (сказка „о Kovladu“ — владыкѣ металловъ); Westsl. Märch., 10-14. Ludvike ходитъ въ красныхъ штанахъ и зеленыхъ шапочкахъ и носитъ въ рукахъ нажатые сабелы.— <sup>3)</sup> Сравни Н. Р. Сл., V, 54; VII, 9—сказка о трехъ царствахъ, гдѣ анти и ихъ соперники дѣлаютъ токи желѣзной, стальной, серебряной и золотой; Лѣт. рус. лит., кн. V, 8-15: сказка объ Иванѣ Бѣломъ.

самая обыкновенная: демонъ зимнихъ тумановъ и облаковъ похищаетъ красавицу — ясное солнце (потемняетъ ея свѣтлый ликъ); въ одномъ вариантѣ красавица эта названа дочерью царя Свѣтозара — Василисой-золотой косою, непокрытой красой: золотыя косы — метафора солнечныхъ лучей. Освободителемъ златокудрой дѣвы выступаетъ мальчикъ-съ пальчикъ, т. е. молнія, разбивающая тучи; при ударахъ грома и блескъ молній тучи разбиваются живою водою и пропадаютъ съ неба, солнце выходитъ въ прежней своей красѣ, и подѣ влияніемъ его лучей и только что напавшаго землю дождя все въ природѣ возрождается къ новой жизни. Какъ русскій богатырь родится отъ горошины, такъ въ новогреческой сказкѣ Цоцосъ, т. е. маленькій (карликъ), приходитъ воровать у лавина (тоже, что баба-яга—зѣтя-вѣдьма) чудеснаго коня, пьющаго дождевныя тучи, превращается въ горошину и прячется въ навозъ; а въ албанской сказкѣ карликъ, тождественный съ нашимъ мальчкомъ-съ пальчакъ, называется Орѣхомъ, съ которымъ равенъ онъ и по величинѣ<sup>1)</sup>. Напомнимъ, что орѣховое дерево было посвящено громовнику (см. выше стр. 318). Преданіе о битвѣ карлика съ зѣтемъ встрѣчаемъ и въ норвежской сказкѣ<sup>2)</sup>, гдѣ малютка по имени Lil-lekogi (Коротышка) какъ только родился — сейчасъ-же отправился странствовать, и спасая прекрасную королеву, поразилъ трехъ многоглавыхъ троллей.

Карлики представляются въ народномъ эпосѣ искусными норами, и не только въ томъ смыслѣ, что они, подобно великанамъ, скрываютъ въ своихъ облачныхъ пещерахъ золотые лучи солнца и живую воду дождя, но и потому, что къ качествѣ грозевыхъ духовъ они приимаютъ у демоновъ затаенныя или сокровища. Народная фантазія свободно обраба-

<sup>1)</sup> Ганъ, № 99 и II-мъ томъ стр. 181. — <sup>2)</sup> I, 24.

лась съ старинными метафорами, и соотвѣтственно тому или другому примѣненію ихъ — возникали различныя поэтическія картины. Демоны и великаны тучъ, какъ мы видѣли, стоятъ во враждѣ съ богомъ-громовникомъ и карлики-меліями; первый, очищая небо отъ сгущенныхъ облаковъ, отынаетъ у своихъ враговъ золото и безсмертный напитокъ и является въ языческихъ вѣрованіяхъ хитрымъ татемъ и покровителемъ воровства (таковъ богъ Гермесъ); послѣдніе, при помощи своего лукавства, изворотливости и способности проскользнуть во всякую щель, смѣло проникаютъ въ демонскіе вертепы нудосить оттуда красавицъ, несчетныя богатства и разныя диковинки, въ которыхъ древній мнѣ живописалъ силы весенней природы. Отсюда возникло множество сказокъ, гдѣ воровство разсматривается, какъ своего рода доблесть, какъ подвигъ, достойный эпического прославленія. Укажемъ на сказку о семи Семіонахъ <sup>1)</sup>. Содержаніе ея то же, что и выше-приведенной сказки о летучемъ кораблѣ (стр. 702); но тамъ богатырь-громовникъ добываетъ красавицу — при содѣйствіи товарищей исполнинской породы, а здѣсь мѣсто ихъ заступаютъ малыя дѣти, т. е. карлики; какъ тѣ отправляются на подвигъ на летучемъ кораблѣ (= метафора облака), такъ эти — на кораблѣ, который можетъ плавать и поверхъ воды, и подъ водою. Родилось, говоритъ сказка, семеро близнецовъ, и названы всѣ они Семіонами: такимъ именемъ окрестилъ ихъ народъ, увлекаясь игрою словъ: семь и Семѣнъ. Еще они не выросли — еле отъ земли видны, а ужъ на дѣло готовы. Одинъ изъ нихъ славный кузнецъ: онъ куетъ желѣзный столбъ отъ земли до неба и приготавливаетъ братьямъ топоръ и оружіе; другой отличается необыкновенной зоркостью: взглян

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., II, 26 и стр. 370; III, 12; VI, 31; Рус. сказ. Сахарова, стр. 174; Эрбенъ, 39-42; сб. Валявца, 44-47; Westsl. Märch., 140-3; Сказ. Грим., 129; Pentamerone, II, 47.

на желѣзный столбъ, видѣтъ все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается, и этимъ качествомъ напоминаетъ богатыря Остро-зоркаго; третій ударяетъ топоромъ — тѣшъ да липъ, и готовъ чудесный корабль; четвертый управляетъ ходомъ этого корабля; пятый—стрѣлокъ, отъ мѣткихъ выстрѣловъ котораго ничто не уйдетъ, а шестой—такъ бы стрѣлъ, что налету ловить все, что ни подстрѣлять его братъ; наконецъ седьмой — хитрый воръ. Такимъ образомъ братья раздѣляютъ между собой характеристическія свойства грозовыхъ духовъ, каковы: острѣе зрѣніе, быстрый бѣгъ,ковка металловъ, бросаніе стрѣлъ, плаваніе въ кораблѣ-тучѣ и воровство. Когда второй Семіонъ усмотрѣлъ съ желѣзнаго столба за горами, за морями царевну Елену Прекрасную, дѣти пускаются за нею въ путь, а царевна та—красоты неописанной: алый цвѣтъ у нея по лицу разсыпается, бѣлый нухъ по груди разстилается, и тѣло такое иѣжное, прозрачное, что видно — какъ изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается. Воръ-Семіонъ успѣлъ заманить царевну на свой корабль, и когда она любовалась разными драгоценностями—судно поплыло назадъ. Запримѣтивъ обманъ, она обертывается бѣлой лебедью (чѣмъ заявляетъ свое тождество съ лебедиными дѣвами, нимфами весеннихъ дождевыхъ водъ); но стрѣлокъ подшибаетъ ей крыло, а другой братъ подхватываетъ ее и приноситъ на корабль. Отъ погони, посланной за похитителями, корабль скрывается педъ водою и въ короткое время счастливо достигаетъ пристани. Въ нѣмецкой редакціи красавица сидѣтъ на морскихъ скалахъ, увлеченная туда дракономъ, а въ итальянской—ею овладѣлъ великанъ, что и вызываетъ братьевъ, героевъ сказки, на трудный подвигъ освобожденія; когда они похитили царевну, въ погоню за кораблемъ несется по воздуху великанъ въ видѣ чернаго облака, но стрѣлокъ натягиваетъ лукъ и мѣткими стрѣлами выбиваетъ ему гла-

за.—Сказки о хитрыхъ, искусныхъ ворахъ распространены почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и всюду передаются съ поразительнымъ сходствомъ относительно содержания—нѣрный знакъ ихъ весьма давняго происхожденія<sup>1)</sup>; но древнѣйшая основа аъ нихъ до того сглажена, что не будь нѣкоторыхъ вариантовъ—онѣ непремѣнно показались бы издѣліемъ досужей фантазіи позднѣйшей эпохи. Съ дѣйствительнымъ смысломъ преданія знакомитъ насъ любопытный текстъ новогреческой редакціи<sup>2)</sup>, указывающій на тѣ мифическія лица, которыя въ сказкахъ другихъ племенъ, при затемненіи старинныхъ представленій и при значительномъ участіи народнаго юмора, выцѣли до обыкновенныхъ смертныхъ и простаго воринки. Воромъ здѣсь выведенъ добрый молодецъ, подобно Гермесу прославившій себя похищеніемъ стада (небесныхъ коровъ и барашковъ — дождевыхъ облаковъ); ему предстоитъ трудная задача украсть у дракона его крылатого коня (= вихрь), одѣяго съ колокольчиками (= облачный покровъ; звонъ колокольчиковъ — метафора грома) и кольцо (= солнце), а затѣмъ овладѣть и самымъ дракономъ, заключивъ его въ крѣпкой ящикъ; все это добрый молодецъ исполняетъ съ свойственной ему ловкостью. Въ другомъ вариантѣ<sup>3)</sup> король поручаетъ карлика Цоцосъ добыть коня, который пьетъ тучи, и попрыгало, которое претворяетъ свѣтлый день въ темную ночь<sup>4)</sup>. Тѣже подвиги совершаетъ въ русской сказкѣ малолѣтний воръ: онъ уводитъ быковъ, угоняетъ стадо барановъ, похищаетъ ко-

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., V, 6, VI, 6; VII, 37; Рус. сказки, содержащія древн. повѣствов. о славн. богатыряхъ, IV—сказка о вора Ёмкѣ; Slov. pohad., 263-274; Сказ. Грим., 192; Вольфъ, 397-403; Цингерле, 18 29; Шлейхеръ, стр. 13-20; Ск. норв., II, 4.—<sup>2)</sup> Ганъ, 3.—<sup>3)</sup> Ibid., II, стр. 181-2.—<sup>4)</sup> Сравн.: Pentamerone, № 27—о покражѣ у великана коня и попрыгъ.

ня, ларчикъ съ золотомъ, одѣяло или еорочку съ жены воеводы, кольцо съ ея руки и даже увозить ее самоѣ. Искусство его такъ велико, что онъ можетъ утащить изъ-подъ птицы яйцо, и та не замѣтитъ пропажи: въ сущности эта подробность однозначительна съ похищеніемъ кольца, ибо солнце, окутанное тучами, унодблялось древними постами золотому яйцу въ гнѣздѣ мюнхеской Жаръ-птицы <sup>1)</sup>. Мальчикъ-съ пальчикъ прежде, нежели попадаетъ въ брюхо черной коровы, ходитъ съ ворани на промыслъ, уводитъ быковъ и обкрадываетъ царскую казну. Весьма интересна сказка, записанная въ Твролт <sup>2)</sup>. Было умное и смѣлое дитя; разъ, когда оно бѣжало по лѣсу, раздался такой ошанный шумъ, что потряслись всѣ деревня, и велѣдъ затѣмъ показался великанъ — *der wilde mann*, съ огненными волосами и красною бородою, схватилъ ребѣнка и унесъ къ себѣ. Онъ приказалъ ему чистить и убирать свой домъ, но строго запретилъ входить въ одну комнату. Дитя не выдержало соблазна и вошло въ запретную палату: тамъ стояла золотая колесница, запряженная золотымъ козломъ, и въ нее былъ воткнутъ золотой бичъ. Какъ только дитя сѣло въ колесницу—она понеслась съ быстротою вѣтра. Вскорѣ послышался голосъ великана: онъ гнался за бѣглецомъ и отъ его неистовыхъ, грому подобныхъ кликовъ дрожала земля; малютка спрыгнулъ съ золотой колесницы и спрятался въ нору возлѣ глубокаго источника. Прибѣгаетъ великанъ и спрашиваетъ: куда скрылся бѣглецъ? — Онъ, говорятъ ему, спрятался въ воду. Глупый великанъ тотчасъ-же прицѣпилъ себѣ на шею огромный камень, бросился въ источникъ и потонулъ. Значеніе сказки ясно: дитя-молнія или самъ Торъ,

<sup>1)</sup> German. Mythen, 209-210 и т. 1-й настоящаго сочиненія, стр. 530.— <sup>2)</sup> Zeitsch. für D. M., II, 184-6

разъѣжающій по небу на козлахъ и владѣющій золотымъ бичемъ (*donnerreinsche*), является въ страну великановъ добывать свои громадоносные, сокрытые демономъ эмины атрибуты (сравни выше, стр. 688, съ мисомъ о похищеніи Торова молота), и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается весенняя гроза, въ дождевыхъ потокахъ которой погмбаетъ исполнѣнь-туча.

До сихъ поръ мы видѣли грозowychъ карликовъ въ борьбѣ съ демоническими силами темныхъ тучъ; но поэтическая фантазія нерѣдко олицетворяла ихъ въ одномъ цѣльномъ образѣ, представляя тучу огромною бородою ииенческаго малютки. Облака и тучи на древнемъ метафорическомъ языкѣ уподоблялись вѣклокоченнымъ фоловамъ, нахмуреннымъ бровямъ и бородамъ, а небесный сводъ—черену головы (I, 115, 166—171). Индусы въ клубящихся облакахъ видѣли роскошныя, прихотливо-вьющіеся нудры отца вѣтровъ, бога бурныхъ грозъ Рудры, которому потоку и давали эпитетъ ииоговла са го<sup>1)</sup>. Зевсъ, Одинъ и Донаръ были изображаемы съ длинными бородами; Зевсу стоило только кивнуть черными бровями, чтобы потрясся весь Олимпъ (= небо); въ причесіи его греки находили подобіе львиной гривы<sup>2)</sup>. Въ скандинавскихъ сказаніяхъ Торъ представляется краснобородымъ; когда онъ бываетъ раздраженъ, то дуетъ въ свою бороду или тридцать ею, а тѣмъ самымъ производитъ въ облакахъ громы. Еще донынѣ употребительны — клятвы: *«dies walte der rotharige*

<sup>1)</sup> Die Götterwelt, 66; Ж. М. Н. П. 1845, XII, 137.—<sup>2)</sup> Отъ сикр. *kéça* — волоса, грива, рус. коса, космы, произошли: *kéçaga* (*kéçaga*) — животное, имѣющее гриву, левъ, и *Keçava* — прозвание Кришны, т. е. косматый (У вл. христ на сл. яз., 31; Пикте, I, 425). Отсюда объясняются ииенъ, въ которыхъ царь левъ принимается за воплощеніе грозовой тучи,—ииенъ, получившіе особенное развитіе на востоцѣ и въ Греціи и почти забытые у славянъ и въицевъ, такъ какъ животное это не встрѣчается въ заселенныхъ нии странахъ.

Donner!) и пословица: «goter bart—teufelsbart». У славянъ и нѣмцевъ рыжебородые считаются людьми опасными и лукавыми, что намекаетъ на старую боязнь разгнѣваннаго громовника и на присвоеніе ему демоническаго типа. Красная или рыжая борода составляетъ существенный признакъ тѣхъ эпическихъ героевъ, на которыхъ перенесены были преданія о древнемъ богѣ весенней грозы (таковы короли Оттонъ, Фридрихъ, Олафъ), и цвѣтомъ своимъ указываетъ на блескъ молній, озаряющихъ тучи <sup>1)</sup>. Подобно солнечнымъ лучамъ, названнымъ золотыми кудрями богини Солнца (I, 220), сверкающія молніи также сравнивались съ золотыми прядями волось, а грозное зарево, освѣщающее тучу, дало поводъ видѣть въ ней золотую бороду Индры; въ порывахъ гнѣва своего противъ демоновъ, онъ потрясаетъ этой бородою и заставляетъ дрожать небо, землю и крѣпкія горы <sup>2)</sup>. По мнѣнію бѣлоруссовъ, у Перуна была голова съ черными волосами и длинною золотою бородою <sup>3)</sup>; по свидѣтельству же Нестора, деревянный идолъ Перуна, поставленный в. кн. Владиміромъ въ Кіевѣ, имѣлъ на серебряной головѣ золотые усы <sup>4)</sup>. Въ связи съ этими данными становятся понятными и то глубокое уваженіе къ бородѣ, и тѣ клятвы ему, о которыхъ говорятъ старинные памятники <sup>5)</sup>. Присвоя громовнику длинную бороду, народное воображеніе стало рисовать его

<sup>1)</sup> D. Myth., 161-2, 296. 517: Die Götterwelt, 190. — <sup>2)</sup> German. Mythen, 124-5: Die Götterwelt, 65 — <sup>3)</sup> Приб. въ Ж. М. Н. П. 1846, 17. — <sup>4)</sup> П. С. Р. Д., I, 34. — <sup>5)</sup> Русская Правда назначаетъ 12 гривенъ пени за вырванный клочъ бороды — оцѣнка весьма высокая, сравнительно съ другими увѣщаніями Стоглавъ и старообрядцы возражаютъ противъ бритья бороды, какъ противъ искаженія образа божія. Одинъ изъ ростовскихъ князей, когда уличали его въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ, отрицалъ обвиненіе и клялся въ томъ бородою: «чтобъ мнѣ этой бороды у себя не видѣть!» — Вѣст. Евр. 1810, VII, стат. Калайдовича, 235.



старцомъ — Дѣдомъ, и такое представленіе встрѣчается въ преданіяхъ рядомъ съ другимъ, которое изображаетъ его прекраснымъ юношею — добрымъ молодцемъ, надѣляющимъ весь міръ своею плодородіемъ, свѣжестію и волнотою жизни <sup>1)</sup>. По белорусскому повѣрью, Дѣдка, почитаемый хранителемъ золотыхъ кладовъ, имѣетъ красную, огненную бороду <sup>2)</sup>. Тѣмъ же характеристическимъ признакомъ отличаются и великаны, и демоны, какъ олицетворенія грозовыхъ тучъ: у исполинскихъ ракшасовъ красныя космы и бороды <sup>3)</sup>; въ сейчасъ-приведенной тирольской сказкѣ замѣчено объ огненныхъ волосахъ и красной бородѣ великана. Такую-же бороду средневѣковыхъ сагъ приписываютъ предателю Іудѣ <sup>4)</sup>; а у св. Христофора, которому суевѣрный народъ даетъ исполинскій образъ и власть надъ громомъ, непогодою и градомъ, были красныя волосы (I, 724). Нѣмецкая сказка упоминаетъ о чортѣ-драконѣ съ тремя золотыми волосами, за которыми смѣлый герой отправляется въ его мрачное, адское жилище; вырванный изъ головы соннаго демона и принесенный домой, волосъ этотъ оказывается весь изъ чистаго золота и столь великъ, какъ шесть <sup>5)</sup>. Таже сказка, въ норвежской редакціи <sup>6)</sup>, говоритъ о трехъ перьяхъ, вырванныхъ изъ хвоста убитаго дракона, что съ одной стороны указываетъ на представленіе молніи летучимъ перомъ (см. выше, стр. 386), а съ другой — на пернатую одежду, въ которую облакался коварный Локи. Я. Гриммъ сближаетъ означенную сказку съ старинной сагою о Торкиллѣ. Thôgkill (= Торъ) предпринималъ далекое странствованіе въ пустынную пещеру Ugarthilocus'a, по ту сторону великихъ водъ в вывалъ одинъ изъ его огромныхъ, копьѣ-подобныхъ волосъ: это не

<sup>1)</sup> German. Mythen, 232. — <sup>2)</sup> Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 10—11. — <sup>3)</sup> Die Götterwelt, 56. — <sup>4)</sup> Beiträge zur D. Myth., I, 64. —

<sup>5)</sup> Сказ. Гримм., 29; Гальтрихъ, 19. — <sup>6)</sup> I, 5.

болѣе, какъ новая подробность къ описанію того визита, какой былъ сдѣланъ Торомъ царю великановъ—Utgardhaloki <sup>1)</sup>. Любуясь на золотистый извивъ молніи, падающей изъ черной тучи на землю тонкою нитью, древній челонѣкъ выразилъ это явленіе въ поэтическомъ сказаніи о драконѣ, у котораго богъ-громованикъ вырываетъ золотой волосъ; съ каждымъ утраченнымъ волосомъ чудовище болѣе и болѣе теряетъ свою силу. Греческія сказки утверждаютъ, что сила дракона нѣмнѣно заключена въ трехъ золотыхъ его волосахъ <sup>2)</sup>; а русская былина, связывая стародавній мифъ съ библейскимъ преданіемъ о Самсонѣ, устами каликъ переходящихъ говоритъ Ильѣ-Муромцу:

Не ходи драться съ Самсономъ-богатыремъ,

У него въ головѣ семь власовъ ангельскихъ <sup>3)</sup>.

Въ старину думали, что волосы дѣлаютъ колдуна нечувствительнымъ къ боли, и потому прежде, чѣмъ подвергнуть обвиняемаго въ чародѣйствѣ пыткѣ, брили ему голову <sup>4)</sup>. Соответственно уподобленію тучъ всклокоченнымъ, косматымъ волосамъ, возникло поэтическое представленіе, будто небесная гроза ихъ расчесываетъ или подрѣзываетъ (подстригаетъ), а вихри то разносятъ ихъ, то путаютъ и завиваютъ въ кудри. Въ народныхъ пѣсняхъ бездомный скиталецъ говоритъ о себѣ:

Мене змыють дробни дожди,

А разкудриють (вар. разчешуть) буйни витры.

Болгары сѣверный вѣтеръ называютъ стрижко. Слово разчесать (основная форма кас—рыть, рвать, лит. *kasti*—копать, *kassyti*—чесать въ головѣ, чистить скребницей коня, бѣлор. *чесаць* и чеш. *ćesati* — быстро убѣгать <sup>5)</sup>), кромѣ

<sup>1)</sup> D. Myth., 223-4; Beiträge zur D. Myth., I, 137-8.— <sup>2)</sup> Ганъ, I, стр. 187, 217; II, 262.— <sup>3)</sup> Рыбник., I, 35; III, 3-4.— <sup>4)</sup> Истор. москов. славянско-греко-латинск. академіи, Смирнова, 150.— <sup>5)</sup> Ч. О. Я. и Д. 1865, II, 43.

общепринятаго значенія, употребляется еще въ смыслѣ: разбить, разнести, разоить вражія толпы. Отсюда объясняется, почему сказочные герои въ состязаніи съ чортомъ или змѣемъ царапають его желѣзными когтями или желѣзнымъ гребнемъ, которымъ расчесывается пенка (см. выше стр. 754). По нѣмецкому повѣрью, когда великанъ чешетъ свое тѣло, то шумъ отъ его почесыванья разносится на далекія пространства <sup>1)</sup>. Литовцы рассказываютъ о великанѣ Альцисѣ, который былъ такъ высокъ, что въ самыхъ глубокихъ рѣкахъ вода доставала ему только по колѣна; жена его славилась необычайною силою: схватить быка за рога и перебросить его черезъ себя — для нея было легкое дѣло. Она расчесывала своему мужу бороду и волосы на головѣ огромнымъ гребнемъ, зубцы котораго походили на крылья вѣтреной мельницы <sup>2)</sup>. Въ одну изъ русскихъ сказокъ занесенъ любопытный эпизодъ о старикѣ, который сидитъ подъ дубомъ, а длинные волосы его, борода и брови заросли въ землю. Юная героиня подрѣзала ему волосы ножницами; а онъ научилъ ее, какъ добыть живую воду и воскресить къ жизни окаменѣлыхъ богатырей <sup>3)</sup>. Тоже преданіе находимъ и въ ново-греческой сказкѣ <sup>4)</sup>, гдѣ герой подрѣзываетъ заросшіе въ землю брова, рѣсицы и усы дракона. Смыслъ тотъ: чтобы добыть живую воду = дождь, надо подрѣзать (=разбить молніями) косматые тучи. Elbkönig и дверги (какъ духи, являющіеся подъ облачными покровами) обыкновенно представляются маленькими старичками, съ сѣдыми бородами до самыхъ колѣнъ; эльфы, нападая на человека или коня, спутываютъ и сбиваютъ въ колтунъ волосы и гривы (см. выше, стр. 100—3); эльбины славятся своими роскошными русыми косами, которыя онѣ

<sup>1)</sup> D. Myth., 511. — <sup>2)</sup> Черты литов. нар., 77. — <sup>3)</sup> Н. Р. Ск., VI, 69, b. — <sup>4)</sup> Ганъ, I, 269.

любить расчесывать и заплетать, сидя на горѣ или на берегу рѣки и озера <sup>1)</sup>. Наши водяные и русалки любятъ тоже занятіе, и когда расчесываютъ свои волосы, то съ нихъ быстрымъ потокомъ струятся вода. Этотъ прекрасный поэтический образъ не забытъ и нѣмцами, которые представляютъ никса — старикомъ, возсѣдающимъ на скалѣ и выжимающимъ свою мокрую бороду <sup>2)</sup>. Описывая потопъ, Овидій рисуетъ такую картину: влажнокрылый Нотъ полетѣлъ надъ землею, голова его одѣта непроницаемымъ иракомъ, капли воды падаютъ съ сѣдыхъ волосъ, крыльевъ и длинной бороды; толпою окружаютъ его облака, и какъ только онъ подавить ихъ рукою — обильный дождь льется на землю. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на Руси, во время засухи, обмакиваютъ въ воду чесальную щетку и вѣрятъ, что это вызоветъ дождь <sup>3)</sup>. Въ этихъ представленіяхъ кроется основа того эпического приѣма, который заставляетъ сказочныхъ героевъ, спасаясь бѣгствомъ отъ своихъ враговъ, бросать гребенку — и позади нихъ тотчасъ-же появляется полноводная рѣка <sup>4)</sup> или вырастаютъ горы, какъ метафора дождевыхъ тучъ <sup>5)</sup>. Заклятый молодецъ, отдавшійся чорту, — чтобы избавиться отъ демонской власти, долженъ семь лѣтъ не мыться, не сморкаться, не стричься и не чесаться, т. е. богъ — владыка свѣтлаго неба (Фрейръ?) на семь звѣззныхъ мѣсяцевъ подчиняется демону-Звиѣ и во все это время не купается въ дождевой водѣ и обростаетъ густыми и косматыми волосами — туманами и тучами, которыхъ не стригутъ и не чешутъ острозубыя молніи <sup>6)</sup>. Любопытно, что простолюдины называютъ дьявола

<sup>1)</sup> D. Myth., 417. 446; Beiträge zur D. Myth., II, 340 — <sup>2)</sup> Irische elfenmärchen., LXXI. — <sup>3)</sup> Пушкин., 166. — <sup>4)</sup> Пов. и пред., 103-6. — <sup>5)</sup> Н. Р. Сл., VI, стр. 281; Сказ. Грим., I, стр. 462. — <sup>6)</sup> D. Myth., 970; Сказ. Грим., 100, 101 и въ т. III, стр. 181-2; Н. Р. Сл. V, 26

неумытымъ (тоже, что нечистой — демонъ черныхъ тучъ и ночного мрака <sup>1)</sup>).

Въ русскихъ сказкахъ длиннобородый карликъ называется мужичокъ-съ ноготокъ, борода-съ локотокъ, или самъ съ пёрстъ, борода на семь вёрстъ <sup>2)</sup>; имя, свидетельствующее за его тождественность мальчику-съ пальчинъ <sup>3)</sup>. У другихъ славянъ онъ называется: *redenjčlovek-laketbrada* (хорутан.), *педячовѣкъ - лакѣтъ брада* (болг.), *pjdimužjk* (чешск.), т. е. человекъ величиною съ пядь. Пространство между вытянутыми пальцами: большимъ и указательнымъ въ Нидерландахъ обозначается названіемъ *Woedens-spanne*—Одинова пядь <sup>4)</sup>. Литовскіе парестуки—карлики не болѣе ступни, но съ бородою въ сажень <sup>5)</sup>. Слѣживая этого молніеноснаго духа съ блуждающими болотными огоньками, бѣлоруссы утверждаютъ, что въ болотахъ, въ маленькіхъ домикахъ, живутъ одноглазые старички (за-

---

<sup>1)</sup> Обл. Сл., 128.— <sup>2)</sup> Н. Р. Ск. I, 5; V, 27, 37, 54; VIII, 3; Матер. для изуч. нар. слов., 23-24.— <sup>3)</sup> Эдда рассказываетъ о славномъ кораблѣ *Naglfari* (=Nagelschiff; *nagel*—ноготь и гвоздь), который будетъ построенъ изъ ногтей покойниковъ, т. е. карликовъ (такъ какъ души усопшихъ и грозовые карлики—представленія однозначительныя), и въ которомъ, при кончинѣ міра, поплывутъ злые, разрушительные демоны. Это—корабль-туча, созданный руками грозовыхъ карликовъ, скрѣпленный пальцами-молніями, какъ-бы крѣпкими и блестящими гвоздями. На подобномъ-же кораблѣ возносятся души усопшихъ въ небесныя селенія. По вѣмецкому повѣрью, не должно обрѣзывать у мертвецовъ ногти, дабы не ускорить постройки корабля *Naglfari*, и тѣмъ самымъ замедлить кончину міра—D. Myth., 774-5; Die Symbolik von Sonne und Tag, von Hugo Wislicenus, 82; сравни въ I т. Повтик. Вазар., стр. 120, 574.— <sup>4)</sup> Каравел., 166; D. Myth., 145, 419.— <sup>5)</sup> Въ Тысячѣ и одной ночи (XII, 125—143) встрѣчается человекъ въ полтора фута вышины, съ бородою въ тридцать футовъ, съ большими усами и съ желѣзною палкою въ рукѣ, ударъ которой неотразимъ и смертеленъ.

завики) — ростомъ не болѣе ноготка, съ аршкиною бородою и кнутомъ (пугою) въ семь сажени (—плеть-молнія); когда такой карло разхаживаетъ по трясинѣ, глазъ его сверкаетъ какъ огонёкъ <sup>1)</sup>. Мужичокъ съ ноготокъ отличается изумительною быстрою, и надѣвая на ноги башмаки-скоороходы или садясь на коверъ-самолетъ (метафоры быстролетной тучи), можетъ въ одно мгновеніе переноситься въ далекія страны — хоть на край свѣта <sup>2)</sup>. Финны даютъ ему золотой ножъ и топоръ, соответствующіе мечу-кладенцу и Торову мѣлоту. Во время свадьбы Ильмаринена вышелъ изъ моря (—дождеваго источника) крошечный человечекъ, ростомъ съ большой налечь, съ бородою по колѣна, съ волосами до пятокъ, въ каменной шапкѣ на головѣ, и зарѣзалъ золотымъ ножомъ испанскаго быка (—тучу; см. I, 657). Тотъ-же малютка срубилъ своимъ маленькимъ топоромъ громадный дубъ, помрачавшій ясное солнце (см. выше 297 <sup>3)</sup>). Какъ воплощеніе темной грозовой тучи, длиннобородый каравикъ причисляется къ существамъ демоническимъ; злоба, хищность и жадность—его отличительныя черты. Въ областныхъ говорахъ слово нѣкотъ (ноготь) донинѣ употребляется въ значеніи чорта: «нокоть те дер!» <sup>4)</sup> Бѣлорусы (какъ сейчасъ сказано) поселяютъ его въ болотахъ — тамъ же, гдѣ обитаютъ нечистые; а народная сказка заставляетъ сражаться съ нимъ могучихъ богатырей, сокрушителей облачныхъ горъ и змѣйныхъ царствъ <sup>5)</sup>. Содержаніе сказки весь-

<sup>1)</sup> Приб. къ Ж. М. Н. II. 1846. 101-2. — <sup>2)</sup> Пов. и пред., 113-4 — <sup>3)</sup> Собр. 1840, III, ст. Грота, 72. 81; Ж. М. Н. II. 1846, III, ст. Я. Гримма, 166, 173. — <sup>4)</sup> Обл. Сл., 129. — <sup>5)</sup> Н. Р. Сл., VII, 8; VIII, 6; Худяк., 42; Эрленвейцъ, 125-6; Перм. Сб., II, 168—171; Собрание старин. рус. сказокъ (1830 г.)—объ Нвашкѣ Медвѣжьемъ ушкѣ; сб. Валявца, 180—6; Volkslieder der Wenden, II, 169-172; Slov. pohad., 36-60; Шоттъ, 10; Шлейхеръ, 128-140; Сказ. Грим., 91, 166 и въ III т., стр. 162-5; Галатрихъ, 17.

на любовитно; герои, дѣйствующіе въ ней, суть личности мнѣшескія, надѣленные тою-же сверхъестественною силою, какъ и знакомые намъ исполняющіе спутники и помощники Перуна. Это—богатыри Дубыня, Горыня, Усыня и Медвѣдо. Дубыня вырываетъ съ корнемъ столѣтніе дубы и другіа деревья, и потому называется иногда Еленя (отъ слова ель) и Лѣсѣя (отъ слова лѣсъ); онъ ровняетъ лѣса: которыя деревья малы—тѣ вверхъ вытягиваетъ, которыя велики—тѣ въ землю всаживаетъ; ему вполне соответствуетъ богатырь Дугыня, сгибающій вѣковыя деревья въ дугу. У нѣмцевъ богатырь этотъ извѣстенъ подъ именами Baumdreher и Holzkrummscher. Подобно тому, какъ Дубыня испытываетъ свои силы надъ деревьями, такъ Горыня пробуетъ свою мощь надъ горами, ворочая нии и бросая на воздухъ цѣлыя скалы; у нѣмцевъ онъ называется Steinschlepper и Felsenkipper. Мы уже указали, что тучи, застилающія небесный сводъ, уподоблялись многовѣтвистому дереву, горамъ и скаламъ. Сказочные богатыри, вырывающіе деревья и сокрушающіе горы, собственно разбиваютъ тучи; въ нихъ олицетворено явленіе грозы, съ ея потрясающимъ громомъ и молниеносными стрѣлами,—почему въ литовской редакціи Дубыня замѣненъ кузнецомъ, который, наравнѣ съ Торомъ, владеетъ громаднымъ молотомъ: стоитъ ему ударить этимъ молотомъ, какъ тотчасъ-же падаетъ самое крѣпкое дерево. Смыслъ этого древняго мифа въ послѣдствіи, при уtratѣ кореннаго значенія словъ, легко могъ быть подновляемъ сопоставленіемъ его съ разрушительною картиною грозовой бѣри, исторгающей цѣлыя ряды деревьевъ и низвергающей груды утесовъ. Дубыня и Горыня нѣрѣдко называются Веридубъ (условяковъ—Valibuk), Вернигора или Вертодубъ и Вертогоръ <sup>1)</sup>. Въ сборникѣ Боричевскаго <sup>2)</sup> есть рассказъ о женѣ охотни-

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., VI, 57.— <sup>2)</sup> Пов. и пред., 112—6

ка, которая родила въ лѣсу двухъ близнецовъ и тутъ-же померла; одного мальчика вскормила лъвица (или медвѣдица <sup>1)</sup>), а другаго волчиха, и вышли изъ нихъ сильномогучіе богатыри Вырвидубъ и Валигора, побѣдители страшнаго змѣя. Валигора бросилъ на амѣи большую гору и прищемилъ ему хвостъ, а Вырвидубъ размогилъ ему голову коренастымъ дубомъ. Съ тѣмъ-же значеніемъ сокрушителя тучъ является и богатырь Медвѣдко; все это различные прозванія громовника, опредѣляющія тѣ или другіе его признаки. Медвѣдко переставляетъ съ мѣста на мѣсто высокія горы, владѣтъ двѣнадцать- (или девяносто-) пудовой палицей, и сверхъ того съ-разу выплываетъ цѣлое озеро, почему въ одномъ вариантѣ его змѣняютъ богатырь Соска, т. е. сосущій облака, пьющій дождевую воду. Какъ близнецы Вырвидубъ и Валигора вскормлены лѣсными звѣрями, такъ Медвѣдко имѣетъ отцомъ медвѣдя и отчасти удерживаетъ за собою звѣринный типъ: по поясъ онъ—человѣкъ, а ниже пояса—медвѣдь. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ выше объясненной нами сказки о Балдѣ роль этого богатыря-молота играетъ Иванко Медвѣдко; въ нѣмецкой же редакціи <sup>2)</sup> герой, тождественный съ этимъ послѣднимъ, носитъ имя Eisenhans (железный Иванъ); отецъ его былъ кузнецъ и выковалъ себѣ сына изъ семи центнеровъ желѣза, а изъ трехъ центнеровъ приготовилъ для него бичъ, удары котораго наводятъ ужасъ на весь адъ. Такъ какъ рождающійся изъ нѣдръ тучи богатырь-молнія есть представленіе Перуновой палицы, которую ковали духи лѣтнихъ грозъ; то отсюда и самое происхожденіе сказочнаго героя (=бога-громовника) объясняется искусною выдѣлкою его изъ желѣза. Наконецъ тоже внешнее значеніе, какое придано волосамъ и бородѣ, какъ метафорамъ тучъ, было распространено и на усы; имѣетъ съ

---

<sup>1)</sup> Клетие, 228. — <sup>2)</sup> Гальтрихъ, 16.



тѣмъ народная фантазія создала особеннаго богатыря Усыню и надѣлила его такими исполинскими усами, что онъ легко можетъ запрудить ими рѣку; по его длинному усу перешрываются витязи на другой берегъ, какъ по мосту. Тою-же характеристическою особенностью надѣляютъ нѣкоторыя сказки и длиннобородаго карлика: самъ-съ пѣрсть, усы на семь вѣрсть, или: Усыня-самъ съ ноготокъ, борода съ докотокъ, усы по землѣ тащатся, крылья на версту лежатъ; крылья сопровождаютъ почти всѣ олицетворенія облаковъ и тучъ, для обозначенія быстроты ихъ полета. Какъ представитель грозовой тучи, Усыня является то помощникомъ добраго молодца — громовника, выступающаго въ облачныхъ покровахъ на борьбу съ демонами, то самъ получаетъ демоническій типъ великана, готоваго поглотить блещущую молнію. Въ русской сказкѣ онъ выведенъ наряду съ Медвѣдомъ, Дубыней и Горынею, и состязается съ длиннобородымъ карликомъ; а въ сербской приповѣдкѣ <sup>1)</sup> онъ заставляетъ Медвѣдка спастись отъ себя бѣгствомъ. Сербскій Усыня — Брко (брк — усть) имѣлъ такіе огромные усы, что въ одномъ изъ нихъ птицы свили 365 гнѣздъ; удары, наносимые ему тяжеловѣсной палицей Медвѣдка, также для него нечувствительны, какъ удары Торова молога для Скримира. Брко поконился на колѣняхъ дѣвицы, которая искала ему въ головѣ. «Меѣдовикъ (Медвѣдко) рече: «шали својимъ буздованомъ Брка у главу; а Брко прстомъ на оно мѣсто говорехи ѣвојци: ето овѣ ме нешто уједе! А «Меѣдовикъ опетъ буздованомъ на друго мѣсто, а Брко опетъ прстомъ на оно мѣсто: ево овѣ ме опетъ нешто уједе! Кадъ га ударн трећи путъ, Брко се опетъ пише онѣ и срдито повиче: «та зар си слијемалъ ево овѣ ме нешто коље. Онда му ѣвојка каже: не коље тебе ту ишта, него те ево чоекъ бије. Кадъ

<sup>1)</sup> Срп. припов., 1.

«Брко то чује, он се тргне и скочи на ноге; а Меѣдовикъ већ «бацно свој буздован па бјежи преко поља, а Брко се натура «за њимъ.» Медвѣдко прячется отъ него въ торбу одного великана — подобно тому, какъ Торъ ночевалъ въ великановой рукавицѣ.

Медвѣдко и его товарищи заѣмняются иногда тремя братьями: Вечоркой, Полуночкой и Зорькою, названными такъ по времени ихъ рожденія; изъ нихъ самый сильный — послѣдній, рожденный на зорѣ и въ спискѣ, напечатанномъ въ сборникѣ Эрленъейна <sup>1)</sup>, названный Свѣтзоромъ: имя тѣмъ болѣе знаменательное, что восходящее по утру солнце уподоблялось раскрытому глазу; а сверкающая молніями туча олицетворялась въ образѣ богатыря съ необыкновенно-зоркими и всѣпожигающими очами. Такъ какъ темные облачные покровы отождествлялись съ ночнымъ мракомъ, а грозное пламя — съ румянымъ отблескомъ зори, то понятно, почему молніеноснымъ богатыремъ, рождающимся изъ нѣдръ ночеподобныхъ тучъ, присвоены названія: Вечорка, Полуночка и Зорька. Медвѣдко съ Дубыней, Горыней и Усынею или Зорька съ своими братьями отправляются на подвиги; они пристають въ жилищѣ длиннобородаго карлика и каждый по очереди остается готовить обѣдъ, между тѣмъ какъ другіе богатыри уходятъ на охоту. Въ первый день остается дома Вечорка; онъ ловитъ въ хлѣву барана или быка, жаритъ его, и сидя поджидаетъ товарищей. Вдругъ застучало-загремѣло — входитъ старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, глянулъ сердито и закричалъ на Вечорку: «какъ смѣлъ въ моемъ домѣ хозяйничать?» Отвѣчаетъ богатырь: «прежде вырасти, а то тебя отъ земли не видать!» Старичокъ пуще озлобился: «я малъ да удалъ!» сказалъ онъ, схватилъ незваннаго

<sup>1)</sup> Стр. 14.

гостя, избилъ до полусмерти и бросилъ подъ лавку; потомъ съѣлъ цѣлаго бирава (или быка) и исчезъ. Также достается и другимъ богатырямъ; но вотъ доходитъ очередь до Зорьки или Медвѣдка. Этотъ не дался въ обиду карлику, схватилъ его, угостилъ желѣзнымъ прутомъ, притащилъ къ дубу и желѣзнымъ клиномъ забилъ въ это дерево его длинную бороду. Старичокъ рвался-рвался и хотъ оставилъ половину бороды въ деревѣ, а вырвался и убѣжалъ въ глубокой провалъ подъ землю; гдѣ онъ бѣжалъ, тамъ кровь лилась. По тому слѣду добрались богатыри до провала; Зорька или Медвѣдко спускается на тотъ свѣтъ въ подземное царство, упивается тамъ «сильной водою» и освобождаетъ изъ змѣиныхъ дворцовъ красавицъ, унесенныхъ туда вихремъ. Сказка рисуетъ картину весенней грозы: богъ-громовникъ съ своими товарищами сражается съ демоническимъ карликомъ и рветъ (разноситъ) его облачную бороду; преслѣдуемый ими, мужичокъ-съ ноготокъ, борода съ локотекъ уходитъ въ мрачныя подземелья, т. е. скрывается въ тучи, и путь своего бѣгства орошаетъ кровью, т. е. дождемъ. Чтобы добраться до него, надо спуститься въ подземный міръ тучъ и выпить ихъ живую воду; только тогда подвигъ завершается и немецкія красавицы выступаютъ изъ заключенія. Иногда мѣсто бородатаго карлика заступаетъ баба-лѣта (= змѣя-вѣдма); приподымая огромный камень (= метафора тучи), она прѣзжаетъ изъ-подъ земли на желѣзной ступѣ и поражаетъ богатырей желѣзнымъ толкачомъ, но въ свою очередь побѣжденная Медвѣдкомъ скрывается подъ камень. Въ словацкой редакціи оба эти лица сливаются въ одно, а Ježibaba носитъ прозвание: Loktibrada <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Въ сборникъ Škult a Dobš., 329, карликъ Grošokral или siegny mŕavec, величиной съ муравья, является съ тѣмъ-же характеромъ, съ какимъ въ русскихъ сказкахъ выступаетъ Кощей.

Представленные нами выводы о значеніи мифическихъ лицъ, враждующихъ съ бабою ягою или бородатымъ карланкомъ, подтверждаются одною изъ наиболѣе интересныхъ литовскихъ сказокъ, которая отчасти развиваетъ тоже содержаніе, но вмѣсто Медвѣдка, Дубыни, Горыни и бабы-яги выводитъ Перуна, дьявола и лауму. Когда-то задумалъ странствовать молодой плотникъ; на дорогѣ присоединились къ нему Перунъ и дьяволъ, и пошли всѣ вмѣстѣ. Перунъ и дьяволъ добывали припасы, а мужикъ варилъ и жарилъ; жили они, словно кочующіе дикари, пока ни задумалось плотнику построить избу. При помощи своихъ товарищей, которые притащили всѣ нужные матеріалы, онъ построилъ красивую избушку; потомъ сдѣлалъ соху, запрягъ въ нее Перуна и дьявола и вспахалъ поле (см. выше стр. 681), смастерилъ борону и на тѣхъ-же товарищахъ взборонилъ пашню и посеялъ рѣпу. Дѣйствіе сдѣловательно происходитъ во время той сѣдой древности, когда боги нисходили съ неба и учили человѣка обрабатывать землю. И повадился ходить по ночамъ воръ и таскать рѣпу. Надо было караулъ держать. На первую ночь досталось стеречь дьяволу. Вотъ прѣзжаетъ на тележкѣ воръ и начинаетъ собирать рѣпу; дьяволъ бросился было ловить, но воръ такъ избилъ его, что еле живаго оставилъ, а самъ ускоркалъ. Воротившись домой, дьяволъ скрылъ отъ товарищей свою неудачу. На другую ночь пошелъ караулить Перунъ, и съ нимъ тоже случилось; умолчалъ и онъ о своемъ посрамленіи. На третью ночь отправился караулъ держать плотникъ и захватилъ съ собою скрипку; сѣлъ подъ дерево и сталъ наигрывать. Слышится ему—ѣдетъ кто-то по полю, кнутомъ похло-

---

Онъ обладаетъ страшною силою: отъ замаха его плетки все падаетъ мертвымъ. Мать Грошокрали соответствуетъ матери змѣя Вритры; она раздвѣиваетъ пасть свою отъ земли до неба (сравни выше, стр. 334), и пастухъ загоняетъ туда стадо.

пываетъ, а самъ приговариваетъ: «пичъ-пачъ! живѣй желѣзная тележка, проволочный кнутъ!» Мужикъ продолжалъ пилить на скрипкѣ, думая тѣмъ напугать вора; но пору понравилась музыка, онъ остановился и началъ прислушиваться: то была дикая, злая лаума, которая жила въ томъ самомъ лѣсу, гдѣ поселились Перунъ, дьяволъ и плотникъ. Она была такъ сильна, что никто не могъ съ нею сладить. Пѣнясь музыкою, лаума подошла къ мужику и просила, чтобы онъ далъ ей поиграть на скрипкѣ. Мужикъ подалъ скрипку, но сколько она ни прилагала усилій—музыка ей не давалась. Тогда стала она просить плотника, чтобы научилъ ее играть. Мужикъ замѣтилъ, что для этого нужны пальцы такіе-же тонкіе, какъ у него, и потому надо ея пальцы немного сжать. Лаума согласилась. Плотникъ сдѣлалъ трещину въ толстомъ пнѣ, забилъ туда клинъ и велѣлъ лаумѣ всунуть въ эту трещину свои пальцы; какъ скоро она это сдѣлала, онъ вытащилъ клинъ и защемилъ ей пальцы. Потомъ взялъ проволочный кнутъ и больно отстегалъ ее. Когда наконецъ удалось ей вырваться изъ западни, лаума бросилась бѣжать, покинувъ и свою тележку, и свой кнутъ. Наутро плотникъ вдоволь насмѣялся надъ своими товарищами, что они не счумѣли устеречь рѣшмы и позволили прибить себя старой бабѣ. Тогда-то не шутя стали побавляться его и Перунъ и дьяволъ. Вскорѣ задумали они разойтись и порѣшили оставить избушку за тѣмъ, кто ничего не испугается. Двое должны были оставаться въ избѣ, а третій пугаль. Первая очередь наводить страхъ досталась чорту. Онъ поднималъ такой вихрь и шумъ, что Перунъ не выдержалъ и выскочилъ въ окно; плотникъ же спокойно сидѣлъ и читалъ молитвы. Вторая очередь была за Перуномъ; могучій богъ разразился громомъ и молніей, и дьяволъ въ ужасѣ бросился изъ окна. Онъ уже давно не довѣрялъ Перуну и боялся, чтобы тотъ не поразилъ его громовой стрѣлою; дьяволу хорошо было извѣстно, что Перунъ побиваетъ всѣхъ чертей, сколько

ни рыщет ихъ по бѣлу свѣту. Это мѣсто литовской сказки прямо указываетъ, что подъ дьяволомъ скрывается здѣсь древній великанъ. Когда очередь пугать дошла до плотника, онъ сѣлъ на тележку, покинутую лаумой, взявъ въ руки ея кнутъ, поѣхалъ къ избушкѣ и заплѣлъ: «пичъ-пачъ! живѣй желѣзная тележка, проволочный кнутъ!» Перунъ и дьяволъ до того трусили, что совсѣмъ убѣжали, оставивъ плотника полнымъ хозяиномъ избушки <sup>1)</sup>. Сказка эта свидѣтельствуетъ за средство злой лаумы съ нашей ягой; она такая-же старая и хищная баба и также проживаетъ въ лѣсу; ея страшный кнутъ и сама-собою движущаяся желѣзная тележка вполнѣ соответствуютъ толкачу и ступѣ бабы-яги (см. I, 291). Лицо плотника значительно пополнило отъ времени; но если мы припомнимъ, что музыка была метафорой воя бури и свиста вѣтровъ, что приносимыя вихрями облака уподоблялись стѣнамъ и замкамъ, а великаны назывались ихъ строителями, то едва ли позволительно будетъ усомниться, что за этимъ плотникомъ скрывается древнее божество грозовой бури.

Облекаясь въ туманные, облачные покровы, эльфы и карлы дѣлаются незримыми. Это породило басню о мальчикѣ (или мужичкѣ)-невидимкѣ, который служитъ сказочнымъ героямъ и помогаетъ имъ во всѣхъ многотрудныхъ похожденияхъ. Въ числѣ разныхъ подвиговъ, возлагаемыхъ на добраго шлодца, задается ему еще слѣдующій — въ формѣ загадки: «пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.» По этому приказу онъ идетъ на край свѣта въ темныя пещеры и достаетъ тамъ слугу-невидимку, готового исполнять всевозможныя желанія своего господина: онъ носитъ его по воздуху съ быстротою вихря, строитъ ему богатый дворецъ, кормитъ его вкусными яствами, поитъ славными винами и медомъ, поражаетъ несчетныя непріятельскія рати, и напоми-

<sup>1)</sup> Шлейхеръ, 141—5.

наетъ собою слугъ волшебной палицы и волшебнаго кольца<sup>1)</sup>; словомъ изъ немъ сочетаются все тѣ чудесныя свойства, какія соединяетъ народный эносъ съ ковромъ-самолѣтомъ, скатертью-самобранкою, топороиъ-саморубомъ и мечемъ-самосѣкомъ.

Съ утратой живаго эническаго пониманія, великаны в карлики низшли изъ народныхъ сказаній до обыкновенныхъ смертныхъ породъ, которыя будто-бы населяли некогда землю или будутъ населять ее впоследствии, при концѣ міра. Простолупны вѣрятъ, что дѣйствительно было время, когда жили на землѣ исполины, обладавшіе страшными силами. «Теперь, говорятъ они, земля заклята; не то, что было прежде! Теперь и дерево не такъ растетъ, а камень и вовсе лишень живани; а прежде и рожъ росла такою-же вѣтвистою, какъ лоза. Въ старые годы люди были больно велики, настоящій лѣсъ, и сильны-то ужъ сильны, и такія тягости подымали, что ужась возьмешь сказать объ втомъ. А потомъ годъ отъ году людъ становился все менѣе и слабѣе силами, а доживишь до того, что все люди сдѣлаются крохотными и будутъ семеро одну соломенку подымать» (тамбов. губ.). Прежде люди назывались волотами, а придетъ пора, когда станутъ называться пыжиками, которые на столько-же будутъ меньше насъ, насколько мы меньше волотовъ<sup>2)</sup>. Въ Малороссіи разсказываютъ объ этомъ такъ: «колись булі люди зиснишъ не такъ, якъ тепереньки; булі, кажуть, и великіи и гонкіи, такъ що одна нога намъ по плече досягала, а въ нашихъ хатахъ теперенько би имъ и жить не по миру». Но съ теченіемъ времени люди все мельчаютъ и когда-нибудь сравняются съ мурашками: тогда-то и будетъ конецъ свѣту!<sup>3)</sup>

<sup>1)</sup> Н. Р. Ск., VII, 4; VIII, 3; Худия., 85; Лѣнство отъ задучности и безсонницы (сказка о Суворѣ-невидимкѣ-мужичкѣ).—<sup>2)</sup> Прилѣчан. на Исторію Деклера, соч. Волгина, I, 113.—<sup>3)</sup> Кулишъ, I, 172-3; Чернигов. Г. В. 1855, 16; Nar. zpiewanky, I, 415: „ludzie przed tim byli silni, wielcy, nie tacy iako teraz pikulikowie.“

## ОГЛАВЛЕНИЕ.

**XV. Огонь:** Перунъ, какъ богъ земнаго огня—стр. 1, Раднѣость—2, происхожденіе огня—5, слѣды древняго поклоненія огню—8, огонь-податель плодородія—12, цѣлебная и очистительная сила огня—13, живой огонь—18, пламя очага, какъ родовое божество (пенать)—23, слѣды поклоненія очагу—29, очагъ—устроитель брачныхъ союзовъ и охранитель семейнаго счастья—33, очагъ въ значеніи жертвенника—39, родоначальники, какъ служители боговъ—51, вѣщія мужи и жены—58, огонь—богъ-гостепріимецъ—62, домовые духи—67, связь поклоненія очагу съ поклоненіемъ душамъ усопшихъ предковъ—74, суевѣрный обрядъ при постройкѣ новаго дома—83, домовый—хозяинъ дома—87, и оберегатель границъ—Чуръ—89, родовая вражда домовыхъ—94, связь домовыхъ духовъ съ эльфами—97, маги и нимфомы—100, иѣла домовыхъ шкуры—104, жертвы домовому—105, средства усмирить домового—107, обряды при закладкѣ дома—108, углы и пороги—111, обряды при переходѣ на новоселье—115.

**XVI. Вода:** тучи—небесные колодцы, облачное небо—океанъ—120, купающееся солнце—123, островъ Буянъ—райская страна—131, вырей—137, алатырь-камень—142, представленіе тучъ рыбами—151, земля основана на китахъ—162, громовникъ, какъ владыка водъ—166, происхожденіе земныхъ водъ—167, додола—172, плодородиющая, цѣлебная, очистительная и вѣщая сила воды—179, гаданія водою—192, судъ божій огнемъ и водою—194, боги, духи и нимфы водъ—201, свидѣтельства о поклоненіи водамъ у славянъ—206, Морской Царь и его дочери—211, лебединыя дѣвы—217, повѣстическія сказанія о рѣкахъ—220, дѣдушка-водяной—234, жертвы водяному—245, снѣженіе образовъ человека и рыбы—246.

**Приложеніе къ главамъ XV и XVI:** жертвоприношенія у славянъ—249, хуиры, жертвенники и храмы—264, судебные поединки—270.



XVII. Древо жизни и лѣсные духи: дождевая туча—древо жизни—277, ясень—279, золотые, серебряные и жѣзные лѣсы и источники—283, славянскія преданія о мировомъ деревѣ—292, Перуновъ дубъ—294, осина—305, золотыя, мошавыя яблоки—308, орѣхъ—318, поклоненіе лѣсамъ и деревьямъ—320, лѣшіе—352, связь лѣсныхъ духовъ съ великанами и карликами—330, громъ—хохотъ—338, слѣдъ лѣснаго—340, лисунки и диволены—343.

XVIII. Облачныя скалы и Перуновъ дѣвѣ: тучи—горы, скалы, камни, пещеры—350, толкучія горы—351, облачное небо—подземное царство—355, поклоненіе горамъ, скаламъ и камнямъ—356, влады—золото солнечныхъ лучей и молній, сокрытое въ пещерахъ тучъ—361, папоротникъ и золотой или огненный цвѣтокъ-молнія—375, воробьиная ночь—377, перелетъ-травы—385, молнія—пруть, ятла—388, и перо—394, разрывъ-травы—397, молнія—ключъ—399, ключъ-валюсъ—408, и ключъ-цвѣтокъ—409, плакунъ-травы—413, чертомолахъ, одолень и прострѣль-травы—415, сонъ-травы—419, сонное царство—422, омела—431, подѣлуй—ударъ молніи—435, тучи—города и крѣпости—436, зачатые герои, спящіе въ горахъ, и срокъ ихъ освобожденія—440

XIX. Преданія о сотвореніи міра и человѣка—458 и 469; родословное древо—478, параллель между человѣкомъ и деревомъ—489, превращенія въ деревья и цвѣты—493.

XX. Змѣй—олицетвореніе молніи—509, и тучи—511; пламя и ядъ, изрыгаемые змѣею—блескъ молніи; змѣиная кровь—дождь—518; змѣй, какъ богатырь и великанъ—522; конь его и крылья—вихри, свистъ—вой бури—525, стрѣлы и палица—молнія—526; Змѣй Горынычъ—528, змѣиные царства—530, змѣй, какъ похититель небесныхъ свѣтилъ—532, и хранитель драгоценныхъ владѣвъ—536, связь огненнаго змѣи съ домовыми пенами—539, змѣиный канѣй или вѣнецъ—541, зимній сонъ и весеннее пробужденіе цари-змѣи—545, змѣиная назъ (сало)—дождь—549, змѣй—оберегатель живой воды и творецъ дождевыхъ потоковъ—551, Индра-змѣрь—553; змѣй—виновникъ бездождія и засухи—556, онъ сосетъ молоко—дождь—558; цѣлебная сила змѣи—563, змѣиная трава—молнія—566, мудрость и предвѣдѣніе змѣи—571; змѣй-похититель и любовникъ красавицы—575, его демоническій характеръ—581, освобожденіе похищенныхъ змѣею дѣвъ—585, змѣй—пожиратель коровъ и дѣвъ—587, Кощей—594, сорока—605, насильная любовная связь

звѣя съ сказочной царевной—607, извѣна обольщенной звѣздой—612, дѣвы—616, превращеніе бога-громовника въ звѣзду—621, заклятая царевна—624, бѣлыя жены и дѣвы—627, кора, охватывающая сказочную царевну въ зимніе мѣсяцы—631, обожаніе звѣзды—633.

XXI. Великаны и карлики: мифы о происхожденіи и гибели великановъ—636, Свѣгуркз—639, Троянъ—641, всемірный потопъ—644, великаны, какъ воплощеніе стихійныхъ силъ природы: грозовыхъ тучъ, вихрей, вьюгъ и дождевыхъ ливней—651, великаны-обитатели горныхъ пещеръ и рушители скалъ—655, великанскія постройки и связь великановъ съ демонами злыми—659, Свѣтогоръ-богатырь—668, превращеніе великановъ въ камни—674, мать-Земля даетъ великанамъ силу—677, тяга земная—679, великаны—обладатели несмѣтныхъ сокровищъ—684, похитители дождеваго напитка и молниеноснаго молота, и вражда ихъ съ богомъ-громовникомъ—686, прозорливость великановъ—695, сродство бога-громовника съ великанами—701, великаны, какъ спутники и товарищи Перуна—702; молнія—дѣла облака, карлики—717, происхожденіе карликовъ, молнія—черви—718, эльфы и дверги—720; карлики, какъ духи воздушные и водяные; ихъ связь съ домовыми геніями—727, люди—733, молнія—палецъ—735, мальчикъ—съ пальчикъ—738, связь эльфовъ съ насѣкомыми—739, состязаніе громовника (молотки-молніи) съ великанами-тучами—740, Бада—746, Показигорошекъ, молнія и звѣзды—разсыпанный горохъ—757, карлики—воры—763, тучи—борода, молнія—золотые волосы—768, мужичокъ—съ ноготокъ, борода—съ локотокъ—774, Дубыня, Горыня и Усыня—776, мальчикъ—невидимка—783.

# О П Е Ч А Т К И.

| Стр. | Устрока.  | Напечатано: | Читай:              |
|------|-----------|-------------|---------------------|
| 4    | 14        | сверху      | отъ                 |
| 41   | 10        | —           | выходъ              |
| 43   | 15        | —           | общеніе             |
| 45   | 2         | —           | жертвоприношеній    |
| 56   | 11        | снизу       | хозяйства           |
| 61   | 16        | сверху      | условливался        |
| 69   | 6         | снизу       | нужно:              |
| 71   | 2         | сверху      | своему              |
| —    | 3         | —           | ными                |
| 97   | 3         | —           | по                  |
| 140  | 2         | —           | островъ,            |
| 149  | 12        | —           | „electrum           |
| —    | 9, снизу. | Заговоръ    | „Заговоръ:          |
| —    | 8         | —           | „на моръ            |
| 160  | 4         | —           | проснулась          |
| 177  | 10        | сверху      | сироту,             |
| 203  | 3         | снизу       | wassermann,         |
| 213  | 17        | —           | Водяника            |
| —    | 9         | —           | Окіянь              |
| 278  | 16        | —           | называють           |
| 288  | 15        | сверху      | молокомъ,           |
| 320  | 12        | —           | силъ                |
| —    | 14        | —           | зеленью             |
| 400  | 4         | —           | на земл             |
| 408  | 3         | —           | Гавріиль-архангелъ. |
| 444  | 6         | —           | Оттона,             |
| 484  | 5         | снизу       | покой               |
| 520  | 14        | сверху      | чуткое,             |
| 561  | 13        | —           | постепенно          |
| 570  | 5         | снизу       | богомъ,             |
| 574  | 18        | сверху      | слышитъ онъ         |
| 608  | 9         | —           | сжегъ а             |
| 625  | 4         | снизу       | Нов и пред.         |
| 646  | 15        | сверху      | покинули            |
| 655  | 8         | снизу       | страхъ              |
| 662  | 6         | —           | имя,                |
| 665  | 1         | сверху      | намяренія           |
| 670  | 1         | —           | какъ                |
| 703  | 8         | снизу       | жаренныхъ           |
| 716  | 10        | —           | Sneewittchen        |
| 720  | 14        | —           | молян               |
| 729  | 11        | сверху      | здѣсь,              |
| 733  | 2         | снизу       | kabatkem,           |
| 737  | 9         | —           | обояніе             |
| 761  | 14        | —           | сито,               |